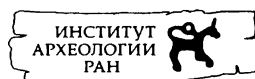

Российская академия наук
Институт археологии

Т Р У Д Ы
II (XVIII)
ВСЕРОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
СЪЕЗДА
в Суздале

Том I

Ответственные редакторы
Академик *А.П. Деревянко*
Член-корреспондент РАН *Н.А. Макаров*

Москва 2008

УДК 902/904
ББК 63.3
Т78

Организация II (XVIII) Всероссийского археологического съезда и издание трудов осуществлены при финансовой поддержке Президиума РАН, Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, проект № 08-01-14001 г.) и Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ, проект № 08-06-06098 г.).

Редакционная коллегия

Х.А. Амирханов, Л.А. Беляев, П.Г. Гайдуков, А.Н. Гей, В.И. Гуляев, А.П. Деревянко (ответственный редактор), Е.Г. Дэвлет, В.И. Завьялов, С.Д. Захаров, Л.В. Кольцов, Д.С. Коробов, Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке, С.В. Кузьминых, Н.В. Лопатин (редактор-составитель), Н.А. Макаров (ответственный редактор), М.Б. Медникова, М.Г. Мошкова, А.М. Обломский, В.Е. Родинкова, А.Ю. Скаков, А.В. Чернецов, С.З. Чернов, А.В. Энговатова

Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. – М.: ИА РАН, 2008. – 472 с.: ил.

*Посвящается 100-летию
со дня рождения академиков
А.П. Окладникова,
Б.Б. Пиотровского,
Б.А. Рыбакова*

**Организаторы II (XVIII) Всероссийского археологического съезда
(Суздаль, 20–25 октября 2008 г.)**

Институт археологии РАН, Москва

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Оргкомитет II (XVIII) Всероссийского археологического съезда

Сопредседатели Оргкомитета – академик А.П. Деревянко,

чл.-корр. РАН Н.А. Макаров.

Заместитель председателя Оргкомитета – чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков.

Секретарь Оргкомитета – д.и.н. Е.Г. Дэвлет.

Члены Оргкомитета – академик В.И. Молодин, академик В.Л. Янин,

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко,

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов,

чл.-корр. РАН М.Б. Пиотровский, чл.-корр. РАН Е.Н. Черных,

чл.-корр. АН Татарстана Ф.Ш. Хузин, д.и.н. Л.А. Беляев, д.и.н. В.В. Бобров,

д.и.н. М.С. Гаджиев, д.и.н. Н.И. Дроздов, д.и.н. В.Л. Егоров, д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин,

д.и.н. С.И. Кочуркина, д.и.н. Н.Н. Крадин, д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. Д.Г. Савинов,

д.и.н. А.В. Седов, д.и.н. А.Ф. Шорин, д.и.н. М.В. Шуньков, к.и.н. О.И. Богуславский,

к.и.н. С.И. Валиулина, к.и.н. Н.В. Лопатин, к.и.н. В.Е. Родинкова.

СТРУКТУРА ИЗДАНИЯ «ТРУДОВ II (XVIII) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА»

Том I

Пленарные доклады

Секционные доклады

1. **Культурно-исторические процессы в палеолите и мезолите Евразии:
расселение человека, культурогенез, материальная культура и природная среда**
2. **Новейшие открытия и исследования памятников палеолита и мезолита**
3. **Неолит Евразии: анализ источников, хронология, периодизация, культурная география**
4. **Эпоха ранней и средней бронзы Евразии**
5. **Эпоха поздней бронзы Евразии**

Том II

Секционные доклады

6. Скифо-сарматская эпоха: кочевники и их окружение
7. Античные памятники Причерноморья и Средней Азии
8. Ранний железный век лесной зоны Евразии
9. Раннее средневековье Евразии: культурно-исторические процессы
10. Средневековая археология: урбанизация, расселение, материальная культура
11. Археология Московского государства и Российской империи

Том III

Секционные доклады

12. Проблемы изучения первобытного искусства
13. Охранная археология в современной России
14. Вопросы теории археологии
15. Историография отечественной археологии
16. Современные методы полевой и кабинетной археологии
17. Археология в современной культурной среде
18. Мультидисциплинарные и палеоэкологические исследования в археологии

АРХЕОЛОГИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ РОССИИ

Второй (восемнадцатый) Всероссийский археологический съезд продолжает традицию проведения общенациональных археологических форумов, возрожденную в 2006 г. по инициативе Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Двойное обозначение его порядкового номера (Второй – Восемнадцатый) – это и отражение сложной истории археологических съездов, и признание их преемственности с археологическими форумами, проводившимися в дореволюционной России, и осознание того, что современные съезды организуются в новых условиях. Они вызваны к жизни не столько стремлением восстановить корпоративные традиции, сложившиеся в эпоху становления отечественной археологической науки, сколько реальной современной потребностью российского археологического цеха к более тесному общению. Съезд посвящен памяти трех корифеев советской археологии, сыгравших выдающуюся роль в ее развитии во второй половине XX в. – академиков Б.А. Рыбакова, А.П. Окладникова и Б.Б. Пиотровского, столетие которых отмечается в 2008 г. Доклады, представленные для издания участниками съезда, открывают широкую панораму археологических исследований, ведущихся сегодня в России, во всем разнообразии их проблематики, методических подходов и материалов. Цель публикации – с возможно большей полнотой охватить древности и культуры различных хронологических периодов и географических областей России и одновременно показать, что дает сегодня археология для более глубокого понимания фундаментальных проблем культурной истории.

Археология в России, как и во всем мире, быстро меняется, расширяя сферу своих исследовательских интересов, развивая новые методы изучения древних памятников, в том числе междисциплинарные подходы, стремясь к большей достоверности и подробности исторических реконструкций. Постепенное накопление новых археологических материалов многое изменило в нашем видении древних и средневековых обществ во всех аспектах их исторической жизни – от экологических условий их суще-

ствования, жизнеобеспечения и производств до проблем ментальности и повседневной культуры. Среди впечатляющих результатов новейших полевых работ, которые еще предстоит осмыслить, – открытие раннепалеолитических памятников на Северном Кавказе, исследование многослойных стратифицированных памятников средне- и верхнепалеолитического времени на Алтае, новые раскопки «замерзших могил» пазырыкской культуры на территории Монголии, раскопки «царских» курганов сарматского времени в Южном Приуралье и погребальных комплексов гуннской знати на территории Бурятии и Монголии, изучение древнейших укреплений Новгородского (Рюрикова) городища, открытие трагических свидетельств монгольского разгрома Ярославля в 1238 г., исследование средневековых усадеб с деревянными постройками и берестяными грамотами на Подоле Московского Кремля. Предметом интенсивного изучения стали новые категории материальных памятников прошлого, значение которых ранее недооценивалось: средневековые сельские поселения, культурные напластования раннего нового времени в исторических городах, древние и средневековые производственные комплексы и пахотные горизонты. Включение в арсенал археологии новых технических средств и исследовательских методов, позволяющих более точно фиксировать древние памятники, тесное сотрудничество с естественными науками обеспечили значительный прогресс в познании прошлого и сохранении свидетельств о нем, обогатили науку данными о тех сторонах исторической и доисторической жизни, которые ранее были недоступны для изучения.

Наконец, самое видимое явление, характеризующее современное состояние археологии в России, – стремительный рост полевых исследований, обусловленный, главным образом, подъемом строительства и новыми инвестиционными проектами. Показатель этого роста – увеличение в два с половиной раза количества Открытых листов на производство археологических разведок и раскопок, выданных в 2007 г., по сравнению с 1994 г. Расширяются охранные раскопки в исторических городах, став-

шие сегодня основным источником новых знаний об урбанизации Средневековой Руси и Московского царства. Проекты создания Зарамагского водохранилища в Северной Осетии и Богучанского водохранилища на Ангаре вновь после долгого перерыва сделали актуальным обследование новостроечными экспедициями «зон затоплений» и проведение широких спасательных раскопок в труднодоступных районах Северного Кавказа и Сибири. Острые проблемы, связанные с организацией охранных исследований на этих объектах, находят разрешение с большим трудом. Между тем, масштабы новых строительных и гидротехнических проектов ставят под вопрос возможность сохранения не единичных памятников, а больших массивов археологических древностей, утрата которых была бы неприемлемой ценой за экономические успехи. Охранные раскопки обеспечивают накопление огромного археологического материала, потенциал которого трудно переоценить. Но археология сегодня далеко не всегда готова распорядиться этими материалами так, чтобы они действительно стали источником для новых исследований и оказались востребованы наукой и обществом.

Более 700 заявок на участие в съезде, поступивших в Оргкомитет, – свидетельство роста археологии как науки и сферы практической деятельности, высокой активности археологов, работающих в разных регионах нашей страны, заинтересованности их в общении и обсуждении результатов новейших проектов.

И все же современная Россия знает свое далекое прошлое значительно хуже, чем Россия советская, теряет понимание ценности древних культур и внутренних связей различных пластов нашей истории. Этот очевидный факт не может не тревожить профессионального археолога, где бы он ни работал – в академическом институте, в музее или в научно-производственном центре, проводящем охранные раскопки. Несмотря на значительные масштабы работ по обеспечению сохранности археологического наследия представление об археологических древностях как о реальном культурном фундаменте нашей национальной истории в российском обществе в значительной мере утрачено. В современном информационном поле, перегруженном избыточной информацией о текущей жизни, древностям не находится места, а значительный круг людей, интересующихся прошлым, оказывается лишен возможности

приобщения к археологическому наследию. В этой ситуации сохранение археологических памятников все чаще воспринимается не как общественно значимое дело, а как внутрицеховые интересы узкой группы специалистов. Перед археологами в России стоит сложная задача – заново сформировать в общественном сознании интерес и уважение к национальным древностям, социальный заказ на их высокопрофессиональное изучение.

Юбилей трех выдающихся ученых – создателей крупнейших археологических школ второй половины XX века – естественный повод для того, чтобы вспомнить достижения советской археологии, ее установку на решение фундаментальных исторических проблем и ее опыт организации археологической деятельности в масштабах огромного государства. Успехи советского времени были во многом обусловлены последовательным строительством инфраструктуры археологической науки, включавшей научно-исследовательские институты, кафедры археологии в вузах, археологические подразделения в музеях и научно-производственные центры при областных учреждениях культуры. Эта продуманная структура обеспечивала проведение фундаментальных исследований, осуществление охранных раскопок и учет археологических памятников, подготовку археологических кадров, хранение и экспонирование археологических коллекций. Она строилась с осознанием того, что новые научные и производственные задачи требуют создания специализированных археологических подразделений, что потребности в расширении охранных раскопок неизбежно влекут за собой постановку новых задач по увеличению как числа квалифицированных кадров, так и объемов музейного хранения, что эффективность охранных раскопок во многом измеряется востребованностью собранных материалов в дальнейших обобщающих исследованиях. Б.А. Рыбаков, А.П. Окладников и Б.Б. Пиотровский, ученые столь различные по своим научным интересам и подходам к изучению древностей, оставили яркий след в археологии в том числе и как широко мыслящие строители археологических учреждений, увлеченные большими научно-организационными задачами. Многие в этом опыте может быть полезным и сегодня.

Академик А.П. Деревянко

Член-корреспондент РАН Н.А. Макаров

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

---

*А.П. Бужилова,
М.В. Добровольская, М.Б. Медникова*
Институт археологии РАН

Антропологические исследования в контексте современной российской археологии

Начиная с XIX века отечественные палеоантропологические работы находятся в русле магистральных археологических исследований. Это обстоятельство было отмечено еще академиком АН СССР В.П. Алексеевым в аналитической статье «Антропология СССР: некоторые итоги и перспективы исследований» (1987), где он подчеркнул их традиционную составляющую – изучение вопросов происхождения древнего населения нашей страны.

Вместе с тем, с именем этого выдающегося ученого связаны значительные методологические и методические новации в оценке перспектив палеоантропологического источника. Традиционно антропологический материал выступает в качестве основного при обсуждении вопросов миграции и ассимиляции древнего населения, однако на протяжении последних 20–30 лет получило признание еще одно направление – экологическое. В конце 70-х об экологии и правомерности применения ее методов в различных областях знаний дискутировали во многих научных аудиториях. Сегодня мы убедились, что экологический подход оказался достаточно универсальным для того, чтобы успешно использоваться во многих науках. Он открыл широкие возможности для развития отдельных направлений, в частности, в гуманитарных исследованиях.

Примечательно, что стройная концепция взаимодействия антропологии и археологии в палеоэкологических реконструкциях была предложена В.П. Алексеевым в 1987–1991 гг., когда он стоял во главе Института археологии АН СССР. В 1990 году Валерий Павлович выступил инициатором создания группы физической антропологии ИА РАН. Основной задачей этого коллектива стала разработка палеоэкологического направления.

Обращаясь к методическим решениям этого вопроса, необходимо подчеркнуть, что успешность оценки последствий социальной и средовой адаптации человека возможна при комплексном анализе источников. Помимо исследования особенностей морфологического статуса, реконструкции диеты и патологий (болезней) по ископаемым останкам человека, необходимы знания о климате, геологическом и геохимическом состоянии среды обитания, о растительном и животном мире, в котором обитала та или иная древняя группа, культурном и хозяйственном атрибутах популяции. В результате подобной организации исследования анализ комплекса данных, полученных методами антропологии, археологии, палеоботаники, археозоологии, геологии и других наук, позволяет реконструировать образ жизни, особенности среды обитания и специфичность поведения человека в конкретных ландшафтных и климатических условиях. В силу того, что антропология владеет естественными методами исследования, оставаясь при этом фундаментальным историческим источником, палеоэкологическое направление в этой области получило определение биоархеологической реконструкции (Историческая экология ...).

Первая подобная реконструкция была проведена по антропологическим материалам обдорских хантов под руководством академика РАН Т.И. Алексеевой. Экологический подход стал возможен благодаря огромному фактическому материалу, накопленному отечественными антропологами при изучении современных популяций. В исследовании обдорских хантов использовался комплексный подход с учетом данных краниологии, остеометрии, по

уровню минерального и микроэлементного состава костной ткани, археологии и этнографии. Результаты палеоэкологической реконструкции привели исследователей к обоснованному выводу об автохтонности населения, позволили определить тип диеты и циклические интервалы неблагоприятных голодных периодов, приводящих к задержке ростовых процессов и, возможно, определивших морфоконституциональные особенности этого населения (Алексеева и др., 1988).

В современных палеоэкологических исследованиях широко практикуются результаты, полученные демографическими методами. Очевидно, полное заимствование демографических подходов при изучении древних популяций невозможно из-за специфичности объекта. Существуют оговоренные допущения, что при корректной интерпретации не умаляет ценности получаемых результатов. Именно такой подход практикуется сотрудниками группы физической антропологии.

Палеодемографические приемы с обязательным учетом археологического контекста позволяют определять половозрастную структуру населения, продолжительность жизни в группе, вероятность смерти в определенном возрастном интервале, средний размер семьи, различные показатели репродуктивности. В отдельных случаях, опираясь на данные палеодемографии и археологии, оказывается возможным установить социальный статус, выявить хозяйственную стратегию группы. Например, в некоторых случаях отмечается зависимость величины продолжительности жизни от социального статуса (Бужилова, 1993; Козловская, 2000); по демографическим параметрам реконструируется стратегия выживания пришлого древнерусского населения в условиях Русского Севера (Алексеева и др., 1993; Макаров др., 2001), определяется социальный статус (военная специализация) группы (Малышев, Медникова, 1995), реконструируется социальная структура и круг родственных связей у владов Мистихали (Алексеева и др., 2003).

Отдельным источником в биоархеологических реконструкциях представляется использование результатов палеопатологического обследования останков. В палеоэкологических исследованиях данные о болезнях древнего человека служат контрольной информацией при оценке других источников.

Разработанные оригинальные методические подходы к анализу скелетных останков нашли отражение в многочисленных публикациях сотрудников группы физической антропологии. Контакт антропологической науки с археологией и развитие высокотехнологичных методов исследования позволили обратиться к решению не только вопросов

происхождения разных групп населения, но и к воссозданию картины социальной дифференциации обществ, оценки степени благополучия в ту или иную эпоху (см., например, Медникова, 2001; Бужилова, 2005; Добровольская, 2005).

Новаторские исследования дают основание поднимать вопрос о хронологии процессов адаптации человека в связи со сменой среды обитания и жизненного уклада. Удалось показать, что в период среднего палеолита несмотря на то, что уровень маркеров физиологического стресса минимален и приближается к случайному распределению значений, уже по разным системам признаков у неандертальцев наблюдаются последствия сложного процесса адаптации к холодным условиям среды. В качестве одного из приспособлений к особенностям климата следует рассматривать специфику питания – преимущественной белковой диеты. Адаптация к определенным условиям среды сказывается и в преобладании у неандертальцев короткого жизненного цикла, характеризующегося ранним созреванием и ранним старением организма. Это население демонстрирует невысокий уровень фертильности (плодовитости), что на фоне малой продолжительности жизни также следует рассматривать как приспособление к сложным средовым факторам (*Homo sungirensis*; Бужилова и др., 2004; Бужилова, 2005).

Сравнительный анализ неандертальцев и ранних представителей сапиенсов показал большую приспособленность последних к условиям среды, причем следует учитывать суровость климатических условий верхнего палеолита, особенно на его финальных этапах.

Следует отметить, что уровень физических нагрузок, который испытывал древний охотник и собиратель, в эту эпоху был не меньшим, чем мы определяем для популяций среднего палеолита. По данным антропологии отмечены специфические комплексы маркеров механического стресса, которые разделяют группы на возрастные и гендерные категории. Последнее указывает на социальную и профессиональную дифференциацию в верхнепалеолитическом обществе, что следует рассматривать как последствия социальной адаптации к условиям среды.

Эпоха верхнего палеолита стала в определенном смысле переломной для человечества. Именно в это время появляется «долгожительский вариант» жизненного цикла, когда организм, относительно дольше созревая, дольше стареет. Тем самым продолжительность жизни в среднем увеличивается. Обращает на себя внимание максимальное снижение детской смертности в верхнем палеолите, что имеет положительную математическую зависимость с оче-

видным увеличением продолжительности жизни на поздних этапах этой эпохи (Бужилова и др., 2004).

Процесс социализации человека усложнял его взаимоотношения со средой. Уже среди групп первых земледельцев и скотоводов мы отмечаем обратный эффект антропогенного воздействия, который выразился в модификации демографических параметров, появлении нового круга заболеваний (зоонозов), связанных с одомашниванием животных, увеличением числа зубных патологий и всеобщей грацилизацией из-за появления специализированной (углеводной) диеты (Бужилова, 2005; Добровольская, 2005). При хронологическом анализе различных зоонозных инфекций мы приходим к выводу, что к началу эпохи бронзы в районе Средиземноморья распространяются зоонозные формы туберкулеза, что, по-видимому, косвенно указывает на развитие там молочного животноводства. На этом хронологическом этапе увеличивается частота встречаемости маркеров анемии – признаков паразитарных инфекций, что связывается исследователями с высокой скученностью оседлого населения.

Эпоха ранней бронзы характеризуется снижением средней продолжительности жизни и уровня репродуктивности. Эти показатели увеличиваются, достигнув максимальных значений, только к периоду средней бронзы. Отмеченная тенденция одинаково справедлива для популяций Западной и Восточной Европы (Бужилова, 2005). Для периода ранней бронзы отмечается завышение показателей физиологического стресса у детей. Кроме того, у детей широко распространяются специфические и неспецифические инфекции. Следует обратить внимание, что начало бронзового века – это эпоха широкого появления первых детских хронических инфекций по сравнению с предыдущими периодами, что рассматривается нами как очевидный показатель устойчивой оседлости.

Как и в более ранние эпохи, но уже отчетливой к периоду средней бронзы, намечается тенденция неравномерности распространения патологических маркеров в синхронных группах. Более того, на примере некоторых серий юго-восточной Европы наблюдаются различия в распределении маркеров стресса внутри одной культуры, что можно соотнести с последствиями специализации хозяйственной деятельности населения (Бужилова, 2005; Добровольская, 2005). Последнее указывает на закономерное появление к этому периоду последствий социального стресса как ведущих факторов адаптации.

Результаты палеодемографического исследования позволяют предположить, что в эпоху железа средняя продолжительность жизни человека определяется преимущественно социальными факто-

рами, складывающимися из особенностей образа жизни популяции. Для этого периода регистрируется большая неравномерность распределения маркеров стресса в синхронных и географически близких группах по сравнению с предыдущими периодами. Так, при сравнительном анализе популяций одного этноса и археологической культуры намечаются отчетливые различия в палеопатологическом профиле. Такая тенденция может наблюдаться даже внутри популяции при сравнении различных социальных прослоек (Медникова, Бужилова, 1996). И все же очевидное превалирование социальных факторов среды в формировании специфического палеопатологического и демографического профиля регистрируется на более поздних этапах – в эпоху средневековья.

В этот период показатели стресса демонстрируют широкий интервал изменчивости у групп, обитающих в сходных климатических и географических условиях. Наблюдается очевидная неравномерность воздействия того или иного спектра негативных факторов и специфики среды. Наиболее явные различия отмечаются у городских жителей. Возможно, комплексное влияние факторов урбанизации способствовало разбалансировке обменных процессов и приводило к увеличению уровня хронических заболеваний у горожан. Этот процесс имеет тенденцию к увеличению показателей стресса с течением времени, видимо, из-за прессинга факторов урбанизации.

В заключение важно отметить, что методические новации в антропологическом исследовании ориентированы на использование данных первичной археологической документации, в частности, особенностей погребального обряда, тафономии скелетных останков и многих других сведений, ранее не привлекавших внимание антропологов.

В результате этих разработок в сферу антропологического изучения стали вовлекаться и материалы плохой сохранности, ранее считавшиеся малоинформативными или полностью непригодными. Следует особо подчеркнуть, что в современной антропологии представленная методологическая основа дает объективные результаты не только на массовом материале (именно массовый материал был непрерывным условием палеоантропологического исследования), но и на индивидуальном.

Алексеев В.П., 1987. Антропология СССР: некоторые итоги и перспективы исследований // Советская этнография, № 5.

Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В., 2003. Влахи: Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.

- Алексеева Т.И., Козловская М.В., Федосова В.Н. 1988. Опыт экологической реконструкции (на примере хантов) // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири / Под ред. В.П. Алексеева. Новосибирск.
- Алексеева Т.И., Макаров Н.А., Балуева Т.С., Сегеда С.П., Федосова В.Н., Козловская М.В., 1993. Ранние этапы освоения Русского Севера: история, антропология, экология // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.
- Бужилова А.П., 1993. Вятичи московские: комплексный антропологический анализ // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.
- Бужилова А.П., 2005. *Homo sapiens*. История болезни. М.
- Бужилова А.П., Козловская М.В., Медникова М.Б., Богатенков Д.В., 2004. Историческая экология человека: этапы биологической адаптации. Ч. 1. Каменный век в Европе // Антропология на пороге нового тысячелетия: Материалы конференции. М.
- Добровольская М.В., 2005. Человек и его пища. М.
- Историческая экология человека: Методика биологических исследований. / Под ред. А.П. Бужиловой, М.В. Козловской, М.Б. Медниковой. М., 1998.
- Козловская М.В., 2000. Об образе жизни среднедонского населения скифского времени // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: Палеоэкология, антропология и археология. М.
- Малышев А.А., Медникова М.Б., 1995. Население Цемесской долины в римское время по данным археологии и палеодемографии // РА. №4.
- Медникова М.Б., 2001. Трепанации у древних народов Евразии. М.
- Медникова М.Б., Бужилова А.П., 1996. Социальные особенности джетысарского общества по данным антропологии // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты: История, археология, культурная антропология и этнография. М.
- Homo sungirensis*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования / Под ред. Т.И. Алексеевой, Н.О. Бадера, А.П. Бужиловой, М.В. Козловской и М.Б. Медниковой. М., 2000.

А.П. Деревянко, В.Н. Зенин

Институт археологии и этнографии СО РАН

Древнейшие индустрии юго-восточного Дагестана*

1. Исследования палеолита в юго-восточной части Северного Кавказа (Дагестан) за последние пять лет существенно расширили круг палеолитических местонахождений. За последние пять лет обнаружено более 30 палеолитических местонахождений открытого типа. Более половины из них представляют локальные группировки преимущественно с поверхностным залеганием кремневых изделий. Другую часть представляют местонахождения с залеганием палеолитических индустрий в четких стратифицированных условиях. Три из них (Тинит, Рубас-1 и Дарвагчай-1) исследуются стационарно. Хронологический диапазон индустрий охватывает фактически весь неоплейстоцен. Исследования проводятся в рамках Программ фундаментальных исследований Президиума РАН экспедициями ИА РАН, ИЭА РАН и ИАЭТ СО РАН.

2. Большинство древнейших комплексов приурочено к прибрежно-морским осадкам бакинской террасы раннего неоплейстоцена. Возраст террасы определяется биостратиграфическими данными (фауна каспийских моллюсков, остракоды).

3. В разрезе стоянки Дарвагчай-1 представлено три пачки отложений. Пачка 1 (слой 1) – тонкослой-

чатый алеврит и тонкозернистый песок, сформированные в ачкагыльское (?) время. Пачка 2 (слой 2–9) образована в субаэральных условиях морского побережья и на глубинах до 10–15 м. Представлена отложениями бакинского времени. Пачка 3 (слой 10–13), вероятно, сформирована в постбакинское время в субаэральных условиях.

4. В пачке 2 (слой 5–8) выявлены микролитические индустрии раннего палеолита. До 2008 года общее число каменных изделий составило 4738 экз. Индустрии основаны на использовании кремневого сырья (гальки, желваки, плитки), коренные выходы которого расположены в 7 км выше по течению реки. Прочие породы (песчаник, кварц) составляют около 1%. Средний размер фракций сырья составляет около 5 см. Близость к источникам сырья позволяла обитателям стоянки отбирать пригодные для расщепления и изготовления орудий обломочные материалы желаемых размеров.

5. По морфометрическим параметрам индустрии Дарвагчай-1 являются микролитическими. Так, средние размеры орудий не превышают 30 мм. Отщелпы и орудия на сколах крупнее 50 мм единичны. В группу изделий размером более 50 мм входят,

в основном, гальки со сколами, нуклеусы и орудия из целых галек. Микролитизм изделий присущ всем культурным комплексам средней пачки отложений стоянки. Возможно, это указывает на существование единой индустриальной традиции.

6. Древнейшие на стоянке палеолитические материалы выявлены в слое 5 (не исключается их перетолжение из слоя 4) – 28 экз. В их числе: гальки со сколами, обломки, фрагменты сколов, отщепы, осколок с ретушью, скребок, шиповидное орудие. Следующий этап представляют индустрии слоя 6 (береговой вал) и слоя 7 (прослой образованные при разрушении берегового вала) – 2314 экз., включая 390 орудий. Заключительный этап обитания людей на исследуемом участке фиксируется в слое 8 (конгломерат) – 2396 экз., включая 766 орудий. Высокий процент орудий позволяет рассматривать индустрии как остатки разновременных поселенческих комплексов. Каков реальный хронологический разрыв между ними, сказать сложно. По археологическим критериям прослеживаются изменения по численности и составу индустрий от нижних культуросодержащих слоев к верхним. Однако каких-либо существенных различий между ними не установлено – индустрии сохраняют микролитический облик и демонстрируют практически неизменный набор основных категорий орудий.

7. Первичное расщепление характеризуется колотыми гальками, малочисленными нуклеусами, преобладанием аморфных и угловатых обломков над сколами. Скалывание отщепов производилось в основном с двусторонних нуклеусов с естественными или гладкими площадками. Фасетированные площадки не установлены. Преобладают массивные сколы, полностью или частично сохраняющие галечную корку, однонаправленные, укороченных пропорций. Присутствуют отщепы с перекрестной, бипродольной огранкой спинки и сколы с гладкой лицевой поверхностью. Единичны долечные сколы. Чешуйки относительно редки.

Во вторичной отделке преобладает краевая, грубая, однорядная, зубчатая, крутая и вертикальная ретушь. Широко применялась оббивка, подтеска, ретушь встречная и альтернативная, мелкая краевая ретушь. Использовались техника резцового скола и приемы получения клетонских анкошей. Случаи использования двусторонней ретуши единичны.

В качестве заготовок для орудий чаще использовались различные обломки, фрагменты плиток и осколки. В численном выражении им уступают орудия на сколах и галечных материалах. Среди выделенных категорий орудий преобладают скребло-видные (скребки, скребла) и остроконечные (шиповидные, клювовидные, острия) инструменты. Сле-

дующую позицию занимают выемчатые и зубчатые орудия. Крупные изделия из галек и желваков единичны и создают лишь определенный контраст на фоне технико-морфологического облика индустрии в целом. Особенностью индустрии является многообразие и неустойчивость типологических форм внутри выделенных категорий орудий.

8. Судя по биостратиграфическим оценкам относительного возраста культуросодержащих отложений, индустрия Дарвагчая является одной из древнейших на Кавказе и, возможно, предшествует появлению здесь классических ашельских индустрий. Технологические особенности микроиндустрии (техника дробления, перекрестное, однонаправленное и бипродольное расщепление, отсутствие радиального приема расщепления и каких либо признаков леваллуазского метода и фасетирования площадок) в совокупности обособляют ее от классических ашельских индустрий. При оформлении орудий почти не использовалась двусторонняя ретушь и оббивка. Отсутствует стандартизация, как в выборе заданных форм заготовок, так и в морфологии орудий. Обращает внимание малочисленность чопперовидных изделий. Все это скорее указывает на обособленность индустрии, ее специфику в сравнении с галечными и ашельскими комплексами.

9. Наиболее ранние свидетельства техники оформления бифасов (рубил) в Прикаспии отмечены для слоя 8 (конгломерат) и в аналогичных отложениях местонахождения Дарвагчай-залив 2. Все три орудия галечные, симметричные, с необработанным основанием. Стратиграфически более поздние, с более совершенной отделкой, рубила известны из местонахождений Дюбекчай, Дарвагчай-карьер, Чумус-иниц и Рубас-1 (верхний комплекс). Эти образцы рубил явно ашельские. Их периодизационный статус в границах ашеля пока неясен.

10. Близкая Дарвагчаю микроиндустрия исследуется в основании 20-метрового разреза стоянки Рубас-1 (нижний комплекс). В разрезе Рубаса-1 раннепалеолитические артефакты выявлены в гравийно-галечниковых прослоях и линзах (слой 2; мощность до 0,25 м) с разнозернистым песком и алевритом в заполнителе. Данные осадки с размывом залегают на морских ачкагыльских (?) тонкослойчатых глинах, алевритах и тонкозернистых песках (слой 1; мощность > 3 м). Культурный горизонт непосредственно перекрыт тонкослойчатыми глинистыми песками, обогащенными растительным детритом. С площади 50 м² получены 58 кремневых предметов с признаками антропогенного воздействия: нуклеовидные обломки, отщепы, чешуйки, орудия на сколах и обломках (скребло, скребки, шиповидные, клювовид-

ные, выемчатые орудия, отщепы и обломки с ретушью). Большинство артефактов относятся к ряду микроизделий. По предварительным данным спорово-пыльцевого анализа, культуросодержащие отложения Дарвагчай-1 и Рубаса-1 формировались в условиях открытых, большей частью безлесных и довольно сухих ландшафтах.

11. Обнаружение столь древних следов пребывания палеолитического населения в Предкавказье является убедительным свидетельством существо-

вания вдоль западного побережья Каспийского моря одного из древнейших миграционных маршрутов гоминид из Африки в Евразию. Дальнейшие полевые и лабораторные исследования уникальных местонахождений в Дагестане Дарвагчай-1 и Рубас-1 дадут новые материалы для решения целого ряда фундаментальных проблем.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ № 08-01-00321а

Г.Ю. Ивакин

Институт археологии НАН Украины, Киев

О.М. Иоаннисян

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

О новых раскопках Десятинной церкви (2005–2007 гг.)*

Десятинная церковь – наиболее известный памятник в истории древнерусского зодчества и в то же время один из самых дискуссионных. С нее началась каменная архитектура Руси, так же как и древнерусская городская археология.

Церковь Богородицы Десятинную заложили сразу после принятия христианства на Руси, а в 996 г. ее торжественно освятили. До создания Софийского собора она являлась главным храмом Руси. Ее строительство являлось делом общегосударственной важности, а храм играл ключевую роль в церковной и культурной жизни страны вплоть до в 1240 г. Церковь в это время не была полностью разрушена. На ее месте, используя древние стены, существовал небольшой храм Николы Десятинного, получивший название, вероятно, по хранившейся там иконе. В 1630-40-х годах Петр Могила осуществил ремонт, устроив в юго-западном углу древнего храма небольшую церковь Рождества Богородицы, простоявшую до 1828 г., когда по проекту В.П. Стасова возвели новую церковь, занявшую лишь часть площади древнего храма, но значительно уничтожившую остатки сохранявшихся стен. Церковь X в. была посвящена Богородице, а не какому-то из отдельных ее праздников (Рождества или Успения). Об этом определенно говорит сам князь Владимир: «...призри на церковь сию, юже создахъ, недостойный раб твой, в имя рожьшая тя Матере приснодевья Богородица». Такое посвящение было широко распространено в Византии.

В 1824 г. по инициативе митрополита Евгения К.А. Лохвицкий начал первые раскопки храма, но

их методика и качество фиксации были настолько несовершенными, что побудили направить архитектора Н.Е. Ефимова, который в 1826 г. провел новые раскопки и составил подробный план памятника. В 1908–1911 гг. не попавшие под здание XIX в. части древнего храма вновь раскопал Д.В. Милеев. Остальную часть постройки X в. раскрыл М.К. Каргер в 1938–1939 гг. после разборки здания 1842 г. Эти раскопки показали, что кладка стены сохранилась лишь на участке юго-западного угла храма, а фундаменты – преимущественно на трассах южной и западной галерей. От остальных фундаментов сохранились лишь рвы и следы деревянных субструкций.

Выполненные в 1938–1939 гг. тщательные обмеры М.К. Каргер привязал к планам Д.В. Милеева и создал свой сводный план-реконструкцию фундаментов Десятинной церкви, ставший хрестоматийным. Именно он лег в основу всех известных ныне реконструкций храма X в. Но необходимо подчеркнуть, что этот план М. Каргера не является обмерным и в нем присутствуют существенные элементы реконструкции. Кроме М.К. Каргера, к проблеме историко-архитектурной интерпретации Десятинной церкви и определению ее места в истории древнерусской архитектуры обращались многие исследователи. Эти работы хорошо известны в историографии и нет необходимости на них останавливаться.

Несмотря на пристальное внимание исследователей, Десятинная церковь до сих пор представляет собой наиболее загадочный памятник древнерус-

ского зодчества, проблемы историко-архитектурной интерпретации которого решаются различными авторами совершенно по-разному, а нередко и со взаимоисключающих позиций. Во многом это определялось не только сложностью плана здания, но и степенью его сохранности, а также несчастливой судьбой документации и материалов исследований. По разным причинам они оказались разбросанными по архивам и фондам Киева, Санкт-Петербурга, Москвы, Великого Новгорода. Часть из них все еще не введена в научный оборот, многое нуждается в надежной атрибуции.

Среди комплекса проблем, связанных с Десятиной церковью, прежде всего выделяются вопросы о синхронности возведения всех частей здания, о реконструкции плановой и объемно-пространственной структуры, а также о происхождении зодчих и строителей, создавших храм.

В 2005 г. Институт археологии НАН Украины совместно с Государственным Эрмитажем начал новые археологические исследования памятника (рис. 1), которые уже сейчас дали интересные результаты, заставляющие по-новому взглянуть на памятник и пересмотреть некоторые сложившиеся и прочно устоявшиеся представления о нем.

Раскопками 2005 г. раскрыли большую часть (1100 кв. м) церкви X в. – фундаменты западной и южной галерей, а также все участки сохранившихся внутренних ленточных фундаментов. В центральном ядре храма не сохранилось ни одного участка каменной кладки фундаментов, а пространство материка между фундаментными рвами оказалось зачищено М.К. Каргером до их подошвы. Но следы и отпечатки деревянных субструкций фундаментов сохранились и дают возможность читать план здания. Выполнена при помощи электронного тахеометра тщательная фиксация всех остатков – каждого камня, плинфы, шва, трещины. Взято для анализов до трех сотен проб строительных материалов. Все участки, различающиеся по камню, раствору, типу плинфы нанесены на обмерные чертежи (рис. 2). Уже начало работ показало наличие не затронутых предыдущими раскопками участков. Это в комплексе с новыми находками архивных материалов существенно скорректировало план ведения новых раскопок и дало возможность более глубокого их понимания. Новые исследования представляют собой комплексное сочетание полевых, натуральных, лабораторных и архивных исследований, проводящихся параллельно и корректирующих данные друг друга.

Стратиграфический разрез вдоль южного фасада, бровки центрального ядра храма, к северу и востоку от него выявили новые следы языческого

курганного могильника X в., существовавшего до постройки храма.

Сохранившиеся фундаменты Десятиной церкви делятся на две группы. Первая – это фундамент западной галереи, отличающийся использованием серого песчаника. К другой группе относится фундамент южной галереи, где преобладает красный кварцит. Фундамент юго-западного угла на 0,8 м глубже фундамента у северо-западного угла из-за падения материка.

Зафиксированы следы ремонтов и перестроек X–XII вв. Во рву древнейшего городища выявлены блоки X в. Обнаружены блоки с плинфой, близкой кладке Софийского собора (1030-е годы), что говорит о ремонте или перестройке в 30-х годах XI в. Возможно, это связано с возведением второго яруса галерей.

Еще более красноречиво о большом ремонте говорит кладка юго-западного угла, который был переложено практически до основания. М.К. Каргер принял эти ремонтные кладки за остатки церкви Петра Могилы и датировал их XVII в. Исследования показывают, что ремонт произошел в первой трети XII в., скорее всего, после одного из многочисленных землетрясений. В кладке находится плинфа, наиболее близкой аналогией которой является плинфа Михайловского Златоверхого собора. Повторно использовались архитектурные детали из резного камня и плинфа X в. Перекладка выполнена без изменения плановой структуры здания по старой трассе фундаментов.

Этой же реконструкцией можно объяснить и различия северо-западного и юго-западного углов здания. Первый изначально имел крестообразно расположенные угловые пилястры, западная из которых выступает на 1,05 м, а северная – на 1,75 м, играя роль своеобразного контрфорса. На юго-западном углу фундамент образует фигурный выступ, который отвечает форме угловой пилястры без закрепления, что характерно для форм XII в.

Интересные данные дал раскоп 1, заложенный в южной апсиде для уточнения ее плана. Неожиданным оказалась сравнительно хорошая сохранность подошвы ее фундаментов. Технология устройства фундаментов апсид реконструируется следующим образом. Первоначально вырыли сплошной прямоугольный котлован под всю площадь апсид на глубину около 2,0 м от древней поверхности. В нем еще на 20 см углубили фундаменты полукружий апсид. Затем дно котлована покрыли двухъярусной сеткой деревянных лежней (продольных в нижнем ярусе, поперечных в верхнем). Лежни закрепили деревянными кольями. Поверх субструкций возвели фундаментные кладки полукружий апсид из колотого

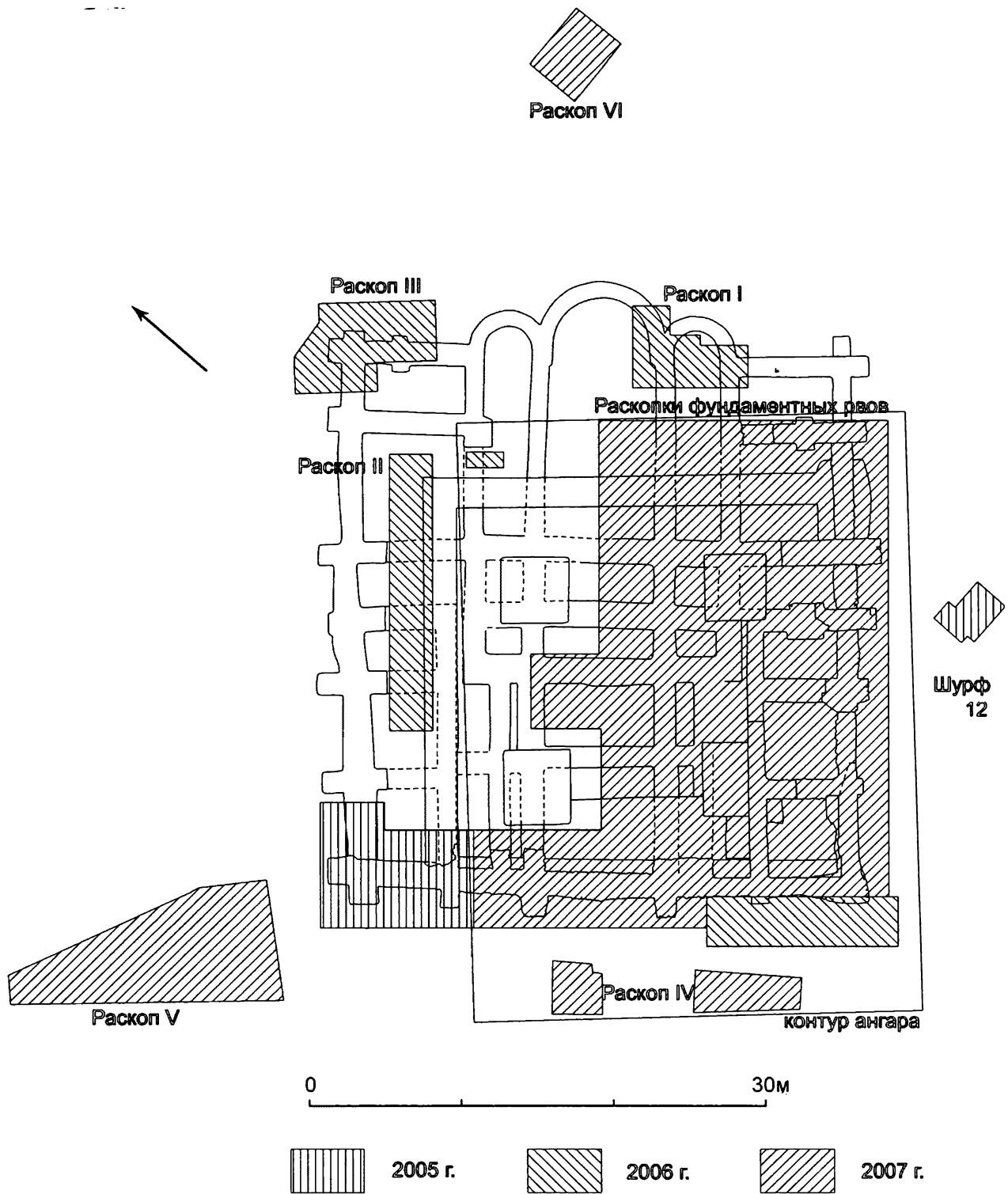

Рис. 1. Схема размещения раскопов 2005–2007 гг.

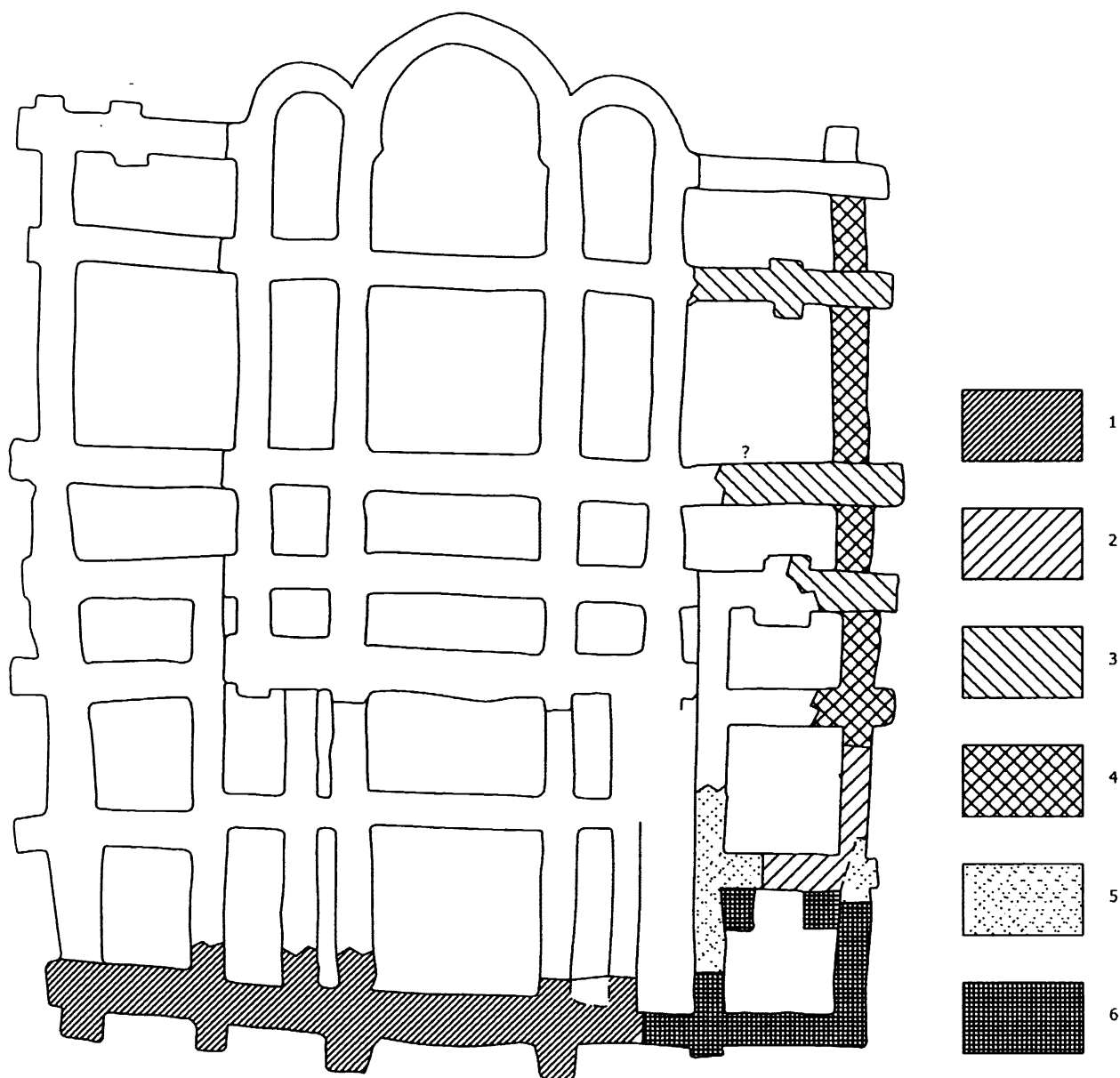

Рис. 2. Сохранившаяся кладка фундаментов Десятинной церкви и основные группы строительных материалов.
 1 – кладка из песчаника на прочном белом и кремовом растворе; 2 – кладка из кварцита на бежевом растворе с крупной цемянкой и шлаками; 3, 4 – кладка из кварцита на бежевом и розовом растворе с крупной цемянкой и шлаками; 5 – кладка из песчаника на бежевом и розовом растворе с крупной цемянкой и шлаками; 6 – кладка XII в. из разного камня на интенсивно розовом растворе с мелкими фракциями цемянки

кварцита на известково-цемяночном растворе. На остальном пространстве котлована, как внутри, так и вне апсид, была устроена сплошная заливка таким же раствором, а затем произведена мощная подсыпка землей до уровня пола храма.

Под южной апсидой фундамент заложен глубже, чем в центральной, на 0,2 м, а апсидное пространство заполнено массивной забутовкой кварцитом. Это связано с тем, что при заложении котлована строители столкнулись с большим объектом X в., дно которого располагалось на 0,5 м глубже запла-

нированного дна котлована храма. При раскопках 1908 г. этот объект получил название «дома варяга» (погребение № 109 по М.К. Каргеру). В 2006 г. в тлене сруба найдена половинка дирхема начала X в. с граффити в виде креста. Вероятно, в X в. здесь находилось большое богатое, возможно княжеское, языческое погребение, уничтоженное строительством храма.

Несколько штрихов, которые дают последние раскопки. Перед западным фасадом выявлены остатки двух пристроек XII–XIII вв., которые отсутству-

ют на плане М.К. Каргера. Шурфом вскрыт северо-западный угол Южного двора. Сохранился фрагмент его фундамента; сложенного из рыжевато-песчаника и красного кварцита на цемяночном растворе, а также следы колышков деревянных субструкций. Фундаментный ров дворца заглублен в материк на 1,25 м, что уточняет информацию Д.В. Милеева. Идентичность характера фундамента и строительных материалов основного ядра церкви и дворца говорят о практически одновременном строительстве этих зданий. Однако этапность их возведения остается дискуссионной. Необычный массив кладки из глины-сырца на глиняном растворе обнаружен в раскопе VI к востоку от центральной апсиды Десятинной церкви. Кладка лежит плашмя торцевой стороной кирпичей вверх. В ней хорошо читаются параллельные ряды кирпича (наибольшая длина 25–28 см при толщине 5–6 см), а также дуги двух расположенных рядом глухих арок. Во рву древнейшего городища зафиксированы сложные деревянно-земляные конструкции, которые идут на большую глубину и до конца еще не раскопаны. По материалу они датируются не ранее середины X в. За рвом обнаружена небольшая братская могила 1240 г.

Тщательное изучение фундаментов и наблюдения над уровнем и характером заложения деревянных субструкций позволило выявить последовательность устройства отдельных участков фундаментов (рис. 3), показало, что и основной объем храма, и западные его компартименты, и галереи были поэтапно возведены в рамках одного строительного процесса конца X в.

Сначала устроили фундаменты центрального объема без нартекса. Строительство галерей началось с устройства поперечных фундаментных лент, идущих от фундаментов боковых стен основного объема в направлении стен северной и южной галерей, внешние стены которых были заложены уже на следующем этапе. Такая необычная последовательность устройства фундаментов, возможно, свидетельствует о том, что строительство галерей началось в то время, когда стены и опорные конструкции в основном объеме уже возводились, и их потребовалось укрепить арками или аркбутанами, под которые и были устроены поперечные ленты фундаментов. И только после этого были устроены продольные фундаменты под перемычки внешних стен северной и южной галерей, замкнувшие периметр здания в габаритах основного объема с нартексом. Затем боковые галереи были продолжены в западном направлении, и лишь на завершающем этапе была замкнута западная линия галерей, сформировавшая окончательные габариты здания в целом.

Очень важные выводы дал возможность сделать характер фундаментного рва, идущего по линии восточных столбов. Еще исследования Д. Милеева показали, что строители церкви выкопали этот ров, но фундамент в него заложен так и не был. Это говорит об изменении замысла зодчих уже в ходе устройства фундаментов. Отсутствие этого фундамента свидетельствует, что стены, отделяющей наос от алтаря и пастофориев, не существовало.

А это означает, что у наоса не было и сводов, которые опирались бы на эту стену и шли в направлении, перпендикулярном продольной оси храма. При отсутствии указанной стены своды боковых нефов могли идти только в направлении, параллельном своду центрального нефа. Значит, Десятинная церковь в 989–996 годах представляла собой не крестовокупольный храм, а базилику, скорее всего, купольную с пересекающим центральное подкупольное пространство трансептом (крестообразную купольную базилику по К. Конанту).

М.К. Каргер не обратил внимание на особый характер этого рва и на своем сводном плане обозначил его пунктиром. Г.Ф. Корзухина и П.А. Раппорт показывали его уже сплошной линией, а другие исследователи, использовавшие план М.К. Каргера, попросту не придавали ему значения. Никогда не существовавший фундамент превратился в факт, а крестовокупольность Десятинной церкви из предположения М.К. Каргера стала почти не оспариваемым научным фактом.

В реальности, дело обстояло намного сложнее. Устройство рва для поперечной ленты свидетельствует о том, что в первоначальный замысел входило создание именно крестовокупольного храма. Что же заставило их отказаться от первоначального замысла? Возможно, уточнение княжеского заказа, смена или привлечение других зодчих, другие причины.

К концу X в., когда строился христианский храм, который должен был стать не просто церковью при княжеском дворе Владимира, а первой общезначимой христианской святыней Руси, константинопольская архитектура уже полностью переходит к строительству крестовокупольных храмов небольшого размера. Навык строительства больших храмов в столице Византии уже утрачивается, однако он продолжает существовать на периферии империи, где такие храмы строятся как базилики или купольные базилики. Возможно, строители Десятинной церкви учли особые требования к созданию храма и по ходу строительства изменили первоначальный замысел. Такие ситуации в практике византийского строительства нередки. О том, что в ходе возведения Десятинной церкви строители отказывались от первоначального замысла и искали форму здания

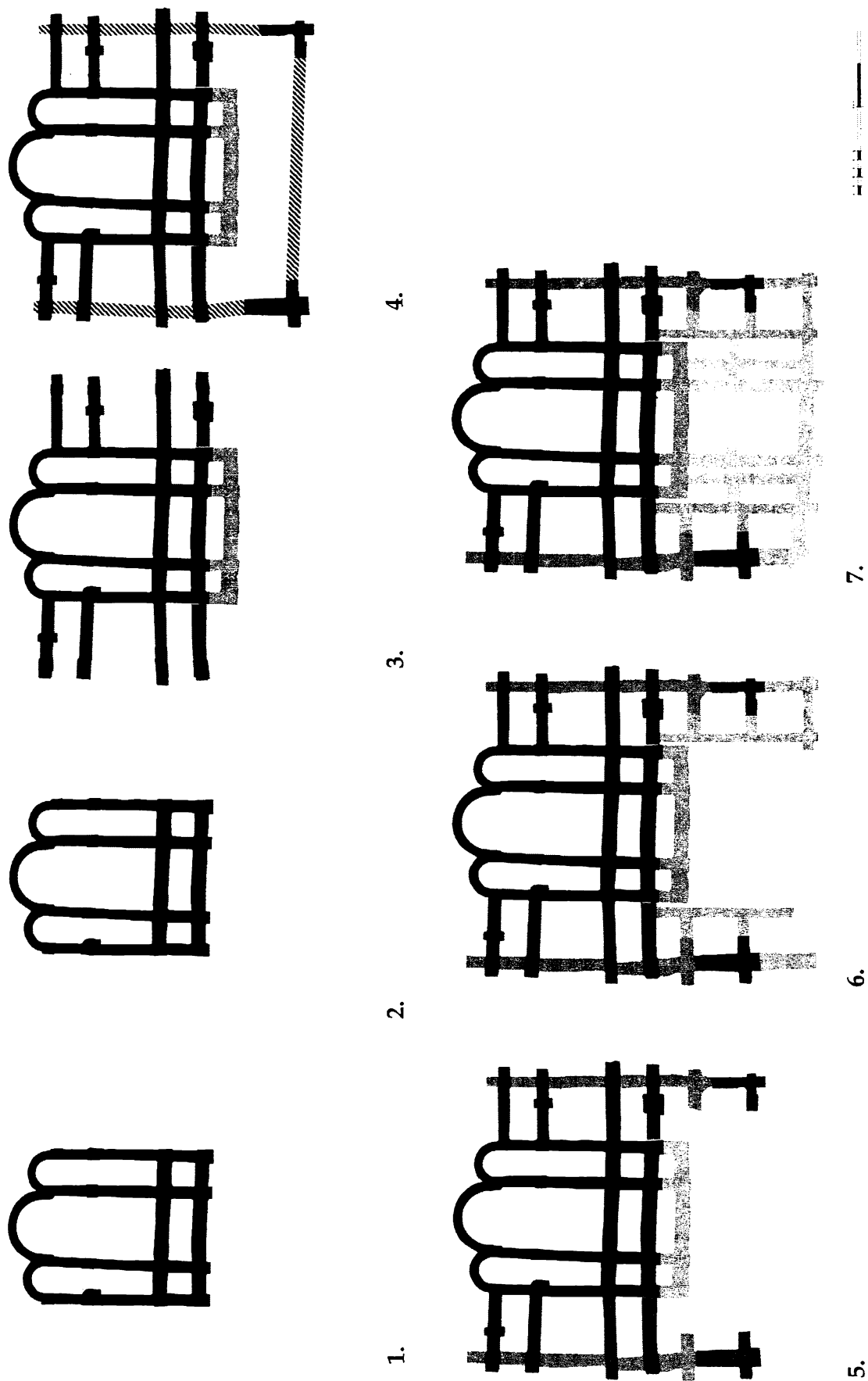

Рис. 3. Схема развития структуры храма

непосредственно в ходе строительства, свидетельствуют и блоки кладки X в. из рва Старокиевского городища рядом с северо-западным углом церкви. Окончательная засыпка рва происходила как раз во время возведения храма и создания ансамбля двorcов «города Владимира» в конце X в.

Мысль о том, что Десятинная церковь является примером сложного процесса поисков архитектурной формы и изменения замысла еще в процессе строительства, уже высказывалась в науке (Г.Ф. Корзухина, А.И. Повстенко, А.В. Реутов, И.С. Красовский), но не получала поддержки, поскольку не могла быть доказана из-за отсутствия артефактов. Новые раскопки такую возможность теперь предоставляют.

Это же относится и к предположениям о базиликальности Десятинной церкви. Впервые мысль об этом высказал еще Д.В. Айналов, однако ее решительно отверг М.К. Каргер, окончательно утвердивший в науке мнение о Десятинной церкви как о крестовокупольном храме. Некоторые черты базиликальности, но в сочетании с решением всего объема церкви все же в рамках крестовокупольной системы, позднее видел А.И. Комеч. Еще более четко высказался об этом А.В. Реутов, считавший однако, что базиликальность была присуща лишь первому, невоплощенному, замыслу.

Последние раскопки свидетельствуют, что Десятинная церковь задумывалась именно как крестовокупольный храм, но уже в процессе самого строительства замысел изменили, и она превратилась в базилику с развитой инфраструктурой. Стоявшая перед строителями сложная задача создания грандиозного здания, практически невыполнимая в то время в формах крестовокупольного храма, была решена за счет использования большого количества дополнительных компартиментов, соединенных в итоге в единое сооружение.

Такой почерк построения архитектурной формы весьма близок византийской архитектуре X–XI вв. в ее провинциальном варианте. Наиболее близок принцип построения архитектурной формы Десятинной церкви памятникам I Болгарского царства. Буквальной аналогии здесь нет – ведь в окончательном своем виде каждая из этих построек была индивидуальной и не копировала другую. Важно другое: практически все болгарские храмы этого времени строились как базилики и вскоре (или в процессе строительства) начинали обрастать развитой инфраструктурой. С болгарскими памятниками Десятинную церковь роднит и схожая система устройства фундаментов и, особенно, субструкций под ними.

О возможном «болгарском следе» в истории строительства Десятинной церкви говорят и две

плинфы X в. из засыпки рва Старокиевского городища. На них еще перед обжигом были нанесены две славянские буквы «ЩН». Вряд ли среди первых русских строителей церкви были уже настолько образованные гончары-плинфodelы, которые бы оставили на плинфе надпись. Скорее всего, они могли быть оставленными мастером из Болгарии.

На Владимира могли оказать воздействие и виденные им церковные постройки в византийском Херсоне. Как раз в X в. в Крыму шло активное строительство и перестройка больших базиликальных храмов, что могло сказаться и на выборе окончательной формы Десятинной церкви. В Партенитской базилике есть аналогии тонкой плинфы со скошенными торцами, типичной для Десятинной церкви. В «базилике 1935 г.» – подобное же устройство фундаментов с системой деревянных лежней и кольев.

В распоряжении князя Владимира, развернувшего в Киеве активную строительную деятельность, оказалась большая строительная артель, которую летопись назвала «мастерами от грек», однако под этим могли подразумеваться не только греки из Царьграда, а византийцы вообще. Среди них могли быть и столичные, и провинциальные (греческие, македонские, крымские, болгарские) мастера.

Предварительные выводы

Исследования памятника, проведенные в 2005–2007 гг., уже сейчас дают возможность сделать определенные выводы, во многом корректирующие устоявшиеся взгляды на него. Впрочем, учитывая, что исследования памятника еще не закончены, выводы эти носят предварительный характер.

Главным результатом новых исследований Десятинной церкви стало установление этапов ее возведения (рис. 3). Удалось окончательно доказать, что возведение храма заняло не два, как предполагал М.К. Каргер, а один строительный период с 989 по 996 г. В начале XI в., а затем в первой трети XII в. происходили лишь какие-то достройки и ремонты храма, которые сказывались на его объемной композиции, но не меняли уже сложившейся плановой структуры здания.

В то же время сам ход строительства храма 989–996 гг. разбивается на ряд этапов, связанных с поиском ее создателями композиции церкви. Причем, на одном из самых ранних этапов ее создания происходит изменение первоначального замысла, повлекшее за собой разборку уже возведенных частей. При этом самое важное изменение связано с изменением объемно-пространственной структуры здания: отказ от устройства восточного поперечного фундамента свидетельствует о том, что церковь, задуманная сна-

чала как крестовокупольный храм, стала возводиться как купольная базилика.

Выявление этапности возведения памятника, а также установление факта изменения его замысла в процессе строительства вместе с изучением его строительных материалов дало возможность по-другому поставить вопрос о происхождении мастеров, создавших храм. Результаты новых исследований памятника заставляют отказаться от признания исключительной роли константинопольских мастеров в создании храма. Несомненно, что столичные мастера были среди создателей Десятинной церкви. Об этом говорит и характер найденных блоков ее стеной кладки, устроенной в технике со скрытым рядом, бывшей «визитной карточкой» константинопольских строителей, и характер пластической разработки фасадной плоскости стен двухступчатыми нишами, и наличие греческих клейм на плинфах, да и сама идея строительства крестовокупольного храма, лежавшая в основе первого замысла строительства. Все это показывает на Константинополь как на родину «мастеров от грек», начавших создавать храм. Однако изменение первоначального замысла с крестовокупольного на базиликальный свидетельствует о том, что вскоре ведущая роль в строительстве церкви переходит уже к другим мастерам, связанным с традициями балканских про-

винций империи, до конца X в. входивших в состав I Болгарского царства (Северной Греции, Македонии, Болгарии). Именно там в это время основным типом храмового здания является не крестовокупольный, а базиликальный (церкви в Скрипу и на озере Преспа в Северной Греции, базилики в Охриде, Плиске и Преславе), а для декоративного убранства интерьера использовались поливные керамические плитки (Преслав), там встречается и схожая система фундаментных субструкций (Плиска). Наиболее близкими аналогиями Десятинной церкви являются малые базилики Плиски (базилики №№ 24 и 25) и церковь Гебеклиссе в Преславе.

В заключение отметим, что тут представлены предварительные мысли и оценки, возникшие в ходе исследований 2005–2007 гг. Полевые исследования и осмысление полученных материалов еще продолжаются – и окончательные выводы можно будет сделать только после полного завершения раскопок и комплексной обработки новых фактов вместе со всеми данными исследований XIX–XX веков.

* Статья выполнена в рамках совместного научно-исследовательского проекта РГНФ-НАНУ «Десятинная церковь в Киеве – первый памятник каменного зодчества Древней Руси: история, архитектура, археология», проект № 07-01-91108a/26-07/Укр.

Н.А. Макаров

Институт археологии РАН

Суздальские древности и проблемы становления Северо-Восточной Руси*

История и современное состояние исследований

Средневековые древности центральной части Суздальской земли оказались в поле зрения археологии раньше, чем археологические памятники большинства других областей Центральной России и с самого начала своего изучения воспринимались как важнейший источник, раскрывающий начало исторической жизни Северо-Восточной Руси. Начатые в 1851 г. раскопки А.С. Уварова в Суздальском уезде Владимирской губернии можно считать первым научным проектом по средневековой археологии, выполнение которого предварялось разработкой подробной программы раскопок и опиралось на значительную государственную поддержку. Раскопки «владимирских курганов» в 1851–52 гг., при всех

их издержках, заложили основу для формирования научных знаний о древнерусских могильниках и бытовой культуре средневековой Руси и послужили сильнейшим импульсом для изучения курганных древностей в различных областях Европейской России. В 1934 г. Н.Н. Воронин приступил к раскопкам в Суздале, Кидекше, Владимире и Боголюбове, рассматривая эти памятники как ключевые археологические объекты для изучения древнерусского городского строя, феодализма и культурных традиций (Воронин, 1961). Главные достижения в исследовании Суздаля и его округа в конце XX в. связаны с работами Суздальской археологической экспедиции ИА РАН и Владимиро-Суздальского музея-заповедника, производившимися в 1974–1991 гг. В результате этих раскопок был собран обширный материал, ха-

рактирующей становление города, формирование его территории в X–XV вв., городские усадьбы, ремесло и особенности материальной культуры. Целостная картина развития одного из крупнейших городских центров Северо-Восточной Руси XI–XV вв. восстановлена в монографии М.В. Седовой (Седова, 1997).

Основные направления полевых исследований последнего десятилетия в центре Владимиро-Суздальской земли – широкие спасательные раскопки во Владимире, связанные с реконструкцией его исторического ядра, и комплексные исследования сельских поселений и культурного ландшафта в Суздальском Ополе.

Охранными раскопками 1991–2007 гг. во Владимире охвачена площадь около 27500 кв.м. в границах валов XII–XIII вв., что более чем в 5 раз превышает общую площадь раскопок М.В. Седовой и ее предшественников в Суздале. Исследованы средневековые усадьбы и оборонительные сооружения, обнаружены клады предметов христианского культа, сокрытые во время разгрома Владимира Батыем зимой 1238 г. (Жарнов, 2003). Широкую известность получили открытые в ходе этих раскопок памятники христианского искусства (Жарнов, 1998; Жарнов, 1999), однако для характеристики Владимира как городского центра не меньшее значение имеют данные о средневековой застройке, мощности и датировке культурных отложений на различных участках, которые пока не систематизированы.

Изучение селищ и культурного ландшафта в центре Суздальского Ополя осуществлялось в 2001–2007 гг. как особый полевой проект, в ходе которого было проведено сплошное обследование территории площадью около 215 кв. км, выявлено и картировано около 180 средневековых поселений и собрано более 2150 средневековых вещей (Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2005; Макаров, 2007). Обследования сопровождались геофизическими разведками, отбором проб для спорово-пыльцевого анализа на поселениях и в естественных разрезах, исследованием почвенных горизонтов вблизи ряда средневековых поселений. В ходе разведок впервые точно локализован ряд курганных могильников, исследованных А.С. Уваровым в 1851–52 гг. (Карпухин, 2007), и впервые выявлены средневековые грунтовые могильники в Суздальской округе. Раскопками на 6 селищах вскрыта площадь около 950 кв. м, вещевая коллекция насчитывает более 3400 единиц. Таким образом, источниковая база для изучения ключевых проблем средневековой истории одной из важнейших территорий средневековой Руси в последние годы значительно расширена и обновлена.

Города, сельское расселение и колонизация

В качестве важнейшего фактора подъема Северо-Восточной Руси обычно рассматривается урбанизация, рост городов. Действительно, наиболее впечатляющие символы выхода Северо-Востока на историческую арену – белокаменные соборы и городские валы Суздаля и Владимира. Однако, основываясь на письменных источниках и археологических материалах, сегодня мы знаем, что на территории Северо-Восточной Руси в домонгольское время существовало около 30 городов, а их суммарная площадь, с учетом неукрепленных посадов, могла составлять не более 1200 га. В большинстве этих городов древнейший культурный слой датируется XII в. Более ранние культурные напластования, относящиеся к X и XI вв., представлены лишь в семи городах, а в центре Волго-Клязьменского междуречья – лишь в четырех – Ростове, Суздале, Ярославле и Угличе поле. Домонгольский слой большинства городов имеет небольшую мощность, усадебные комплексы с высокой концентрацией средневековых вещевых материалов выявлены лишь на отдельных участках, часть территории внутри городских валов оставалась незастроенной. Площадь Суздаля в границах городских валов XII–XIII вв. составляла лишь 35 га (Седова, 1997. С. 60). Владимир превосходил его по размеру более чем в 3 раза (118 га), однако значительная часть территории внутри валов начала осваиваться во второй половине XII в., а следы интенсивной городской жизни на многих участках отсутствуют. Эти данные важны для понимания реального уровня урбанизации Северо-Восточной Руси в предмонгольское время. Хотя Владимиро-Суздальское княжество в XII–XIII вв. представляло собой мощное политическое образование, процессы урбанизации здесь получили развитие сравнительно поздно, а масштабы городской жизни оставались достаточно скромными.

Ключ к решению проблем становления Северо-Восточной Руси дает изучение сельских поселений ее основного исторического ядра – Владимирско-Юрьевского (Суздальского) Ополя. Это территория, выделяющаяся особым характером ландшафта, вытянутая с юго-востока на северо-запад почти на 110 км, от устья Нерли до Плещеева озера, представляющая собой остров безлесных пространств с темноцветными и серыми лесными почвами в зоне смешанных лесов. Хотя сплошными обследованиями охвачено пока менее 5% территории Ополя, полученные материалы достаточно полно раскрывают своеобразие средневекового расселения в этой области и ее мощный демографический потенциал.

Археологические исследования показали, что Суздальское Ополе выделяется исключительно

высокой концентрацией средневековых поселений (рис. 1). Средневековый культурный слой распространяется примерно на 2% всей его территории. Суммарная площадь 162 средневековых поселений на территории суздальской округи площадью 185 кв. км (участок в поречье Нерли и междуречье ее левых притоков Ирмеса и Каменки от с. Шекшова на западе до Кидекши на востоке) составляет около 420 га – то есть в 12 раз превышает площадь Суздаля в границах валов конца XII в. Пространственное размещение поселений в Ополе существенно отличалось от обычных для конца I – начала II тыс. линейных систем, конфигурацию которых определяли речные долины. Несмотря на существование цепочки крупных поселений вдоль Нерли, система средневекового расселения в центре Суздальской земли уже с конца I тыс. формировалась как сеть поселений, покрывавшая всю территорию Ополя к западу от Нерли, включая долины малых рек и водораздельные участки. Основными элементами этой системы на правобережье Нерли были крупные поселения или гнезда близкорасположенных поселений, удаленные друг от друга на 1,5–2 км. Средние размеры сельских поселений в Ополе в X–XV вв. были значительно большими, чем в других районах Северо-Восточной Руси. Площадь наиболее крупных достигает 15–19 га, то есть вполне соизмерима с площадью малых городов средневековой Руси.

Сложение крупных исторических сел в ближайших окрестностях Суздаля на основе поселений конца I тыс. н.э. отмечено по крайней мере в семи микрорегионах. Наиболее многочисленны древности XI – первой половины XIII в. – они присутствуют на 125 обследованных поселениях. Особенно выразительны и обильны керамика и вещевые материалы середины XII – первой половины XIII в. В этот период сеть расселения в Ополе достигла наивысшей плотности, система крупных сел была дополнена сетью сравнительно небольших поселений на водораздельных участках. Обитатели Суздальского Ополя стали одними из пионеров освоения водоразделов и устройства постоянных поселений на оврагах в Волго-Окском междуречье. Этот процесс начался не позднее начала XII в. и приобрел широкий размах во второй половине XII в., когда на большей части территории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси всецело господствовал приречный тип расселения.

Уникальная плотность поселенческой сети Ополя – яркое археологическое свидетельство особого статуса и особого потенциала Суздальской земли как центра Северо-Восточной Руси, свидетельство, значительно более выразительное, чем городские усадьбы и валы городов. Существенно, что в

монгольское и послемонгольское время крупные сельские поселения оказались, по-видимому, более устойчивы и жизнеспособны, чем города, во многих из которых (во Владимире, Суздале, Юрьеве-Польском) культурный слой второй половины XIII – XV в. слабо выражен и прослеживается лишь на отдельных участках.

Культурный ландшафт Суздальского Ополя

Суздальское Ополе – открытое безлесное пространство, представляющее собой экстраординарный остепненный ландшафт в зоне смешанных лесов. Большинство историков и археологов, касавшихся темы колонизации Северо-Восточной Руси, отмечали, что именно плодородные темноцветные почвы Ополя привлекали колонистов и сделали возможным высокую продуктивность сельского хозяйства. Но вопросы о времени формирования этой территории как безлесной сельскохозяйственной области, о связи этого процесса с древнерусской колонизацией, о конкретном влиянии человека на природную среду этой области в период, предшествующий славянскому освоению Северо-Востока и в период расцвета Ростово-Суздальской земли, остаются нерешенными. С точки зрения исторической науки особую важность представляет вопрос о том, существовали ли открытые безлесные ландшафты между Клязьмой и Плещеевым озером до начала славянской колонизации или эта область стала ополем в результате интенсивного сельскохозяйственного освоения в XI–XII вв.

Прояснить эти проблемы позволили палинологические исследования (Алешинская, Кочанова, Макаров, Спиридонова, 2008). Палинологическим методом было исследовано 5 разрезов на селищах и 4 естественных разреза у селищ и городищ, в 6 микрорегионах с разными геоморфологическими условиями и различным характером археологических объектов, отражающих особенности средневековой колонизации. В результате обобщения материалов, полученных по всем разрезам, было выделено 16 палинологических зон, которые характеризуют развитие растительного покрова исследованной территории начиная с I–II вв. до н.э. и до XVI в. н.э.

Как показали исследования палинологов, на протяжении изученного отрезка железного века на исследованной территории существовал естественный растительный покров, который сохранялся вплоть до IX–X вв. В это время здесь произрастали обширные лесные массивы, представленные в более теплые периоды смешанными широколиственно-еловыми лесами, а в более холодные – сосново-еловыми и елово-сосновыми лесами. Изменения в составе растительного покрова, выразившиеся, в частности, в

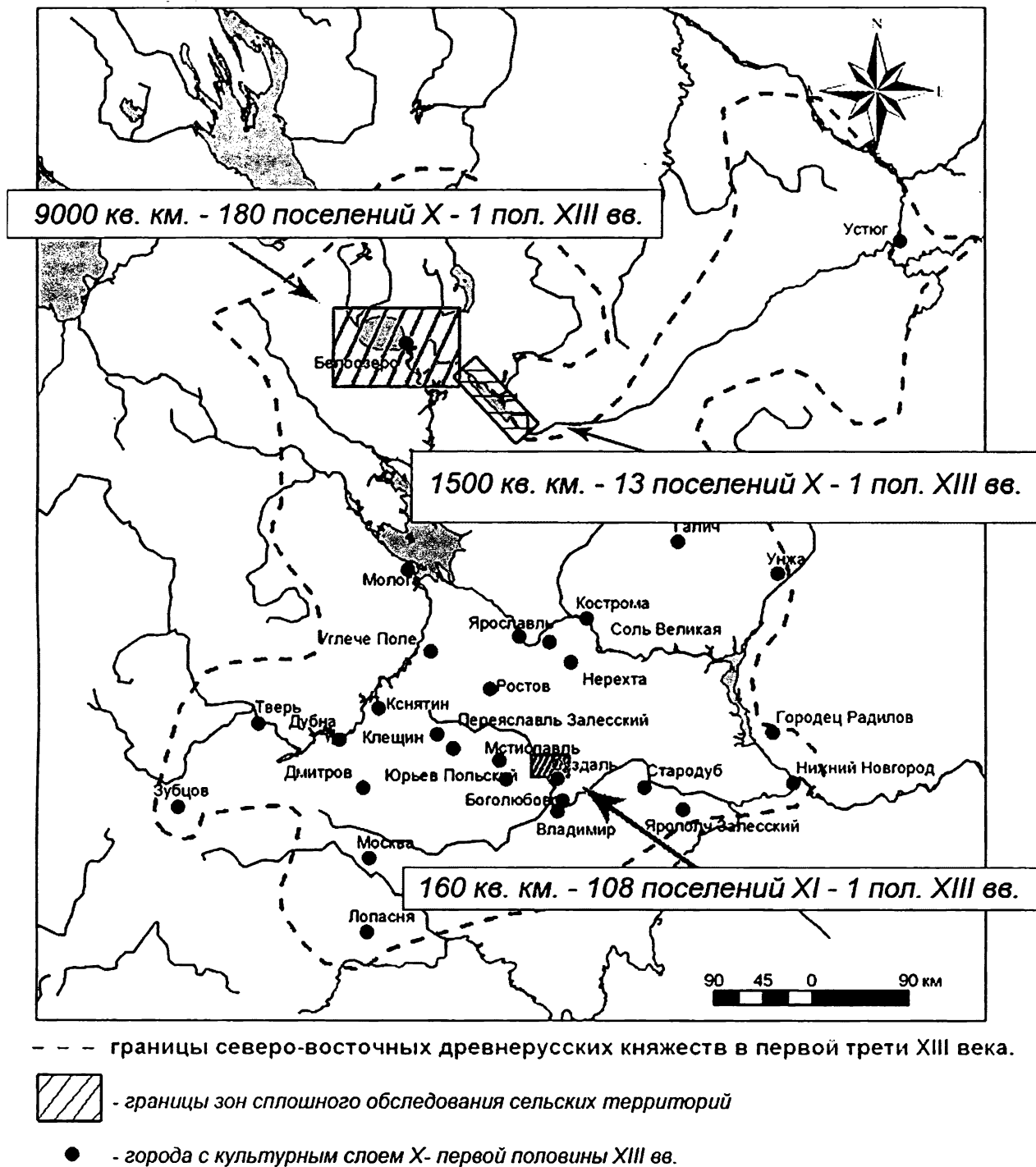

Рис. 1. Северо-Восточная Русь в X–XIII вв. Городские центры и сельские территории, охваченные сплошными обследованиями

уменьшении облесенности и появлении вторичных лесов и культурных злаков, впервые отмечены в горизонте, время формирования которого, судя по радиоуглеродным датам, – VII в. Существенно также, что немногочисленные датированные материалы, собранные на селищах с лепной керамикой в Суздальском Ополе, позволяют определить начальный период их существования как VI–VII вв. В отмытках культурного слоя из материковых ям на одном из суздальских поселений (Кибол 7), датированных VII в., выявлены многочисленные палеоботанические макроостатки – в том числе карбонизированные зерна проса, ячменя и пшеницы. Начиная с IX–X вв., а возможно и чуть раньше, в окрестностях селищ прослеживается сокращение площадей, занятых лесом. Им на смену приходят открытые пространства, занятые пустошами на месте вырубков, луговой растительностью и пашнями. По данным, полученным по большинству разрезов, в XII в., когда климат был наиболее теплый, в районе исследований преобладали открытые ландшафты. Период XII в. характеризовался полной перестройкой в составе леса. По существу, произошло смещение ландшафтной зоны смешанных лесов к северу и установление здесь зоны широколиственных лесов и лесостепи.

Таким образом, открытый ландшафт Суздальского Ополя представляет собой вторичное образование, сложившееся в результате средневековой колонизации территорий, занятых лесом и оставшихся незаселенными или слабозаселенными во второй четверти – середине I тыс. н.э. Если предположить, что плотность поселений на всей территории Владимирского-Юрьевского Ополя (участок площадью 3600 кв.км) в XI–XIII вв. была примерно одинаковой, всего на этой территории, между Владимиром и Берендеевым болотом, в домонгольское время существовало более 2000 поселений. Владимиро-суздальские князья сосредоточили на небольшой территории огромное население – плательщиков дани и военную силу, постоянно находившуюся под рукой.

Этнокультурная ситуация и проблема формирования древнерусской культуры

Культура центральных районов Суздальской земли XII – первой половины XIII в., документированная археологическими материалами, – «классическая» древнерусская культура, с характерными для нее керамическим комплексом, традициями домостроительства, парадным женским убором и погребальным обрядом, общими для большей части восточнославянского ареала. В суздальских древностях XII – первой половины XIII в. нет ярких маркеров «областной идентичности», ее областное

своеобразие просматривается лишь в некоторых особенностях женского костюма (малое количество металлических украшений в уборе при широком использовании золотого шитья), погребального обряда (глубокие могильные ямы под курганными насыпями), христианских древностей (высокая доля предметов личного благочестия со сложной религиозной символикой), а также в сложении некоторых областных типов украшений (подвески-петушки «владимирского типа»).

Древнерусская культура центральных районов Суздальской земли складывалась в X–XI вв. в процессе взаимодействия финских и славянских этнических групп, в условиях притока в регион многочисленного населения извне, однако конкретные аспекты славяно-финских взаимоотношений, облик финских древностей и исходные районы и пути славянской колонизации до конца не прояснены. Представление о финнах как о предшественниках славян в Суздальском Ополе в целом не вызывает сомнения, однако до самого последнего времени здесь были неизвестны характерные для финского населения Волго-Окского региона грунтовые могильники с ингумациями второй половины I тыс. н.э. Первый грунтовый могильник с ингумациями, содержащий комплексы украшений, близкие материалам из могильников рязанско-окского типа, обнаружен в 2007 г. Основываясь на этих материалах поселений с лепной керамикой и немногочисленным вещевым инвентарем можно полагать, что средневековая колонизация Ополя началась не позднее VI в., была связана с продвижением нового населения с юга. Это население занималось скотоводством и земледелием и принесло с собой традиции возделывания проса, пшеницы и ячменя. В керамическом комплексе и наборе украшений суздальских памятников этого времени прослеживаются элементы, сближающие их с культурой рязанско-окских могильников. Присутствие в керамическом комплексе глиняных сковородок с бортиками может рассматриваться как свидетельство связей, уходящих еще далее на юг, в Поднепровье и Подесенье (Макаров, 2007, С. 7–16).

Формирование новых поселений в Суздальском Ополе в IX–X вв. сопровождалось существенными изменениями культуры и хозяйства. В обиходе населения в этот период появляются многочисленные шумящие привески и украшения, изготовленные в технике воскового плетения, характерные для финского женского костюма. Наиболее выразительная серия подобных украшений собрана при раскопках селища Весь 5 в горизонте второй половины IX–X в. Индикаторами славянского присутствия в Ополе можно считать раннекруговую керамику с линейным и волнистым орнаментом, появившуюся

на селищах Ополя не ранее второй половины X в., и некоторые типы лепной керамики.

Летописные «суздальцы», впервые появившиеся на страницах письменных источников под 1096 г., – по археологическим материалам предстают перед нами как носители древнерусской культуры, в которой финские элементы почти полностью сnivelированы. Предшествующий пласт древностей, послуживший основой для ее формирования – культура селищ и могильников IX–X вв. (наиболее яркие памятники – селища Весь 1, Весь 5, Гнездилово, Шекшово 2, Большое Давыдовское 2), представляющая собой сплав финских, славянских и, в меньшей степени, скандинавских элементов, сложившаяся в условиях включения Волго-Клязьменского в систему международной торговли и активных контактов с Востоком и Балтикой. Разделить поселения Суздальского Ополя IX–XI вв. на финские и славянские памятники не удастся, разнородные культурные элементы представлены на одних и тех же селищах. Надежные археологические маркеры для точного определения исходных районов колонизации отсутствуют, однако имеющиеся материалы позволяют полагать, что первая волна средневекового населения продвинулась в Суздальское Ополье с юга в третьей четверти I тыс. н.э., а вторая, в которой славянский элемент уже четко выражен, – с северо-запада. Отсутствие сопок и лепной керамики «ладожского типа» в Суздальском Ополье показывает, что при очевидном участии выходцев с северо-запада среди колонистов, продвигавшихся в Волго-Клязьменское междуречье, различие областных традиций Новгородской и Суздальской земли достаточно четко обозначено в материальной культуре. Становление древнерусской культуры в центре Суздальской земли завершилось в XII в. под сильным влиянием южнорусских земель, при участии новой волны южнорусских переселенцев. Таким образом, славянизация центра Суздальской земли может рассматриваться как результат пересечения различных колонизационных потоков и культурных импульсов с юга и северо-запада и консолидации новой областной группы на территории, природные условия которой создавали возможности для компактного проживания значительной массы средневекового населения.

Княжеская власть и феодальная элита по археологическим данным

Владими́ро-Суздальское княжество традиционно рассматривается в историографии как политическая система с сильной княжеской властью, опиравшейся на низшие слои дружины и городские общины. При этом историки придавали большое значение летописным сообщениям о Ростове и Суздале как о

«старых городах», в которых влиятельной силой было боярство, старая аристократия, противостоявшая князю. Представление о князе и боярской аристократии, ведущих борьбу за политическую гегемонию в Северо-Восточной Руси в XII – начале XIII в., о стремлении князя противопоставить боярству, владевшему селами в Суздальской земле, слуг-дворян, исполнявших военные и административно-судебные функции, прочно укоренилось в исторической литературе (Пресняков, 1993. С. 170–174; Воронин, 1961. С. 56–59; Данилевский, 1999. С. 287; Свердлов, 2003. С. 608–644). Однако письменные источники, содержащие упоминания о боярах и дворянах-слугах в Суздальской земле, не дают возможность представить реальное положение этих социальных групп, их правовой статус, служебные функции, материальное обеспечение и местопребывание.

Общий взгляд на археологические древности X–XI вв. оставляет впечатление, что присутствие боярской аристократии слабо отражено в материальных памятниках Северо-Востока этого времени. В центре Суздальской земли практически нет городищ X–XI вв., в которых можно было бы видеть укрепленные усадьбы знати. Нет сведений о существовании здесь монументальных курганных насыпей, выделявшихся своими размерами и символизировавших особый статус части погребенных. Курганы с находками парадных предметов вооружения (и обычного боевого оружия) в Суздальском Ополье единичны, клады серебра X–XI вв. неизвестны. Наиболее выразительной находкой, характеризующей аристократический быт, является клад золотых браслетов из Суздальского кремля, предположительно атрибутированный М.В. Седовой как сокровище дружинников тысяцкого Георгия Шимоновича, сокрытое в связи с военной опасностью в 1096 г. (Седова, 1997, С. 89–90, рис. 25; Седова, 2001. С. 23–24). Разделяя выводы М.В. Седовой о значимости скано-зерненных украшений из суздальской округи как индикаторов формирования здесь в XI в. культурных традиций, связанных с дружинной средой и городским ремеслом (Седова, 2001. С. 23–33), трудно согласиться с ее оценкой этих сравнительно скромных украшений как элементов княжеско-боярского убора и свидетельств значительного богатства. Верхушка суздальского населения в этот период не создала собственных культурных символов, призванных обозначить ее особое социальное положение. Судя по археологическим данным, это достаточно широкий социальный слой, состоятельный, но не отделенный жесткими барьерами от остальной части общества.

Появление во Владимиро-Суздальской земле властной элиты, обладающей исключительными

материальными возможностями и особым статусом, ярко документировано археологическими материалами XII – первой половины XIII в. Среди них 4 клада золотых и серебряных украшений с эмалью и чернью и клад драгоценных предметов христианского культа, происходящие из Владимира и окрестностей Суздаля (Исады), отдельные находки украшений из драгоценных металлов, каменные иконки и фрагменты привозных стеклянных кубков, происходящие из Владимира, предметы вооружения, детали защитного доспеха и парадной конской упряжи, найденные во Владимире, Суздале и на селищах Суздальского Ополя. Существенны новые сфрагистические находки из Владимира (Родина, 2007. С. 145–153; Костылева, Уткин, 2005) и находки печатей на сельских поселениях Ополя (Гайдуков, Янин, 2003; Гайдуков, Янин, 2004). Но наиболее выразительное свидетельство новых властных отношений – это, безусловно, возведение мощных фортификаций – сооружение городских укреплений Владимира, Суздаля, Боголюбова и Юрьева, создание новых укрепленных поселений, таких как Сунгирское городище, Семьинское городище, Мстиславль, Осовец.

Новые материалы позволяют сделать некоторые наблюдения, характеризующие имущественные и социальные отношения на Северо-Востоке. Во-первых, археологические памятники центра Владимиро-Суздальской земли XII – первой половины XIII в. выделяются на общем фоне Северо-Восточной Руси высокой концентрацией украшений из драгоценных металлов, предметов вооружения и парадного конского снаряжения, высокохудожественных предметов христианского культа, импортов и предметов престижного потребления. Можно полагать, что в Суздальском Ополе была сосредоточена значительная часть социальной верхушки Северо-Восточной Руси, наделенная административными функциями и составлявшая основную военную силу.

Во-вторых, выясняется, что часть суздальской знати и дружинников проживала за пределами городов, на сельских поселениях Ополя. На это указывают находки на селищах предметов вооружения и парадного конского снаряжения, амфорной керамики, стилей для письма, книжных застежек, предметов личного благочестия со сложной религиозной символикой (энколпионы, амулеты-змеевики) (рис. 2). Обладателями этих вещей могли быть не только бояре, но и низший слой дружинников. В этой связи особенно интересен состав находок на небольших (площадью от 0,5 до 2 га) селищах, располагавшихся на оврагах и малых реках вблизи водоразделов и представлявших собой вторичные

очаги расселения, формировавшиеся в XII – начале XIII в. после сложения в более ранний период крупных поселений (рис. 2). В коллекциях, собранных на 10 подобных памятниках, представлены предметы вооружения и снаряжения всадника, на некоторых из них, также – амфорная керамика, украшения из драгоценных металлов и предметы христианского культа со сложной символикой. Есть основание видеть в этих находках свидетельство испомещения на небольших поселениях на водоразделах младшей дружины, в период, когда наиболее удобные для поселений места вблизи рек уже были заняты крупными селами.

Таким образом, в археологических материалах мы не находим свидетельств формирования боярской аристократии в Суздальской земле как мощной социальной силы в период, предшествующий воцелению Юрия Владимировича. Характер и хронологическое распределение «престижных вещей» и других археологических индикаторов присутствия социальной элиты может быть скорее истолкован как отражение появления боярской знати, как и конкурирующего с ним слоя княжеских слуг низшего ранга, в XII в., вместе с князем, в связи с укреплением княжеской власти. Упоминание в московской берестяной грамоте № 3, найденной в 2007 г. на Подоле Кремля, «суздальских коней» как части имущества некоего Турабия, выходца из Орды, находившегося на службе у московских князей, возможно, указывает на то, что земельные пожалования в Суздальском Ополе использовались для обеспечения высокопоставленной служилой знати и в позднейший период, на рубеже XIV–XV вв. Поиски и раскопки усадеб феодальной знати на территории исторических сел и селищ в будущем обеспечат более точное и конкретное видение этих процессов.

*Исследование выполнено в рамках научной программы Отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории», проект «Становление и развитие древнерусской культуры в центральных районах Суздальской земли в X–XIV вв.»

Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Макаров Н.А., Спиридонова Е.А., 2008. Становление аграрного ландшафта Суздальского Ополя в средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) // РА. № 1.

Воронин Н.Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I. XII столетие. М.

Гайдуков П.Г., Янин В.Л., 2003. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2002 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 17. Великий Новгород.

Рис. 2. Селище Поганое озеро I. Вещевой материал из сборов. 1, 2 – кресты-тельники; 3, 4 – створки энколпионов, 5, 7 – бубенчики; 6, 8, 9 – подвески; 10 – фрагмент перстня; 11–13 – грузики; 14 – писало; 15 – поясная пряжка; 16 – фрагмент хороса; 17 – фрагмент удил; 18 – ключ.
1–13, 15, 16 – цветной металл; 14, 17, 18 – железо

- Гайдуков П.Г., Янин В.Л., 2004. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2003 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 18. Великий Новгород.
- Данилевский И.Н., 1999. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) М.
- Жарнов Ю.Э., 1983. Археологические раскопки во Владимире: возвращение культурных ценностей древнего города // Вестник РГНФ. № 3.
- Жарнов Ю.Э., 1999. Две каменные иконки домонгольского времени из Владимира-на-Клязьме // РА. № 3.
- Жарнов Ю.Э., 2003. Археологические исследования во Владимире и проблема 1238 г. // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М.
- Карпухин А.А., 2007. Опыт применения ГИС для локализации курганных групп Суздальского Ополя, исследованных А.С. Уваровым // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 1. М.
- Костылева Е.А., Уткин А.В., 2005. День печати // Наша родина – Иваново-Вознесенск. № 1(7).
- Макаров Н.А., 2007. Начальный период средневековой колонизации Суздальского Ополя по материалам новейших исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 1. М.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., 2005. Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – первой половине II тыс. н.э.: новые материалы. // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.
- Пресняков А.Е., 1993. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.
- Родина М.Е., 2007. Атрибуция редких находок из раскопок 2004 г. на княжьем дворе во Владимире // КСИА. Вып. 221. М.
- Свердлов М.Б., 2003. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. Спб.
- Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV вв. М.
- Седова М.В., 2001. Украшения «городского типа» X–XI веков из Суздаля и его округа // КСИА. Вып. 212, М.
- Чернов С.З., 1991. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // СА. № 1.

В.И. Молодин

Институт археологии и этнографии СО РАН

Академик А.П. Окладников и археология Западной Сибири

Академик Окладников, чье столетие отмечает в этом году научная общественность, отличался чрезвычайно широким спектром научного поиска. В сферу его научных интересов входили проблемы начиная от древнекаменного века (палеолита) и заканчивая вопросами этнографической современности, а также новой и новейшей истории (Алексей Павлович Окладников...). Столь же широк был и территориальный подход ученого. От Средней Сибири до Дальнего Востока, Аляски и Алеутских островов, от центральной Азии до Северного Ледовитого океана (включая Южную Сибирь и Среднюю Азию) – вот та территория, на которой он активно работал в своих многочисленных экспедициях. Разумеется, в круг его научных интересов входили и такие общетеоретические проблемы, как, например, происхождение искусства, вопросы историографии и т.д. На фоне выдающихся достижений, полученных учеными в вышеперечисленных районах Евразии, как бы за кадром остаются проблемы западносибирской археологии

(в узком смысле этого термина). Этот пробел мне и хотелось восполнить в настоящем докладе, тем более, что и здесь, в Западной Сибири, Алексеем Павловичем были получены весьма значимые научные результаты.

Излюбленной темой ученого было первобытное искусство, и, в частности, петроглифы. Их поиском, фиксацией и изучением ученый активно занимался с середины пятидесятых годов XX столетия. Работы велись практически на всей территории Северо-Восточной Азии, включая Монголию и Горный Алтай. На территории Западной Сибири выходы скальных пород, пригодных для нанесения изображений, крайне ограничены. По большому счету такие скалы встречаются только на реке Томи, правом притоке Оби. Тем не менее именно здесь еще в XVIII веке Ф.И. Страленбергом (Таббертом) был открыт для науки замечательный памятник, известный как «Томская писаница» (Strahlenberg, 1730. P. 339). Позднее на Томи были открыты еще несколько местонахож-

дений наскальных изображений. Несмотря на известность и несколько публикаций данный массив памятников требовал фундаментального научного изучения, начиная с их точного копирования и заканчивая скрупулезным анализом и осмыслением. Так возник творческий союз А.П. Окладникова и его ученика, работавшего в то время в Кемеровском государственном педагогическом институте – А.И. Мартынова, нацеленный на целенаправленное изучение Томских писаниц. Результатом многолетних работ явилась итоговая фундаментальная монография «Сокровища Томских писаниц», великолепно изданная в Москве в издательстве «Искусство». (Окладников, Мартынов, 1972). В монографии было впервые опубликовано более 500 древних изображений. Кроме того, детально проанализированы проблемы хронологии, вопросы семантики, а также культурно-историческое место, которое занимают томские писаницы среди местонахождений подобного рода Восточной и Южной Сибири, Урала и Карелии.

А.П. Окладников не раз обращался в анализе западносибирских петроглифов и пластического искусства западносибирских памятников, проводя сопоставления отдельных его сюжетов с материалами Восточной Сибири, Дальнего Востока и Американского континента. В статье «Проблема связи между комплексами Западной Сибири и Прибайкалья...» (Окладников, 1973. С. 20–25) ученый высказал оригинальную идею стилистической близости петроглифов Байкала, Ангары и изображений на сосудах памятника эпохи бронзы Самусь-IV, что дает возможность аргументированно датировать выделяемый пласт наскальных рисунков.

Анализируя неолитическое искусство Сибири в фундаментальном томе многотомного издания «История искусства народов СССР», исследователь немало места уделяет западносибирским памятникам, рассматривая как изображения Томской писаницы, так и пластическое искусство памятников Приобья, затрагивая их мифологическую и семантическую основу (Окладников, 1971. С. 86). Окладникову присущ широкий кругозор, благодаря чему ученому удается сделать немало интересных наблюдений и сопоставлений. Касаясь западносибирской тематики, здесь будет уместным вспомнить одну из небольших, но весьма интересных работ, написанных в соавторстве с Е.А. Окладниковой, посвященной сопоставлению изображений человеческих личин, зафиксированных на Американском, Азиатском континентах и на Урале, которые демонстрируют несомненное стилистическое сходство (Окладников, Окладникова, 1977. С. 20–22).

Одной из излюбленных тем в творчестве А.П. Окладникова всегда был древнейший период

в истории человечества – эпоха палеолита. Не был обойден вниманием и западносибирский палеолит. Алексею Павловичу принадлежит честь открытия первого на территории лесостепного Обь-Иртышья палеолитического объекта – Волчья Грива, на котором были проведены широкомасштабные раскопки. Дефицит камня в Барабинской лесостепи предопределил широкое использование человеком костного материала. Эту специфику подчеркивал А.П. Окладников для верхнепалеолитического населения региона (Окладников, Григоренко и др., 1971). Позднее, с открытием и исследованием других палеолитических объектов в регионе (Венгерово-5, Ново-Тартасская) Окладников участвовал в интерпретации полученных материалов (Окладников, Молодин, 1981). Итогом этой работы стала статья «Палеолит Барабы» (Окладников, Молодин, 1983), которая и в настоящее время не утратила научной актуальности.

На протяжении почти всей своей творческой жизни А.П. Окладников неоднократно обращался к теме западносибирского неолита. В статье, написанной в 1941 г., Алексей Павлович впервые в отечественной археологии выделяет крупные этнокультурные общности в сибирском неолите (Окладников, 1941. С. 5–14). В их числе Обской регион, где основной хозяйственной направленностью у древних обитателей было рыболовство. Следует отметить, что вышесказанные предположения, основанные на крайне ограниченных источниках, впоследствии не только нашли подтверждение в конкретных материалах, но и оказались чрезвычайно важными с методологической точки зрения.

В докладе на I Уральском археологическом совещании эти идеи нашли свое дальнейшее развитие (Окладников, 1948). А.П. Окладников справедливо выделяет Восточное Приуралье как особый этнокультурный массив, распространяющийся до Енисея. Исследователь полагал, что носители этой общности были предками современных угросамодийцев. Впоследствии гипотезы, высказанные в тезисной форме, стали предметами специального исследования ученого. А.П. Окладников анализирует неолитические комплексы района Енисея в сравнении с восточносибирским неолитом (Окладников 1957). Крайне плодотворной оказалась идея о распространении ангарских неолитических племен на запад, которая получила подтверждение в последние годы не только в материалах духовной культуры, но и по данным антропологии. В статье изложена и этническая идентификация культур неолита Западной Сибири. В 1968 г. А.П. Окладниковым в первом томе «Истории Сибири» был подведен итог, отражающий объективное состояние изученности

западносибирского неолита в тот период (Окладников, Максименков, 1968. С. 96–104).

Большую роль в творчестве Алексея Павловича занимали проблемы историографии и истории науки. Истории сибирской археологии посвящена его статья, написанная в соавторстве с автором этих строк, где значительное место уделено истории изучения западносибирской археологии (Окладников, Молодин, 1977. С. 99–106).

В заключение нельзя не отметить важные моменты, характерные для творчества ученого. А.П. Окладников огромное внимание уделял делу охраны памятников истории и культуры, а также публикации археологических источников, что в известной степени коснулось и Западно-Сибирского региона (Окладников, Молодин, 1978. С. 9–19; Окладников, Молодин, Волков, 1979. С. 118–125).

Изучение творческого наследия А.П. Окладникова имеет исключительно важное значение не только для развития археологии Сибири, но и в целом Евразии. Не случайно, что творчеству ученого уделяется постоянное внимание в отечественной историографии.

Алексей Павлович Окладников. Биобиблиография ученых СССР. Серия истории. Вып. 13. М., 1981.

Окладников А.П., 1941. Неолитические памятники как источники этногенеза Сибири и Дальнего Востока // КСИИИМК. Вып. 9.

Окладников А.П., 1948. К изучению неолита Восточного Приуралья и Западной Сибири (тезисы) // I Уральское археологическое совещание при Пермском университете, 20–25 апреля 1947 г.: Автореф., тез. докл. и общие постановл. по вопр. археол. исслед. на Урале. Пермь.

Окладников А.П., 1957. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея: (К вопросу о происхождении самодийских племен) // СА. № 1.

Окладников А.П., 1971. Искусство неолитических племен Сибири // История искусства народов СССР. Том 1. М.

Окладников А.П., 1973. Проблема связи между племенами Западной Сибири и Прибайкалья (по материалам петроглифов) в раннем бронзовом веке (тезисы) // Из истории Сибири. Вып. 7. Томск.

Окладников А.П., Григоренко Б.Г., Алексеева Э.В., Волков И.А., 1971. Стоянка верхнепалеолитического человека Волчья Грива: (Раскопки 1968 г.) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Вып. 2. Новосибирск 1971.

Окладников А.П., Максименков Г.А., 1968. Неолит Западной Сибири // История Сибири. Т. 1. Л.

Окладников А.П., Мартынов А.И., 1972. Сокровища Томских писаниц. М.

Окладников А.П., Молодин В.И., 1977. Археологические исследования в Сибири // Академия наук СССР и Сибирь, 1917–1957. Новосибирск.

Окладников А.П., Молодин В.И., 1978. Стоянки каменного века // Памятники истории и культуры Сибири. Новосибирск.

Окладников А.П., Молодин В.И., 1981. Ново-Тартасская стоянка – палеолитический памятник в лесостепной Барабе // Проблемы Западно-Сибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. Новосибирск.

Окладников А.П., Молодин В.И., 1983. Палеолит Барабы // Палеолит Сибири. Новосибирск.

Окладников А.П., Молодин В.И., Волков И.А., 1979. Памятник у села Малый Атлым на реке Оби // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., 1977. Загадочные личины двух материков и петроглифы Урала // VI Уральское археологическое совещание. Нижний Тагил, 28 марта – 3 апреля 1977 г.: Тез., пленар. и некоторых доклад. М.

Strahlenberg F.I., 1730. Das Nord und Östliche Teil von Europa und Asia. Stockholm.

Е.Н. Носов

Институт истории материальной культуры РАН

П.Г. Гайдуков

Институт археологии РАН

Академик Борис Александрович Рыбаков и его вклад в становление и развитие славяно-русской археологии

Фигура Бориса Александровича Рыбакова как археолога, историка и организатора науки на фоне минувшего XX века поистине масштабна. Два года назад в Новосибирске на первом Всероссийском археологическом съезде было решено посвятить очередной крупнейший археологический форум России столетию со дня рождения трех выдающихся ученых нашего отечества, среди которых и Б.А. Рыбаков.

Как человек, по своей манере поведения и публичных выступлений, стилю руководства крупными научными коллективами и экспедициями, подходу к анализу исторического источника и факта он не был похож ни на Бориса Борисовича Пиотровского, ни на Алексея Павловича Окладникова. Б.А. Рыбаков был самобытен и даже порой вызывающе индивидуален. Себя он ощущал прежде всего историком. Его крупные труды написаны свободно, уверенно, эмоционально. Перу исследователя принадлежат блестящие и тонкие источниковедческие работы. Главная из них – фундаментальная книга «Ремесло Древней Руси» (1948), явившаяся в рукописи его докторской диссертацией (1942) и удостоенная сразу после издания Сталинской премии СССР (1949). Однако ряд обобщающих монографий по русской истории – таких, к примеру, как «Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв.» (1982) – написаны ученым в ином стиле, с привлечением огромного материала, что свидетельствует о широкой эрудиции автора, но без утяжеления текста многочисленными ссылками на специальную литературу. Отдельные главы, вышедшие из-под пера ученого, порой напоминают профессорские лекции с кафедры или публичные выступления перед широкой аудиторией. Это своеобразные исторические полотна. Борис Александрович мог себе такое позволить.

В докладе мы не ставим перед собой задачу оценить творчество Б.А. Рыбакова во всем его многообразии, упомянуть сотни его научных и популярных работ, рассказать о всех деталях его биографии, ступенях научно-организационной карьеры, представить всю полноту его общественной деятельности. Это уже сделано в целом ряде биографических публикаций, в том числе специально посвященных столетию ученого (Борис Александрович Рыбаков,

1968; 1978; Макарова, 1998; Мединцева, 1998; 2008; Гайдуков, Макаров, 2008; Рыбаков, 2008; Чернецов, 2008). Наша цель гораздо скромнее: рассмотреть лишь некоторые вопросы, оттеняющие вклад исследователя в развитие ряда важнейших проблем археологии славян и Древней Руси.

Научные интересы Б.А. Рыбакова были весьма многоплановы. В своих трудах он затрагивал различные темы из области истории, археологии, этнографии, эпиграфики, археографии, исторической географии, метрологии, сфрагистики, древнерусского летописания, фольклора, традиционной народной культуры. Однако главным в творчестве исследователя все же оставалась непоколебимая устремленность к изучению национального прошлого славянских народов, истоков древнерусской культуры и государственности, то есть к тому, что определяет исконные корни России и русского народа.

Для того, чтобы высветить вклад Б.А. Рыбакова в отечественную археологию, следует обратиться к предшествующему периоду ее истории. Становление и развитие российской археологии – большая и многогранная тема. С проведением в середине XIX в. крупных реформ Александра II, направленных на преобразование страны и либерализацию многих сторон жизни российского общества, был поднят и вопрос о государственном сохранении археологических древностей, то есть национального культурного наследия. Такой шаг был сделан в 1859 г. с созданием Императорской Археологической комиссии (ИАК). И хотя в официальных документах это специально не оговаривалось, но вполне очевидно, что речь шла, прежде всего, об античных древностях и памятниках Северного Причерноморья. Археология других эпох и территорий оставалась в тени. Только тремя десятилетиями позднее благодаря А.А. Спицыну и его активной работе в ИАК дело сдвинулось в сторону изучения славяно-русской археологии. Нельзя недооценивать откровение А.А. Спицына в письме от 24 июля 1883 г. к видному русскому историку С.Ф. Платонову. «Я искренний патриот, и процветание России – вот что входит во все мои помыслы. Поэтому я никогда не буду таким ученым, каким будете Вы... Я буду заниматься не одной

историей, но всем – историей, статистикой, языком, этнографией, изданиями – я буду заниматься как начинали всем этим заниматься славянофилы. Я буду писать – если это окажется мне по силам – как писали Аксаков, Хомяков, как теперь пишут сотрудники «Руси», стараясь, конечно, избежать всевозможных увлечений...» (Тихонов И.Л., 1991. С. 266–267). А.А. Спицын, как поборник всего русского, пытался показать, что археология России – это не только звон античных монет и золото скифских курганов, но и скромные по сравнению с ними древности городищ и могильников необъятных просторов Восточной Европы.

Этапной для развития славяно-русской археологии явилась статья А.А. Спицына «Расселение древнерусских племен по археологическим данным» (1899). В ней на основе анализа материалов древнерусских курганов было показано соответствие распространения их различных групп летописным сведениям об областях расселения отдельных славянских племен. Стало ясно, что славяно-русская археология смыкается с историей и этнографией. В первые десятилетия XX в. изучение древнерусских древностей приобретало все больший размах, однако историки еще долго с осторожностью пользовались данными археологии.

Лишь в 1920-е годы в большую науку вошло молодое поколение исследователей, начавших активно привлекать археологию для изучения прошлого Древней Руси. В их числе был и Б.А. Рыбаков, ставший в последующие десятилетия лидером в разностороннем изучении истории и археологии Киевской Руси и русской культуры. По существу, он продолжил предложенный А.А. Спицыным новый подход к изучению славянских древностей в отечественной археологии и вывел его на более высокий уровень. Не случайно первая научная статья Б.А. Рыбакова 1928 г. заключалась в публикации материалов собственных раскопок двух групп вятичских курганов. Первым же значительным исследованием молодого автора была работа, посвященная одному из летописных восточнославянских племен – радимичам, обитавшим на р. Сож (Рыбаков, 1932). В позиции, занятой Б.А. Рыбаковым еще в молодости, заметно влияние нескольких факторов. Во-первых, воспитания в семье (его родители – выходцы из старообрядческих кругов московского и суздальского купечества – были образованными людьми, связанными с московской историко-филологической средой и преподаванием в высшей школе); во-вторых, идей А.А. Спицына в отношении национальной археологии. Несомненно также и влияние на Бориса Александровича А.В. Арциховского. Последний, будучи в 1925–1929 гг. аспирантом Научно-исследовательского инсти-

тута археологии и искусствознания РАНИОН, читал лекции на историко-этнологическом факультете 1-го Московского государственного университета, которые слушал студент Б.А. Рыбаков, а также был одним из первых его наставников в полевой археологии. А.В. Арциховский, будучи сам сторонником идей А.А. Спицына, издал в 1930 г. книгу «Курганы вятичей», определив по археологическим данным ареал, занимаемый этим летописным племенем. Работа Б.А. Рыбакова о радимичах, по существу, написана в том же русле, что и работа А.В. Арциховского, то есть выполнена единомышленником.

В 1937 г. разгорелась серьезная дискуссия по вопросу методологии исследования ареалов летописных племен. Инициатором ее явился П.Н. Третьяков, который слушал лекции А.А. Спицына в стенах Ленинградского государственного университета, бывал у него дома и, казалось бы, более других должен был быть склонен к восприятию его идей. Однако получилось наоборот. На страницах ведущего издания «Советская археология» он выступил со статьей «Расселение древнерусских племен по археологическим данным», нарочито повторяя название статьи А.А. Спицына 1899 г., но начисто ее отвергая (Третьяков, 1937). По его мнению, нельзя привлекать материалы древнерусских курганных древностей для определения границ расселения летописных племен. П.Н. Третьяков в те годы начинал претендовать на роль ведущего археолога-слависта в стране и поборника новой марксистской исторической науки в области восточнославянской археологии. Решительно выступили с отстаиванием точки зрения А.А. Спицына москвичи, казалось бы, в полном противоречии с распространенными сейчас рассуждениями о коренном различии санкт-петербургской и московской археологических школ. Прежде всего это был А.В. Арциховский со статьей «В защиту летописей и курганов» (1937). На стороне последнего, естественно, был и Б.А. Рыбаков, опубликовавший в 1947 г. работу «Поляне и северяне». Ее публикацию, несомненно, задержала война. Постепенно полемика потеряла свою актуальность. Как отмечал И.И. Ляпушкин, «пересмотр взглядов А.А. Спицына на соотношение археологических памятников славян и летописных известий о славянских племенах Восточной Европы, предпринятый П.Н. Третьяковым, не имеет под собой почвы. П.Н. Третьяков не смог доказать несостоятельность взглядов А.А. Спицына...» (Ляпушкин, 1968. С. 123). А.В. Арциховский и Б.А. Рыбаков, следовавшие наблюдениям основателя славяно-русской археологии, оказались правы. Долгие годы в полном соответствии с такими взглядами проходило и творчество выдающегося археолога-слависта В.В. Седова.

В 1930-х годах полевые исследования древнерусских городов все еще находились на начальной стадии – как в разработке методических приемов их изучения и фиксации результатов, так и в осмыслении получаемых материалов. Нельзя не упомянуть на этом фоне о грамотных раскопках Н.И. Репникова в Старой Ладогe (1909–1913 гг.) и довольно масштабных и целенаправленных работах в Киеве (1908–1914 гг.).

В 1929 г. А.В. Арциховский направился на свои первые раскопки в Новгород. Вместе с ним в качестве топографа-чертежника поехал и Б.А. Рыбаков. Начали с поисков древнейшего Новгорода на «Рюриковом» Городище, традиционно считавшемся местом расположения легендарного Славенска и являвшегося княжеской резиденцией в древнерусское время. Б.А. Рыбаков снял первый полный план этого уникального памятника. Общий вывод А.В. Арциховского прозвучал так: «Городище представляло из себя княжеский замок, со всех сторон окруженный водою» (Арциховский, 1930. С. 28). Несомненно, что молодые исследователи во время первой новгородской эпопеи обсуждали и проблемы становления городов, их поисков, роль княжеских резиденций. Именно тогда А.В. Арциховский и Б.А. Рыбаков положили начало новому подходу к изучению городской тематики: под руководством первого позже изучался регион Северной Руси, а второго – Южной Руси. Меньшую роль в разработке данного вопроса сыграл В.И. Равдоникас, продолживший работы Н.И. Репникова в Старой Ладогe, но всегда интересовавшийся тематикой более широкой, чем изучение только проблем Древней Руси.

В 1930-е годы Б.А. Рыбаков не терял интереса к вопросам археологии и истории Новгорода и Новгородской земли. Он принимал участие в раскопках на Славне и вместе с А.В. Арциховским опубликовал отчет об этих работах (Арциховский, Рыбаков, 1937), написал прекрасную статью о делении Новгородской земли на сотни (Рыбаков, 1938). Этот интерес не пропал и в дальнейшем. Б.А. Рыбаков был ответственным редактором трех томов серии «Новгородские грамоты на бересте» (Арциховский, 1954; Арциховский, Борковский, 1958а; 1958б), а в 1959 г. начал полемику с А.В. Арциховским о новгородской хронологии (Рыбаков, 1959; 1961; Арциховский, 1959; 1961). Эта дискуссия, несомненно, была полезна и привлекла пристальное внимание археологов к вопросам датировки слоев древнерусских городов и возможности их соотнесения с событиями письменной истории.

Однако основное внимание Б.А. Рыбаков уделял все же Южной Руси. Он всегда подчеркивал ведущую роль Киева в истории древнерусского

государства, был убежденным сторонником празднования 1500-летия Киева как столицы Киевской Руси. Не случайно древнейший Новгород исследователь не рассматривал как второй важнейший государственный центр средневековой Руси, а называл «крепостицей», поставленной на далеком севере киевскими князьями. С именем Б.А. Рыбакова связано археологическое изучение Чернигова, Белгорода Киевского, Путивля, Вщижа, Любеча, Витачева, Тмутаракани и других городских центров. Им сделано множество ценных наблюдений как в области конкретной археологии, так и благодаря привлечению к ее пониманию письменных источников, а также данных этнографии, русских былин и фольклора.

Б.А. Рыбаков первым в отечественной науке поставил вопрос об археологическом изучении русских феодальных замков. Феодальный замок – специфическое явление в изучении городов, процесса градостроения и их типологии. Борис Александрович всегда много внимания уделял этому и отнюдь не случайно раздел о замках в многотомной «Археологии СССР» написал именно он. «Социологически замок – это владельческое феодальное поселение (резиденция), обычно укрепленное и являющееся центром вотчинных владений» (Рыбаков, 1985. С. 94). Исследователь прекрасно понимал, что выявить отличия феодального замка от всех прочих типов поселений можно лишь в результате широких археологических раскопок. Экспедиция под руководством Б.А. Рыбакова в течение четырех лет (1957–1960 гг.) раскапывала замок XI в. в Любече, построенный, по всей вероятности, Владимиром Мономахом в ту пору, когда он был черниговским князем (1078–1094 гг.). Археология дает свои критерии оценки поселений, а находки могут показать, какие из них рассматривать в качестве замков. Прежде всего, это присутствие дорогих импортных изделий. В Любече, к примеру, на территории княжеского двора найдено около 400 фрагментов поливной посуды, в то время как на всей остальной территории городища – лишь 17 обломков. Важнейшим наблюдением исследователя явилось то, что открытые во время раскопок большие котлованы, считавшиеся ранее полуземляночными конструкциями, оказались углубленными основаниями значительных наземных сооружений. Изучение разрезов заполнений этих «полуземлянок» дало четкую картину потолочных прослоек и позволило ставить вопрос об этажности зданий.

Б.А. Рыбаков, начав рассмотрение проблемы древнерусских замков, сразу втянулся в круг неизученных тем древнерусской археологии. Для него стало очевидным, что многие замки X–XI вв. еще на протяжении существования Киевской Руси превра-

шались в городки и в настоящие города, обрастали посадом, ремесленными участками, дополнительными укреплениями. В связи с анализом замков в полной мере была впервые поставлена проблема возникновения «малых городов» Древней Руси, которая в дальнейшем стала предметом специальных изысканий (Куза, 1989). Однако распространить схему формирования городов из замков на всю территорию Древней Руси исследователь не смог. «Замков» не оказалось в Северной Руси, хотя вполне очевидно, что первый опыт раскопок городского центра в Новгородской земле, осуществленный А.В. Арциховским при участии Б.А. Рыбакова, касался изучения именно княжеской резиденции – «Рюрикова» Городища. Б.А. Рыбаков в качестве «дворов-замков» предложил рассматривать новгородские городские усадьбы, хотя сам же справедливо замечал, что «они не являлись непосредственно центрами вотчин, микростолицами вотчинных микрогосударств, т. е. были лишены одного из основных признаков феодального замка» (Рыбаков, 1985. С. 94).

Сейчас не время детально анализировать эту проблему. Важно то, что впервые Б.А. Рыбаковым был поставлен вопрос о роли феодальных усадеб в формировании на Руси малых городов и их месте в структуре древнерусского общества.

Далеко не все в научном наследии академика Б.А. Рыбакова может быть принято современным историком, однако его выдающиеся заслуги в изучении Древней Руси и славянских древностей очевидны и неоспоримы. В череде юбилеев отечественных археологов и историков, которыми оказался так богат год 2008-й, одно из самых почетных мест занимает 100-летие Б.А. Рыбакова, внесшего огромный вклад в становление и развитие советской археологической науки.

- Арциховский А.В., 1930. Раскопки 1929 г. в Новгородской округе // Материалы и исследования [Новгородского государственного музея]. Вып. 1. Новгород.
- Арциховский А.В., 1937. В защиту летописей и курганов. (Ответ на статью П.Н. Третьякова «Расселение древнерусских племен по археологическим данным») // СА. Т. IV. Л.
- Арциховский А.В., 1954. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М.
- Арциховский А.В., 1959. О новгородской хронологии // СА. № 4.
- Арциховский А.В., 1961. Ответ Б.А. Рыбакову // СА. № 3.
- Арциховский А.В., Борковский В.И., 1958а. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М.

- Арциховский А.В., Борковский В.И., 1958б. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М.
- Арциховский А.В., Рыбаков Б.А., 1937. Раскопки на Славне в Новгороде Великом // СА. Т. III. Л.
- Борис Александрович Рыбаков / Вступит. статья С.А. Плетневой. Библиогр. сост. Р.И. Горячевой. М., 1968. (Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. истории; вып. 9).
- Борис Александрович Рыбаков / Вступит. статья С.А. Плетневой и Т.В. Николаевой. Библиог. сост. Р.И. Горячевой, И.М. Зарецкой и Г.Т. Серовой. 2-е изд., доп. М., 1978. (Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. истории; вып. 12).
- Гайдуков П.Г., Макаров Н.А., 2008. Академик Борис Александрович Рыбаков. К 100-летию со дня рождения // Вестник истории, литературы, искусства. Т. VI. М. (в печати).
- Куза А.В., 1989. Малые города Древней Руси. М.
- Ляпушкин И.И., 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. Л. (МИА. № 152).
- Макарова Т.И., 1998. К 90-летию академика Бориса Александровича Рыбакова // РА. № 2.
- Медынцева А.А., 1998. Б.А. Рыбаков – историк-энциклопедист нашего времени // Культура славян и Русь. М.
- Медынцева А.А., 2008. Б.А. Рыбаков как археолог и историк культуры. К 100-летию со дня рождения // РА. № 3.
- Рыбакоў Б.А., 1932. Радзімічы // Працы сэкцыі археалёгіі Беларускай АН. Т. III. Менск.
- Рыбаков Б.А., 1938. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. // Исторические записки. Т. 2. М.
- Рыбаков Б.А., 1947. Поляне и северяне (К вопросу о размещении летописных племен на Среднем Днепре) // СЭ. № VI-VII.
- Рыбаков Б.А., 1959. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей // СА. № 4.
- Рыбаков Б.А., 1961. Что нового вносит в науку статья А.В. Арциховского «О новгородской хронологии»? // СА. № 2.
- Рыбаков Б.А., 1985. Замок // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М. (Раздел главы 3).
- Рыбаков Р.Б., 2008. Сын об отце // Вестник РАН. 78. № 6.
- Спицын А.А., 1899. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. VIII.
- Тихонов И.Л., 1991. Из эпистолярного наследия А.А. Спицына (Письма к С.Ф. Платонову) // СА. № 2.
- Третьяков П.Н., 1937. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // СА. Т. IV. Л.
- Чернецов А.В., 2008. Крупный человек, неповторимая личность. К 100-летию со дня рождения академика Б.А. Рыбакова // Вестник РАН. № 6.

СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ

СЕКЦИЯ 1

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПАЛЕОЛИТЕ И МЕЗОЛИТЕ ЕВРАЗИИ: РАССЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, КУЛЬТУРОГЕНЕЗ, МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ПРИРОДНАЯ СРЕДА

А.А. Анойкин, В.С. Славинский

Институт археологии и этнографии СО РАН

Палеолит предгорной зоны западного побережья Каспия*

Территория западного побережья Каспийского моря оставалась до недавнего времени одной из наименее изученных в палеолитическом отношении областей Кавказа. Находки ранних гоминидов в Грузии (Дманиси, пещера Кударо I) и Азербайджане (пещера Азых), а также многочисленные стоянки более поздних этапов палеолита, свидетельствуют, что на протяжении очень долгого времени Кавказ являлся одним из основных транзитных коридоров при расселении человеческих коллективов по Евразии (Любин, 1998). При этом все основные памятники, за редким исключением, сосредоточены в центральной части Кавказа или вдоль его черноморского побережья, хотя побережье Каспия является более удобным маршрутом при меридиональном пересечении региона. Предгорная равнина позволяет быстро передвигаться на большие расстояния, а близость низогорной зоны обеспечивает возможность постоянного пополнения ресурсов в предгорных участках с богатой и разнообразной биотой. Реки на прикаспийской равнине, как правило, не имеют сильного течения и мелководны, благодаря чему их легко форсировать. Тем не менее, известные палеолитические материалы с территории западного побережья Каспийского моря происходят в основном из горных районов Азербайджана и освещают развитие древних культур очень фрагментарно, преимущественно не выходя за рамки мустьерского времени (Джафаров, 1999). Территория Дагестана изучена в этом отношении еще слабее: до последнего времени здесь

были известны только единичные палеолитические местонахождения, практически все с поверхностным залеганием артефактов. Однако исследования последних лет позволяют в определенной мере заполнить имеющиеся лакуны в наших знаниях о древнейших этапах истории этого района Кавказа, в первую очередь благодаря данным, полученным в ходе работ на многослойных археологических объектах в долинах рек Рубас и Дарвагчай (Южный Дагестан). Первые сведения о существовании палеолита на этой территории были получены М.З. Паничкиной в конце 30-х гг. XX в. (сборы у с. Геджух, среднее течение р. Дарвагчай). Дальнейшие поиски палеолитических местонахождений осуществлялись в 1950-х гг. В.Г. Котовичем. Наиболее древние материалы были обнаружены им на местонахождении Чумус-Иниц (среднее течение р. Дарвагчай); они предположительно датированы ашельским временем (Котович, 1964). Масштабные исследования этого района начаты в 2003 г. совместной экспедицией ИАЭТ СО РАН, ИА РАН и ИЭА РАН, и за 5 последних лет в бассейнах рек Дарвагчай и Рубас было открыто более 20 памятников палеолита. Наиболее ранние стратифицированные палеолитические комплексы обнаружены на стоянках Дарвагчай 1 и Рубас 1 (нижний комплекс) (Деревянко, Зенин, 2007). Их отличают приуроченность к отложениям прибрежно-морского генезиса, предположительно бакинского (Q1) возраста, и преобладание изделий небольших размеров. Среди артефактов шиповид-

ные изделия, микроскребки, сколы с ретушью и без нее. Особенности индустрии являются ее микролитичность (средние размеры ~ 2 см), предпочтительное оформление орудий на нескованных основах, малое разнообразие орудийных форм и достаточно развитая техника ретуширования. Относительный возраст и морфологический облик основных категорий орудий позволили отнести эти материалы к числу микроиндустрий раннего палеолита.

Более поздний этап истории региона отображают материалы поверхностных сборов со стоянки Тинит 1 (верхнее течение р. Рубас), обнаруженной в 2007 г., с местонахождения Чумус-Иниц, повторно исследованного в 2005 г., а также единичные ашельские рубила из бассейна р. Дарвагчай (Деревянко и др., 2005а; Деревянко и др., 2007). Общий облик артефактов и степень сохранности поверхности позволяют предполагать наличие в коллекциях как минимум двух разновозрастных комплексов. Более древнюю группу артефактов составляют материалы, относящиеся, видимо, к финалу раннего – началу среднего палеолита, характеризующиеся массивностью изделий (в основном скребла и грубые скребки), присутствием рубящих орудий и наличием повреждения граней и ребер предметов (окатанность, забитость). Развитый средний палеолит представлен дисковидными, радиальными и леваллуазскими (для острий и отщепов) ядрищами, леваллуазскими целевыми (острия) и техническими сколами, серийными скребел, зубчато-выемчатыми и шиповидными орудиями. Видимо, в этих же хронологических рамках находится и основной комплекс находок с местонахождений Рубас 2–5 и Рубас 1 (средний комплекс) в среднем течении р. Рубас, связанный с древней галечно-конгломератной толщей аллювиального происхождения (Деревянко и др., 2005б). Здесь, наряду с большим количеством простейших форм плоскостных нуклеусов, фиксируются леваллуазские ядрища для острий, в инвентаре присутствуют интенсивно ретушированные скребла, значителен процент зубчато-выемчатых изделий, есть единичные экземпляры леваллуазских сколов, мустьерских остроконечников и крупных изделий с элементами бифасиальной обработки. Верхнепалеолитические элементы в виде долотовидных изделий и скребков, как правило, невыразительны и малочисленны.

Наиболее поздние этапы палеолитического времени характеризуют артефакты, связанные с мощными лессовидными суглинками, венчающими разрезы на стоянках Рубас 1 и Тинит 1. Данные раскопок показывают, что археологический материал в них простирается на довольно значительной площади и имеет несколько уровней залегания. Технично-типологический анализ обнаружен-

ных индустрий позволяет отнести их к широкому культурно-хронологическому интервалу в рамках верхнего – финала среднего палеолита. Среди ядрищ преобладают простые нуклеусы параллельного принципа расщепления, однако есть торцовые и подпризматические разновидности. Орудийный набор: скребки, резцы, проколки, скребла, пластины с ретушью. В первичном расщеплении фиксируется применение верхнепалеолитической техники скола – редуцирование края ударных площадок подтеской и пришлифовкой. При этом свидетельства применения среднепалеолитической техники скола, заключающейся в предварительном формировании точки удара для последующего скалывания целевой заготовки, прослеживаются только в самых нижних горизонтах стоянки Рубас 1 (верхний комплекс), где обнаружено несколько леваллуазских ядрищ (для острий и отщепов) и технических сколов их оформления. Возможно, к верхнему палеолиту относится и незначительная часть коллекции поверхностных сборов на Тините 1 и Чумус-Инице (недефлированный комплекс), где присутствуют нуклеусы с элементами торцового расщепления, скребки и долотовидные орудия.

Исследования последних лет, проводимые в Дагестане, позволили получить новые материалы, касающиеся расселения древнейших гоминидов, а также происхождения и распространения древнейших микролитических индустрий, предположительно возникших около 2 млн. лет назад в Африке (Омо и др.), а затем распространившихся на территорию Леванта (Бизат Рухама), Европы (Изерния ла Пинета и др.) и Центральной Азии (Кульдара) (Деревянко, Зенин, 2007). Раннепалеолитические индустрии стоянок Рубас 1 и Дарвагчай 1 позволяют рассматривать Кавказ как один из очагов существования доашельских микроиндустрий на самых ранних этапах освоения человеком этого региона Евразии.

Более поздние материалы демонстрируют появление на этой территории комплексов с классическими ашельскими рубилами, хорошо известными по находкам из пещерных стоянок черноморского побережья Кавказа. Развитые среднепалеолитические индустрии характеризуются применением двух разновидностей леваллуазской техники – черепаховидной и конвергентной остройной, – а также присутствием в ассамбляжах интенсивно ретушированных скребел и мустьерских остроконечников наряду с представительной группой зубчато-выемчатых изделий. Для верхнепалеолитических технокомплексов характерна призматическая (или близкая таковой), а также простая параллельная техника получения пластинчатых заготовок, с редуцированием ударной площадки подтеской и пришлифовкой. Орудийные

наборы маловыразительны, однако в них фиксируется присутствие таких позднепалеолитических форм, как концевые скребки, резцы и проколки с выделенным жалом.

Имеющиеся на настоящий момент коллекции, несмотря на их малочисленность, позволяют изучать появление и развитие верхне- и среднепалеолитических индустрий в предгорной зоне западного каспийского побережья на более качественном уровне. Переотложенный характер более ранних материалов (древний комплекс Тинита I связан с пролювиально-делювиальными отложениями, а Рубаса I и Дарвагчая I – с прибрежными отложениями) демонстрирует наличие в этом районе разрушенных стоянок раннего – начала среднего палеолита и ставит проблему поиска стратифицированных памятников этого времени с инситу залеганием археологического материала.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 07-06-00096, и Фонда Президента РФ, грант НШ-7646.2006.6.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., 2005а. Первые находки ашельских рубил в Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Цыбанков А.А., Кулик Н.А., 2005б. Комплекс палеолитических местонахождений в среднем течении реки Рубас (Южный Дагестан) // Там же.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А., Кулик Н.А., 2007. Тинит I – новая многослойная палеолитическая стоянка в долине р. Рубас // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., 2007. Первые результаты исследований раннепалеолитической стоянки Дарвагчая I в Дагестане // АЭАЕ. № 4 (32).

Джафаров А.Г., 1999. Средний палеолит Азербайджана. Баку.

Котович В.Г., 1964. Каменный век Дагестана. Махачкала.

Любин В.П., 1998. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.

В.И. Беляева

Санкт-Петербургский государственный университет

В.Г. Мусеев

Музей этнографии и антропологии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург

Проблемы типологических определений кремневых орудий верхнего палеолита

1. Категориальное разнообразие орудий верхнего палеолита невелико. Это формы, повторяющиеся повсеместно в течение всей эпохи. При характеристике категориальных групп обычно оперируют наименьшим и достаточным набором признаков.

2. Сложности обычно возникают при классификации внутри той или иной категории каменного инвентаря. Масштабные типологические разработки на уровне тип-листов являлись выходом из положения в период существования множества региональных списков, построенных на признаках разной степени значимости.

3. Работа с признаками, их корреляцией и статистической обработкой в 1960–1980-е гг. не принесла удовлетворительных, общепризнанных результатов. Типологические исследования были отодвинуты в

сторону, археологические культуры не выделялись. На смену пришли другие, более перспективные исследования – планиграфические, археозоологические, технологические, функциональные, естественнонаучные и др.

4. Современная типология орудий как самостоятельная дисциплина перестала существовать. В настоящий момент становится очевидным, что форма орудия отражает не только узкий идеальный образ изготавливаемого предмета, но и очень сильно зависит от технологии его изготовления и последующего видоизменения. Таким образом, для достижения современного уровня анализа типа требуется учет технологических и функциональных особенностей создания орудий. Вместе с тем, определение функций без типологической основы представляется интересным, но не систематизированным фактом.

Технология же сама нуждается в типологическом, вернее типолого-статистическом, обобщении.

5. Обращаясь к проблеме типобразования, мы убеждаемся, что на материалах Русской равнины триединство признаков – тип – культура не является безусловным фактом. В первую очередь это происходит потому, что на данной территории существуют лишь единицы морфологически четко выраженных групп кремневого инвентаря, аналогичных по своим культуроопределяющим возможностям западноевропейским.

6. На практике мы пользуемся дефинициями западноевропейских форм, существование которых позволяет говорить о европейских корнях археологических культур в Восточной Европе.

7. Четкие типологические группы кремневого материала памятников Русской равнины встречаются лишь на единичных стоянках. Наиболее известные из них – костёнковско-авдеевская, стрелецкая, тельманская, александровская и некоторые другие формы. Однако они существуют лишь на очень ограниченной территории или кратком временном промежутке, что не характерно для большинства культур Западной Европы.

8. В конечном итоге выделение типов упирается в выделение работающих морфологических признаков, полно и достоверно характеризующих форму орудия.

9. Нами сделана попытка статистической оценки границ варибельности одной из наиболее известных категорий кремневого инвентаря Костенок 1 – наконечников с выемкой (Беляева, Моисеев, 2007. С. 16–28). Для этого были выделены две основные группы наконечников, отличающихся по форме ретуши пера – плоской вентральной и краевой дорсальной. Плоская ретушь всегда является одним из наиболее значимых признаков для выделения группы классических Костёнковских наконечников. В анализе было использовано шесть метрических признаков, характеризующих форму орудия. В качестве основного метода анализа был использован метод главных компонент.

Результаты исследования говорят о достоверности различий двух групп наконечников по большинству признаков, которые связаны с разными этапами жизни орудий.

А. Группа наконечников с плоской ретушью достоверно отличается от группы с краевой ретушью большей шириной, что говорит об использовании различных заготовок.

Б. Между анализируемыми группами наконечников наблюдаются существенные различия по признакам, связанным непосредственно с формообразованием. Для группы наконечников с плоской ретушью характерны более высокие значения изогнутости края и конца, противоположных выемке (овала и дуги).

В. Группа наконечников с плоской ретушью характеризуется существенно большим углом пера, что можно связать с более интенсивным использованием этой группы орудий или другим способом использования.

Несмотря на вышеуказанные различия, данные группы не соответствуют классическому представлению о двух отдельных типах орудий, поскольку существуют зоны перекрывания значений признаков, относящихся, прежде всего, к форме заготовки и формообразованию орудий. Кроме того, многие орудия имеют два варианта ретуши, что предполагает возможность переоформления их в процессе использования. Это обстоятельство не противоречит тому, что группа наконечников с плоской ретушью обладает признаками типа. Возможно, что в некоторых условиях могла создаваться особая группа наконечников на материале более широкого «прокатегориального» характера. Это заметно по результатам многомерного анализа на фоне группы наконечников с краевой ретушью. Последняя, при групповом сравнении ряда памятников, имеет с ними общие, близкие черты. Можно предположить, что на материале, достаточно морфологически нейтральном, в разных условиях формирования культур создавались и особые морфологические типы наконечника. Таких направлений могло быть несколько; одно из наиболее ярких дало солютрейский наконечник. Другой тип наконечника мог быть создан в Костёнках, в условиях резкого дефицита сырья, который приводил к неоднократной трансформации и усложнению формы орудия. Та же усложненность формы свойственна ножам и резцам этого памятника. Сформированный тип орудия (наконечник, нож) продолжает существовать и при иных условиях, на богатой сырьевой базе Зарайска. Изменения формы орудий происходят, но, вероятно, внутри типовых групп.

А.П. Бужилова

Институт археологии РАН

Анализ антропологических материалов из совместных захоронений верхнего палеолита

Совместные погребения верхнего палеолита по количеству погребенных условно делятся на тройные и двойные.

Тройные погребения известны в нескольких областях Европы. Наиболее ранние (Барма Гранде и Дольни Вестонице) характеризуются горизонтальным положением костяков. Во всех захоронениях присутствует охра. Для Барма Гранде характерен сложный набор погребального инвентаря и украшений. На примере Дольни Вестонице есть основание говорить об элементах ритуала, возможно связанных с инициацией одного из юношей (DV 13). Тройное погребение в Барма Гранде – это захоронение в пещере, а погребение в Дольни Вестонице – на открытом пространстве.

Антропологические данные свидетельствуют о том, что эти погребения объединяет намеренное расположение индивидов с учетом половой принадлежности. В Барма Гранде девушка помещалась посередине между мужчиной и юношей; в Дольни Вестонице молодая женщина располагалась посередине между юношами. Данные палеопатологии не позволяют с уверенностью говорить о случайной смерти захороненных, так же как и о преднамеренной.

Следует подчеркнуть, что анализ генетических маркеров дает основание утверждать, что в этих погребениях захоронены близкие родственники (Alt et al., 1997. P. 123–131). Очевидно, на каждом поселении каменного века проживали группы родственных между собой людей. Не имея веских доводов, трудно представить себе все тонкости выделения родства внутри каждой группы охотников-собирателей. Однако редкие совместные захоронения на фоне более многочисленных одиночных выглядят нарочитыми, возможно отражающими особенное, избирательное отношение к индивидам, погребенным совместно.

Двойные погребения верхнего палеолита обнаружены в двух областях Италии – Лигурии и Апулии, – а также в Австрии (захоронение биологических близнецов-младенцев; по реконструкции австрийских археологов, дети были запеленаты в шкуры и обильно покрыты охрой). Хронологически наиболее раннее двойное погребение известно в России (Сунгирь). По полученным данным, все эти погребения объединяются сходством половозрастного состава погребенных и некоторыми элементами обряда:

одномоментность совместного погребения; обязательное присутствие ребенка-подростка или очень молодого индивида; разнополость погребенных; дно могильных ям некоторых захоронений покрыто углем; в погребальном обряде интенсивно использована охра. По некоторым сведениям складывается впечатление, что в парных погребениях хоронили близких родственников (Бужилова, 2005).

Возникает предположение о намеренности совершения такого рода парных погребений, однако данные палеопатологии не дают доказательств умышленного умерщвления захороненных. Попробуем оценить эту проблему, используя косвенные свидетельства антропологии, проанализировав половозрастной состав парных погребений на фоне одиночных захоронений в пещерах Лигурии, на памятниках Дольни Вестонице и Сунгирь.

В «Гроте Детей» помимо двойного захоронения было открыто одиночное погребение взрослого мужчины, погребение взрослой женщины и двух детей (Binant, 1991). В пещере Барма Гранде кроме тройного погребения обнаружены одиночные захоронения трех взрослых мужчин. В пещере Барма де Кавильон погребен взрослый мужчина, в Бауссо да Торре – двое взрослых мужчин и подросток (Oakley et al., 1971). Таким образом, в пещерах Гримальди захоронены 10 индивидов мужского пола (среди них 2 подростка), три – женского (среди них один подросток) и трое детей, пол которых не определен.

На памятнике Дольни Вестонице помимо тройного погребения обнаружены фрагментарные останки по крайней мере 35 индивидов, причем в шести случаях отмечаются контуры погребальных ям, а захоронения сопровождаются погребальным комплексом. Среди погребенных есть женщины, мужчины, дети и подростки. К сожалению, фрагментарность материала не позволяет объективно рассмотреть половозрастное соотношение в группе. Тем не менее, в известных более или менее полных захоронениях было погребено 6 индивидов мужского пола, 4 женского и 2 детей, треть из них была неполовозрелой (Бужилова, 2005).

На Сунгире с учетом двойного захоронения обнаружены погребения 9 индивидов. По тем или иным критериям у шести из них можно предположить пол (2 индивида мужского, 4 – женского) и возраст: среди восьми обследованных 4 индивида были

неполовозрелого возраста – один мужского пола и три женского.

Итак, в пещерах Лигурии мужские погребения численно значительно преобладают над женскими, а на Сунгире отмечается обратная картина. По отрывочным сведениям, число мужчин на Дольни Вестонице несколько превышает число женщин. Эти наблюдения склоняют нас к признанию того, что в целом определенной избирательности по полу в погребениях палеолита, по-видимому, не было. При учете последнего присутствие разнополых индивидов в парных захоронениях нельзя рассматривать как случайность.

Обратимся к результатам анализа возрастного распределения умерших в эпоху верхнего палеолита. Число индивидов из возрастной категории 12–20 лет составляет около 10%, примерно такой же процент умерших в возрасте 41–50 лет. Младенцев, маленьких детей и детей до 11 лет – около 24,5%, а индивидов в возрасте 21–30 и 31–40 лет – около 27%. Следует отметить, что представленная возрастная структура умерших близка к известным результатам, полученным при анализе различных доисторических и исторических групп (Бужилова, 2005), что позволяет оценить эту сводную выборку как более или менее объективное отражение закономерных демографических процессов в палеогруппе.

Итак, погребенные подростки составляют меньшую долю, чем дети и взрослые, их число соответствует числу погребенных в возрасте 40–50 лет. Одинаковые показатели объясняются, очевидно, тем, что люди каменного века редко доживали до 40–50 лет и старше, а подростки умирали реже, чем представители других возрастных категорий. Опираясь на данные современной демографии, следует подчеркнуть, что обычно подростки составляют ту возрастную («детскую») категорию, которая меньше остальных неполовозрелых индивидов подвергается риску преждевременной смерти.

При оценке процентного соотношения возрастных категорий погребенных без учета совместных захоронений становится очевидным, что число погребений подростков одинаково низко на всех этапах палеолита. Следует обратить внимание на то, что невысокий уровень встречаемости смерти среди подростков находится в интервале случайных значений.

Понимая, что в верхнем палеолите везде реконструируются те же закономерности демографической структуры, мы можем указать, что увеличение доли смертности (31–50%) подростков на памятниках, где встречаются совместные погребения (Лигурия, Дольни Вестонице и Сунгирь), кажется специфическим.

Итак, демографический анализ распределения смертности на различных этапах палеолита с учетом модификаций захоронений позволяет выявить высокий показатель частоты помещения подростков в совместные могилы на фоне случайных значений смертности этой категории населения, что дает основание поднять вопрос о некоей «закономерности» практики погребения подростков в совместных захоронениях.

Итальянский антрополог В. Формикола попытался реконструировать особенности физического облика погребенных в палеолитических совместных захоронениях. Он обратил внимание на то, что некоторые из индивидов обладали яркой, неординарной внешностью (Дольни Вестонице, Арена Кандид, Ромито и др.). Так, индивид, захороненный в тройном погребении Дольни Вестонице, имел ряд патологических аномалий, связанных с дистрофической дисплазией. Исследователь обращает внимание на реконструкцию внешнего облика, ассоциированного с определенными проявлениями этого заболевания: развитием эпикантуса (специфическая складка верхнего века, распространенная обычно среди монголоидов) и аллопеции (локальное, т. е. небольшими участками, отсутствие волосяного покрова на своде головы). Столь необычный вид, по мнению исследователя, мог спровоцировать особое социальное положение индивида (Formicola, Pontradolfi, 1998. P. 83).

Обратим внимание на внешний облик других индивидов из совместных погребений. Так, девочка из сунгирского парного захоронения обладала редко встречаемой наследственной аномалией – физиологическим искривлением диафизов бедренных костей. Создавалось впечатление постоянного положения ног в полусогнутом состоянии, причем выше области колен. Несмотря на подобный дефект, девочка была чрезвычайно подвижной и подвергалась ежедневным активным физическим нагрузкам. Сунгирский мальчик, с хроническим типом заболевания костной системы (с возможными проявлениями болезни на коже) и специфическим вариантом диеты (пониженная доля мясной пищи, высокая – растительной, и очень высокая – продуктов из беспозвоночных), мог не только внешне, но и психологически отличаться от своих соплеменников – типичных мясоедов* (Бужилова, 2000).

Итак, представленные тенденции можно считать неслучайными признаками, объединяющими индивидов из совместных захоронений. Возможно, это последствия отбора индивидов для определенного ритуального действия. К сожалению, ни антропологические данные, ни археологические материалы не дают полновесных оснований для дефиниции веро-

ятного ритуала. По данным антропологии выделяются следующие особенности: участие индивидов обоих полов; возможные близкородственные отношения между погребенными; обязательное присутствие неполовозрелого или очень молодого индивида; наличие индивидов с неординарными внешними и психологическими данными.

Следует подчеркнуть, что один из рассмотренных критериев, а именно обязательное присутствие подростков, может быть основным, дающим ключ к пониманию существа обряда. Обратившись к данным антропологии, попробуем оценить социальную значимость подростка в верхнепалеолитическом обществе. Как указывалось выше, число пожилых людей в верхнем палеолите незначительно. По данным Т. Уолдрона (Waldron, 1989. P. 66), средний возраст умерших – 33,3 года для мужчин, и 28,7 – для женщин. На этом фоне люди, доживающие до 40–50 лет, могут восприниматься как долгожители, приблизившиеся к финалу жизненного цикла поколения, а подростки – как полноценные члены общества, готовые к репродуктивной деятельности. В связи с этим социальная значимость неполовозрелого индивида представляется чрезвычайно важной: это тот потенциал, который необходим для дальнейшего развития социума и рода, в частности. Преднамеренно жертвовать им можно было в крайне необходимых случаях, отдавая самое дорогое, чем обладала большая семья.

С этой точки зрения неполовозрелые индивиды из совместных захоронений, очевидно, предстают основным «действующим лицом» неведомого нам ритуала. Вспомним «знаки инициации» на черепе молодого мужчины из тройного погребения Дольни Вестонице**. Это впечатление усиливается еще и тем, что захоронения подростков в большинстве случаев сопровождаются различным убранством и многочисленным сопутствующим инвентарем (Барма Гранде, Сунгирь), как на Сунгире, по богатству превосходящим все известные верхнепалеолитические погребения взрослых. Так как есть аргументы в пользу преднамеренности погребения молодых родственников между собой людей, трудно представить, что они умерли в одно время вследствие роковой случайности. Косвенным доказательством использования физического насилия может служить находка костной пластинки во рту девушки из тройного погребения в Дольни Вестонице***. Следовательно, в определенных случаях совместные захоронения могут отражать ритуалы, связанные с человеческими жертвоприношениями и манипуляциями с человеческим телом. В остальных – причины погребения нескольких индивидов в одной могиле могут быть иными, связанными, например, с некими трагическими обстоятельствами (коллективное погребение в Пшедмости).

* Подробная реконструкция диеты была проведена по результатам химического анализа костной ткани М.В. Козловской (2000. С. 299–301). Дополнительные сведения были получены зарубежными коллегами при анализе стабильных изотопов азота и углерода (Richards et al., 2000. P. 7663–7666).

** На лобной кости молодого индивида (DV 13) ближе к линии метопиона отмечен дефект овальной формы (16 x 21 мм) глубиной не более 1 мм. Аналогичный по форме и размеру дефект замечен и на правой теменной кости ближе к точке брегма. По мнению исследователя, это вероятные следы намеренного воздействия, реконструируемые как элемент определенного обряда инициации. Следует отметить, что Э. Влчек наблюдал похожие дефекты на черепах еще по крайней мере трех индивидов из различных погребений на памятнике Дольни Вестонице (Vlček, 1995).

*** Э. Влчек (Vlček, 1995. S. 209) указывает, что в ротовой полости женщины находился фрагмент кости животного, который она сжала (?) зубами. По реконструкции исследователя, эта процедура может быть использована в случае резкой боли при преднамеренном воздействии.

- Бужилова А.П., 2005. *Homo sapiens*: история болезни. М.
- Козловская М.В., 2000. Результаты химического анализа костной ткани подростков Сунгирь 2 и Сунгирь 3 // *Homo sungirensis*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М.
- Alt K.W., Pichler S., Vach W., Klima B., Vlcek E., Sedlmeier J., 1997. Twenty-five-thousand-years-old triple burial from Dolni Vestonice: an Ice-age family // *Journal of Physical Anthropology*. Vol. 102.
- Binant P., 1991. *La préhistoire de la mort. Les premières sépultures en Europe*. Paris.
- Formicola V., Pontrandolfi A., 1998. The upper palaeolithic triplex burial of Dolni Vestonice: pathology and funerary behavior // *American Journal of Physical Anthropology*. AAPA Abstracts, 26.
- Oakley K.P., Campbell B.G., Molleson T.I., 1971. *Catalogue of Fossil Hominids*. London.
- Richards M.P., Pettitt P.B., Trinkaus E., Smith F.H., Paunovic M., Karavanic I., 2000. Neanderthal diet at Vindija and Neanderthal predation: the evidence from stable isotopes // *PNAS*. Vol. 97. № 13.
- Vlcek E., 1995. Genetische und palaeoethnografische Aspekte bei der Beurteilung der Mammutjäger von Dolni Vestonice in Sudmähren // *Man and Environment in the Palaeolithic*. Liege.
- Waldron T., 1989. The effects of urbanisation on human health // D. Serjeantson and T. Waldron (eds.). *Diet and Crafts in Towns. The Evidence of Animal Remains from the Roman to the Post-Medieval Periods*. Oxford. (BAR. British Ser. 199.)

*И.М. Бухтоярова**Воронежский государственный педагогический университет*

Советские археологи о проблеме распространения палеолитических поселений на территории Верхнего и Среднего Подонья

Археологические исследования 1920-х гг. на территории Русской равнины привели к открытию ряда палеолитических поселений, в том числе и на территории Верхнего и Среднего Подонья. Накопление огромного материала и необходимость осмысления развития человеческого общества на древнейших этапах его истории приводит к публикации целого ряда статей и монографий по данной проблематике. Результаты исследований палеолитических поселений на Дону нашли отражение в работах П.П. Ефименко, П.И. Борисковского, С.Н. Замятина и др.

Первые раскопки палеолитических поселений на территории Верхнего Дона были произведены еще в 1922 г. По поручению Воронежского губернского музея хранитель его, С.Н. Замятин, произвел раскопки стоянки Борщево I (Векилова, 1977. С. 208).

В 1923 г. была организована специальная экспедиция в с. Костёнки, которую, по приглашению С.Н. Замятина, возглавил выдающийся советский археолог П.П. Ефименко, сыгравший исключительно важную роль в исследовании проблемы палеолитических жилищ. Петр Петрович был одним из первых исследователей, высказавших идею о наличии искусственных жилищ у позднепалеолитических охотников. Несколько позднее данное предположение подтвердит его аспирант, С.Н. Замятин, благодаря раскопкам в с. Гагарино. Именно им впервые в истории археологической науки в 1926 г. было открыто и изучено позднепалеолитическое жилище (Бухтоярова, 2007. С. 9). «Среди других результатов исследований в Гагарине, – писал Сергей Николаевич, – следует отметить открытие остатков сооружения из камней, по-видимому, основания шалаша или чума, впервые позволяющие составить некоторое суждение о характере жилища палеолитического человека...» (Замятин, 1929. С. 209). С.Н. Замятину удалось проследить остатки долговременного жилища на стоянке открытого типа. Ранее были известны лишь жилые комплексы в пещерах или под скальными навесами. В результате этих исследований П.П. Ефименко, в согласии с С.Н. Замятиным, пришел к выводу, что поздний палеолит был временем, когда появилась оседлость. Таким образом, открытие в с. Гагарино подтолкнуло к поискам остатков жилых комплексов на других палеолитических стоянках,

расположенных на равнинной местности, а также стало важной вехой не только в исследовании палеолитических памятников Воронежского края, но и в изучении европейского палеолита.

На Русской равнине С.Н. Замятин в поисках палеолитических поселений обследовал многочисленные местонахождения четвертичной фауны. Так, в 1925 г. им было открыто древнепалеолитическое местонахождение Шубное в Острогожском р-не Воронежской обл. (Замятин, 1952). Значительно позднее, в августе 1933 г., С.Н. Замятин совместно с доцентом кафедры геологии Воронежского сельскохозяйственного института П.А. Никитиным и научным сотрудником Воронежского областного музея Д.Д. Леоновым подробно исследовали местонахождение и проанализировали находки из с. Шубное. Им удалось датировать обнаруженные орудия ашельским или раннемустьерским временем, что говорит о культурной древности остатков.

Несомненно, следует коснуться и методики раскопок палеолитических поселений, которая меняется в связи с открытием раннепалеолитических жилищ. Новая методика была предложена П.П. Ефименко при раскопках Костенок I в 1931–1936 гг. (Палеолит Костёнковско-Борщевского района на Дону, 1982. С. 12). Он решительно отказался от старого метода поквadratного вскрытия слоя со снятием всех находок и начал изучать широкие площади, что позволяет установить взаимосвязь различных предметов в плане и конструктивных деталей, сохранившихся от жилищ на поселениях. Применение такой методики позволило вскрыть в Костёнках I целый комплекс постоянных сооружений, состоящий из центральной большой постройки длиной 35 м и окружавших ее землянок, частью служивших в качестве жилья, частью использовавшихся для хозяйственных целей.

В связи с изучением верхнепалеолитических постоянных жилищ советскими исследователями были поставлены и разрешены некоторые важные вопросы развития верхнепалеолитической техники. Так, было установлено существование в верхнем палеолите костяных мотыг, несомненно использовавшихся для выкапывания землянок (Костёнки I, Пушкари I, Борщево II, Елисеевичи и другие поселения),

Ирхунд (около 200 тыс. лет). Все североафриканские находки, за исключением последней, имеют в той или иной степени неандерталоидные характеристики и могут считаться предковыми формами классических неандертальцев. Останки из Джебель Ирхунд большинство исследователей предпочитает видеть в качестве предковых современному человеку.

В среднем плейстоцене в Африке также выделяется группа более поздних гоминид, которые отличаются большей прогрессивностью в сравнении с предшественниками. Не случайно их по аналогии называют «поздними архаичными сапиенсами» или «человеком, анатомически сходным с современным». Это, прежде всего, экземпляры из Элис-Спрингс, Летоли 18 (около 200 тыс. лет), Омо 2, Флорисбада (260 тыс. лет), Бордер Кэйв, раскопок Мумбва и т. д. Ряд авторов выделяет эту группу гоминид в отдельный, на наш взгляд не совсем валидный, вид *Homo helmei* (McBrearty, Brooks, 2000). Голотипом этого вида послужила находка из Флорисбада (ЮАР), сама по своей структуре довольно мозаичная, как, впрочем, и вся эта группа гоминид. Поэтому, следуя за Вудом и его соавтором, мы предпочитаем относить эти находки к таксону *Homo heidelbergensis* (Wood, Collard, 2000). При этом, учитывая их более поздние датировки, с одной стороны, и большую долю сапиентных характеристик в морфологии черепа – с другой, мы предпочитаем выделять эти находки на уровне подвида *Homo heidelbergensis sapiens*.

А были ли в Азии подобного рода формы? Прежде всего, конечно же, нужно говорить о находках с наименее удаленной от Африки территории – Передней Азии. Это Кафзех VI и IX (115–92 тыс. лет), Схул IV и V (100–70 тыс. лет), Табун I (120 тыс. лет), Амуд I (50–40 тыс. лет), Шанидар I и II (46 тыс. лет), Кебара (61–48 тыс. лет). Большинство экземпляров, как видно из датировок, довольно поздние, тем не менее мы предпочитаем в силу их морфологической мозаичности (сочетание эректоидности с сапиентностью и/или неандерталоидностью) относить их к таксону *Homo heidelbergensis*.

Территория Передней Азии, по сути дела, постоянно находилась на пути миграций из Африки на восток и с востока в Европу. Вероятней всего, разновекторность миграционных процессов не позволяла в этом регионе формироваться симпатрическим путем новым видам Человека. Поэтому изначально *Homo ergaster*, а позднее и *Homo heidelbergensis*, имея в своей морфологии некоторые сапиентные и/или неандерталоидные характеристики, в Передней Азии формировали различные метисные варианты, максимально стабилизирующиеся только на подвижном уровне. Именно эти соображения и заставляют нас описывать палестинских гоминид как формы

неандерталоидно-сапиентного (Схул), эректоидно-неандерталоидного (Табун, Шанидар, Амуд) или эректоидно-сапиентного (Кафзех 6) происхождения, определяя их таксономический ранг по виду-предшественнику. Думается, что практически во всех случаях предшественником переднеазиатского палеолитического полиморфного населения был вид *Homo heidelbergensis* (один из представителей – наряду с *Homo erectus* и *Homo ergaster* – эректоидных форм) (Васильев, 2006).

Ряд исследователей полагает, что гейдельбергский человек проникал и на Дальний Восток. Об этом, по крайней мере, свидетельствуют два важнейших местонахождения в Китае – Дали (120–230 тыс. лет) и Цзиньнюшань (200–300 тыс. лет). Обе эти находки описываются как архаичные сапиенсы (Wu, 1981). По мнению А.А. Зубова (2004), к *Homo heidelbergensis* можно отнести два черепа, найденных в округе Юнсян (китайская провинция Хубэй). Иногда в связи с *Homo heidelbergensis* рассматривают и находки из Нгандонга (в районе 100 тыс. лет).

Таким образом, можно констатировать, что вероятней всего, гейдельбергский человек в среднем плейстоцене заселил весь Старый свет. А местом его происхождения, видимо, является Африка. Именно оттуда первые представители *Homo heidelbergensis* попали в Европу западным путем, через Гибралтар и Сицилию, около 1 млн. лет назад. Начиная со среднего плейстоцена внутри вида начинают формироваться подвидовые таксоны аллопатрическим путем. Видообразование предполагает развитие репродуктивной изоляции и развитие новых способов существования. Самым простым и широко распространенным способом видообразования является пространственное (географическое) разделение. Такой способ видообразования и принято называть аллопатрическим. Если между популяциями длительное время существуют физические барьеры, вероятней всего, произойдет разделение этих популяций либо в результате дрейфа генов, либо вследствие адаптации к различным локальным условиям (Фоули, 1990).

Говоря о видообразовании в Европе, исследователи часто используют так называемую «накопительную» гипотезу, которую называют также «аккреционная модель эволюции» (Accretion Model; Dean et al., 1998). Согласно этой модели, у европейских гоминид происходит постепенная «неандертализация». Здесь выделяются 4 стадии: 1) ранние пренеандертальцы – Араго, Петралона, Мауэр, Вертешселеш, Бильцингслебен; 2) пренеандертальцы – Атапуэрка, Сванскомб, Штейнгейм; 3) ранние неандертальцы – Эрингсдорф, Саккопасторе, Ла Шез, Бише, Ла-

заре; 4) классические неандерталцы – Спи, Монте Чирчео, Ла Шапель-о-Сен, Ла Феррасси, Ле Мустье, Ла Кина. Как видно, первые три стадии – это представители вида *Homo heidelbergensis*, внутри которого в связи с определенной изоляцией формируется новый подвид *Homo heidelbergensis neanderthalensis*. А четвертая стадия – уже сформировавшийся вид *Homo neanderthalensis*.

На территории Африканского континента, видимо, происходило симпатрическое видообразование через формирование в недрах таксона *Homo heidelbergensis* подвида *Homo heidelbergensis sapiens*. Этап перехода от материнского вида к виду-потомку *Homo sapiens*, видимо, стоит связывать с выделяемым рядом исследователей таксоном *Homo helmei*. При симпатрическом видообразовании репродуктивная изоляция может иметь место даже в том случае, когда популяции занимают одну и ту же территорию. Биологические механизмы такой изоляции теоретически достаточно обоснованы: 1) экологическая изоляция (популяции в различных экологических нишах); 2) временная изоляция (спаривание в популяциях происходит в разное время дня или года); 3) этологическая изоляция (разное репродуктивное поведение в популяциях); 4) механическая изоляция (анатомические различия в популяциях); 5) гаметическая изоляция (невозможность оплодотворения и формирования зиготы). Симпатрическое видообразование встречается довольно редко, хотя и описаны такие случаи, например, у низших обезьян (Хрисанфова, 1985).

Вопрос о формировании нового вида или видов от материнского *Homo heidelbergensis* на Азиатском континенте остается открытым.

* Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Происхождение и эволюция биосферы (подпрограмма 2)» и программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Васильев С.В., 2006. Проблемы таксономии переходных и метисных форм ископаемых гоминид Передней Азии // Научный альманах кафедры антропологии. М. Вып. 5.

Зубов А.А., 2004. Палеоантропологическая родословная. М.

Зубов А.А., Васильев С.В., 2006. Первоначальное заселение Европы по данным антропологии // Доисторический человек: биологические и социальные аспекты. М.

Фули Р., 1990. Еще один неповторимый вид. Экологические аспекты эволюции человека. М.

Хрисанфова Е.Н., 1985. Проблема неравномерности в эволюции Hominidae // Вопросы антропологии. Вып. 75.

Arsuaga J.L., Bermudez de Castro J.M., Carbonell E., 1997. The Sima de los Huesos hominid site // Journal of Human Evolution. Vol. 33.

Brauer G., 2000. The «Out-of Africa» model and the question of regional continuity // Humanity from African Naisance to Coming Millennia.

Dean D., Hublin J.-J., Holloway R., Ziegler R., 1998. On the phylogenetic position of the pre-Neandertal specimen from Reilingen // Journal of Human Evolution. Vol. 34.

McBrearty S., Brooks A.S., 2000. The revolution that wasn't: a new interpretation of the origin of modern human behavior // Journal of Human Evolution. Vol. 39.

Rightmire G. Ph., 1996. The human cranium from Bodo, Ethiopia: evidence for speciation in the Middle Pleistocene // Journal of Human Evolution. Vol. 31.

Wood B., Collard M., 2000. Evolving interpretations of Homo // Humanity from African Naissance to Coming Millennia.

Wu X., 1981. A well-preserved cranium of the archaic type of early *Homo sapiens* from Dali, China // Scientia Sinica. Vol. 24.

Е.А. Виноградова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Особенности орудийного набора жилых площадок Каменной Балки II*

В литературе, посвященной исследованиям каменнобалковских верхнепалеолитических стоянок, понятие «жилая площадка» встречается довольно часто. Под жилой площадкой подразумевается, как

правило, крупный структурный элемент культурного слоя, включающий в себя определенные его объекты (Леонова, 2003). Жилая площадка характеризуется присутствием нескольких очагов, наличием

ямок с вкопанными костями – упорами для столбиков строительных конструкций, многочисленными кремневыми находками и фаунистическими остатками. Для каменнобалковских стоянок прослеживается особая система расположения очагов (линии очагов).

Границы жилых площадок определяются обычно по насыщенности материалом. На каменнобалковских стоянках границы жилых площадок нередко тождественны очертаниям выделяемых производственно-бытовых центров – крупных скоплений находок (Леонова, 1983). Однако чаще всего производственно-бытовые центры включают в себя и жилую площадку, и прилегающие к ней специализированные производственные комплексы.

Как правило, именно качественный состав находок определяет особенности жилых площадок, поскольку он точнее всего отражает специфику использования подобного пространства. Наиболее полно некоторые общие черты, характерные для жилых площадок Каменной Балки II, и их отличия от окраинных частей стоянки прослеживаются при анализе распределения различных категорий орудий.

Для подтверждения этих предположений интересно привести результаты исследований различных по своей специализации участков Каменной Балки II. Для качественного анализа были выбраны 4 участка стоянки, два из которых представляли собой жилые площадки или их части (массивы данных 1 и 2), остальные два участка (массивы 3 и 4) являлись периферией с разреженными находками (рис. 1). Все участки расположены в северо-восточной части стоянки, исследуемой с 2000 г. по настоящее время (см. тезисы Н.Б. Леоновой в данном сборнике, рис. 1).

Массив 1 – часть жилой площадки, вскрытой раскопками 1962, 1967, 2006 и 2007 гг.; площадь – 30 м². Средняя плотность находок на 1 м² – 100 экз. На этом участке прослеживаются 6 очагов, зольная и гумусированная поверхности, многочисленные пятна охры. Это наиболее насыщенное материалом скопление, имеющее внутри несколько различных участков производственной специализации (рис. 2: А).

Массив 2 представляет собой собственно жилую площадку овальной формы, площадью около 77 м² (рис. 2: Б). Средняя плотность – 60 находок на 1 м². По длинной оси пятна находок расположены 5 очагов. Эта жилая площадка не являлась монолитным скоплением. На ее площади четко выделяются компактные стяжения кремня с различным составом находок. Можно сказать, что на этом пространстве нашел отражение не только весь спектр операций по раскалыванию кремня – от подготовки нуклеу-

са до изготовления и использования орудий, – но и деятельность по обработке кости. Непосредственно у окраины самого северного очага (квадраты к, л, м–6–10) находилось небольшое скопление кремня, содержащее микропластинки с притупленным краем, стамески и орудия с выемками.

На квадратах т, у, ф–8–10 выявлены два небольших очага с практически не прослеживаемыми линзами. Большое количество фрагментов кости, в том числе и очень крупных, во многом объясняет состав категорий изделий в этом объекте. В скоплении найдены 42 резца, среди них и комбинированные – двойные и тройные. Есть стамески и зубчато-выемчатые орудия. Очень много резцовых отщепков; микропластинки с притупленным краем единичны. Такой набор орудий типичен для скоплений, связанных с костеобрабатывающей деятельностью.

Пространственное единство исследованного участка культурного слоя в полной мере подтверждается данными ремонта. Ремонт выявил несомненные связи разных частей этого скопления (Леонова и др., 2006).

Массивы 3 и 4 представляют периферийные участки площадью соответственно 36 и 49 м². Плотность находок не превышает 17 предметов на 1 м². На участках с разреженными находками особенно хорошо видны немногочисленные маленькие индивидуальные скопления. Наиболее четко выделяются «точки», специализированные на оформлении нуклеусов, производстве заготовок и орудий. Это объясняется тем, что при таких трудовых операциях получается наибольшее количество дебритажа. Микроскопления, где имела место деятельность по использованию готовых орудий, выделить значительно труднее, т. к. нередко свидетельствами такой деятельности в культурном слое остаются лишь единичные орудия, фрагменты кости, раковины и т. д.

В таблицах 1 и 2 представлены общее количество и состав находок и орудий для каждого из выбранных участков. Интересно, что общий состав находок (табл. 1) не показывает существенной разницы в процентном содержании разных категорий находок. Менее значимо на окраинных участках (массивы 3 и 4) представлены лишь резцовые отщепки.

Из таблицы 2 видны существенные различия в составе категорий орудий на представленных участках, что позволяет отметить как некоторые общие черты для участков, определяемых в качестве жилых площадок, так и их существенные качественные отличия от периферийных участков.

На периферийных участках представленный набор категорий орудий существенно беднее, чем на жилых площадках, однако их доля в общем составе находок довольно высока. Из всех категорий орудий

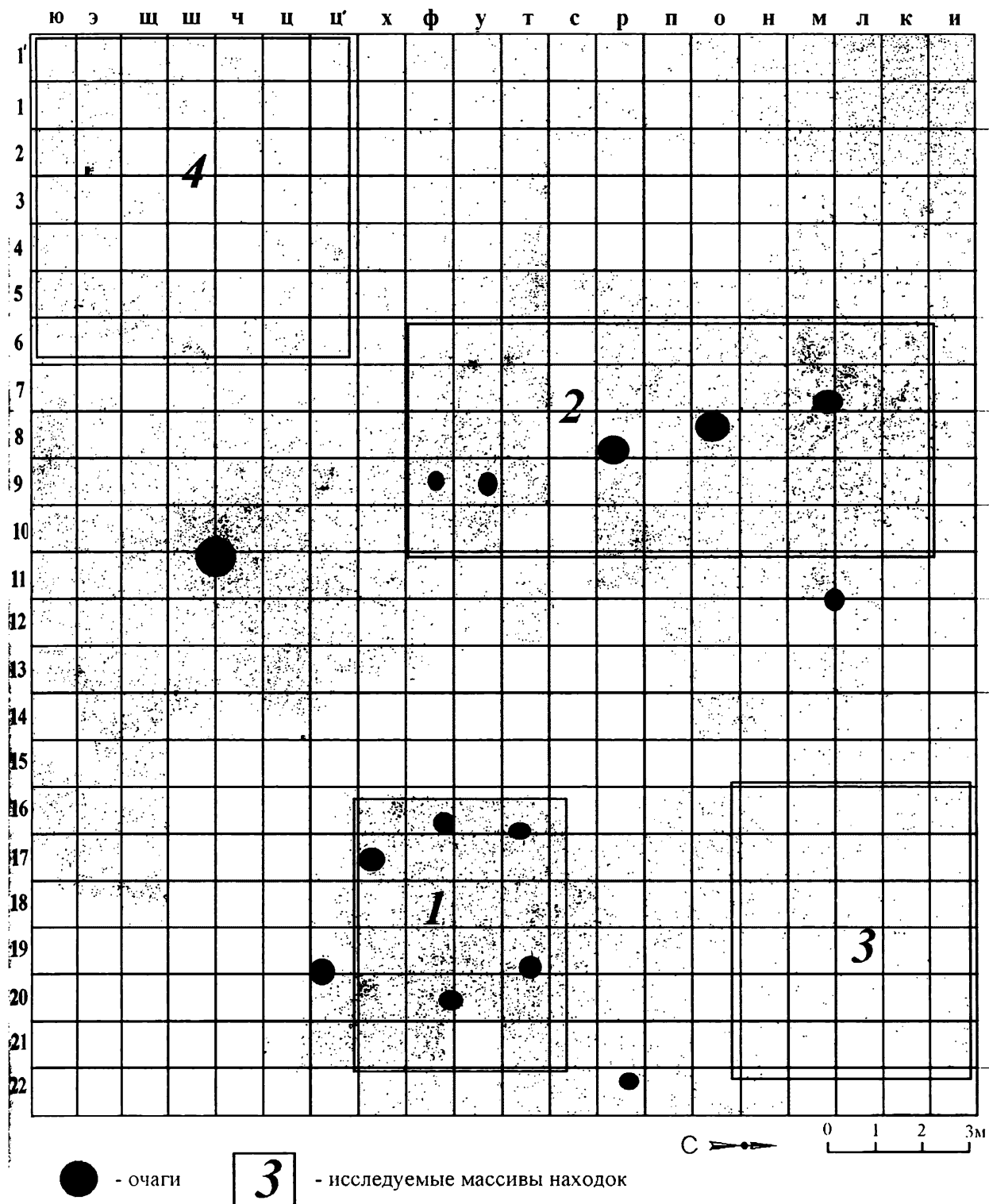

Рис. 1. Северо-восточная часть Каменной Балки П. План исследуемых участков

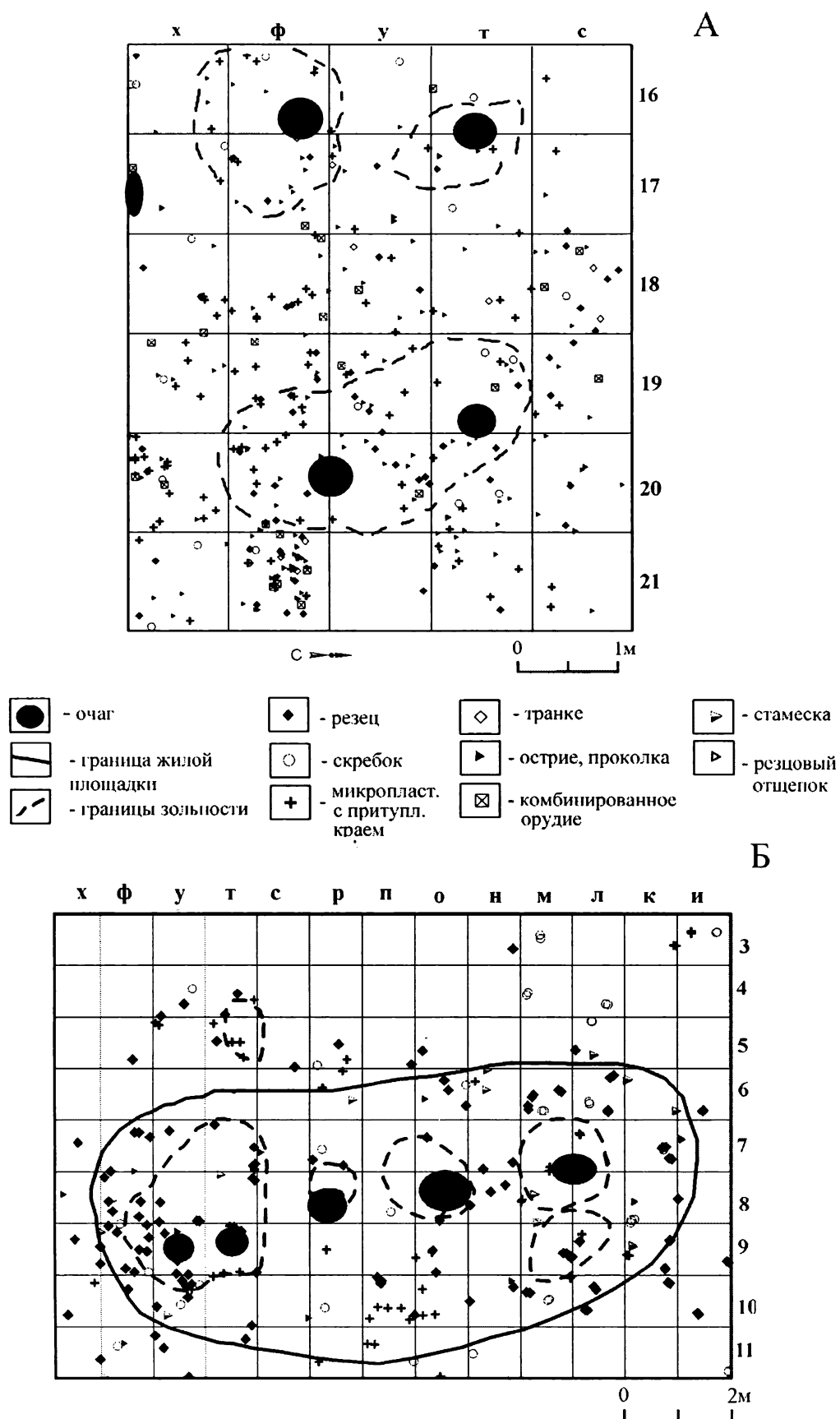

Рис. 2. Каменная Балка II. А – участок жилой площадки (массив 1), Б – жилая площадка (массив 2)

Таблица 1. Каменная Балка II. Состав находок исследуемых участков второго культурного слоя

Категория	Массив 1		Массив 2		Массив 3		Массив 4	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Всего находок	3069	100	4664	100	357	100	804	100
Орудие	314	10,3	323	6,9	39	10,9	41	5,1
Желвак, нуклеус	25	0,8	98	4,2	10	2,8	14	1,7
Скол оживления нуклеуса	178	5,8	142	3	28	7,8	37	4,6
Первичный скол	514	16,8	841	18	64	17,9	114	14,2
Пластина, пластинка, микропластинка	678	22,2	1067	22,9	86	24,1	122	15,2
Отщеп, осколок	1218	39,8	2005	43	120	33,6	465	57,8
Краевой отщепок	13	0,4	–	–	1	0,3	–	–
Резцовый отщепок	121	3,9	174	2,7	4	1,1	6	0,7
Фрагмент известняка	2	0,1	2	0,1	5	1,4	5	0,6

Таблица 2. Каменная Балка II. Состав орудий исследуемых участков второго культурного слоя

Категория	Массив 1		Массив 2		Массив 3		Массив 4	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Всего орудий	314	10,3	323	6,9	39	10,9	41	5,1
Резец	64	20,4	111	34,4	13	33,3	11	26,8
Скребок	20	6,4	26	8	5	12,8	8	19,5
Стамеска	7	2,2	21	6,5	3	7,7	2	4,9
Проколка	5	1,6	5	1,5	1	2,6	–	–
Острие	5	1,6	6	1,9	3	7,7	–	–
Транке	10	3,2	14	4,3	–	–	1	2,4
Комбинированное орудие	23	7,3	22	6,8	3	7,7	1	2,4
Микропластинка с притупленным краем	100	31,8	43	13,3	2	5,1	4	9,8
Пластинки с ретушью и следами использования	28	8,9	18	5,6	1	2,6	2	4,9
Отщеп с ретушью и следами использ.	25	8	2	0,6	2	5,1	5	12,2
Зубчато-выемчатое орудие	4	1,3	4	1,2	1	2,6	1	2,4
Зубчатое орудие	10	3,2	–	–	–	–	–	–
Орудие с выемкой	2	0,6	20	6,2	–	–	4	9,8
Долотовидное (чешуйчатое) орудие	2	0,6	2	0,6	1	2,9	1	2,4
Ретушер	1	0,3	1	0,3	2	5,1	–	–
Остальные орудия	8	2,6	28	8,7	2	5,1	1	2,4

только скребки чаще встречаются на периферийных участках, чем в местах с высокой концентрацией находок.

Жилые площадки отличает, прежде всего, широкая представленность таких категорий орудий, как микропластинки с притупленным краем, транке и комбинированные орудия (табл. 2). Причем наличие большого количества первых двух категорий говорит в первую очередь о том, что в пределах жилой площадки происходила активная деятельность по изготовлению и подправке резцов и производство микропластинок с притупленным краем. Места скопления резцов не всегда совпадают со скоплениями дебитажа, но, как правило, сопровождаются скоплениями резцовых отщепков. О деятельности по изготовлению вкладышевых орудий также свидетельствует большое количество микродебитажа, сконцентрированного в местах скопления МППК (см. тезисы М. Хамакава «Специализация хозяйственной деятельности на стоянке Каменная Балка II на основе анализа распределения микродебитажа» в настоящем сборнике).

Исходя из анализа планиграфии, количественного и качественного состава находок представленных участков можно отметить устойчивые характеристики жилых площадок стоянки.

1. Примерно равномерное распределение орудий по площади. Это происходит из-за того, что пространство жилой площадки используется более интенсивно. Многоразовое использование несет за собой неоднократное наложение следов различных видов деятельности.

2. Большое разнообразие орудий вследствие совершения разных операций.

3. Скопление большого количества одной категории орудий на конкретных участках как свидетельство традиционного использования одного и того же места для определенной деятельности или результата одновременной одинаковой работы нескольких людей.

4. Высокое процентное содержание мелких вкладышевых орудий.

5. Незначительное количество скребков.

Не исключено, что подобные характеристики жилых структур могут прослеживаться и на других верхнепалеолитических стоянках степной зоны.

* Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 06-800-16, 08-06-10025, РГНФ № 07-01 -18135, 08-01-18119.

Леонова Н.Б., 1983. О методах изучения структуры верхнепалеолитических стоянок // Вопросы антропологии М. Вып. 71.

Леонова Н.Б., 2003. Жилые площадки и жилища: особенности формирования культурного слоя (на примере памятников юга Восточной Европы) // Кам'яна Доба України. Київ; Полтава. Вип. 4.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А., 2006. Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье). М.

Л.Б. Вишняцкий

Институт истории материальной культуры РАН

О возможности культурной преемственности между неандертальцами и *Homo sapiens*

1. Люди современного анатомического типа сформировались в Африке уже, по крайней мере, к концу среднего плейстоцена, а в середине позднего плейстоцена, примерно 60–65 тыс. л. н., они начали осваивать обширные пространства Евразии. Первая и основная волна экспансии *Homo sapiens* за пределы их прародины исходила, по всей видимости, из области Африканского Рога и была направлена на восток. Прокатившись через южные районы Азии, она около 45–50 тыс. л. н. достигла Австралии. В Европе, коренное население которой составляли

неандертальцы, люди современного анатомического типа впервые появились, по-видимому, где-то в интервале от 35 до 40 тыс. л. н. В течение последующих 10 тыс. лет они заселили почти весь этот континент и начали проникать в северные районы Азии. Ареал *Homo neanderthalensis* по мере распространения *Homo sapiens* все более и более сокращался, и, в конце концов, распался на ряд небольших изолированных областей. Последние представители этой формы гоминид продолжали обитать на крайнем западе Европы и, вероятно, еще в каких-то районах

Балканах, возможно, в Крыму) почти до самого ца интерплениглияциала (кислородно-изотопная дия 3).

2. Происходило ли в процессе колонизации Ев-ли людьми современного анатомического типа шение автохтонного и пришлого населения? Ка-) рода характер носили контакты *Homo sapiens* ' *omo neanderthalensis*? Были ли, в конце концов, ду ними вообще хоть какие-то контакты? Ис- цователи, как водится, расходятся во мнениях по м этим вопросам. Ни антропологические матери- и, ни данные палеогенетики не позволяют одно- чно определить, имела ли место гибридизация и нет, а находки на памятниках, оставленных не- ертальцами, изделий, привычно ассоциируемых *omo sapiens*, и наоборот, не настолько специфич- и многочисленны, чтобы служить неопровержи- м доказательством культурных заимствований. ажно, помимо поиска частных биологических или еологических признаков генетического и куль- ного обмена, есть и иная возможность решения сматриваемой проблемы. Она заключается в вы- ении случаев вероятной культурной преемствен- ти между неандертальцами и *Homo sapiens*, т. е. их случаев, когда имеются веские основания дполагать, что носителями одной и той же тра- ции на разных этапах ее существования были дставители обеих этих форм гоминид. Если хотя для одной культурной традиции удастся пока- ь, что, возникнув первоначально среди неандер- цев, она продолжила затем свое существование реди сменивших их людей современного анато- еского типа, то это будет самым серьезным аргу- гом в пользу контактов – причем длительных и нтагонистических – между первыми и вторыми, ой только можно себе представить. Особого вни- ия в этом плане заслуживают материалы Запад- и Азии и Восточной Европы.

3. В Западной Азии непрерывное развитие одной диции может быть прослежено с конца среднего середины верхнего палеолита, т. е. от финаль- о левантийского мустье через эмиран к ахмару. более важным звеном этой последовательности яется звено связующее, т. е. эмиран. Его техно- ия на ранних стадиях еще не выходит за рамки енчивости, свойственной левантийскому мустье, орудийный набор изначально включает доволь- многочисленные скребки и резцы, а также ряд цифических типов каменных артефактов, таких леваллуазские острия с бифасиальным утонче- м основания (эмирейские острия) и изделия с еречной фаской (*pièces à chanfrein*). Все основ- : технологические и типологические элементы й индустрии вполне отчетливо представлены в

среднем палеолите Ближнего Востока. Даже оба ее руководящих типа – эмирейские острия и орудия с поперечной фаской, – хоть и нечасто и еще не в классической своей форме, но все же встречаются в позднем мустье региона. На смену эмирану в ближневосточной части его ареала приходит ахмар. Между двумя этими индустриями явно существует генетическая преемственность. Постепенная транс- формация эмирана в ахмар довольно четко просле- живается по материалам таких многослойных па- мятников, как Тор Садаф и Ючагизли. В последнем случае она носит настолько плавный характер, что трудно даже решить, где и по каким критериям про- водить границу между этими двумя индустриями.

Кем же были носители эмиро-ахмарских тради- ций обработки камня? К сожалению, антропологи- ческих материалов, могущих пролить свет на этот вопрос, пока крайне мало, но, суммируя имеющиеся прямые и косвенные данные, можно все же сделать ряд если не выводов, то, по крайней мере, достаточ- но обоснованных предположений. Что касается ах- мара, то здесь ситуация кажется сравнительно про- стой. Судя по морфологии черепа и нижней челюсти из 17 (ахмарского) слоя Кзар Акила (сохранились только реплики), их обладатель был человеком впло- не современного анатомического типа. С эмираном вопрос сложнее. Единственной антропологической находкой, которая могла бы его прояснить, является фрагмент верхней челюсти взрослого человека, об- наруженный в слое 25 Кзар Акила в 1947 г. Дж. Юинг, опубликовавший описание и фотографии челюсти, определил ее как «неандерталоидную», ссылаясь, прежде всего, на такие признаки, как уплощенность области клыковых ямок (т. е. отсутствие *fossa canina*, характерной для современных людей) и вогнутость dna носовой полости. При этом, однако, он отметил и ее сходство с челюстью Схул 5, которая в сере- дине прошлого века считалась неандертальской, но теперь приписывается *Homo sapiens*. Вопрос, следо- вательно, остается открытым. Тем не менее, име- щиеся косвенные данные свидетельствуют скорее в пользу связи эмирана с неандертальцами, нежели с *Homo sapiens*. Во-первых, очень похоже, что в пери- од формирования этой индустрии на Ближнем Вос- токе неандертальцы вообще были единственными его обитателями. Во всяком случае, все те челове- ческие кости, которые могут быть уверенно или с оговорками отнесены к интервалу от 40 до 70 тыс. л. н., принадлежат именно им (Кебара, Дедерьех, Та- бун С1), тогда как останки *Homo sapiens* имеют или намного более ранний (Кафзех, Схул), или же более поздний возраст. Во-вторых, некоторые балканские комплексы, могущие предположительно рассматри- ваться в качестве возможного европейского продол-

жения эмирана, дали антропологические находки, либо не исключают (как нижняя челюсть из 11 слоя Бачо Киро), либо прямо подтверждающие (как коренной зуб из слоя Ia пещеры Лаконис 1) их связь с неандертальцами.

Таким образом, имеются достаточно веские основания предполагать, что секвенция финальное левантийское мустье – ранний эмиран – поздний эмиран – ахмар представляет собой не только результат развития одной традиции, но и пример культурной преемственности между неандертальцами и людьми современного анатомического типа.

5. С не меньшими основаниями, чем для эмирана, можно предполагать «двойное авторство» и для стрелецкой культуры. Серьезное обоснование получила гипотеза, связывающая ее генезис с микокскими комплексами Крыма (Заскальная 5, Чокурча, Пролом), где были найдены схожие формы двусторонне обработанных наконечников и треугольных скребков. Типологические аналогии, выявленные и систематизированные М.В. Аниковичем, слишком специфичны и многочисленны, чтобы можно было списать их на счет конвергенции или простой случайности. Объяснение, согласно которому эти аналогии представляют собой следствие существования преемственности между крымскими микокскими и стрелецкими традициями обработки камня, кажется гораздо более простым и экономичным, а потому и более правдоподобным. То обстоятельство, что близкие по форме наконечники, представленные более или менее уверенно реконструируемыми фрагментами, известны также на юго-западе (Тринка 3) и в центре (Бетово) Русской равнины, заставляет предполагать (вслед за М.В. Аниковичем), что область распространения этих традиций и, соответственно, область формирования стрелецкой культуры, не ограничивалась Крымом, а включала гораздо более обширные территории юга Восточной Европы.

Средний палеолит Крыма в его микокской разновидности определенно был «делом рук» неандертальцев (Заскальная V и VI, Киик-Коба). Скелеты из сунгирских погребений, связанные, скорее всего, со стрелецкой культурой, несомненно, принадлежат *Homo sapiens*. При этом, однако, для них многими антропологами отмечается и наличие ряда архаичных, «неандерталоидных» черт. Таким образом, все говорит о том, что у истоков традиции, представленной секвенцией восточный микок – стрелецкая культура, стояли неандертальцы, а на завершающей стадии развития этой традиции ее носителями были люди современного анатомического типа.

6. Анализ археологических и антропологических материалов с Ближнего Востока и Русской равнины дает основания предполагать, что в некоторых случаях носителями одной культурной традиции на разных этапах ее развития могли быть гоминиды разных видов. Если позднее левантийское мустье и, возможно, ранний эмиран связаны еще с неандертальцами, то выросший из эмирана ахмар – определенно с *Homo sapiens*. Микок – это явно неандертальская индустрия, в то время как, по крайней мере, часть памятников сформировавшейся на его основе стрелецкой культуры оставлена, скорее всего, анатомически современными людьми. Когда и каким образом вторые сменили первых в качестве носителей названных традиций, неизвестно, но представить, чтобы это могло произойти без контактов между ними и, более того, без тесного сосуществования в границах одного пространства, возможно даже, в рамках одного социума, очень трудно.

Обе рассмотренные выше секвенции связаны с восточными районами ареала *Homo neanderthalensis*, тогда как для западной его части никаких свидетельств культурной преемственности между неандертальцами и *Homo sapiens* пока неизвестно. Традиции, уходящие корнями в средний палеолит и продолжившие свое развитие в палеолите верхнем, там тоже существовали, но носителями их и на ранних стадиях, и на поздних оставались, судя по всему, неандертальцы. Возможно, это не случайно. И *Homo sapiens*, и *Homo neanderthalensis* были весьма полиморфны в анатомическом плане, и между разными географическими популяциями обоих видов подчас прослеживается большое количество различий. Антропологи серьезно расходятся во мнениях как относительно причин этих различий, так и относительно их значения для систематики позднплейстоценовых гоминид. Что касается неандертальцев, то их, согласно недавно высказанной гипотезе, следует, возможно, рассматривать как «кольцевой вид». Западные популяции этого вида обладали наибольшей степенью анатомической обособленности и были репродуктивно изолированы от *Homo sapiens*, а восточные (и прежде всего ближневосточные), напротив, имели много общих черт с последними, являя собой своего рода промежуточное звено, существование которого обеспечивало возможность межвидовой гибридизации. Если это так, то тогда понятно, почему признаки существования преемственности между двумя видами, пусть и с оговорками, но все же прослеживаются на востоке и полностью отсутствуют на западе.

Г.А. Воробьева, Н.Е. Бердникова

Иркутский государственный университет

Природные и культурные феномены Прибайкалья на рубеже плейстоцена и голоцена

Потепление климата, предвещающее начало голоценового межледниковья, началось приблизительно 14 тыс. л. н. и было осложнено похолоданиями, которые в Европейских климатических шкалах обозначаются как дриас (DR-1, DR-2 и DR-3). Особый интерес представляет глубокое похолодание дриас-3 (11–10,3 тыс. л. н.), которое невозможно убедительно объяснить с позиций обычных климатических особенностей переходного периода от ледниковья к межледниковью. Для объяснения феномена DR-3 В.А. Зубаков (1986) использует сердцевую гипотезу, согласно которой потепление климата в завершающую фазу плейстоцена нарушило устойчивость ледового покрова полярных областей и вызвало выброс огромного количества айсбергов в океан. Это привело к увеличению альбедо гидросферы Земли, резкому охлаждению океана и «мгновенному» похолоданию.

На рубеже плейстоцена и голоцена прослеживаются следы кардинального преобразования биосферных систем и безвозвратное изменение определенной части биоты. Причиной, спровоцировавшей эти события, традиционно принято считать климатогенный фактор. Однако безвозвратное изменение биоты существенно отличает позднеплейстоцено-голоценовый рубеж от более ранних переходных интервалов от ледниковий к межледниковьям, когда биота переживала кризисы путем миграции, а после очередного переходного этапа вновь возвращалась в состояние гомеостаза, только на несколько ином уровне.

В последние десятилетия в связи с появлением новых данных более пристальное внимание начинает уделяться космическому фактору. Именно с этих позиций мы попытаемся объяснить ряд природных и культурных феноменов Прибайкалья, происходивших на рубеже плейстоцена и голоцена.

Как уже отмечалось ранее (Воробьева, Бердникова, Горюнова, 1998), граница между плейстоценовыми и голоценовыми отложениями на геоархеологических объектах Прибайкалья выражена резко и распознается в разрезах надпойменных террас и склонов по следующим литологическим показателям: 1) смене плейстоценовых карбонатных лессовидных отложений бескарбонатными нелессовидными голоценовыми; 2) уровням заложения нескольких генераций криогенных трещин.

Смена волн похолодания и потепления не может объяснить, почему прекратилось отложение лессовидных карбонатных пород. Судя по очень резкой (0,5–1 см) границе между карбонатными и бескарбонатными отложениями, кардинальная смена характера осадконакопления произошла почти мгновенно.

Обращает на себя внимание и то, что поверхность криогенных полигонов покрыта мелкой сетью тонких трещин усыхания (размеры ячеек от 15 до 40 см, глубина трещин 10 ± 2 см). Препарирование финально-сартанской поверхности полигонов (Гора Игетей) показало, что она похожа на нанорельеф булыжной мостовой. Наличие трещин усыхания свидетельствует о стремительном иссушении грунта, а хорошая их выраженность на реликтовой поверхности – о быстром ее погребении наносами. В песчаных отложениях на склонах и надпойменных террасах голоценовая часть разреза обычно залегает на дефлированной поверхности плейстоценовых песков.

Резкая граница между плейстоценовыми и голоценовыми отложениями отмечается и по другим показателям. Так, в разрезах первых надпойменных террас к этому стратиграфическому уровню приурочен контакт аллювиальных сартанских отложений с субэразальными голоценовыми, что указывает на стремительное врезание рек. Нередко на том же стратиграфическом уровне фиксируются и другие результаты резкого усиления термодинамической активности водных потоков в виде следов мощных размывов или аккумуляций песчано-гравийных наносов (Усть-Белая, Галашиха, Иркутск-Спасская церковь, Большой Якорь I). На локальных участках отмечаются следы спуска небольших подпрудных озер (правобережье устья Иркутка; долина р. Белой: Горелый Лес-карьер, Тайтурка). К контакту плейстоценовых и голоценовых отложений нередко приурочены следы тектонических подвижек.

Вышеперечисленный набор природных феноменов, характерных для разрезов Прибайкалья, не может быть объяснен с ординарных позиций перехода природной обстановки от ледниковья к межледниковью. Вместе с тем, все отмеченные литологические феномены хорошо объяснимы с позиций гипотезы импакта (импакт – столкновение, взаимодействие) космического тела с Землей на рубеже плейстоцена и голоцена.

Следы такой катастрофы представлены Австрало-Азиатским тектитовым* поясом и импактным кратером Жаманшин, расположенным к северу от Арала. Тектитовый пояс тянется более чем на 13000 км от Тасмании и Австралии через Индонезию, Южный Китай до Средней Азии. Жаманшин – единственное на Земле место, где в совместном залегании обнаружены и тектиты и импактиты – породы, сформированные в процессе ударно-взрывного взаимодействия. Э.П. Изох и Ле Дых Ан (1983) объясняют эти катастрофические события столкновением Земли со специфической эруптивной тектитоносной кометой, выброшенной с какого-то неизвестного, удаленного от Земли планетного тела. Радиогенный возраст тектитов Австрало-Азиатского пояса 0,4–11 млн. лет, однако время их приземления – примерно 10000 л. н., поскольку тектиты залегают преимущественно в одном стратиграфическом горизонте – на границе плейстоцена и голоцена (Изох, 1985).

Свидетельства рассматриваемой космогенной катастрофы запечатлены в геологических разрезах (Изох, Ле Дых Ан, 1983), где имеется тектитовый горизонт. Это угли от пожаров, отложения внезапных наводнений, пыльных бурь. Иридиевая аномалия, впервые установленная Э.П. Изохом во Вьетнаме и в окрестностях Жаманшина, является еще одним признаком космогенной катастрофы. Выпадение космической пыли могло быть и одной из причин отравления биосферы, вызвавшей вымирание фауны и опустынивание земель вдоль трассы приземления кометы.

По расчетам Э. Кристан-Тольман и А. Тольман, глобальная катастрофа, спровоцированная столкновением с Землей кометы, произошла 23 сентября 9545 г. до н. э. (т. е. примерно 11,5 тыс. л. н.) и вызвала описанный в Ветхом Завете «Всемирный потоп». С этим же временем совпадает резкое увеличение содержания кислот в ледниковом покрове Гренландии (Christan-Tollmann, Tollmann, 1991).

Импакт должен был породить землетрясения небывалой силы, мощные извержения вулканов, огромные волны цунами, ураганы и ливни глобального масштаба, резкое повышение температуры, лесные пожары, общее затемнение, затем похолодание типа «ядерной зимы» (Хаин, 1994).

Следы событий, подобных вышеперечисленным, мы наблюдаем в разрезах Прибайкалья на рубеже плейстоцена и голоцена. Среди них следы глубокого похолодания, вызвавшего образование необычно мощных криогенных жил, аналоги которых обнаружены только в верхнем эоплейстоцене (Воробьева, Мац, Шимараева, 1995) и отсутствуют в разрезах плейстоцена Прибайкалья. Столь

необычное похолодание могло быть следствием выброса в атмосферу огромного количества пыли, перекрывшей поступление солнечного тепла на поверхность Земли. Похолодание и сильные ветры вызвали опустынивание, привели к образованию сети трещин усыхания на оголенной поверхности, активизировали дефляционные процессы на песчаных массивах.

Резкая смена карбонатных отложений бескарбонатными хорошо объяснима изменением состава атмосферных осадков, вызванным поступлением в атмосферу газов от разрушения кометы, выбросом в атмосферу вулканических и импактогенных газов и последующим возвращением этого вещества на землю в виде кислотных дождей.

Следы размывов в долинах рек, спуски подпруженных озер и стремительный врез речных русел, – все эти явления согласуются с представлениями о ливневом характере осадков. Следы тектонических событий, выявленные в разрезах Прибайкалья на рубеже сартана и голоцена, во многом могли быть спровоцированы сейсмической волной, расходящейся от места импакта.

Космическая катастрофа, которая, предположительно, и определила рубеж плейстоцена и голоцена, безусловно, должна была сказаться на всей наземной биоте, в том числе привести к резкому сокращению численности древнего населения Земли, особенно в районах, находящихся вблизи астроблемы Жаманшин, и вдоль полосы выпадения австрало-азиатских тектитов.

Высказанные предположения согласуются с археологическими данными по региону и сопредельным территориям. Так, на территории Прибайкалья полностью отсутствуют культурные комплексы в интервале 11,5–10,5 тыс. л. н. Известны всего три объекта, финальнопалеолитические культурные уровни которых имеют ^{14}C даты в интервале 12–11,5 тыс. л. н.: Усть-Белая, Галашиха (долина Ангары), Макарово II (Верхняя Лена). При серийных ^{14}C датировках многослойных стоянок выявляются инверсии дат для финальноплейстоценовых культурных горизонтов. Особенно эта ситуация выражена на геоархеологических объектах сопредельных территорий – многослойной стоянке Большой Якорь I в северо-восточной части Байкальской Сибири, стоянке Студеное I на юго-востоке Байкальской Сибири, стоянках Стрижовая Гора и Майнинская в бассейне Енисея.

* Тектиты (от греч. тектос – оплавленный) представляют собой застывшие капли, шарики, лепешки и другие формы массой n·1–n·100 г из темного природного стекла, образованного под воздействием очень высоких темпера-

тур плавления и по химическому составу не имеющего аналогов среди магматических стекол Земли.

- Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е., Горюнова О.И., 1998. Проблема выделения рубежа плейстоцена и голоцена на территории Байкало-Енисейской Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск.
- Воробьева Г.А., Мац В.Д., Шимараева М.К., 1995. Палеоклиматы позднего кайнозоя Байкальского региона // Геология и геофизика. Т. 36. № 8.

Зубаков В.А., 1986. Глобальные климатические события плейстоцена. Л.

- Изох Э.П., 1985. Парадокс возраста тектитов и полей их выпадения // Метеоритика. Вып. 44.
- Изох Э.П., Ле Дых Ан, 1983. Тектиты Вьетнама: Гипотеза кометной транспортировки // Метеоритика. Вып. 42.
- Хаин В.Е., 1994. Основные проблемы современной геологии (геология на пороге XXI века). М.
- Christan-Tollmann E., Tollmann A. Der sintflut Impakt // Mit. Öster. geol. Ges. 1991. Bd. 84.

К.Н. Гаврилов

Институт археологии РАН

Культурные связи населения центральных районов Восточно-Европейской равнины и Северного Причерноморья в верхнем палеолите

В отечественном палеолитоведении при определении культурной специфики позднепалеолитических памятников центральных районов Восточно-Европейской равнины достаточно традиционным является поиск аналогий – и, более широко, сравнительного материала – в западном направлении. Исследования культурных связей по линии «север – юг» представлены не так широко. Между тем, идея о том, что такие связи были распространены, в последние годы получила дополнительную поддержку, главным образом благодаря материалам стоянок бассейна Северского Донца (Горелик, 2001; Кротова, 2002; Амирханов, 2004). В развернутом виде эта точка зрения была сформулирована А.А. Кротовой, которая считает, что генетические связи или культурные взаимовлияния имели место на протяжении длительного времени и отражены в материальной культуре целого ряда памятников: в раннюю пору верхнего палеолита это мастерские в Бирючьей балке (Матюхин, 2006), на реках Оскол и Уразова; в среднюю пору – стоянка Ямы, сопоставляемая автором с костёнковско-виллендорфским культурным единством; в позднюю пору – стоянки Говоруха и Миньевский Яр, аналогии которым А.А. Кротова усматривает в Борщеве 1 и Мезине (Кротова, 2002. С. 77).

Необходимо отметить, что для поздней поры верхнего палеолита культурные связи, аналогичные тем, которые могут быть проиллюстрированы парами Говоруха – Борщеве 1 и Миньевский Яр – Мезин, прослеживаются и на материалах поднепровских па-

мятников (Гаврилов, 2003). Однако в настоящее время территория бассейна Дона и Северского Донца позволяет реконструировать более детальную картину подобных взаимовлияний, поскольку теперь здесь имеются представительные стратифицированные комплексы, относящиеся к более широкому, по сравнению с Поднепровьем, хронологическому диапазону.

Эта источниковая база, по нашему мнению, может быть дополнена еще одним памятником – стоянкой Костёнки 9 (Бирючий Лог) (рис. 1: А). Памятник этот известен с конца 1930-х гг., исследовался во второй половине 1950-х гг. А.Н. Рогачёвым. По мнению Л.М. Челидзе (Палеолит Костёнковско-Борщевского района... 1982. С. 113), культурный слой стоянки моложе слоя I Костёнок 8, который имеет радиоуглеродные даты 22000±160 (ГИН-7998) и 22900±120 (ГИН-7997) (Радиоуглеродная хронология...1997. С. 48. Табл. I) Специфика каменного инвентаря Костёнок 9 проявляется на фоне близких по времени костёнковских памятников и выражена в своеобразии оформления пластин и острий с притупленным краем, а также скребков. Необходимо отметить также многочисленность пластин с притупленным краем среди орудий (80 с лишним экз., более 26% от общего количества предметов с вторичной обработкой). Среди пластин с притупленным краем имеются экземпляры как с прямо-, так и с кососрезанными концами. Обработка концов в ряде случаев дополнена вентральной ретушью. Имеются и острия с кососрезанным основанием, подработанным вентральной

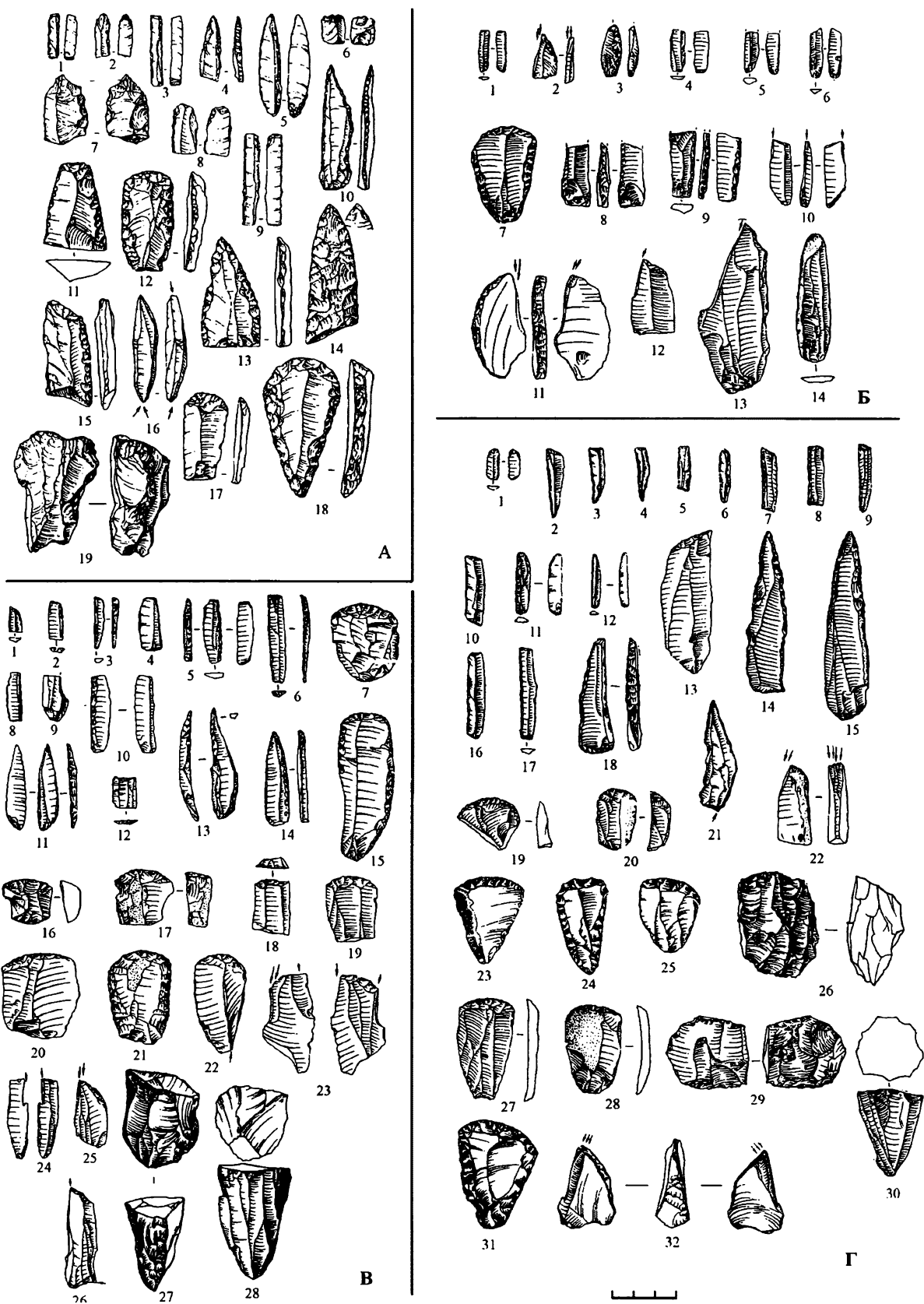

Рис. 1. Сравнительная таблица кремневого инвентаря стоянки Костёнки 9 и памятников каменобалковской культуры. А – Костёнки 9 (Бирючий Лог); Б – Чулек I; В – Каменная Балка I; Г – Каменная балка II. (А – по: Палеолит Костёнковско-Борщевского района... С. 110, рис. 34; Б-Г – по: Борисковский, Праслов, 1964, табл. XIV-XVII)

ретушью. Среди скребков выделяются предметы с расходящимися к рабочему краю краями, обработанными по всей длине формообразующей ретушью. Имеются скребки с параллельными краями, также полностью ретушированными. Два орудия, по мнению исследователей стоянки, напоминают ножи «ргани» (Палеолит Костёнковско-Борщевского района... 1982. С. 111, 112). Перечисленные особенности каменного инвентаря Костёнок 9 действительно весьма специфичны для Костёнковско-Борщевского района. Однако они характерны для памятников каменнобалковской культуры (Гвоздовер, 1964; 1967) (рис. 1: Б–Г). Учитывая то, что известно об упоминавшихся памятниках, расположенных в бассейне Северского Донца, подобное сходство не вызывает удивления.

К сожалению, прямых данных о возрасте Костёнок 9 до сих пор явно недостаточно. Но все же геологические условия залегания культурного слоя этого памятника и наблюдения Л.М. Челидзе позволяют предполагать, что стоянки каменнобалковской культуры и Костёнок 9 близки в хронологическом отношении. Если это так, то для территории, по крайней мере, бассейна Дона культурная граница между центральными районами Восточно-Европейской равнины и Северным Причерноморьем (точнее, Северным Приазовьем) становится весьма прозрачной не только для ранней и средней, но и для поздней поры верхнего палеолита. Возможно, что в максимальной степени эта граница была выражена только во время существования в Приазовье таких памятников, как Амвросиевка, Мураловка и Золотовка.

- Амирханов Х.А., 2004. Восточнограветтские элементы в культурном субстрате волго-окского мезолита // Проблемы каменного века Русской равнины. М.
- Борисковский П.И., Праслов Н.Д., 1964. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья (САИ. Вып. А1-5).
- Гаврилов К.Н., 2003. Среднее Поднепровье как историко-культурная область Восточной Европы верхнего палеолита: проблема времени и причин формирования // Горизонты антропологии. М.
- Гвоздовер М.Д., 1964. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // Приложение 1 в кн.: П.И. Борисковский, Н.Д. Праслов. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья (САИ. Вып. А1-5).
- Гвоздовер М.Д., 1967. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников нижнего Дона // Вопросы антропологии. Вып. 27.
- Горелик А.Ф., 2001. Памятники роголико-передельского района: Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. Киев; Луганск.
- Кротова А.А., 2002. Связи позднепалеолитического населения бассейна Северского Донца и Центра Восточно-Европейской равнины // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.
- Матюхин А.Е., 2006. Памятники с треугольными острями в долине Северского Донца и их место в позднем палеолите Русской равнины // Археологический альманах. Донецк. № 18.
- Палеолит Костёнковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л., 1982.
- Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: Проблемы и перспективы. СПб., 1997.

М.А. Дикова

Чукотский филиал Северо-Восточного комплексного НИИ ДВО РАН, Анадырь

Символика в погребальной обрядности и искусстве ушковского палеолита (Камчатка)

На севере Дальнего Востока стоянки Ушки I–V, открытые Н.Н. Диковым в начале 1960-х гг., считаются эталонными; они многослойны, с четким стратиграфическим контекстом, в который вписываются от 7 (Ушки I, V) до 5 культурных горизонтов (остальные). Пять верхних слоев перекрываются прослойками вулканических пеплов и находятся в идеальных условиях для «прочтения» времени их формирования (относятся они к разным периодам голоцена). Два нижних слоя (VII и VI) приходятся на заключительный этап плейстоцена и рубеж с

голоценом и охватывают отрезок времени от 12 до 10 тыс. л. н. (Goebel и др., 2003). Две верхнепалеолитические культуры значительно отличаются одна от другой технологией изготовления (и типологией) каменного инвентаря: в слое VII отсутствуют характерные для слоя VI клиновидные нуклеусы и микропластинки; маркирующим компонентом являются черешковые наконечники стрел американского типа, в то время как в слое VI они бесчерешковые иволистной формы. Существенны отличия и в домостроительстве: в слое VII все жилища наземно-

го типа одиночные или сдвоенные, с несколькими открытыми очагами в каждом; в слое VI большую часть составляют углубленные жилища с коридорообразным выходом (или без него) и очагами с каменной выкладкой (Диков, 1993а). Однако нельзя не заметить и сходства отдельных элементов в материальных комплексах обеих культур, что прослеживается, прежде всего, в изобразительной деятельности. Среди находок в обоих слоях много подвесок антропо-зооморфной формы и правильных геометрических очертаний (круглых, квадратных со сглаженными углами, прямоугольных, овальных, каплевидных). Некоторые черты сходства наблюдаются и в погребальной обрядности: захоронение в земле, могила в виде ямы округлой формы, без использования внутренних и внешних конструкций, засыпка погребения ярко-красной охрой.

Хозяйство палеолитических ушковцев было многоотраслевым. Охота на мамонтов, бизонов, северных оленей сочеталась с высокопродуктивным рыболовством (Ушковское озеро и в наше время является нерестилищем лососевых) и собирательством.

Хозяйственный инвентарь ушковцев обеих палеолитических культур подробно описан и проиллюстрирован их исследователем (Диков, 1977; 1979; 1993а; 1993б). Более подробно остановимся на характеристике погребений, учитывая то, что обратиться к более глубокому анализу ушковских материалов Н.Н. Дикову помешала болезнь.

Погребение в слое VII (единственное на вскрытой за период раскопок территории в 2100 м²) выявлено по обильно усыпанной охрой площадке в 50 м². Захоронение было совершено в округлую яму диаметром 1,8 м и глубиной 0,7 м, доверху заполненную комками красной охры. Вследствие интенсивной водоносности культурного слоя кости погребенного сохранились в виде фрагментарных следов; судя по ним, Н.Н. Диков предположил, что умерший был захоронен в скорченном положении с подогнутыми ногами. Найдены пиррофилитовые бусы (881 экз.), напоминающие вавпум индейцев и, вероятно, украшавшие одежду (или пояс? – М.Д.) погребенного, множество подвесок и резцевидные острия для их изготовления. На борту ямы обнаружены два каменных черешковых наконечника стрел. Как полагает Н.Н. Диков, это погребение – «своеобразный мавзолей вождя или родоначальника общины». Символичны место расположения погребения (в центре поселения), обильная засыпка охрой (магическим «восстановителем» жизни) не только могилы, но и огромной площадки вокруг нее.

По углям из заполнения погребальной ямы были получены даты: 13600±250 (ГИН) и 14300±200 (ГИН-167)*.

В слое VII найдена серия изобразительных предметов в виде подвесок. Среди них фигурки, условно передающие женский образ. Первая (2,3 x 0,9 см) изготовлена в виде рассеченного снизу полуовала (рис. 1А: 2). Автор находки, со ссылкой на А.Д. Столяра, интерпретировал ее как женский символ (Диков, 1979). Вторая, совсем миниатюрная, подвеска (рис. 1А: 10) изготовлена в этом же стиле. Третья фигурка (3 x 1,5 см) также условно передает женский образ (рис. 1А: 1). С одной стороны вдоль торца сделаны поперечные насечки, которыми намечены плоский (без грудного выступа) торс, переход к бедру и голени, сходящей на конус. Рельефно подчеркнут ягодичный выступ. Серия подобных фигурок (без головы и с различной степенью стилизации) известна в западно- и восточноевропейском палеолите (см., напр.: Абрамова, 1966. С. 20. Табл. XIV).

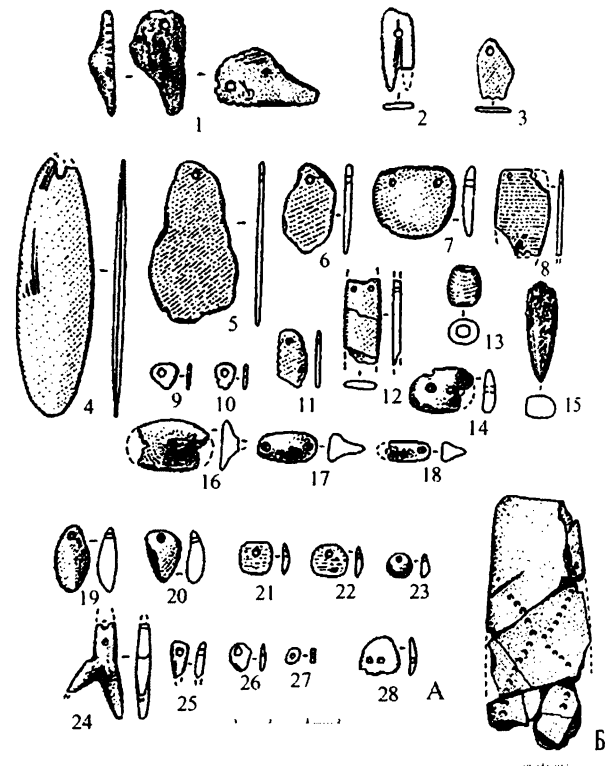

Рис. 1. А. Фигурные подвески из верхнепалеолитических слоев VII (1–3, 5–10); VI (4, 11–15); 16–18 – лабретовидные изделия из слоя VI стоянки Ушки I (по Н.Н. Дикову) и стоянки Ушки-V (19–28 – сборы М. А. Кирьяк). Б. Пластина с лунно-солнечным календарем (стоянка Ушки I, слой VI)

Среди подвесок зооморфного характера (рис. 1А: 3, 5, 6) есть «угадываемые» образы. В одной из фигурок (рис. 1А: 3), безусловно, запечатлен мамонт, хотя персонаж не был «узнан» автором находки. Скульптурка (1,8 x 1 см) изготовлена с предельной степенью стилизации в виде подвески из тщательно отполированной пластинки.

большинство подвесок плоские, со следами истирания одной поверхности, что свидетельствует о пришивании их к одежде плашмя (Диков, 1979). В браздах-символах микроскульптурных подвесок этих ушковцев прослеживаются две характерные темы первобытного искусства – человек (женщина) и зверь.

Условность образов, запечатленных в ушковских весах, демонстрирует способность мышления создателей к абстрактным построениям, умение видеть сущности моделировать в виде символов. Миниатюрные подвески ранней ушковской коллекции свидетельствуют о высоком – сродни ювелирному – техническом мастерстве и тонком вкусе в выборе поделочного материала. Нельзя отказать их создателям в эстетическом восприятии окружающего мира и в использовании приемов художественной выразительности.

Носителей культуры слоя VII Н.Н. Диков идентифицировал как предков индейцев, связав их с одной из ранних миграционных волн из Азии в Америку.

Черты, свойственные искусству носителей культуры слоя VII стоянки Ушки I, присущи и сменявшим их обитателям слоя VI.

Наиболее полно облик второй (поздней) верхне-леолитической ушковской культуры, в частности духовной составляющей, восстанавливается благодаря наличию погребений и предметов изобразительной деятельности. На раскопанной археологами территории поселения, составившей более 5 тыс. м², обнаружены три погребения, из них два детских и одно – собаки. Все погребения были совершены в пещерных жилищах с коридорообразным выходом.

Остановимся на детских погребениях. Первое (в жилище 3) совершено в яме округлой формы (диаметр 0,7 м, глубина 0,2 м). На дне зафиксирована насыпка красной охрой, поверх которой находилась обстилка из «тщательно и плотно уложенных резцов многих десятков леммингов» (Диков, 1993б). На обстилку в скорченном положении вплотную друг к другу были положены двое детей, ориентированных головами на запад и на север. Среди мельчайших фрагментов черепных костей сохранились некоторые молочные зубы (резцы и один коренной), а на ледах полностью разрушившихся костей найдены аменные шлифовальные и точильные плитки, три истовидных наконечника стрел, обломанная подвеска, клиновидный нуклеус и множество приостренных с одного конца тонких и узких ножевидных пластинок. На месте другого разрушенного черепа перед молочными человеческими зубами без корней «обнаружено до десятка зубов с корнями, подточенных с очень тонко просверленными отверстиями для

подвешивания» (Там же). Судя по составу сопроводительных предметов, можно предположить захоронение разнополых детей.

Второе коллективное погребение совершено в жилище 10, в яме диаметром 0,95 м и глубиной до 1 м. Кости не сохранились, за исключением мельчайших фрагментов черепных крышек и зубов (молочных и постоянных), их обнаружено более 150 экз. По определению одонтологов, захоронены были дети от 2 до 5–6 лет. Прослеживается последовательность погребального ритуала: дно первоначально выкопанной ямы было засыпано охрой, на нее помещены останки детей, им в сопровождение положены, вероятно в сумках, богатый набор каменного инвентаря, фигурки мамонта и бизона, кусочки графита и комки слабообожженной глины. Погребение было накрыто крупной лопаточной костью животного и обильно засыпано охрой, а сверху – землей. Погребальная яма раскапывалась в древности вторично (до лопаточной кости-перекрытия), с внедрением в нее дополнительно (?) сопроводительного инвентаря.

Судя по количеству сохранившихся в погребении зубов, возрасту детей и пространству (объему) погребальной камеры, можно предположить, что умершие были оставлены на поверхности до полного разложения мышечной ткани, а затем кости и черепа захоронены или в могилу положены только головы (черепа?) умерших.

Из предметов неутилитарного назначения в слое VI стоянки Ушки I и на уровне размыва слоя VI стоянки Ушки V найдены различной формы подвески, миниатюрные бляшки, бусы (рис. 1А: 19–28), песчаниковые плоские гальки с графическим изображением жилища, плитка с точечным календарем. В контексте духовно-интеллектуальной жизни ушковцев особое место занимает песчаниковая плитка со знаковой записью лунно-солнечного календаря (рис. 1Б). Расшифровывая календарную запись ушковцев, В.Е. Ларичев пришел к заключению, что «год у древнейших обитателей Камчатки начинался в день осеннего равноденствия». Принятие такого новогодия (начало астрономической осени, пересечение Солнцем небесного экватора и уход его в южную – нижнюю! – сферу Мироздания), по его мнению, связано с погребальными культами: уходом человека в Небытие с надеждой на обретение нового Бытия, которое следовало, согласно поверьям, за зимним солнцеворотом (Ларичев, Кирьяк, 2002. С. 134). Древний календарь ушковцев В.Е. Ларичев расценил «как факт безусловной значимости – в поле внимания ушковцев была не только Земля, но и Небо с двумя, по крайней мере, светилами – Луной и Солнцем» (Там же. С. 137). Древний ушковский ка-

лендарь найден в жилище, где обнаружены выполненный красной охрой геоглиф в виде силуэтного изображения рыбы и стеатитовые лабретки (лицевые украшения-вставки. – М.Д.). Предназначалось оно, вероятно, для совершения определенных обрядовых церемоний.

Исследователь связывал носителей культуры слоя VI с эско-алеутами (Диков, 1979), хотя впоследствии отдал предпочтение атапаскам (Диков, 1993а).

В процессе раскопок слоя VI (вскрыто более 5 тыс. м²), накапливавшегося в течение длительного времени, обнаружены погребения детей определенного возраста; захоронений взрослых ушковцев не выявлено. Этот факт свидетельствует, возможно, об особом отношении к детям возрастной категории от 2 до 6–7 лет, когда идет смена зубов молочных постоянными. Этот аспект в научной литературе не разработан.

Обратимся к сравнению с широко известными в археологической литературе немногочисленными позднепалеолитическими детскими погребениями (мальчика 5–6 лет на Городцовской стоянке, двух подростков разного пола 7–8 и 12–13 лет на поселении Сунгирь, ребенка не младше 4 лет в Мальте – Восточная Сибирь).

Анализ этих захоронений и сравнение их с ушковскими из слоя VI позволяет выделить общие черты погребальной обрядности. 1) В четырех случаях захоронены дети одной возрастной категории – от 2 до 6 лет; исключение составляет двойное сунгирское захоронение детей в подростковом возрасте. 2) Все погребения совершались в грунтовой яме без использования внутренних конструкций; в трех случаях могила находилась в жилище. 3) Во всех случаях погребальный обряд сопровождался обильной засыпкой охрой. 4) В пяти погребениях присутствует «образ» или «дух» мамонта (в сунгирском и одном из ушковских – в виде скульптурных изображений, в городцовском – в виде перекрытия лопаточной костью мамонта, в мальтинском – в виде зуба мамонта на каменном перекрытии могилы). 5) В трех случаях отмечено перекрытие погребения (своеобразное проведение границы между миром живых и миром мертвых) лопаточной костью крупных животных или каменной плитой. 6) Все погребения содержали сопроводительный инвентарь. Отличительной особенностью мальтинского погребения является наличие надмогильного сооружения (полуограда из вертикально поставленных плит, накрытая сверху скоплением рогов северного оленя)**.

Общие элементы погребальной обрядности свидетельствуют об определенных базовых установках мировоззренческого характера на территории Се-

верной Евразии: вера в магическую силу кроваво-красной охры как восстановителя жизни, наивно-реалистические представления о загробном мире и как следствие – погребение покойных на территории поселений (зачастую – в жилище), сопровождение умершего реальным инвентарем, необходимым при жизни, культ мамонта. В то же время, в погребальной обрядности отдельных коллективов прослеживается двойственное отношение к миру мертвых: боязнь возврата умершего в мир живых заставляет устанавливать границу между этими двумя мирами функцию такого разграничителя в ряде случаев выполняет лопаточная кость мамонта.

В круг базовых представлений, нашедших отражение в погребальной обрядности на Городцовской стоянке, Сунгире и Мальте, вписываются и верхнепалеолитические ушковские погребения на Камчатке. Оценку духовному и интеллектуальному феномену ушковцев дал В.Е. Ларичев: «В том и другом палеолитические гипербореи не уступали южанам – европейцам древнекаменного века» (Ларичев, Кирьяк, 2002).

* Датировки слоя VII пересмотрены американскими археологами в сторону омоложения (см.: Goebel et al., 2003).

** У чукчей до недавнего времени существовал обычай класть оленьи рога в качестве поминанальных приношений на место погребения или труположения умершего (в чукотской тундре встречаются небольшие курганчики, сложенные из рогов северного оленя). Не зафиксированы ли истоки такого обычая мальтинским погребением?

Абрамова З.А., 1966. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л.

Диков Н.Н., 1977. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М.

Диков Н.Н., 1979. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М.

Диков Н.Н., 1993а. Азия на стыке с Америкой в древности. СПб.

Диков Н.Н., 1993б. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан.

Ларичев В.Е., Кирьяк М.А., 2002. Древнекаменный век Северной Евразии: дальневосточное время (лунно-солнечная календарная система ушковской культуры) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.

Палеолит СССР. М., 1984. (Археология СССР)

Goebel T., Waters M.R., Dikova M., 2003. The Archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and the Pleistocene Peopling of the Americas.

П.М. Долуханов

Ньюкаслский университет, Англия

Первоначальное расселение *Homo sapiens* в Северной Евразии. Геохронологические аспекты

Территория Русской равнины, включая приполярные районы, была заселена популяциями современного человека практически одновременно с остальными районами Европы. Наиболее ранние проявления верхнего палеолита фиксируются районе с. Костёнки на Дону. Для нижнего слоя памятника Костёнки 12 были получены радиоуглеродные даты – порядка 42–40 тыс. лет. Еще более древний возраст, 52–42 тыс. лет, получен методом оптически симулированной люминесценции (ОСЛ). В ряде районов Восточной Европы установлены индустрии «переходного» типа, сочетающие элементы мустье и верхнего палеолита. К их числу относятся индустрии «стрелецкого типа» в районе Костёнок и в других регионах России.

Уже в ходе своего первоначального расселения люди современного облика освоили арктические районы. Радиоуглеродные и ОСЛ датировки – порядка 37–35 тыс. лет – получены для стоянок Мамонтова Курья и Чусовая в бассейне Печоры. Эти стоянки расположены в непосредственной близости от Полярного круга. Группа стоянок (Гарчи 1 и Заозерье) с орудиями архаического типа изучена в бассейне р. Чусовой в предгорьях Среднего Урала. Для стоянки Заозерье были получены радиоуглеродные определения – порядка 32–31 тыс. л. н. К столь же раннему времени следует отнести освоение человеком территории Сибири.

Остается нерешенным вопрос относительно пределов проникновения неандертальского чело-

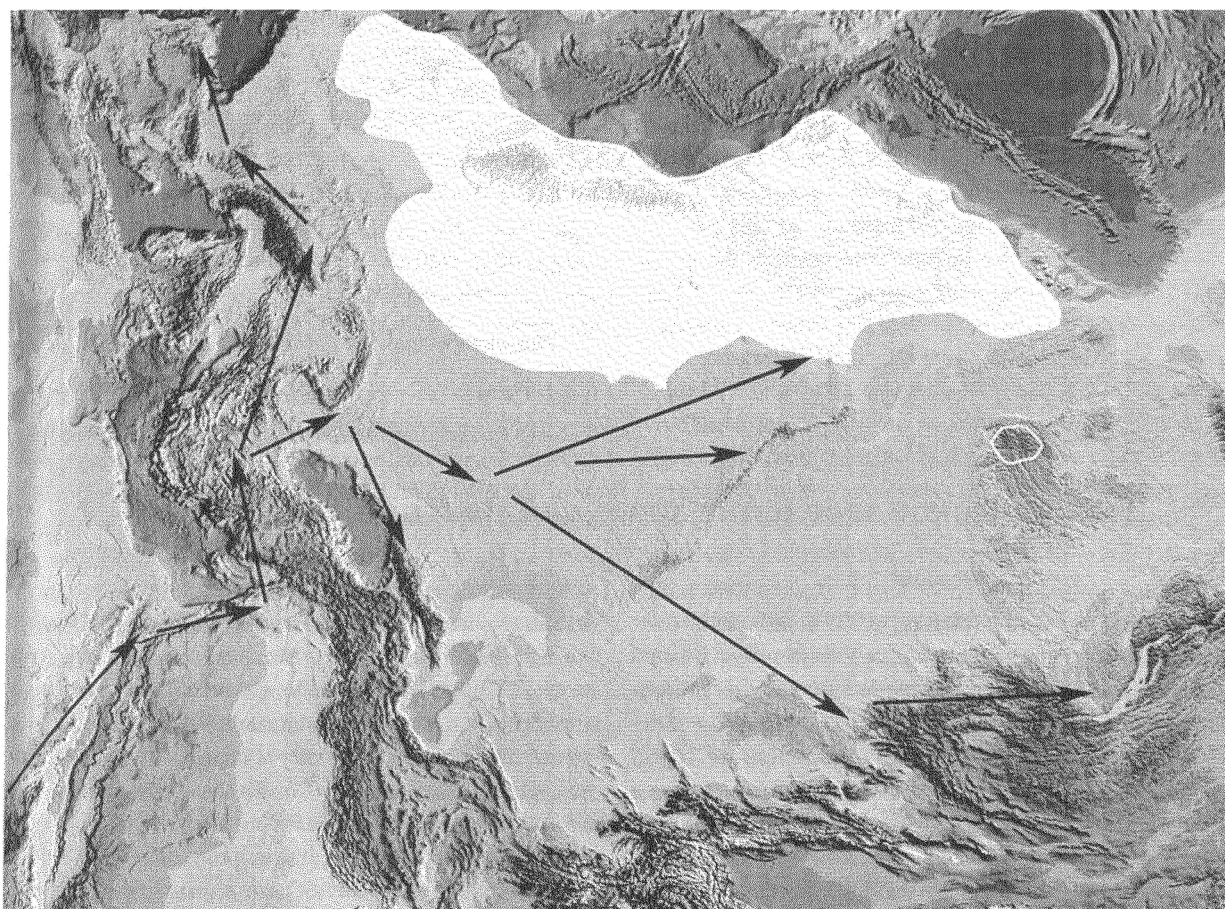

Рис. 1. Расселение *Homo sapiens* в северной Евразии

века. Мустьерские индустрии были обнаружены в горных районах Южной Сибири от Алтая до Забайкалья, при этом наиболее выразительные комплексы происходят с Алтая. На стоянке Кара-Бом и некоторых других памятниках была выделена «переходная» индустрия. Как и в Европе, наряду с архаическими элементами эта индустрия включает разнообразные орудия верхнепалеолитического типа, изделия из кости и рога, предметы искусства. Для слоев мустье и «раннего верхнего палеолита» получены статистически идентичные радиоуглеродные датировки: более 44 тыс. и $43\ 200 \pm 1500$ л. н. соответственно.

В палеолитических памятниках Алтая – пещерах Окладникова и Денисовой – были обнаружены зубы древнего человека. Некоторые специалисты отнесли их к неандертальцам, тогда как В.П. Алексеев и Е.Г. Шпакова высказали мнение, что эти зубы принадлежали ранним формам современного человека. Недавно полученные первые результаты исследования митохондриальной ДНК выявляют близость костных остатков гоминид из алтайских пещер к европейским неандертальцам. Этот вопрос требует дальнейшего изучения.

На основании имеющихся данных представляется, что первоначальный отток популяций *Homo sapiens* из Африки и Леванта произошел около 60 тыс. л. н., когда в муссонных областях Юго-Западной Азии и на севере Африки установились

гипераридные условия. Отток происходил в направлении Балкан через Анатолию. На территории Балкан миграционная волна разделилась на два потока: один из которых стал двигаться на запад континента, а другой – на северо-восток. Северо-восточный поток вывел группы современных людей в Карпатский бассейн, откуда они распространялись в Крым и, следуя далее на восток по осушенной литорали Черного моря, заселяли Северный и Западный Кавказ. Продвигаясь вдоль многоводных речных долин, современные люди проникли в южные и центральные районы Русской равнины и далее двигались на север, в приполярные районы. Отделившись от основного потока, другая волна ушла на восток, пересекла степную зону и освоила горные системы и речные долины южной Сибири и Прибайкалья (рис. 1).

Основная волна первоначального заселения северной Евразии проходила на протяжении средневалдайского мегаинтерстадиала, 50–40 тыс. л. н., когда на этой территории установились перигляциальные гиперзональные условия. Не исключено, что в эту волну были вовлечены остаточные популяции неандертальцев, чье присутствие выявляется сигналами митохондриальной ДНК. Археологическим выражением этого процесса являются «переходные индустрии», сочетающие архаическую технологию с элементами верхнепалеолитической техники.

С.А. Лаухин

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

Н.И. Дроздов

Красноярский государственный педагогический университет

Докловисское заселение западной части Малой Берингии

Если в самом начале 1990-х гг. археологи США еще могли полагать (Келли, 1997), что наиболее раннее присутствие человека в Восточной Сибири датировано на Алдане 18 тыс. л. н. и это было одним из главных аргументов в пользу позднего освоения им Северной Америки, то за последние 10–12 лет мировая, в том числе и американская, научная общественность имела большие возможности убедиться в том, что палеолитический человек начал осваивать юг Восточной Сибири более 700–1000 тыс. л. н., а северные ее районы – по меньшей мере 260 тыс. л. н. (Waters et al., 1997). Уже более 15

лет известны местонахождения середины – начала позднего палеолита, а возможно и среднелепесточные памятники, на Чукотском п-ове (Диков, 1993 и др.). Поэтому странным кажется «отсутствие достоверных памятников позднелепесточного возраста на... Чукотском полуострове, в долинах Колымы, Омолона и Анадыря... Пока мы не имеем здесь комплексов, сопоставимых по древности с ранними памятниками Аляски» (Васильев, 2004. С. 124). И в той же работе (С. 7): «Окончательно развеян миф о якобы предшествовавшей кловис «культуре сандия»». Получается, что на Чукотке, да и вообще на

крайнем северо-востоке Азии, нет памятников, сопоставимых по древности даже с культурой кловис, древнее которой, согласно С.А. Васильеву (Там же), нет палеолита и в Северной Америке, т. е. самые древние памятники северо-востока Азии моложе 12 тыс. л. н.? Чтобы ответить на этот вопрос, обсудим геологическое положение и возраст некоторых памятников палеолита на северо-востоке Азии, т. е. западе Малой Берингии.

В отличие от Большой Берингии, восточная окраина которой захватывает бассейн Енисея (Дервянко и др., 2004 и др.), запад Малой Берингии ограничен крайним северо-востоком Азии и располагается к востоку от Верхоянского хребта. Поэтому мы не будем обсуждать расположенные между 60° и 64° с. ш. стоянку Деринг-Юрях на Лене и группу стоянок на Алдане – Ихине I и II, Усть-Миль, Дюктай и др., нижние культурные слои которых несомненно древнее 12 тыс. л. н. (Мочанов, 1977). Оставим также за рамками обсуждения серию памятников Чукотского п-ова на реках Кусьвеем и Кымынанон-ывааам с очень архаичными, вероятно среднеплейстоценовыми, артефактами, геологический контекст и хронологическая позиция которых остаются невыясненными (Диков, 1993). Остановимся на рассмотрении только позднепалеолитических памятников.

Наиболее древней из позднепалеолитических стоянок крайнего северо-востока Азии является, видимо, Орловка II, расположенная на Западной Чукотке около 66° 55' – 66° 50' с. ш. Ее нижний культурный горизонт залегает на глубине от 7–10 до 22 см от дневной поверхности и не датирован методами естественных наук. Однако М.А. Кирьяс (2005) убедительно сопоставляет орудия этого горизонта с инвентарем стоянки Эжанцы, которую Ю.А. Мочанов (1977) датировал около 35 тыс. л. н.

Чуть севернее на Чукотском п-ове известно местонахождение Кымынейкей. Артефакты этого памятника по аналогии с орудиями Ихине I и других памятников Алдана датированы около 30 тыс. л. н. (Laukhin, Drozdov, 1991). Кратко обсудим геологические данные о возрасте памятника Кымынейкей. Артефакты обнаружены в третьей сверху морене, которая отложена ледником конощельского времени, двигавшимся по выводной долине р. Милютхейвеем. Это была первая, максимальная, стадия последнего оледенения Чукотки. Артефакты перемещены по меньшей мере на 50–60 км от места их первоначального залегания – разрушенной ледником стоянки (Laukhin, Drozdov, 2007). На горе Кымынейкей морена, содержащая артефакты, подстилается и перекрывается морскими отложениями с диатомеями субзоны Q-III-W3, характерной для каргинского времени (Пушкарь, Черепанова, 2001). Эти отло-

жения двух стадий каргинской ингрессии содержат диатомеи прогреваемых мелководий, что подтверждает конощельский возраст морены, подстилаемой и перекрытой этими морскими отложениями. В 50 км восточнее, за пределами каргинской ингрессии, проходившей по долине пра-Кымынейвеема, обсуждаемую морену подстилают по меньшей мере две пачки аллювия. Нижняя накапливалась, согласно ¹⁴C датам, 40–39 тыс. л. н. в условиях температур: январских на 2–3°C, а июльских на 3–4°C выше современных; верхняя же, соответственно, – на 4–5°C и на 5–6°C (Laukhin, Drozdov, 2007). Следовательно, оптимум каргинского межледниковья на севере Чукотского п-ова сопоставим с малохетским потеплением около 37–36 тыс. л. н. Максимум первой стадии последнего оледенения (хунгли-крик) на Юконе был около 30 тыс. л. н. (Huges, 1989). Видимо, конощельская стадия на севере Чукотского п-ова имела близкий возраст. Сейчас в верховьях Милютхейвеема нет даже горных ледников. 37–36 тыс. л. н. климат был существенно теплее современного. Следовательно, нужно было время, чтобы сформировались горные ледники, горные – стали горнодолинными, а затем вышли в предгорья. Если волна миграции началась на юге Приенисейской Сибири (Лаухин, Дроздов, 2005), то севера Чукотского п-ова она могла достичь не ранее 31 тыс. л. н. Это время наиболее вероятно для появления стоянки на р. Милютхейвеем, артефакты которой обнаружены в третьей сверху морене горы Кымынейкей. Липовско-новоселовский (28–27 тыс. л. н.) возраст второй стадии каргинской ингрессии, отложения которой перекрывают морену, содержащую артефакты, не противоречит такой датировке стоянки, разрушенной ледником. Таким образом, стоянка, артефакты которой обнаружены на памятнике Кымынейкей, едва ли была моложе Орловки II больше, чем на 2–3 тыс. лет.

В низовьях Яны на стоянке RHS (Pitul'ko et al., 2004) собрано много артефактов и получены десятки ¹⁴C дат, преимущественно 28–27 тыс. л. н.; В.В. Питулько (2006. С. 310) указывает «на возможное родство ряда памятников от Яны до Верхнего Енисея»*.

Предварительное сравнение Яны RHS со стоянками Чукотки позволяет сделать такие предположения. В конце каргинского времени произошли две миграции людей с юга Средней Сибири вдоль Лены – низовий Алдана: первая около 35–30 тыс. л. н. на северо-восток, на Чукотку, и вторая около 28 тыс. л. н. на север, в низовья Яны. Обе миграции были сравнительно быстрыми – 1 (2?) тыс. или даже сотни лет. В первую миграцию возможны элементы эстафетной модели и частичное вытеснение пришельцами с юга насельников бассейна Алдана

на Чукотку. Во вторую миграцию культурные традиции юга Средней Сибири были принесены на Яну «в более чистом виде».

* Авторы выражают свою признательность В.В. Питулько за предоставленную им возможность осмотреть коллекцию артефактов со стоянки Яна RHS.

Васильев С.А., 2004. Древнейшие культуры Северной Америки. (Тр. ИИМК РАН. СПб. Т. XII.)

Деревянко А.П., Лаухин С.А., Дроздов Н.И., Хлагула И., 1994. Палеолитические границы Большой Берингии // Доклады АН. Т. 341. № 3.

Диков Н.Н., 1993. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан.

Келли Р.Л., 1997. Добывание пищи охотниками-собирающими и колонизация Западного Полушария // Глобальное расселение гоминид. М.

Кирьяк (Дикова) М.А., 2005. Каменный век Чукотки. Магадан.

Лаухин С.А., Дроздов Н.И., 2005. К проблеме древнейших миграций палеолитического человека через Берингию в Северную Америку // Северная Пацифика – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена. Магадан.

Мочанов Ю.А., 1977. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск.

Питулько В.В., 2006. Культурная хронология каменного века северо-востока Азии // II Северный Археологический конгресс: Докл. Екатеринбург; Ханты Мансийск.

Пушкарь В.С., Черепанова М.В., 2001. Диатомы плейстоцена и антропогена Северной

Пацифики. Владивосток.

Huges O.L., 1989. Quaternary chronology, Yukon and Western District of Mackenzie // Late Cenozoic History of the Interior Basin of Alaska and the Yukon. (US Geological Survey Circulars. Vol. 1026.)

Laukhin S.A., Drozdov N.I., 2001. Paleoeological Aspects of Paleolithic Man Settling in Northern Asia and His Migration to Northern America // The INQUA International Symposium on Stratigraphy and Correlation of Quaternary Deposits of the Asian and Pacific Regions. Bangkok: CCOP/TP-22.

Laukhin S.A., Drozdov N.I., 2007. Geological Situation of Kyminekei Site in the North of Chukchee Peninsula // Danyang and Her Neighbors. Institute of Korean Prehistory.

Pitul'ko V.V., Nikolsky P.A., Giryа E.Yu. et al., 2004. The Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glacial Maximum // Science. Vol. 303, № 5654.

Л.В. Лбова

Институт археологии и этнографии СО РАН

Признаки знакового поведения в комплексах начальной поры верхнего палеолита в Забайкалье*

Первобытная социокультурная система обладает своей динамикой развития, которая сводится к воспроизведению существующей системной структуры. Эта система при отсутствии действия внешних факторов не подвержена никаким существенным изменениям, повторяя периодически ритуалы обновления, позволяющие устранить накапливающиеся напряжения, и регенерируя свой социальный состав при помощи церемоний инициации. Описания и анализ первобытной культуры показывают, что в поведении человека добывание пищи, размножение и самозащита неразрывно связаны.

Таким образом, мир культуры, особенно на ранних этапах, тесно связан с процессом становления и развития человека современного физического типа, одним из аспектов которого является переход от определенных инстинктивных, рефлекторных реак-

ций животного на мир к абстракциям человеческого знания. Только культура дает возможность человеку строить свое поведение на основе предсказания будущих, еще не существующих, событий при помощи различных стратегий.

Первобытное мышление подразумевает сопоставимые интеллектуальные действия, методы наблюдения и их материализованное выражение в артефактах. Кроме того, проблема раннего символизма интересна и актуальна в рамках дискуссии о переходе от среднего к верхнему палеолиту и становлении человека современного физического типа в Евразии.

Знаковое (символическое, неутилитарное) поведение, свойственное ранней форме человека современного физического типа, довольно устойчиво выглядит в археологическом контексте евразийских

комплексов начала верхнего палеолита (Демещенко, 1999; Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004; Marshack, 1972 и др.). Предметы с необычными физическим свойствам или случайной антропо- или зооморфностью; куски охры (гематита, лимонита и т. п.) и свидетельства их использования; «метки» (различные насечки, штрихи, углубления, пятна искусственного происхождения на костях, камнях, скальных поверхностях и т. д.); нательные украшения с персональной орнаментацией, образующие символические условные системы (сверленные зубы животных, раковины, изделия из камня и кости); фигуративное творчество, выраженное в комплексах различных искусственных форм (скульптура, живопись, гравировка); музыкальные инструменты (например, свистки или флейты из костей птиц и др.), – все это в целом составляет характеристики знакового поведения (Демещенко, 1999; Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004; Вишняцкий, 2005; Marshack, 1972; Mellars, 2005).

Благодаря изменившимся методам работ в последнее время на памятниках начала верхнего палеолита в Забайкалье получены материалы, свидетельствующие о признаках символического поведения на довольно раннем этапе формирования культуры человека современного физического типа. Особый интерес представляют как археологический контекст находок (собственно горизонты обитания, структуры культурного слоя, особенности размещения и т. д.), так и сами предметы. В структурах поселений – Подзвонкая, Хотык (3 и 4), Варварина Гора (2), Толбага и др. – и сезонных стоянок (Каменка А) планиграфически четко выделяются так называемые «хранилища костей» с оформлением каменной выкладкой, очаговые зоны, демонстрирующие особое отношение человека к огню, конструкции из костей, напоминающие «натуральный макет» (Константинов, 1994; Лбова, 2000; Ташак, 2003).

Куски красящих материалов (охры, гематита, лимонита и др.) или разноцветные пятна зафиксированы на всех объектах, относимых исследователями к начальной поро верхнего палеолита.

На сегодня коллекцию изделий, свидетельствующих о развитой знаковой деятельности, составляют более 60 предметов из кости, скорлупы, камня, раковин. Предметы обнаружены при раскопках стратифицированных комплексов Каменка, Варварина Гора, Хотык, Подзвонкая и датированы в пределах 30–40 тыс. л. н. (Лбова, 2000; Ташак, 2003). Артефакты демонстрируют наличие развитого в технологическом и типологическом отношениях комплекса предметов с устоявшейся системой изготовления и обработки, выраженного в стилистически выдержанных сериях изделий. Морфологически и техно-

логически артефакты представлены шестью основными вариантами:

1) предметы овальной формы из мелких и средних галек (или их половинок, полученных путем продольного раскалывания), а также пластин. Материал, как правило, представлен мягкими породами разновидностей талька, агальматолита, стеатита различного цвета. Все изделия выполнены в единой технике: предварительная обработка поверхности гальки (раскалывание, или уплощение), пришлифовка выпуклых поверхностей и намеренное высверливание отверстия таким образом, что латераль изделия совпадает с краем отверстия или приходится на его центр. Морфологически такие предметы имеют серповидную форму, или форму буквы «С», или «рогатых овалов» (Хотык, Варварина Гора);

2) бусины-пронизки округлой формы с центральным положением отверстия, выполненные из различных материалов – камня (риолит), кости, бивня, скорлупы (страуса или дрофы), раковины моллюска. Как правило, это небольшие плоские изделия, до 1 см в диаметре. Отверстия бусин обычно выполнялись проверткой из относительно твердого материала или лучковым приспособлением, впоследствии изделие стачивалось на жестком абразиве и полировалось на мягкой коже. Именно эта форма преобладает во всех забайкальских коллекциях начала верхнего палеолита – Каменка А, Подзвонкая, Хотык (3), Варварина Гора – и достаточно долго функционирует во времени, являясь характерным элементом палеолитических, мезолитических и неолитических «украшений» из материалов многочисленных памятников Евразии (Лбова, 2000; Ташак, 2002; Деревянко, Рыбин, 2003; Деревянко, Шуньков, 2004);

3) вариант аналогичен предыдущему, но отличается размерами и технологией изготовления, представляет собой кольца из камня с диаметром отверстия от 1 до 3 см. Такие предметы имеют объем, обусловленный, возможно, технологическим моментом; фрагменты таких изделий встречены на Хотыке и в комплексах Подзвонкой (Лбова, Волков, Базаров, 2003; Ташак, 2002);

4) вариант представлен единственным предметом, выполненным из розового талька, по форме треугольным, линзовидным в сечении, с биконическим отверстием;

5) предметы или их фрагменты из трубчатых костей птиц, представляющие собой цилиндры с ритмичными насечками, со следами заполировки на поверхности. Размеры изделий – от 3 мм до 3,5 см в длину, размеры ритмичных отметок, выполненных резцом, как правило, в пределах 1–2 или 5–7 мм.

Насечки и нарезки, различаемые технологически, имеют четкий геометрический ритм интервалов и образуют разнообразные композиции графических линий (Хотык (3), Каменка А). Часть предметов функционально имеет статус бусин-пронизок, а также свистков (или флейт);

б) плоские изделия из бивня мамонта с биконическими парными отверстиями, возможно близкие по функции и напоминающие по форме клыки кабана со сверлением, широко распространенные в погребальных комплексах неолитических культур Прибайкалья, Забайкалья и Монголии (Каменка А).

Анализируя группу предметов, свидетельствующих о символической деятельности, мы исходим из гипотезы более широкого контекста – «обнаружение и формулирование законов порядка во всех регистрах человеческого мышления» (Леви-Строс, 1999). Можно обозначить такую группу изделий как маркеры личного статуса, групповой или индивидуальной самоидентификации, предметы культовых действий, украшения, способы передачи информации и т. п. (Barton et al., 1994; Mellars, 2005). В любом случае мы имеем дело с довольно ранними свидетельствами символического поведения и творчества палеолитического человека. В целом, забайкальские материалы начальной стадии верхнего палеолита вполне корректно выглядят в стадийном и территориальном контексте. Главную причину появления в разных регионах различных форм символизма большинство исследователей видит в необходимости выработки специальных вспомогательных способов хранения и передачи культурной информации. Изобразительные символы могли выступать как средства социальной коммуникации, имеющие адаптивное значение и играющие определенную роль в жизнеобеспечении и структуре верхнепалеолитических сообществ (Barton et al., 1994). В дальнейшем, с развитием видов знакового поведения, вероятно, происходило и изменение основной функции предметов; традиционные формы утрачивали утилитарное значение и становились элементами духовной культуры (Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004).

* Работы поддержаны грантами РГНФ № 06-01-00527а, № 07-01-00417а, проект 1.5 ПСО № 21.1, Интеграционный проект СО РАН № 7.3.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П., 2003. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // АЭАЕ. №3 (15).

Деревянко А.П., Шуньков М.В., 2004. Становление верхних палеолитических традиций на Алтае // АЭАЕ. №3 (19).

Демешенко С.А., 1999. Относительная хронология палеолитического искусства малых форм и художественно-стилистические традиции // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово. Т. 1.

Вишняцкий Л.Б., 2005. Информационный взрыв и изобразительная деятельность // АЭАЕ. №1 (21).

Лбова Л.В., 2000. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ.

Лбова Л.В., 2004. Ранняя символическая деятельность в комплексах начальной поры позднего палеолита в Забайкалье (структурно-семиотический подход) // Искусство народов Сибири: прошлое, настоящее, будущее. Омск.

Лбова Л.В., Волков П.В., Базаров Б.А., 2002. Семантический аспект находок 3-го уровня памятника Хотык (Западное Забайкалье) // История и культура Востока Азии. Новосибирск. Т. 2.

Леви-Строс К., 1999. Первобытное мышление. М.

Ташак В.И., 2002. Обработка скорлупы яиц страусов в верхнем палеолите Забайкалья // История и культура востока Азии: Мат. междунар. конф. Новосибирск. Т. 1.

Ташак В.И., 2003. Очаги палеолитического поселения Подзвонкая как источник по изучению духовной культуры древнего населения Забайкалья // АЭАЕ. №3 (15).

Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С., 2004. Происхождение знакового поведения. М.

Barton C.M., Clark G.A., Cohen A.E., 1994. Art as information explaining Upper Palaeolithic art in Western Europe // World Archaeology. Vol. 26. № 2.

Marshack A., 1972. Upper Paleolithic notation and symbols. Science. Washington. Vol. 178. № 4063.

Mellars P., 2005. The Impossible Coincidence: A Single-Species Model for the Origins of Modern Human Behavior in Europe // Evolutionary Anthropology. 14.

Исследования верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного Кавказа

Исследования памятников каменного века Северо-Западного Кавказа ведутся уже более 100 лет. За столь продолжительный период были открыты и изучены десятки памятников. К середине XX в. сложилась концепция непрерывного гомогенного культурного развития в верхнем палеолите Кавказа на фоне почти не изменяющегося природного окружения.

Возобновление работ на Северном Кавказе в 1970-х гг. привело к пересмотру материалов памятников с точки зрения их хронологической позиции и культурной атрибуции (Амирханов, Аутлев, 1977; Амирханов, 1994). Привлечение данных естественных наук позволило разработать климатостратиграфическую схему и выделить «две хронологические группы, разделяемые максимумом похолодания» (20–18 тыс. л. н.), а также вывести за рамки верхнего палеолита материалы поселения Чох. Однако большинство ранее изученных памятников не имеет радиоуглеродных дат и данных естественных наук. До сих пор на Северо-Западном Кавказе неизвестны стратифицированные памятники, содержащие слои эпохи мезолита, или местонахождения, которые можно обоснованно отнести к раннему голоцену. Также скудны данные и о неолите региона.

Губское (Борисовское) ущелье – известный археологический район, где на протяжении десятков лет – с конца 1950-х до конца 1980-х – исследовались памятники каменного века, содержащие культурные слои от эпохи мустье до верхнего палеолита (Формозов, 1962; Аутлев, Любин, 1994). В 2006 г. в Губском ущелье были возобновлены работы под руководством Е.В. Беляевой; в результате этих исследований открыт погребенный навес Чыгай (Дубовый), рядом с которым обнаружена пещера с двумя сводами (Беляева и др. В печати). По архивным данным удалось установить, что этот навес был открыт еще в 1962 г. П.У. Аутлевым и назван им Губский навес 5, но место для закладки шурфа было выбрано неудачно и работы здесь не были продолжены (Аутлев, 1962).

В 2007 г. Прикубанским отрядом Северо-Кавказской экспедиции ИА РАН были начаты исследования навеса Чыгай в Губском ущелье. Небольшим раскопом (12 м²), частично включившим шурф Е.В. Беляевой, вскрыты и следы шурфа 1962 г.

Непосредственно под навесом был вскрыт небольшой участок, который с глубины примерно 1 м от современной поверхности отгорожен от площадки на краю склона каменной глыбой, расположенной параллельно линии навеса. Не исключено, что это остатки разрушившейся внешней стенки пещерного углубления. На этом небольшом участке выявлено 11 литологических горизонтов (рис. 1): 1) бежеватосерая супесь с мелким щебнем – 25–37 см; 2) более серая, чем слой 1, супесь с мелким щебнем – 0–22 см; 3) желтоватая супесь с мелким щебнем – 12–30 см; 4) желтовато-красноватая супесь с углистыми линзочками – 0–18 см. На границе слоев 3 и 4 и слоев 3 и 5 в профиле зафиксированы две красновато-бурые золистые линзы мощностью до 15–20 см. Вероятно, слой 4 является следами очистки или другой древней антропогенной деятельности, связанной с одним из кострищ; из в профиле зафиксировано две красновато-бурых золистых линзы мощностью до 15–20 см. прослойкой сверху общей мощностью до 5) темно-желтый легкий суглинок с щебнем и раковинами моллюсков – 2–20 см; 6) коричневатый легкий суглинок со щебнем – 2–15 см; 7) темно-желтый легкий суглинок с большим количеством камней – 7–12 см; 8) коричневатобурый легкий суглинок со щебнем – 0–22 см; 9) темно-желтый, более плотный, чем вышележащий слой, суглинок со щебнем – 3–32 см; 10) желтовато-белесый суглинок, очень плотный, со щебнем, видимая мощность до 60 см; 11) коричневатая прослойка в слое 10 – 0–3 см.

Археологические находки встречаются во всей толще отложений и на поверхности. Часть находок из верхней толщи – рыхлой супеси со щебнем, – происходит с плато, где известно средневековое поселение. Наибольшее количество находок приходится на литологические слои 5 и слои 9 и 10.

По составу сырья наблюдаются различия в распределении по вертикали. В верхней пачке отложений сырье более разнообразное – серых, желтоватых и красноватых оттенков. Для слоев 9 и 10 больше характерны изделия из темно-серого кремня, единичны изделия из белого непрозрачного кремня.

Полученная коллекция каменного инвентаря пока немногочисленна. В целом можно заключить,

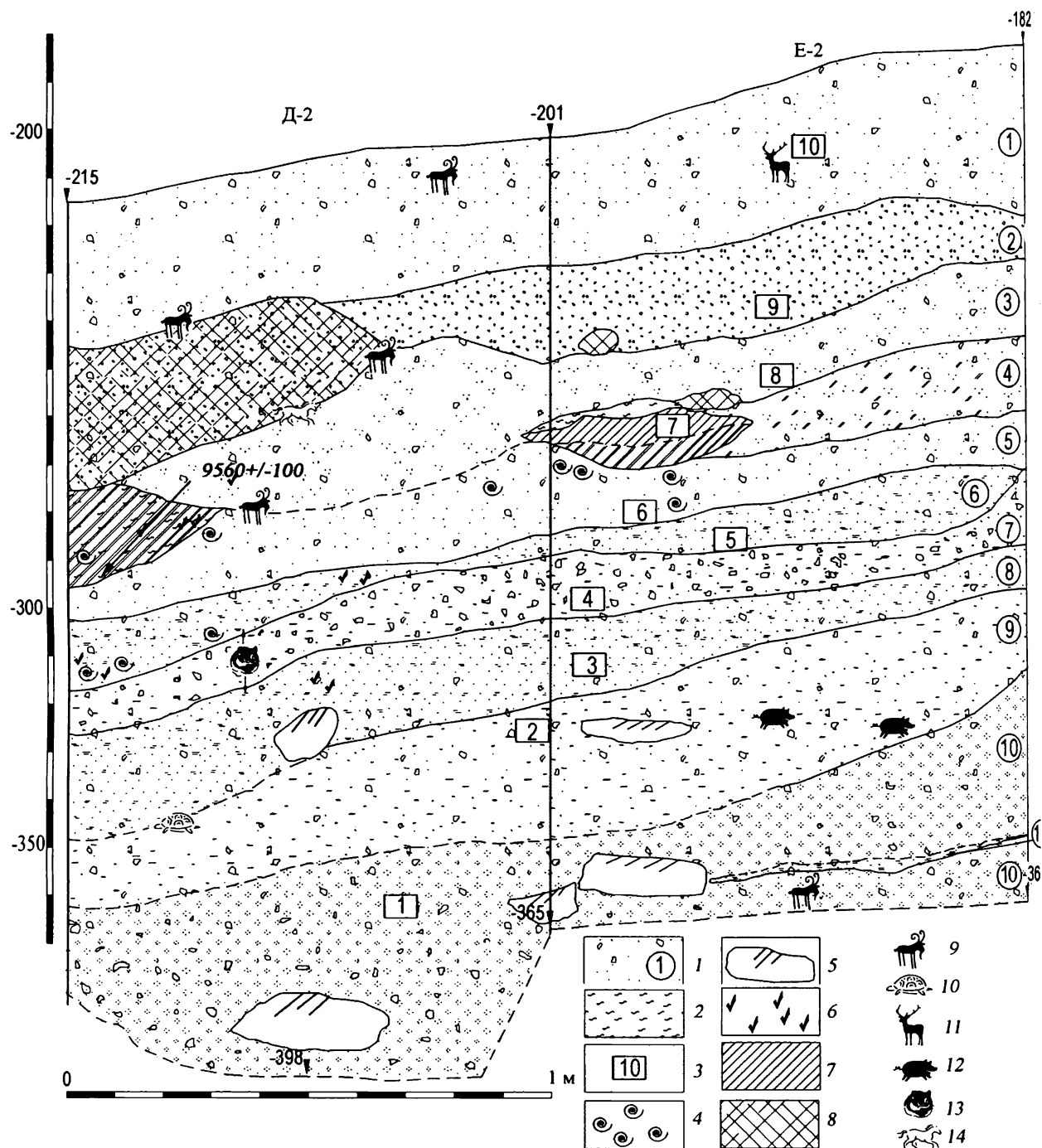

Рис. 1. Навес Чыгай. Стратиграфический разрез. 1 – литологический слой; 2 – зола; 3 – места отбора образцов; 4 – раковины моллюсков *Helix*; 5 – обломки известняка; 6 – угольки; 7 – следы прокала; 8 – мешаный слой; 9 – *Ovis/Capra*; 10 – *Emys* sp.; 11 – *Cervus elaphus*; 12 – *Sus skrofa*; 13 – *Cricetus cricetus*; 14 – *Equus caballus*

что расщепление было направлено на получение пластинчатых заготовок небольших размеров (пластинок и микропластинок). Ядрища небольшие – от 2,5 см: одноплощадочные торцевой-уплощенный и торцевой, площадки прямые (у одного фасетированная) (сл. 10); торцевой-уплощенный с прямой площадкой (сл. 9); вторичный нуклеус торцевой одноплощадочный со скошенной площадкой (сл. 8/9); торцевой (близкий к клиновидным) одноплощадочный со скошенной неретушированной площадкой (сл. 5); торцевой двуплощадочный с противоположащими скошенными площадками (встречное скалывание) (сл. 4). Еще один нуклеус – карандашевидный – происходит из подъемного материала. Микропластинок в пять раз меньше, чем пластинок, а пластин почти в три раза меньше (1/5/2). Но это соотношение меняется, если рассматривать материалы послойно. В нижнем слое микропластинки отсутствуют (или, если суммировать материалы слоев 9 и 10, единичны), а соотношение пластинок и пластин 2/1. В слое 5 их соотношение 1/8/2. Руководящие формы в коллекции практически отсутствуют. **Четыре микролита** – 2 сегмента и 2 высокие трапеции – происходят из верхнего слоя, где в смешанном виде залегают фрагменты керамики разновременных эпох, от энеолита до средневековья. Один сегмент оформлен гелуанской ретушью. Геометрические микролиты на Северном Кавказе было принято связывать с эпохами мезолита и неолита. Но по последним данным, известны культурные слои с геометрическими микролитами, датированные и верхним палеолитом (Голованова, Дороничев, 2005). **Скретки** единичны, все концевые. В слое 5 отсутствуют, в нижних слоях 9–10 (вероятно, и 8) – по 1 экземпляру. **Резцов всего 3**: один, происходящий из слоя 5, двойной из отщепы – на сломе заготовки и угловой. Еще 2 резца из слоя 10: на сломе заготовки и косоретушный с широкой кромкой, переделанный из концевого скребка на массивной пластине. **Пластинок с притупленным краем 2**: одна из слоя 9 – край притуплен мелкой краевой ретушью; вторая найдена вне стратифицированной части памятника – с вертикальной ретушью, срезающей один край. **Пластинка и микропластинка с косоусеченным концом** – 2: пластинка в слое 1 и микропластинка в слое 2/3. **Отщеп подтеской на конце** – 1 (сл. 7/8).

Фаунистические остатки в основном представлены довольно сильно раздробленными костями, не поддающимися видовому определению; с привязкой к конкретным литологическим слоям удалось пока определить кости козлов или баранов, происходящих из слоев 5 и 10, в слое 9 найдены кости *Sus skrofa*, а также фрагмент панциря болотной черепахи (*Emys sp.*). Вне привязок – кости *Cervus elaphus*,

Equus caballus, *Canis sp.* (фаунистические определения Н.Д. Буровой и к. и. н. Е.Н. Машенко). По предварительному заключению А.С. Тесакова, в материалах преобладают остатки обыкновенного слепыша (*Spalax microphthalmus*) и водяной полевки (*Arvicola terrestris*), в настоящее время распространенных в долинах рек бассейна Кубани. Остатки обыкновенного хомяка (*Cricetus cricetus*), обнаруженные на глубине, соответствующей простиранию литологических слоев 6–8, возможно, свидетельствуют о заметном остепнении ландшафтов того времени. Кроме костей млекопитающих в слоях встречено много раковин моллюсков *Helix*. Наибольшее их количество зафиксировано в слое 5 (рис. 1).

Ориентиром для датировки разновременных культурных отложений навеса Чыгай может послужить радиоуглеродная дата 9560 ± 100 л. н., полученная по кости, отобранной в 2006 г. из низа слоя 5 (?) (рис. 2), материалы которого предварительно можно отнести к эпохе мезолита. Немногочисленность коллекции каменного инвентаря из этого слоя и отсутствие руководящих форм пока не позволяют найти прямые аналогии в материалах других памятников. Вероятно, наиболее близкими по времени являются материалы слоя М¹ из грота Сосруко (по параметрам заготовок и характеристикам культурного слоя – окраске, особенностям структуры и обилию раковин моллюсков *Helix*) (Бадер и др., 1989. С. 100). Нижележащие слои (6–11) пока только ориентировочно могут быть отнесены к рубежу плейстоцена – раннему голоцену на основании данных стратиграфии. Материалы из слоев 9 и 10 пока не имеют прямых аналогий в коллекциях верхнепалеолитических памятников Северо-Западного Кавказа, включая и памятники Губского ущелья (рис. 2).

Продолжение исследования навеса Чыгай и пещеры Двойная, в которой также были открыты культурные слои эпох верхнего палеолита и мезолита, вероятно, прольет свет на сложные проблемы культурной вариабельности и хронологической дифференциации материалов верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного Кавказа.

Амирханов Х.А., 1994. К проблеме эволюции и периодизации верхнего палеолита Западного Кавказа // РА. № 4.

Амирханов Х.А., Аутлев П.У., 1977. Из исследований верхнепалеолитических индустрий Прикубанья (инвентарь слоя 2 Губского навеса № 1) // СА. № 3.

Аутлев П.У., 1962. Отчет об археологических экспедициях, проведенных Адыгейским научно-исследовательским институтом в 1962 году // Архив ИА. Р-1. № 2467.

Аутлев П.У., Любин В.П., 1994. История исследования палеолита Губского бассейна // Неандертальцы Гупско-го ущелья на Северном Кавказе. Майкоп.

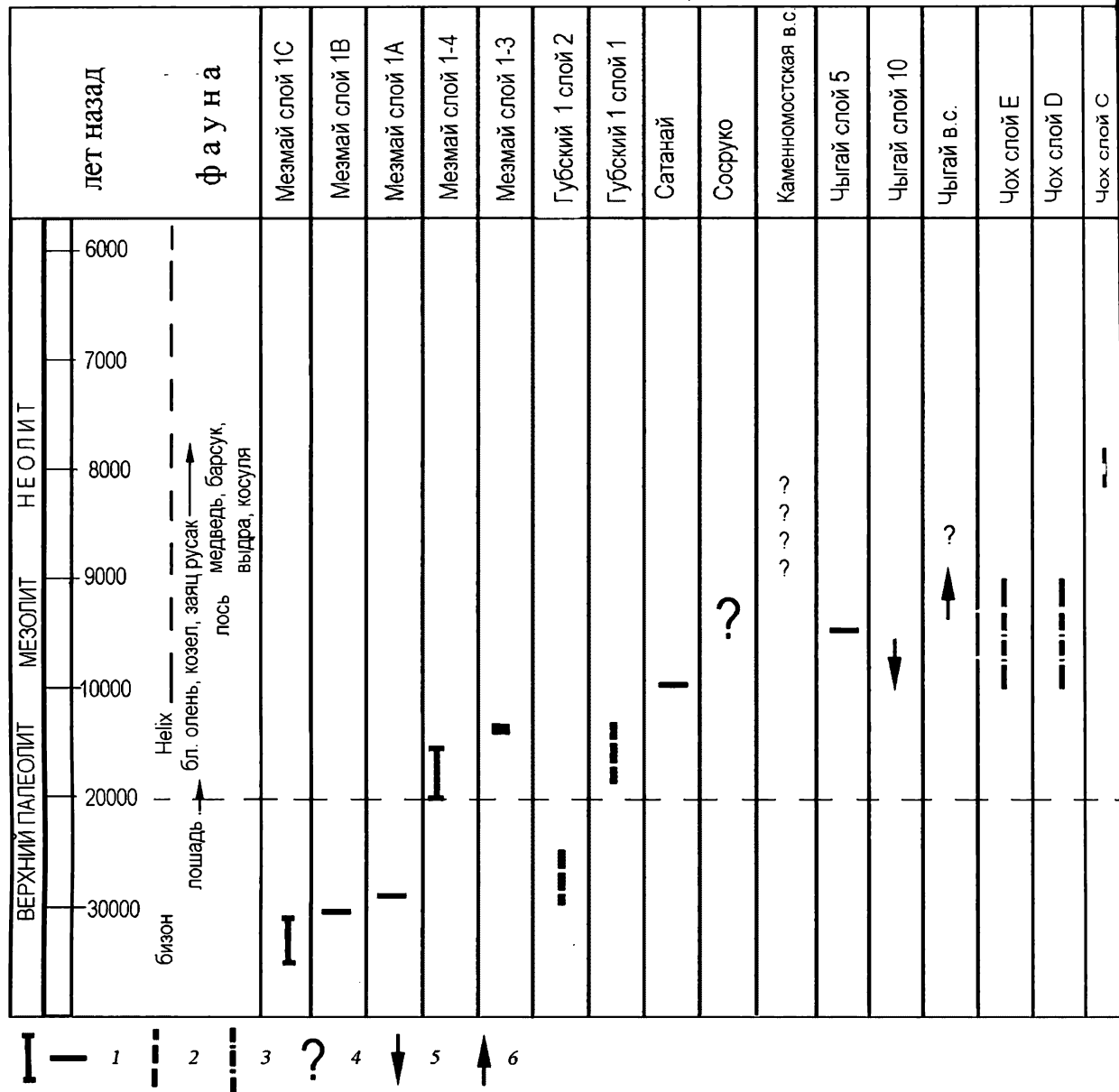

Рис. 2. Хронология верхнепалеолитических – неолитических материалов памятников Северного Кавказа по данным радиоуглеродного анализа, стратиграфии и биостратиграфии. 1 – по данным радиоуглеродного анализа; 2 – по данным стратиграфии и биостратиграфии; 3 – по данным палинологического анализа; 4 – предположительные датировки по технико-типологическим данным; 5 – ранее указанного рубежа (по данным стратиграфии); 6 – позднее указанного рубежа (по данным стратиграфии)

Бадер Н.О., Церетели Л.Д., 1989. Мезолит Кавказа // Мезолит СССР. М. (Археология СССР)

Беляева Е.В., Александровский А.Л., Леонова Е.В. Новые исследования в бассейне р. Губс (Кубанский Кавказ) // АО 2006 г. (в печати).

Голованова Л.В. Дороничев В.Б., 2005. Новые данные по позднему палеолиту Мезмайской пещеры // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар.

Формозов А.А., 1962. Относительная хронология древнего палеолита Прикубанья // СА. № 4.

В.П. Любин*Институт истории материальной культуры РАН*

История исследования палеолита в Армении и роль Б.Б. Пиотровского

Первые попытки поисков памятников каменного века на Кавказе были предприняты еще в конце XIX в. Главная инициатива их проведения исходила от V Всероссийского Археологического съезда, созванного в Тифлисе в 1881 г. В ходе его подготовки и в последующие годы были проведены исследования пещер Абхазии, западной Грузии, Дагестана, Северной Осетии и Армении. Экспедиции эти не принесли желаемых результатов, т. к. у их участников отсутствовал опыт по выявлению древних скальных убежищ и по методике постановки зондажей. Более успешными оказались разведки, предпринятые в Армении французским археологом Ж. де Морганом в местах выходов пород, пригодных для изготовления каменных орудий. В районе месторождений обсидиана близ горы Арагац им были собраны бесспорные артефакты, часть которых он определил как мустьерские. Находки эти были отправлены в Сен-Жерменский музей в Париже, а посвященная им публикация на французском языке (Morgan, 1909) осталась малоизвестной и не стала стимулом для развертывания дальнейших поисковых работ. Не привлекли поначалу должного внимания специалистов и находки 1933 г. – ашельские обсидиановые орудия, обнаруженные геологом А.П. Демехиным в районе п. Арзни к северу от Еревана. Высоко оценил их лишь молодой в ту пору археолог-кавказовед Б.Б. Пиотровский, который посетил Арзни и зарисовал образцы найденных там ашельских орудий.

В эти годы проявился особый интерес Б.Б. Пиотровского к каменному веку. В 1933 г., работая в Волго-Донской экспедиции, он собирает и зарисовывает микролитические кремневые орудия, а в 1935 г. вместе с известным геологом В.И. Громовым посещает палеолитические местонахождения Лечкоп и Яштух близ г. Сухуми. В 1936 г. он знакомится с ашельским местонахождением Очемчири в Южной Абхазии (Пиотровский, 1995). В 1943 г. на встрече с С.Н. Замятниным и М.З. Паничкиной в Ташкенте Б.Б. Пиотровский обсуждает проблемы каменного века на Кавказе, касаясь и известных ему армянских материалов. «Я был уверен, – пишет он в своих мемуарах, – что Армения в этом отношении сулит интересные результаты» (Пиотровский, 1995). К Всесоюзному Археологическому совещанию, состоявшемуся в феврале 1945 г. в Москве, Б.Б. Пиотровский подготовил доклад об орудиях каменного

века, найденных на территории Армении. Тогда же он ознакомил С.Н. Замятина и М.З. Паничкину со своими зарисовками орудий из Арзни и, договорившись с руководством Академии наук Армении, предложил им провести разведки палеолита в Армении (Там же).

Летом 1946 г. С.Н. Замятин и М.З. Паничкина изучают коллекции из Арзни и посещают это местонахождение. Они также знакомятся с мустьерскими и ашельскими орудиями, обнаруженными аспирантом Б.Б. Пиотровского, С.А. Сардаряном, на холме Сатани-дар, неподалеку от тех мест, где были сделаны находки де Моргана. В 1947–1949 гг. М.З. Паничкина по поручению Б.Б. Пиотровского и на средства его Кармир-Блурской экспедиции проводит полевые работы на Сатани-даре, в Арзни и в ряде других пунктов долины р. Раздан. В 1950 г. М.З. Паничкина публикует фундаментальную монографию «Палеолит Армении» (Паничкина, 1950). Вскоре выходит книга, в которой материалы открытых им памятников публикует С.А. Сардарян (1954). В 1958–1959 и 1961 гг. ученик Б.Б. Пиотровского, В.П. Любин, при всемерной его поддержке открывает еще одну группу ашельских местонахождений на Котайкском плато к северу от Еревана, в районе сел. Джрабер и Фонтан.

Таким образом, можно констатировать, что Б.Б. Пиотровский инициировал систематические исследования палеолита в Армении, способствовал организации там поисковых работ с участием признанных специалистов. Его усилия придали импульс и изысканиям палеолитоведов следующих поколений. Эстафета была подхвачена его прямыми и опосредованными учениками – В.П. Любиным, В.Г. Ерицяном, Г.П. Казаряном, Б.З. Гаспаряном. Так, Б.Г. Ерицян провел раскопки первых в Армении стратифицированных мустьерских стоянок в пещерах Ереванской и Лусакерт 1. Б. Г. Ерицян, Г.П. Казарян и Б.З. Гаспарян открыли и исследовали на левобережье р. Раздан и в других пунктах много новых ашело-мустьерских местонахождений. В последние годы исследования палеолита в Армении ведут совместные экспедиции армянских и зарубежных археологов. Особенно активные полевые изыскания осуществляет Армяно-Российская экспедиция под руководством С.А. Асланяна. Эта экспедиция обнаружила на севере Армении как многочисленные

местонахождения с ашельскими изделиями, так и первые на территории республики стратифицированные ашельские памятники, исследуемые ныне В.П. Любиным, Е.М. Колпаковым и Е.В. Беляевой.

Важная роль Б.Б. Пиотровского в истории исследований палеолита в Армении определялась, на наш взгляд тем, что его как ученого отличала удивительная широта научных интересов, способность одновременно работать над весьма далекими друг от друга вопросами в самых разных областях востоковедения, истории культуры и археологии. Он был, безусловно, энциклопедистом и в археологии и знаком с проблематикой всех ее разделов, включая палеолит. И не случайно, конечно, именно Б.Б. Пиотровский стал первым русским археологом, который собрал ценные ашело-мустьерские материалы в Северо-Восточной Африке (Нубия), руководя проводившейся там в 1961–1963 гг. крупной археологической экспедицией. По его поручению эти находки изучил и опубликовал В.П. Любин (1964). В Армении, подчеркнем еще раз, он дал старт подлинно научному исследованию палеолита, привлек туда лучших специалистов и способствовал выращиванию молодых кадров. Непосредственное участие Б.Б. Пиотровского в становлении армянского палеолитоведения заключается также в том, что в этот период он держал в поле зрения все открытия и пу-

бликации в этой области, рассматривая и обобщая их в своих докладах и трудах (Пиотровский, 1947; 1948; 1949; 1971). Об этом, я полагаю, должен знать и помнить каждый исследователь палеолита Армении и всего Кавказа.

- Любин В.П., 1964. Нижний палеолит в районе Дакки-Коштамны // Древняя Нубия: Результаты работ археологич. экспедиции АН СССР в Объедин. Араб. Республике. 1961–1962 / Под общ. ред. Б.Б. Пиотровского. М.; Л.
- Паничкина М.З., 1950. Палеолит Армении. Л.
- Пиотровский Б.Б., 1947. Археологическое изучение древнейшего Закавказья // Вестник древней истории. № 3.
- Пиотровский Б.Б., 1948. Основные итоги и проблемы археологического изучения Закавказья // Докл. на науч. сессии ИИМК АН СССР и Гос. Эрмитажа, посвящ. археологии Закавказья. Л.
- Пиотровский Б.Б., 1949. Археология Закавказья. Л.
- Пиотровский Б.Б., 1971. 100 лет археологического изучения Закавказья // Тез. докл. на Всесоюз. науч. сессии, посвящ. итогам полевых археол. и этнограф. исследований в 1970 г. Тбилиси.
- Сардарян С.А., 1954. Палеолит в Армении. Ереван.
- Morgan, J. de, 1909. Les stations prehistoriques de l'Alagheuz (Armenie russe) // Revue de l'Ecole d'anthropologie de Paris. Paris. VI.

С.В. Маркин

Институт археологии и этнографии СО РАН

Заключительная стадия верхнего палеолита на Алтае

Установлено повсеместное распространение финальноплейстоценовых объектов на Алтае – от степных предальтайских районов до юго-восточной оконечности региона. Они представлены как пещерными комплексами, сосредоточенными преимущественно на северо-западе горной страны, так и открытыми стоянками, среди которых немало разрушенных.

При характеристике заключительной стадии верхнего палеолита Алтая наименее разработанным разделом выглядят хронология стоянок и палеоклиматические реконструкции сартанского времени. По существу, такими исследованиями затронуты лишь стоянки низко- и среднегорной части северо-западного Алтая, последовательно распределенные по всем стадиям сартанского оледенения. По материалам разрезов Денисовой пещеры и Усть-Каракола I в первой половине сартана установлено доминиро-

вание степных и нивальных биоценозов в условиях холодного и сухого климата. По отложениям пещеры Каминная во второй половине сартанского оледенения реконструируется смена перигляциальных лесостепей и степей, степей и лесостепей и перигляциальных горно-лесных ландшафтов (Природная среда... 2003; Деревянко, Маркин, 2005).

На ряде памятников северо-восточного, Центрального Алтая и северных его предгорий выявлены искусственные структуры. Прежде всего, это наземные (Ушлеп 3, 5) или слегка углубленные (Дмитриевка, Нахаловка I, Точка II, Тыткескен 3, Майма) кострища, вокруг которых иногда концентрируются артефакты (Сростки). В Майме обнаружена очажная конструкция с полукольцевой обкладкой из галек и приуроченное к ней скопление ядриш и орудий. Очаги, инкрустированные камнями, есть и на Усть-Куюме. Еще один вид структур представля-

ют каменные выкладки, диаметром до 1 м (Майма, Ушлеп 3, 5).

Памятники Центрального Алтая (нижний слой Усть-Семы, слой 4 Усть-Куюма, слой 6 Тыткескена 3, Каратурук) и северных предгорий (слои 2, 3 стоянки Сростки, Урожайная, нижний слой Майма, Куюк 5), при всей вариабельности инвентаря, обладают общими особенностями (Сосновский, 1941; Кадиков, Лапшин, 1978; Лапшин, Кадиков, 1981; Кунгуров, Кадиков, 1985; Деревянко, Петрин, Рыбин, 1992; Кунгуров, 1993). Для них характерны техника параллельного скалывания с массивных ядрищ и скалывание микропластин с торцовых и клиновидных нуклеусов. Из сколов преобладают отщепы. Среди орудий выделяются скребла (продольные и поперечные, двойные, конвергентные), иногда с частичной двусторонней отделкой (Сростки, Урожайная). Не менее выразительны скребки из отщепов и пластин (округлые, овальные, концевые, веерообразные, нуклеидные). Встречаются проколки на углу отщепов (Сростки), иногда с массивным коротким выступом (Майма) или утонченными жальцами (Усть-Куюм), бифасы (Каратурук), резцы, остря, долотовидные орудия, остроконечники, зубчато-выемчатые изделия. На ряде памятников (Усть-Сема, Усть-Куюм) представлены разнообразные галечные, рубящие и скребущие изделия. В качестве сырья использовался местный материал в виде галек кварцита, алевролита, кремня, туфа, кремнистого сланца, песчаника. На Чумыше (Победа) обнаружены ярчайшие образцы изделий, выполненных из костей бизона, среди которых выделяются кинжал, пазовые наконечники копий, гарпуны.

Памятники северо-западного Алтая (сл. 9, 5, 6 Денисовой пещеры; сл. 5б и, возможно, 4в пещеры Искра; сл. 14б–11а Каминной; сл. 4–2 Усть-Каракола I) представляют собой жилые стоянки, на которых осуществлялся полный цикл обработки камня (Археология... 1998; Деревянко, Шуньков и др., 2000; Природная среда... 2003; Маркин, 2005). Для изготовления артефактов предпочтение отдавалось осадочным породам – алевролитам и песчаникам, а также вулканическим отдельностям, яшмоидам и эффузивам. Техника раскалывания основана преимущественно на параллельном и призматическом расщеплении горных пород, включая микропластинчатые технологии. В качестве заготовок для большинства орудий стоянок (пещеры Денисова, Искра, стоянка Усть-Каракол I) низкогорной части региона использовались пластины и пластинки неправильных очертаний, среднегорной (пещера Каминная) – укороченные сколы. Подобную вариабельность можно отнести на счет качества сырья. В орудийных наборах представлены различные

разновидности скребел (продольные одинарные и двойные, диагональные, конвергентные, поперечные), зубчатые орудия, анкоши, редкие остроконечники, галечные артефакты, ножи с обушками, шиповидные и клювовидные изделия. Значительные объемы формируют ретушированные пластины и отщепы, скребки (боковые, концевые, стрельчатые), резцы (боковые, поперечные, плоские), долотовидные изделия, проколки; редки бифасы (овальные, листовидные) и орудия с черенком. Микроинвентарь представлен пластинками с притупленным краем. В Денисовой пещере обнаружены иглы с ушком, проколки, подвеска из зубов оленя, пластина эмали бивня мамонта с искусственным отверстием, пронизки цилиндрической формы из трубчатых костей птиц, кольца из скорлупы яиц страуса, пластины с рядом симметричных поперечных нарезок. Среди костяных изделий из пещеры Каминная – иглы овального и округлого сечения, орудия с уплощенным основанием, образцы украшений из клыков животных. В материалах пещеры Искра известны костяные подвески, выполненные из просверленных зубов лисицы.

Разрушенные местонахождения (Куюхтенар, Чаганбургазы, Малталу и др.) юго-восточного Алтая можно отнести к стоянкам-мастерским, некоторые из них (Торгун, Бигдон) расположены вблизи выходов сырья (Деревянко, Маркин, 1987). На местонахождении Бигдон обнаружены «стационарные» нуклеусы в виде массивных кусков фельзита и кремня со следами сколов. На всех памятниках доминирует параллельное расщепление, воплощенное на одно- и двухплощадочных ядрищах. Представлены также торцовые и клиновидные нуклеусы, редкие радиальные и леваллуазские. Наборы орудий сформированы пластинами с ретушью, скребками, резцами, скреблами (продольные, поперечные, с ретушью с брюшка, угловые, двойные), зубчато-выемчатыми изделиями. Малораспространенными орудиями выглядят долотовидные изделия, проколки, остроконечники и бифасы. В индустриях погребенных стоянок (слои 1–4 стоянок Юстыд I и II) представлены одно- и двухплощадочные, клиновидные и редкие карандашевидные ядрища, пластины с лицевой и вентральной ретушью, скребки концевые, боковые и на округлых отщепках, двугранно-угловые резцы, зубчатые, галечные орудия, простые, двойные и угловатые скребла, леваллуазские отщепы.

Памятники северо-восточного Алтая (Ушлеп 2–6, Школьная Гора I, Дмитриевка и др.) характеризуются одно-, двух- и многоплощадочными грубопризматическими и клиновидными ядрищами. Сырьем для артефактов служили гальки кварцита, кремнисто-глинистого сланца, кремня, яшмовидные

породы. В наборах орудий представлены зубчатые изделия, скребки (концевые на отщепе, двойные), угловые резцы, долотовидные орудия, скребла, остря, рубящие артефакты. На ряде стоянок выделяются пластины и пластинки с притупленным краем и обработанным скошенным концом (Палеолит Горной Шории, 2005).

Материалы заключительной стадии палеолита Алтая, независимо от той части региона, где они найдены, несомненно, обладают значительной схожестью, которая наблюдается в технологиях расщепления пород и в типологии орудий. Все они характеризуются сосуществованием позднепалеолитических и архаических элементов. Безусловно, отдельные памятники различаются между собой разновидностями и количествами орудий определенных категорий. Однако эти различия не выявляют группировок стоянок с четкими границами. Можно утверждать, что алтайские памятники близки по облику индустрии синхронным стоянкам юга Сибири, представленным в Кузнецкой впадине, на Енисее (афонтовская, кокоревская культуры), в Приангарье (Черемушник, Федяево), Забайкалье (Ошурково), Монгольском Алтае (местонахождение Алтан-Булак II и сборы в Сагсайской котловине). Отсюда следует, что Алтай в конце верхнего палеолита являлся частью унифицированной культуры Южной Сибири и прилегающих к ней районов северо-западной Монголии.

- Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / Деревянко А.П., Агаджанян А.К. и др. Новосибирск, 1998.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., 1987. Палеолит Чуйской котловины. Горный Алтай. Новосибирск.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., 2005. Реконструкция природно-климатических событий в верхнем палео-

лите среднегорного пояса Северо-Западного Алтая (по результатам комплексного исследования пещеры Каминная) // Эволюция жизни на Земле: Мат. III Междунар. симпозиума (1–3 ноября 2005 г., г. Томск). Томск.

- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., 1992. Комплексы каменной индустрии палеолитического памятника Сопка Урожайная. Новосибирск.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Анойкин А.А., Ульянов В.А., 2000. Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.
- Кадиков Б.Х., Лапшин Б.Н., 1978. Каратурук – новая стоянка каменного века Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
- Кунгуров А.Л., 1993. Палеолит и мезолит Алтая. Барнаул.
- Кунгуров А.Л., Кадиков Б.Х., 1985. Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул.
- Лапшин Б.И., Кадиков Б.Х., 1981. Позднепалеолитическая стоянка у села Майма в Горном Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск.
- Маркин С.В., 2005. Палеолитические стоянки сарганского (аккемского) времени Северо-Западного Алтая // Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения. Новосибирск.
- Палеолит Горной Шории / Барышников Г.Я., Кунгуров А.Л., Маркин М.М., Семибратов В.П. Барнаул, 2005.
- Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. Новосибирск, 2003.
- Сосновский Г.П., 1941. Палеолитическая стоянка у с. Сростки на р. Катунь // МИА. № 2.

П.Ю. Павлов

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

Начало верхнего палеолита на северо-востоке Европы*

Важным результатом изучения палеолита Восточной Европы в 90-х гг. прошлого века и в первых годах текущего столетия стало открытие на северо-востоке континента (рис. 1) новых памятников начальной и ранней поры верхнего палеолита – стоянок Мамонтова Курья, Гарчи I и Заозерье (Павлов, 2008а). В этот же период были проведены широко-масштабные раскопки стоянки ранней поры верх-

него палеолита Бызовая, значительно изменившие прежние представления о возрасте и культурных особенностях этого памятника.

Открытие нового района распространения стоянок начала верхнего палеолита в арктических и субарктических широтах Европы существенно расширило современные научные представления о географии их размещения и культурных особенностях

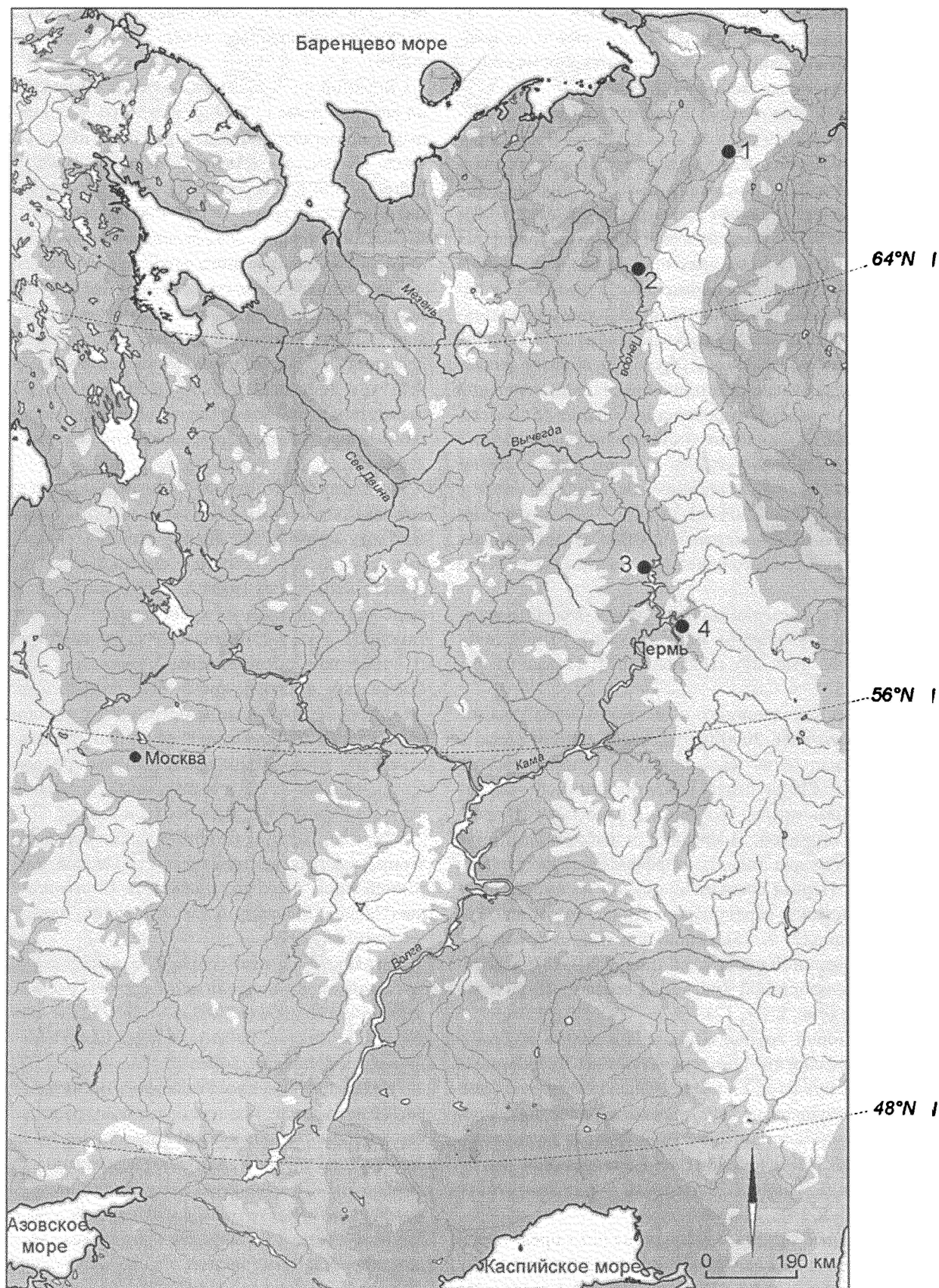

Рис. 1. Карта памятников начала верхнего палеолита на северо-востоке Европы.
1 – Мамонтова Курья; 2 – Бызовая; 3 – Гарчи I; 4 – Заозерье

в Евразии и показало, что первобытный человек был способен адаптироваться и успешно выживать в арктических и субарктических условиях уже на самых ранних этапах заселения материка.

Стоянка *Мамонтова Курья* расположена в бассейне Печоры (66°34' с. ш. и 62°25' в. д.) Возраст памятника составляет 38–34 тыс. лет. Памятник является древнейшим свидетельством освоения человеком арктических широт Евразии (Pavlov et al., 2001; Павлов, 2008а). Полученная на стоянке коллекция состоит из пяти каменных предметов, в том числе фрагмента двояковыпуклого бифаса (рис. 2: 1) и орнаментированного бивня мамонта. Культурную принадлежность памятника по имеющемуся материалу установить невозможно. Хронологические аналогии прослеживаются по наиболее выразительной находке – орнаментированному бивню (Svendsen, Pavlov, 2003). Орнамент составлен из рядов парных насечек, расположенных под углом друг к другу. Насечки нанесены перпендикулярно и под углом к поверхности и в профиле имеют V-образную форму. Подобные орнаменты известны на древнейших памятниках верхнего палеолита Европы (D'Errico et al., 2003).

Стоянка *Заозерье* расположена в бассейне верхней Камы (58°09' с. ш. и 56°59' в. д.). Возраст стоянки 35–33 тыс. лет (Павлов, 2004; Павлов и др., 2006).

Коллекция каменного и костяного инвентаря насчитывает около 2000 предметов. Технику первичного расщепления характеризуют призматические нуклеусы. Среди сколов систематического расщепления доминируют пластины и пластинки с параллельной огранкой. В орудийном наборе отчетливо выделяются две технико-морфологические группы изделий. Первая состоит из орудий на призматических пластинах верхнепалеолитических типов. Это острия (рис. 2: 9, 15), резцы на сломе и боковые с ретушированной площадкой (рис. 2: 10, 13); пластины с разнообразной краевой и крутой чешуйчатой ретушью (рис. 2: 11, 12).

Ко второй группе относятся изделия мустьерской морфологии. Они представлены небольшими плосковыпуклыми бифасами овальной формы (рис. 2: 2, 4), обушковым двусторонне обработанным ножом, близким типам Kielmesser (рис. 2: 3), скреблами и скребками на отщепках с вентральной подтеской и (или) редукцией ударного бугорка заготовки (рис. 2: 5–8, 14).

Костяные орудия и изделия из рога представлены проколками и заготовкой рогового наконечника.

Украшения относятся к архаичной группе. Это подвески овальной формы с двумя сверленными отверстиями, изготовленные из раковин *Unio*, и бусы

округлой формы из ископаемых морских лилий, с одним просверленным отверстием (Павлов, 2004; 2008б).

Верхний слой стоянки *Гарчи I*, расположенной на верхней Каме (59°04' с. ш.; 56°07' в. д.), по данным радиоуглеродного датирования, имеет возраст около 29 тыс. лет (Павлов, Макаров, 1998; Pavlov, Indreliid, 2000). Коллекция каменного инвентаря памятника насчитывает около 6000 предметов.

Техника первичного раскалывания представлена нуклеусами плоскостного расщепления. Орудийный набор состоит преимущественно из треугольных двусторонне обработанных наконечников и скребков. Наконечники представлены как характерными для донских памятников костёнковско-стрелецкой культуры типами со слабой выемкой в основании и оттянутым углом базы, так и изделиями, имеющими прямые аналоги в материалах стоянки Сунгирь (рис. 2: 16–18).

Большая часть скребков изготовлена на коротких подтреугольных отщепках и имеет вентральную подтеску (рис. 2: 19, 24, 26). Единичны кареноидные (рис. 2: 23) и двойные скребки с ретушью по продольным краям (рис. 2: 22), а также скребки с выделенным шипом на краю лезвия. Среди резцов типологически выражены только трансверсальные. В инвентаре представлены стамески с высоким выемчатым лезвием, кремневые плитки с краевой двусторонней ретушью и острия (?) с основанием, обработанным скребковой ретушью. Изделия мустьерской морфологии представлены продольными прямыми (рис. 2: 20) и выпуклыми скреблами, иногда с плосковыпуклой обработкой лезвий.

Стоянка *Гарчи I* относится к памятникам второго этапа развития костёнковско-стрелецкой культуры ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы (Павлов, Макаров, 1998; Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007).

Стоянка *Бызовая* – один из самых северных памятников эпохи палеолита в Европе – расположена на средней Печоре (65°01' с. ш. и 57°25' в. д.; Канивец, 1976; Павлов, 2008а). Возраст памятника около 29 тыс. лет (Павлов, 2008а).

Коллекция каменного инвентаря насчитывает около 300 предметов. Техника первичного раскалывания характеризуется нуклеусами объемного (рис. 2: 34) и леваллуазскими плоскостного расщепления. В орудийном наборе отчетливо выделяются две технико-морфологические группы – мустьерская и верхнепалеолитическая. Мустьерская группа количественно доминирует и представлена плосковыпуклыми ножами типа Kielmesser (рис. 2: 27, 28, 32), листовидными плосковыпуклыми бифасами (рис. 2: 31) и разнообразными скреблами (рис. 2: 29).

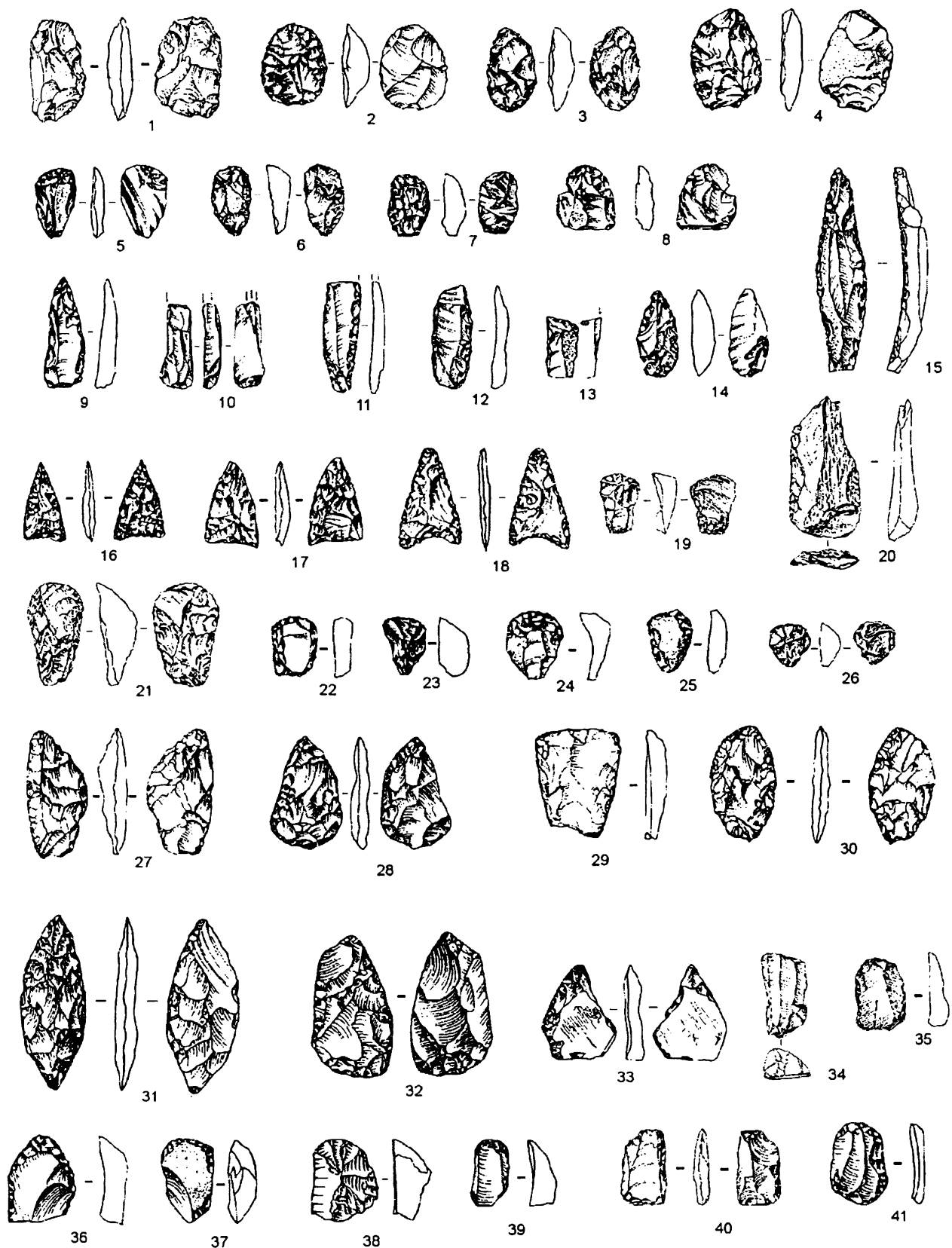

Рис. 2. Каменный инвентарь памятников начальной и ранней поры верхнего палеолита северо-востока Европы.
 1 – Мамонтова Курья; 2–15 – Заозерье; 16–26 – Гарчи I; 27–41 – Бызовая

Верхнепалеолитические категории орудий многочисленны. Серией представлены только концевые скребки на пластинчатых заготовках (рис. 2: 35, 39); единичны кареноидные и стрелчатые скребки (рис. 2: 36, 38), долотовидные орудия (рис. 2: 40), острия (рис. 2: 33) и тонкие листовидные двусторонне обработанные наконечники (рис. 2: 31).

На стоянке найдено несколько предметов, изготовленных из бивня мамонта и рога северного оленя, в том числе мотыга типа Лингби.

Данные, полученные в результате исследований стоянок начала верхнего палеолита на северо-востоке европейского континента, позволяют определить их положение в культурно-хронологической систематике палеолита Евразии.

Хронология стоянок укладывается в рамки второй половины среднего валдая (38–28 тыс. лет). Древнейшими памятниками верхнего палеолита в регионе являются стоянки Мамонтова Курья (38–34 тыс. лет) и Заозерье (35–33 тыс. лет).

Определяющей чертой каменного инвентаря памятников начальных этапов верхнего палеолита является сочетание в гомогенных индустриях двух техникоморфологических групп изделий – верхнепалеолитической и мустьерской. Таким образом, их можно отнести к архаичным и симбиотическим индустриям РВП Восточной Европы (Аникович, 2007). К архаичным, с некоторыми оговорками, может быть отнесена индустрия стоянки Гарчи I. К симбиотическим, безусловно, относится индустрия стоянки Заозерье. Крайне малочисленная коллекция стоянки Мамонтова Курья не позволяет высказать какие-либо суждения об ее технико-типологических особенностях.

Мустьерские формы в индустриях РВП региона имеют прямые аналогии в среднепалеолитических комплексах восточного микока юга Русской равнины, Северного Кавказа и Крыма. Эти выразительные аналогии позволяют предположить генетическую связь среднепалеолитических индустрий восточного микока и комплексов начальной и ранней поры верхнего палеолита севера Русской равнины. Гипотеза об участии мустьерских индустрий восточного микока в генезисе культур верхнего палеолита и об аккультурационной модели возникновения верхнего палеолита на территории Восточной Европы неоднократно высказывалась исследователями (Vishniatsky, Nekhoroshev, 2004; Аникович, 2007; Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007). Материалы стоянок начала верхнего палеолита северо-востока Европы являются весомым аргументом в пользу этой гипотезы.

Особого внимания заслуживает индустрия стоянки Бызовая. По технико-типологическим параметрам основной части каменного инвентаря она яв-

ляется среднепалеолитической, восточномикоксской. В то же время, в инвентаре присутствуют верхнепалеолитические категории изделий. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что стоянка Бызовая является одним из позднейших памятников среднего палеолита Европы.

Данные изучения палеолитических стоянок начальных этапов верхнего палеолита свидетельствуют, что северо-восток Европы в верхнем палеолите заселялся первобытными коллективами, система жизнеобеспечения которых была основана на специализированной охоте на крупных стадных копытных и характеризовалась высокой мобильностью населения (Павлов, 2007). Эта особенность образа жизни древних мигрантов являлась решающим фактором процесса первоначального заселения северо-востока Европы, в том числе и заполярных районов европейского континента.

* Работа выполнена в рамках исследований по Программе Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (П-21).

Аникович М.В., 2007. Пути становления верхнего палеолита Восточной Европы и Горного Алтая // АЭАЕ. № 1 (29).

Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б., 2007. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.

Канивец В.И., 1976. Палеолит крайнего северо-востока Европы. М.

Павлов П.Ю., 2004. Ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы (по материалам стоянки Заозерье): Науч. докл. / Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар. Вып. 467.

Павлов П.Ю., 2007. Природное окружение и системы жизнеобеспечения верхнепалеолитического населения северо-востока Европы // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень. Вып. 3.

Павлов П.Ю., 2008а. Палеолит северо-востока Европы: новые данные // АЭАЕ. № 1 (33).

Павлов П.Ю., 2008б. Ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы // Археологические открытия в России. 1991–2004 гг. М.

Павлов П.Ю., Макаров Э.Ю., 1998. Гарчи I – памятник костёнковско-стрелецкой культуры на северо-востоке Европы // Северное Приуралье в эпоху камня и металла (МАЕСВ. Вып. 15).

Павлов П.Ю., Робрукс В., Свендсен Й.-И., 2006. Средний палеолит и ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы // II Северный археологический конгресс (Ханты-Мансийск, 24–30 сентября 2006 г.): Докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск; Чароид.

- D'Errico F., Julien M., Liolios D., Vanhaeren M., Baffier D., 2003. Many awls in our arguments: Bone tool manufacture and use in the Chatelperronian and Aurignacian Levels of the Grotte du Renne at Arcy-sur-Cure // J. Zilhao, F. D'Errico (eds.). The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes: Dating, Stratigraphies, Cultural Implications. (Trabalhos de Arqueologia. 33. Lisboa, Instituto Portugues de Arqueologia.)
- Pavlov P., Indrelid S., 2000. Human occupation in Northeastern Europe during the period 35 000–18 000 // W. Roebroeks et al. (eds.). Hunters of the Golden Age: The Mid Upper Palaeolithic of Eurasia 30 000–20 000 BP. Leiden: Leiden University.
- Pavlov P., Indrelid S., Svendsen J.-I., 2001. Human presence in the European Arctic nearly 40 000 years ago // Nature. 413.
- Svendsen J.-I., Pavlov P., 2003. Mamontovaya Kurya – An Enigmatic, Nearly 40 000 Years Old Palaeolithic Site in the Russian Arctic // J. Zilhao, F. D'Errico (eds.). The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes: Dating, Stratigraphies, Cultural Implications. (Trabalhos de Arqueologia. 33. Lisboa, Instituto Portugues de Arqueologia.)
- Vishnyatski L., Nehoroshev P., 2004. The Beginning of the Upper Palaeolithic on the Russian Plain // The Early Upper Palaeolithic beyond Western Europe / Eds. P.J. Brantingham, S.L. Kuhn, K.W. Kerry. Berkeley: University of California Press.

В.В. Попов

Музей-заповедник «Костёнки», Воронеж

Замятнинская археологическая культура. Жилища и поселения

«Замятнинская культура» выделена А.Н. Рогачевым и М.В. Аниковичем (1984. С. 192, 213–216). К ней причислялись Костёнки 2 (Замятнина), Костёнки 3 (Глинище) и Костёнки 19 (Валукинского).

П.И. Борисковский о стоянках Костёнки 2, 3, 19 писал следующее: «Стоянка Валукинского очень близка по времени и по уровню развития техники и культуры Костёнкам III... Вместе с тем они во многом напоминают стоянку Замятнина» (Борисковский, 1963. С. 165). Однако он не обособлял их в локальную археологическую культуру, но относил к V ступени предложенной им периодизации верхнего палеолита Русской равнины.

По геоморфологическим и стратиграфическим условиям залегания и характеру культурных остатков слой Ia стоянки Костёнки 11 является однокультурным с Костёнками 2. Эти памятники, расположенные в 160 м друг от друга, вызывают наибольший интерес в связи со следующим: на стоянках исследованы остатки жилищ аносовско-мезинского типа; своеобразен характер каменного сырья, техники первичного расщепления и инвентаря; хронологически это одни из наиболее молодых местонахождений Костёнок.

Культурный слой Ia Костёнок 11 является остатками поселения из двух жилищ. Построенные с использованием большого количества костей мамонта, окруженные ямами-кладовыми, жилища представляют значительный интерес в качестве до-

казательства сложной социальной, производственной и хозяйственной (экономической) деятельности первобытных коллективов. Вместе с тем, сугубо утилитарный характер вторичного использования биологических ресурсов (костей мамонта) является свидетельством возможностей адаптации человека к среде обитания. Существование подобного типа жилищ (аносовско-мезинских) на территории Среднего Поднепровья, бассейнов Десны и Верхнего Дона, принадлежавших различным культурам, указывает на однородность моделей природопользования и экономической ориентации.

На стоянке Костёнки 2 в 1950-е гг. исследовано близкое по конструкции костно-земляное жилище.

Памятник Костёнки 19 (Валукинского) расположен на первой надпойменной террасе, вблизи русла Дона. Культурные остатки локализовались в четырех скоплениях. За их пределами редкие находки встречены в слое без четко выраженных верхней и нижней границ. Одно из скоплений являлось остатками наземного жилища, площадью 15 м², выявленного по концентрации культурных остатков. Другое было мастерской по расщеплению кремня и изготовлению орудий, площадью 16 м². Концентрация кремней составляла от 3,5 до 1 тыс. на 1 м², всего 17 тыс. Костёнки 19, видимо, – остатки временного поселения, располагавшегося на террасе, которая периодически затапливалась во время паводков Дона. Об этом свидетельствуют и тонко-

зернистые отложения на уровне культурного слоя, и различные уровни залегания культурных остатков вне слоя.

Памятник Костёнки 3 (Глинище) расположен на той же террасе, в 200 м ниже по течению Дона. Исследованиями 1923 и 1927 гг. выявлена окраина поселения уничтоженного руслом реки.

Все вышеизложенное позволяет констатировать следующее. Костёнки 2 и 11 (Ia) являлись стационарными поселениями с долговременными жилищами; Костёнки 19 – мастерской по обработке кремня, располагавшейся в укрытии и, вероятно, временным жилым сооружением, в котором также производилась обработка кремня; Костёнки 3 – окраиной поселения с частью жилища.

Общим для каменных индустрий всех четырех памятников является следующее:

1) Каменное сырье. До 40% составляет цветной кремль, желвачный и плитчатый. Вместе с тем, особенность использованного каменного сырья не только объединяет данные стоянки, но и выделяет их на фоне других памятников III хронологической группы Костёнок.

2) Морфологическая близость между нуклеусами, нуклеидными и макролитическими орудиями, резцами срединными многофасеточными, нуклеидными и на углу плиток. Общими являются как характер заготовок – желваки и плитки цветного кремня, массивные отщепы и осколки, – так и способы снятия заготовок. Бывает затруднительно определить, где скальвались пластинки, пластинчатые отщепы или микропластинки, где резцовые сколы для оформления резцов, а где оформлялись орудия техникой резцового скола.

3) Формы заготовок. Пластинки неправильных очертаний, длиной 3–5 см, большое количество отщепов и пластинок с нерегулярной ретушью утилизации или вовсе без ретуши;

4) Техника вторичной обработки. Характерно использование техники резцового скола и приема чешуйчатой подтески. Ретушь, как правило, мелкая, приостряющая, нерегулярная, чаще всего по краям пластинок. Крутая ретушь применялась только при изготовлении немногочисленных скребков и боковых резцов.

5) Орудия с чешуйчатой подтеской концов. Наибольшее их количество найдено на стоянках Костёнки 11 (Ia) – 264, Костёнки 2 – 231 экз. Эти орудия не просто вставлялись в пазы, но вбивались в деревянную основу древковых орудий типа рогатин. Тем самым они образовывали не только режущее лезвие вдоль ударного конца, но и зубцы. Подобные рогатины использовались при охоте на крупных животных. Глубоко проникая в тело жертвы, они раз-

резали и увеличивали рану, при этом зубцы еще и препятствовали выскальзыванию копья из тела животного, усугубляя рану.

6) Резцы. В целом для данной категории характерна аморфность, отсутствие устойчивых форм; многие изделия переоформлены из других орудий.

7) Скребки. Аналогичное разнообразие форм и размеров. В основном концевые скребки на пластинках или пластинчатых отщепах.

В итоге, можно констатировать для каменного инвентаря всех памятников следующее: аморфность заготовок, их небольшие размеры; малочисленность категорий орудий, но значительное количество изделий с вторичной обработкой или следами использования.

Таким образом, общность каменного инвентаря всех четырех памятников позволяет признать возможной их принадлежность одной культуре – «зямтинской». Следует определить взаимоотношения данных поселений. Мне представляется, что это пример существования локальной археологической культуры, представленной зимними – Костёнки 2 и Костёнки 11 (Ia), и летними (Костёнки 3 и Костёнки 19) поселениями, оставленными одним и тем же социальным коллективом и (или) их поколениями, проживавшими достаточно длительное время в Костёнках.

В этнологии жилые сооружения аборигенов Северной Азии подразделяются на следующие виды: укрытия – для проживания в течение нескольких дней; временные – несколько летних месяцев; постоянные – рассчитанные на длительное проживание. Однако последние два термина используются условно, ибо в большинстве случаев у населения было два жилища – летнее и зимнее, – которые значительно отличались друг от друга по конструкции (Попов, 1961. С. 131, 132). Соответственно, поселения также различались между собой. В летних, приближенных к местам охоты, рыболовства, обитало трудоспособное население, которое в конце сезона возвращалось в постоянные поселения, где в летнее время оставались старики, дети и часть женщин. Постоянные поселения состояли из фундаментальных зимних жилищ, использовавшихся на протяжении жизни нескольких поколений или даже в течение столетий.

Борисковский П.И., 1963. Очерки по палеолиту бассейна Дона // МИА. № 121.

Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М. (Археология СССР)

Попов А.А., 1961. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.

*Е. П. Рыбин**Институт археологии и этнографии СО РАН*

К вопросу об эволюции и вариабельности среднего палеолита Алтая*

Горный Алтай является единственным регионом Сибири, где на данный момент прослеживается непосредственная смена мустьерских (в классическом, выработанном на материалах Западной Евразии, понимании) комплексов верхнепалеолитическими. Слои, включающие культурные материалы этих подразделений палеолита, в большинстве известных памятников располагаются в одной стратиграфической последовательности. В ходе исследований формируется схема вариабельности среднего палеолита Алтая, включающая в себя «кара-бомовский» и «денисовский» варианты индустрий (Деревянко и др., 2000). Основой для выделения вариантов служили в основном особенности первичного раскалывания. Так, кара-бомовский вариант, включавший в себя комплексы СП-2-1 Кара-Бом, Тюмечина 1, Усть-Канской пещеры и слоев 18–13 стоянки Усть-Каракол 1, характеризуется применением специфической леваллуазской однополярной пластинчато-острийной технологии раскалывания. К «денисовскому» варианту были отнесены комплексы эпонимного памятника, а также индустрии пещеры Окладникова и Тюмечина 1 (Деревянко, Шуньков 2002). Основным различием между двумя вариантами являлась степень участия леваллуазской технологии в формировании облика индустрий: денисовский вариант характеризовался несколько меньшей, чем в кара-бомовском, долей леваллуазского расщепления, а также ведущей ролью «мустьерской» группы орудий. Вместе с тем, очевидное отсутствие качественных различий в технико-типологическом облике среднепалеолитических комплексов Горного Алтая приводит к выводу о том, что «средний палеолит Горного Алтая необходимо рассматривать как единое культурно-историческое явление» (Деревянко 2001. С. 90), а также позволяет заключить, что существование вариантов среднего палеолита региона не связано с проживанием культурно-различных групп населения или возможной миграцией, а может быть обусловлено «конкретным сочетанием различных сезонных, ландшафтных, производственных, хозяйственных, петрографических и других факторов» (Деревянко, Шуньков 2002. С. 34).

Наблюдения над вариабельностью и направленностью изменений среднепалеолитических индустрий Горного Алтая можно суммировать в виде

таблицы, которая демонстрирует наиболее показательные черты, характеризующие индустрии рассматриваемого региона (табл. 1).

Колебания технических индексов в индустриях ранее выделенных вариантов весьма велики, чаще всего их значения перекрывают друг друга, в наиболее поздних индустриях имея практически аналогичные значения. Типология орудий свидетельствует о связях (скорее всего, генетических) этих комплексов, весьма показательны явные параллели при сравнении редких типов орудий и их специфических способов подправки. При сопоставлении применявшихся технологий расщепления также не удается обнаружить принципиальных различий, все методы раскалывания, известные для алтайского среднего палеолита, как правило, присутствуют в одном комплексе. Разделяющим моментом является частота применения ситуационного раскалывания, более распространенного в «денисовских» индустриях, что находит свое объяснение в особенностях сырья и различных поведенческих моделях населения. Вместе с тем, уникальную технологию или группу артефактов, отличающие денисовский и кара-бомовский варианты алтайского среднего палеолита, выявить затруднительно. В целом размах вариабельности алтайского среднего палеолита значительно уступает, например, характеристикам европейского мустье. Скорее, все комплексы среднего палеолита являются частями своеобразной мозаики общего культурного пространства. Возможно, определенное понимание может внести анализ других факторов, которые могли влиять на формирование вариабельности:

а) сырьевой: подавляющее большинство комплексов основывалось на использовании материала из местного аллювия. Кара-Бом, единственный на Горном Алтае памятник, базировавшийся на высококачественном желвачном сырье, дает наибольший индекс пластинчатости, что отличает этот объект от других индустрий Горного Алтая, где процент технического брака, отходов расщепления и доли «ситуационного» раскалывания нуклеусов намного выше, чем на Кара-Боме. Вместе с тем, несмотря на различное по своим характеристикам сырье, прослеживается явное стремление к достаточно гибкому его использованию и применению в своей основе очень близких методов расщепления;

Таблица 1. Корреляция технологических и типологических особенностей среднепалеолитических индустрий Горного Алтая

Характерные черты	Денисовский вариант	Кара-бумовский вариант
Хронология	~280 тыс. л. н. – ~ 40 тыс. л. н.	~100 тыс. л. н. – ~50 тыс. л. н.
Памятники	Денисова пещера (сл. 22–12 Ц.З.; сл. 10–8 П.П.); пещера Страшная (сл. 3 – старые раскопки; сл. 5 и ниже – новые раскопки); пещера Окладникова (сл. 6–1)	Усть-Каракол 1 (сл. 18–13); Ануй 3 (сл. 18–13); Усть-Канская пещера (сл. 10? – 5?); Кара-Бом СП2-СП1
Технология расщепления: вариации основных индексов	Пам: широкий разброс – от 6,1 (Страшная пещера) до 21,3 (Денисова пещера П.П. сл. 9). Средние показатели: 10–14; вариации в пределах одного памятника достигают 15. Не прослеживается линейного изменения во времени. I _L tech: низкие значения, основное распределение показателя от 2 до 6. Меньшие показатели в поздних слоях памятников. IF: разброс очень велик, от 4 до 44. Наименьшие показатели характерны для Денисовой пещеры.	Пам: крайне широкий разброс – от 10 до 46; максимальные показатели на памятнике с хорошим сырьем; в остальных показатели близки денисовскому варианту. Имеющиеся данные не позволяют определить явные тенденции к изменению. I _L tech: разброс велик, от 5 до 15. В ряде индустрий не превышает показатели денисовского варианта. IF: показатели стабильно высоки, от 38 до 53, за исключением, возможно, Усть-Канской пещеры (новый цикл раскопок; IF=8,6?).
Технология расщепления: вариативность методов раскалывания	В ранних слоях памятников преимущественно радиальное, ортогональное и ситуационное расщепление, появление леваллуазского метода снятия отщепов с помощью однонаправленной параллельной и продольно-поперечной редукции; элементы острой технологии. На среднем и позднем этапе развития доминирует ситуационное параллельное раскалывание, леваллуазское отщеповое и (реже) однонаправленное конвергентно-пластинчатое раскалывание. На финальных стадиях развития появление подпризматических нуклеусов; увеличение доли бипродольного раскалывания. Значительная роль краевых сколов в организации фронта расщепления. Ведущий скол-заготовка – аморфные отщепы на ранних стадиях; широкое распространение на поздних стадиях подпрямоугольных отщепов с параллельной огранкой; леваллуазских подтреугольных сколов (в т. ч. в удлинённых вариациях), остроконечных пластин.	Сочетание леваллуазского (в основном однонаправленного) конвергентного остройно-пластинчатого метода и отщепового продольно-поперечного леваллуазского метода (аналогичного денисовскому варианту), радиальное раскалывание. Значительно меньшая роль ситуационного расщепления. Значительная роль краевых сколов в организации фронта расщепления. Ведущий скол-заготовка – леваллуазское острие (или подтреугольное снятие) средних и укороченных пропорций, подпрямоугольные отщепы укороченных пропорций с субпараллельной или ортогональной огранкой, пластины (как побочный продукт раскалывания).
Орудийный набор: основные характеристики	Значительная доля скребел, неравномерно распределённая по индустриям (группа II варьирует от 16,7 до 72,7), в поздних слоях Денисовой пещеры прослеживается тенденция к сокращению. Представлены продольными, поперечными и диагональными формами; угловатые скребла редки, за исключением пещеры Окладникова; группа зубчато-выемчатых орудий является ведущим типом в индустрии Денисовой пещеры; в комплексах Страшной пещеры удельный вес мал. Верхнепалеолитическая группа сформирована в основном обушковыми ножами; атипичными скребками, проколками и редкими резцами. Доля очень велика в Денисовой пещере (увеличивается в верхних слоях) и незначительна в других памятниках. Много неформальных орудий (ретушированных сколов).	Типологический состав узок; скребел мало во всех индустриях; велика роль зубчато-выемчатого компонента; верхнепалеолитический компонент, представленный обушковыми ножами, немногочисленными скребками, проколками и резцами, примерно равен по доле в наборе комплексов Денисовой пещеры. Довольно много ретушированных леваллуазских острий, участие неформальных орудий варьирует в зависимости от памятника (относительно низкая на Кара-Боме, выше в Усть-Канской пещере).
Орудийный набор: специфические типы орудий	Удлиненные мустьерские остроконечники; распространён прием подправки вентральной плоскости: скребла с вентральными сколами уплощения и тронкированной ударной площадкой; пластины с утончением проксимальной части; выемчато-клювовидные орудия с вентральной подтеской бугорка; концевые скребки с вентральным уплощением. Бифасы. Обушковые ножи. Тронкированно-фасетированные орудия.	Удлиненные мустьерские остроконечники. Орудия с вентральными подтесками представлены в тех же вариациях, что и в комплексах денисовского варианта. Резцы на краевых сколах (комплекс СП1 Кара-Бомы). Обушковые ножи. Бифасы. Тронкированно-фасетированные орудия.

б) функциональный: данные зооархеологического анализа свидетельствуют о том, что население Алтая в период среднего палеолита отличала высокая мобильность, периоды заселения стоянок были довольно кратковременны (Wrinn, Rybin. In press). Особенности жизнедеятельности человека накладывали сильный отпечаток на применявшиеся методы утилизации камня и характеристики орудийного набора (интенсивность обработки орудий и их типологический состав). На основе изучения особенностей вторичной обработки и использования орудий, а также структуры индустриального набора, выделяются три группы индустрий (Рыбин, Колобова, 2004), состав артефактов которых позволяет соотнести их с различными по своим характеристикам объектами: А) кратковременные специализированные стоянки по переработке добычи и использованию орудий (пещера Окладникова, Ануй 3); Б) кратковременные неспециализированные стоянки, где производилась деятельность как по расщеплению камня, так и по производству орудий (комплексы СП2 Кара-Бома, 18 слоя Усть-Каракола 1, 10 слоя предвходовой площадки Денисовой пещеры); В) периодически посещавшиеся стоянки, возможно, более продолжительно заселяемые, где производилась неспециализированная деятельность по раскалыванию камня и производству орудий (комплексы Денисовой пещеры);

в) хронологический (эволюционный): ни в одном из многослойных памятников Горного Алтая невозможно проследить переслаивание индустрий с резко отличными друг от друга характеристиками. На примере наиболее протяженной хроностратиграфической колонки Денисовой пещеры отмечается расширение использования леваллуазских технологических приемов, в том числе возрастание значения встречного раскалывания и увеличение доли верхнепалеолитических орудий. В наиболее позднем, 12 среднепалеолитическом слое центрального зала пе-

щеры, и слое 9 предвходовой площадки особенности индустрий обнаруживают значительную близость к слою СП2 Кара-Бома, что в целом хорошо согласуется с более поздним возрастом кара-бомовских индустрий. Слой 8 предвходовой площадки Денисовой пещеры, вероятно, отражает этап перехода от среднего к верхнему палеолиту, при некотором преобладании в облике комплекса среднепалеолитических элементов. Близкий тренд развития прослеживается и на материалах других среднепалеолитических индустрий Горного Алтая. Таким образом, средний палеолит Алтая не являлся статичной структурой, хотя проблемы абсолютных датировок являются очень актуальными для понимания процессов перехода от среднего к верхнему палеолиту. Имеющиеся данные позволяют предположить нарастание темпа изменений в начале каргинского (ОIS-3) этапа верхнего неоплейстоцена, изменений, в итоге приведших к формированию сходных в своих проявлениях комплексов начальной поры верхнего палеолита.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (проекты 07-01-00417а, 06-01-00527а,) и Интеграционного проекта фундаментальных исследований по гуманитарным наукам СО РАН (проект 1.6. ПСО № 21.1).

Деревянко А.П., 2001. Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // АЭАЕ. № 3.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., 2000. Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом) // АЭАЕ. № 2.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., 2002. Индустрия с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // АЭАЕ. № 1.

Рыбин Е.П., Колобова К.А., 2004. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // АЭАЕ. № 4.

Wrinn, P.J., Rybin E.P. Middle Paleolithic Settlement and Land Use in the Altai Mountains, Siberia / N. d.

А.А. Сеницын

Институт истории материальной культуры РАН

Культурная и геологическая периодизация верхнего палеолита Восточной Европы: соотношение и проблема корреляции*

Археология палеолита, начиная со времени своего возникновения во второй половине XIX в., основывалась на геологии. Главная проблема – проблема определения возраста археологического материала – напрямую связывалась с проблемой возраста геологических отложений, из которых этот материал был получен. Археологическая периодизация следовала за геологической и тем самым полностью от нее зависела. Качественные изменения культуры рассматривались внутри климато-стратиграфических подразделов, и их границы априорно считались совпадающими.

За исключением во многом искусственной проблемы исчезновения мамонта и пещерного медведя, влияние палеолитического человека на экологию полностью исключалось. В условиях присваивающего хозяйства односторонняя причинно-следственная зависимость культурных изменений от изменений природной среды сомнений не вызывала и не вызывает. Вопрос в том, насколько изменения природного окружения оказывали влияние на культурную изменчивость.

Распространение методов абсолютного датирования, в первую очередь радиоуглеродного, позволило если не изменить ориентацию проблемы, то рассматривать два ее аспекта независимо друг от друга: этапы климатических изменений и стадии археологической периодизации.

Как любая проблема на «стыке» различных дисциплин, проблема влияния природной изменчивости на культурную предполагает ее рассмотрение в рамках обеих. Здесь проблема осложняется тем, что она находится на стыке естественнонаучного и гуманитарного знания, методологии, понятийные аппараты и степень достоверности заключений которых существенно различаются.

Естественнонаучный аспект проблемы сводится к одному принципиальному вопросу – в условиях существования различных хронологических схем отдание предпочтения одной из них. При том что выработка единой, приемлемой для всех хронологической схемы природной изменчивости плейстоцена в ближайшей перспективе вряд ли возможна, отдание предпочтения одной из них является необходимым, по крайней мере, для «пользователя», каковым яв-

ляется археология. Существенно, во-первых, то, что современный комплексный, или мультидисциплинарный, подход к проблеме «наряду с позитивными моментами, создает и дополнительную неопределенность, ибо каждый метод привносит специфические источники погрешностей» (Долуханов, 2007. С. 135), и, во-вторых – уверенность авторов в познавательных возможностях той дисциплины, представителями которой они являются.

Видимо, поэтому переход от традиционной основы климато-стратиграфического членения на кислородно-изотопную (OIS) и морскую изотопную (MIS) не привел к однозначному решению проблемы четкости границ климатических флуктуаций, а наоборот, внес в нее дополнительный массив погрешностей. Поэтому далеко не все отечественные и европейские исследователи отдают ей предпочтение.

Два вопроса составляют проблемное пространство археологического аспекта поставленной задачи:

– насколько современный уровень аналитических возможностей археологии способен отслеживать механизмы формообразования, и на этой основе подойти к исследованию причин формирования культурной изменчивости и эволюции;

– насколько фиксируемая археологией культурная изменчивость может считаться существенной. Насколько археология в состоянии различать «свободную» вариабельность культурных компонентов, не меняющих содержания культуры, от принципиальных изменений.

Состояние проблемы. При наличии большого числа дискуссионных вопросов, наиболее распространенные представления о хронологии принципиальных изменений верхнего палеолита Европы связываются со следующими рубежами:

– 44 (?) тыс. л. н. – появление верхнепалеолитического технокомплекса;

– 37–36 тыс. л. н. – распространение гомогенного ориньякского технокомплекса;

– 29–28 тыс. л. н. – возникновение и распространение граветтского технокомплекса;

– 21–20 тыс. л. н. – распад унифицированного граветтского мира и возникновение серии локальных

археологических культур, наиболее выразительной из которых является солютре Западной Европы;

– 17–16 тыс. л. н. – сложение мадленского технокомплекса;

– 12–11 тыс. л. н. – формирование круга позднеледниковых культур.

Наиболее распространенной в практических работах схемой климатических колебаний Европы остается следующая:

– 125–70 тыс. л. н. – Эемское, Микулинское межледниковье;

– 70–45 тыс. л. н. – нижний пленигляциал;

– интерпленигляциал с осцилляциями;

– 45–40 тыс. л. н. – Моерсхофт;

– 38–33 тыс. л. н. – Хенгело – Ле Кот (W II–III);

– 32–28 тыс. л. н. – Арси-Денекамп;

– 26–24 тыс. л. н. – Турсак (Ноай);

– 22–13,5 тыс. л. н. – верхний пленигляциал с осцилляциями Ложери (20–19 тыс. л. н.) и Ляска (18–17 тыс. л. н.);

– 13,5–10 тыс. л. н. – позднеледниковье с осцилляциями Бёллинг (13,5–12 тыс. л. н.) и Аллерёд (12–10,8).

Принимая как допущение то, что определение возраста как климатических, так и культурных событий основано на одних и тех же методах датирования (а это не всегда так), обращает на себя внимание несовпадение их границ.

Два варианта объяснения кажутся наиболее вероятными:

– определенная «задержка» (на 2–3 тыс. лет) реакции культурных изменений на природные;

– отсутствие связи между культурными изменениями и природными.

Обсуждение. Принципиальные изменения палеолитического мира Европы, при всех допущениях, связанных с проблемами абсолютного датирования, особенно отложений и культурных слоев стоянок древнее 30 тыс. лет, на современном уровне знания связываются с рубежами 44 (?), 36, 29, 21, 16, 12 тыс. лет, прямое соответствие которым в климатических изменениях не фиксируется.

Если сюда добавить появляющиеся свидетельства об отсутствии связи сложения среднеледниковых (мустьерского) технокомплекса с изменениями климата (см., напр.: Adler et al., 2006), то предпочтение следует отдать второму из возможных

вариантов: отсутствию связи а, значит и зависимости, культурных изменений от природных.

Как ни странно, проблема реакции населения и его материальной культуры на климатические изменения возникла относительно недавно, поскольку наличие такой реакции ранее сомнению не подвергалось. Это остается несомненным в условиях производящего хозяйства, в первую очередь земледельческого, когда 1–2-летние неурожаи способны вызвать перестройку экономики, миграции населения и кардинальные изменения в материальной культуре. Присваивающая экономика и скотоводство оказываются в подобных условиях более мобильными, а реакция сводится или к смене места обитания, или к переориентации на иные промысловые ресурсы, даже если природные изменения являются экстремальными или катастрофическими. Более того, накапливается все больше данных в пользу того, что демографический рост (увеличение числа стоянок), усиление мобильности населения (транспортировка сырья, увеличение импорта и т. д.) и миграционных потоков (расширение территории археологических культур) связывается с периодами относительной стабилизации внешних условий, причем как внутри «благоприятных» теплых периодов, так и внутри похолоданий. Есть определенная логика в том, что именно стабильность, а не изменчивость, внешнего окружения является условием, катализатором культурной изменчивости, причем не столько постепенной, «эволюционной», сколько скачкообразной, связанной с появлением нового качества.

* Работа выполнена по проекту «Адаптивно-адаптирующие процессы в формировании культурной дифференциации палеолита Восточной Европы» в рамках программы «Адаптация народов и культур...» президиума РАН.

Долуханов П.М., 2007. Археология, радиоуглерод и расселение *Homo sapiens* в Северной Евразии // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях: Мат. конф., посвящ. 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН / Ред. Г.И. Зайцева, М.А. Кулькова. СПб.

Adler D.S., Bar-Oz G., Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O., 2006. Middle and Upper Paleolithic Hunting Behaviors in the Southern Caucasus // *Current Anthropology*. Vol. 47. № 1.

Г.В. Сеницына

Институт истории материальной культуры РАН

Формирование и развитие культур на рубеже плейстоцена – голоцена на северо-западе Русской равнины*

Формирование культур каменного века переходного периода от плейстоцена к голоцену связано с периодом освобождения от последнего ледникового щита и глобальными изменениями всей экосистемы. В силу специфики отложений рубежа плейстоцена – голоцена вопросы определения хронологии, культурной принадлежности и генезиса культур в большинстве случаев остаются дискуссионными.

В настоящее время можно выделить три типа культур, формирование которых:

1) происходило на местной основе. При этом условном разделении признание автохтонности всегда будет относительным, поскольку территория северо-запада Русской равнины, включающая в себя Валдайскую возвышенность, была занята ледниковым щитом, т. е. все стоянки здесь появились в результате миграции населения. Автохтонными признаются памятники, на которых прослежено развитие позднелептоситических культур, ближнего круга;

2) имеет миграционный характер;

3) имеет гибридный характер.

К **первому типу** относятся стоянки гренской культуры. В многолетней дискуссии о генезисе гренской культуры в верховьях Днепра (Будько, Вознячук, 1969; Будько, 1966; 1970; Ксензов, 1994; 1999; 2006; Копытин, 2000) новыми данными подтверждается ее автохтонное развитие. Первые определения возраста находок позволяют вернуться к точке зрения В.Д. Будько, который датировал среднюю группу гренской культуры временем не ранее бёллингского и не позднее аллерёдского интерстадиалов, т. е. в рамках 12,7–11,8 тыс. л. н.

На основании типологического анализа материала гренской культуры В.Ф. Копытин отстаивал точку зрения об автохтонном развитии культур каменного века этой территории (верховьев Днепра). В.П. Ксензов считал, что наличие временного промежутка в 3–5 тыс. лет между верхнелептоситическими и финальнолептоситическими культурами не дает основания предполагать автохтонное развитие, тогда как миграционный характер культур с черешковыми наконечниками стрел наиболее убедителен. При этом хронологическую позицию памятников В.П. Ксензов обосновывал также исходя из типологического сравнения материалов.

Положительное решение этого вопроса связано

с определением хронологии материалов гренской культуры из погребенной почвы на стоянке Вышегора I, в которой установлено наличие экскурса гёттенбург, что соответствует аллерёду.

Н.Н. Гурина датировала стоянки-мастерские в истоках Днепра в Смоленской обл. позднем палеолитом – началом мезолита и отнесла их к кругу стоянок прибалтийского мадлена (Гурина, 1972. С. 251). Работы последующих лет подтвердили их доаллерёдский возраст. Из восьми обследованных пунктов в истоках Днепра наиболее перспективным оказалось местонахождение Вышегора I, где было установлено наличие различных литологических слоев, вмещающих находки каменного века (Сеницына, 1996). Принципиальное значение на этом памятнике имеет погребенная почва с экскурсом гёттенбург (аллерёдская почва), которая занимает срединное стратиграфическое положение. Под слоем погребенной почвы зафиксировано клиновидное в сечении углубление, шириной 2 м, в заполнении которого присутствует маломощная почва светло-палеовой супеси. Находки, приуроченные к слою палеовой супеси, были локализованы тремя скоплениями внутри полигональной трещины и на ее бортах.

Типологический анализ инвентаря всех слоев свидетельствует о сохранении единой традиции в материальной культуре на протяжении всего периода существования памятника. Материальная культура нижнего слоя Вышегоры I имеет свою специфику в морфологии наконечников стрел, аналогии которым известны в прибалтийско-мадленских стоянках. Резцы количественно доминируют в коллекции нижнего слоя над скребками. Своеобразие коллекции придает наличие проколов на пластинках и большое количество скреблей. В целом культурно-стратиграфическая колонка стоянки Вышегора I свидетельствует об отсутствии хронологического разрыва между верхнелептоситическими и финальнолептоситическими материалами.

К автохтонным культурам финального палеолита отнесена рессетинская культура, в основе которой, по мнению А.Н. Сорокина (2004; 2006), лежит прототип индустрии Гагарино-Хотылёво 2. М.Г. Жилин (2004) как пример сохранения граветийских традиций приводит материалы стоянки Заозерье 1, определение возраста которой основано только на сравнительно-типологическом анализе и условиях

залегания находок, сопоставимых с позднепалеолитическими стоянками.

Наиболее четко гипотеза автохтонного развития культур сформулирована Х.А. Амирхановым (2002; 2004), который проводит две линии развития технологических традиций: граветтийских широких пластин (пластины шириной 3–4 см и длиной до 10 см) – от материалов Зарайской стоянки через Трегубово, Колтово 7 до иневской раннемезолитической культуры; и узких пластин – от стоянок Карачарово, Шатрищи, Заозерье 1 до бутовской культуры.

Памятники типа Золоторучья, объединенные наличием позднеплейстоценовой фауны (северный олень, бизон, заяц) и развитым характером пластинчатой индустрии, вероятно, могут быть помещены в технологической цепочке «узких» пластин перед последним ее звеном – бутовской культурой. Однако М.Г. Жилин (2007) видит некоторые аналогии стоянкам типа Золоторучье в материалах стоянок в устье Камы. Предполагаемое датирование памятников золоторученской традиции дриасом III основано только на сравнительно-типологическом анализе.

К автохтонным традициям отнесены материалы нижнего слоя стоянки Баранова Гора, расположенной на северном берегу оз. Волго в Тверской обл., где установлено наличие колонки геологических отложений начиная с конца бёллинга (12,8–12,3 тыс. л. н.). На стоянке Баранова Гора зафиксированы отложения бёллинга, дриаса среднего, аллерёда, дриаса младшего и пребореала, возраст которых, первоначально установленный спорово-пыльцевым методом, был подтвержден данными палеомагнитного анализа и коррелирует с результатами сравнительно-типологического анализа материальной культуры.

Несмотря на малочисленность археологического материала из отложений бёллинга, аналогии инвентарю прослеживаются в материалах стоянок мадленской традиции, что свидетельствует о развитии позднепалеолитических культур на Русской равнине.

Ко **второму типу** культур, связанному с миграциями населения, отнесены материалы слоя II стоянки Баранова Гора, датированные дриасом средним. Коллекция археологического материала из гумусированных прерывистых линз выразительна по составу орудий, технике расщепления и четко отличается от материалов нижележащих (бёллинга) и вышележащих (аллерёд) отложений. Отличия прослеживаются по типу используемого кремня (моносырьевая база), по размерам заготовки, а также по технике вторичной обработки и типологии орудий. Кремневый инвентарь из отложений дриаса II стоянки Баранова Гора имеет аналогии в материалах стоянки Акулово, расположенной на оз. Удомля в

Тверской обл. Автор раскопок стоянки Акулово, В.В. Сидоров (1996), определяет ее возраст в пределах 15–13 тыс. лет на основании уровня залегания в отложениях аллювия верхней озерной террасы. Инвентарь стоянки Акулово и материалы из отложений дриаса II Барановой Горы сопоставимы по технике плоско-торцового расщепления, характеру получаемой заготовки, технике вторичной обработки и типологическому составу инвентаря. По единичным памятникам можно предположить существование акуловской традиции на протяжении нескольких тысячелетий. Ее прародину В.В. Сидоров (1996. С. 86–90) связывает с сибирским палеолитом Енисея и Мальты, что не может быть признано убедительным. Вопрос о генезисе памятников акуловской традиции остается открытой.

К типу культур, происхождение которых связано с миграциями, относится подольская культура на Верхней Волге (Синицына, 2000). К ней отнесено шесть стоянок: Подол III/1, Подол III/2, Баранова Гора, Теплый Ручей 2, Троицкое 3, Усть-Тудовка I. Все они объединены традицией технокомплекса броммелинги. Их компактное расположение на Верхней Волге, хронологическая близость (аллерёд – младший дриас), своеобразие инвентаря позволяют объединить их в отдельную археологическую культуру, по самому древнему памятнику Подол III/1 названную подольской. Кроме того, имеющиеся датированные материалы дают основания для выделения трех этапов ее последовательного развития.

Появление подольской культуры на Верхней Волге связано с миграциями древнего человека в северо-восточном направлении, в направлении отступающего ледника, вслед за мигрирующим северным оленем. Другой вопрос состоит в том, что представляют собой памятники второго этапа заселения, прослеженные по стоянке Подол III, – местное развитие культуры ранее пришедшего населения или вторую волну миграции. По классификации памятников культуры бромме С. Андерсена (Andersen, 1988), Подол III представляет собой четвертый тип памятников, т. е. базовую стоянку с использованием местного сырья и углубленным в землю жилищем. Следовательно, здесь мы имеем дело с уже адаптированными к местным условиям коллективами охотников, сохранившими культурные традиции бромме.

Выявление специфики охотничьего вооружения поможет прояснить многие дискуссионные вопросы конкретной истории. Спецификой охотничьего вооружения отличаются и стоянки так называемого гибридного типа.

К **гибридному типу** отнесены стоянки Ладжино 3, возможно Ростиславль. В материальной куль-

уре этих стоянок, с одной стороны, отражено влияние технокомплекса бромме (получение широкой пластины), с другой – техника вторичной обработки тражает влияние гренокских памятников. В материалах стоянок этого типа можно вычлнить черты инхронных культур – с одной стороны, тип заготовки аналогичен заготовке подольской культуре, с другой, приемы вторичной обработки здесь типично ренские.

В целом формирование археологических культур в позднеледниковый период определяется, прежде всего, процессами материального и информационного обмена, осуществляемыми в пределах одного культурно-хозяйственного ареала.

* Работа выполнена по проекту «Адаптивно-адаптирующие процессы в формировании культурной дифференциации палеолита Восточной Европы» в рамках программы «Адаптация народов и культур...» президиума РАН.

- Амирханов Х.А., 2002. Восточнограветийские технологические элементы в материалах поздней поры верхнего палеолита Поочья // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб.
- Амирханов Х.А., 2004. Восточнограветийские элементы в культурном субстрате Волго-Окского мезолита // Проблемы каменного века Русской равнины. М.
- Будько В.Д., Вознячук Л.Н., 1969. Палеолит Белоруссии и смежных территорий // Древности Белоруссии. Минск.
- Будько В.Д., 1966. Памятники свидеро-гренокской культуры на территории Белоруссии // МИА. № 126.
- Будько В.Д., 1970. Палеолит. Очерки по археологии Белоруссии // Наука и техника. Минск.

- Гурина Н.Н., 1972. Кремнеобрабатывающая мастерская в верховьях р. Днепра // Палеолит и неолит СССР. Л. Т. 7. (МИА. № 185.)
- Жилин М.Г., 2004. Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины. М.
- Жилин М.Г., 2007. Финальный палеолит Ярославского Поволжья. М.
- Копытин В.Ф., 2000. У истоков гренокской культуры. Боровка. Могилёв.
- Ксензов В.П., 1994. Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Минск.
- Ксензов В.П., 1999. Новые памятники гренокской культуры в Белорусском Поднепровье // Tanged Points Cultures in Europe. Lublin.
- Ксензов В.П., 2006. Мезолит Северной и Центральной Беларуси // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск. № 13.
- Сидоров В.В., 1996. Мезолит бассейна р. Съежи // ТАС. Вып. 2.
- Синицына Г.В., 1996. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях // Археологические изыскания. СПб. Вып. 39.
- Синицына Г.В., 2000. Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на верхней Волге // ТАС. Вып. 4. Т. 1.
- Сорокин А.Н., 2004. Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины. М.
- Сорокин А.Н., 2006. Проблемы мезолитоведения. The Mesolithologic Problems. М.
- Andersen S., 1988 A survey of the late palaeolithic of Denmark and Southern Sweden // De la Loire a l'Oder: Les civilisations du Paléolithique final dans le nord-ouest européen: Actes du Colloque de Liège 1985. Vol. II. (BAR. Int. Ser. 444 (II).)

А.Н. Сорокин

Институт археологии РАН

Мезолитоведение Поочья в вопросах и ответах*

В отличие от палеолита и неолита, уже в самом названии «мезолит» – «средний каменный век» – скрыта его промежуточность, переходность и известная зыбкость. Неудивительно, что ряд исследователей не признает этого понятия. Нет его и в перечне тем не только I (XVII), но и II (XVIII) Всероссийского археологического съезда, проводимого на территории Европейской России, где изучение эпохи мезолита имеет давние традиции. Несмотря

на это, полагаю, что недостаточная признанность какого-либо понятия еще не означает его незначительности.

Выделение мезолитоведения в качестве самостоятельного направления – явление состоявшееся (Clark, 1980; Сорокин, 2006а), вне зависимости от возражений представителей тех или иных научных школ. Мезолитические источники обладают рядом черт, придающих им своеобразие, которое

проявлялось в ходе их формирования, структуре и «постпозиционной жизни». Это особый феномен с присущими только ему свойствами, спецификой и методами исследования. В конечном счете, все это и обосновывает право на существование мезолитоведения как особого раздела археологии каменного века.

Выбор Поочья в качестве полигона определяется многочисленностью и разнообразием памятников, длительной историей их изучения и тем, что его культурно-исторические особенности могут служить моделью процессов, протекавших в мезолите на всей огромной территории европейских зандровых низменностей.

Глобальные климатические изменения, начавшиеся в позднее ледниковье, были явлениями планетарного масштаба. Прекращение лессообразования привело к резкому (пятикратному) замедлению скорости седиментации (Динамика ландшафтных компонентов... 2002; Грибченко, Куренкова, 2006). Активное потепление приводило к формированию в зимний период значительного снежного покрова. Его бурное таяние весной вызывало смыв поверхностных отложений, пылицы, углей, органики и мелких артефактов. Культурные слои не успевали формироваться. Таким образом, теплые снежные зимы вызвали не только гибель «мамонтового фаунистического комплекса», но и определили состояние археологического источника, его структуры и степени сохранности всех материальных остатков, изучаемых как методами археологии, так и естественнонаучными дисциплинами. Радиоуглеродные и палинологические образцы, являющиеся естественными компонентами культурного слоя, подвержены тем же метаморфозам, что и сам слой. Отсюда неизбежен вопрос: а что они датируют? Время функционирования конкретного поселения, природную событийность или собственный возраст, не имеющий никакого отношения к эпизодам обитания? Критика методов естественнонаучного датирования со всей очевидностью позволяет утверждать, что возраст рессетинской и иеневской культур был омоложен и их следует датировать финальным палеолитом (Сорокин, 2006а). Следовательно, источниковедческая база мезолита Центральной России включает не пять, как это предполагалось вплоть до последнего времени (Сорокин, 2006б), а всего три культуры – пургасовскую, култинскую и задне-пилевскую (Сорокин, 2008).

Задне-пилевская культура возникла в начале голоцена, култинская и пургасовская, по-видимому, – в конце пребореала – начале бореала. Все три культуры существовали и в позднем мезолите. В западной литературе общепризнано, что мезолитическое на-

селение могло длительно сосуществовать с неолитическим, занимающимся производящим хозяйством (Hunters in transition...). Этому способствовали разные экологические ниши, которые они занимали. В отечественной историографии «граница» мезолита и неолита по-прежнему сводится ко времени «возникновения керамики». Даже миграционисты полагают, что «керамическая идея», принесенная извне, «осваивалась местным населением», т. е. развитие происходило на «местной мезолитической основе» (Неолит Северной Евразии, 1986). Попробуем определить, а позволяют ли традиционные источники решать эту проблему?

В средней полосе Северной Евразии в эпоху камня основное население сосредоточивалось в пределах зандровых низменностей. Песчаные ландшафты в корне отличались от лессовых плато, отсюда абсолютная минимизация и компрессионность их культурных слоев. Решающую роль здесь сыграла не столько человеческая деятельность, сколько экология. Если стандартная скорость седиментации песчаных отложений на Русской равнине составляет около 1 см за 500 лет, то неизбежным следствием этого будет отсутствие самой возможности для «разведения во времени» многих событий. В случаях совпадения мест проживания с неизбежностью будет повторяться ситуация, когда «местный» неолит всегда будет складываться на «местной» мезолитической основе, какой бы неоднородной та ни была. Например, к выводу о многокомпонентном субстрате для верхневолжской культуры удалось прийти еще в 1991 г. (Кравцов, Сорокин, 1991). Позднее стало понятно, что этот вывод не учитывает «естественную составляющую» археологических источников – процессов седиментации отложений и их трансформации под воздействием почвенных процессов (Wood, Johnson, 1978; Сорокин, 2002). Значит, он ошибочен, причем сама постановка вопроса генезиса раннеолитических культур на стандартных «песчаных» стоянках Европейской России методологически неверна. Для решения этой проблемы необходимо единственное неперемное условие – стратиграфия, которая никак не является атрибутом зандровых стоянок. Разумеется, и на территории европейских полесий имеются уникальные «болотные поселения» – геоархеологические объекты «быстрой аккумуляции», но их полноценное изучение лишь начинается, что обязывает воздерживаться от поспешных прогнозов. А значит, и решение вопроса о происхождении верхневолжской культуры, впрочем, как и других раннеолитических культур Русской равнины, – дело будущего.

Примитивность археологических источников по финальному палеолиту и мезолиту Европы обманчива. Они оказались значительно сложнее, чем при

стандартном восприятии. Прямолинейность в их постижении и интерпретации недопустима. Традиционные гипотезы о контактах древних популяций, генезисе раннего неолита «на местной мезолитической основе» и др. построены, по существу, на песке. Том самом песке, который устилает бескрайние просторы европейских ландшафтных низменностей от Британии до Приуралья. Только понимание закономерностей формирования и разрушения источников и их критическое восприятие позволят написать объективную этнокультурную историю.

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», проект 1.5: «Пионеры Европейской России на переломе эпох».

Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., 2006. Литолого-фациальные особенности культурных слоев некоторых долговременных поселений позднего палеолита Восточной Европы // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика: Мат. науч. конф. М.

Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130000 лет: Атлас-монография / Отв. ред. А.А. Величко. М., 2002.

Кравцов А.Е., Сорокин А.Н., 1991. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М.

Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология.)

Сорокин А.Н., 2002. Мезолит Жиздринского поleshья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М.

Сорокин А.Н., 2006а. Проблемы мезолитоведения. М.

Сорокин А.Н., 2006б. Мезолит Оки: Проблема культурных различий. М. (Тр. Отдела охранных раскопок. Вып. 5.)

Сорокин А.Н., 2008. Мезолитоведение Поочья. М.

Clark J.G.D., 1980. Mesolithic Prelude: The Palaeolithic – Neolithic Transition in Old World Prehistory. Edinburgh.

Hunters in transition: Mesolithic Societies of Temperate Eurasia and their Transition to Farming / Ed. by M. Zvevibel. Cambridge, 1986.

Wood W.R., Johnson D.L., 1978. A survey of disturbance processes in archaeological site formation // Advances in Archaeological Method and Theory. New York. Vol. 1.

В.Н. Степанчук

Институт археологии НАН Украины, Киев

Динамика культурных трансформаций в палеолите Украины

Предлагаемый краткий обзор динамики культурных трансформаций в палеолите Украины акцентирует, главным образом, некоторые важные сдвиги в стратегии колонизации территории. В качестве геохронологических рамок используется официальная схема четвертичных отложений Украины (УРМСК 1993), базирующаяся на работах М.Ф. Веклича и представителей его школы. Обзор основывается на большом числе специальных археологических и естественнонаучных публикаций, ссылки на которые, в силу ограниченности объема, не приводятся.

Корреляция палеоклиматических событий и культурной динамики

Нижний плейстоцен:

Широкинский (OIS 31–24; дунай-гюнц) и *приазовский* (OIS 23–20; гюнц) горизонты. Достоверные памятники отсутствуют.

Для технико-морфологически архаичных ол-

дувайских галечных индустрий Крыма типа Эчки-Даг, Гаспра и др. предполагается принадлежность интервалу между дунай-гюнцем и гюнц-минделем. Имеются также указания на возможное наличие в Крыму микроиндустрий.

Мартоношский горизонт (OIS 19–17; гюнц-миндель). К горизонту относятся VII и VI комплексы Королево I позднеолдувайского/раннеашельского облика, с чопперами и проторубилами.

Сульский горизонт (OIS 16–14; миндель). Достоверные памятники отсутствуют.

Лубенский горизонт (OIS 13; миндель I–II) характеризуется ашельским VI комплексом Королево I с чопперами, проторубилами, рубилами.

Тилигульский горизонт (OIS 12; миндель II). Достоверные памятники отсутствуют.

Средний плейстоцен:

Завадовский горизонт (OIS 11–9; миндель-рисс). С горизонтом коррелирует маловыразительный V-

комплекс Королево I в Закарпатье, индустрия Меджибожа в бассейне Днестра с изделиями на гальках и сколах и, возможно, Кодак на Днестре.

Днепровский горизонт (OIS 8; рисс I). Достоверные памятники отсутствуют.

Кайдакский горизонт (OIS 7; рисс I-II) характеризуется V-б и V-а (рубила и специфичные двусторонние листовидные наконечники) комплексами Королево I в Закарпатье, возможно, леваллуазским по облику слоем III Великого Глыбочка I, а также преимущественно отщеповой индустрией Буглова V:I в Подолии и зубчатой индустрией Круглика в Поднепровье (рис. 1).

Тясминский горизонт (OIS 6; рисс II). С горизонтом, возможно с его началом, соотносится V комплекс Королево I, определяемый как переходный к мустье; леваллуазский слой III-Б Великого Глыбочка I, а также, предположительно, древний комплекс Житомирской стоянки с богатым двусторонним компонентом.

Верхний плейстоцен:

Прилукский горизонт (~ OIS 5e-5d; рисс-вюрм и начало вюрма I). К началу прилукского времени (OIS 5e) относятся: отщеповое леваллуа-мустье Ко-

ролево I:IV-а (Закарпатье); индустрия с листовидными острями Кабази II:V/3-VI/17, слой III Езуполя в Подолии и ряд др. С подстадией 5d коррелируют: Королево I:IV и Малый Раковец IV (Закарпатье); Кабази II:III/3 (Крым); а также, возможно, Заскальная V:VII и VI в Крыму и Осыпка на Днестре.

Удайский горизонт (~ OIS 5c-5a; 4; вюрм I, I-II). С горизонтом соотносятся: Королево I:III (Закарпатье); Молодова I:IV и V и, возможно, I-III; Молодова V:12a, 12, 11; Кетросы: осн. сл., возможно Осыпка (Поднепровье); Великий Глыбочок I:III-A, Колодиев, Ванжулив I:III; Игровица I:II; Езуполь:II; Пронятин (Вольно-Подолия); Муховец (Сумщина); Белокузьминка (Донбасс); Заскальная V:V; Заскальная VI (Колосовская): IV; Кабази II:III/2; Староселье: 4; ГАБО: II (Крым). Стадия 4 представлена: Королево I:IIб, IIа, II (Закарпатье); Стинка: нижн. сл. (Поднепровье); Антоновка II, Курдюмовка (Донбасс); Кабази II:III/1A-III/3, Кабази V:III/1-III/3, Староселье: 3 (Крым).

Витачевский горизонт (~ начало OIS 3; вюрм II). С горизонтом, возможно, соотносятся: Кормань IV:12, 11 в Поднепровье; Заскальная V:IV в Крыму.

Бугский горизонт (OIS 3; вюрм II) характеризу-

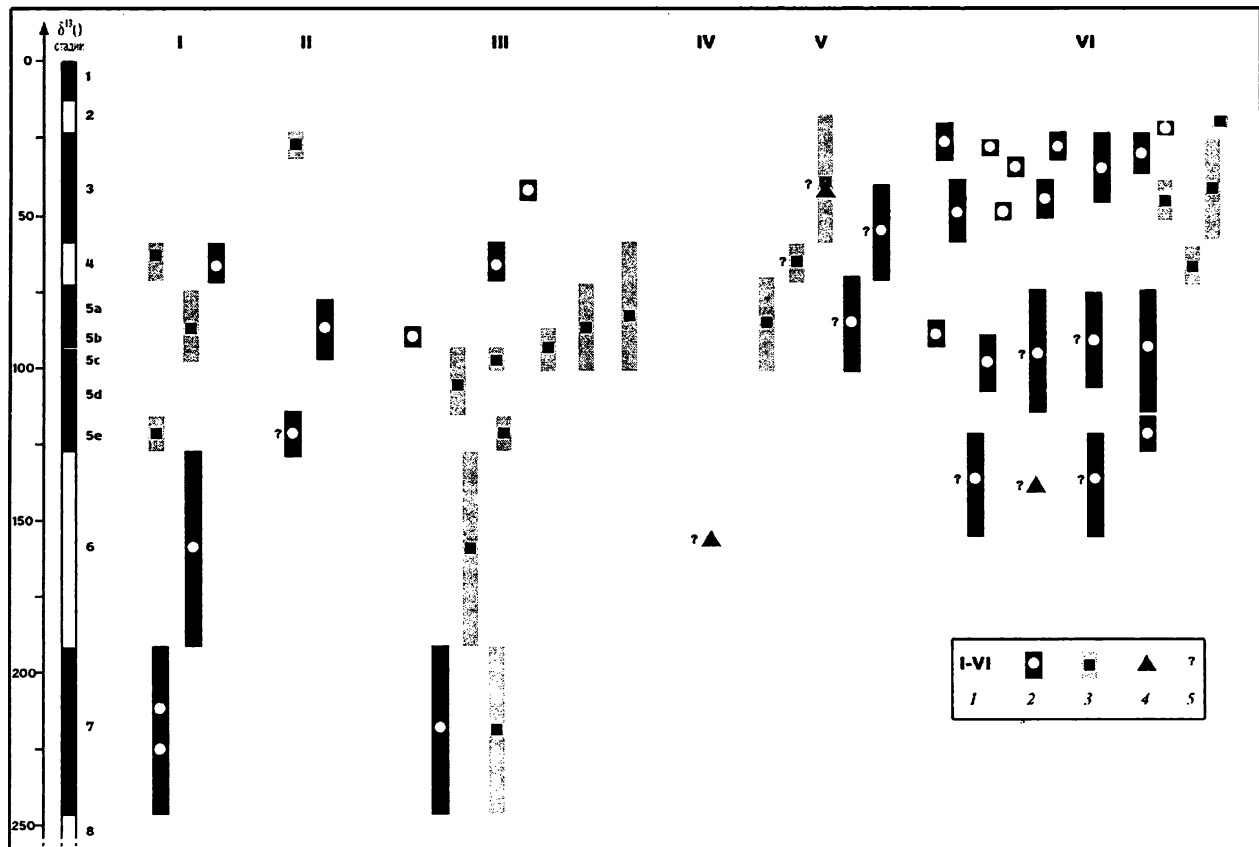

Рис. 1. Вариабельность среднего палеолита Украины на уровне разновидностей индустрий в хронологическом и географическом срезях. Условные обозначения: 1 – территориальные группировки памятников (I – закарпатская, II – полесская, III – днестровская, IV – днепровская, V – донецкая, VI – крымская), 2 – двусторонние индустрии, 3 – односторонние индустрии, 4 – зубчатые индустрии, 5 – хронологическая позиция точно не определена

ся сосуществованием многочисленных средне- и рхнепалеолитических индустрий. Среднепалеолитические (СП) памятники широко представлены Крыму в своих двусторонних и односторонних зновидностях. Леваллуа-мустье, возможно, представлено на Среднем Днестре. Наиболее ранний, ранее всего не ориньякский, верхний палеолит Закарпатья датируется около 38 тыс. л. н. Некоторые рхнепалеолитические (ВП) индустрии сходны с едневропейским селетом (Королево II:2; Буранья III:С), другие – с богунисьеном (Кульчивка).

Дофиновский горизонт (вторая половина OIS 3; вюрм II). СП и ВП индустрии по-прежнему сосуществуют (рис. 2). На раннем этапе (32–28 тыс. л. н.) хорошо выражена пространственная закономерность: разнофациальные в индустриальном смысле П поселения тяготеют к югу, а запад, северо-запад север Украины занят ВП памятниками, принадлежащими ориньяку, граветту и архаическим или симбиотическим индустриям. На позднем этапе (8–22 тыс. л. н.) начинают резко преобладать памятники граветтской принадлежности.

Причерноморский горизонт (OIS 2; вюрм III и IV). Этап, предшествующий максимуму ледникового (22–19 тыс. л. н.), характеризуется сосуществованием эпиграветтских и эпиориньякских индустрий, сконцентрированных в зоне сухих степей. Максимум ледникового характеризуется наличием только одного типа индустрий, так называемого эпиграветта с ориньякоидными чертами. Период 18–13 тыс. л. н. также демонстрирует однотипные индустрии эпиграветта, хотя и имеются основания различать в их массиве более узкие территориально-хронологические группировки. Период 13–10 тыс. л. н. специфичен диверсификацией культурных проявлений и представлен культурами с черешковыми наконечниками (Красноселье, Свидер), азилем Шан-Кобы и так называемыми комплексами с крупными трапециями.

Основные тенденции культурной динамики и процессов колонизации территории

Момент первого проникновения человека на территорию страны фиксируется древнейшими го-

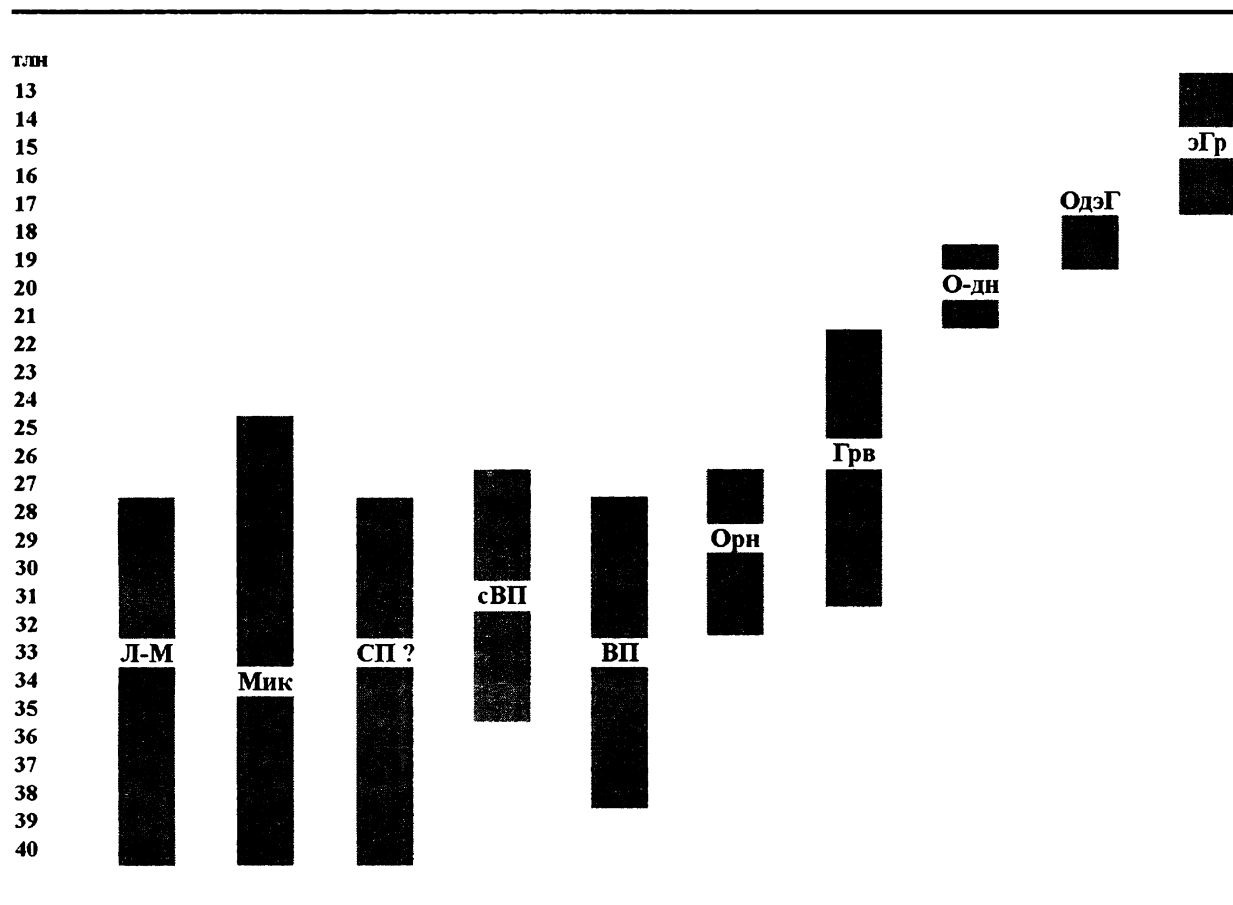

Рис. 2. Основные тенденции индустриальной вариабельности между 40/13 т.л.н.: Л-М – леваллуа-мустье, Мик – микок, СП? – средний палеолит (?), сВП – симбиотический ВП, ВП – верхний палеолит, Орн – ориньяк, Грв – граветт, О-дн – ориньякоидные индустрии, ОдэГ – ориньякоидный эпиграветт, эГр – эпиграветт

ризонтами находок в Королево I и, не исключено, галечными индустриями Крыма. Очевидна приуроченность древнейших местонахождений к горным районам – карпатскому и крымскому. Вариабельность каменного инвентаря имеет выраженный хронологический аспект, с дихотомией более ранних галечных комплексов и более поздних комплексов с рубилами.

Как представляется, заселение территории в нижнем палеолите имело характер многократного пионерного освоения ареалов с богатыми и предсказуемыми биологическими и минеральными ресурсами небольшими группами пришлого населения, с крупными хронологическими лакунами между отдельными эпизодами заселения. Не может идти речь о продолжительном непрерывном заселении и, следовательно, о преемственности населения и традиций.

Ранний этап среднего палеолита характеризуется бытованием памятников отщепового леваллу-мустье, индустрий с листовидными острями, возможно, зубчатых индустрий. На заключительной стадии этапа, кроме того, появляются индустрии с двусторонними ножами.

На позднем этапе среднего палеолита по-прежнему фиксируется наличие памятников с леваллу-мустьерскими, двусторонними и зубчатыми индустриями. Леваллу-мустьерские памятники отмечены в Закарпатье, Поднестровье, Полесье, Поднепровье, на Донбассе и в Крыму. Двусторонние индустрии, наиболее многочисленные в Крыму, представлены и в других регионах (рис. 1). Зубчатые индустрии единичны и известны в Крыму. На этом этапе более отчетливо выражена дифференциация индустрий на уровне технокомплексов. Так, различаются индустрии с двусторонними ножами и количественно преобладающие индустрии с листовидными острями. Выразительную группу образуют леваллу-мустьерские пластинчатые индустрии, известные по материалам Крыма, Донбасса, Поднепровья и Волыно-Подоллии.

Исходя из данных о распространении среднепалеолитических памятников во времени и пространстве, можно предполагать пульсирующий ареальный характер заселения. Колонизация территории приобретает большую стабильность, но по-прежнему имеет очаговый характер. Устойчиво освоенными

оказывались регионы гор и возвышенностей с богатыми и предсказуемыми минеральными и биологическими ресурсами крайнего юга и запада страны. Эти регионы могли выступать в роли центров повторного заселения иных территорий в условиях демографического роста и, напротив, служить рефугиумами при сокращении населения. С рисса, вероятнее всего, со второй его половины – и уже для всего оставшегося отрезка среднего палеолита – можно предполагать более-менее постоянную освоенность территории страны. Следовательно, появляются основания говорить о преемственности населения и культурных традиций.

Наиболее аргументированным представляется появление на Украине верхнепалеолитических памятников около 40 тыс. л. н. в Закарпатье. Более поздние ВП памятники относятся к граветту, ориньяку, а также к «переходным» симбиотическим индустриям. Граветтские памятники становятся доминирующими между 28 и 22 тыс. л. н. Есть основания предполагать долгое переживание СП индустрий на юге страны, вплоть до 25 тыс. л. н., возможно, и позднее.

Для периода 40–22 тыс. л. н. в целом характерна та же стратегия колонизации пространств, что и для предшествующего времени: устойчиво освоенными оказываются ареалы с мозаичным ландшафтом и первичными выходами сырья. Вместе с тем, картирование памятников показывает, что примерно с 32 тыс. л. н. начинается постепенное освоение открытых пространств с менее предсказуемыми биоресурсами и отсутствием первичных выходов каменного сырья. Существенный сдвиг произошел между 22 и 19 тыс. л. н., когда население сконцентрировалось в зоне степи и, не исключено, покинуло горные ареалы. Сходная картина заселения характерна и для периода максимума ледниковья.

Стратегия колонизации территории резко изменилась после 18 тыс. л. н. С этого момента территория Украины заселена повсеместно, вне зависимости от типа ландшафта и наличия выходов сырья. Изменения кажутся еще более существенными, если принять во внимание доминирование тундровостепных ландшафтов в это время. После 13 тыс. л. н. стратегия заселения остается сходной, но следует отметить явную концентрацию населения на северо-западе страны.

М. Хамакава

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Специализация хозяйственной деятельности на стоянке Каменная Балка 2 на основе анализа распределения микродебитажа

Проблемы, связанные с изучением реконструкции хозяйственно-бытовой деятельности, а следовательно, и систем жизнеобеспечения, являются одними из самых актуальных в исследовании древних поселений. При этих исследованиях успешно применяются такие чисто археологические методы, как типологический, планиграфический, трасологический и функциональный.

При исследованиях верхнепалеолитического памятника (как, впрочем, и памятника любой эпохи) важно и необходимо максимально полное получение информации из сохранившихся до нашего времени ограниченных, но полезных для дальнейших исследований и интерпретации материалов. При этом определенная неполнота добытого во время раскопок материала, как нам кажется, сокращает возможности применения качественного и количественного планиграфического анализа.

При обычной, очень тщательной, ручной расчистке культурного слоя безвозвратно утрачиваются мелкие и мельчайшие отходы производства – микродебитаж, – которые можно добыть при полной промывке вмещающей породы. В этом случае добывается огромное количество мельчайших отходов производства, которое достаточно разнообразно. Они представлены осколками, чешуйками, фрагментами микропластинок. Кроме того, в этой массе встречаются и обломки изделий на микропластинках, а иногда и целые формы. Размеры микродебитажа колеблются от 3 до 0,5 мм.

Этот материал очень многочислен – его концентрация в некоторых случаях достигает нескольких тысяч на 1 м². При этом его пространственное распределение, в силу многочисленности материала, бывает очень показательным (рис. 1).

Микродебитаж может рассматриваться как продукт деятельности, связанной с вторичной обработкой расщепленного кремня, т. е. с обработкой заготовок и выделкой изделий. Вероятно, что повышенная доля тех или иных категорий микродебитажа указывает на превалирование каких-либо специализированных операций. Так, например, большое число микрорезцовых отщепков может указывать на активную деятельность либо по изготовлению резцов, либо по работе с ними. Чешуйки же свидетель-

ствуют о процессе ретуширования. Многочисленные осколки говорят о менее специализированной работе (Леонова, Несмеянов, 1991; Леонова, 2000).

Ряд исследователей говорит о том, что микродебитаж, как правило, оставался на месте его появления, т. е. он не был продуктом, который перемещался или использовался в дальнейшем (Vance, 1987. P. 59; Леонова, 1989; 2000). Следовательно, микродебитаж может использоваться в качестве первичного источника исследования и быть полезным для установления места производства, из которого уже унесены предметы большего размера.

Исследования распределения микродебитажа проводятся в странах Европы, США и в Японии. Уже с 1980-х гг. начали выходить в свет статьи по изучению микродебитажа (Fladmark, 1982; Hull, 1987; Vance, 1987). К сожалению, большая часть зарубежных работ основана на изучении очень небольших площадей.

В России эти работы были начаты в конце 1970-х гг., но не получили широкого распространения из-за своей трудоемкости. В настоящее время в России практически отсутствуют специальные исследования микродебитажа. Лишь в работах Донской экспедиции МГУ, где они и были начаты в конце 1970-х гг., это направление развивается.

При полевых исследованиях стоянок каменнобалковской культуры зачистка слоя археологами проводится с максимальным вниманием. Тем не менее, мельчайшие находки, представляющие собой очень тонкие сколы и их фрагменты, имеющие размеры менее 0,5 см, а зачастую около 1 мм, не могут быть обнаружены. Поэтому нельзя быть полностью уверенными в том, что в определенном месте были собраны все предметы. Для получения более полной информации среди археологических методик используется промывка грунта (flotation) на ситах с разной величиной ячейки.

С 1982 г. на стоянках каменнобалковской культуры производится полная промывка вмещающей породы на ситах с ячейкой 1–0,5 мм, в результате которой выделяется микродебитаж. Промывка выявляет мельчайшие кремневые (редко бывают сланцевые) чешуйки и осколки, очень мелкие обломки орудий, а иногда и целые микропластинки. Кроме

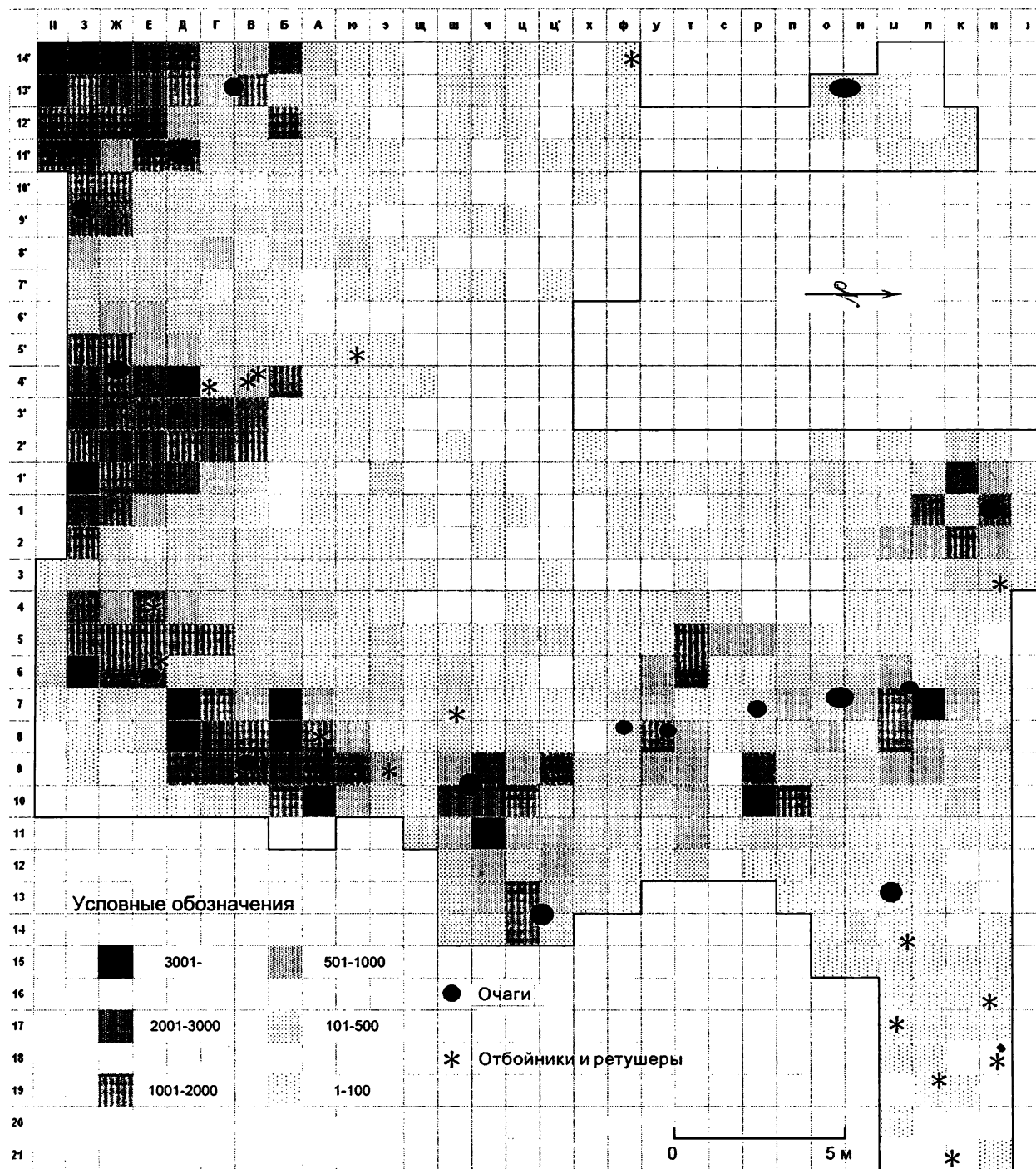

Рис. 1. Распределение микродебитажа, отбойников и ретушеров на северо-западном участке стоянки Каменная Балка II

того, из промывки получают материалы, пополняющие знания о микрофауне, а также мелкий уголь для радиоуглеродного датирования.

К настоящему времени на стоянке Каменная Балка 2 собрана коллекция, включающая более 350 000 предметов микродебитажа. Анализируя полученные данные, мы провели исследование северо-западного участка стоянки Каменная Балка 2 и выявили ряд участков с повышенным содержанием микродебитажа (рис. 1). При анализе по отдельности каждого из

участков с повышенным содержанием микродебитажа удалось установить, что его концентрация так или иначе связана с наличием большого количества различных макроотходов производства и заготовок (рис. 2, табл. 1).

В других случаях микродебитаж концентрируется либо в местах находок целых или сломанных орудий, либо на относительно пустых участках, откуда готовые изделия, по-видимому, были унесены. Во всех случаях мы можем с уверенностью говорить

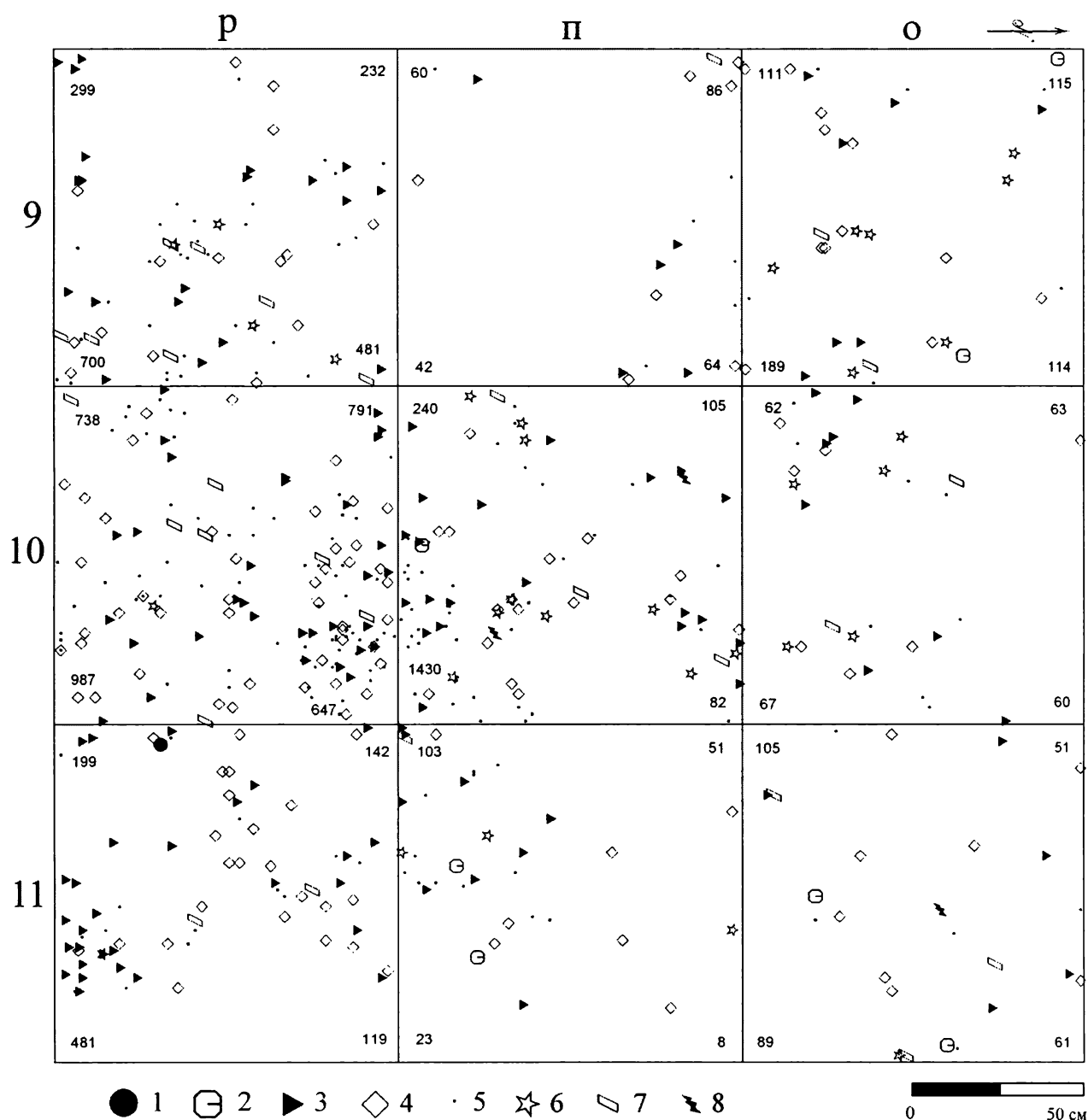

Рис. 2. Распределение категорий находок основного слоя на кв. о-рг 9-11. 1 – желваки, 2 – нуклеусы, 3 – продукты первичного расщепления, 4 – заготовки, 5 – мелкие производственные отходы, 6 – орудия, 7 – резцовые отщепки, 8 – краевые отщепки

Таблица 1

Надкатегория	%	Категория	Количество	%
Желваки	0.1	Желваки	1	0.2
Продукты первичного расщепления	25.2	Нуклеусы	7	1.2
		Сколы оживления нуклеуса	12	2.1
		Ребристые пластины и отщепы	3	0.5
		Первичные сколы	122	21.4
Заготовки	24.9	Пластины	13	2.3
		Пластинки	34	6.0
		Микропластинки	84	14.7
		Крупные отщепы	11	1.9
Мелкие отходы производства	37.4	Средние и мелкие отщепы	142	24.9
		Осколки	77	13.5
Орудия	5.8	Орудия	33	5.8
Резцовые отщепки	4.9	Резцовые отщепки	28	4.9
Краевые отщепки	0.5	Краевые отщепки	3	0.5
	100	Итого	569	100

отом, что микродебитаж сопровождается активной производственной деятельностью по вторичной обработке камня, т. е. выделке изделий. Весьма любопытно в этом смысле сочетание скоплений микродебитажа с распределением ретушеров и наковаленок (рис. 1).

Интересно распределение скоплений микродебитажа по площади стоянки: по большей части они располагаются на жилых площадках или в жилых объектах, т. е. именно там, где происходит производство и употребление орудий (см. тезисы Н.Б. Леоновой в настоящем издании, рис. 1).

Подводя итог, можно сказать, что использование данных по микродебитажу существенно обогащает

и уточняет картину хозяйственной деятельности на памятнике.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., 1991. Проблемы палеоэкологической характеристики культурных слоев // Методы реконструкции в археологии. Новосибирск.

Fladmark K.R., 1982. Microdebitage analysis: initial consideration // Journal of Archaeological Science. 9.

Hull E.D., 1987. Identification of cultural site formation process through microdebitage analysis // American Antiquity. 52.

Vance E.D., 1987. Microdebitage and archaeological activity analysis // Archaeology. 40-4.

М.В. Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН

Распространение ранних верхнепалеолитических традиций в Северной Азии

Наиболее подробную картину начала верхнего палеолита на территории Северной Азии представляют материалы палеолитических стоянок Российского Алтая. В интервале между 50 и 40 тыс. л. н. в многослойных алтайских комплексах на основе постепенной эволюции местных среднепалеолитических традиций появляются признаки отжимного микрорасщепления, наборы личных украшений и следы символической деятельности. Этот процесс

развивался по двум самостоятельным линиям – карабумовской и усть-каракольской (Дервянко, Шуньков, 2004). Первый вариант развития имел хорошо выраженный пластинчатый облик. Его технологической основой являлось серийное получение крупных удлиненных сколов, а среди орудий наиболее показательны изделия на пластинчатых заготовках. Для индустрий усть-каракольского варианта характерно использование призматических, конусовидных и

торцовых нуклеусов, в том числе предназначенных для снятия микропластин. В составе инвентаря наиболее яркие серии образуют ориньякоидные формы и листовидные бифасы, а также костяные орудия и украшения из кости, бивня мамонта, зубов животных, скорлупы яиц страуса, раковин моллюсков и поделочного камня.

За пределами Алтая индустрии ранней поры верхнего палеолита с индикаторными показателями усть-каракольской технической традиции отмечены еще в двух районах Южной Сибири. Первый из них находится в Кузнецком Алатау, где на стоянке Мохово 2 в отложениях каргинского педокомплекса, датированных 30330 ± 445 л. н., собрана коллекция верхнепалеолитических материалов с выразительной серией листовидных бифасов (Деревянко, Маркин, 1998). Вторым является Дербинский археологический район на севере Минусинской котловины. Здесь индустрии ранней поры верхнего палеолита зафиксированы в экспонированном залежании на техногенных пляжах Красноярского водохранилища в зоне размыва каргинских суглинков. В составе дербинских индустрий выделены торцовые нуклеусы для снятия микропластин, скребки высокой формы и листовидные острия-бифасы (Акимова, Стасюк, 2007). Восточнее долины Енисея эти компоненты отмечены только в более поздних культурных комплексах средней и заключительной стадий верхнего палеолита. Принимая во внимание сравнительно ранний возраст алтайских комплексов начальной поры верхнего палеолита, можно предположить, что становление усть-каракольской традиции явилось основным импульсом для распространения верхнепалеолитических индустрий с признаками торцового микрорасщепления и листовидными бифасами из юго-западных районов Сибири в дальневосточном и северо-восточном направлениях. В этот ареал последовательно вошли практически весь восток Азии и север Американского материка.

Кара-бомовский вариант формирования верхнепалеолитических традиций тесно связан с распространением на территории Северной Азии пластинчатых индустрий. Развитие пластинчатых технологий на ранней стадии верхнего палеолита помимо Алтая прослежено в ряде других ключевых археологических районов Сибири.

На территории Прибайкалья одним из бесспорных стратифицированных объектов древнейшего этапа верхнего палеолита является стоянка Макарово 4 в долине верхнего течения Лены. Геологический возраст стоянки по совокупности данных, в том числе по результатам AMS-датирования, – более 38 тыс. л. н. и более 39 тыс. л. н., – определен первой половиной каргинского (изотопная стадия 3)

времени (Goebel, Aksenov, 1995). Однако с учетом особенностей геологической позиции и степени эоловой корразии находок для макаровских артефактов был предложен более ранний возраст – древнее нижней хронологической границы изотопной стадии 3 (Медведев, 1983). Для этой индустрии характерно главным образом параллельное расщепление, направленное на серийное получение пластин с плоских монофронтальных нуклеусов. Среди заготовок выделяются небольшие и средние по размерам удлиненные сколы с параллельными гранями на дорсальной поверхности, которые служили основой для изготовления продольных разновидностей скребел, концевых скребков, поперечных резцов, ножей и проколов. Достаточно представительную группу образуют пластины, ретушированные по одному из продольных краев. Особо выразительна в составе орудий серия листовидных остроконечников на удлиненных сколах средних размеров с бифасиально уплощенным основанием (Аксенов, Шуньков, 1978; Аксенов, 1987). Напомним, что специальное утончение основания являлось характерным техническим приемом оформления остроконечников в индустриях кара-бомовского типа.

В Прибайкальском регионе к начальной стадии верхнего палеолита, возможно, относятся также скопления расщепленного камня на местонахождении Арембовского, зафиксированные в каргинских отложениях высокой террасы Ангары (Воробьева, Семин, 1990). Это местонахождение является, скорее всего, специализированной палеолитической мастерской, расположенной недалеко от выходов аргиллита. Материалы местонахождения представлены в основном продуктами первичного расщепления плиток аргиллита, среди которых устойчивые группы образуют плоские удлиненные нуклеусы и заготовки-пластины. Типологически выраженный инвентарь включает небольшие наборы концевых скребков, скребел и остроконечников, оформленных на удлиненных сколах, а также серию ретушированных пластин.

В Забайкалье наиболее близкими в хронологическом и техническом отношении к кара-бомовской индустриальной традиции являются материалы стоянок Толбага (слой 4), Варварина Гора (слой 3), Каменка (комплекс А), Хотык (уровень 3) и Подзвонка (Константинов, 1994; Лбова, 2002; Ташак, 2003). Геологически стоянки приурочены к пролювиально-делювиальным отложениям древних конусов выноса или склоновых шлейфов террасоувалов. Согласно стратиграфической позиции в разрезах и данным радиоуглеродного датирования, формирование этих отложений происходило в каргинское время, а самые ранние даты установлены для нижнего культурно-

го комплекса стоянки Подзвонкая – 43900±960 лет (Ташак, 2002а) и для комплекса А стоянки Каменка – 40500 ± 3800 л. н. (Лбова, 2002).

Технологической основой забайкальских индустрий служили приемы параллельного скалывания с нуклеусов уплощенной и протопризматической формы с элементами торцовых снятий. Система параллельного расщепления обеспечивала широкий выбор пластин в качестве заготовок орудий. На удлиненных сколах крупных и средних размеров оформлено подавляющее большинство орудий, в составе которых серийно представлены острокопечники и резцы, концевые скребки и проколки, долотовидные изделия и ретушированные пластины. Характерным компонентом этих комплексов являются подвески, бусины и пронизки, изготовленные из трубчатых костей птиц, скорлупы яиц страуса и мягкого поделочного камня (Лбова и др., 2002; Ташак, 2002б), а также уникальное скульптурное изображение головы медведя, вырезанное палеолитическими обитателями Толбаги из зубовидного отростка шейного позвонка шерстистого носорога (Константинов и др., 1983). Следует отметить, что некоторые поделки, как и персональные украшения кара-бомовского круга, были обнаружены в сходном планиграфическом контексте, возле очагов или других хозяйственно-бытовых объектов.

Таким образом, основные параметры и характер распространения индустрий ранней поры верхнего палеолита в южных районах Сибири позволяют предположить, что в эту эпоху здесь было единое культурное пространство, в котором технокомплексы развивались на основе местных культурных традиций в процессе постоянных контактов различных групп первобытного населения. Наиболее полная картина развития ранних верхнепалеолитических традиций прослежена на территории Алтая. К востоку от него – в Средней Сибири и Забайкалье – достоверные комплексы ранней поры верхнего палеолита представлены уже редуцированным набором характерных для этой эпохи технико-типологических показателей.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., 2007. Итоги изучения палеолита Дербинского залива в 1998–2007 годах // Пробле-

мы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. 13.

- Аксенов М.П., 1987. Инвентарный комплекс Макарово IV // Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии. Иркутск.
- Аксенов М.П., Шуньков М.В., 1978. Новое в палеолите верхней Лены (предварительные данные об исследовании Макарово IV) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск. Вып. 4.
- Воробьева Г.А., Семин М.Ю., 1990. Стоянка Арембовского // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. Иркутск.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., 1998. Палеолит северо-запада Алтае-Саян // РА. № 4.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., 2004. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // АЭАЕ. № 3.
- Константинов М.В., 1994. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ.
- Константинов М.В., Сумароков В.Б., Филиппов А.К., Ермолова Н.М., 1983. Древнейшая скульптура Сибири // КСИА. № 173.
- Лбова Л.В., 2002. К проблеме перехода от среднего к верхнему палеолиту (материалы Западного Забайкалья) // АЭАЕ. № 1.
- Лбова Л.В., Волков П.В., Базаров Б.А., 2002. Семантический аспект находок 3-го уровня памятника Хотык (Западное Забайкалье) // История и культура Востока Азии. Новосибирск. Т. 2.
- Медведев Г.И., 1983. Палеолитические обитатели юга Сибирского плоскогорья и древние культуры Северной Америки // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск.
- Ташак В.И., 2002а. Подзвонкая: палеолитические материалы нижнего комплекса (Республика Бурятия) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток.
- Ташак В.И., 2002б. Обработка скорлупы яиц страусов в верхнем палеолите Забайкалья // История и культура Востока Азии. Новосибирск. Т. 2.
- Ташак В.И., 2003. Очаги палеолитического поселения Подзвонкая как источник по изучению духовной культуры древнего населения Забайкалья // АЭАЕ. № 3.
- Goebel T., Aksenov M., 1995. Accelerator radiocarbon dating of the initial Upper Paleolithic in southeast Siberia // Antiquity. Vol. 69.

СЕКЦИЯ 2

НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА

М.В. Аникович, Н.К. Анисюткин

Институт истории материальной культуры РАН

Человек и мамонт в палеолите Восточной Европы*

История человечества знает случаи прямой зависимости культурных изменений от экологических факторов. Именно с таким случаем мы сталкиваемся при рассмотрении проблемы, вынесенной в заголовок статьи: взаимодействие человека и мамонта.

Средний палеолит. В Европе останки мамонта встречаются на подавляющем большинстве стоянок среднего палеолита. Однако в Западной и Центральной Европе они, как правило, малочисленны. Напротив, на памятниках Восточной Европы кости мамонта нередко образуют значительные скопления. Известны они на стоянках Крыма и предгорий Северного Кавказа, но наиболее выразительные скопления отмечены в долинах Днестра и Прута. Здесь в ряде случаев удалось зафиксировать даже определенную группировку скоплений костей в культурном слое – остатки жилых структур.

Мустьерские памятники с большим количеством костей мамонта существовали в течение всего «мустьерского вюрма» (105–35 тыс. л. н.). В технико-типологическом отношении их индустрии соответствуют вариантам мустье типичного (леваллуа-мустье), с единичными бифасами, и восточного микрока, с многочисленными двусторонними формами.

Охотились ли мустьерцы на мамонтов? Вероятно, да, если принять во внимание находки более раннего периода, в частности местонахождение Леринген в Германии, относящееся к рисс-вюрмскому времени. Там между ребрами скелета древнего слона была найдена деревянная рогатина из тиса длиной 2,5 м.

Но можно ли говорить о специализированной охоте на мамонта в среднем палеолите? Нет. По крайней мере, для стоянок, расположенных в долине Днестра (Кетросы, Молодова 1 и 5) и Прута (Рипичени-Извор), мы можем с уверенностью

утверждать, что основная часть костей мамонта является результатом сборов. Об этом свидетельствуют и приуроченность стоянок к древним речным отمهлям, и иная степень сохранности костей мамонта по сравнению с другими видами. Главным же аргументом служит специфика набора мамонтовых костей на стоянках: там представлены части скелета, мало продуктивные с точки зрения пищевой ценности (нижние челюсти, лопатки, тазовые кости, бивни и т. д.). Прочие части (ребра, позвонки, кости стопы и др.) единичны или отсутствуют.

В мустьерских памятниках Крыма обломки костей и бивни мамонта в обилии найдены в скальных убежищах, расположенных много выше тальвега долин. Практическая ценность этих запасов для людей мустьерской эпохи сомнительна. Но не исключено, что они отражают особое отношение неандертальцев Восточной Европы к мамонту.

Ранняя пора верхнего палеолита (РВП). РВП Восточной Европы характеризуется большим разнообразием местных археологических культур, существовавших на протяжении периода ~50/45–25/22 тыс. л. н. При этом на подавляющем большинстве стоянок мамонт не занимает даже второго места в списках фауны – при всех различиях в местоположении и культурной принадлежности памятников. На его долю приходится от 10 до десятых долей процента от общего количества костей. (Впрочем, есть и исключения: в двух нижних слоях Куличивки (Волынь) кости мамонта составляют около 60%.)

Из этого следует вывод: целенаправленной охоты на мамонтов в РВП не велось, хотя, возможно, при удаче, люди убивали отдельных животных. Как строительный материал крупные кости тоже не употреблялись. Мамонтовая кость активно использовалась в разных регионах и культурах для изготовления орудий, оружия, украшений, предметов

искусства. Но основным источником ее служило собирательство, а не охота.

Историко-культурная область (ИКО) охотников на мамонтов. Около 24 тыс. л. н. начинается последнее оледенение, достигшее максимума ~20–18 тыс. л.н. Елово-сосновые леса и лесостепи сменились на Русской равнине ландшафтами открытого типа. Люди были вынуждены приспособляться к новым природным условиям. В этот период на обширной территории (верхнее и среднее Поднепровье и Подонье, бассейны Десны и Оки) складывается особая ИКО, где кости мамонта на стоянках составляют 60–90% от общего количества остатков фауны. Даже минимальное число особей на памятниках включает десятки и сотни животных. На протяжении ~10 тыс. лет мамонт служил главным источником существования для разнокультурного населения региона. Он обеспечивал и пищу, и сырье, и строительный материал, и топливо.

Легкие жилища предшествующего периода уже не соответствовали изменившимся условиям. Поэтому возникают новые приемы домостроительства. Наиболее выразительные перемены принесли выходцы из Центральной Европы, появившиеся на Русской равнине ~23 тыс. л. н., – носители виллендорфско-костёнковской культуры, просуществовавшей по меньшей мере до 16 тыс. л.н.

Высокий уровень развития этой культуры проявляется в сложной организации долговременных поселений. Здесь найдены восьмеркообразные полуземлянки, для перекрытия которых использовались крупные кости мамонта, ямы-кладовые, заполненные такими костями и т. д. Очаги заполнены только костным углем. Он же применялся для обогрева полуземлянок: рассыпался по полу и, видимо, прикрывался сверху шкурами. Помещения освещались жировыми лампами, изготовленными из головок бедренных костей мамонта. Общеизвестен богатый костяной инвентарь этой культуры; бивень использовался для изготовления наиболее выразительных и совершенных поделок, в т. ч. женских статуэток.

Особое значение мамонта отражено в искусстве Днепро-Донской ИКО: его изображения в большом количестве встречены на памятниках виллендорфско-костёнковской (Авдеево, Костёнки 1/1 – скульптура) и гмелинской (Костенки 11/II – скульптура; Костенки 21/III – гравюра) культур.

Около 20 тыс. л. н., с наступлением самых суровых климатических условий за весь период Валдайского оледенения, в регионе вновь происходит смена культурных традиций. Памятники виллендорфско-костёнковской культуры сохраняются только в бассейне Оки (Зарайская стоянка). В бассейнах Десны, Днепра и Дона их сменяют культуры, различные

по облику каменного инвентаря (замятнинская, мезинская, межиричско-добраничовская). Но все они характеризуются однотипными долговременными поселениями с округлыми наземными жилищами, построенными с использованием большого количества крупных костей мамонта. Жилища окружались несколькими ямами-кладовыми, заполненными крупными костями мамонта. Культуры этого типа достоверно существовали до ~15–14 тыс. л. н., а возможно, и позднее. Для них характерно своеобразное искусство с высокой степенью стилизации.

Охота или собирательство? Анализ остатков мамонтов, проведенный на памятниках Днепро-Донской ИКО (Радомышль, Мезин, Межирич, Добраничовка, Костёнки 1/1, Костёнки 11/16), указывает на массовую гибель целых стад. На памятниках представлены не только все возрастные группы, включая останки зародышей, но и все основные части скелета мамонта. Сохранность его костей такая же, как сохранность костей других животных на стоянке. Присутствуют и анатомические группы – обычно части позвоночных столбов. Все это резко расходится с данными, полученными для более ранних эпох.

Ранее считалось, что такие характеристики однозначно свидетельствуют об охоте. Впоследствии выяснилось: тот же состав характерен для естественных слоновьих и мамонтовых кладбищ. Ясно одно: *если люди, жившие на указанных стоянках, действительно охотились на мамонтов, то их охота была загонной, приводящей к единовременной гибели значительной части стада.*

Можно привести следующие аргументы в пользу именно такой охоты, практиковавшейся населением Днепро-Донской ИКО.

1) Едва ли можно представить себе природные процессы (особенно в пик оледенения!), обеспечившие столь массовую и регулярную гибель мамонтов, что население обширной территории 10 тыс. лет занималось только разработкой скопленных падали и создало на такой основе высокоразвитую культуру.

2) Мамонтовые кладбища действительно посещались и осваивались верхнепалеолитическими людьми: об этом свидетельствуют находки в Берелехе (Северная Азия) и на Севском местонахождении (Восточная Европа). Однако следы человеческой деятельности там сравнительно малочисленны. Заметнее они на многослойной стоянке Шестаково (Западная Сибирь), также связанной с мамонтовым кладбищем. Но все ее слои – это типичные кратковременные стойбища, не похожие на сложные по структуре поселения Днепро-Донской ИКО. Ни в одном из них не встречено конструкций из костей

мамонта. Кость собиралась лишь как поделочное сырье и топливо.

3) Ни на самих стоянках Днепро-Донской ИКО, ни вблизи их нет и следа «мамонтовых кладбищ». Провозглашение таковыми небольших скоплений костей типа «комплекса II» Костёнок 2 (Чубур, 1998. С. 322), представляющего собой скопление ребер мамонта площадью ~14 x 1,5 м и мощностью не более 0,25 м, делает честь изобретательности А.А. Чубура, но не может быть принято как серьезная научная гипотеза.

4) Попытка отрицать возможность загонной охоты на мамонтов предпринята сейчас с позиций экологии этого животного. Утверждается, что гибель целых стад сделала бы невозможным воспроизводство самой популяции (доклад Е.Н. Машенко на IV Международной Тверской конференции 25.03.08.). Однако мы имеем дело с фактом использования человеком именно результатов массовой гибели стад. Была она результатом охоты или нет – но она происходила. А популяция мамонтов в Восточной Европе благополучно существовала еще на протяжении ~10 тыс. лет.

Почему исчезли мамонты? Вероятно, одно человеческое воздействие на популяцию мамонтов, сколь бы сильным оно ни было, не привело бы к катастрофе. Архаические общества не вели хищ-

нического истребления животных. Но на рубеже 16–14 тыс. л. н. человеческий фактор соединился с природным. Согласно концепции, разработанной А.Л. Чепалыгой, таяние валдайского ледника привело к обводнению склонов, междуречий и речных долин. Началась Эпоха Экстремальных Затоплений (Чепалыга, 2005). В этих условиях мегафауна частично погибла, частично была вытеснена в другие районы. Культуры охотников на мамонтов исчезли тоже, ибо была подорвана основа их существования.

* Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № П-21, проект «Адаптация культур среднего/верхнего палеолита Восточной Европы к изменениям природно-климатических условий (в контексте среднего/верхнего палеолита Евразии)» и РФФИ № 08-06-00161.

Чепалыга А.Л. Эпоха экстремального затопления (ЭЭЗ) как прототип «Всемирного потоп»: Понто-Каспийские бассейны и северное измерение // Квартер-2005: Мат. IV Всероссийск. совещ. по изучению четвертичного периода. Сыктывкар, 2005.

Чубур А.А., 1998. Роль мамонта в культурной адаптации верхнепалеолитического населения Русской равнины в ошастковское время // Восточный гравит. М.

Н.Б. Ахметгалеева

Курчатовский государственный краеведческий музей

Смена типов верхнепалеолитических поселений на заключительных этапах последнего оледенения (по материалам стоянок Посеймья Быки)*

Исследования на комплексе стоянок Быки продолжают вносить коррективы в наши представления о вариациях материальной культуры поздней поры верхнего палеолита Русской равнины (Григорьева, Филиппов, 1978; Чубур, 2001; Ахметгалеева, 2004а; 2007). Отличия, выделяющие эту группу стоянок среди других известных памятников Русской равнины, требуют тщательного анализа по всем позициям.

Комплекс расположен на левом берегу р. Сейм, на мысообразном выступе второй надпойменной террасы. Радиоуглеродные даты Пен – 21600±50, 23100±280, 25200±350 (ЛЕ). Для стоянки Быки 1 получены даты 17570±120, 17640±130, 17200±300, 16600±180 (ГИН). Дата культурного слоя Ia стоянки Быки 7 – 16000±130 (ГИН), культурного слоя

I – 17000±90 (ГИН). В 2007 г. стала известна новая серия дат для этой стоянки, полученных Л.Д. Сулержицким: культурного слоя Ia – 14300±370, а слоя I – 15600±400. Почему последние даты омоложены, пока неясно, но обе серии повторяют хронологический разрыв между слоями в тысячу лет. В лаборатории ИИМК РАН Н.Д. Буровой по костям песка и зайца для Быков 7 (Ia) получена дата 17320±640. Стратиграфическое соотношение культурного слоя Быков 5 с датированными стоянками позволило оценить возраст приблизительно в 14 тыс. лет.

Характерными являются непродолжительность обитания на быковских стоянках и преобладание в остеологических коллекциях костей копытных животных и пушного зверя.

Стоянки Пены, Быки 1, 2, 3 и 7 (I, Ia) относятся к единой культурной традиции (Ахметгалеева, 2004б). Их каменные индустрии отличает присутствие серий треугольных микролитов. По имеющимся немногочисленным сведениям о Быках 5, 6, 7 (II), 8 можно предположить, что они относятся к другим культурным комплексам. Изучение материалов Быков 2, 3, 6 и 8 только начато, и говорить об их структуре, планиграфии, стратиграфической позиции рано. Обитание человека на стоянках, в индустриях которых есть треугольные микролиты, приурочено к периодам возможной смены климатических условий. Это проявилось в залегании находок на уровне контакта толщи песка и перекрывающих его супесей. Изучение микростратиграфии Пен, Быков 1 и 7 показало, что культурные отложения могут относиться к разным периодам существования поселений и залегают они, как минимум, в двух литологических слоях. Нижний уровень залегания находок приурочен к верхней толще песчаных отложений и связан с жильными площадками. Верхний уровень залегания находок приурочен к нижней пачке супесей. В Быках 7 между археологическими слоями зафиксированы стерильные прослойки. Культурный слой Быков 5 и нижний (II) слой Быков 7 имеют более определенную локализацию во вмещающей толще. Это может иметь значение, т. к. их материалы в культурном отношении отличаются от материалов первой группы стоянок. В фаунистическом наборе стоянок Быки присутствуют представители двух экологических ниш: степи и леса (Ахметгалеева, Бурова, 2008). Подсчет возможного количества особей показал, что на всех стоянках встречен ограниченный количественный состав каждого вида млекопитающего, и количество мясных запасов на стоянках было невелико, что ограничивает время их обитания. Максимум концентрации находок в культурном слое вне объектов не превышает 100 предметов, а в среднем это всего 10–25 предметов на квадрат. В дальнейшем при описании концентрации находок на разных типах памятников Быки я буду исходить из этих показателей максимума и минимума.

Анализ соотношения фауны, качественного состава каменного инвентаря, трасологические и зооархеологические наблюдения приводят к выводу о существовании в Быках нескольких различных типов поселений (Ахметгалеева, 2005; 2007; Ахметгалеева, Бурова, 2008).

Основные стойбища, предположительно существовавшие в холодные периоды года, можно отнести к двум типам:

1) на стоянке происходил полный цикл кремнеобработки, но обрабатывались принесенные на стоянку преформы и заготовки. Кремень не патинирован.

Многочисленны костяные орудия, преобладают острья.

Культурные остатки связаны с ограниченной площадью углубленной жилой площадки. Присутствуют очаги, зольники, ямы разного назначения, костные конструкции. Участки поселения характеризуются средней и высокой плотностью находок.

Основными объектами охоты были северный олень, широкопалая лошадь, песец и заяц. Доминирующий вид отсутствует. Найдены кости единичных особей мамонта, шерстистого носорога и бизона. Есть свидетельства первичной и вторичной разделки туш животных, полного цикла утилизации костного сырья и обработки шкур животных (включая их скрепление, пошив одежды). Представлена разнообразная хозяйственная деятельность.

К этому типу можно отнести нижний уровень обитания стоянки Быки 1 и, возможно, нижний уровень обитания Пенской стоянки.

2) на стоянке происходил ограниченный цикл кремнеобработки. Обрабатывались и переоформлялись принесенные на стоянку орудия и заготовки, расщепление галек единично. Кремень не патинирован. Отмечен высокий уровень утилизации инвентаря. Многочисленны костяные орудия, среди которых преобладают острья.

Культурные остатки связаны с ограниченной площадью неуглубленной жилой площадки. Присутствуют зольники и ямы разного назначения. Характеризуется средней и слабой насыщенностью культурного слоя, в основном находки залегают в ямах, где их концентрация достигает максимума.

Основными объектами охоты древних обитателей были северный олень, широкопалая лошадь, песец и заяц. Доминирующий вид отсутствует. Есть свидетельства первичной и вторичной разделки туш животных, полного цикла утилизации костного сырья и шкур животных. Преобладают работы по разделке туш животных и обработке шкур.

К этому типу поселения могут относиться Быки 7 (I).

Основные летние стойбища(?). На стоянке происходил практически полный цикл кремнеобработки. Расщеплялись принесенные на стоянку преформы, переоформлялись орудия. Кремень патинирован.

Основными объектами охоты древних обитателей были северный олень, широкопалая лошадь, песец и заяц. Доминирующий вид отсутствует. Кости особей мамонта и шерстистого носорога единичны и выветрены в большей степени, чем остальные. Преобладает первичная разделка туш животных, но есть и элементы вторичной разделки. Характеризуются присутствием анатомических групп костей,

фрагментами краниального скелета. Не фиксируется полного цикла утилизации костного материала и шкурок животных.

Представлена разнообразная хозяйственная деятельность, но при этом выделяются различные функциональные зоны, насыщенность культурных слоев на которых вариативна. Есть участки значительных размеров с минимальной концентрацией находок.

Выделение данного типа стойбища в Быках требует особой дополнительной аргументации, тем более что анализируются значительно поврежденные при строительных работах площади поселений. Не исключена разновременность формирования культурных отложений на разных участках обозначенных поселений.

К данному типу можно отнести верхние горизонты с находками Пен (?), Быков 1 и Быки 7 (Ia).

Временные стоянки. Это также наиболее трудно аргументируемый по имеющемуся археологическому материалу вид поселения. Главная их характеристика – специализированный характер хозяйственной деятельности, маломощность культурного слоя. Можно обозначить два их типа:

1) летний (?). На стоянке происходило расщепление кремневых плиток и ограниченное изготовление орудий. Культурный слой фиксируется только по разрозненным находкам и золисто-охристым вкраплениям. Культурные остатки концентрируются отдельными скоплениями, между которыми артефакты отсутствуют. Площадь поселения может занимать более 200 м². Не исключено, что это результат наложения разных посещений древним человеком сопредельных участков. Углубленных объектов, очагов, костных конструкций не обнаружено.

Костные остатки редки и представлены преимущественно костными фрагментами одной-двух особей копытных животных, оставшимися после добычи костного мозга. Наиболее ценные в пищевом отношении части туш и костное сырье для изготовления орудий унесены за пределы стоянки.

К этому типу может относиться стоянка Быки 5.

2) холодный период обитания (?). Характеризуется преобладанием первичного расщепления кремня, ограниченной площадью распространения. Культурный слой фиксируется только по отдельным находкам и золисто-охристым вкраплениям. Изготовление орудий происходило в крайне ограниченных пределах. Углубленных ям, конструкций не обнаружено. Костные остатки редки и представлены расколотыми в целях добычи костного мозга фрагментами костей разных видов копытных животных и обязательно костными остатками пушных зверей.

К этому типу временного стойбища предварительно отнесен нижний, II культурный слой Быков 7.

По этнографическим данным как наиболее архаичная известна биполярная модель существования охотничьего хозяйства. Она характеризуется наличием на промысловом участке двух основных стойбищ, существовавших в холодный период и летнее время, и нескольких временных стоянок (Косинская, 2006). С некоторыми вариациями (!) она вполне могла существовать в эпоху позднеледниковья. Безусловно, реконструкции подобного рода чрезвычайно сложны и ограничены источниковой базой. К примеру, нам не известны доподлинно пути миграций, местонахождения других лагерей этих первобытных групп. Важно понять, почему на ограниченном участке древнего мыса в Быках наблюдаются разные типы поселений. Вероятная причина этого видится в постепенном изменении границ охотничьих участков. Если учесть, что древние охотники следовали путями миграций диких животных, то следует признать, что должны были происходить какие-то глобальные изменения в природном окружении, заставившие их сместить конечные пункты передвижений.

О том, что эти изменения происходили, свидетельствует приуроченность культурных слоев многих поселений к контакту разных литологических слоев. Наличие двух различных систем криогенеза, которые фиксируются между слоями Быков 7, на стоянке Быки 1, свидетельствует о том, что как минимум дважды периоды потепления сменялись периодами похолоданий. Возникающие периоды деградации мерзлоты, приведшие к значительным трансформациям этих поверхностей, должны были вынудить человека сменить привычное место. Неустойчивость поверхности, рост термокарста и заболоченность могли вести к смене мест обитания и разных видов животных, вплоть до гибели, к примеру, мамонтов (Величко, Зеликсон, 2006). Вариации в составе остеологических коллекций скорее указывают на разницу в хозяйственном направлении вскрытых участков, нежели свидетельствуют об изменении охотничьего уклада. Но фиксируются сдвиги в сырьевой базе костяных индустрий. Использующийся на наиболее древней Пенской стоянке в качестве исходного сырья бивень мамонта редок в коллекциях стоянок Быки 1 и Быки 7 (Ia, I). В Пенах и Быках 1 в большей степени используются при изготовлении поделок и в конструкциях кости крупных животных. В Быках 7 (Ia, I) возрастает роль костей песка и, особенно, зайца. Наблюдаются и изменения на группе этих стоянок в сторону увеличения в орудийном составе доли вкладышей охотничьего вооружения.

Важно понять, имеет ли место взаимозаменяемость и смена определенных типов поселений, обусловленная адаптацией древнего человека к меняющимся условиям природного окружения. По-

сле сопоставления хронологического и стратиграфического соотношения выделенных типов, была выдвинута следующая рабочая гипотеза: основные стоябища холодного периода типа 1 заменяются поселениями типа 2. С другой стороны, наблюдается постепенное замещение стоябищ, существовавших в холодные периоды, летними стоябищами разных типов.**

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 06-80103-а.

** Автор выражает искреннюю признательность и благодарность своим коллегам, работающим на стоянках Быки, палеозоологу Н.Д. Буровой и палеогеографу Ю.Н. Грибченко, а также Х.А. Амирханову за высказанные замечания и советы в работе над этой проблематикой.

Ахметгалеева Н.Б., 2004. Кремневый комплекс стоянки Быки 7 // Проблемы каменного века Русской равнины. М.

Ахметгалеева Н.Б., 2004. Комплекс стоянок каменного века Быки на Сейме //

Археологический альманах. Донецк. № 16.

Ахметгалеева Н.Б., 2005. Использование кости на верхнепалеолитических стоянках комплекса Быки Курской области: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Ахметгалеева Н.Б., 2007. О перспективе исследований взаимодействия окружающей природы и верхнепалеолитических коллективов по материалам стоянок Быки в Посеймье // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М.

Ахметгалеева Н.Б., Бурова Н.Д., 2008. Реконструкция функционального назначения вскрытых участков стоянки Быки 7 в Посеймье на основе зооархеологических данных // Человек. Адаптация. Культура. М.

Величко А.А., Зеликсон Э.М., 2008. Перигляциальная среда как ресурсная основа существования позднего мамонта эпохи верхнего палеолита на Восточно-Европейской равнине // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: Общее и локальное: Мат. Междунар. конф., посвящ. 125-летию открытия палеолита в Костёнках. СПб. (Тр. Костёнковско-Борщёвской археолог. экспедиции ИИМК РАН. Вып. 4.)

Григорьева Г.В., Филиппов А.К., 1978. Пенская позднепалеолитическая стоянка // СА. № 4.

Косинская Л.Л., 2006. Взгляд археолога на Западно-Сибирскую этнографию: некоторые аспекты археологических реконструкций // ТАС. Вып. 6. Т. 1.

Чубур А.А., 2001. Быки: Новый палеолитический микро-регион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. Брянск.

Е.В. Беляева

Институт истории материальной культуры РАН

Ашельские бифасы Армянского нагорья

1. Армянское нагорье является одним из трех крупных Переднеазиатских нагорий, занимая промежуточное положение между Иранским и Анатолийским нагорьями. Эта территория выделяется как крупный водораздельный горный узел и характеризуется сочетанием складчато-глыбовых хребтов, тектонических впадин и вулканических плоскогорий с насаженными конусами потухших вулканов. Через территорию Армянского нагорья проходит Транскавказское поперечное поднятие, являющееся продолжением Африкано-левантийской рифтовой зоны. Судя по открытию на северной оконечности нагорья древнейшей в Евразии стоянки Дманиси (около 1, 8 млн. л. н.) с остатками *Homo ergaster* и индустрией преолдованского облика, данная область изначально вошла в состав евразийской палеолитической ойкумены. Миграции ранних гоминид в этом направлении были обусловлены, очевидно, соответствующим распространением благоприятных для

них полуоткрытых ландшафтов и вулканических пород, являющихся хорошим сырьем для изготовления орудий.

2. Последующее заселение Армянского нагорья носителями ашельских индустрий подтверждается большим количеством найденных здесь ашельских бифасов. Основная масса этих находок происходит из северной части нагорья, преимущественно из Армении и, отчасти, из Грузии, но эта картина может отражать, главным образом, весьма ограниченную и крайне неравномерную изученность этой территории. Иранская, азербайджанская (Нахичевань) и турецкая части Армянского нагорья пока почти не изучены. На сегодня в пределах Армянского нагорья известны 3 главных района распространения ашельских бифасов. Первым еще в начале позапрошлого века было открыто местонахождение Сатани-дар в подножье горы Артени, на юго-западных склонах вулканического массива Арагац. Около трех де-

сятков местонахождений обнаружено на западной окраине Гегамского нагорья вдоль долины р. Раздан и примерно столько же удалось найти к настоящему времени на самом севере, на Ахалкалакско-Джавахетском нагорье. Бифасы разданских местонахождений, как и сопровождающие находки, сделаны из обсидиана местных вулканических источников. Преобладает местное обсидиановое сырье и в Сатани-даре, но часть бифасов изготовлена из дацита. Бифасы Ахалкалакско-Джавахетского нагорья производились исключительно из местного дацита и, реже, андезита. Таким образом, выделяются две основные сырьевые зоны – южная обсидиановая и северная дацитовая. Единичные бифасы в турецкой части Армянского нагорья найдены в районе Карского плоскогорья, граничащего с Ахалкалакско-Джавахетским районом, и изготовлены, по разным данным, из трахита или базальта. В целом, по абсолютному преобладанию вулканических пород сырьевая база ашельских индустрий Армянского нагорья сопоставима только с родиной ашеля – Восточной Африкой. Благодаря этому в обоих регионах отмечается не характерное для других сырьевых районов обилие частичных бифасов, изготовленных на крупных отщеповых заготовках.

3. Основная масса ашельских бифасов Армянского нагорья по своим технико-типологическим характеристикам относится к верхнему ашелю. Это, главным образом, тонкие бифасы, отличающиеся стремлением к правильным формам – сердцевидным, овальным, подтреугольным, – а также ровными, довольно тщательно отделанными лезвиями. Имеются своеобразные «арковидные» формы с субпараллельными лезвиями и закругленным концом, а также бифасы с поперечным лезвием. Как в обсидиановой, так и в дацитовой зонах эти бифасы сопровождаются леваллуазскими продуктами расщепления – отщепами, крупными пластинами и соответствующими плоскими и полуобъемными нуклеусами. Этот леваллуазский контекст верхнеашельских бифасов четко зафиксирован в комплексе недавно открытой стоянки Даштадем 3. Леваллуазские приемы расщепления распространялись и на производство бифасов: обработка их во многих случаях велась с использованием временных площадок на продольных или, реже, поперечных краях, с которых снимались крупные уплощающие и утончающие сколы. Наблюдаются также различия в технологиях получения бифасов, связанные с качествами сырья. В дацитовой зоне многие бифасы изготовлены на естественных плитчатых отдельностях или крупных отщепках, снятых с огромных нуклеусов-блоков, и обработаны лишь частично. В обсидиановой зоне частичные бифасы на отщепках встречаются значительно реже.

Это объясняется, вероятно, редкостью плитчатых форм и меньшими в целом размерами отдельностей обсидианового сырья, что почти не позволяло снимать крупные отщепы. Большая степень хрупкости обсидиана также не благоприятствовала получению из него крупных и тонких заготовок. Этим же обусловлен, очевидно, более высокий в среднем индекс массивности обсидиановых бифасов при сравнении их с дацитовыми образцами, что зафиксировано при анализе коллекции Сатани-дара.

4. Наряду с описанными выше верхнеашельскими бифасами на открытых недавно Армяно-Российской экспедицией местонахождениях юго-восточных предгорий Джавахетского хребта (дацитовая зона) удалось обнаружить явно более архаичные формы бифасов, отличающиеся от более поздних форм и повышенной степенью выветривания поверхности. Это крупноразмерные, как правило, и очень массивные миндалевидные или субовальные бифасы, обработанные небольшим количеством снятий. Они изготавливались из уплощенных отдельностей дацита или, как прослежено в одном случае, вулканических бомб. Отщеповые заготовки не отмечены, не использовался и прием площадочного уплощения корпуса орудий. По характеру обработки и выветривания поверхности с этими бифасами ассоциируются крупные поперечно-лезвийные орудия на плитчатых кусках породы, очень массивные клювовидные формы и пиковидные орудия с подтреугольным или куполовидным сечением. В последние годы в данном районе открыты первые на Армянском нагорье стратифицированные нижнепалеолитические памятники, среди которых есть такой, где под слоями с верхнеашельским материалом залегают нелеваллуазские индустрии с более архаичными формами (пиковидные орудия, чопперы и т. п.). Небольшой пока раскоп в Мурадово не доставил описываемых архаичных бифасов, но установление их стратиграфического и индустриального контекста, очевидно, не за горами. Помимо бифасов, явно более древних, нежели преобладающие верхнеашельские типы, в исследованном районе встречаются и мелкие (менее 6–7 см в длину) бифасиальные орудия. Они порой представляют собой уменьшенные копии типичных верхнеашельских бифасов, но часто имеют неправильные очертания и оформлены очень небрежно. Можно полагать, что это самый финал ашеля, тем более что сходные бифасы были встречены в нижнем слое пещерной стоянки Лусакерт 1, выше которого залегает типичный средний палеолит.

5. Хронология, географическое распространение и плотность характерных для ашеля находок ясно свидетельствуют о возникновении его на Африканском континенте примерно 1,7 млн. л. н. и после-

дующем распространении вначале в приафриканские районы Западной Азии, а затем уже и в южную Европу (Испания, Южная Франция, Италия), и на более удаленные территории, вплоть до Индии и Китая. Как отмечают многие исследователи, ареал индустрий с бифасами зависел не только от предпочитаемой их создателями географической среды, но и от наличия крупноразмерного каменного сырья, допускавшего изготовление этих орудий. В Леванте, где пришельцы из Африки обнаружили изобилие хорошего кремня, существовали многочисленные и разновозрастные ашельские стоянки, которые уже доставили многие тысячи бифасов. В Италии же, например, где качественное и, главное, крупноразмерное сырье встречается не слишком часто, ашельские стоянки содержат мало бифасов, причем отмечены даже случаи изготовления бифасов из кости. Сильная зависимость ашельских индустрий от сырьевой базы подтверждается и тем, что само возникновение и развитие ашеля в Восточной Африке происходило, главным образом, на базе вулканических пород. Недаром также, выйдя за пределы этой сырьевой базы, ашельские индустрии в большинстве своем довольно быстро утратили или почти утратили такой характерный для африканского ашеля «спутник» бифасов, как кливер, требующий крупных отщепов из хорошо обрабатывающегося и прочного сырья. Армянское нагорье предоставляло такое сырье, но настоящих кливеров там почти нет, поскольку пришедший туда ашель уже трансформировался, очевидно приспособившись к преобладающему в Леванте кремнево-желвачному сырью. Повторная трансформация с переходом от кремня к вулканическому сырью, несомненно, способство-

вала формированию определенной региональной специфики местных индустрий, черты которой видны и в других кавказских ашельских индустриях за пределами вулканической области (обилие частичных бифасов, бифасы с субпараллельными краями, обушковые бифасы и т. п.). В то же время, по мере удаления от Армянского вулканического нагорья к северу, в районы с иными видами разнокачественного сырья (кремь, окремненный известняк, песчаник, сланец и т. п.), бифасный компонент кавказского ашеля испытывает постепенную количественную и качественную деградацию – несмотря на наличие нескольких весьма совершенных образцов.

б. Как нам представляется, вся совокупность наших сегодняшних знаний свидетельствует в пользу ближневосточных истоков ашельских индустрий Армянского нагорья и Кавказа в целом. Ранний ашель типа комплексов Убейдии с ярко выраженными африканскими чертами сюда, по-видимому, не распространился, ибо даже несмотря на выявление пиковидных форм, весь соответствующий набор типов все же отсутствует. В то же время, наиболее архаичные бифасы Армянского нагорья находят близкие аналогии в приморской фации среднего ашеля Сирии. Дальнейшее развитие местного ашеля в виде ашеля фации леваллуа и финальный этап с измельчением бифасных форм также соответствуют стадиям эволюции ашеля Сирии, соседствующей с Армянским нагорьем на юге. Несоответствие по ряду аспектов – обилие частичных бифасов на отщепах, отдельные специфические формы, пластинчатое леваллуа и т. п., – как уже говорилось выше, вполне объяснимо в рамках влияния сырьевого фактора и формирования региональных традиций.

**Н.С. Березина¹, А.Ю. Березин², М.Ш. Галимова³,
А.А. Хисьяметдинова⁴, А.А. Чурбанов⁵**

¹ Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чебоксары

² Чувашское естественноисторическое общество «Terra incognita», Чебоксары

³ Институт истории АН Республики Татарстан, Казань

⁴ ФГУ «Средволгаводхоз», Казань

⁵ Казанский государственный университет, Казань

Верхнепалеолитическая стоянка-мастерская Шолма I в Чувашии: палеогеография, промысловая фауна и жизнеобеспечение*

Стоянка-мастерская Шолма I расположена на северо-восточной окраине Приволжской возвышенности, в месте слияния Большого и Малого Цивилей. Река Цивиль является правым притоком Волги, имеет широкую разработанную долину. Стоянка располагается у южного подножия горы Шолма на р. Малый Цивиль. Гора Шолма (абс. отм. 90 м) представляет собой денудационный останец, сложенный верхнепермскими породами татарского яруса.

Западный склон гряды погребен под мощной толщей лессовых покровных образований с пологонаклонной выровненной поверхностью. Восточный склон, благодаря подмыву р. М. Цивиль, крутой (40–50°, местами до 70°), покрыт древесной растительностью. Юго-восточная оконечность гряды прорезана огромным промышленным карьером с оплывшими стенками, теперь не разрабатываемого. Здесь в естественных обнажениях вскрываются полого падающие к северу (7–10°) верхнепермские породы. Внизу залегают светло-зеленые мергели, известняки, доломиты с желваками, конкрециями и линзами кремней, вверху – красно-малиновые и светло-желтые аргиллиты, песчаники, алевролиты.

Раскопками 2007 г. выявлено, что культурный слой стоянки приурочен к горизонту погребенной почвы. Нижняя часть палеопочвы (гумусированный зеленовато-серый лесс), являющаяся подстилающей основой культурного слоя, заполняет клиновидные первично-грунтовые жилы, верхняя – представляет собой гумусовый горизонт, включающий артефакты, зубы и обломки костей лошади. Кровля почвы осложнена деформированными псевдоморфозами по ледяным клиньям в виде тонких жил шириной 1–3 см, длиной 0,4–0,7 м. Жилы выполнены кроющим лессом, но в отличие от него имеют более яркую красную окраску.

Горизонт погребенной почвы заключен между двумя лессовыми толщами. Нижняя толща (5–6 м), сложенная однородным, без признаков слоистости

и минеральных включений, оливковым лессом, является материнским субстратом палеопочвы. Перекрывающая ее верхняя толща (0,6–1,2 м) буровато-красного лесса контрастно отличается от оливкового лесса по ряду признаков: цвету, более глинистому составу, включению обломков коренных пород, линзам аквальных суглинков и песка (0,4 м) и коллювиального мучнистого щебня (0,2–0,6 м), более значительной криогенной проработке и наличию трещин усыхания. Завершающая разрез современная (голоценовая) почва (0,6–0,8 м) имеет облекающий характер.

Нижняя и верхняя лессовые толщи разреза отвечают ледниковым горизонтам, а заключенная между ними погребенная почва с культурным слоем – межледниковью или межстадиалу. Формирование лессовых отложений происходило в перигляциальных условиях. Резкие отличия осадков по литологии и цвету свидетельствуют о существенных изменениях палеоклиматической обстановки, о различных источниках лессовых толщ и о постседиментационных процессах (Бутаков, Глейзер, 1990). Верхняя толща формировалась при более холодных, с большими перепадами температур, условиях. Криогенная проработка верхней толщи более значительна (Бутаков, 1986). Необходимо выявление геологических критериев для корреляции этого разреза с изученными разрезами и верхнепалеолитическими стоянками сопредельных территорий (Хисьяметдинова, 2007).

Изучение малакофауны погребенной почвы выявило относительно большое количество раковин моллюсков одного вида – *Vallonia costata* (Mull.), которые обычно обитают в сильно влажных местах, в подстилке широколиственного леса. Это позволило нам предположить формирование палеопочвы в теплом время.

Местоположение стоянки было очень удобным: довольно ровная площадка на рыхлой породе, при-

мыкающая к коренному склону южной экспозиции. Место стоянки защищено склоном горы от холодных северных ветров, и к тому же хорошо прогревается солнцем. Источник каменного сырья расположен в 100 м от поселения. Через реку можно было переправляться по перекатам.

Жизнедеятельность древних людей определила морфологию погребенной почвы (увеличение мощности, неровности подошвы пласта). На месте поселения грунт имеет более черную окраску (что связано с большим содержанием гумуса), обладает большей пластичностью, вязкостью, проницаемостью. Эти свойства проявились и в постседиментационных процессах, т. е. после того как люди покинули это место, а почва перешла в погребенное состояние. Мерзлотные процессы, происходившие во время накопления буровато-красного лесса, максимально проявились на месте поселения и в меньшей степени – за его пределами.

В обнажениях верхнепермских пород – пластах плотного, комковатого, тонкокристаллического доломита серого цвета, с мелкими вкраплениями темно-серого кальцита и редкими вкраплениями малахита, – наблюдаются включения кремневых конкреций. Их размеры достигают нескольких десятков сантиметров. Кремни от светло-серого, бледно-коричневого до бурого цвета, с темно-серыми пятнами; довольно часто внутри конкреций встречаются реликты материнской породы. По техническим свойствам кремни плотные, но колкие, раскалываются на мелкие осколки. Светлые разновидности кремня более однородные и дают более крупные осколки. Кремневые артефакты со стоянки Шолма I соответствуют кремням изученного обнажения.

Вопросы степени доступности и качества каменного сырья, а также оценки длительности бытования памятников, являются основными в процессе реконструкции системы жизнеобеспечения и природопользования первобытных сообществ разного ранга (Леонова и др., 2006; Кононенко и др., 2003). Недостаточно высокое качество кремня (в форме крупных желваков) в сочетании с доступностью выходов сырья обусловило технологию его расщепления и облик каменной индустрии обитателей стоянки Шолма I. Большое число аморфных кусков, сколов-отходов, массивных отщепов и аморфных пластин позволяет отнести исследуемый памятник (по крайней мере, в раскопанной части) к стоянкам-мастерским. Высокая вероятность неконтролируемого раскалывания шолминского кремневого сырья обусловила присутствие в коллекции большого числа нетипичных, индивидуальных по форме изделий, часто сочетающих в себе признаки разнотипных орудий. Вместе с тем, обилие костей лошади и при-

сутствие в культурном слое определенных частей скелета говорит, вероятно, о том, что стоянка была достаточно долговременной, поскольку добычу неоднократно приносили в уже разделанном виде. Иными словами, стоянка была не только местом добычи и обработки кремневых желваков, но и поселением.

Специализированная охота на лошадей была основой системы жизнеобеспечения обитателей Шолмы, которые изготавливали и успешно применяли составное метательное оружие с кремневыми вкладышами-трапециями. Производство костяной основы (как правило, из костей ног копытных) и мелких геометрических микролитов (из узких ножевидных пластин) требовало от людей освоения достаточно прогрессивных технологий. Трасологическое изучение кремневых изделий выявило достаточно широкий спектр трудовых операций, имевших место на стоянке. Основными направлениями хозяйственной деятельности ее обитателей были, кроме охоты и разделки добычи, обработка кости и дерева (рубка, прорезание пазов, скобление), выделка шкур и т. д. Для этого использовались как специально оформленные типы орудий (скребки концевые, резцы ретушные, пластины с ретушированным краем и пр.), так и подручные сколы с естественными режущими и аккомодационными краями.

Остеологический материал стоянки состоит из 150 фрагментов, целых костей и зубов лошади. Имеются крупные фрагменты, в том числе целые фаланги передних и задних ног, лопатки, ребра и позвонки, фрагменты черепа, верхние и нижние зубы и их фрагменты, принадлежащие разным особям. Все крупные трубчатые кости ног лошади сильно раздроблены. Не обнаружены остатки типично холодолюбивых животных: мамонта, северного оленя, песца.

Изучение морфологии зубов и костей шолминской лошади позволили нам отметить ее отличия от известных верхнеплейстоценовых лошадей Русской равнины – широкопалой и уральской.

Приуроченность участка культурного слоя с повышенной мощностью (предположительно, жилища) к мерзлотной западине, видимо, не случайна и связана с сознательным выбором в хозяйственных целях. Аналогичная картина наблюдалась на стоянках Быки (Ахметгалеева, 2007). В дальнейшем, с увеличением раскопанной площади, данные планиграфии стоянки Шолма I в сочетании с технологическим и трасологическим анализом инвентаря позволят приблизиться к реконструкции общей стратегии природопользования верхнепалеолитического населения Волго-Камья. Воссоздание природной среды верхнего и финального палеолита региона (ланд-

шафтов и охотничьей фауны) с помощью методов естественных наук, в свою очередь, может сыграть важную роль в выявлении факторов, формирующих облик каменных индустрий (Сорокин, 2006).

* Исследования проведены частично при финансовой поддержке РФФИ (проект 07-06-00169-а).

Ахметгалеева Н.Б., 2007. О перспективе исследований взаимодействия окружающей природы и верхнепалеолитических коллективов по материалам стоянок Быки в Посеймье // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М.

Бутаков Г.П., 1986. Плейстоценовый перигляциал на востоке Русской равнины. Казань.

Бутаков Г.П., Глейзер И.В., 1990. Ритмичность лессово-почвенных образований и последовательность событий в цикле перигляциал-межледниковье на востоке Русской равнины // Тез. докл. Междунар. симпозиума

«Четвертичная стратиграфия и события Евразии и Тихоокеанского региона». Якутск.

Кононенко Н.А., Кадзивара Х., Гарковик А.В., Короткий А.М., Кононенко А.В., Екояма Ю., Такахара Е., 2003. Охотники-собиратели бассейна Японского моря на рубеже плейстоцена – голоцена. Новосибирск.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А., 2006. Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье). М.

Сорокин А.Н., 2006. К проблеме финального палеолита Центральной России // РА. № 4.

Хисьяметдинова А.А., 2007. Новая интерпретация стратиграфической схемы антропогенных отложений востока Русской Равнины Г.П. Бутакова // Развитие рельефа равнин: геоморфологические и геоэкологические проблемы. Казань.

Н.Б. Васильева, Л.С. Андрианова

Областной центр детско-юношеского туризма и экскурсий, Вологда

Н.В. Косорукова

Череповецкий государственный университет

Орудийная деятельность мезолитического населения Молого-Шекснинского междуречья и Сухонско-Кубенского бассейна

Изучение мезолита Центральной части Европейского Севера началось в 1940–1950-е гг. с исследований А.Я. Брюсова (1961. С. 157). К настоящему времени для Молого-Шекснинского междуречья и Сухонско-Кубенского бассейна существует обширная, хорошо документированная источниковая база. Типологические исследования авторов раскопок позволили подойти к пониманию историко-культурных процессов в регионе в мезолитическую эпоху. Создана хронология мезолитических памятников, определены пути заселения региона.

Регион Молого-Шекснинского междуречья занимает довольно обширную территорию, протяженность которой с запада на восток и с севера на юг составляет примерно 250 км. Молога и Шексна являются притоками Волги, таким образом, регион относится к Волжскому бассейну. В Молого-Шекснинском междуречье за последние 20 лет работами Череповецкого отряда Сухонской экспедиции под руководством Н.В. Косоруковой выявлено

порядка 60 памятников мезолитического периода, из них 15 обследовано раскопками. По характеру каменной индустрии памятники подразделяются на два типа: с пластинчатой индустрией (типа Лотовой Горы) и с отщепово-пластинчатой (типа Андозеро-М) (Косорукова, 2000. С. 92.). Стоянка Лотова Гора, по мнению Л.В. Кольцова и М.Г. Жилина, относится к памятникам бутовской культуры и включена в список бутовских памятников бассейна Волги (Кольцов, Жилин, 1999. С. 41). Анализ каменной индустрии привел Н.В. Косорукову к выводу, что памятники типа Лотовой Горы предшествуют памятникам типа Андозеро-М. Трансформация каменной индустрии заключается в постепенном уменьшении пластинчатости комплексов каменных изделий. Основой этого процесса Н.В. Косорукова считает переход населения от приносного кремня высокого качества к местному низкокачественному сырью. Пути проникновения древнейшего населения в Молого-Шекснинский район могли изначально

но иметь как южное (через бассейн Верхней Волги), так и западное (через Волжско-Балтийский водораздел) направление (Косорукова, 1997. С. 18, 19).

Бассейн р. Кубена располагается к юго-востоку от Онежского оз., занимая пространство между Восточным Прионежьем (Озерным краем) и бассейном р. Сухоны. Сухона – самая длинная и многоводная из рек Вологодской обл. Истоки Кубены лежат в пределах Архангельской обл., на Коношско-Няндомских высотах, она впадает в Кубенское оз., из которого вытекает Сухона. Таким образом, обе реки принадлежат бассейну Белого моря. Археологическое изучение бассейна р. Кубены и берегов Сухоны было начато в конце 1970-х гг. С.В. Ошибкиной, которая, проводя обследование восточного берега Кубенского оз., зафиксировала в устье р. Кубены семь стоянок каменного века. Исследователь отметила сходство обнаруженных материалов с инвентарем мезолитических стоянок на средней Сухоне и предварительно датировала их поздним мезолитом (Ошибкина, 1989. С. 32–45). На Сухоне в результате раскопок нескольких мезолитических стоянок была выделена сухонская мезолитическая культура, обладающая определенным своеобразием в сравнении со стоянками Восточного Прионежья (Ошибкина, 1983. С. 36–38).

В конце 1980-х гг. череповецкий археолог А.В. Кудряшов провел обследование верхнего и среднего течения р. Кубены и отдельных участков кубенского бассейна. (Андрианова, 2006б. С. 7). С 1994 г. исследования в бассейне р. Кубены и Сухоны ведет Сухонско-Кубенская экспедиция под руководством Л.С. Андриановой. Результатом исследований стало выявление более 30 мезолитических памятников. По мнению Л.С. Андриановой, топография стоянок, типологический состав находок, технология расщепления кремня свидетельствуют о достаточно позднем заселении кубенского бассейна (вторая половина бореала/атлантикум). Наиболее ранние материалы получены при раскопках мезолитической стоянки Боровиково 2М и нижней части культурного слоя многослойного поселения Боровиково. Полученные материалы соотносятся с инвентарем бутовских стоянок середины – второй половины VII тыс. до н. э. (Андрианова, 2006б. С. 7). Некоторые кубенские памятники с кремнево-сланцевым инвентарем обнаруживают сходство с материалами позднемезолитических стоянок типа Андозеро-М в Молого-Шекснинском междуречье и, по-видимому, продолжают традиции культуры веретье: Машутиха 2 (Котовский Мыс), Боровиково (верхний мезолитический комплекс, датированный 7940 ± 120), Боровиково А (7270 ± 130 , 7450 ± 40 , 7580 ± 45) (Андрианова, 2006а. С. 56). Стоянка Побоищное 1 на нижней Су-

хоне, по некоторым признакам, является одной из наиболее ранних в регионе. По мнению Л.С. Андриановой, материалы стоянки Побоищное 1 по ряду показателей занимают промежуточное положение, сочетая признаки сухонской культуры и памятников приуральской традиции (Андрианова, Васильева, 2000. С. 104).

В данной работе приводятся результаты функционально-трассологического анализа каменных изделий ряда мезолитических стоянок Молого-Шекснинского междуречья и Сухонско-Кубенского бассейна. К наиболее ранним относятся материалы стоянок Побоищное 1 (9450 ± 100 BP (Ле-5530), или $8950-8260$ cal. BC), Боровиково 2М, Марьино 4 (Андрианова, Васильева, 2000; Косорукова, 1997). Средний этап мезолита представлен материалами стоянок Крутой Берег, Лиственка 3Б (Косорукова, 1997. С. 17, 18). Наиболее поздние материалы происходят со стоянок Сазоново 10 (Там же), Машутиха А и Машутиха Б, а также Котовский Мыс (Андрианова, 2006б. С. 7, 8).

Все рассматриваемые в работе стоянки являются «дюнными», с песчаным культурным слоем, не сохраняющим органические остатки. В этом случае единственным источником для исследования становятся каменные орудия. На основе трассологического изучения поверхности каменных орудий (Семенов, 1957; Коробкова, 1994; Корбкова, Щелинский, 1996) на каждой стоянке был выделен комплекс изделий со следами утилизации от выполнения ими какой-либо функции. Данные о функциональном назначении сопоставлялись с результатами традиционного типологического определения каменных артефактов. В итоге были выделены морфологические группы, имеющие устойчивую взаимосвязь с выполняемой функцией, и использовавшиеся более вариативно. Практически во всех комплексах ведущую роль среди изделий со следами утилизации играют ножевидные пластинки без ретушной подправки. Большая часть их задействована в работе как разделочные ножи. Достаточно часто они также составляют большие серии вкладышей метательного оружия. Диапазон выполняемых работ для ножевидных пластинок очень широк, они применялись практически во всех видах работ, связанных с обработкой различных видов материалов. В целом можно охарактеризовать производство пластинчатых заготовок как наиболее стандартизованное и связанное преимущественно с работами по мягким материалам. Объясняется этот факт достаточно логично тем, что многие такие инструменты были вкладышевыми, следовательно, были связаны с рукоятями определенного вида. Обращает на себя внимание устойчивая взаимосвязь такой категории, как пластинки с притуплен-

ным краем, и реже встречающиеся с притупленным концом. Такие изделия чаще всего использовались как вкладыши метательного оружия. Встречаются случаи использования пластин с притупляющей ретушью в качестве резцов. Заметна устойчивая взаимосвязь между типологической категорией скребков и выполняемой ими функцией по очистке шкур животных от мездры. В комплексах некоторых стоянок отмечены случаи использования скребков для скобления твердых материалов. Вероятно, логично будет определить изготовление скребков как орудий, предназначенных для стандартных производственных операций.

Довольно часто в коллекциях можно отметить использование технологически определимых сколов (ребристых, первичных, массивных сколов подправки фронта нуклеуса) для работы, главным образом, по твердым природным материалам, в качестве строгальных ножей, пилок, сверл. Такие изделия отличались от основной массы пластин большей массивностью, поэтому были более устойчивы при обработке твердого сырья. В различных операциях использовались такие типы изделий, как отщепы, скобели, иногда – куски кремня со следами снятий. Такие изделия использовались в различных видах работ, но преимущественно по твердым материалам – дереву, кости, рогу. Можно предположить, что для обработки этих материалов преимущественно применялись орудия, не связанные с рукоятями, поэтому очертания их могли быть более произвольными. В целом можно отметить взаимосвязь изделий из ретушированных отщепов с работами по твердым органическим материалам. Полученные данные могут объяснять отмеченную Н.В. Косоруковой тенденцию повышения роли изделий из отщепов на позднемезолитических комплексах (Косорукова, 1997) увеличением объемов работ, связанных с дерево- и костеобрабатывающими операциями.

Данные выводы вполне сопоставимы с результатами функционально-траасологического исследования каменных орудий бутовской культуры и ряда памятников иеневской традиции (Жилин, Мирецкий, 1991. С. 158; Кравцов, Жилин, 1995. С. 145, 146).

К числу функциональных групп, представленных одним или одним преобладающим видом орудий, отнесены вкладыши охотничьего оружия, разделочные ножи, проколки, топоры, скребки, скобели, резцы и некоторые другие типы. Выделяются типы орудий, которые можно считать полифункциональными.

Проведено сопоставление результатов функционального определения мезолитических орудий

Молого-Шекснинского междуречья и Сухонско-Кубенского бассейна и некоторых стоянок Карелии (Филатова, 2004. С. 79–81). Многие черты орудийного набора сходны для стоянок двух регионов.

Показательно, что традиции использования орудий сходны на стоянках различных культурных традиций и достаточно устойчивы во времени. Отмечаются некоторые различия в орудийном наборе на стоянках Верхнего Поволжья и исследуемого региона, например, в составе орудий для обработки шкур (Жилин, 2004. С. 62). Для территории Карелии отмечается значительное преобладание и большее разнообразие деревообрабатывающих орудий. Выделение таких отличительных черт существенно дополняет наши представления о древних производствах в целом. Детализированное сопоставление традиций использования орудийных форм может служить весомым дополнением к характеристике археологических культур и производственных комплексов.

- Андреанова Л.С., Васильева Н.Б., 2000. Мезолитическая стоянка Побойшное I на нижней Сухоне // ТАС. Вып. 4. Т. 1.
- Андреанова Л.С., 2006а. Мезолитические стоянки на реке Кубене // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной интерпретации. Соловки.
- Андреанова Л.С., 2006б. Кубенские стоянки в контексте мезолитических культур лесной зоны Восточной Европы // II Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск.
- Брюсов А.Я., 1961. Караваевская стоянка // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда.
- Жилин М.Г., Мирецкий А.В., 1991. Мезолитическая стоянка Хрипелево I на Верхней Волге // СА. № 2.
- Жилин М.Г., 2004. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.
- Кольцов Л.В., Жилин М.Г., 1999. Мезолит Волго-Окского междуречья: Памятники бутовской культуры. М.
- Коробкова Г.Ф., 1994. Экспериментально-траасологические разработки как комплексное исследование в археологии // Экспериментально-траасологические исследования в археологии. СПб.
- Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е., 1996. Методика микро- и макроанализа древних орудий труда. СПб. Ч. 1.
- Косорукова Н.В., 1997. Мезолит Молого-Шекснинского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Череповец.
- Косорукова Н.В., 2000. Мезолитические памятники в бассейне Шексны (хронология памятников и характеристика развития каменной индустрии) // ТАС. Т. 1.
- Кравцов А.Е., Жилин М.Г., 1995. Опыт функционально-

- планиграфического анализа мезолитической стоянки Беливо 4Г северная // РА. № 2.
- Ошибкина С.В., 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.
- Ошибкина С.В., 1989. Мезолит центральных и северо-восточных районов Севера Европейской части СССР // Мезолит СССР. М. (Археология СССР.)
- Семенов С.А., 1957. Первобытная техника // МИА. № 54.
- Филатова В.Ф., 2004. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск.

Е.В. Воскресенская¹, К.Н. Гаврилов², Е.Ю. Новенко¹

¹ Институт географии РАН, Москва

² Институт археологии РАН

Позднепалеолитическая стоянка Хотылёво 2: структура поселения, материальная культура и условия осадконакопления

Позднепалеолитический памятник Хотылёво 2 был открыт Ф.М. Заверняевым в 1966 г. Поселение расположено на мысовом выступе высокого коренного берега Десны, в 17 м над урезом реки, и ограничено двумя крупными балками с востока и запада. Культурный слой Хотылёво 2 зафиксирован в четырех пунктах, получивших обозначения в буквах славянского алфавита от А до Г, приуроченных к центральной и западной частям мыса. В настоящее время на достаточно большой площади изучен лишь пункт А, где раскопами Ф.М. Заверняева и К.Н. Гаврилова вскрыто около 700 м². Пункт Б изучен на площади 80 м². Остальные пункты выявлены в ходе рекогносцировочных работ. Наиболее интересным с точки зрения перспектив исследований является пункт В, на участке которого обнаружены объекты предположительно культового характера (Воскресенская, Гаврилов, 2006).

Вмещающая культурный слой толща делювиально-склоновых лессовидных супесей по времени накопления соответствует последнему ледниково-межледниковому циклу (Величко и др., 1977). Мощность отложений на пунктах А и Б несколько отличается – 6,35 и 5,3 м соответственно, – но стратиграфическая последовательность напластований на разных участках памятника очень схожа (рис. 1). Коренные породы здесь представлены выветрелым мелом-суркой, содержащим прослой плитчатого черновато-синего кремня. На мелу залегает перотложенный материал мезинской и брянской палеопочв – гумусированные буровато-коричневые и серые суглинки с включениями меловой крошки и кремневых обломков. То, что вся пачка отложений, соответствующая по времени накопления микулинскому межледниковью и первой половине валдайского оледенения, имеет мощность все-

го 1,5 м – свидетельство интенсивных склоново-криогенных процессов, происходивших в период, предшествовавший заселению мыса в позднем палеолите. Горизонт с находками уже не несет следов деформаций склоновыми процессами и в целом залегает субгоризонтально. В пределах периферийной части памятника он связан с прослоем обогащенного органикой карбонатного коричневатого-палевого суглинка, который разбит небольшими трещинами на микрополигоны диаметром 15–20 см. К узлам полигонов часто приурочены крупные кости и изделия из кремня. В пределах углисто-охристых скоплений данный уровень замещается углисто-зольной массой. Выше основного уровня концентрации находок отмечаются скопления костной трухи и редкие обломки выветрелых крупных костей. Выше, в серовато-бурой супеси, прослеживаются линзы и прослои светлого тонкозернистого песка: в конце обитания здесь человека или сразу после того, как стоянка была оставлена, на данном участке с большей интенсивностью возобновился процесс накопления лессовидных отложений. Захоронение культурного слоя происходило достаточно быстро, что обусловило хорошую сохранность находок. Накопление слоистых лессовидных супесей, перекрывающих культурный слой стоянки, не было непрерывным – в разрезе памятника в виде горизонтов оглеения и слабого почвообразования фиксируются перерывы в осадконакоплении. Лессовидные супеси послужили материнской породой для голоценовой почвы, в гумусовом горизонте которой залегает культурный слой раннежелезного века.

В полученных спорово-пыльцевых спектрах из отложений памятника Хотылёво 2 доминирует пыльца представителей семейства *Cichoriaceae*, что обычно для лессовых разрезов (рис. 1). Содержание

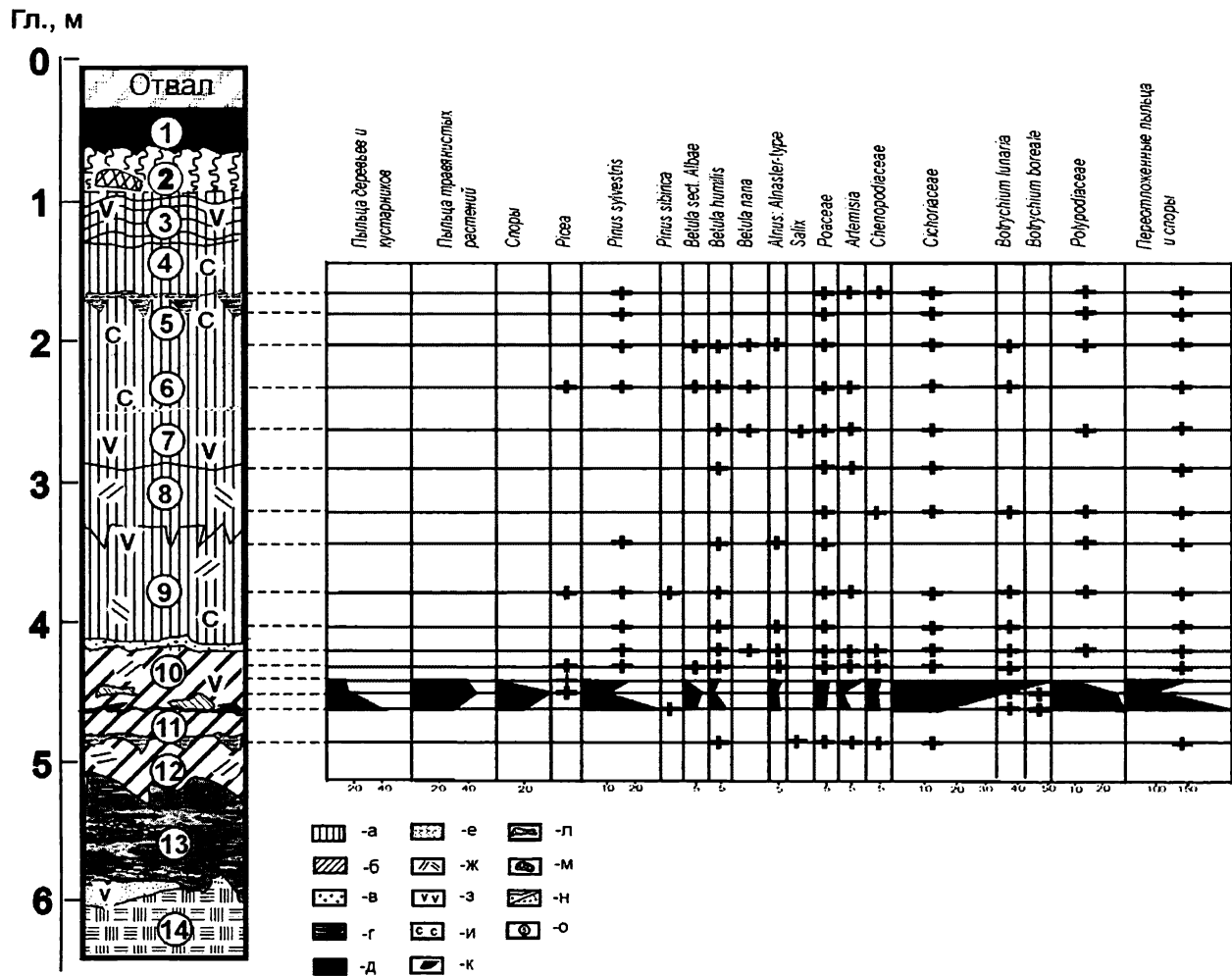

Рис. 1. Хотылёво 2. Стратиграфическая колонка и спорово-пыльцевая диаграмма. Условные обозначения: а – супесь лессовая, б – суглинок, в – песок, г – гумусированный суглинок, д – гумусовый горизонт современной почвы, е – иллювиальный горизонт современной почвы, ж – оглеение, з – ожелезнение, и – карбонаты, к – кремни, л – кости, м – кротовины, н – границы слоев: а) четкие, б) нечеткие, о – номера слоев

пыльцы древесных пород и кустарников, представленных бореальными и аркто-бореальными видами, невелико (9–24%).

Ископаемая флора разреза включает 34 таксона (Зеликсон, Монозон, 1974, Novenko, 2006). Основную часть выявленных таксонов составляют умеренно термофильные растения, мезофиты и гигромезофиты, в основном лугово-лесные виды (*Pinus sylvestris*, *P. sibirica*, *Betula sect. Albae*, *Picea abies*, *Larix*, *Lycopodium clavatum*, *L. complanatum*, *L. inundatum*, *L. selago*, *Pteridium aquilinum*, *Cystopteris sudetica*). Около трети видов ископаемой флоры составляют растения нарушенных грунтов (*Chenopodium acuminatum*, *Ch. album*, *Corispermum sibiricum*, *Saxifraga* и др.). Отмечено присутствие ксерофитов, мезоксерофитов и ксерогалофитов (*Eurotia ceratoides*, *Kochia prostrata*, *Atriplex patula*, *Scabiosa*, *Ephedra*, *Atriplex tatarica*, *Atriplex patula*).

К микротермным растениям относятся *Alnaster fruticosus*, *Betula nana*, *Botrychium boreale*.

Результаты палинологических исследований и анализ ископаемой флоры позволяют нам сделать вывод, что растительный покров в эпоху обитания древнего человека имел мозаичную структуру. На водораздельных пространствах распространялись перигляциально-степные ценозы в сочетании с сообществами на участках с нарушенным или несформированным почвенным покровом. Пониженные участки занимали влажные, иногда засоленные луга. В долине реки существовали лесные ценозы и заросли кустарников.

Для культурного слоя Хотылёво 2 по костям и зубам мамонта и костному углю радиоуглеродным методом получена серия датировок в интервале от 24960±400 л. н. (ИГРАН-73) до 21680±160 л. н. (ГИН-8886) (Величко и др., 1999).

По типологическим характеристикам предметов материальной культуры памятник относится к восточному граветту. Наиболее специфичная «граветтская» черта Хотылёво 2 заключается в присутствии в кремневом инвентаре выразительных серий острий микрограветт и вашон. Среди пластинок и микропластин с притупленным краем имеются так называемые «пилки». Немногочисленны, но все же представлены, ножи костёнковского типа и наконечники с боковой выемкой различных типов. НБВ костёнковского типа отсутствуют. Выделяются также устойчивые серии нуклеидных резцов, изогнутых микропластинок и чешуек вытянутых пропорций, что свидетельствует о присутствии в инвентаре этого памятника ориньякоидного субстрата (рис. 2) (Гаврилов, 2004). Своеобразие положения Хотылёво 2 среди восточнограветтских памятников Русской равнины, помимо аналогий с перигордьеном VI и павловьеном, особенно подчеркивается тем, что оно окружено памятниками, традиционно относимыми к костёнковско-авдеевской культуре. С последними у Хотылёво 2 гораздо больше аналогий прослеживается среди предметов костяного инвентаря и произведений мобильного искусства. Однако и здесь своеобразие этого памятника видно достаточно отчетливо. Оно выражается в том, что женские статуэтки в Хотылёво 2 представлены только одним иконографическим типом (так называемым хотылёвским); лопаточки из ребер мамонтов обрабатывались в манере, специфичной именно для Хотылёво 2 (отсутствие ушек и прорезей); наконечники копий и стрел (?) из бивня мамонта морфологически близки юдиновским экземплярам, хотя и украшены орнаментом, типичным для восточного граветта (например, косая решетка). Имитация костей животных, выполненная в бивне, также присутствует в Хотылёво 2, однако в отличие от Авдеево, где вырезались метаподии, в хотылёвском инвентаре имеется предмет, изображающий фалангу (волка?). В целом материальная культура Хотылёво 2 позволяет рассматривать этот памятник как самостоятельный тип проявления восточного граветта на Русской равнине, в таксономическом отношении равный, например, костёнковско-авдеевскому типу. Такая же степень своеобразия присуща и пространственной организации Хотылёво 2 как поселения.

Пункт А изучен на самой большой из вскрывавшихся в пределах Хотылёво 2 площади (около 680

м², раскопы 1–14). При этом две трети этой площади приходятся на раскопы 1–11, заложенные Ф.М. Заверняевым. Наши представления об особенностях планировки Хотылёвского верхнепалеолитического поселения опираются в основном на результаты их изучения (Гаврилов, 1998). Центральная часть поселения отличается от периферийной максимальной представленностью структурообразующих элементов (очаги, вертикально стоящие кости, скопления охры, группы преднамеренно уложенных костей), с ними же связаны и такие произведения искусства, как женские и мужские статуэтки, орнаментированные наконечники копий из бивня мамонта и другие поделки.

Пункт Б расположен в 25 м к западу от пункта А, отделен от него небольшим овражком и залегает в аналогичных стратиграфических условиях. Оба пункта, вероятно, являются частями одного и того же обширного поселения.

Культурный слой пункта Б изучался в течение 2001–2003 гг. на площади раскопа I (80 м²). Вскрытый участок по своим характеристикам напоминал периферийную зону пункта А, исследованную в конце 1970-х гг. Ф.М. Заверняевым, а с 1993 по 2001 г. – Хотылёвской экспедицией ИА РАН. Центральным объектом на площади раскопа I являлось скопление костного угля и золы неправильной в плане формы площадью около 4 м² и толщиной до 3 см. К юго-восточному краю скопления примыкал углубленный очаг. К югу и юго-востоку от скопления на расстоянии 2 и 3,5 м соответственно были найдены анатомическая группа костей передней лапы и череп, которые принадлежали волку. К ССВ и юго-западу от зольника были зафиксированы две группы вертикально стоящих костей мамонта: одно ребро и два фрагмента трубчатых соответственно.

Общая площадь распространения культурного слоя Хотылёво 2 настолько велика, что сейчас невозможно с уверенностью сказать, являются ли все известные в настоящее время пункты частями одновременно существовавшего поселения. Однако можно утверждать, что они функционировали если и не одновременно, то, во всяком случае, в течение хронологически близких отрезков времени. Структурные особенности пространственной организации пунктов А и Б аналогичны друг другу, что подчеркивает их однокультурность, выявляемую по каменному и костяному инвентарю.

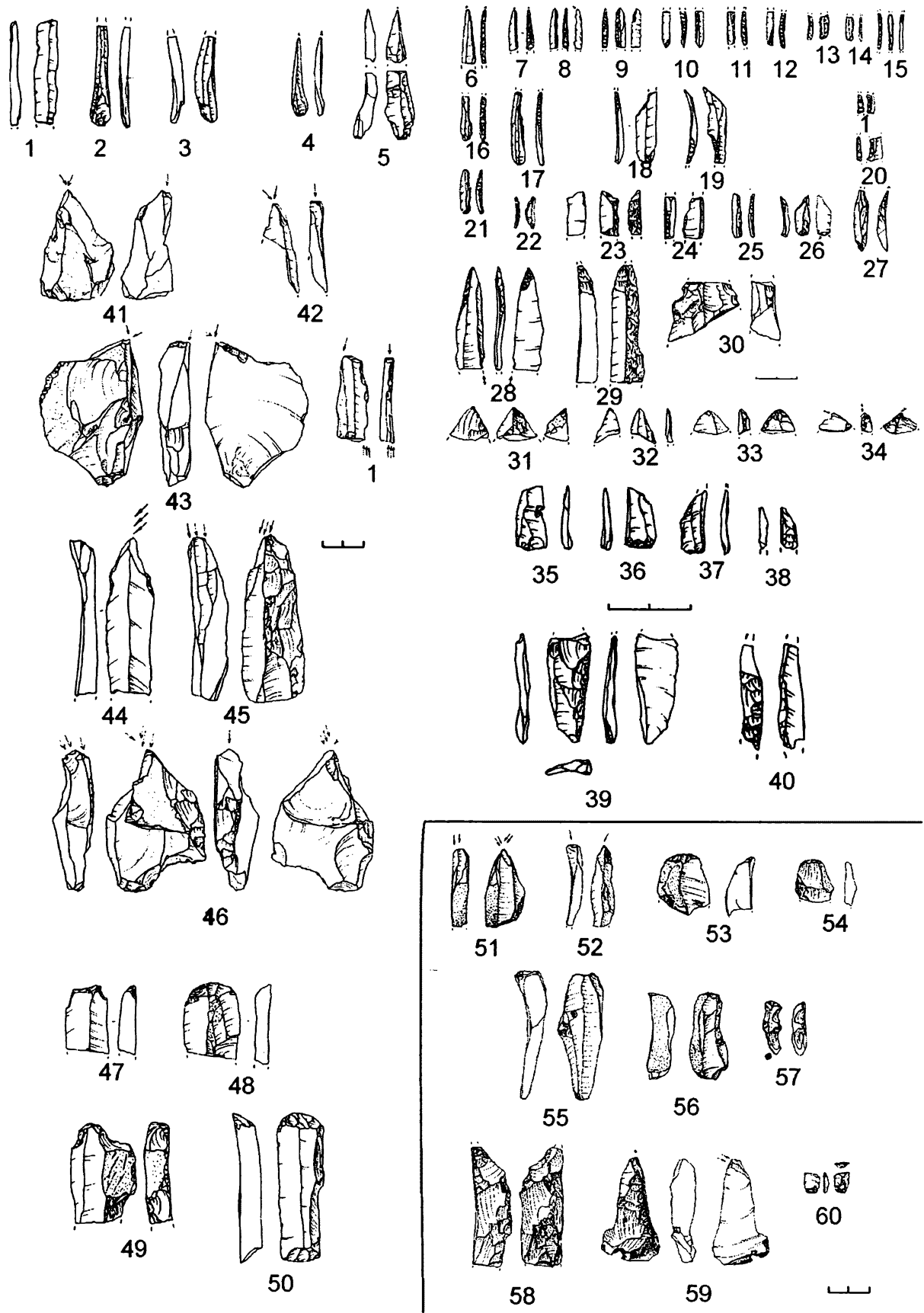

Рис. 2. Хотылёво 2. Предметы со вторичной обработкой. Пункт А: 1-50, Пункт Б: 51-60

- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Новенко Е.Ю., 1999. Геохронология палеолита Восточно-Европейской равнины // Ландшафтно-климатические изменения. Животный мир и человек в позднем плейстоцене и голоцене. М.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Маркова А.К., Ударцев В.П., 1977. О возрасте и условиях обитания стоянки Хотылёво II на Десне // Палеоэкология древнего человека. М.
- Воскресенская Е.В., Гаврилов К.Н., 2006. Новый комплекс верхнепалеолитической стоянки Хотылёво 2 // Деснинские древности. IV. Брянск.
- Гаврилов К.Н., 1998. Структура Хотылёвского верхнепалеолитического поселения // Восточный граветт / Отв. ред. Х.А. Амирханов. М.
- Гаврилов К.Н., 2004. Типология каменных орудий и культурная принадлежность Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки // Проблемы каменного века Русской равнины. М.
- Зеликсон Э.М., Моносзон М.Х., 1974. Условия обитания человека на стоянке Хотылёво II по палинологическим данным // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.
- Novenko E. Yu., 2006. Late Valdai pollen flora from loess sediments in the central East-European Plain: Paleoenvironmental reconstruction // Quaternary International. Vol. 152/153.

Е.Ю. Гиря

Институт истории материальной культуры РАН

Исследования каменной индустрии стоянки Костёнки I (слой 1)

Состав разобранной части коллекции каменной индустрии стоянки Костёнки I (слой 1) таков:

Камни различного происхождения из некремнистых разновидностей сырья, не имеющие отношение к процессу расщепления – 5,4%

Чешуйки и осколки (менее 2 см) – 24,9%

Отщепы (2 см и более) – 19%

Крупные пластины и их обломки (шириной более 2 см) – 9,5%

Средние пластины и их обломки (шириной менее 2 см, но более 1 см) – 7,9%

Пластинки и их обломки (шириной менее 1 см) – 6,7%

Нуклеусы и их обломки – 2,9%

Наконечники листовидные на пластинах и их фрагменты – 0,12%

Наконечники с боковой выемкой и их фрагменты – 0,62%

Ножи костёнковского типа и их фрагменты – 2,3%

Укороченные ножи костёнковского типа – 0,56%

Сколы с ножей костёнковского типа и их фрагменты – 2,5%

Концевые скребки – 0,9%

Острия на пластинах – 0,4%

Резцы и их обломки – 4,7%

Резцовые сколы и их фрагменты – 4,5%

Пластинки с притупленным краем и их фрагменты – 0,02%

Пластины с ретушью и их фрагменты – 1,6%

Орудия с чешуйчатой выкрошенностью – 0,02%
Мелкие обломки рабочих участков лезвий орудий – 3,6%

Камни, происходящие из культурного слоя, представляют собой различных форм и размеров осколки песчаников и иных не изотропных пород камня без следов искусственного расщепления. Большая часть этих камней имеет следы обожженности и специфического растрескивания. Не вызывает сомнений, что данные находки – следы использования разогретых камней для приготовления пищи и/или отопления жилищ обитателями стоянки.

К нуклеидным формам отнесены все ядрищные фрагменты, включая куски сырья со следами расщепления. Практически все они изготовлены из кварца и цветного (местного моренного?) кремня. Все цельные экземпляры по морфологии соответствуют ядрищам костёнковского (новгород-северского) типа. Крупные ядрища, изготовленные из мелового кремня (основного типа сырья данной индустрии), отсутствуют: имеется лишь небольшое количество мелких истощенных нуклеусов.

Такая же картина наблюдается и среди отщепов – все крупные сколы (более 5 см в поперечнике) изготовлены из кварца или местного цветного кремня. Большая часть отщепов средних размеров (2 x 2 см – 5 x 5 см) изготовлена из мелового кремня. По морфологии они соответствуют сколам подготовки и/или подправки боковых сторон пренуклеусов – «гигантолитов новгород-северского типа».

На данном этапе анализа коллекции подтверждаются выводы, основанные на сделанных ранее наблюдениях о различии технологических контекстов двух составляющих костёнковской индустрии: с одной стороны – кварцевой, и из цветного кремня, с другой – той части индустрии, что изготовлена из мелового кремня. Различие это не имеет каких-либо качественных черт, но если продукты расщепления кварцита и цветного кремня представлены всем набором необходимых форм, то контекст форм, изготовленных из мелового кремня, не полон. В нем отсутствуют продукты расщепления, производство которых было неизбежно при изготовлении пренуклеусов. Пренуклеусы из мелового кремня приносились на территорию стоянки в готовом виде.

Разобранная часть коллекции была просмотрена под бинокулярным микроскопом МБС-10 при косом внешнем освещении. Тщательный осмотр чешуек и мелких отщепов (просмотрено около 2000 единиц) позволил выделить 180 мелких фрагментов рабочих участков лезвий орудий как со следами использования, так и без таковых.

Целенаправленно производился детальный анализ дорсальных и вентральных поверхностей сколов и ядрищ с целью определения качества сохранности поверхности. Выделены несколько разновидностей следов изменения естественной поверхности кремня, произошедших во время залегания артефактов в археологическом слое:

- Общую легкую заполировку, покрывающую весь артефакт подобно тонкой пленке, иногда слегка округляющую острые края.

- Мелкие пятна сплошной зеркальной заполировки на плоских гранях артефактов, на дорсальных и вентральных поверхностях, происходящие от контакта с иными камнями во время залегания в слое.

- Плоскую сплошную зеркальную заполировку ребер на дорсальных поверхностях артефактов; это тот же вид повреждения, но расположенный на тонком ребре артефакта.

Следы изменения микрорельефа естественной поверхности скола от залегания в слое встречены на более чем 90% каменных артефактов. Однако на некоторых из них, происходящих преимущественно из ям и западин, интенсивность данного типа повреждений практически не выражена. Эти довольно редкие экземпляры демонстрируют практически «свежие» плоскости и ребра.

Выяснение полной картины следов естественных повреждений позволит более четко определить следы искусственных типов износа поверхностей каменных артефактов Костёнковской стоянки.

Основными рабочими элементами на ножах костёнковского типа являются углы между площадкой

ножа и примыкающие к ним участки продольных краев пластин-заготовок. Износ от использования достаточно разнообразен и, по-видимому, может быть сведен к резанию мяса-шкур и строганию дерева.

Особый интерес вызывают прослеженные ранее и подтвержденные новыми наблюдениями факты отсутствия следов от скобления шкур на скребках и неопределенность картины следов на изделиях с резцовыми сколами. Как показывают многочисленные эксперименты, этнографические материалы и археологические параллели, износ рабочих участков каменных орудий, происходящий от обработки мокрых или сухих шкур животных любого качества и степени жесткости, является одним из наиболее выразительных типов следов использования. Тем не менее, на костёнковских концевых скребках износ этого типа до сих пор не был обнаружен. Использование костёнковских резцов в традиционно предполагаемой функции для прорезания, гравировки пазов на костяных, деревянных или бивневых орудиях также не подтверждается современными наблюдениями.

Для выяснения этих вопросов на следующем этапе исследований предполагается использование металлографического микроскопа с большим (более 100 раз) увеличением и встроенным прямым освещением анализируемой поверхности.

Специально для достижения этих целей, для получения сравнительных данных для анализа археологической коллекции, были продолжены экспериментально-трасологические исследования, направленные на изучение специфики костёнковской технологии расщепления, а также создание экспериментальных образцов следов износа (от работы, транспортировки и др.).

Возобновлены разведочные маршруты в районах меловых выходов Донецкого кряжа – ближайших выходов мелового кремня, обладающего наиболее близкими к костёнковским морфологическими, текстурными и механическими характеристиками. Работы по сбору сырья и экспериментальному моделированию костёнковской технологии расщепления велись на базе совместной палеолитической экспедиции Донецкого государственного университета и Донецкого краеведческого музея под руководством А.В. Колесника на территории Славянского района Донецкой обл. Украины.

Обследованы известные ранее выходы мелового кремня на горе Кременец у г. Изюма (Харьковской обл.), у с. Черкасское (Донецкая обл., Краматорский р-н) и несколько мелких местонахождений. Все они расположены в бассейне р. Северский Донец. Наиболее близким к костёнковскому был признан кре-

мень, собранный в окрестностях г. Изюма и в Краматорском меловом карьере.

Продолжены эксперименты по расщеплению кремня, направленные на выяснение особенностей производства так называемых «гигантолитов» – специфической для костёнковско-авдеевской технологии формы пренуклеусов. Изготовлено около двух десятков крупных пренуклеусов (до 40 см длиной), представляющих собой удлинённые симметричные в сечении бифасы, имеющие поперечное косое усечение на одном из концов. Усечением создавалась будущая площадка нуклеуса, обивка фасов данных изделий преследовала цель выравнивания боковых сторон будущего ядрища. От качества такого выравнивания зависел успех дальнейшего получения сколов заготовок – крупных призматических пластин. Особое внимание уделялось изучению отходов производства, связанных с производством пренуклеусов указанного типа. Размеры и морфология данных продуктов расщепления, производство которых неизбежно при изготовлении костёнковских пренуклеусов, еще раз позволили нам убедиться в неполноте технологического контекста индустрий Костёнок I (первого слоя) старого и нового комплексов. В отличие от культурно-родственных материалов Зарайской стоянки (исследования Х.А. Амирханова и С.Ю. Льва), находящейся недалеко от выходов сырья и имеющей полный технологический контекст производства пластин, в материалах указанных костёнковских памятников практически полностью отсутствуют отходы производства пренуклеусов.

Эксперименты показывают, что изготовление форм, подобных новгород-северским гигантолитам (костёнковско-авдеевским пренуклеусам), неизбежно связано как с получением большого числа крупных плоских отщепов, выравнивающих боковые поверхности, так и с использованием специальных орудий расщепления – относительно крупных мягких отбойников.

Отсутствие в коллекциях Костёнок I (I слой) и Авдеево таких продуктов расщепления является одним из доказательств импортного происхождения кремневого сырья этих индустрий. Стоянки, где достоверно производились костёнковские пренуклеусы, до сих пор не найдены, однако некоторые находки, сделанные нашими украинскими коллегами за последние годы, позволяют надеяться на возможность обнаружения таковых.

Благодаря любезности начальника Донецкой палеолитической экспедиции к.и.н. А.В. Колесника нам удалось ознакомиться с материалами верхнепалеолитической мастерской Выдылыха (Украина, Донецкая обл., Славянский р-н, с. Богородичное, урочище Выдылыха). К сожалению, в инвентаре ка-

менной индустрии мастерской Выдылыха, по имеющимся на сегодня данным, нет ни одного типологически выраженного орудия, что весьма затрудняет как его формально-типологическую характеристику, так и поиск родственных индустрий.

Однако анализ морфологии продуктов расщепления и, в особенности, большое число ремонтжированных складней позволяют А.В. Колеснику проводить весьма обоснованные параллели между костёнковской и выдылыхинской технологиями производства гигантолитов. Об этом свидетельствуют не только формы самих пренуклеусов и последовательность их утилизации (снятие крупных пластин с торца), но и весьма специфический способ подготовки зон расщепления, предвещающий снятие пластин. Как и в костёнковско-авдеевско-зарайских индустриях, на проксимальных концах крупных пластин из Выдылыхи обнаружены следы изолирования, освобождения, редуцирования и абразивной обработки. Выдылыхинская технология расщепления может быть признана аналогичной костёнковской не только благодаря наличию сходных форм и последовательности расщепления, но и по применяемой технике скола. К сожалению, автор раскопок пока не располагает достаточными данными для определения времени существования мастерской Выдылыха.

Помимо разведочных работ и экспериментов, продолжены работы по еще нескольким направлениям.

Часть изготовленных пренуклеусов и сколов, полученных в ходе их производства, была использована в экспериментах по совместной транспортировке каменных артефактов. Цель таких экспериментов – воспроизведение так называемого «неутилитарного износа» – специфического комплекса следов, возникающего на поверхности каменных артефактов в результате пользования ими, ношения в сумке и т.д. Продолжение данных работ диктуется необходимостью конкретизации условий возникновения одного из видов неутилитарного износа, а именно – крупных пятен сплошной заполировки на поверхностях каменных артефактов. На этот раз продукты расщепления транспортировались на машине в полиэтиленовом мешке (не оставляющем следов износа), помещенном в картонную коробку.

Произведен ряд экспериментов по моделированию использования различных кремневых орудий, характерных для костёнковской каменной индустрии. Целью этих работ являлось получение экспериментальных эталонов износа орудий из северско-донецкого кремня. По указанным выше причинам особое внимание было уделено исследованию резцов и скребков.

Изучались возможности использования резцовых кромок для строгания кости, слоновой кости (бивня мамонта хорошей сохранности) и рога. Орудия, изготовленные из донецкого кремня, представляли собой срединные и боковые резцы на пластинах. Угол заострения рабочего лезвия (угол между поверхностью брюшка пластины и поверхностью резцового скола) был равен 70–85°.

В ходе использования резец удерживался между большим и указательным пальцами руки. Основные режущие движения делались «от себя». Удалось получить пять экспериментальных орудий, каждое из которых использовалось для строгания более часа чистого времени. В ходе экспериментов получены вполне выразительные образцы износа.

Как уже отмечалось выше, не меньший интерес в коллекции каменных орудий Костёнок 1 (слой 1) представляют концевые скребки. Как и в примере с резцами, отсутствие определенного вида следов износа на концевых скребках позволяет поставить под сомнение априори вполне общепризнанное их предназначение – обработку шкур.

Ранее было замечено, что отдельные экземпляры костёнковских концевых скребков имеют следы выкрошенности в виде отдельных мелких фасеток, идущих от кромки лезвия на брюшко. Такой вид чешуйчатого выкрашивания возникает на стамесках, при их использовании для обработки дерева и/или кости. В рамках программы данного проекта продолжены эксперименты по использованию концевых скребков для скобления дерева. Орудия вставлялись в роговые рукояти. Скобление осуществлялось движениями «от себя», при удержании скребка

пальцами с упором в ладонь. Такой способ использования скребка весьма эффективен по следующим причинам:

- орудие, вследствие упора в основание ладони, имеет очень стабильное положение;
- такой способ удержания дает возможность приложения значительно большего усилия, чем традиционный;
- при этом положении не составляет труда достаточно надежно контролировать и удерживать угол положения скребкового лезвия по отношению к поверхности обрабатываемого материала.

В ходе экспериментов три орудия были использованы описанным выше способом в функции скобления сухого дерева в течение часа и более чистого рабочего времени. В ходе работы скребки производили тонкую длинную стружку, общий объем выскобленного каждым скребком материала превышал 0,2 дм². Получены весьма выразительные следы износа.

Исследования проводятся при поддержке гранта РГНФ № 06-01-00200а. Работы по данному проекту актуальны по многим причинам, но прежде всего, они необходимы в силу того, что на сегодняшний день, достигнут значительный прогресс в исследовании родственных Костёнкам стоянок Зарайская и Авдеево, принадлежащих к одному – костёнковско-виллендорфскому культурному единству. Полноценное представление о специфике этого ярчайшего проявления культуры верхнепалеолитического человека на Русской равнине не может быть полным, ввиду отсутствия достаточных данных о самой костёнковской индустрии.

Н.И. Дроздов, Е.В. Артемьев, В.И. Макулов, В.П. Чеха

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Куртакский геoarхеологический район. Некоторые итоги комплексных исследований (к 20-летию со времени открытия)

Куртакский геoarхеологический район расположен на юге Средней Сибири в Северо-Минусинской впадине и включает 20-километровый отрезок береговой зоны Красноярского водохранилища в долине Енисея (рис. 1). В 1986 г. в центральной части этого района на береговой отмели при проведении работ по паспортизации памятников археологии сотрудники Красноярского государственного педагогического института нашли каменные артефакты, имевшие

архаичный облик и впоследствии определенные как ранне- и среднепалеолитические. Поскольку в бассейне Среднего Енисея это были первые подобного рода находки, была разработана программа исследований и началось целенаправленное комплексное изучение района находок.

Отличительной особенностью начавшихся исследований была их комплексность, сочетание методов археологии и естественных наук. Этому

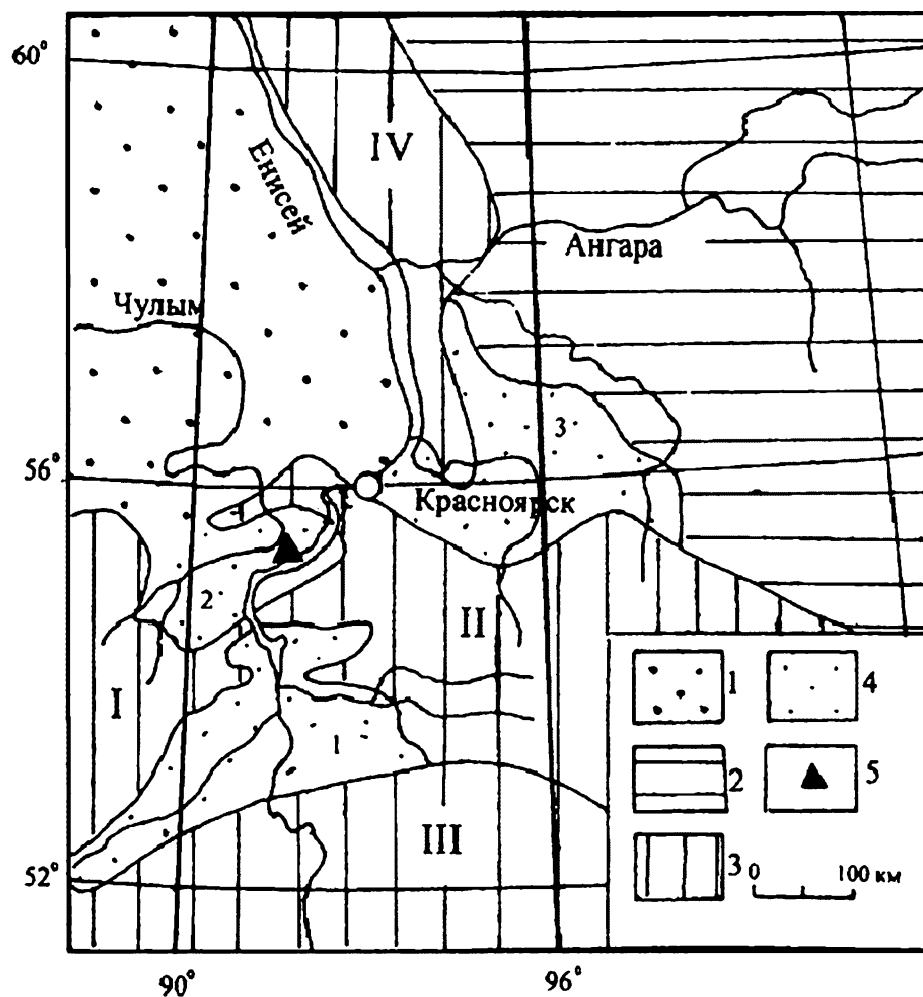

Рис. 1. Схема расположения Куртацкого геоархеологического района. 1 – Западно-Сибирская равнина; 2 – Средне-Сибирское плоскогорье; 3 – горные области; I – Кузнецкий Алатау; II – Восточный Саян, III – Западный Саян, IV – Енисейский край; 4 – межгорные впадины: 1 – Южно-Минусинская и Сыда-Ербинская впадины, 2 – Северо-Минусинская впадина; 5 – местоположение Куртацкого района

способствовало создание в 1986 г. вначале в составе Красноярского филиала СО АН СССР, а впоследствии в составе Института истории, филологии и философии СО АН СССР, лаборатории археологии и палеогеографии Средней Сибири под руководством Н.И. Дроздова. Это была первая в СССР академическая лаборатория, где на штатной основе работали археологи, палеогеографы, палеозоологи, палинологи и другие специалисты-естественники. По сути, вся последующая история изучения Куртацкого археологического района была связана с этой лабораторией и Красноярским педагогическим институтом (с 1993 г. – университетом). Наиболее активные исследования проводились в 1989–1992 гг. О результатах естественнонаучных и археологических исследований Куртацкого археологического района неоднократно сообщалось на международ-

ных конференциях и симпозиумах, причем непосредственно на территории района, на конкретных памятниках и местонахождениях (1990, 1992, 2000, 2007). Вышла в свет монографическая характеристика геоморфологии и четвертичных отложений района (Дроздов, Чеха, Хазартс, 2005).

На территории Куртацкого геоархеологического района было выявлено около 20 местонахождений и стоянок раннего, среднего и позднего палеолита, относящихся к группе памятников с разрушенным культурным слоем. Дислокация археологического материала на пляже водохранилища значительно затрудняет его датировку. Поэтому основными критериями хронологического соотношения являются технико-типологические, морфологические показатели и древняя фауна. Материал ранне- и среднепалеолитического облика, выявленный на пляже,

как правило, сопровождается артефактами более позднего времени. В данной ситуации хронологическим критерием наряду с архаичностью техники расщепления (радиальные леваллуазские и протолеваллуазские типы нуклеусов, присутствие пластин, острий, изготовленных в технике «*levallois a lame*», «*levallois point*») является наличие сильной и средней степени дефляции. Соотнесение коллекций артефактов по степени дефляции полностью отвечает технико-типологическому своеобразию «ранних» и «поздних» комплексов.

Местонахождение Каменный Лог располагается в береговой зоне водохранилища и занимает отмель между Каменным и Сухим логами. В береговом уступе были вскрыты все стратиграфические подразделения куртакской серии позднего неоплейстоцена. Здесь преимущественным развитием на поверхности отмели пользуются комплексы, синхронные эпохе мустье. Таким образом, хотя археологический материал здесь и подъемный, часто смешанный (сочетание комплексов архаичного, мустьерского, позднепалеолитического облика), и образуется за счет размыва разновозрастных толщ, его расположение контролируется в определенной мере геологически. Единичные артефакты домустьерского, мустьерского облика собраны непосредственно в геологических слоях – в пестроцветной грубообломочной толще и в сухоложском педокомплексе.

Материал архаичного облика, собранный на береговой отмели, несмотря на подъемный характер, занимает определенные геологические позиции и также разделен на два комплекса: А («архаичный») – ранний палеолит, Б – мустьерский.

Каменный инвентарь на 78% состоит из кварца и кварцита различных цветовых оттенков. Первичное расщепление характеризуют нуклеусы, распределенные на несколько групп по оформлению фронтальной поверхности: радиальные, субпараллельного и параллельного принципов. Среди нуклеусов выделяются изделия с выделенной «*shapeau de gendarme*» и ядрища с так называемым «конвергентным» скалыванием заготовок, когда в процессе использования площадка и фронт нуклеуса меняются местами. Таким образом, среди первичного расщепления в «раннем» комплексе местонахождения Каменный Лог преобладает леваллуазская технология подготовки и утилизации ядрищ не в классическом варианте, а в определяющих технику элементах подготовки и использования нуклеусов, о чем свидетельствует также коллекция леваллуазских острий.

Остальной каменный инвентарь представлен чопперами, чоппингами, рубилами и рубящими орудиями, скреблами и скребками.

Коллекция позднепалеолитического комплекса местонахождения Каменный Лог насчитывает около 2500 артефактов. Первичное расщепление представлено различными вариантами нуклеусов на гальках ороговикованных пород преимущественно зеленого цвета, ядрищами из мелкозернистого кварцита различных цветовых оттенков. Принципы расщепления представлены довольно широким спектром: радиальный принцип, который проявляется в основном при оформлении фронтальной поверхности перед скалыванием; нуклеусы субпараллельного принципа (веерного скалывания); много нуклеусов параллельного принципа снятия заготовок; есть микропластинчатые нуклеусы. В целом среди плоскофронтальных нуклеусов большое место занимают нуклеусы с отдельными элементами леваллуазской техники и различными их сочетаниями. Особенности первичного скалывания в коллекции позднего комплекса позволяют поставить вопрос о характере генезиса микропластинчатой техники в позднем палеолите Среднего Енисея. 56% всех «галечных» нуклеусов – «плоскофронтальные» ядрища, из них 32,5% имеют следы снятия удлиненных заготовок (или «забитость») с конца одной из латералей плоского фронта, образуя группу комбинированных плоскофронтальных-торцовых нуклеусов.

В коллекции позднего комплекса отходы производства и возможные заготовки составляют всего 12% (возможно, утрачены в процессе размыва пляжа как более легкие).

Орудийный набор представлен скреблами на крупных отщепках с вентральной и дорсальной локализацией сколов оформления лезвия, отщепами и пластинами с ретушью различного характера. Микропластинчатая индустрия представлена только нуклеусами.

Местонахождение Разлог расположено на береговой отмели водохранилища между приустьевыми частями логов Разлог и Четырехглавый, в 3 км ниже п. Куртак. Археологический материал концентрировался на низкой береговой отмели, единичные артефакты встречались под основным береговым уступом. Есть основания предполагать связь артефактов с кровлей или подошвой аллювиальной среднеплейстоценовой толщи, которая была вскрыта разрезом в восточной части участка. Эта связь может подтверждаться тем обстоятельством, что в западной части местонахождения, где аллювий указанного возраста отсутствует, артефакты не обнаружены. Кроме того, в линзе обохренного гравийно-галечного материала, залегающего на кровле среднеплейстоценового аллювия, обнаружен пока единственный искусственно обработанный обломок кварцита светло-серого цвета.

Археологический материал на береговой отмели располагался среди россыпей галек и валунов (остатки неогенового аллювия). Артефакты, архаичные по облику, изготавливались обычно из находившихся в составе аллювия валунов и галек темно-серых и черных кварцитов (рис. 2).

Таким образом, возраст материалов местонахождения Разлог II по геологическим данным предварительно определяется как среднеплейстоценовый (самаровское время).

Орудийный набор Разлога II представлен в основном чопперами (16 экз.). Вполне вероятным представляется соотнесение большей части данной группы артефактов с нуклеусами по функциональному назначению. В этом случае «чопперы» будут соотноситься с так называемой «долечной» техникой либо являться свидетельством опробования сырья. Наибольший интерес в коллекции вызывают орудия с технологическим выступом, которые в литературе называются «клювовидными», орудиями типа «павиан», орудиями с «носиком» и т. д.

В целом коллекция артефактов местонахождения Разлог II имеет общие черты с орудиями раннепалеолитических местонахождений Северной Азии, где преобладают ярко выраженные галечные индустрии: Филимошек, Усть-Ту, Дириг-Юрях, Кумар, Улалинка, Юнкюра. На этих памятниках среди орудий также преобладают чопперы, отмечены изделия с «носиком». Петрографический состав материала, как и на Разлоге, большей частью представлен кварцевыми и кварцитовыми породами. Объединяющим признаком перечисленных выше индустрий является сходство техники расщепления. Она представлена в основном радиальным и бессистемным принципами обработки камня. В отличие от коррадированных галечных индустрий Северной Азии, материал местонахождения Разлог II имеет в основном следы средней и слабой (люстраж) дефляции.

Археологические и палеоэкологические результаты. Работы в Куртакском геоархеологическом районе положили начало масштабным исследованиям «енисейского палеолита». Появилась возможность, привлекая все полученные материалы и опираясь на фундаментальные исследования в Куртакском районе, оценивать природные, палеоэкологические закономерности развития человеческих обществ палеолита в бассейне р. Енисей и на сопредельных территориях (Кузнецкий Алатау, Канская впадина, долина р. Ангары). Необходимо отметить, что оценки влияния природы на древнего человека крайне неоднозначны и противоречивы. При этом точки зрения нередко диаметрально противоположны.

Нашими исследованиями установлена связь присутствия человека с периодами, переходными от

потеплений к похолоданиям (раннемуруктинский, позднекаргинский этапы) либо к первым половинам похолоданий, с умеренно холодным, достаточно влажным климатом (самаровский этап, начало среднего сартана). Хронологически такие периоды занимали основную часть климатических циклов. Лишь к концу сартанского времени человек адаптировался и к аридным условиям. Выявлена связь этих отрезков времени с событиями в Центральной Азии – льдообразованием в горах, миграцией растительных поясов, обводнением равнин. Таким образом, уже в среднем плейстоцене человек адаптировался в Северной Азии к достаточно холодной природной среде. Как наиболее теплые периоды (казанцевское время, раннекаргинское время?), так и климатически экстремальные, аридные, приводили к миграциям, рассредоточениям, перемещениям человека из исходных мест обитания.

Циклические изменения природы, таким образом, определяли прерывисто-непрерывный, неравномерный ход развития древних человеческих обществ во времени. Возможно, не случайны совпадения и направленного изменения культур с климатическими переменами: самаровский этап (ранний палеолит) – перерыв – раннемуруктинский этап (типичное мустье) – перерыв – каргинское и сартанское время с рядом стадий позднего палеолита, разделенных перерывами (коношелье – 33–29 тыс. л. н., начало сартана – 22–18 тыс. л. н.).

Основной формой влияния природы на человека служил также фактор пространственного разнообразия внеледниковой зоны. Это определяло крайнюю неравномерность его расселения. Весьма прочной в пределах контактных зон была зависимость хозяйственного уклада, образа жизни от природных ресурсов. На примере северного оленя – основного промыслового вида в позднекаргинский, сартанский этапы палеолита – видно независимое от культурной принадлежности единообразие поведенческой, хозяйственной деятельности человека. В целом природная среда была полифункциональной системой, действующей на человека комплексно. Поэтому часто возникающий вопрос – какие факторы среды оказывали наибольшее влияние на человека? – остается без объективного ответа. Сильные прямые зависимости от природы были ограничены в количественном отношении. Они обуславливали приспособительный характер жизни человека, были ведущими факторами, определяющими его пространственно-временные параметры (возможно, исключая вторую половину сартанского этапа). Идеи палеогеографического детерминизма можно оценивать критически, но, видимо, после соответствующих палеосоциальных исследований.

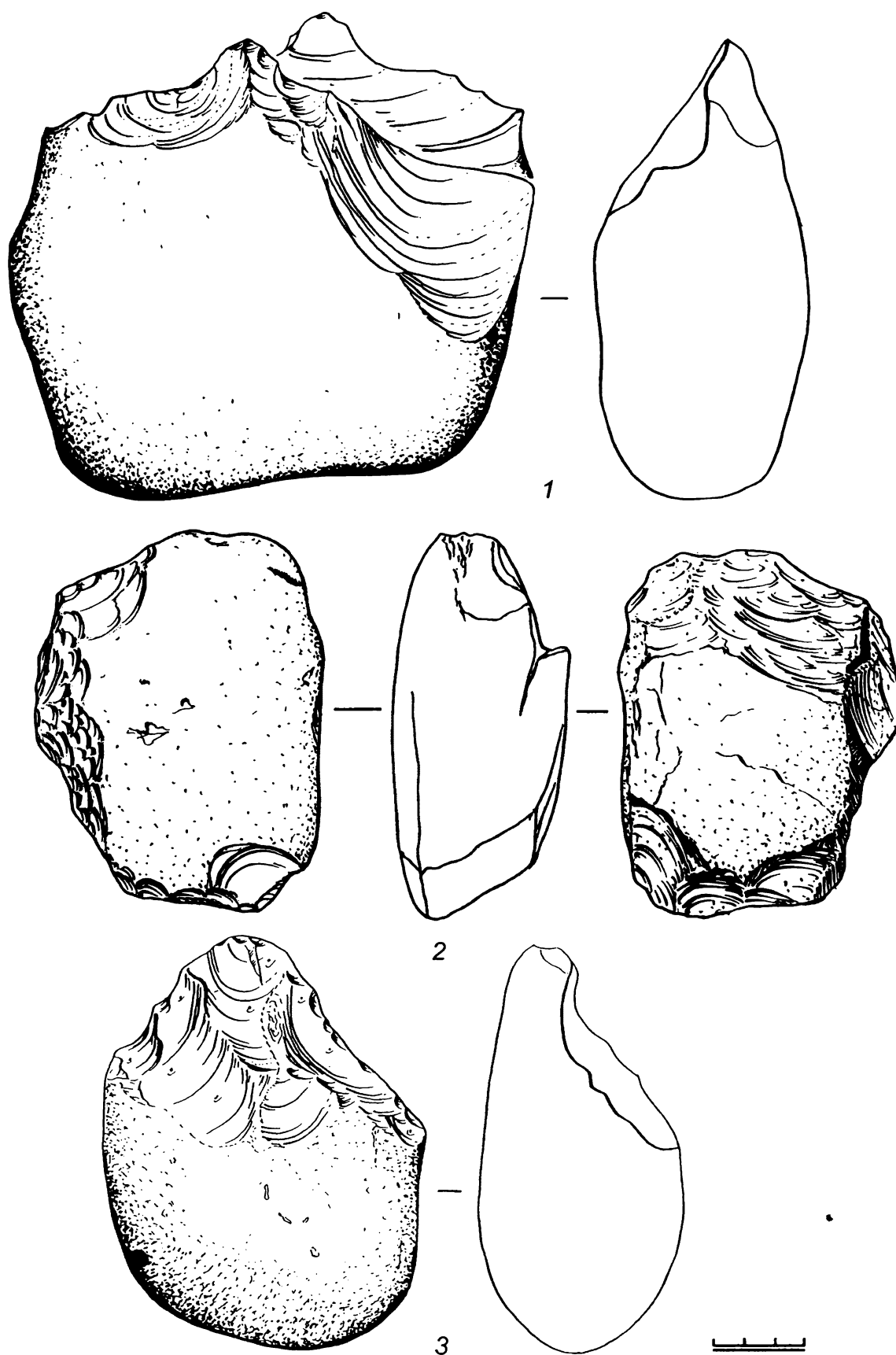

Рис. 2. Куртаковский археологический район. Местонахождение Разлог II. Галечные орудия

Приспособление человека к природной среде было активным, происходило по пути экстенсивного освоения новых территорий (наиболее активно на средне- и позднесартанском этапе, при резкой возросшей численности населения), вовлечения в хозяйственную деятельность новых видов природных ресурсов либо их замены ввиду ландшафтных изменений, освоения способов защиты от неблагоприятных воздействий среды. Одним из самых примечательных следствий приспособительного характера человека являлся его прослеживаемый в течение всей истории палеолита «природный» традиционализм, устойчивость, консерватизм. Это выражалось в тенденции к обитанию в периоды с вполне определенными природными условиями. Устойчивыми были и пространственные закономерности размещения поселений. Единообразно, независимо от культурной принадлежности на поздних этапах, проявлялся характер трофических связей и, как следствие, сходство образов жизни. Эта важнейшая закономерность, очевидно, определяла и относительную социальную устойчивость древних обществ. По словам Г.П. Григорьева (1968), кажущаяся излишней приверженность к традициям была для позднепалеолитического человека единственным способом накопления, хранения и передачи опыта.

Заключение. Важнейшими открытиями в Куртацком археологическом районе являются:

- обнаружение местонахождений раннего палеолита, возраст которых может быть определен не моложе 200 тыс. лет (Разлог, Каменный Лог/ранний комплекс);
- обнаружение свидетельств возникновения ми-

кропластинчатой индустрии (Каменный Лог/поздний комплекс);

- получение большой коллекции материалов позднего палеолита, отражающих специфику этого периода для Средней Сибири;

- уникальное геологическое строение, позволившее дать опорную стратиграфическую схему четвертичного периода региона, реконструировать природную среду плейстоцена.

Куртацкий район представляет собой уникальный комплекс археологических памятников, посредством дальнейшего изучения которого возможно решение актуальных проблем современного палеолитоведения, в том числе первоначального заселения человеком Северной Азии.

Дроздов Н.И., Чеха В.П., Лаухин С.А. и др., 1990. Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея). Новосибирск.

Дроздов Н.И., Чеха В.П., Артемьев Е.В. и др., 1992. Археология, геология палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян). Красноярск.

Дроздов Н.И., Чеха В.П., Артемьев Е.В. и др., 2000. Четвертичная история и археологические памятники Северо-Минусинской впадины. Куртац.

Дроздов Н.И., Чеха В.П., Хазартс П., 2005. Геология и четвертичные отложения Куртацкого георхеологического района (Северо-Минусинская впадина). Красноярск.

DrozdoV N.I., Artem'ev E.V., Chekha V.P., Drozdov D.N., 2003. Paleolithic in Kurtak Archaeological Area, Russia // Commemoration 40 years for Paleolithic Studies Men's Lives. Yung-jo LEE ed.

О.А. Дружинина, И.Н. Сходнов

Российский государственный университет им. И. Канта, Калининград

Новые памятники эпохи финального палеолита на территории Калининградской области

Научный интерес к древнейшим артефактам, связанным с жизнью первобытного населения территории современной Калининградской обл. (бывш. Восточной Пруссии), и к вопросу о времени появления первых людей в этом регионе возник в середине XIX в. Немецкие археологи, располагавшие сведениями о случайных единичных находках наконечников, гарпунов и т. п. из кости, рога и кремня, датированных поздним плейстоценом, полагали, что заселение

пространства между реками Висла и Неман происходило на финальной стадии последней ледниковой эпохи (Gaerte, 1929. S. 5; Gross, 1938. S. 83). Однако несвязанность упомянутых предметов с определенными археологическими комплексами, отсутствие достоверных датировок затрудняли составление непротиворечивой картины существовавшей в финальном палеолите поселенческой ситуации. В послевоенное время в изучении этой проблемы долгие годы

не наблюдалось существенных сдвигов. Отсутствие целенаправленных исследований в этом направлении позволяло рассуждать о вопросах первоначального заселения области лишь на уровне гипотез и предположений. Определенные положительные тенденции в решении этой сложной и интереснейшей проблемы наметились в последние годы. Начавшиеся комплексные междисциплинарные исследования процессов освоения постледниковых пространств Юго-Восточной Прибалтики позволили получить ряд интересных результатов. Прежде всего, с использованием данных палеогеографии были проведены реконструкции природной обстановки конца плейстоцена – начала голоцена, подтвердившие благоприятность природных условий, существовавших на данной территории в указанное время. Первыми освободились от ледникового покрова восточные и южные районы области, с бёллинга (12,7–12,2 тыс. л. н.) весь регион стал пригоден для освоения. Судя по данным палеоклиматологии, природные условия в финале плейстоцена не препятствовали посещению региона: среднемесячные январские температуры в холодные периоды колебались у отметок -8 – -10°C , июльские составляли $+8$ – $+9^{\circ}\text{C}$ в Dr1 и возросли до $+10$ – $+12^{\circ}\text{C}$ в Dr3; во время межстадиалов Bб и A1 наблюдалось значительное смягчение климата, сопровождавшееся повышением среднегодовых температур и количества осадков. Ландшафтная обстановка также претерпевала неоднократные изменения. Общая картина смены природных условий выглядела следующим образом: ландшафты открытой тундры раннего дриаса приобрели облик парковых тундр с сосново-березово-можжевельниковым редколесьем и высокой ролью трав в бёллинге; в среднем дриасе расширилась площадь перигляциальных травянистых сообществ, уступающих место сосново-березовым лесам в аллерёде; наконец, завершающее позднеледниковье похолодание позднего дриаса привело к регенерации ландшафтов тундры и лесотундры с доминированием трав и карликовых форм березы и ивы, а также можжевельника (Дружинина, 2005. С. 22–83).

Ретроспективный анализ природных факторов дал возможность выделить в пределах области наиболее благоприятные для заселения ландшафтные районы, и потому наиболее перспективные для археологических исследований (Дружинина, Сходнов, 2006. С. 104–106). К их числу относится и долина р. Шешупе. Данные палеогеографии показали, что эта территория, благодаря разнообразным и в целом благоприятным природным условиям, на значительном протяжении финального плейстоцена была доступна палеолитическому населению и удобна для освоения. Вероятно, разнообразный рельеф, в том

числе наличие хорошо развитых эоловых форм, преобладание песчаного субстрата, доступность высококачественного кремневого сырья, представленного в составе гравийно-галечных выходов, могли стать привлекательными чертами долинных ландшафтов р. Шешупе еще в позднеледниковье. Археологическое обследование нижнего течения реки подтвердило правильность сделанных предположений. В процессе разведок были обнаружены три памятника, предварительно датированные финальным палеолитом, – стоянки Рядино I, II, V (Дружинина, 2007. С. 15–30; 2008. С. 9–25). Эта группа стоянок расположена на краю частично сохранившейся второй террасы реки, на высоте 8–12 м над урезом воды. Общая численность найденных в песчаных обнажениях и кротовинах кремневых предметов составляет около 200. Часть коллекции стоянки Рядино V происходит из нарушенного строительством культурного слоя. Кремневый инвентарь представлен как изделиями без вторичной обработки, так и нуклеусами и орудиями труда. Среди изделий без вторичной обработки большинство составляют отщепы, количество пластин почти втрое меньше. Обнаружены нуклеусы двух форм – конусовидные одноплощадочные и подпризматические. Орудия труда в коллекции стоянок разнообразны. Большинство составляют скребки. Три из найденных скребков округлые по форме, изготовлены из отщепов, два – с остатками желвачной корки. Их рабочие лезвия отделаны крупной и мелкой затупляющей ретушью, которая нанесена лишь со спинки изделий и при этом покрывает от половины до двух третей периметра скребков. Один из описанных выше предметов, вероятно, представляет собой комбинированное орудие: скребок – скобель. На его брюшке вдоль неретушированного края видны характерные следы износа. Обнаружено несколько скребков на пластинах, имеющих одно концевое рабочее лезвие. Найден также маленький сегментовидный скребок. В коллекции имеются обломок долотовидного орудия, нуклеовидные резцы и резцы на углу пластин, проколки, скребло. Для техники изготовления изделий стоянки Рядино V характерно наличие укороченных заготовок и раскалывание жестким отбойником: кое-где на кремне видны «слезки». Все предметы сильно патинированы, изготовлены из качественного темно-серого и черного, по-видимому местного, кремня. Для подтверждения предварительных датировок и определения культурной принадлежности памятников исследования будут продолжены.

Дружинина О.А., 2005. Взаимодействие природы и общества в междуречье Немана и Вислы на рубеже плейстоцена и голоцена: Дис. ... канд. геогр. наук. Калининград.

- Дружинина О.А., Сходнов И.Н., 2006. Комплексные исследования проблем каменного века на территории Калининградской области // Исторические науки. М. № 2.
- Дружинина О.А., 2007. Отчет об археологических исследованиях (разведках) в нижнем течении реки Шешупе в Неманском и Краснознаменском районах Калининградской области в 2006 году // Архив ИА.
- Дружинина О.А., 2008. Отчет об археологических исследованиях (разведках) в нижнем течении реки Шешупе в Неманском и Краснознаменском районах Калининградской области в 2007 году // Архив ИА.
- Gaerte W., 1929. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg.
- Gross H., 1938. Die ältesten steinzeitfunde Altpreussen // Altpreussen. Königsberg. Н. 3.

С.А. Когай, Е.А. Липнина, Г.И. Медведев

Иркутский государственный университет

В.М. Новосельцева, Е.О. Rogovskoy

Иркутская Лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ, Иркутск

Проблемы позднего палеолита Байкальской Сибири

Байкальская Сибирь есть геоландшафтная организация южной части Североазиатского субконтинента, занимающего в широтном простирании территорию от берегов р. Енисей до бассейна р. Витим включительно, и от Северной Монголии до Тунгусского плато и Большой излучины р. Лены, обрамляющей с северо-запада Витимо-Патомское нагорье (Медведев и др., 1996). Примерное и самое общее подразделение субмеридионального порядка Байкальской Сибири может быть представлено в виде крупных геоландшафтных провинций – Канско-Енисейской, Приангарской, собственно Байкальской с побережьями и горными обнажениями, наконец, Забайкальской, самой восточной. На юге Байкальская Сибирь имеет горную Саянскую провинцию с северным (среднесибирским) и южным (северомонгольским) фасадами. Северный обращен и падает к южной окраине Сибирской платформы, южный спускается к регионам главного Монгольского линейного элемента с относительно глубокими межгорными долинами, котловинами, с озерами, и к зоне проявлений Байкальской системы рифтов. Байкальская Сибирь, или ее еще именуют Азия, как бы образует южную окраину Древнейшей Суши Земли. Прибайкалье как фрагмент Приангарской провинции и часть околбайкальского платформенного пространства имеет общероссийский приоритет в открытии североазиатского палеолита в 1871 г. (Черский, 1872; Ефименко, 1938).

Открытие и раскопки Военного Госпиталя и Мальты в 1926, 1928–1930 гг. документируют начало научного палеолитоведения в Сибири. Открытие в 1969 г. и дальнейшее изучение ансамблей обработанных кварцитов среднеплейстоценового с эоловой коррозией поверхностей возраста сообщает

Прибайкалью статус региона с практически полномасштабной геологической шкалой развития палеолитических технологий. Открытие в 1968–1974 гг. ансамблей макаровского палеолитического пласта подтверждает динамическую верность предыдущего тезиса.

В 1986–1992 гг. на реках Лене, Ангаре и Белой были обнаружены в стратиграфии артефакты казанцевского (рисс-вюрм) времени.

В 2002–2004 гг. на местонахождении Черемушник I зафиксированы уровни отложения археологических остатков, погруженных на глубины 7,5–8,3 м от дневной поверхности, значительно ниже уровня радиоуглеродного датирования – 400 тыс. лет. Артефакты из кремня, сланца и кварцита имели формы и технологическое исполнение, аналогичные изделиям из известных ансамблей макаровского пласта, но не имели следов пескоструйной обработки поверхности. Таким образом коррадированные артефакты макаровского пласта были взяты в геостратиграфическую – хронометрическую «вилку», среднее значение которой может быть уточнено – ранний отдел муруктинского стадиала, около 90 тыс. л. н.

Сегодня в Прибайкальском регионе известно более 150 палеолитических объектов, более 60 местонахождений среднеплейстоценовых кварцитовых комплексов, экспонированных, погребенных, в относительном стратифицировании с очень сильной и средней степенями пескоструйной пустынной обработки оббитых поверхностей. Более 70 объектов составляют общий массив позднепалеолитических – мезолитических ансамблей. Объектов ранней поры позднепалеолитических микротехнологий «макаровского пласта» – более 17.

Исследование «макаровских» местонахождений

корродированных изделий и сравнение их с аналогами Черемушника I тех же технологий и возраста более 60 тыс. лет открывает новую версию времени и места происхождения позднепалеолитических камнеобрабатывающих микротехнологий (Исида, Като, Когай, 2004).

В настоящее время есть основания выделять геостратиграфически и морфо-технологически следующие уровни организации позднепалеолитических индустрий:

Ранний – более 60–90 тыс. л. н. (Макарово IV, Игетейский Лог III, Мельхитуй II, Черемушник I);

Средний (верх) – 40 – 31–28 тыс. л. н. (Щапово I, Большой Нарын I, II, Гора Игетей I, Герасимова);

Поздний – Мальта, Буреть, Красный Яр I, Курла II, III и т. д.;

Финальный – Верхоленская Гора I, II, Мельхитуй I, Федяево, Усть-Белая и т. д.

Шкала геохронологии палеотехнологий Прибайкалья, и в целом Байкальской Сибири, открыта для неожиданных новаций.

Ефименко П.П., 1938. Первобытное общество: Очерки по истории палеолитического времени. Л.

Медведев Г.И., Генералов А.Г., Дроздов Н.И., Лбова Л.В., Акимова Е.Б, Бердникова Н.Е., Ветров В.М., Воробьева Г.А., Горюнова О.И., Заика А.Л., Ласточкин С.В., Липнина Е.А., Макулов В.И., Осадчий С.С., Ощепкова Е.Б., Савельев Н.А., Ташак Е.В., 1996. Проблемы научной экспертизы и практики изучения георхеологических объектов Байкальской Сибири (методология, методы, рекомендации). Красноярск; Иркутск; Улан-Удэ.

Черский И.Д., 1872. Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода // Изв. ВСОРО. Иркутск. Т. III. (№ 3).

Е.М. Колпаков

МОО «Центр стратегических и политических исследований», Санкт-Петербург

Новые ашельские памятники Армении

В 2003 г. по инициативе и при поддержке МОО «Центр стратегических и политических исследований» была образована Армяно-Российская археологическая экспедиция под руководством С.А. Асланяна. Исследования экспедиции сосредоточены на северо-западе Армении, в Лорийском среднегорном районе, расположенном на юге Армяно-Джавахетского вулканического нагорья. Работы отдельных отрядов экспедиции охватывают памятники от нижнего палеолита до раннего железного века (Dolukhanov et al., 2004; Aslanian et al., 2006; Асланян и др., 2007а; 2007б). Ашельские местонахождения в основном приурочены к восточному склону Джавахетского хребта (рис. 1).

Джавахетский хребет – «типичный пример линейных вулканических хребтов, возникший на новейшем глубинном меридиональном разломе центрального свода Транскавказского поперечного поднятия» (Харазян и др., 1983. С. 326). Он представляет собой «меридионально вытянутое сложное линейное вулканическое сооружение, фактически сложенное цепью многочисленных плотно примыкающих друг к другу четвертичных центральных вулканов: андезито-базальтового, андезитового и дацитового составов. Длина вулканической цепи более 50 км. Абсолютная высота водораздела хреб-

та 2900–3000 м. Отдельные вершины поднимаются до 3200 м. Относительное превышение водораздела хребта над поверхностью окружающих его лавовых плато составляет от 1100 (над Гукасянским – с запада) до 1400 м (над Лорийским – с востока)» (Там же. С. 238).

За пять полевых сезонов открыто **26 местонахождений** с выразительным ашельским подъемным материалом (только ручных рубил собрано около 350), 2 стратифицированных ашельских памятника, грот Печка с переотложенными мустьерским и мезолитическим комплексами. На одном из ашельских памятников, Даштадем 3, раскопками вскрыто 30 м². Из раскопа происходит 2,5 тыс. ашельских артефактов из гиало-дацита, в том числе 49 рубил, 214 различных орудий и 81 нуклеус.

Сырье является важной особенностью открытых в Лорийском районе ашельских памятников (Любин, Беляева, 2006. С. 43). Материалом почти для всех ашельских и мустьерских артефактов служил гиало-дацит, который доступен как в виде массивных выходов и крупных блоков на склонах Джавахетского хребта, так и в виде галек и валунов в долинах ручьев, стекающих с него. Единичные ашельские артефакты изготовлены из андезита и андезито-дацита.

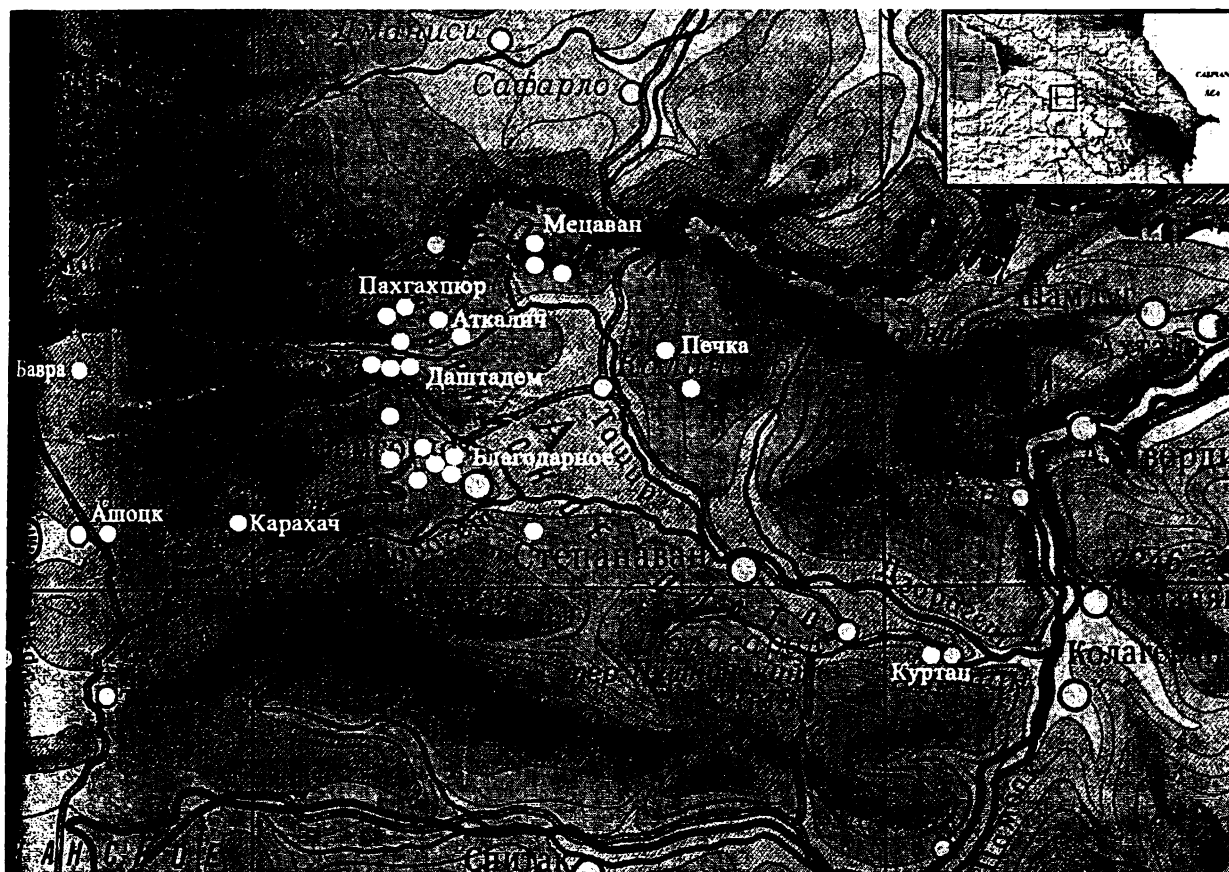

Рис. 1. Ашельские местонахождения Армении

Находки приурочены как к руслам горных ручьев (Пахгахпюр, Гюлунбулак, Норамут, Благодарный, Севджур и др.), стекающих с Джавахетского и Сомхетского хребтов, так и к пологим площадкам на высоких бортах их долин. Исключение составляет пункт-мастерская, привязанный к выходам дацита вокруг оз. Аткалич. Абсолютные высоты ашельских местонахождений находятся в интервале от 1600 до 2100 м над уровнем моря. Лишь один пункт обнаружен на высоте более 2600 м, над Карахачским перевалом.

Около трети подъемного материала составляют рубила – копьевидные, треугольные, овальные, сердцевидные, миндалевидные, с поперечным лезвием. Кроме рубил представлены скребла, леваллуазские острия, ножи, орудия с продольным рубящим краем типа «цалди», пики, чопперы и др. Нуклеусы (190 экз.) в основном одно- и двуплощадочные.

Типологически большинство артефактов относится к позднему ашелю. Однако есть и целая серия вещей, которая, по мнению В.П. Любина и Е.В. Беляевой, является типологически более ранней (Любин, Беляева, 2006. С. 41, 42). Наиболее архаичные формы орудий (из подъемного материала) пред-

ставлены не встречавшимися до сих пор на Кавказе пиками с трех- и четырехгранным поперечным сечением, крупными грубо оббитыми рубилами, массивными орудиями подпрямоугольных очертаний с поперечными лезвиями, «цалди» и др.

Из позднеашельских памятников раскопки производились на двух: Даштадеме 3 и Благодарном 4.

Стоянка **Даштадем 3** (абс. выс. 1900 м) находится в 6,3 км к западу от с. Даштадем (Илмазлу), в южной части широкого скалистого мыса, образованного ручьем Гюлунбулак (правый приток р. Ташир) и его коротким левым притоком, на высоте 20 м над тальвегом ручья. В раскопе зафиксированы следующие отложения:

1) черный гумусированный почвенно-растительный слой (0,15–0,2 м), плавно переходящий в подстилающий слой 2;

2) коричневый суглинок (0,6–0,7 м), в верхней части плотный, с малым содержанием обломочника, в нижней – насыщенный андезитовым обломочником и менее плотный;

3) голубовато-серая глина (0,01–0,1 м) в щелях скального основания;

4) скала – порфиновый андезит.

До глубины 0,6 м вместе с ашельскими артефактами встречаются фрагменты позднесредневековой керамики и осколки обсидиана. Хотя археологические материалы на стоянке не переотложены, они подверглись вертикальному и горизонтальному смещению в ходе процессов почвообразования и разрушения подстилающего скального основания. Подавляющее большинство артефактов залегает в нижней части отложений – на скале и непосредственно над ней.

Артефакты распределены по всей толще отложений. Причем до глубины 0,5 м вместе с ашельскими артефактами из гиало-дацита встречаются фрагменты позднесредневековой керамики. Немногочисленные мелкие отщепы, чешуйки и осколки непатинированного обсидиана (56 экз.) встречаются почти до самого скального основания – до 0,9 м. Предметы из органических материалов не сохранились.

В раскопе найдено 2529 каменных артефактов из гиало-дацита (2464), обсидиана (57) и яшмы (6), а также 4 куска охры и ложило из пемзы. Среди артефактов из гиало-дацита 81 относятся к нуклеусам, а 262 – к орудиям. Среди орудий 49 рубил (треугольные удлиненные, овальные, овальные с обушком, миндалевидные), 9 леваллуазских острий, 21 скребло, 13 скребков, 53 ножа с обушком, 3 двулезвийных ножа, 66 клювовидных орудий, 17 выемчатых орудий.

Стоянка **Благодарное 4** (абс. выс. 1665 м) находится в 1,3 км к ЗЮЗ от с. Благодарное, на южном берегу заболоченного озера под местным названием «Лиман». В 2007 г. на периферии открытой в 2004 г. стоянки был заложен шурф 2 x 2 м. Последовательность отложений в шурфе:

1) почвенно-растительный слой черного цвета с мелкими осколками андезитов – 0–0,3 м;

2) желтовато-коричневый суглинок с обломками кварцсодержащих андезитов размером до 0,5 м, обломки андезитов выветрены, покрыты желтоватой коркой, в них в виде ксенолитов встречаются галечные и бесформенные отдельности – 0,3–0,5 м;

3) коричневый суглинок, насыщенный крупными и мелкими обломками андезитов черного цвета, пористыми, сильно выветрелыми, цвет, видимо, обусловлен гидрооксидами железа – 0,5–1 м;

4) скальное основание черного андезита, трещиноватое, выветрелое, трещины заполнены коричневым суглинком.

Во втором слое, в основном под обрушившимися андезитовыми блоками, обнаружено 32 артефакта из гиало-дацита и обсидиана (5 экз.): нож с обушком, выемчатое орудие, 2 обломка орудий, нуклеус, пластины и отщепы. Также найден фрагмент пластины с притупленным краем из обсидиана. Вещи из дацита залегали большей частью непосредственно на кровле третьего слоя.

В заключение отмечу, что помимо позднеашельских памятников под руководством В.П. Любина и Е.В. Беляевой начаты раскопки двух стратифицированных памятников (Благодарное 1 Мурадово и Куртан 1), в слоях которых обнаружены, по их мнению, **раннеашельские и доашельские находки.**

Асланян С.А., Беляева Е.В., Колпаков Е.М., Любин В.П., Пилипосян А.С., Суворов А.В., 2007а. Армяно-Российская археологическая экспедиция // АО 2005 г.

Асланян С.А., Беляева Е.В., Колпаков Е.М., Любин В.П., Саркисян Г.М., Суворов А.В., 2007б. Работы Армяно-Российской археологической экспедиции в 2003–2006 гг. // Зап. ИИМК РАН. СПб. № 2.

Любин В.П., Беляева Е.В., 2006. Ранняя преистория Кавказа. СПб.

Харазян Э.Х., Сафарян В.Г., Маркосян Л.Е., Узунян В.Ш., Амарян В.М., 1983. Геологическая съемка масштаба 1:50000 на территории северо-западной части Армянской ССР... Ереван.

Aslanian S., Belyaeva E., Kolpakov E., Luybin V., Suvorov A., 2006. Stone Age in Northern Armenia // *Antiquity*. Vol. 80. № 308. Project Gallery. (<http://antiquity.ac.uk/projgall/aslanian%20et%20al/index.html>).

Dolukhanov P., Aslanian S., Kolpakov E., Belyaeva E., 2004. Prehistoric Sites in Northern Armenia // *Antiquity*. Vol. 78. № 301. Project Gallery.

М.В. Константинов, А.М. Константинов

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет

Геоархеология Забайкалья: проблемы и решения

В решении геоархеологических проблем в Забайкалье были существенные особенности. Одна из них определялась тем, что в процессе раскопок длительное время вскрывались только покровные (делювиальные и золовые) отложения, тогда как аллювий считался неперспективным. Впервые аллювиальные отложения изучались на многослойном поселении Санный Мыс под руководством А.П. Окладникова в 1968 г., что сразу позволило открыть серию культурных горизонтов, при этом в одном из них (горизонт 6) оказалось палеолитическое жилище (Окладников, 1971). С 1970-х гг. террасовые отложения на забайкальских памятниках стали систематически вскрываться вплоть до галечника (или цоколя, или водного пласта). В результате были обнаружены представительные серии культурных горизонтов во всех отделах рыхлых отложений, включая аллювий. В числе основных многослойных памятников с аллювиальной основой следует назвать Студеное 1 (38 культурных горизонтов); Студеное 2 (15 к. г.), Усть-Менза 1 (25 к. г.), Усть-Менза 2 (31 к. г.), Усть-Менза 3 (7 к. г.), Усть-Менза 5 (9 к. г.), Алтан (19 к. г.), Косая Шивера (14 к. г.) (Базаров, Константинов М.В., Иметхенов и др., 1982; Семина, 1986; Константинов М.В., 1994; Константинов А.В., 2001).

Вскрытие рыхлых отложений до их основания позволило открыть новые культурные горизонты на окладниковских древних поселениях Ошурково, Мухино, Посольское (Окладников, 1975; Ярославцева, 1993; Константинов М.В., 1994; Константинов М.В., Базарова, Семина, 1995).

Вторая геоархеологическая особенность проявлялась в том, что делювиальные отложения в Забайкалье отличаются скупостью и однообразием цветовой гаммы, что затрудняет визуальное выделение плейстоценовых палеопочв, являющихся, как известно, важными геохронологическими реперами. К тому же имел место особый «стратиграфический казус». Авторитетный геолог Э.И. Равский выделил каргинскую почву как показательную в делювиальных отложениях в стенках крупного оврага близ с. Альбитуй в бассейне р. Чикой. Он характеризовал эту палеопочву как яркую, черную, мощную. Монография Э.И. Равского (1964) издавалась уже после трагически раннего ухода исследователя из жизни, при этом к печати ее готовил С.М. Цейтлин, продолживший исследования своего друга и коллеги в

Забайкалье. Первоначально С.М. Цейтлин опирался на сложившиеся представления о характере позднечетвертичных отложений, и только накопив значительный собственный опыт, пришел к иному определению каргинской межледниковой палеопочвы, а вместе с тем – позднесартанских интерстадиальных палеопочв. И те и другие палеопочвы выделены им в разрезах отложений древних памятников Приисковое и Куналей, основные культурные горизонты которых принадлежат, соответственно, концу мустье и начальной поре позднего палеолита. Следует отметить, что важные полевые наблюдения над палеопочвами тех же древних поселений выполнялись геологами Д.Б. Базаровым, Л.Д. Базаровой, А.Б. Иметхеновым, И.Н. Резановым, А.К. Тулохоновым, А.Ф. Ямских. Мощность полного каргинского педокомплекса 0,7–1 м. Поскольку почвы формировались в аридных условиях центральноазиатского климата, они изначально были слабо насыщены гумусом и отличались бледным серым цветом, при этом в рамках плейстоцена они подвергались обесцвечиванию и мерзлотной деформации. Верхний ярус педокомплекса может частично (Куналей) или полностью (Приисковое) раствориться в раннесартанской солифлюксии. Все это в совокупности и приводит к тому, что увидеть плейстоценовые почвы в разрезах отложений забайкальских памятников возможно, лишь имея значительный полевой опыт.

Каргинские почвы наиболее полно проявляют себя в основании покровных отложений IV террасы; в такой же ситуации в теле III террасы наблюдается только верхний отдел каргинского педокомплекса, причем он представлен в виде 5–6 слабогумусированных суглинистых лент, разделенных осветленными супесчаными прослойками. Такая ритмика предполагает периодические кратковременные затопления, приводившие к перерывам в почвообразовании. Мощность позднекаргинского отдела педокомплекса – в пределах 0,5 м, что установлено по поселениям Читкан, Усть-Менза 10 (Полевой Бугор), Усть-Менза 13 (Увалистая). Позднесартанские интерстадиальные почвы в разрезах отложений располагаются выше, чем каргинские, на 1–1,5 м. Они представлены двумя тонкими, едва заметными «ленточками» потемнений (кокоревские и таймырские, что соответствует бёллингу и аллерёду западноевропейской схемы), мощностью по 8–10 см каждая, разделенными более светлой «ленточкой»,

отражающей кратковременное похолодание. Общая мощность указанного педокомплекса не более 0,3 м. Педокомплекс (как и нижележащие гыданские отложения) пронизаны клиньями, которые в супесях узкие, не более 10–12 см, а в суглинках и глинах – широкие, до 1,2 м в верхней части. Клинья начинаются с основания вышележащих норильских отложений, отмеченных сильной карбонатизацией.

Определенные проблемы существуют и с голоценовыми палеопочвами. Ныне они раскрыты в разрезах отложений серии многослойных памятников, таких как Усть-Менза 1, Студеное 1, Косая Шивера 1, Алтан и др., связанных с I надпойменной террасой (Базарова, 1985; Константинов М.В. и др., 2003)

На этих памятниках отчетливо представлены палеопочвенные прослойки (1–5 см) атлантического оптимума. Их насчитывается от 10 до 24. Вместе с разделяющими его светлыми прослойками атлантический педокомплекс имеет мощность от 1 до 2,7 м.

Особенностью формирования I террасы является то, что в период бореала происходил плоскостной размыв, что в итоге привело к перерыву в осадконакоплении, к появлению «бореальной лакуны». Вообще бореальные почвы являются в Забайкалье большой редкостью. Впервые они замечены А.П. Окладниковым во время раскопок древнего поселения Ошурково (Окладников, Хамзина, 1965), хотя тогда данный термин еще не был употреблен, а отложения считались близкими к рубежу плейстоцена и голоцена.

В дальнейшем (1986 г.) в Ошурково, при участии С.М. Цейтлина и Л.Д. Базаровой, бореальные почвы были определены уверенно. С ними связаны культурные горизонты 1 и 2 (средний мезолит) этого памятника.

Детальное изучение строения I–IV террас, с выделением всех геохронологических реперов, позволило установить их стратотип и выстроить террасовый ряд, включив в него и пойменные уровни (заметим, что верхняя пойма может содержать культурные горизонты).

Геоархеологические наблюдения позволили понять соотношение террас и склонов, а также особенности высотных параметров террас в условиях межгорных впадин.

По многим разрезам получены палинологические характеристики и серии радиоуглеродных дат. Как особую проблему выделим «упорное сопротивление» атлантического оптимума и суббореального периода к нормальному, т. е. адекватному характеру отложений, радиоуглеродному датированию. В трех изотопных лабораториях (ГИН, СОАН, ЛОИА) по 3 памятникам (Усть-Менза 1, Студеное 1, Алтан) по-

лучено 16 дат (по углю и гумусу), соответствующих не средней поре, как это должно быть по стратиграфии, а сартанскому, норильскому или бореальному времени. Например, по Студеному 1, горизонт 9 (ранний неолит), имеется дата 17700 ± 400 (ГИН-5495) (Базаров, Константинов М.В., Базарова, 1985; Константинов М.В., Семина, Колосов, Сулержицкий, 1989). Удревнение на 5–9 тыс. лет против возраста, рассчитываемого по геологической позиции, тем более удивительно и пока еще в полной мере не объяснимо, поскольку бореал и субатлантика дают «нормальные» даты по ^{14}C . Обеспечены адекватными датами и каргинско-сартанские отложения. Некритически оценивая радиоуглеродные даты по голоценовому оптимуму и суббореалу, можно с восторгом сообщать о древнейшей (плейстоценовой) в мире керамике и т. д. Однако правильнее другое: совместными усилиями специалистов по изотопному анализу, геологов и археологов продолжать поиск ответа на этот странный вызов природы. «Ответ на вызов» (почти по А. Тойнби) позволит снять одну из серьезных геоархеологических проблем не только для Забайкалья, но, судя по всему, для значительных территорий востока Азии.

Базаров Д.Б., Константинов М.В., Базарова Л.Д., 1985. Возраст археологических памятников Забайкалья по геологическим и радиологическим данным // Геохронология четвертичного периода: Тез. докл. Всесоюз. конф. (18–21 ноября 1985 г.). М.; Таллин.

Базаров Д.Б., Константинов М.В., Иметхенов А.Б., Базарова Л.Д., Савинова В.В., 1982. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. Новосибирск.

Базарова Л.Д., 1985. Палеогеографические реконструкции эпохи обитания первобытного человека в юго-западном Забайкалье (по материалам исследования археологических памятников): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Новосибирск.

Константинов А.В., 2001. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). Новосибирск.

Константинов М.В., 1994. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита.

Константинов М.В., Базарова Л.Д., Семина Л.В., 1995. Древнее поселение Посольское (новые материалы) // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ.

Константинов М.В., Константинов А.В., Васильев С.Г., Екимова Л.В., Разгильдеева И.И., 2003. Под покровительством Большого Шамана: Археологическое путешествие по Забайкалью. Чита.

Константинов М.В., Семина Л.В., Колосов В.К., Сулержицкий Л.Д., 1989. Проблема определения возраста археологических памятников Забайкалья // Геохроно-

- логия четвертичного периода: Тез. докл. Всесоюз. совещ. (9–11 ноября 1989 г.). М.; Таллин.
- Окладников А.П., 1971. Многослойное поселение Санный Мыс на реке Удэ (раскопки 1968 г.) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Новосибирск. Вып. 1
- Окладников А.П., 1975. Древнее Забайкалье (культурно-исторический очерк) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск. Ч. II: Забайкалье.
- Окладников А.П., Хамзина Е.А., 1965. Работы в Ошурково в 1958 г. // Тр. Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР. Вып. 16. Сер. востоковедения. Улан-Удэ.
- Равский Э.И., 1972. Осадконакопления и климаты Внутренней Азии в антропогене. М.
- Семина Л.В., 1986. Эпоха неолита и палеометалла юго-западного Забайкалья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Ярославцева Л.Г., 1993. Многослойное поселение Мухино // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. Новосибирск.

Я. В. Кузьмин

Институт геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск

Динамика памятников позднего палеолита Сибири и Дальнего Востока России: количественный подход*

В последние 10–15 лет изучение динамики населения на основе количественного анализа радиоуглеродных дат древних поселений стало неотъемлемой частью работ в области экологии доисторического человека, в том числе, для территории Сибири и Дальнего Востока России (Goebel, 2002; Dolukhanov et al., 2002; Kuzmin, Keates, 2005; Surovell et al., 2005; Graf, 2005; Fiedel, Kuzmin, 2007; Fiedel et al., 2007). Нами разработана и опробована методика подсчета «эпизодов заселения», отражающих количество древних поселений (и, соответственно, численность населения) в палеолите (Kuzmin, Keates, 2005; Fiedel, Kuzmin, 2007; Орлова и др., 2007). Здесь приводятся некоторые результаты интерпретации полученной информации.

Гистограмма (рис. 1) распределения «эпизодов заселения» Сибири и Дальнего Востока России в позднем палеолите, около 36–10 тыс. (^{14}C) л. н., в календарной шкале времени – 42–12 тыс. кал. л. н. (методику см.: Fiedel, Kuzmin, 2007. P. 744–746), позволяет проводить корреляцию изменения количества поселений и климатических событий второй половины позднего неоплейстоцена (Fiedel, Kuzmin, 2007). Полученные данные несколько отличаются от распределения некалиброванных ^{14}C дат (Kuzmin, Keates, 2005; Орлова и др., 2007). Так, первый пик «эпизодов заселения» отмечен около 41–40 тыс. кал. л. н. Волнообразный характер гистограммы (с пиками и минимумами) наблюдается для отрезка 42–26 тыс. кал. л. н., после чего количество «эпизодов» растет. Для некалиброванных «эпизодов» характерно их незначительное число 42–36 тыс. л. н., с последующим

постепенным ростом 36–16 тыс. л. н. и резким увеличением 16–12 тыс. л. н. (Kuzmin, Keates, 2005).

Наблюдаемые в распределении «эпизодов заселения» пики и минимумы пока не находят прямого соответствия в изменениях природной среды, отраженных в климатических записях ледников Гренландии (Johnsen et al., 2001) и донных осадков Байкала (Prokopenko et al., 2001). Так, время максимума последнего похолодания (Last Glacial Maximum; LGM) – около 22–19 тыс. кал. л. н. (Kuzmin, 2008) – соответствует росту количества памятников. Похолодание позднего дриаса (Younger Dryas, YD) около 13–11,5 тыс. кал. л. н. также не привело к сокращению количества памятников (Fiedel et al., 2007). Уменьшение количества «эпизодов» около 16–15 тыс. кал. л. н. происходит на фоне постепенного потепления после холодных условий LGM.

Однако следует иметь в виду, что представленная картина распределения «эпизодов» для обширной (12 млн. км²) территории Сибири и Дальнего Востока России (рис. ...) отражает некий общий тренд. Что касается конкретных объектов, то ситуация может выглядеть по-другому. Например, Янская стоянка на крайнем севере Восточной Сибири (71° с. ш.) существовала около 28 тыс. ^{14}C л. н. (т. е. около 30,5 тыс. кал. л. н.) в достаточно теплых условиях, сравнимых с современными (Питулько и др., 2007). Этот эпизод в Арктике соответствует в целом событию D–O 5 (Fiedel, Kuzmin, 2007. P. 747) с весьма «теплым» климатом. Количество «эпизодов» 31–30 тыс. кал. л. н. является максимальным для интервала 42–19 тыс. кал. л. н. (рис. 1).

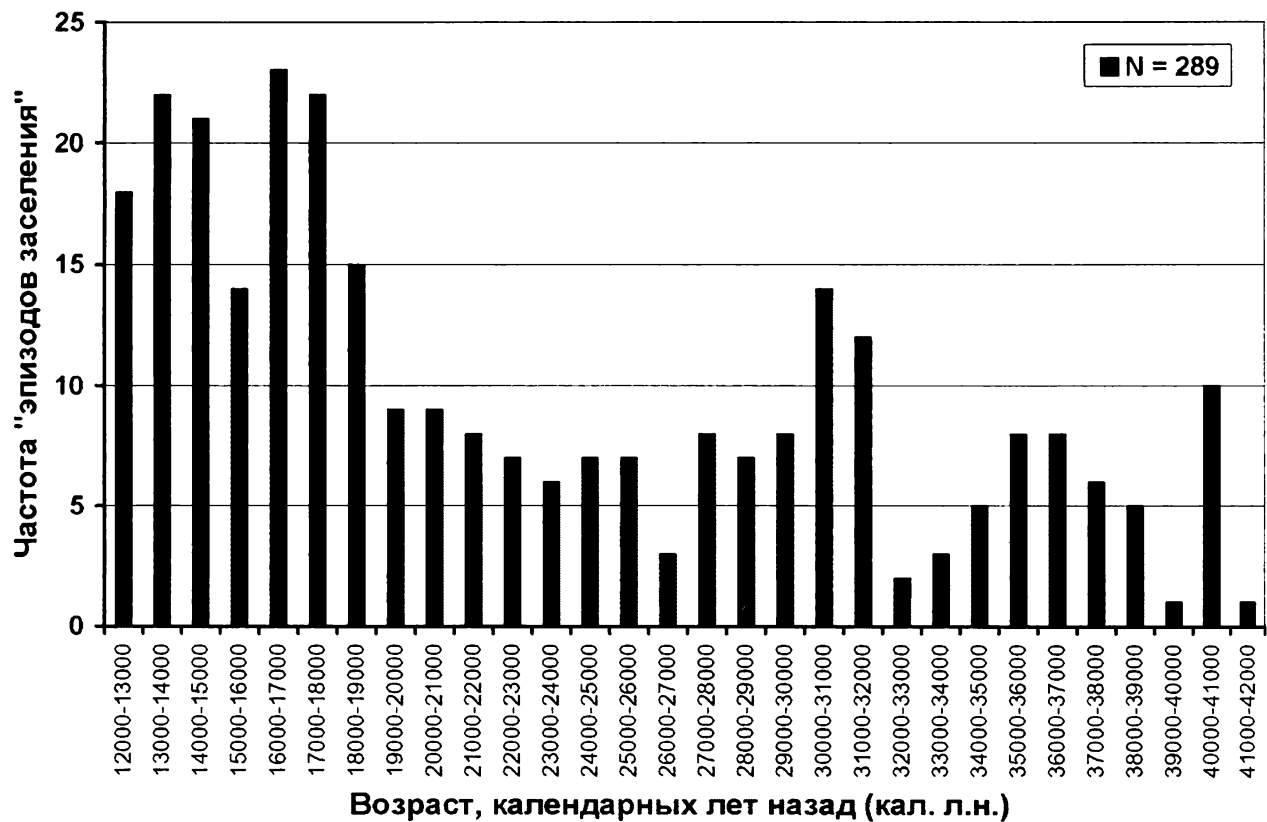

Рис. 1. Динамика заселения Сибири и Дальнего Востока России в позднем палеолите

При проведении работ, подобных представленным в настоящем сообщении, необходимо помнить, что точность подсчета «эпизодов заселения» не превышает 3–4 тыс. календарных лет (см., напр.: Roesbrogks, 2003. Р. 99); это связано с несовершенством существующих ныне калибровочных кривых, особенно для отрезка древнее 20 тыс. л.н. (Van der Plicht et al., 2004). Таким образом, связать экстремумы распределения «эпизодов заселения» с конкретными природными событиями пока проблематично из-за невысокой разрешающей способности используемой методики; в этом смысле полученные автором результаты являются предварительными.

* Исследование поддержано РФФИ (проекты 96-06-80688, 99-06-80348, 02-06-80282, 06-06-80258) и программой Фулбрайт (США; проекты 96-21230, 03-27672).

Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Дементьев В.Н., 2007. Хронология древних культур позднего палеолита Сибири и Дальнего Востока России: Перспективы построения и интерпретации базы радиоуглеродных данных // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Иркутск. Т. 2.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Кузьмина С.А., Никольский П.А., Базилян А.Е., Тумской В.Е., Анисимов М.А., 2007. Природно-климатические изменения на Яно-Индигирской низменности в конце каргинского времени и условия обитания людей верхнего палеолита на севере Восточной Сибири // Докл. Акад. наук (РАН). Т. 417. № 1.

Dolukhanov P.M., Shukurov A.M., Tarasov P.E., Zaitseva G.I., 2002. Colonization of northern Eurasia by modern humans: radiocarbon chronology and environment // Journal of Archaeological Science. Vol. 29. № 6.

Fiedel S.J., Kuzmin Y.V., 2007. Radiocarbon date frequency as an index of intensity of Paleolithic occupation of Siberia: Did humans react predictably to climate fluctuations? // Radiocarbon. Vol. 49. № 2.

Fiedel S.J., Kuzmin Y.V., Keates S.G., 2007. Siberia in the Late Glacial, ca. 18,000–10,000 RCYBP (20,000–12,000 CALYBP): Did climate impact Paleolithic populations? // Current Research in the Pleistocene. Vol. 24.

Johnsen S.J., Dahl-Jensen D., Gundestrup N., Steffensen J.P., Clausen H.B., Miller H., Masson-Delmotte V., Sveinbjörnsdóttir Á.E., White J., 2001. Oxygen isotope and palaeotemperature records from six Greenland ice-core stations: Camp Century, Dye-3, GRIP, GISP2, Renland and North GRIP // Journal of Quaternary Science. Vol. 16. № 4.

- Goebel T., 2002. The «microblade adaptation» and recolonization of Siberia during the late Upper Pleistocene // *Thinking Small: Global Perspectives on Microlithization*. Arlington.
- Graf K.E., 2005. Abandonment of the Siberian mammoth-steppe during the LGM: evidence from the calibration of ¹⁴C-dated archaeological occupations // *Current Research in the Pleistocene*. Vol. 22.
- Kuzmin Y.V., 2008. Siberia at the Last Glacial Maximum: environment and archaeology // *Journal of Archaeological Research*. Vol. 16. № 2.
- Kuzmin Y.V., Keates S.G., 2005. Dates are not just data: Paleolithic settlement patterns in Siberia derived from radiocarbon records // *American Antiquity*. Vol. 70. № 4.
- Prokopenko A.A., Karabanov E.B., Williams D.F., Kuzmin M.I., Khursevich G.K., Gvozdkov A.A., 2001. The detailed record of climatic events during the past 75,000 yrs BP from the Lake Baikal drill core BDP-93-2 // *Quaternary International*. Vols. 80–81.
- Roebroeks W., 2003. Landscape learning and the earliest peopling of Europe // *Colonization of Unfamiliar Landscapes: The Archaeology of Adaptation*. London.
- Surovell T., Waguespack N., Brantingham P.J., 2005. Global archaeological evidence for proboscidean overkill // *PNAS*. Vol. 102. № 17.
- Van der Plicht J., Beck J.W., Bard E., Baillie M.G.L., Blackwell P.G., Buck C.E., Friedrich M., Guilderson T.P., Hughen K.A., Kromer B., McCormac F.G., Bronk Ramsey C., Reimer P.J., Reimer R.W., Remmele S., Richards D.A., Southon J.R., Stuiver M., Weyhenmeyer C.E., 2004. NotCal04-comparison/calibration ¹⁴C records 26–50 cal kyr bp // *Radiocarbon*. Vol. 46. № 3.

Н.Б. Леонова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Организация жилого пространства на стоянках каменнобалковской культуры*

На мой взгляд, в палеолитоведении настало время для широкой дискуссии на тему такого сложного, чтобы не сказать загадочного, понятия и объекта исследований, как палеолитическое жилище. К сожалению, большинство широко распространенных мнений по этому вопросу базируется на результатах неполных, непрофессиональных исследований или, зачастую, на их фантастических интерпретациях.

Бесспорно, что для улучшения этой ситуации и генерации нового комплекса идей совершенно необходимо провести пересмотр всех имеющихся археологических данных, а также методов их полевого и камерального исследования, и, что особенно важно, выработать критерии для выделения различных по характеру скоплений культурных остатков, которые могут быть остатками жилых конструкций. Только после этого станет возможным говорить о различных типах жилищ, их классификации и создавать непротиворечивые и корректные реконструкции систем расселения и жизнеобеспечения в различных регионах.

Особенно злободневна проблема выделения жилых объектов для южных областей, где и климат был существенно мягче, что не требовало создания слишком массивных конструкций, и строительный материал был иным: современные исследования палеоэкологии говорят о достаточном количестве

деревя и других растительных ресурсов (Леонова и др., 2006).

С учетом вышесказанного становится ясно, что следы или иные остатки жилых конструкций в южных областях должны выглядеть совершенно иначе, чем в перигляциальной зоне, и для их обнаружения нужна особая тщательность при раскопках, фиксации материала и камеральной обработке данных. Кроме того, при раскопках степных памятников необходимо учитывать своеобразие культурных слоев, которые зачастую переработаны различными природными процессами постгенетического характера.

Современное состояние научных представлений по этому поводу показывает, что в течение всего периода позднего плейстоцена природные условия в разных районах степной зоны были разнообразны и изменчивы, что может быть связано с колебаниями интерстадиальных циклов. По этой причине древнейшее население степной зоны было вынуждено достаточно быстро адаптироваться к меняющимся условиям жизни и вырабатывать гибкие системы жизнеобеспечения. Археологические данные свидетельствуют о существовании в степной зоне нескольких культур, представленных памятниками разных хозяйственных типов. На базовых стоянках прослеживаются достаточно выразительные и относительно мощные (10–20 см и более) культурные

слои, что противоречит тезису о слишком большой подвижности населения. На этих памятниках исследователи выделяют особые участки, которые интерпретируются как жилые площадки или жилища. Наиболее яркие примеры дают стоянки Осокоровка 1, Мураловка, Каменная Балка 1–3, Золотовка 1 (Leonova, 2003).

Жилище или иной жилой объект представляет собой, на мой взгляд, особый структурный элемент слоя, который формируется достаточно долго (период стройки и бытования), но, по сравнению с открытым, не имеющим четких ограничений пространством, накопление материала здесь лимитировано, во-первых, четкими границами (стенами, кровлей) и, во-вторых, совершенно определенными видами деятельности, происходящими внутри. Исходя из этого, участок слоя внутри жилища может содержать остатки (продукты или следы) только той активности, которая предусматривается культурными нормами и традициями по отношению к жилому пространству, а также фиксированным хронологическим отрезком – временем бытования жилища. Стало быть, это позволяет отыскивать на площади поселения специфические, более четкие структуры с «читающимися» пространственными границами и особыми, по сравнению с другими участками, наборами культурных остатков.

Внутри этих выделенных участков возможен ряд наблюдений, основанных на методах микростратиграфии, которые могут позволить говорить об относительной долговременности того или иного объекта. Это, прежде всего, выделение, если она есть, микрослоистости зольных пятен и/или очажного заполнения – в этом случае мы можем говорить о неоднократных чистках очага (очагов) и/или повторности их использования.

Напротив, наблюдения над фаунистическими остатками внутри предполагаемых жилых площадок или жилищ не дают основания судить о длительности бытования, т. к. трудно предположить, что небольшой закрытый объем превращался в свалку пищевых отходов. Фаунистические остатки могут дать сведения о сезоне обитания, пищевом рационе, а также о работе с костью, при наличии соответствующих орудий.

То же самое можно сказать и о количестве артефактов: учитывая то, что помещение убиралось, исследователь не имеет возможности судить обо всем объеме работ, которые были произведены в жилище, а имеет дело только с тем, что было в нем в момент оставления. Состав и количество предметов не позволяют судить о длительности обитания, а говорят лишь о характере и интенсивности жизнедеятельности.

Содержание этой работы – результат многолетних комплексных планиграфических и микростратиграфических исследований стоянок Каменной Балки. И хотя здесь речь идет о памятниках южных областей, представляется, что эта проблематика имеет не только региональный интерес.

На стоянках Каменной Балки исследованной сплошной площадью (около 1800 м²) выявлено несколько специфических участков, имеющих четкие пространственные границы и особый состав находок. Как правило, они имеют овальную форму (рис. 1, 2). При тщательном полевом исследовании можно заметить следы изменения текстуры и окрашенности вмещающей породы внутри этих участков, обусловленные их более активным использованием. Окрашенность бывает разной: это золистость, гумусированность, иногда легкая оглеенность, все это дополняют пятнышки и включения охры, мельчайших угольков и костной трухи.

В местах нарушения границ выделенных скоплений можно проследить так называемые «шлейфы находок», которые, по-видимому, показывают направления входов-выходов. Эти участки характеризуются такой же переработанной и окрашенной поверхностью и свободным распространением мелких и мельчайших угольков, кремневых чешуек и костных остатков – возможно, что это следы уборки и чистки очагов. Естественно, что промывка всей вмещающей породы в поле существенно помогает обнаружению этих мест, особенно если окрашенность отсутствует, и дальнейшей характеристике состава находок.

По краям и во внутренней части этих участков нередко остаются следы элементов строительных конструкций, которые на стоянках Каменной Балки представлены ямками с вкопанными костями. Это компактные скопления из 3–5 крупных фрагментов костей копытных, как правило, обращенных эпифизами вниз и углубленных по отношению к уровню слоя на 15–30 см. Такие ямки могут располагаться по контуру скопления или вблизи очагов. Вероятно, они служили для забутовки опорных столбов или столбиков легких наземных сооружений.

В жилых объектах стоянок Каменной Балки всегда присутствует несколько очагов, расположенных по длинной оси скопления. Здесь часты очаги, нижняя часть которых заполнена обычной очажной массой, а верхняя – крупными фрагментами необожженной кости. В некоторых случаях четко прослеживаются два микрогоризонта культурных остатков, один из которых связан с нижней, а другой – с верхней частью очага. В таких случаях мы с уверенностью можем говорить о двух эпизодах обитания, хотя каждый из них мог быть и не слишком продолжительным (Леонова и др., 2006).

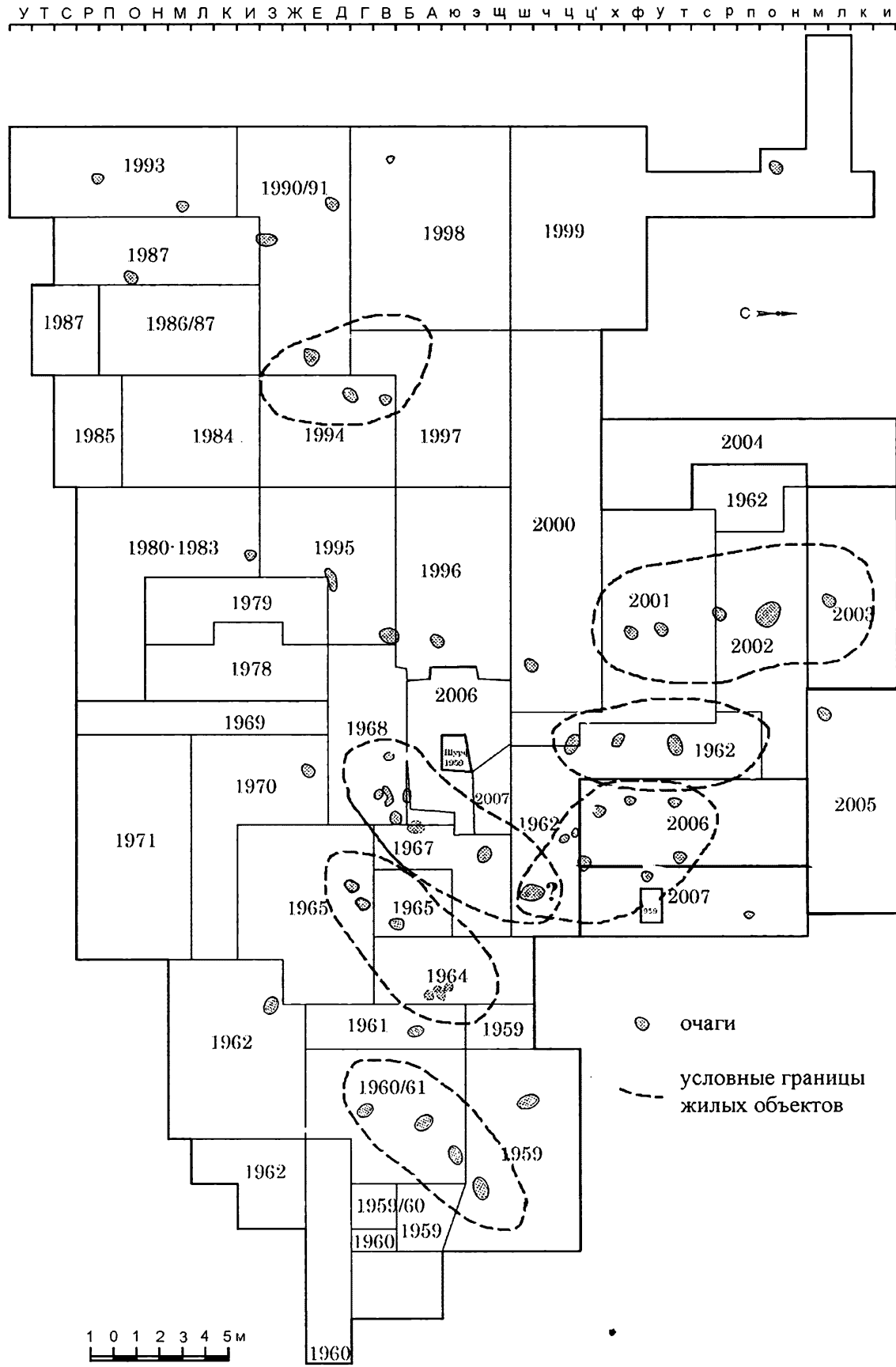

Рис. 1. Каменная Балка II. Схема расположения жилых объектов

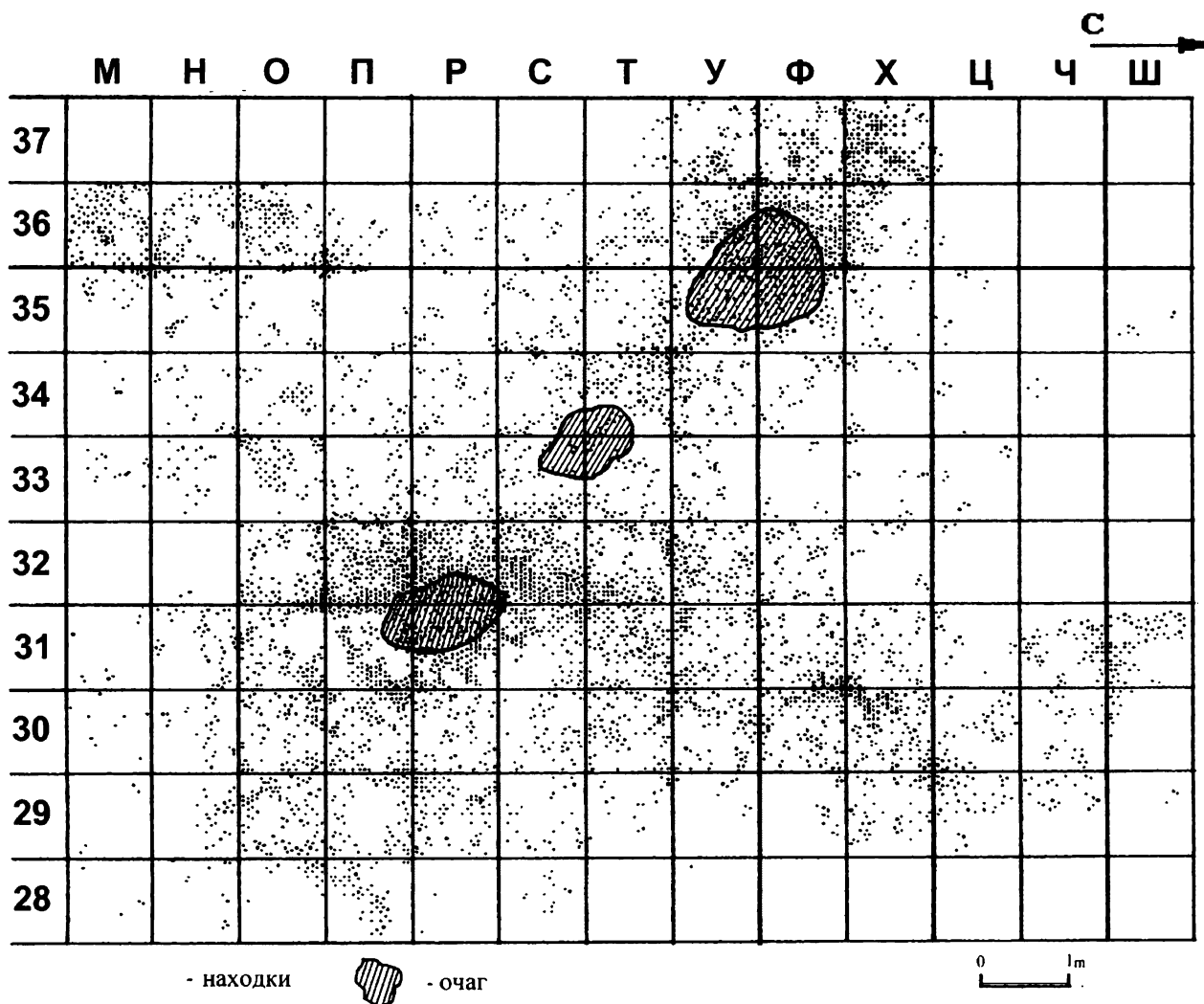

Рис. 2. План жилой площадки на стоянке Каменная Балка I

На этих особых участках состав находок специфичен – здесь их всегда много, а доля разнообразных орудий очень высока – иногда до 30% (см. тезисы Е.А. Виноградовой в настоящем издании). Естественно, что в закрытом объеме вещи распространяются иначе, чем на открытом месте. Они значительно меньше перемещаются и концентрируются либо у очагов, либо в местах той или иной хозяйственно-бытовой деятельности. В некоторых случаях распределение орудий вокруг очага позволяет прийти к заключению, что по одну его сторону располагаются наборы предметов, связанные с традиционной женской деятельностью – шитьем (маленькие скребки, микрорезцы, микроострия и проколки), а по другую – с мужской, такой как раскалывание камня и работа с костью. Археолог вряд ли может решать вопрос о разделении труда по половой принадлежности, но определить разницу в размещении разнохарактерной деятельности – обязан.

Если очагов несколько, то набор окружающих их предметов может быть сходным по составу или, напротив, резко отличаться, т. к. каждый очаг мог быть центром какого-то определенного вида работ или занятий.

Традиционное представление о том, что у стенок жилищ должно быть пусто и что там располагаются «спальные зоны», при тщательном исследовании не подтверждается. Кроме скоплений непосредственно у очагов, как неподалеку от них, так и ближе к стенкам, располагаются разнообразные, иногда небольшие, а иногда и очень солидные, скопления, часто представленные специфическими орудийными наборами.

Пространство, непосредственно окружающее жилой объект, характеризуется обилием специализированных производственных центров, нередко связанных с первичным расщеплением и изготовлением различных заготовок. Данные проведенно-

го ремонта часто показывают связь между этими центрами и внутрижилищным пространством. Это позволяет нам выделять единый комплекс, который мы называем жилой площадкой.

Кроме орудий, значительную долю в кремневых «жилищных» ансамблях занимают заготовки для них и микродебитаж (мельчайшие чешуйки, осколки, микрорезцовые отщепки и пр.), который группируется в определенных местах, где, по-видимому, эти орудия и производились (см. тезисы М. Хамакава в настоящем издании).

В заключение описания специфики культурного слоя жилищ и жилых площадок хочется еще раз обратить внимание на важность определения *характера природных факторов и степени их*

проявления, что очень важно при интерпретации материала.

* Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ (проекты 06-800-16, 08-06-10025) и РГНФ (проекты 07-01-18135, 08-01-18119).

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А., 2006. Палеоэкология равнинного палеолита. М.

Leonova N., 2003. Dwelling in the Eastern Steppe Zone: Perceived Landscapes and Build Environments // The Cultural Geography of Late Paleolithic Eurasia / Eds. S.A. Vasil'ev, O. Soffer, J. Kozlovski. (BAR. Intern. Ser. 1122.)

О.В. Лозовская¹, И. Клементе², В.М. Лозовский¹

¹ Сергиево-Посадский государственный музей-заповедник

² Институт Мила и Фонтана, Барселона, Испания

Орудия из челюстей бобра стоянки Замостье 2: экспериментально-трасологический подход

История каменного века представляет собой историю развития орудий труда и охоты, освоения новых технических приемов и материалов, усложнения и совершенствования технологий. В то же время, избегая лишних временных и трудовых затрат, первобытный человек всегда стремился эффективно использовать естественные предметы и формы. Ярким проявлением такого стремления является своеобразный тип скобляще-режущего орудия из нижних челюстей бобра, получивший широкое распространение в мезолитическое и неолитическое время в лесной зоне Восточной Европы.

Бобр являлся одним из основных объектов промысла, поскольку не только представлял собой ценный пищевой ресурс, но также давал теплый мех и лекарственное сырье. Места обитания бобров поражали видом поваленных деревьев разной толщины. Наблюдение за живой природой дало древним людям понимание того, что резцы этих грызунов являются орудием эффективным и специально предназначенным для обработки растительных древесных материалов.

Стоянка Замостье 2, ныне расположенная вдоль искусственного русла р. Дубна, притока Волги, на севере Московской обл., в конце борейала – начале атлантикума представляла собой серию последовательных поселений охотников-рыболовов на берегу

обширного озера, окруженного цепочкой проток, сосново-березовыми, позднее широколиственными, лесами и лугами. Основные культурные слои памятника датируются поздним мезолитом и ранним неолитом. Все слои дали богатый фаунистический материал и большое количество костяных изделий, которые отличают техническое мастерство и изящество форм (Lozovski, 1996). Наряду с совершенными по исполнению образцами наконечников и гарпунов, кинжалов и ножей, а также крючками, заколками и предметами искусства, на стоянке найдена одна из самых многочисленных в Европе серий орудий из челюстей бобра – 880 изделий (коллекция хранится в Сергиево-Посадском историко-художественном музее-заповеднике), из них в нижнем мезолитическом слое 160, в верхнем мезолитическом 546; переходные к неолиту слои дали 95 экземпляров, а ранне-неолитический слой верхневолжской культуры – 79. О востребованности данного типа орудий в древности говорит не только их многочисленность, но и тот факт, что на стоянке не найдено ни одной целой бобровой челюсти, не подвергшейся хотя бы частичной переработке человеком.

В качестве заготовки для будущего орудия в равной степени использовались правые и левые нижние челюсти, без каких-либо предпочтений. В основном это челюсти взрослых особей, что не было связано

со специальным отбором заготовок, а скорее отражало предпочтения или возможности в охоте. Вероятно, использовались челюсти свежееубитых животных, хотя характерные метки от снятия шкуры редки (Chaix, 2004).

Естественная оправа, которую представляла собой нижняя челюсть бобра, нуждалась в небольшой подправке для удобства захвата рукой. Подправка заключалась в удалении верхних (венечного и суставного) отростков до уровня коренных зубов. Отростки часто просто отламывались или отбивались, иногда по заранее намеченному насечками уровню. Кромка сломов почти всегда выравнивалась достаточно грубой оббивкой. Подобный прием обработки наблюдается на 90% орудий. О том, что удаление верхних резцов связано с адаптацией челюсти для удобства захвата рукой, свидетельствуют также заметная невооруженным глазом стертость и скругленность кромок и разной степени залощенность выступов и высоких участков негативов оббивки. На широких поверхностях следы от захвата инструмента проявляются в виде блестящего глянца, жирного вида, различных микроуглублений и длинных и тонких линейных следов без доминирующей ориентации. Судя по экспериментам, моляры у большей части челюстей коллекции могли быть обязаны своей сохранностью тому, что эта часть орудия была обернута корой дерева либо растения или другим материалом (кожа?), что препятствовало выпадению коренных зубов. находка подобной челюсти, обмотанной полоской бересты, известна на стоянке Веретье 1 (Ошибкина, 1997. С. 90–92. Рис. 65, 1).

Искусственной модификации в рукояточной зоне подвергался также торец челюсти с нижним угловым отростком. В отличие от стандартизированной оббивки верхних отростков, эта обработка носила крайне нерегулярный характер. Очевидно, что форма торца не имела существенного значения в процессе использования, это косвенно подтверждают крайне редкое скругление кромки или выступов (т. е. редкий контакт с рукой/обмоткой) и почти полное отсутствие примеров намеренного ретуширования и формирования торцевого края. Тем не менее, нижний угловой отросток удален более чем у половины орудий. Иногда это серия хаотичных выломов, формирующих относительно прямую или выпукло-выемчатую кромку, иногда – фасетки случайной выщербленности. Тонкая кость в зоне торца достаточно хрупка, и не всегда можно быть уверенным в намеренности, а не случайности, части сломов.

У подавляющего большинства челюстей (87,1%) имеются отверстия в зоне роста. Их предназначение всегда вызывало большой интерес археологов, кото-

рые часто интерпретировали их как отверстия для подвешивания. Прежде всего, следует отметить, что отверстия встречаются с внутренней (лингвальной; 30,5%) или внешней (щечной; 0,5%) стороны – вместе они составляют сквозное (54,2%) отверстие, – а также на угловом отростке (1,9%). Внутреннее отверстие оформлялось стандартно – продавливалось внутрь вместе с резцом, о чем свидетельствует совпадение контуров, на редких экземплярах имеются следы ударов. Формирование наружного отверстия происходило по-разному: преобладают продавленные отверстия с естественно-неровным контуром, иногда они расширены ретушью по периметру; есть пробитые, со следами ударов; прорезанные (резцовое резание/скобление); проскобленные с вогнутой короткой или уплощенной площадки; пробитые с уплощенной площадки, а также просверленные. Отверстия на угловом отростке характерны для нижнего мезолитического слоя. Кромки отверстий не оглажены, что исключает возможность подвешивания. В результате проведенных экспериментов было выяснено, что отверстие в зоне роста необходимо для «застопоривания», с помощью вставленного деревянного фрагмента, движения резца в канале, без которого он с большой вероятностью сломается. Более того, заклиненный резец позволяет применять большее усилие в работе, и орудие становится более эффективным. Подобный экземпляр – с резцом, заклиненным палочкой, – был найден в слое раннего неолита стоянки Замостье 2. Это отверстие – одна из особенностей, характерных для орудий, использовавшихся в Волго-Окском междуречье.

Итак, челюсти подвергались целой серии изменений, которые обеспечивали удобный захват и большую эффективность при использовании. Все изменения, включая отверстие, имеют ясный функциональный характер.

В коллекции стоянки представлены все этапы оформления и переоформления рабочих резцовых лезвий и прилегающих участков кости – от первичных срезов резца на уровне начала зубного ряда до оббивки кости вдоль всего канала для извлечения резца с целью дальнейшей утилизации (подвески). Приведем лишь несколько наблюдений, сделанных в процессе экспериментального использования челюстей бобра в работе. Для оживления или заострения режущей кромки эффективнее применять скобление внутренней части резца каменным орудием, поскольку отжимная ретушь связана с риском слома резца. Модификация резца с помощью нижнего продольного среза служила для формирования дополнительных углов и ребер, которые с функциональной точки зрения могли служить большой рабочей поверхностью.

Функциональное изучение выборки орудий с сохранившимися резцовыми лезвиями (42 экз.) было проведено И. Клементе. Следы использования в виде заполировки и разнонаправленных линейных следов сосредоточены в основном на поверхности резца, как на острие, где они обычно более развиты, так и на внутренней поверхности. Иногда они также наблюдаются на симфизе и участках кости вблизи резца, прежде всего в случаях, когда рабочий угол почти плоский. Эти следы обычно простираются до 1,5 см в глубину резца. Далее следы износа занимают только верхнее и нижнее ребро и имеют скругление, поперечное продольной оси, с микрозаполировкой с более компактным коалесансом, линейными следами различной формы, размеров и глубины, соответствующими тому же направлению движения. Это указывает на то, что эти орудия применялись для поднятия/извлечения материала заостренной частью резца, а также скобления и зачистки (шлифовки) обрабатываемого материала боковыми сторонами и всей остальной поверхностью резца. Большинство орудий имеет специфические следы, характерные для обработки дерева, в то же время другие, вероят-

но, связаны с обработкой твердых животных материалов, например рога лося.

Таким образом, эти орудия могли использоваться как долота-стамески и как скребки-шпатели, поскольку характеристики используемых кромок позволяют обтесывать (обтачивать), скоблить-скрести, вырезать (гравировать) и зачищать обрабатываемый материал. С такой формой они могли использоваться для производства блюдец, ложек, гравированных изделий и т. д., а также для прорезания пазов, как в дереве, так и в роге и другом твердом материале.

Ошибкина С.В., 1997. Веретье 1: Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.

Chaix L., 2004. Le castor, un animal providentiel pour les Mésolithiques et les Néolithiques de Zamostje (Russie) // Petits animaux et sociétés humaines: Du complément alimentaire aux ressources utilitaires: XXIVe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Antibes.

Lozovski V.M., 1996. Zamostje 2: Les derniers chasseurs-pêcheurs préhistoriques de la Plaine Russe: Guides archéologiques du «Malgré-Tout». Treignes.

В.П. Любин

Институт истории материальной культуры РАН

Новый этап в изучении ранней преистории Кавказа

1. Исходным пунктом ранней преистории Кавказского региона считается стоянка Дманиси в южной Грузии (около 1,8 млн. л.н.), где найдены антропологические остатки раннего *Homo erectus (ergaster)* вместе с архаичной индустрией, определяемой как пре-олдован. До недавнего времени между Дманиси и известными в разных районах Кавказа довольно развитыми ашельскими индустриями (пещерные стоянки Азых, Треугольная, Кударо I и III, Цона) наблюдалась лакуна протяженностью более чем в 1 млн. лет. Открытия последних лет коренным образом изменяют наши представления о первоначальном заселении Кавказа: миллионолетний hiatus начал понемногу заполняться вновь открытыми памятниками с весьма архаичными индустриями. Таковы Амиранис-гора в южной Грузии, Айникаб I, Мухкай I, Дарвагчай и др. в Дагестане, Богатыри и Родники на Тамани, которые по совокупности различных данных предварительно датируются исследователями в интервале 1,5 млн. – 600 тыс. л. н. (Амирханов, 2007; Габуня, 2007; Щелинский, Кулаков, 2007). К этому же интервалу, по-видимому, должны отно-

ситься и новые материалы, обнаруживаемые в самое последнее время на территории северной Армении.

2. Новые архаичные находки, сделанные в ходе работ Армяно-Российской экспедиции под руководством С.А. Асланяна, происходят с севера Армянского нагорья – из предгорий Джавахетского хребта и примыкающей к нему Лорийской котловины (Асланян и др., 2007). Здесь, в отличие от Центральной Армении, где обнаружены верхнеашельские обсидиановые индустрии, была открыта зона индустрий, базировавшихся на разновидностях дацитового, а также андезитового сырья. Судя по облику и составу находок, эта «дацитовая зона» была заселена в более ранние сроки, чем центральноармянская обсидиановая. Относительно поздний возраст ашельских материалов местонахождений долины р. Раздан определяется не только технико-типологическими характеристиками (верхний ашель фации леваллуа), но и датировкой излияний местного обсидианового сырья (350–300 тыс. л. н.). Среди дацитовых находок Лорийской котловины наряду с изделиями, находящими соответствие в позднеа-

шельских леваллуазских индустриях обсидиановой зоны, выделяется целый ряд явно более архаичных форм. Среди них грубо оббитые крупные и массивные рубила без следов ретушной подправки лезвий, крупные рубяще-режущие орудия – как поперечно-лезвийные (типа крупных скребел или протокливеров), так и продольно-лезвийные типа «цалди», а также пиковидные орудия и необычные крупные орудия с завершением в виде массивных клювов. Эти артефакты впервые указывают на наличие на южных рубежах Кавказа ашельских индустрий, которые по своему технико-типологическому облику должны быть явно древнее верхнего ашеля и могут быть соотнесены с материалами среднеашельских памятников Ближнего Востока.

3. Открытие в «дацитовых зонах» первых в Армении стратифицированных памятников раннего палеолита позволяет, наконец, ставить и решать вопросы, касающиеся типологического и технологического облика индустрий и их последовательности. В однослойной стоянке Даштадем 3 (раскопки Е.М. Колпакова) удалось получить полный набор верхнеашельского инвентаря. Огромный интерес представляет многослойный памятник Мурадово (раскопки В.П. Любина и Е.В. Беляевой), где материалы, обнаруживаемые в поверхностных местонахождениях, распределились по стратиграфической вертикали. Несмотря на небольшую пока площадь вскрытия, здесь удалось четко проследить, что слои 1–2 содержат верхний ашель фации леваллуа, а в слое 3 залегает ашель менее развитого облика (неваллуазское расщепление, грубо отделанные бифасы, чопперы и пики). Привлекают внимание многочисленные находки из нижележащих слоев 4 и 5, изготовленные из иного типа сырья. В слое 5 изделия представлены двумя крупными скреблами и двумя чопперами. Вопрос о возрасте и типологическом облике материалов из нижних слоев Мурадово пока открыт, но характер этих материалов не исключает и возможную принадлежность их доашельским индустриям. Заслуживают внимания и находки, сделанные экспедицией при обследовании обширного песчано-глинистого карьера в районе с. Куртан на юго-востоке Лорийской котловины. При осмотре осыпей 10-метровых обрывистых стен карьера были найдены архаичные артефакты – чопперы, пики, нуклевидные скребки, примитивные нуклеусы, изготовленные из местного вулканического сырья (риолит), а также валунов кремнистых пород. Первые зондажи, вскрывшие толщу отложений на глубину более 5 м, выявили 7 литологически различных уровней (суглинки, вулканические пеплы (?), осадки типа погребенной почвы) и два горизонта залегания изделий. Подлинный палеолитический потенциал

этого крупного стратифицированного памятника еще предстоит выяснить (Асланян и др., 2007).

4. Первый сигнал о наличии очень древнего раннепалеолитического пласта был получен недавно и в «верхнеашельской обсидиановой зоне». В районе с. Нурнус к северу от Еревана Армяно-Российской экспедицией были найдены архаичные изделия (чоппер, пик, нуклевидный скребок и нуклеус), изготовленные не из обсидиана, а из местных осадочных пород и базальта. Находки были сделаны при обследовании заброшенного карьера, в котором в 1930–1940-е гг. добывали диатомитовые озерные отложения, погребенные под базальтовым потоком. Артефакты происходят, по всей видимости, из этих подлаговых озерных отложений, где ранее были встречены остатки древнейшей на территории Армении фауны (поздний гиппарион, этрусский носорог, трагоцерус). Исследование этого памятника только начинается, но уже можно говорить о том, что преистория Центральной Армении также началась задолго до верхнего ашеля.

5. Армения – страна сотен вулканов, многие из которых извергались в разные периоды плейстоцена, на глазах первобытных людей. Исследования, проводимые Армяно-Российской экспедицией, показывают перспективность поисков следов самых ранних обитателей этого региона под древними четвертичными вулканическими покровами – такими как лавовые потоки или уровни вулканокластических пород. Не менее перспективны, как представляется, поиски следов раннего палеолита в древних озерных впадинах Армении, заполненных диатомитовыми отложениями. Помимо находок в районе Нурнусского палеоозера известны также находки крупных обсидиановых орудий ашельского типа в озерных диатомитовых отложениях над курортом Арзни близ Еревана (Богачев, 1940). До сих пор многочисленные палеоозера такого типа на территории Армении еще не привлекали внимания исследователей палеолита.

6. Недавние открытия, сделанные на Тамани, в Дагестане и в Армении, знаменуют собой настоящий переворот в подходах к изучению раннего палеолита Кавказа. До последних лет проводившиеся в регионе полевые исследования носили, по существу, инерционный характер. Поиск стратифицированных ашельских индустрий производился только в пещерах, а вне пещер велись лишь сборы подъемного материала. В течение последних 5–6 лет в поисковых работах произошел коренной перелом: начались интенсивные разведки стратифицированных памятников под открытым небом. Памятники такого типа, открытые на Северном Кавказе и в Армении, в большинстве своем оказались древнее пещерных. Они распола-

гаются в самых разных высотных и ландшафтных зонах Кавказской горной страны – от высоких среднегорий до приморских низменностей, что само по себе указывает на благоприятные климатические условия времени их существования. Существенно, что среди этих памятников имеются многослойные (Айникаб 1, Мухкай 1, Мурадово) и палеонтологически охарактеризованные (Айникаб 1, Богатыри, Родники, Амиранис-гора). Фаунистические находки, обнаруженные на указанных памятниках, по данным авторов, соответствуют эоплейстоцену – раннему плейстоцену (Амирханов, 2007; Асланян и др., 2007; Габуния, 2007; Щелинский, Кулаков, 2007).

7. Обнаружение на Кавказе целой группы доашельских и ашельских стоянок под открытым небом является огромным новым шагом в изучении изначальной истории Кавказа. Становится все более очевидным, что стоянка Дманиси не является уникальным свидетельством доашельских миграций и что они имели продолжение в последующий период, достигая Северного Кавказа. Географическое положение вновь открытых доашельских и ашельских стоянок указывает на расселение ранних гоминид как в срединной части Кавказского перешейка, так и по приморским маршрутам (Дервянко и др. 2006; Любин, Беляева, 2006).

Амирханов Х.А., 2007. Ранний ашель Кавказа в свете новых исследований в Дагестане: Проблема истоков и основные типологические характеристики // Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого света. СПб.

Асланян С.А., Беляева Е.В., Колпаков Е.М., Любин В.П., Саркисян Г.М., Суворов А.В., 2007. Работы Армянороссийской археологической экспедиции в 2004–2006 гг. // Зап. ИИМК РАН. № 2.

Богачев В.В., 1940. К вопросу о геологическом возрасте некоторых третичных свит Армении // Изв. АН СССР. Сер. геологич. Вып. 4.

Габуния М.К., 2007. Ранние этапы древнекаменного века в регионе Южно-Грузинского вулканического нагорья // АВ. № 14.

Дервянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.П., 2006. Материалы к проблеме прикаспийского пути первоначального заселения юго-востока Европы (предварительное сообщение) // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М. Кн. 1.

Любин В.П., Беляева Е.В., 2006. Ранняя преистория Кавказа. СПб.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А., 2007. Новые данные о раннем палеолите на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Зап. ИИМК РАН. № 2.

В.А. Манько

Институт археологии НАН Украины, Киев

Проблемы развития шан-кобинской индустрии в Крыму

В 2004 г. были возобновлены раскопки стоянки Грот Скалистый (Бибииков и др., 1994. Табл. XLIII) в Бахчисарайском р-не Крыма. Возобновление раскопок было связано с угрозой разрушения культурного слоя памятника водными потоками. После нескольких сезонов работы на памятнике была исследована пачка отложений мощностью до 6 м. В ходе работ выявлены 38 культурных слоев, большинство которых связано с находками различных объектов, в том числе наземных и углубленных очагов, ям, «кладов» кремневых изделий.

Все без исключения культурные слои памятника были связаны с шан-кобинской индустрией в том ее понимании, которое существует в настоящее время. Под названием «шан-кобинская культура» в современной археологической литературе известна индустрия финального плейстоцена – раннего голоцена в горных районах Крыма, характеризующаяся техникой расщепления, основанной на раскалывании

главным образом одноплощадочных нуклеусов с целью получения коротких пластин; своеобразным набором геометрических микролитов, среди которых наиболее распространены сегменты и трапеции различных пропорций. Эталонным памятником для описания шан-кобинской культуры является эпонимная стоянка Шан-Коба (Бибииков и др., 1994. С. 5–69). Анализ слоев VI, V и IV стоянки Шан-Коба до настоящего времени является основой для описания шан-кобинской индустрии, ее периодизации.

Раскопки Грота Скалистого дали совершенно неожиданные результаты в плане вариативности шан-кобинских комплексов, которые, как оказалось, могут иметь весьма полярные характеристики, вплоть до взаимоисключающих. Подобную картину нельзя было получить при исследовании Шан-Кобы, поскольку выделенные культурные слои являлись в большинстве случаев условными, связанными с механическим членением однородных культурных

отложений большой мощности. Например, однородный в стратиграфическом отношении слой VI был механически разделен на 5 горизонтов. Таким образом, материалы наиболее информативного шан-кобинского памятника могли дать лишь суммарную характеристику индустрии. Без какой-либо доли преувеличения можно утверждать, что первые шан-кобинские комплексы, связанные с недолговременным обитанием коллектива посетителей стоянки, сделаны именно в ходе раскопок Грота Скалистого. Как минимум две трети исследованных слоев могут отвечать критериям абсолютной чистоты, являясь непереотложенными, имея мощность 1–3 см, будучи связанными с неразрушенными объектами.

Сопоставление материалов подобных комплексов дало возможность сделать вывод о том, что шан-кобинская культура как единое целое не существовала. В настоящее время мы можем абсолютно четко судить о наличии в шан-кобинских материалах как минимум двух индустрий с противоположными характеристиками. Более того, мы имеем все основания утверждать, что такие индустрии являются одновременными, о чем надежно свидетельствует факт интерстратификации двух отмеченных типов индустрий.

В слоях пачки III была отмечена следующая картина. Кластеры слоев III-3 и III-1 (индустрия 1 типа) в основном характеризовались тождественным набором геометрических микролитов и не различались по технике расщепления, тогда как кластер слоев III-2 дал совершенно иную картину (индустрия 2 типа). В то же время, случай интерстратификации прослежен внутри кластера слоев III-3, где слой III-3-A следует связывать с индустрией 2.

Индустрия 1 характеризуется использованием одноплощадочных подконических и подпризматических нуклеусов. Снятие коротких пластин производилось при помощи жесткого отбойника. Полностью отсутствует бипродольное расщепление. Негеометрический комплекс невыразителен, отмечено преобладание концевых скребков и боковых резцов на пластинах.

Геометрический комплекс разнообразен, представлен многочисленными типами. Преобладают удлиненные сегменты (рис. 1: 2–7, 9–13, 18). Дуги подобных изделий оформлены крутой или полукрутой ретушью, фасетки которой на вершине дуги становятся совсем мелкими либо отсутствуют. Изготавливались сегменты путем оформления дуги на крае пластины с помощью галечных ретушеров из мягких пород камня. Подобные ретушеры плиточной формы серийно представлены в большинстве комплексов, связанных с индустрией 1 типа. Среди трапеций (рис. 1: 8, 14–16) отмечено абсолютное

преобладание симметричных изделий с ровными или слегка вогнутыми сторонами. Трапеции значительно варьируют по пропорциям: от низких удлиненных до высоких. Технологию изготовления трапеций в какой-то степени могут характеризовать тронкированные пластины (рис. 1: 20, 22, 28, 29), являвшиеся, по всей видимости, полуфабрикатами трапеций. Как представляется, получение трапеций достигалось методом тронкирования без применения микрорезцовой техники. Во всяком случае, ни один микрорезец не был найден ни в одном из слоев, связанных с индустрией 1 типа.

Около четверти геометрических микролитов имеют следы использования (рис. 1: 11, 13) в виде плоских фасеток по длинной неретушированной части, или вдоль ретушированных краев, или по параллельно ретушированным частям дуг сегментов. Все без исключения случаи повреждения микролитов свидетельствуют об их применении в качестве поперечнолезвийных наконечников.

С индустрией 1 типа связаны, как правило, серии негеометрических острий на пластинах с мелкой крутой краевой ретушью, образующей «жальца» на дистальной части изделий (рис. 1: 17, 19, 21, 23–27). Судя по всему, такие острия не были связаны с оснащением метательного вооружения. Макроизнос, связанный с использованием острий как наконечников стрел, не был отмечен ни в одном случае. В то же время отмечено несколько случаев механических повреждений кончиков острий, позволяющих предполагать, что они выполняли функции проколов.

Наиболее полными аналогами индустрии 1 типа следует считать слой VI стоянки Шан-Коба (особенно горизонты VI-5 и VI-4), шан-кобинский слой стоянки Буран-Кая 3 (Яневич, 1998. С. 157, 158).

Развитие индустрии 1 типа демонстрировало консервативность. Фактически, заметить изменение данной индустрии во времени почти невозможно. Древнейшие радиоуглеродные даты, полученные для низов пачки III-3, говорят о том, что индустрия данного типа появляется в финальном плейстоцене в интерстадиале бёллинг. Верхи пачки III дают раннеголоценовый возраст начала бореала. Таким образом, индустрия 1 типа развивалась без видимых изменений на протяжении как минимум 5 тыс. лет. За это время технология расщепления и типологический состав орудий фактически не изменяются.

Индустрия 2 типа отличается по всем параметрам. Прежде всего, в технике расщепления наряду с призматическими нуклеусами серийно представлены двуплощадочные бипродольные монофронтальные, а также торцовые. Наряду с жестким отбойником отмечается использование мягкого, о чем свидетельствует наличие пластин с губками и полугубками.

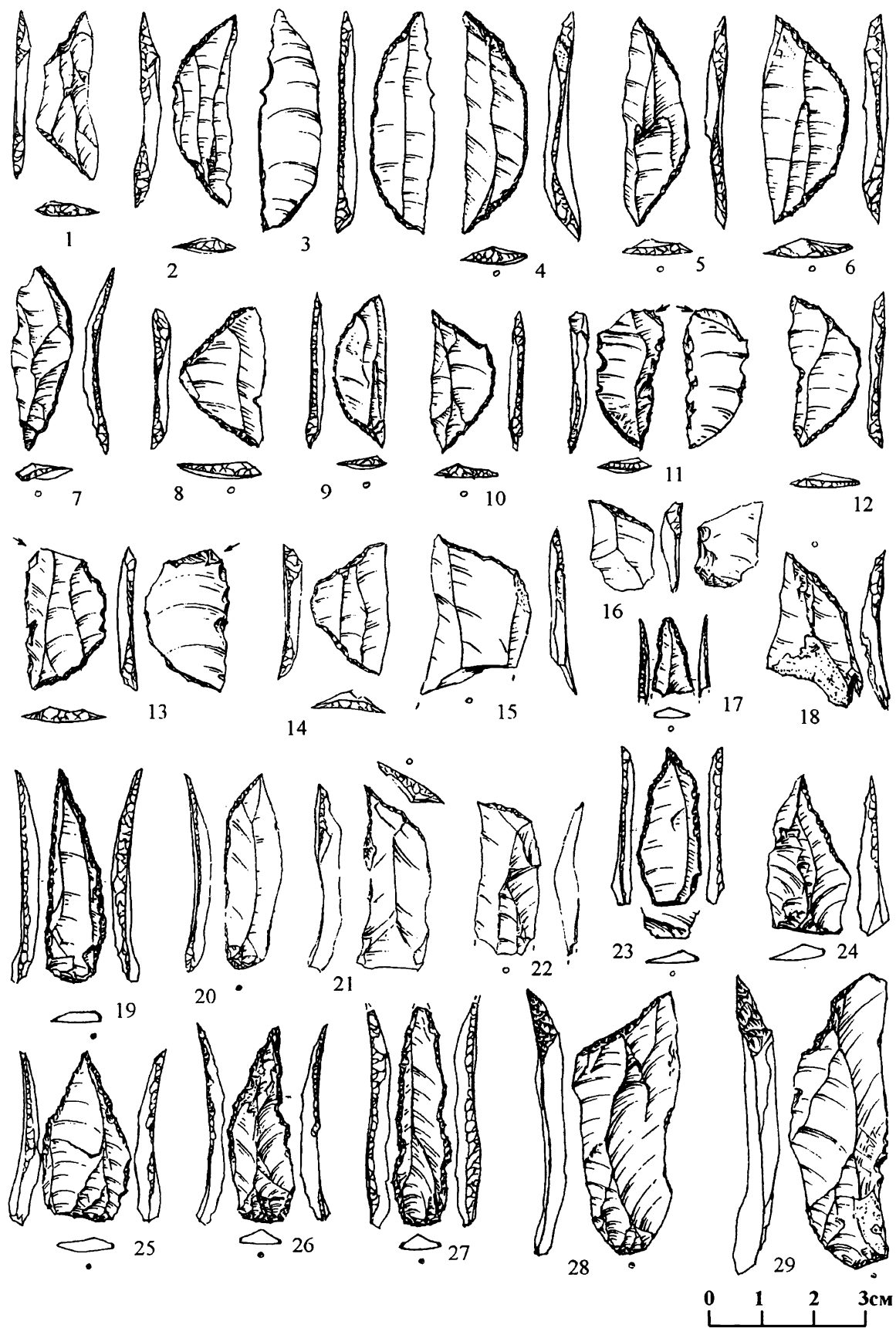

Рис. 1. Грот Скалистый. Кремневые изделия слоя III-3

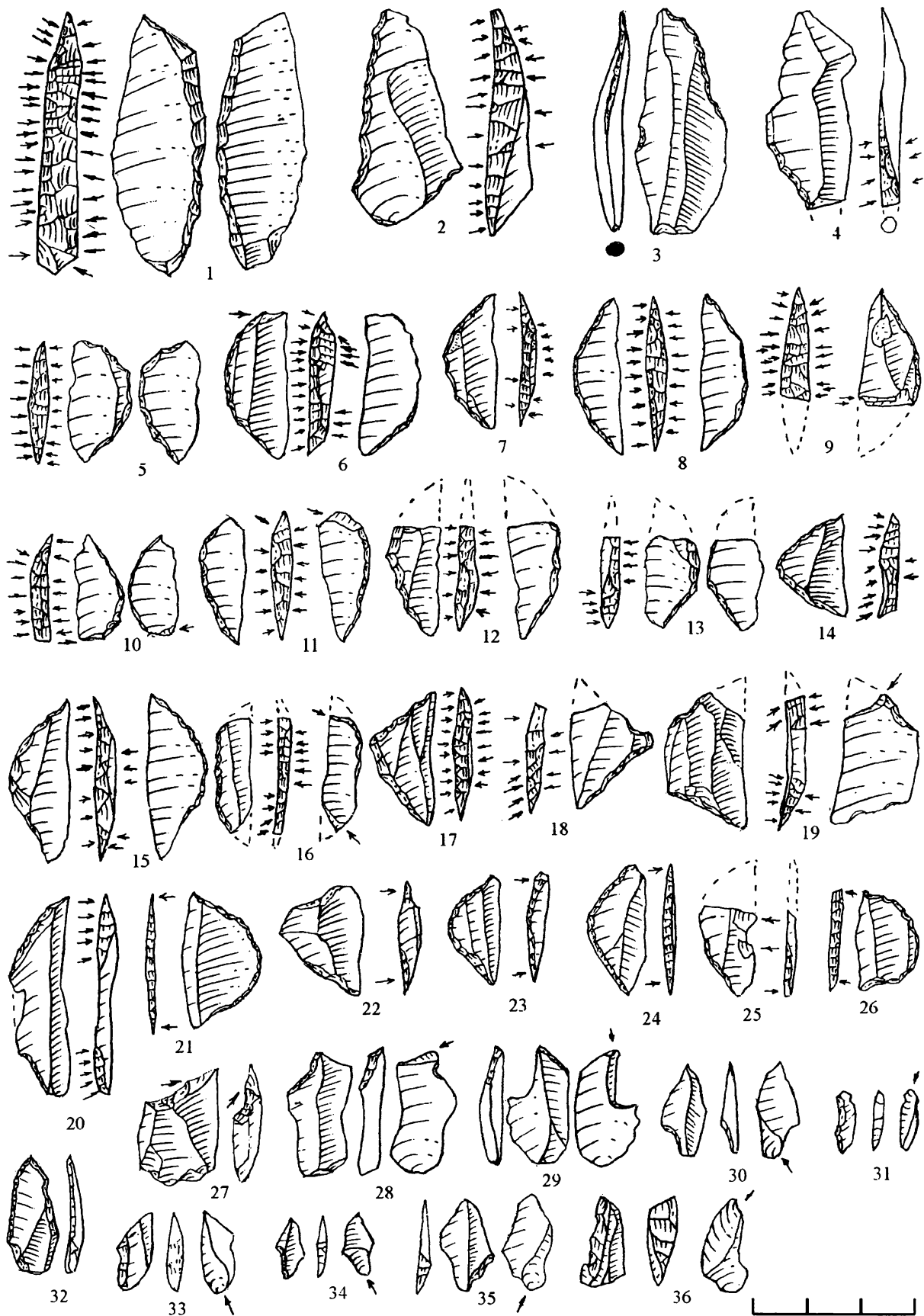

Рис. 2. Грот Скалистый. Кремневые изделия слоя III-3-X (пачка III-2)

Принципиально отличается состав изделий с вторичной обработкой. Отсутствуют негеометрические микролиты, единственная находка острия (рис. 2: 32) связана с контактным участком, где возможно смешение разнородных материалов. Вместе с тем, серийно представлены пластины с выемками и микровыемками, отсутствующие в комплексах, связанных с индустрией 1 типа. Скребки и резцы не отличаются от соответствующих изделий комплексов индустрии 1 типа, что, впрочем, не влияет на оценку сравниваемых индустрий как различных.

Наиболее рельефно различие индустрий проявляется при сравнении геометрических микролитов. В комплексах 2 типа изготовление сегментов (рис. 2: 1, 5–16, 21, 23–26), трапеций (рис. 2: 19, 20, 22) и треугольников (рис. 2: 17, 18) связано с использованием микрорезцовой техники. Об этом свидетельствуют находки серий микрорезцов (рис. 2: 27–31, 33–36), удаленных при изготовлении геометрических микролитов как с проксимальных, так и с дистальных частей пластин. Существенно различаются и параметры заготовок, используемых для изготовления микролитов. Если в комплексах 1 типа толщина заготовок в среднем составляет 1,5–2,5 мм и очень редко превышает 3 мм, то в комплексах 2 типа средняя толщина заготовок – 3–4 мм, а у отдельных изделий достигает 7 мм. Однако главной особенностью микролитов в комплексах, связанных с индустрией 2 типа, является характер ретуши, которой оформлены дуги сегментов, а также стороны трапеций и треугольников. Это, как правило, встречная обрубаящая ретушь, иногда связанная с контрударным эффектом, но чаще нанесенная намеренно. Имеющиеся заготовки сегментов показывают, что обработка дуги осуществлялась поэтапно, процесс оформления проксимальной и дистальной частей заготовки были отдельными этапами технологического цикла (рис. 2: 3, 4).

Подобные геометрические микролиты имеются в слоях VI, V и IV Шан-Кобы, в слое VI–V Фатьма-Кобы (Бибиков и др., 1994. С. 5–69), в комплексе Грота Водопадного (Колосов, 1964. С. 223–231). Во всех перечисленных комплексах данные изделия не были ведущими формами, сопровождалась геометрическими микролитами, свойственными комплексам 1 типа Грота Скалистый. Иными словами, геометрические микролиты, связанные с индустрией 2 типа, представлялись органической частью шан-кобинской индустрии, являясь на самом деле механической примесью к шан-кобинским материалам.

Хронологическая позиция комплексов индустрии 2 типа связана, судя по имеющимся радиоуглеродным датам, с рубежом плейстоцена – голоцена. Не исключен и более глубокий возраст наиболее ранних комплексов, связанных с индустрией 2 типа, датировки для которых в настоящее время отсутствуют.

Отмеченные различия двух типов индустрий настолько рельефны, что дальнейшее их совместное рассмотрение в рамках шан-кобинской культуры является невозможным. Если за индустрией 1 типа следует, несомненно, оставить наименование шан-кобинской, то индустрия 2 типа должна обрести новое имя. Было бы логичным именовать новый тип индустрии рубежа плейстоцена – голоцена Крыма тау-бодракским, по названию п. Тау-Бодрак, на территории которого расположена стоянка Грот Скалистый.

Бибиков С.Н., Станко В.Н., Коев В.Ю., 1994. Финальный палеолит и мезолит Горного Крыма. Одесса.

Колосов Ю.Г., 1964. Дослідження післяпалеолітичних стоянок Криму в 1958–1959 рр. // Археологія. Київ. Т. XVI.

Яневич О.О., 1998. Дослідження багатощарової стоянки Буран-Кая 3 в 1997 та 1998 рр. // Археологічні дослідження в Україні. 1997–1998 рр.

Е.Н. Мащенко

Палеонтологический институт РАН, Москва

Охота на мамонта в верхнем палеолите в аспекте биологии вида *Mammuthus primigenius**

Некоторые известные сейчас особенности биологии шерстистого мамонта свидетельствуют о том, что традиционно рассматривавшееся взаимодействие человека с этим видом было невозможно. Мамонт – единственный представитель отряда хоботных (*Proboscidea*) семейства слонов (*Elephantidae*), который благодаря различным адаптациям в ходе продолжительной эволюции группы мамонтоидных слонов приспособился к жизни на севере (Maschenko, 2002). Выделяются три основные группы лимитирующих особенностей биологии шерстистого мамонта: особенности окружающей среды, морфологические и этологические. Последние две являются производными от первой.

У мамонтов структура популяций та же, что и у слонов. Семейные группы состоят только из самок и детенышей. Это подтверждено данными из местонахождения Севск (Брянская обл.). В самцовые группы входят только самцы. Данные о составе такой группы у *M. columbi* получены из Хот-Спрингс (Южная Дакота). Данное местонахождение – избирательно действующая естественная ловушка, которая отражает структуру самцовой группы у колумбийских мамонтов (Agenbroad, 1990). У слонов семейная группа (стадо-семья), состоит из взрослой самки (вожака) и ее детенышей разного индивидуального возраста. Структура группы поддерживается доминантными отношениями и близкородственными связями. Состав группы из Севска отличается от такового из Берелеха (Якутия) и Мезина (Брянская обл.). Неполовозрелые особи (до 13–15 лет) составляют почти 45% от общей численности в Севске (Берелех и Мезин – 11–12%). Аналогичный процент для этой возрастной группы на других поселениях Русской Равнины. 11–12% – обычный показатель смертности среди детенышей в популяциях африканского слона, а не результат охоты.

Оценка продуктивности разных ландшафтов для плейстоцена затруднена, и данные разных исследователей заметно различаются (Величко, Зеликсон, 2006). В национальном парке Крюгера самки в течение одного сезона перемещались только внутри одного района площадью около 800 км². Исходя из численности группы в 20–25 особей, на одну особь приходится 30–35 км². По данным из Восточной Африки, минимальная площадь, необходимая для выживания 1 взрослой особи, – не менее 20–24 км².

Для мамонта минимальную площадь выживания следует увеличить минимум в 2,5 раза, поскольку продуктивность растительных сообществ позднего плейстоцена ниже, чем в тропической зоне Африке. На 5–6 зимних месяцев вегетация растительности полностью прекращается. В плейстоцене кормовые ресурсы были распределены очень неравномерно, и пригодные участки имели ограниченную площадь, что увеличивало энергозатраты на сбор одинакового количества корма мамонтом по сравнению с современным слоном. Площадь, необходимая для выживания семейной группы мамонтов в 20 особей, при этом составит 900–1500 км². Наиболее богатые кормом участки в позднем плейстоцене находились в долинах рек. Участки водоразделов осваивались мамонтами зимой.

Вымирание мамонтов определяется комплексом факторов, связанных изменением климата Голарктики. Экологическая привязанность мамонтов к определенным районам способствовала скоплению их в рефугиумах. На участках, где мамонты оставались еще многочисленными, они нарушали баланс экосистем, усугубляя неблагоприятные условия. На этом этапе негативное влияние человека, даже при ограниченной добыче особей из популяции, могло ускорить исчезновение мамонтов на Русской равнине.

Менее значимой для выживания мамонта была доступность минералов. Минеральное питание у слонов хорошо известно. Для Сибири литофагия для мамонта подтверждена данными с Колымы, где установлена зависимость находок костей мамонтов от путей миграции и доступности минеральных веществ (Шило и др., 1983). Позднее поедание минералов установлено по содержанию желудков взрослых мамонтов (Шадринский, Юрибейский). Следует отметить, что зависимость шерстистого мамонта от минерального питания не абсолютна, а воздействие на этот вид минерального стресса преувеличено (Лещинский, 2007). Нет ни одного примера вымирания крупных популяций млекопитающих из-за «минералопедефицитных» заболеваний (Пучков, 2006).

Жизненный цикл мамонта меняется в зависимости от условий двух основных сезонов года – весенне-летнего и осенне-зимнего. Летом группа находится на своей территории. Зимой она непрерывно перемещается в поисках корма. У мамонта

наличие территории семейной группы определяется снижением подвижности группы при рождении детенышей весной. Суточное перемещение группы семьи с детенышами до 6 месяцев – не более 4–6 км, поскольку последние не способны проходить большие расстояния. Это предполагает пребывание группы на участке, который выбирался для рождения и выкармливания детенышей из года в год. Как и для современных слонов, для мамонтов можно предположить, что семейная группа к моменту рождения детенышей возвращалась на свою территорию в речных долинах.

Привязанность мамонтов к речным долинам объясняет преимущественное нахождение здесь их остатков. Образование здесь скоплений костей мамонтов – результат катастроф и естественной смертности в местах, которые разные группы мамонтов регулярно посещали в течение длительного времени. Это наблюдается и у африканских слонов (вокруг водопоев), а у мамонтов – при ухудшении условий обитания или в опасных участках долин, на пути миграции.

Скорость размножения у слонов и мамонтов, видимо, сильно не различалась. Рождение детенышей происходило 1 раз в 3 года. У мамонтов в связи с обитанием в холодном климате наблюдался ускоренный рост детенышей в первые 6–8 месяцев жизни (Maschenko, 2002), что принципиально для выживания детеныша в первую зиму. Кроме наличия и доступности пищи, мамонты зависели от зимних водопоев. Это подтверждают данные из района палеолитических поселений в Костёнках (Hoffecker et al., 2005). При зимних температурах ниже 20° С и отсутствии снега незамерзающие родники в бортах долины остаются единственным источником воды. Использование снега и льда для удовлетворения суточной потребности в воде в 150 л требует невосполнимых энергетических затрат, поэтому незамерзающие источники были для выживания мамонтов принципиально важны. Зимой семейные группы и самцы должны были ежедневно перемещаться на значительные расстояния в поисках пищи и воды. Такая подвижность мамонтов и относительно невысокая численность на единицу площади делают их неудобным объектом для постоянной охоты.

Не существует доказательств систематической охоты на мамонта. Прямых свидетельств охоты на мамонта два – в Костёнках и на Мамонтовом Ручье (Луговском). Оба свидетельства являются предметом дискуссии. В Луговском толщина тканей (мышцы, шкура) в области ранения около 11 см (общая глубина раны 14 см). Мощность удара превосходила силу удара пули пистолета Макарова, и ранение не было смертельным. Охота с современным огне-

стрельным оружием предполагает только выстрел в голову. Эффективность поражения достигается при использовании нарезного оружия (калибр 14–18 мм, вес пули 40–50 г, сила удара пули менее 4 т). Выстрел должен поразить мозг. Методы охоты с метательным оружием предполагают изматывающую охоту на одиночного мамонта, но и в этом случае охота на взрослую особь весом 4–6 т очень опасна. Описания охоты с метательным оружием в Африке касаются только охоты на одиночных слонов.

Наблюдения показывают, что наибольшие трудности при охоте на слонов вызывают высокий интеллект этих животных и быстрая выработка поведения, препятствующего охоте. При загонной охоте на группу (обычно ее приводят как пример) практически невозможно заставить ее изменить направление движения. В такой ситуации животные с высоким уровнем интеллекта выберут вариант поведения, который позволяет выйти из ситуации известным животному способом. Выбор группой навязанной модели предполагает прямой контакт с животными, который для охотника очень опасен. Применение огня в речной долине невозможно. Отдельные очаги огня, как показывают наблюдения за слонами, их не тревожат.

Социальная структура группы также затрудняет охоту. При наличии детенышей младше года семейная группа в 80% случаев не убегает, а атакует нападающих совместно и организованно. Одиночная самка с детенышем при нападении пробует уйти, а затем атакует, не останавливаясь даже при ранении. В связи с этим становится понятно, что малочисленная группа охотников (4–7 человек) с метательным оружием, нападая на семейную группу, подвергает себя неоправданному риску.

Скопления костей мамонтов на стоянках Русской равнины хорошо известны. В Западной Сибири нет «конструкций»/жилищ, но для многих памятников и местонахождений отмечается повсеместное распространение следов деятельности человека. Коллективная защита группы против охотников с метательным оружием, эффективным с дистанции 10–15 м, и сложное коллективное поведение делают массовый забой семейной группы достаточно сложным. При санитарных отстрелах слонов количество стрелков должно быть не меньшим, чем количество взрослых особей в отстреливаемой группе.

При массовой смертности (засуха, эпизоотия, санитарный отстрел) заселение территории другими слонами происходит не быстрее чем за 3–5 лет. Для мамонтов этот срок, видимо, был бы еще больше. При уничтожении части взрослых особей группа уходит с этой территории навсегда (как правило, только доминантная самка привязана к территории

семейной группы). Последствия «удачной» охоты на группу – отсутствие мамонтов в радиусе 50–80 км в течение 3–5–7 лет. Специализированная охота на этот вид, с массовым забоем семейных групп, неизбежно привела бы к уничтожению мамонта на Русской равнине уже к началу средней поры верхнего палеолита. Однако «культура охотников на мамонтов» продолжала существовать еще 7–7,5 тыс. лет, почти до рубежа позднего плейстоцена и голоцена.

Имеющиеся данные позволяют говорить, что большинство естественных местонахождений остатков мамонтов позднего плейстоцена на Русской равнине и в Западной Сибири посещалось человеком. Процент утилизации костей на этих местонахождениях различается. В Севске следы утилизации практически отсутствуют. На Мамонтовом Ручье они минимальны и, возможно, относятся к историческому времени. На местонахождении Тегульдет (Томская обл.), несмотря на его пролювиально-аллювиальный генезис, использование костей мамонтов достаточно высоко. Мамонтовый Ручей и Тегульдет – естественные местонахождения в аллювиальных и пролювиальных отложениях, причем Тегульдет, видимо, – участок зимнего водопада. Противоположность им представляет Шестаково – стоянка, расположенная на участке солонца, который посещался

группами мамонтов в течение длительного времени. О генезисе местонахождения Волчья Грива споры продолжают до настоящего времени. Использование костей мамонта на поселениях и на местонахождениях, генезис которых не связан с деятельностью человека, показывает, что связь человека верхнего палеолита с мамонтом не исчерпывалась простыми отношениями охотника и жертвы, была более сложной. Это взаимодействие многоплановое и включает взаимодействие человека со всем комплексом среды позднего плейстоцена.

Экологические и этологические особенности шерстистого мамонта не позволяют предположить специализацию человека средней и поздней поры верхнего палеолита на охоте на этих млекопитающих. Одной из причин отсутствия такой специализации являлась относительно низкая численность популяций мамонтов на Русской равнине. Приведенные данные говорят о том, что в верхнем палеолите не было ни специализированной охоты на мамонта, ни массовых охот, приводящих к уничтожению больших групп численностью более 50–60 особей. Добыча одиночных мамонтов при этом не исключается.

* Работа поддержана грантом РФФИ 08-04-90102-Мол-а.

М.Н. Мещерин

Институт археологии РАН

Средняя пора верхнего палеолита Забайкалья: проблемы археологической идентификации и геохронологии

Выделение средней стадии верхнего палеолита (СВП) Забайкалья, как и большинство вопросов периодизации, во многом связаны с именем А.П. Окладникова. Начиная с 1950-х гг. неуклонно накапливалась источниковедческая база, формировались основы ее теоретического осмысления. Схема периодизации получила существенное развитие в трудах учеников и последователей А.П. Окладникова, активно работающих на данной территории, – З.А. Абрамовой, И.И. Кириллова, М.В. Константинова, Л.В. Лбовой, В.И. Ташака. Несмотря на продолжительную историю изучения, до настоящего времени не сложилось однозначного определения СВП в качестве самостоятельного отдела периодизации. В одних случаях авторы предпочитают не выделять СВП вообще, а объединяют его в группу «досартанских» памятников ранней поры, ссылаясь на

недостаточность исходных данных. В других – возникает проблема определения опорных критериев этой стадии в связи с вариациями локальной и хронологической дифференциации культур. Иногда дискуссии сводятся к определению хронологических пределов – границ размежевания этапов. В итоге возникают серьезные сомнения по поводу факта существования СВП, целесообразности ее выделения в Забайкалье и, как следствие, – проблемы с определением ряда стоянок, не попадающих в те или иные геохронологические или культурные группировки. В основе такого положения дел видится существенное расхождение во взглядах и методологических принципах исследователей.

Известные на сегодняшний день подходы представляются в виде трех основных концепций. Самая ранняя по происхождению эволюционно-

стадиальная схема развития единой палеолитической культуры решает задачи коренных тенденций заселения края. Она объективно не имела достаточного технико-типологического обоснования этапов, но при этом решала задачи широких историко-культурных интерпретаций (Кириллов, 1969; Окладников, Кириллов, 1980). Другая концепция, «природно-исторической периодизации», берет на себя задачи рассмотрения локально-культурных (по сути палеозотических) движений в регионе, наложенных на местные геохронологические и биостратиграфические схемы, совокупность которых позиционируется как реальное отображение «природного окружения» конкретных стоянок (Константинов, 1979; 1994; Базаров и др., 1982; Базарова, Константинов, 1987). Зыбкость предлагаемого направления проявляется в том, что естественнонаучные аспекты в нем являются преобладающими над определением археологической культуры. Несмотря на глубокие аналитические разработки в области каменных индустрий, не всегда прочитываются объективные ответы на вопросы техники и типологии представленных коллекций. Например, сравнительно недавняя переоценка геохронологии опорного памятника Куналей послужила поводом для метаморфозы «куналейской позднепалеолитической культуры» – ее хронологического дробления и перемещения по схеме в средний, и даже ранний, отделы верхнего палеолита (с амплитудой почти в 10 тыс. лет!). Третья, «геоархеологическая парадигма», декларирующая системность и комплексность, отвечает на спектр важнейших вопросов, связанных с физической хронометрией, хронологией и условиями осадконакопления культуровмещающих отложений, глобальными палеогеографическими характеристиками, тафономией культурных остатков (Лбова, 2001; Лбова, Вашукевич и др., 2003). Но при этом лишь в самых генерализованных чертах представляются вопросы динамики собственно «вещеведческой» составляющей археологических объектов, где индустрии воспринимаются в виде перманентных «переходных» процессов с неопределимыми системами отсчета и направлениями развития в широких хронологических рамках (55–25 тыс. л. н.). Каждый из предложенных подходов по отдельности привнес много значительного и важного в развитие региональных схем, но оставил неразрешенной коренную проблему эволюционно-хронологической систематики палеолита Забайкалья.

Накопленные за последнее двадцатилетие полевые материалы позволяют вернуться к более подробному рассмотрению технических аспектов и попытаться решить задачу обоснования СВП с позиций анализа каменных орудий – основного источника

сведений по палеолиту. Свои действия мы строим на предварительной оценке типологических сходств и различий стадиального порядка (по Г.П. Григорьеву), с учетом функционального структурирования стоянок, наполняющих региональную сеть (Васильев, 1996). Существующие методики кластерного анализа (Амирханов, 1998), эволюционного ранжирования (Вишняцкий, 2008) указывают на определенные перспективы в решении проблем археологической периодизации собственно археологическими методами. В нашем случае применение данного опыта может оказаться эффективным при наличии определения «идеального» технокомплекса СВП территории.

В настоящее время в Забайкалье (имеются в виду территории, охватывающие долины рек селенгинского стока и граничащий с ними по водоразделу Верхнеамурский бассейн) отмечается ряд стоянок, условно относимых к СВП. Исследователи выделяют специфический геохронологический отрезок, который определяется культурой, содержащейся в надежно маркированных слоях финала каргинского межледниковья, и ранними сартанскими криостадиями. Палеогеографические реконструкции указывают на существенное изменение условий в сторону снижения температур, аридизации климата и соответствующей перестройки природной среды по сравнению с событиями предшествующего термохрона. Данный интервал, по усредненным оценкам, составляет 10 тыс. лет. В числе называемых стоянок – Куналей (2), Читкан, Хотык (1, 2), Каменка (Б) и Танга, Арта 2, Сухотино 2 (3–5). Выборочное ознакомление с материалами перечисленных и некоторых сопутствующих им памятников благодаря возможности, любезно предоставленной авторами раскопок, позволило составить обобщенный абрис рассматриваемых технокомплексов. Основой же для выработки классификации СВП-комплекса послужили коллекции Мастера Ключа и Мельничного 2 (всего свыше 2000 артефактов).

Сырье, нуклеусы и сколы: техника расщепления. Исходным материалом индустрий служило местное сырье, добываемое в непосредственной близости от дислокаций. Во всех случаях отмечается многообразие привлекаемых средне- и мелкокристаллических пород и минералов в галечно-валунных формах или, реже, в виде грубообломочных отдельностей. Присутствующие типы нуклеусов технологически представляют собой принципиально близкие продукты, отображающие *разные фазы цикла призматического расщепления*. Своеобразным типом-исключением являются призматические, но не параллельного принципа, нуклеусы для получения прямоугольной укороченной заготовки,

которые допустимо определять в ряде случаев как «ортогональные». Совокупность производственных процедур была направлена на получение призматического скола с параметрами пластины или отщеп правильной подпрямоугольной формы со средними размерами 40–70 мм. Наряду с типовым набором верхнепалеолитических сколов выделяются специфические формы: пластинки (50 x 15 x 5 мм), мелкие фрагменты и осколки, порой с правильными сегментовидными очертаниями.

Вторичная обработка представлена приемами *краевого ретуширования, резцового скола, фасиальной подтески, фрагментации и выемок*. Своеобразной чертой являются варианты мелкой ретуши, дорсальной и очень часто вентральной. Встречено большое количество предметов с ретушью, сформированной макроследами утилизации или однорядной мелкой (бисерной) краевой ретушью, которые внешне напоминают эффект «притупления края». Резцовый скол не систематичен, но отмечено, что в морфологии типов особое значение имеет отвесная грань излома заготовки. Выразительная вентрально-фасиальная подтеска фиксируется на лезвийных участках единичных предметов. Результаты фрагментации и выемок на кромках инструментов, намеренных или случайных, представляют собой серийные формы, возможно, как прием выделения рабочего края.

Типология инструментария. Насчитываются 24 основных таксона, среди которых наиболее представительны серии *пластин, пластинок* и их *фрагментов с ретушью, отщепов с ретушью*. *Скребки* отличаются большой вариативностью конфигурации лезвий и миниатюрностью исполнения. Отдельные категории подчеркивают особый колорит индустрии. К ним относятся *выемчато-шиповидные, обушковы, резчики и резцы, комбинированные, орудия*

с вентральной фасиальной подтеской, остря. В силу ограниченной статистической обеспеченности ряд дефиниций мы вынуждены проводить пока на наиболее общем, категориальном уровне, т. к. морфология отдельных образцов не дает однозначных решений типологической формализации. К таковым относятся выемчато-шиповидные – категория, в которой могут различаться разные типы инструментов с различной конфигурацией выступов.

Перечисленные категории орудий мы встречаем на большинстве стоянок описываемого геохронологического диапазона. Остается вопросом порядок их соотношения. Очевидно, среди них следует искать «ведущие» типы. Другое дело, что известные технокомплексы не повторяют друг друга в полном объеме. В этом вполне естественно усматриваются хронологические и, возможно, некие культурные особенности. Наиболее общей характеристикой является вариативность сырьевой базы. Эта общесибирская тенденция отличает СВП от синстадиальных индустрий Европы. В Забайкалье мы не находим технокомплекса, позволяющего провести аналогии даже с самым восточным из «граветтов». В представленном СВП-комплексе вполне органично присутствие «архаизмов» предшествующих стадий в качестве отдельных элементов. И они вполне различимы: минимально наличие фасетированных ударных площадок, единичны крупные пластинчатые основы, отсутствуют остроконечники. Экстенсивная (ориньякоидная) краевая ретушь представлена в исключительных случаях. Не найдены крупные подпризматические и торцовые ядрища. С другой стороны, здесь отсутствует комплекс микропризматического расщепления, подразумевающий стабильное получение стандартизированных микропластин посредством эксплуатации клиновидных нуклеусов. Хотя отдельные элементы его объективно представлены.

П.Е. Нехорошев

Институт истории материальной культуры РАН

Новые памятники начала верхнего палеолита в Западной Сибири

Несмотря на достаточно длительную историю поисков и изучения, палеолит Западной Сибири представлен небольшим количеством памятников: на всей ее территории известно только порядка 20 верхнепалеолитических стоянок (Деревянко и др., 2003. С. 7. Рис. 1), причем, как правило, крайне бедных в архео-

логическом отношении. Тем более интересным является обнаружение двух новых памятников, показавших по радиоуглероду относительно ранний возраст в рамках верхнепалеолитической эпохи.

Памятники Берёзовский Разрез 1 и 2 были обнаружены осенью 2002 г. сотрудником Шарыповского

городского музея С.А. Краснолуцким. Они находятся в Шарыповском р-не Красноярского края, в 300 км к-западу от Красноярска, в 16 км к северу от г. Шарыпово, и локализованы на территории угольного разреза «Берёзовский 1», на верхнем вскрышном уступе северного борта, в 400 м одна от другой. Памятники расположены на водоразделе; минимальное удаление от ближайшего водотока, ручья Берёзовый, составляет 2,5 км, т. е. геоморфологическая ситуация совершенно нестандартная – обычной приуроченности к мысу или логу не наблюдается; также в настоящее время невозможно установить, к бассейну какого водотока они относятся.

В 2005–2006 гг. экспедицией ИИМК РАН были проведены охранные раскопки памятников. На памятнике Берёзовский Разрез 1 был заложен раскоп 9 x 15 м, несколько шурфов и зачисток. По результатам этих работ составлен сводный разрез отложений памятника:

- 1) современная почва – 0,7–0,8 м;
- 2) суглинок светло-коричневый с едва уловимым желтоватым оттенком – 0,2–0,3 м;
- 3) суглинок светло-коричневый, сероватый, тяжелый, пористый, крупнооскольчатой структуры – 0,3–0,8 м;
- 4) суглинок светло-коричневый, тяжелый, с неясными коричневыми и светлыми прослойками и прослоями – 0,4–1,5 м;
- 5) темно-серый с коричневатым оттенком тяжелый суглинок – 0,3–0,4 м;
- 6) суглинок темно-серый, тяжелый, почти глина, крупнооскольчатой, в нижней части глыбистой, структуры, с многочисленными пятнами ожелезнения ржавого цвета, которые в нижней части превращаются в горизонтальные и вертикальные прослойки, идущие по граням отдельностей глыб. Содержит также черные прослойки и зерна гидроокислов марганца, особенно многочисленные в нижней части. Часто встречаются карбонатные стяжения вытянутой формы (до 15 см), отдельные зерна гравия и мелкие галечки – 0,3–0,8 м. По определению палеопочвоведом А. Ямских (КГУ), это погребенная почва сартанского времени, деформированная криогенными процессами (личное сообщение А.Ю. Тарасова). Содержит культурные остатки эпохи верхнего палеолита;
- 7) суглинок светло-серый, часто с коричневатокрасноватым оттенком. Видимая мощность до 0,7 м.

Культурные остатки эпохи верхнего палеолита залегают на глубине 1,3–2,1 м от современной поверхности (а с учетом снятой при подготовке вскрышных работ современной почвы и подстилающего ее слоя, примерно на глубине 2,2–3 м), по

всей толще слоя 6 (погребенная почва) мощностью в раскопе 0,6–0,8 м, с максимальной концентрацией в нижней части.

Коллекция включает 541 каменный предмет, 14 изделий из кости и рога, а также порядка 4500 целых костей и их фрагментов, принадлежащих в подавляющем большинстве (98%) северному оленю (определение А.К. Каспарова, ИИМК РАН). В слое также встречаются редкие древесные угольки, осколки обожженных костей и крупинки охры бордового цвета.

Каменный инвентарь представлен отходами производства – сколами (425 экз.) и нуклеидными (19 экз.), манупортами и пр. (12 экз.), а также орудиями (85 экз.), составляющими достаточно специфический набор. **Орудия** изготовлены часто из слабоизотропных камней низкого качества крупнокристаллической структуры. Подавляющее большинство орудийного набора составляют долотовидные орудия (33 экз.; рис. 1: 1–5, 8–9); достаточно выразительными формами представлены ножи (8 экз.; рис. 1: 10), имеется несколько скребков (6 экз.; рис. 1: 6–7). Остальные орудия типологически невыразительны.

Сколы. Пластины – 6 экз., все укороченных пропорций. Фрагменты пластин – 23 экз. Пластины и фрагменты пластин, как правило, грубоваты, что обусловлено низким качеством сырья, хотя некоторые экземпляры имеют правильную трехгранную огранку. Имеется также одна микропластинка, представленная удлиненным медиальным двугранным фрагментом (кремень). «Технические» сколы – 10 экз., отщепы – 105 экз., мелкие отщепы, чешуйки, осколки – 280 экз.

Из-за грубого слабоизотропного сырья крупнокристаллической структуры, использовавшегося на памятнике, **нуклеусы** грубы и маловыразительны. Все нуклеусы можно разделить на четыре группы: 1) радиального скалывания (2 экз.), 2) одноплоскостного расщепления (7 экз.), 3) торцовые и полторцовые (7 экз.) и 4) бессистемного скалывания (3 экз.).

Изделия из кости и рога: роговые орудия с закругленным концом – 5 экз., фрагменты рогового наконечника (?) – 2 экз., фрагменты рога и кости со следами обработки – 5 экз.

На памятнике Берёзовский Разрез 2 общая площадь, вскрытая раскопом (14 x 15 м), шурфами и зачистками, составила 233 м². По результатам этих работ составлен сводный разрез отложений памятника:

- 1) современная почва – до 0,3 м;
- 2) суглинок светло-коричневый с едва уловимым желтоватым оттенком – 0,2–0,3 м;

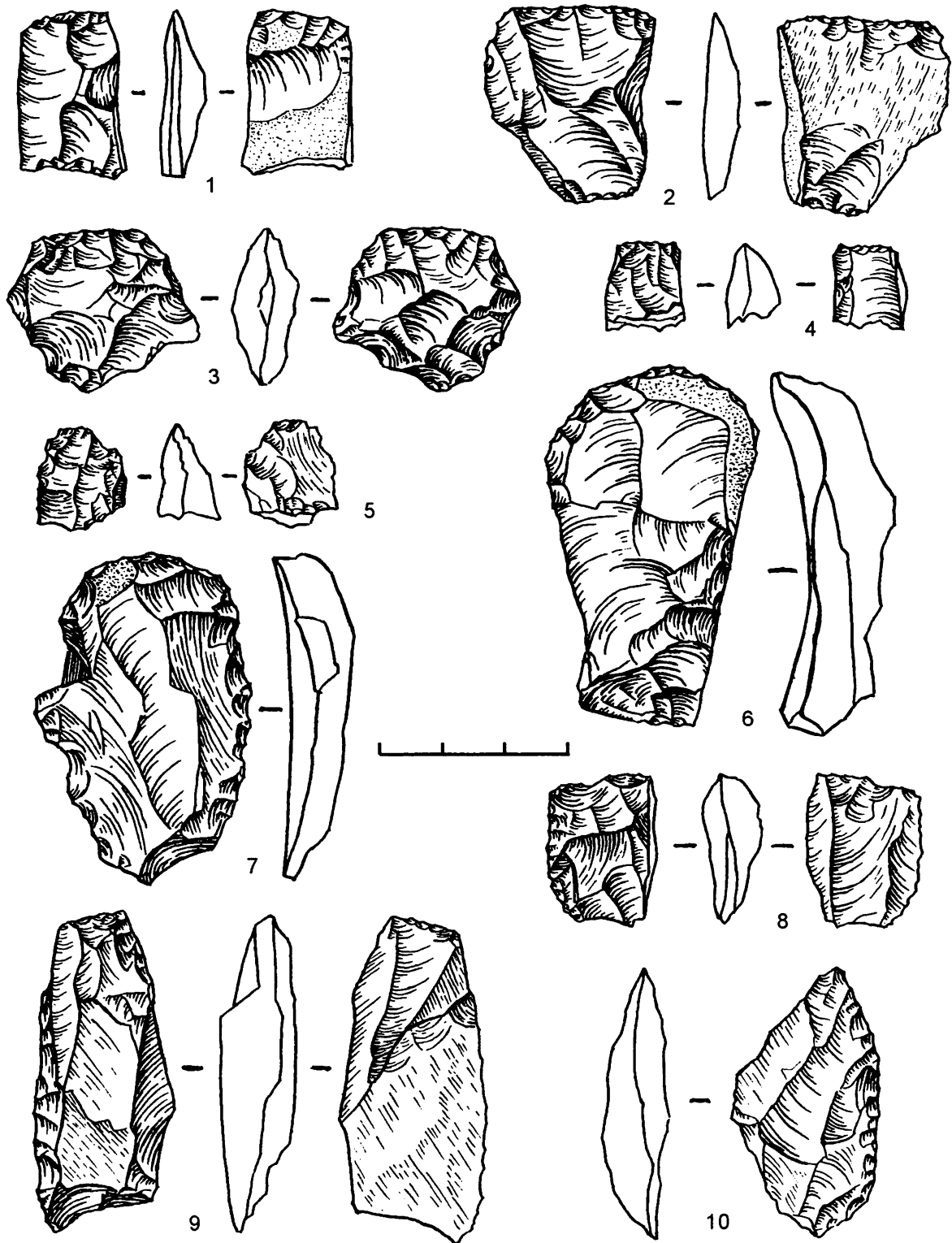

Рис. 1. Памятник Берёзовский разрез 1. Каменные изделия.
1-5, 8-9 - долотовидные орудия; 6-7 - скребки; 10 - нож с обушком

3) суглинок светло-коричневый с более светлыми желтоватыми крапинками, оскольчатой структуры – 0,3–0,6 м;

4) суглинок светло-коричневый, тяжелый, с серым оттенком, книзу становится темно-серым, глинистым. В верхней части отмечается обызвествление в виде карбонатных стяжений, часто вытянутых вертикально, а также редкие черные точки гидроокислов марганца. Верхняя граница часто определяется появлением тонкой прослойки ожелезнения. Контакт с нижележащим слоем неровный, часто с переслаиванием, – 0,3–0,6 м. По определению палеопочвоведом А. Ямских (КГУ), это погребенная почва сартанского времени, деформированная криогенными процессами (личное сообщение А.Ю. Тарасова). По всей толще содержит культурные остатки эпохи верхнего палеолита;

5) суглинок серый, светло-серый, желтовато-белесоватый, белесый, тяжелый, – до 0,4 м.

Культурные остатки эпохи верхнего палеолита залегают на глубине 0,4–0,7 м от современной поверхности (с учетом снятой при подготовке вскрышных работ современной почвы и подстилающего ее слоя – примерно на глубине 0,9–1,2 м), распределяясь по всей толще слоя 4 (погребенная почва) мощностью 0,3–0,6 м, с максимальной концентрацией в нижней части.

Коллекция насчитывает 756 каменных предметов, 16 изделий из кости и рога, а также порядка 5300 фрагментов и целых костей, принадлежащих по преимуществу северному оленю (68,7%) и бизону (21,5%). В слое также встречаются крупинки охры красного и бордового цвета, древесные угольки, редкие осколки обожженных костей.

Каменный инвентарь представлен отходами производства – сколами (593 экз.) и нуклеидными (29 экз.), прочими предметами (18 экз.), а также орудиями (116 экз.). Как и на памятнике Берёзовский Разрез 1, каменные изделия часто изготовлены из слабоизотропных камней низкого качества крупнокристаллической структуры. Подавляющее большинство в **орудийном наборе** составляют долотовидные орудия (35 экз.; рис. 2: 1–8); достаточно выразительными формами представлены ножи (4 экз.; рис. 2: 9–10), скребки (11 экз.; рис. 2: 11) и скребла (8 экз.). Остальные орудия типологически невыразительны.

Сколы и осколки: пластины (6 экз.) и их фрагменты (40 экз.), фрагменты микропластинок (9 экз.) грубы и невыразительны, в основном похожи на удлиненные чешуйки, вряд ли изготавливались преднамеренно. «Технические» сколы – 16 экз. Отщепы, чешуйки, осколки – 522 экз.

Нуклеусы представлены следующими вариантами: радиального скалывания (9 экз.), одноплощадоч-

ные плоскостного расщепления (4 экз.), полюсный, двурцовый, бессистемный, фрагменты нуклеусов (13 экз.).

Изделия из кости и рога – роговое орудие с закругленным концом, фрагменты рога и кости со следами обработки и использования – 15 экз.

Типологически коллекции Берёзовского Разреза 1 и 2, как представляется, ближе всего стоят к памятникам афонтовской культуры. Однако согласно радиоуглеродным датировкам памятники значительно древнее. По костям животных в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН получены даты: Берёзовский Разрез 1 – >39400 (ЛЕ-7481); 36100±2500 (ЛЕ-7482); 34100±6000 (ЛЕ-7483); 32500±1200 (ЛЕ-7484); >23000 (ЛЕ-7485); Берёзовский Разрез 2 – 35000±1000 (ЛЕ-7457); 33900±2200 (ЛЕ-7486).

Датум, как кажется, противоречит залеганию культурных остатков в погребенной почве сартанского времени, деформированной криогенными процессами. На холодные условия указывает и фаунистический состав коллекций – северный олень, шерстистый носорог (Берёзовский Разрез 2, пять костей от одной особи), песок и тундрная куропатка. Такие противоречия могут быть сняты, если предположить, что археологический материал был перетолжен из какого-то более древнего, не сохранившегося слоя.

Низкие требования к качеству сырья и специфический орудийный состав свидетельствуют о кратковременности пребывания палеолитических охотников, хотя посещения, возможно, были неоднократными и повторялись на протяжении длительного времени. С учетом специфического состава фаунистического материала, можно предположить, что памятники представляют собой остатки мест разделки туш после забоя животных, хотя само место забоя, видимо, находилось в непосредственной близости, поскольку на памятниках отсутствует полный набор костей скелета.

Чем привлекало данное место палеолитических охотников в качестве места забоя животных, пока сказать трудно. Может быть, здесь существовал удобный рельеф и специфическая растительность, способствовавшие удачной охоте. Вероятно, здесь мог существовать так называемый «зверовой солонец» – место с повышенным содержанием в грунте различных солей, минералов и микроэлементов. На такое предположение наталкивает сильная насыщенность слоя, вмещающего культурные остатки, карбонатами, гидроокислами железа и марганца. Животные, приходя на подобное место для поедания насыщенного минералами грунта, представляют собой достаточно легкий объект охоты из засады.

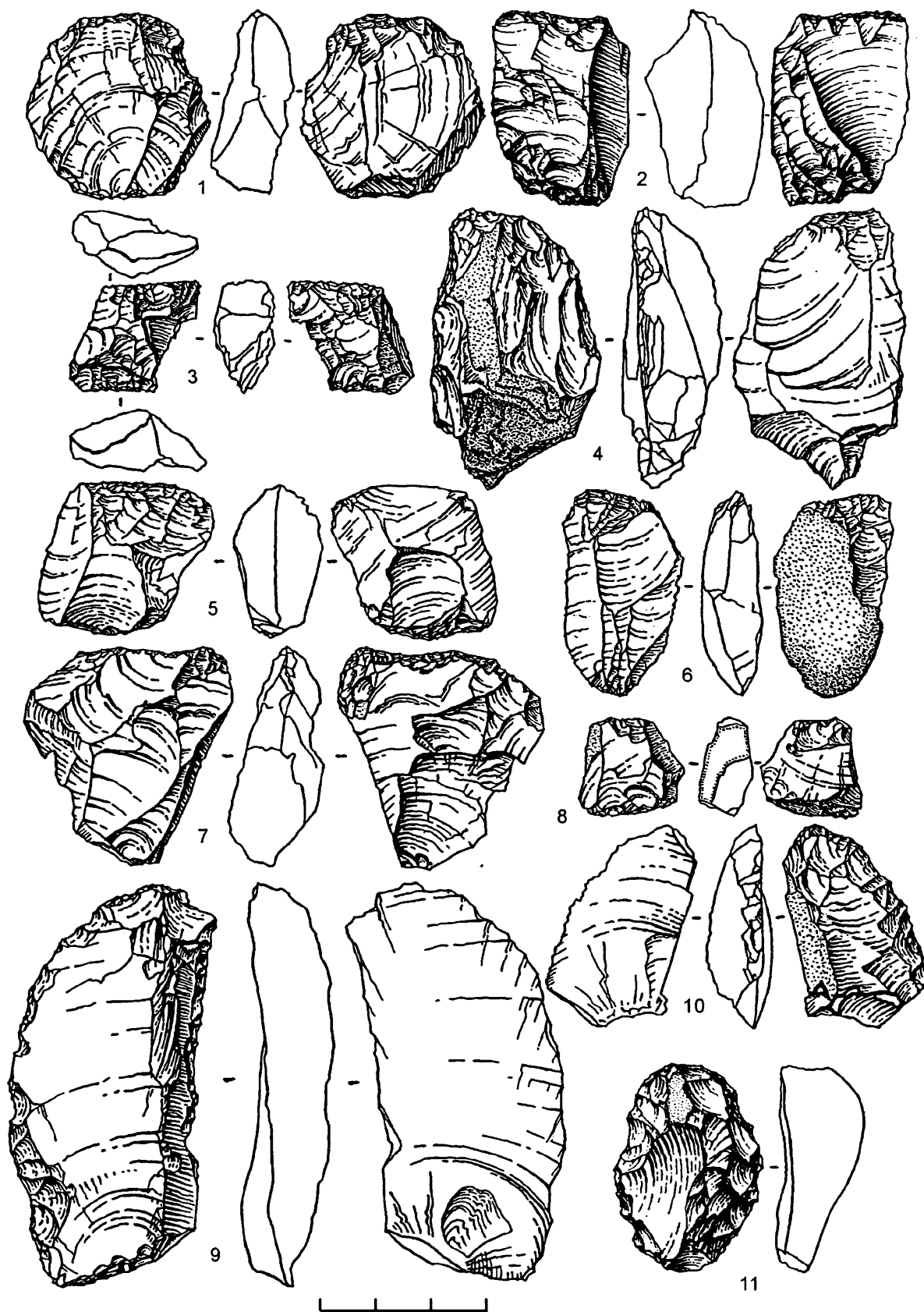

Рис. 2. Памятник Берёзовский разрез 2. Каменные изделия.
1-8 - долотовидные орудия, 9-10 - ножи с обушком, 11 - скребок

Подобные зверовые солонцы представляют собой верхнепалеолитические стоянки Волчья Грива и Шестаково, расположенных в Кемеровской обл., примерно в 160 км к западу от памятников Берёзовский Разрез 1 и 2. Аналогичный характер памятников предполагается и для стоянок Шикаевка II и Томской. На памятниках Шестаково и Волчья Грива образование мощных костеносных горизонтов связывается с естественной гибелью животных в зоне зверовых солонцов, т. к. присутствуют все кости скелета. На стоянках Берёзовский Разрез 1 и 2, напротив, фаунистические остатки образовались в результате охотничьей деятельности человека, о чем свидетельствует отсутствие полного набора костей

скелета. Зверовые солонцы, куда приходят различные животные и поедают насыщенный минералами грунт, не являются характерным признаком только палеолитической эпохи и существуют и в настоящее время. Один из таких солонцов находится в 30 км от стоянки Шестаково (Деревянко и др., 2003; Зенин, 2002).

Деревянко А.П., Молодин В.И., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Машенко Е.Н., 2003. Палеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск.

Зенин В.Н., 2002. Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // АЭАЕ. № 4 (12).

Ю.Б. Сериков

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Клады эпохи мезолита на Среднем Урале

На территории Среднего Урала известно всего три клада каменных изделий эпохи мезолита. И только один из них получил полное и детальное описание в научной печати. Этот клад найден в 1993 г. на известном мезолитическом памятнике западного склона Урала – поселении Огурдино (Усольский р-н Пермского края). Состоит он из шести топоров среднего и крупного размера (от 12,4 до 19,7 см длиной). Сырьем для их изготовления послужили продолговатые гальки местной зернистой породы серого или зеленоватого цветов. Топоры обработаны техникой пикетажа с последующей частичной пришлифовкой поверхности. За исключением одного, все топоры имеют характерные следы употребления. Следует подчеркнуть, что клад залегал в неглубокой ямке на самом краю второй надпойменной боровой террасы р. Камы (Мельничук, Чурилов, 2007. С. 32–38).

Второй клад найден автором в 1975 г. на мезолитическом поселении Выйка II (Красноуральский р-н Свердловской обл.). Он выглядел в виде скопления диаметром около 15 см, содержавшего 17 пластин, 17 отщепов и 9 поперечных сколов с нуклеуса. Все изделия находились в вертикальном или почти вертикальном положении и плотно прилегали друг к другу. Залегали они в культурном слое на глубине 8–28 см от современной поверхности. Следы ямки отсутствуют. Все изделия залегали в очаге (на его границе) и имеют следы термического воздействия (Сериков, 1988. С. 24).

Среди пластин присутствуют 7 отсеченных верхних и 3 нижних части, 2 пластины с отсеченными нижними частями и 5 сечений (рис. 1: 1–16, 25). Причем только 2 сечения, обработанные по обоим краям крутой ретушью со спинки, имеют правильное гранение (рис. 1: 1). Остальные пластины имеют неправильные очертания и, по сути, являются отходами производства. Длина пластин составляет от 1,3 до 3,9 см. Преобладают пластины длиной 2–2,4 см (10 экз.). Пластин длиной более 3 см в составе клада только 3. Ширина пластин колеблется от 1,1 до 2,3 см. Преобладают пластины шириной 1,1–1,6 см (13 экз.). Ширину более 2 см имеют 4 пластины. Следует отметить, что в пластинчатом комплексе поселения чаще всего использовались пластины шириной 0,5–0,7 см (53%). А пластины шире 1 см составляют чуть более 7% (Сериков, 1988. С. 25). Из орудий в кладах присутствуют срединный резец (рис. 1: 3), резчик с двумя клювовидными рабочими краями (рис. 1: 2) и 2 пластины с ретушью со спинки. Эти пластины склеились между собой (рис. 1: 1). Можно отметить, что еще 2 пластины склеились внакладку (рис. 1: 5, 12), а к одной пластине подклеился небольшой обломок не из клада (рис. 1: 7).

Все поперечные сколы (за исключением одного) являются массивными экземплярами длиной от 4 до 7,5 см (рис. 1: 18–21, 23–24). Причем, если измерять по оси скалывания, то длина поперечных сколов почти у всех изделий будет в 1,5–2,3 раза меньше их ширины. К одному поперечному сколу приклеился

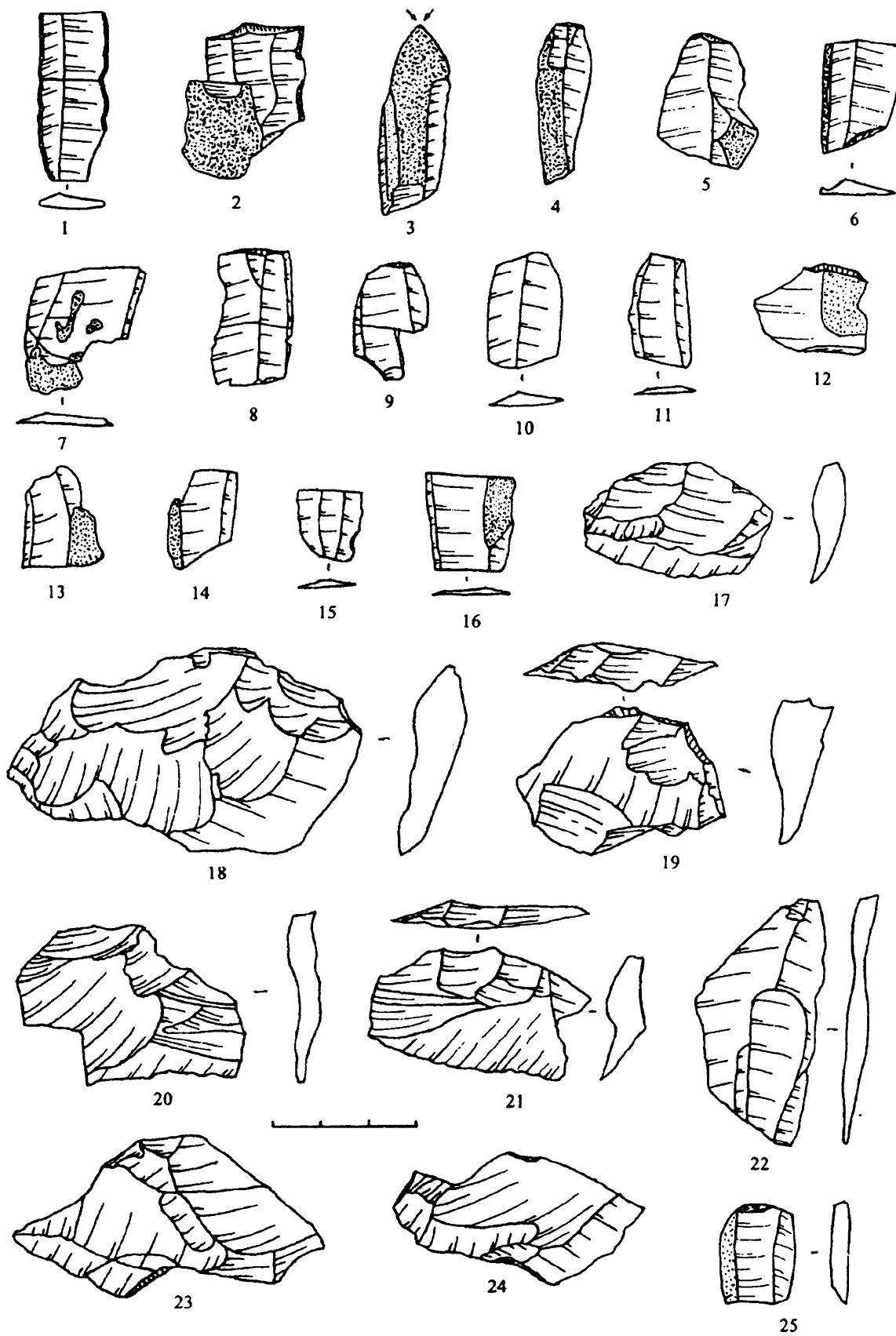

Рис. 1. Выйка II. Клад каменных изделий (1-16, 25 – пластины; 18-21, 23-24 – поперечные сколы с нуклеусов; 22 – пластинчатый отщеп)

небольшой отщеп (рис. 1: 23). Большая часть отщепов имеет длину от 1,5 до 3,5 см. И только у двух отщепов длина превышает 5 см (рис. 1: 22).

Все изделия сколоты с одного нуклеуса, который был изготовлен из плитки зеленоватой слабокремневой породы типа алевротуфа. Следы плиточной корки сохранились на 9 пластинах, 3 отщепах и 4 поперечных сколах. За пределами клада найдено 5 изделий из такого же сырья: 2 поперечных скола (рис. 1: 17), пластина (рис. 1: 16) и 2 обломка пластин. Следует отметить, что оба поперечных скола и один обломок имеют следы пребывания в огне, а пластина и второй обломок в огне не были.

Компактное расположение находок, их плотное и вертикальное залегание и нахождение рядом с очагом позволяют предположить, что данное скопление не является кладом в полном смысле слова. По всей видимости, это содержимое мешочка, которое вместе с ним по какой-то причине попало в очаг и впоследствии было в нем захоронено (Сериков, 2007а. С. 182). Возможно, это не случайное захоронение, а определенный ритуал, т. к. автору известен еще один факт залегания точно в таких же условиях, на границе очага, гальки антропоморфных очертаний.

Еще один клад эпохи мезолита найден автором в 2006 г. на окраине г. Нижнего Тагила. Клад находился в 320–330 м от вершины горы, которую местные жители называют Трехскалка. Находки в виде скопления размерами около 40 x 10 см располагались сразу под дерном, на глубине 8–10 см, в слое серо-коричневого супесчаного суглинка. Мощность залегания – не более 6–8 см. Никаких следов ямы не обнаружено. Материком является более плотный светло-коричневый суглинок с примесью камней. Тщательное обследование окрестностей находки показало полное отсутствие культурного слоя. Таким образом, это скопление можно считать кладом. Всего в скоплении найдено 104 изделия: 5 нуклеусов, отбойник, 2 скребка и 96 микропластинок.

Один нуклеус изготовлен из красно-зеленой яшмы хорошего качества. Он имеет форму правильного конуса высотой 5,4 см (рис. 2: 1). В коллекции присутствует 11 пластинок, сколотых с этого нуклеуса. Второй нуклеус склеен из двух расслоившихся фрагментов (рис. 2: 4). Его высота 2,2 см. Он имеет призматическую форму и предельную степень работанности. В коллекции присутствует еще один нуклеус из такого же сырья – кремевой яшмы. По-видимому, он составлял с вышеописанным нуклеусом единое изделие (рис. 2: 5). Высота его – 1,4 см. Коллекция содержит 54 пластинки, сколотые с этих нуклеусов. Анализ пластин показывает, что заготовкой для нуклеуса послужила плитка кремевой яшмы. Еще 2 нуклеуса изготовлено из галек горного

хрусталя (рис. 2: 2, 3). Их высота 4,5 и 2,5 см. Они имеют образованные одним сколом ударные площадки и подготовленные плоскости скалывания.

Отбойник (весом всего 30, 5 г) представляет собой плоскую овальную гальку молочного кварца длиной 4,4 см (рис. 2: 8).

Оба скребка изготовлены на пластинах яшмы – полосчатой и бурой (рис. 2: 6, 7). Высота скребков 2,9 и 3 см, а ширина соответственно – 1,4 и 1,1 см. На боковых краях пластин присутствует хорошо выраженная ретушь утилизации. Скребок из бурой яшмы активно использовался для обработки кожи: лезвие скребка, место слома и боковые края сильно стерты и заглажены от долгого употребления. Им же работали еще и в качестве углового резца.

96 микропластинок, судя по минеральному сырью, происходят как минимум от 11 нуклеусов (рис. 2: 9–36). Первичную корку имеют 28 пластинок (29,2%). Ретушь отсутствует только на 7 пластинках, как правило, толстых, с коркой по одной или двум граням. На 86 пластинках по двум краям присутствует ретушь утилизации. Ретушью обработано 13 пластинок (на большинстве из них имеется и ретушь утилизации). Всего в коллекции 89 пластинок (92,7%) несут на себе следы использования. Ширина пластинок колеблется от 0,4 до 1,7 см. Преобладают пластинки шириной 0,5–0,7 см – 59 (61,5%). Пластинок шириной до 0,8 см в комплексе 71 (74%), шириной до 1 см – 84 (87,5%). Пластинки имеют длину от 0,6 до 3,5 см. С учетом того, что 12 пластинок склеились между собой (попарно), их максимальная длина увеличилась до 5,3 см. Преобладают пластинки длиной до 1,5 см – 40 (41,7%). Пластинок длиной до 2 см в коллекции 77 (80,2%). Суммарная длина всех пластинок составляет 152,3 см. В коллекции представлены все части пластин: сечения – 52 (54,2%), отсеченные верхние части – 16, отсеченные нижние части – 9, с отсеченной верхней частью – 3, с отсеченной нижней частью – 14. Целых пластин всего 2.

Особенностью данного комплекса является полное отсутствие в нем отходов обработки нуклеусов и отщепов. Учитывая то, что более 90% пластинок имеют ретушь утилизации, их все можно отнести к вкладышам составных орудий. Принимая во внимание компактное залегание каменных изделий, можно предположить, что в кладе кроме нуклеусов, скребков и отбойника находилось несколько вкладышевых изделий. Их костяные оправы не сохранились, но по оставшимся вкладышам можно попытаться реконструировать их вид и количество. Предлагаемая автором реконструкция выполнена с учетом ширины, толщины пластин, а также минерального сырья. По этим данным, в кладе могли

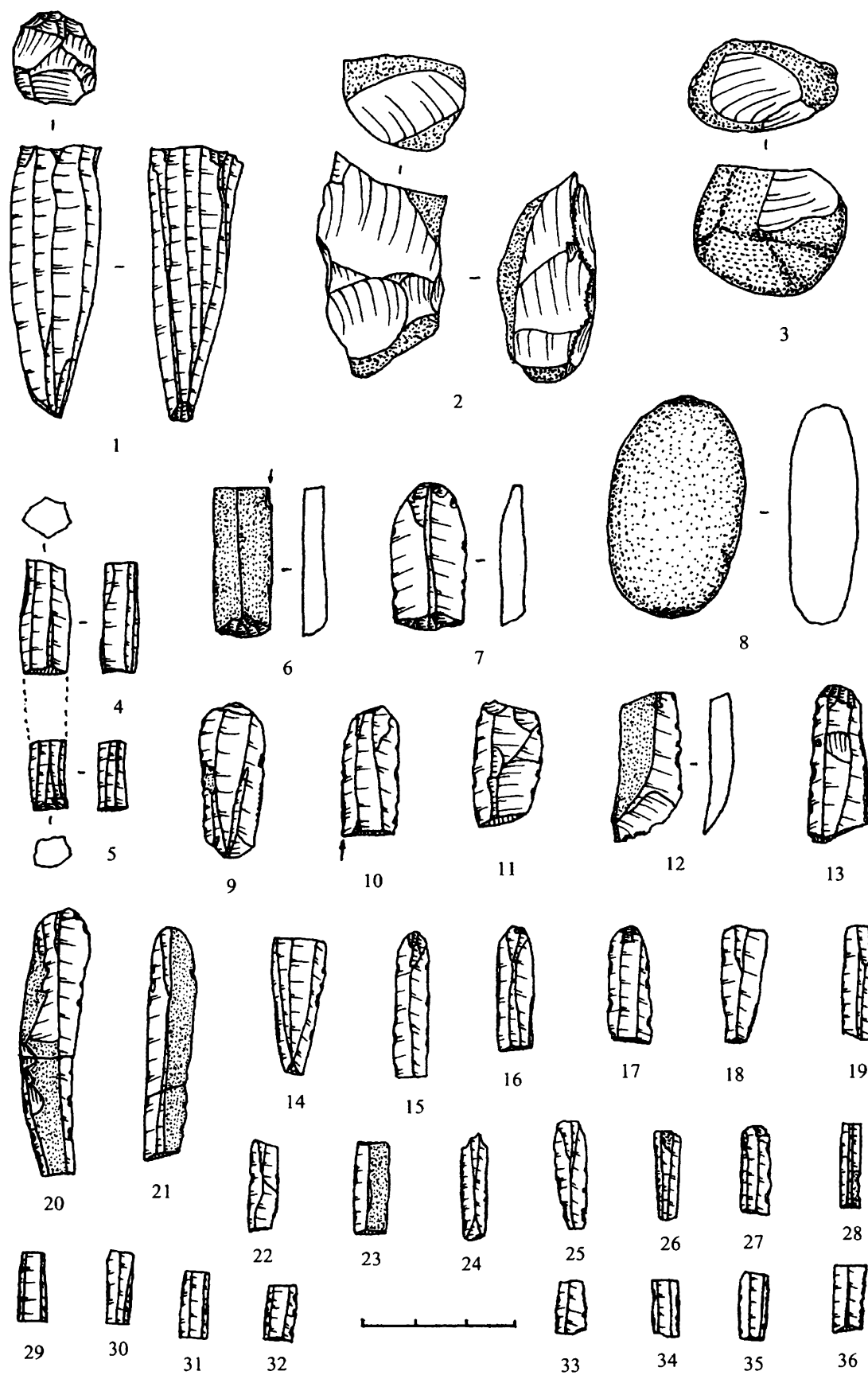

Рис. 2. Трехскалка. Клад каменных изделий (1-5 – нуклеусы; 6-7 – скребки; 8 – отбойник; 9-36 – микропластинки)

находиться 2 вкладышевых кинжала – двулезвийный и однолезвийный, – с длиной лезвия у обоих около 20 см. Кроме кинжалов в состав клада могли входить 6 вкладышевых однолезвийных наконечников стрел. Если некоторые из них были двулезвийными, то число их может сократиться до 4. Длина вкладышевых лезвий у них колебалась от 13 до 17 см. Безусловно, эта реконструкция представляет один из возможных вариантов (Сериков, 2007б).

Наличие в скоплении сильно сработанных нуклеусов из качественного сырья, а также подготовленных для обработки хрустальных нуклеусов, подчеркивает неординарный характер данного комплекса. Причины сокрытия клада, как и его семантика, на настоящее время остаются невыясненными.

Очень часто интерпретация кладов бывает чисто прагматической: мешочек с каменными изделиями случайно выпал в костер; заготовки орудий были забыты после пожара; орудия были приготовлены для обмена и т. п. Однако в последнее время в кладах

все чаще стали видеть сакральные объекты, которые являлись частью знаковой системы ценностей древнего времени. Если среднеуральские клады рассматривать с этой точки зрения, то некоторые из них могут получить очень интересную интерпретацию.

Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В., 2007. Клад топоров из мезолитического поселения Огурдино // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург. Вып. 5.

Сериков Ю.Б., 1988. Выйка II – опорный памятник эпохи мезолита в Среднем Зауралье // СА. № 1.

Сериков Ю.Б., 2007а. Клады каменных изделий на территории Среднего Зауралья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Уфа.

Сериков Ю.Б., 2007б. Клад эпохи мезолита с окраины Нижнего Тагила // XVII Уральское археологическое совещание: Мат. науч. конф. Екатеринбург.

И.В. Стасюк

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Е.В. Акимова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Красноярск

Ранние комплексы позднего палеолита Дербинского археологического района (средняя Сибирь, Красноярское водохранилище)

Дербинский археологический район на сегодняшний день является единственным известным районом сосредоточения археологических памятников палеолитического времени на берегах северной части Красноярского водохранилища. В ходе работ, ведущихся с 1993 г., здесь выявлено и исследовано более 30 местонахождений, датируемых палеолитическим временем. Сплошное обследование береговой линии Дербинского залива при низком уровне воды позволило утверждать, что памятники концентрируются преимущественно на правом берегу Дербина, в районе залива Малтат, образуя практически непрерывный ряд экспонированных местонахождений общей протяженностью около 5 км.

Сильная расчлененность древними и наследующими им современными логами является одной из особенностей строения данного участка. Это, в свою очередь, придает такую специфику строению

геологических отложений, которая сильно затрудняет датировку археологических комплексов позднего палеолита методами инвентстратиграфии по сравнению с левобережными памятниками Северо-Минусинской котловины.

Изначально ведущим аспектом исследований палеолита Дербинского района являлось изучение индустрий раннего периода позднего палеолита Сибири. Опорными памятниками этого времени являются местонахождения Дербина IV, V, Усть-Малтат I, II, Покровка II, в стратиграфических разрезах которых артефакты и костные остатки обнаружены *in situ*, а комплексы экспонированного на береговую отмель материала наиболее многочисленны и представительны. К этой же группе по сходству технико-типологических характеристик каменного инвентаря относятся и экспонированные комплексы местонахождений Дербина II, VII, Кижарт, Татарка, Труфаново.

Все эти памятники имеют ряд общих признаков, в первую очередь общий пластинчатый характер первичного расщепления. Пластина или укороченная пластина являются основной формой заготовки, что накладывает отпечаток как на первичное расщепление, так и на морфологию орудийного набора.

В первичном расщеплении сохраняются элементы леваллуазской техники, проявляющиеся в специфике подготовки основных элементов – фронта, контрфронта и площадки. Преобладают одно- и двуплощадочные плоскостные нуклеусы. Зарождение торцовой техники расщепления прослеживается по многочисленным нуклеусам с не устоявшейся моделью оформления. Появление торцовой техники фиксируется как переход скалывания с широкого фронта нуклеуса на узкую грань, зачастую без специальной подготовки новой плоскости скалывания. Многочисленность вариантов микрорасщепления (торцового, «копытовидного», «пирамидального»), возможно, свидетельствует о поисках его оптимального технического варианта.

В едином комплексе устойчиво сочетаются бифасиально обработанные орудия и орудия на пластинах, выполненные в технике краевой ретуши. При этом «правильные», симметричные листовидные бифасы сочетаются с наиболее выразительными крупными узкими пластинами, оформленными удлиненной и чешуйчатой краевой ретушью по обоим краям (Усть-Малтат II, III, Дербина IV, V) (рис. 1, 2). На местонахождениях с менее упорядоченными формами бифасов преобладают широкие пластины с нерегулярной чешуйчатой ретушью преимущественно по одному краю (Усть-Малтат I, Покровка I, II).

Ведущими формами каменного инвентаря являются концевые скребки на пластинах и отщепках, среди которых определенным транзитным элементом выступают скребки с выделенным рабочим краем. В массовом количестве присутствуют остроконечники и орудия острых форм, в меньшей степени – долотовидные орудия. Практически отсутствуют резцы, единичны проколки. Обилие галечных форм в виде чопперов и стругов традиционно для позднего палеолита Енисея.

Вместе с общими чертами, которые как объединяют данные комплексы в рамках определенного культурно-хронологического эпизода, так и выделяют их из общей массы позднепалеолитических индустрий Енисея, прослеживаются и различия, имеющие, по всей вероятности, хронологические причины.

Различия прослеживаются в характере ведущей формы заготовки. Наиболее высокая пластинчатость инвентаря наряду с наибольшими размерами

самых пластинчатых заготовок прослеживается на Усть-Малтате II. Далее, по убывающей, на Дербине V, IV, Покровке II, I и Усть-Малтате I сокращаются размеры пластин, возрастает количество отщеповых заготовок.

В технике первичного расщепления леваллуазские приемы и традиции наиболее ярко и отчетливо проявляются именно на Усть-Малтате II, в наименьшей степени – на Усть-Малтате I. Напротив, среди предметов расщепления на Усть-Малтате II микрорасщепление и торцовые нуклеусы практически не представлены. На Усть-Малтате I уже отчетливо прослеживается традиция торцового микрорасщепления и, соответственно, присутствуют торцовые микронуклеусы на сколах.

Овальные, миндалевидные и листовидные формы бифасов найдены только на Дербине V и Усть-Малтате II, а для Усть-Малтата I и других пунктов подобная «правильность» не характерна. Только на Дербине V (в массовом количестве) и Дербине IV обнаружены мелкие (5–6 см) листовидные бифасы. В то же время, на Дербине V и Усть-Малтате II бифасы сочетаются с представительными сериями орудий на крупных и средних по размеру удлиненных пластинах с краевой ретушью по одному или обоим краям (остроконечниками, концевыми скребками).

На Усть-Малтате I наиболее многочисленны и выразительны острия на отщепках и пластинчатых сколах с различной формой и способом оформления рабочего края (от треугольных «листов» до проверток). Органичным внедрением в этот ряд, как своеобразная переходная форма между концевыми скребками и провертками, являются скребки с рабочим краем в виде сильно выступающего «носика». Подобная ситуация прослеживается и на Дербине V и Усть-Малтате II, но здесь она не настолько выразительна, как на Усть-Малтате I.

Ранние индустрии палеолита Дербины по облику, технико-типологическим показателям обнаруживают определенные аналогии с комплексами, относимыми к ранней стадии позднего палеолита, в долине Енисея – Каштанкой III–IV, Сабанихой, – однако выглядят намного архаичнее. Вполне возможно, что архаичность эта связана с сырьевой основой индустрий бассейна Дербины – трахитами и андезитами, которые в изобилии присутствуют в аллювии террас Дербины и Малтата. Основные же технико-типологические параметры ранних индустрий Енисея, включая традицию бифасиальной обработки (отсутствует только на Сабанихе), сходны.

Сравнение индустрий Дербины с индустриями сопредельных территорий позволило обнаружить поразительное сходство с памятниками раннего верхнего палеолита в бассейне р. Ануй в Горном

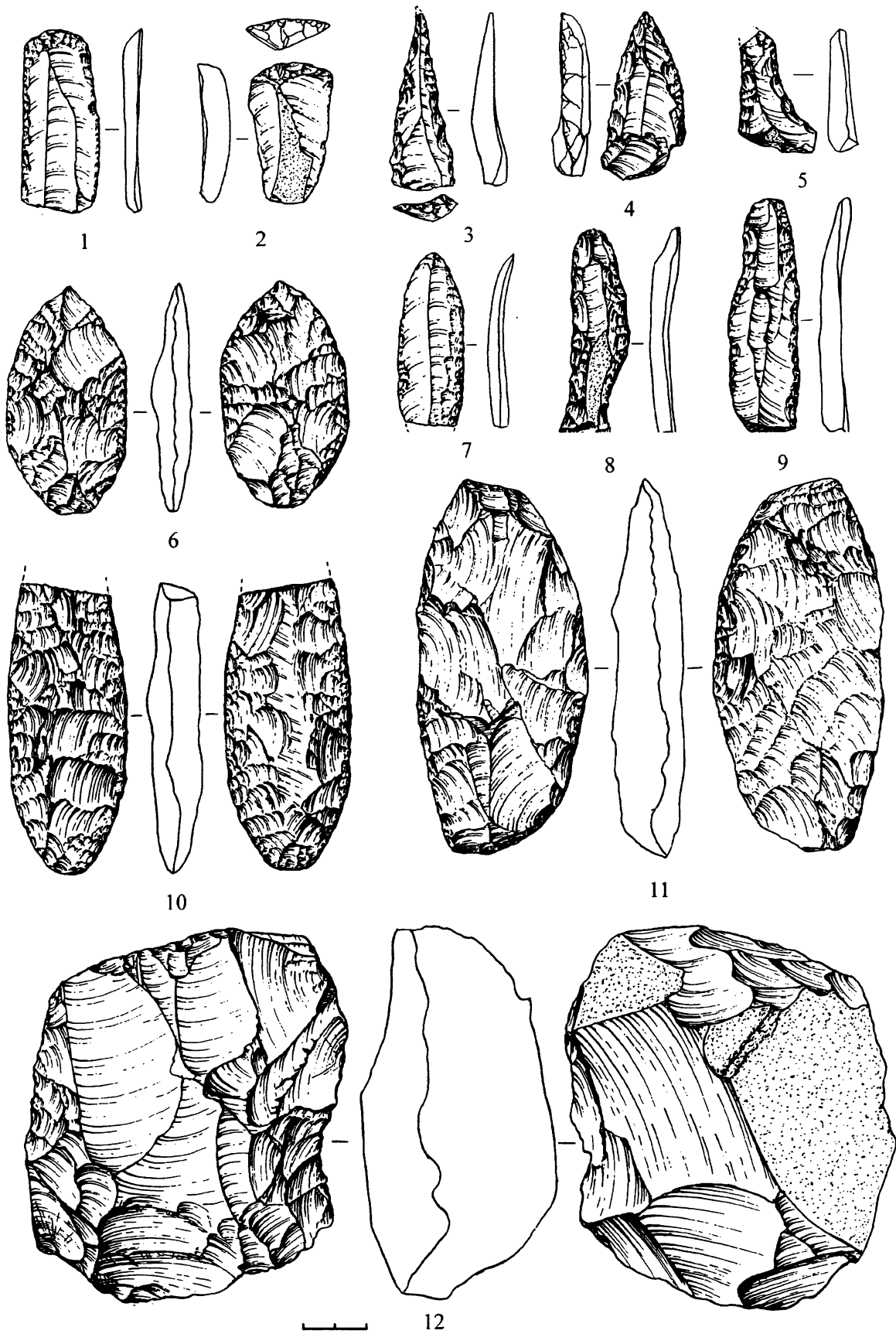

Рис. 1. Местонахождение Дербина V. Каменный инвентарь

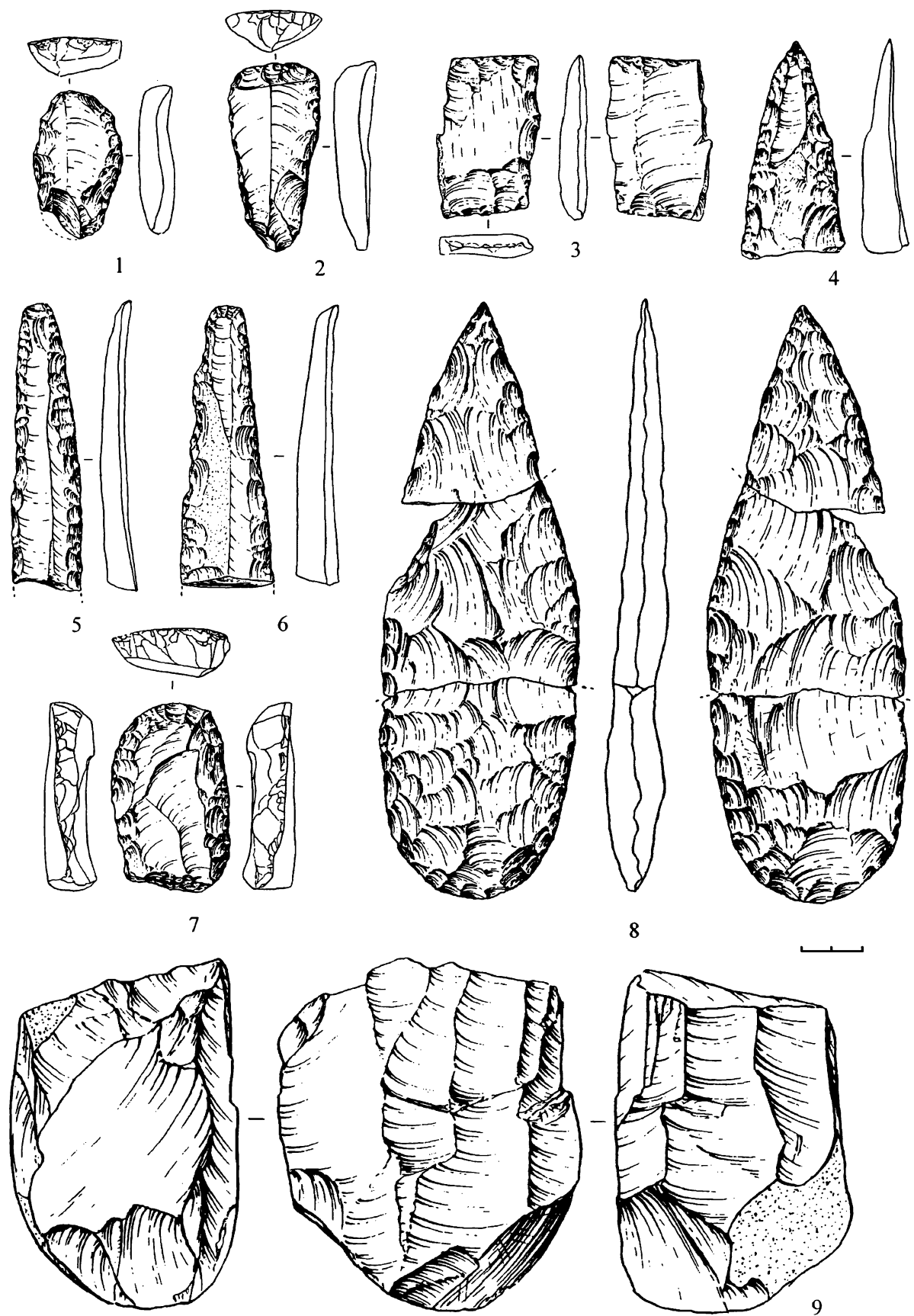

Рис. 2. Местонахождение Усть-Малгат II. Каменный инвентарь

Алтае. Причем наибольшее сходство наблюдается не с синхронными памятниками, которые демонстрируют уже качественно иную ступень развития позднепалеолитической культуры, а с индустриями перехода от мустье к позднему палеолиту. Сходство прослеживается как в номенклатуре орудийных комплексов, так и в технологии первичного расщепления, вплоть до реплик отдельных изделий: бифасов, скребков, крупных орудий на ретушированных пластинах ориньякского облика, леваллуазских нуклеусов и микронуклеусов. Убедительного объяснения подобному сходству при хронологическом разрыве в 5–7 тыс. лет (даже при принятии достоверности наиболее ранних дат) пока нет, однако не исключен вариант непосредственной миграции части древнего населения Алтая на Енисей и обитания его здесь в своеобразном «культурном рефугиуме».

Несоответствие датировок, вполне возможно, связано и с переотложением, в том числе неоднократным, культуросодержащего горизонта и привнесением более молодого датирующего материала. Так, для позднекаргинского периода даты, полученные из культурных горизонтов опорных памятников района – Дербина IV (22–21 тыс. л. н.), Дербина V (30–29 тыс. л. н., 22–21 тыс. л. н.), Усть-Малтат I (12 тыс. л. н.) – свидетельствуют не о возрасте артефактов, а исключительно о времени их переотложения по склону. Это подтверждают как геоморфологическое положение самих памятников, так и устойчивое сочетание группировок дат, связанных с начальными этапами периодов похолоданий (коношельского, гыданского, послекокоревского).

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Лаухин С.А., Махлаева Ю.М., Орешников И.А., Назаров Д.В., Гуляев А.А., 2002. Изучение палеолита Дербинского залива в 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. VIII.
Акимова Е.В., Стасюк И.В., Махлаева Ю.М., Харе-

вич В.М., Кукса Е.Н., Лаухин С.А., Мотузко А.Н., 2005. Итоги археологических исследований в Дербинском заливе в 2005 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. XI. Ч. I.

Лаухин С.А., Санько А.Ф., Еловичева Я.К., Мотузко А.Н., Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А., 2002. Дербина V – опорный разрез Дербинского археологического района (юго-запад Восточного Саяна) // Литосфера. № 1 (16).

Лаухин С.А., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Махлаева Ю.М., Харевич В.М., 2004. Новое по геологии и археологии местонахождения Дербина IV (Дербинский археологический район) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. X. Ч. I.

Мотузко А.Н., 2005. Фауна мелких млекопитающих дербинского педоседимента в опорном разрезе Дербина V // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий. Ростов-на-Дону.

Стасюк И.В., 2002. Леваллуазский компонент в палеолите Дербинского археологического района // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. Омск.

Стасюк И.В., Акимова Е.В., Томилова Е.А., Лаухин С.А., Санько А.Ф., Тихомиров М.Ю., Махлаева Ю.М., 2002. Палеолитические местонахождения Дербинского археологического района (Красноярское водохранилище) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. Вып. 4.

Стасюк И.В., Акимова Е.В., Томилова Е.А., Санько А.Ф., Лаухин С.А., 2002. Позднепалеолитическое местонахождение Дербина V на Красноярском водохранилище // Там же.

Харевич В.М., 2005. Нуклеусы позднепалеолитического местонахождения Дербина V // Истоки, формирование и развитие евразийской политкультурности: Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Иркутск.

А.Ю. Тарасов

Институт языка и литературы и истории Карельского НЦ РАН, Петрозаводск

Новые данные по позднему и финальному мезолиту Северо-Западного Прибеломорья

Северо-Западное Беломорье слабо исследовано в археологическом отношении. До настоящего времени мезолит здесь был представлен группами стоянок в Кандалакшском заливе (устье р. Нива и оз.

Колвица) и в устье р. Кемь (Анпилогов, 1972; Панкрушев, 1978; Песонен, 1978). Это бескерамические стоянки с кварцевым инвентарем, датированные мезолитическим временем на основании их высотного

расположения (абс. выс. – около 70–20 м). В связи с неоднозначностью самой геологической истории и степени ее изученности для них предлагались разные даты, начиная от второй четверти IX тыс. до н. э. и заканчивая концом V – началом IV тыс. до н. э. (Панкрушев, 1978, С. 51; Песонен, 1978, С. 142, 150). В настоящее время более вероятным признается диапазон VI – начало V тыс. до н. э. (Филатова, 2004, С. 16; Шахнович, 2007, С. 29). Если для наиболее высоко расположенных памятников мезолитическая датировка не вызывает сомнений, то для более низких (40–20 м), которые предположительно относятся к позднему мезолиту, вопрос является более сложным (Шахнович, 2007, С. 23, 24). Слабая технико-типологическая вариабельность кварцевой индустрии затрудняет ее использование для культурно-хронологического членения материала; при этом есть убедительные свидетельства существования в регионе бескерамических памятников, датирующихся более поздним временем. Например, стоянок-мастерских, на которых производилась первичная обработка кварцевого сырья (Тарасов, Шахнович, Мартынов, 2006). Ближайшие памятники мезолита, датированные по радиоуглероду, находятся на территории Северной Финляндии. Имеющиеся даты относятся к диапазону от 8960 до 7310 л. н. (Шахнович, 2007, С. 20).

В связи с этим представляют интерес результаты исследований группы стоянок в нижнем течении р. Кереть, проведенных в последние годы (Тарасов, Шахнович, 2006; Тарасов, 2007). Здесь обнаружены 10 новых стоянок (выс. около 50–60 м), на двух из которых производились раскопки: Кереть XIX (54 м²) и Кереть XXII (41 м²). На обоих памятниках отсутствуют следы построек, но обнаружены кострища и очаги в виде сплошной кладки из обожженных валунов в яме диаметром около 1,5 м, вокруг которых концентрируется основная часть инвентаря. Преобладают изделия из кварца, при этом имеются единичные рубящие из сланца, абразивы из гранита и песчаника (Кереть XIX) и кремневые изделия (Кереть XXII). Технология первичной обработки была направлена на получение отщепов, преимущественно с «площадочных» призматических нуклеусов; наряду с этим хорошо представлены продукты расщепления биполярных нуклеусов. В орудийном

наборе преобладают скребки и сколы со следами утилизации, имеются поперечно-лезвийные накопечники и резцы. В немногочисленных фаунистических комплексах представлены отдельные кости тюленя (Кереть XIX) и бобра, а также крупных млекопитающих и рыб (Кереть XXII).

Для памятников получены 4 радиоуглеродные даты: Кереть XIX – 6970±200 л. н. (уголь из нижней части заполнения очага) и 7110±60 л. н. (уголь из кострища); Кереть XXII – 6130±50 л. н. (нижняя часть заполнения очага) и 3020±10 л. н. (линза прокаленного песка, интерпретированная как кострище). Первая дата с Керети XXII соответствует пограничным датировкам для раннего неолита с керамикой Сярайсьнеми I, полученным на территории Финляндии. Последняя дата, происходящая из менее надежного контекста, может быть омоложена.

Данные комплексы, датированные по радиоуглероду, могут считаться эталонными при исследовании позднего и финального мезолита региона Северо-Западного Прибеломорья, а также в целом Северной Карелии и Кольского п-ова.

- Анпилогов А.В., 1972. Мезолитические памятники на р. Кеми // Археологические исследования в Карелии. Л. Панкрушев Г.А., 1978. Мезолит и неолит Карелии. Л. Ч. 1: Мезолит.
- Песонен П.Э., 1978. Мезолитические памятники Канда-лакшского берега // Мезолитические стоянки Карелии. Петрозаводск.
- Тарасов А.Ю., Шахнович М.М., 2006. Стоянка Кереть XIX в Северо-Западном Прибеломорье (результаты работ в 2005 году) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: Проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки.
- Тарасов А.Ю., Шахнович М.М., Мартынов А.Я., 2006. Стоянка Немецкий Кузов III в Белом море – мастерская по первичной обработке кварцевого сырья // Там же.
- Филатова В.Ф., 2004. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск.
- Шахнович М.М., 2007. Культурно-хронологическая атрибуция мезолитических памятников Северной и Западной Карелии и их место в мезолите Северной Европы // Кольский сборник. СПб.

Н.И. Халдеева

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва

Сравнительное одонтологическое исследование мезолитических черепов Мурзак-Коба и Фатьма-Коба*

В данном сообщении представлены материалы одонтологического изучения мезолитических черепов Мурзак-Коба 1, Мурзак-Коба 2 и Фатьма-Коба 1, хранящихся в Отделе антропологии МАЭ (Кунсткамера Петра Великого) РАН. По одонтометрической программе измерялись мезиодистальный и вестибулолингвальный диаметры (длина и ширина) коронок зубов верхней и нижней челюстей. Для сравнения привлекались одонтологические материалы по отдельным находкам и выборкам. Так, в общее сопоставление вошли данные: 1) по Мурзак-Коба 1; 2) Мурзак-Коба 2; 3) Фатьма-Коба 1; 4) мезолиту Сербии (у' Edynak, 1989); 5) мезолиту Украины (Jacobs, 1994); 6) мезолиту Западной Европы (Cora et al., 2006); 7) мезолиту Оленьего Острова; 8) неолиту Украины (Jacobs, 1994); 9) неолиту Латвии (Граверре, 1985); 10) неолиту Забайкалья (Зубов, 1968); 11) неолиту Васильевки (Там же); 12) неолиту Вовниги (Там же); 13) верхнепалеолитическая находка Сунгирь 2 (Зубов, 1984); 14) Сунгирь 3 (Там же); 15) по современным группам (большие расы) (Зубов, 1968); 16) позднему верхнему палеолиту Западной Европы (Frauer, 1977); 17) современным группам Европы (Bailey, Hublin, 2006). В выборки мезолита Украины вошли серии Васильевка I, Васильевка III, Волошское. Неолит Украины представлен сериями Игрень, Сурской Остров (Лагодовская, 1949), Васильевка II, Вильнянка, Вовниги 1 и Вовниги 2 (Столяр, 1959; Телегин, 1985; Даниленко, 1955; Кондукторова, 1974; Сурнина, 1961; Рудинский, 1955).

В табл. 1 (А, Б) приводятся данные по распределению частот одонтометрических признаков – мезиодистального (MD) и вестибулолингвального (VL) диаметров – в рассматриваемых группах, порядок размещения которых соответствует представленному выше.

На верхних центральных резцах (I¹) наименьшие MD-диаметры (8,1) отмечены в мезолитических группах Сербии (Vlasac) и Украины. Наибольшие MD-диаметры встречаются в сунгирских верхнепалеолитических находках (Сунгирь 2 и 3). В остальных группах размерные различия более или менее выравниваются, относительно сближая эти выборки. Так, данные по неолиту Украины сходны с современными группами (большие расы), современными группами Западной Европы, позднего верхнего палеолита Западной Европы. Примерно такая же

картина прослеживается в динамике MD-диаметров на вторых верхних резцах, клыках и премолярах (I², C¹, P³, P⁴).

Распределение MD-размеров на верхних молярах дополняется рядом новых существенных деталей. Самыми большими размерами мезиодистальных диаметров на M¹ отличается Сунгирь 2. Наименьшие величины длины коронок данных зубов характерны для мезолитических групп Сербии (Vlasac), Украины, Западной Европы и современных групп Западной Европы. Большие параметры встречаются в мезолитической находке Мурзак-Коба 1, мезолите Оленьего Острова, неолите Украины, Сунгирь 3. Промежуточные величины данного диаметра на M¹ зафиксированы в сериях неолита Латвии, Забайкалья, Васильевки, Вовниги, в группах современного населения (большие расы). На втором верхнем моляре (M²) повторяются примерно те же тенденции.

Полученные абсолютные размеры диаметров могут быть ранжированы по статистически рассчитанным рубрикам для соответствующих величин каждого класса моляров, т. е. «очень большая», «большая», «средняя», «малая» и «очень малая» категории (Зубов, 1968). Так, в размах больших величин входят неолит Украины, верхнепалеолитические находки Сунгирь 2 и 3. Остальные группы относятся к средней категории. В границах величин «средней категории» наименьшие MD-величины зафиксированы в современных группах Западной Европы, в мезолитических сериях Сербии (Vlasac), Украины и Западной Европы (10,1). Наибольшие показатели в «средней категории» встречаются в зубном комплексе мезолитической находки Мурзак-Коба 1 (10,6), неолите Украины (10,8), в обеих сунгирских находках (10,7). Остальные цифры можно охарактеризовать как средние в размахе «средней» категории (10,4).

В распределении VL-диаметров также намечаются некоторые тенденции. Наименьшие величины данного диаметра на I² определены в мезолите Сербии (Vlasac) – 7,1, и в современных группах (большие расы). Наибольшие величины найдены в неолитической серии Украины (7,5) и позднему верхнему палеолиту Западной Европы (7,5). Как обычно, сунгирская находка 2 помещается в области крайне больших VL-величин (8,5). Наименьшие VL-размеры для I² наблюдаются в современных

Таблица 1. Распределение одонтологических признаков в сравниваемых палеообъектах.

Палеообъекты	Верхняя челюсть																
	MD-диаметр					VL-диаметр											
	I ¹	I ²	c	p ³	p ⁴	M ¹	M ²	M ³	I ¹	I ²	c	p ³	p ⁴	M ¹	M ²	M ³	
1. Мурзак-Коба 1						10,6	9,7	8,3							11,3	11,9	11,6
2. Мурзак-Коба 2																	
3. Фатъма Коба 1							8,9	8,0								11,5	10,3
4. Мезолит (Vlasac)	8,1	6,2	7,2	6,1	6,4	10,1	9,3	8,7	7,1	6,5	8,3	9,5	9,7	11,8	11,8	11,2	
5. Мезолит Украины	8,1	6,4	7,8	6,7	6,3	10,1	9,7	8,4	7,4	6,6	8,5	9,5	9,5	11,6	11,9	11,3	
6. Мезолит Европы						10,1	9,8	8,5	7,4	6,6				11,8	11,9	10,7	
7. Мезолит Остров Олений						10,6	9,8	8,6						11,7	11,8	10,9	
8. Неолит Украины	8,7	6,9	7,9	6,7	6,3	10,8	9,6	8,7	7,5	6,8	6,5	9,3	9,4	11,9	12,6	11,3	
9. Неолит Латвии						10,4	9,2	8,2						11,9	11,9		
10. Неолит Забайкалья						10,4	10,0	8,9						11,9	11,7	11,3	
11. Неолит Васильевки						10,4	10,1	8,6						11,9	12,0	11,3	
12. Неолит Вовниги						10,4	9,5	8,9						11,8	11,7	11,1	
13. Сунгирь 2	9,7	8,3	7,5	7,7	7,5	11,0	10,6	9,8	8,5	7,9	10,4	11,0	11,0	13,4	13,8	13,1	
14. Сунгирь 3	9,4	7,7	8,5			10,7	8,7		7,6	7,0	9,6			11,8	11,3		
15. Современные группы (большие расы)	8,8	6,9	7,7	7,2	6,8	10,4	9,6	9,1	7,1	6,3	8,1	9,2	9,1	11,4	11,5	10,9	
16. Поздний верхний палеолит Европы	8,7	7,1	8,0	7,0	6,8	10,4	9,7	9,0	7,5	6,6	8,8	9,7	9,6	11,8	12,0	11,4	
17. Современные группы Европы	8,5	6,5		6,8	6,7	10,0	8,9		7,1	6,1		8,8	8,9	11,1	10,8		

Палеообъекты	Нижняя челюсть															
	MD-диаметр					VL-диаметр										
	I ₁	I ₂	c	p ₃	p ₄	M ₁	M ₂	M ₃	I ₁	I ₂	c	p ₃	p ₄	M ₁	M ₂	M ₃
1. Мурзак-Коба 1						11,3	10,7	11,0						11,4	10,7	10,2
2. Мурзак-Коба 2						11,2	11,1	11,6						11,1	11,0	10,6
3. Фатъма-Коба 1						11,8	10,8	9,05						11,2	10,0	10,6
4. Мезолит (Vlasac)	4,9	5,6	6,6	6,7	6,9	10,6	10,4	10,8	6,0	6,2	7,3	8,0	8,6	11,1	10,8	10,4
5. Мезолит Украины	4,7	5,3	6,7	6,7	6,8	11,2	10,7	10,7	6,0	6,3	7,5	7,9	8,4	11,0	10,7	11,1
6. Мезолит Европы																
7. Мезолит Остров Олений						11,1	10,9	10,2						10,4	10,5	9,7
8. Неолит Украины	5,1	5,7	6,9	6,8	6,8	11,5	10,7	10,8	6,2	6,5	7,8	7,8	8,2	11,5	10,7	210,3
9. Неолит Латвии						11,2	10,4	10,2						10,7	10,2	9,6
10. Неолит Забайкалья																
11. Неолит Васильевки						11,2	10,8	10,6						11,1	10,7	10,1
12. Неолит Вовниги																
13. Сунгирь 2	5,6	6,1	7,1	7,1	8,0	12,0	11,7		7,1	7,3	9,5	9,6	9,5	11,8	11,5	
14. Сунгирь 3	5,9	6,6	7,4	6,9	7,1	11,2	10,3		6,7	7,1	8,9	8,7	8,2	10,9	9,2	
15. Современные группы (большие расы)	5,6	6,0	7,1	7,0	7,1	11,1	10,8		5,9	6,2	7,9	7,9	8,1	10,4	10,2	
16. Поздний верхний палеолит Европы	5,2	5,6	6,8	7,0	6,9	11,1	10,9		6,1	6,5	8,0	8,1	8,3	10,9	10,7	
17. Современные группы Европы			6,8	6,7	6,8	10,8	10,3				7,7	7,4	7,9	10,4	10,0	

группах Западной Европы и современных группах (большие расы). В целом такой характер вариаций VL-диаметров на обоих верхних резцах отражает эпохальный тренд редукции переменных зубов (особенно I²) с древних времен до современности. На верхних клыках (C) наибольшие VL-размеры зарегистрированы в позднем верхнем палеолите Западной Европы (8,8), наименьшие – в неолите Украины (6,5), что также можно объяснить указанными тенденциями. Средние размеры отмечаются в мезолите Сербии (Vlasac) и Украины. На верхних премолярах (P3 и P4) наименьшие размеры выявлены в современных группах (большие расы), а наибольшие — в позднем верхнем палеолите Западной Европы. Размеры VL-диаметров на верхних премолярах в мезолитических сериях Сербии (Vlasac) и Украины приближаются к большим показателям.

В соответствии с VL-размерами на M¹ в массиве анализируемых групп выделяются «очень большая» категория (Сунгирь 2), «большая» категория (мезолит Сербии, Западной Европы, неолит Украины, Латвии, Забайкалья, Вовниги, Васильевки, поздний верхний палеолит Западной Европы, Сунгирь 3) и «средняя» категория (Мурзак-Коба 1, мезолит Украины, Оленьего Острова, современные группы/большие расы). Общий процесс вариаций размеров демонстрирует определенный уровень сохранения больших величин в рассматриваемом хронологическом диапазоне (9 групп из 17). Тенденция к грацилизации более «консервативного» VL-диаметра становится особенно очевидной в современных группах Западной Европы и в масштабе больших рас. В этом сказывается неравномерность хода исторических размерных изменений на зубах в эволюционном аспекте. Как выявлено, размерные характеристики комбинируются по-разному, проходя периоды стабилизации и разнотемпной территориальной изменчивости.

Категориальная разбивка по размерным категориям на M² более мозаична. Сунгирь 2, как обычно, занимает полюс экстремально больших величин. Судя по характеру распределения VL-размеров на M², широтные параметры этого зуба еще не полностью стабилизировались. В сущности, в этом распределении отражается двойная нестабильность – хронологическая и морфогенетическая, связанная с переменным характером этого зуба (Зубов, 2006). В «малую» категорию входят только современные группы Западной Европы. К «средней» категории относятся современные группы (большие расы), неолит Забайкалья, неолит Вовниги и Сунгирь 3. Заметный переход к средним размерным показателям намечается в неолите (по данным материалам), этот процесс усиливается к современному периоду. Бо-

лее мозаичная и менее определенная картина вариаций широтных размеров коронок выявляется на M³. Очень малые размеры определены для M³ на черепае Фатьма-Коба 1 (10,3). Средние размеры найдены на зубах мезолитических серий Сербии (Vlasac), Украины, Западной Европы, Оленьего Острова, неолита Вовниги и современных группах (большие расы). Большие размеры свойственны неолиту Украины, Забайкалья, Васильевки, позднему верхнему палеолиту Западной Европы.

На нижней челюсти размеры по обоим диаметрам на резцах, клыках и премолярах в кругу рассматриваемых групп относительно стабилизировались, и картина их распределения скорее носит малодинамичный характер. Некоторые тенденции более заметны в классе моляров. Так, в динамике MD-размеров (длина зуба) на M¹ отмечается направленность к уменьшению при переходе к современности. В частности, в «малую» категорию включаются серии мезолита Сербии (Vlasac, 10,6) и современные группы Западной Европы (10,8). В рубрикации «большие» попадают находки Фатьма-Коба 1 и Сунгирь 2. Более многочисленная «средняя» категория формируется мезолитическими палеообъектами Мурзак-Коба 1, 2, сериями мезолита Украины, Оленьего Острова, неолита Латвии, Васильевки, Сунгирь 3, современными группами (большие расы) и находками позднего верхнего палеолита Западной Европы. На вторых нижних молярах (M²) к «средней» категории относятся находки Мурзак-Коба 1, 2 и Фатьма-Коба 1, серии мезолита Украины и Оленьего Острова, неолита Украины, современные группы (большие расы), поздний верхний палеолит Западной Европы. В «малую» размерную категорию включаются мезолитические серии Сербии (Vlasac), неолит Латвии, Сунгирь 3, современные группы Западной Европы. Находка Сунгирь 2 отличается большими размерами длины коронки M². Мезиодистальные диаметры на M³ представлены «малыми» размерными категориями. Выделена даже «очень малая» рубрикация, в которую входят находка Фатьма-Коба 1, мезолит Оленьего острова и неолит Латвии. Большие MD-размеры на M³ установлены для Мурзак-Кобы 2, что можно рассматривать как архаичный показатель, т. к. формула соотношений в ряду моляров приобретает вид $M^1 = M^2 < M^3$. Для широтных VL-размеров на нижних молярах особенно заметна грацилизация зубов в современных группах, в то время как зубы Мурзак Коба 1, 2, Фатьма-Коба 1, неолита Украины, Забайкалья, Сунгиря 2 характеризуются большими и очень большими размерами. В данном случае показателем факта соотносительности стабилизации больших MD-размеров на стабильном/ключевом M¹ к этому периоду. Вместе

с тем, уменьшаются VL-размеры на M^2 , что установлено в 7 группах из 14. На M^3 практически большинство групп входит в «среднюю» или «малую» размерные категории, что отражает тенденцию к редукции этого зуба.

Приведенные материалы иллюстрируются графиками, построенными на корреляционных соотношениях мезиодистального (длина) и вестибулолингвального (ширина) диаметров коронок верхних моляров (рис. 1; 2). Точки, обозначающие положение групп, пронумерованы в порядке их последовательности в табл. 1. На оси «X» отложены MD-величины, а на оси «Y» — VL-значения для M^1 и M^2 . В графическом поле для M^1 (рис. 1) находка Сунгирь 2 (13) и группа современных популяций Западной Европы (17) занимают крайние положения. По взаиморасположению остальных групп можно выделить три группировки. Вблизи оси «Y» локализовались выборки мезолита Сербии (Vlasac),

Украины и Западной Европы. Их объединяет малый размах по VL-диаметрам и небольшие, практически одинаковые, MD-величины. Два других мезолитических палеообъекта – 1 и 7 (Мурзак-Коба 1 и мезолит Оленьего Острова) – также выделяются в отдельный кластер на основе близких величин VL-диаметров и малой разницы по MD-параметрам на M^1 . Третий кластер формируется группами неолита Латвии (9), Забайкалья (10), неолита Васильевки (11), Вовниги (12), для которых характерны близкие MD- и VL-размеры. Позиционно к ним приближаются современные группы (большие расы) по сходству VL-параметров. Отдельно располагаются Сунгирь 3 (14) и неолит Украины (8). Данная серия отличается от остальных неолитических выборок большими MD-размерами. Можно заключить, что большинство мезолитических объектов объединяется в отдельный кластер на основе небольших MD-размеров. Второй кластер мезолитических находок

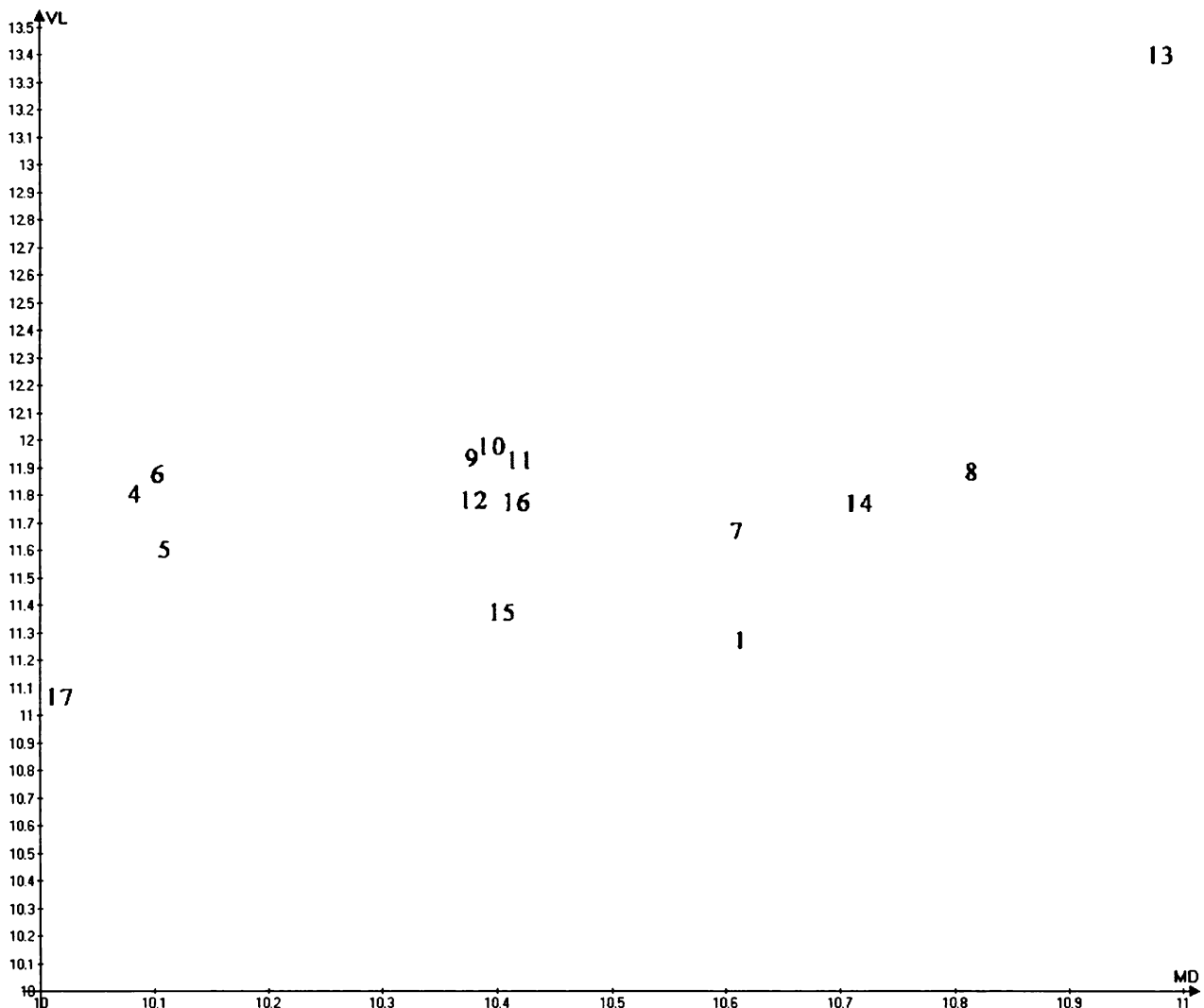

Рис. 1. Соотношение MD и VL-размеров для M^1

демонстрирует относительное сходство с неолитом и верхним палеолитом и группами современности по параметрам M^1 .

На другом графике (рис. 2) экстремальные позиции занимают, как и на рис. 1, находки Сунгирь 2 (13; максимальные размеры) и Сунгирь 3 (14; минимальные размеры) и современные группы Западной Европы (17). Объединяются мезолитические группы Украины, Западной Европы, Оленьего Острова и Мурзак-Коба 1, вошедшие в «среднюю» размерную категорию (рис. 2).

Выводы:

1. Рассматриваемые группы в данных хронологических границах образуют поле дифференциации по MD- и VL-размерам коронок зубов – мезиодистальному и вестибулолингвальному диаметрам. В масштаб выделенных вариаций включаются исследуемые мезолитические находки. Неолитические серии с наибольшей частотой характеризуются большими

размерами. К этой же категории в ряде случаев относится мезолит Украины.

2. Мезолитические серии образуют отдельные кластеры. Состав мезолитических групп в кластерах может по-разному комбинироваться в зависимости от анализируемого зуба в ряду моляров (M^1 или M^2). Это показывает различный эволюционный характер изменений конкретного зуба.

3. По данным проведенного анализа, мезолитические группы проявляют сходство с некоторыми неолитическими сериями, группами верхнего палеолита или группами современности по разным размерным характеристикам зубов.

4. По характеру изменчивости размерных одонтологических характеристик мезолитические находки и серии соотносятся с общей картиной дифференциации анализируемых групп в рассматриваемом хронологическом диапазоне.

5. Таким образом, по данным одонтологии, ме-

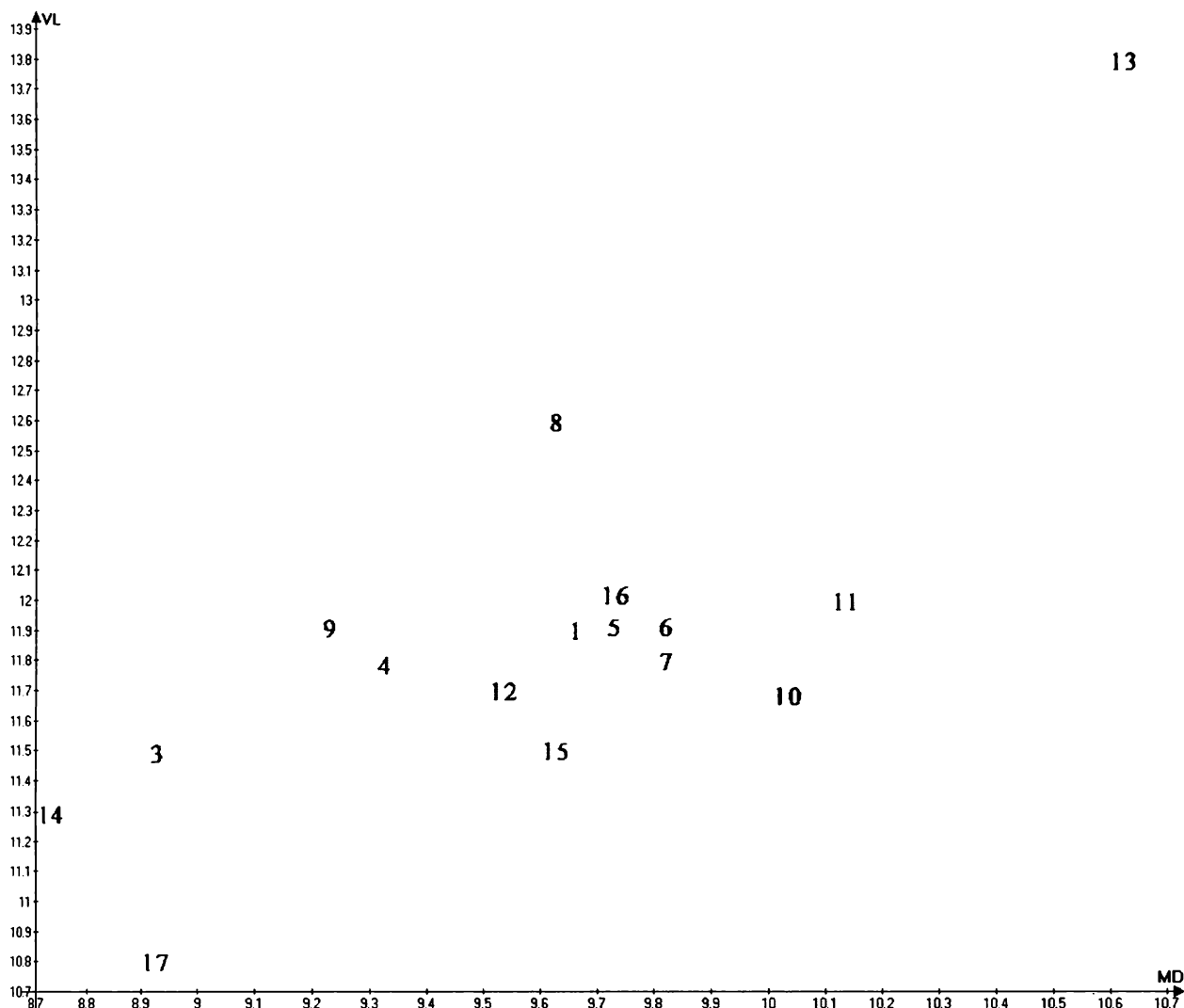

Рис. 2. Соотношение MD и VL-размеров для M^2

золитические группы могут рассматриваться как объективный этап эволюционного развития с очевидными тенденциями дифференциации. Вместе с тем проявляются тенденции, закономерно интегрирующие их в общий ход эволюционной динамики.

* Работа выполнялась при поддержке РФФИ (проект 06-07-00052а) и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Гравер Р.У., 1985. Характеристика зубной системы кивуткальской краниологической серии // Кивуткальский могильник эпохи бронзы. Рига.

Даниленко В.И., 1955. Волошский эпипалеолитический могильник // СЭ. № 3.

Зубов А.А., 1968. Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас // Проблемы эволюции человека и его рас. М.

Зубов А.А., 1984. Морфологическое исследование зубов детей из Сунгирского погребения // Сунгирь: Антропологическое исследование. М.

Зубов А.А., 2006. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М. (Библиотека «Вестника антропологии».)

Кондукторова Т.С., 1973. Антропология населения мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.

Рудинский М.Я., 1955. Вовнигские позднеолитические могильники (к вопросу об оформлении могильников мариупольского типа) // Краткие сообщения АН СССР. Киев. 4.

Столяр А.Д., 1959. Первый Васильевский могильник // Археологический сборник. 1.

Сурнина Т.С., 1961. Палеоантропологические материалы из Вольнянского могильника // Тр. Института этнографии. М. 71.

Телегин Д.Я., 1985. Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР. Киев.

Bailey S.E., Hublin J.-J., 2006. Dental remains from the Grotte du Renne at Arsy-sur-Cure (Yonne) // Journal of Human Evolution. 50.

Coppa A., Grun R., Stringer C., Eggins S., Vargiu R., 2005. Newly recognized Pleistocene human teeth from Tabun Cave, Israel // Journal of Human Evolution. 49.

Frazer D., 1977. Metric dental change in the European Paleolithic and Mesolithic // American Journal of Physical Anthropology. 46.

y'Edynak G., 1989. Yugoslav Mesolithic dental reduction // American Journal of Physical Anthropology. 78.

Jacobs K., 1994. Human dentognathic metric variation in Mesolithic/Neolithic Ukraine: possible evidence of demic diffusion in the Dnieper rapids region // American Journal of Physical Anthropology. 95.

А.А. Чубур

Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского

Новые следы палеолита в с. Хотылёво на верхней Десне*

Открытый Ф.М. Заверняевым у с. Хотылёво Брянской обл. куст памятников (рис. 1) палеолита (ашело-мустьерское местонахождение Хотылёво 1, стоянка круга восточного граветта Хотылёво 2 и т. д.) с 1990 г. исследуют экспедиции под руководством К.Н. Гаврилова (раскопки Хотылёво 2 и 6 и др.) и автора (разведки). В процессе работ выявлены памятники, заполняющие хронологическую лагуну поздней поры верхнего и финального палеолита. О части из них, обследованной автором, пойдет речь ниже.

Хотылёво 8. Памятник расположен на левом борту Кладбищенской балки в 200 м от ее устья, между ним и Десной лежат Хотылёво 9 и 6. В рельефе связан с мысообразным всхолмлением, отделенным от Хотылёво 9 и 10 понижениями – овражками, сnivelированными поздним наносом. Вскрыто 40 м². Горизонт находок – патинированные кремни

Рис. 1. Схематический план размещения памятников каменного века в с. Хотылёво. Ранний палеолит: X-1, 6, 13. Верхний палеолит: X-1, 2, 6, 8, 10, 11, 12, 15. Финальный палеолит и мезолит: X-3, 14, 16, 17. Неолит: X-4, 5, 7. На X-1 обозначены: 1а – раскопы 5-6 (1964), 1б – р.3-4 (1962–63), 1в – р.1-2-2а (1960–61, 1976) и находка в/п изделий, 1г – р.7 (1975), 1д – р.8 (2004)

in situ – в верхней части лессовидной супеси с ортзандами. Стратиграфический шурф в северной части раскопа дал разрез:

1) супесь светло-серая, пылеватая. Нижняя граница волнистая. Пахотный горизонт современной почвы. Мощность – до 0,2 м;

2) супесь белесая с зеленоватым оттенком, легкая, пылеватая за счет кремнеземистой присыпки, разуплотненная. Корнеходы, следы землероев (элювиальный горизонт современной почвы) – до 0,14 м;

3) супесь, неравномерно окрашенная: коричнево-ржавая из-за ожелезнения и белесая за счет присыпки кремнезема. Переход к нижнему слою фиксируется по прослоям ортзандов, в нижней части – расщепленный кремнь (культурный слой) – до 0,26 м;

4) горизонт ортзандов – чередование ржавой и белесой супеси, 5–6 ожелезненных прослоев. Простираются их горизонтальные, в северо-восточном углу прогибаются над псевдоморфозой по повторно-жильному льду – до 0,45 м;

5) супесь лессовидная палевая, плотная, пылеватая, книзу сереет, в 0,3 м от верхнего контакта – горизонт ожелезнения (до 4 см) – 0,55 м;

6) супесь серая, слегка оглееная, насыщена журавчиками (горизонт почвообразования), испытывает падение на северо-восток, по нижнему языковатому контакту яркой прослой ожелезнения – до 0,1 м;

7) серовато-палевый влажный оглееный суглинок с примазками марганца и ожелезнения. В нижней половине две прослойки по 10–12 см, более оглееные, с примесью гумуса и зелено-голубой глины, разделены толщиной суглинка в 5–7 см. Под верхней прослойкой местами ожелезнение и линзочки белого песка. Нижний контакт горизонтальный – до 0,8 м;

8) брянская ископаемая почва с тонким, сильно гумусированным горизонтом, смятым и разорванным мерзлотными процессами, – до 0,25 м. В толще встречен кусок песчаника, осколок валунного кремня и кремневая галька;

9) красноватый песок и мелкие валунчики кристаллических пород (флювиогляциальные отложения).

Позднеплейстоценовая лессово-почвенная серия лежит не на коренных породах меловой системы, а на флювиогляциальных отложениях. Сходный разрез получен в Хотылёво 6 близ уступа коренного берега Десны по тому же левому борту Кладбищенской балки (Гаврилов, Лопатин, Воскресенская, 2002). Разрезы демонстрируют единую последовательность процессов, протекавших в верхнем плейстоцене по левому борту Кладбищенской балки, и указывают на наличие как минимум двух горизон-

тов эмбрионального почвообразования над брянской почвой.

Раскопки и сборы подъемного материала на пашне принесли 324 расщепленных кремня (рис. 2: 1–18): осколки – 102 (31,5%); отщепы – 120 (37,0%), в том числе 3 со следами утилизации; пластины – 32 (9,9%) (18 целых, 13 фрагментов, микропластинка), 3 из них со следами утилизации; технологические сколы – 21 (6,5%); обломки нуклеусов – 13 (4%); нуклеусы – 18 (5,6%) (бессистемного скалывания – 2, кругового скалывания двуплощадочных – 3, кругового скалывания одноплощадочных – 3, торцовых двуплощадочных – 6, торцовых одноплощадочных – 6); отбойники и ретушеры – 4 (1,2%). Изделий с вторичной обработкой 14 (4,3%): 2 пластины и 5 отщепов с ретушью, 2 резца на сломе и 2 боковых косоретушных, скребки – концевой и боковой, острие на отщепе. Имеются свидетельства наличия на стоянке источников открытого огня: 18 (6,5%) кремней несут следы термического воздействия. На некоторых пластинчатых заготовках применена вентральная ретушь для уплощения основания скола (ударного бугорка), что сближает инвентарь со слоем 2 Хотылёво 6. На обоих памятниках ударная площадка заготовок довольно крупная и расположена под прямым углом к плоскости брюшка. Большая доля отщепов в Хотылёво 8, видимо, связана со спецификой памятника-мастерской.

Хотылёво 9. Пункт расположен на левом борту Кладбищенской балки между Хотылёво 8 и 6, от которых отделен понижениями рельефа. Культурный слой поврежден распашкой и связан с элювиальным горизонтом современной почвы. На пашне и в шурфе собраны 127 обработанных кремней (рис. 2: 26, 27) и кусок песчаника (абразива): осколки – 34 (26,8%); отщепы – 50 (39,4%); технологические сколы – 7 (5,5%); осколки нуклеусов – 20 (15,7%); нуклеусы – 10 (7,9%); отбойники и ретушеры – 3, абразив – 1. Предметов с вторичной обработкой 3 (2,4%) – ретушированный отщеп, скребок и скобель. Пластины отсутствуют. Весь кремнь местный, меловой черный и серый желвачный и плитчатый, невысокого качества (много каверн), основной тип нуклеуса (9 из 10) – бессистемного снятия, лишь 1 торцовый двуплощадочный. Кремни не патинированы или с легкой дымчатой патинной. Высокая доля обожженного кремня (23 экз. – 18%) и характерный маслянистый блеск многих кремней свидетельствуют об их термической обработке с целью повышения пластичности. Памятник является мастерской финальнопалеолитической песчаноровско-иеневской общности, ее поселение выявлено раскопками к востоку от Хотылёво, в устье р. Госомы (Гурьянов, Чубур, 2002).

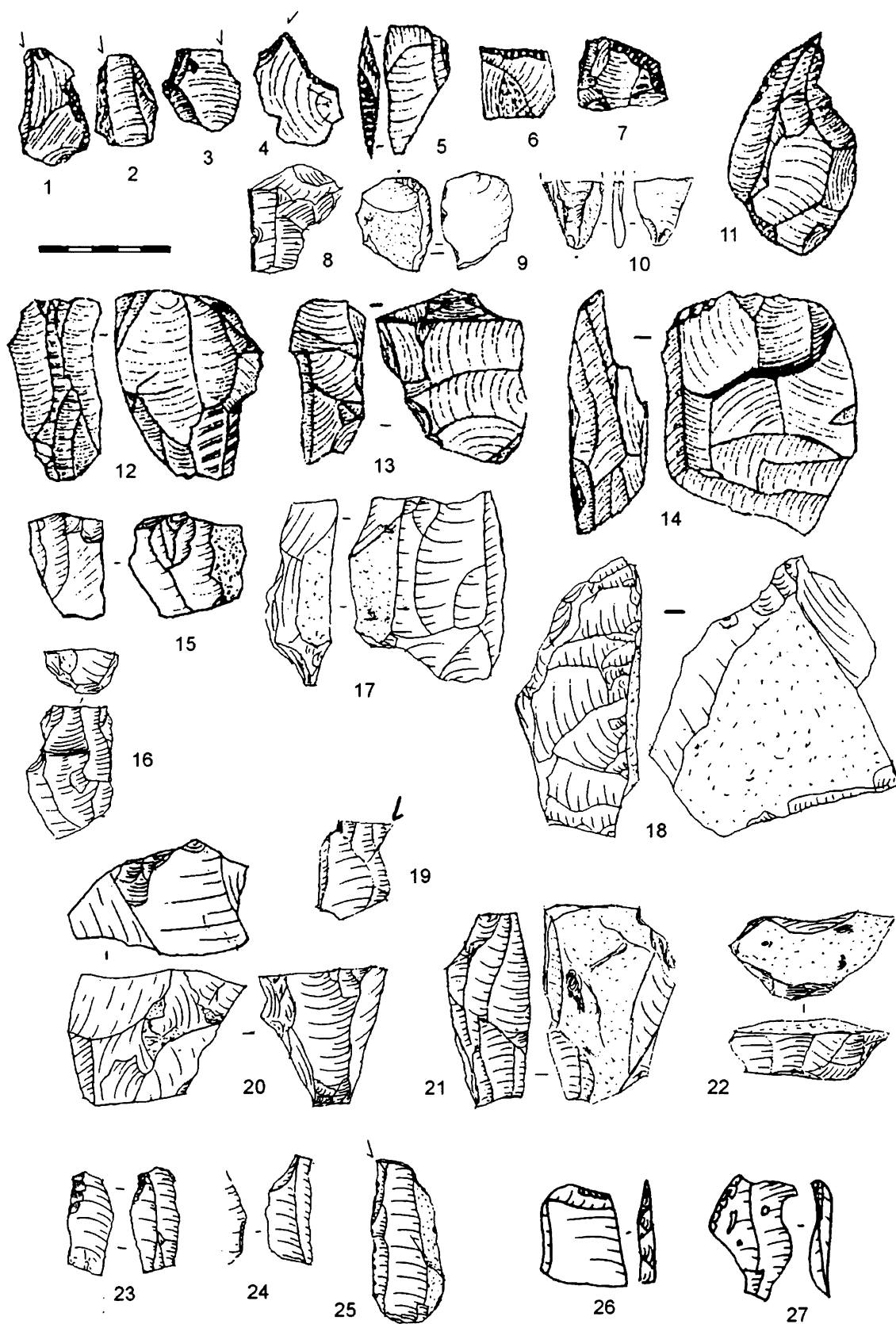

Рис. 2. Кремневый инвентарь: 1–18 – Хотылёво-8; 19–22 – Хотылёво-17; 23–25 – Хотылёво-15; 26, 27 – Хотылёво-9; 1–4, 19, 25 – резцы; 6, 7, 27 – скребки; 5, 8–10, 23, 24, 27 – ретушированные пластины и отщепы, 11 – острие; 12–18, 20–22 – нуклеусы

Хотылёво 10. Пункт лежит в 150–200 м к юго-западу от Хотылёво 8, на мысу в глубине Кладбищенской балки. На пахоте поднято 18 расщепленных кремней (ретушер, 7 отщепов, 9 осколков, 2 из которых побывали в огне, 2 нуклеуса). Кремень местный, серый меловой, патинированный. Материал позволяет сопоставить этот пункт с Хотылёво 8 (в частности, по наличию торцового нуклеуса и нуклеуса для микропластинок) и отнести его к концу палеолита.

Хотылёво 15. В 1982 г. Ф.М. Заверняев собрал расщепленный кремень «между коровником и кладбищем» и заложил там шурф, не отметив пункт в дневниках и отчетах. Проведя повторный поиск, мы выявили памятник на 50–60 м севернее – между кладбищем и западной окраиной Хотылёво, на слабо выраженном в рельефе мысообразном участке правого коренного берега Десны в 250 м к югу от уступа к пойме и в 200 м к югу от Хотылёво 2. Подъемный материал распространен в пределах вытянутого (запад – восток) овала 65 x 25 м. Шурф показал, что материал происходит из верхней части горизонта ортзандов (Заверняев, устное сообщ., 1987) – условия, геологически и геоморфологически сходные со стоянками Косица, Коршево 2 (верхний слой), Тимоновка 1, Карачиж, Хотылёво 6 (слои 2, 8, 10). Зонд к северу от дороги, в самой высокой части мыса, дал отщеп, залегающий в аналогичных условиях. Кремень, собранный Заверняевым и автором (325 экз.), включает (рис. 2: 23–25): 44 осколка (13,5%); 148 отщепов (45,5%); 96 пластин (29%); 15 ребристых пластин (4,6%); 13 нуклеусов (4%), в том числе бессистемного скалывания – 6, кругового скалывания двуплощадочный – 1, кругового скалывания одноплощадочный – 1, торцовый двуплощадочный – 1, торцовые одноплощадочные – 4; 3 отбойника и ретушера; 6 (1,9%) предметов с вторичной обработкой (3 ретушированные пластины, скребло на отщепе, резец и острие на пластинах). Кремень местный, качественный (плитка) меловой, патинирован. Пластины имеют правильно ограниченную спинку, ударная площадка крупная, расположена под прямым углом к плоскости брюшка. На одной пластине – вентральная подработка крупнофасеточной плоской ретушью. Среди орудий выделяется боковой косоретушный резец на пластине с

нерегулярной краевой ретушью. Памятник близок к слою 2 Хотылёво 6.

Хотылёво 17. На восточной окраине Хотылёво, к востоку от парка Тенешевых и к северу от трансформатора, в 80 м к востоку от песчано-гравийного карьера, на спуске грунтовой дороги к Десне, на мысу песчаной первой надпойменной террасы, собран расщепленный кремень палеолитического облика (рис. 2: 19–22): 3 осколка, 2 ребристые пластины, 5 отщепов, пластинка укороченных пропорций, 2 нуклеуса (одноплощадочный призматический и двуплощадочный торцовый со следами пребывания в огне) и резец на сломе пластины. Карниз на нуклеусах снимался оббивкой, а не абразивом. Кремень местный, меловой. Площадь распространения находок 20 x 20 м.

Наконец, на спуске с обрыва, недавно еще ведшего от школы к подвесному пешеходному мосту, в дождевом размыве лессовидных супесей, перекрывающих погребенный аллювиальный комплекс с местонахождением Хотылёво 1 (непосредственно к югу от раскопов 2 и 2-а Ф.М. Заверняева), нами собраны 5 отщепов, ножевидная пластина, микропластинка (меловой патинированный кремень) и кусочки костного угля. Это свидетельствует о наличии здесь неразведанного верхнепалеолитического культурного слоя, поиск которого требует закладки стратиграфических врезок.

Наши работы подтверждают, что Хотылёвский култ поселений стал хорошим полигоном для дальнейшей разработки проблематики эволюции культуры в верхнем Поднепровье в конце верхнего палеолита.

* Работа выполнена в рамках поддержанного РФФИ проекта «Среднее Поднепровье как историко-культурная область поздней поры верхнего палеолита» (02-06-80024).

Гаврилов К.Н., Лопатин Н.В., Воскресенская Е.В., 2002.

Изучение верхнего палеолита в окрестностях села Хотылёво // АО 2001 г.

Гурьянов В.Н., Чубур А.А., 2002. Новые данные об ареале иеневской культуры // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия центральной России. Тула.

В.Е. Щелинский, С.А. Кулаков
Институт истории материальной культуры РАН

Ранний палеолит Приазовья: новые открытия*

Приазовье является одним из тех регионов, где еще в середине прошлого века были найдены архаичные каменные изделия, которые указывали на возможное весьма раннее заселение первобытными людьми Юга России. Имеются в виду известные раннепалеолитические местонахождения Герасимовка на берегу Миусского лимана в северо-восточном Приазовье и карьер Цимбал в южном Приазовье на Таманском п-ове.

На местонахождении Герасимовка, открытом Н.Д. Прасловым, каменные изделия были собраны под обнажением бакинско-чаудинской террасы высотой 45 м над уровнем лимана. Из какого слоя отложений террасы происходят эти изделия, достоверно неизвестно. Изделия окатанные, поэтому предполагается, что они залегали в галечнике под толщей морских осадков, в котором обнаружены костные остатки крупных и мелких млекопитающих тирапольского фаунистического комплекса, относимого к раннему неоплейстоцену (среднему плейстоцену). Коллекция собранных изделий состоит всего из 7 предметов из кремня. Среди них наиболее выразительными являются крупное нуклеидное орудие, больше напоминающее двусторонний чоппер с выпуклым лезвием, три массивных скребла высокой формы, изготовленные на обломках кремневых галек, и крупный отщеп с широкой неподготовленной ударной площадкой. Н.Д. Праслов датирует эти изделия ашельской эпохой (Праслов, 1968. С. 18–21; 1984. С. 96). Однако такая датировка коллекции нам представляется едва ли оправданной, т. к. среди находок отсутствуют рубила и совсем не выражена леваллуазская техника расщепления камня, что не характерно для ашеля. Данная коллекция изделий, если она гомогенна, без сомнения, имеет черты олдувайской индустрии.

На местонахождении Цимбал находок еще меньше и они собраны на поверхности в неясных геологических условиях (Формозов, 1962; 1965). Тем не менее, значимость этих единичных находок велика, поскольку они обнаружены на месте захоронения многочисленных костных остатков животных таманского фаунистического комплекса, имеющего эоплейстоценовый (раннеплейстоценовый) возраст и относящегося, таким образом, к началу четвертичного периода. К тому же, как указывает Н.К. Верещагин, изучивший палеонтологическую коллекцию этого местонахождения, в ней имеются кости живот-

ных, расколотые в древности человеком (Верещагин, 1957). Хронологическая связь обнаруженных А.А. Формозовым на местонахождении каменных изделий с таманской фауной остается сомнительной. Однако нами здесь найдены в контексте с костными остатками ископаемых животных новые каменные предметы, по-видимому, со следами намеренной обработки. Необходимы дальнейшие комплексные исследования этого местонахождения.

Подтверждением наличия в Приазовье археологических памятников начальной поры раннего палеолита стало недавнее открытие нами двух новых раннепалеолитических местонахождений – Богатыри/Синяя Балка и Родники. Оба памятника находятся на северном берегу Таманского п-ова у п. За Родину, в 15 км к северо-востоку от Цимбальского местонахождения и в 30 км к западу от г. Темрюка.

Местонахождение Богатыри/Синяя Балка было открыто в 2002 г. (Щелинский и др., 2003; Щелинский, Кулаков, 2007; Bosinski et al., 2003). До этого времени оно было известно как палеонтологическое местонахождение Синяя Балка, считающееся у палеонтологов стратотипом упоминавшегося выше таманского фаунистического комплекса, характеризующего эоплейстоценовый этап развития сообществ млекопитающих Юга Восточной Европы (Губкин, 1914; Громов, 1948). Возрастной диапазон этого фаунистического комплекса оценивается в настоящее время в пределах 1,1–0,8 млн. лет, с нижней границей древнее палеомагнитного эпизода Харамильо и верхней – моложе этого эпизода, но несколько древнее инверсии Матуяма/Брюнес (Вангенгейм и др., 1991). Таким образом, местонахождение хорошо изучено в палеонтологическом отношении и имеет вполне удовлетворительную датировку. Однако геолого-стратиграфическая позиция его пока не вполне ясна. В настоящее время местонахождение располагается на участке морского берега, интенсивно разрушаемом оползнями, на высоте 28–30 м над уровнем моря. Раскопки показали, что толща культуросодержащих отложений на нем вместе с костями животных залегает в смещенном положении. Однако овражно-селевая версия происхождения этой толщи, принимавшаяся ранее большинством исследователей (Дуброво, 1963; Лебедева, 1972; 1978), не подтверждается. Установлено, что культуросодержащие отложения резко ограничены с

южной, склоновой стороны коренными (цокольными) темно-серыми глинами плиоценового возраста. Причем линия контакта между этими разнородными толщами весьма четкая и тянется, с небольшим отклонением, с востока на запад, совпадая с современной береговой линией. Площадь распространения культуросодержащих отложений небольшая (возможно, в пределах 50–100 м²), т. е. с востока и запада они обрезаны оползневыми цирками. Мощность отложений, вероятно, не меньше 5–6 м. Толща отложений отчетливо слоистая, но слоистость ее не горизонтальная, а субвертикальная, что, вероятно, связано с тектоническими процессами и грязевым вулканизмом, весьма активным на Тамани. При этом выделяются две разные пачки слоев. Одна пачка – песчаная, с окатанным обломочным материалом, она имеет выраженные признаки водного происхождения. В ней два слоя. К коренным глинам плиоценового возраста прислонен базальный слой (3 слой) с большим количеством обломочного материала. Контакт слоя с темно-серыми плиоценовыми глинами четкий, неровный, с признаками смещения. Мощность базального слоя 0,4–0,9 м. Этот слой постепенно сменяется более толстым (слой 2), довольно чистого светло-серого и желтоватого песка с мелкими линзами дресвы, окатышами коричневой глины, редким окатанным щебнем и единичными округлыми песчано-карбонатными стяжениями, включающими обломками костей. Толщина слоя около 2 м. К этому слою примыкает совершенно другой (слой 1), относящийся ко второй пачке отложений. Отличительным признаком его является обилие крупных и мелких обломков костей животных, преимущественно таманских слонов (*Archidiskodon meridionalis tamanensis*) и кавказских эламотериев (*Elasmotherium caucasicum*). Положение костей в слое различное, многие из них располагаются с большим наклоном и почти вертикально (дислоцированы вместе со слоем). Среди костей представлены многочисленные разломанные и почти целые черепа, зубы, тазы и лопатки, позвонки, зачастую в близком к анатомическому залеганию, фрагменты трубчатых костей и ребер. Сохранность костей плохая. Кости вместе с каменными изделиями залегают в субстрате из песка и мелкого уплотненного щебня с примесью обломков доломита и неправильной формы включениями темно-серой глины. Местами участки со щебнем цементированы очень прочным железисто-карбонатным цементом. Контакт этого слоя с песками слоя 2 четкий, неровный, с эрозивными (?) карманами, на контакте имеются вытянутые скопления белесых карбонатных стяжений. Противоположная же граница слоя неясная. В них встречаются единичные каменные изделия и окатан-

ные обломки костей из слоя 1. Видимая мощность слоя 1 – около 1,5 м.

По данным описанного разреза реконструируются четыре основных этапа формирования местонахождения. На первом этапе в условиях мелководья пляжной зоны лимана или лагуны произошло накопление слоев 3 и 2. Эти слои содержат изолированные кости и каменные изделия, которые подверглись незначительной окатке, местами частичному ожелезнению и покрылись цементированной песчаной коркой. В толще песка слоя 2 отсутствует слоистость, что свидетельствует о неравномерности потока или о перемыве песка. Формирование слоя 1 происходило на берегу водоема. Отобранные на диатомовый анализ пробы из этого слоя результатов не дали, что косвенно может свидетельствовать об отсутствии влияния водоема на формирование слоя. Накопление слоев 1–3, несомненно, произошло в эоплейстоцене (раннем плейстоцене), о чем свидетельствует содержащаяся в нем таманская фауна и отсутствие остатков более поздних форм млекопитающих. В последующее время 1 культуросодержащий слой был перекрыт и частично размыв отложениями грязекаменного потока, скорее всего, грязевулканического происхождения. Наконец, на последнем этапе вся толща слоев местонахождения была поднята грязевым диапиром, частично сползла вниз по склону и опрокинулась приблизительно на 100° (Байгушева и др., 2008; Щелинский, Додонов и др., 2008).

В результате палинологического анализа культуросодержащих отложений, вскрытых раскопом (исследования А. Н. Симаковой), выявлены спектры, особенностью которых является наличие переотложенной плиоценовой пыли, что в наибольшей степени выражено в костеносном слое. В пылевых спектрах базальной части разреза (слой 3) доминирует пыльца *Asteraceae* и *Chenopodiaceae*. В древесной группе встречена единичная пыльца *Pinus*, *Tsuga*, *Abies*, *Quercus*, *Betula*, *Salix*, *Corylus*, *Carpinus*. Эти спектры позволяют реконструировать лесостепные и степные ландшафты, в которых на водоразделах доминировали разнотравно-маревые ценозы, а по долинам рек произрастали сосново-мелколиственные леса с участием широколиственных пород. Песчаный слой 2 (между базальным слоем и костеносной брекчией) не содержит пыли. В спорово-пылевых спектрах из костеносной брекчии (слой 1) и седиментационного заполнения костей доминирует переотложенная пыльца верхнеплиоценового возраста (до 90%). Представлена пыльца *Pinus sp.*, *Tsuga*, *Taxodiaceae/Cupressaceae*, *Podocarpus*, *Picea sp.*, *Abies*, *Ulmus pumila*, *U. suberosa*, *U. foliaceae*, *Juglans*, *Pterocarya*,

Platycarya, Engelhardtia, Fagus, Tilia. По предварительной корреляции полученных спектров из этого костеносного слоя с имеющимися палинологическими данными юга Русской равнины можно предположить его эоплейстоцен-раннеплейстоценовый возраст (Щелинский, Додонов и др., 2008).

В процессе раскопок выявлены также остатки мелких млекопитающих. Они обнаружены в слое 3 (*Lagurodon arankae*) и слое в 1 (*Miomys ex gr. savini, Lagurini gen.*). Эти формы, по мнению А.С. Тесакова (Там же), указывают на эоплейстоценовый (в широких пределах) возраст вмещающих отложений.

Культурные остатки и кости животных выявлены во всех описанных слоях, но в разном количестве. Во 2 и 3 слоях они единичны. Основным культуросодержащим слоем является слой 1, отличающийся большим количеством костных остатков животных. При этом каменных изделий в нем сравнительно немного. Они залегают среди костей без каких-либо признаков сортировки. И надо сказать, что общая картина распределения костей и изделий в слое носит «стояночный» характер и, в сущности, ничем не отличается от того, что мы обычно видим на палеолитических стоянках под открытым небом.

Археологическая коллекция местонахождения в настоящее время состоит из 200 каменных изделий. Эти изделия идентичны по сырью, патине и сохранности. Они изготовлены из местного прочного окварцованного доломита серого и коричневого цвета, исходные отделности которого имели форму обломков плит и плиток разной толщины. Изделия в большинстве своем имеют неплохую сохранность, они не оглаженные, хотя сильно выветрелые и нередко покрыты сеткой тончайших трещин, по которым разрушаются. Облик изделий и индустрии местонахождения в целом архаичный, а в составе орудий преобладают изделия на различных обломках плитчатого доломита. Это, несомненно, связано с местной спецификой наиболее доступного исходного сырья для орудий. Однако дело, очевидно, не только в сырье. Налицо архаичность самой техники изготовления орудий, что нашло отражение в их формах и составе. Обращает на себя внимание, что нуклеусы в индустрии единичные, при этом они представляют собой немодифицированные обломки плиток без дополнительной обработки или с минимальной обработкой ударной площадки, с которых были сколоты 1 или 2 отщепы. Немногочисленные отщепы имеют необработанную ударную площадку, покрытую коркой, и зачастую плоский, расплывчатый ударный бугорок (рис. 1: 1–3), что свидетельствует не только о слабой изотропности исходного сырья, но и об использовании случайных отбойников с широкой ударной поверхностью. Спецификой

индустрии является хорошо выраженная техника простого раскалывания плитчатого сырья с целью получения массивных, в некоторых случаях отщеповидных, кусков, использовавшихся в качестве заготовок для различных орудий. В индустрии представлены как крупные, так и мелкие орудия. При этом рубил нет. Примечательно и то, что орудия на отщепах единичны. Наиболее характерными формами являются массивные скребла высокой формы, массивные нуклевидные скребки, пики (рис. 2: 1), клювовидные орудия, мелкие толстые острия, орудия с зубчатым и выемчатым лезвием. Имеются единичные чопперы (рис. 2: 2). По способам первичной обработки камня, оформлению и категориям орудий индустрия местонахождения Богатыри/Синяя Балка, несомненно, является олдувайской. Вместе с тем, в ней отчетливо выражены особенности и в технологии обработки камня, и в формах орудий, обусловленные, надо думать, в первую очередь использованием для изготовления орудий своеобразного плитчатого каменного сырья. С учетом этого, индустрию местонахождения мы относим к особому, таманскому варианту олдувая.

Местонахождение Родники располагается рядом с местонахождением Богатыри/Синяя Балка, в 70 м к западу от него, но характеризуется другими геологическими условиями. Культуросодержащие отложения на нем залегают *in situ* в основании мощной толщи песчаных отложений, слагающих наклонную береговую поверхность высотой на местонахождении 32 м над уровнем моря. Условно выделяются два участка местонахождения – восточный (Родники 1) и западный (Родники 2), – не состыкованные пока один с другим и несколько различающиеся характером культуросодержащего слоя.

На Родниках 1 полный разрез отложений был получен с помощью шурфов и раскопа. Разрез этот образован тремя генетически различными пачками отложений. К верхней пачке относится делювий из неоднородного переработанного песка с перекрывающим его гумусированным слоем современной почвы. Под ним следует наиболее мощная пачка (8–10 м) ненарушенных желтых и желто-серых слоистых прибрежно-морских песков. Нижнюю пачку составляют отложения, сформировавшиеся на берегу водоема. Эта пачка состоит из трех слоев. Самый нижний, базальный слой, залегающий на цокольных темно-серых глинах плиоценового возраста, образован слабо окатанным щебнем с глыбами и редкими гальками доломитов и серым песком в качестве заполнителя. Поверх его лежит слой дресвы и мелко оглаженного щебня с окатышами бурой глины и разорванными прослойками сизо-серых алевритов. Венчает эту пачку прослойка бурой глины с песком

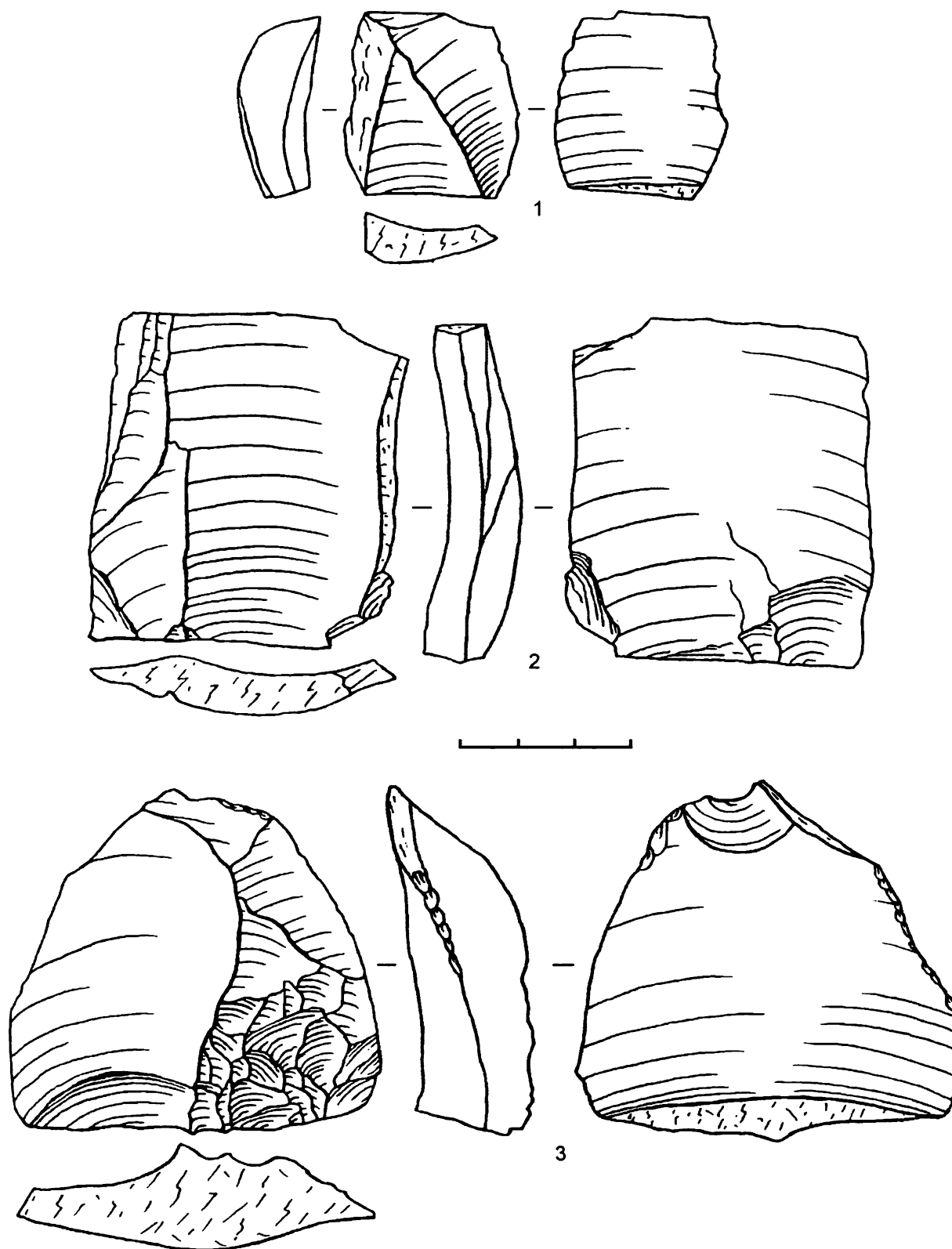

Рис. 1. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка. Отщепы из окварцованного доломита (1-3)

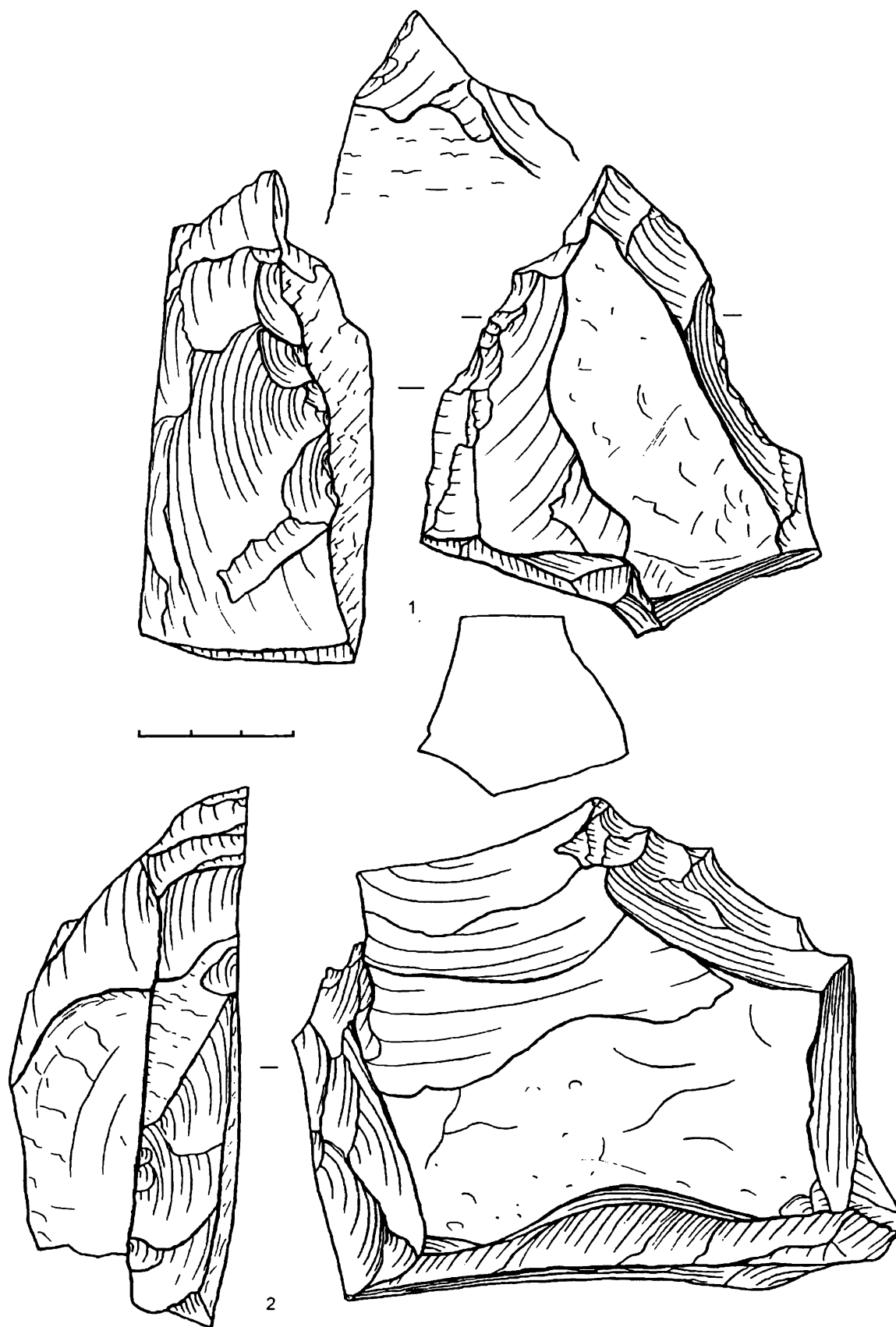

Рис. 2. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка. Орудия из окварцованного доломита. 1 – пик; 2 – чоппер

и редким щебнем. Культуросодержащим является базальный глыбово-щебневый слой нижней пачки разреза. Эоплейстоценовый (раннеплейстоценовый) возраст этого слоя не вызывает сомнений. На это указывает не только стратиграфическое положение его в основании толщи песков, возможно, апшеронской трансгрессии, но и фауна мелких млекопитающих, обнаруженная в слое дресвы, перекрывающем культуросодержащий слой. Выявлены, в частности, *Allophaiomys ex gr. pliocaenicus* и *Lagurodon arankaе*, характерные, по мнению А.С. Тесакова, для эоплейстоцена (раннего плейстоцена) Южной Европы.

В культуросодержащем слое на площади 12 м² найдены довольно многочисленные каменные изделия и один неопределимый обломок кости. Обнаружено 40 бесспорных изделий. Они залегали в песке среди щебня и глыб и образовывали выраженный горизонт находок толщиной 15–20 см, расположенный в нижней части культуросодержащего слоя. Некоторые изделия лежали на контакте слоя с цокольными темно-серыми плиоценовыми глинами. Среди изделий представлены пики, чопперы, массивные скребла высокой формы, нуклевидные скребки, клювовидные и др. орудия, а также нуклеусы и отщепы. Комплекс изделий этого местонахождения и по сырью, и по основным технико-типологическим показателям имеет значительное сходство с изделиями олдувайской индустрии местонахождения Богатыри/Синяя Балка.

Родники 2 примыкают к Родникам 1 с запада. Этот участок был открыт благодаря обширному оползнию берегового склона, образовавшему высокий естественный разрез отложений, слагающих ту же наклонную береговую поверхность, что отмечалась на Родниках 1. Высота бровки разреза 32 м над уровнем моря. Нижняя часть разреза была дополнительно расчищена. Этот разрез по своему строению очень похож на разрез Родников 1. В основании его также имеется залегающий на темно-серых плиоце-

новых глинах базальный слой из слабо окатанного щебня с глыбами и редкими гальками доломитов и светло-серым песчаным заполнителем, являющийся культуросодержащим слоем. В отличие от культуросодержащего слоя на Родниках 1, он отчетливо слоистый и состоит из 2–3 сближенных прослоев, разделенных песком. Заметно меньше в нем и культурных остатков. При расчистке слоя обнаружены 28 каменных изделий (отщепы, орудия с вторичной обработкой) и несколько мелких обломков костей. По предварительным данным, каменные изделия этого участка местонахождения ничем существенно не отличаются от изделий Родников 1. Таким образом, можно с большой долей вероятности предполагать, что Родники 1 и Родники 2 являются частями одного раннепалеолитического местонахождения.

Как же соотносятся по времени Богатыри/Синяя Балка и Родники? По-видимому, это разновременные памятники в рамках эоплейстоцена (раннего плейстоцена), хотя хронологический разрыв между ними, скорее всего, небольшой. При этом Родники несколько древнее и, может быть, близки по времени слоям 2 и 3 Богатырей/Синей Балки.

Открытие и исследование новых раннепалеолитических местонахождений на Таманском п-ове существенно дополняют наши представления о раннем палеолите Евразии. Становится очевидным, что степные пространства Юго-Восточной Европы, в частности Приазовье и Западное Предкавказье, были заселены первобытными людьми по крайней мере с середины эоплейстоцена (раннего плейстоцена) (Щелинский, Додонов и др., 2008), чему, надо полагать, способствовали общий достаточно высокий потенциал культуры древнейших людей, равно как и благоприятные природные и экологические условия в этом регионе в начале четвертичного периода.

* Работа выполнена при содействии грантов РФФИ 07-06-00127а и 07-06-10006к.

СЕКЦИЯ 3

НЕОЛИТ ЕВРАЗИИ: АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ, ХРОНОЛОГИЯ, ПЕРИОДИЗАЦИЯ, КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ

В.И. Базалийский

Иркутский государственный университет

А.В. Вебер

Университет Альберта, Эдмонтон

Могильник Шаманка II в контексте погребальных ритуалов раннего неолита Байкальской Сибири

В течение 120-летнего периода исследований в Байкальской Сибири на 25 местонахождениях раскопано 283 раннеолитические могилы, содержащие погребения 431 индивидуума. По присутствию отдельных признаков ритуала захоронений и некоторых категорий сопроводительного инвентаря в панораме раннего неолита Байкальской Сибири выделяются два обрядовых массива погребальных комплексов. Первый массив, в количественном отношении превышающий второй более чем в 4 раза, – «китойский» – дислоцируется в юго-западном Прибайкалье. Включает «классические» могильники раннего неолита – Локомотив, Китойский, Усть-Бельский и Галашиха, отдельные погребения в районе г. Иркутска – Кузьмиха, Роша Звездочка, несколько разрушенных могил возле станции Суховской и одно погребение в долине верхнего течения р. Иркут. В этот же массив включается отличающийся по ряду признаков могильник Шаманка II. Отмеченные могильники находятся в устьях рек, берущих начало в горах Восточного Саяна, в частности в Тункинской впадине (Иркут, Китой, Белая, Талая). Всего на 9 местонахождениях вскрыто 229 могил, содержащих костные останки 364 погребенных.

Второй массив, состоящий из местонахождений небольших могильников и отдельных захоронений, распространен на всей остальной территории Байкальской Сибири и содержит соответственно 24% могил и 18% погребенных. По своей внутренней структуре эти небольшие региональные местонахождения погребальных комплексов часто неоднородны. Этот массив состоит из исследованных на

сегодняшний день 17 локальных групп и отдельных могил, дислоцирующихся на большой территории в разных районах Прибайкалья и восточного побережья оз. Байкал. На 17 местонахождениях зафиксировано 54 погребальных комплекса, в которых находились костные останки 67 индивидуумов, что гораздо меньше, чем в отдельных могильниках китойской группы, таких как Локомотив или Шаманка II (Базалийский, 2005).

В материалах могильника Шаманка II присутствует ряд обрядовых признаков, отличающих его от погребений классического «китойского» массива или проявляющихся в погребальных комплексах обоих массивов. Географически могильник Шаманка II располагается на ЮЮЗ побережье оз. Байкал, в устье речки Талой, на западной экспозиции склона второго холма Шаманского мыса. В процессе полевых исследований 1962, 1965, 1998–2008 гг. на площади могильника раскопано 93 могилы эпохи раннего неолита и 5 – ранней бронзы. Неолитические погребальные комплексы локализируются на трех участках могильного поля компактными группами. Две группы могил располагаются в верхней части склона, приближаясь к вершине холма, на высоте 22–28 м от уреза воды оз. Байкал. Третья группа дислоцируется ниже по склону, на высоте 18–21 м, и простирается вдоль обрыва. Между всеми группами имеется свободное пространство протяженностью 4–11 м. Большинство могил локализовано в ряды, которые направлены по линии ЮВ–СЗ. Топография рядов в определенной степени соответствует направлению горизонталей (рис. 1). В зоне дислокации могильника мраморное основание мыса пере-

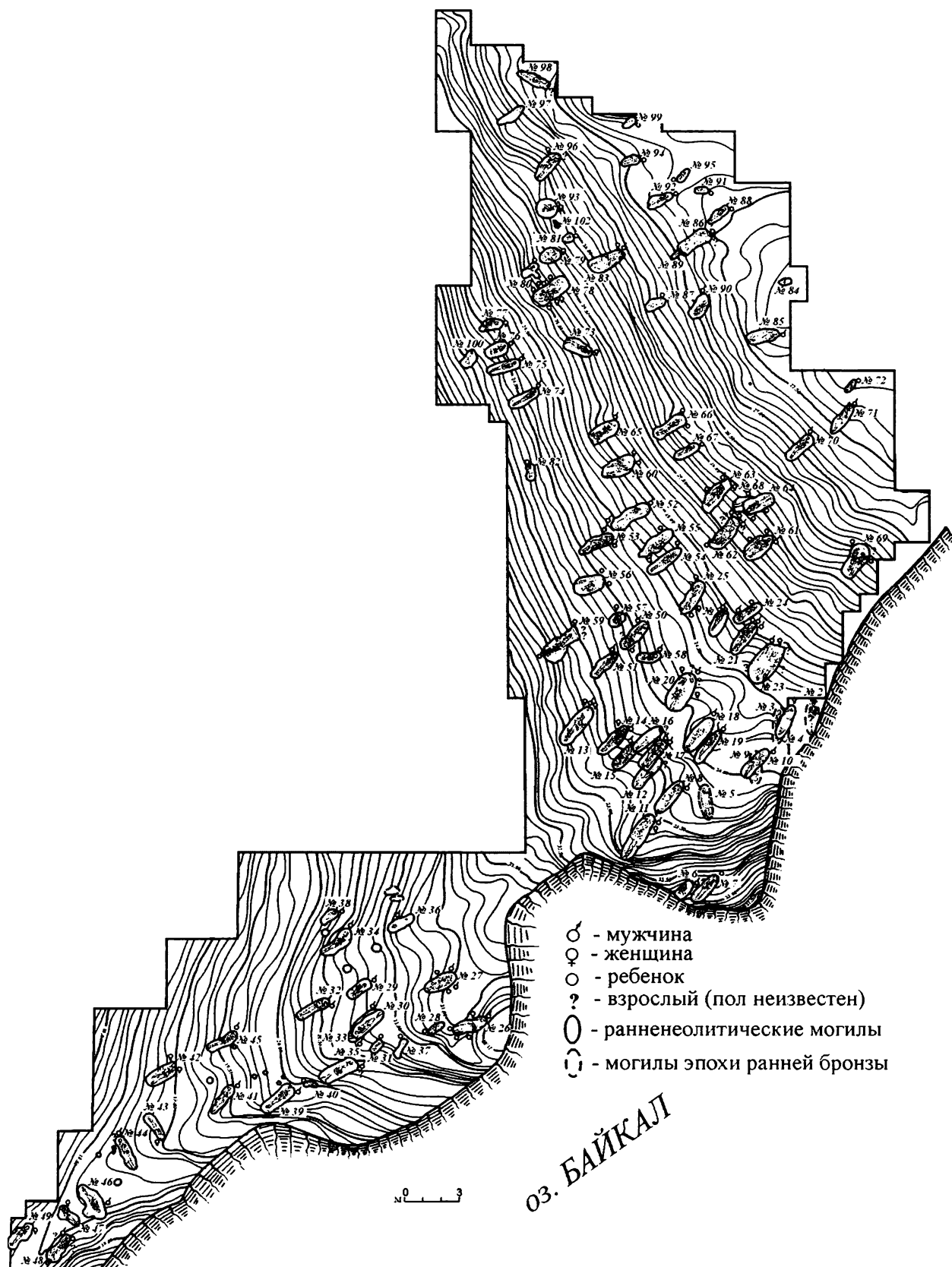

Рис. 1. План могильника Шаманка II

крывает незначительная толща (мощность 0,6–1,2 м) рыхлых отложений, состоящих из голоценовых и финальноплейстоценовых горизонтов. Надмогильные сооружения из камня (кладки) отсутствуют во всех погребальных комплексах. Внутримогильное перекрытие погребенных камнями отмечено только в 2 могилах. Могильные ямы заложены примерно со среднего уровня ярко-бурого суглинка, соответствующего голоценовому климатическому оптимуму (горизонт В₁). В 93 погребальных комплексах, относящихся к раннему неолиту, зафиксированы костные останки 157 индивидуумов. В индивидуальных захоронениях сосредоточено 48 (34%) погребенных, а в совместных (2–8 индивидуумов) – 92 (66%). Половозрастной состав: мужчины – 62 (40%), женщины – 38 (24%), дети – 30 (19%). Не удалось определить пол у 23 (15%) взрослых индивидуумов и 3 (2%) субъектов юношеского возраста. Костяки с ненарушенной анатомической целостностью составляют только 39% (61 скелет), остальные – 61% (96 скелетов) – были разрушены в древности. Ориентировка погребенных головой на СВ отмечена в 90 (57%) случаях, на ЮЗ – 9 (5,8%), на СЗ – 4 (2,8%), на ЮВ – 3 (2%), на восток – 3 (2%), на север – 1 (0,6%), неизвестно – 48 (30%). В 4 совместных захоронениях погребенные были ориентированы головами в противоположных направлениях. Вытянутое на спине труположение зафиксировано в 118 случаях, вытянутое на животе – в двух, на спине с подогнутыми ногами – в одном, скорченное на боку – в трех, на боку с согнутыми ногами – в двух, скорченное на спине – в двух, на спине с уложенными вдоль корпуса ногами – в одном, вторичные захоронения в виде «кучи» костей – в трех, неизвестно – в 25 случаях. Сопроводительный инвентарь, в основном в «богатых» могилах, локализован в крупные скопления. Количество предметов в отдельных захоронениях разное. Некоторые погребенные вообще не сопровождалась каменным и костяным инвентарем. В большинстве же могил фиксируется от 10 до 50 предметов. Сопроводительный инвентарь отдельных «богатых» могил состоит из 200–500 единиц. Количество предметов из кости и рога превышает количество предметов из камня в два раза. Общее количество полных и фрагментированных изделий, а также заготовок и сырья, составляет 9122 единицы. По материалу инвентарь подразделяется на четыре группы: 1) предметы из камня; 2) предметы из кости и рога; 3) изделия из керамики; 4) составные орудия из камня и кости, составные вкладышевые орудия. Изделия из керамики представлены одним целым и одним фрагментированным сосудами. По костным материалам из раскопок раннеолитических могил в радиоуглеродной лаборатории г.

Торонто и лаборатории ГИН (г. Москва) получена 51 дата ¹⁴C, которые определяют хронологический период функционирования могильника 7000–6000 л. н. (радиоуглеродный возраст) (Базалийский и др., 2006; Weber et al., 2006).

Важным признаком обряда захоронений могильника Шаманка II является, предположительно, ритуальное разрушение могил современниками погребенных. В пользу того, что разрушения происходили в период использования могильного поля, свидетельствуют: а) нарушение анатомической целостности нижних скелетов в разновременных ярусных совместных захоронениях; б) сохранность анатомического порядка берцовых костей и стоп при общем разрушении скелета; в) ненарушенность скоплений сопроводительного инвентаря в некоторых основательно потревоженных могилах; г) присутствие зольников в заполнении ям разрушенных могил (ненарушенные могилы зольниками не сопровождаются). Разрушались могилы, содержавшие уже экскарнированные человеческие останки, т. е. более чем через 3 года после захоронения. Из 92 двух вскрытых погребальных комплексов 40 были нарушены в древности. В связи с тем, что разрушению подверглись почти все совместные захоронения, в которых находилось от 2 до 8 погребенных, и часть индивидуальных, анатомическая целостность 96 (61,5%) скелетов из 157 оказалась нарушенной. В остальных раннеолитических могильниках Байкальской Сибири этот признак проявляется по-разному. В могильнике Локомотив, например, из 57 вскрытых в 1980–1997 гг. могил в древности были разрушены только две. Единичные случаи подобных разрушений отмечены также в Китойском, Фофановском и Турукском могильниках (Окладников, 1974; Герасимов, Черных, 1975; Базалийский, Инешин, 1993). В могильнике Усть-Белая из 10 вскрытых погребальных комплексов 6 были разрушены, вероятно, так же, как и в Шаманке II (Георгиевская, 1989).

Еще одним важным признаком является проявление культа, связанного с медведем, в погребальной практике населения, оставившего могильник Шаманка II. Кости медведя зафиксированы в 35 погребальных комплексах. В заполнении ям трех могил находились три черепа медведей без нижних челюстей. Ветви нижних челюстей, клыки и моляры, фрагменты костей черепов и трубчатых костей медведей расчищены в заполнениях 32 могил. Перечисленные кости ни в одном случае не располагались на уровне захоронения. Среди предметов сопроводительного инвентаря, располагавшихся на уровне погребения, в скоплениях отмечено также 14 костей *ost penis* медведя. Многочисленные

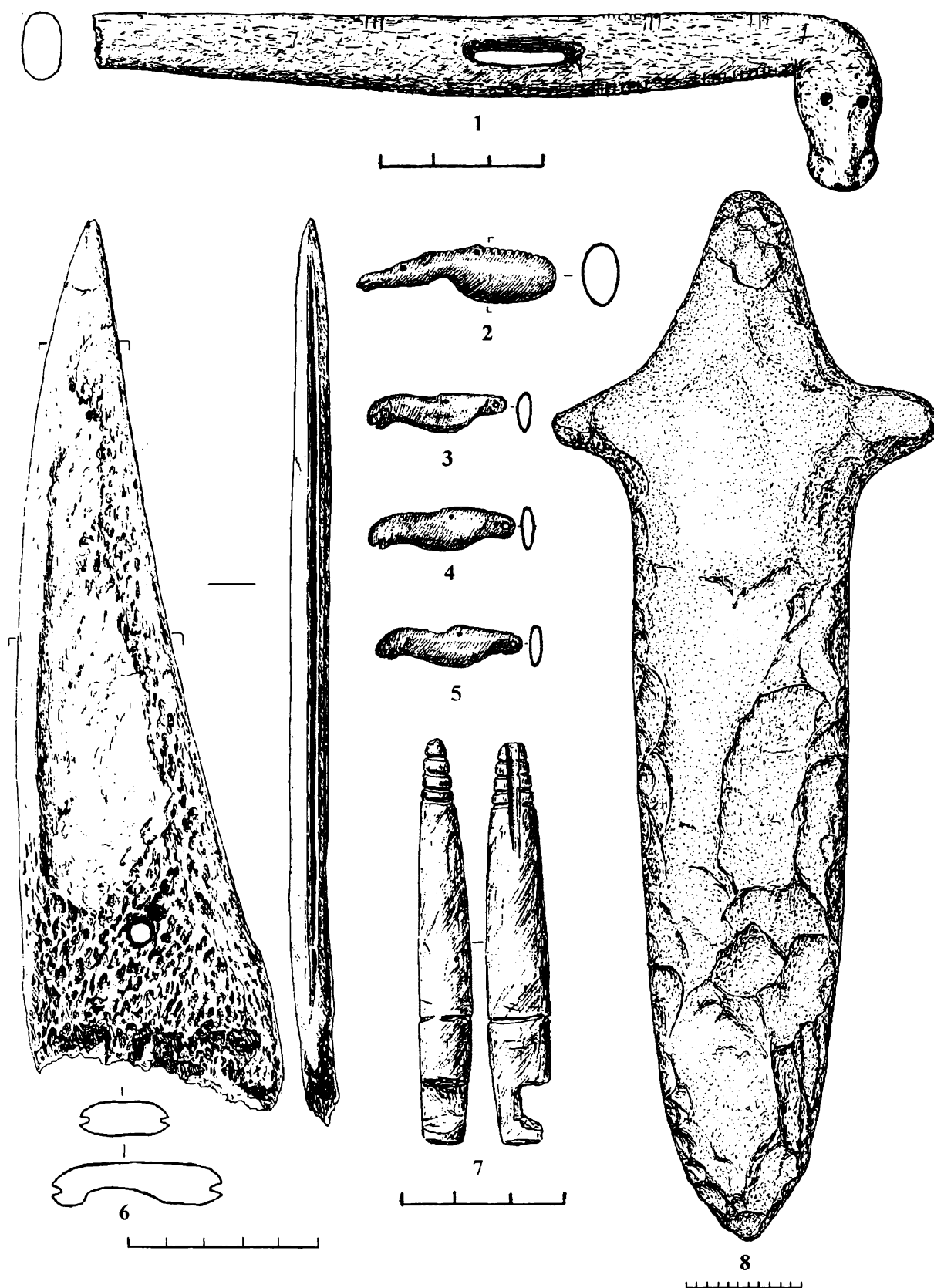

Рис. 2. Могильник Шаманка II. 1 – Г-образный стержень (рог); 2 – подвеска в виде лося (тальк); 3–5 – подвески в виде голов лосей (кость); 6 – обойма составного вкладышевого наконечника (кость); 7 – стержень составного рыболовного крючка байкальского типа (сланец); 8 – топор (гранит)

медвежьи кости выявлены в культурном слое могильного поля. Отдельные ветви нижних челюстей, принадлежавших крупным особям, были захоронены в неглубоких ямах. Подобное множество костей медведя не отмечено больше ни в одном из известных раннеолитических могильников. Для сравнения: в сопроводительном инвентаре могильника Локомотив присутствуют 2 клыка и 1 моляр медведя.

В сопроводительном инвентаре могильника Шаманка II наблюдается присутствие ранее неизвестных асимметричных, овально изогнутых составных вкладышевых наконечников, подобных клевцам эпохи бронзы Китая (рис. 2: 6); составных рыболовных крючков байкальского типа (рис. 2: 7); Г-образного рогового стержня с навершием в виде головы нерпы (рис. 2: 1); подвески в виде скульптуры лося из талька (рис. 2: 2); подвесок в виде голов лосей из кости (рис. 2: 3–5); овального дисковидного орудия из змеевика, а также ритуального топора с ушками, длиной 51 см и весом 4 кг 820 г (рис. 2: 8).

В целом могильник Шаманка II по ритуалу захоронений и морфо-типологическим показателям сопроводительного инвентаря не выпадает из континуума китайского погребального обряда в раннем неолите Байкальской Сибири.

Базалийский В.И., 2005. К проблеме культурно-хронологических особенностей погребальных комплексов эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири // Социогенез в Северной Азии. Иркутск. Ч. I.

Базалийский В.И., Инешин А.В., 1995. Могильник Турука на верхней Лене // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск.

Базалийский В.И., Ливерс А.Р., Хаверкорт К.М., Пежемский Д.В. и др., 2006. Раннеолитический комплекс погребений могильника Шаманка II (по материалам раскопок 1998–2003 гг.) // Изв. Лаборатории древних технологий. Иркутск. Вып. 4.

Георгиевская Г.М., 1989. Китайская культура Прибайкалья. Новосибирск.

Герасимов М.М., Черных Е.М., 1975. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л.

Окладников А.П., 1974. Неолитические памятники Ангары. Новосибирск.

Weber A.W., Beukens R.R., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Savel'ev N.A., 2006. Radiocarbon dates from Neolithic and Bronze Age hunter-gatherer cemeteries in Cis-Baikal region of Siberia // Radiocarbon. Vol. 48. № 1.

А.В. Вискалин

Ульяновский государственный университет

К вопросу о преемственности позднеолитического и раннеолитического населения волго-уральской лесостепи

Волго-Уральская лесостепь располагается вдали от первичных неолитических очагов, и потому открытие здесь в последние десятилетия XX в. раннеолитических памятников елшанского типа, занимающих, согласно имеющимся радиоуглеродным, палинологическим и археологическим данным, необыкновенно раннее хронологическое положение в системе неолита Европы и датирующихся, по разным оценкам, концом VII – началом VI тыс. до н.э., вызвало необыкновенно сильный интерес к их происхождению. В ходе развернувшегося в последние годы обсуждения проблемы генезиса раннего неолита волго-уральской лесостепи возникла гипотеза его автохтонного происхождения на базе местного мезолита при незначительном участии населения соседних регионов. Одним из ключевых моментов данной гипотезы явилось распространенное пред-

ставление о технико-типологическом сходстве кремня местных позднеолитических и раннеолитических комплексов. Однако проведенное автором данной работы сопоставление каменного инвентаря опорных позднеолитических и раннеолитических памятников волго-уральской лесостепи дает иной результат.

В качестве опорных позднеолитических памятников волго-уральской лесостепи выбрано 5 стоянок: Старотокская, Чекалино II, Красный Яр I, Постников овраг III, Ховринская, кремль большинства из которых (Старотокская, Чекалино II, Красный Яр I, Постников овраг III) обладает сходными чертами: обилие микропластинчатых нуклеусов, микропластин и их сечений, орудий на пластинах, заметное преобладание скребков на пластинах над скребками на отщепках, малочисленность рубящих

орудий и отсутствие среди них изделий со шлифовкой, отсутствие типологически выраженных наконечников стрел и геометрических микролитов. Различие между памятниками не столь существенно и, возможно, является следствием использования различного по качеству сырья, разной степени сохранности и репрезентативности материала. Памятники подобного типа относятся к кругу культур т.н. пластинчатого технокомплекса (романовская, камская и др.), распространенных в Приуралье и Прикамье.

Иную культурную принадлежность имеют мезолитические материалы Ховринского поселения. Наличие пластинчато-отщепового инвентаря, черешковых наконечников стрел, шлифованных рубящих орудий указывает на его близость к стоянкам «с наконечниками» типа Яндашевская, Русско-Луговская II, Удельно-Шумецкое X, Ясачное и др., занимающими северо-западную часть Среднего Поволжья и выделяются В.В. Никитиным в особую русско-луговскую культуру (рис. 1).

Среди раннеолитических памятников, численность которых сегодня приближается к двум десяткам, опорными являются лишь 3 стоянки: Чекалино IV, Н.Орлянка II, Елшанка X (Усть-Ташёлка). Несмотря на имеющиеся различия в керамике, кремневая индустрия опорных стоянок выглядит достаточно однотипной (рис. 2). Различия между комплексами проявляются на уровне отдельных типов изделий, что, возможно, является причиной количественной неравноценности коллекций, временных отличий или хозяйственного типа памятника.

Сравнение кремня опорных раннеолитических и позднеолитических памятников пластинчатого технокомплекса выявляет между ними существенное различие. Расщепление нуклеусов в мезолите осуществлялось в технике отжима, что на выходе давало высокий процент правильных микропластин и остаточных нуклеусов конической и карандашевидной формы (рис. 1: 1, 2). Примечательно, что высокая микропластинчатость кремня характерна для позднеолитических стоянок данной группы вне зависимости от качества используемого сырья. В раннем неолите расщепление осуществлялось в технике удара через роговой посредник, что приводило к получению преимущественно пластин средней ширины, пластинчатых отщепов и остаточных нуклеусов со следами снятия отщепов (рис. 2: 1, 2).

При выборе заготовки мезолитические мастера предпочтение отдавали пластинам. Ориентация на пластинчатую заготовку сохраняется даже при наличии преимущественно некачественного трещиноватого сырья, затрудняющего получение пластин. В раннеолитических комплексах наряду с пластинами широко используются отщепы и иные виды за-

готовок. Тяготение к отщепу особенно ярко проявляется при изготовлении таких категорий изделий, как скребки, резцы, ножи и др. Преобладание скребков на отщепах отмечается даже там, где производится большое количество пластин. Последнее обстоятельство указывает на культурную специфику раннеолитического производства каменных орудий.

Техника вторичной обработки позднеолитических комплексов ограничена нанесением краевой ретуши и резцового скола. При изготовлении рубящих орудий используется бифациальная обивка. Раннеолитическими мастерами освоена более широкая палитра приемов вторичной обработки: краевая и бифациальная, крутая и пологая ретушь, подтеска, шлифовка. Пологая ретушь заходит далеко на спинку изделия и используется в равной мере при обработке орудий на отщепах и пластинах. Бифациальная ретушь носит частичный характер и еще не покрывает всю поверхность изделия. Шлифовке подвергаются рубящие орудия, среди которых отмечаются изделия с частичной и полной обработкой всей поверхности. Шлифованные рубящие орудия и следы их изготовления отмечаются на основных опорных памятниках, что делает этот признак культурно значимым.

Типологический набор позднеолитических комплексов является ограниченным и представлен пластинами и сечениями пластин со следами использования без специальной обработки, редкими микролитами, в том числе пластинками с усеченным и скошенным ретушью концом, остриями, концевыми скребками, краевыми, серединными, нуклеидными, ретушными резцами, скобелями, топоровидными и тесловидными орудиями. Геометрических микролитов, наконечников стрел и шлифованных рубящих орудий не обнаружено ни на одном из опорных памятников.

Раннеолитические комплексы, помимо необработанных пластин и их сечений, содержат пластины с регулярной приостряющей ретушью и скошенными концами, микролиты, концевые, боковые, многолезвийные скребки различных размеров и форм, в том числе высокой, ножи устойчивой подтреугольной формы на отщепах и пластинчатых отщепах с выделенным кончиком и тщательной обработкой краев, скобели с ретушированными широкими и узкими выемками, краевые резцы на отщепах, острия, сверла с выделенными плечиками и без них, трапеции на пластинах и отщепах, черешковые наконечники стрел постсвидерского типа, наконечники дротиков, рубящие орудия, законченные формы которых имеют правильное линзовидное сечение, трапециевидную, подтреугольную или подпрямоугольную форму. Среди редких орудий можно назвать

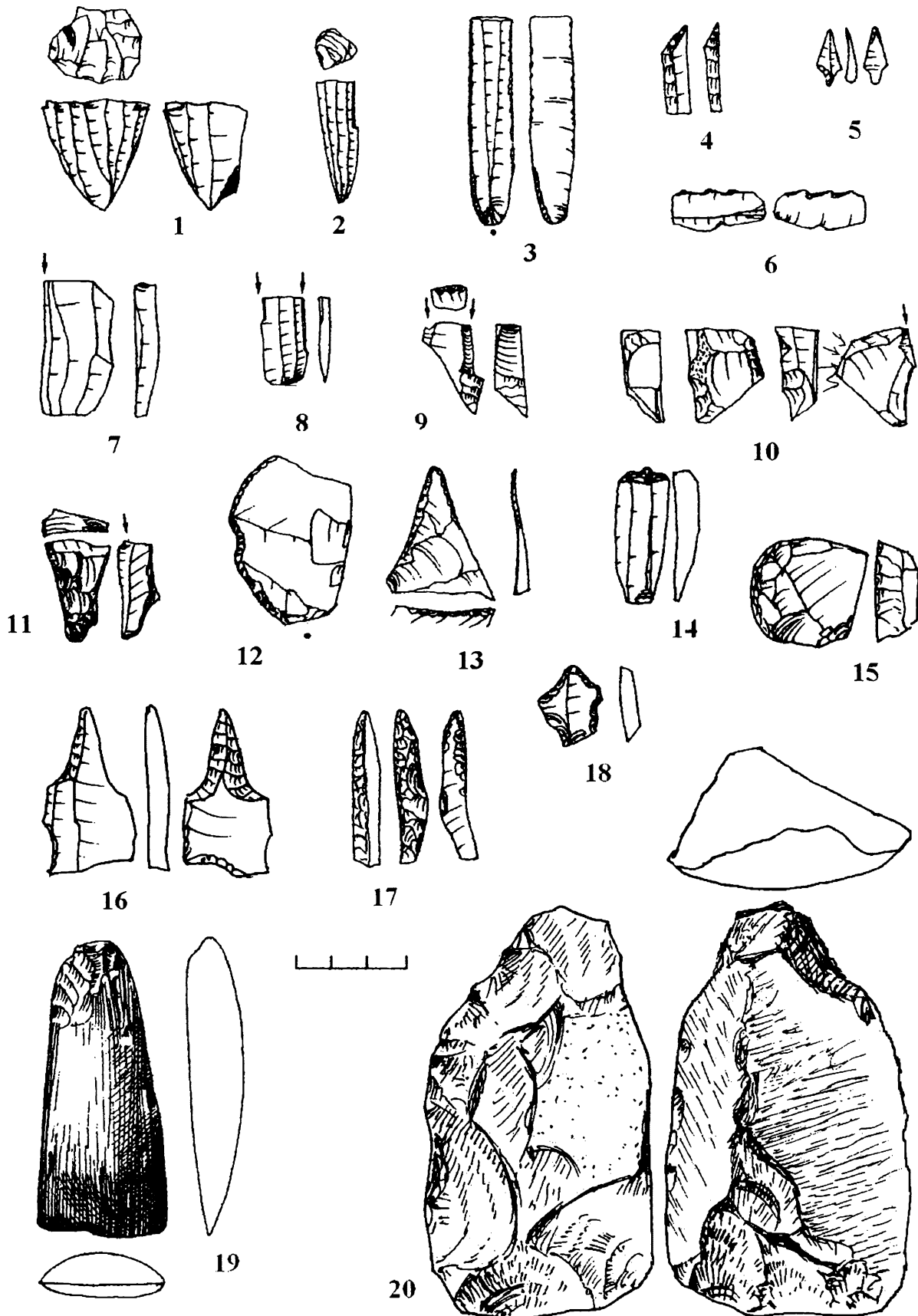

Рис. 1. Каменные изделия позднемезолитической стоянки Ховрино

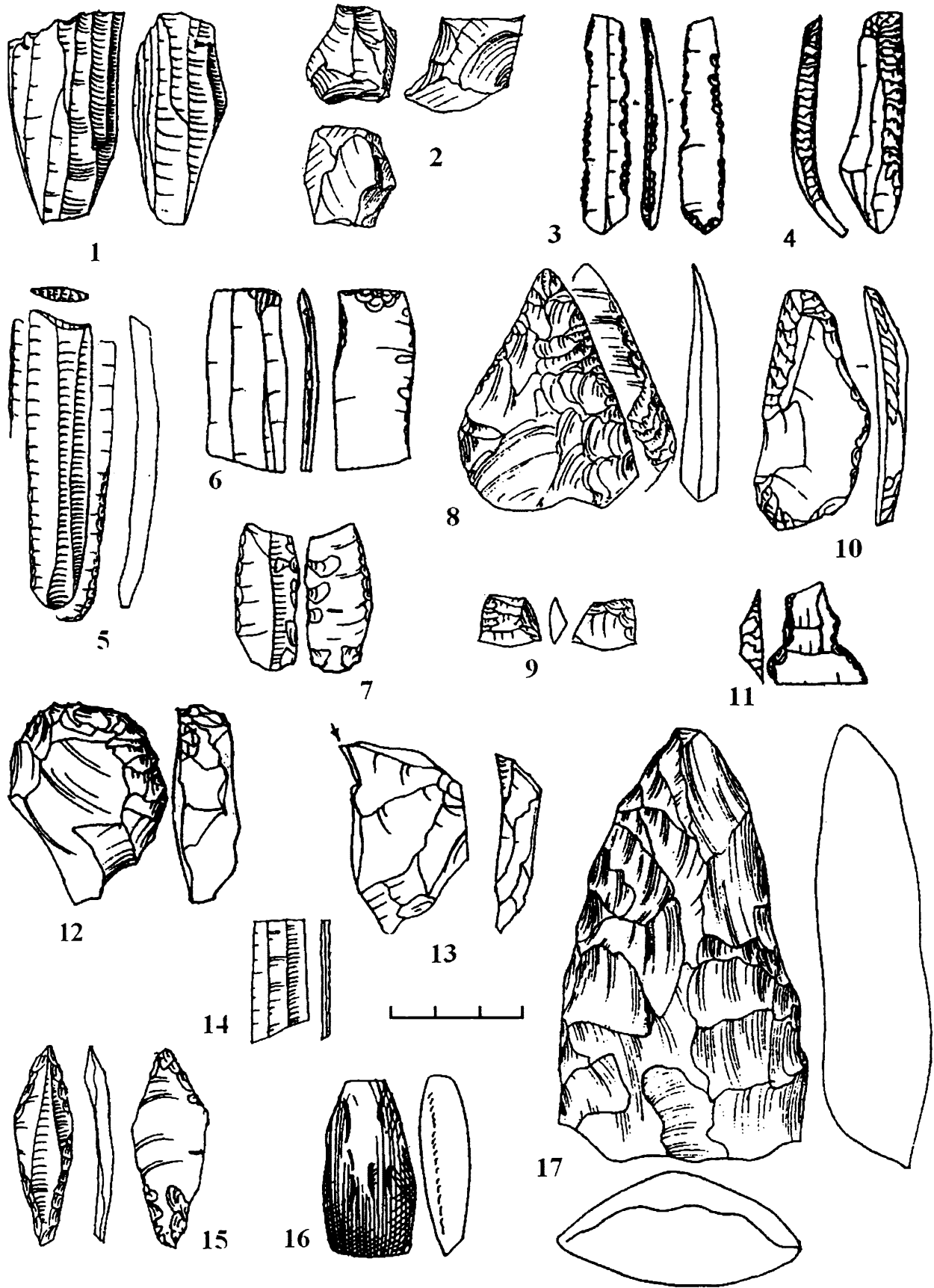

Рис. 2. Каменные изделия ранненеолитической стоянки Елшанка X (Усть-ташёлка)

вкладыши на широких пластинах с выравнивающей подтеской по брюшку, напоминающие кукрекские.

Сравнение елшанских и позднемезолитических кремневых комплексов «с наконечниками» при внешнем сходстве выявляет и существенное различие между ними. Кремневая индустрия поздне-мезолитических комплексов «с наконечниками», в отличие от елшанских, носит ярко выраженный микропластинчатый характер, свидетельствующий о распространении вкладыщевой техники. Об устойчивости микропластинчатых традиций в северной части Среднего Поволжья говорит ее доживание до начала атлантического периода и наследование племенами накольчатой керамики в начале V тыс. до н.э. Заметные отличия выявляются и при сравнении раннеолитических и позднемезолитических рубящих орудий и наконечников стрел. Елшанские тесла и топоры имеют преимущественно симметричное линзовидное сечение, а рубящие изделия лесного мезолита Среднего Поволжья отличает заметная асимметрия. Данная особенность не является случайной, поскольку изготовление асимметричных в сечении топоров и тесел с «горбатой спинкой» в лесной зоне Восточной Европы и Поволжья уходит корнями в мезолит и продолжается до эпохи бронзы включительно. Заметные внешние различия имеют и кремневые наконечники стрел. Раннеолитические наконечники имеют более крупные размеры и типологическую выраженность, чем мезолитические.

Общее снижение пластинчатости кремневой индустрии при переходе от позднего мезолита к раннему неолиту, похоже, неплохо согласуется с сортовыми изменениями кремневого сырья. Кремневый инвентарь таких выразительных позднемезолитических стоянок волго-уральской лесостепи, как Старо-

токская и Ховринская, характеризуется использованием качественных сортов кремня, позволяющих получать правильные пластины. В противовес им, проживающее на этой же территории раннеолитическое население утилизирует собранный в легко доступных местах галечный кремень плохого качества, затрудняющий пластинчатое расщепление. Можно предположить, что ухудшение качества кремневого сырья и снижение пластинчатости индустрии в раннем неолите явилось следствием освоения края и его ресурсов пришлым населением, не знакомым на первых порах с источниками хорошего сырья и не имеющим отлаженных каналов его пополнения.

Таким образом, сравнение опорных позднемезолитических и раннеолитических кремневых комплексов волго-уральской лесостепи выявляет существование между ними системного различия, проявляющегося в использовании разных источников кремневого сырья, приемах его расщепления, выборе заготовок для орудий, вторичной обработки и типологическом наборе изделий. Особое внимание обращает на себя появление в раннем неолите геометрических микролитов, наконечников стрел, вкладышей южного облика, шлифованных рубящих орудий симметричного сечения, не имеющих местных истоков. Отмеченные изменения в меньшей степени затрагивают северную часть лесостепи, где мезолитические традиции кремнеобработки сохраняются на протяжении всего раннего неолита. Все это достаточно определенно указывает на проникновение в южные районы волго-уральской лесостепи на рубеже мезолита – неолита новых групп населения с оригинальными навыками изготовления орудий, положившими начало неолитической эпохе.

А.А. Выборнов*Самарский государственный педагогический университет***Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин***Институт окружающей среды НАН Украины*

О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия

Последняя четверть XX в. ознаменовалась интенсивным изучением памятников неолита и энеолита в Северном Прикаспии. В результате изысканий были выделены сероглазовская, прикаспийская, хвалынская культуры, а также памятники каиршакского и тентексорского типов (Мелентьев, 1975; Васильев, 1990). Наиболее проблемными являлись вопросы относительной и абсолютной хронологии. Так, прикаспийскую культуру одни исследователи определяли в эпоху неолита, но сопоставляли с памятниками среднестоговского типа и датировали серединой IV – серединой III тыс. до н. э. (Мелентьев, 1976). Другие ученые считали эту культуру энеолитической и сравнивали с комплексами мариупольского круга, более ранними, чем хвалынские (Васильев, 1990). Ряд показателей, в том числе наличие симбиотических сосудов с воротничком и отступающими наколами на ряде памятников, позволил исследователям предполагать возможность доживания племен с накольчатой керамикой в этом районе до раннеэнеолитической поры и их частичное сосуществование с населением мариупольского типа (Васильев, Выборнов, 1988. С. 45). Получение радиоуглеродных дат позволило специалистам более объективно охарактеризовать хронологическую ситуацию. Памятники развитого этапа неолита датировались по углю со стоянки Каиршак III первой четвертью V тыс. до н. э., а поселения позднего неолита по почве со стоянки Тентексор I – серединой IV тыс. до н. э. (Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998). Именно значительный хронологический разрыв позволил ряду специалистов усомниться в преемственности этих древностей (Кольцов, 1990). Другие исследователи доказывали неодновременность каиршакских и тентексорских памятников внутри каждой группы и допускали их временную стыковку (Выборнов, 1997; 2003; Козин, 2002). Появились радиоуглеродные даты и для памятников хвалынской культуры данной территории. Для стоянки Комбак-те – 6000±150 л. н., Кара-Худук – 5110±45 (Барынкин, Козин, 1998), по почве со стоянки Каиршак VI – 5600 и 5400 л. н. (Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998. С. 42. Рис. 1). Это позволило ученым сделать вывод о том, что на территории

Северного Прикаспия одновременно существовали стоянки позднего неолита и энеолита (Спиридонова, Алешинская, 1999. С. 28). Памятники тентексорского типа стали классифицировать как пережиточно-неолитические (Кольцов, 2004. С. 131). С рубежа V и IV тыс. до н. э. до середины IV тыс. до н. э. в данном регионе выделялся переходный неолито-энеолитический период (Наумов, 2004. С. 19). Но если о контактах тентексорского и прикаспийского населения свидетельства, хоть и немногочисленные, но были (Васильев, Выборнов, 1986. С. 12. Рис. 3, 5, 6), то о сосуществовании тентексорских и хвалынских комплексов какие-либо данные отсутствуют (Барынкин, 2003. С. 49).

За последний год в Киевской лаборатории получено 30 радиоуглеродных дат по органике, содержащейся в керамике неолита и энеолита Северного Прикаспия. По опорному памятнику развитого неолита Каиршак III 6 дат укладываются в рамки первой половины VI тыс. до н. э. (табл. 1). Это соответствует датировкам нижних слоев Ракушечного Яра на Нижнем Дону. По типологически более архаичному кремневому инвентарю стоянка Кугат IV относилась исследователями к раннему неолиту. Однако полученные 2 даты совпадают с каиршакскими (табл. 1). Это обстоятельство требует особого рассмотрения. Еще 7 дат по четырем стоянкам подтвердили предположение специалистов о неодновременности памятников каиршакского типа – последняя четверть VI тыс. до н. э. (табл. 1). Важно подчеркнуть, что даты по верхнему уровню поселения Каиршак III получены по костям животных. Таким образом, каиршакская традиция существует все VI тыс. до н. э. Даты, полученные по керамике стоянок тентексорского типа, также подтвердили гипотезу ученых об их разновременности: хронологический диапазон – от рубежа VI и V тыс. до н. э. до второй половины V тыс. до н. э. (табл. 1). Необходимо отметить, что даты по стоянке Тентексор I совпали с датой, полученной в лаборатории г. Уппсала (Швеция). Таким образом, следует констатировать, что между развитым и поздним этапами неолита данного региона хронологического разрыва нет.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты керамики неолита и энеолита Прикаспия

№	Памятник	Лабораторный номер	Радиоуглеродный возраст (л.н.)	Калиброванные значения	Культура
1	Каиршак III	Ki-14133	7950±90	1σ 7040-6740 BC 2σ 7080-6590 BC	каиршакская
2	Каиршак III	Ki-14097	7890±90	1σ 6840-6640 BC 2σ 7100-6500 BC	каиршакская
3	Каиршак III	Ki-14095	7740±70	1σ 6640-6470 BC 2σ 6700-6430 BC	каиршакская
4	Каиршак III	Ki-14096	7680±90	1σ 6600-6430 BC 2σ 6700-6340 BC	каиршакская
5	Каиршак III	Ki-14632	7530±90	1σ 6460-6330 BC 2σ 6530-6210 BC	каиршакская
6	Кугат IV	Ki-14500	7560±90	1σ 6470-6330 BC 2σ 6600-6220 BC	каиршакская
7	Кугат IV	Ki-14501	7680±100	1σ 6600-6440 BC 2σ 6690-6380 BC	каиршакская
8	Каиршак I	Ki-14094	7230±90	1σ 6220-5990 BC 2σ 6250-5890 BC	каиршакская
9	Каиршак I	Ki-14132	7180±90	1σ 6110-5980 BC 2σ 6230-5870 BC	каиршакская
10	Каиршак III	Ki-14633	7190±80	1σ 6100-5980 BC 2σ 6230-5890 BC	каиршакская
11	Каиршак III	Ki-14634	7010±80	1σ 5930-5800 BC 2σ 6020-5720 BC	каиршакская
12	Каиршак IV	Ki-14440	7105±80	1σ 6030-5870 BC 2σ 6110-5770 BC	каиршакская
13	Буровая 42	Ki-14444	6920±90	1σ 5890-5710 BC 2σ 5930-5640 BC	каиршакская
14	Тентексор III	Ki-14445	7005±90	1σ 5930-5790 BC 2σ 6030-5710 BC	тентексорская
15	Качкарстау	Ki-14461	6730±80	1σ 5720-5610 BC 2σ 5750-5480 BC	тентексорская
16	Тентексор	Ki-14101	6640±80	1σ 5630-5510 BC 2σ 5720-5470 BC	тентексорская
17	Тентексор	Ki-14137	6630±80	1σ 5630-5510 BC 2σ 5720-5460 BC	тентексорская
18	Кызылхак	Ki-14443	6400±90	1σ 5480-5300 BC 2σ 5650-5050 BC	тентексорская
19	Кызылхак	Ki-14443	5905±100	1σ 4860-4670 BC 2σ 5050-4500 BC	тентексорская
20	Буровая 41	Ki-14616	6880±80	1σ 5840-5700 BC 2σ 5920-5630 BC	прикаспийская
21	Буровая 41	Ki-14618	6790±80	1σ 5740-5620 BC 2σ 5840-5530 BC	прикаспийская
22	Курпеже-молла	Ki-14831	6050±80	1σ 5050-4840 BC 2σ 5150-4770 BC	прикаспийская
23	Курпеже-молла	Ki-14832	6020±80	1σ 5000-4790 BC 2σ 5080-4710 BC	прикаспийская
24	Каиршак VI	Ki-14908	6070±80	1σ 5070-4840 BC 2σ 5300-4700 BC	хвалынская
25	Каиршак VI	Ki-14909	5920±80	1σ 4860-4690 BC 2σ 5000-4580 BC	хвалынская
26	Каиршак VI	Ki-14910	5780±80	1σ 4720-4530 BC 2σ 4810-4450 BC	хвалынская
27	Кара-Худук	Ki-14907	5980±90	1σ 4960-4770 BC 2σ 5250-4600 BC	хвалынская
28	Кара-Худук	Ki-14911	5820±80	1σ 4730-4580 BC 2σ 4850-4490 BC	хвалынская
29	Кара-Худук	Ki-14912	5950±80	1σ 4860-4770 BC 2σ 5040-4680 BC	хвалынская

По двум стоянкам прикаспийской культуры получены 4 даты: Буровая 41 (Васильев, Выборнов, 1986. С. 12. Рис. 3, 3, 4; Барынкин, Козин, 1998. С.75. Рис. 5, 4, 5) – 6880±80 и 6790±80 л. н.; Курпеже-молла (Барынкин, Васильев, 1985. С. 60. Рис. 1) – 6050±80 и 6020±80 л. н. Эти даты хорошо согласуются с хронологическими рамками, предложенными исследователями для 2 периода нижнедонской культуры – 6800–6450 л. н. – и для этапа 1Б и 2 периода азово-днепровской культуры – 6800–6350 и 6350–5900 л. н. (Котова, 2002). Именно в это время на посуде данных культур появляются воротничковые утолщения венчиков и композиция в виде меандров из прочерченных линий, заполненных отпечатками зубчатого штампа. Аналогичные признаки присущи и прикаспийской керамике. Таким образом, подтвердилась версия специалистов о возможном сосуществовании тентексорских и прикаспийских древностей. Что же касается хвалынских памятников, то по 2 памятникам получено 6 дат: по керамике стоянки Каиршак VI – 6070±80 л. н. (Барынкин, 1989. С. 110. Рис. 4, 1); 5920±80 л. н. (Там же. С. 109. Рис. 3, 1); 5780±80 л. н. (Там же. Рис. 3, 4); по фрагментам поселения Кара-Худук – 5950±80 л. н. (Барынкин, Васильев, 1988. С. 132. Рис. 5, 1), а также 5980±90 и 5820±80 л.н. (Там же. С. 133. Рис. 6, 5). С одной стороны, хвалынские материалы датируются позднее, чем тентексорские. Видимо, этим и следует объяснять отсутствие признаков их контактов. В то же время, даты позднеприкаспийских и раннехвалынских древностей стыкуются. Если считать прикаспийскую культуру раннеэнеолитической, то тентексорские памятники действительно могут классифицироваться как пережиточно-неолитические. Н.С. Котова к энеолиту относит только вторые этапы нижнедонской и азово-днепровской культур. Но нельзя не обратить внимания на отсутствие в этих культурах металлических предметов, и потому, по мнению специалистов, их отнесение к медному веку весьма условно (Черных, 2004. С. 25).

Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1985. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на Европейской территории СССР. Воронеж.

Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1988. Стоянка хвалынской энеолитической культуры Кара-Худук в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.

Барынкин П.П., 1989. Энеолитический памятник Каиршак VI из южной части Волго-Уральского между-

чья // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев.

Барынкин П.П., 2003. Северный Прикаспий в период энеолита и ранней бронзы // Вопросы археологии Поволжья. Самара. Вып. 3.

Барынкин П.П., Козин Е.В., 1998. Природно-климатические и культурно-демографические процессы в Северном Прикаспии в раннем и среднем голоцене (краткие итоги исследования) // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1986. Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. Неолит Поволжья. Куйбышев.

Васильев И.Б., 1990. Северный Прикаспий в эпоху мезолита, неолита и энеолита // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев.

Выборнов А.А., 1997. Спорные вопросы в изучении неолита Нижнего Поволжья // Исторические исследования. Самара. Вып. 1.

Выборнов А.А., 2003. Некоторые вопросы изучения нижневожского неолита // Новые гуманитарные исследования. Самара.

Козин Е.В., 2002. Неолит Северного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.

Кольцов П.М., 1990. О культурной принадлежности неолитических памятников Северного Прикаспия // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста.

Кольцов П.М., 2004. Поселение Джангар. Человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М.

Котова Н.С., 2002. Неолитизация Украины. Луганск.

Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Сулержицкий Л.Д., 1998. Геолого-палеологические события севера аридной зоны в последние 10 тыс. лет // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.

Мелентьев А.Н., 1975. Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия) // КСИА. Вып. 141.

Мелентьев А.Н., 1976. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.

Наумов И.Н., 2004. Неолит Поволжско-Донских степей (проблемы хронологии, периодизации и культурно-хозяйственного развития): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., 1999. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. № 1.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004. Радиоуглеродная хронология энеолитических культур Юго-Восточной Европы: результаты и проблемы исследований // РА. № 4.

А.В. Гарковик

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Устиновка 3 – памятник переходного от палеолита к неолиту периода

Интерпретация археологических комплексов, которые включают каменные индустрии, сочетающие палеолитические и неолитические признаки, и керамику со специфическими признаками, в дальневосточной археологической литературе связана с дискуссиями по вопросам, касающимся своеобразия позднепалеолитических культур, существования или отсутствия мезолита как исторической эпохи на Дальнем Востоке России, генезиса неолитических культур, их связей с позднепалеолитическими. Оригинальность комплексов, их ранняя датировка (13–10 тыс. л. н.), а также финальное положение в типолого-стратиграфической схеме позднего палеолита и промежуточная позиция между поздним палеолитом и неолитом, обусловили использование термина «переходный период» для обозначения подобных комплексов, принятого также в Японии. В Приамурье они представлены памятниками осиповской и позднего этапа селемджинской культур (Деревянко, Зенин, 1996; Деревянко и др., 1998; Шевкомуд, 1996; Shevkomud, 1997), в Приморье – поздними этапами устиновской культуры (Кононенко, и др., 2003; Васильевский и др., 1997; Кузнецов, 1992; Дьяков, 2000).

Одним из памятников переходного периода в Приморье является Устиновка 3 (Кононенко, 1996; Гарковик, 1996; 1998; Кононенко и др., 2003), расположенная на северо-востоке Приморского края, в среднем течении р. Зеркальной. Это один из группы памятников, образующих так называемый «устиновский комплекс»; памятники расположены достаточно компактно и приурочены к выходам кремневых туфов, туффитов, липаритов, аргиллитов. Они представляют несколько этапов развития верхнепалеолитической устиновской культуры, демонстрирующих развитие пластинчатой, микропластинчатой традиций и переход к бифасиальной (Кононенко и др., 2003).

Культурные отложения стоянки содержат три разновременных комплекса. Поздние, представленные незначительным количеством лепной керамики, относятся к эпохе палеометалла и средневековью. Основной, определяющий облик памятника комплекс состоит из каменных артефактов, сочетающих палеолитоидные и неолитические черты, и небольшого количества архаичной керамики (Гарковик, 1996).

На памятнике вскрыто более 300 м². Выявлены 2 жилых комплекса, 6 производственных площадок, 1 клад заготовок. Жилые площадки располагались в центральной и северо-восточной части памятника. На одной из них, площадью около 7 м², прослежены остатки конструкций в виде нескольких ямок от столбов, обнаружен широкий набор каменного инвентаря, связанного с хозяйственно-бытовой и производственной деятельностью, и небольшое количество керамики. На другой, площадью около 6 м², было сконцентрировано 140 мелких фрагментов архаичной керамики и каменный инвентарь (Кононенко, 1996; Гарковик, 1996; 1998; Кононенко и др., 2003). Производственные площадки имели высокую насыщенность материалом (до 3500 изделий). Они различаются, как функционально, так и по времени их формирования, что свидетельствует о неоднократном заселении стоянки (Кононенко, 1996; Кононенко и др., 2003; Гарковик, 1996; 1998).

Комплекс памятника составляют в основном каменные артефакты (около 29 тыс.) и незначительное количество архаичной керамики (около 150 фрагментов). Основная масса каменных изделий (86%) – это осколки и мелкие отщепы, возникающие при раскалывании кремневого туфа (основного сырья для изготовления орудий). Нуклеусы в основном представлены изделиями с бессистемными снятиями. На их фоне выделяются единичные нуклеусы с торцовым скалыванием микропластинчатых заготовок. Эти изделия связывают индустрию Устиновки 3 с микропластинчатыми комплексами долины р. Зеркальной. Бифасиально обработанные орудия (230 кз.) являются одним из ярких компонентов комплекса. В их числе асимметрично-листовидные ножи, лавролистные и иволистные наконечники копий и дротиков, серия некрупных наконечников стрел вытянутой треугольной формы (рис. 1), разнообразные концевые скребки и скребла. Для орудийного комплекса характерна небольшая серия бифасиально обработанных рубящих орудий, некоторые из них имеют пришлифованный рабочий край. Среди артефактов встречены подвески из камня и фигурка рыбы (рис. 1: 9), обработанная крупными сколами. Основные признаки каменного инвентаря стоянки, такие как деградация пластинчатой технологии расщепления, широкое применение бифасиальной

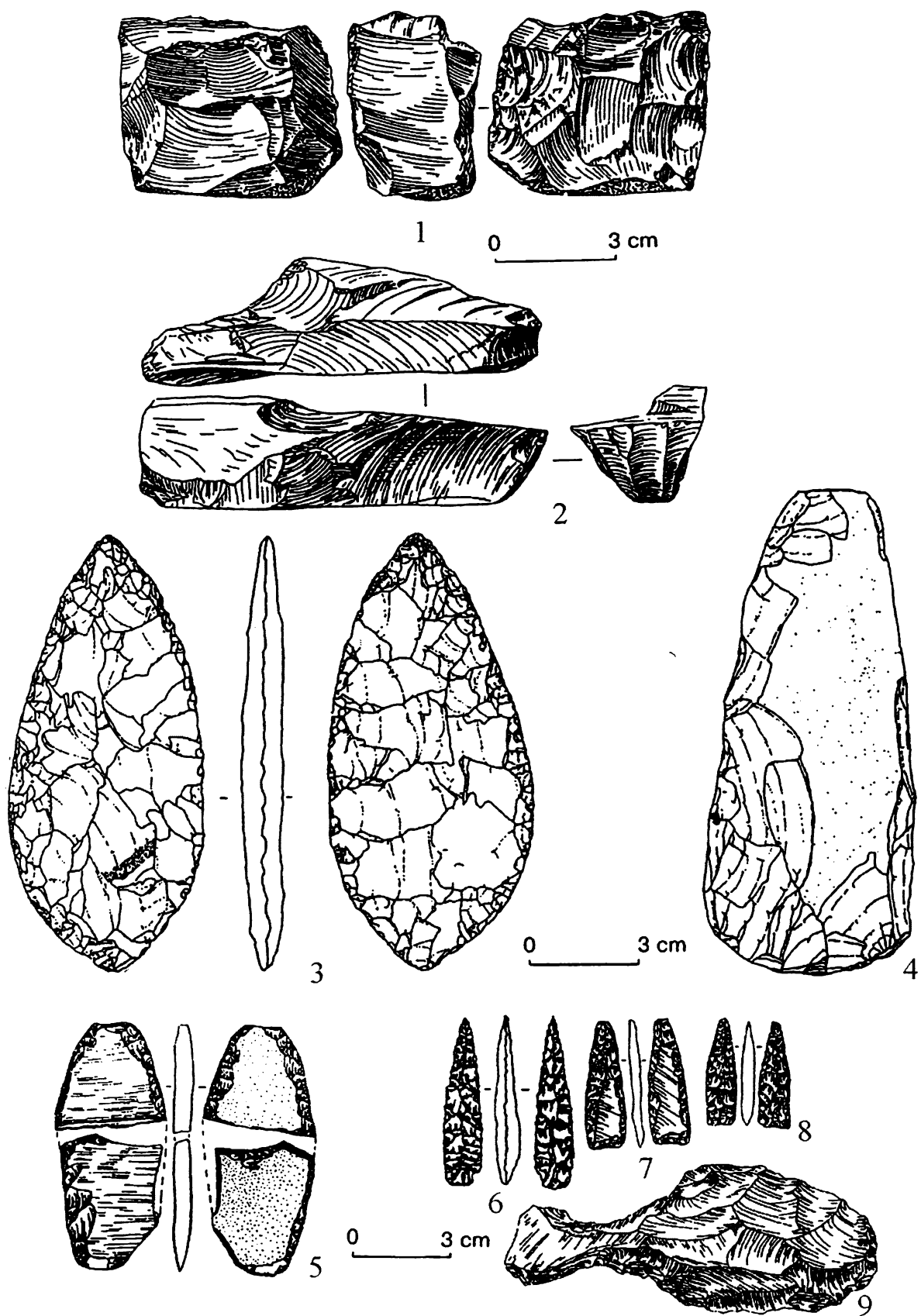

Рис. 1. Каменный инвентарь. 1, 2 – нуклеусы, 3 – нож, 4 – тесло, 5 – тесловидное орудие с подшлифованным лезвием, 6–8 – наконечники стрел, 9 – фигурка рыбы

техники при изготовлении орудий, ограниченное применение техники шлифования при обработке рабочих кромок, практически полное исчезновение техники резцового скола, находят аналогии в комплексах осиповской и поздней стадии селемджинской культур в Приамурье, а также в Приморье – в материалах памятников Суворово IV и VI, Устиновка 4 и 6, относящихся к поздним этапам устиновской позднелеолитической традиции (Васильевский и др., 1997).

Керамический материал представлен небольшим количеством мелких фрагментов сосудов. Несколько апплицированных фрагментов дают представление о форме и оформлении верхней части керамических емкостей (рис. 2: 1). Это были сосуды простой

ситулообразной формы, без выделенных тулова и горловины, с прямыми стенками, сужающимися книзу. Емкости имели прямой, уплощенный сверху венчик, внутренняя и наружная части его не дифференцированы. Толщина стенок 0,6–0,7 см. Цвет наружной поверхности коричневый, коричнево-бурый, а внутренней – темно-серый. Донных частей не обнаружено. На стенке под венчиком, параллельно ему, располагалась цепочка сквозных отверстий. Керамика изготавливалась из керамического теста с большим количеством минеральных примесей. Обжиг слабый (температура обжига не превышала 600°C). Одним из ярких признаков устиновской керамики являются специфические следы на внутренней поверхности сосудов (рис. 2). Она покрыта

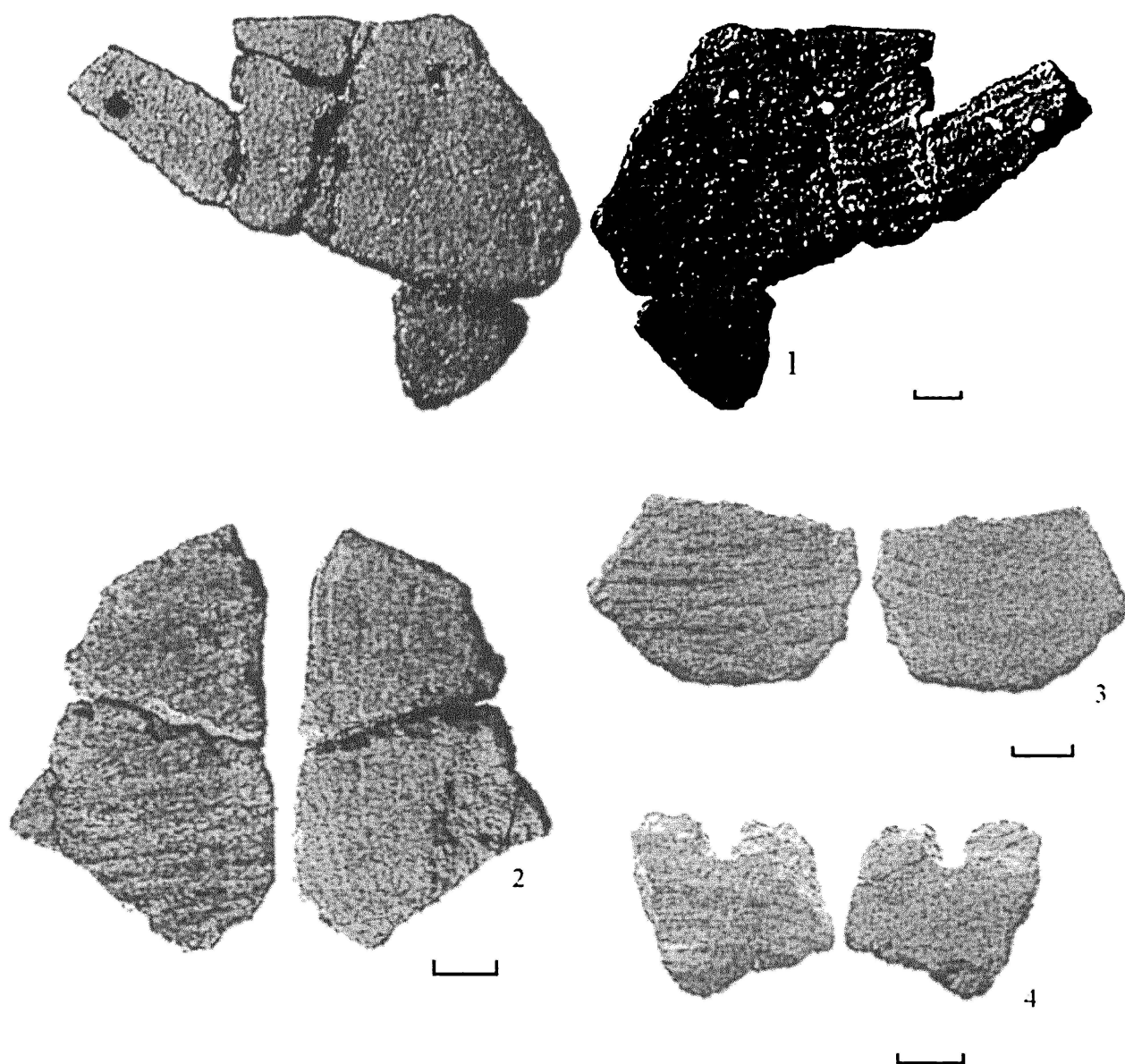

Рис. 2. Архаичная керамика

рельефными субпараллельными бороздами шириной около 2 мм, образовавшимися в результате затирания стенок пучком травы или зубчатым орудием. Наружная поверхность черепков шероховатая, без следов обмазывания дополнительным слоем глины. Рельефные оттиски на наружной поверхности зафиксированы лишь на нескольких образцах.

Согласно данным OSL-анализа и по радиоуглероду из черепка памятник датируется 10,5–9,9 тыс. л. н. (Кононенко и др., 2003). Этому не противоречит результат исследования спорово-пыльцевого комплекса, полученного из разреза памятника и сопоставимого с одной из холодных фаз позднего вюрма.

В материалах памятника Устиновка 3 отражаются процессы, происходившие на широкой территории востока Азии в конце плейстоцена – начале голоцена. Суть их в том, что в конце плейстоцена в культурах восточной Азии (долина Амура, Приморье, Сахалин, Японские острова, восточные территории Китая) формируются признаки, которые станут ведущими в последующий, неолитический период в эпоху голоцена. В числе этих признаков – появление керамической посуды, переход к бифасиальной технологии изготовления орудий, возрастание роли рубящих орудий, применение техники шлифования для оформления рабочих лезвий, широкое распространение лука и стрел (Деревянко и др., 1998; Медведев, 1995; Шевкомуд, 1996; Лапшина, 1999; Kurishima, 1995; Archaeological Research... 1999).

Период существования памятников переходного периода связан с концом плейстоцена (13–10 тыс. л. н.: Деревянко и др., 1998; Шевкомуд, 1996; Лапшина, 1999; Кононенко и др., 2003; Джалл и др., 1998). Это период крупных природно-климатических изменений. Основным его содержанием было неустойчивое состояние экосистем. Население адаптировалось к изменяющимся экологическим условиям. Одна из форм адаптации – смена традиции камнеобработки. Другим ярким проявлением адаптации человека к изменяющейся среде явилось изготовление контейнеров из обожженной глины. За этими материальными проявлениями адаптации стоят глубинные изменения в палеоэкономике: освоение новых форм охоты на мелких животных, широкое развитие рыболовства, интенсификация собирательства.

В последнее время появилась тенденция отождествлять описанные комплексы, содержащие архаичную керамику, с начальной порой неолита (Медведев, 1995; 2008; Шевкомуд, 1996; Кузьмин, 2003). Принцип выделения археологической эпохи, когда «в качестве основного критерия предлагается массовое внедрение в практику качественно нового материала, который в предшествующие периоды

не использовался или использовался очень ограниченно», сформулированный Аниковичем, наверное, должен расставить все точки над *i* (Аникович, 1994. С. 149). Как известно, для неолита характерно массовое распространение керамики, которая в верхнем палеолите использовалась спорадически. В неолите же получают широкое распространение новые технологии, которые появились в переходный период: бифасиальная обработка и техника шлифования при изготовлении каменных орудий, технология изготовления керамической посуды. Описанный комплекс Устиновки 3 является важным индикатором своеобразия процессов, происходивших в конце плейстоцена в восточных регионах России и Восточной Азии.

- Аникович М.В., 1994. Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Европы // АВ. № 3.
- Васильевский А.А., 2000. К понятию неолит и его периодизации на о. Сахалин // Вперед... в прошлое. Владивосток.
- Васильевский Р.С., Гладышев С.А., 1989. Верхний палеолит Южного Приморья. Новосибирск.
- Васильевский Р.С., Крупянко А.А., Табаров А.В., 1997. Генезис неолита на юге Дальнего Востока (каменная индустрия и проблема ранней оседлости). Владивосток.
- Гарковик А.В., 1981. Поселение в долине р. Зеркальной // Материалы по археологии Дальнего Востока. Владивосток.
- Гарковик А.В., 1996. Некоторые итоги исследования стоянки Устиновка 3 в Приморье // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. Владивосток.
- Гарковик А.В., 1998. Устиновка 3 – памятник на стыке эпох // Историко-культурные связи между коренным населением тихоокеанского побережья Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии. Владивосток.
- Гарковик А.В., 2000. Архаические керамические комплексы Приморья // Вперед... в прошлое. Владивосток.
- Гарковик А.В., Жушиховская И.С., 1997. Древнейший керамический комплекс в Приморье (по материалам памятника Устиновка 3) // Материалы и исследования по археологии Севера Дальнего Востока и соседних территорий. Магадан.
- Гарковик А.В., 2005. Некоторые особенности переходного периода от палеолита к неолиту // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Владивосток. Разд. 1: Эпоха палеолита и переходного периода к неолиту. Гл. IV.
- Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон, 1998. Селемджинская позднепалеолитическая культура. Новосибирск.
- Дьяков В.И., 2004. Приморье в раннем голоцене. Мезолитическое поселение Устиновка 4. Владивосток.

- Кононенко Н.А., 1994. Докерамические и неолитические комплексы Приморья (некоторые аспекты формирования и развития) // Очерки первобытной археологии Дальнего Востока: Проблемы интерпретации археологических источников. М.
- Кононенко Н.А., 1996. Стоянка Устиновка 3 и проблемы перехода от палеолита к неолиту в Приморье // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. Владивосток.
- Кононенко Н.А., Гарковик А.В., Кадзивара Х., 1993. Исследования докерамической стоянки Устиновка 3 в Приморье. Владивосток.
- Кононенко Н.А., Кадзивара Х., Гарковик А.В., Короткий А.М., Кононенко А.В., Екояма Ю., Такахара Е., 2003. Охотники и собиратели бассейна Японского моря на рубеже плейстоцена – голоцена. Новосибирск.
- Кузнецов А.М., 1992. Поздний палеолит Приморья. Владивосток.
- Кузьмин Я.В., 2003. Переход от палеолита к неолиту на Дальнем Востоке России: георхеологический аспект // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск.
- Лапшина З.С., 1999. Древности озера Хумми. Хабаровск.
- Медведев В.Е., 1995. К проблеме начального и раннего неолита на Нижнем Амуре // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. Новосибирск.
- Неолит юга Дальнего Востока: древнее поселение в пещере Чертовы Ворота. М., 1991.
- Шевкомуд И.Я., 1996. Стоянка Гончарка 1 и некоторые проблемы мезонеолитических комплексов на Нижнем Амуре // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. Владивосток.
- Archaeological Research at the Odai Yamamoto 1 Site: Inquire into the question of the end Paleolithic Culture. Odai Yamamoto Site Excavation Team, 1999.
- Kurishima Y., 1995. Transitional cultures in the Japanese Archipelago: The role of Mikoshiba culture in the Transitional Period // The Origin of Ceramics in the Far East. Sendai.
- Shevkamud I.Y., 1997. New research concerning the Osipovskaya culture in the Amur River basin // Quarterly of Archaeological Studies. Vol. 44. № 3.

М.М. Герасимова¹, С.Б. Боруцкая², С.В. Васильев¹

¹ *Институт этнологии и антропологии РАН, Москва*

² *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*

Палеоантропологические материалы из Фофановского могильника (Забайкалье) эпохи неолита – энеолита*

Палеоантропологический материал из Фофановского могильника неоднократно обсуждался в отечественной литературе. Впервые черепа из Фофановского могильника были опубликованы Г.Ф. Дебецем (1948). В его распоряжении было всего 4 черепа из раскопок М.М. Герасимова в 1934 и 1936 гг., давших свыше 40 погребений эпохи энеолита и развитой бронзы (Герасимов, 1941. С. 310–320; 1955. С. 559, 560). Погребения раннего этапа были в простых неглубоких ямах. Сопровождающий инвентарь состоял из нефритовых тесел и топориков небольших размеров, кремневых наконечников дротиков, копий и стрел, костяных кинжалов, гарпунов, рыболовных крючков, игольников с тонкими костяными иглами, украшений – нефритовых колец, бус из перламутра и зубов изюбря. Труположение – вытянутое на спине, руки на лобковом сочленении, ноги ориентированы к реке. Могилы второго, более позднего, этапа имели каменные оградки. Сопровождающий инвентарь состоял из костяных гарпунов, долотообраз-

ных орудий, игольников с костяными и бронзовыми иглами, изредка встречались тонкие проволочные бронзовые браслеты, височные маленькие кольца, пластинчатые бронзовые ножи, из украшений – бусы из зубов изюбря и пронизки из тоненьких пластинок бронзы. Труположение – неустойчивое, чаще всего скорченное на боку, головой по течению реки. Опубликованные Г.Ф. Дебецем черепа, из которых только один определенно происходит из погребения эпохи бронзы (см.: Герасимов, 1955. С. 560), «все очень похожи друг на друга, но тем не менее, трудно диагностируемы. Уплощенность лица и носа, узкий лоб, очень малая высота черепа говорят о монголоидности. Но высота лица у одного мужского черепа очень малая» (Дебец, 1948. С. 55). Именно этот череп М.М. Герасимов рассматривает как палеоазиатский тип в его тунгусском варианте.

Продолжены были исследования Фофановского могильника А.П. Окладниковым, возглавлявшим в 1947–1952 гг. Бурят-Монгольскую экспедицию. Па-

леоантропологический материал из этих раскопок был изучен И.И. Гохманом (1954). Черепа, происходящие из раскопок А.П.Окладникова и датируемые глазковским временем, обнаруживали морфологическую однородность с черепами, опубликованными Г.Ф. Дебецем. Объединенная серия также отличалась специфической чертой – низким лицом, что в сочетании с выраженной плосколицестью послужило основанием для вывода о своеобразном положении этого краниологического комплекса в расовой систематике монголоидов.

В 1959 г. М.М. Герасимов в составе Иркутской экспедиции под руководством М.П. Грязнова, возобновил исследование Фофановского могильника. Сплошной раскоп, заложенный в восточной части могильника, позволил вскрыть 41 погребение, относящееся к трем этапам или культурным комплексам (Герасимов, Черных, 1975). Эти раскопки позволили сделать ценные стратиграфические наблюдения, которые способствовали тому, что все погребения, независимо от наличия сопровождающего датирующего инвентаря, могли быть разделены на три периода – китойский, глазковский и шиверский. Наиболее интересные материалы дали погребения китойского времени: это украшения из раковин и зубов кабана и марала, костяные кинжалы с кремневыми вкладышами, различные каменные и костяные инструменты, находимые в могиле обычно пачкой или кучками. Для погребений характерна обильная засыпка костяков охрой. Встречались вместе с погребенными отдельные части тела других умерших, парциальные погребения. Например, в могилу 7 были тесно уложены обезглавленные тела шести человек. Более поздние погребения глазковского времени были сделаны по истечении довольно продолжительного перерыва, достаточного для отложения слоя лессовидного суглинка и формирования новой почвы. Могилы были вырыты с поверхности верхнего почвенного слоя и перерезали нижний почвенный слой, углубляясь в материк. Погребения были ограблены еще в древности, но дали серию каменных, медных и костяных орудий, целую серию горшков и их крупных фрагментов. Третья группа более поздних могил сооружалась после покрытия почвенного слоя глазковского времени новым слоем лессовидного суглинка (Грязнов, Максименков, 1992). Палеоантропологический материал был изучен одним из авторов настоящего сообщения еще в 1960 г., по независимым от него обстоятельствам, монографически не опубликован, однако в силу чрезвычайной важности в той или иной степени был введен в научный обиход (Гохман, 1977; 1980; Герасимова, 1981; Алексеев, Гохман, 1984). Небольшой материал из 6 мужских и 3 женских черепов, три из которых да-

тируются китойским археологическим комплексом, внес существенные коррективы в установившееся представление о низколицести фофановских черепов как их специфической особенности. Прежние представления об однородности неолитического и энеолитического населения низовий Селенги отпали. Анализируя объединенную серию черепов неолита и энеолита Забайкалья, куда вошли, кроме прежних, данные о черепах из раскопок М.М. Герасимова 1959 г., И.И. Гохман (1980) делает вывод о наличии в антропологическом составе населения Забайкалья двух компонентов: высоколицего, долихокранного с неплоским лицом (европеоидного) и брахикранного с более низким и очень плоским лицом и переносьем (монголоидная байкальская раса). Таким образом, из двух гипотез, объясняющих антропологические особенности так называемого «неолитического» населения Прибайкалья, – метисационной гипотезы и гипотезы недифференцированности антропологического типа древнего населения Прибайкалья – предпочтение было отдано первой.

Подробная публикация фофановских материалов из раскопок 1959 г. появилась в 1992 г. (Герасимова, 1992). Черепа, происходящие из погребений с китойским археологическим комплексом, отличаются специфическим набором признаков: для них характерны массивность, крупные размеры мозговой коробки и лицевого скелета, узкий покаты́й лоб со сближенными буграми, сильная уплощенность переднего плана высокого и широкого лица, угловатость контуров мозгового черепа, массивная нижняя челюсть и крупная альвеолярная дуга. Все эти особенности сочетаются с наличием четко выраженных клыковых ямок, «европеоидной» (по Левину) формой скуловой вырезки, средней высотой орбит. Таким образом, черепа обладают выраженно монголоидными особенностями наряду с архаическими чертами. Своеобразие краниологического комплекса китойских черепов из Фофанова и их сходство с черепами из китойских погребений Прибайкалья (Мамонова, 1973; 1980) позволяют рассматривать этот краниологический комплекс как протоморфный, архаичный, свойственный не отдельной локальной группе, а связанный с определенным историческим этапом. Кстати говоря, идея протоморфности прибайкальского населения эпохи неолита и бронзы была высказана в 1951 г. Г.Ф. Дебецем, который впоследствии от нее отказался. Эта же идея, но только относительно черепов из погребений с китойскими археологическими комплексами из собственно Китойского могильника, была высказана М.М. Герасимовым (1955). Материал из Фофанова подтверждает эту точку зрения (Герасимова, 1992). Черепа из Фо-

фанова глазковско-шиверского времени, совместно с данными И.И. Гохмана (1954), характеризуются долихокранной крупной средневысокой черепной коробкой, умеренно широким и высоким лицом, уплощенным на уровне назиона. По сравнению с китойскими черепа поздних периодов имеют более низкое лицо, более прямой лоб и несколько менее плоское лицо. По признакам, характеризующим степень выраженности монголоидности, они сближаются с черепами глазковского и серовского времени из Прибайкалья, обнаруживая несколько большую уплощенность лица и меньшее выступание носа. Таким образом, черепа из китойских археологических комплексов, отличаясь целым рядом специфических особенностей, которые можно охарактеризовать как архаичные, протоморфные, выделяются, кроме того, из всей совокупности прибайкальских и забайкальских черепов, будучи взвешенными на «европеоидно-монголоидных» весах. Представляется очевидным, что затянувшийся спор о природе антропологических особенностей населения прибайкальского «неолита» (Дебец, 1932; 1948; 1951; 1956; Левин, 1950; 1953; 1956; 1958; Герасимов, 1955; Гохман, 1954; 1980; Мамонова, 1973; 1980; 1983; Алексеев, Мамонова, 1979; Алексеев, Гохман, 1984; Герасимова, 1964; 1981; 1992) не может быть разрешен в рамках выбора одной из двух существующих альтернативных гипотез: протоморфности или метисационной.

Предлагаемая гипотеза сводится к следующему. В населении ранне-неолитического времени (китой) Прибайкалья и Забайкалья сохранялся древний протоморфный комплекс, известный нам по могильникам из приустьевых участков рек Иркут, Китой, Белая и Селенга. Начавшийся в серовское время постоянный приток европеоидного населения и его контакт с протомонголоидными группами местного населения сформировали антропологические особенности населения Прибайкалья эпохи позднего неолита и ранней бронзы. В Забайкалье этот приток мог быть менее интенсивным, и потому население Забайкалья отличается большей выраженностью монголоидных черт. Расовая смешанность неолитического населения Приобья, Барабинской и Красноярско-Канской лесостепи (Алексеев, 1961; Герасимова, 1964; Рыкушина, 1976; Дремов, 1980; Чикишева, 2004), европеоидные особенности черепов из могильника Баян-Хонгора эпохи бронзы в Монголии свидетельствуют о существовании широких миграционных потоков между населением лесостепных и степных пространств на юге Восточной Сибири. Предлагаемая гипотеза подтверждена анализом 14 краниологических сборных неолитических серий из могильников Западной и Южной Сибири,

проведенным Т.А. Чикишевой (2004) по комплексу признаков, традиционно используемых для расовой диагностики. Автор пришла к выводу о существовании в далеком прошлом протоморфности у населения Западной и Южной Сибири, а также о том, что метисация европеоидных и монголоидных групп населения, сыгравшая формообразующую роль в образовании монголоидных рас второго порядка, происходила в Западной Сибири на рубеже мезолита и неолита, а в Южной Сибири (бассейн оз. Байкал) стала интенсивной к рубежу неолита и энеолита. Безусловно, не только миграции населения и дальнейшая его метисация являлись фактором формообразования. Весьма вероятно, что для ранне-неолитических коллективов охотников и рыболовов одним из факторов формирования антропологических особенностей была изоляция. Теоретически, изолированность при малых эффективных размерах популяций должна была способствовать увеличению частоты резких колебаний признаков в отдельных группах и способствовать формированию специфического типа в пределах одной популяции или локальной территории. Однако даже на уровне отдельных могильников мы имеем явно гетерогенное население, что может быть объяснено лишь наличием широких связей не только с европеоидным населением, но и с различными группами населения лесных и таежных областей Восточной Сибири, которое отличалось существованием нескольких локальных вариантов (Алексеев, Гохман, 1984).

Как показал наш краткий обзор литературы, посвященной палеоантропологическим материалам из Фофановского могильника, проблематика ее была в известной мере ограничена реконструкцией антропологического состава археологических культур через призму взаимоотношений европеоидных и монголоидных типов, благо территория нашей страны всегда была ареной грандиозных метисационных процессов

Стимулом для нового осмысления материала из Фофановского могильника стало некоторое увеличение краниологической серии в результате дополнительно проведенной реставрации, получение новых данных из раскопок Е.А. Жамбалтаровой, данные по радиоуглеродному возрасту фофановских погребений, расширение программ исследования за счет определения на костях скелета следов перенесенных заболеваний, стрессов и травм, появившиеся возможности формализованного многомерного статистического анализа расогенетических связей, и, наконец, формирование нового экологического подхода к палеоантропологическому материалу относительно хронологии так называемого прибайкальского «неолита». Хотя существует обширная

археологическая литература, во многом развивающая взгляды М.М. Герасимова (1955) на место китоя в хронологической шкале (Хлобыстин, 1964; 1978; Савельев, Медведев, 1973; Чернецов, 1973 и т. д.), антропологи в основном ориентируются на схему А.П. Окладникова (1950) и по-прежнему рассматривают соотношение типов в последовательности: исаковско-серовский – китойский – глазковский культурно-хронологические этапы. Нами была выбрана в качестве рабочей гипотезы схема М.М. Герасимова, считавшего китойский этап более древним, чем серовский. Исходя из этой гипотезы, отмеченное своеобразие китойских черепов, особенно забайкальских, может быть в известной мере объяснено их древностью. Древность китойских черепов подтверждается радиоуглеродным датированием костей из китойских погребений, возраст которых составляет более 7 тыс. л. н.

Экологическое исследование палеопопуляции (читай – серии черепов или скелетов различной степени генерализации) предполагает анализ морфо-функциональной изменчивости скелетной системы организма человека.

Природные условия оз. Байкал и особенно Селенгинского среднегорья определили значительную демографическую емкость этого региона, отличавшегося высоким качеством и количеством ландшафтных компонентов (Калмыков, 2003). Однако нарастающий дефицит тепла и влаги, уменьшение биоразнообразия в голоцене привели, возможно, к некоторому сокращению численности населения по сравнению с палеолитической эпохой (Окладников, 1951), к усилению подвижности неолитического населения и вовлечению в сферу хозяйственной деятельности новых природных пищевых ресурсов. Выразительный археологический материал показывает значительную роль рыболовства в хозяйственной деятельности китойцев. А на черепах из погребений с китойским археологическим комплексом

инвентаря наблюдается в области брегмы сильное разрастание комкаты кости и слабое проявление эффекта «апельсиновой корочки» в области переносья и надбровных дуг. Описанные изменения могут быть следствием кортикального гиперостоза как результата пищевого пристрастия (рыболовство), а также как реакции на холодный стресс. Развитой рельеф костей посткраниального скелета в сочетании со средней длиной тела и небольшим весом, реконструируемыми на основе изучения длинных костей скелета, свидетельствуют о достаточно подвижном образе жизни неолитических охотников низовий Селенги.

В докладе рассматриваются не только расогенетические связи этого населения с другими группами циркумбайкальской области эпохи неолита и энеолита, но реконструируются конституциональные типы, физическая активность, морфо-функциональный статус и образ жизни древних насельников Селенги.

* Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Список избранной литературы, содержащей исчерпывающую библиографию:

- Алексеев В.П., Гохман И.И., 1984. Антропология азиатской части СССР. М.
- Герасимова М.М., 1992. Черепа Фофановского могильника // Древности Байкала. Иркутск.
- Калмыков Н.П., 2003. Палеогеография и эволюция биоценологического покрова в бассейне озера Байкал. Ростов-на-Дону.
- Чикишева Т.А., 2004. К вопросу об антропологическом составе населения Западной и Южной Сибири в эпоху неолита // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез: К 75-летию И.И. Гохмана. СПб.

К.Э. Герман

Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижский», Петрозаводск

Культуры раннего неолита на территории Карелии и Финляндии

Начало неолита на территории Карелии и Финляндии, как и в соседних областях, характеризуется появлением у древнего населения первой глиняной посуды и изменением форм каменных орудий. На основании радиоуглеродных определений, неолитизация начинается 6300–6500 л. н. (Герман, 2002; Salomaa, Matiskainen, 1985. P. 141–155).

В этот период в Южной и Центральной Карелии и Финляндии возникает и развивается археологическая культура сперрингс, а в Северной Карелии, Северной Финляндии и на Кольском п-ове – культура Сярайсьниemi I. Оба названия даны финскими археологами, т. к. впервые памятники этих культур были открыты и исследованы на территории Финляндии. Особенностью развития неолитических культур на территории Карелии и соседней Финляндии является уникальность орнаментации керамики и появление форм каменных орудий, которые не имеют аналогов в археологических общностях Восточной Европы. В первую очередь следует отметить применение позвонков пресноводных рыб (щука, окунь, плотва) в качестве орнаментов для декорирования глиняных сосудов. Отдельные случаи использования рыбных позвонков в качестве орнаментов зафиксированы в культурах Восточной Европы, например Ракушечного Яра (Белановская, Тимофеев, 2003. С. 19). Однако широкое распространение они получают только в раннем неолите Карелии и Финляндии.

По вопросу происхождения культуры сперрингс нет единого мнения. Финские археологи искали аналогии как на территории России (днепро-донецкая культурная общность), так и в соседней Швеции (культура ямочной керамики – Gropkeramik) (Meinander, 1952; Eugareus, 1955). В последние годы активно обсуждается предположение о появлении первой глиняной посуды на территории Карелии из верхневолжского региона, где была открыта и изучена верхневолжская раннеолитическая культура (Nunez, 1990. P. 38; Витенкова, 1996. С. 76), а также высказывается мнение о ее преемственности по отношению к местному мезолиту (Герман, 2000. С. 18, 19; Филатова, 2004. С. 125, 126).

Что же касается культуры Сярайсьниemi I, то финские исследователи высказывают мнение о ее автохтонном происхождении на основе местного

мезолита; при этом центром, где она впервые появилась, называют район оз. Оулуярви и рассматривают процесс ее возникновения и быстрого распространения как начало этнической дифференциации, которая позднее привела к формированию саамского этноса (Huurre, 1991. S. 61; Torvinen, 1997. P. 26; 1998. S. 40).

Хозяйственный уклад раннеолитического населения, жившего на территории Карелии и Финляндии, не был одинаков и всецело зависел от природных условий, которые влияли на расположение и структуру поселений, на материал, из которого изготавливали орудия труда, и наличие тех или иных видов промысловых животных, рыб и птиц.

Основная часть поселений культуры сперрингс, которых известно более 200, на территории Карелии приурочена к берегам Онежского оз., а также к озерам и рекам, связанным с ним. Одиночные памятники располагаются на берегах Белого моря в низовьях р. Выг, рядом со знаменитыми Беломорскими петроглифами. Площади памятников колеблются от 500 до 2000 м². Следов жилищ не найдено, и это может свидетельствовать о том, что они представляли собой легкие наземные конструкции типа чума или вигвама. Орудия труда изготавливались из местных пород камня: сланца, кварца и лидита. Кремневых изделий мало, т. к. этого минерала на территории Карелии нет, и он доставлялся из соседних южных областей. Орудий из органических материалов не найдено из-за плохой их сохранности в кислых почвах Карелии.

Керамические сосуды в основном средних размеров, с диаметром горла 20–25 см и толщиной стенок 0,5–0,7 см. Применялся ленточный способ лепки, в качестве примесей использовались песок, крупная дрсва или органика. Орнаментация представляет в основном композиции, образованные горизонтальными и вертикальными полосами прочерченных и отступающих линий и отпечатков рыбьего позвонка.

Основными промысловыми животными, по данным остеологических материалов, были лось, северный олень, бобр, куница, песец, лисица, медведь и рысь. Из рыб определены кости окуня и плотвы, а из птиц – тетерева и орлана. На поселениях беломорского побережья определены кости нерпы, морско-

го зайца, гренландского тюленя, бобра и северного оленя (Савватеев, Верещагин, 1978. С. 181–215).

На территории Финляндии, в отличие от Карелии, основная часть памятников культуры сперрингс привязана к побережью Балтийского моря. Материалы памятников практически не опубликованы. Хорошо определен только остеологический материал. На приморских памятниках (анализировались материалы 123 поселений) доминируют кости ластоногих, намного меньше костей лисицы, медведя, выдры, куницы, псовых, норки, дикого кабана, лося, северного оленя, зайца, бобра и белки. На 60 поселениях, расположенных на внутренних водоемах, присутствуют те же виды животных, за исключением выдры, псовых и дикого кабана. Зато определены кости собаки, которых не встречено на приморских памятниках. Из рыб определены лещ, налим, треска, камбала (палтус), окунь, щука, плотва, сельдь, лосось (семга) и форель (Ukkoen, 1993. P. 257).

По данным остеологических остатков с приморских поселений, количество ластоногих (в основном тюленей) увеличивается от мезолита к раннему неолиту с 20 до 60%, рыбы – с 10 до 25%. Костные остатки лося в неолите практически исчезают, уменьшается процент костей бобра, зайца и медведя (Hiekkanen, 1990. P. 26–28). Причинами этого, по мнению финских исследователей, являются, с одной стороны, истощение популяции лося, а с другой – изменение климатических условий, улучшение которых привело к резкому увеличению популяции морской фауны (Siriainen, 1982. P. 18). В свою очередь, необходимость в варке и хранении жира (ворвани) приводит к появлению первой глиняной посуды (Siriainen, 1980. P. 19). Это мнение поддерживает и ряд других исследователей (Nunez, 1990. P. 38; Dolukhanov, 1986. P. 5).

Поселения культуры Сярайсьниemi I располагаются как на древних береговых террасах Белого и Баренцева морей и побережья Ботнического залива, так и по берегам внутренних водоемов. Они занимают, как правило, песчаные борозы террасы, удобные для заселения как в древности, так и настоящее время. Площади памятников колеблются от 200 до 1500 м², что, видимо, связано с их функциональным назначением. На это указывает и интенсивность окраски культурного слоя охрой.

Орудия труда изготавливались, как и в культуре сперрингс, из местных пород камня: сланца, кварца, реже гранита. Керамические сосуды в основном средних размеров, с диаметром горла 15–30 см и толщиной стенок 0,7–0,8 см. Применялся ленточный способ лепки, в качестве примесей использовались песок, крупная дрсва или органика. Орнаментация представляет в основном композиции, образован-

ные горизонтальными и вертикальными полосами прочерченных и отступающих линий, а также штампами различных форм и размеров.

Получено достаточно много радиоуглеродных датировок по углю и пищевому нагару с поверхности отдельных фрагментов керамики, что позволило получить достаточно точные определения времени ее появления в отдельных районах Северной Финляндии. В районе Оулуярви керамика Сярайсьниemi I появляется около 6100 л. н., в районе Кииминкйоки – около 6000 л. н., и в районе Инари – 5800 л. н. (Toivinen, 1998. S. 40).

- Белановская Т.Д., Тимофеев В.И., 2003. Многослойное поселение Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблемы неолитизации Восточной Европы // Неолит – энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб.
- Герман К.Э., 1997. Неолитическая керамика в Северной Карелии (Сярайсьниemi I) // Археология Севера. Петрозаводск. Вып. 1.
- Герман К.Э., 2000. Проблемы хронологии раннего неолита Северо-Восточной Фенноскандии // Хронология неолита Восточной Европы: Тез. докл. междунар. конф., посвящ. памяти Н.Н. Гуриной. СПб.
- Герман К.Э., 2002. Хронология и периодизация культуры сперрингс // ТАС. Вып. 5.
- Витенкова И.Ф., 1996. Культура сперрингс // Археология Карелии. Петрозаводск.
- Савватеев Ю.А., Верещагин Н.К., 1978. Охотничье-промысловые животные и каменный инвентарь населения Карелии и южной части Кольского полуострова эпохи неолита и раннего металла // Мезолитические стоянки Карелии. Петрозаводск.
- Филатова В.Ф., 2004. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск.
- Dolukhanov P.M., 1986. Natural environment and the Holocene settlement pattern in the north-western part of USSR // Fennoscandia Archaeologica. III.
- Eurapaeus A., 1955. Den yngre stenalderns kronologi i Finland och Sverige // FM. LXII.
- Hiekkanen M., 1990. A suggested interpretation of the maritime nature of Mesolithic and early Neolithic culture in Finland // Iskos. № 9.
- Huurre M., 1991. Oulujokilaakson esihistoria // Oulujokilaakson historia. Oulu.
- Meinander C.F., 1952. Den kamkeramiska kulturen // Fornetid och fornfynd. Helsingfors.
- Nunez M., 1990. On subneolithic pottery and its adoption in late Mesolithic Finland // Fennoscandia Archaeologica. VII.
- Salomaa R., Matiskainen H., 1985. New data on shorelines displacement and archaeological chronology in southern Ostrobothnia and northern Satakunta // Iskos. № 5.
- Siirainen A., 1982. Communication relating to a Stone Age

- find from the village of Inari (Lapland) // *Fennoscandia Antiqua*. I.
- Siiriainen A., 1980. On the cultural ecology of the Finnish Stone Age // *SM-FM*. Siiriainen A., 1982. Recent studies on the Stone Age economy in Finland // *Fennoscandia Archaeologica*. I.
- Torvinen M., 1997. Sär 1 – comb ware of the Saraisniemi style // *Славяне и финно-угры*. СПб.
- Torvinen M., 1998. Sär 1 – keramiikkaa kayttanut vaesto – etnisia kysymyksiä // *Muinaistutkija*. № 4.
- Ukkonen P., 1993. The post-glacial history of the Finnish mammalian fauna // *Annales Zoologici Fennici*. № 30.

**С.А. Григорьев, Ю.В. Васина,
Л.В. Ивасько, В.Г. Котов**
Фонд «Остров Веры», Челябинск

Мегалитические комплексы Урала: проблема датировки

В процессе археологических работ последних лет на Южном и Среднем Урале выявлен значительный комплекс мегалитических памятников, представленный менгирами и аллеями менгиров, дольменами и крупными каменными гробницами. Без проведения инвентаризации этих памятников их точное число учету не поддается, но уже сейчас цифра 250 представляется реалистичной. Наиболее яркие объекты этого комплекса располагаются на оз. Тургояк. Самый крупный мегалит острова имеет длину 18 м и состоит из трех камер. Три других объекта гораздо меньше. В дополнение к этому на острове выявлена серия поселений каменного века, стел, камней со следами обработки и скульптурных изображений.

Наиболее актуальным вопросом в настоящее время является датировка этих мегалитических сооружений, поскольку из-за ограниченного количества материала и частого переиспользования это затруднительно даже в тех регионах мира, где исследование мегалитов имеет давнюю традицию. В случае с уральскими мегалитами, исследование которых только начато, следует понимать, что они могут относиться к разным эпохам – или переиспользоваться в разные эпохи. Поэтому остановимся на ряде фактов, которые ни в коем случае не могут рассматриваться в качестве окончательного вывода по датировке уральских мегалитов в целом.

Самыми сложными для датировки объектами являются, безусловно, менгиры. Общее их количество в зауральской степи около 50, но слабая обработка поверхностей и отсутствие характерных стилистических особенностей не позволяют надежно утверждать, что они относятся к одной эпохе. В настоящее время раскопками исследовано более десятка данных объектов, однако обнаруженные при этом археологические материалы единичны, отсутствуют

или представлены единичными косточками. Необходимо отметить, что использованные, в том числе одним из авторов, полевые методики были далеки от совершенства и не соответствовали типу памятника. Обнаружение на нескольких памятниках керамики эпохи поздней бронзы, а также приуроченность их к поселениям этого времени, позволили датировать подобным образом все аллеи и менгиры, хотя допускается (без надежных оснований), что некоторые могут быть отнесены к средневековью (Петров, 2006. С. 101). Однако в степной зоне Зауралья памятники позднебронзового времени располагаются столь плотно, что приуроченность к ним менгиров может носить случайный характер и не является фактом ни в пользу, ни против подобной датировки. Существует лишь один безусловный случай: в могильнике Лисьи Горы керамика эпохи поздней бронзы обнаружена под основанием менгира (Полякова, 2006).

При раскопках группы менгиров у Ахуново обнаружено два типа керамики. Одна группа имеет федоровско-черкакульский облик, во второй присутствуют энеолитические черты, хотя четких аналогов в зауральских комплексах эта керамика не имеет. Археoaстрономическими методами памятник датирован 2400–2000 гг. до н. э. (Петров, 2006. С. 104). Термолюминесцентный анализ керамики из Ахуново, впрочем, показал небольшую разницу между коэффициентами радиационной чувствительности ранней керамики и федоровской. Последнюю мы склонны датировать начиная с XVI в. до н. э. Сопоставляя эти данные с датами, полученными археоaстрономическими методами, можно допускать датировку комплекса в рамках последней четверти или конца III тыс. до н. э. или начала II тыс. до н. э.

Раскоп у менгира на о. Веры выявил материалы периода неолита или энеолита. Таким обра-

зом, менгиры, по-видимому, будут датироваться в рамках довольно широкого диапазона – энеолита – эпохи поздней бронзы, и остается большим вопросом: является ли это отражением сохранения одной традиции, или менгиры разных эпох не связаны друг с другом.

Нет также ясности и с датировкой уральских дольменов. Совершенно очевидно лишь то, что их отнесение к позднему времени на основании обнаружения русской керамики XVIII–XIX вв. и кальцинированных костей является заблуждением (Морозов и др., 2004). Наш осмотр некоторых из этих памятников и сопоставление с параллелями в Западной Европе и на Кавказе позволили сделать вывод об их погребальном характере и датировке в пределах первой половины III или второй половины IV тыс. до н. э. в калиброванных значениях (Григорьев и др., 2006). В пользу ранней даты говорят и разведочные работы на двух дольменах, выявившие кремневый материал. Однако сохраняться эта традиция могла дольше, и истинные датировки этих объектов на фоне отсутствия раскопок и неразработанности типологии пока не ясны.

Совершенно новый для Урала и в целом для России тип мегалитических памятников, сходных с камерными галерейными гробницами Западной Европы, был обнаружен на о. Веры на оз. Тургояк в Челябинской обл. На сегодняшний день археологические памятники занимают 34–40% территории острова.

Хотя работы были начаты в 2004 г., сам мегалитический комплекс исследован лишь частично, поскольку основной задачей этих лет стало его сохранение (выявление иных памятников острова, противоаварийные работы, составление историко-опорного плана и другой документации). Тем не менее, и осуществленные работы позволяют утверждать, что мы имеем дело с достаточно древним культурным комплексом.

В настоящее время помимо сооружений, получивших условное название мегалиты 1, 2 и 3, в него входят пять менгиров, группы стел, скальный навес, каменоломня. Вероятно, это количество может увеличиться за счет скрытых объектов, а также объектов, которые мы предварительно определили как поздние.

На фоне все той же проблемы неразработанности типологии уральских мегалитов, с опорой на параллели подобным сооружениям в Западной Европе, наиболее приемлемым диапазоном дат начала этой традиции можно считать 2600–2500 гг. до н. э. или 3300–2800 гг. до н. э. в калиброванной системе, что в целом согласуется с нашими представлениями о датировке дольменов Зауралья.

Частичному исследованию пока подвергся лишь наиболее крупный мегалит острова. Внутри него на участках культурного слоя, не нарушенных поздними перекопами, были обнаружены кремневые отщепы, кремневая пластина и мелкий неорнаментированный фрагмент древней керамики. В целом в мегалите обнаружено 118 мелких кремневых отщепов, пластин, 2 нуклеуса, и 16 фрагментов керамики. Поскольку в районе мегалита отсутствуют поселенческие памятники, эти находки связаны с его строительством и функционированием.

Обнаруженные фрагменты керамики относятся к двум культурам Зауралья – энеолитической липчинской и гамаюнской с крестоштампованной орнаментацией, датируемой обычно ранним железным веком. При этом липчинский материал был найден в неповрежденном состоянии на насыпи, один крестоштампованный фрагмент найден под полой насыпью, а два фрагмента обнаружены между камнями кладки под насыпью.

Для датировки мегалитов сделаны термолюминесцентные анализы керамики не только с мегалита, но и со стоянок острова. Эта программа еще в стадии работы, поэтому полученные даты нельзя рассматривать как абсолютные. Часть крестоштампованных образцов показала даты в рамках I тыс. до н. э., но часть оказалась идентичной липчинским (III тыс. до н. э.).

В рекогносцировочном раскопе, выявившем еще одну мегалитическую конструкцию, обнаружен исключительно энеолитический материал.

Интересные результаты дали рекогносцировочные раскопы поселений и стоянок острова. На ряде памятников крестоштампованная посуда залегала совместно с липчинской.

Существует мнение, что на уральских озерах надежная стратиграфия отсутствует. Однако в действительности любые повреждения культурного слоя читаются вполне отчетливо. Исследование культурного слоя и характера залегания находок (сохранение очажных слоев в разных уровнях культурного слоя; плотный грунт, небольшие скопления фрагментов от одного сосуда и т. д.) свидетельствует о том, что слой не перемешан и отражает постепенное накопление культурных остатков. Это подтверждается и нормальным формированием спорово-пыльцевых колонок, исключающим смешивание слоев.

Особо хотелось бы остановиться на обнаруженном на памятниках керамическом материале. Это фрагменты неолитической керамики козловско-полуденской традиции, липчинской энеолитической, энеолитической гребенчатой, крестоштампованной посуды и профилированной посуды тургоякского типа, близкой по форме к крестоштампованной, но без характерного орнамента.

На поселении ОВ- 7 крестоштампованная посуда залегает во всех слоях совместно с липчинской. Примечательно и то, что крестоштампованная посуда обнаружена и на материковом уровне, а также в углублениях и трещинах в скальнике. С учетом непотревоженности культурного слоя можно утверждать, что липчинская и крестоштампованная керамика синхронна. Примечательно, что различить неорнаментированные стенки сосудов ложношнуровой и крестоштампованной керамики практически невозможно. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения являются единичные случаи сочетания различных орнаментальных техник на одном сосуде.

Таким образом, предварительно, по совокупности приведенных фактов, можно датировать мега-

литы острова Веры самым началом энеолитической эпохи – около конца IV – начала III тыс. до н. э.

Григорьев С.А., Ивасько Л.В., Слепухин С.В., Бердюгина Н.Ю., Галин С.С., 2006. Мегалитическая традиция на Урале и проблема пышминских дольменов // Изв. Челябинского научного центра. Вып. 3.

Морозов В.М., Святлов В.Н., Чаиркин С.Е., 2004. Новый тип археологических памятников горно-лесного Зауралья // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург.

Петров Ф.Н., 2006. Традиционное мировосприятие народов степной Евразии. Челябинск.

Полякова Е.Л., 2006. История изучения мегалитических памятников Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск.

В.А. Грищенко

*Сахалинская лаборатория археологии и этнографии
ИАЭТ СО РАН и СахГУ, Южно-Сахалинск*

Ранний неолит острова Сахалин (к истории вопроса)

Археологические исследования о. Сахалин начались со второй половины XIX в. и продолжают до сегодняшнего дня, формируя научную историю края, обусловленную рядом особенностей и имеющую свои традиции.

Изучение периода раннего неолита происходило на всех этапах археологического изучения острова – в период с 80-х гг. XIX в. по середину 1960-х гг. на уровне обнаружения отдельных артефактов.

Рубежным событием стало обнаружение В.В. Вязовской в 1965 г. первой стоянки индустрии микропластин на поселении Имчина 2 (Северный Сахалин) (Вязовская, 1973). Данное открытие положило начало этапу (1965–1980 гг.) изучения микропластинчатых комплексов отмеченного следующими результатами и особенностями:

– стоянки с микропластинчатым расщеплением и присутствием следов техники пластин в инвентаре обнаружены на севере и юге острова;

– первоначальная интерпретация Имчина 2 как мезолитической стоянки (Вязовская, 1973; Васильевский, 1973; Окладников, 1977) сменилась определениями «бескерамический», а затем «докерамический комплекс», которые распространились и на стоянки юга острова – Такое 2, Сокол (Васильевский, 1979; Голубев, Лавров, 1988), по аналогии с японскими материалами;

– тесная корреляция сахалинских верхнепалео-

литических – раннеолитических материалов с японскими схемами и как следствие этого – активное использование термина «докерамический», не характерного для советской историографии, является своеобразной ступенью в теоретическом обосновании материалов и становится отличительной чертой данного и следующего этапов изучения;

– выводы исследователей относительно датировок, корреляций и интерпретаций инвентаря данных стоянок основывались исключительно на материалах подъемных сборов, поэтому задачей следующего этапа становится поиск и исследование стратифицированных объектов.

Следующим шагом в изучении раннего неолита острова стали раскопки объектов (Одопту 2 и 3, Кадылань 2, Сокол), в материалах которых отчетливо прослеживалось присутствие пластинчатых комплексов. В связи с обнаружением палеолитических артефактов на стоянке Сокол интерес исследователей смещается в сторону большей древности, и в обобщающей монографии (Голубев, Лавров, 1988) комплексы Имчина, Одопту, Такое 2 (частично) и Сокол (частично) обозначены как «средняя» и «поздняя южносахалинские верхнепалеолитические культуры», датированные – исключительно на основании типологического анализа – 12–10 и 9 тыс. лет «до появления керамики» соответственно. Похожая ситуация наблюдается и с обнаруженной в

1982 г. С.В. Горбуновым стоянкой Славная 1, коллекцию которой, представляющую собой ярко выраженный раннеолитический комплекс (орудия на малых и средних пластинах, шлифованное тесло и наконечник стрелы на пластине), автор раскопок на основе типологических сопоставлений датирует в широком диапазоне от 19 тыс. до 8 тыс. лет, с акцентом на ее верхнепалеолитический возраст (Горбунов, 1987).

Следующий этап характеризуется углубленным и предметным изучением подразделений каменного века. Именно в рамках этого этапа можно говорить о целенаправленном изучении периода раннего неолита, выразившемся в поиске и исследовании репрезентативных источников, что нашло свое отражение в специальной археологической литературе. Одним из таких источников стала стоянка Поречье 4. В результате работ 1989–1990 гг. в ее слое была обнаружена керамика, и автор раскопок сделал уверенный вывод о раннеолитическом, а не мезолитическом, характере стоянки (Василевский, 1996). Этот вывод подкрепили и раскопки многослойного поселения Стародубское 3 в 1990 г. В результате этих раскопок А.А. Василевским выделены два ранних горизонта заселения: горизонт 1 верхнепалеолитического облика и раннеолитический горизонт 2 (А) (Василевский, 1991). Главным маркирующим элементом раннеолитического горизонта автор раскопок считает серию наконечников стрел на пластинах, коррелирующих с подобными изделиями на мезолитических и раннеолитических памятниках Алтая, Приангарья, Приамурья, Якутии, а также на стоянках Хигаси-Кусиро и Юбецу-Ичикава на Хоккайдо.

Помимо работ А.А. Василевского в данном направлении, необходимо отметить также находки руководителя краеведческого клуба «Абориген» С.В. Горбунова. В частности, в 1984 г. им была обнаружена раннеолитическая стоянка Пугачево 1, на которой в 1989 г. заложен разведочный раскоп (пункт 1). В средней части о. Сахалин (Тымовский и Смирныховский р-ны) С.В. Горбунов обнаружил стоянку с ранней керамикой Белое 2, Адо-Тымово 2 и отдельными орудиями раннеолитического облика – пещеры Медвежьих трагедий, Зигзаг, Останцевая.

Таким образом, к началу 1990-х гг. на о. Сахалин были выявлены стратифицированные объекты с ранней керамикой, серией наконечников стрел на пластинах и ярко выраженной микропластинчатой техникой расщепления. Эти находки позволили обосновать условия перехода от палеолиту к неолиту на островных территориях и выдвинуть критерии эпохи вообще и периодов неолита в частности, включая

начальный и ранний, что и было сделано позже в цикле работ А.А. Василевского, посвященных данной проблематике.

В период с 1996 по 2006 гг. выходит ряд работ, посвященных генеральной проблеме: периодизация, хронология, содержание и критерии эпох, периодов и этапов каменного века на Сахалине. Данная проблема рассматривалась в том или ином аспекте в ряде статей А.А. Василевского и соавторов (Василевский, 1996; 1999; 2000; 2001; 2004; Василевский, Шубина, 2002; Василевский, Грищенко, 2002), главах обобщающей монографии по каменному веку Дальнего Востока (Vasilevski, 2006; Vasilevski, Shubina, 2006), докторской диссертации А.А. Василевского. Относительно темы настоящей работы результаты этих исследований выглядят следующим образом:

– этап раннего неолита датируется от 9 до 7,2 тыс. л. н.;

– данный этап характеризуется увеличением количества населения в прибрежных районах и переходом к оседлости, что связано с постепенным внедрением цепи фиксирующихся инноваций и новаций неолита в материальной культуре и хозяйстве островных социумов;

– к концу этапа, около 8–7,2 тыс. л. н., из континентальной части Дальнего Востока происходит быстрое и повсеместное распространение на восток культурного пласта, связанного с традициями изготовления наконечников стрел на пластинах.

Таким образом, в историографии изучения раннего неолита о. Сахалин существует ряд проблем, находящихся ныне в разной степени разрешения.

1) Проблема присутствия раннеолитических памятников на Сахалине в целом решена. Ранний неолит аргументированно выделен как этап в общей периодизации каменного века острова.

2) Проблема низкой информативности отдельных источников решается путем поиска и исследования более информативных памятников методом археологических раскопок.

3) Наиболее остро стоит проблема сущности этапа раннего неолита, в которой в свою очередь можно отметить следующие вопросы и проблемы:

а) проблема внутренней периодизации и хронологии раннего неолита Сахалина;

б) вопрос о технико-типологических, экономических и социальных особенностях переходного этапа от палеолита к раннему неолиту острова;

в) проблема правомочности применения термина «мезолит» к памятникам раннеголоценового возраста;

г) проблема появления ранней керамики и сосуществования различных керамических традиций в раннем неолите Сахалина.

д) проблема степени влияний сопредельных территорий на рассматриваемом этапе, в ракурсе распространения инноваций и новаций культурного уровня на определенных этапах периода.

Василевский А.А., 1991. Итоги третьего сезона раскопок поселения Стародубское 3 в 1990 году // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск. № 2.

Василевский А.А., 1996. Заметки о до- и протоистории острова Сахалин // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск. № 1.

Василевский А.А., 1996а. Источники изучения позднеплейстоценовых – раннеголоценовых культур Сахалина в свете новых задач современной археологии Дальнего Востока России // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки: Мат. междунар. конф. (24–25 марта 1994 г.). Владивосток.

Василевский А.А., 1999. Районирование человеческой деятельности на Сахалине в голоцене // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск. № 1.

Василевский А.А., 2000а. К понятию «неолит» и его периодизации на о. Сахалин // Вперед... в прошлое: К 70-летию Ж.В. Андреевой. Владивосток.

Василевский А.А., 2001а. наброски к периодизации и синхронизации этапов каменного века Сахалина, Хоккайдо и Курильских островов // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск. № 2.

Василевский А.А., 2004. Периодизация и хронология каменного века острова Сахалин // Уч. зап. СахГУ. Южно-Сахалинск. Вып. VI.

Василевский А.А., Грищенко В.А., 2002а. Памятники переходного периода от палеолита к неолиту // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск. № 1.

Василевский А.А., Шубина О.А., 2002. Неолит Сахалина и Курильских островов // Вестник сахалинского музея. Южно-Сахалинск. № IX.

Васильевский Р.С., 1973. Имчинский бескерамический комплекс на о. Сахалине // Изв. Сиб. отд. АН СССР. № 6. Сер. обществ. наук. Вып.2.

Васильевский Р.С., 1979. Докерамические комплексы Сахалина и их корреляция с памятниками сопредельных областей // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск.

Васильевский Р.С., Голубев В.А., 1976. Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка). Новосибирск.

Вязовская В.В., 1973. Микролиты Северного Сахалина // История и культура народов Дальнего Востока: Докл. и сообщ., прочитанные на 2-й сессии Дальневосточных историч. чтений в г. Южно-Сахалинске в декабре 1971 г. Южно-Сахалинск.

Голубев В.А., 1979. Археологические исследования в зонах работ объединения «Сахалиннефть» (Северо-Восточное побережье о. Сахалин): Научный отчет // Архив СЛАИЭ СО РАН и СахГУ. Южно-Сахалинск.

Голубев В.А., 1983. К вопросу о первоначальном заселении острова Сахалин // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск.

Голубев В.А., Лавров Е.Л., 1988. Сахалин в эпоху камня. Новосибирск.

Горбунов С.В., 1987. Памятники докерамического периода Сахалина // Древности Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Лавров Е.Л., 1984. Первая стратифицированная стоянка палеолита Сокол 2 на юге Сахалина // Изв. СО АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. Вып. 2.

Окладников А.П., 1977. Мезолит Дальнего Востока (докерамические памятники) // КСИА. Вып. 149.

Шубина О.А., 1987. Жилища поселений имчинской неолитической культуры (Северный Сахалин). Препринт. Южно-Сахалинск.

Vasilevski A.A., 2006. The Upper Palaeolithic of Sakhalin Island // Archaeology of the Russian Far East: Essays in Stone Age Prehistory / S.M. Nelson, A.P. Derevianko, Y.V. Kuzmin, R.I. Bland (Eds.). Oxford. Ch. 5.

Vasilevsky A.A., Shubina O.A., 2006. Neolithic of the Sakhalin and Southern Kurile Islands // Ibid. Ch. 8.

П.М. Долуханов, К. Дэвисон, Г. Сарсон

Университет г. Ньюкасл, Великобритания

Г.И. Зайцева

Институт истории материальной культуры РАН

Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин

Институт геохимии окружающей среды НАН Украины, Киев

Неолитизация Восточной Европы. Радиоуглеродная хронология и моделирование*

Большинство исследователей связывает процесс неолитизации с распространением земледелия и скотоводства из ближневосточного центра. Первоначальное одомашнивание злаков (ячменя и пшеницы) и некоторых зернобобовых культур, а также животных – мелкого и крупного рогатого скота и свиньи, – произошло в предгорьях Ближнего Востока (в области «Благодатного полумесяца») около 12–10 тыс. л. н., в условиях прохладного и засушливого климата («молодого дриаса»), сменившегося резким увеличением осадков в начале голоцена. В течение периодов «докерамического неолита А и Б» (9800–7500 гг. до н. э.) происходит быстрое распространение раннеземледельческих поселений в предгорьях и на равнинах Леванта. На протяжении последующих тысячелетий центр земледельческих культур перемещается на север, на средиземноморские равнины и внутренние котловины Малой Азии.

Наиболее ранние поселения с признаками развитого земледелия и скотоводства появляются на межгорных котловинах Греции (Фессалии, Беотии и Пелопоннеса) около 6400–6000 гг. до н. э. Дальнейшее продвижение земледелия на север зафиксировано поселениями «культурного блока» Караново-Старчево-Криш в северной Фессалии, в бассейне Нижнего и Среднего Дуная. Возраст этих поселений лежит в пределах 5900/5800 – 5500 гг. до н. э.

Наиболее ранние поселения культуры линейно-ленточной керамики (КЛЛК) возникают на равнине Тиссы на базе местного варианта культуры Старчево около 5600–5500 гг. до н. э. Среднее значение наиболее вероятного возраста этих памятников в Центральной Европе – 5154±62 до н. э.

За последние годы в лесной, лесостепной и степной зонах Евразии выявлены раннекерамические памятники, возраст которых в ряде случаев древнее времени существования земледельческого неолита в западных регионах. При этом хозяйство сохраняет преимущественно присваивающий характер.

Памятники *елшанского* типа в междуречье были выявлены в бассейне Средней Волги – Урала. Ради-

оуглеродное датирование большой серии керамики, происходящей со стоянок Чекалино 4, Лебяжинка 4 и Ивановская, дает возраст в пределах 8025–7475 гг. до н. э.

Эталонным памятником для раннекерамических культур степной и лесостепной зон является стратифицированное поселение *Ракушечный Яр*. Это поселение расположено на о. Поречный в нижнем течении Дона, близ ст. Раздорской, в 100 км от г. Ростов-на-Дону. Многолетними раскопками Т.Д. Белановской (1995) здесь выявлено 23 культурных слоя, разделенных стерильными прослойками. Нижняя толща отложений, отнесенная к раннему неолиту, включает слои 6–23. Это свита тонких культурных горизонтов, содержащих раковины и углистые частицы, керамику и каменные орудия. Кости животных, обнаруженные в этих слоях, принадлежат как диким (благородный олень, косуля, лиса, заяц, разнообразные птицы), так и домашним особям (крупный и мелкий рогатый скот, собака). Многочисленные раковины моллюсков, преимущественно *Viviparus*, свидетельствуют о значительной роли собирательства. В целом, материалы раннекерамических слоев имеют ряд общих черт, что дало основание Т.Д. Белановской (1995) для выделения особой *ракушечной* культуры. Для этой культуры характерна каменная индустрия мезолитического типа. Керамика включает как остродонные, так и плоскодонные сосуды, сделанные из глиняного теста с добавлением органики и песка. Сосуды орнаментированы отпечатками штампа и отступающей лопаточкой, образующими горизонтальные ряды и фигуры типа фестонов.

К раннеолитическому времени можно отнести и поселения *Матвеев Курган* в долине р. Миус в Приазовье (Крижевская, 1992). На этих памятниках были обнаружены обожженные площадки, кострища и хозяйственные ямы. Каменная индустрия характеризуется микролитической техникой, наличием шлифованных орудий и использованием пластин в качестве заготовок орудий. В составе фауны не

менее 95% диких видов (лошадь, осел, тур, косуля). Домашние животные (свинья, мелкий рогатый скот) представлены единичными экземплярами. На обоих памятниках было обнаружено лишь несколько фрагментов обожженной глины. Радиоуглеродные датировки для этих памятников лежат в пределах 6500–5800 гг. до н. э.

Памятники *буго-днестровской* (БДК) культуры на территории юго-западной Украины и Молдавии обычно рассматриваются в качестве эталона раннего неолита лесостепной зоны. Около 40 памятников этой культуры располагаются на нижних террасах Днестра, Южного Буга и их притоков (Даниленко, 1969; Маркевич, 1974). Тонкие культурные слои обычно переслаиваются аллювиальными отложениями. На поселении Сороки I на Днестре обнаружены остатки жилищ поверхностного типа. В слоях поселений, относящихся к ранней фазе, около 80% костей животных принадлежат диким особям, преимущественно благородному оленю и косуле. Среди домашних животных определены свинья, крупный рогатый скот, коза, овца. В слоях обнаружено очень большое количество костей рыб, птиц, а также раковин моллюсков (*Unio*). Каменная индустрия имеет мезолитический характер и характеризуется наличием геометрических микролитов, трапеций и треугольников. На некоторых пластинах обнаружены следы их использования в качестве серпов. На некоторых фрагментах керамики встречаются отпечатки культурных злаков: однозернянки, двузернянки и спельты. На многослойных памятниках выделены как докерамические, так и раннекерамические слои. Ранние формы керамики представлены широкогорлыми сосудами с выпуклыми стенками, округлыми или шиповидными днищами, изготовленными из глины с примесью травы, песка и раковин. Поверхность сосудов покрыта узором из проглаженных или врезанных линий, оттисками штампа или пальцевыми зажимами, образующими горизонтальные ряды, зигзаги, и волнообразные мотивы. Некоторые типы орнамента соответствуют узорам монохромной керамики раннего неолита Балкан (культура Старчево-Криш). Памятники, относящиеся к поздней фазе БДК, содержат импорт керамики КЛЛК.

Для поселений БДК имеется сравнительно большое количество радиоуглеродных дат. Для докерамических слоев памятника Сороки II на Днестре получены даты в интервале 6500–6000 гг. до н. э. (Вln-587, 588), а для раннекерамического – 6000–5500 гг. до н. э. (Вln-586). Серия дат, полученная для группы памятников, расположенных в долине Южного Буга, показала средний возраст 6121 ± 143 гг. до н. э.

Стоянки *сурской* культуры располагаются на островах и на низких террасах среднего Днестра и побережья Азовского моря (Телегин, 1996а). Основу хозяйства составляли рыболовство и охота на водоплавающую птицу, а также на крупных копытных животных – благородного оленя, тура, кабана и лошади. Кремневый инвентарь имеет мезолитический микролитический характер, хотя геометрические микролиты крайне редки. Керамика представлена остродонными сосудами с S-видным профилем, изготовленными из керамического теста с примесью песка и раковин и украшенными рядами ямок и прореченных линий. Встречаются каменные сосуды. Для поселений имеется 10 датировок со средним значением возраста 5920 ± 80 гг. до н. э.

Памятники *днепро-днецкой* культурной общности (ДДК) распространены на обширной территории в бассейне среднего и Верхнего Днестра (Телегин, 1968; 1996б). Небольшие по размеру стоянки располагаются обычно на низких террасах и в поймах рек. Основу хозяйства составляли рыбная ловля и охота. Кости домашних животных (свиньи и крупного рогатого скота) встречаются уже на ранних стадиях. На поздних стадиях кости домашних животных составляют до 80% от общего числа фаунистических остатков. На поселении Лука Врублевская под Киевом и на некоторых памятниках Вольни обнаружены фрагменты керамики с отпечатками культурных злаков (пшеницы одно- и двузернянки). Кремневые орудия включают изделия с двусторонней обработкой (топоры, наконечники стрел и копий), а также микролитические формы. Керамика представлена толстостенными горшками, изготовленными из теста с растительной примесью.

К настоящему времени известно 55 датировок памятников ДДК, которые лежат в пределах 5500–3900 гг. до н. э. (5400–4200 гг. до н. э. при одном стандартном отклонении) (Черных, Орловская, 2004).

В центральных районах европейской России наиболее ранние типы керамики зафиксированы на памятниках *верхневолжской* и *валдайской* культур в бассейне Верхней Волги (Крайнов, Хотинский, 1974; Крайнов, 1996; Гурина 1996а). Ряд стоянок обнаружен в пределах крупных торфяных массивов; первоначально они располагались на островах непроточных озер. Хозяйство обитателей этих поселений было основано на охоте на кабана, благородного оленя, косулю, зубра, бобра и водоплавающую дичь, при очень большой роли рыболовства и собирательства растительной пищи. Кремневая индустрия имеет мезолитический облик. Каменный инвентарь верхневолжской культуры близок к инвентарю бутовской мезолитической культуры, существовавшей ранее в верхневолжском бассейне.

не (Кольцов, 1989). Керамическая посуда верхневолжской культуры представлена плоскодонными и остродонными горшками с тычково-накольчатым орнаментом, а также остродонными сосудами с зубчатым ложно-шнуровым и прочерченным орнаментом. Имеются большие серии радиоуглеродных датировок, полученных для торфяниковых стоянок. На многослойной стоянке Ивановская 3 для слоев верхневолжской культуры были получены даты в пределах 6000–4300 гг. до н. э.

Стоянки раннекерамической культуры *сперрингс* располагаются в приморской зоне, на берегах озер и рек в пределах южной Финляндии, а также в бассейнах Ладожского и Онежского озер на территориях Ленинградской обл. и Карелии. Хозяйство было основано на охоте на тюленя и водоплавающую дичь, собирательстве и рыболовстве (Ошибкина, 1996; Matiszkainen, 1989). Каменная индустрия состоит почти исключительно из кварца и сланца, редкие кремневые орудия происходят из района Верхней Волги. Посуда культуры *сперрингс* имеет конусообразную форму, прямые стенки, острое или округлое дно, венчики прямые и без орнамента. Тесто грубое, с примесью дресвы, песка, редко органического материала. Элементы орнамента – отски веревки, прочерченные линии, расположенные горизонтально или вертикально; на основной узор наносились ямки. Финский археолог Сирияйнен (Siiriäinen, 1970; 1982), основываясь на градиентах послеледникового поднятия береговых линий озер, датирует стоянки типа *сперрингс* 5300–5000 гг. до н. э. В последнее время для стоянок этого типа были получены более древние даты. Для стоянки Хепоярви, к северу от Санкт-Петербурга, получена дата с калиброванным возрастом 5560–5250 л. до н. э. (Верещагина, 2002; Герасимов и др., 2003). Еще более глубокий возраст был ранее установлен для стоянки Усть-Рыбежна на р. Паше в южном Приладожье, в материалах которой присутствуют элементы *сперрингс*, – 5560–5060 до н.э. К настоящему времени для памятников центральных и северо-западных районов России, относящихся к верхневолжской, валдайской культурам и культуре *сперрингс*, получено 57 радиоуглеродных определений, лежащих в пределах 6200–4200 гг. до н. э., при среднем значении возраста 5417 ± 30 л. до н. э.

Раннекерамическая *нарвская* культура представлена на большом количестве памятников в Эстонии, Латвии и сопредельных районах Ленинградской и Псковской областей России (Лозе, 1988; Янитс, 1959; Гурина, 1996б). Стоянки обычно располагались на берегах лагун в приморской зоне, а также на берегах рек и озер во внутренних районах. Основу хозяйства в приморской зоне составляли охота на тюленя и водоплавающую дичь и рыболовство. Во внутренних районах главную роль играла охота на лесных млекопитающих – лося, кабана, благородного оленя и др. животных – при очень большом значении рыболовства и сбора съедобных растений. Основной категорией находок на эталонных памятниках *нарвской* культуры являются фрагменты керамики. Фрагменты сосудов содержат в тесте примесь мелкотолченых раковин и растительную примесь, на внутренней и внешней поверхности заметны параллельные штрихи, нанесенные инструментом наподобие гребенчатого штампа. Среди изделий из кости и рога – наконечники стрел с конической головкой, овальные или округлые в поперечном сечении, в отличие от классических экземпляров «шигирского» типа, вырезанный желобок или же, наоборот, выступающий бортик вокруг основания конической головки отсутствуют; наконечники с аналогично оформленной головкой и укороченным черешком; наконечники удлинённые, плоские или трехгранные в сечении, с выделенным черешком; игловидной формы, длинные, тонкие, неправильно-округлые в сечении, наконечники подромбической формы на отщепах трубчатой кости (Кязпа), плоские листовидной формы (Кязпа, Нарва I), а также биконической формы, мелкие, уплощенные или симметричные, округлые в сечении. Кремневые орудия немногочисленны: концевой скребок на пластинчатом отщепе с ретушью по боковым граням, двусторонне обработанный наконечник стрелы листовидной формы, несколько отщепов кремня. Наиболее ранние радиоуглеродные даты были получены для стоянки Звидзе в Лубанской котловине (Восточная Латвия): они лежат в интервале между 5600–4000 гг. до н. э.

* Исследование проводится при поддержке гранта Евросоюза (F6 European Project FEPRE) № 028192.

Е.Д. Жамбалтарова

Музей Бурятского НЦ СО РАН, Улан-Удэ

Фофановский могильник: перспективы исследований*

Фофановский могильник является одним из крупнейших погребальных комплексов неолита – бронзового века Байкальского региона.

Памятник открыт в 1926 г. А.П. Окладниковым (1928. С. 64–68). Работы на могильнике проводились М.М. Герасимовым в 1931 и 1934–1936 гг., однако при этом исследовались лишь отдельные обнажавшиеся погребения, общее количество которых установить затруднительно. Значительным раскопкам памятник подвергся в 1948 и 1950 гг., когда А.П. Окладников (1955. С. 14) исследовал 39 погребений.

В 1959 г. работы на могильнике продолжил отряд Иркутской экспедиции ЛОИА под руководством М.М. Герасимова. Было исследовано 41 погребение на площади 1400 м². Авторы раскопок, основываясь на стратиграфии и планиграфии могил, выделили три группы погребений (Герасимов, Черных, 1975. С. 23).

Группа I (7 могил: п. 1–7) имеет общие черты с китойскими погребениями Ангарского бассейна: засыпка погребенного охрой, наличие мраморных колец, кинжалов с вкладышами, отсутствие надмогильных каменных выкладок (Там же. С. 23–32).

Группа II (29 могил: п. 8–36) близка глазковским памятникам Прибайкалья по ряду признаков: наличие каменных надмогильных выкладок, ориентация погребенных вверх по течению реки, наконечники стрел треугольной формы с прямым основанием или с выемкой в нем, кремневые дротики-ножи, костяные кинжалы, гарпуны, рыболовные крючки, металлические ножи (Там же. С. 32–45).

К группе III авторами раскопок отнесено 5 могил (п. 37–41). Форму ямы захоронений этой группы проследить не удалось, надмогильных сооружений также не обнаружено. Костяки лежат обычно выше погребений других групп, на глубине 0,45–1 м от уровня современной почвы. Умерших клали в могилу на спину, с согнутыми в коленях ногами. Ориентация неустойчивая: от СВ до ЮВ (Там же. С. 45). В погребениях этой группы найдены трубчатая кость животного (игольник?); два обломка костяного кинжала с пазами. М.М. Герасимов и Е.Н. Черных отмечают, что культурное положение третьей, самой поздней, группы погребений Фофановского могильника неясно. Исследователи предварительно отнесли эти погребения к I тыс. до н. э. (Там же. С. 47).

В 1987–1991 и 1996 гг. экспедициями БГПИ и ВСГАКИ под руководством В.П. Конева было раскопано 17 погребений, которые по совокупности признаков (отсутствие надмогильных каменных выкладок, засыпка погребенных охрой, погребения без черепов и захоронения отдельных частей тела, «чужие» кости, групповые и парные захоронения, кальцитовые кольца, кинжалы с вкладышами, скульптурная голова лося, расщепленные клыки кабана, резцы марала, тарбагана, изделия из перламутра) были отнесены к китойским (ранне-неолитическим) погребениям (Жамбалтарова, Конев, 2001. С. 171, 172; Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008. С. 54–60).

Летом 2007 г. на Фофановском могильнике проведены комплексные работы. С помощью георадара обнаружено погребение на восточном склоне Фофановской горы, на высоте 40 м над уровнем реки, на глубине 50 см от дневной поверхности, в плотном супесчаном субстрате светло-коричневого цвета (рис. 1).

Элементы надмогильных и внутримогильных сооружений отсутствуют.

Могильная яма подпрямоугольной формы со скругленными углами, размерами 1 x 1,3 м, глубиной 50 см, была ориентирована по оси ЮЮВ–ССЗ.

Костяк находился на глубине 86–97 см от современной поверхности. Зафиксировано **положение умершего** на спине с согнутыми ногами. Погребенный ориентирован головой на ЮВ. Череп фрагментирован. Правая рука согнута в локте, кисть располагалась в области живота. Кисть левой руки зафиксирована на тазовых костях. В районе ребер справа от позвоночника погребенного обнаружен фрагмент трубчатой кости длиной 15 см («чужая» кость?). Ноги умершего были согнуты влево (рис. 2).

Ярким элементом описываемого погребального обряда является наличие второго черепа («чужого»), зафиксированного справа, на расстоянии 7 см от тазовых костей вышеописанного скелета (рис. 2). Череп был фрагментирован и сильно сплюснен под тяжестью земли. Также вызывает интерес то, что под черепом найден обломок трубчатой кости с эпифизом, длиной 10 см.

Красящие вещества. В погребении наблюдалась засыпка охрой, особенно интенсивная в районе обоих черепов, подреберья, левой руки, таза и ступней погребенного (рис. 2).

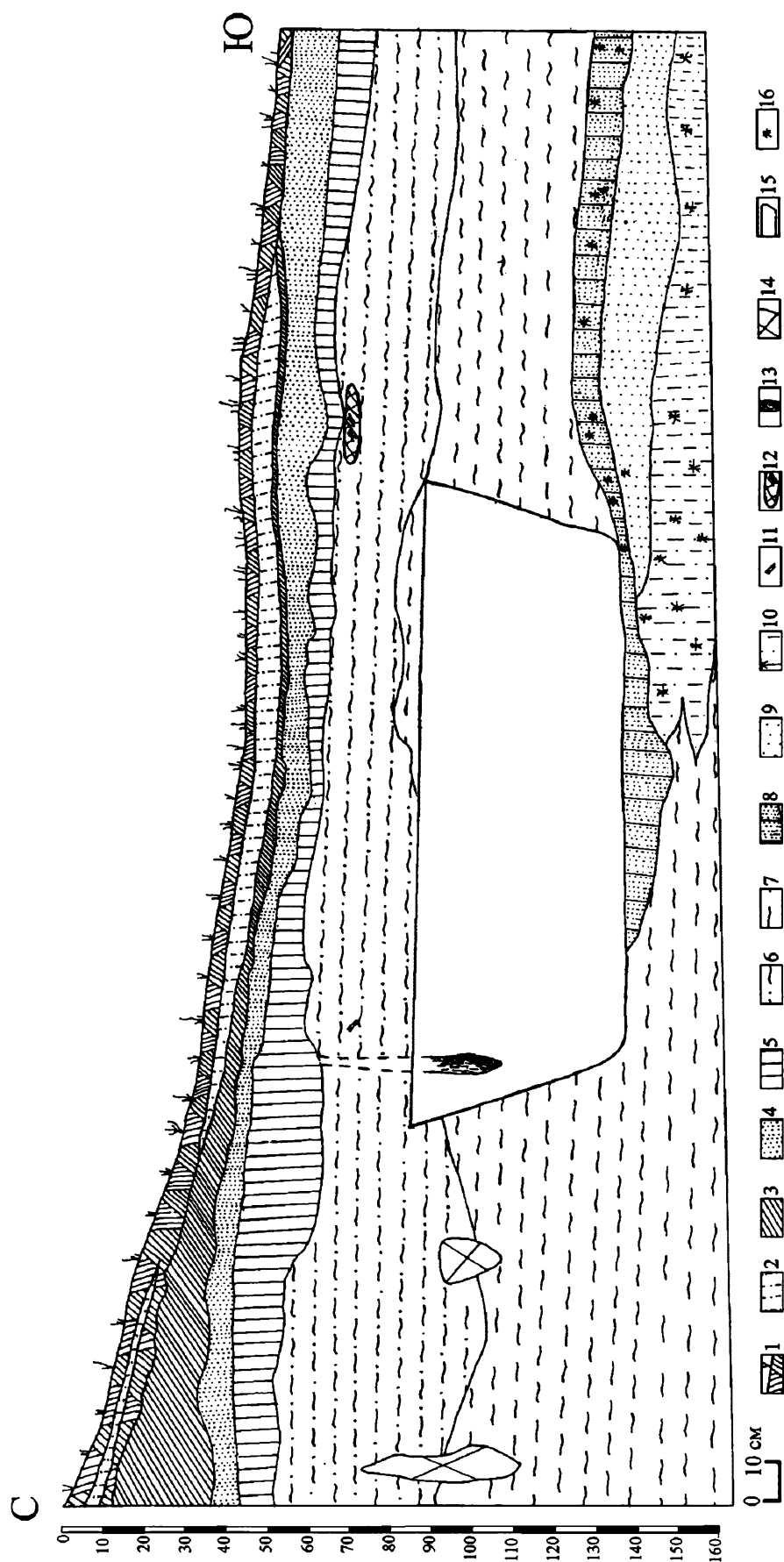

Рис. 1. Фофановский могильник. Стратиграфия восточной стенки раскопа, профиль погребения (2007 г.). 1 – дерн; 2 – лессовидная супесь светло-коричневая с желтоватым оттенком; 3 – гумусированная супесь темно-коричневая; 4 – мелкозернистый песок светло-коричневый; 5 – супесь плотная темно-коричневая с углистыми примазками; 6 – супесь светло-коричневая с рыжеватым оттенком; 7 – супесь светло-коричневая; 8 – прослой мелкозернистого песка светло-коричневого, карбонатизированного; 9 – прослой среднезернистого песка светлого-коричневого с желтоватым оттенком; 10 – прослой среднезернистого песка, светло-коричневого, карбонатизированного; 11 – неопределимая мелкая кость; 12 – пятно охры; 13 – остатки дерева; 14 – кротовина; 15 – границы могильной ямы; 16 – карбонатизация; 17 – прокалина

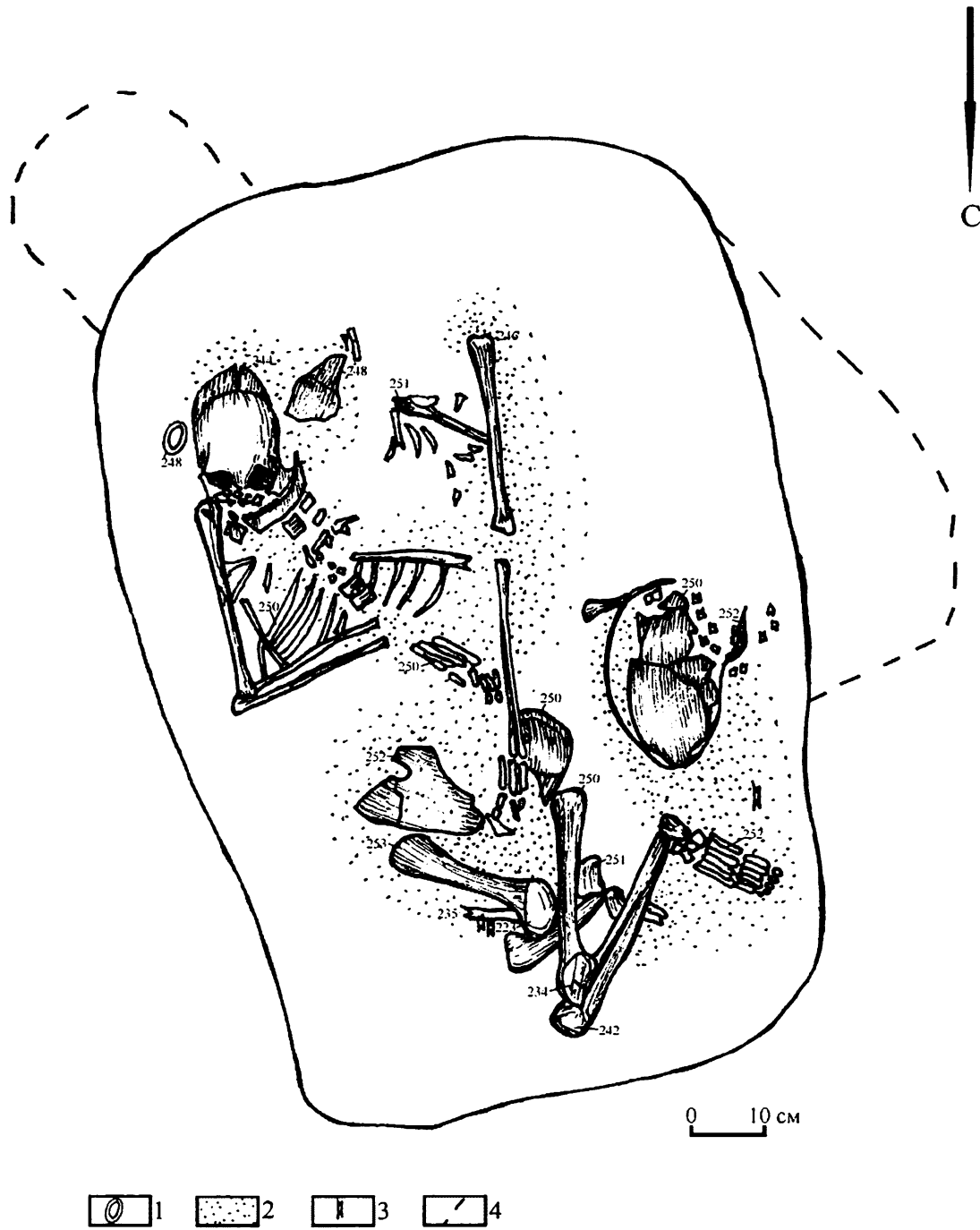

Рис. 2. Фофановский могильник. План погребения (2007 г.).
 1 – кольцо из перламутра; 2 – охра; 3 – неопределимая кость; 4 – кротовина

Сопроводительный инвентарь. Слева около височной части головы умершего обнаружено разрушившееся кольцо из перламутра (рис. 2), с размерами: диаметр – 3,5 см; ширина – 0,4–0,5 см; толщина – 0,2–0,3 см.

На основании сравнительного анализа исследуемого захоронения с могилами Фофановского могильника отмечается близость к китайским погребениям (отсутствие надмогильных и внутримогильных сооружений, засыпка охрой, юго-восточная ориентировка, положение умершего на спине с согнутыми ногами, наличие в погребении «чужих» костей, изделие из перламутра) (Герасимов, Черных, 1975; Базалийский, 1998).

4,5% обезглавленных погребений Фофановского могильника свидетельствуют об особом отношении к голове. В 30% погребений могильника, так же как и в вышеописанном, наблюдается присутствие отдельных частей тела. Но следует подчеркнуть, что наличие «чужого» черепа впервые фиксируется на исследуемом могильнике и является уникальным признаком для фофановских погребений, равно как и погребений неолита Байкальского региона в целом.

Отнесение описанного погребения к китайским (раннеолитическим) также подтверждается радиоуглеродной датой, полученной по кости, – 6800±180 л. н. (СОАН-7183). Калиброванный (по технологии: Stuiver et al., 1993) календарный возраст приведенной даты примерно 5879–5558 гг. до н.э. (калибровка даты любезно выполнена Л.А. Орловой, к. г.-м. н., с.н.с. ИГМ СО РАН).

В целом в результате широкомасштабных полевых работ на Фофановском могильнике, начавшихся в 1931 г., раскопано более 100 погребений (Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008). Несмотря на это, следует отметить недостаточную изученность материалов этих погребений. Методами антропологии и радиоуглеродного датирования изучена лишь часть костных материалов (Герасимова,

1991. С. 97–111; Мамонова, Сулержицкий, 1989. С. 15–20). Из-за недостаточности сведений остается открытым вопрос о культурно-хронологическом соотношении группы III погребений исследуемого могильника.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 06-01-00466а).

Базалийский В.И., 1998. К проблеме пространственной и хронологической интерпретации погребений эпохи раннего неолита на территории Байкальской Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. 2.

Герасимов М.М., Черных Е.Н., 1975. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л.

Герасимов М.М., 1991. Черепа Фофановского могильника (р. Селенга) // Древности Байкала. Иркутск.

Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П., 2001. Фофановский могильник: материалы 1987–89 и 1996 года // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул.

Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П., 2008. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д., 1986. Возраст некоторых неолитических и энеолитических погребений Прибайкалья по радиоуглеродным данным // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. Иркутск.

Окладников А.П., 1928. Следы доисторических культур на севере Селенгинской Даурии // Северная Азия. № 3.

Окладников А.П., 1955. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 3 // МИА. № 43.

Stuiver M., Reimer P.J., 1993. Extended ¹⁴C database and revised CALIB 3.0 ¹⁴C age calibration program // Radiocarbon. Vol. 35. № 1.

А.В. Загорулько

Институт Наследия, Москва

Специфика жилых комплексов старокитобойной культуры

Название старокитобойная культура (Old Whaling) закрепилось за археологическим комплексом, впервые обнаруженным на памятнике Кейп Крузенштерн (п-ов Сьюарда, Аляска), расположенном в зоне Берингова пролива. Комплекс датируется

концом II – началом I тыс. до н. э. От предшествующих культур, относящихся к комплексу Денби, он отличался наличием находок, свидетельствующих об ориентации на морскую охоту (поворотный гарпун с концевым копьем). Кроме того, там были

найлены кости китообразных, что и отразилось в названии данного комплекса.

Аналогичные концевые копыца и выемчатые наконечники были обнаружены на территории Чукотки (Чертов овраг, Уненен), однако жилищные комплексы были раскопаны только на Кейп Крузенштерн. Всего вскрыто 10 жилищ, 5 из которых, углубленные, интерпретировались как зимние. Глубина котлована – около 80 см, размеры (большой камеры) – 6 x 7 м, форма подпрямоугольная; два жилища включали дополнительные камеры. В жилищах четко выделялся входной коридор, пол которого был на одном уровне. По краю жилищного котлована зафиксированы многочисленные ямки от небольших столбов или слег, вбитых в гальку под небольшим наклоном – от нескольких до 45°. В центре большого помещения обнаружены 4 ямы от больших опорных столбов – видимо, следы столбовой конструкции. Несмотря на сходство внутренней планировки с жилищами древнеэскимосских (вход-коридор, боковые камеры) и ипиутакских жилищных комплексов (углубленная центральная часть, четырехстолбовая конструкция в центре), такие особенности, как стены из вбитых в гальку жердей, отсутствие «ловушки для холода» во входном коридоре, подпрямоугольная форма котлована, свидетельствуют о своеобразии жилищ этого культурного комплекса.

Наряду с углубленными жилищами на памятнике Кейп Крузенштерн обнаружены следы наземных жилищ, которые интерпретировались как летние. Это были однокамерные сооружения подпрямоугольной формы, размерами в среднем 6 x 7 м, в некоторых имелись следы от столбов или подпорок. Входного коридора не было, хотя вход почти во всех четко обозначен (Giddings, Anderson, 1986. С. 231–238).

В более поздних исследованиях жилища старокитовой культуры интерпретировались по-другому: их относили хотя и к одному культурному комплексу, но к разным периодам заселения. Исследователи отмечали сезонный характер заселения. Зимние жилища ассоциировались с морским промыслом тюленей и нерпы, летние – с охотой на оленей-карибу. Хронологическая последовательность: наземные жилища – углубленные жилища – наземные жилища – палаткообразные жилища (Darwent, Darwent, 2005. P. 143)

В периоды продолжительного заселения сооружались углубленные жилища, кратковременные стоянки маркировались слабоуглубленными. Поскольку в пяти так называемых «летних» жилищах почти не обнаружено следов вбитых столбов-жердей и четырехстолбовой конструкции, скорее всего их каркас представлял собой связанные верхними концами

легкие жерди, не углубленные в землю. В углубленных жилищах нижние концы более крупных жердей вбивали в землю, а верхние клали на перекрытия четырехстолбовой конструкции. Чем покрывалась крыша, неясно, следов кусков дерна (как в древнеэскимосских жилищах) обнаружено не было. Такие сооружения типологически напоминают «чандалы» юкагиров.

К XIX в. юкагиры жили либо в круглогодичных коническо-цилиндрических чумах (тундровые юкагиры), либо в конических чумах летом, а в срубных домах (сруб размерами 3 x 3 x 2 м) – зимой (таежные юкагиры). Конический чум является наиболее архаичным типом жилища. Основу каркаса составляли 2 пары жердей, соединенных вверху штыревым способом; затем по диаметру жилища (5–8 м) вкапывали треноги (тундровые юкагиры по периметру вертикально ставили колья, соединенные перекладинами), на которые опирались нижние концы жердей меньшего размера. Верхние концы жердей клали на соединение двух пар основных жердей. У таежных юкагиров верхние половины основных жердей соединялись перекладинами, на которые опирались малые жерди.

Несмотря на то что в XIX в. зимой юкагиры жили в срубных постройках, русский путешественник Ф.П. Врангель упоминал о следах полуподземных жилищ в устьях рек Яны, Индигирки, на Медвежьих и Новосибирских о-вах. Следы таких жилищ сохранились до нашего времени. Местное население (русско-устыинцы, юкагиры) называют их «чандалы». В основном «чандалы» располагались в устьях рек или проток, вдоль реки. Стационарность жилищ тесно связана с удобством места для рыболовства и поковки оленей при их переходе через реку. Иногда встречаются остатки «чандалов» около озер (оз. Толота).

«Чандалы» представляли собой наземные сооружения из плавника. Бревна каркаса ставили комлями вверх. «Чандалы» можно разделить на два типа – круглые и овальные. В первом случае каркас напоминал остов конического чума: на основу из двух пар жердей, соединенных штыревым способом, вверху клались остальные жерди. При сооружении овального «чандала» основу каркаса составляли три бревна, два из которых ставили корнями вверх, таким образом соединяя их в верхней части. На такое соединение клали верхний конец третьего длинного бревна. Затем к остову пристраивались в два ряда другие жерди и бревна, стоящие под наклоном в 70–75°. Размеры овальных «чандалов»: в одном случае – длина 9 м, ширина 7,5 м, площадь 68,8 м²; в другом – длина 7 м, ширина 5,5 м, площадь 38,5 м². Размеры округлых «чандалов»: длина 6,5 м, шири-

на 5,7 м. При раскопках с внешней стороны остова округлого «чандала» было обнаружено 72 обрубка, из них 37 с корнями. При сооружении стен стволы с корнями и без корней чередовались для большей устойчивости и жесткости всей конструкции.

Сверху стены обкладывались дерном, который поддерживался снизу корнями деревьев. «Чандалы» позднего времени похожи на конические чумы. В ранних «чандалах» поперечные перекладыны в верхней половине основных жердей поддерживались снизу корнями более коротких жердей, а в поздних – поперечные бревна клались «в лапу». Изменение путей миграций оленей и истощение рыбных ресурсов привело к исчезновению этих стационарных юкагирских поселений (Юкагиры... 1975. С. 73).

Взаимосвязь постоянные – временные жилища интересна тем, что нередко, при условии относительной этнической изоляции, в конструкции летних постоянных или временных жилищ можно проследить рудиментарный облик тех элементов конструкции, которые впоследствии развились в зимних стационарных жилищах. Условия жизни, суровый климат предопределили некоторые универсальные элементы жилищ, развивающиеся примерно одинаково у

некоторых эколого-хозяйственных групп населения со сходным образом жизни.

Необходимо отметить, что хотя переход одной формы жилища в другую, несомненно, отражает изменение культурного контекста, но в каждом конкретном случае содержание этих процессов может быть различным (смена типа хозяйства, смена сезонности хозяйственной деятельности, изменение образа жизни и т. д.).

Таким образом, на примере жилищ старокитобойной культуры можно проследить нелинейный процесс морской адаптации в зоне Берингова пролива.

Юкагиры (историко-этнографический очерк). Новосибирск, 1975

Darwent J., Darwent Ch., 2005. Occupational history of the Old Whaling site at Cape Krusenstern, Alaska // Alaska Journal of Anthropology. 3 (2).

Giddings J.L., Anderson D., 1986. Beach Ridge Archaeology of Cape Krusenstern: Eskimo and Pre-Eskimo Settlements Around Kotzebue Sound, Alaska. Washington, D.C.

Lee M., Reinhart G.A., 2003. Eskimo Architecture. Fairbanks.

Г.И. Зайцева

Институт истории материальной культуры РАН

В.В. Скрипкин, Н.Н. Ковалюх

Институт геохимии окружающей среды НАН Украины, Киев

А.А. Выборнов

Самарский педагогический университет

П.М. Долуханов

Университет г. Ньюкасл, Великобритания

Г. Поснерт

Университет г. Упсала, Швеция

Радиоуглеродное датирование керамики памятников неолита Евразии: проблемы и перспективы*

Введение. Керамика является одним из важнейших артефактов при археологическом датировании культур и памятников неолита. Естественно, важно определить время производства и использования керамики, что возможно только с использованием естественнонаучных методов, главным из которых по-прежнему является радиоуглеродный анализ. Для неолита южных областей России керамика часто яв-

ляется единственным материалом для датирования, т. к. другие органические материалы в памятнике не сохраняются. В частности, это справедливо для елшанской культуры. Поэтому получение достоверных дат на основе датирования керамики является исключительно актуальной проблемой.

Радиоуглерод в керамике может содержаться как в глиняной массе, так и в остатках пищи на стенках

сосудов. Последние являются идеальным материалом, т. к. четко привязаны к датируемому событию, т. е. ко времени использования керамики (Timofeev, Zaitseva, Possnert, 1995). Однако в самой глиняной массе керамики также присутствует органический материал. Тема пригодности его для датирования и достоверность полученных дат обсуждаются в течение нескольких лет (Bonsail, Cook et al., 2002). Главным вопросом здесь является происхождение органического вещества. В глиняных отложениях могут быть примеси органики геологического происхождения. Кроме того, при формировании глиняной массы различные углеродсодержащие вещества могут быть добавлены для улучшения ее характеристик. К таким добавкам относятся озерно-речные отложения, трава, навоз, раковины, яичная скорлупа и др. Иногда общее содержание органического вещества в керамике может достигать 8%, и в этом случае для датирования может быть использован конвенциональный метод. Остается главный вопрос – о достоверности полученных дат.

В течение последних лет в Киевской радиоуглеродной лаборатории проводятся методические исследования, связанные с датированием органического вещества керамики традиционным конвенциональным методом.

Целью настоящей работы является уточнение хронологии ранних памятников неолита путем датирования керамики. Для этих целей был усовершенствован конвенциональный метод в радиоуглеродной лаборатории г. Киева (Украина), получена серия дат как по керамике, так и по костному материалу, получены радиоуглеродные даты из разных фракций органического вещества керамики как конвенциональным, так и методом ускорительной масс-спектрометрии в лаборатории г. Упсала, выработаны подходы к датированию керамики с целью получения достоверных дат.

Основы метода. Углерод археологической керамики можно разделить на три основные группы:

1) углерод, находившийся в исходной природной глине в виде карбонатов и органических веществ;

2) углерод, внесенный человеком при производстве керамических изделий в виде навоза, измельченной травы и отходов зерна. Иногда в глинистую массу добавляли измельченные раковины моллюсков. К датирующей фракции общего углерода следует отнести пригары и нагары на столовой керамике. При готовке пищи на внутренней стороне горшка образовывался прочный слой углеродсодержащего вещества, состоящий из жиров, белков и др. Эти вещества частично проникали в пористую структуру сосуда и при приготовлении пищи обугливались, образуя нагары;

3) углерод почвенной органики, абсорбированной на керамической матрице. Во время нахождения в почве пористая или трещиноватая структура обломков керамических изделий абсорбирует водорастворимую органику, имеющую отличный от исходной органики возраст. Особенностью миграции водорастворимой органики является факт одновременного соосаждения ее с аморфной окисью кремния.

Учитывая вышеперечисленные факторы, особое внимание необходимо уделять первичной химической обработке исследуемых образцов. На этой стадии решается важная и противоречивая задача: максимально полное удаление привнесенной органики и вредных примесей с одновременным сохранением максимально возможного количества исходного углерода.

Из керамического материала перед обработкой выделяются видимые под микроскопом включения – трава, раковины, – которые затем датируются методом AMS.

В Киевской лаборатории института геохимии окружающей среды разработаны методы химической подготовки керамического материала и синтеза счетной формы (Skripkin, Kovalyukh, 1998).

Результаты и обсуждение. Поскольку памятники неолита южных регионов России показывают самый ранний радиоуглеродный возраст, именно на их датирование было обращено внимание.

Насколько достоверны данные, полученные по органическому веществу керамики? Чтобы ответить на этот вопрос, из органического вещества керамики памятника Тентексор I были выделены различные фракции и датированы методом AMS в лаборатории Университета г. Упсала. Под микроскопом из черного органического вещества керамики был выделен фрагмент раковин, а черная масса из внутренней части керамики была обработана растворами HCl и HF. Все фракции были датированы методом AMS. Возраст раковины составил 7235 ± 45 BP (Ua-35226) при значении $\delta^{13}\text{C} = -13,3\%$. Образец органического вещества керамики после обработки растворами кислот имел дату 6695 ± 40 BP (Ua-35227) при значении $\delta^{13}\text{C} = -27,7\%$. Для этого же материала в лаборатории г. Киева получена дата 6630 ± 80 BP (Ki-14137). При этом образец керамики подвергался механической обработке и измельчался до мелкогранулированного состояния. Химическая обработка раствором 2% HF осуществлялась в ультразвуковом поле. При такой обработке карбонаты и силикаты разрушаются практически полностью, к тому же удаляются и абсорбированные на этих компонентах керамики гуминовые кислоты, липиды и белки микробиологического происхождения. По-

сле тщательной промывки и сушки при температуре 150–180° С материал тонко измельчается и используется для получения карбида лития методом «вакуумного пиролиза».

Как можно видеть, даты, полученные в Киеве и Упсале, различаются лишь в пределах статистической погрешности. Можно с определенной уверенностью предположить, что уголь из очага проникает в керамику и при его датировании может быть получен возраст самой керамики.

Разница между возрастом, полученным по раковине и по органическому углероду керамики, составляет примерно 550 лет. Таким образом, можно допустить, что резервуарный эффект равняется примерно 500 годам.

Иногда для изготовления керамики применяются добавки в виде илов. При обжиге керамики они обугливаются и входят в состав углерода, который датируется. Сами озерные отложения, илы, часто являются объектами датирования культур, и в данном случае они не могут сильно исказить возраст. Таким образом, неопределенность полученной даты может быть не выше, чем для обычных датируемых материалов, таких как уголь. Это можно видеть и при сравнении дат по углю и керамике памятника Варфоломеевская в нижнем Поволжье: уголь – 6980±200 BP (GIN-6546), керамика – 7080±80 BP (Ki-14110).

Вопрос достоверности дат по органическому веществу очень важен для хронологии памятников неолита Прикаспия, которые открыты не так давно и ранее практически не были датированы. Кроме керамики, для этих памятников нет датирующего материала. Редко имеются остатки сильно деструктурированных костей. Полученная серия ¹⁴C дат па-

мятников Прикаспия (табл. 1) позволяет установить их хронологию и сравнить ее с хронологией памятников раннего неолита соседних территорий юга России.

Судя по полученным датам, неолит Северного Прикаспия уже развивается в начале VIII тыс. до н. э., синхронно с культурой Ракушечного Яра на Дону и елшанской культурой в лесостепном Поволжье (Тимофеев, Зайцева и др., 2004). Каиршакская традиция существует до рубежа VII и VI тыс. до н. э., что хорошо подтверждается серией дат для разных стоянок: Каиршак I – 7230±90; верхний уровень Каиршака III (кость) – 7190±80; Каиршак IV – 7105±90; Буровая 42 – 6920±90.

Полученные радиоуглеродные определения позволяют конкретизировать взаимодействия между культурами как внутри области, так и с сопредельными регионами.

* Исследование выполняется при поддержке гранта Евросоюза (F6 European Project FEPRE) № 028192.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Долуханов П.М., Шукуров А.М., 2004. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб.

Bonsail C., Cook G., Manson J.L., Saderson D., 2002. Direct dating of Neolithic pottery: progress and prospects // Documenta Praehistorica. XXIX.

Skripkin V.V., Kovalyukh N.N., 1998. Recent developments in the procedures used at the SSCER Laboratory for the routine preparation of lithium carbide // Radiocarbon. 40.

Timofeev V.I., Zaitseva G.I., Possnert G., 1995. Neolithic ceramic chronology in the South-Eastern Baltic area in view of ¹⁴C dating // Fornvännen. 90.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты некоторых памятников неолита Прикаспия, полученные по керамике

№	Название памятника	Дата BP	Лабораторный индекс	Калиброванный календарный возраст cal. BC (1σ)
1.	Каиршак III	7950±90	Ki-14133	7040–6690
2.	Каиршак III	7890±90	Ki-14097	7030–6640
3.	Каиршак III	7780±90	Ki-14471	6690–6470
4.	Каиршак III	7740±70	Ki-14095	6640–6430
5.	Каиршак III	7680±90	Ki-14096	6640–6430
6.	Каиршак I	7230±90	Ki-14094	6220–5990
7.	Каиршак I	7180±90	Ki-14132	6210–5920
8.	Каиршак IV	6960±80	Ki-14440	5970–5730
9.	Каиршак IV	7105±90	Ki-14440	6060–5840
10.	Кугат IV	7680±80	Ki-14501	6600–6440
11.	Кугат IV	7560±90	Ki-14500	6470–6250
12.	Тентексор III	7005±90	Ki-14445	5990–5790
13.	Тентексор I	6640±80	Ki-14101	5630–5480
14.	Тентексор I	6630±80	Ki-14137	5630–5480
15.	Кызылхак	6400±90	Ki-14443	5480–5300
16.	Буровая 42	6920±90	Ki-14444	5890–5710

А.М. Иванищев

ГУК «Дирекция по реставрации и использованию памятников истории и культуры в Вологодской области», Вологда

Памятники раннего неолита Южного Прионежья

Территория Южного Прионежья в границах Вытегорского р-на Вологодской обл. в большей степени тяготеет к Балтийскому региону. Большинство рек, впадающих в Онежское оз. с юга, берут начало на Вепсовской возвышенности и текут на север, образуя водораздел с речной системой, связанной с бассейном Волги. На Андомской возвышенности берут начало реки Андома и Сойда, имеющие одна – самый восточный, другая – самый северный, истоки среди рек Балтийского и Волжского бассейнов. Река Сойда впадает в Кемское оз., откуда вытекает р. Кема, которая через Белое оз. связана с р. Шексной – крупным левым притоком Волги. Гидрологическая сеть позволяет охарактеризовать данную территорию как границу ойкумены Балтийского и Верхневолжского миров.

В докладе представлены ранненеолитические материалы, полученные автором в ходе раскопок в Южном Прионежье в конце 1980–1990-х и в 2000–2006 гг.

История изучения памятников в Южном Прионежье началась с Тудозера, где в 1871 г. у д. Бабовщина известным исследователем Севера, археологом И.С. Поляковым, была открыта первая стоянка неолита на севере России. В 1930–1940-е гг. ряд памятников неолита зафиксирован А.Я. Брюсовым, в 1970-е – Г.А. Панкрушевым. С 1986 г. исследование археологических памятников ведет Вытегорский отряд Северорусской экспедиции под руководством автора.

Памятники неолита наиболее многочисленны в крае. Из 156 памятников и местонахождений на 100 выявлены материалы неолита. Ранненеолитическая керамика – ранняя гребенчатая и сперрингс – происходит из 15 пунктов. На поселениях Тудозеро V и Кемское III, изученных раскопками, культурные слои с ранней гребенчатой керамикой отделены от слоев с керамикой сперрингс. Количество ранненеолитических поселений сопоставимо с мезолитическими стоянками – соответственно 15 и 19.

В эпоху неолита в крае обитали разнокультурные группы населения: носители культур гребенчатой керамики, керамики сперрингс и ямочно-гребенчатой. Невысокий процент совместного залегания культурных слоев неолита и мезолита на одном памятнике, скорее всего, свидетельствует о различном культурно-хозяйственном типе населе-

ния, что, возможно, связано с изменением климата. Группы населения с гребенчатой керамикой были малочисленны и впоследствии могли быть вытеснены или поглощены населением с керамикой сперрингс, памятники которого более многочисленны.

В соответствии с принятой периодизацией неолитических древностей и с учетом радиоуглеродных датировок, наиболее ранними являются памятники с гребенчатой керамикой, выделенные в особую группу памятников типа Тудозеро V. Ранняя дата нижнего слоя с гребенчатой керамикой на Тудозере V – 7240 ± 60 л. н. (ТА-2354) – помещает ее в начало – вторую половину – конец VI тыс. до н. э. Финал этих древностей отражает нижний слой поселения Кемское III, где в комплексе с гребенчатой керамикой в заполнении жилища найден фрагмент сосуда с ямочно-гребенчатой орнаментацией, датирующий начало контактов с населением культур ЯГК на рубеже V–IV тыс. до н. э. (Иванищев, Иванищева, 2000. С. 7–27). Топография раскопанных памятников позволяет говорить об освоении населением различных ландшафтов края. Поселение Тудозеро V привязано к берегу Онежского оз. Поселение Кемское III расположено на одном из внутренних озер. При сравнении поселений по площади, насыщенности слоев артефактами, характеру обнаруженных объектов, можно констатировать наличие стационарных долговременных поселений (Тудозеро V) и временных промысловых стоянок (Кемское III).

На поселении Тудозеро V выявлены два культурных слоя раннего неолита, разделенные стерильной прослойкой и перекрытые балластом желтого песка до 1,5 м. Полученные материалы характеризуют две фазы развития материальной культуры населения южного Прионежья. С ранним этапом на Тудозере V связаны находки из нижнего серого слоя 2. Они приурочены к естественной западине площадью 25 x 20 м и глубиной 2 м, открытой к Онежскому оз. и окруженной с трех сторон возвышениями песчаных дюн. По периметру нижней площадки западины выявлены 7 очагов подпрямоугольной формы, размерами от 2,5 x 1,5 до 1,5 x 1 м, с ямами-золяниками. Часть очагов, возможно, была перекрыта легкими навесами, о чем свидетельствуют многочисленные ямки возле них. Между очагами на дне западины прослежены 3 ямы-хранилища прямоугольной формы (от 1,3 x 2 до 1,5 x 1,5 м), отстоящие друг от друга на 4 и 2 м.

Ямы заполнены чистым желтым песком без находок, вытянуты по линии север – юг и, безусловно, являются принадлежностью долговременно функционировавшего поселения. Основой жизни населения являлись продукты рыболовства. Развиты сетевой и индивидуальный лов, о чем свидетельствуют находки грузил для сетей и лесок. Рядом с некоторыми очагами обнаружены ямки диаметром до 0,15 м и глубиной до 0,4 м, заполненные костями рыб и органикой. В обеспечении населения мясной пищей сохраняла значительную роль охота на лесных животных. На поселении встречены наконечники стрел из кремня и кости. В ритуальной яме в юго-восточной части западины в сосуде с гребенчатой орнаментацией найдены кости бобра и лося (Иванищев, 1996. С. 75–84). Специфика организации жизненного пространства сохранялась и на позднем этапе существования населения. На поселении Кемское III обнаружено прямоугольное жилище каркасно-столбовой конструкции со слегка заглубленным котлованом площадью около 9 м². Внутри постройки выявлены остатки кострища, снаружи – очаг. Рядом с жилищем располагалась хозяйственная яма-хранилище.

Несколько иной характер носят объекты, выявленные на Тудозере в культурном слое второй фазы памятников типа Тудозеро V, связанные со светло-серым неоднородным песком (слой нижний серый 1), перекрывавшим нижний серый слой 2 в западине и распространявшимся за ее пределы. Отмечена концентрация находок в пятнах с более темным заполнением, обильными включениями «размазанной» охры, участками прокаленного грунта с пережженной органикой и большим количеством костей рыб. Вероятно, это остатки легких наземных построек типа чумов с кострищами без включения камней. Постройки отличаются по форме, наличию кострищ. Наиболее вероятна реконструкция трех-четырёх округлых построек диаметром 1,5–2 м и одной квадратной размерами 1,5 м, все, за исключением одной, с одним кострищем в центре.

Отличия, выявленные в характере поселений двух этапов раннего неолита на Тудозере, демонстрирует керамический материал. Для нижнего слоя характерны 4 основные формы сосудов: котловидные полуяйцевидной формы, чашевидные, кубковидные, имеющие варианты, и миниатюрные мисочки. При разнообразии форм, стандартной является манера орнаментации посуды гребенчатыми штампами и естественными орнаментами в технике штампования и накальвания по всей поверхности сосуда повторяющимися вертикальными или наклонными рядами оттисков (Иванищева, Иванищев, 2004. С. 60–69). Разнообразие сосудов нижнего серого слоя 2 демонстрирует широкий ассортимент

посуды, использовавшейся в качестве кухонной, столовой, в других целях. Миниатюрные блюдообразные изделия большинство исследователей считает светильниками-жировиками. Отметим в этом комплексе сосуд с гребенчатой орнаментацией с наибольшим расширением в нижней трети и округлым дном емкостью около 8–10 л, использовавшийся, вероятно, для хранения. Ассортимент посуды вышележащего нижнего серого слоя 1 менее разнообразен, основной формой является полуяйцевидный сосуд средних и крупных размеров, в орнаментации посуды появляются новые элементы – прочерчивание и отступление, характерные для культуры сперрингс развитого этапа. По ¹⁴C этот комплекс датирован второй половиной V тыс. до н. э. Вероятно, этим временем датируется начало активных контактов населения южного Прионежья с создателями керамики сперрингс.

Теоретически, прослеженные на Тудозере изменения могут быть объяснены двумя путями. Учитывая близость технико-типологических характеристик керамических комплексов нижнего серого 2 и нижнего серого 1, можно предположить изменение образа жизни населением под влиянием климата, как это делают коллеги из Карелии (Герман, 2001). Второй путь – признание поочередного заселения данного участка родственными группами населения.

Завершающий этап раннего неолита на Тудозере связан с материалами рыже-желтого слоя, отложившегося после «замыва» западины и распространенного по всей вскрытой площади памятника (более 1000 кв2). В нем выявлены фрагменты ямочной керамики и керамика, близкая сперрингс позднего этапа. В орнаментации последней явно ощущается влияние ямочников, появляется зональное членение композиции поясками конических ямок. Близкий комплекс керамики дает и верхний слой на поселении Кемское III, но там отсутствует ямочная керамика. Опираясь на даты в Карелии для ранних комплексов с ЯГК и поселений позднего этапа сперрингс, датировать их можно рубежом V–IV и первой половиной IV тыс. до н. э.

Герман К.Э., 2001. Памятники с керамикой сперрингс в бассейне Онежского озера: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Иванищев А.М., 1996. Поселение и могильник на Тудозере // Древности Русского Севера. Вологда. Вып. 1.

Иванищев А.М., Иванищева М.В., 2000. Поселение раннего неолита на Кемском озере // ТАС. Вып. 4. Т. 1.

Иванищева М.В., Иванищев А.М., 2004. Хронология памятников раннего неолита южного Прионежья // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб.

М.В. Иванищева

ГУК «Дирекция по реставрации и использованию памятников истории и культуры в Вологодской области», Вологда

Ранний неолит нижнего Посухонья

Река Сухона – одна из крупнейших водных магистралей Северо-Запада России – имеет протяжение 555 км и делится географически на три части: Верхнюю, Среднюю и Нижнюю. Бассейн нижней Сухоны включает территории современных Нюксенского и Великоустюгского р-нов Вологодской обл.

Памятники неолитической эпохи в бассейне нижней Сухоны малочисленны и целенаправленными раскопками до наших работ не исследовались. Коллекции подъемного материала, включающие неолитическую ямочно-гребенчатую керамику, известны в 12 пунктах, в 4 пунктах неолитическая керамика выявлена в ходе раскопок как сопутствующий материал.

Первые достоверные материалы раннего неолита в регионе получены в ходе предпринятых нами раскопок многослойного поселения Березовая Слободка II–III и поселения эпохи неолита Березовая Слободка VI в Нюксенском р-не.

Оба памятника приурочены к древнему останцу справа от устья р. Уфтюги – левого притока Сухоны, на левом берегу которой располагается д. Березовая Слободка, и отстоят друг от друга на 1 км.

Материалы ранненеолитического времени на поселении Березовая Слободка II–III связаны с разнохарактерными объектами на различных участках многослойного поселения. В юго-западной части площадки памятника в неолитическом слое выявлено жилище и прилегающая к нему хозяйственная яма. Жилище прямоугольной формы, вытянутое по линии север – юг, имело размеры 9,5 x 6,5 м и два выхода по длинным сторонам. Два отопительных устройства располагались у восточной стенки сооружения, перед выходом к реке. В жилище и хозяйственной яме найдены фрагменты не менее чем 6 сосудов. Реконструируются небольшие, тонкостенные (0,5–0,8 см), диаметром 18–20 см, баночные сосуды с прямым, утонченным и слегка отогнутым венчиком; с плоским, чуть меньшего, чем венчик, размером. Найдено одно приостренное донце. Поверхность сосудов залощена, орнамент разреженный, нанесен ямчатыми вдавлениями и точечными наколами в верхней части двух сосудов.

В прибрежной части памятника выявлены два культурных слоя с накольчатой керамикой, разделенные глинистой прослойкой. Керамика культурного слоя I малоинформативна в силу значительной

измельченности, хотя ее тип как накольчатой определяется без особого труда.

В культурном слое 2 выявлен очаг, возле которого располагался развал плоскодонного сосуда с накольчатой орнаментацией, и кострище в некотором отдалении от него. Исследованные объекты датированы по углю радиоуглеродным методом и имеют даты 7340 ± 200 (ЛЕ-6713) и 7340 ± 90 (ЛЕ-6707) соответственно. Керамика представлена фрагментами тонкостенных сосудов с примесью шамота в тесте, с утонченными и прямыми венчиками; орнаментирована округлыми вдавлениями (рис. 1). Каменный инвентарь слоя 2 – наконечник стрелы на неправильной пластине, остря на отщепках, тесловидное орудие из кремня, микроскобель, орудие (наконечник?) с плоской вентральной обработкой, рубящие из сланца, ножи с краевой ретушью на пластинах – соответствует набору инвентаря культурного слоя 1, но более архаичен по технике обработки (Иванищева, 2006. С. 85–105).

На поселении эпохи неолита Березовая Слободка VI выявлен чистый комплекс ранненеолитического времени. Раскопом (84 м²) исследовано трехкамерное жилище (или три постройки, соединенные переходами, площадью 7,5; 14,5; и 28 м²) столбовой конструкции, слегка заглубленное в грунт и имевшее два выхода. В нем выявлены очаги, скопления керамики, рабочая площадка. Керамика поселения Березовая Слободка VI (не менее 20 сосудов) изготовлена из теста с примесью шамота, вся плоскодонная. Представлены баночные и горшковидные (с плоско-вогнутыми донцами) формы. Разреженный орнамент из округлых, точечных и подтреугольных наколов располагался по зоне венчика и редко в придонной части. Каменный инвентарь, отражающий по составу производственно-промысловый характер поселения, имеет переходный характер в технике обработки. Мезолитические традиции сохраняются в использовании вкладышевых орудий, составлявшихся из пластин и сечений, но более коротких и широких, чем в предыдущую эпоху; сохранении техники резцового скола. Новым в технике изготовления орудий является двустороннее ретуширование на ромбических и ланцетовидных наконечниках и неполное вентральное – на треугольно-черешковых наконечниках на пластинах. Неполное двустороннее ретуширование характерно и для ножей, частич-

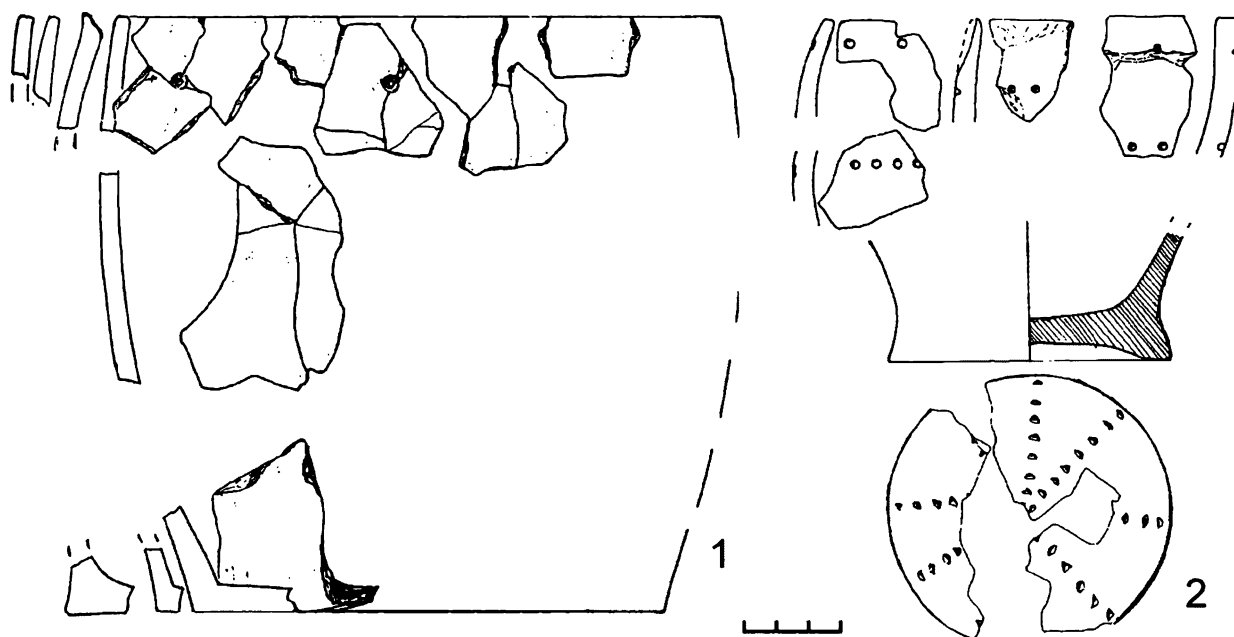

Рис. 1. Накольчатая керамика пос. Березовая Слободка II-III. 1 – из заполнения жилища; 2 – из культурного слоя 2

ная подтека с бруска – для скребков. В наборе инвентаря представлены также рубящие орудия: шлифованные тесла из сланца, кремневые топоры с двусторонней оббивкой и тесловидные орудия из кремня (Иванищева, Иванищев, 2006. С. 287–299). Аналогии в керамическом комплексе материалам Березовой Слободки II–III позволяют считать эти памятники однокультурными.

Накольчатая керамика поселений Березовая Слободка II–III и VI имеет широкий круг аналогий: в чернорборской культуре европейского Северо-Востока, в тычково-накольчатой керамике верхневолжской культуры, в материалах Кошкинской неолитической стоянки на правом берегу Вятки, в первом этапе елшанской культуры лесостепного Волго-Уралья. Везде этот тип керамики признается наиболее ранним, а сопоставление радиоуглеродных данных позволяет говорить о несколько более раннем возрасте ее в лесостепной зоне (Мамонов, 2000. С. 51) и одновременном появлении в лесной полосе (как в центре Русской равнины, так и на севере лесной полосы) около 7 тыс. л. н. (Энговатова, Жилин, Спиридонова, 1998. С. 11–21; Костылева, Зарецкая, 2000. С. 33). Комплекс накольчатой керамики из Березовой Слободки II–III, имеющий глубокую радиоуглеродную датировку, несомненно, относится к периоду освоения гончарства в Нижнем Посухонье. Опираясь на

приведенные аналогии, следует предположить, что процесс неолитизации Посухонья происходил без влияния, а скорее всего в результате, непосредственного присутствия носителей накольчатой гончарной традиции более южных регионов. В то же время, следует признать, что присутствие носителей накольчатой керамики в регионе не было кратковременным, что подтверждается преемственностью поздних форм каменного инвентаря двух исследованных поселений по отношению к ранним.

Иванищева М.В., 2006. Ранний неолит нижнего Посухонья (по материалам раскопок поселений у д. Березовая Слободка) // Археология: история и перспективы. Ярославль.

Иванищева М.В., Иванищев А.М., 2006. Поселение раннего неолита на нижней Сухоне // ТАС. Вып. 6. Т. 1.

Костылева Е.Л., Зарецкая Н.Е., 2000. Новые данные по начальному этапу неолита Волго-Окского междуречья // Хронология неолита Восточной Европы. СПб.

Мамонов А.Е., 2000. Хронологический аспект Елшанской культуры // Хронология неолита Восточной Европы. СПб.

Энговатова А.В., Жилин М.Г., Спиридонова Е.А., 1998. Хронология верхневолжской ранне-неолитической культуры (по материалам многослойных памятников Волго-Окского междуречья) // РА. № 2.

Ким Дже Юн

Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток

Меандровый орнамент поздненеолитической керамики российского Приморья и сопредельных территорий КНДР и КНР

В поздненеолитических культурах российского Приморья, севера КНДР и сопредельных территориях Маньчжурии широко представлена традиция орнаментации керамических сосудов меандрами. В географическом плане памятники, на которых зафиксировано использование этой традиции, могут быть отнесены к двум различным регионам. Первый включает бассейн р. Амнокан и полуостров Ляодун (провинции Цзилинь и Ляонин КНР), второй – бассейн р. Туманная (провинция Северная Хамгён КНДР и южная часть Приморского края РФ). Условно по отношению к территории Корейского полуострова первый регион может быть назван северо-западным, второй – северо-восточным (Ким Дже Юн, 2007).

Согласно археологическим данным, меандр является одной из специфических черт материальной культуры поздненеолитических памятников приграничных районов КНР, КНДР и России.

Происхождение керамики с меандром пока не установлено. Существуют трудности в использовании зарубежных материалов из-за языкового барьера. При подготовке данной работы использовались материалы поздненеолитических памятников, исследовавшихся в разные годы на территории России, КНР и КНДР.

К поздненеолитическим памятникам северо-восточного района, на которых обнаружена керамика с меандром, относятся на территории Северной Кореи Нонпхо (Уёкоуама, 1934), Гомынкэбон (Хван Ги Док, 1962), Сонпхёндон (Лёсида, 1930), Бомый Кусок (Хогок) (Хван Ги Док, 1974), Сопхохан (4 фаза) (Ким Уён Ган, Си Кук Тэ, 1972); на территории Приморья – Анучино-14 (Клюев, Слепцов, 2001), Синий Гай (Бродянский, Крутых, Морева, 2006), Зайсановка-1 (Андреев, 1957), Реттиховка-Геологическая (Коломиец и др., 2002; Ким Дже Юн и др., 2006), Кроуновка 1 (Окладников, Бродянский, 1969), на территории КНР – Кымгок (Бу, 1991), Синьчэн (Институт наследия ...), ряд других памятников (рис. 1).

Характеризуя в общем керамику с меандровым орнаментом, необходимо отметить, что в формах сосудов с памятников северо-западного и северо-восточного регионов наблюдаются различия. Среди

сосудов с меандром северо-западного региона присутствуют сосуды с узким горлом и широким туловом. Сосуды с меандром северо-восточного региона вытянутых по вертикали форма со слегка отогнутым венчиком. На памятнике Сопхохан имеется сосуд цилиндрической формы. По расположению орнамента выделяются сосуды, тулово которых орнаментировано наполовину, более чем наполовину и менее чем наполовину. Среди меандров, обнаруженных в северо-восточном регионе, есть не только ромбовидные и треугольные (как и в северо-западном регионе) формы, но фиксируются квадратные, П-образные и Г-образные. Техника нанесения меандрового орнамента одинакова для обоих районов. Она представлена орнаментальными полосами, образованными двумя прочерченными линиями, внутреннее пространство между которыми заполнено штрихами. Лишь для памятников северо-восточного региона характерно использование оттисков гребенчатого штампа внутри орнаментального пояса.

Характеристика и эволюция меандра северо-восточного региона

Хронологически керамика с меандром с поселений северо-восточного региона может быть разделена на 4 этапа (рис. 2).

К *первому этапу* относится керамика с ромбовидными меандрами (рис. 2: 4), встреченная на памятнике Нонпхо. Вид меандра и орнаментальные приемы этого этапа близки к керамике с меандром северо-западного региона. Эти меандры образованы прочерченными линиями и заполнены штрихами. Для памятника Нонпхо нет абсолютных датировок. Но по аналогии с меандрами верхнего слоя памятника Сяочжушань (п-ов Ляодун) он может быть датирован не позднее II тыс. до н.э.

На *втором этапе* на памятниках северо-восточного района появляются меандры треугольной и квадратной форм, которые эволюционировали из ромбовидных меандров предшествующего этапа. Меандры треугольной формы располагаются до середины тулова, их внутреннее пространство заполнено гребенчатыми оттисками. У квадратных меандров орнаментальные пояса выполнены прочерченными линиями, а их внутреннее пространство заполнено гребенчатыми оттисками или линиями-насечками.

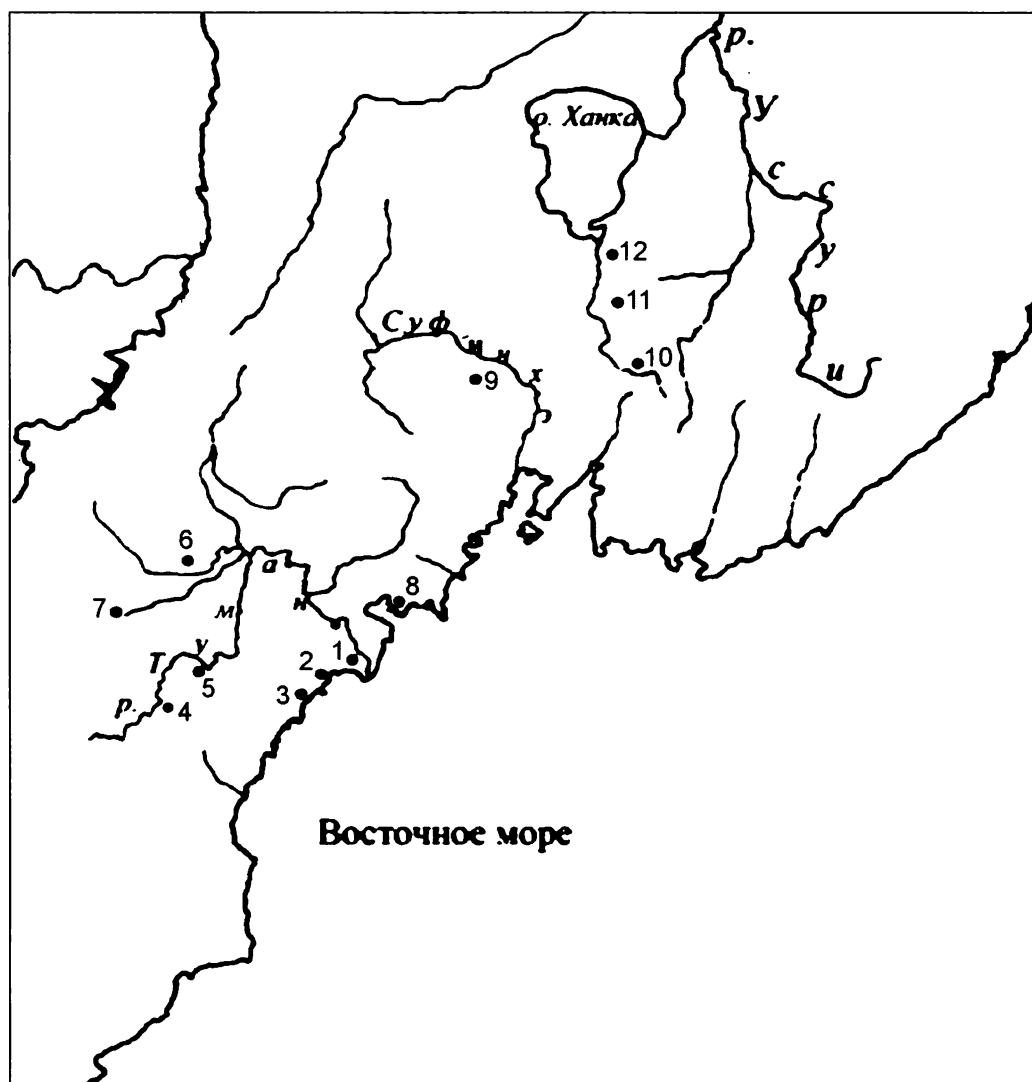

Рис. 1. Памятники, на которых обнаружена керамика с меандром. 1 – Сопхохан; 2 – Сонпхэндон; 3 – Нонпхо; 4 – Бомый Кусок; 5 – Гомынкэбон; 6 – Кымгок; 7 – Синьчэн; 8 – Зайсановка 1; 9 – Кроуновка 1; 10 – Анучино; 11 – Реттиховка-Геологическая; 12 – Синий Гай

Второму этапу соответствуют памятники: Сонпхэндон (1 этап) (рис. 2: 5–7), Нонпхо (2 этап) (рис. 2: 8), Гомынгэбон (рис. 2: 9), памятник Бомый Кусок (12 жилище 1-ой фазы) (рис. 1: 10), Зайсановка-1 (рис. 2: 11–14). Для большинства из этих памятников нет абсолютных дат. Имеются даты для поселения Зайсановка-1: 3972±31 л.н. (NUTA2-5483), 4010±44 л.н. (NUTA2-5282) (Кроуновка 1 Site... Р. 54), датирующие этот этап, рубежом II–III тыс. до н.э.

На *третьем этапе* меандровые орнаменты эволюционируют к П-образной форме, их орнаментальные пояса также образованы прорисованными линиями. Но орнаментом покрыто менее половины поверхности тулова. Такая керамика присутствует на памятниках Зайсановка-1 (рис. 2: 15–19), Кымгок

(рис. 2: 18), Реттиховка-Геологическая (рис. 2: 20). 3-й этап может быть датирован, согласно абсолютным датам, полученным для поселения Реттиховка-Геологическая (раскоп 2004 г.), 3610±80 л.н. (СОАН-6108) (1839–1820 cal B.C.), 3400±100 л.н. (СОАН-6110) (1777–1600 cal B.C.) (Ким Дже Юн и др., 2006), т.е. XVIII в. до н.э. и, по всей видимости, не опускается ниже XVII в. до н.э. Вероятно, в этот период традиция орнаментации керамики меандром из бассейна р. Туманган распространяется в Приморье и сопредельные районы Китая.

На *четвёртом этапе* появляется керамика с меандром, на котором не прорисовывались орнаментальные пояса. Т.е. на этом этапе происходит изменение приемов нанесения этого вида орнамента. Для этого этапа характерен меандр в форме пере-

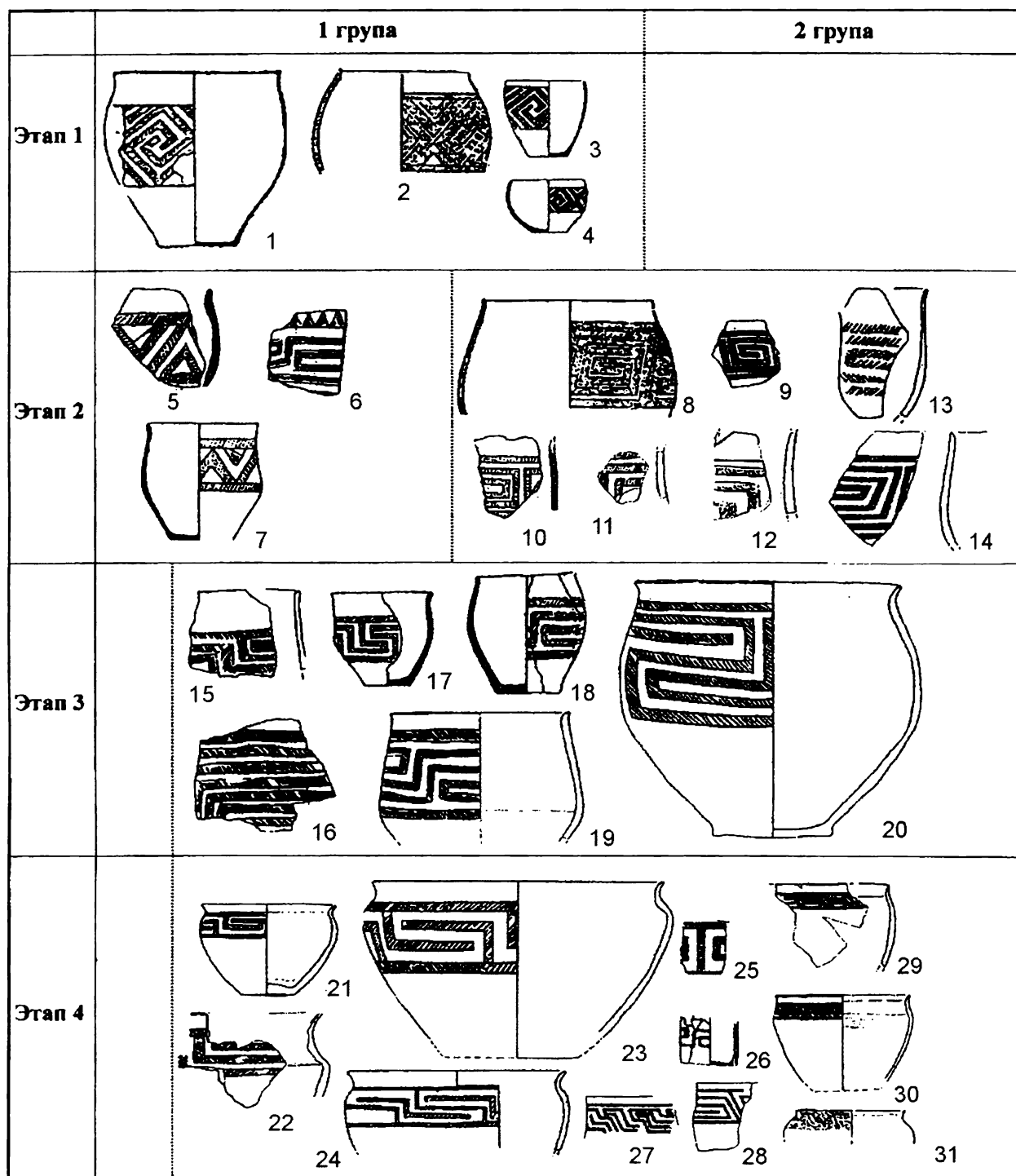

Рис. 2. Эволюция меандрового орнамента. 1–4 – Нонпхо, фаза 1; 5–7 – Сонпхёндон; 8 – Нонпхо, фаза 2; 9 – Гомынкэбон; 10 – Хогок, фаза 1 – 12ж; 15–19 – Зайсановка 1; 18 – Кымгок; 20 – Реттиховка рас. 2004; 21–24 – Реттиховка рас. 2004; 25, 26 – Сопхохан, этап 4; 27, 28 – Кроуновка 1; 29, 30 – Синий Гай; 31 – Ануцино 14 – 2000

вернутой буквы «Г» (рис. 2: 22). Внутреннее пространство орнаментальных полос заполнялось насечками, расположенными в одном и в двух направлениях. Такое исполнение меандра в двух разных направлениях считается более поздним вариантом. Орнаментируется не более половины поверхности тулова сосуда. Формы сосудов этого этапа разнообразны. Как и у сосудов предыдущих этапов их венчик отогнут. Меандры 4-го этапа присутствуют на керамике памятников: Сопхохан (4 фаза) (рис. 2: 25, 26), Реттиховка-Геологическая (рис. 2: 21–24), Синий Гай (рис. 2: 29, 30), Кроуновка-1 (бывш. Чапигу) (рис. 2: 27, 28), Анучино-14 (рис. 2: 31). Для 4-й фазы памятника Сопхохан известна находка керамического сосуда нетипичной для керамики с меандром формы – цилиндрической. Находки сосудов такой формы с меандровым орнаментом пока неизвестны на других памятниках этого этапа. Хотя вид самого меандра с поселения Сопхохан и других памятников этого этапа идентичен. Абсолютные даты известны только для Реттиховки-Геологической (1999 г.) – 3280±45 л.н. (СОАН-4238), 3390±55 л.н. (СОАН-4239), 3310±45 л.н. (СОАН-4239) (Коломиец и др., 2002).

Стоит указать, что существуют локальные различия в распространении разных форм меандра на поселениях северо-восточного района. Так, в бассейне р. Туманган преимущественно распространены меандры ромбовидной, треугольной и квадратной форм. В континентальной части Южного Приморья – меандры квадратной, П-образной и Г-образной форм, вероятно, как результат проникновения из бассейна р. Туманган.

Меандровая керамика, как было отмечено ранее, кроме территории российского Приморья, северо-востока Северной Кореи и южной части китайской провинции Цзилинь, встречается западнее указанного региона. Для понимания происхождения меандровой керамики, ее эволюции и хронологии, а также культурных связей в позднем неолите региона необходимо анализировать материалы памятников этого района.

Андреев Г.И., 1957. Поселение Зайсановка 1 в Приморье // СА. №2.

Бродянский Д.Л., Куртых Е.В., Морева О.Л., 2006. Неолитическая керамика поселений Синий Гай А и Б //

Дальневосточные древности; каменный век, палеометалл, средневековье. Владивосток.

Окладников А.П., Бродянский Д.Л., 1969. Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновка в Приморье // АО 1968 г.

Клюев Н.А., Слепцов И.Ю., 2001. Раскопки поселения Анучино-14 в Приморье в 1999 г. // Шестая Дальневосточная конференция молодых историков: сб. материалов. Владивосток.

Коломиец С.А., Батаршев С.В., Крутых Е.В., 2002. Поселение Реттиховка-Геологическая (хронология, культурная принадлежность) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток.

Krounovka 1 Site in Primorye, Russia: Report of Excavations in 2002 and 2003: Study on the Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia. / E.I. Gelman, M. Komoto, K. Miyamoto, T. Nakamura, H. Obata, E.A. Sergusheva, Y.E. Vostretsov. Kumamoto, 2004.

Ким Дже Юн, Коломиец С.А., Крутых Е.В., 2006. Новый археологический материал переходного времени от позднего неолита к раннему палеометаллу Дальнего Востока по результатам исследования памятника Реттиховка-Геологическая в 2006 г. // 65-летний юбилейный сборник проф. Джён Джин Вон. Пусан (на кор. яз.).

Ким Дже Юн, 2007. Эволюция и хронология меандра в неолите Дальнего Востока // Культурное наследие. № 40 (на кор. яз.).

Ким Уён Ган, Со Гук Тэ, 1972. Исследование древнего памятника Сопхохан // Археология и этнография Северной Кореи. № 4. Пёнуан (на кор. яз.).

Хван Ги Док, 1962. Неолитическая культура в бассейне р. Туман // Культурное наследие. № 62-1. Пёнуан (на кор. яз.).

Хван Ги Док, 1974. Раскопки поселения Вомыгусок // Археология и этнография Северной Кореи. № 6. Пёнуан (на кор. яз.).

Лёсида, 1930. О распространении керамики с гребенчатым орнаментом // Сейку. № 2. (на яп. яз.).

Уёкоама, 1934. О результатах памятника Нонпо // Юбилейный сборник господина Щода. (на яп. яз.).

Институт наследия и археологии провинции Цзилинь. Памятник Синцон, 2001. (на кит. яз.).

Ву Хуй Ли, 1991. Результаты исследования неолитического памятника Кымгок провинции Цзилинь // Вейпан-вэнву. №1 (на кит. яз.).

Т.В. Корниенко

Воронежский государственный педагогический университет

Новые археологические свидетельства «революции символов» в контексте изучения вопросов «неолитической революции»

Появлением в научной литературе такого концептуального понятия как «неолитическая революция» мы, как известно, обязаны английскому исследователю первой половины прошлого века, работавшему в рамках марксистского подхода, В.Г. Чайлду. Он полагал, что в основе изменений поступательного развития человеческих коллективов лежат экономические факторы, подкрепленные другими материальными составляющими. В частности, специфическими отличительными чертами «неолитической революции» им определены появление земледелия и скотоводства, а также керамики. При этом климатические изменения и рост численности населения воспринимались ученым как двойной мотор, двигавший «неолитическую революцию». Появившиеся к середине XX в. археологические данные убедили его в том, что первым очагом развития земледелия в мире стала Передняя Азия, а уже оттуда производящие формы хозяйства распространились и на другие территории.

В своих теоретических построениях Чайлд изначально представлял неолит в связи со сложным комплексом технологических и социальных достижений; видел неолитические общества экономически «самодостаточными» и эффективными «коллективами», «сотовариществами», имевшими «эгалитарный» характер. При этом Чайлд не верил в существование «неолитической религии», а также в возможность существования некой общей «неолитической культуры». Он писал о «бесконечном множестве неолитических культур» (Childe, 1936; 1951; Ламберг-Карловский, 1993).

За прошедшие несколько десятилетий со времен В.Г. Чайлда активно проводящиеся интернациональные археологические работы на Ближнем Востоке расширили и уточнили наше представление о проходившем там длительном, многокомпонентном и действительно революционном во многих отношениях процессе неолитизации. Безусловно, в таких важнейших разделах, как хронология, терминология, выделение и характеристика этапов в социальном, экономическом, а также духовном развитии неолитических обществ, результаты современных исследований значительно отличаются от уровня знаний середины XX в., впрочем, и ныне удивительные па-

мятники неолита Передней Азии зачастую вызывают больше вопросов, нежели дают готовых ответов. Тем не менее, уже имеющиеся в нашем распоряжении археологические данные позволяют говорить о существовании единого культурного пространства, охватывающего неолитические общества Ближнего Востока (в данном случае подразумеваются территории Леванта, Центральной и Юго-Восточной Анатолии, Северной Месопотамии, Северо-Западного Ирана; на разных этапах неолита границы этого ареала менялись), с выделением в рамках этого пространства отдельных регионов (Aurenche, Kozlowski, 1999; Kozlowski, Aurenche, 2005).

Одними из наиболее неожиданных для столь древнего периода человеческой истории (IX–VI тыс. до н. э. – даты калиброванные) открытий стали полученные археологическим путем многочисленные и выразительные свидетельства символического содержания различных категорий предметов. Среди них можно назвать: моделированные с использованием глины, извести, красок, гипса и ракушек, выставлявшиеся в специальных местах человеческие черепа; крупномасштабную антропо- и зооморфную каменную скульптуру; монолитные (до 7 м в высоту и весом до 50 т), часто Т-образные, оформленные в геральдическом или натуралистичном стиле рельефами антропо- и зооморфного содержания известняковые стелы; антропо- и зооморфные статуэтки; каменные полномасштабные маски, изображающие лицо человека, и их миниатюры; тайники (или ритуальные групповые «захоронения») человеческих черепов, а также выполненные в человеческий рост, сделанные из камыша, извести и гипса антропоморфные фигуры и двухголовые бюсты, и многое, многое другое. В комплексе они рисуют захватывающую картину существования традиции организованного отправления культа, в том числе в общественных, специально для этого построенных, сооружениях эпохи раннего (докерамического) неолита.

Большинство современных исследователей убеждено в наличии общей «идеологии»/сложной системы верований и в существовании культурного единства неолитических обществ Ближнего Востока. Некоторые из нас в своих работах делают акцент на рассмотрении локального своеобразия

зия культовых практик на отдельных территориях региона (Hauptmann, 1999; 2000; 2002; Kuijt, 2000; Корниенко, 2006). В то же время, голландский археолог М. Верховен в нескольких публикациях концентрирует внимание на выделении общих характеристик, особенностей развития ритуала и связанных с ним представлений жителей раннеолитических поселений Ближнего Востока. Он делает несколько интересных наблюдений. В частности, выделяет четыре основополагающих принципа в практике отправления ритуалов, а также «идеологии» населения центральных областей Передней Азии эпохи развитого докерамического неолита (PPNB – Pre-pottery Neolithic B): *коллективизм; доминирующий символизм; жизненность*, включающую понятие одомашнивания, привычку к дому, плодородность или плодovitость, жизненную силу, и *связь человек – животное* (Verhoeven, 2002a; 2002b). М. Верховен проводит весьма подробный и полезный комплексный анализ археологических свидетельств существования общей «идеологии» в ближневосточных обществах докерамического неолита, небывалого для времени поздней первобытности развития символических представлений и искусства.

Отмеченные выше сенсационные находки последних 40 лет, а также новейшие данные естественных наук, которые уточнили климатический и природный фон развития процесса неолитизации на примере множества конкретных поселений, привели к кардинальному переосмыслению самой концепции «неолитической революции». Выясняется, что оседлость и, соответственно, организация поселенческой структуры, изменение социальных отношений, рост населения в раннеолитических общинах в целом предшествовали domestикации растений и животных, изготовлению керамики. И с конца 1980 – начала 1990-х гг. широкое научное признание получает теория французского археолога Ж. Ковена, в которой ведущая роль в процессе неолитизации отводится не экономическим или технологическим механизмам, а изменению общественного сознания, или «революции символов» (Cauvin, 1994).

Одной из предоставленных археологией ярких иллюстраций данной теории являются современные исследования Гебекли Тепе. Они были начаты в 1995 г. и осуществляются до сих пор силами немецко-турецкой археологической миссии под началом Г. Хауптманна и К. Шмидта. Широкомасштабные раскопки этого памятника открыли удаленный от обычных поселений, расположенный высоко в горах, вдали от источников воды и кремневого сырья (т. е. неудобный для постоянного проживания человека той эпохи), значительный по площади (диаметр – около 300 м) и содержащий остатки

многих неординарных мегалитических сооружений, межплеменной долговременный ритуальный комплекс эпохи раннего неолита. Такой вывод авторами раскопок был сделан на основании большого количества продуманно организованных в пространстве, а также найденных в переотложенном состоянии, выдающихся объектов символического содержания, отсутствия следов сооружений жилого предназначения, а также ряда других сопутствующих обстоятельств. Геомагнитное картографирование памятника показало, что наряду с четырьмя уже раскопанными мегалитическими сооружениями, содержащими Т-образные, украшенные сложными рельефами стелы, в не тронутых пока лопатой археолога слоях имеются еще не менее 15 подобных конструкций и более 200 стел. Археологи пришли к заключению, что имеют дело с культовым центром/горной святыней, над оформлением которой в течение длительного времени работало несколько поколений людей (PPNA – переходного PPNA/PPNB периодов), представителей племен целого региона, и которая, возможно, еще намного раньше посещалась людьми для совершения культовых действий (Schmidt, 2007). Подобные встреченным в Гебекли Тепе сооружения, в том числе с Т-образными стелами, хорошо известны на других, функционировавших и в более позднее время, памятников Верхней Месопотамии – Чейеню Тепеси, Невали Чори, Жерф эль Ахмара, Телль 'Абра 3. Однако все они представляют собой остатки ординарных раннеолитических поселений с одним или двумя-тремя, функционировавшими в одно и то же время культовыми строениями общественного назначения (Корниенко, 2002; 2004). Жители данных поселений постепенно переходили к производящим формам хозяйства. Интересно, что анализ костей животных и оценка ботанического материала Гебекли Тепе показали отсутствие в них каких-либо признаков одомашнивания. Гебекли Тепе демонстрирует возможность существования крупных межплеменных ритуальных центров еще до утверждения оседлости и производящих форм хозяйства. Помимо религиозной сопричастности, такие центры удовлетворяли потребность представителей разных охотничьих племен в товарообмене и вербальной коммуникации. Всеобщие сборы для особых обрядовых действий, как и собственно грандиозное строительство этого культового центра, приводили к концентрации людей, идей и обмену опытом на определенной территории. С одной стороны, это способствовало выработке новых социальных взаимоотношений, производственной специализации и разделению труда, а с другой – ставило, в конечном итоге, вопрос об обеспечении на значительный период времени большо-

го количества людей питанием, рациональном использовании имеющихся в наличии ресурсов окружающего пространства. Именно такое скопление в течение длительного времени большого количества людей по причине существования древнего межплеменного культового центра, как это иллюстрируют материалы Гебекли Тепе и соседних памятников, в конкретном регионе привели к постепенному установлению контроля человека над природными ресурсами и их воспроизводству.

Можно заключить, что объекты символического содержания, весьма и весьма выразительные, неожиданные во многих отношениях для эпохи докерамического неолита, действительно внесли много нового в понимание механизмов «неолитической революции». Тем не менее, представляется (и об этом уже приходилось писать раньше) верной точка зрения Н.Я. Мерперта о том, что составляющие ее феномены (оседлость, домостроительство, добыча средств существования, репертуар орудий, эволюция технологии, искусство и религия) развивались своими путями еще в доземледельческий период (Мерперт, 2000. С. 66, 67). И только их «воссоединение», создание единой взаимообусловленной системы, знаменовало тот процесс, который мы называем сейчас «неолитической революцией», коренным образом изменившей как экономическую стратегию выживания коллективов, так и все стороны и условия жизни человека.

Корниенко Т.В., 2002. «Храмы» Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита // ВДИ. № 2.

Корниенко Т.В., 2004. Символическое оформление построек раннего докерамического неолита на территории Северной Месопотамии // ВДИ. №2.

Корниенко Т.В., 2006. Первые храмы Месопотамии: Фор-

мирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху. СПб.

Ламберг-Карловский К.В., 1993. Гордон Чайлд и концепция революции // ВДИ. № 4.

Мерперт Н.Я., 2000. Очерки археологии библейских стран. М.

Aurenche O., Kozłowski S.K., 1999. La naissance du Néolithique au Proche Orient ou le paradis perdu. Paris.

Cauvin J., 1994. Naissance des divinités, naissance de l'agriculture: La révolution des symboles au Néolithique. Paris.

Childe V.G., 1936; 1951. Man Makes Himself. London.

Hauptmann H., 1999. The Urfa Region // Neolithic in Turkey: the Cradle of Civilization: New Discoveries. Istanbul.

Hauptmann H., 2000. Ein frühneolithisches Kultbild aus Kommagene // Gottkönige am Euphrat: Neue Ausgrabungen und Forschungen in Kommagene. Mainz.

Hauptmann H., 2002. Upper Mesopotamia in its regional context during the Early Neolithic // The Neolithic of Central Anatolia. Istanbul.

Kozłowski S.K., Aurenche O., 2005. Territories, Boundaries and Cultures in the Neolithic Near East. Oxford.

Kuijt I., 2000. Keeping the peace: ritual, skull caching, and community integration in the Levantine Neolithic // Life in Neolithic Farming Communities: Social Organization, Identity, and Differentiation. New York.

Schmidt K., 2007. Sie bauten ersten Tempel. Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger. Die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. München.

Verhoeven M., 2002a. Ritual and Ideology in the Pre-Pottery Neolithic B of the Levant and Southeast Anatolia // Cambridge Archaeology Journal. № 12.

Verhoeven M., 2002b. Transformations of Society: the Changing Role of Ritual and Symbolism in the PPNB and the PN in the Levant, Syria and South-East Anatolia // Paléorient. Vol. 28/1.

Е.Л. Костылёва, А.В. Уткин

Ивановский государственный университет

Хронология погребального обряда волосовской культуры территории Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья

Хронология поздненеолитических/энеолитических погребений Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья нами построена на общих принципах, принятых в археологических исследованиях. В первую очередь, это данные стратиграфии и радиоуглеродные датировки. Во-вторых, особенности погребального обряда. В-третьих, типология

инвентаря, в частности украшений костюма, и их количественное соотношение. В-четвертых, планиграфическая структура некрополей. И, наконец, в определенной степени, данные по антропологии погребенных.

Базовыми (или опорными) памятниками для разработки культурно-хронологической шкалы погре-

бального обряда региона (да, пожалуй, и всей лесной зоны европейской части России) являются захоронения, открытые на Сахтышских стоянках. Они на сегодняшний день пока самые многочисленные. Скелетные материалы имеют в массе своей удовлетворительную сохранность. Для них получены серии радиоуглеродных датировок, выполненных в двух независимых лабораториях, а краниологические останки достаточно основательно изучены антропологами (Алексеева и др., 1997). Немаловажно и то обстоятельство, что погребения на трех памятниках из пяти раскапывались целенаправленно, т. е. это были не «побочные» объекты, обнаруженные при исследовании культурных слоев стоянок. Д.А. Крайнов при вскрытии новых площадей на двух поселениях (Сахтыш II и VIII) уже «планировал» наличие новых могил, а Сахтыш II совместно с Е.Л. Костылёвой начал копать исключительно из-за погребений, найдя в шурфе две янтарные пуговицы.

Прочие погребальные памятники региона для детального построения хронологии с формальной точки зрения не столь информативны: малое количество захоронений, плохая сохранность костяков (или вообще их полная разрушенность в могилах в силу естественных причин), отсутствие стратиграфии разновременных погребений. Исключением является стоянка Языково I, где погребенные достаточно четко разделяются во времени планиграфически.

Массив волосовских погребений, раскопанных на 32 памятниках (рис. 1), достаточно четко делится на три хронологические группы (Костылёва, Уткин, 1997; эта первая, и пока единственная, периодизация волосовских погребений, изложенная предельно кратко, каких-либо возражений у исследователей не вызвала, по крайней мере в печати). Ранние захоронения выявлены на семи поселениях. На Сахтыше II их было 19. Пять из них по костям скелетов датированы радиоуглеродным методом в диапазоне 4800 ± 200 – 4540 ± 150 л. н. Костяки в массе своей имели относительно хорошую сохранность и залежали в основании волосовского слоя (или чуть ниже его), отложение которого, судя по единственной дате, полученной по углям, началось примерно 4690 ± 190 л. н. (ГИН-5892). В их засыпке присутствовали артефакты только неолитического времени. Аналогичная ситуация зафиксирована и для 10 захоронений на Сахтыше VIII. На стоянках Языково I, Иловец I, Мышецкая, Вашутинская и Лебяжий Бор VI погребения прорезали тонкие горизонты культурных отложений и были углублены в материк на 3–12 см. В засыпке могил помимо черепков неолитической керамики встречались уже и единичные фрагменты волосовской посуды раннего облика. Все погребения

были одиночными. Скелеты (где это было возможно установить) лежали на спине вытянуто. Погребенные группировались в определенные ряды и были ориентированы головами к кромке водоемов (Сахтыш II и VIII, Языково I, Иловец I и Вашутино). Исключение составлял один костяк 25 на первой Языковской стоянке, ориентированный ногами «к воде».

Подавляющая масса захоронений сопровождалась янтарными украшениями. Они присутствовали в 33 погребениях из 49, а их общее количество достигает 1007, что составляет 94,2% от общего количества янтаря из всех волосовских могил региона. Украшения из кости, зубов животных и сланца единичны. Прочие находки – антропоморфные кремневые фигурки и орудия – присутствовали лишь в трех могилах (Мышецкая – 2 экз., Иловец I – 3, и Вашутино – 1).

Ранневолосовским погребениям на трех памятниках синхронны «святилища», состоявшие из глубоких ям и капитальных наземных построек над ними. Время функционирования «святилища» на стоянке Сахтыш II, по радиоуглеродному анализу углей, – 4790 ± 180 л. н. (ГИН-6556), а около 4430 ± 250 л. н. (ГИН-6555) оно было уже заброшено.

Из семи ранневолосовских черепов с Сахтышских поселений, изученных антропологами, пять диагностируются как европеоидные, у двух отмечаются черты большой монголоидной расы.

Поздневолосовские погребения достоверно выделяются на трех памятниках и еще на двух – предположительно. На стоянках Сахтыш II, VIII и Иловец I они представляли собой фактически продолжение погребальной традиции, сложившейся в ранний период. Они также обнаружены в культурном слое, но уже в волосовском; также группировались в ряды и имели ту же ориентацию. Лишь четверо погребенных были ориентированы в ином направлении (Сахтыш II, п. 47, 49, и Сахтыш VIII, п. 24, 35). На стоянке Сахтыш II некоторые поздние погребения перекрывали ранние, одно захоронение было совершено на площади заброшенного «святилища». Двумя поздними могилами оказалось перекрыто и «святилище» на Сахтыше VIII, а двумя (там же) – жилище 5. Причем, жилище 5 прекратило свое существование 4400 ± 60 л. н. (ЛЕ-1327).

Поздние погребения отличаются от ранних количеством и составом украшений. Чуть более 60% их вообще не сопровождалось никакими вещами. В остальных доминировали украшения из сланца, костей и зубов животных. Доля янтарных изделий была мизерной.

Внешний облик поздних волосовцев – европеоидный. Кроме того, среди них выделяется группа с

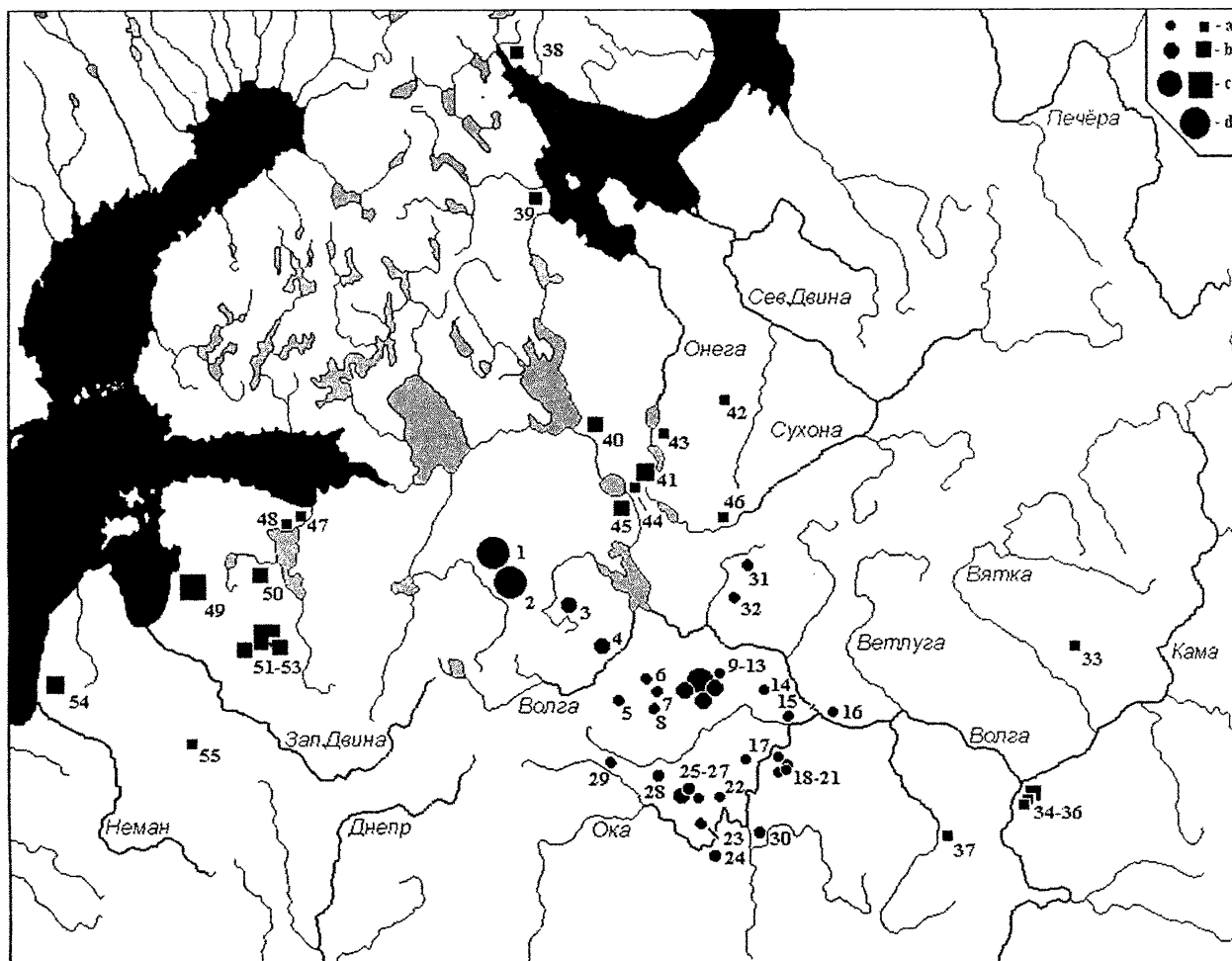

Рис. 1. Карта энеолитических могильников и отдельных погребений на территории лесной зоны Восточной Европы. I. Волосовская культура: 1 – Кончанское, 2 – Репище, 3 – Иловец I, 4 – Языково I, 5 – Замостье V, 6 – Вашутино, 7 – Ивановское VII, 8 – Берендеево I, 9–13 – Сахтыш I, II, III, VII и VIII, 14 – Рыбино-Стрелка I, 15 – Володары, 16 – Жуковская IV, 17 – Панфилово, 18 – Волосово, 19 – Велетьма, 20 – Малое Окулово, 21 – Угольново, 22 – Ибердус II, 23 – Одоевские Фермы I, 24 – Засечье II, 25 – Чёрная Гора, 26 – Владычино, 27 – Шагара I, 28 – Маслово Болото V, 29 – Мышецкая, 30 – Лебяжий Бор VI, 31 – Федоровская, 32 – Водыш. II. Культуры пористой керамики: 33 – Лобань I, 34 – Тенишево, 35 – Ново-Мордовское, 36 – Гулькин Бугор, 37 – Мало-Кокузинское, 38 – Нива X, 39 – Залавруга V, 40 – Тудозеро V, 41 – Каравайха, 42 – Ильинский Остров, 43 – Сухое, 44 – Крохинские Пески, 45 – Каргулино, 46 – Вёкса Вологодская, 47 – Нарва I, 48 – Нарва III, 49 – Звейниeki, 50 – Тамула, 51 – Квапаны, 52 – Крейчи, 53 – Абора I, 54 – Дуонкальнис, 55 – Крятуонас I

умеренно долихокранными грацильными черепами, более характерными уже для эпохи бронзы, в частности, для населения фатьяновской культуры. Монголоидные признаки фиксируются крайне редко и к тому же недостаточно четко.

Радиоуглеродным методом датированы кости фактически только двух поздневолосовских скелетов с Сахтыша IIIA (п. 13A и 35): 4200 ± 240 и 4080 ± 180 л. н. Еще одна радиоуглеродная дата – 4240 ± 160 л. н. (ГИН-6787) – получена по углям из второго «святилища» на этом же памятнике. Т. е. поздневолосовские захоронения мы можем ориентировочно относить к концу третьей – последней четверти III тыс. до н. э.

Финальноволосовские погребения раскопаны на 22 памятниках. На ряде поселений часть их располагалась в оплывших котлованах волосовских жилищ. Особенно в этом плане показательны два захоронения (4 и 6) на стоянке Шагара I, перекрывавшие жилище, которое функционировало около 4310 ± 60 л. н. (ГИН-5467). Структурно могильники финального этапа волосовской культуры отчетливо отличаются от ранних и поздних. В массе своей они не имеют какой-либо логической системы в ориентации покойников. Различны позы погребенных (вытянуто на спине, вытянуто на животе, скорченно на боку) и количество индивидуумов в могилах. Некоторые трупы перед захоронением

были намеренно расчленены (Сахтыш II, Ивановское VII).

Небольшая разрозненная серия черепов с семи могильников в основе своей повторяет поздневолосовский – европеоидный – тип, хотя в строении некоторых отмечаются и завуалированные монголоидные черты.

В подавляющем большинстве финальноволосовские захоронения были безынвентарными. В 35 погребениях из 118 встречены наборы типичных волосовских орудий и украшения из сланца, костей животных, птиц, зубов млекопитающих и янтаря. Среди последних (Сахтыш II, п. 15) полной неожиданностью стал кулон из необработанного куска и две подвески в виде сдавленного цилиндра с отверстиями на концах. Подобные не встречались ранее среди волосовских древностей, но хорошо известны в культурах шнуровой керамики эпохи бронзы (Крайнов, 1972; Krzak, 1961). В том же захоронении расчищены три бочонковидные бусины, абсолютно аналогичные бусинам из коллективной могилы 274–278 могильника Звейниеки, где они сопровождалась парой бронзовых колец (Zagorskis, 1987. Tab. XXX, 7–9, 31, 32). Медные окислы зафиксированы на обломке черепной коробки из погребения 7 на Сахтыше II, а отверстия в костяных бусинах из захоронения 1 на стоянке Жуковская IV, скорее всего, были просверлены бронзовым сверлом.

По радиоуглероду датированы кости только одного погребения (Сахтыш II, п. 18). Труп молодой женщины, предварительно расчлененный, захоронили примерно 4080±60 л. н. (ГИН-5239). Эта датировка как нельзя лучше соотносится с тремя датами по углям из ритуальных костров Сахтыша II, располагавшихся непосредственно возле могил и погасших 3820±40 – 4190±50 л. н.

В целом, временная шкала развития волосовского погребального обряда выстраивается в достаточно логичную цепочку.

Ранняя группа – рядовые могильники с одиночными «янтарными» захоронениями, в которых погребенные лежали на спине, головами к «воде». Они совершены в начале второй – начале третьей четверти III тыс. до н. э.

Вторая группа – аналогичные по структуре некрополи, но покойники сопровождалась уже костяными и каменными (в том числе из серпентина) украшениями. Они относятся к концу третьей – концу последней четверти III тыс. до н. э.

Третья группа – бессистемные кладбища, возникшие в конце последней четверти III и просуществовавшие всю первую четверть II тыс. до н. э. На них трупы хоронили как в индивидуальных могилах, так и в коллективных. С некоторыми телами покойников производили посмертные манипуляции: отрубали головы, части конечностей, перерезали мышцы и т. п. Среди украшений – костяные, каменные (в том числе из серпентина), янтарные – поздних типов.

Алексеева Т.И., Денисова Р.Я., Козловская М.В., Костылёва Е.Л., Крайнов Д.А., Лебединская Г.В., Уткин А.В., Федосова В.Н., 1997. Неолит лесной полосы Восточной Европы: Антропология Сахтышских стоянок. М. Костылёва Е.Л., Уткин А.В., 1997. Волосовские погребения на стоянке Ивановское VII в центральной России // ИАИ. Самара. Вып. 2.

Крайнов Д.А., 1972. Древнейшая история Волго-Окского междуречья: Фатьяновская культура II тыс. до н. э. М. Krzak Z., 1961. Materiały do zjawomości kultury Złockiej. Wrocław; Warszawa; Kraków.

Zagorskis F., 1987. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. Riga.

Н.Ю. Кунгурова

НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края

В.И. Базалийский

*Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН –
Иркутского государственного университета*

А.В. Вебер

Отдел антропологии, Университет Альберты, Эдмонтон, Канада

Костяной инвентарь из погребений могильника Шаманка II (функции и техника изготовления)*

На могильнике Шаманка II (оз. Байкал) исследовано 98 неолитических захоронений (Базалийский и др., 2006). Радиоуглеродные датировки костных материалов позволили определить хронологический период функционирования могильника – 7000–6000 л. н. (Weber et al., 2006). В настоящий момент исследовано 2524 предмета, в число которых не входят украшения. С помощью бинокуляра МБС-10 на предметах были выявлены признаки износа и воздействия на их поверхность. На 1114 артефактах микропризнаков от использования не обнаружено. Остальные изделия связаны с конкретными занятиями и отражают их специализацию. Установлено, что в погребениях находились орудия охоты и рыболовства, скорняжного производства, обработки камня, дерева, кости, серии прочих инструментов.

Предметом исследований является костяной и роговой инвентарь, насчитывающий 1064 экз. Половина изделий не имеет признаков использования. Они принадлежат к определенным техникоморфологическим категориям и важны для оценки техники обработки кости и изготовления из нее предметов быта. Из кости и рога сделаны скребки, шпатели, совочки, игольники, шила и иголки, гарпуны и наконечники стрел, основы для вкладышевых орудий и проникающего оружия, острия, ножи, рубяще-выдавливающие дерево инструменты (клинья), ложки, накладки на луки и прочие снасти, части каких-то креплений с отверстиями, фурнитура. Функции многих предметов не установлены в связи с разрушениями поверхности либо неиспользованием по назначению. Предметы быта изготавливались из трубчатых костей животных и птиц, ребер, лопаток, челюстей животных и рогов марала, грифельных костей.

Группы предметов из кости и рога. Круглые в диаметре *трубчатые кости* (по большей части птиц) использовались в качестве игольников. К этой группе относятся и заготовки (всего 83 экз.). При их изготовлении срезали эпифизы, а срезы скругляли

с помощью абразивной шлифовки. Из трубчатых костей животных изготавливались скребки для обработки кожи. Выделены два вида таких скребков: один – с продольным широким пазом, края которого служили лезвиями для срезания мездренного слоя, другой – продольно расщепленные трубчатые кости с ретушированными краями. Продольные сколы трубчатых костей с удаленными эпифизами использовались в качестве кочедыка, шильев, шпателей, клинков, ножей с пазами, гарпунов. В отдельных случаях трубчатую кость расчленили только в области рабочего участка при формировании долота или острия проколки.

Лопатки животных применялись как скорняжные инструменты и совки. Скорняжные инструменты изготовлены из лопаток, раскроенных по компактному слою, находящемуся между каудальным краем и бугром ости (Бородовский, 1997. С. 68), при этом срезался каудальный край. В любом случае рабочий край инструментов размещался в области компактного слоя лопаток.

Ребра использовались в качестве скорняжных инструментов (7 экз.) и накладок (31 экз.). При изготовлении накладки ребро расщеплялось продольно, а губчатая масса зашлифовывалась с помощью крупнокристаллического, а затем мелкокристаллического абразивов. Установить назначение накладок довольно сложно. По форме и принципу подготовки они близки накладкам на луки эпохи железа. Из узких ребер изготавливали пластины налобных оброчей, скреплявшихся между собой через высверленные отверстия.

Из **челюсти** животного изготовлен скребок. Пазом служил желоб, оставшийся при извлечении зубов и губчатого вещества. Скребок не содержал каменных вкладышевых лезвий, но, судя по слабой степени износа альвеолярной кромки, основная нагрузка при скоблении должна была приходиться на вставные лезвия.

Из **рога** изготовлены рубящие орудия (клинья),

гарпуны, клинки, ножи с пазами, наконечники стрел, узкие накладки на лук, стержни, ложки, неопределенные инструменты с отверстиями для крепления, долотовидные и шпательвидные изделия (45 экз.) и остря (35 экз.), посредники. Большинство изделий без следов использования, но тщательно обработано.

Техника обработки кости и рога. Ведущей техникой при получении заготовок являлось продольное членение кости и рога. В погребениях встречены как отдельные отчленения рога и кости, так и наборы из фрагментов рога (49 экз.): отростков, продольных срезов, иногда вместе с отростками, пластин. Продольное членение рога и кости производилось с помощью резца. Поперечное – техникой подрубания. На заготовках видны фасетки и зарубки, сделанные узким острым лезвием. Следов пиления на роге не обнаружено. Скорее всего, эта техника не использовалась. Обрубание и прорезание производились до губчатой массы. Заготовку отчленяли от рога, а губчатую массу затем сбивали и полностью удаляли. Губчатую массу удаляли при изготовлении ложек. На большей части изделий губчатая масса шлифована абразивом. Найдены изделия с долотовидным, шпательвидным окончанием, изготовленные из продольно снятых с рога закраин и срединных пластин. Изгиб инструментов повторяет конфигурацию рога.

Наблюдения показывают, что прорезание компактной массы рога производилось равномерно по всей длине заготовки на полную глубину, без образования ступенчатости, порошков. Следы прорезания на краях заготовок прямые, непрерывающиеся, распространенные на всю глубину прорези. Это могло достигаться путем размягчения кости и использования резчика из высокопрочного сырья с вязкой структурой, которое не раскрашивалось. При экспериментальном предварительном вымачивании или распаривании рога при высокой температуре удавалось добиться податливости материала, достаточной для того, чтобы одним движением снять стружку (Семёнов, 1957. С.192–194). Предполагаемое использование кислотной среды могло приводить к дальнейшему разрушению структуры кости. Изделия же в погребениях Шаманки II находятся в разной степени сохранности, в том числе и в идеальном состоянии.

К настоящему времени опубликованы результаты исследований по обработке костей (Семёнов, 1957. С. 176–200; Филиппов, 1983. С. 13–44; Бородавский, 1997; Сериков, 2007), из которых следует, что основные принципы обработки кости и получения заготовок были разработаны в палеолите и использовались в последующие эпохи. С.А. Семё-

нов отметил, что приемы техники обработки камня переносились на кость (Семёнов, 1957. С.128). Эту тенденцию мы наблюдаем и на материалах Шаманки II. К обработке кости и рога применены оббивка, ретуширование, скобление, абразивная обработка поверхности, в особенности пористой и губчатой массы, тонкая шлифовка. Шлифовка и выскабливание поверхности предметов заменяли срезание участков кости в ходе формирования изделия и его рабочего края (Семёнов, 1957. С. 194–199). Способ шлифовки камня и кости однороден. Шлифовка образует на поверхности предметов одинаковые грани. С.А. Семёнов нашел этому объяснение в преимущественной шлифовке костяных и каменных вещей на шлифовальной плите (Семёнов, 1957. С. 89, 194).

Инструменты для работы по кости и рогу среди вещей малочисленны, в основном это каменные скобели (13 экз.) и сверло-развертка. Обнаружены каменные резцы, но признаки их использования по кости и мягкому камню близки. Не встречено ножей и пилок с характерным для них износом. В коллекции большое количество абразивных брусочков (88 экз.), которые могли использоваться для подточки как камня, так и костяных изделий.

Выводы. Анализ материалов из раннеолитических погребений могильника Шаманка II позволил нам говорить о принципах обработки кости и рога, о разнообразии их назначения и производственных функциях изделий из них. Техника изготовления и обработки орудий, основанная на использовании свойств кости и рога, включала следующие приемы: выбивку, обрубание, стесывание, вырезание форм заготовок, извлечение губчатой массы, проскабливание, шлифовку поверхности. Подавляющая часть заготовок из кости и рога делалась из продольно расщепленных брусков. Техника снятия заготовок и изготовления предметов в неолитическом производстве близка верхнепалеолитической. Она детально отличается от техники эпохи бронзы и железного века, где фиксируется использование ножа и более совершенных орудий сверления и распиловки (Бородовский, 1997).

* Работа выполнена при поддержке грантов: Совета по Общественным наукам и гуманитарным исследованиям (Канада) № MCRI 412-2005-1004; РФФИ-Байкал № 05-06-97208.

Базалийский В.И., Ливерс А.Р., Хаверкорт К.М., Пежемский Д.В., Тюрин А.А., Туркин Г.В., Вебер А.В., 2006. Раннеолитический комплекс погребений могильника Шаманка II (по материалам раскопок 1998–2003 гг.). // Изв. Лаборатории древних технологий. Иркутск. Вып. 4.

- Бородовский А.П., 1997. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. н. э.). Новосибирск.
- Семёнов С.А., 1957. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) // МИА. № 54.
- Сериков Ю.Б., 2007. Костяные изделия Гаринской палеолитической стоянки (к вопросу о костяной индустрии палеолита Урала) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Иркутск. Т. 2.
- Филиппов А.К., 1983. Проблемы технического формирования орудий труда в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита. Л.
- Weber A.W., Beukens R.R., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Savel'ev N.F., 2006. Radiocarbon dates from Neolithic and Bronze Age hunter-gatherer cemeteries in Cis-Baikal region of Siberia // Radiocarbon. Vol. 48. № 1.

В.М. Лозовский

Сергиево-Посадский государственный музей-заповедник

Технологический аспект изучения каменных индустрий периода перехода от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье

В последнее десятилетие изучение мезолита и раннего неолита Волго-Окского междуречья развивалось очень активно. Исследователями выделены три мезолитические археологические культуры – бутовская, иеневская и рессетинская, идет полемика по поводу выделения еще нескольких культурных единств. Изучение памятников раннеолитической верхневолжской культуры ведется уже больше 30 лет с момента ее выделения Д.А. Крайновым (Крайнов, Хотинский, 1977). На протяжении всего этого периода ведется дискуссия о ее происхождении. Как правило, все исследователи подходят к этому вопросу на основе анализа каменных (в редких случаях костяных и роговых) индустрий формально-типологическим методом. Все современные представления о характере мезолитических и раннеолитической культур региона базируются на анализе инвентаря в основном дюнных стоянок, где сохраняются только каменные изделия. Редкие примеры комплексов кремневых индустрий торфяниковых памятников с хорошей сохранностью органических материалов демонстрируют порой разительное их отличие. Вопрос о том, является ли это отражением культурной или хозяйственной специфики, требует своего разрешения. Еще большую актуальность он приобретает, когда рассматривается проблема перехода от мезолита к неолиту. В рамках одного только сравнительно-типологического метода решить эту проблему, на наш взгляд, затруднительно.

Новый взгляд на уже известные материалы возможен в случае использования метода технологического анализа каменных индустрий, разработан-

ного Е.Ю. Гирей и П.Е. Нехорошевым (Гиря, 1997). Этот метод уже показал прекрасные результаты при изучении палеолитических памятников Русской равнины (Гиря, 1997; Giryа, 1998). Для переходного периода позднего мезолита – раннего неолита в Волго-Окском междуречье методом технологического анализа были изучены материалы стратифицированного памятника Замостье 2. На стоянке были исследованы два позднемезолитических слоя и один раннеолитический (Lozovski, 1996).

Стоянка Замостье 2 располагается в Сергиево-Посадском р-не Московской обл., в 110 км к северо-востоку от Москвы, на левом берегу р. Дубны. Вскрытая в ходе раскопок 1989–1991 и 1995–2000 гг. площадь составляет 144 м². Стратиграфически выделены 2 мезолитических слоя (мощностью 5–10 см каждый), залегающие на глубине 3,5–2,8 м и разделенные стерильной прослойкой. Выше мезолитические слои перекрываются раннеолитическим слоем с верхневолжской керамикой (мощность 15–20 см), который в свою очередь перекрывает погребенная почва с материалами льяловской культуры среднего неолита. Согласно данным естественнонаучных анализов мезолитические слои датируются 7900–7300 л. н., раннеолитический – 7200–6500 л. н. – т. е. в данном случае у нас есть прекрасная возможность проследить развитие культуры от мезолита к неолиту.

Всего в ходе раскопок 1989–1991 гг. в мезолитических слоях найдено около 10000 изделий из камня и около 2500 – из кости. Типологический анализ кремневых индустрий стоянки выявил их несомненное своеобразие и продемонстрировал

отличие от уже известных культурных единств, что выражается в присутствии среди продуктов первичного расщепления большого количества облупней, пренуклеусов, нуклеусов и различных бифасиальных промежуточных форм. Среди изделий с вторичной обработкой отмечается полное отсутствие такой категории, как резцы, и напротив – велик процент комбинированных орудий типа скребок-выемка-острие, при том что собственно скребки различных форм занимают доминирующее положение. Основой заготовки для подавляющего большинства орудий служили отщепы или осколки кремня. Подобная картина прослеживается как в обоих мезолитических слоях, так и в раннеолитическом слое. Единственная новая категория находок, которая появляется в слое с верхневолжской керамикой, – это наконечники стрел, обработанные двусторонней ретушью (тонкие бифасы). Для объяснения подобных феноменов был проведен технологический анализ кремневых комплексов стоянки и трасологическим методом изучено 300 предметов из нижнего и верхнего мезолитических слоев.

Технологический анализ индустрий трех слоев стоянки Замостье 2 позволил проследить развитие технологии производства каменных орудий расщеплением на протяжении достаточно большого отрезка времени. Материалы каждого из слоев демонстрируют своеобразный этап развития единой и сложной (комплексной) технологической традиции, сочетающей в себе производство орудий путем бифасиальной и многогранной оббивки и производство сколов определенного вида – пластин. И из отщепов, и из пластин производились орудия, но орудия сколы либо «устойчивого» типа изготавливались только на отщепках. Основным типом изделий были тесла и топоры, обработка которых завершалась шлифовкой. Отщепы – отходы этого производства – являлись преобладающим видом заготовки для изготовления орудий на сколах.

Крупные пластины были своеобразным derivатом производства рубящих орудий, большинство из них снималось с тех же предметов расщепления, которые в дальнейшем могли быть дооформлены в заготовки топоров или тесел. Собственно производство пластин в индустриях Замостья 2, хотя и было, безусловно, намеренным, неслучайным, носило подчиненный характер. Оно почти целиком входило в технологическую линию производства рубящих и даже их подправки (некоторые готовые шлифованные тесла имеют следы подправки пластинчатыми снятиями).

Отжим мелких пластинчатых сколов представлял собой отдельную технологическую линию. Не-

сомненно, он был связан с производством вкладышей для лезвий составных орудий.

На раннеолитическом этапе развития индустрии, в слое с верхневолжской керамикой, появляется новая технология – производства тонких бифасов – двусторонне обработанных наконечников стрел и копий, ножей и т. д. Ее появление связано с наибольшим регрессом технологий производства пластинчатых заготовок: как крупных пластин – путем удара, так и мелких – путем отжима.

Трасологический анализ, выполненный В.Е. Щеллинским, показал, что нет четкой связи между формой орудия и его функцией: так, например, часть морфологически выраженных скребков и перфораторов оказались по функции резцами. Группа комбинированных орудий скребок-выемка-острие при трасологическом анализе также оказалась неоднородной, часть этих орудий использовалась для строгания твердых материалов, другая часть – в качестве резцов, и у последней группы были выявлены следы от скобления шкуры. Но при этом практически ни одно орудие не выявило полифункциональности, т. е. на всех орудиях были найдены группы следов от использования в одной операции (Лозовская, Лозовский, 2003).

Таким образом, комплексный анализ кремневых индустрий всех трех слоев памятника показал их несомненное родство. Как известно, именно каменные индустрии демонстрируют исследователям консервативность и традиционализм. В данном случае нам удалось проследить, что каменная индустрия мезолитического времени практически осталась неизменной и в раннем неолите, когда появляется такая революционная черта, как керамика. Успешный пример данного исследования, на наш взгляд, позволит применить подобный подход для изучения и других памятников региона, и по-новому осветить уже известные материалы.

Гиря Е.Ю., 1997. Технологический анализ каменных индустрий. СПб.

Гиря Е.Ю., 1997. Технологический анализ каменной индустрии Зарайской стоянки // РА. № 4.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., 1977. Верхневолжская раннеолитическая культура // СА. № 3.

Лозовская О.В., Лозовский В.М., 2003. Типология и функция каменных изделий стоянки Замостье 2 (поздний мезолит – ранний неолит Русской равнины) // АВ. № 10

Girya U., 1998. Blade technology at Kostenki 1/1, Avdevo and Zaraysk / B. Bradley (Co-author) // Восточный гравит. М.

Lozovski V., 1996. Zamostje 2: the Last Prehistoric Hunter-Fishers of the Russian Plain. Ed. CEDARC.

В.А. Манько

Институт археологии НАН Украины, Киев

Н.Н. Ковалюх

Институт окружающей среды НАН Украины, Киев

Вопросы абсолютной хронологии неолита Украины

Настоящая статья посвящена изучению абсолютной хронологии неолита Украины по данным Киевской радиоуглеродной лаборатории Института окружающей среды НАН Украины. В настоящее время в связи с развитием радиоуглеродного метода абсолютного датирования происходит значительный рост базы данных абсолютных дат. Только в Украине в последнее время появилось более сотни новых датировок (Котова, 2002; Манько, 2006), которые значительно изменили наши представления о хронологии неолитических культур, об их соотношении с мезолитическими культурами. Тем не менее, вопрос о начале неолита Украины, его связи с неолитом соседних территорий, оказался не только не решенным, но и еще более запутанным. Возникла проблема, которая требовала немедленного решения, а именно – проблема контекстного анализа полученных данных.

Комплексы неолита Украины далеко не всегда безупречны как источники, часто представляют механическую смесь разновременных материалов в широком хронологическом диапазоне от раннего мезолита до позднего неолита. Можно буквально по пальцам пересчитать стратифицированные комплексы, данные хронологии которых подтверждаются стратиграфическими наблюдениями. По сути, таких памятников в Украине можно указать лишь три: Таш-Аир 1, Каменная Могила 1 и Игрень 8. Также очень мало памятников, которые, будучи нестратифицированными, давали бы культурно однородные материалы. Впрочем, даже когда мы и имеем дело с подобными комплексами, далеко не всегда есть уверенность, что их оценка как «чистых» не является субъективной.

Отсутствие контекстного анализа датировок большинства комплексов украинского неолита, таким образом, грозило создать ситуацию, когда накопление новых данных было бы лишено смысла из-за невозможности сопоставления даты и конкретного культурного явления. Казалось, что ситуация является безвыходной, поскольку большинство материалов, используемых для датирования, были начисто лишены культурного контекста, будучи связанными лишь с ненадежной стратиграфией памятников. Такими материалами, естественно, являлись кости

животных, раковины моллюсков, костный и древесный уголь. Все перечисленные материалы, имея непосредственное отношение к культурному слою памятника, никогда не давали возможности надежно связать конкретное культурное явление с датой в тех случаях, когда накопление культурного слоя связано с многократными посещениями носителей разных культурных традиций. Проблема оказалась настолько серьезной, что казалось, пути ее решения отсутствуют.

Тем не менее, развитие метода радиоуглеродного датирования дало возможность начать поиск новых путей преодоления возникших трудностей. Это было связано с использованием материалов для датирования, несущих не только хронологический, но и культурный контекст. В неолите единственным подобным материалом для датирования могла стать керамика. Керамические изделия, являясь прекрасными резервуарами для сохранения древней органики, часто являются также индикаторами культурных традиций.

Впервые попытки связать керамику и методы абсолютного датирования были предприняты при датировании нижних слоев поселения Ракушечный Яр, когда материалом для датирования стал нагар на стенках горшков. Однако такой метод контекстного датирования имел крайне ограниченную сферу применения, поскольку наличие нагара на керамике в неолитических комплексах является скорее исключением, нежели правилом. Однако в 2000 г. была впервые произведена попытка прямого датирования органики из стенок керамики (по материалам стоянки Старобельск в Луганской обл.).

Изготовление ранней керамики было тесно связано с технологиями, в которых кроме глинистой компоненты для пластичности и прочности использовались примеси органического происхождения (трава, рубленая солома, речной и озерный ил и навоз). Эти органические примеси в тесте керамики были доминирующими и достигали десятков процентов. Содержание углерода в виде включений угля после отжига керамики составляет в большинстве случаев 0,6–2% от общего ее веса. Этот углерод сравнительно хорошо защищен от окисления алюмосиликатной матрицей. Наличие такого типа

керамики создает предпосылки для успешного радиоуглеродного датирования многих археологических комплексов неолитического времени. В этих условиях радиоуглеродное датирование фрагментов керамики является единственным способом достоверного сопоставления полученных радиоуглеродных дат с конкретным культурным явлением.

Последовавшие в 2000–2008 гг. исследования позволили значительно усовершенствовать метод прямого датирования керамики, заметно сократить интервал допуска датировки, а также получить серию дат по керамике донецкой, тубинской, киево-черкасской, волинской, лисогубовской, буго-днестровской, гребениковской, сурской, нижнедонской, азово-днепровской культур, культуры линейно-ленточной керамики, памятников типа Лукомье и Струмель. С различной степенью подробности удалось установить хронологию большинства культурных явлений неолита Украины. Особенностью созданной хронологической системы явилась ее неразрывная связь с культурным контекстом. Учитывая корреляцию с датами докерамических комплексов, в настоящее время удалось составить следующую хронологическую систему развития неолита Украины:

1. Докерамическая фаза: середина VIII – конец VII тыс. до н. э.

2. Керамическая фаза:

2.1. Ранний этап: вторая половина VII тыс. до н. э.

2.2. Средний этап: первая половина VI тыс. до н. э.

2.3. Поздний этап: вторая половина VI – начало IV тыс. до н. э.

Докерамический неолит Украины изучен фрагментарно. В настоящий момент достоверно известно о докерамических слоях Каменной Могилы 1, связанных с кукрекской культурой, о докерамической фазе буго-днестровской и матвеевокурганской культур. Остается дискуссионным вопрос о докерамической фазе донецкой культуры, а также о неолитическом статусе комплекса Вязовок 4 в Полтавской обл.

Выяснено, что докерамическая фаза неолита имела разные точки отсчета и различную протяженность в отдельных регионах. Докерамический неолит, развивавшийся на основе кукрекской культуры, начинается как минимум в середине VIII тыс. до н. э. (Каменная Могила 1, Игрень 8). В бассейне Южного Буга докерамическая кукрекская фаза датируется второй третью VII тыс. до н. э. Примерно в то же время развиваются и поздняя кукрекская индустрия Крыма.

Докерамический неолит, связанный с культурой гребениковского круга, начинает развиваться в

первой половине VII тыс. до н. э. в Северном Приазовье. Не исключено, что в Северо-Западном Причерноморье процесс развития неолита происходил в то же время, однако ныне существующие даты показывают синхронность керамических (Гиржево) и некерамических (Мирное) комплексов гребениковской культуры. Однако если в Приазовье и в бассейне Северского Донца гребениковская (матвеевокурганская) традиция развивается как бескерамическая до начала VI тыс. до н. э., то в Северо-Западном Причерноморье керамическая фаза начинается как минимум на 300–400 лет раньше.

Докерамическая стадия буго-днестровской культуры развивалась, как представляется, в третьей четверти VII тыс. до н. э. (Заньковцы).

Вопрос о возрасте докерамического неолита Крыма не решен.

В третьей четверти VII тыс. до н. э. начинается развитие керамической фазы неолита. Керамика в течение 200–300 лет распространяется на территории всей лесостепной и степной Украины, а также в горном Крыму.

В раннем керамическом неолите продолжается развитие кукрекской культуры, которая в Северо-Западном Приазовье (Каменная Могила 1, Семеновка) и в Днепровском Надпорожье (Сурской Остров 1 и 2) традиционно называется сурской культурой, а в бассейне Южного Буга ассоциируется с некоторыми буго-днестровскими комплексами (Печера, Добрянка 1, 2, 3). С расселением носителей кукрекской культуры связано и появление донецкой культуры на среднем Донце.

Вероятно, что на раннем керамическом этапе в бассейне Южного Буга происходит вытеснение кукрекского населения носителями гребениковских культурных традиций. Этот процесс отображает, прежде всего, комплекс верхнего слоя стоянки Добрянка 3, показывающий смену кукрекского комплекса гребениковским.

Средний керамический неолит характеризуется появлением новых археологических культур на территории Украины, которые сосуществуют с культурами, возникшими на раннем керамическом этапе и в докерамической фазе.

В бассейне Южного Буга наблюдается проникновение кришских культурных традиций, которые органически вписываются в буго-днестровскую культуру (комплексы Гарда и Пугач).

На протяжении первой половины VI тыс. до н. э. новыми явлениями в неолите Украины стали азово-днепровская и нижнедонская культуры в степном Левобережье, тубинская (керамическая фаза Матвеева Кургана) культура в Подонечье, яниславицкая (волинская) культура в правобереж-

ном Полесье. На левобережном Полесье возникают неолитические памятники типа Струмель и Студенок. Появление яниславицкого, струмельского и студенокского неолита характеризовало процесс неолитизации населения лесной зоны Украины. Этот процесс, вполне вероятно, был связан с проникновением кукрекского населения в лесную зону (Лазаревка, Ходосеевка).

Таким образом, завершение среднего керамического этапа знаменовало завершение неолитизации всей территории Украины.

В середине VI тыс. до н. э. начинается поздний этап развития керамической фазы неолита. В третьей

четверти VI тыс. до н. э. прекращают существование кукрекская, буго-днестровская, донецкая культуры, т. е. все раннекерамические культуры без исключения. В то же время на территории правобережного Полесья и в Северо-Западном Причерноморье появляются носители культуры линейно-ленточной керамики, а в левобережном Полесье и на Северском Донце – носители культуры ямочно-гребенчатой керамики.

Котова Н.С., 2002. Неолитизация Украины. Луганск.

Манько В.О., 2006. Неоліт Південно-Східної України. Київ.

А.Я. Мартынов

Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник

Острова Белого моря в эпохи неолита – железа: памятники материальной культуры

Первобытное прошлое островов Белого моря представлено семью десятками памятников материальной культуры (стоянок, мастерских, местонахождений), а также каменными лабиринтами и скоплениями различных искусственных сложений из камней. Стоянки и местонахождения обнаружены преимущественно на Соловецких островах (рис. 1), а также на архипелаге Кузова, о. Мудьюг и о. Жижгин, каменные выкладки – на Соловках и Кузовах. Общая площадь сохранившегося культурного слоя стоянок превышает 150000 м², раскопано 2250 м². Коллекции инвентаря насчитывают более 45000 предметов.

Памятники датируются в рамках эпох неолита – раннего железа. Ряд стоянок содержит разновременные смешанные комплексы (Муксалма 6, Соловецкая 13).

Неолитические стоянки занимают края древних морских террас, отстоящих на 0,2–2 км от современной береговой черты и возвышающихся над уровнем моря на 20–23 м (ранние) и на 12–18 м (поздние). Каменный инвентарь ранне-неолитических памятников (Соловецкая 4, Муксалма 6, 9) изготовлен из кварца (97%), сланца и песчаника (3%). В наборе кварцевых изделий присутствуют скребки, сверла, проколки, фрагменты наконечников стрел, биполярные и призматические нуклеусы; инвентарь из сланца представлен в основном отбойниками и грузилами «с перехватом», из песчаника – подставками («на-

ковальнями»). Ранняя керамика, обнаруженная на стоянке-мастерской Муксалма 6, представлена фрагментами толстостенных сосудов с примесью крупнозернистого песка и слюды в тесте, украшенными ямочным и ямочно-гребенчатым орнаментом (рис. 2: 6, 9, 13). Радиоуглеродные даты угля из кострищ стоянок Соловецкая 4 – 6460±70 (Le-7093), Муксалма 6 – 5900±400 (Le-7555) и 5340±70 (Le-7556) – соотносимы с керамикой. Поздне-неолитические памятники располагаются либо в «закрытых» дюнных впадинах, либо на открытых песчаных площадках. Первую группу представляет комплекс Колгуевские 2–11 (о. Анзер), вторую – стоянки Могильники (о. Анзер), Муксалма 2, Муксалма 6 (4320±230 – Le-7557) и др. Стоянки данного времени Соловецкая 15 (Le-8030: 4750±70BP), Немецкий Кузов 3 (5090±100BP) занимают более высокие террасы, что обусловлено их расположением вблизи морского берега. Инвентарь памятников первой группы представлен керамикой с гребенчато-ямочной орнаментацией (зоны конусовидных ямок, разделенные оттисками горизонтальной гребенки) и преимущественно кварцевыми (95%) орудиями (скребками, проколками, выполненными из трехгранных сколов, ножами на отщепках, резцами, наконечниками стрел ромбоидальной формы, комбинированными орудиями). Нуклеусы подразделяются на биполярные, призматические и аморфные. Изделия из сланца представлены охотничьим топором и грузилами двух типов: круглыми с

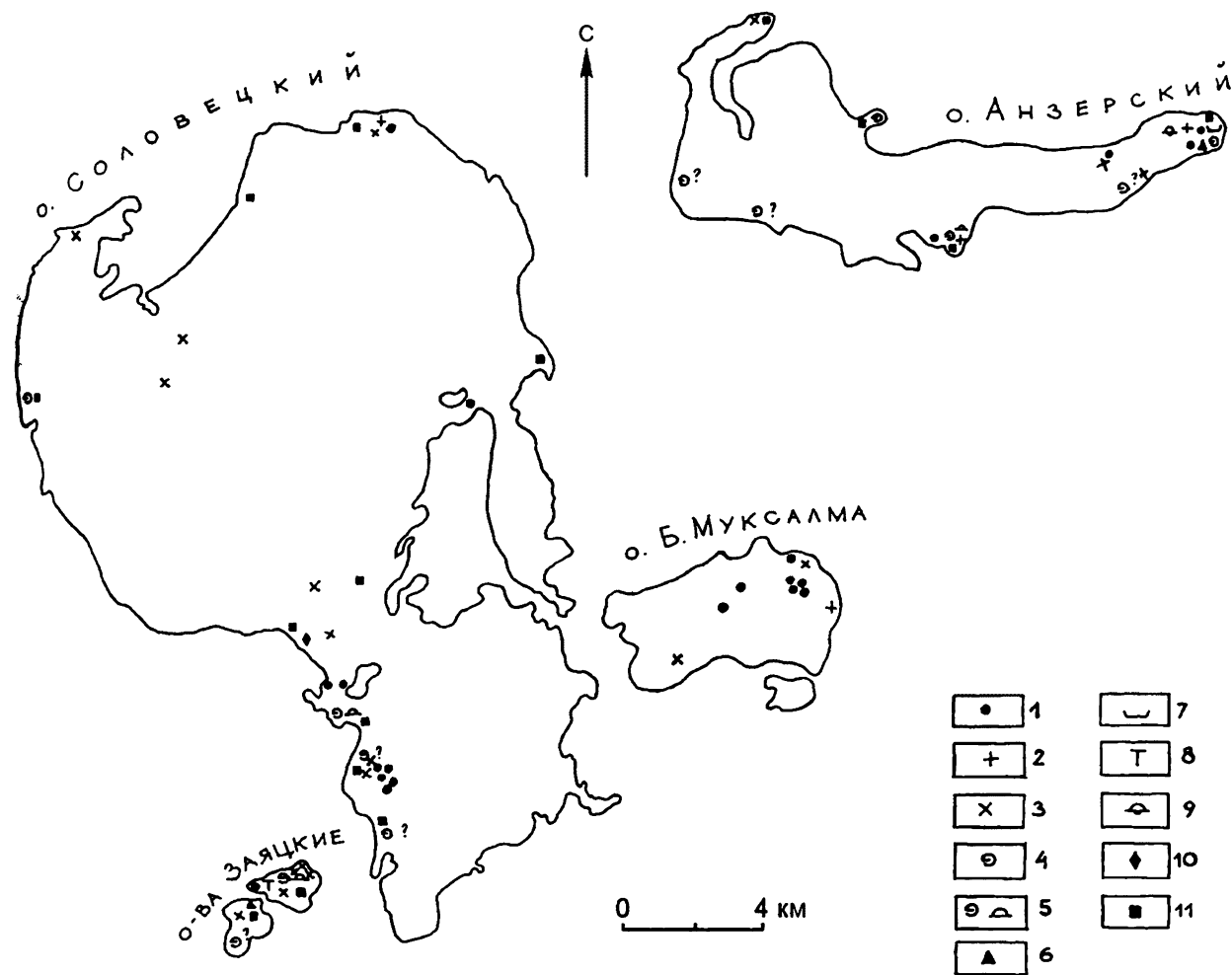

Рис. 1. Археологические памятники Соловецкого архипелага. V тыс. до н.э. – XV век: 1 – стоянка, 2 – мастерская, 3 – местонахождение отходов кварцевой индустрии, 4 – лабиринт, 5 – святилище, 6 – артефакт (случайная находка), 7 – «саамские могильники», 8 – сейды, 9 – одиночное погребение, 10 – местонахождение чудских украшений, 11 – прочие искусственные сложения из камня

отверстием в центре (300 г) и овальными «с перехватом» (ок. 900 г). Находки из кремня единичны: два мелких скребка и отщеп. В единственном числе – якорный камень из красноцветного песчаника в виде плиты трапециевидной формы весом 5 кг и размерами 32 x 30 x 4 см, с двумя искусственными углублениями на противоположных гранях. Из серого песчаника изготовлены шлифовальные плитки. В инвентаре памятников второй группы также преобладают изделия из кварца. Среди нуклеусов встречаются призматические, биполярные, чопперовидные, пробные, аморфные образцы. Помимо кварцевого инвентаря в коллекциях присутствуют отбойники и грузила из сланца, шлифовальные плитки из серого песчаника, подставки-«наковальни». Гребенчатоямочная орнаментация керамики со стоянки Муксалма 6 более разнообразна (рис. 2: 1, 2, 5, 7, 10, 11, 14). К данному времени относится единственное в своем роде изделие из сланца – оселок размерами

11 x 4 x 1,4 см в виде массивного скола подпрямоугольной формы с параллельными боковыми краями, один из которых (рабочий) вогнут вследствие многократного использования.

Стоянки эпохи энеолита обнаружены на террасах высотой 14 м (Муксалма 8) и 20 м (Соловецкая 13). Наиболее типичными чертами данных памятников являются керамика с примесью органики, орнаментированная параллельными рядами оттисков короткого гребенчатого штампа, а также соотношение инвентаря из кварца (ок. 70%) и других пород камня (ок. 30%). В ряду изделий из кварца следует упомянуть крупное рубящее орудие, отбойники и сверла, из сланца – тесло и отбойники, из кремня – наконечники стрел листовидной, ланцетовидной и треугольно-черешковой форм, а также скребки на пластинчатых отщепах. Редкая находка – «разделочная» доска из серого песчаника, размерами 21,2 x 20,5 x 2,4 см, с ручкой, оформленной способом оббивки.

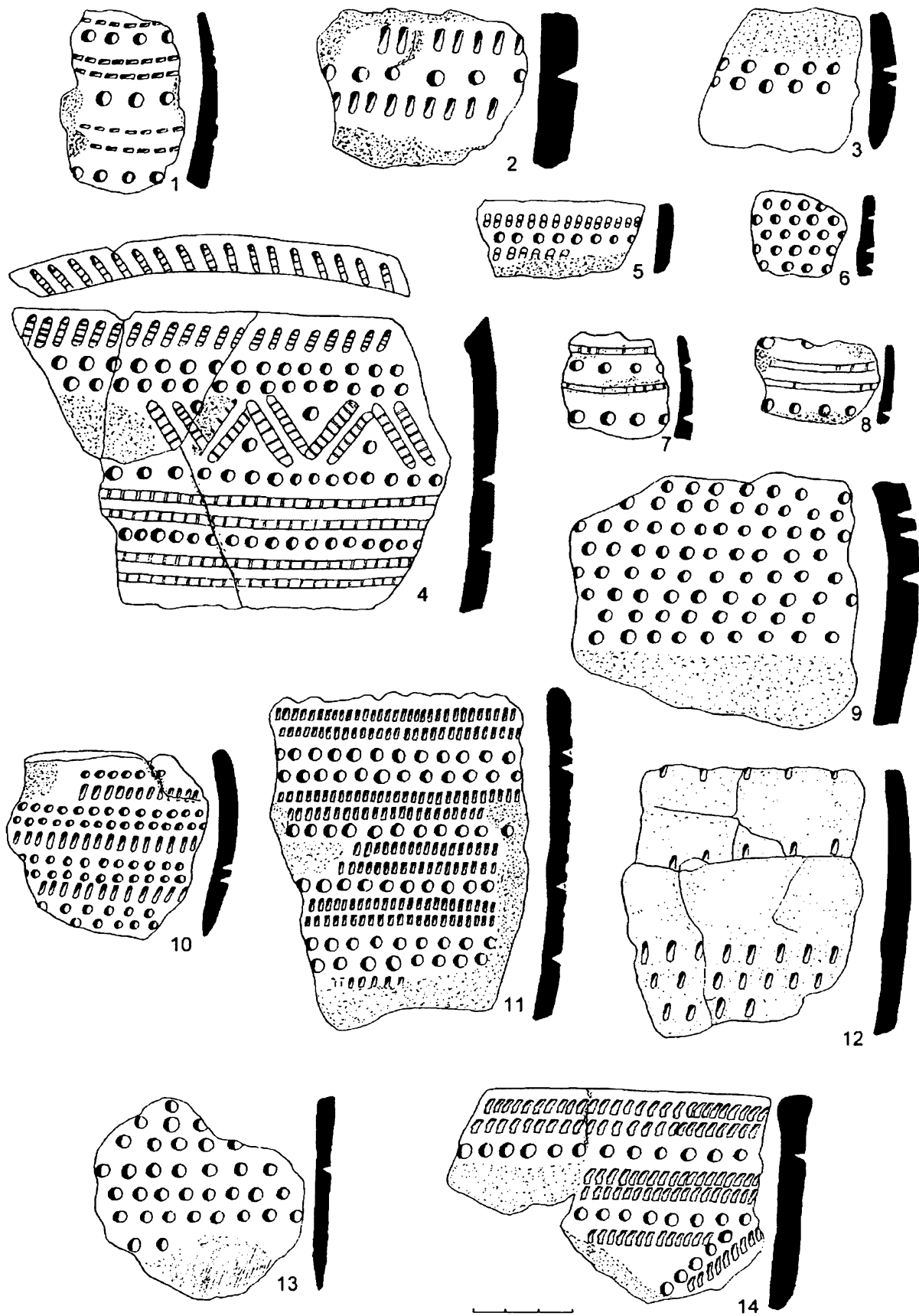

Рис. 2. Стоянка-мастерская Муксалма 6. Керамика. Неолит – ранний металл

Памятники эпохи бронзы Муксалма 1, Капорская, Колгуевская 1, Немецкий Кузов 2, Жижгинская 1 и др. занимают края песчаных морских террас высотой 8–10 м. Инвентарь стоянок характеризуют «сетчатая» керамика и посуда с гребенчатым орнаментом, аналогичным декору на керамике поздняяковской культуры, а также изделия из кремня (93–95%), сланца и серого песчаника. Среди первых присутствуют наконечники стрел и дротиков с пильчатой ретушью, треугольно-черешковой, ланцетовидной и листовидной форм, подтреугольные, подчетыреугольные и клювовидные скребки, наконечники копий, ножи листовидной формы, резцы на отщепе, проколки на трехгранных сколах. Среди сланцевых изделий наиболее примечателен единственный в Беломорье сверленный боевой топор 9 типа (по А. Брюсову и М. Зиминной), размерами 14,6 x 4,4 x 3,1 см, с тупым толстым лезвием и конусовидным отверстием для рукояти со средним диаметром 1,5 см. Ряд конструктивных особенностей предмета (изогнутая форма, характер лезвия, размеры отверстия) позволяют считать его ритуальным топором. В ряду прочих изделий из сланца топор-тесло, отбойник и подставка-наковальня. Орудия из песчаника представлены шлифовальными плитками, заготовкой массивного клиновидного топора – «колуна», а также якорным камнем весом около 5 кг. На поселении Мудьюг 1 зафиксировано более 40 жилищных впадин.

Эпоха раннего железа отражена в материалах стоянок Соловецкие 1, 2, 5 и др., расположенных на низких (3–5 м) и высоких (около 20 м) морских террасах. Характерными особенностями инвентаря данных поселений являются плоскодонная керамика с линейным орнаментом под венчиком и грубые орудия из кремня и кварца. В перечне изделий – треугольно-черешковый наконечник стрелы, подтреугольные и подчетыреугольные скребки, ножички и проколки на пластинчатых отщепе, скребок-скребло.

Сопоставление островных материалов с материальными археологическими памятниками и комплексами позволяет ответить на вопросы о хронологических рамках, последовательности и путях освоения беломорских островов в древности, а также о характере и особенностях «островной культуры» Беломорья. Наиболее ранние стоянки Соловецкая 4 и Муксалма 6 находятся на Соловецких островах. Их материалы (керамика и кварц) находят убедительные аналогии в коллекциях стоянок западного побережья Ерпин Пудас I и местонахождения в устье р. Выг (Савватеев, 1977. С. 37, 44) и позволяют утверждать, что освоение беломорских островов началось с Карельского берега через архипелаг

Кузова. Данный морской путь продолжал существовать до середины I тыс. н. э., на что указывают аналогии в керамике и кварцевом инвентаре многих островных и материковых памятников (Мартынов, 2003. С. 97–102). Материалы стоянки Колгуевская 2 находят аналогии в археологических комплексах и Карельского (Золотец 1), и Летнего (Галдарея 1) берега, но топография (дюнная впадина) позволяет отдать предпочтение южному побережью. Стоянки с гребенчатой керамикой и кремневым инвентарем не оставляют сомнений в существовании культурных связей Соловков, о. Жижгин и о. Мудьюг с Южным Беломорьем во II – начале I тыс. до н. э. (Куратов, 1978; Мартынов, 2002. С. 45). Синхронные им комплексы Кузовов, скорее всего, связаны и с соловецкими стоянками, и с памятниками Карельского берега.

Согласно археологическим данным, наиболее вероятным средством передвижения по морю в древности были каркасные лодки, для изготовления которых существовали все необходимые инструменты и материалы. Вес и конструктивные особенности якорных камней, обнаруженных на островных стоянках, подтверждают данное предположение. Вместе с тем, это не исключает возможность использования лодок-долбленок с балансирами.

Некоторые особенности островных поселений (небольшая мощность и в основном слабая насыщенность культурного слоя, отсутствие следов жилищ) указывают на их сезонный (летний) характер. Набор и размеры каменного инвентаря свидетельствуют о существовании охоты на морского зверя и, видимо, перелетную птицу, а также рыбной ловли с помощью снарядов, снабженных грузилами. Природные ландшафты, сложившиеся к V тыс. до н. э. (Девятова, 1976. С. 99), позволяют предполагать существование островного и морского собирательства (съедобные растения, ягоды, моллюски, рыба). В процессе древнего освоения островов были использованы различные виды местного сырья: галечного кварца и кварцита (до 97% находок на неолитических памятниках), сланца, серого и красноцветного песчаника. Единичные находки из привозного кремня появляются в материалах древнейших памятников, отдельные орудия встречаются в поздненеолитических памятниках, до 30% кремня составляют коллекции энеолитических стоянок и до 95% – стоянок эпохи бронзы. На стоянках раннего железа из кремня изготовлено до 60% инвентаря, из кварца – до 40%. Кремень в инвентаре стоянок Колгуевские 1, 2, Муксалма 1 и Капорская аналогичен минералу из Орлецкого месторождения на р. Северная Двина.

Продолжающиеся стационарные археологические работы, вероятно, позволят детализировать наши представления о первобытном прошлом беломорских островов.

Девятова Э.И., 1976. Геология и палинология голоцена и хронология памятников первобытной эпохи в юго-западном Беломорье. Л.

Куратов А.А., 1978. Археологические памятники Архангельской области: Каталог. Архангельск.

Мартынов А.Я., 2002. Археологические памятники Соловецких островов. Архангельск.

Мартынов А.Я., 2003. О древнем освоении островов Белого моря // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. Петрозаводск.

Савватеев Ю.А., 1977. Залавруга. Стоянки. Л.

В.Е. Медведев

Институт археологии и этнографии СО РАН

Мариинская культура и ее место в неолите Дальнего Востока*

Цель доклада – кратко охарактеризовать открытую недавно в Нижнем Приамурье новую неолитическую культуру, названную по селу Мариинскому Ульчского р-на Хабаровского края, неподалеку от которого расположен ее опорный памятник. Первые материалы этой культуры были получены в стратиграфически выразительных условиях в 1999 г. в раскопе IX на наиболее высокой площадке о. Сучу (38,6 м над меженным уровнем Амура). Мариинский культурный горизонт связан с основанием погребенных почв чаще пепельно-серого цвета, залегающих ниже супесей преимущественно коричневых оттенков. Он сохранился в непогрешенном состоянии в основном глубже 0,6–0,8 м от современной поверхности за пределами жилищных котлованов вознесенновской культуры позднего неолита (II тыс. до н. э.) (Медведев, 2001). В 2002 г. в раскопе XII, как и раскоп IX, частично занят жилищем вознесенновской культуры и в аналогичной стратиграфически-планиграфической ситуации был найден многочисленный вещевой материал. Общая площадь раскопов с мариинскими артефактами (всего около 5 тыс. экз.) составляет 512 м². Не исключено, что представители этой культуры строили жилища-полуземлянки, оставшиеся после которых западины были использованы позже при возведении жилищ вознесенновской культуры.

Значительный интерес с точки зрения производственной деятельности мариинцев на о. Сучу представляют зафиксированные в раскопе XII два комплекса находок (или рабочих площадок мастеров), не нарушенных поздними перекопами. Более обширным и информативным является комплекс 1, выглядевший как подпрямоугольная площадка размерами 3,8 x 1,4 м. Видимо, центральное место в комплексе принадлежало расколотой на две части песчаниковой плите-наковальне (20 x 16,2 x 6,5 см).

Рядом с ней было сосредоточено наибольшее количество дебитаж (отщепы, чешуйки, сколы, плитчатые отдельности, гальки), а также 3 нуклеуса, отбойник, ножевидные пластинки и их обломки, орудия. Небезынтересен факт нахождения поблизости от плиты культового фаллического предмета. Расположенные на площадке каменные изделия включают 233 экземпляра пятнадцати наименований. Прежде всего, это ножевидные пластинки и их фрагменты (64 экз.), нуклеусы (18), сколы с ретушью (29), отбойники (5), топоры (3), наконечники стрел (2), орудия и их обломки (11), ложила (2), сколы (80), дебитаж (11), скребок, точило и др. В пределах площадки отмечено также несколько фрагментов керамики мариинской культуры. Расположение и состав инвентаря в комплексе может свидетельствовать о принадлежности его мастеру-камнеобработчику.

На основе типологического анализа материалов раскопок неолитического поселения Кондон-Почта удалось выявить в смешанных слоях большое количество артефактов из камня и керамики, аналогичных мариинским, которые прежде относили к кондонской культуре (Окладников, 1983. Табл. 4, 5–7; 6, 1–5; 18, 8, 10–12, 14; 21, 8, 11–13; 24, 19–22; 35, 1–3, 16, 22–24; 1984. Табл. 6, 10; 7, 4, 24; 10, 15, 17; 11, 10, 20; 13, 3, 9, 13; 27, 5; 28, 5, 6, 8; 65, 1 и др.).

Каменной индустрии мариинской культуры присуща ярко выраженная пластинчатая техника. Ножевидные пластинки длиной преимущественно 3–4 см, а также микропластинки (шириной менее 0,5 см) и их фрагменты, относятся к числу одних из наиболее многочисленных находок, в особенности в мариинском слое о. Сучу (рис. 1: 1–12). Снятие пластин производилось со специально подготовленных нуклеусов, количество которых значительно превышает аналогичные изделия других неолитических

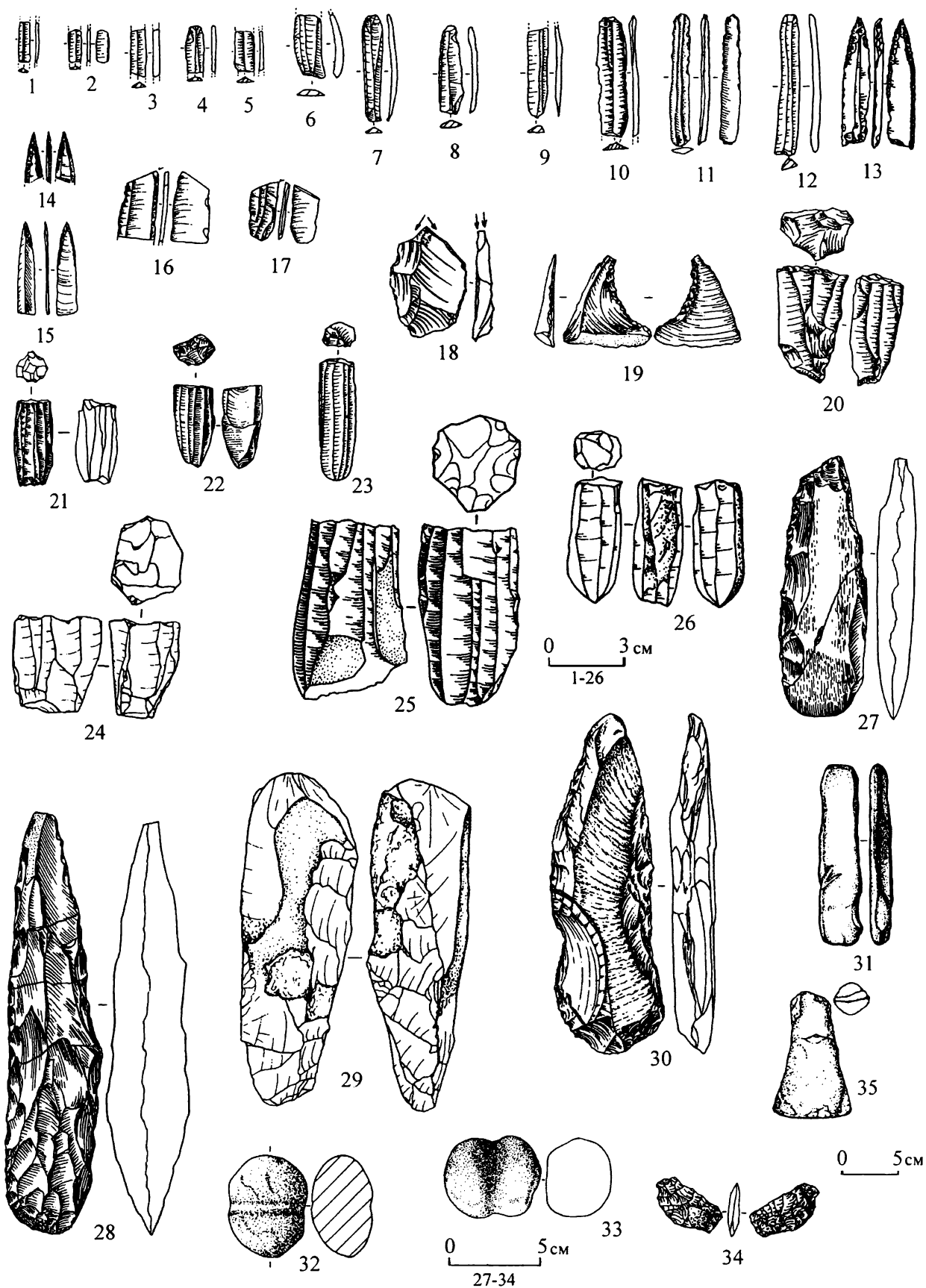

Рис. 1. Изделия из камня маринской культуры из раскопов IX и XII на о. Сучу

культур Нижнего Приамурья. Наиболее распространены нуклеусы подпризматического типа (рис. 1: 20, 26). Значительно меньше призматических (рис. 1: 21, 22, 25) и подпрямоугольных (рис. 1: 24) нуклеусов, еще меньше изделий карандашевидного (рис. 1: 23) или подкарандашевидного типа. Единично зафиксированы конусовидные и подтрапещевидные нуклеусы. Почти все нуклеусы одноплощадочные и не отличаются большим разнообразием в размерах: длина по преимуществу составляет 3–5 см (свыше 80%); более крупных – около 10%, а микронуклеусов длиной менее 3 см – не более 6%.

Основным сырьем, из которого изготавливались нуклеусы, служили высококачественные мелкозернистые светло-серые, серые, а также полосчатые алевролиты (до 40%). Около 27% этих изделий изготовлено из халцедона темных тонов. В меньшей степени применялись кремневые вулканические и осадочные (около 17%) и яшмовидные (до 16%) породы. Судя по материалам о. Сучу, основное сырье мариинцы получали со стороны, поскольку в непосредственной близости от поселения на острове на берегу Амура встречаются лишь халцедоны и яшмовидные гальки.

Из метательных орудий выделяется группа наконечников стрел, сделанных из правильных ножевидных пластинок. Острия орудий оформлены двусторонними снятиями, часть боковых краев, примыкающих к кончику, подправлена мельчайшей притупляющей ретушью (рис. 1: 13–15). Наконечники подобного типа, особенно из обсидиана, – один из диагностирующих элементов в реестре инвентаря мариинской культуры. Из пластин изготавливались также резчики, оформленные преимущественно диагональным снятием верхнего (дистального) края (рис. 1: 16, 17), найдены также пластинчатые проколки. Отмечены единичные экземпляры резцов среднего типа и выемчатых орудий, выполненные из пластинчатых отщепов (рис. 1: 18, 19).

Крупные орудия представлены топорами и теслами, чаще без шлифовки, а также шлифованными. Первые – более крупные и массивные (длиной до 23,4 см). Топоры удлиненной, подпрямоугольной в плане формы с расширенным лезвием, в сечении в основном линзовидные и ромбические (рис. 1: 27, 28). Тесловидные орудия иногда двухконечные, с выемками на боковых поверхностях, классифицируемые как тесловидно-землеройные инструменты (рис. 1: 30). Выделяется группа крупных клиновидных в плане орудий с заостренными узкими рабочими концами (рис. 1: 29). Инструменты могли использоваться как пешни для разбивания льда, а также в качестве клиньев при раскалывании бревен.

На о. Сучу выявлено большое количество рыболовных мариинских грузил из диабазы и песчаника, подовальных или округлых в плане и сечении, с опоясывающим поперечным желобком (рис. 1: 32, 33). Грузила стандартных размеров – длиной 4–6 см, в единичных случаях до 8,5 см. Массово представлены упоминавшиеся выше отбойники. Обнаружены также отжимники со следами сработанности на обоих торцах (рис. 1: 31). Четко фиксируются плиты-наковальни.

Керамика мариинской культуры как в технологическом, так и в декоративном плане характеризуется как архаичная: черепок в изломе рыхловатый, крошится, тесто с примесью шамота и, вероятно, органики. Поверхность без следов лощения и вторичного заглаживания. Цвет большей частью темно-коричневый и грязно-серый (в том числе и в изломе). Посуда плоскодонная, способ формовки ленточно-кольцевой. Судя по нескольким целым изделиям и их реконструкциям, форма сосудов горшковидная, ситиловидная и бочонковидная. Они, как правило, приземистые – высота равна диаметру тулова или меньше его. Сосуды преимущественно средних и малых размеров, но есть экземпляры с диаметром тулова и высотой до 32 см. Толщина стенок в среднем 0,5–0,6 см, однако отмечены толстостенные образцы (до 1,2 см).

Орнамент на керамике отличается однообразием и скупостью. Узор наносился гребенчатыми штампами с 2–10 зубчиками небольшого размера, квадратной, прямоугольной, иногда округлой формы, вертикальными или наклонными рядами (рис. 2: 1–5, 7–11), изредка в виде горизонтального зигзага (рис. 2: 6). Иногда венчик декорирован косыми прочерченными желобками (рис. 2: 8, 12). Основными орнаментируемыми зонами являлись внешний бортик венчика и верхняя его плоскость.

Имеющиеся радиоуглеродные даты по углю из раскопа XII на о. Сучу – 8585±65 л. н. (СО АН-4869); 7400±140 л. н. (SNU 02-452); 7180±120 л. н. (SNU 02-451) – позволяют датировать данную культуру в основном в рамках VIII–VII тыс. до н. э. Она охватывала, по всей видимости, преимущественно северо-восточные районы Нижнего Приамурья ниже р. Горин, хотя не исключено распространение ее несколько выше по Амуру. Проблема ареала культуры должна быть одной из приоритетных в грядущих исследованиях.

До открытия мариинской культуры преобладающей в неолите Нижнего Приамурья признавалась бифасиальная техника камнеобработки. Она характерна для начального (осиповская культура), раннего – среднего (малышевская культура), среднего и частично раннего (кондонская культура) и позднего

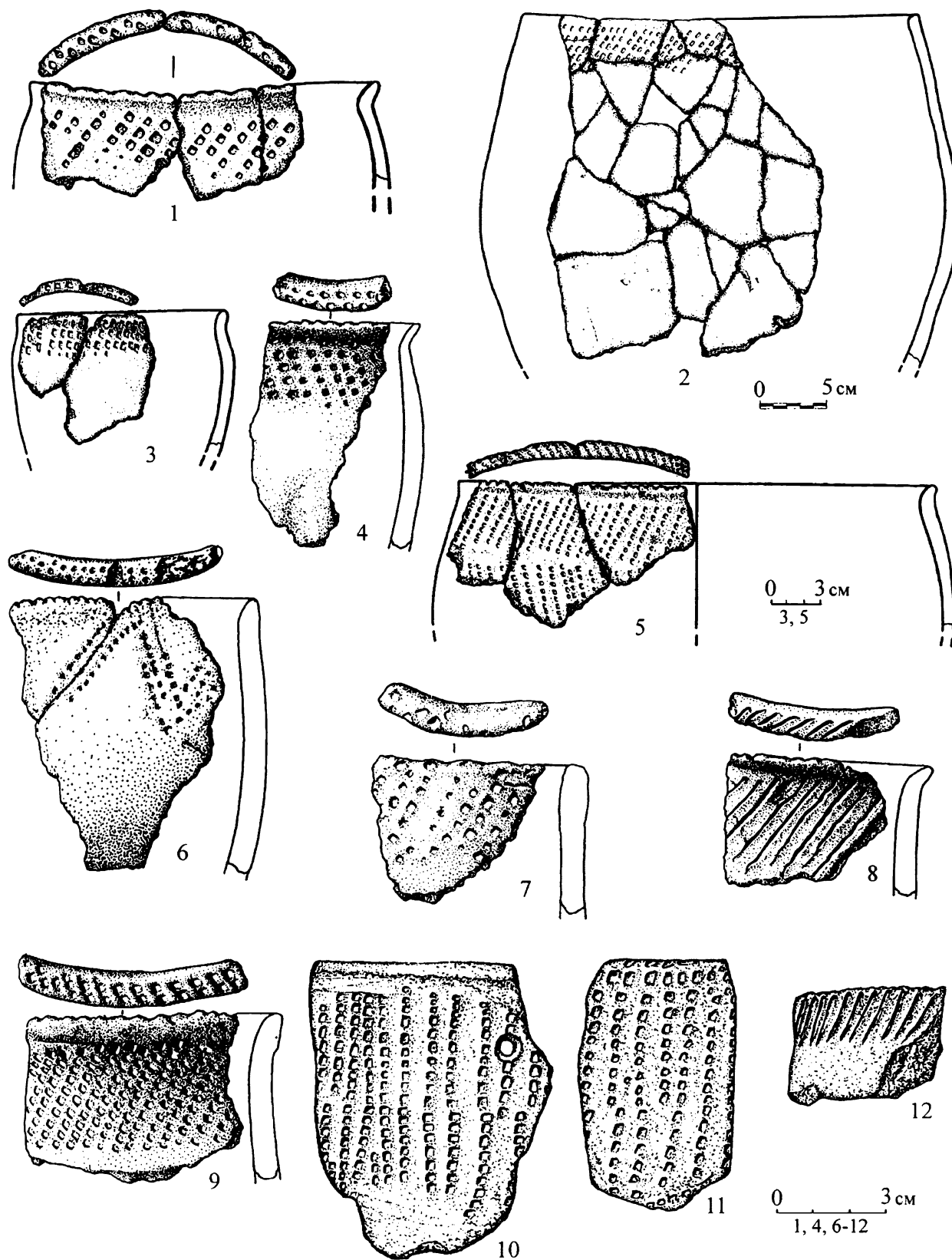

Рис. 2. Керамика маринской культуры. 1-9 – из раскопов IX и XII на о. Сучу;
10-12 – из поселения Кондон-Почта (по: Окладников, 1984)

(вознесенская культура) неолита. В малышевской, кондонской и особенно в вознесенской культурах наблюдается расцвет техники шлифования, пиления, сверления. Лишь в каменной индустрии кондонской культуры наряду с перечисленными приемами камнеобработки отчетливо просматриваются комплексы пластинчатой индустрии. Они во многом напоминают серии изделий мариинской культуры, хотя типологически и разнообразнее их (к примеру, некоторые пластинчатые наконечники стрел имеют черешок, орудия крупнее). С определенной долей уверенности можно считать, что кондонская культура стала основной (или одной из основных) наследницей традиций мариинской культуры.

Значительная близость (в технике обработки камня, облике экономики, в примитивном гончарстве) наблюдается, на мой взгляд, между мариинской культурой и новопетровской культурой пластин Среднего Амура, существовавшей, скорее, в IX–VII тыс. до н. э. Новопетровская культура до недавнего времени считалась в неолите юга Дальнего Востока единственной, в которой преобладает пластинчатая индустрия. (В контексте этой проблемы следует обратить внимание на культуру ананси, существовавшую на амурском правобережье Маньчжурии (КНР) синхронно (или едино?) с новопетровской культурой.) Определенное родство

между новопетровской и мариинской культурами подтверждается значительным сходством их типологического списка (Деревянко, 1970. С. 77). В новопетровской культуре отмечено много рыболовных грузил (Там же. С. 170), что также, как уже говорилось здесь, весьма характерно для мариинской культуры. Новопетровцы и мариинцы были в Приамурье одними из первых (вслед за представителями осиповской и громатухинской культур), занимавшихся речным и озерным сетевым рыболовством. Проблема взаимосвязей мариинской и других культур раннего голоцена может быть решена совместными исследовательскими усилиями в Приамурье, а также в Приморье и соседних с ними регионах.

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (1. 10. 2. 2).

Деревянко А.П., 1970. Новопетровская культура Среднего Амура. Новосибирск.

Медведев В.Е., 2001. Раскопки на Амуре // АО 1999 г.

Окладников А.П., 1983. Древнее поселение Кондон (Приамурье). Новосибирск.

Окладников А.П., 1984. Керамика древнего поселения Кондон (Приамурье). Новосибирск.

И.В. Мельников

Государственный музей-заповедник «Кижский», Петрозаводск

Памятники позднего неолита южного Заонежья (Карелия)

В настоящее время в южной части Заонежского п-ова и на прилегающих к нему островах Онежского оз. известно более сорока поселений, которые относятся к эпохам мезолита, неолита и энеолита. Абсолютное их большинство было открыто в 1995–2007 гг. в результате работы экспедиции музея-заповедника «Кижский» (Мельников, 2001; 2002; 2006). Среди исследованных поселений пять содержат комплексы гребенчато-ямочной керамики, которая характерна для поздней стадии неолита Карелии и традиционно датируется отрезком времени начало – середина III тыс. до н. э. (Витенкова, 2002. С.140). Три поселения – Вожмариха 1, 4, 21 – были исследованы раскопками. Материалы раскопок поселения Вожмариха 4 были опубликованы (Мельников, 2005), двух других памятников – готовятся к публикации. Все памятники входят в состав вожмарихинского архео-

логического комплекса, располагаются к северу от берега залива Вожмариха и залегают на песчаных береговых террасах, фиксирующих колебание уровня Онежского оз.

Поселение Вожмариха 1 имеет площадь около 3000 м² и залегает на высоте 10,6 м над современным уровнем Онежского оз. На поверхности визуально прослеживаются 7 впадин, размером от 5 х 3 до 20 х 7 м, глубиной около 0,5 м, которые, возможно, являются остатками полужемлячных сооружений. Одно из них было исследовано раскопом (256 м²) в 2003–2004 гг. Были выявлены остатки жилища размерами около 20 х 4 м, которое располагалось вдоль древнего берега и имело коридорообразный вход, направленный в сторону берега. Стратиграфия: дерн – 6–14 см; подзол – около 10–15 см; культурный слой (песок красноватого или желтого

оттенка) – в среднем около 20–25 см (во впадине до 48 см); материк – светло-желтый песок.

В коллекции представлены 15 сосудов, относящиеся к типичной гребенчато-ямочной керамике, которые по размерам и оформлению венчиков можно разделить на три группы. Сосуды первой группы имеют диаметр горла не менее 30 см, толщину стенок более 1 см, косо срезанные внутрь венчики с напылом по внутреннему краю и орнаментированные по срезу оттисками гребенчатого штампа. Вторая группа сосудов отличается от первой только меньшими размерами и толщиной стенок, которая не превышает 0,7 см. Третья группа представлена сосудами разного размера, которые имеют прямые округлые и несколько утолщенные венчики. В орнаменте всех горшков доминируют ямочные вдавления (диаметр 0,6–0,7 см), которые сочетаются с рядами гребенчатого штампа. В целом керамический комплекс поселения производит впечатление цельного и единого в хронологическом отношении.

Каменный инвентарь составляют предметы из сланца – 65 орудий и заготовок; из кварца – 42 орудия; из кремня – 4; из лидита – 2. Преобладают сланцевые орудия для обработки дерева, кварцевые скребки, сланцевые или кварцевые пилы, обломки сланцевых и кварцевых шлифовальных плит. Особый интерес представляют две крупные сланцевые шлифованные подвески. Среди отходов производства абсолютно преобладает сланец – 80% (около 950 единиц) всех найденных отщепов.

Из культурного слоя поселения имеется радиоуглеродная дата – 4900±130 (Ле-6798).

Стоянка Вожмариха 4 находится на высоте 8,6 м над современным уровнем воды в Онежском оз., ее площадь около 1500–2000 м². Исследовалась в 2001–2002 гг. (Мельников, 2005). В раскопе 2 (136 м²), заложенном в южной части памятника, выявлены следы наземного сооружения и получен чистый комплекс с гребенчато-ямочной керамикой периода позднего неолита. Стратиграфия: дерн – 7–14 см; подзол – около 10–15 см; культурный слой (коричневый песок с красноватым или желтым оттенком) – 27–39 см; материк – песок светло-желтого цвета. Исследованное сооружение имело подчетырехугольную форму и размеры около 7,7 х 4,2 м. В северной части постройки прослежены следы небольшого кострища. Интересно, что большинство находок залегало вне пределов сооружения, причем они явно оконтуривали его по периметру. В непосредственной близости от постройки, к северу и к югу от нее, зафиксированы четыре ямы. В одной из них, отличавшейся наибольшими размерами (2,05 х 1,35 м, глубина около 20 см), был расчищен развал гребенчато-ямочного сосуда.

Коллекция керамики включает 28 сосудов, которые изготовлены в рамках единой технологической традиции. Лепные горшки сделаны из глиняного теста с примесью песка и дресвы, имеют светло-коричневый цвет и толщину стенок от 0,7 до 1 см. Диаметр устья существенно варьирует – от 20 до 50 см. У большинства сосудов венчики прямые, косо срезанные внутрь, иногда с небольшим напылом по внутреннему краю горшка, как правило, орнаментированные по срезу гребенчатым штампом. В орнаменте доминируют горизонтальные пояса оттисков наклонного гребенчатого штампа, которые чередуются с горизонтальными одинарными, двойными или тройными рядами ямок диаметром 0,5–0,8 см. Коллекция керамики из раскопа 2 поселения Вожмариха 4 производит впечатление цельности. Отдельные сосуды отличаются значительной схожестью по форме, размерам и особенностям орнаментации. Очевидно, сосуды создавались в течение ограниченного хронологического периода.

Каменный материал включает предметы из сланца, кремня, кварца и лидита. Сланцевые изделия представлены 40 предметами, в их числе целые и фрагментированные заготовки орудий (17), тесла (7), стамески (2). Предметов из кремня 27, в том числе 6 наконечников, 13 скребков, 4 ножа, резец. Кварцевый инвентарь представлен 21 орудием: 9 скребков, скребло, скобель, 6 долотовидных орудий, 4 резца. Предметы из лидита в коллекции представлены 4 скребками. Среди отходов производства каменных орудий (более 1000 ед.) абсолютно преобладают отщепы сланца (около 80%). Нетипичным является преобладание кремневого инвентаря над кварцевым. На поселениях позднего неолита Карелии обычно прослеживается обратная картина – орудий из кварца всегда больше, чем кремневых (Витенкова, 2002. С. 104). Анализ каменного инвентаря позволяет констатировать слабое развитие на поселении индустрии сланца и кварца и сравнительно высокий уровень развития индустрии кремня. Это тоже нетипично для позднего неолитических поселений Карелии.

Поселение Вожмариха 21 располагается в южной части вожмарихинского комплекса, примерно в 100 м от берега Онежского оз., на высоте около 4,5 м над уровнем озера. Площадь памятника составляет около 750 м². Исследовалось в 2006 г. раскопом 96 м². Стратиграфия: дерн, подзол – 14–22 см; культурный слой (красновато-коричневый песок) – 18–24 см; материк – песок светло-желтого цвета. Верхние горизонты культурного слоя были частично разрушены распашкой. Полученная коллекция включает фрагменты 50 керамических сосудов с гребенчато-ямочным и ромбо-ямочным орнамен-

том. Толщина стенок составляет 0,7–1 см, диаметр горла определен у половины горшков – от 25 до 50 см. У гребенчато-ямочных сосудов венчики прямые или слегка загнутые внутрь, в 10 случаях – со следами пальцевых вдавлений по срезу. Поверхность сосудов орнаментирована горизонтальными рядами округлых ямок (0,6 см диаметром) конической или цилиндрической формы, которые на ряде горшков сочетаются с горизонтальными рядами наклонного гребенчатого штампа. Ромбо-ямочные сосуды обычно имеют загнутые или косо срезанные внутрь венчики, иногда с наплывом по внутреннему краю. Большинство ромбо-ямочных сосудов орнаментировано по срезу оттисками гребенчатого штампа. В орнаменте преобладают горизонтальные ряды ромбических (иногда подовальных) ямок, которые на отдельных горшках дополняются рядами наклонного гребенчатого штампа, двойным рядом оттисков торца палочки и поясами «веревочного» орнамента. Каменный инвентарь немногочислен, в основном представлен обломками деревообрабатывающего инструмента – тесел и стамесок. Из кварцевых орудий следует отметить концевой скребок из небольшого удлиненного отщепы и долотовидное орудие из нуклеидного осколка.

Полученные из рассмотренных памятников материалы находят аналогии на поселениях позднего неолита с гребенчато-ямочной керамикой Обонежья, составляя с ними культурно-хронологическую целостность, и расширяют географию расселения в указанное время.

- Витенкова И.Ф., 2002. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск.
- Мельников И.В., 2001. Новые археологические памятники южного Заонежья // Кижский вестник. Петрозаводск. Вып. 6.
- Мельников И.В., 2002. Новые открытия памятников археологии на юге Заонежского полуострова // Кижский вестник. Петрозаводск. Вып. 7.
- Мельников И.В., 2005. Неолитическое поселение Возмариха 4 в южном Заонежье // Кижский вестник. Петрозаводск. Вып. 10.
- Мельников И.В., 2006. О новой группировке памятников археологии в южном Заонежье (Карелия) (к изучению культурных процессов в позднем мезолите – неолите бассейна Онежского озера) // Современные проблемы археологии России: Мат. Всероссийск. АС (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск. Т. 1.

В.С. Мосин

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск

Стоянка Шатанов 3 как вариант адаптации нео-энеолитического населения Южного Урала*

Ландшафт, в котором жили южноуральские охотники-рыболовы VI–III тыс. до н. э., составляли несколько природно-географических зон: южная лесостепь, переходящая к юго-востоку в степь; лесостепь, расположенная на холмисто-увалистой равнине; горно-лесная зона, включавшая как территорию собственно уральской горной страны, так и многочисленные предгорные озера, расположенные вдоль восточных склонов, на границе с лесостепью. Проведенные в 2002–2006 гг. исследования сырьевой базы кремнистых пород как одного из компонентов вмещающего ландшафта Южного Урала (Мосин, Никольский, 2008) показали, что наиболее качественные кремнистые породы, происходящие из Магнитогорского прогиба, – фтаныты, фтанитоиды и яшмы, которые преимущественно использовались для изготовления орудий, – не

были доступны повсеместно. Была предпринята попытка выделения нескольких вариантов адаптации человеческих коллективов в процессе хозяйственного освоения различных природно-географических территорий в нео-энеолитическое время. Проведенные в 2007 г. раскопки на о. Шатанов озера Иртяш, расположенного в предгорной зоне Южного Урала, частично подтвердили выдвинутую ранее гипотезу.

Памятник Шатанов 3 представляет собой вариант промысловой охотничьей стоянки, функционировавшей в теплое время года в конце атлантического – начале суббореального периода; радиоуглеродные даты – 4465±95 (СОАН-6836) и 4600±50 (ЛЕ-7703), в калиброванных значениях 3500–3090 гг. до н. э., – показывают временной промежуток существования стоянки.

На полностью исследованной раскопом (160 м²) площадке памятника изучены остатки наземного жилища, предположительно округлой или подпрямоугольной формы, площадью около 60 м², с выходом на южную сторону, фиксируемым по вытоптанности расположенного в этой части площадки материкового песка. Центральную часть жилища занимало сооружение овальной формы размерами 2,4 x 2 м, углубленное на 0,5 м от уровня пола путем выборки расслоившихся гранитных плит. Затем эти плиты были использованы для перекрытия, которое держалось на 4 столбах. Когда вся конструкция сгорела, плиты перекрытия почти вертикально упали в углубление. На дне были зафиксированы плоский камень средних размеров и кольцевая выкладка под сосуд из мелких камней. Характер конструкции сооружения позволяет предположить, что оно выполняло функцию своего рода погребца. С северо-запада к «погребцу» примыкал не убранный в процессе строительства жилища скальный останец неправильной формы с уплощенной поверхностью, размерами 2,4 x 1,8 м, который предположительно можно рассматривать как «стол». С южной стороны от «погреба» находились небольшой очаг и три кольцевые выкладки под сосуды, частично разрушенные. Рядом зафиксировано скопление небольших кварцитовых галек сходных размеров. В южной и юго-восточной частях жилища также расположены круглая и подовальные неглубокие ямы непонятного назначения. Подавляющее большинство находок располагалось в пределах этой хозяйственной зоны жилища – у «стола», погребца», очага и кольцевых выкладок.

За пределами жилища с северной стороны находился крупный открытый очаг овальной формы, размерами 2,5 x 2 м. Три линзы прокала, разделенные более темными прослойками золы и расположенные под углом к западу показывают нам направление ветров с восточной стороны, т. е. со стороны озера. Очаг, безусловно, одновременен жилищу, поскольку в нем обнаружены фрагменты сосудов, в основном залежавших по полу жилища. Совокупность таких фактов, как легкость наземной жилищной конструкции, наличие открытого очага за пределами жилища, сооружение в полу жилища углубления в скальном основании – «погреба», незначительная мощность внутреннего очага, недостаточного для отопления всего объема жилища, позволяет говорить о функционировании стоянки в теплое время года.

В качестве сырья для изготовления орудий употреблялись в основном фтанитоиды, яшмы и темный серо-синий халцедон. Выходы на поверхность последнего зафиксированы в 5 км к югу, на берегу соседнего оз. Б. Наноба, где вместе с крупными отдельностями наблюдаются обширные по площади

скопления обломков, первичных сколов и других отходов, образующихся при получении качественного ядрища, поскольку местный халцедон имеет кавернозную поверхность, трещиноватую структуру и требует большой предварительной обработки. Фтанитоиды и яшмы, напротив, высокого качества, но они отсутствуют среди гранитов и гнейсов лесной предгорной зоны, поэтому явно принесены на стоянку из района распространения этих пород, а именно Магнитогорского прогиба, расположенного как минимум в 100–150 км к югу.

Такие различия в исходном сырье определили существование двух направлений в технологической цепочке подготовки нуклеусов для получения пластин, направленных на максимальную экономию сырья и отразившихся в расщеплении до предела истощения нуклеусов (технологические и трасологические определения сделаны И.В. Горашуком). О бережном отношении к сырью говорит и то, что из 423 артефактов из камня более 200, т. е. почти 50%, – орудия. Использование традиционных для Южного Урала пластинчатых и микропластинчатых заготовок определило и основной набор орудий, среди которых преобладают мясные ножи и орудия оснащения метательного оружия. Мясные ножи торцового закрепления использовались как разделочные орудия, при этом дистальной частью пластина крепилась в рукоять, проксимальная часть использовалась в работе. К этой же категории орудий отнесены 35 вкладышей составных лезвий мясных ножей. Следующие по количеству орудия оснащения метательного оружия делятся на головные (2 экз.) и вкладыши боковых (37 экз.) лезвий наконечников; они имеют трасологически определяемые следы от двух составляющих силового воздействия – продольной (микрорезцовые сколы вершин) и поперечной (деформация от давления вкладыша на основу), а также следы от проникновения в виде цепочек и единичных фасеток подтреугольной формы, направленных длинной стороной по линии проникновения.

Имеющиеся в коллекции резчики, скобели, пилки, сверла, резцы, стамеска, а также 35 комбинированных орудий в основном были использованы при обработке дерева, кости, рога и камня. Для обработки кожи выявлено только 21 орудие, среди которых скребло, струг по коже, 12 скребков, 6 проколов. Найденный на стоянке «утюжок» мог использоваться как орудие для разглаживания кожи на твердой основе, при этом в традиционный для данного типа изделий поперечный желобок вкладывался стержень, на который и направлялось основное давление, что оставляло следы трения на боковых участках желобка. На плоской стороне

утюжка выявлена заполировка от трения по коже, при этом оба приостренных конца деформированы выщерблинами.

Набор орудий стоянки, направленный в основном на добычу и разделку животных, а также на различные хозяйственные нужды по обработке камня, дерева и кости, позволяет уверенно интерпретировать комплекс стоянки как промысловый. Этому выводу не противоречат местоположение стоянки, характер жилой конструкции, незначительная мощность культурного слоя, а также коллекция керамики, содержащая 11 сосудов, выделенных по развалам или фрагментам венчиков и стенок, и 15 мелких фрагментов. Три сосуда, представленные наиболее полными развалами, орнаментированы, соответственно: оттисками гребенчатого штампа, отступающими наколами гребенчатого штампа, напоминающими «ложный шнур», оттисками или прокатыванием «веревочкой», и, вероятно, относятся к последнему посещению стоянки.

Исходя из полученных в процессе изучения прямых и косвенных данных, можно смоделировать следующий исторический сюжет. Небольшой коллектив охотников (производственная или целевая группа) в течение трех теплых сезонов года проживала в сооруженном на береговой площадке оз. Иртяш наземном жилище, занимаясь охотой, разделкой туш и частичной обработкой шкур. Приходя на место стоянки из более южных районов, охотники приносили с собой часть уже готовых орудий и заготовок, а также качественное кремнистое сырье – фтанитоиды и яшму в виде плиток. Если принесенного с собой материала (35% находок) не хватало, то брали менее качественный халцедон с берега соседнего озера, на месте обкалывая непригодную поверхность

и забирая на стоянку только пренуклеусы и другие заготовки. Среди отщепов, найденных на стоянке (152 экз.) подавляющее большинство – мелкие, из них 82% из местного сырья. Несмотря на развитую в это время технологию изготовления двусторонне обработанных орудий, необходимость экономить качественное сырье предопределяла использование в хозяйстве более экономичных вкладышевых орудий и предельную утилизацию имеющихся нуклеусов. Добытых на охоте животных разделявали, часть шкур предварительно обрабатывали, вероятно, остальные, как и, возможно, пищевые запасы, хранились в специально сооруженном в жилище «погребе». После того как жилище было окончательно оставлено, внешний очаг был тщательно забутован сверху желтой глиной. Впоследствии жилище сгорело, о чем свидетельствуют мощные углистые прослойки в заполнении «погреба».

На примере стоянки Шатанов 3 мы видим один из вариантов адаптации южноуральского населения нео-энеолитического времени в процессе хозяйственного освоения вмещающего ландшафта. Переход в другую, рядом расположенную, природно-географическую зону, отчасти связанный со сменой времени года, подразумевает изменение направления в хозяйственной деятельности, следовательно, и вариантов адаптации к периодически меняющимся условиям было несколько.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект 07-06-96005.

Мосин В.С., Никольский В.Ю., 2008. Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. Екатеринбург.

Н.Г. Недомолкина

Вологодский государственный историко-художественный музей-заповедник

Бассейн Верхней Сухоны в период неолита

Представление об общем направлении культурно-исторического развития в неолите лесной зоны Восточной Европы не может быть полным без учета ситуации в бассейне р. Сухоны. Река Сухона находится в административных пределах современной Вологодской обл., по территории которой проходит главный водораздел Восточно-Европейской равнины, отделяющей бассейны Белого и Балтийского морей от бассейна Каспийского моря (Минеев, Малков, 1958. С. 23).

По физико-географическим характеристикам р. Сухона делится на три части – верхнюю, среднюю и нижнюю. Такому же делению подвергается и прилегающая к бассейну реки территория. Территория Верхней Сухоны в силу геоморфологического положения и природно-климатических условий представляет собой своеобразный микрорегион с развитой гидросистемой, сложившейся на площади приледникового Сухонского озера. Природные отложения, сформировавшиеся в голоцене в Присухонской ни-

зине и в долинах примыкающих к ней крупных рек, представлены озерно-аллювиальными осадками в виде серых или желтых легких суглинков и глин с единичными включениями гравия и растительных остатков (Авдошенко, Труфанов, 1989. С. 58).

В истории археологического исследования Верхней Сухоны выделяются два этапа (Недомолкина, 2003. С. 42). Первый (1920-е – конец 1970-х гг.) связан с именами М.Е. Арсаковой, М.Е. Фосс, А.Я. Брюсова, С.В. Ошибкиной и отражает процесс накопления материалов, состоящих зачастую из случайных находок и сборов на размытых стоянках. Фактически участок Верхней Сухоны долгие годы оставался археологически не изученным и почти не привлекался для общих характеристик истории региона.

Предпосылки перехода ко второму этапу необходимо связывать с идейно-фактическим резонансом масштабных полевых работ на соседней территории под руководством А.Я. Брюсова, затем С.В. Ошибкиной, а также с их фундаментальными публикациями.

Второй этап исследований Сухоны продолжается по настоящее время и характеризуется развитием целенаправленного изучения территории вологодскими археологами. В регионе выявлено более 300 памятников и местонахождений периодов мезолита – позднего средневековья, из них 87 неолитических поселений и местонахождений (рис. 1). Новые данные позволяют более детально охарактеризовать материальную культуру неолитического населения региона, составить представление о культурно-исторических процессах, происходивших в этот период на Верхней Сухоне, и дополнить наши знания о каменном веке Русского Севера – Европейского Северо-Востока.

Большинство памятников Верхней Сухоны занимает приустьевые валы вблизи впадения или истока небольших лесных речек, ручьев, небольших проток, которые соединяют многочисленные зарастающие озера и старицы (остатки послеледникового озера) с Сухоней. По расположению поселения можно разделить на две группы: первые находятся непосредственно на берегах судоходных рек (Сухона, Вологда), другие – на притоках этих рек. Памятники первой группы больше подвергаются как природному, так и антропогенному воздействию, второй – сохраняются намного лучше, если не входят в хозяйственную зону деятельности человека. Культурные слои неолита залегают в озерно-аллювиальных отложениях на глубине от 1–1,6 м до 2,8 м от современной поверхности. Морфология слоя чаще всего зависит от насыщенности различными культурными остатками. Берега многих водоемов (соответственно, и неолитические культурные слои) бывают затоплены

в период весеннего подъема воды, что сказывается на состоянии самого культурного слоя и артефактов. Органические материалы – кость, дерево, а также некоторые виды керамики, сохраняются плохо. Периоды паводков были достаточно продолжительными, о чем свидетельствуют намывные прослойки до 0,6 м, которые позволяют четко стратифицировать культурные слои. В данных условиях наибольшее значение имеют памятники, где население жило в течение продолжительного времени. Это дает возможность использовать данные стратиграфии для установления относительной хронологии, соотношения и сопоставления комплексов.

Для стоянок Верхней Сухоны характерно большое количество подъемного материала. Разработана и успешно применяется методика сбора находок. Распространение находок чаще всего соответствует протяженности культурного слоя. Выделяются три группы памятников: 1) стоянки с распространением подъемного материала по береговой линии на площади до 100 м² – около 70%; 2) памятники с площадью распространения находок 100–200 м² – 25%; 3) памятники с распространением находок на площади более 500 м² – 5%. Чаще всего планиграфически слои в границах памятника не совпадают. И на площади крупного поселения в целом стоянка периода неолита может быть меньших размеров. Второй показатель – распространение культурного слоя в глубь берега – отражает площадь поселения на период фиксации объекта, т. к. размыв береговой линии может разрушать до 1,5 м берега в год. Мощность культурных слоев – от 0,05 до 1 м (в ямах), – а также площадь памятника свидетельствуют о продолжительности обитания коллектива. У 60% памятников в той или иной степени сохранился культурный слой. На 7 памятниках велись раскопки неолитических слоев.

Пониманию историко-культурной ситуации в бассейне Верхней Сухоны способствовали исследования комплекса многослойных поселений Векса, которые продолжаются более 25 лет (Недомолкина, 2000; 2004; 2006). Памятники находятся в центре Присухонской низины и являются опорными для Верхней Сухоны. На вексинском комплексе фиксируется практически вся культурно-хронологическая шкала древностей бассейна Сухоны, Кубенского оз. Большинство культурных слоев четко стратифицировано, благодаря этому поселения могут служить эталоном для установления относительной и абсолютной хронологии памятников всего региона, а в ряде случаев быть опорным для сопредельных территорий лесной зоны.

На основе общепринятой трехчленной периодизации эволюции неолитической культуры в лесной

полосе Севера европейской России, разработанной С.В. Ошибкиной (1995), делящей неолит на ранний, средний (развитой) и поздний периоды, предлагается следующая последовательность культурно-исторического развития Верхней Сухоны.

1. К раннему этапу (начало – вторая половина V тыс. до н. э.) относятся памятники ритуально-промыслового характера с тычково-накольчатой, гребенчато-накольчатой, гребенчатой орнаментацией, с геометрическими микролитами типа нижнего культурного слоя 9 поселения Векса III, памятники

с гребенчатой орнаментацией типа Тудозеро V, ранний этап льяловских комплексов. Генезис первых групп обитателей региона связан с местным мезолитическим населением и раннеолитическим населением Волго-Окского междуречья. Кроме того, на втором этапе развития может прослеживаться влияние юго-востока. Смена популяций происходит из-за подтоплений этих мест при повышении уровня воды в Кубенском оз. и реках. После спада воды территория вновь осваивается. С раннего неолита население успешно пытается приспособиться к

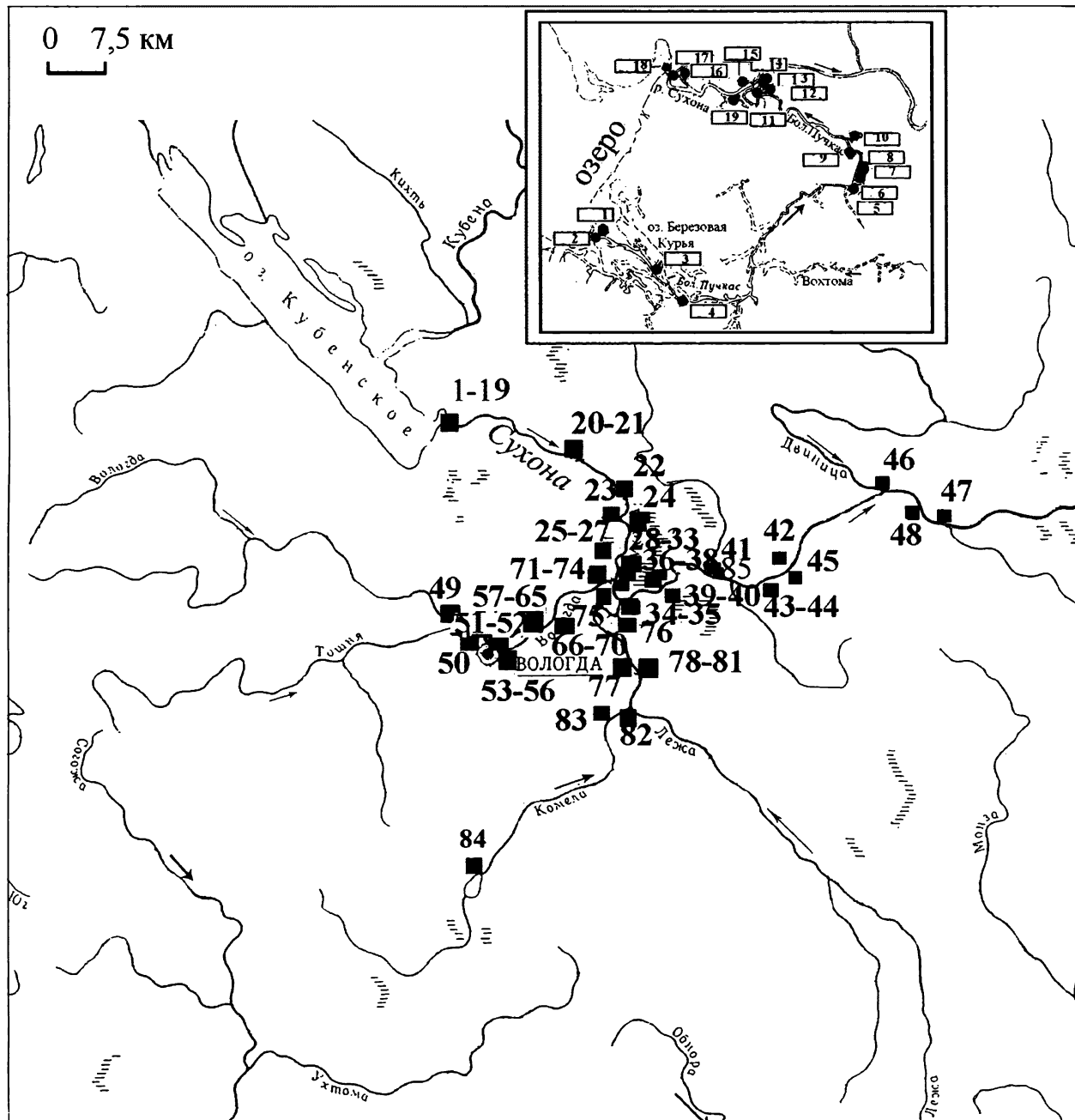

Рис. 1. Карта расположения неолитических памятников Верхней Сухоны

жизни на затопляемых территориях, о чем свидетельствуют остатки столбовых конструкций, фиксируемых на памятниках.

2. В средний период (рубеж V–IV – середина IV тыс. до н. э.) Верхняя Сухона входила в ареал являловской культуры ямочно-гребенчатой керамики (развитой этап Векса-М); к этому этапу относятся группа памятников с «северными» ямочно-гребенчатыми комплексами (Векса III, слой 7), в сложении которой приняли участие раннеявляловские племена и гребенчато-ямочные второго этапа, а также ранние каргопольские комплексы (Двинида VI), которые сложились в результате процессов интеграции разнокультурных традиций. Большая часть фиксируемых стоянок отнесена к этой культурной группе и маркирует ее восточную границу. Появляются жилища и укрепления долговременного характера. Серии крупных сосудов, закопанных на площади поселения, свидетельствуют о том, что население делает запасы.

3. В позднем неолите (вторая половина IV–III тыс. до н. э.) существуют поздние каргопольские комплексы, комплексы переходного периода с типичной гребенчато-ямочной керамикой, связанные с территорией Костромы – Галича.

Время появления ранне-неолитических коллективов в бассейне Верхней Сухоны удревнено до начала V тыс. до н. э. Многообразие культурных комплексов свидетельствует о сложном историческом

процессе, проходившем в неолите на территории Верхней Сухоны. В целом схема развития неолита подобна той, которая прослеживается на всей территории лесной части Восточной Европы.

Авдошенко Н.Д., Труфанов А.И., 1989. Геологическая история и геологическое строение Вологодской области. Вологда.

Минеев В.А., Малков В.М., 1958. Вологодская область. Вологда.

Недомолкина Н.Г., 2000. Многослойное поселение Векса // ТАС. Вып. 4. Т. 1.

Недомолкина Н.Г., 2003. История изучения бассейна Верхней Сухоны // Вестник Череповецкого государственного университета. Череповец. Вып. 1.

Недомолкина Н.Г., 2004. Неолитические комплексы поселений Векса, Векса III бассейна Верхней Сухоны и их хронология // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб. Т. 2.

Недомолкина Н.Г., 2006. Место неолитических памятников Верхней Сухоны в неолите лесной зоны Европейской части России: По материалам комплекса многослойных поселений Векса // II Северный археологический конгресс: Тез. докл. Ханты-Мансийск.

Ошибкина С.В., 1995. Неолит лесной зоны и севера Восточной Европы (к проблемам финноугристики) // ПАВ. Вып. 9.

Рихтер Г.Д., 1946. Север Европейской части СССР (физико-географическая характеристика). М.

В.В. Никитин

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Йошкар-Ола

Ранний неолит лесной полосы Среднего Поволжья (по материалам Марийской археологической экспедиции)

Ранне-неолитические материалы на территории Марийского Поволжья были выделены А.Х. Халиковым по результатам раскопок стоянок у д. Старое Мазиково на р. Илети в 1956 г. и отнесены им к камской культуре (Халиков, 1960. С. 36–46). В дальнейшем ранне-неолитические комплексы исследовались В.В. Никитиным, изучившим широкими раскопками ряд памятников в левобережной части р. Волги: Сутырские I, II, V, VII; Дубовские III, VIII, IX; Отарское VI (Никитин, 1996. С. 76–102), кроме того, Б.С. Соловьев исследовал стоянку Сосновая Грива (Соловьев, 1984. С. 67–84).

В общей схеме развития неолитических культур

наиболее ранней является накольчатая и накольчато-поперечная керамика.

В лесном Поволжье ранне-неолитическая посуда представлена небольшими округлобкими или прямостенными банками с плоским/плосковогнутым дном. Сосуды небольших размеров, поверхность тщательно заглажена, внешняя залощена. Формовочная масса плотная, без искусственных добавок, из илистых глин, иногда содержащих естественные примеси песка, ракушки или органики. Большинство сосудов лишено орнамента, остальные украшены в основном в технике накола треугольной или округлой формы. Орнамент занимает верхнюю

и нижнюю треть сосуда, заходя и на плоское дно. Характерным является наличие пояска круглых наколов (иногда сквозных) по краю горла. Орнамент сильно разрежен, композиции простые и состоят из горизонтальных или диагональных поясов наколов, зигзагов, волны, пересекающихся линий, реже геометрических фигур.

Рассматривая территорию распространения керамики с накольчатым и накольчато-прочерченным орнаментом, можно отметить, что основная масса памятников сосредоточена в Окском бассейне (Крайнов, 1996. С. 167. Карта 9; Ставицкий, 2006. Карта 1), где известно более 50 стоянок; примерно 40 стоянок находятся на Верхней Волге в пределах Тверской и Ярославской областей; далее к востоку, ниже устья р. Оки, находятся стоянки Холомониха и Черномазинские, вплотную примыкающие к марийской группе памятников; более 10 стоянок известно по р. Свияге в пределах Чувашии, Пензенской и Ульяновской областей, примыкающих к елшанской и средневожской группе памятников. На всем этом огромном пространстве на раннем этапе неолитизации существует одна керамическая традиция (технология, форма, орнамент), которая не могла сложиться здесь на узком хронологическом отрезке (с конца VII по середину VI тыс. до н. э.) на основе различных мезолитических культур, освоивших речные долины с прилегающей территорией. Появление керамики в лесной и таежной зоне Европейской России – явление привнесенное. Есть некоторые моменты, позволяющие искать доказательства местных истоков керамики, – это в основном кремневый инвентарь. Анализ источников Марийской низины (позднемезолитических и раннеолитических) показал, что носители керамики внедряются в среду местного населения и перенимают (или используют) не только сырьевую базу, но и технологию первичного расщепления и обработки кремневых орудий. Здесь остаются все те же основные наборы инвентаря и характерные для пришлых племен отдельные категории орудий (плоские трапециевидные тесла, «утюжки», овално- и косолезвийные резчики), специфическая техника обработки кварцитовых изделий, двухсторонняя ретушь (Никитин, 2005. С. 254–256), что предполагает действие факторов контакта, подобно тому, как оцениваются находки из кавказского змеевика, балтийского янтаря, уральской яшмы или забайкальского нефрита в местах, удаленных от месторождений этих специфических материалов (Синюк, 1988. С. 192). Не наблюдается существенных различий в позднемезолитических и раннеолитических кремневых комплексах Волго-Окского бассейна (Лозовский, 2003. С. 239). Формирование раннеолитических культур в лесной зоне

возможно на базе нескольких мезолитических культур (Сорокин, 1991. С. 36, 37) с традиционным богатым набором костяных изделий (или без них), что усложняет культурную атрибуцию некоторых памятников Волго-Окского бассейна, различающихся наличием или отсутствием изделий из кости и рога.

Система подобных формирований от Нижней до Верхней Волги на этапах освоения новых территорий не несет в себе отдельных культуруопределяющих признаков (по крайней мере, в керамике), а в кремневой индустрии адаптируется к местным сырьевым источникам и технологическим традициям, носителями которых продолжают оставаться позднемезолитические коллективы.

Обзор источников по раннеолитическим культурам указывает на близость керамических традиций на огромной территории степи, лесостепи и леса, и вряд ли можно считать реальным массовый исход населения (носителей этих традиций) в каком-то одном направлении из первичного пункта. Вероятно, подвижка населения из районов степи была не однонаправленным актом, а занимала длительное время и проходила по нескольким направлениям, скорее всего, из районов Приаралья и Северного Прикаспия (Долуханов, 2003. С. 203. Рис. 2), где имеются ранние материалы, близкие комплексам Поволжья. Немаловажным является и то, что там имеются домашние животные (Цибрий, 2003. С. 50–53), остатки которых известны в памятниках Приуралья (Матюшин, 1986. С. 266–267; Моргунова, 1995. С. 81, сл.; Петренко, 2007. С. 23–26) и Марийского Поволжья, где среди обычных для лесного неолита промысловых видов обнаружены кости лошади, мелкого и крупного рогатого скота (Никитин, 1996. С. 92, 96). В последнюю свою монографию А.Г. Петренко включила остеологические материалы только с Дубовского III и Отарского VI поселений (Петренко, 2007. С. 48. Табл. 2), хотя, по результатам ее анализов, в жилище 6 Дубовского VIII поселения в 1987 г. диагностированы кости от 3 особей лося, 1 особи северного оленя, 2 особей лошади (одна старая, около 18 лет, другая до 3 лет), по 1 особи крупного и мелкого рогатого скота. Таким образом, два поселения дали одинаковый состав домашних животных: лошадь, крупный и мелкий рогатый скот, еще на одном зафиксирована лошадь (табл. 1).

Проникновение домашнего стада в лесное Поволжье, судя по географии распространения, могло идти по левобережью Волги и лесостепи Волго-Уральского междуречья из Приаралья и Прикаспия, где известны домашние животные, и кроме того, есть специфические (для приготовления молочнокислых продуктов) сосуды со сверленными отверстиями не только в боковинах, но и в днищах

Таблица 1. Видовой состав животных в раннеолитических памятниках Марийского Поволжья (определения А.Г. Петренко)

Виды животных	Памятник		
	Дубовское III	Дубовское VIII	Отары VI
Лось	–	9 костей/3 особи	10 костей/1 особь
Северный олень	–	3/1	6/1
Кабан	3 кости/1 особь	–	–
Крупный рогатый скот	10/2	1/1	–
Мелкий рогатый скот	4/1	2/1	–
Лошадь	21/3	2/2	10/2

(Виноградов, 1981. С. 66, сл.), встречающиеся в материалах Северного Прикаспия, Нижней и Средней Волги и других культур с накольчатой посудой Волго-Уральского региона (Васильев, Выборнов, Козин, 1989. С. 24; Юдин, 2004. С. 24; Мамонов, 2000. С. 164).

Рассматривая истоки неолитизации Волжского бассейна, А.А. Выборнов отмечает недостаточную аргументированность существующих гипотез (Выборнов, 2005. С. 152–158), тем не менее, азовско-прикаспийские истоки неолитизации лесостепи и леса при нынешнем состоянии изученности источников выглядят наиболее предпочтительными. Если проследить путь продвижения стада домашних животных, то этот путь пройдет от низовий Волги до Южного Урала и далее вверх по Волге до устья р. Ветлуги. Возможен и параллельный путь с низовий Волги на Окский бассейн, Суру и Самарскую Луку, но здесь не обнаружены следы домашних животных. Характерные так называемые елшанские орнаменты – заштрихованные зигзаги, треугольники, зоны и т. п. с фестонами, взаимопроникающими треугольниками, меандры – также просматриваются по цепочке культур: сероглазовская – джангарская – орловская – елшанская – средневолжская – волговятская группы, от зоны полупустынь через степь и лесостепь в лесные уголья Волжского бассейна. Время существования ранних комплексов посуды с накольчато-прочерченным орнаментом в Прикамье и Марийском Поволжье укладывается в рамки VI – рубежа VI–V тыс. до н. э.

Для поселений Марийского Поволжья имеются абсолютные даты: по углю из очага жилища поселения Отарское VI – 6700±40 л. н. (5595–5528 BC, 5628–5488 BC) (ЛЕ-5998). По керамике (анализы Киевской радиоуглеродной лаборатории М.М. Ковалюха любезно переданы мне профессором А.А. Выборновым, за что выражаю ему искреннюю признательность): для Отарского VI поселения – 6020±90 л. н. (5040–4790 BC, 5250–4650 BC) (Ki-14424), перекрывающая накольчатые слои гребенчато-ямочная

керамика датирована 5930±80 л. н. (4860–4710 BC, 5000–4590 BC) (Ki-14449) и 5810 л. н. (4730–4540 BC, 4860–4450 BC) (Ki-14425); для Дубовского III – 6130±100 л. н. (5150–4920 BC, 5310–4800 BC) (Ki-14534); 6095±90 л. н. (5080–4900 BC, 5280–4780 BC) (Ki-14533); для Дубовского VII 5950±90 л. н. (4940–4710 BC, 5050–4610 BC) (Ki-14532); для Сутырского V – 5710±90 л. н. (4490–4320 BC, 4600–4050 BC) (Ki-14540); 5805±90 л. н. (4730–4540 BC, 4860–4450 BC) (Ki-14578). Для Щербетской II стоянки получены даты 6620±90 л. н. (5620–5480 BC, 5720–5460 BC) (Ki-14134); 6530±90 л. н. (5560–5460 BC, 5630–5320 BC) (Ki-14098), 6090±90 л. н. (5080–4900 BC, 5260–4780 BC) (Ki-14530). Для стоянки Каир-Шак III получены даты по углю – 6950±100 и 6720±80 л. н. (Козин, 2002. С. 13). Дата, полученная также по углю из нижнего слоя Варфоломеевской стоянки, близка каиршакской – 6980±200 л. н. (Юдин, 2004. С. 146). Дата Воймежского I – 6550±100 л. н. (Энговатова, 1997. С. 107). В Волго-Окском междуречье раннеолитическая культура укладывается в рамки конца VII – начала VI тыс. до н. э. (Тимофеев, 2000. С. 81; Лозовский, 2003. С. 220). Серия дат по углю получена в последние годы Е.Л. Костылевой и Н.Е. Зарецкой для верхневолжской культуры: Языково I – 6730±80 – 6950±70; Ивановская III – 6540±70; Сахтыш II – 6850±110 – 6500±100; Сахтыш VIII – 6960±70. Как видно из этих примеров, даты, полученные по керамике, лет на 500–700 моложе дат, полученных по углю. Данное обстоятельство требует осторожного применения радиоуглеродных дат, полученных по разным (дерево, торф, кость, раковина, уголь, керамика и прочая органика) источникам, соответствующей критики, а пока типологический метод является приоритетным в исследовании культурогенеза.

Сопоставление материалов раннеолитических памятников лесостепи Волго-Донского междуречья приводит к мысли о елшанском центре накольчато-прочерченной керамики и дальнейшем ее распространении на Дон, Оку и Каму (Никитин, 2006. С.

- 97–102), подтверждением чему могут служить и наблюдения А.И. Юдина над материалами генетически родственных джангарской и орловской культур, предполагающих общую мезолитическую подоснову (Юдин, 2004. С. 144; Комаров, 2000. С. 16, 17).
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин А.Е., 1989. Исследования неолитической стоянки Каир-Шак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия: Межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев.
- Виноградов А.В., 1981. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.
- Выборнов А.А., 2005. О раннем неолите Поволжья // Изв. Самарского научного центра РАН. Самара.
- Долуханов П.М., 2003. Неолитизация Европы: пути и модели // Неолит – энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб.
- Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В., 2002. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья: По материалам стоянки Ивановская VII. М.
- Козин Е.В., 2002. Неолит Северного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Комаров А.М., 2000. Мезолит Северного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Крайнов Д.А., 1996. Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. М. (Археология.)
- Лозовский В.М., 2003. Переход от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2) // Неолит – энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб.
- Мамонов А.Е., 2000. Ранний неолит. Елшанская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара.
- Матюшин Г.Н., 1976. Мезолит Южного Урала. М.
- Моргунова Н.Л., 1995. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург.
- Никитин В.В., 1996. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола. (Тр. МарАЭ. Т. IV.)
- Никитин В.В., 2005. На стыке двух эпох (к вопросу о раннем неолите лесной полосы Средней Волги) // ТАС. Т. 1.
- Никитин В.В., 2006. Общие черты и специфические элементы раннеолитической посуды лесного Поволжья и лесостепных районов Волго-Донского междуречья. // Археологическое изучение Центральной России. Липецк.
- Петренко А.Г., 2007. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археологическим материалам). Казань.
- Синюк А.Т., 1988. О связях населения лесостепного Дона, Поволжья и Прикаспия в мезолите – неолите – бронзовом веке (к оценке характера древних обществ) // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Соловьев Б.С., 1984. Поселение Сосновая Грива // Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края. Йошкар-Ола. (АЭМК. Вып. 7.)
- Сорокин А.Н., 1991. Поздние памятники бутовской культуры и проблема раннего неолита Волго-Окского междуречья // Кравцов А.Е., Сорокин А.Н. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М.
- Ставицкий В.В., 2006. Неолит, энеолит и бронзовый век Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихоперья: динамика взаимодействия культур севера и юга в лесостепной зоне: Дис. ... докт. ист. наук. Ижевск.
- Тимофеев В.И., 2000. Радиоуглеродные даты и проблемы неолитизации Восточной Европы. СПб.
- Халиков А.Х., 1960. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // Тр. МарАЭ. Йошкар-Ола. Т. I.
- Цибрий А.В., 2003. Неолитические памятники Восточного Приазовья // Неолит – энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб.
- Энговатова А.В., 1997. Древние охотники и рыболовы Подмосковья. М.
- Юдин А.И., 2004. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов.

*Н.Ю. Петрова**Государственный исторический музей, Москва*

Природная адаптация гончарного производства древних волосовцев

Технология гончарного производства волосовских племен до сих пор является малоизученной темой. Для ее исследования был использован керамический материал поселения Великодворье I в Шатурском р-не Московской обл. (раскопки А.В. Емельянова). Памятник расположен на останце первой надпойменной террасы на правом берегу р. Пра, перед впадением в нее р. Ялма, и имеет площадь около 6000 м² (Емельянов, Кашина, 2005). В раскопанной части памятника (общей площадью 590 м²) были частично прослежены котлованы пяти жилищ полуземляночного типа волосовской культуры, которые могут быть датированы второй половиной III тыс. до н. э. (Емельянов, 2007. С. 3, 4).

Целью данного исследования является реконструкция историко-культурных традиций в гончарстве волосовского населения в части определения характера исходного сырья и состава формовочных масс. Для этого применялись методы бинокулярной микроскопии по методике А.А. Бобринского (1978) и физического моделирования звеньев производственного процесса. Анализу подверглись 270 фрагментов керамики примерно от 60 сосудов из жилищ 1, 2, 3, наиболее полно раскопанных в 2000–2004 гг.

Исходное сырье для изготовления волосовской посуды характеризуется следующими признаками, фиксируемыми в керамике:

1) не растворившиеся в воде плотные глинистые комочки: а) распределенные неравномерно (0–4 комочка; подсчеты числа частиц, кроме особо оговоренных случаев, проводились по излому черепка площадью 1 см²); б) размером от 0,25 до 2 мм, в редких случаях до 4 мм; в) округлой формы; г) различных оттенков рыжего, серого и коричневого цветов; д) твердые – царапаются иглой, не разрушаясь, оставляя характерный глинистый блеск. «Возможно, что некоторая часть этих комочков связана с продуктами жизнедеятельности рыб, которые, питаясь мелкой фауной и растениями, заглатывают грунт» (Бобринский, Васильева, 1998. С. 202);

2) кварцевый песок: а) неравномерно распределенный, много очень мелкого, единично представлен (или отсутствует) мелкий; б) очень мелкий – до 0,25 мм, чаще до 0,1 мм; мелкий – от 0,25 до 2 мм; в) округлый; г) прозрачный, серый, белый, иногда красный и розовый, встречающийся в прокаленных частях фрагментов керамики. На неровных поверх-

ностях песчинок встречаются частицы глины желто-коричневого цвета. Все это указывает на естественное происхождение песка;

3) обломки раковин моллюсков (двустворчатых и улиток): а) неравномерно распределенные – до 10 фрагментов; б) различного размера: 0,25–10 мм (в среднем 0,5–4 мм); в) округлых очертаний, со слоистым краем; г) белого или желтоватого цвета, без перламутра на поверхностях; д) мягкие или рыхлые; е) с горизонтальной структурой (отсутствие чешуек);

4) железистые включения: а) распределены неравномерно, но не более 2 включений; б) размером до 3 мм; в) аморфные; г) бурые; д) мягкие или рыхлые; е) внутри часто много песчинок. Оолитовый железняк: а) не более 1–2 включений; б) размером до 3 мм; в) округлый; г) бурый, малиновый; д) мягкий, либо царапается иглой; е) иногда выявляется двуслойность включений: внутри – бурый, снаружи – цвет ржавчины;

5) отпечатки растительных остатков водного происхождения: а) расположены неравномерно – до 6 включений; б) узкие, в ширину – 0,1–0,5 мм, видимая часть в длину – до 6 мм; в) плоские. Отпечатки растений из прибрежной зоны: а) расположены неравномерно – до 5 отпечатков; б) листья: в ширину – 0,25–3 мм, видимая часть в длину – 0,5–17 мм, стебли: диаметр – 0,25–0,7 мм, длина – 1–6 мм (1 случай – до 28 мм); в) не имеют на конце признаков сжатия (перекусывания, измельчения);

6) фрагменты чешуи рыб и их отпечатки в некоторых фрагментах керамики: а) диаметр 0,3–8,5 мм; б) черные, коричневые, темно-бордовые;

7) части позвонков и костей рыб (рис. 1) в некоторых фрагментах керамики: а) позвонки – 1,5 x 2 мм, кости – до 5 мм в длину; б) серые, темно-желтые, коричневые;

8) отпечатки личинок и червячков в некоторых фрагментах керамики: а) от 0,75 до 8 мм; б) на поверхности черная блестящая пленка от органического материала.

Указанные особенности в целом совпадают с признаками, отмеченными А.А. Бобринским и И.Н. Васильевой (1998. С. 202–204), и позволяют утверждать, что исходным сырьем для изготовления волосовской керамики являлся пластичный ил. Косвенно это подтверждается использованием при

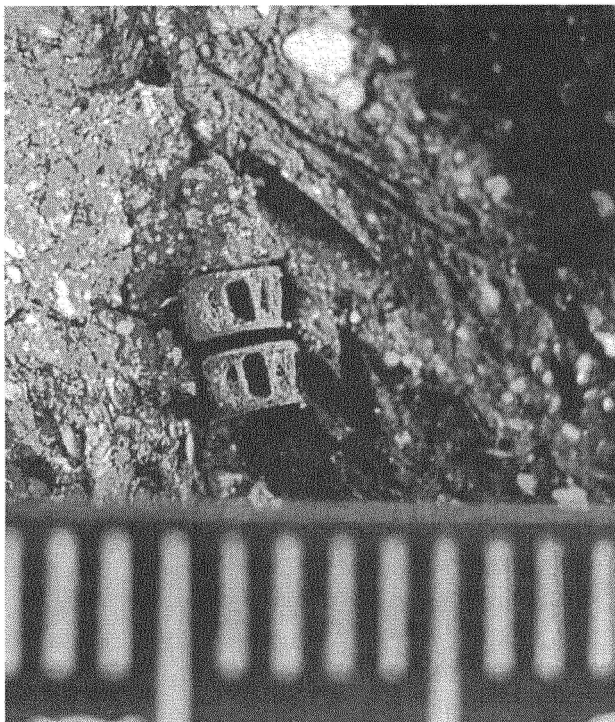

Рис. 1. Позвонки рыбы (фрагмент волосовской керамики с пос. Великодворье I)

конструировании сосудов лоскутного налёпа (Бобринский, Васильева. 1998. С. 204), а также значительной толщиной стенок сосудов. На поселении Великодворье I она составляет 6–23 мм, чаще всего 11–15 мм, что, возможно, обусловлено спецификой исходного сырья.

В результате повторного нагрева частей от каждого фрагмента керамики в муфельной печи (в течение 10 мин. при температуре 750°C) установлены три вида ожелезненности сырья, которое условно разделено на «средне ожелезненное» и «сильно ожелезненное» двух видов. Зафиксированы случаи присутствия в одном фрагменте различно ожелезненных слоев сырья, что связано с его слоистостью (Там же. С. 201).

Изучаемое сырье низкопластичное, т. к. в нем преобладает очень мелкий песок, что также побуждало мастера к изготовлению сосудов с более толстыми стенками.

Ил, скорее всего, добывался обитателями стоянки рядом с берегом водоема, т. к. он содержит мелкие растительные частицы и водную органику (Там же. С. 199). Судя по данным эксперимента, ил должен сохнуть в течение нескольких дней, чтобы быть пригодным для формовки. В данном случае он лежал достаточно долго, и его, вероятно, приходилось дополнительно размачивать перед употреблением. Об этом говорит тот факт, что в керамике встреча-

ются кусочки не размятого сырья (0,5–4 мм), плотные, почти не выделяющиеся по цвету, содержащие фрагменты раковин и песок.

Таким образом, для изготовления волосовских сосудов обитатели поселения использовали добываемое недалеко от берега илистое исходное сырье низкой пластичности и различной ожелезненности, которое перед употреблением сушилось и потом дополнительно размачивалось.

Состав формовочных масс. Помимо исходного сырья в керамике зафиксированы фрагменты моллюсков (вероятнее всего, двустворок), а также пух и перья птиц.

Примесь раковины характеризуется: а) различной концентрацией – от 2 до 20 фрагментов; б) различными размерами обломков – 0,25–13 мм; в) сглаженностью их очертаний и слоистостью краев; г) серым, иногда белым цветом излома и поверхности, сохранением перламутра; д) мягкостью; е) расщеплением по горизонтальным слоям, следствием чего является огромное число пылевидных чешуек (до 0,25 мм); ж) отсутствием пустот от органического материала.

Эти данные позволяют предположить искусственное внесение раковин в качестве примеси к исходному сырью. Судя по признакам, выделенным Н.П. Салугиной (2005. С. 87, 88), раковины использовались старые, без моллюсков, перед употреблением, вероятно, нагревались на углях, а потом разминались руками.

Пух и перья птиц: а) представлены также в разной концентрации – от 2 до 11 отпечатков; б) диаметр остевой части – 0,1–0,75 мм, длина всего отпечатка – 1–29 мм; в) изогнутые; г) в слабо обожженных частях керамики сохраняется черная блестящая пленка от органического материала; д) в редких случаях видны следы очинив перьев – утолщенные и колбообразно расширенные на конце.

По данным Д.В. Петряшова и С.Н. Павлова (2001. С. 66, 67), подобные очины характерны для гусеобразных (гуси и утки), что объясняется культом утки, существовавшим у волосовцев. На рассматриваемом поселении были найдены костяные изображения этих птиц (Емельянов, 2007. С. 140). Но более вероятным объяснением представляется широкая доступность данной примеси. По материалам раскопок, «среди птиц большинство костей принадлежит водоплавающим, в первую очередь утке» (Емельянов, Кашина, 2005).

В целом можно сказать, что в качестве примесей к исходному сырью использовались раковины моллюсков, а также пух и перья водоплавающих птиц, что предотвращало вредное влияние усадки сосудов при высыхании и обжиге.

Отличий по исследуемым технологическим ступеням в керамике разных жилищ поселения Великодворье I не зафиксировано, что говорит об относительной однородности культурных традиций волосовцев на поселении.

Гончарные традиции в части составления формовочных масс заключались в добыче и обработке ила с добавлением предварительно нагретых раковин моллюсков, а также пуха и перьев птиц. Это указывает на то, что гончарное производство, так же как и другие сферы жизнедеятельности волосовцев, было тесно связано с водоемом, на берегах которого они обитали.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.

Бобринский А.А., Васильева И.Н., 1998. О некоторых

особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.

Емельянов А.В., 2007. Отчет о раскопках неолитической археологической экспедицией ГИМ пос. Великодворье I в Шатурском районе Московской области в 2006 г. М.

Емельянов А.В., Кашина Е.А., 2005. Особенности организации быта волосовского населения Мешеры (по результатам раскопок пос. Великодворье I) // Забелинские чтения (ГИМ, Москва, 21.10.2005): Докл. М.

Петряшов Д.В., Павлов С.Н., 2001. К вопросу о примеси птичьего пуха в древней керамике Примокшанья // Историко-археологические изыскания: Сб. тр. молодых ученых. Самара.

Салугина Н.П., 2005. Технология керамики репинского типа из погребений древнеямной культуры Волго-Уралья // РА. № 3.

А.К. Пономаренко

Реутов

Некоторые итоги исследования неолита Камчатки

С 1975 по 2005 г. нами проводились маршрутные археологические разведки и раскопки на Камчатке, в результате которых были открыты и в разной степени исследованы более 800 археологических памятников (рис. 1). Около 500 из них паспортизовано.

Наиболее ранние из открытых памятников, относящиеся к раннему неолиту, исследованы в долине р. Авача (Авача 1, 9). По углю из кострища получена дата – 6180±50 л. н. Позиция раннеолитических памятников в культурной стратиграфии Камчатки определяется корреляцией разрезов стоянки Ушки I и стоянок Авача 1 и 9.

Культурные слои III и IV в разрезе стоянки Ушки I разделены слоем вулканического пепла № 19 (Диков, 1977. С. 46). Сотрудниками Института вулканологии ДВО РАН И.В. Мелекесцевым и М.М. Певзнер, изучавшими в 2007 г. разрез стоянки Ушки 1, пепел определен. Он отложился в результате крупного извержения вулкана Хангар, датированного 6957±30 л. н. (Мелекесцев и др., 1996. С. 5). Таким образом, слои III и IV стоянки Ушки I являются, видимо, одним слоем, разделенным датирующим его пеплом вулкана Хангар, а культура, представленная этим слоем, – ушковская раннеолитическая. В соответствии с новыми данными, раннеолитические комплексы стоянок Авача 1, 9 почти на 800 лет моложе и, вероятно, являются поздним этапом ушковской раннеолитической или, по нашему мнению,

ушковско-авачинской культуры. Учитывая уникальный характер авачинского комплекса (рис. 2: I), нельзя исключить, что им представлена особая авачинская культура. Ее наконечники, тесла и топоры не имеют пока аналогий на соседних территориях.

Ушковско-авачинскую культуру бродячих охотников сменила тарьинская культура оседлых рыбаков. Между культурными слоями стоянок Авача 1 и 9 (6180±50 л. н.) и нижним хронологическим горизонтом тарьинской культуры – III слоем стоянки Авача 7 (5200±100 л. н.) – временной разрыв около 1200 лет, пока не представленный археологическими памятниками. За этот период древнее население Камчатки почти полностью утратило навыки скалывания ножевидных пластин и перешло к расщеплению аморфных нуклеусов. Появляются новые типы каменных орудий труда. Однако у тарьинской культуры есть сходство с ушковско-авачинской, имеющее, видимо, генетический характер: единичные экземпляры призматических нуклеусов и ножевидных пластин, преобладание черешковых наконечников стрел на тарьинском этапе тарьинской культуры, шлифовка топоров и тесел, бифасальная обработка орудий труда, отсутствие керамики.

К тарьинской культуре относится большинство открытых стоянок и городищ. В 1960–1980-е гг. ее исследовали Н.Н. Диков и Т.М. Дикова. Т.М. Дикова установила, что тарьинская культура с 5200±100 л. н.

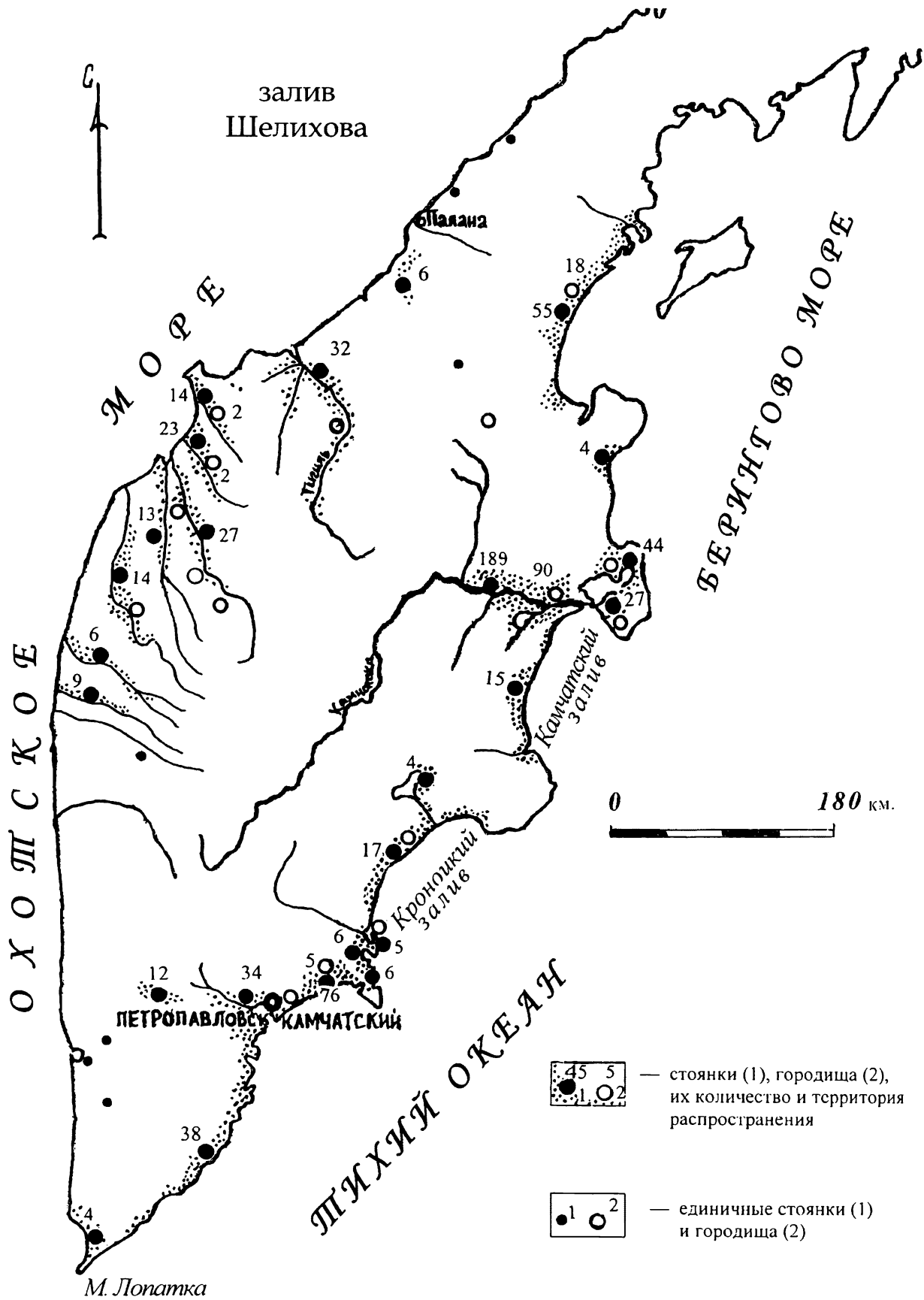

Рис. 1. Археологические памятники, исследованные автором с 1975 по 2005 гг.

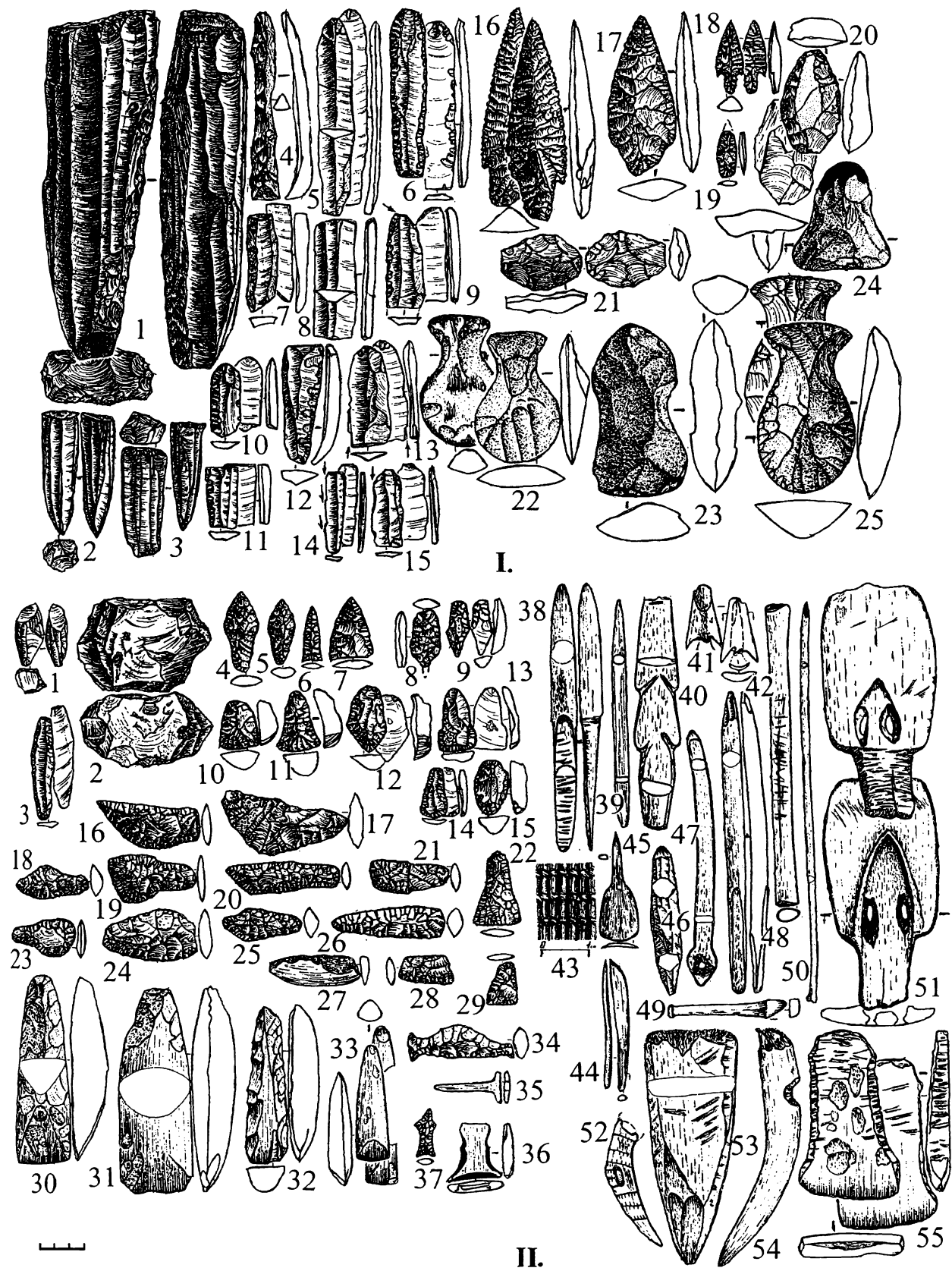

Рис. 2. Сводные таблицы инвентаря неолита Камчатки. I. Ранний неолит. Ушковско-авачинская культура, стоянки Авача I, 9. 1-19 – обсидиан; 20-25 – базальт. II. Развитой неолит. Тарьинская культура, тарьинский этап. 1-37 – камень; 38-42, 44-55 – кость, рог; 43 – трава.

по 380±50 л. н. прошла три периода в своем развитии: ранний, средний и поздний (Дикова, 1983. С. 166, 167). Полученные нами материалы позволили уточнить периодизацию этой культуры, выделив три этапа, совпадающие с тремя периодами неолита Камчатки (Пономаренко, 2005): развитым – тарьинский этап, 5200±100 л. н. – 2070±90 л. н. (тарьинская культура: Диков, 1979. С. 120; ранний и средний периоды: Дикова, 1983. С. 166); поздним – кроноцкий этап, I тыс. н. э. (Пономаренко, 1985. С. 199; часть памятников среднего периода: Дикова, 1983. С. 166); пережиточным – налычевско-никульский этап, II тыс. н. э. до XVII в. (Диков, 1979. С. 260, 270; поздний период: Дикова, 1983. С. 167).

Во второй половине II тыс. н. э. в результате контактов ительменов с айнами Северных Курил в комплексах инвентаря стоянок Южной Камчатки появляются железные ножи, бронзовые изделия, стеклянные бусы, плоскодонная керамика.

Глубина ительменского влияния на айнов, оказавшихся на Камчатке, напоминала их ассимиляцию ительменами. С присоединением Камчатки к России их миграция на острова усилилась, а во второй половине XVIII в. они совсем ушли с Камчатки и их связи с ительменами прекратились (Вдовин, 1990. С. 24–30).

На Северной Камчатке с началом расселения там коряков зона этнического контакта ительменов и коряков на северо-восточном побережье простиралась к северу от п-ова Озерного, на северо-западном – от междуречья рек Хайрюзова и Тигиль, видимо, до долины р. Палана (Вдовин, 1973. С. 276–279; Диков, 1979. С. 260).

Сравнение разновременных комплексов (рис. 1: II; 3: III, IV) указывает на значительный консерватизм каменной индустрии, очень медленную эволюцию основных типов орудий. Комплексы орудий из дерева, травы, рога и кости более динамично отражают изменения этнических контактов и экономики населения, однако они сохраняются плохо и поэтому представлены фрагментарно. Неолитические традиции сохранялись в условиях относительной географической изоляции полуострова до присоединения Камчатки к России. В рамках архаичных неолитических традиций существовали, практически не меняясь, до второй половины II тыс. н. э. основные производственные процессы хозяйственной деятельности: обработка камня, кости, дерева, бересты, шкур, травяных волокон. Хозяйство населения Камчатки было традиционно присваивающим. При обилии биоресурсов охота на морских животных на плаву доминирующей не стала, большое значение рыболовства было обусловлено обилием лососевых, добыча которых была наиболее доступна. Собира-

тельство также было традиционным на протяжении тысячелетий.

Стабильность хозяйства, предопределившая характер общественных отношений и консервацию сложившегося образа жизни, обусловлена стабильностью экосистем полуострова в последние 4–4,5 тыс. лет, что подтверждает автохтонность происхождения древнеительменской культуры (Диков, 1979. С. 126, 127; Вдовин, 1984. С. 194).

На Северной Камчатке с 1985 по 2002 г. нами обнаружены и обследованы около 200 стоянок и городищ. На четырех стоянках проведены раскопки. По результатам исследований выделены два культурных горизонта: без керамики, датирующийся I тыс. н. э., – стоянки Тихая 10, слой 2, Белоголовая 11, Анадырка, в устье р. Галган и др., являющиеся периферией кроноцкого этапа тарьинской культуры (Пономаренко, 2000. С. 183–188), – и с керамикой, датирующийся второй половиной I тыс. н. э. – второй половиной II тыс. н. э. (стоянки Тихая 10, слой 1, Ивашка 1, стоянки в устье р. Дранка и др.). Эти два культурных горизонта сосуществовали во второй половине I тыс. н. э.

Наиболее ранняя керамика на Северо-Западной Камчатке датируется 1420±150 л. н. (Кренке, 2002. С. 72). Это грубая круглодонная текстильная керамика.

Более поздней керамикой, датирующейся 1050±40 л. н., являются тонкостенные сосуды, орнаментированные несколькими рядами прямых или волнистых линий с короткими штрихами между ними или другими комбинациями этих элементов декора (Там же. С. 85). Нами такая керамика найдена на Северо-Западной Камчатке на стоянках в нижнем течении рек Тигиль, Хайрюзова, на стоянке Тихая 10, слой 1.

Серединой II тыс. н. э. датируется керамика на Северо-Восточной Камчатке. Это керамика круглодонная и шаровидной формы с прямыми венчиками, орнаментированная зонами оттисков – «вафельных», ногтевых и выполненных торцом трубчатой кости. Такая керамика была найдена нами на стоянках Ивашка 1, в устье р. Дранка и др.

Во второй половине II тыс. н. э. на обоих побережьях Северной Камчатки изготавливалась грубая круглодонная текстильная керамика с наклепными, треугольными в поперечном сечении, валиками.

По мнению Р.С. Васильевского, к XVI–XVII вв. население северной части Охотского побережья прекращает производство глиняной посуды, заменив ее деревянной (Васильевский, 1971. С. 137).

Возможно, такое распространение керамики во времени и пространстве на Северной Камчатке отражает локализацию вариантов древнекорякской

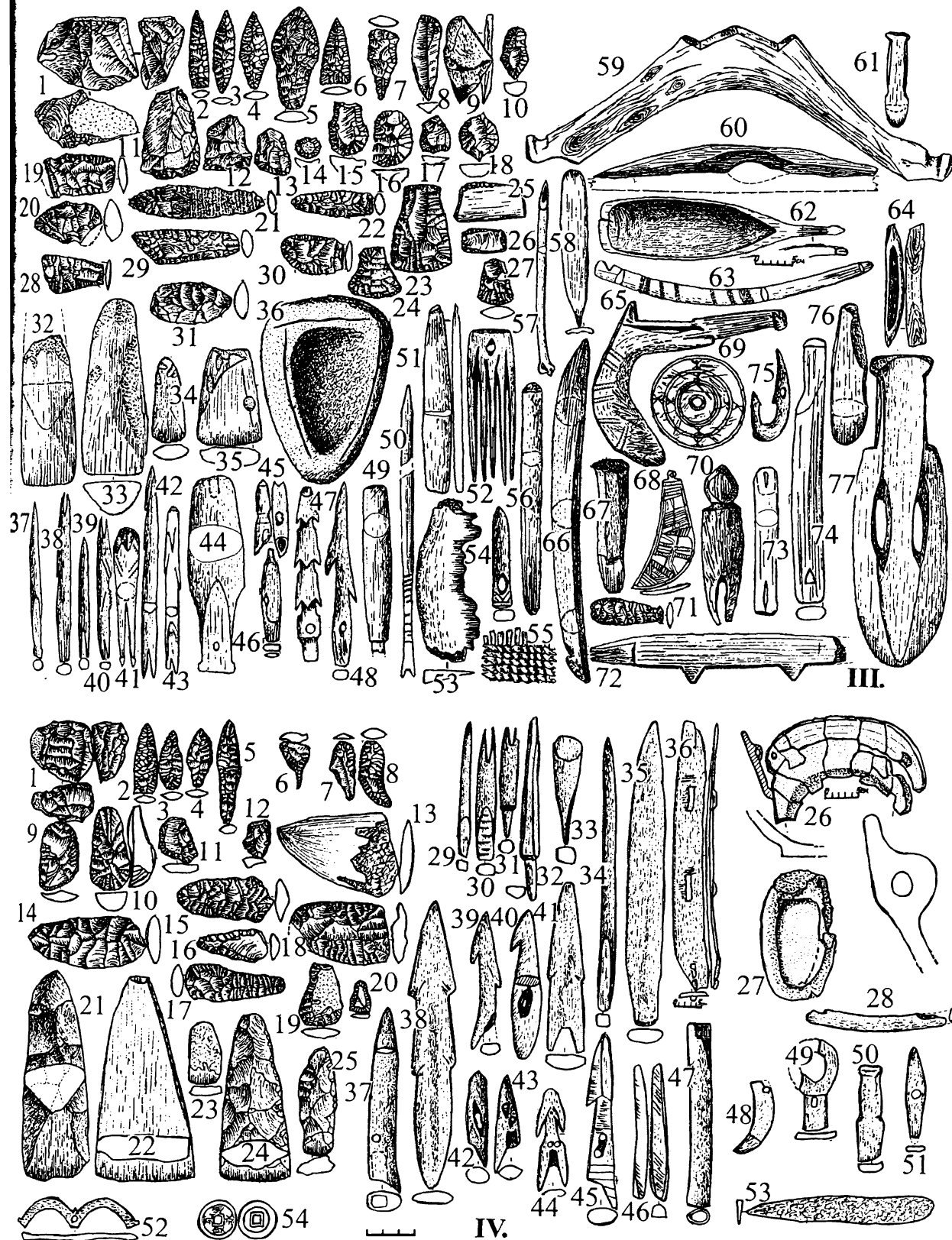

Рис. 3. Сводные таблицы инвентаря неолита Камчатки. III. Поздний неолит. Тарьинская культура, кроноцкий этап. 1-36, 71 - камень; 37-48, 51-54, 56-58, 61, 63, 65-69, 73, 75-77 - кость, рог; 49, 50, 59, 60, 62, 64, 70, 72, 74 - дерево, 55 - трава. IV. Пережиточный неолит. Тарьинская культура, налычевско-никульский этап. 1-25, 27 - камень, 26 - керамика; 29-52 - кость, рог; 53, 54 - железо, бронза

- культуры или нескольких культур, одна из которых, ивашкинская, выделена нами на Северо-Восточной Камчатке (Пономаренко, 2000. С. 188). По полученным ^{14}C датам, она относится к середине II тыс. н. э.
- Васильевский Р.С., 1971. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск.
- Вдовин И.С., 1973. Очерки этнической истории коряков. Л.
- Вдовин И.С., 1984. Роль географического фактора в истории народов Сибири (по материалам Северо-Востока) // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л.
- Вдовин И.С., 1990. Этногенез и этнические связи ительменов // История и культура ительменов. Л.
- Диков Н.Н., 1977. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М.
- Диков Н.Н., 1979. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. М.
- Дикова Т.М., 1983. Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М.
- Мелекесцев И.В., Брайцева О.А., Базанова Л.И., Пономарева В.В., Сулержицкий Л.Д., 1996. Особый тип катастрофических эксплозивных извержений – голоценовые субкальдерные извержения Хангар, Ходуткинский «маар», Бараний амфитеатр (Камчатка) // Вулканология и сейсмология. № 2.
- Пономаренко А.К., 1985. Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. М.
- Пономаренко А.К., 2000. Древняя культура ительменов Камчатки. Петропавловск-Камчатский.
- Пономаренко А.К., 2005. Неолит Камчатки: периодизация и особенности эволюции древних культур // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: Открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток.

Е.А. Сергушева

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Археоботанические данные о земледелии и собирательстве дикорастущих растений на юге Дальнего Востока в позднем неолите

При исследовании археологических памятников Приморского края почти четверть века применяется археоботанический подход. В результате использования флотационной методики получены многочисленные коллекции карбонизированных карпоидов (применяемый термин объединяет семена и плоды растений) более чем с 25 памятников, датируемых в широком хронологическом диапазоне – от неолитического времени до периода средневековья (6000–800 л. н.). Часть их обработана и идентифицирована З.В. Янушевич, С.В. Макаровой, Е.А. Сергушевой.

Это позволяет приступить к реконструкции процесса появления и эволюции земледелия, соотношения земледелия и собирательства пищевых дикорастущих растений в системах жизнеобеспечения населения территории Приморья для различных хронологических периодов на основе анализа прямых данных. К настоящему времени наиболее представительные археоботанические данные получены для периодов позднего неолита (5000–3400/3300 л. н. – зайсановская культурная традиция, далее ЗКТ) и раннего железного века (2500–1800/1700 л. н. – кроуновская археологическая культура). В предлагае-

мой работе отражены наиболее важные результаты археоботанических исследований, проведенных на ряде поселений ЗКТ.

Согласно имеющимся радиоуглеродным датировкам, первые памятники ЗКТ появляются на территории Приморья около 5300/5200 л. н. и продолжают существовать до 3400/3300 л. н. – начала эпохи палеометалла. Дата 5260 ± 33 л. н. (NUTA2-5486) получена из раннего зайсановского комплекса поселения Кроуновка 1 (Krounovka 1 Site... 2004. P. 54). Поздние даты – 3280 ± 45 л. н. (СОАН-4238), 3390 ± 55 л. н. (СОАН-4239), 3310 ± 45 л. н. (СОАН-4240) – получены для поселения Реттиховка-Геологическая (Коломиец и др., 2002. С. 97).

Нет сомнений в появлении зайсановского населения на территории Приморья в результате миграций из смежных районов Маньчжурии, начавшихся в конце атлантической фазы голоцена, после кратковременного похолодания (около 5400 л. н.). В последующее время приток населения ЗКТ продолжался. Миграции носили, вероятно, волнообразный характер. Первоначальным толчком для этих миграций, по всей видимости, могли послужить кли-

матические изменения, происходившие в период, переходный от атлантической к суббореальной фазе голоцена, и в начале суббореала (Вострецов, 2005. С. 165, 166; Вострецов, Сергушева и др., 2003).

К настоящему времени получены и полностью или частично исследованы семена и плоды из восьми поселений ЗКТ: Кроуновка 1 (ранний комплекс), Зайсановка 7, Зайсановка 1, Мустанг 1, Шекляево 7, Новоселище 4, Боголюбовка 1, Реттиховка-Геологическая. Изучение этих источников позволяет утверждать, что на всех этих поселениях присутствуют остатки культурных и пищевых дикорастущих растений. Остатки культурных растений представлены зерновками проса (как правило, проса метельчатого – *Panicum miliaceum*, в отдельных случаях проса итальянского – *Setaria italica*) и в одном случае семенами периллы (*Perilla frutescens*) – масличного овощного растения семейства губоцветных. Из пищевых дикорастущих растений зафиксированы остатки желудей (*Quercus sp.*), маньчжурского ореха (*Juglans mandchurica*) и лещины (*Corylus sp.*), амурского винограда (*Vitis amurensis*), боярышника перистонадрезанного (*Crataegus pinnatifida*), малины (*Rubus sp.*), яблочек-дичек (*Malus sp.*) и бархата амурского (*Phellodendron amurense*). Находки остатков культурных растений на поселениях ЗКТ и их отсутствие (несмотря на предпринятые поиски) на поселениях более раннего времени позволяют говорить о том, что впервые навыки земледелия появляются на территории Приморья в позднем неолите, на рубеже атлантика – суббореала (около 5000 л. н.), и эти навыки приносит с собой новое население – носители ЗКТ.

На поселении Кроуновка 1, одном из самых ранних памятников ЗКТ, – 5200 л. н. (NUTA2-5486), 4671±31 л. н. (NUTA2-5646), 4640±40 л. н. (Beta 171662) (Krounovka 1 Site ... 2004. P. 54; Вострецов, Сергушева и др., 2003. С. 374), – исследованы два котлована, оставшиеся от углубленных жилищ. Жилище 4 было обитаемо немногим позднее, чем жилище 5. Нижние части заполнений котлованов были полностью профлотированы. Полученная в результате коллекция растительных макроостатков содержала максимально возможное число карбонизированных карпоидов. Их видовое определение и последующее изучение позволили провести количественное сравнение остатков культурных и дикорастущих растений и дали основания утверждать, что именно дикорастущие, а не культурные, растения являлись главным источником углеводов для обитателей поселения Кроуновка 1 (рис. 1) (Сергушева, 2007. Рис. 4). В заполнениях жилищ 5 и 4 зафиксировано соответственно 240 и 480 фрагментов дикорастущих растений, а также 59 (16 зерновок проса

и 43 семени периллы) и 12 (только зерновки проса) семян культурных растений. Орудия, которые можно было бы интерпретировать как сельскохозяйственные, на поселении не обнаружены. Они могли отсутствовать как таковые при условии использования обитателями поселения для возделывания культурных растений подсечно-огневого способа. При использовании такой технологии, согласно этнографическим наблюдениям, для подготовки почвы под посевы специальные орудия не применялись, а главным «инструментом» был огонь (Петров, 1968). При выращивании растений на легкой аллювиальной почве в речной пойме р. Кроуновка могли применяться орудия, изготовленные из дерева и/или кости – материалов, не сохраняющихся в кислых почвах Приморья.

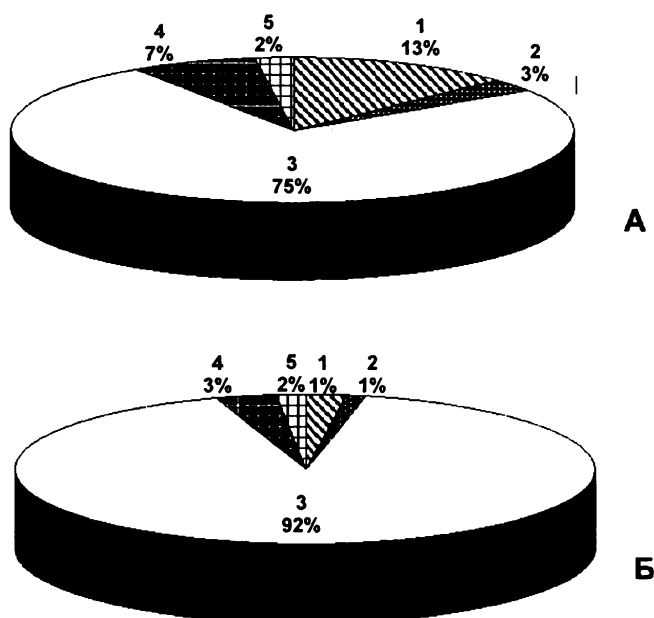

Рис. 1. Диаграмма процентного соотношения различных категорий карпоидов, обнаруженных в раннем комплексе поселения Кроуновка-1 в заполнениях жилищ № 5 (А) и № 4 (Б). Условные обозначения: 1 – семена культурных растений; 2 – семена неидентифицированных просяных растений; 3 – остатки дикорастущих растений; 4 – неидентифицированные семена; 5 – семена мусорных и сорных растений

Хотя из заполнений жилищ на других поселениях ЗКТ получено меньшее количество флотационных проб и, соответственно, археоботанического материала, количественное преобладание остатков дикорастущих растений и на этих поселениях не вызывает сомнений. Единственным исключением является поселение Реттиховка-Геологическая, где среди большого количества раздавленных крупных сосудов в заполнении котлована постройки, интерпретируемой исследователями как хранилище (Кру-

тых, 2005), обнаружено очень много (количественные подсчеты не проведены из-за многочисленности материала, но речь может идти о нескольких тысячах) зерновок культурного проса двух видов (метельчатого и итальянского) на фоне единичных находок карпоидов лещины, маньчжурского ореха, амурского бархата. Это поселение является самым поздним из известных памятников ЗКТ. Не исключено, что время его функционирования может совпасть со временем появления и существования на территории Приморья ранних памятников периода палеометалла.

Таким образом, проведенное исследование археоботанического материала, полученного с целого ряда поселений ЗКТ, позволяет сделать следующие выводы:

- 1) население ЗКТ занималось земледелием, основанным на выращивании проса;
- 2) земледелие не являлось ресурсобразующим компонентом систем жизнеобеспечения зайсановского населения и длительное время не играло сколько-нибудь значимой роли в этих системах;
- 3) согласно количественным подсчетам семян и плодов растений, обнаруженных на поселениях ЗКТ, продукты собирательства по своему пищевому вкладу преобладали над продуктами земледелия в системах жизнеобеспечения зайсановского населения;
- 4) в условиях широколиственных лесов Приморья, богатых пищевыми растительными ресурсами, собирательство долгое время было успешной альтернативой земледелию. Оно сохраняется на всех этапах ЗКТ, находясь в зависимости от потенциальных ресурсов районов поселений;
- 5) археоботанические и археологические данные

позволяют предполагать увеличение роли земледелия в экономике населения на финальном этапе существования ЗКТ (3800–3300 л. н.).

Вострецов Ю.Е., 2005. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // *Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы* / Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток.

Вострецов Ю.Е., Сергушева Е.А., Комото М., Миямото К., Обата Х., 2003. Новые данные о раннем земледелии в Приморье: неолитический комплекс поселения Кроуновка 1 // *Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Мат. междунар. конф.* (Владивосток, сентябрь 2003 г.). Владивосток; Новосибирск.

Крутых Е.Б., 2005. Археологические исследования на памятнике Реттиховка-Геологическая в Черниговском районе и г. Находка Приморского края в 2004 г. // *Архив МАиЭ ДВГУ. № 30.*

Коломиец С.А., Батаршев С.В., Крутых Е.Б., 2002. Поселение Реттиховка-Геологическая (хронология, культурная принадлежность) // *Археология и культурная антропология Дальнего Востока* / Отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток.

Петров В.П., 1968. Подсечное земледелие. Киев.

Сергушева Е.А., 2007. Раннее земледелие в Приморье по материалам поселения Кроуновка 1 // *Вестник Новосибир. гос. ун-та. Сер.: Ист., филолог. Т. 6. Вып. 3: Археология.*

Krounovka 1 Site in Primorye, Russia: Report of excavation in 2002 and 2003 // *Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia* / Komoto M., Obata H. (Eds.). Kumamoto, 2004.

И.В. Усачева

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

Декоративные традиции оформления «утюжков» и особенности их распространения в Евразии в первой половине – середине голоцена

Декор археологических предметов относится к числу важнейших культурно-диагностирующих признаков, поэтому его изучению всегда уделяется особое внимание. Однако если для массовых категорий находок (керамика) методика его исследования более или менее разработана и носит системный характер, то для графического оформления инди-

видуальных изделий единых принципов анализа не сложилось ввиду отсутствия представительных выборок предметов. Обычно акцент при изучении декора таких образцов, там, где он выходит за пределы чисто описательных характеристик, смещается в сторону попыток реконструкции его семантической нагрузки. Весьма показательны в этом отношении

«утюжки». Это название закрепилось за небольшими (3–23 см, чаще – 6–12 см), разнообразными по форме, качеству обработки и декору предметами из камня или глины с поперечным желобком определенного диаметра (0,7–1,4 см), бытовавшими от мезолита до эпохи бронзы включительно. Форму и орнамент отдельных «утюжков» неоднократно пытались интерпретировать (Викторова, Кернер, 1998; Панченко, 2000; Викторова, 2002; Ковалева, Шилов, 2002 и др.), однако обобщения характеристик и системного анализа ни того, ни другого никогда не проводилось. Методической основой изысканий выступал поиск аналогий отдельным элементам морфологии и декора, что при отсутствии обоснований правомерности сопоставления разноплановых предметов, к тому же значительно удаленных во времени и пространстве (Шумер, Триполье, тексты Ригведы и т. д.), делает полученные выводы бездоказательными. Между тем «утюжки», являясь относительно редкой, но яркой находкой, отмечены в материалах свыше 60 культур и культурных типов. Территория их распространения в Евразии простирается от Молдавии на западе до Монголии на востоке и от Восточного Средиземноморья на юге до границы таежной зоны на севере. Общее количество изделий исчисляется сотнями. Автором по фондовым и литературным источникам собрано 446 экземпляров. Число образцов с информацией по оформлению поверхности несколько меньше – 351 (78,7%). Среди них больше половины (188 или 53,8%) в той или иной степени орнаментированы. (Впрочем, понятие «орнамент» не совсем точно отражает систему украшения «утюжков», поскольку ритмичность узора здесь не является обязательным признаком. Содержательно более правильно в данном случае использовать понятие «декор», а точнее «графический декор», в отличие от скульптурного, который также встречается на «утюжках».) Однако следует иметь в виду, что это усредненный показатель, по-разному проявляющий себя в конкретных регионах. Так, например, в коллекции пока не зафиксировано ни одного декорированного изделия с территорий Средней Азии и Закавказья. Напротив, в Сибири и в Центральной России соответствующий процент приближается к 80. Особенностью декоративного оформления «утюжков» является высокая степень индивидуальности.

В данной работе предпринята попытка анализа декора поперечно-желобчатых изделий с использованием принципов системного подхода, рассматривающего отдельные элементы структуры в их взаимосвязи. Структурирующими блоками выступают технический (техника выполнения декора) и морфологический (декор как иерархическая струк-

тура изобразительных составляющих). В качестве уровней морфологического блока рассматриваются элемент, мотив и его вариации, сюжет и сюжетная линия. *Элемент* – отдельное неделимое изображение (линия, накол, оттиск и т. д.). *Мотив* состоит из конечного числа слагающих его элементов, относительно неизменно повторяющихся в декоре. *Сюжет* представляет собой устойчивую комбинацию мотивов и их вариаций. В простейших случаях он может быть равнозначен одному мотиву и даже элементу. Сюжеты обладают завершенностью и в этом плане тождественны понятию композиция, которое используется при характеристике орнаментальной схемы сосуда. Однако в отличие от последней каждый сюжет имеет точное место локализации на «утюжке» (продольная осевая линия, торцы, периметр желобка, концы желобка, желобок, верхняя плоскость т. д.). Завершенность и устойчивая связь с морфологией «утюжка» предполагают знаковость сюжета, его семантическую самостоятельность и значимость. Поэтому именно сюжет можно считать высшей ступенью иерархии декора. Однако встречаются и более сложные структуры, представляющие комбинацию сюжетов, что, видимо, следует рассматривать не как особый уровень, но как отражение факта сочетания разных декоративных традиций. Из общей сюжетной канвы выпадают так называемые знаки (29 экз.) – набор изображений из одной-двух коротких небрежных черточек, крестиков, насечек, царапин. Они характеризуются аритмичностью и индивидуальностью, поэтому систематизации не поддаются. Не исключено, что по крайней мере часть знаков является метами.

Анализ техники декора показал его незначительную вариативность, спектр которой оказался удвоенным за счет использования разного по пластичности исходного сырья – камня и глины. Для украшения каменных изделий применялись резьба или процарапывание, насечки, сверление. Для глиняных – прочерчивание или резьба по подсыхшей глине, оттиски лопаточки, накол; единично использованы отступающая палочка и гребенчатый штамп. Несмотря на разные технические приемы исполнения, по конечному результату орнаментация глиняных и каменных изделий практически не отличается. Фактически декор глиняных предметов имитирует декор каменных. Отмечается абсолютное преобладание резной техники (свыше 70%, а с учетом прочерчивания по высохшей глине – около 80%).

Элементы декора, прослеженные на «утюжках», в целом соответствуют фонду простейших элементов орнамента не-энеолитической керамики территории их распространения. Наиболее широко и количественно, и территориально представлены

вертикальные и наклонные прямые линии, насечки. Соответственно среди мотивов доминируют множественные продольные и одинарные прямые линии, полоса насечек, косая сетка и вертикальная «елочка». Многообразие элементов (34) и мотивов (43), большая часть которых использована не чаще 1–3 раз, отражает стремление к неповторимости декора.

Сюжеты, как следует из анализа, отличаются от орнаментальных композиций посуды не только особенностями локализации, но и принципами построения. Большая их часть состоит из двух половин – *полусюжетов*, отраженных от желобка по зеркальному принципу. Тем не менее, абсолютно симметричный графический декор – явление чрезвычайно редкое (9%) из-за отсутствия качественных или количественных дополнений. Полусюжеты обладают известной автономностью и могут использоваться в качестве самостоятельных единиц или комбинироваться с другими разновидностями. Отмечены случаи, когда сюжет редуцирован до 1/4 и занимает лишь один из квадрантов «утюжка». Некоторые сюжеты, напротив, могут умножаться. Такой способностью обладают только круговые разновидности, ориентированные на контур желобка или периметр «утюжка». Все проявления одного полусюжета составляют *сюжетную линию*. Всего выделено 17 сюжетных линий, ставших основой 38 сюжетов. В их локализации прослежены следующие закономерности: 3 вида ориентированы на центральную осевую линию с желобком в качестве разделителя; 3 – на верхнюю плоскость/поверхность с желобком в качестве разделителя; 2 – на боковую поверхность; 1 – на внутреннюю поверхность желобка; 1 – на межжелобковое пространство у экземпляров с двумя канавками; 2 – на концы желобка; 1 – на контур желобка; 1 – на концы «утюжка»; 1 – на периметр. Два вида являются ограничивающими: один служит рамками узора на верхней плоскости, реже просто плоскости; второй, соответственно, оформляет нижнее боковое ребро, порой заполняя все пространство боковой поверхности вплоть до центральной осевой линии. К числу наиболее распространенных относятся: декоративная линия вдоль продольной оси (33), узкая узорная полоса вдоль продольной оси (40), разновидности многократного линейного декора верхней поверхности (35), продольная узорная полоса на боковых поверхностях (24) и кайма по периметру (ребрам) «утюжка» (23). Два первых

вида близки между собой и, вероятно, могут быть объединены в одну, доминантную, группу (около 30%), показывающую, что практически каждый третий «утюжок» имеет графически украшенную продольную ось.

Количество задействованных сюжетных линий на разных территориях различается. Наибольшей вариативностью отличаются Урал и Зауралье (15), Украина (14), Казахстан (13), Сибирь (11). Сравнение наборов сюжетных линий регионов показывает, что на разных и порой достаточно удаленных друг от друга территориях фиксируются идентичные разновидности декора. Это требует объяснения, поскольку считать многочисленные случаи совпадений случайностью вряд ли возможно. Противоречит гипотезе случайности и довольно сложный характер ряда сюжетов. Кроме того, отмечено, что многие сюжетные линии при картографировании выстраиваются в протяженные, хронологически упорядоченные там, где есть возможность это проверить, цепочки. Все это, наряду с установленным ранее фактом наличия культурозависимых признаков в декоративно-морфологическом оформлении «утюжков» (Усачева, 2006), позволяет высказать предположение, что отдельные разновидности сюжетных линий являются принадлежностью разных культурных традиций. Из чего вытекает, что отслеживание направлений распространения декоративных особенностей оформления «утюжков» может оказаться плодотворным для изучения направлений, сроков и способов распространения культурного взаимодействия в Евразии в первой половине – середине голоцена.

Викторова В.Д., 2002. Святилище боборыкинской культуры на памятнике Палатки I // ВАУ. Вып. 24.

Викторова В.Д., Кернер В.Ф., 1998. «Утюжки» с неолитических и энеолитических памятников Зауралья // ВАУ. Вып. 23.

Ковалева В.Т., Шилов С.Н., 2002. Прообраз Индры: об интерпретации антропоморфного изображения на сосуде // ВАУ. Вып. 24.

Панченко Ю.В., 2000. К вопросу о хронологии распространения неолитических челноков // Хронология неолита Восточной Европы: Тез. докл. междунар. конф., посвящ. памяти Н.Н. Гуриной. СПб.

Усачева И.В., 2006. К вопросу о культурозависимых признаках «утюжков» // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. Вып. 7.

*Т. А. Хорошун**Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН, Петрозаводск*

Комплексы ромбоямочной керамики эталонных памятников на западном побережье Онежского озера (к вопросу культурной принадлежности)

Памятники с ромбоямочной керамикой на западном побережье Онежского оз. являются важным источником для изучения переходного этапа от неолита к энеолиту. Территориально оно ограничивается на севере окрестностями г. Петрозаводска, на юге – административной границей с Ленинградской обл. В Карелии исследовано более 200 поселений (Археология Карелии, 1996. Рис. 33. С. 154). По сравнению с другими западное побережье изучено пока недостаточно полно, но здесь известна группа памятников с многочисленным и информативным инвентарем: изделиями из глины, камня, металла, янтаря. Ромбоямочная керамика обнаружена на 45 многокомплексных поселениях в совместном залегании с более ранними и поздними типами.

Вопрос о происхождении ромбоямочной керамики и времени ее существования на территории Карелии рассматривается в контексте изучения ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамики. Делаются попытки выяснения характера их взаимосвязей и сосуществования, но в полной мере связанная с ней проблематика остается неизученной.

Существует предложенная А.П. Журавлевым периодизация раннего энеолита по материалам эталонных памятников: ранний (Вигайнаволоцкий) и поздний (Пегремский). Основные отличия, считает он, наблюдаются в орнаментации сосудов: для раннего периода характерно использование гребенчатого штампа и ямок различной формы, геометрические узоры; для позднего – овальных и ромбических ямок, гребенчатого штампа, упрощение орнамента и небрежная техника его нанесения, которая действительно характерна для орнаментации ромбическими ямками. Но ромбические ямки как элемент орнамента встречаются на сосудах первого периода. Неясен переходный этап от одного этапа к другому. Исследователь отмечает, что энеолитическая ромбоямочная керамика развивается на местной неолитической основе, затем она распространяется на север, запад и юго-восток Карелии (Журавлев, 1979. С. 82–86). В данном случае речь идет о ее связи с ямочно-гребенчатой керамикой. Но финал неолитической ямочно-гребенчатой керамики остается неопределенным (Лобанова, 2003. С. 253–264). Схожие признаки в орнаментальной традиции разных типов керамики,

в том числе и ромбоямочной, специально не рассматривались. Памятники с совместным залеганием ромбоямочной и гребенчато-ямочной керамики изучались И.Ф. Витенковой. К гребенчато-ямочной керамике отнесены толстостенные сосуды, верхний край обычно скошен внутрь, поверхность орнаментирована оттисками гребенчатого штампа (доминируют) и рядами ямок. На раннем этапе ее развития венчики скошены внутрь (50–85%), прямые нерасширенные венчики составляют 2–15%, позднее их количество уменьшается, появляются венчики оригинальных форм (ромбические, суженные сверху, закругленные, загнутые наружу, с наплывом). На ранних памятниках с гребенчато-ямочной керамикой круглые ямки составляют 50–100%, на поздних соотношение ямок различной формы увеличивается. В раннеэнеолитических комплексах преобладают круглые и ромбические ямки (Витенкова, 2002. С. 94–95). Но нередко мы можем наблюдать сочетание разных форм ямок и на ромбоямочной керамике. Также стоит отметить, что, по последним данным, изображение водоплавающих птиц, свойственное гребенчато-ямочной керамике (Витенкова, 2002. С. 96), встречается на поселениях, относящихся к кругу культур с ямочно-гребенчатой и типичной гребенчатой керамикой (Костылева, Уткин, 2008. С. 437).

Существует мнение о связи ромбоямочной керамики с деснинской культурой (Неолит Северной Евразии, 1996; Смирнов, 1991). К сожалению, специального исследования в виде сравнительного анализа между этими типами керамики не проводилось, но даже знакомство с рисунками позволяет предположить, что ромб как таковой довольно сильно разнится на сосудах из поселений Карелии и Десны, как и сами сосуды. Вывод о распространении ромбоямочной керамики с территории Десны (Витенкова, 1996. С. 160), на наш взгляд, недостаточно обоснован. Анализ керамических комплексов эталонных памятников западного побережья Онежского оз. – новый этап в изучении смешанных комплексов и выяснении вопросов периодов развития раннеэнеолитической керамики, ее происхождения и культурной принадлежности.

Базовыми источниками при изучении ромбоямочной керамики послужили материалы поселений

Соломенное I, Пески IV, Вигайнаволок I и Деревянный I (рис. 1). Особое внимание обращено на поселение Вигайнаволок I, исследованное на площади 2748 м², где выявлены остатки неолитических и энеолитических жилищ, собран значительный инвентарь.

Рис. 1. Расположение эталонных памятников с ромбоямочной керамикой на западном побережье Онежского озера

Все сосуды определялись по количеству венчиков, общее число которых составило 538. Из них 471 происходит из поселения Вигайнаволок I (использованы материалы раскопок 1964 г. как наиболее представительные). Ромбоямочная посуда толстостенна (0,7–1,1 см). В тесте наблюдается примесь дресвы. По форме и способу оформления венчика сосуды подразделяются на следующие типы: с прямым, скошенным внутрь, расширенным, остроугольным венчиком и промежуточные типы, сочетающие обычно два элемента от разных форм. Наиболее многочисленны сосуды с остроугольными, в меньшей степени – расширенными и скошенными внутрь венчиками. Практически единично представлены промежуточные типы, в основном связанные признаками с расширенной формой. Сосуды объединены в отдельные группы в зависимости от количества использованных элементов орнамента. Наиболее распространены сосуды, где сочетаются один-два

элемента (295 экз.), менее – три (180), а четыре-пять элементов отмечены на 63 экз. Для двух последних групп характерны гофрированность, использование «защипов», ямок различной формы на одном сосуде. Самым распространенным сочетанием элементов являются оттиски гребенчатого или гладкого штампов и ромбические ямки, наибольший их процент наблюдается также на сосудах, имеющих гофрированность (от 14 до 79%). Довольно часто в орнаментации посуды используются ямки различной формы с «рубцами».

Наблюдается определенное сходство в орнаментации между ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной, гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой. Оно выражается, в первую очередь, в типичных для ямочно-гребенчатой керамики прямых, скошенных и расширенных формах венчика. Остроугольная форма венчика и гофрированность – признак более поздний – встречается в комплексах как гребенчато-ямочной, так и ромбоямочной керамики. Интересно, что намеченный И.Ф. Витенковой типичный для гребенчато-ямочной керамики комплекс признаков (преобладание гребенчатого штампа, толстостенность, ямки различной формы, геометрические узоры), характерен и для ромбоямочной керамики. Прослеживаются отдельные признаки сходства с ямочно-гребенчатой керамикой в использовании таких элементов орнамента, как оттиски веревочного и позвонкового штампов, прочерченные линии. Привлекают внимание фрагменты сосудов с сочетанием круглых и ромбических ямок, хотя их количество невелико. Есть также варианты с сочетанием овальных и круглых, овальных и ромбических ямок, которые в свою очередь могут свидетельствовать о сохранении традиции неолитической ямочно-гребенчатой керамики.

По результатам проведенного исследования можно говорить о хронологически разных, но преемственных в культурном плане типах керамики – ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбоямочной. Для всех поселений характерно несколько комплексов. Это комплекс тонкостенной ямочно-гребенчатой керамики, сопоставимый с керамикой ряда памятников и, по мнению Н.В. Лобановой, относящийся к промежуточному этапу развития ямочно-гребенчатой керамики Карелии, между ранней типа Черной Речки I и поздней типа Оровнаволок IV и Пегрема V (Лобанова, 1988. Л. 20–21). Выделяется гребенчато-ямочная посуда. Часть ромбоямочной керамики имеет черты сходства с поздним периодом ее развития (Витенкова, 2002. С. 92–95). На этом основании можно предположить, что гребенчато-ямочная посуда является этапом развития ромбоямочной керамики. Об этом

свидетельствуют такие ее признаки, как толстостенность сосудов, значительное количество дресвы, тщательное оформление венчиков, их разнообразие, гофрированность, элементы орнамента – ямки различной формы и наличие фрагментов с водоплавающими птичками на обоих типах посуды.

Таким образом, есть основания предполагать, что существует определенная преемственность в культурной традиции орнаментации разных типов керамики. Представляется возможным и обоснованным рассматривать гребенчато-ямочную и ромбоямочную посуду как последовательные хронологические этапы развития ямочно-гребенчатой, а также развитие ромбоямочной керамики на местной неолитической основе.

Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.

Витенкова И.Ф., 1996. Культура ромбоямочной керамики // Археология Карелии. Петрозаводск.

Витенкова И.Ф., 2002. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск.

Журавлев А.П., 1979. Энеолитический этап в карельской археологической культуре и проблема его датировки // КСИА. № 157.

Журавлев А.П., 1991. Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск.

Журавлев А.П., 1992. Среднекарельская энеолитическая культура // Миграции и связи древних обществ лесной полосы Евразии в эпоху камня – раннего металла. Петрозаводск.

Костылева Е.Л., Уткин А.В., 2008. Изображение водоплавающих птиц на льяловских сосудах с сахтышских стоянок // Человек, адаптация, культура. М.

Лобанова Н.В., 1988. Неолитическое поселение Вигаинаволоок I // Архив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. № 710.

Лобанова Н.В., 2003. Хронология и периодизация памятников с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Карелии // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб.

Неолит Северной Евразии. М., 1996.

Смирнов А.С., 1991. Неолит верхней и средней Десны. М.

Ю.Б. Цетлин

Институт археологии РАН

Орнаментация керамики и периодизация неолитических культур

Знания о периодизации неолита Центра Русской равнины существенно менялись на протяжении XX в. Исследователями последовательно предлагались три схемы развития культур:

1) схема Б.С. Жукова (1929), который выделял следующие «керамические циклы»: наиболее ранняя керамика типа «языковской» – «комплекс круглоямочно-гребенчатой керамики» – комплекс «собственно гребенчатой керамики» типа Волосово. Они, по его мнению, «характеризуют общий ход модификации керамики лесного охотничье-рыболовецкого неолита»;

2) схема А.Я. Брюсова и М.Е. Фосс (1952). В качестве наиболее ранней рассматривалась культура с ямочно-гребенчатой керамикой льяловского типа, связанная с местным мезолитом, которая стала основой для целого ряда родственных культур, распространившихся в лесной зоне Восточной Европы. В позднем неолите эти культуры сменяются пришедшей волосовской культурой;

3) схема Д.А. Крайнова (1978). Наиболее ранней считалась верхневолжская культура, открытая в

1972 г. и связанная с местным мезолитом. Ее сменяла культура с ямочно-гребенчатой керамикой, которая позднее стала основой для формирования протоволосовской и волосовской культур. Верхневолжская культура – это как раз тот пласт, на который в свое время обратил внимание Б.С. Жуков.

В основе всех названных построений лежала керамика, и прежде всего ее орнамент. Однако несмотря на интенсивные исследования, вопрос о периодизации в целом неолита Центра Русской равнины и самих археологических культур остается до сих пор времени глубоко дискуссионным.

Причина такой дискуссионности, с моей точки зрения, является следствием слабой разработки *собственно археологических методов периодизации древностей*. В последние десятилетия в отечественной науке о неолите наметилась тенденция подмены проблемы периодизации исторического процесса проблемой его хронологизации средствами естественных наук. Однако такие методы тоже не дают стопроцентно надежных результатов.

Изложенные здесь результаты подводят опреде-

ленный итог моим более чем 30-летним исследованиям в этой области. За это время был постепенно разработан комплекс методов решения проблемы периодизации древних культур. К ним относятся: 1) *метод реконструкции культурной стратиграфии* многослойных поселений с перемешанным культурным слоем и выделения разновременных культурных горизонтов; 2) *метод периодизации культур* путем анализа реконструированной культурной стратиграфии поселений сначала на *качественном*, а позднее на *количественном* уровне; 3) *метод внутренней периодизации культур* по данным об орнаментальных керамических традициях; 4) *метод системного описания стилистических орнаментальных традиций в гончарстве* на уровне элементов, узоров, мотивов, образов и композиций орнамента.

В качестве основного источника для решения этой проблемы был выбран именно орнамент на керамике. Это было обусловлено, во-первых, широким распространением его на посуде (напомню, что все археологические культуры этого обширного региона были выделены именно по орнаменту на сосудах); во-вторых, тесной связью глиняной посуды с человеком (сосуды использовались практически в каждом домохозяйстве); в-третьих, передачей навыков в гончарстве почти исключительно по родственным каналам, что вело к распространению культурных традиций в родственной среде и, наконец, в-четвертых, тем, что, судя по данным этнографии, именно внешний облик позволял древнему человеку отличать «свою» посуду от «чужой».

Предпринятое исследование базируется на изучении орнамента по обломкам более чем от 3000 сосудов волго-окской, верхневолжской, ямочно-гребенчатой и волосовской культур. При этом «внутренняя» периодизация культур реконструировалась по данным о *составе и соотношении элементов орнамента* на керамике. Этот уровень дает, с одной стороны, наиболее массовую и, соответственно, надежную, а с другой – наиболее обобщенную информацию об орнаментальных традициях. Рассмотрим кратко полученные результаты (рис. 1).

Волго-Окская культура. Выделено 4 периода. В I периоде зафиксирована почти исключительно неорнаментированная посуда. Слабо орнаментированная посуда преобладает и позднее, хотя доля ее несколько сокращается. Во II периоде распространяется посуда с накольчатый орнаментом, который в III периоде достигает своего расцвета. В IV периоде, помимо участков «без орнамента», примерно одинаково были распространены накольчатый и гладкий элементы орнамента.

Верхневолжская культура. Выделено 3 периода. В I периоде наиболее массовыми были: участки

«без орнамента», а также пунктирный, гребенчатый и накольчатый элементы. Во II периоде сокращается доля участков «без орнамента» и доля накольчатого орнамента и возрастает доля пунктирного, ямочного и гребенчатого элементов. В III периоде происходит резкий рост доли гребенчатого и ямочного элементов орнамента.

Культура с ямочно-гребенчатой керамикой. Выделено 9 периодов, которые показаны на графике в сгруппированном виде. Выявляются следующие тенденции развития орнамента: 1) рост во времени доли ямочного и гребенчатого элементов; 2) распространение накольчатого элемента только в ранние периоды (I–III); 3) бытование керамики с участками «без орнамента» в I–IV периоды развития культуры

Волосовская культура. Выделено 3 периода. В I периоде наиболее широко использовались ямчатый, гребенчатый и рамчатый элементы орнамента. Во II периоде сохраняется доля гребенчатого орнамента и резко возрастает доля участков «без орнамента» на поверхности сосудов. В III периоде еще более возрастает доля неорнаментированных участков и широко распространяется ямочный элемент орнамента.

Синхронизация описанных периодизаций культур друг с другом позволила построить общую периодизацию неолитических культур Центра Русской равнины. На рис. 2а показано: 1) относительное положение культур на общей оси времени, 2) периоды внутреннего развития каждой культуры с учетом их относительной длительности и 3) хронологические границы культур, выясненные путем обобщения 108¹⁴ С дат, полученных по тем памятникам, которые использованы в работе.

Легко заметить, что в истории каждой культуры выделились как периоды ее *обособленного* бытования, так и периоды *существования* с другими культурами. Именно в периоды существования культур возникает потенциальная возможность контактов между их носителями, что может вести к возникновению у них более близких орнаментальных традиций.

Рассмотрим, имело ли это место в данном случае.

На рис. 2б показана степень сходства орнамента на керамике разных культур в периоды их существования (черный цвет) и в периоды их обособленного бытования (серый цвет). Цифрами обозначена степень сходства (в %), причем, чем больше численная величина, тем выше сходство орнаментальных традиций. Судя по приведенным данным, во-первых, в периоды существования волго-окской и верхневолжской культур степень сходства их орнамента в 1,7 раза выше, чем в периоды их обособленного

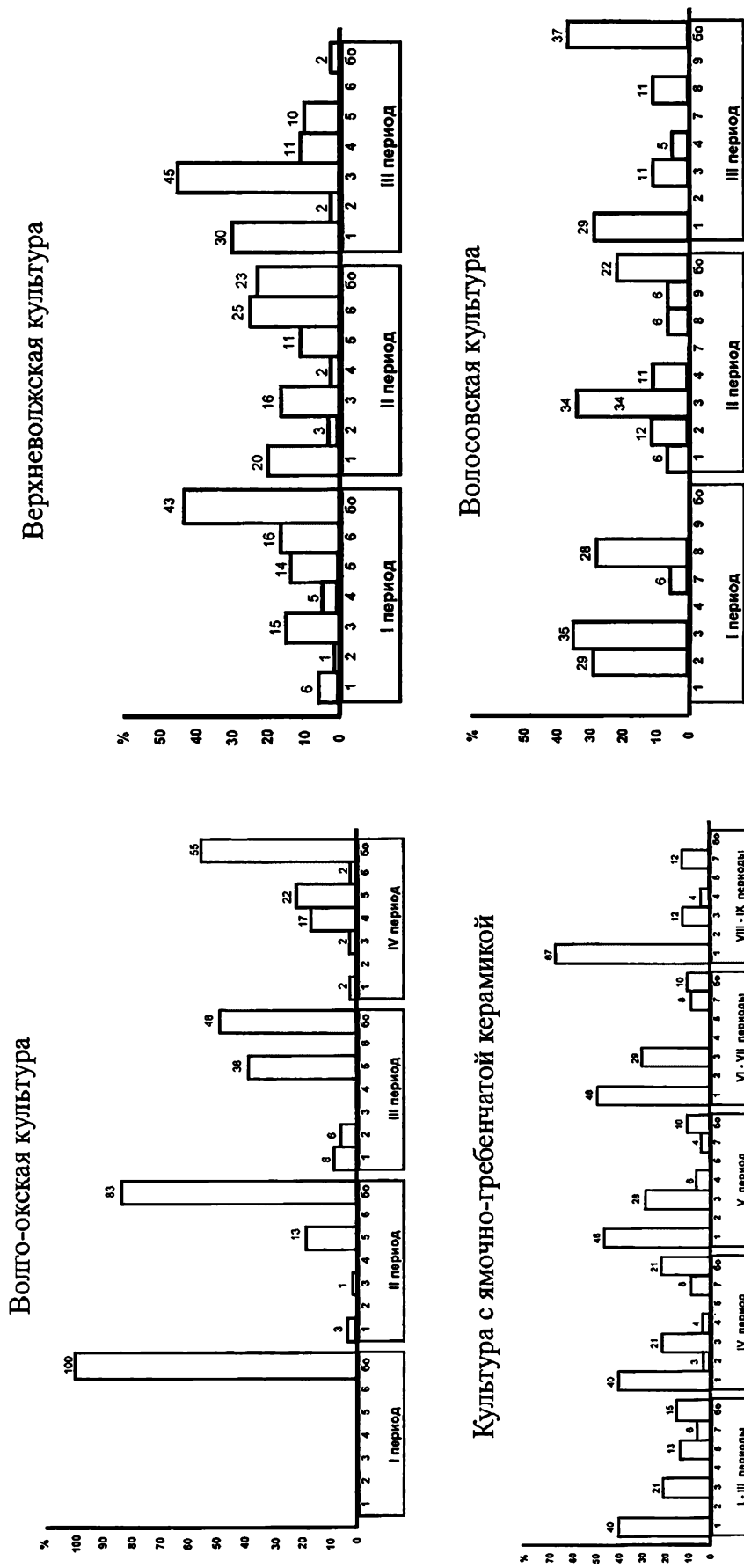
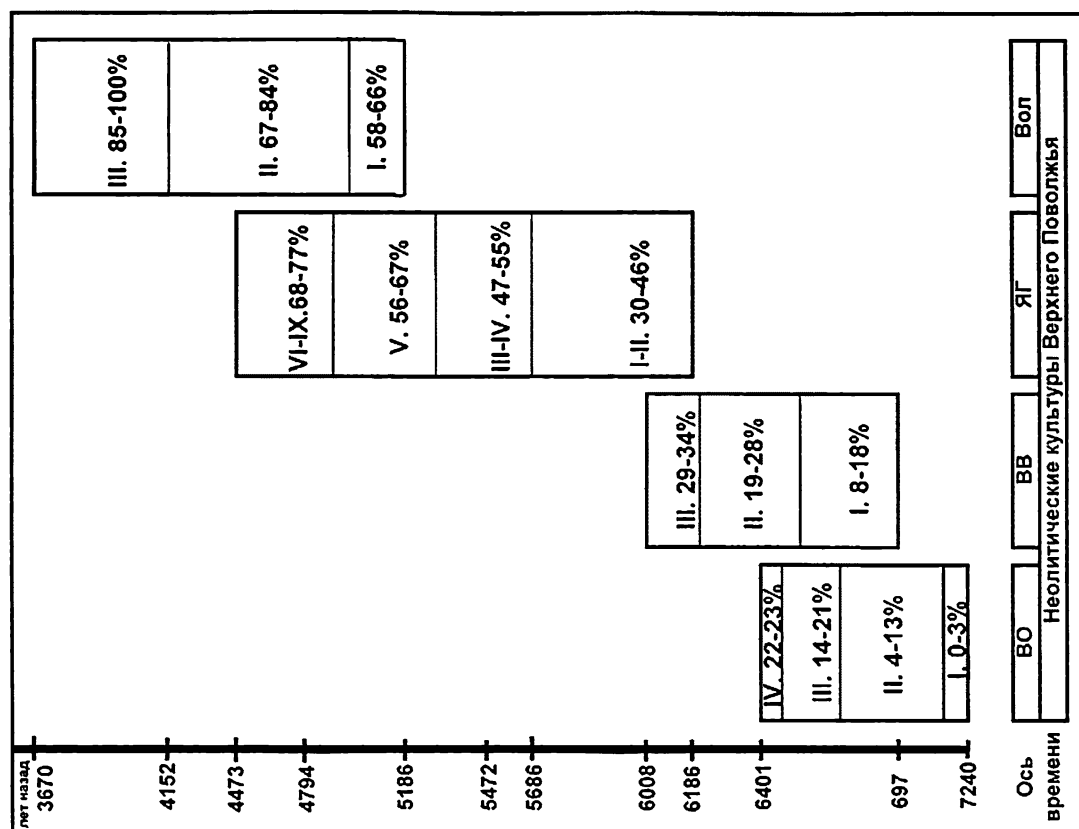

Рис. 1. Состав и соотношение основных элементов орнамента на керамике неолитических культур Центра Русской равнины в разные периоды их развития. Обозначения элементов орнамента: 1 – ямочный, 2 – ямчатый, 3 – гребенчатый, 4 – гладкий, 5 – накольчатый, 6 – пунктирный, 7 – лунчатый, 8 – рамчатый, 9 – веревочный, 60 – без орнамента

Культуры	Периоды				ВВ			ЯГ									Вол		
	I	II	III	IV	I	II	III	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII-IX	I	II	III	
ВО																			
ВВ																			
ЯГ																			

б

а

Рис. 2. а – Синхронизация этапов развития неолитических культур Центра Русской равнины; б – Степень близости орнамента разных культур в периоды их существования и обособленного бытования (в %)

уществования (64% против 37%); во-вторых, в периоды сосуществования верхневолжской культуры и культуры с ямочно-гребенчатой керамикой степень сходства их орнаментальных традиций в 1,5 раза выше (75% против 51%); в-третьих, в периоды сосуществования культуры с ямочно-гребенчатой керамикой и волосовской культуры степень сходства орнаментальных традиций в 1,4 раза выше, чем когда они существовали обособленно (64% против 45%).

Таким образом, в периоды сосуществования носителей разных культур, когда только и появлялась возможность для их контактов и культурного смешения, у них складывались практически во всех случаях примерно в 1,5 раза более близкие орнаментальные традиции, чем в периоды их обособленного существования.

Итак, данные о периодизации культур, полученные тремя независимыми способами (путем анализа реконструированной культурной стратиграфии памятников, путем изучения орнаментальных традиций на посуде и по данным радиоуглеродного датирования), позволяют прийти к трем основным выводам об истории неолитических культур Центра Русской равнины:

1) судя по существенным различиям орнаментальных керамических традиций, основные неолитические культуры этого региона характеризуют разные этнокультурные группы населения;

2) близкие по времени бытования неолитические культуры не просто последовательно сменяли друг друга, но в течение достаточно длительных периодов времени сосуществовали между собой;

3) именно в периоды сосуществования культур между их носителями происходили интенсивные контакты в форме культурного смешения, которые вели к формированию в это время сходных орнаментальных традиций.

Брюсов А.Я., 1952. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.

Жуков Б.С., 1929. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // *Этнография*. № 1.

Крайнов Д.А., 1978. Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья // *КСИА*. Вып. 153.

Фосс М.Е., 1952. Древнейшая история севера европейской части СССР // *МИА*. № 29.

А.В. Шмидт

Алтайский государственный университет, Барнаул

К проблеме развития неолита Кулундинской степи

На неолитической карте юга Западной Сибири есть немало регионов, где степень изученности эпохи находится на очень низком уровне. Один из них – Кулундинская степь. Эта уникальная территория расположена на стыке нескольких географических областей: аридной зоны Евразии, Саяно-Алтайской горной системы и Западной Сибири, составной частью которой она является. На протяжении нескольких тысячелетий Кулундинская степь привлекала внимание древнего человека. Археологические комплексы региона имеют широкий хронологический диапазон – от палеолита до позднего средневековья. На сегодняшний момент в Кулунде известно более 20 памятников эпохи неолита. Наиболее выразительные коллекции происходят с поселений: Усть-Курья, Кабанье, Мелкое 1 (сборы с поверхности), Мелкое 2 (вскрытая площадь составляет порядка 100 м²), Шилова-Курьянская стоянка (около 180 м²) (Косарев, Куйбышев, 1974; Куйбышев, 1976; Удодов, 1990; Кунгуров, Удодов, 1993).

Но наибольший интерес для исследователей

представляет памятник Новоильинка 3, на котором зафиксирован непо потревоженный культурный слой интересующего нас времени. Здесь, в разведочном раскопе площадью 20 м², было обнаружено 185 фрагментов керамики, несколько десятков каменных артефактов и более 420 костных остатков (Ситников, Грушин, Гельмель, 2006; Ситников, Васильев, Кирюшин, 2007). Учитывая высокую концентрацию и специфику находок, обнаруженных на небольшой площади раскопа, можно предположить, что вскрытый участок являлся местом, куда выбрасывали хозяйственные и кухонные отходы. Дальнейшее изучение объекта позволит более детально прояснить планиграфию памятника.

По всей видимости, неолитическая эпоха на территории Кулундинской степи прошла в своем развитии как минимум два этапа. Первому этапу соответствуют бескерамические комплексы Усть-Курья, Кабанье, Береговое, Мелкое 1. Для этих памятников характерен высокий процент изделий, отражающих призматическую технику расщепления (Усть-

Курья – 53%; Береговое – 40%; Мелкое 1 – около 40%), а кроме того, большое типологическое разнообразие орудий на пластинах. Наиболее выразительными из них являются геометрические микролиты (преимущественно сегменты), резцы, вкладыши с притупленной спинкой, наконечники стрел на пластинах и др. Основным сырьем для изготовления орудий служили кварциты, кварцитовидный сливной песчаник, яшмовые породы. По всей видимости, камень поступал в регион из Восточного Казахстана и Рудного Алтая.

На втором этапе развития эпохи неолита Кулундинской степи заметно падает процент изделий, отражающих призматическую технику расщепления: Мелкое 2 – около 21%; Шилова-Курья – около 19%. На других памятниках (Новоильинка 3 и др.) орудия на пластинах представлены малочисленными сериями либо единичными экземплярами (к сожалению, о большинстве неолитических памятников региона в нашем распоряжении самые скудные сведения). Значительно сузилась типология изделий на пластинах. Исчезают геометрические микролиты. Для всех памятников Кулундинской степи исследователи отмечают высокий процент орудий по сравнению с необработанными отщепами. Это можно объяснить тем, что каменное сырье в Кулунде было привозным, а потому высоко ценилось, и в работу шло большинство отщепов, отходы же обработки камня сводились к минимуму (Косарев, Куйбышев, 1974. С. 92, 94; Куйбышев, 1976. С. 57).

Помимо Рудного Алтая и Восточно-Казахстанского мелкосопочника, на втором этапе камень в Кулунду начинает поступать с Салаирского кряжа. Здесь надо учесть, что расстояние между некоторыми памятниками Кулунды и Салаиром превышает 200 км. Использование разнообразного каменного сырья из различных регионов, вероятно, свидетельствует о широких контактах древнего населения Кулундинской степи (Шмидт, 2007. С. 15).

Только с развитием второго этапа эпохи можно достоверно говорить о распространении керамики в регионе. Наиболее многочисленные коллекции найдены на памятниках Шилова-Курья (более 120 фрагментов), и Новоильинка 3 (185). Керамические комплексы обеих стоянок имеют много общего. Это может свидетельствовать о хронологической и культурной близости памятников. Наибольшее распространение получила техника нанесения оттисков «отступающей» и «прочерченной» палочки, образующие горизонтальные прямые и волнистые линии, а в некоторых случаях геометрические фигуры. Распространенным элементом на керамике являются пояса из ямок и ямочных наколов (Ситников, Грушин, Гельмел, 2006). По всей видимости,

орнамент покрывал всю поверхность сосудов. В его нанесении прослеживается хорошо выраженная зональность.

По мнению исследователей, наибольшее сходство кулундинская керамика находит с материалами кипринского типа (Киприно, Иня 3, Иня-Топтушка, Шипуновка и др.). Об этом свидетельствует как техника нанесения орнамента, так и его композиционное построение (Комарова, 1956; Молодин, 1977; Зах, 1981; Кирюшин, Шмидт, Грушин, 2001; Кирюшин, Грушин, Папин, 2003). Кроме этого, исследователями отмечено, что орнаментация керамики поселения Новоильинка 3 имеет много общего с коллекциями энеолитического поселения Ботай (Ситников, Васильев, Кирюшин, 2007. С. 365, 366) и памятников Пеньки 1, 2, расположенных в Казахстане, а также с некоторыми сосудами многослойного поселения Комарово 1, находящегося в районе г. Бийска (Алтайский край). Эти факты свидетельствуют о широком распространении керамики кипринского облика.

Основываясь на особенностях пластинчатой индустрии (разнообразные острия, геометрические микролиты, вкладыши с выемками, притупленными и обработанными торцами) А.Л. Кунгуров и В.С. Удодов (1993. С. 4) выдвинули предположение о принадлежности бескерамических памятников Кулундинской степи (первый этап) к раннему неолиту. Аналогичное мнение по поводу бескерамических комплексов Кулунды высказывалось В.Ф. Старковым (1980. С. 199), также предложившим относить их к раннему неолиту. Автор данной публикации соглашается с исследователями и по аналогиям каменного инвентаря с сопредельных территорий предлагает датировать ранний этап неолита Кулундинской степи VI–V тыс. до н. э. (Шмидт, 2007. С. 14).

Учитывая особенности керамического комплекса, датировку второго этапа неолита Кулунды следует связать с хронологией памятников кипринского типа. Длительное время исследователи обозначили кипринский тип памятников как поздний этап верхнеобской неолитической культуры (Матюшенко, 1969. С. 60; Молодин, 1975; 1977; Зах, 1988; 2003; и др.). Однако все чаще высказываются предположения об энеолитической принадлежности объектов с керамикой, близкой кипринской (Ситников, Грушин, Гельмел, 2006. С. 282; Ситников, Васильев, Кирюшин, 2007. С. 365; и др.). В пользу этого свидетельствует радиоуглеродная дата с поселения Новоильинка 3 – 4270±170 л. н., или вторая половина III тыс. до н. э. (Ситников, Васильев, Кирюшин, 2007. С. 365). Дальнейшие исследования в этом направлении позволят скорректировать хронологическую и эпохальную принадлежность

- памятников Кулундинской степи с керамикой кипринского облика.
- Зах В.А., 1981. Иня Ш – новая неолитическая стоянка Обь-Чулымского междуречья // Проблемы Западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск.
- Зах В.А., 1988. О культурной принадлежности неолитических памятников Присалаирья и Приобья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул.
- Зах В.А., 2003. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В., 2003. Материалы эпохи раннего голоцена на юге Верхнего Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. IX. Ч. I.
- Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Грушин С.П., 2001. Неолитический комплекс памятника Иня 3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул. Вып. XII.
- Комарова М.Н., 1956. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. Вып. 64.
- Косарев М.Ф., Куйбышев А.В., 1974. Древние памятники Кулундинской степи // Из истории Сибири. Томск. Вып. 15.
- Куйбышев А.В., 1976. Древние стоянки Кулунды // КСИА. № 148.
- Кунгуров А.Л., Удодов В.С., 1993. Микролитические памятники Кулунды // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул.
- Матюшенко В.И., 1969. О сложении Верхнеобской неолитической культуры // Этногенез народов Северной Азии: Мат. конф. Новосибирск. Вып. 1.
- Молодин В.И., 1975. Эпоха неолита и бронзы лесостепной полосы Обь-Иртышского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Молодин В.И., 1977. Эпоха неолита и бронзы лесостепной Обь-Иртышья. Новосибирск.
- Ситников С.М., Васильев С.К., Кирюшин К.Ю., 2007. Анализ фаунистических остатков с поселения Новоильинка III // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. XIII.
- Ситников С.М., Грушин С.П., Гельмелль Ю.И., 2006. Поселение Новоильинка III – новый памятник эпохи неолита в Северной Кулунде // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул. Вып. XV.
- Удодов В.С., 1990. Некоторые результаты археологических исследований на р. Бурле // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Вып. I. Барнаул.
- Шмидт А.В., 2007. К проблеме освоения южной зоны Обь-Иртышского междуречья в мезолите и неолите // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск. Вып. 6.

А.Ф. Шорин

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

Маркеры сакрального пространства среднеуральского святилища Кокшаровский Холм

Этнографы при анализе святилищ обращают внимание на ряд особенностей памятников, которые выступают маркерами сакрального пространства. Среди них выделяют:

1) необычность расположения памятника в окружающем пространстве или некоторые особенности элементов этого ландшафта (пещера; возвышенность/гора; хорошо выраженный мыс; священные камни или кучи камней (обо) на равнинной местности или горных перевалах; остров среди болота; поляна в лесном, роща-колок – в лесостепном массиве и т. д.);

2) сооружение на территории культового комплекса антропогенных маркеров (рвы, отделяющие

святилище от окружающего пространства, ямы или домики для жертвоприношений, костры, деревья, на которые подвешиваются культовые приношения, наваленные кучи камней или отдельно стоящие большие камни и т. д.);

3) культовые приношения в виде определенных вещей (идолы, монеты, ювелирные изделия и другие привозные вещи, лоскуты материи, наконечники стрел или их имитации, предметы для высекания огня, тушки жертвенных животных и т. д.) и другие.

Безусловно, что и древние святилища обладали рядом таких маркеров, которые возможно фиксировать археологическими методами. Их следует рассматривать в качестве определяющих признаков

для отнесения памятника археологии к культовым объектам. Задача данного исследования – выявление тех маркеров, которые фиксировали сакральное пространство одного из таких памятников – святилища Кокшаровский Холм. Учитывая же, что этот комплекс функционировал длительное время на протяжении эпохи неолита, а затем эпизодически посещался в эпохи энеолита и раннего средневековья, ставится также цель выявить по возможности и динамику эволюции этих культовых маркеров в разные археологические эпохи.

Очевидно, что основным и самым заметным маркером святилища Кокшаровский Холм являлась искусственная его насыпная площадка диаметром около 40 м и высотой до 3,5 м, на которой и производились культовые действия. Она была создана в несколько приемов на протяжении эпохи неолита, поэтому памятник и представляет собой возвышенность, холм. В стратиграфии холма выделяются по меньшей мере три основных насыпных слоя, характеризующих крупные этапы подсыпки святилища. Внутри них за счет углистых и прокаленных прослоек, включенных в эти основные насыпные слои, фиксируются дробные этапы подсыпки площадки культового места. Они связаны с тем этапом функционирования святилища, когда обрядовые действия на нем производили группы неолитического населения, оставившие посуду кошкинского, басьяновского (боборыкинского), кокшаровско-юринского (козловского) и полуденского типов. Границы сакрального пространства святилища на раннем (кошкинско-басьяновско-козловском) этапе его функционирования маркирует и первый ров шириной 1,2–1,4 м и глубиной 0,7–0,8 м, а также объекты прямоугольной формы размерами около 2 x 2 м, а иногда и более, интерпретируемые как домики для прикладов-приношений типа сумьяхов манси, хижины богов-духов ханты, куалы удмуртов. В некоторых из них фиксируются перевернутые вверх дном сосуды кошкинского либо кокшаровско-юринского или басьяновского типов. Есть основания считать, что через какое-то время после совершения культовых действий эти объекты преднамеренно сжигались, либо огненные ритуалы на этой насыпной площадке проводились в иных культовых целях, но домики в ходе этих действий сгорали. Затем площадка расчищалась и подсыпалась для сооружения новых кошкинских и кокшаровско-юринских объектов, поэтому на ранней стадии холм интенсивно «рос» и в высоту, и от центра к периферии. Границы сакральной зоны святилища тем самым в целом совпадают с насыпной площадкой и пространством, ограниченным по окружности первым ровом.

Маркеры и границы сакрального пространства претерпели определенные изменения на позднеолитическом (полуденском) этапе функционирования святилища. Его культовые площадки, скорее всего, подсыпались и населением полуденской культуры, т. к. в верхних слоях холма, а на периферии и в нижних, встречено большое количество фрагментов посуды этой культуры. Но на этих площадках пока не встречено ни одного полуденского объекта. Поэтому остается неясным, какие обрядовые действия здесь производило это население. Но зато второй ров, шириной 0,9–1,3 м и глубиной не более 70 см, как маркер внешней границы сакрального пространства святилища явно выкопан в позднеолитическое время, т. к. внутри и у его внешнего края неоднократно отмечены развалы полуденских сосудов. Эти факты, кстати, скорее всего, фиксируют и существенную эволюцию в сакральных действиях полуденских коллективов в сравнении с их предшественниками. Идея сооружения жертвенных домиков для прикладов-жертвоприношений, в том числе с постановкой рядом или внутри них перевернутых вверх дном сосудов, возможно, была заменена новым ритуалом. Культовые сосуды стали ставиться у края и на дно сакрального рва. Вероятно, в ритуалах, отправляемых полуденскими коллективами у рва, определенную роль играли также действия, связанные с использованием огня, т. к. заполнение рва 2, как и рва 1, интенсивно насыщено углесто-прокаленными прослойками и углем. (Но это утверждение не очевидно, т. к. ров мог дополняться какой-то деревянной конструкцией, которая могла сгореть и не преднамеренно.)

Скорее всего, уже на раннеолитической стадии функционирования святилища по мере роста культовой площадки в результате искусственных подсыпок в высоту этот культовый объект стал восприниматься в вертикально-горизонтальной картине мира древних его создателей в качестве *священной горы*.

Безусловно, что эта искусственно созданная священная гора органично вписывалась и в другой важный ландшафтный маркер, определивший первоначально выбор этой точки рельефа для создания святилища. Холм возник на ярко выраженном мысовидном выступе коренного южного берега Юрьинского оз. в том месте, где из озера вытекает р. Дарья. Относительно широкая долина истока реки и вдающийся в озеро высокий мыс открывали далеко просматриваемый и яркий пейзаж, в который было вписано святилище. Функции его, кстати, распространялись на обслуживание ритуалов не только жителей Юрьинского поселения, в центре которого оно и находилось, но и, по крайней мере, жителей всех поселков на побережье Юрьинского

оз, а может быть, и более широкой территориальной округи (межрегиональное, «межплеменное» святилище).

Имеются в археологических материалах и другие маркеры, позволяющие трактовать этот памятник как культовый. Это, конечно же, необычные артефакты, отнесение которых к категории ритуальных приношений-прикладов у исследователей особого сомнения не вызывает. Таких категорий вещей немного. Это, прежде всего, сосуды с зооморфными налепами. Символы в виде объемных налепов с внешней, реже внутренней, стороны горловины сосудов, имеют разную трактовку (тотемные или предковые символы зооморфного, орнитоморфного, антропоморфного содержания, символы-обереги или маркеры содержимого емкости сосуда), но культовое их предназначение практически никем не оспаривается. Приоритет в изготовлении подобных сосудов на данном святилище имело население, изготавливавшее сосуды кокшаровско-юринского (козловского) типа. Но в единичных случаях отмечены такие сосуды у населения кошкинской и полуденской культуры.

К следующей категории культовых артефактов можно отнести «утюжки», изготовленные из глины. Найдены один целый и три в обломках. В каких ритуалах использовались «утюжки» – в литературе предмет для дискуссий. Но по материалам Кокшаровского Холма можно предполагать, что в ходе этих действий часть таких предметов преднамеренно раскалывали по желобку. Удар как форма культового действия, приводивший к изменению статуса ритуального предмета в ходе культовых церемоний, – распространенная черта ритуальной практики архаичных и традиционных обществ. На холме он применялся еще к ряду категорий изделий: «пряслицам», шлифованным и абразивным орудиям, глиняным предметам сферической и биконической формы.

Последние изделия, найденные на холме в четырех экземплярах, скорее всего, также были задействованы в культовых ритуалах. Наличие на трех из них орнамента, выполненного в узнаваемых канонах орнаментальной традиции той или иной группы неолитического населения, не исключает использование их в качестве каких-то ритуально-этнических маркеров. Либо же, что тоже не исключено, эти предметы могли быть детскими игрушками.

Как предмет, использовавшийся в культовой практике, вероятно, в качестве наконечника жезла, оценивается и сверленная каменная булава в виде стилизованной головы животного – медведя или бобра.

Культовыми являлись, видимо, еще два изделия, в которых четко угадываются головки птиц. Общеизвестно, что водоплавающая птица – один из основных персонажей в мифах народов уральской языковой семьи о творении окружающего мира или, по крайней мере, его земной тверди. Не чужд этот образ и мифологии индоевропейских народов, в частности, в виде мифемы о творении мира из яйца птицы. (Напомню в связи с этим упомянутые чуть ранее находки на данном святилище глиняных предметов сферической формы).

С ритуальными действиями связаны, вероятно, и наконечники стрел, во всяком случае, часть их, в том числе сланцевые шлифованные. Стрела могла выполнять функции приклада, приносимого по важным праздникам жизненного или обрядово-календарного цикла, оберега, медиатора между реальным и сакральным пространством, миром живых и миром мертвых, «оплодотворяющего мужского начала», «посланием, вестью, атрибутом посланника» и т. д.

Как использовался холм в энеолитическую эпоху, сказать сложно. Возможно, именно в ракурсе священной культовой горы этот искусственный холм и был воспринят населением аятской культуры. Правда, это население, видимо, холм уже не подсыпало; не отмечены и какие-то культовые объекты этого времени.

Последний этап освоения в культовых целях этой искусственной горы связан со второй половиной I тыс. н. э. На вершине Кокшаровского Холма в качестве приношений были оставлены комплекс вооружения (бронзовые ножны и наконечники кинжала, железные кинжалы, наконечник стрелы и нож) и керамическая посуда батырского культурного типа. Какие объекты сопровождали эти приношения, сказать сложно. Вершина холма сильно разрушена в ходе грабительских раскопок. Однако это, безусловно, был не только «воинский» ритуально-культовый комплекс, но и важный «территориальный» маркер освоенного пространства. Это был особый тип культовых комплексов, сооруженный подвижными группами угров-кочевников на окраине освоенного ими мира. Батырское население, проживавшее южнее данной территории, активно этот глубинный таежный участок, в силу особенностей своего хозяйственно-культурного типа, не осваивало. Но стремление при возникновении экстремальной ситуации иметь в глубине тайги «резервную зону» и привело к появлению на этой окраинной территории батырских влияний «пограничного маркера» в виде воинского культового комплекса.

А.И. Юдин

НПЦ по историко-культурному наследию Саратовской области

Хронология неолита степного Поволжья в свете новых данных

Неолит степного Поволжья, развивавшийся в рамках нижеволжской культурно-исторической общности (НВКИО), характеризуется в основном по материалам опорного памятника орловской культуры – многослойной Варфоломеевской стоянки в Волго-Уральском междуречье. Для стоянки получены семь радиоуглеродных дат из трех слоев. Для других реперных стоянок НВКИО, располагавшихся южнее, в полупустынях Прикаспия (Джангар, Каиршак I и Каиршак III, Тентексор), также известно по несколько радиоуглеродных определений, но их количество не превышало десятка. Путем типологического анализа материалов, с привлечением данных стратиграфии, спорово-пыльцевого и палеомагнитного анализов была составлена хронологическая колонка НВКИО. Однако она содержит расхождения между данными стратиграфии и абсолютными датами, полученными на памятниках других культур.

В первую очередь это касается хронологического соотношения орловской культуры и Хвалынских энеолитических могильников. По данным радиоуглерода, хвалынские материалы предшествуют слою 2А Варфоломеевки. Однако в верхнем слое Варфоломеевской стоянки известны находки прикаспийской воротничковой керамики, а начало формирования прикаспийского комплекса признаков отмечено как раз в слое 2А.

В то же время, на многослойном поселении Кумыска в степном Заволжье стратиграфически прослежено залегание прикаспийской керамики ниже хвалынской. Хвалынская керамика также встречается совместно с энеолитической алтатинской на стоянке Алтата.

Данные стратиграфии свидетельствуют о такой последовательности культур в Нижнем Поволжье

(табл. 1): орловская неолитическая культура (Варфоломеевка) – прикаспийская энеолитическая культура – Хвалынские энеолитические могильники. Соотношение тех же культур по данным радиоуглеродных определений приведено в табл. 2.

По радиоуглероду слой 2А следует за Хвалынскими могильниками, и прикаспийские материалы оказываются намного моложе хвалынских. Это несоответствие между данными стратиграфии и определений по ^{14}C обсуждалось в литературе (Юдин, 2006. С. 14–16; Выборнов, Мамонов, 2007. С. 192, 193; Ставицкий, 2007. С. 338, 339), и появление новых дат позволяет уточнить некоторые принципиальные моменты хронологии и синхронизации культур неолита и энеолита Нижнего Поволжья и сопредельных территорий.

Новые 15 дат получены в Киевской радиоуглеродной лаборатории (рук. Н.Н. Ковалюх). В отличие от прежних материалов (уголь, дерево, кость), для определений и получения счетной формы ^{14}C используется керамика. Ее механически разделяют на внешние и внутренние слои, а затем с помощью ряда физических и химических операций получают искомым углерод (Выборнов и др., 2008). Особенно замечательным свойством этого метода является то, что керамика, в отличие от других материалов, гораздо меньше подвержена разрушению, и можно использовать археологические коллекции очень давних раскопок.

Полученные даты*, хотя и не составляют большую серию, все же более представительны по сравнению с предыдущими (табл. 3). Новые даты подтвердили достаточно раннее время нижнего (3-го) слоя стоянки, в чем ранее высказывались сомнения, т. к. третий слой Варфоломеевки имел всего одну да-

Таблица 1. Стратиграфическое соотношение нео-энеолитических культур Нижнего Поволжья

Культура	Стратиграфическое соотношение памятников и слоев		
Ранняя ямная			
Алтатинская		Алтата, Петропавловка	Пшеничное, Кумыска, Первомайское
Хвалынская		Хвалынские м-ки, Хлопков бугор	Подкурганские бережновские (?), Екатериновка
Прикаспийская		Варфоломеевка 1, Кумыска, нижний слой, средний слой	
Орловская	Варфоломеевка 2А; Орловка	Варфоломеевка 1	

Таблица 2. Хронологическое соотношение нео-энеолитических культур
Нижнего Поволжья по данным радиоуглеродного анализа

Культура	VI тыс. до н.э.										V тыс. до н.э.										IV тыс. до н.э.									
	59	58	57	56	55	54	53	52	51	50	49	48	47	46	45	44	43	42	41	40	39	38	37	36	35	34	33	32	31	
Ямная	Павловск, 38/4 - 3500+-100 Н.Орлянка 1/5 - 3350+-100																													
Алгатин- ская	Ветёлки - 4631+-98 (ГИН-6554)																													
Хвалын- ская	Хвалынские могильники от 4927+- 107 до 4637+-103																													
Прикас- пийская	Варфоломеевка 1; Кумыска, нижн. и средний слой																													
Варфоломеевка, слой 2 Б - 5285+-223 (Лу2620) 5020+-180 (Лу-2642)	Варфоломеевка, Слой 2 А от 4247+-75 до 4027+-64																													
Орловская	Варф., слой 3 5801+-172										Варф. 1																			

Таблица 3. Результаты радиоуглеродного датирования керамики Варфоломеевской стоянки

№	Привязка	Лабораторный номер	Возраст ¹⁴ C	
			BP	BC/AD
1	Варфоломеевка, слой 2А	Ki - 14612	5810 ± 80	1σ 4730-4550 BC 2σ 4810-4460 BC
2	Варфоломеевка, слой 2А	Ki - 14614	5870 ± 90	1σ 4810-4600 BC 2σ 4950-4490 BC
3	Варфоломеевка, слой 2А	Ki - 14613	6540 ± 80	1σ 5560-5460 BC 2σ 5630-5340 BC
4	Варфоломеевка, слой 2А	Ki - 14373	6860 ± 90	1σ 5810-5660 BC 2σ 5920-5610 BC
5	Варфоломеевка, слой 2А	Ki - 14371	6890 ± 80	1σ 5850-5700 BC 2σ 5920-5630 BC
6	Варфоломеевка, слой 2А	Ki - 14375	6970 ± 90	1σ 5910-5740 BC 2σ 6020-5700 BC
7	Варфоломеевка, слой 2Б	Ki - 14369	6980 ± 90	1σ 5920-5770 BC 2σ 6020-5710 BC
8	Варфоломеевка, слой 2Б, не орнаментирована	Ki - 14370	7070 ± 90	1σ 6020-5840 BC 2σ 6080-5730 BC
9	Варфоломеевка, слой 2Б	Ki - 14368	7230 ± 90	1σ 6220-5990 BC 2σ 6250-5890 BC
10	Варфоломеевка, слой 2Б, не орнаментирована	Ki - 14374	7280 ± 100	1σ 6230-6020 BC 2σ 6390-5980 BC
11	Варфоломеевка, слой 3, образец №26/1, накольчатая керамика	Ki -14110	7080±80	1σ 6020-5870 BC 2σ 6080-5770 BC
12	Варфоломеевка, слой 3, образец №25/2, прочерченная керамика	Ki -14143	7170±90	1σ 6100-5970 BC 2σ 6230-5840 BC
13	Варфоломеевка, слой 3, образец №25/1, прочерченная керамика	Ki -14109	7250±80	1σ 6220-6020 BC 2σ 6250-5980 BC
14	Варфоломеевка, слой 3, образец №24/2, неорнаментир. керамика (днище)	Ki -14142	7620±100	1σ 6600-6380 BC 2σ 6650-6230 BC
15	Варфоломеевка, слой 3, образец №24/1, неорнаментир. керамика (днище)	Ki -14108	7760±100	1σ 6690-6460 BC 2σ 7050-6400 BC

ту (табл. 2). Пять дат нижнего слоя в календарном значении (здесь и далее – 1σ) определяют время отложения слоя в интервале второй четверти VII – конца VI тыс. до н. э., при доминировании дат рубежа VI–VII – первой четверти VII тыс. до н. э. Это несколько удревняет предложенную ранее дату (первая половина VI тыс. до н. э.) нижнего слоя Варфоломеевки, но в целом соответствует большинству определений для каиршакских памятников Северного Прикаспия, полученных по аналогичной методике.

Достаточно компактно расположились четыре даты по 1-му этапу позднего неолита (слой 2Б Варфоломеевки): рубеж VII–VI – первая четверть VI тыс. до н. э. Наибольший интерес вызывают даты 2-го этапа позднего неолита (слой 2А Варфоломеевки). Четыре известные ранее даты, полученные также в Киевской радиоуглеродной лаборатории по кости, в калиброванном значении определяли время формирования слоя 2А второй половиной V тыс. до н. э., что, в целом, следовало за датами раннеэнеолитических Хвалынских могильников, функционировавших в первой половине V тыс. до н. э. Новые даты слоя 2А занимают промежуток от (как минимум) второй четверти VI до второй четверти V тыс. до н. э. Причем из шести дат три занимают конец первой четверти – середину VI тыс. до н. э. Это хорошо согласуется со временем стоянки Тентексор, которая и ранее синхронизировалась со слоем 2А как по радиоуглероду, так и типологически.

При подобном датировании слоя 2А верхний (1) нео-энеолитический слой Варфоломеевки, содержащий раннеэнеолитическую керамику прикаспийской культуры, может быть датирован второй половиной VI тыс. до н. э. В этом случае устраняется противоречие между радиоуглеродными датами и данными стратиграфии: нижневолжский неолит сменяется прикаспийской раннеэнеолитической культурой.

Радиоуглеродное датирование по керамике показало, что при некотором удревнении слоев

Варфоломеевской стоянки подтвердились последовательность этапов развития нижневолжского неолита – энеолита и возможность сложения прикаспийской энеолитической культуры на местной неолитической основе, а также ее предшествование Хвалынским могильникам. Однако в данном случае следует учитывать, что дата Хвалынских могильников получена не по керамике, а по раковине и кости, и сравнения не совсем корректны. С другой стороны, Хвалынские могильники не могли появиться ранее V тыс. до н. э., т. к. их хронология напрямую увязана с функционированием Балкано-Карпатской металлургической провинции (Черных, Орловская, 2004. С. 34).

* Приношу глубокую благодарность проф. Самарского государственного университета А.А. Выборнову за оказанную помощь в обработке образцов керамики.

- Выборнов А.А., Мамонов А.Е., 2007. Проблемы хронологии неолита Волго-Камья: типология и радиоуглерод // Радиоуглерод в археологических и палеозоологических исследованиях: Мат. конф. СПб.
- Выборнов А.А., Гусенцова Т.М., Ковалюх Н.Н., Николаев В.В., Скрипкин В.В., 2008. К вопросу об абсолютной хронологии неолита Камско-Вятского междуречья: Стеновый докл. на конф. «Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии». Ижевск.
- Ставицкий В.В., 2007. Неолитическая тематика на конференции «Археологическое изучение Центральной России» // Пензенский археологический сборник. Пенза. Вып. 1.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004. Радиоуглеродная хронология энеолитических культур Юго-Восточной Европы: результаты и проблемы исследований // СА. № 4.
- Юдин А.И., 2006. Культурное развитие населения Нижнего Поволжья в неолите и энеолите // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов. Вып. 7.

СЕКЦИЯ 4

ЭПОХА РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ЕВРАЗИИ

Л.И. Авилова

Институт археологии РАН

Сравнительный анализ древнего металлопроизводства в Анатолии и на Балканах (энеолит – средний бронзовый век)*

Одним из современных направлений метакультурных исследований является реконструкция макросистем древности, в частности моделей производственного и социального развития (Kohl, 1989). Историко-металлургические исследования массового материала, проводимые с применением компьютерной техники, открывают перспективы для создания новых концепций развития древнего металлопроизводства. Металл – один из основных видов сырья, добывавшихся для внутреннего потребления и товарообмена. Эпоха раннего металла (энеолит и бронзовый век) отмечена становлением цивилизаций, интенсивным взаимодействием коллективов, передачей культурных и производственных достижений на огромные расстояния. Изучаемый под этим углом зрения, металл позволяет рассматривать факторы, определявшие готовность общества к принятию технических и культурных инноваций (Авилова, Черных, 1989; Авилова, Антонова, Тенейшвили, 1999; Авилова, 2005). Цель данной работы – сравнительный анализ металлопроизводства Анатолии и Балкано-Карпатья в энеолите (МВ), раннем (РБВ) и среднем (СБВ) периодах бронзового века. Основа работы – компьютерные базы данных по металлическим изделиям Анатолии (37000 находок) и Балкано-Карпатья (4700 находок).

Хронологические рамки работы: МВ – вторая половина V – начало IV тыс. до н. э.; РБВ – IV – начало III тыс. до н. э.; СБВ – III – начало II тыс. до н. э. по радиоуглеродным датам.

Сравнение металлопроизводства Анатолийского и Балкано-Карпатского регионов (рис. 1) приводит к выводу о том, что его модели были принципиально различны.

1. Основная черта анатолийского металлопроизводства – раннее открытие металла как нового

материала: первые находки металлических изделий датируются VIII–VII тыс. до н. э. Другая характерная, но менее заметная черта – медленное развитие, отсутствие прогресса в производстве на протяжении трех-четырех последующих тысячелетий. МВ в Анатолии синхронен халафским и убейдским памятникам Месопотамии и в той или иной мере связан с ними. Видимо, феномен металлургии в анатолийском энеолите возник под влиянием обмена между земледельческой цивилизацией Двуречья и населением предгорных зон, в частности Анатолийского плато. Учтена 71 металлическая находка, 62% вещей изготовлено из «чистой» меди.

Лишь в IV тыс. до н. э., с наступлением РБВ (урукская эпоха), можно говорить о металлургии в

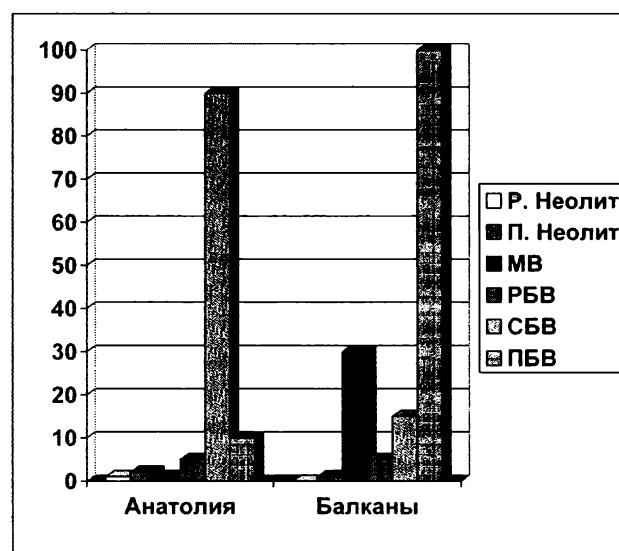

Рис. 1. Динамика развития металлопроизводства в Анатолии и на Балканах

подлинном смысле слова, а не об отдельных опытах изготовления металлических предметов. В Анатолии выражен скачкообразный рост употребления металла при переходе к РБВ: число учтенных предметов возрастает в 5 раз (360 находок). Появляется широкий и морфологически стабильный репертуар изделий (втульчатые топоры, черенковые копья, двулезвийные ножи/кинжалы, плоские тесла, долота, набор украшений). Наличие спектра примесей в металле свидетельствует о продвинутой технологии металлургии, использовании различных медных руд и знакомстве с новыми металлами – золотом, серебром. Преобладают мышьяковые бронзы – основной материал эпохи (74%). Доля изделий из «чистой» меди падает до 15%; появляются первые оловянные и мышьяково-оловянные бронзы.

2. Металлопроизводство РБВ демонстрирует качественный скачок в связи воздействием Сиро-Месопотамии эпохи Урука – процессами урбанизации и формирования ранних государств, резким ростом потребности шумерского общества в металле, установлением его интенсивных постоянных контактов с центрами его добычи и обработки на соседних территориях Ирана и Восточной Анатолии. Повышенный спрос в Месопотамии на металл стал стимулом для развития производства и социальных отношений у населения Анатолийского плато. Восточная Анатолия, Западный и Северо-Западный Иран в РБВ составили единую систему с месопотамской цивилизацией (Андреева, 1979; Трифонов, 1987) в рамках общей традиции металлопроизводства (Авилова, 2005).

3. На Балканах знакомство с металлом датируется поздним неолитом (вторая половина VI тыс. до н. э.), а в МВ происходит бум его производства, с высочайшими количественными и качественными показателями. Здесь существовала передовая технология отливки и обработки металла (Рындина, 1998). Контраст масштабов металлопроизводства двух регионов в МВ разителен: на Балканах известно свыше 4000 медных и свыше 200 золотых изделий, в Анатолии – 71 (!).

4. Наступление РБВ на Балканах ознаменовано крупнейшими изменениями во всех областях культуры: энеолитические дома из массивных глиняных блоков сменяются легкими жилищами каркасно-столбовой конструкции, исчезает расписная керамика, зоо- и антропоморфная пластика. Происходит кризис металлопроизводства: его объем падает в 7–8 раз по сравнению с МВ. Затем в СБВ оно постепенно нарастает, но остается количественно и качественно несопоставимым с анатолийским. Приведу яркий пример количественного соотношения металлических изделий МВ, с одной стороны, и

ранней и средней бронзы – с другой, для наиболее изученной в этом отношении территории Болгарии. На конец 1970-х гг. здесь было учтено 475 металлических предметов МВ и лишь 144 – для РБВ и СБВ, вместе взятых, причем в последней коллекции по-прежнему лидируют мышьяковые бронзы, а драгоценные металлы не представлены (Черных, 1978).

5. В развитии анатолийского металлопроизводства наиболее ярким периодом был СБВ: фиксируется колоссальный взлет производства (в 100 раз). Он происходит в основном за счет украшений (в 175 раз), а также орудий/оружия (в 7 раз). Резко возрастают показатели морфологического разнообразия инвентаря, типы изделий становятся количественно представительными. Выплавка металла и масштабы горных работ, видимо, увеличились в еще большей степени, чем это следует из сравнения числа изделий, поскольку орудия и оружие стали более массивными и металлоемкими.

Изменения в металлопроизводстве Анатолии не могут быть правильно поняты вне связи с этнокультурными и социальными процессами эпохи. На смену «демократической» культуре МВ приходит культура социально ранжированная. Ранняя стадия этого процесса (начало III тыс. до н. э.) маркирована появлением комплексов с подчеркнутыми признаками высокого социального статуса. Это захоронение в каменной гробнице Арслантепе VIВ с богатым набором престижных металлических изделий – 75 предметов, в том числе оружие и украшения из редчайшего сплава меди и серебра (Hauptmann, Palmieri, 2000). К тому же классу памятников раннединастического времени относятся и остатки монументального дворца в Норшунтепе (Hauptmann, 1975). Характерно, что упомянутые памятники локализируются в Восточной Анатолии, охваченной влиянием урукской цивилизации. В середине III тыс. до н. э. материальная культура отражает «олигархический» уровень развития рангового общества (царские некрополи Аладжахейюк и Хорозтепе, клады Трои II и Эскияпара). (В Балкано-Карпатье подобные памятники неизвестны.) Резко возрастает добыча драгоценного металла, который идет на изготовление массы украшений и символов власти: 93% материала СБВ – изделия из золота. Распространяются новые типы сплавов – оловянные бронзы (32% проанализированных изделий). В морфологии инвентаря нарастают черты местного своеобразия. Единой культурно-производственной зоны в этот период не существует.

Ситуация выглядит парадоксальной: именно исходный импульс из Анатолии вызывает на юго-востоке Европы возникновение металлургии и вспышку производства, тогда как на исходной терри-

гории продолжается медленное латентное накопление знаний и опыта. Почему в этот ранний период периферия настолько опередила центр? Предлагается направление для поисков ответа на этот вопрос.

Производящее хозяйство продвигалось из Центральной Анатолии на запад и к V тыс. до н. э. охватило зону от гор Тавра до Дуная. Природные условия Центральной и Западной Анатолии и Балкан не требовали создания запасов продуктов и развития ирригации. Здесь успешно функционировала модель эгалитарного общества деревенского типа. В материалах Балкано-Дунайских культур МВ нет признаков раннегородской модели развития.

В Восточной и Юго-Восточной Анатолии, как и в Северной Сирии и Месопотамии, развивается иная социо-экономическая модель – протогородская и затем раннегосударственная цивилизация ближневосточного типа. Очевидна связь стратифицированного общества с природными условиями аридной зоны (повторяющиеся засухи требовали организации труда и контроля над распределением и накоплением продуктов). Начиная с МВ (поздний Убейд), здесь имеются признаки «храмовой экономики» (Özdoğan, 2002). В РБВ (Урук) эта социо-экономическая модель господствовала на Ближнем Востоке, а в начале III тыс. до н. э. достигла стадии ранних государств. Все это происходило на фоне растущей потребности в металле. В РБВ в Восточной Анатолии появляются городские центры урукского облика, а в раннединастическую эпоху (СБВ) памятники такого типа распространены уже и в Центральной и Западной Анатолии.

Итак, анатолийское металлопроизводство сформировалось на месте, оно тесно связано с генеральным направлением развития ближневосточного общества – от деревенских общин к ранговому обществу с раннегородскими центрами и государственными структурами. Две последние фазы отмечены существованием элиты – организатора производства и обмена, потребителя престижных, в том числе металлических, вещей (Антонова, 1998).

На Северные Балканы и в Подунавье знания о металле проникают с Ближнего Востока вместе с достижениями производящей экономики. Природ-

ные условия региона не требовали ирригации и связанного с ней централизованного контроля над организацией работ и потреблением продуктов. В этих условиях не было и базы для формирования иерархического общества, что вело к консервации деревенской общины, а местная элита организовывала поиск и производство металла в рамках вожества.

* Работа проведена при поддержке РГНФ, проект 06-01-00044а.

- Авилова Л.И., 2005. Металл Западной Азии (энеолит – средний бронзовый век) // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии*. М. Вып. 4.
- Авилова Л.И., Антонова Е.В., Тенейшвили Т.О., 1999. Металлургическое производство в Южной зоне Циркумпонтийской металлургической провинции в эпоху ранней бронзы // *РА*. № 1.
- Авилова Л.И., Черных Е.Н., 1989. Малая Азия в системе металлургических провинций // *Естественнонаучные методы в археологии*. М.
- Андреева М.В., 1979. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах // *СА*. № 1.
- Антонова Е.В., 1998. Месопотамия на пути к первым государствам. М.
- Рындина Н.В., 1998. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. М.
- Черных Е.Н., 1978. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София.
- Hauptmann H., 1975. *Norşuntepe: Residenz für die «Herren der Hochländer»* // *Bild der Wissenschaft*. München.
- Hauptmann A., Palmieri A., 2000. Metal production in the Eastern Mediterranean at the transition of the 4th/3rd millennium: Case studies from Arslantepe // *Anatolian metal I* / Ed. Ü. Yalçın. *Der Anschnitt. Beiheft 13*. Bochum.
- Kohl Ph., 1989. The use and abuse of World Systems theory: The case of the “pristine” West Asian state // *Archaeological thought in America* / Ed. C.C. Lamberg-Karlovsky. Cambridge.
- Özdoğan M., 2002. The Bronze Age in Thrace in relation to the emergence of complex societies in Anatolia and in the Aegean // *Anatolian metal II* / Ed. Ü. Yalçın. *Der Anschnitt. Beiheft 15*. Bochum.

Периодизация эпохи бронзы Кузнецко-Салаирской горной области

Кузнецко-Салаирская горная область входит в систему страны гор Южной Сибири, занимая в ней северо-западную периферию. Наряду с признаками, типичными для всей системы, для этой области характерны такие особенности, как пониженный рельеф, отсутствие высокогорных степных ландшафтов, более теплое лето и равномерное распределение осадков по сезонам. Горные хребты Кузнецкого Алатау, Горной Шории и Салаирского кряжа окаймляют Кузнецкую котловину, которая относится к типу лесостепных. С севера она ограничена Барзасской тайгой. На северо-востоке области расположена так называемая Ачинско-Мариинская лесостепь, узким коридором протянувшаяся с запада на восток.

В историческом аспекте Кузнецко-Салаирская горная область расположена между двумя центрами формирования древних культур – Верхней Обью и Среднем Енисеем. На профессиональном уровне археологическое изучение эпохи бронзы на данной территории начинается с 1950-х гг. (М.Г. Елькин, А.И. Мартынов, Н.Л. Членова, У.Э. Эрдниев). До середины 1970-х гг. было исследовано всего 9 памятников этого исторического периода. В настоящее время благодаря исследованиям В.И. Молодина, Д.Г. Савинова, А.М. Коротаева, Ю.В. Ширина и др. известно более 130 памятников эпохи бронзы, 2/3 из которых открыты автором (Бобров, 1990. С. 91–105). Современная база источников позволяет рассматривать динамику историко-культурных процессов в пределах ландшафтной области в хронологическом аспекте (рис. 1).

Переходное время от эпохи камня к палеометаллу и ранняя бронза. Начальный этап эпохи палеометалла на территории Кузнецко-Салаирской горной области изучен недостаточно. В лесостепи Кузнецкой котловины переходное время характеризуют материалы двух поселений (Танай 4 и 4а). Первое содержит остатки 8 жилищ, второе – 44. Керамическая посуда на полу жилых сооружений достаточно стандартна, как по форме, так и по орнаментации. Для нее характерны яйцевидная и сферическая круглодонная формы с прямым или отогнутым наружу венчиком. Техника нанесения орнамента – гребенчатая, гладкая качалка и резная. Четко выражена зональность декора. Композицию формируют горизонтальные, диагональные и волнообразные пояса

близко поставленных оттисков орнамента. Материальный комплекс дополняют орудия из камня (топоры, долота, наконечники стрел, дротиков и копий, ножи, в том числе шлифованные с вогнутым лезвием, острия, стерженьки рыболовных крючков и др.) и многочисленные изделия из кости и рога (основы вкладышевых орудий, наконечник копья, проколки, остроги, игольники, ложила, вилки). Среди находок известны предметы мелкой пластики. Приведенные материалы, особенно керамический комплекс, типологически соответствуют большемысской культуре лесостепного Алтая, выделенной Ю.Ф. Кирюшиным (2002. С. 15–38). 3 некалиброванные радиоуглеродные даты, полученные по кости и чешуе рыб, укладываются в середину – начало второй половины III тыс. до н. э. О степени распространенности этой культуры в пределах Кузнецкой котловины пока судить трудно.

Ирбинский (этап) тип керамики выявлен в основном на западной периферии Кузнецкой котловины (Изылы 2, Линево 4, Иня 3 и 11, Танай 4). Для него характерны сосуды горшковидной и баночной формы закрытого типа, отступающе-накольчатая и прочерченная техника нанесения орнамента (реже гребенчатая и гладкая качалка), ряд ямок в зоне венчика. Этот керамический комплекс идентичен материалам памятников Верхней Оби (Ордынское 1а, Седовая Заимка 2, Крохалевка 1а, Ирбинская стоянка и др.). В.И. Молодин (1977. С. 36–42) достаточно убедительно обосновал принадлежность ирбинского этапа к начальному периоду эпохи бронзы.

Карасевский тип керамики представлен незначительными комплексами на поселениях Инголь и на берегу Тамбарского водохранилища в Ачинско-Мариинском лесостепном «коридоре». Она орнаментирована характерным гребенчатым штампом и оттисками зерновидной формы, которые формируют горизонтальную елочку или прямые ряды. Внутренняя поверхность этой посуды обработана зубчатым шпателем. Этот комплекс идентичен керамике ряда стоянок на территории Хакасии, которую А.В. Виноградов (1988. С. 3–17) отнес к карасевскому типу.

Крохалевская культура распространена на всей территории горной области (около 20 памятников – Кузнецк 1/1, Мундыбаш 1, Инголь и др.). В составе керамического комплекса выделены 2 группы.

	Кузнецкая котловина	Ачинско-Мариинская лесостепь
Переходное время к РЖВ	Позднеирменский этап Тургайская культура (керамика с крестово-штапмовой орнаментацией)	
Поздняя бронза	Ирменская культура	
	Корчажкинская культура	Лугавская культура Еловская культура
Развитая бронза	Андроновская культура	
Сейминская эпоха	Самусьская культура	
	Окуневская культура	Степановская культура
Энеолит, ранняя бронза	Крохалевская культура Ирбинский этап Большемысская культура	Смирновский тип Карасевский тип

Рис. 1. Схема развития культур эпохи бронзы Кузнецко-Салаирской горной области

Первая содержит плоскодонную и круглодонную посуду с отпечатками рубчатой колотушки как на внешней, так и на внутренней поверхности. Орнамент в виде ямок или жемчужин расположен в зоне венчика. Вторая группа представлена сосудами баночной и горшковидной формы с тонким волнообразным краем венчика. Орнамент выполнен ногтевыми вдавлениями, насечками, пунктирной гребенкой и резной техникой. Орнамент зонален. Ногтевые вдавления формируют горизонтальные, волнистые и вертикальные ряды, которые чаще являются разделителями. Оттиски печатной гребенки образуют елочку, зигзаг, а шагающей гребенки – ди-

агональные ряды в зоне венчика. Данный керамический комплекс идентичен материалам поселений Верхнего Приобья – Крохалевка 4, 17, Енисейское, Комарово 1, которые отнесены к крохалевской культуре (Полосьмак, 1978. С. 36–46; Абдулганеев, 1985. С. 67–80).

Смирновский тип керамики характеризуют материалы поселений Смирновский Ручей 1, Инголь, Кагат VI, расположенных в Ачинско-Мариинской лесостепи. Плоскодонная посуда декорирована в оступающе-накольчатой технике. Ведущий орнаментир – широкая округлая лопаточка. Горизонтальные ряды оттисков покрывают всю поверхность

сосудов, включая дно. На крупных сосудах под венчиком нанесен ряд жемчужин или ямок, на тулове горизонтальные ряды чередуются с волнистыми. По морфологическим и декоративно-типологическим признакам этот комплекс не имеет аналогов в лесостепном и таежном Приобье. Близок ему декор некоторых сосудов окуневской культуры и стоянок в окрестностях Красноярска.

Сейминская эпоха. В этот исторический период на территории Кузнецкой котловины была распространена самусьская культура (10 поселений: Школьный, Красульно, Танай 4, Малиновое и др.). Керамический комплекс характеризуют сосуды 1, 2, 4 типов, по классификации В.И. Молодина и И.Г. Глушкова (1989). Известны также находки ритуальных сосудов. Дополняют представление о материальной культуре находки свидетельств бронзолитейного производства (литейные формы, шишки, тигли, кельты, наконечник копья).

Степень изученности Ачинско-Мариинской лесостепи не позволяет дать оценку освоенности района. На данной территории ряд поселений (Инголь, Б. Берчикуль 1, Тамбарское водохранилище, Кадат VI) содержит керамику окуневской культуры. Здесь же известны погребальные памятники Синючиха, Стрелка (Вадецкая, 1986. С. 37). Все памятники тяготеют к восточной части лесостепи. В этом же районе распространены керамические комплексы (Шестаково Ia, Третьяково II, Кадат 10 и др.) с прямым или волнообразным венчиком, украшенные проташенной и движущейся гребенкой, формирующей сплошные или разреженные волнистые или диагональные ряды. Иногда между ними помещены ромбы. Этот тип керамики имеет аналогии среди материалов степановской и самусьской культур. Вместе с тем, есть ряд отличий, которые позволяют отнести комплекс к третьяковскому варианту.

Развитая бронза. В этот исторический период все лесостепные районы Кузнецко-Салаирской горной области были освоены скотоводческим населением андроновской культуры, которое использовало Ачинско-Мариинскую лесостепь для продвижения в котловину Среднего Енисея. В горной экосистеме андроновская культура не была подвержена тем трансформационным процессам, какие были выявлены на открытых пространствах Западной Сибири. Наконец, полное отсутствие алакульских элементов в культуре.

Поздняя бронза в пределах рассматриваемого региона представлена постандроновскими культурами: на севере – еловской (поселения Дворниково,

Тамбар), а в котловине – корчажкинской (поселение Танай 4, могильники Танай 1 и 12). Именно на этой территории были исследованы первые жилища корчажкинской культуры.

На следующем хронологическом этапе ситуация существенно изменяется. Во время существования ирменской культуры ее население освоило всю лесостепь горной области, но Ачинско-Мариинскую лесостепь использовали как транзитную территорию для обмена и поставки рудного сырья со Среднего Енисея (Бобров и др., 1997). Этот район был также освоен населением лугавской культуры. Эпизодически сюда проникали группы молчановской культуры. В котловине ирменская культура представлена вариантом, содержащим карасукские элементы.

Переходное время к раннему железу. В этот исторический период на территории котловины шел процесс дальнейшего развития ирменской культуры (поздний этап), в некоторых районах подвергшийся влиянию культуры носителей крестово-штамповой орнаментации. Культура мигрантов из таежной зоны Западной Сибири (Обь-Енисейское междуречье) более выражена в Ачинско-Мариинской лесостепи. Ей предложено название тургайская.

Таким образом, культурно-исторические процессы в пределах Кузнецко-Салаирской горной области в эпоху бронзы носили характер, свойственный маргинальным зонам.

Абдулганеев М.Т., 1987. Поселение Комарово 1 – новый памятник эпохи раннего металла // Археологические исследования на Алтае. Барнаул.

Бобров В.В., 1990. История археологического изучения эпохи бронзы в Обь-Чулымском междуречье // История археологических исследований Сибири. Омск.

Бобров В.В., Кузьминых С.В., Тенейшвили Т.О., 1997. Древняя металлургия Среднего Енисея. Кемерово.

Вадецкая Э.Б., 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.

Виноградов А.В., 1982. Неолит и ранний бронзовый век Минусинской котловины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Кирюшин Ю.Ф., 2002. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул.

Молодин В.И., 1977. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск.

Молодин В.И., Глушков И.Г., 1989. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск.

Полосьмак Н.В., 1987. Керамический комплекс поселения Крохалева 4 // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.

*Е.В. Волкова**Институт археологии РАН*

Фатьяновская керамика как исторический источник (по материалам Новинковских могильников)

Первые фатьяновские погребения у д. Новинки Калининского р-на Тверской обл. были открыты в 1990 г. экспедицией Тверского государственного объединенного музея (руководитель И.Н. Черных). На узкой полосе между грунтовой дорогой и рыбо-разводными прудами, на удаленных друг от друга (от 100 до 400 м) раздернованных участках были обнаружены вещи фатьяновского погребального инвентаря. В результате семилетних раскопок выявлены и полностью раскопаны четыре могильника фатьяновской культуры, которые частично разрушены в результате деятельности современного человека. В первом сохранились 4 могильные ямы, во втором – 26, в третьем – 4, в четвертом – 2.

Источники. В ходе раскопок найден 121 сосуд (целые формы и фрагменты от разных сосудов), которые распределяются по могильникам неравномерно: в первом – 10, во втором – 76, в третьем – 11, и в четвертом – 24 сосуда.

Цель работы – показать на примере этого комплекса источниковедческие возможности фатьяновской керамики, используя методы, разработанные в рамках историко-культурного подхода к изучению керамики.

Методика. Использовались две различные группы методов качественного и количественного анализа керамики. К первой группе относятся методы выделения навыков труда и культурных традиций гончаров на всех ступенях гончарного производства (Бобринский, 1978) и орнаментации глиняной посуды (Волкова, 1996), а также метод реконструкции истории населения по выделенным культурным традициям (Бобринский, 1978). Суть последнего метода состоит в следующем. Устойчивые навыки труда по изготовлению посуды, передаваемые по наследству из поколения в поколение путем непосредственного обучения, принято называть культурными традициями в гончарстве. В доремесленную эпоху такая передача проходила по родственным каналам, поэтому изменение гончарных традиций определенной группы населения свидетельствует об изменении культурного состава этой группы. Кроме того, А.А. Бобринским было доказано, что навыки труда гончаров, относящиеся к разным ступеням производства, изменяются при процессах смешения населения с разной скоростью. Одни навыки (приспособительные) меняются быстро, в течение жиз-

ни одного поколения, другие (субстратные) – медленно, в течение 5–6 поколений. К приспособительным относятся навыки по отбору и обработке сырья, составлению формовочных масс, механической обработке поверхностей. К субстратным – навыки по изготовлению начина и полого тела. Навыки придания сосудам формы занимают по этому признаку промежуточное положение.

Таким образом, по приспособительным культурным традициям в гончарстве можно судить о различных исторических процессах, происходивших непосредственно в среде изучаемого населения, например, о массовом притоке или инфильтрации населения с другими традициями, о смешении групп населения с разными традициями или о полном вытеснении старого населения новым. А по субстратным культурным традициям можно реконструировать историю сложения изучаемого населения.

Кроме того, в результате исследования орнаментальных традиций фатьяновских гончаров было выяснено, что эти традиции также обладали разной степенью устойчивости в условиях смешения разнотехнологического населения. К субстратным мною отнесены традиции создания «орнаментального образа» и традиции «вида инструмента», которым наносился орнамент, а к приспособительным – традиции по созданию «орнаментального мотива» (Волкова, 1998).

Для сравнительного количественного анализа керамики четырех могильников был использован метод, предложенный Д.Я. Телегиным (1977) и усовершенствованный Ю.Б. Цетлиным (2004). Он состоит в расчете коэффициента сходства (далее КС) между двумя разными керамическими группами по разным технологическим или орнаментальным традициям. КС представляет собой сумму наименьших (общих для сравниваемых комплексов) долей (в %) каждой отдельной технологической или орнаментальной традиции (Волкова, 2007). Чем больше КС, тем ближе между собой сравниваемые комплексы. Результаты количественного анализа степени сходства позволили существенно детализировать и уточнить информацию о сравниваемых группах.

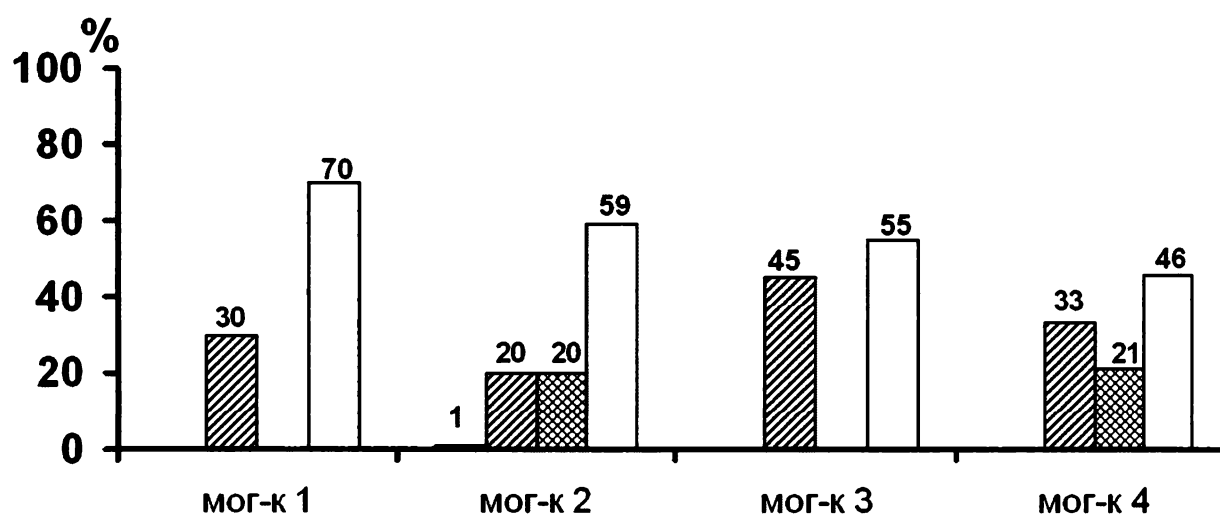
Результаты изучения. Технологический анализ керамики показал, что посуда всех четырех могильников сделана с помощью одних и тех же субстратных навыков труда. Сосуды изготавливались из

нескольких частей с использованием форм-моделей и последующим выбиванием колотушкой стенок и донной части. Дно и стенки сосудов наращивались двухслойным спирально-зональным налепом. Общие субстратные навыки свидетельствуют о едином происхождении населения, оставившего эти четыре могильника.

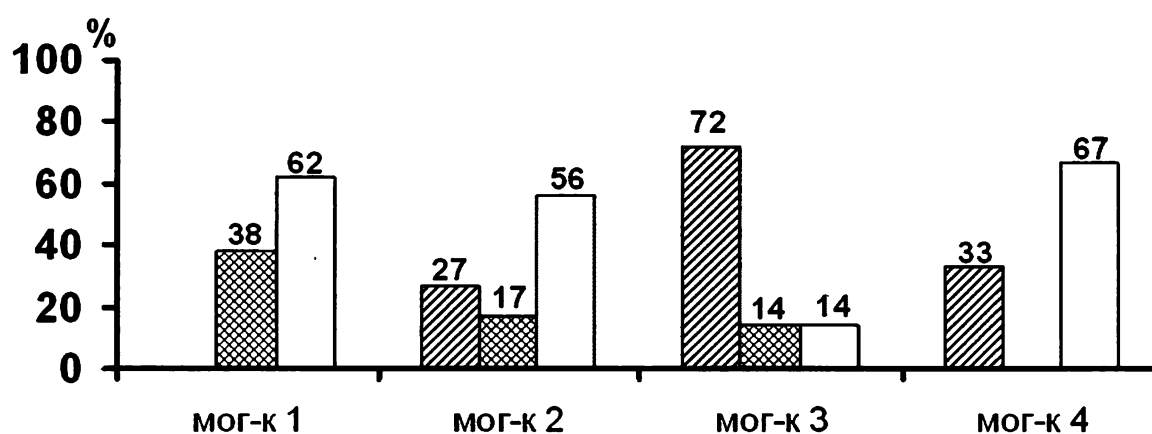
Общие традиции фиксируются и по приспособительным навыкам труда. Но здесь начинают проявляться особенности каждой из четырех групп населения. Посуда всех могильников сделана в основном из среднепластичной сильноожеженной глины, но четвертый могильник выделяется наличием сосудов, изготовленных из нежеженной (7%) и

пластичной (30%) глины. По степени ожеженности глины посуда первого и третьего могильников оказалась тождественной (КС = 100%), а посуда второго и четвертого могильников – очень сходной (КС = 93%). По степени пластичности глины наиболее близки первый и третий (КС = 89%), а также второй и третий (КС = 89%) могильники.

По керамике всех могильников выделены две общие традиции составления формовочных масс (ФМ) – глина + органика + шамот (ОШ) и глина + органика + шамот + дресва (ОШД) – и одна традиция, свойственная только населению, оставившему второй и четвертый могильники, – глина + органика + дресва (ОД) (рис. 1: А). По КС также выделены

А

Б

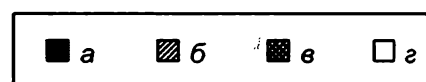

Рис. 1. Распределение рецептов ФМ сосудов (А) и шмота (Б) по четырем Новинковским могильникам: а – глина + органика, б – глина + органика + шамот, в – глина + органика + дресва, г – глина + органика + шамот + дресва

две пары близких могильников: первый и третий (КС = 85%), второй и четвертый (КС = 86%). По составу шамота, сделанного из старой фатьяновской посуды, фиксируется только одна, общая для всех могильников традиция: ОШД (рис. 1: Б). На качественном уровне посуда второго и третьего могильников сходна по наличию всех трех традиций, но они сильно различаются количественно. КС по этому признаку зафиксировал наибольшую близость второго и четвертого могильников (КС = 83%). Сравнительный количественный анализ могильников по традициям ФМ сосудов и ФМ шамота позволил выявить наиболее сильные связи между могильниками по этим параметрам (рис. 2: а). Схема показывает, что, во-первых, шамот первого и третьего могильников не имеет сильных связей с сосудами какого-либо могильника, во-вторых, сосуды первого и третьего могильников пошли на шамот для сосудов второго и четвертого могильников, в-третьих, из сосудов четвертого могильника делался шамот для керамики второго.

Таким образом, сопоставление традиций ФМ сосудов и шамота позволяет наметить относительную хронологию Новинковских могильников: сначала оставлены первый и третий могильники, затем четвертый и второй.

Большинство новинковских сосудов орнаментировано. В первом могильнике посуда орнаментирована преимущественно гладким штампом (44%), во втором и четвертом – в основном зубчатым (76 и 43% соответственно), в третьем – ножом для процерчивания (43%). По всем видам орнаментов наиболее близки второй и четвертый могильники (КС = 83%). Доминирующим во всех четырех комплексах элементом орнамента являлась «короткая прямая линия», а элемент «точка» был распространен только на керамике второго (21%) и четвертого (27%) могильников. Подсчет КС на этом уровне показал близость второго и четвертого могильников (95%).

По новинковским сосудам выделено 20 орнаментальных образов, но только два из них («горизонтальный ряд наклонных линий» и «горизонтальная прямая») являются общими и массовыми (более 25%) для всех четырех могильников. По массовым и редким орнаментальным образам проявляется близость посуды второго и четвертого могильников. Некоторые орнаментальные образы третьего могильника не встречены ни на посуде других Новинковских могильников, ни на всей известной фатьяновской керамике. По орнаментальным образам наибольшее сходство у второго и четвертого могильников (КС=73%). На уровне мотивов также сохраняется близость этих могильников.

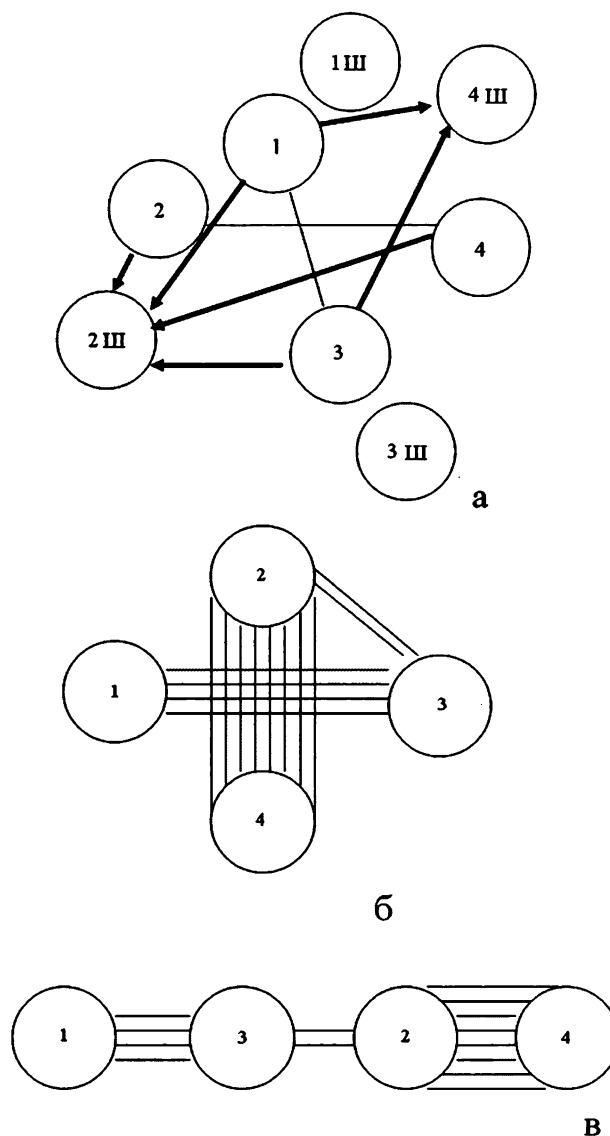

Рис. 2. Схемы сильных связей (КС > 70%) между керамическими комплексами четырех Новинковских могильников: а – по рецептам ФМ сосудов и ФМ шамота из этих сосудов, б – по всем 11 параметрам, в – ориентированная во времени схема связей по 11 параметрам

Обобщенные сильные связи между керамическими комплексами четырех могильников, выявленные по 11 параметрам (4 технологическим и 7 орнаментальным традициям), оценивались в процентах от общего числа параметров. Значительное сходство между керамическими комплексами, оставленными группами фатьяновского населения, проживавшими на ограниченном пространстве, свидетельствует о том, что это было практически одно и то же население. И наоборот, слабые связи говорят о разных культурных традициях этих групп и, следовательно, об их относительной разновременности. Обобщение всех полученных данных позволяет установить

относительную хронологию четырех фатьяновских могильников и населения, их оставившего. В частности, наиболее многочисленные связи (рис. 2: б) выявились между посудой второго и четвертого могильников (73%), в два раза меньше связей – между первым и третьим могильниками (36%), еще меньше – между вторым и третьим (18%). Поскольку было установлено, что первый и третий могильники оставлены раньше второго и четвертого, наиболее ранним следует считать именно первый могильник (рис. 2: в). Таким образом, относительная хронология могильников, реконструированная по керамическим комплексам, получается следующая: сначала оставлен первый могильник, затем третий, потом второй и четвертый. Сильные связи между вторым и четвертым могильниками свидетельствуют о частичном сосуществовании групп населения, их оставившего.

Правильность полученной относительной хронологии подтверждают остальные материалы Новинковских могильников. Во-первых, большое расстояние между могилами в первом и третьем Новинковских могильниках характерно для более ранних фатьяновских племен, а очень близко расположенные могилы во втором и четвертом могильниках – для более поздних. Во-вторых, в первом могильнике найдены каплевидные и сердцевидные янтарные привески с Г-образными отверстиями, которые имеют единственную аналогию в материалах Восточной Прибалтики III тыс. до н. э. (Лозе, 1975).

Выводы. Относительная хронология проживавших на ограниченной территории фатьяновских групп населения, построенная по результатам анализа их культурных гончарных традиций, – только одна из проблем, которые можно решить в рамках историко-культурного подхода к керамике как к историческому источнику. Другая не менее важная проблема – выяснение этнокультурного состава населения, оставившего исследуемую посуду, – решается с помощью анализа субстратных и приспособительных орнаментальных традиций, что будет продемонстрировано в специальной работе.

- Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.
- Волкова Е.В., 1996. Гончарство фатьяновских племен. М.
- Волкова Е.В., 1998. Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. М.
- Волкова Е.В., 2007. О методах изучения сходства фатьяновских керамических комплексов // РА. № 3.
- Телегин Д.Я., 1977. Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.
- Цетлин Ю.Б., 2004. Локальные особенности периодизации культуры с ямочно-ребенчатой керамикой в Верхнем Поволжье (проблемы методики) // РА. № 4.
- Loze I., 1975. Neolithic amber ornaments in the eastern part of Latvia // Nadbitka z «Przeglądu Archeologicznego». Ossolineum. Т. XXIII.

А.Н. Гей

Институт археологии РАН

Исследования дольменных памятников Западного Кавказа в 2005–2007 гг.

Начиная с 2003 г. Северо-Кавказская экспедиция Института археологии РАН проводит исследования дольменных памятников северных склонов западной оконечности Кавказского хребта. К настоящему моменту в долинах рек Абин, Бугундырь, Ахтырь, Хабль и на прилегающих хребтах и отрогах обследованы 22 группы дольменов и каменных развалов, включающих в общей сложности не менее 210 мегалитических построек. Произведены полные или частичные раскопки 12 из них.

В ходе работ установлено, что в данном регионе представлены все основные разновидности дольме-

нов (плиточные, составные или блочные, корытообразные, монолитные). При этом разные виды могут входить в состав одних и тех же групп и не обнаруживают каких-либо предпочтений при размещении на местности.

При очевидном дефиците содержательных археологических контекстов (непотревоженных захоронений и наборов сопровождающего инвентаря, отсутствии закрытых комплексов и стратиграфических данных) на всем протяжении изучения дольменов Кавказа значительное внимание уделялось конструктивным особенностям и типологии самих по-

троек. Несмотря на многочисленные разрушения, вызванные антропогенными и природными факторами, затрудняющими получение полной и равноценной информации по каждому объекту, можно говорить о чрезвычайно сильной вариативности форм, типов и примененных в каждом отдельном случае архитектурных решений и конструктивных приемов, зачастую не отраженных в существующих типологических схемах.

Расчистка по следам грабителей засыпанной обвалом так называемой «скальной гробницы» Бугундырь III показала наличие здесь уникального дольмена-монолита. В отличие от широко известного монолита у с. Волконка, долгое время оставшегося единственным реально существующим представителем этой разновидности, бугундырский дольмен вырублен не в цельной глыбе, а в скальном обрыве. Портал его оформлен как прямоугольная ниша размером 3 x 2 м, заглубленная в скалу на 0,40–0,88 м. В нижней части задней стенки ниши имеется округлое входное отверстие диаметром 0,3–0,36 м, ведущее в небольшую овально-яйцевидную в плане и вертикальном разрезе камеру (0,48 x 0,3 x 0,35 м). Судя по всему, постройка осталась незавершенной из-за вывала породы внутри ниши.

Среди корытообразных дольменов имеются как обычные, с входом на портале (Крейдяная Гора, Шапсугский X, Ахтырский II), так и ложнопортальные, с имитацией пробки-втулки на передней стене и входным отверстием с противоположной торцовой стороны (Бугундырь II, Супрунов Бугор I). При этом первые по форме камеры делятся на «прямостенные», с подпрямоугольным или трапециевидным вертикальным сечением, и «кувшинообразные», с резким сужением вогнутых стенок к верхнему краю камеры.

Составные или блочные (Коцехур I, Эриванский XVII, Супрунов Бугор I) сложены из подпризматических или дугообразных блоков и имеют в плане «апсидную» форму с полукруглым задним концом. Характерной особенностью таких построек изучаемого района является оформление плоской передней стены и порталных выступов при помощи особых Т-образных (а не Г-образных, как в других местах) блоков.

Очень разнообразны наиболее распространенные плиточные дольмены. У одного из них (в могильнике Винджего) вертикальные пазы на внутренней поверхности стен вытесаны не в длинных боковых, а в короткой передней плите (задняя пока не обнаружена). Такой вариант сборки стен на Кавказе до сих пор не встречался, однако известен для каменного ящика подкурганного захоронения эпохи ранней бронзы, определенного раскопщиками как

кеми-обинское, на р. Ингул (Шапошникова, Фоменко, Балушкин, 1977).

Среди разбросанных и переиспользованных при строительстве средневековых каменных ящиков дольменных плит на Большом Шапсугском могильнике обнаружены две плиты, имеющие форму высокой трапеции, с пазами, вытесанными вдоль длинных боковых краев, что указывает на принадлежность к особому, ранее не встречавшемуся типу плиточных (?). Можно только предполагать, не являются ли они остатками многоугольных дольменов вроде упомянутого в этой местности Ф.Ф. Ландом (Марковин, 1978. С. 29).

Некоторые выразительные конструктивные особенности по имеющимся наблюдениям можно охарактеризовать как локальные проявления. Так, в группе Крученая I у двух плиточных дольменов (10, 48) зафиксированы особые «глухие» пазы на внутренней стороне верхнего края боковых стен, предположительно служившие для фиксации плиты перекрытия. А у двух дольменов (А и Г), входящих в средний ряд на могильнике Грузинка VII, при устройстве боковых стен использованы разновысокие плиты. При этом для выравнивания под крышу верхнего края коробки камеры под меньшей по высоте плитой сделаны специальные подкладки из трех песчаниковых плит, уложенных плашмя друг на друга. Такой прием, с одной стороны, может указывать на точный строительный расчет с использованием определенных приемов измерений, а с другой – на возможность переиспользования при строительстве плит от разных более ранних разрушенных дольменов, что, в свою очередь, служит косвенным указанием на более или менее длительный период формирования и функционирования данного памятника.

Другие конструктивные приемы, напротив, отмечаются на ряде памятников региона. К ним следует отнести устройство полов-оснований из трех плит, ориентированных поперек оси дольмена (при отсутствии особых «пяточных» камней с пазами под основание стен), а также способ оформления небольшого прямоугольного в плане двора перед входом в дольмен, когда с одной стороны от входа он образован правильной кладкой из блоков и плит, а с другой – крупным подпризматическим блоком крупных размеров (дольмены Б и Г Грузинки VII и дольмен 19 Крученой I). Дальнейшее накопление таких наблюдений необходимо для уточнения границ расселения и определения характера групп населения, возводившего мегалитические гробницы.

Раскопки каменных развалов показывают, что далеко не все они являются остатками разрушенных дольменов. В ряде случаев речь идет о неких кру-

глоплановых мегалитических конструкциях из природных и переиспользованных дольменных плит (Крейдяная I, развал 10; Шизе VI, развал 18). Наряду с выполнением функцией погребального сооружения (разрозненные остатки захоронений между камней) хорошо сохранившиеся сооружения такого рода (Грузинка XI, объект 2) могли являться и культурными объектами, своеобразными «святилищами» (Гей, Черкасов, 2005).

Особый интерес представляют петроглифические знаки на дольменах и «святилищах», в том числе первые фигуративные изображения (рис. 1 и 2). Несмотря на единичный характер таких находок, бросается в глаза связь их с южной стороной конструкции (Грузинка XI объект 2), а у дольменов – с районом двора, ориентированного также к югу. Поиск сюжетных и стилистических аналогий позволяет предварительно наметить два, как кажется, наиболее перспективных направления. Фигуративные, сюжетные композиции пока находят наиболее близкие параллели среди наскальных изображений Кавказского региона, в некоторых группах петроглифов Дагестана, а стела с Шизе IV – А – прежде всего среди изображений танцующих человеческих фигур, в том числе в «танце трех», на армянских петроглифах из Ухтасара и Джермаджура (Karakhanian, Safian, 2006). Впрочем, близкая композиция есть и среди наскальных, правда, выполненных охрой, изображений Крыма, относимых их исследователем к кемпи-обинской культуре, или второй половине III – началу II тыс. до н. э. (2 Алимовский навес: Щепинский, 1993. С. 37).

Символические изображения схемы «крест в круге» имеют широчайший территориальный и хронологический разброс и, вероятно, в разных культурах – достаточно разнообразное семантическое наполнение. Однако вариант с двумя или несколькими соприкасающимися знаками, при этом как будто не связанными с изображением колесных транспортных средств с относительно поздними, снабженными спицами колесами, заставляет обратиться к тому же массиву армянских петроглифов, что и в предыдущем случае. А мотив двух сопряженных окружностей или окруженных кольцом знаков (?) встречен на антропоморфной стеле из перекрытия ямного подкурганного захоронения

Старогорожено 23 на Южном Буге (Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986). Нельзя не вспомнить в связи с этим, что отверстия малого диаметра на недольменных плитах «святилищ» Грузинки XI и Кизинки 528 могут быть сопоставлены с таким же отверстием в средней части малоизвестной антропоморфной стелы из перекрытия ямного подкурганного захоронения в Первомаевке на Нижнем Днепре (Іллінська, Ковпаненко, Петровська, 1960). Напомним, что предположение о глубинной связи условно мегалитической традиции антропоморфных стел Северного Причерноморья с дольменной культурой Кавказа уже высказывалось исследователями (Новицкий, 1990). Эти причерноморские степные параллели имеют особенное значение, поскольку, в отличие от крайне проблематично датированных (часто не датированных даже с точностью до эпохи) петроглифов, бесспорно относятся к эпохе ранней бронзы (в рамках современных представлений о хронологии – никак не позднее первой половины III тыс. до н. э.). Что немаловажно при ограниченности сравнительных материалов для мегалитов Кавказа и сведений об их хронологии.

- Гей А.Н., Черкасов А.Н., 2005. Грузинка XI – древнее святилище в долине р. Абин // Четвертая Кубанская археологич. конф.: Тез. докл. Краснодар.
- Іллінська В.А., Ковпаненко Г.Т., Петровська Е.О., 1960. Розкопки курганів епохи бронзи поблизу с. Первомаївки // АП УРСР. Київ. Т. IX.
- Марковин В.И., 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.
- Новицкий Е.Ю., 1990. Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья. Одесса.
- Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Балускин А.М., 1977. Курганная группа близ с. Старогорожена // Древности Поингуля. Киев.
- Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д., 1986. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант) // САИ. Вып. В1-3. Киев.
- Щепинский А.А., 1993. О наскальных изображениях и тамгообразных знаках горного Крыма // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье. Вып. IV.
- Karakhanian G.K., Safian P.G., 2006. The Rock Carvings of Syunik // <http://www.iatp.am>

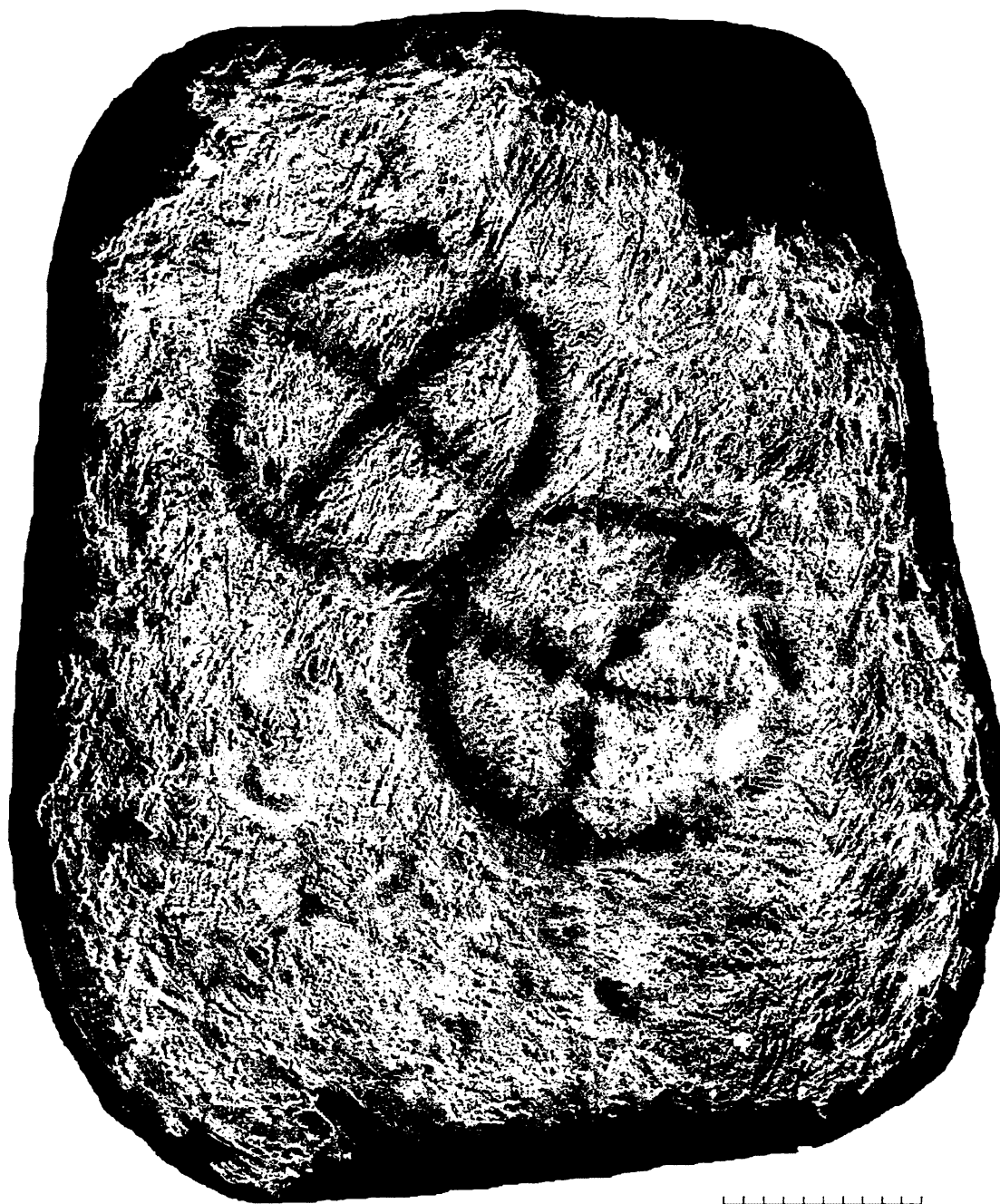

Рис. 1. Плита-"жертвенник" с солярными знаками из святилища Грузинка XI

Рис. 2. Плита с петроглифами из развала
дольмена А могильника Шизе IV

*А.Д. Дегтярева**Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень*

Основные черты синташтинского металлопроизводства

Металлические изделия синташтинской культуры были обнаружены в основном в инвентаре могильников – Синташтинском большом грунтовом, Синташтинском 1, 2, Большекараганском, Каменный Амбар 5, Кривое Озеро, Березовском, Герасимовка 2, Танаберген 2, у горы Березовой, Новокумакском, Обилькин Луг 3, Жаман-Каргала 1, в слое поселений Синташта, Аркаим, Устье (неопубликованные материалы синташтинского-петровского поселения Устье не учитывались).

Ряд авторов исследовал отдельные аспекты металлопроизводства с точки зрения общих проблем типологии, направления связей, изучения отходов производства. Более целостный подход к оценке состояния развития синташтинского металлургического производства нашел отражение в работах Е.Н. Черных (Chernykh, 1992; Черных, 2007), где дана общая химико-металлургическая характеристика металла Синташтинских могильника и поселения, изделия атрибутированы в рамках начального этапа Евразийской металлургической провинции, установлены наиболее вероятные источники металла в Таш-Казгане. Рассматривая сырьевую базу Южного Урала, В.В. Зайков (2007) выделил несколько типов месторождений, которые могли использоваться в синташтинский период, – зоны окисления сульфидно-кварцевых и сульфидно-карбонатно-кварцевых жил с присутствующим арсенипитом (Таш-Казган, Никольское, Суундукское и др.), зоны окисления гранатосодержащих скарнов (Воровская яма), зоны окисления прожилково-вкрапленных и массивных сульфидных руд в глубинных породах (Уш-Каттинское), серпентиниты Главного Уральского разлома (рудники Ишкининское и Дергамышское).

Общее количество металлических предметов, учтенных нами, достигает 586 (с учетом материалов Устья этот показатель возрастет примерно до 700 единиц). При этом необходимо иметь в виду, что в их числе – 107 мелких бусин и обойм от 2 браслетов и двух наконечников. Подавляющее большинство бронзовых орудий и украшений (95,9% от общего количества изделий) происходит из погребальных комплексов, тогда как доля поселенческого металла составляет всего 4,1%. Металлический инвентарь распределяется по основным категориям-классам следующим образом: орудия труда – 37,7%, украшения – 39,4% (реальная доля орудий была выше,

украшений – ниже, учитывая факт включения в общее количество бусин из наборов), оружие – 4,6%, скобы, заклепки, прутки – 18,3% предметов. Для синташтинской культуры характерно широкое использование металла прежде всего в ритуальных целях, достаточно высока была его престижная роль. В основном это плотницкий инструментарий – тесла, долота, ножи, шилья. Показательно появление большого числа высококачественных изделий с явными чертами профессиональной технологии. В облике синташтинских орудий, безусловно, проявляются реминисценции циркумпонтийской провинции, в частности в наличии тесел двух типов – с параллельными и расширяющимися гранями, крюков втульчатых, ножей с удлиненным узким насадом, черенковых долот, шильев с упором-утолщением. Сохраняется основная рецептура сплавов с использованием мышьяковых бронз, зафиксировано и присутствие многокомпонентных латуней, в том числе так называемых «морских» в единичных случаях. Орудия при этом утратили массивность, присущую изделиям очагов циркумпонтийской провинции, в отличие от очагов ЦМП сплавы подбирались низколегированные. В инвентаре отсутствуют изделия, отлитые в неполностью закрытых формах. Ряд признаков – наличие тесел типа с расширяющимися гранями, втульчатых и стержневидных долот, крюков, ножей с узким насадом, подвесок в полтора оборота, скоб, использование латуней – в катакомбном и синташтинском металлопроизводстве приводит к выводу о возможной преемственности между ними. При этом необходимо иметь в виду весьма протяженный период существования катакомбных культур – вплоть до начала II тыс. до н. э. (Черных, Орловская, 2004. Рис. 6. С. 28).

Ближайшие аналогии орудийному комплексу находят среди позднеабашевских, петровских, пощеповских, раннесрубных металлических изделий лесостепной и степной зоны Евразии. Выделены ведущие типы синташтинского центра производства, локализованные на Южном Урале и сопряженные в подавляющем большинстве с синташтинскими экземплярами. К ним относятся топоры с бойками, тесла двух типов, долота стержневидные, ножи с узким насадом, ножи со слабо выделенным черешком, ножи с перекрестьем и перехватом, черешковые наконечники стрел, кованые наконечники копий. Появление этих типов изделий в позднеабашевских,

покровских, потаповских, сейминско-турбинских популяциях следует рассматривать как следствие интенсивных металлургических контактов в ходе активных миграционных процессов, а также передвижения отдельных синташтинских групп на запад и восток. Наибольшая степень типологического сходства фиксируется с металлопроизводством, видимо, синхронных абашевских (баланбашских) племен Южного Урала. При этом необходимо отметить, что в синташтинском инвентаре отсутствуют такие традиционные формы абашевского металла, как грацильные узковислобушные топоры с дуговидным абрисом, массивные прутковые браслеты и бляшки-розетки. Следует отметить прямые импорты сейминско-турбинских ножей, пилы (погребения у горы Березовой), возможно, чекана. О степени интенсивности связей между турбинскими, абашевскими, петровскими популяциями свидетельствуют находки синташтинских копий, ножей, тесел в Ростовке, Кондрашкинском кургане, Верхней Алабуге, Токанай 1; турбинских литых копий – в петровском и позднеабашевских погребениях Кривого Озера, Селезни 2; петровского ножа – в Сатыге 6.

Данные о химическом составе изделий синташтинской культуры были получены по 95 предметам, происходящим из могильников Кривое Озеро, Каменный Амбар 5, Синташтинский 2, Герасимовский 2. По составу распределение следующее: медь и сплавы на ее основе – 88,4%, биллоны и серебро – 9,2%, золото – 2,4%. Серебро и биллоны использовались для изготовления украшений, прежде всего деталей наконечников – удлиненных ромбовидных подвесок, обойм, браслетов; золото – для округлых подвесок, золотая фольга – для наложения на медную основу подвесок в полтора оборота. Медь и сплавы на ее основе подразделяются на 9 металлургических групп: чистая медь; двойные сплавы – мышьяковая бронза; латуни – сплав меди с цинком; а также сложные трех-, четырех-, пятикомпонентные сплавы – оловянно-мышьяковые, свинцово-мышьяковые, сурьяно-мышьяковые, цинково-мышьяковые, оловянно-свинцово-мышьяковые и так называемая морская латунь (с лигатурой олово, свинец, цинк, мышьяк). В качестве нижнего порога легирования сплава мышьяком принята условная величина $>0,1\%$, для прочих лигатур эта граница выше: для Sn, Pb, Zn – $>0,4\%$, для Sb – $>1,0$. В одной из последних работ Е.Н. Черных предложил для обозначения группы с повышенными концентрациями мышьяка ввести термин мышьяковая медь, имея в виду ее естественное происхождение. Проблема разграничения мышьяковых бронз и мышьяковой меди до сих пор является дискуссионной, тем более что при выплавке металла из руды происходит воз-

гонка мышьяка и его процентное содержание резко уменьшается. Исследователи при выделении группы мышьяковых бронз в качестве границы используют разные пороговые величины – от 0,1 до 1%. Ведущей металлургической группой, безусловно, являются бинарные сплавы медь-мышьяк, их доля составляет 79,9% от общего количества проанализированных изделий. Вместе с тем, мышьяк присутствует практически во всех видах упомянутых сплавов. С учетом количества предметов, изготовленных из многокомпонентных сплавов, реальная доля сплавов, в которых присутствует мышьяк, доходит до 92,6%. Мышьяковые бронзы синташтинской культуры относятся к категории низколегированных – две трети предметов (72,1%), имея в своем составе примесь мышьяка до 1%; 16% орудий легированы до 1,5%. Всего шесть предметов содержат концентрации As от 1,5 до 3,5%, и только один браслет легирован мышьяком в пределах 6,9%.

К группе чистой меди относятся всего 6,3% предметов, в числе которых скобы, заготовка, два ножа и наконечник стрелы. В группе оловянно-мышьяковых бронз четыре изделия (4,2% от общего количества): 2 браслета, нож, игла. Концентрации мышьяка в предметах находятся в пределах от 0,12 до 2,2%, олова – несколько выше, от 0,4 до 6,5%. Из мышьяково-цинковой бронзы отлито 4,2% от общего количества изделий. Примеси As доходят до 1,65%, цинка – варьируют от 0,4 до 5%.

Оставшиеся четыре металлургические группы – Cu+As+Pb, Cu+As+Sb, Cu+As+Sn+Pb, Cu+Sn+Pb+Zn+As – насчитывают всего по одному предмету. Из мышьяково-свинцовой и мышьяково-оловянно-свинцовой бронзы изготовлены два браслета с концентрациями мышьяка 0,3–1,7%, свинца – 0,57–0,87%, олова – 1,4%. Мышьяково-сурьянная бронза (As – 3,25%, Sb – 1,2%) использовалась для отливки ножа. Из четырехкомпонентной бронзы, содержащей присадки олова, свинца и цинка, изготовлена бляшка (концентрации соответственно 8,12; 5; 4,6%). Мышьяк содержался в количестве 0,2%. Подобные сплавы в специальной технической литературе называют морскими латунями, поскольку введение легирующих добавок олова и цинка повышает сопротивление коррозии в морской воде.

Определенное сходство по химико-металлургическим показателям намечается между синташтинским и катакомбным металлом степного Предкавказья, Нижнего Дона и Северского Донца (Гак, 2005). Сходство проявляется в преобладании низколегированных до 6% мышьяковых бронз, используемых для получения орудий труда, в наличии небольшой группы сплавов, легированных цинком, свинцом и сурьмой. Вместе с тем, в катакомбном металле от-

существуют группы с лигатурой олова, которые в небольшом количестве имеются в синташтинском инвентаре.

Таким образом, в погребальных синташтинских комплексах доминировала мышьяковая бронза (79,9% изделий), легированная мышьяком с низкими концентрациями до 2%. Доля чистой меди среди погребального металлического инвентаря составляла 6,2%. Незначительно было также количество оловянных бронз – в пределах 5,3% с учетом изделий из многокомпонентных сплавов, в целом не характерных для синташтинского металлопроизводства, которые шли в основном на изготовление украшений – браслетов, подвесок, а также иглы, ножа. Наличие небольшой серии оловянных бронз объясняется контактами с турбинскими и петровскими племенами, которые являлись основными посредниками в распространении оловянной лигатуры. Двух- и трехкомпонентные сплавы, содержавшие цинк, возможно, поступали в синташтинскую среду от южных позднекатакомбных племен.

Данные технологического изучения 92 предметов свидетельствуют, как и пестрота химического состава, о разнообразии применения технологических схем в пределах 9 вариантов. Следует признать, что господствующими в синташтинском металлопроизводстве были кузнечные технологии – получение орудий и украшений ковкой с нагревами при температурах 600–700°C, 400–500°C либо только холодной ковкой и холодной в сочетании с отжигами. Этими способами было получено около 58% орудий труда и украшений. Получение полностью готовых изделий в формах и литье с косметической проковкой лезвий фиксировалось крайне редко (9,7%

изделий – стрелы и гвоздики). При изготовлении примерно трети орудий труда использовали схему предварительной отливки предмета в форме, с последующей проковкой с использованием средних степеней обжатия до 60–70% (тесла, ножи). Достаточно редким явлением было использование сварки в сочетании с ковкой (наконечники копий, шилья, скобы – 4,4% изделий). В одном случае зафиксировано использование крайне редко используемой технологии, которая складывалась из предварительного отжига гомогенизации при высоких температурах с последующей кузнечной формовкой бляшки из так называемой морской латуни. При формовке орудий труда и оружия мастера имели весьма четкое представление о свойствах мышьяковых бронз. При получении ножей, шильев, наконечников стрел использовали металл, содержавший концентрации As от 0,8 до 2%, редко – в пределах 3–6%. Украшения формовались в основном из оловянной бронзы, латуни (содержание Sn до 7%, Zn – до 2%).

О наличии металлургического производства в синташтинском обществе свидетельствуют как прямые, так и косвенные данные – находки кусков руды (малахита, азурита), шлаков, украшений из серпентинита в погребениях, остатки металлургических печей, обилие шлаков на поселениях.

Зайков В.В., 2007. Аркаим и геоархеологические странствия. Миасс.

Черных Е.Н., 2007. Каргалы. М. Т. V: Каргалы: феномен и парадоксы развития. Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов.

Chernykh E.N., 1992. Ancient metallurgy in the USSR. Cambridge.

М.В. Добровольская, М.Б. Медникова

Институт археологии РАН

Новые данные о населении Северной Месопотамии в раннем бронзовом веке (по антропологическим материалам из раскопок на Телль-Хазне)

Изучение антропологических материалов из погребений в крупнейшем культово-административном центре Северной Месопотамии Телль-Хазна представляют значительный научный интерес для реконструкции процессов сложения и адаптации населения данного региона в первой трети – середине III тыс. до н. э. Изученные скелетные материалы из

погребений в настоящее время представлены 28 индивидами различной степени сохранности*. При исследовании собранных материалов были выполнены краниологические описания, охарактеризованы демографические особенности, отмечены адаптивные особенности группы, проведены реконструкции состояния здоровья, характера физических нагрузок,

особенностей питания. Анализ полученных данных позволяют более полно и разносторонне представить поздние стадии существования комплекса Телль-Хазны.

Демографические особенности группы. Взрослые и дети составляют соответственно 25 и 75%. Такая половозрастная структура типична для погребальных комплексов на поселениях этой эпохи. Так, в слоях Тепе Гавры детские погребения составляют 84–85% (Tobler, 1950). Мужчины, погребенные на Хазне, в целом более старшего возраста: двое из четырех индивидов переступили порог пятого десятилетия жизни. Средний возраст смерти взрослого населения составляет 37,5 лет для мужчин и 25,0 лет для женщин. Однако представлять эти цифры в качестве окончательных характеристик продолжительности жизни данной группы населения представляется преждевременным. Безусловно, заслуживает внимания факт ранней смерти женщин. Ранняя смертность женщин в обществах с высокой рождаемостью – картина, типичная для древних, в том числе земледельческих, обществ.

В исследованной нами скелетной выборке из Телль-Хазны самый высокий процент детской смертности наблюдался на протяжении первого года жизни. На втором и третьем году жизни относительное число умерших детей последовательно уменьшалось. Некоторый рост числа смертных случаев наблюдается от 4 до 5 лет. Не исключено, что в группе населения, хоронившей своих детей в покинутом культовом центре Телль-Хазна, была распространена традиция пролонгированного грудного кормления. Переход на взрослый рацион питания, по-видимому, осуществлялся только после 3 лет, вызывая повышение риска смертности.

Данные краниологии. Как показало изучение стратиграфии погребений, особенностей погребального обряда и вещевого сопровождения, большинство погребений ассоциируется с завершающим периодом существования культово-административного центра. «Наблюдения над распределением керамики позволили датировать завершающий период жизни поселения Телль-Хазна I концом раннединастического периода, что в абсолютных датах примерно соответствует 2700 г. до н. э.» (Амиров, 2006. С. 38). Три мужских черепа и один женский составляют материалы, доступные для краниологических описаний. Мужские черепа могут быть охарактеризованы как крупные долихокранные и гипердолихокранные с большим и очень большим продольным диаметром, малыми значениями поперечного диаметра, малой верхней шириной лица, средне- и широконосые. Отмечены очень большие продольные размеры альвеолярной дуги и нижней челюсти при средних

и малых поперечных размерах неба и нижней челюсти, ярко выражен альвеолярный прогнатизм. Женский череп также может быть охарактеризован как крупный долихокранный с очень большим продольным диаметром и средним поперечным диаметром. Размеры признаков «наименьшая ширина лба» и «верхняя ширина лица» находятся в пределах средних значений. Орбиты высокие, нижняя челюсть крупная, как по продольным, так и по поперечным и высотным размерам.

Как показывают сравнительные литературные данные, в целом для населения ближневосточного региона периода VI–IV тыс. до н. э. характерна долихокrania (Алексеев и др., 1984). Межгрупповые различия проявляются в вариациях ширины и высоты лица. Исследования краниологического своеобразия населения Армянского нагорья и Малой Азии выявили основные направления формирования антропологической изменчивости на протяжении эпохи энеолита – ранней бронзы (Алексеев, 1974; Мкртчян, 2001; Carrièri, 1972). Авторы указывают на существование двух краниологических вариантов: массивного высоколицего и грацильного низкоголицего (протосредиземноморского). Как было показано предыдущими палеоантропологическими исследованиями, население территорий Ближнего Востока, Кавказа, Средней Азии и Индии эпохи энеолита – бронзового века имеет значительное сходство (Алексеев и др., 1984; Кияткина, 1987; и др.). Поэтому мы сочли возможным для сопоставления использовать характеристику антропологических материалов с территории Южной Туркмении – из некрополя эпохи бронзы Гонур (Dubova, Rykushina, 2004). Особый вопрос: возможно ли сопоставить краниологические особенности населения Южной и Северной Месопотамии. Согласно результатам исследования В.П. Алексеева, анализировавшего краниологическое своеобразие индивидов из Киша (кладбище А, 2500–2400 гг. до н. э.), «серия из Киша целиком попадает в границы серий из восточных районов Средиземноморья» (Алексеев, 1980. С. 75). Как известно, восточносредиземноморский краниологический вариант не характеризуется ни значительной высотой лица, ни гиперморфностью, ни значительным альвеолярным прогнатизмом. Поэтому можно высказать предположение, что индивиды из погребений Телль-Хазны отличаются по своему краниологическому облику от населения Южной Месопотамии.

Морфология посткраниального скелета. В целом для жителей Хазны была характерна относительная короткорукость и длинноногость. Дистальные сегменты костей конечностей (предплечья и голени), напротив, были удлинены. Периметры и

диаметры диафизов трубчатых костей развиты средне. Если сопоставить среднее значение длины тела мужчин Телль-Хазны с данными разных авторов по Восточному Средиземноморью, Леванту и Средней Азии, то становится очевидным, что ближайшие аналогии в продольных размерах тела наблюдаются у натуфийцев (в том числе Эйнан, Эль Вад, Нахал Орен), на стадии PPNA Иерихона, в халколитическом Библе, в Гиссаре III. Важно подчеркнуть, что среди мужчин Северной Месопотамии присутствовали и высокорослые, и относительно невысокие морфологические варианты.

Отличительная особенность палеоантропологической выборки из Телль-Хазны заключалась в большой численности и хорошей сохранности костяков детского возраста. Как можно видеть на примере динамики длины плечевой кости, на протяжении первого года жизни ее продольные размеры увеличиваются почти вдвое. С года до полутора лет намечается некоторая стагнация в увеличении размеров. Прирост размеров тела в 3–4 года по сравнению с предыдущим периодом был не столь значителен. Заметный скачок в продольном развитии намечался только после 4 лет. Распределение роста лучевой, локтевой, бедренной, большеберцовой, малоберцовой костей также свидетельствует о том, что заметный прирост размеров тела у детей Хазны наступал только после 4 лет.

Патологии и стрессы в детской выборке. Эпизодические нарушения роста в раннем детстве на детских материалах встречаются умеренно часто – процент детей с проявлениями эмалевой гипоплазии равен 18,4. Частота встречаемости анемических состояний, определяемых по поротическим и криброзным изменениям на внутреннем крае глазниц (crista orbitalia), достигает 15,4%. В одном случае отмечены васкулярные изменения на внутренней поверхности затылочной кости. Возможно, это результат менингеальной инфекции, которая могла быть причиной смерти ребенка.

Патологии и стрессы у взрослого населения. Высокий процент эмалевой гипоплазии, во всех случаях множественной, отражает степень неблагоприятного воздействия, имевшего место преимущественно в возрасте около 3 лет. Таким образом, подтверждается высказанное выше предположение о наибольшей уязвимости 3–5-летних детей, что согласуется с картиной детской смертности и с частотой индикаторов стресса на детских скелетах. Вспомним также, что заметный прирост размеров тела наступал у детей Хазны только после 4 лет, что также, по-видимому, было связано с неблагоприятным воздействием на более раннюю возрастную категорию. В группе из Хазны высок процент

встречаемости зубного камня (85,7%), прижизненной утраты зубов (57,1%), относительно часты были болезни десен и одонтогенный остеомиелит. Индикатор анемии *crista orbitalia* встречается у 33,3% индивидов. Впрочем, в обоих случаях наблюдается заживление краев поротических изменений. Отметим, что частота значений маркера стресса ниже, чем в левантийских сериях халколита и бронзы (Smith et al., 1984. P. 121), однако несколько выше, чем в обобщенной группе с территории Иранского плато и Южной Месопотамии (Rathbun, 1984. P. 149). Степень изношенности посткраниального скелета определялась интенсивным характером физической активности. На изученных материалах отмечены многочисленные дегенеративно-дистрофические изменения на скелете, обусловленные тяжелыми физическими нагрузками. Среди прочих изменений такого рода можно отметить узлы Шморля (межпозвоночные грыжи), остеохондроз, артрозы суставов, остеофитоз на телах грудных и поясничных позвонков, износ гиалинового хряща в коленном суставе. Наши данные подтверждают сведения о широком распространении остеоартритов в эту эпоху на территории Ирака и Ирана (Rathbun, 1984. P. 156). В то же время, гипертрофия рельефа от повышенной мускульной активности «прочитывается» не только в чрезвычайном развитии рельефа плеча и предплечья, но и в рельефе поверхности ребер и лопаток, костях кисти. Чаще всего патологическим деформациям подвергался позвоночник, затем – коленные, локтевые, плечевые, тазовые, челюстные суставы. Травматизм носил, по-видимому, преимущественно бытовой характер. Частота встречаемости травм головы (признак, используемый как косвенный индикатор агрессивности социальной среды) невысока: были отмечены перелом носовых костей и подвывих челюстного сустава.

Химический состав минеральной части костной ткани. Проведенный анализ позволяет, в целом, судить о том, что существенная часть рациона питания была представлена животными белками. Об этом свидетельствуют достаточно высокие концентрации цинка при умеренно высоких концентрациях стронция. Аналогичная реконструкция типа питания была сделана исследователями на основании изучения зубных патологий и содержания стабильных изотопов для раннеземледельческого населения Передней Азии, Леванта (Eshed et al., 2005; Lösch et al., 2006).

* Мы приносим глубокую благодарность сотрудникам Сирийской экспедиции ИА РАН, возглавляемой Р.М. Мунчаевым, за всестороннюю помощь в работе с этой уникальной коллекцией.

- Алексеев В.П., 1974. Происхождение народов Кавказа. М.
- Алексеев В.П., Ходжайов Т., Халилов Х., 1984. Население верховьев Амударьи по данным палеоантропологии. Ташкент; Фан.
- Амиров Ш.Н., 2006. Северо-Восточная Сирия в IV – первой половине III тыс. до н. э.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Кияткина Т.П., 1987. Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. Душанбе; Дониш.
- Мкртчян Р.А., 2001. Палеоантропология Оромского могильника. Ереван.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2004. Телль Хазна I: Культурно-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. М.
- Angel J.L., 1984. Health as crucial factor in the changes from hunting to developed farming in the eastern Mediterranean // *Paleopathology at the Origin of Agriculture* / M.N. Cohen, G.J. Armelagos (Eds.). London.
- Cappieri M., 1973. The Iranians of the Copper/Bronze Ages, «Field Research Projects». Miami
- Dubova N.A., Rykushina G.V., 2004. Necropolis and area 5 of Gonur-Depe: some anthropological data // *У истоков цивилизации* / Ред. М.Ф. Косарев, П.М. Кожин, Н.А. Дубова. М.
- Lösch S., Grupe G., Peters J., 2006. Stable isotopes and dietary adaptations in humans and animals at pre-pottery Neolithic Nevalı 1 Çori, Southeast Anatolia // *American Journal of Physical Anthropology*. Vol. 131, issue 2.
- Smith P., Bar-Yosef O., Sillen A., 1984. Archaeological and skeletal evidence for dietary change during the late Pleistocene/Early Holocene in the Levant // *Paleopathology at the Origin of Agriculture* / M.N. Cohen, G.J. Armelagos (Eds.). London.
- Tobler A.J., 1950. Excavation at Tepe Gawra. Philadelphia. Vol. II.
- Rathbun T., 1984. Skeletal pathology from the Palaeolithic through the Metal Ages in Iran and Iraq // *Paleopathology at the Origin of Agriculture* / M.N. Cohen, G.J. Armelagos (Eds.). London.

А.И. Жемков

*Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского*

Особый тип костяных подвесок эпохи ранней бронзы

Погребение ямной культуры из кургана 2 Чапаевского могильника получило очень краткое освещение вскоре после его открытия, в связи с обнаруженной в нем крайне редкой категорией украшений из кости (Лопатин, 1985. С. 158, 159). Теперь следует признать неверной первую трактовку этих украшений как стилизованных женских изображений и отметить совершенно противоположный по смысловой символике, явно выраженный фаллический характер.

Чапаевские костяные подвески входили в единый комплекс ожерелья, центральной фигурой которого был крупный фаллоид уплощенного сечения, без отверстия (рис. 1: 4). Он крепился обычным подвязыванием около двух малых округлых выступов. По краям от него в ожерелье располагались фигуры поменьше, имеющие сквозные отверстия (рис. 1: 1–3, 5–7). Нам известна только одна абсолютная аналогия таким изделиям – две подвески, идентичные чапаевским мини-фаллоидам, выставленные в экспозиции Днепропетровского краеведческого музея.

Вместе с тем, весьма заметная категория волевой фурнитуры, неоднократно обсуждавшаяся в литературе, имеет некоторые явно сходные черты с

нашими редкими подвесками. Так называемые «молоточковидные» булавки, часто встречаемые в материалах ямной и раннекатакомбной культур, в смысловом порядке абсолютно идентичны чапаевским изделиям в оформлении «головок» и размещении сквозных отверстий (рис. 1: 22–24). Известны различные варианты костяных булавок с округлыми, грибовидными, подтреугольными (приподнятыми) выступами, между которыми, как правило, имеется отверстие для подвешивания (рис. 1: 18–21). Последнее обстоятельство позволяет некоторым исследователям утверждать, что функционально булавки были именно центральными фигурами в ожерельях, состоящих из бус, а не фибулами для скрепления бортов одежды (Марина, Никитин, 1980. С. 59). Сакральный характер этих вещей признается всеми, кто так или иначе обращался к материалам ранней бронзы, связывая молоточковидные булавки, как и несколько более древние рогатковидные варианты (рис. 1: 8–14), с культом быка, в частности, усматривая в них некие ассоциации с символикой бычьих рогов (Кияшко, 1976. С. 33–35; Марина, Никитин, 1980. С. 59; Моргунова и др., 2005. С. 23, 49. Рис. 20, 5–11).

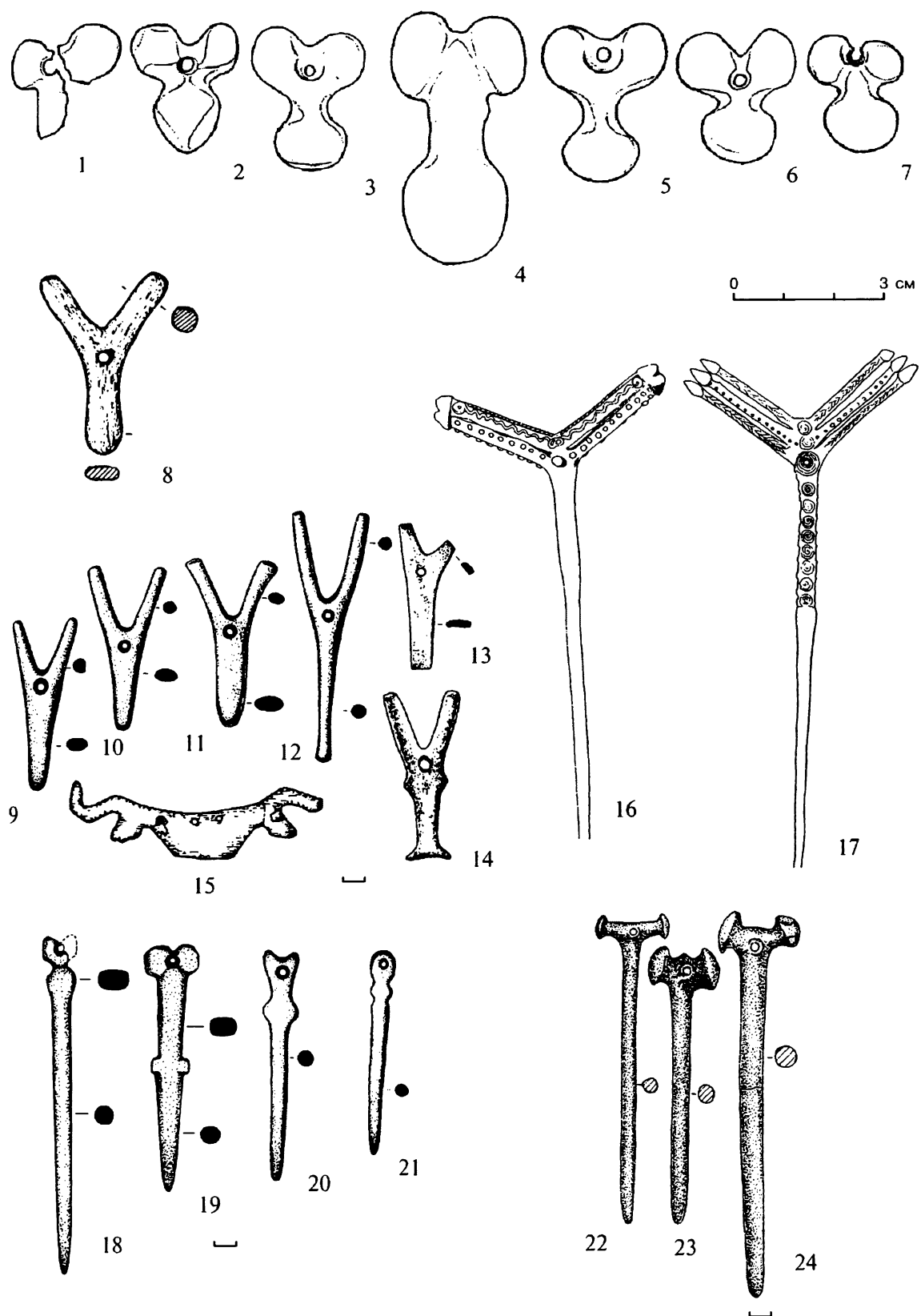

Рис. 1. Костяные амулеты (застежки, булавки) культур ранней и средней бронзы степной Евразии: 1-7 - Чапаевка; 8 - Виноградное (по Ю.А. Рассмакину, Л.А. Черных); 9-13 - Герасимовка II; 14 - Покровка; (по Моргуновой Н.Л.); 15 - Съезжее (по Васильеву И.Б.); 16-17 - Кабардинский парк (по Дегену Б.Е.); 18-19 - Мустаево V; 20 - Тамар-Уткуль VII; 21 - Курманаевка III (по Моргуновой Н.Л. и Кравцову А.Ю.); 22-24 - молоточковидные булавки (по Кияшко А.В.)

Костяная фурнитура указанных типов весьма разнообразна по формам, типам головок, наличию или отсутствию отверстий, по орнаментации. Одна из костяных булавок, обнаруженных в Южном Приуралье, в Мустаево V (9/2), изготовлена в виде миниатюрного кинжалчика (рис. 1: 19), на что указывает выделенное в средней части стержня перекрестье (Моргунова и др., 2005. С. 44. Рис. 15, 7). Но в оформлении «навершия» (головка с округлыми выступами и отверстием между ними) она поразительно напоминает чапаевские фаллоиды.

Так или иначе, все булавки имеют сходные элементы, позволяющие усматривать в данном единстве некое общее семантическое начало, отвечающее, на наш взгляд, определенным идеологическим переменам в мировоззрении степных скотоводческих обществ III тыс. до н. э. Отметим, что ни в неолите, ни в энеолитических культурах южнорусских степей (орловская, мариупольская, прикаспийско-самарская, хвалынская) подобной символики не было (имеются в виду фаллические, а не зооморфные, изображения). Но именно с утверждением патриархально-скотоводческого мира (ямная, катакомбная и культуры поздней бронзы) на смену женской сакральной практике, постепенно вытесняя ее, приходят новые мужские, в том числе и фаллические, культы. Появляется соответствующая символика, весьма вариативная по морфологическим показателям (и это не что иное, как в различной степени стилизованные фаллоиды), а также по своей функциональности (булавки, застежки, детали ожерелий). Наиболее ранние среди костяных изделий – рогатковидные, связываемые с культами быка, вероятно, находят развитие в кавказских бронзовых так называемых «рогатых» булавах. Но примечательно, что некоторые экземпляры этих булавок там имеют явно выраженное фаллическое оформление и очень часто украшены изображениями змей. Наиболее представителен среди них вариант, обнаруженный в Кабардинском парке и хранящийся в Нальчикском музее (рис. 1: 16, 17) (Деген, 1941. С. 251. Рис. 34, 3). Смысловое фаллическое значение может удваиваться и даже утраиваться на других медных экземплярах из того же региона (Там же. С. 252. Рис. 35, 1, 2). Между тем, культы фаллоса и быка отнюдь не противоречат друг другу, напротив, они взаимно дополняют силу мужской символики и взаимодействуют в рамках патриархальной скотоводческой идеологии. Более того, на этапе становления принципа центричности мужских божеств наблюдается буферный период их зооатрических персонификаций, в том числе и в образе быка, как, например, в случае с древнегреческим Зевсом (сюжет с похищением Европы), и

особенно с карийским Зевсом-Лабрандеем, знак которого – голова быка с лабрисом (двойной секирой) между рогами (Токарев, 1965. С. 428, 429).

Изображения змей (атрибутика женских божеств) в этот период воспринимаются двояко – как негативная хтоническая и, одновременно, положительная фаллическая (плодотворная) символика. Нередко фаллоидные навершия булавок стилизуются под змей (Мифы... 1991. С. 255, 3). Формы «молоточковидных» булавок, особенно тех, которые лишены отверстий, весьма функциональных (именно булавки, а не подвески), а самое главное, семантически весьма недвусмысленно указывающих на культовую направленность предмета, не имеют ничего общего с молотками. Эта вотивная фурнитура подчеркивает демиургическую, созидательную и отвлеченно сексуальную сущность фаллического образа, атрибута мужской идеологии.

Чапаевский вариант (рис. 1: 1–7) максимально приближен к сакральной сущности культового предмета. Он еще не завуалирован бытовой функциональностью и декоративной стилизацией (это не застежка, фибула, или подвеска-украшение, а именно предмет культа, амулет), и дело не в банальном сходстве с известным эталоном, а в невозможности иного восприятия. Это отчасти позволяет предполагать довольно ранние и, вероятно, относительно кратковременные позиции подобной трактовки образа.

В определенной степени этому не противоречат обрядовые показатели чапаевского погребения, согласующиеся с признаками волго-уральской группы древнеямной культуры (обширные могилы, иногда с двумя или одной ступенями, восточная или северо-восточная ориентировка при скорченном положении умерших на спине, полная или частичная посыпка охрой). Поскольку указанные признаки довольно устойчивы в Волго-Уралье на раннем и развитом этапах ямной культуры, пока, предварительно, выскажем предположение о возможной хронологической близости комплексов с рогатковидными и фаллическими подвесками в рамках раннего периода и их синхронизации с репинско-быковским горизонтом ранней бронзы (Васильев И.Б., Габяшев Р.С., 1982).

Васильев И.Б., Габяшев Р.С., 1982. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.

Деген Б.Е., 1941. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии // МИА. № 3.

Кияшко В.Я., 1976. К вопросу о костяных рогатках в степ-

- ных погребениях эпохи бронзы // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Юпатин В.А., 1985. Раскопки в среднем течении р. Малый Караман // АО 1983 г.
- Марина З.П., Никитин С.В., 1980. Об одной из категорий ямного инвентаря // Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск.
- Мифы народов мира: Энциклопедия / Под ред. С.А. Токарева. М., 1991. Т. 1.
- Моргунова Н.Л., Краева Л.А., Матюшко И.В., 2005. Курганный могильник Мустаево V // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург. Вып. VII.
- Токарев С.А., 1965. Религия в истории народов мира. М.

А.В. Зубова

Институт археологии и этнографии СО РАН

К вопросу о реконструкции социальной структуры древних обществ по археологическим и антропологическим данным (эпоха бронзы Западной Сибири)

Проблема реконструкции социальных структур древних обществ – одна из наиболее сложных в археологической науке. Ей посвящено значительное число работ (Алексин, 1989; Бунятян, 1982; Бобров, 1989; Добролюбовский, 1982 и т.д.). Тем не менее, единых методов, на которых должна базироваться достоверная социальная реконструкция, нет, поскольку в каждом случае исследователь имеет дело с разнородными материалами, обладающими своими информационными возможностями. Достоверность реконструкции повышается, если она строится на основе комплексного анализа имеющихся данных. Параллельный анализ археологических и антропологических характеристик изучаемого населения, с использованием метода этнографических параллелей, позволяет полно и ретроспективно оценить особенности социокультурной и биологической адаптации изучаемого населения к окружающей среде и получить максимально объективную реконструкцию.

Тематика большинства работ, посвященных характеристике социальных структур обществ эпохи бронзы Западной Сибири, концентрируется в области попыток выделения статусных групп в составе локальных коллективов и выяснения особенностей их положения. Результаты, полученные большинством исследователей, достаточно похожи. Выраженные маркеры социальных групп отмечаются только в женской среде, и, как правило, они определяют положение женщины в репродуктивном процессе (Бобров и др., 1993; Кильдюшева, 2006; Тихонов, 1993). Среди мужчин статусные группы (по крайней мере, связанные с возрастом и профессиональной принадлежностью) на археологическом материале не выделяются.

Единственным социальным статусом, для которого надежно можно зафиксировать на археологическом материале внешнюю атрибутику, таким образом, является репродуктивный и брачный статус индивида. Это предполагает наличие в коллективах эпохи поздней бронзы внутренней регламентации брачных отношений. В большинстве этнографических обществ помимо внутренней существовала и внешняя регламентация брачных связей между локальными популяциями, связывавшая их в более крупные экзогамные структуры. Целью данной работы стала попытка выявления аналогичных или близких структур у населения Западной Сибири эпохи поздней бронзы. На археологических материалах брачные связи даже разнокультурного населения реконструируются достаточно субъективно. Предметы, обнаруженные в составе поселенческого комплекса или погребального инвентаря с равной степенью возможности могут быть получены как в результате брачных связей, так и в результате обменных или торговых контактов с соответствующей группой. Когда же речь идет о локальных популяциях в рамках одной культуры, с однородным инвентарем, то задача становится еще более сложной.

В силу этого, нами была предпринята попытка рассмотреть брачные связи локальных популяций эпохи поздней бронзы с применением данных смежных дисциплин – антропологии и этнографии.

Материалом для работы послужили 14 антропологических серий эпохи бронзы и раннего железного века. В результате иерархического кластерного анализа их краниометрических и одонтометрических характеристик, а также изучения одонтоскопического, палеодемографического и палеопатологического статуса, оказалось возможным предположить нали-

чие дуальной экзогамной связи между населением Кузнецкой котловины и Барабинской лесостепи в андроновское и ирменское время. Андроновские популяции из данных регионов обладают ярко выра-

женным сходством по краниологическим (рис. 1) и одонтометрическим показателям. Среди населения ирменской культуры отмечается некоторая неоднородность, но, тем не менее, направление брачных

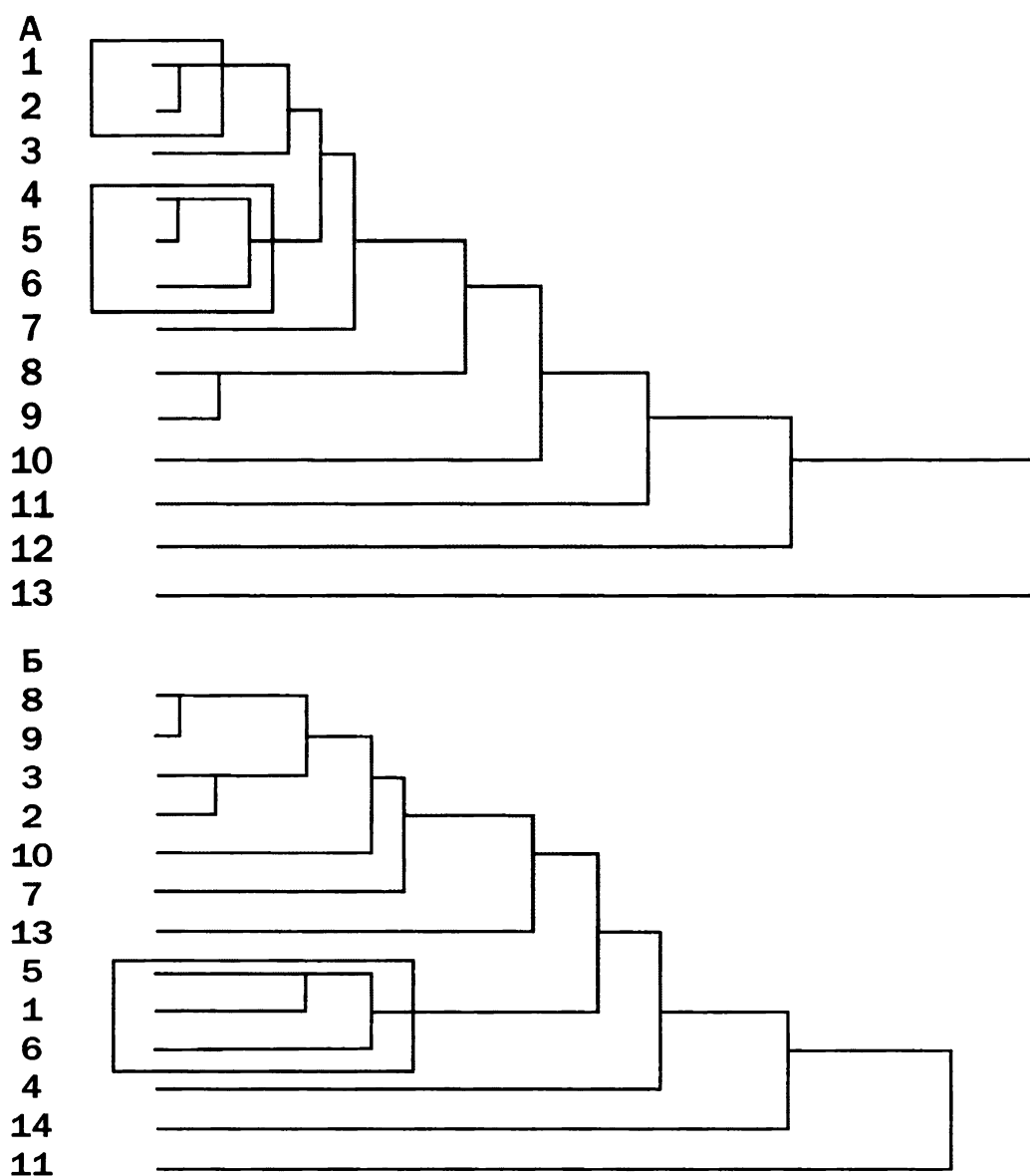

Рис. 1. Результаты статистического анализа краниометрических характеристик населения Западной Сибири.

А – женские группы; Б – мужские группы. 1 – Ирменская культура Барабы (Преображенка-3, Сопка-2) (Молодин, Чикишева, 1988, неопубликованные данные Т.А. Чикишевой); 2 – Ирменская культура Кузнецкой котловины (Танай-2,7, Ваганово-2, Заречное-1) (Дремов, 1997; Зубова, 2005, неопубликованные данные автора); 3 – Ирменская культура Верхнего Приобья (Камень-1, Крохалевка-13, Новотроицкое-1, Плотинная, Пильно, Соколова-Колывань, Бурмистрово, Катково-3, Милованово-1) (Дремов, 1997; неопубликованные данные автора); 4 – андроновская культура Барабы (Преображенка-3, Сопка-2, Венгерovo-1, Вахрушево-5, Абрамово-4) (Чикишева, Поздняков, 2003); 5 – андроновская культура Кузнецкой Котловины (Танай-12, Титово-1) (Чикишева, Поздняков, 2003); 6 – Ирменская культура Кузнецкой котловины (Журавлево-1, 3, 4) (Бобров и др. 1993); 7 – «культура эпохи поздней бронзы» (Старый Сад) (Чикишева, 2000); 8 – андроновское время Томского Приобья (Еловский-2) (Дремов, 1997); 9 – еловская культура (Еловский-1, 2) (Дремов, 1997); 10 – андроновское время Омского Прииртышья (Черноозерье-1) (Дремов, 1997); 11 – карасукская культура (Кюргенер-1, 2) (Зубова, 2005); 12 – культура переходного от бронзы к железу периода (Чича-1) (неопубликованные данные автора); 13 – саргатская культура (Гришкина заимка, Старый Сад) (неопубликованные данные Т.А. Чикишевой и автора); 14 – «культура эпохи поздней бронзы» (Сопка-2, Протока, Гондичевский совхоз, Преображенка-3, Гришкина заимка) (неопубликованные данные Т.А. Чикишевой и автора; Молодин, Чикишева, 1988)

связей остается неизменным: ирменская серия из журавлевских могильников сближается с андроновским населением Барабы, объединенная серия ирменской культуры Кузнецкой котловины – с ирменским (рис. 1). Интересно, что сходство популяции из Журавлево с андроновцами Барабы наблюдается не только по морфологическим показателям, но и по возрастному распределению детской смертности (единственный надежно реконструируемый для андроновского населения Барабы демографический показатель; Молодин, 1984. С. 38). Это может свидетельствовать об общности в двух популяциях традиций, определяющих особенности положения детей и молодых матерей.

Помимо устойчивых брачных контактов между населением Барабы и Кузнецкой котловины, для каждого из этих регионов можно отметить наличие дополнительной, более слабой связи. Для ирменцев Кузнецкой котловины это контакты с жителями Томского Приобья или родственными им группами. Для андроновского и ирменского населения Барабы – связь с популяцией, находящейся вне круга рассмотренных нами групп, выявленная по особенностям одонтологического комплекса погребенных в могильнике Преображенка 3 (Бараба). У андроновских и ирменских женщин здесь было отмечено наличие коленчатой складки метаконида на первых молярах. В других исследованных популяциях андроновского времени и ирменской культуры данный признак не встречается. Соответственно, можно предположить наличие у коллектива, оставившего могильник, дополнительного брачного партнера, не контактировавшего с другими синхронными популяциями. Возможно, что в андроновском коллективе из Преображенки 3 существовали внутренние группы, различающиеся по направлению брачных связей, поскольку в противном случае индивиды с коленчатой складкой метаконида встретились бы на территории Кузнецкой котловины.

Связь с популяциями из Томского Приобья и предполагаемыми носителями коленчатой складки метаконида у населения Кузнецкой котловины и Барабы намного слабее, чем между собой. Можно предположить, что это реминисценции брачных отношений доандроновского времени, которые могли сохраняться и позднее, в случае отсутствия возможности вступить в брак с представителем основного направления.

Не проводя прямого сопоставления, поскольку разрешающих возможностей использованного материала для этого недостаточно, хотелось бы отметить сходство брачной организации населения эпохи поздней бронзы с аналогичными структурами, опи-

санными этнографами у обских угров и кетов. Для них была характерна древняя дуально-экзогамная структура (Соколова, 1983. С. 107), сочетающаяся с делением этнических групп на «триады». Разделение кетов Инбатского зимовья на инбаков, земшаков и богденцев в начале XVII в. отмечалось Б.А. Долгих. Инбаки составляли одну экзогамную фратрию, а земшаки и богденцы – вторую (Общественный строй... 1970. С. 157, 158). В.М. Кулемзин и Н.В. Лукина отмечают наличие особых объединений «jaY» («народ») у васюганско-ваховских хантов, причем и на Вахе, и на Васюгане они выделяют по три экзогамные группы (Кулемзин, Лукина, 1977. С. 192, 193). З.П. Соколова приводит данные других исследователей о наличии аналогичного деления у восточных хантов. Аганские, пимские и юганские ханты делятся на группы медведя, бобра и лося (Пупи-сир, Мох-сир, и Нох-сир); среднеобские – на Нум-еган-ех, Лар-еган-ех и Ыл-еган-ех; ваховские – на Лар-ях, Вать-ях и Тым-ях; васюганские – на Онкул-ях, Колэн-ях и Кулун-игол-ях (Соколова, 1987. С.126). Она же пишет о наличии устойчивых представлений о делении древнего и современного хантыйского и мансийского населения на три группы, имеющие разное происхождение, в мансийском фольклоре. *Учи, Мэнкв, Торум-сирх* – более ранние группы; *Пор-нэ, Мось-нэ, и Тири-нел* (хант.) или *Мис-махум* (манс.) – более поздние.

- Алексин В.А., 1986. Социальная реконструкция и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л.
- Бобров В.В., 1989. К вопросу о социологическом анализе погребений предскифского времени Кузнецкой котловины // Скифо-Сибирский мир. Кемерово. Ч. 1.
- Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево 4. Новосибирск.
- Бунятян Е.П., 1982. Методика социальной реконструкции по данным рядовых скифских могильников // Теория и методы археологических исследований. Киев.
- Добролюбский А.О., 1982. Принципы социологической реконструкции по данным погребального обряда // Там же.
- Дремов В.А., 1997. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск.
- Зубова А.В., 2005. К вопросу о краниологических различиях населения ирменской и карасукской культур // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. XI. Ч. 2.
- Кильдюшева А.А., 2006. Возрастные группы женщин бронзового века Западной Сибири // Современные проблемы археологии России: Мат. Всероссийск. АС. Новосибирск. Т. 1.

- Кулемзин В.М., Лукина Н.В., 1977. Васюганско-ваховские ханты. Томск.
- Молодин В.И., 1984. Особенности погребального обряда детских захоронений андроновцев Барабинской лесостепи (по материалам могильника Преображенка 3) // *Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья*. Челябинск.
- Молодин В.И., Чикишева Т.А., 1988. Курганный могильник Преображенка 3 – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // *Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири*. Новосибирск.
- Соколова З.П., 1983. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. М.
- Соколова З.П., 1987. К происхождению обских угров и их фратрий (по данным фольклора) // *Традиционные верования и быт народов Сибири XIX – нач. XX вв.* Новосибирск.
- Тихонов С.С., 1993. Анализ структуры населения Верхнего Приобья в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Чикишева Т.А., 2000. К вопросу о формировании антропологического состава населения Западной Сибири в эпоху поздней бронзы (интерпретация палеоантропологического материала из могильника Старый Сад в Центральной Барабе) // *АЭАЕ*. № 2 (2).
- Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., 2003. Население западносибирского ареала андроновской культурной общности по антропологическим данным // *АЭАЕ*. № 3.

Л.С. Ильюков

Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону

Р.Г. Магомедов

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН, ООО НПЦ «ДАРС», Махачкала

Вытянутые захоронения эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа

На территории Северо-Восточного Кавказа в начале эпохи средней бронзы вытянутое труположение сменяется скорченным, которое в дальнейшем становится основным для этой эпохи. Причины этого явления оставались до сих пор неясными. Только наличие инвентаря при вытянутых костяках убеждает нас в том, что такой сценарий развития обряда имел место на заре средней бронзы не только на Северном Кавказе, но и в Предкавказье в начале средней бронзы (в конце III тыс. до н. э., по ¹⁴C датам). Как широко была распространена традиция вытянутых костяков в этом регионе, и насколько продолжительным было ее существование, – тоже неясно!

Вытянутые скелеты с инвентарем средней бронзы впервые были найдены в приморской части Дагестана в подкурганных деревянных гробницах, раскопанных К.А. Байером в местности Чампар, близ г. Махачкала. К сожалению, эти погребения плохо документированы.

Один их курганов (гр. II, курган 2), исследованный в 1955 г. на Миатлинском курганном могильнике, содержал стратиграфический узел, в котором вытянутое погребение 4 разрушило стенку могилы с захоронением ранней бронзы (п. 3) и в свою очередь было разрушено скорченным скелетом в каменном ящике (п. 2).

Вытянутые костяки эпохи средней бронзы встречались не только в Миатлинском могильнике. Они были открыты и в Чиркейских курганах. Однако место этих погребений не всегда подкреплялось данными прямой стратиграфии. Нередко решающее значение имел погребальный инвентарь.

Находки в Утамышских курганах позволили поднять вопрос об этнокультурной принадлежности захоронений в срубках, в которых находились колоды с вытянутыми костяками. По мнению В.Г. Котовича, утамышские курганы занимали «промежуточное положение между Беденскими курганами Грузии» и раннесрубными памятниками Поволжья (Котович, 1978. С. 56).

Только открытие вытянутых костяков в каменных ящиках и в гробнице в кургане Хунтуп, исследованном нами в 2004 г. поблизости от с. Коркмаскала (Кумторкалинский р-н Республики Дагестан), поставило точку в этом вопросе.

В кургане Хунтуп впускное погребение (11) в удлиненном плиточном ящике, ориентированном длинной осью по линии восток – запад, частично разрушило мегалитическое погребение (12) ранней бронзы, в котором дно было устлано мелкой речной галькой. В мегалитическом погребении один из скелетов был скорчен на боку и ориентирован черепом

на запад. В то же время, выкид с речной галькой и остатками костяка из п. 11 был срезан ямой, в которой была установлена гробница (п. 10). Ориентированные на восток вытянутые скелеты (п. 13 и, по-видимому, 11) были стратиграфически древнее ориентированных на юг скелетов, захороненных в гробнице (п. 10) или в широкой яме, на дне которой стояла колода (п. 4). Кроме того, в кургане Хунтуп, судя по данным стратиграфии, в заключительный период формирования насыпи эпохи средней бронзы, появилось впускное скорченное захоронение, ориентированное на ЮЗ (п. 8).

Таким образом, стало очевидным, что скорченные погребения в приморском Дагестане появляются позднее вытянутых. Среди последних костяки с восточной ориентировкой древнее костяков с южной ориентировкой.

В 2007 г. в Гертминском курганном могильнике был найден еще один стратиграфический узел. В одном из курганов этого могильника (гр. II курган 14) основное погребение в гробнице с вытянутым скелетом, ориентированным на юг (п. 2), было перекрыто плиточным ящиком, в котором находился скелет, скорченный на боку и тоже ориентированный на юг (п. 1).

Таким образом, теперь не только инвентарь свидетельствует о хронологической последовательности погребальных комплексов эпохи средней бронзы на территории Северо-Восточного Кавказа, но это подтверждается и данными прямой стратиграфии: вытянутые скелеты древнее скорченных.

Если в погребениях с вытянутыми скелетами встречается керамика с гладкой поверхностью, украшенная сосцевидными налепами или тонким шнуром, то в погребениях со скорченными скелетами керамика иногда имеет поверхность с глиняной обмазкой и представлена нередко двуручными сосудами, которые у основания горла стянуты рассеченным налепным валиком, либо вместо валика плечики сосуда опоясаны лентой из вдавлений.

Судя по инвентарю, среди скорченных захоронений есть и более поздние, чем основная их группа. В их комплексах представлены бородавчатые двухрожковые пастовые бусы, костяные пряжки и т. д. Но для выделения этой группы пока нет данных прямой стратиграфии.

Полученные наблюдения наглядно свидетельствуют о том, насколько сложным был процесс этнокультурного развития племен в рамках Северо-Восточного Кавказа в эпоху средней бронзы.

В.В. Килейников

Воронежский государственный педагогический университет

Трасологический анализ орудий рыболовства из памятников бронзового века лесостепного Подонья

На памятниках бронзового века лесостепного Подонья встречаются орудия рыболовства, представленные целыми и фрагментированными костяными гарпунами (6 экз.) и бронзовыми крючками (7 экз.). Все гарпуны и три рыболовных крючка были подвергнуты трасологическому анализу с использованием микроскопа МБС-10.

Коллекция костяных гарпунов включает четыре целых и два фрагментированных орудия. Все целые орудия относятся к типу однозубчатых гарпунов. Они найдены у с. Гороховка Воронежской обл. (рис. 1: 1), среди материалов ранней бронзы на городище Мостище 1 (рис. 1: 2), в неолитическом погребении 35 Ивановбугорского могильника (рис. 1: 3) и в катакомбном погребении 10 кургана 13 Стояновского могильника (рис. 1: 4).

Фрагменты острий гарпунов с сохранившимся зубом происходят из погребения 21 грунтового мо-

гильника Терешковский Вал (рис. 1: 5) и с городища Мостище 1 (рис. 1: 6).

Все целые гарпуны обладают своеобразным оформлением насада – в виде конического шипа, лопаточки, выступающего воротничка и цилиндрической втулки. Подобные формы насада указывают на способы соединения наконечников гарпунов с древком. Возможно, некоторые из них являются откидными гарпунами, типологически близкими зафиксированным в этнографии орудиям рыболовства (Тэйлор, 1939. С. 112, 113. Рис. 30).

Дополнительным свидетельством в пользу реконструкции гарпунов как составных рыболовецких орудий являются и следы ременной (веревочной) перетяжки на гарпуне из Гороховки (рис. 1: 1). Под воздействием ремня кость насада была деформирована. Ширина борозд перетяжки указывает на толщину ремня около 0,2–0,3 см (рис. 2: 4).

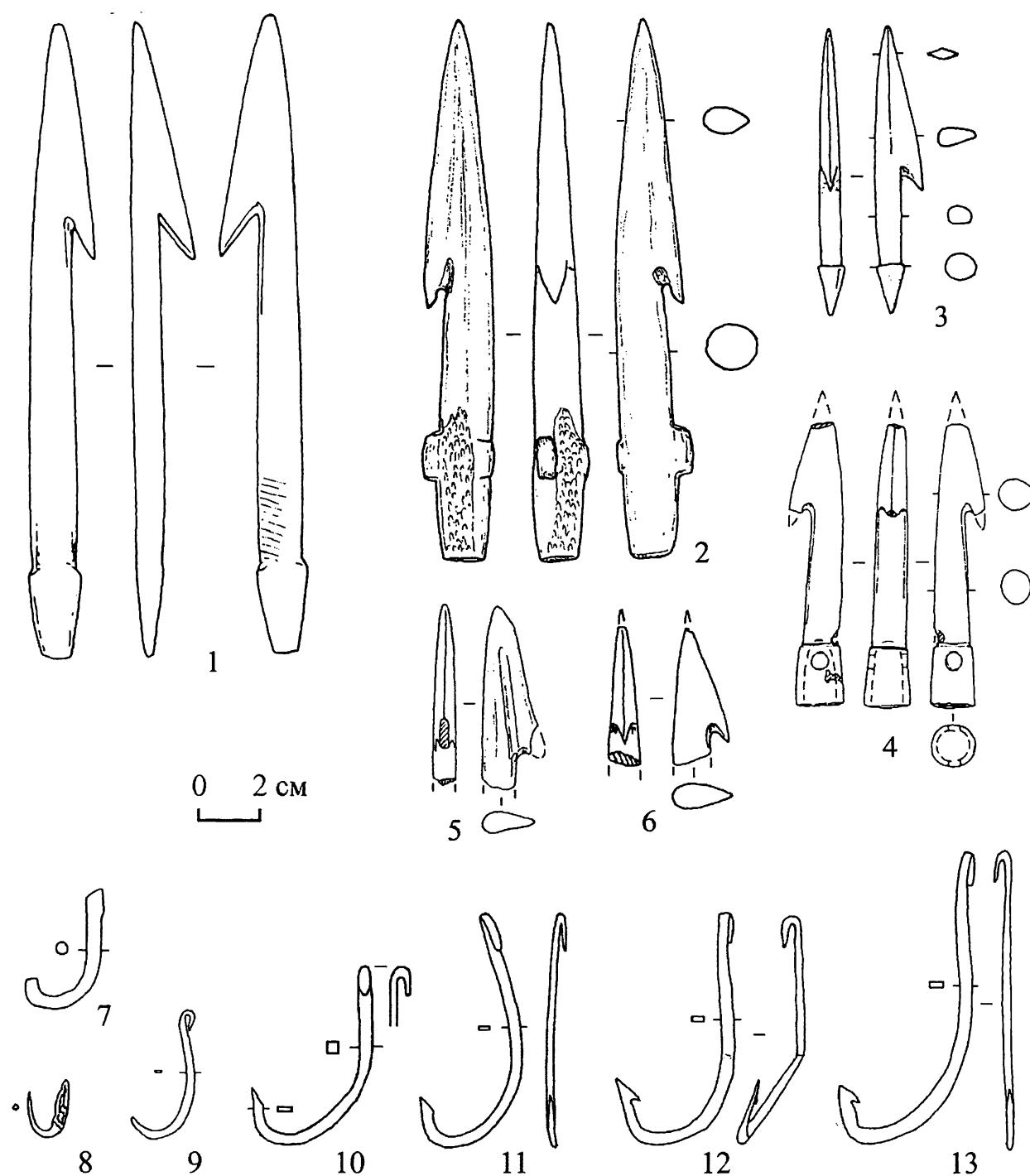

Рис. 1. Костяные гарпуны и бронзовые крючки: 1 – Гороховка; 2, 6 – Мостище 1; 3 – Ивановбургский могильник, п. 35; 4 – Стояново, к. 13, п. 10; 5 – Терешковской Вал, п. 21; 7 – Отрожка I; 8 – Малое Боршевское (по А.Д. Пряхину, А.З. Винникову, 1980); 9 – Первомайский, к. 2, п. 1 (по Н.Б. Моисееву, 1998); 10 – Мосоловское (по А.Д. Пряхину, 1996); 11 – Липецк, поселение у телевышки (по С.А. Гетманскому, А.Ю. Клокову, 1981); 12–13 – Курино 4 (по А.Н. Бессуднову, 2002)

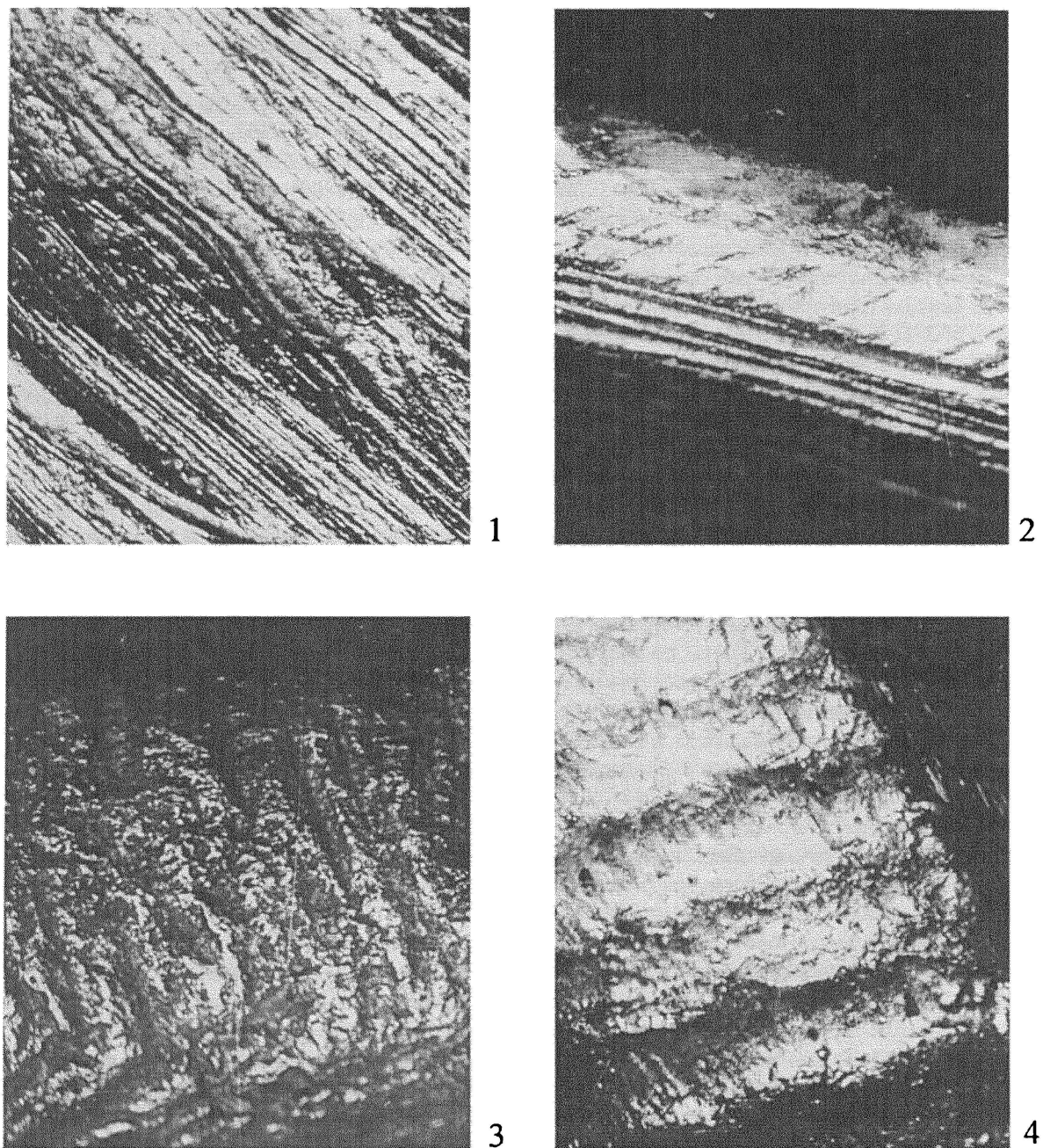

Рис. 2. Поверхность костяных гарпунов (1–3 – увел. х 14; 4 – увел. х 8): 1 – следы обработки кости кремневым скобелем; 2 – следы от кремневого скобеля и каменного мелкозернистого абразива; 3 – следы обработки кости каменным крупнозернистым абразивом; 4 – следы крепления на гарпуне из с. Гороховки

После попадания в цель наконечник гарпуна отсоединялся от древка, рыба удерживалась на нем и выуживалась при помощи линя. Такой способ лова применялся при добыче крупных экземпляров рыбы, которые были основным объектом рыболовства.

Гарпун из Мостища 1, имеющий выступающие воротнички на насаде, также вставлялся в древко и был откидным орудием (рис. 1: 2). Его насад и средняя часть круглые в сечении, а острие эллипсоидное. Круглый насад также предусматривает помещение наконечника гарпуна в паз торцевой части древка до упора в виде воротничковых выступов. Выше выступа к наконечнику привязывался лень.

В пользу вывода об откидном характере анализируемых гарпунов свидетельствуют данные трасологического анализа гарпуна из Ивановбугорского могильника (рис. 1: 3). Конический шип наконечника гарпуна имеет интенсивную заполировку и тонкие концевые линейные следы, возникшие от трения наконечника о поверхность паза деревянного древка. В том случае, если бы наконечник гарпуна плотно и неподвижно прилегал к древку, заполировка и линейные микропризнаки не возникли бы.

Оригинальным представляется оформление насада наконечника гарпуна из Стояновского могильника (рис. 1: 4). Цилиндрическая полая втулка имеет внутренний диаметр 0,8–1,1 см и глубину 2 см. В ее верхней части, на расстоянии 1,1 см от края втулки, сделаны два поперечных сквозных отверстия диаметром 0,5 см. Вряд ли отверстия служили для фиксации древка во втульчатом насаде, т. к. они расположены в верхней части полости и предполагаемая шпилька в таком случае могла просто не захватить материал древка. Скорее, отверстия служили для привязывания веревочного линя. Края боковых отверстий неровные и завалены внутрь, т. е. их изготавливали не сверлом, а разверткой, как бы развальцовывая внутреннюю сторону отверстия.

Техника изготовления костяных гарпунов в основном предполагает обработку их поверхности на мелкозернистом или крупнозернистом абразиве (рис. 2: 2, 3), отчего изделия приобрели внешне гладкий и симметричный в сечении вид. На одном гарпуне зафиксирована операция сверления при оформлении основания зуба (рис. 1: 2). Лишь на отдельных незначительных участках изделий наблюдаются следы скобления и подрезки кремневыми или металлическими орудиями (рис. 2: 1, 2), главным образом при оформлении основания зуба гарпуна или выступов на насаде.

Доминирование абразивной техники при изготовлении костяных наконечников гарпунов эпохи пале-

ометаллов, на наш взгляд, является одним из важных функциональных показателей, который, наряду с их типологическими особенностями, может являться маркирующим культурно-хронологическим признаком. Подобная технологическая особенность не наблюдается на костяных гарпунах предшествующей неолитической эпохи (Килейников, Чекменев, 1993. С. 12).

Интересным источником информации о развитии рыболовства в бронзовом веке являются металлические рыболовные крючки, свидетельствующие о распространении иного способа добычи рыбы. Металлические (бронзовые) рыболовные крючки в лесостепном Подонье найдены на следующих памятниках: Отрожка 1; Малое Боршевское городище; Первомайский могильник, к. 2, п. 1; Мосоловское поселение; поселение у телевышки г. Липецка; Курино 4 (рис. 1: 7–13).

Большая часть орудий относится к выделенному Е.Н. Черных типу рыболовных крючков Р-4 с петлей для привязывания лесы (Черных, 1976. С. 111. Табл. XXXII, 5–13). Они изготовлены из ковального металлического прутка с прямоугольным сечением. На головке пяти крючков (рис. 1: 9–13) присутствует несомкнутая с цевьем петля для прикрепления лески. Жало крючка имеет выделенную бородку.

Картографирование орудий рыболовства показывает, что костяные гарпуны концентрируются на памятниках в среднем течении Дона при максимальном удалении от реки не более чем на 10 км. Но и в этом случае памятники, где встречены костяные гарпуны (Мостище 1, Стояново), располагаются на правых притоках Дона – реках Потудани и Тихой Сосне.

Большая часть бронзовых рыболовных крючков (пять из семи) найдена на берегах р. Воронеж в Среднем и Верхнем Подонье. Остальные происходят из памятников на Дону (Малое Боршевское городище) и р. Битюг (Мосоловское поселение).

Примечательно, что четыре находки (три гарпуна и один рыболовный крючок) обнаружены в закрытых погребальных комплексах палеометаллической эпохи, что может свидетельствовать о социально-экономическом статусе погребенных.

Килейников В.В., Чекменев Ю.А., 1993. Костяные орудия рыболовства с донских памятников времени неолита – бронзы // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж.

Тэйлор Э., 1939. Первобытная культура. М.

Черных Е.Н., 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.

С.Н. Кореневский
Институт археологии РАН

Начальные страницы военизации эпохи бронзы – кинжалы с треугольной рукояткой раннемайкопского типа на Кавказе и их синхронные реплики в Европе*

Кинжал – клиновое оружие с обоюдными заточенными боковыми лезвиями, колюще-рубящего действия. В истории военного дела появление кинжалов из меди и бронзы, как и металлического топора, означало заметное повышение эффективности оружия ближнего боя по сравнению с уровнем вооружения воинов лишь каменными предметами в рукопашной схватке. Сейчас мы переходим к самым ранним страницам в истории кавказского клинкового оружия, поскольку до времени появления майкопской культуры настоящих крупных кинжалов из металла на Кавказе просто не было, как не было их в Европе или в Передней Азии в целом.

Клинковое оружие майкопско-новосвободненской общности (МНО), согласно А.А. Иессену, подразделяется на кинжалы** бесчеренковые – раннемайкопского типа, и кинжалы черенковые – позднемайкопского типа. Раскопки А.Д. Резепкина добавили в арсенал находок майкопского оружия меч. Типологическое деление кинжалов А.А. Иессена не утратило своей актуальности, но нуждается в уточнении в свете новых накопившихся материалов. Последнее связано с появлением клинков со слабо выделенными плечиками, которые мы называем полубесчеренковыми (Кореневский, 2004). Размеры бесчеренковых и полубесчеренковых кинжалов колеблются от 6 до 20 см. Наиболее часто встречаются кинжалы размером от 10–14 до 20 см. Ширина клинка у них варьирует от 2 до 4 см. Клинковая часть имеет четкие прямые контуры боковых линий, сужающиеся к окончанию. На клинке иногда заметна проковка, указывающая на проработку краев лезвий кузнечным способом. Форма рукоятки бесчеренкового кинжала напоминает треугольник, иногда его контур немного прогнут, пятка рукоятки округлая, редко уплощена. Длина рукоятки обычно составляет 3–4 см, немного более или немного менее, при длине всего орудия в среднем от 10 до 20 см. Характерной чертой майкопских кинжалов является зазубренность краев рукоятки.

Оригинальное устройство рукоятки майкопских бесчеренковых кинжалов повторяет в деталях схему рукоятки более древних кремневых кинжалов, известных, например, в Чатал-Хююке (Singh, 1974. Fig. 42), которые могли быть их прототипами как образцы принципа формы каменного кинжала.

Бесчеренковые кинжалы МНО известны из погребений в основном галюгаевско-серегинского и менее псекупского вариантов в количестве 20 экземпляров из 20 комплексов. 4 раза они найдены в непогребенных захоронениях: Майкопский курган, Мостовская к. 3, п. 1, Чограй I, к. 5, п. 6, Манджикины I, к. 14, п. 13. Во всех этих случаях кинжал занимал место в углу могилы или у стенки ямы. Он совершенно не связан с костяком или костюмом умершего.

Находки бесчеренковых кинжалов в погребениях галюгаевско-серегинского и псекупского вариантов указывают, что наиболее часто встречаемой с ними вещью является так называемый каменный «оселок» (т. е. каменный стержень круглого, овального или прямоугольного сечения), не инструменты деревообработки или шилья. Последние вещи с ними отмечены редко (например, Майкопский курган).

Каменные стержни-«оселки» в погребениях с кинжалами круга Майкопского кургана тщательно отделялись. Один «оселок» из Майкопского кургана вообще имеет дуговидную форму с овальным сечением. Поэтому интерпретация всех каменных предметов с овальным, круглым или квадратным сечением как инструментов для заурядной заточки кинжала проблематична. Не исключено, что это были орудия также ручного ударного действия торцом предмета, типа молотка, песта или тому подобных инструментов. Собственно оселками могут быть лишь небольшие прямые каменные бруски с отверстиями для подвешивания (Майкопский курган; ст. Усть-Джегутинская, курган 13).

Интересное каменное изделие – стерженьскипетр – вместе с кинжалом были найдены в погребении кургана I 2006 г. в Союг Булаге (Азербайджан) (Ахундов, 2007. С. 64. Табл. II, 10). Каменный стержень того же типа найден в погребении кургана III могильника Си-Гирдан (Muscarella, 1971). С ним вместе также был найден кинжал (в обломках). Все это позволяет рассматривать майкопские погребения с кинжалами и каменными стержнями, южнокавказский и иранский комплексы с черенковыми скипетрами как проявление очень близких представлений в отношении помещения бронзового кинжала в захоронение сородича. Так, например, кинжал и скипетр

в погребении кургана III могильника Си-Гирдан лежат в углу могилы, что является типичным показателем погребальной практики племен МНО.

Бесчеренковые кинжалы изредка встречаются в комплексах ямной культуры кумо-маньчской периферии МНО как очевидное майкопское заимствование. Но интересно отметить, что здесь каменный удлинённый полированный стержень-«оселок» заменялся каменным, близким к пирамидальной форме, пестом (!).

Полубесчеренковые кинжалы МНО крупных и средних форм можно рассматривать как некие отклонения от стандарта формы крупного бесчеренкового кинжала галюгаевско-серегинского варианта МНО. Один из них встречен в комплексе долинского варианта МНО (Чегем II, к. 55, п. 1) и два – в погребениях псекупского варианта (Занозина Балка, Владимировская). И вот что интересно. Эти кинжалы занимают место не в углу могилы, а в области напротив рук погребенного, иллюстрируя тем самым иной подход к месту расположения клинкового оружия в могиле и его связи с «душой» покойного или самим его телом, чем у племен галюгаевско-серегинского варианта из погребений круга Майкопского кургана.

Как известно, для погребений новосвободненской группы, долинского, и позднего псекупского вариантов МНО станет типична прежде всего черенковая форма кинжала. В связи с этим можно отметить, что небольшие кинжальчики средних и малых размеров полубесчеренковой формы из п. 8 к. 1, п. 5 к. 2 могильника Чегем I сосуществуют с формами черенковых кинжалов так называемого позднего этапа металлообработки МНО или памятников «круга новосвободненских гробниц и Долинского поселения».

Среди клинков майкопской культуры есть один предмет, который выглядит нетипично. Это находка из Хаджоха III. Длина предмета 11,5 см, рукоять не имеет зазубрин. На одной стороне сделано ребро, другая – плоская. Он напоминает европейские небольшие бесчеренковые кинжалы, но все же это сопоставление не свидетельствует о полном тождестве.

Радиоуглеродные даты майкопских памятников обеспечивают хронологию раннемайкопских бесчеренковых кинжалов в интервале XXXVIII – XXXIV вв. до н. э. при общем диапазоне дат майкопско-новосвободненской общности XL–XXX/XXIX вв. до н. э.

Аналогии майкопским кинжалам бесчеренкового типа в урукский период на Южном Кавказе известны из комплексов лейлатепинской культуры (курганы Союг Булага), куро-аракской культуры времени

Квацхелеби С (п. 3), а также по случайным находкам (Корети).

Есть ли они в памятниках более раннего возраста? Вопрос открыт. Его решение зависит от конкретной датировки маленьких клинков из позднеэнеолитического поселения Техут в Армении и находки из слоя поселения Кюльте в Азербайджане.

В Передней Азии бронзовый кинжал в убежденский период неизвестен. Клинки, аналогичные майкопскому оружию, в Передней Азии связаны с памятниками северо-западного Ирана (финал Гиссар I, Гиссар II), в Анатолии – с Пулуrom, слой XI/XII, в Сирии – с Амуком F (время слоя Арслан-тепе VII). Поэтому в распространении клинкового оружия племени, населяющие Кавказ, ни в чем не уступали своим южным соседям.

В Европе кинжал из меди появляется впервые в культуре Кукутени-Триполье, самое раннее, в период Триполья VII (клад Городница) (XL–XXXVIII вв. до н. э., по Н.Б. Бурдо и М.Ю. Видейко). Обращает на себя внимание, что древнейшие формы балкано-дунайских кинжалов бесчеренковые. Одни из них не имеют отверстий в рукоятке, другие имеют от двух до четырех отверстий. Бесчеренковые кинжалы без отверстий фигурируют в литературе как кинжалы типа Софиевка или Бодрогкерестур. Очень важен тот факт, что по своим размерам кинжалы без отверстий соответствуют майкопским кинжалам малых форм. Их длина колеблется от 11–12 до 8 см. Рукоятки их никогда не имеют зазубрин. Если более подробно, то картина распространения рассматриваемых форм бесчеренковых кинжалов выглядит так. В Болгарии кинжалы появляются в культуре Криводол – Телиш около 3700 г. до н. э., затем в культуре Галатин и Салкуца IV. Далее они фиксируются в некрополе Дуранкулака около 3150 г. до н. э. В Румынии их связывают с временем Кукутени АВ (3950–3850 гг. до н. э.). В Венгрии кинжалы появляются в культуре Бодрогкерестур IIa (от 3750 до 3400 г. до н. э.). В Австрии – несколько позже, в культуре ТВК, около 3600 г. до н. э. В погребениях кинжал при скорченном на боку скелете лежит в области пояса (Дуранкулак, п. 982: Vajsov, 1993. Abb. 8). Это опять же не майкопская традиция. Традиция сопровождать кинжал каменным стержнем для культур Балкано-Подунавья также не типична.

В итоге можно прийти к выводу, что население Кавказа, Передней Азии (северо-западный Иран, Анатолия, Сирия), балкано-дунайских культур начало практически одновременно, в начале – первой половине IV тыс. до н. э., оснащаться кинжалами с подтреугольной рукоятью (бесчеренковыми) на медной основе. При этом особая заслуга племен

йкопской культуры состояла в том, что они познакомили своих северных соседей с клинковым лужием. В целом этот процесс был одновременен распространению похожих типов кинжалов у населения Дунайского бассейна и его периферии, но традиции форм последних отличны от майкопских.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 701 00066а.

** Бесчереновый кинжал майкопцев теоретически

мог быть не только оружием прямого ручного действия с вертикальной рукояткой, но и подобием орудия на рукоятке типа клевца или клинковой алебарды, если клинок насаживался на рукоять перпендикулярно, вставляясь в нее своим широким подтреугольным черенком. Такие «клинковые» алебарды были хорошо известны в раннем бронзовом веке Европы (Монгайт, 1974. С. 54. Рис.). Поэтому применяемый к ним термин «кинжал», не лишен условности, хотя о клинковой алебарде в это время мы ничего определенно не знаем.

П.Ф. Кузнецов

Музей археологии Поволжья Самарского государственного педагогического университета

Ямная культура Волго-Уралья: периодизация, хронология, межрегиональный контекст*

Изучение памятников ямной культуры Волго-Уралья имеет длительную историю. Первая стратегически подтвержденная периодизация представлена Н.Я. Мерпертом. Шесть обрядовых групп погребений он разделил на три последовательных хронологических этапа (Мерперт, 1974. С. 54). Следующий заметный шаг в изучении ямной культуры сделан И.Б. Васильевым при классификации курганов Среднего Поволжья. Он выделяет две хронологические группы ямной культуры. Первую группу автор синхронизирует с первой и второй группами Н.Я. Мерперта, а вторую – со второй и третьей (Васильев, 1979).

Открытие Хвалынских могильников повлияло на пересмотр культурно-хронологической оценки ранних подкурганых комплексов Волго-Уралья. И.И. Дремов и А.И. Юдин, а также В.А. Трифонов, приходят к выводу о том, что группа I характеризует не ямную культуру, а предшествующий энеолитический пласт древнейших подкурганых захоронений (Дремов, Юдин, 1992; Трифонов, 1991). Около двадцати погребений И.И. Дремов и А.И. Юдин относят к хвалынской культуре степного Заволжья. Исследование курганов Приуралья позволило внести дополнения в предложенные ранее схемы. Н.Л. Моргунова синхронизирует ранний ямный этап в Приуралье со II хронологической группой Поволжья (Моргунова, 1990). В последующем это наблюдение неоднократно подтверждалось (Моргунова, Кравцов, 1994; Богданов, 2004). Исследователи Приуралья отстаивают тезис о том, что ямные погребения здесь изначально отличаются преобладанием погребений на правом боку.

Важный этап – выделение репинской культуры (Синюк, 1981). Изначальной ее территорией предполагалась лесостепная часть Среднего Дона. А.Т. Синюк указал на предшествующие компоненты сложения – нижнедонскую и среднестоговскую культуры. Фактически, автор выделил колонку смены культур энеолита – ранней бронзы к западу от Волги. Но проблема определения преемственности здесь не менее актуальна, чем в Волго-Уралье. Схема стала базовой для концепции В.А. Трифонова о сложении ямной культуры на основе репинской в Подонье и ее последующем распространении на сопредельные территории (Трифонов, 1996). Таким образом, предложены две схемы происхождения ямной культуры. Одна, разработанная Н.Я. Мерпертом и развитая И.Б. Васильевым, связывает ее возникновение с Волго-Уральем. Вторая – с западным влиянием или проникновением. Излагалась Д.Я. Телегиным (2000), конкретизировалась В.А. Трифоновым (2001).

Появление серий радиоуглеродных дат показывает наличие хронологического разрыва между ямными комплексами и энеолитическими грунтовыми погребениями (Кузнецов, 1996). Причем, весьма раннюю и почти синхронную позицию занимают все три грунтовых могильника хвалынской культуры Волжского Правобережья: Хвалынские I и II и Хлопков Бугор. Но отсутствуют датировки подкурганых погребений энеолита Заволжья. Проблематично и определение хронологической позиции репинской культуры. Нет ее датировок. Отсутствуют и погребальные комплексы. Подкурганное погребение

бение Среднего Дона (Подгорное 2/2), отнесенное В.И. Бесединым и Ю.П. Матвеевым к репинской культуре, по обряду соответствует ямной. На Среднем Дону собственно ямные погребения А.Т. Синюк (2007) подразделяет на две хронологические группы. Таким образом, нерешенной остается проблема хронологии энеолитических подкурганых погребений Заволжья и проблема наличия репинских погребальных комплексов. В связи с этим весьма важным является исследование поселений РБВ Северного Прикаспия. Изучены памятники с сохранившимся культурным слоем. И.Б. Васильев и А.Т. Синюк относят их ко второму этапу репинской культуры. П.П. Барынкин указывает на наличие прямых аналогий керамике прикаспийских поселений в погребениях ямной культуры Заволжья. Фактически, керамика ямных погребений II этапа (по Н.Я. Мерперту) Нижнего Поволжья и поселений Северного Прикаспия образует единый культурно-хронологический пласт. При этом важно отметить, что сосуд из Быково II 2/3 имеет аналогии на стоянке Кызыл-Хак I (Барынкин, 1986) и он же отнесен к раннему этапу репинской культуры (Синюк, 1981).

Ранее предлагалось определение раннеямного периода как периода ямно-репинского по керамике погребальных комплексов Волго-Уралья. Общекультурное единство поселенческих и погребальных памятников позволяет скорректировать хронологический интервал культуры. Из опубликованных достоверны две даты поселений: Кызыл-Хак I, сооружение, углистая почва – УПИ-430, 4900±40 (Барынкин, 1992); Кызыл-Хак II, культурный слой – 5050±45 (Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998). При поддержке Н.Н. Ковалюха получены 4 даты по ямно-репинской керамике: поселение Кызыл-Хак I – Ki-14542, 4510±80; Ki-14543, 4540±80; могильник Лопатино I 31/я.1 – Ki-14544, 4800±80; Ki-14545, 4750±70. Калибрование полученных дат и их сравнение с уже известными дает возможность удревнения нижней границы ямной культуры до XXXV в. до н. э. Таким образом, время ямной культуры Волго-Уралья возможно определить в интервале 3500–2900 гг. до н. э.

Трансформация культур во времени находит отражение в периодизации комплексов. Появление значимых серий датировок дает новое направление работам, в которых они оказались базовыми для культурологических построений. Из последних отметим статью М.А. Турецкого, в которой пять этапов ямной культуры выделены только по датам (Турецкий, 2007). В таблице последовательно приводятся лабораторные значения дат, которые при калибровке даже в 68% образуют интервалы 700–200 лет. Такая периодизация принятой быть не может.

Тем более, когда одно погребение (Подлесный I 3/3) при наличии трех дат оказалось включенным в два разных этапа.

Выявлено устойчивое сочетание признаков обряда ямной культуры Волго-Уралья: 1) погребения на спине вытянуто, с восточной ориентировкой, покрытые охрой полностью; 2) погребения на спине скорченно, с восточной ориентировкой, покрытые охрой полностью; 3) погребения на спине скорченно, с северо-восточной ориентировкой, покрытые охрой частично; 4) погребения с разворотом набок, с северо-восточной ориентировкой, покрытые охрой частично. При общей унификации обряда есть и значительное разнообразие особенностей его проявления, сочетание которых характерно для Волго-Уральского региона: вытянутые погребения; парные погребения; погребения взрослого и подростка; погребения черепов; расчлененные захоронения; диагональное перекрытие ям плахами; концентрация посыпки охрой черепа, таза и стоп; посыпка охрой местоположения погребенного.

Стратиграфическое соотношение погребений позволяет выделить два этапа ямной культуры Волго-Уралья вместо одного – «ямно-репинского».

Этап I, бережновский. Погребения на спине вытянуто и скорченно, полностью покрытые охрой. Ориентировка в восточный сектор.

Этап II, кутулукский. Погребения на спине вытянуто и скорченно, частично покрытые охрой. Ориентировка в северо-восточный сектор. Окраска охрой преобладает в следующих сочетаниях: череп – таз – стопы; таз – стопы; череп – стопы. Распространена и посыпка одной части тела.

Правобочное положение погребенных в Приуралье (тамар-уткульский тип) – более позднее явление и соответствует следующему, раннеполтавскому периоду Поволжья начала СБВ. Распространяется новая традиция новой культуры. Если для ямной культуры характерно акцентирование обряда непосредственно на погребенном, то для СБВ Волго-Уралья оформление местоположения сложными конструкциями становится определяющим. Функциональные особенности могильной ямы сложной конструкции в Прикубанье связаны с размещением под насыпью погребальной повозки (Гей, 2000). В Волго-Уралье мы фиксируем системное отображение данного ритуала, не связанное с практическим предназначением. В этот период на значительных степных пространствах к западу от Волги ямная культура продолжает свое развитие, охватывая значимый хронологический интервал в пределах 2900–2200 гг. до н. э. (Николова, 2001; Трифонов, 2001; Черных, Орловская, 2004; Шишлина, 2007).

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 06-01-91100 а/У.

- Барынкин П.П., 1986. Кызыл-Хак I – новый памятник позднего энеолита Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Барынкин П.П., 1992. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Богданов С.В., 2004. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург.
- Васильев И.Б., 1979. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. Куйбышев.
- Гей А.Н., 2000. Новотиторская культура. М.
- Дремов И.И., Юдин А.И., 1992. Древнейшие подкурганые захоронения степного Заволжья // РА. № 4.
- Кузнецов П.Ф., 1996. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. СПб. Вып. 1.
- Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Сулержицкий Л.Д., 1998. Геолого-палеоэкологические события севера аридной зоны в последние 10 тыс. лет // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.
- Мерперт Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.
- Моргунова Н.Л., 1990. Периодизация и хронология приуральских древнеямных памятников // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. Куйбышев.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург.
- Николова А.В., 2001. Хронология ямной и катакомбной культур степной Украины: некоторые вопросы датировки методом ^{14}C // Бронзовый век восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Мат. междунар. науч. конф. Самара.
- Синюк А.Т., 1981. Репинская культура эпохи энеолита – бронзы в бассейне Дона // СА. № 4.
- Синюк А.Т., 2006. Памятники ямной культуры Донской лесостепи // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области: Мат. междунар. науч. конф. Оренбург.
- Телегин Д.Я., 2000. Об основных линиях этнокультурного развития нео-энеолитического времени юго-запада Восточной Европы и их хронология // Хронология неолита Восточной Европы: Тез. докл. междунар. науч. конф. СПб.
- Трифонов В.А., 1991. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л.
- Трифонов В.А., 1996. Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности: Мат. междунар. науч. конф. Волгоград.
- Трифонов В.А., 2001. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Мат. междунар. науч. конф. Самара.
- Турецкий М.А., 2007. Проблемы культурогенеза в эпоху раннего – начала среднего бронзового века в степной зоне Волго-Уралья // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург. Вып. VIII.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности // РА. № 2.
- Шишлина Н.И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.). М.

Е.Е. Кузьмина

Российский институт культурологии, Москва

Этапы развития колесного транспорта Средней Азии

В истории колесного транспорта Средней Азии выделяются четыре этапа.

I этап – первая половина III тыс. до н. э. (период Намазга III) – находки на поселении Кара-депе глиняных моделей колес с двусторонней ступицей, фигурки быка с изображением упряжи позволяют включить южную Среднюю Азию в ареал древнейшего колесного транспорта в Старом Свете в зоне цивилизаций второго порядка, где он заимствован из Передней Азии.

II этап – вторая половина III – первая половина II тыс. до н. э. (периоды Намазга IV, V) – колесный транспорт получает широкое распространение. Представлены два типа повозок: I тип – четырехколесные с открытым кузовом (поселения у колхоза Мир, Безмеин, Анау, Алтын-депе, Тайчанак-депе, Хапуз-депе, Улуг-депе), иногда с головками упряжных быков (Улуг-депе) и двугорбых верблюдов (Безмеин, Алтын-депе, Хапуз-депе). II тип – двухколесные с открытым и, может быть, с закрытым кузовом (Намазга-депе).

Особенностью колесного транспорта Средней Азии является широкое использование в качестве тягловой силы двугорбых верблюдов (*Camelus bactrianus*) наряду с быками, употреблявшимися в Старом Свете, и в отличие от Передней Азии, где использовались эквиды (осел, кунга, но не онагр!). Остеологические материалы могильника Тумек-Кичиджик и поселений эпохи энеолита (Анау, Геоксюр) и бронзы (Шор-депе, Алтын-депе, Мадау-депе, Теккем-депе), как и многочисленные изображения двугорбых верблюдов в коропластике (колхоз Мир, Безмеин, Тайчанак-депе, Алтын-депе, Хапуз-депе, Улуг-депе, Тахирбай 3), бронзе (на зеркале из Тахтабазара), глиптике (на печати из Бактрии), позволяют полагать, что верблюд-бактриан был domestцирован в Средней Азии в III тыс. до н. э. – в эпоху энеолита, а в эпоху бронзы широко использовался в транспорте.

Многочисленные данные о высокой (в том числе – ритуальной) роли бактрианов в Маргиане: на поселении Гонур на царском некрополе кости бактриана найдены в комплексе с четырехколесной повозкой с трехчастными колесами, сбитыми двумя планками (аналогия этой конструкции колеса представлена на печати из Тепе Гиссара II Б и широко известна во всей Передней Азии).

В Маргиане изображения бактрианов есть на суде, каменном амулете, печатях. Подобные печати с верблюдами известны также в Бактрии (случайные раскопки, Сапалли).

Важным фактом в истории транспорта явилось открытие в Гонуре восьми захоронений лошадей (кости и два жеребенка в отдельных могилах с дарами). В.И. Сариниди сделано важное наблюдение: обряды погребения животных отличны от конного культа в Синташте, что указывает на переднеазиатское, а не евразийское, происхождение коневодства в Маргиане и Бактрии. Культура БМАК входит в круг древневосточных цивилизаций. Рубеж III–II тыс. до н. э., по П. Амье и К. Ламберг-Карловски, – время активных связей на широкой территории от Средиземноморья до Индии.

Вероятно, под влиянием Средней Азии двугорбые верблюды стали использоваться в Белуджистане во второй половине II тыс. до н. э. Из Средней Азии они были заимствованы в степи: кости есть в Синташте. Древнейшие (рубеж III – начало II тыс. до н. э.) в степях Евразии захоронения с конями, запряженными при помощи псалиев, и колесницами с колесами со спицами Е.Е. Кузьмина считает местной инновацией, П.А. Косинцев – заимствованием с Древнего Востока, где подобные псалии употреблялись для запряжки ослов.

III этап – эпоха поздней бронзы – вторая половина II тыс. до н. э. (период Намазга VI) знаменуется

появлением в Средней Азии колес со спицами, предназначенных для конной запряжки. Эта важнейшая инновация в колесном транспорте документируется находками в памятниках культуры земледельцев южной Туркмении (Намазга-депе, Теккем-депе) и Узбекистана (могильник Бустан VI) моделей колес со спицами, изображениями лошадей (Намазга) и достоверными находками костей лошади на поселениях. К этой эпохе относится широкое использование колесного транспорта в культуре пастушеских племен степных и горных районов Средней Азии и Казахстана, о чем свидетельствуют находки модели колеса, фигурок коня и верблюда на тазабагыябских поселениях Хорезма, находки костей верблюдов на памятниках андроновской культуры, многочисленные псалии на поселениях и высокий процент костей лошади на поселениях.

Изображения экипажей с колесами со спицами и парной верблюжьей или, чаще, конной запряжкой на петроглифах Средней Азии и Казахстана датируются этим временем.

В распространении конной запряжки и развитии коневодства в степях определяющим было воздействие из Поволжско-Казахстанских степей, где домашняя лошадь была хорошо известна с IV тыс. до н. э. и широко распространена с III тыс. до н. э., где впервые сложился культ этого животного в Старом Свете (Съезжее) и где в первой четверти II тыс. до н. э. были изобретены костяные псалии и выработаны способы запряжки коня в колесницу со спицами.

Стилистическая манера изображения конных колесниц в Индии сходна не с профильной переднеазиатской, а с изображениями колесниц в плане, характерными для петроглифов Средней Азии и северной Евразии, что указывает на среднеазиатское воздействие на развитие конного колесного транспорта в Индии, как и обряд захоронения коня в Свате.

IV этап – XII–IX вв. до н. э. (период Яз I) – появление всадничества во всей степи Евразии. Умение ездить верхом с использованием только недоуздки возникло еще в период domestикации коня. Изображения всадников на плакетках из Малой Азии, печатях из Кюль-тепе (Карум II), Бактрии относятся еще к началу II тыс. до н. э., на изображениях битвы при Кадеше в Египте – к XIV в. до н. э. Но посадка всадника, как на осле – на крупе коня, была неэффективна и всадничество не получило распространения. Лишь в последней четверти II тыс. до н. э. было выработано искусство верховой езды народами степей Евразии – позднесрубными и позднеандроновскими племенами, носителями культуры валиковой керамики, часть которых перешла к кочеванию. От них

заимствовали искусство верховой езды воины Ассирии, что подтверждается письменными источниками и ассирийскими рельефами.

Это документируется распространением новых – предскифских – типов псалиев, увеличением количества костей коня на поселениях. Часть степного населения перешла к кочеванию и осво-

ила высокогорья Тянь-Шаня и Памира. Другая часть через Закавказье и Среднюю Азию прошла в Иран, что зафиксировано письменными памятниками и, по мнению М.Н. Погребовой, конскими захоронениями (Хасанлу IV, Динке-депе, Калураз, Бабаджан-тепе) и степными типами псалиев (Тепе-Гиян I, Сиалк VI B).

М.Б. Медникова, М.В. Добровольская

Институт археологии РАН

«Медные люди» из курганов эпохи бронзы: к реконструкции профессиональной активности

Появление и дальнейшее распространение меди и бронзы кардинально меняли различные стороны жизни населения эпох энеолита – бронзы. Преобразование природной среды и создание качественно нового материала было невозможно без выдвигания людей, сведущих в добыче и переработке металла. Возникла категория профессионалов – горняков, кузнецов, литейщиков, которых применительно к эпохе бронзы можно без преувеличения назвать «медными людьми».

В данном исследовании анализируются новые методические подходы к изучению антропологических материалов с целью выявления индивидов, связанных с металлом на протяжении своей жизни. Медь является активным биогенным металлом, проникновение значительных количеств которого при жизни может проявляться в повышенных концентрациях элемента в биологических тканях человека, в частности, в скелетных тканях.

Ранее нами была предпринята попытка оценки концентрации меди в костной ткани индивида, связанного с металлургическим производством. Мы провели определение концентрации меди в компактной костной ткани подростка из погребения 4 кургана I курганного некрополя Першин I. Некрополь был обнаружен в «пределах Каргалинского горнорудного поля» (Черных, 2005. С. 14), погребение датируется раннебронзовым ямно-полтавкинским временем (Черных и др., 2005. С. 32). Определение концентрации меди в компактной костной ткани плечевой и бедренной костей показало высокие значения, а также практически двукратное превышение концентрации меди в плечевой кости по сравнению с бедренной (Добровольская, 2005. С. 182). Таким образом, была установлена относительно высокая концентрация меди в костной ткани индивида,

связанного с металлургическим ремеслом, а также неравномерное накопление элемента в различных частях его тела. Выполненное параллельно определение концентрации меди в образцах костной ткани, взятых из диафизов плечевой и бедренной костей индивида без элементов «набора металлурга» из курганного погребения Первого Богучарского некрополя срубной КИО (Синюк, 1996. С. 228), показало отсутствие значительных расхождений.

Исследования химического состава костной ткани степного населения эпохи бронзы позволили выявить следующую особенность: ряд групп характеризуется повышенной индивидуальной изменчивостью содержания меди в костной ткани. Обратимся к результатам атомно-абсорбционного анализа минеральной части кости, проведенного на более чем 200 образцах костной ткани из погребений степного евразийского коридора эпохи раннего металла.

Так, в группе из курганного некрополя Суханиха, оставленного носителями афанасьевской культуры раннего бронзового века Минусинской котловины, был выявлен индивид (к. 2, п. 1, мужчина) с экстремальной концентрацией меди в костной ткани, втрое превышающей среднюю групповую величину. В группе погребений некрополя Суханиха карасукского времени изменчивость концентрации меди в зубных тканях особенно велика и варьирует в пределах одного математического порядка. Также повышенная изменчивость концентрации меди была отмечена для группы индивидов из погребений новотиторовской археологической культуры курганного некрополя Малаи I (Гей, 2000). Индивиды из погребений среднего бронзового века этого же некрополя не показали такой закономерности. Последние характеризуются достаточно низкими кон-

центрациями меди и умеренной индивидуальной вариабельностью.

Своеобразная ситуация была описана при характеристике химического статуса скелетных материалов из раскопок некрополей бронзового века Чограй VIII и IX (Ставропольский край). Индивиды из погребений, совершенных с соблюдением традиций носителей ямной КИО, показали стабильно умеренные концентрации меди, в то время как индивиды из тех же курганных некрополей, и даже тех же насыпей, относимые к северокавказской археологической культуре (Андреева, 2005; Медникова, 2006), показывали значительно более высокие концентрации меди.

При исследовании многослойного погребально-го памятника Сопка 2 были проведены аналитические работы по определению состава минеральной части кости, определялась и концентрация меди. Некрополь Сопка 2 оставлен по преимуществу носителями традиций кротовской культуры. Погребальная обрядность этой культуры претерпевала известные изменения на протяжении всего периода существования. Основываясь на группировке погребений, проведенной археологами, мы структурировали массив данных о химическом составе костной ткани «кротовцев». Оказалось, что для индивидов из ранних и поздних захоронений этой культуры динамика изменений концентрации меди незначительна. И только в группе курганных погребений была выявлена уже отмеченная ранее картина: показатели изменчивости в данной группе повышены. Это происходит за счет присутствия индивидов с резко повышенной концентрацией меди.

Антропологические материалы из Пепкинского кургана, оставленного носителями традиций абашевской культуры, неоднократно были предметом исследования для реконструкции обрядовых особенностей, образа жизни этого населения (Халиков и др., 1966; Медникова, Лебединская, 1999; Медникова, 2001). Как известно, среди скелетных останков молодых мужчин с многочисленными травмами и следами ритуальных действий был обнаружен костяк в сопровождении каменной двусторонней литейной формы и других атрибутов металлургического ремесла. Это вещевое сопровождение, а также чрезвычайно развитый костный рельеф, свидетельствующий об экстремальном развитии мышц верхнего пояса конечностей, торса, руки, позволили отнести индивида 79 к металлургам. Проведенный анализ зубных и костной тканей индивидов из Пепкинского кургана выявил гораздо более высокие концентрации меди в костной ткани «кузнеца», что также служит подтверждением его профессиональных занятий.

Как неоднократно отмечалось в литературе, металлурги эпохи раннего металла относились к определенным кланам, занимавшим высокое социальное положение, хранившим свои секреты и передававшим их по наследству. Наличие литейной формы в захоронении подростка из Першинского некрополя свидетельствует о том, что человек с ранних лет был связан со своим ремеслом. Примечательно, что, невзирая на плохую сохранность костяка, А.П. Бужилова (2005. С. 166, 167) удалось определить на правой лучевой кости этого юного индивидуума усиленное развитие рельефа, гребешков и бугорков в дистальной части, указывающее на интенсивную работу кисти. Тяжелые физические нагрузки не могли не сказываться на особенностях телосложения таких людей. Особенности телосложения «кузнеца» из абашевского коллективного захоронения также свидетельствует в пользу этого утверждения. Помимо экстремально сильного развития рельефа в месте прикрепления мышц на костях правой руки (Медникова, 2001. Рис. 8 к гл. 8) при обследовании останков данного индивидуума методом компьютерной томографии было обнаружено резкое усиление внутренней массивности плечевой кости, которое может быть интерпретировано как следствие биомеханического стресса. Проведенное нами гистологическое исследование правой плечевой кости индивида позволило выявить ранний возраст начала интенсивных физических нагрузок. Рост и развитие диафиза кости происходили под влиянием значительного мышечного напряжения, что выразилось в формировании плотной остеонизированной компактной части кости и экстремально ранней поротизации костной ткани, спровоцированной механическими стрессами в области периоста и поверхностного слоя компактной костной ткани.

Таким образом, применение биоархеологических методов при изучении антропологических материалов позволяет выявлять индивидов, связанных с металлургией, реконструировать особенности их образа жизни, а также степень воздействия профессиональных занятий на состояние здоровья.

Андреева М.В., 2005. Синхронные совместные погребения восточноманычской катакомбной культуры как источник палеосоциальных реконструкций // *OPUS: междисциплинарные исследования в археологии* / Отв. ред. М.В. Добровольская. М. № 4.

Бужилова А.П., 2005. Анализ двигательной активности и реконструкция профессиональной деятельности // *Каргалы. М. Т. IV: Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования* / Отв. ред. Е.Н. Черных.

Гей А.Н., 2000. Новотиторская культура. М.

- Добровольская М.В., 2005. Химический состав минеральной части скелета // Каргалы. М. Т. IV: Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования / Отв. ред. Е.Н. Черных.
- Медникова М.Б., 2001. Трепанации у древних народов Евразии. М.
- Медникова М.Б., 2006. Данные антропологии к вопросу о социальных особенностях и образе жизни населения восточного бассейна р. Маныч в эпоху бронзы (по материалам могильника Чограй IX) // Вестник антропологии. М. Вып. 14.
- Медникова М.Б., Лебединская Г.В., 1999. Пепкинский курган: данные антропологии к реконструкции погребений // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / Под ред. В.И. Гуляева, И.С. Каменецкого, В.С. Ольховского. М.
- Синюк А.Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.
- Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М., 1966. Пепкинский курган (Абашевский человек). Йошкар-Ола.
- Черных Е.Н., 2005. Погребальные памятники на Каргалах // Каргалы. М. Т. IV: Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования / Отв. ред. Е.Н. Черных.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю., 2005. Першинский некрополь: курган 1 // Каргалы. М. Т. IV: Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования / Отв. ред. Е.Н. Черных.

А.В. Моисеев

Воронежский государственный университет

Западный ареал древностей абашевской общности: история и современное состояние изучения

Несмотря на двадцатилетний период исследования западного ареала абашевских древностей (начиная с первых раскопок в бассейне Дона памятников, впоследствии отнесенных к кругу абашевских), согласия в среде их исследователей фактически по всем основополагающим проблемам в настоящее время не больше, чем когда-либо. Многие дискутируемые вопросы имеют подчас весьма разветвленные «историографические корни», без учета которых затруднено их удовлетворительное разрешение.

В истории изучения абашевских древностей Подонья можно выделить три периода. **Первый** (последняя четверть XIX в. – начало 1960-х гг.) – это время, когда абашевские памятники на данной территории хотя и становятся в той или иной степени известными, строго говоря, не являются объектом специального изучения. **Второй** (1960–1980-е гг.) – этап интенсивного исследования абашевских древностей в Подонье, когда была заложена основа современной источниковой базы по ним, а сами они выделены сначала в донской вариант абашевской культуры, а затем в отдельную (доно-волжскую) культуру в системе абашевской культурно-исторической общности.

О **третьем** (современном, с начала 1990-х гг.) периоде позволяют говорить расширение и усложнение проблематики эпохи бронзы Восточной Европы

вообще, абашевской культурно-исторической общности в частности и абашевских древностей Подонья в особенности, что проявилось и в нарастании споров по поводу многих принципиальных аспектов этой проблематики.

Источниковая база по абашевским древностям западного ареала на современном этапе характеризуется, прежде всего, двумя моментами:

1) здесь, в отличие от других территорий, представлены все этапы развития абашевских древностей, в том числе наиболее ранний и наименее изученный, так называемый «протоабашевский», памятники которого имеют важное значение для выяснения происхождения абашевских древностей в целом;

2) диспропорция в изученности поселенческих и погребальных памятников, ощущавшаяся при выделении доно-волжской абашевской культуры, выравнивалась.

Накопленная источниковая база вполне достаточна не только для основательной характеристики погребального обряда населения абашевской культуры доно-волжского региона, уточнения периодизации, происхождения и т. п. данной культуры, но и для полноценного сопоставления с абашевскими древностями других регионов, как уральского, так и особенно средневожского, представленного почти исключительно погребальными памятниками.

Следует, однако, сказать, что это пока только потенциальная возможность: хотя большинство отдельных погребальных памятников так или иначе введено в научный оборот, насущной задачей является обобщающее их исследование (и, желательно, сводное издание). Такое исследование, надо думать, окончательно прекратило бы и многие попытки вывода памятников доно-волжского региона в культурно-хронологическом плане за пределы абашевских древностей.

Исследования последних лет позволили более определенно подойти к проблемам происхождения и хронологии (главным образом, относительной) рассматриваемой культуры. Изучение, прежде всего, «протоабашевских» памятников ставит вопрос не только о происхождении доно-волжской абашевской культуры, но и о сложении абашевских древностей вообще, о сложении абашевской культуры на территории северной части доно-волжского междуречья и дальнейшего ее распространения на восток и северо-восток, включая район Среднего Поволжья. Следует обратить внимание и на накопление данных по катакомбно-абашевскому взаимодействию, частичной синхронизации носителей катакомбной и абашевской культур на территории лесостепного Подонья.

Получила развернутую аргументацию гипотеза о генетической преемственности абашевской и срубной культур, по крайней мере на территории Подонья. Такое решение вопроса о дальнейшей судьбе абашевской культуры в доно-волжском междуречье позволяет интерпретировать так называемые «памятники покровского типа» как переходные, отражающие процесс перерастания абашевской культуры в срубную, что является наиболее убедительным из предложенных к настоящему времени решений «покровской проблемы».

За последние полтора десятилетия в центре дискуссий оказался сам культурно-хронологический статус доно-волжских древностей.

В литературе с тех или иных позиций поставлена под сомнение правомерность выделения и наименования доно-волжской абашевской культуры. Таких позиций, собственно говоря, три.

1. Выведение доно-волжских древностей за пределы абашевских и в хронологическом, и в культурном плане, пересмотр их культурной атрибуции в пользу покровской и синташтинской культур (О.В. Кузьмина и др.). Отметим, что обоснованность игнорирования доно-волжских материалов в качестве абашевских на уровне хоть сколько-нибудь детального сопоставления памятников донского и средне-волжского регионов не была доказана, т. е. являлась скорее исходной предпосылкой, нежели выводом.

2. Пересмотр хронологического содержания доно-волжской культуры. Наиболее полно эту позицию изложил В.В. Отрощенко, который признает правомерность выделения доно-волжской абашевской культуры и не возражает против составляющей «абашевская» в ее названии, но считает ее относящейся к иному, следующему, хронологическому пласту, нежели абашевская культура лесного Поволжья и Приуралья, наиболее поздней из всех абашевских древностей, укладываемой целиком в непосредственно предсрубный хронологический горизонт, т. е. фактически постабашевской. Так второй подход логически смыкается с первым.

3. Предложение А.Т. Синюка рассматривать памятники доно-волжской культуры в формате двух генетически связанных, абашевских, но отдельных, культур (донской и покровской абашевских). Первая является местной, перижиточно энеолитической культурой, появление второй связано с возвратным движением некогда продвинувшихся в восточном направлении донских абашевцев. Здесь речь идет не о выводе древностей доно-волжского региона за пределы абашевских в культурном или хронологическом плане, а о неправомочности рассмотрения их в рамках одной культуры, «искусственном характере доно-волжской абашевской культуры, конструирование которой включило разные по происхождению и времени памятники эпохи бронзы» (Синюк, 1996. С. 207).

Данный подход, имеющий определенные аналогии во взглядах К.В. Сальникова и О.Н. Евтуховой, фиксирует археологическую реальность, заключающуюся в наличии инокультурных (в том числе уральских абашевских) проявлений на некоем этапе существования абашевских древностей в бассейне Дона. Однако из этого еще с необходимостью не следует, что памятники, содержащие такие инокультурные черты (а это, главным образом, погребальные памятники, причем большей частью так называемые «престижные» погребения), относятся к отдельной археологической культуре. Культурная специфика таких памятников отражает скорее субкультуру оставившего их населения, нежели этап археологической культуры, а тем более – отдельную археологическую культуру.

Наиболее обоснованными представляются:

- правомерность рассмотрения доно-волжских материалов в формате единой археологической культуры – доно-волжской абашевской;
- абашевская принадлежность доно-волжской культуры, т. е. ее культурное родство со средне-волжскими и южноуральскими абашевскими памятниками;
- синхронность доно-волжской абашевской

культуры средневожской и южноуральской абашевским культурам на всем протяжении существования последних, но не первой, имеющей пласт памятников более ранних, чем известны на Средней Волге и Южном Урале;

– отношения генетического родства доновожской абашевской культуры и срубной культурно-исторической общности, непосредственное участие первой в формировании последней.

Наибольшей же проблемой изучения абашевских древностей доновожского региона на современном этапе их исследования представляется отсутствие сводного издания и обобщающего монографического рассмотрения данных материалов, которое отдельные публикации, при всей их важности, заменить уже не могут.

Синюк А.Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.

**В.И. Молодин¹, Г. Парцингер²,
Ж.В. Марченко¹, Х. Пиецонка²,
Л.А. Орлова³, Я.В. Кузьмин³, А.Е. Гришин¹**

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН

² Германский археологический институт (DAI), Берлин

³ Институт геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск

Первые радиоуглеродные даты погребений эпохи бронзы могильника Тартас-1 (попытка осмысления)*

Памятник Тартас-1 расположен в центральной части Барабинской лесостепи, на первой террасе р. Тартас (Венгеровский район Новосибирской области) и в 2,5 км к северу от одного из крупнейших могильников эпохи бронзы Западной Сибири – Сопка-2 (Молодин, 2001). Исследования на объекте проводятся ежегодно с 2003 г. в рамках комплексной российско-германской экспедиции (под рук. ак. В.И. Молодина и проф. Г. Парцингера) (см. напр.: Молодин, Парцингер, Гришин и др., 2004; Молодин, Парцингер, Гришин и др., 2007; Молодин, Чемякина, Дядьков и др., 2004). Памятник представляет собой комплекс погребальных и поселенческих объектов эпох раннего металла, бронзы и раннего железного века. Изучению памятника предшествовало геофизическое исследование, позволившее представить масштабы могильного поля и его планиграфию (Молодин, Чемякина, Дядьков и др., 2004). Раскопки ведутся сплошной площадью, благодаря чему в поле зрения попадают как погребальные, так и ритуальные и поселенческие комплексы. На данный момент полностью исследована южная и часть центральной зоны памятника, вскрыто 244 захоронения.

Основной комплекс памятника Тартас-1 представлен некрополем эпохи развитой бронзы, включающим 219 захоронений и расположенные рядом сопроводительные (ритуальные?) ямы. По планиграфическим особенностям, следам погребальной практики и инвентарю они предварительно органи-

зованы в 4 культурные группы: автохтонную позднекротовскую (ПК), «андроновскую (федоровскую)», и две «переходные» (А и Б), сочетающие признаки обеих культурных традиций (Молодин, Парцингер, Гришин и др., 2004). Для захоронений всех групп характерны металлические изделия срубно-андроновского облика (кинжалы, украшения), а для последних трех групп – типично помещение андроновской (федоровской) или черноозерской посуды. Согласно традиционной системе датирования, появление в Барабе срубно-андроновских предметов в позднекротовское время относится к XIV–XII вв. до н.э. (Молодин, 1985. С. 87, 88). Время же появления здесь андроновцев (федоровцев) определялось XIII в. до н.э. (Молодин, 1985. С. 116).

На сегодняшний день намечены участки преимущественной локализации каждой из четырех групп. Пара андроновских детских захоронений – на южной периферии, позднекротовский массив – на восточной периферии (по краю террасы), остальное пространство занимают «переходные» группы.

Авторы отдают себе отчет, что разработка хронологии памятника с использованием радиоуглеродных определений таит в себе еще немало проблем и, конечно же, неоднозначна по результатам и оценкам. Вместе с тем, очевидно, что совершенство метода предопределяет серьезные возможности более объективного датирования археологических комплексов. По этой причине в публикации и тща-

тельном осмыслении, а затем и в обсуждении, нуждаются все полученные на объекте даты, даже если они абсолютно не вписываются в традиционные, сложившиеся схемы.

Были поставлены следующие задачи по датированию с помощью радиоуглеродного метода интересующих нас комплексов могильника. Во-первых, датирование выделенных культурных групп захоронений. Также необходимо было определение возраста неординарных, с точки зрения следов погребальной практики, захоронений, а также могил, содержащих предметы срубно-андроновского облика. Во-вторых, установление вектора (или векторов) формирования некрополя. В-третьих, была поставлена методическая задача – перекрестное датирование одних и тех же образцов в разных лабораториях.

Всего на данный момент для могильника получена 21 дата (рис. 1), из них серия из 11 дат – в Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя ИГиМ СО РАН (к.г.-м.н. Л.А. Орлова, г. Новосибирск, Россия). Пять определений возраста сделаны в Изотопной лаборатории им. Лейбница при Университете Кристиана-Альберта (Dr. P.M. Grootes, г. Киль, ФРГ) и 5 – в радиоуглеродной лаборатории Германского археологического института (DAI) (Dr. J. Görtsdorf, г. Берлин, ФРГ)**. Двадцать определений возраста выполнено по костному материалу (из них 19 – по антропологическому), одно – по бересте и углю. «Дублирующее» датирование проведено по двум образцам (в лабораториях г. Берлина и г. Новосибирска). Анатомическая целостность скелета или части скелета, от которого брался образец, являлась одним из условий отбора материала. Все данные радиоуглеродного датирования были калиброваны в программе OxCal3_10.

Наиболее древние даты были получены по андроновским (федоровским) захоронениям (№ 41 и № 43). Крайние значения калиброванных дат по ± 2 сигма следующее: KIA29038 – XXIII–XXI вв. до н.э.; KIA31154 – XX–XVIII вв. до н.э.; KIA31155 – XXII–XIX вв. до н.э.; KIA 29039 – XX–XVII вв. до н.э. (рис. 1). Следует иметь в виду, что сохранность костей скелетов погребенных в этих могилах детей была очень плохая, что и обусловило выбор AMS-метода и не дало возможности продублировать результаты жидкостно-сцинтилляционным методом. Настораживает, прежде всего, то, что разброс значений по ± 2 сигма по образцам из двух соседних захоронений составляет почти 600 лет, а предельными значениями охвачен отрезок XXIII–XVII вв. до н.э. Эти результаты не могут удовлетворить соавторов-археологов своей точностью и положением относительно устоявшейся культурно-хронологической шкалы региона. Достаточно вспомнить, что опи-

раясь на наиболее аргументированную (с точки зрения соавторов-археологов) периодизацию, раннефедоровские памятники датируются Е.Е. Кузьминой XV–XIV вв. до н.э. (Кузьмина, 1994. С. 44). Если же говорить о радиоуглеродных датах федоровской культуры, то они не калиброваны и имеют весьма существенный разброс в рамках II тыс. до н.э. (Kuz'mina, 2007. P. 468–469; Кузьмина, 2008/ С. 456–457; Матвеев, 1998. С. 367, 369).

Остальные группы захоронений могильника представлены более поздними параметрами – XIX–XIV вв. до н.э. (± 2 сигма) (рис. 1). Результаты радиоуглеродного датирования также подтвердили тесную планиграфическую связь и синхронность «переходных» групп А (COAH-7122) и Б (Bln-5837L+LI, COAH-7120, COAH-7119, COAH-7125, COAH-7126)) и указали на сравнительно более ранний возраст позднекротовской группы (Bln-5839L+LI, Bln-5840L+LI, COAH-7130, COAH-7129) – верхняя граница последних не выходит за пределы середины II тыс. до н.э., в то время как верхний предел «переходных» групп (± 2 сигма) поднимается до XIV в. до н.э. (рис. 1). Таким образом, подтверждается синхронное функционирование на определенном этапе позднекротовского и «переходного» некрополя и направление вектора развития всего могильного поля «от края террасы».

Возраст захоронений с предметами срубно-андроновского облика (Bln-5837L+LI; Bln-5839L+LI; Bln-5840L+LI; COAH-7129) укладывается в пределы XIX–XVI вв. до н.э. Последняя дата (XVI в. до н.э.) согласуется с общепринятой для датировки такой формы ножей срубно-андроновского типа (Кузьмина, 1994, С. 428). Комплексы с кремнированными останками (COAH-7132, COAH-7121) имеют в рамках «переходного» некрополя часто более высокую степень обособленности (отдельные могилы или пары на расстоянии от больших рядов). Хронологические параметры полученных радиоуглеродных дат легли в пределах XIX–XV вв. до н.э. С учетом наличия в этих захоронениях (№№ 208, 215) классических андроновских (федоровских) сосудов, это позволяет отнести их к андроновской группе (по крайней мере, связывать с пришлым андроновским (федоровским) населением). В таком случае верхний предел возможной датировки может оказаться более приемлемым.

«Перекрестное» датирование двух образцов в разных лабораториях (при использовании одного метода – жидкостно-сцинтилляционного) показало расхождение некалиброванного возраста на 245 лет (Bln-5903LI и COAH-7124) и 109 (Bln-5840L+LI и COAH-7129). После процедуры калибровки в каждом случае взаимное «перекрывание» дат, полученных по аналогичным образцам, наблюдается

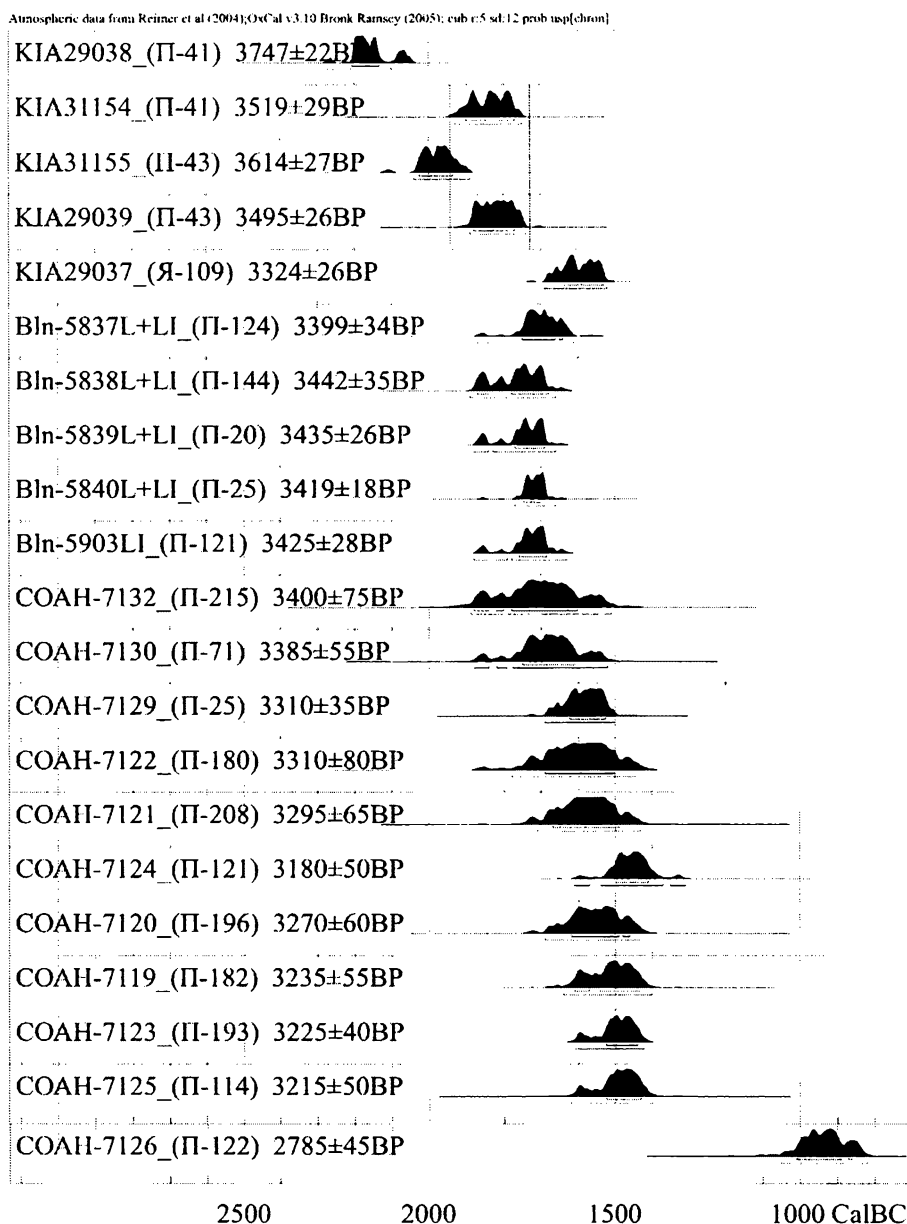

Рис. 1. Расположение калиброванных дат на хронологической шкале

только по ± 2 сигма. Одна из причин хиатуса, на наш взгляд, кроется в использовании разных величин $\delta^{13}\text{C}$ (применяется в формуле расчета для получения конечной ^{14}C -даты) – «просчитанного» и «конвенционального». Для каждого из образцов Bln-5903LI, Bln-5840L+LI он был специально измерен и равнялся - 21,7‰ и - 21,5‰ соответственно. В то время как для образцов COAH-7124, COAH-7129 использовался универсальный показатель, сообразно анализируемому материалу, его возрасту и региональным условиям нахождения - 19‰. Поэтому оба «дублирующих» образца и основная серия дат могильника, полученная в Лаборатории ИГиМ СО РАН, выгля-

дит «омоложенной», однако более корректной с точки зрения традиционных представлений об археологической периодизации.

Отмеченная по данным всей совокупности дат могильника тенденция более раннего возраста позднекротовских захоронений относительно «переходных» групп подтверждается по материалам выборки серии, полученной в г. Новосибирске. Верхние границы дат COAH-7130 и COAH-7129 (группа ПК) по ± 2 сигма не выходят за пределы XVI в. до н.э., а верхние границы по ± 2 сигма остальных дат, как правило, ограничиваются XV в. до н.э. или даже XIV в. до н.э. (COAH-7124) (Рис. 1). При внесении

корректировки на $\delta^{13}\text{C}$ в даты, полученные в ИГиМ СО РАН, хронологический хиатус между «дублирующими» образцами будет минимизирован. Вместе с тем, наличие столь существенной разницы (более 200 лет) лишней раз свидетельствует о методических проблемах радиоуглеродного датирования.

Помимо отмеченных выше проблем датирования андроновских (федоровских) захоронений, еще две представленные здесь ^{14}C -даты и не могут быть признаны корректными***. Речь идет о погребении №193 (СОАН-7123), где XVII–XV вв. до н.э. датируется захоронение, относимое в настоящее время к одиновской культуре (Молодин, 2008), датируемой III тыс. до н.э. Такие некрополи исследованы сегодня на могильниках Сопка-2 и Преображенка-6. Не может быть датировано X–IX вв. до н.э. и погребение № 122 (СОАН-7126), по инвентарю и погребальному обряду явно тяготеющее к андроновской (федоровской) погребальной традиции.

С другой стороны, в целом можно признать, что планиграфические наблюдения, связанные с динамикой формирования могильника эпохи развитой бронзы, подтверждаются радиоуглеродными датами.

Таким образом, имеющееся на сегодняшний день положение с радиоуглеродными датами могильника Тартас-1 подтверждает прогнозируемую Е.Н. Черных еще в 70-е гг. XX в. ситуацию. Ученый полагал, что наиболее вероятные радиоуглеродные даты андроновских памятников будут уходить в XXI–XV вв. до н.э., тогда как металлы этих культур уральского региона укладываются во время моложе XV в. до н.э. (Черных, 1970. С. 105). Мы должны еще раз признать имеющий место разрыв между результатами традиционной и радиоуглеродной хронологии, хотя в отдельных случаях имеем и вполне приемлемую их корреляцию.

* Работа выполнена при финансовом содействии РГНФ (№ 07-01-00430а) и гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ (№ НШ-1648.2008.6), программы «Адаптация» РАН (проект №2.23).

** Определение возраста образцов в г. Киль выполнено AMS-методом, остальные – жидкостно-сцинтилляционным методом.

*** Точка зрения В.И. Молодина.

- Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? М.
Кузьмина Е.Е., 2008. Арии – путь на юг. М. – СПб.
Матвеев А.В., 1998. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск.
Молодин В.И., 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск.
Молодин В.И., 2001. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных памятников эпохи неолита и раннего металла. Том I. Новосибирск.
Молодин В.И., 2008. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург.
Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Пищонка Х, Новикова О.И., Чемякина М.А., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Шатов А.Г., 2004. Исследование могильника бронзового века Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X, часть I. Новосибирск.
Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Пищонка Х, Новикова О.И., Соловьев А.И., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., Пищонка Х., Казакова Е.А., 2007. Результаты полевых исследований памятника Тартас-1 в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII, часть I. Новосибирск.
Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Михеев О.А., 2004. Археолого-геофизические исследования могильника Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X, часть I. Новосибирск.
Черных Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.
Kuz'mina E.E. The origin of the Indo-Iranians. Leiden. Boston, 2007.

*Н.Л. Моргунова**Оренбургский государственный педагогический университет*

Генезис и хронологические рамки ямного погребального обряда в Приуралье*

Представления о генезисе ямной КИО достаточно долго оставались стабильными после выхода трудов Н.Я. Мерперта (1968; 1974). Открытие энеолитических памятников в Поволжье и в Приуралье на первых порах укрепили данные представления (Васильев, 1981). Однако в последнее десятилетие в связи с накоплением новых материалов, и особенно радиоуглеродных дат, дискуссии возобновились, прежде всего, по вопросам о начальном и заключительном этапах ямной культуры.

В работах Н.Я. Мерперта периодизация ямной культуры построена на строгой процедуре анализа погребального обряда. В ряде работ проведение подобных типологических исследований не всегда предшествует построению концептуальных заключений. Например, П.Ф. Кузнецов, отстаивая свое мнение о сложении полтавкинской культуры под влиянием населения раннего бронзового века Предкавказья, значительно удревяет ее начало и при этом буквально отделяет от ямной культуры многие комплексы только на том основании, что для них характерны правобочное положение погребенных и ямы со ступеньками (Кузнецов, 2007). В работе С.В. Богданова выделены два этапа – РБВ I и РБВ II, в рамках которых развивалась ямная культура. При этом, без соответствующей корреляции с погребальным инвентарем и радиоуглеродными датами, сделано заключение, что для первого периода характерно исключительно положение на спине скорченно, для второго – на правом боку скорченно (Богданов, 2004. С. 196–198).

Попытки показать разнообразие погребальных традиций ямной культуры Приуралья и Поволжья на разных этапах развития уже неоднократно предпринимались (Моргунова, Кравцов, 1994; Турецкий, 1991; 1999; Моргунова, 2002; 2006). Однако не хватало данных для четкой привязки тех или иных комплексов к определенным этапам периодизации. В настоящее время в Приуралье помимо радиоуглеродных дат получены данные палеопочвоведения, антропологии, металлографии и технологии гончарства, позволяющие еще раз обратиться к анализу погребального обряда, в основе которого по-прежнему может лежать методика, в свое время предложенная Н.Я. Мерпертом.

В качестве основного признака классификации погребального обряда используются поза скелетов

и их ориентировка. В Приуралье последний признак достаточно устойчив и поэтому при выделении обрядовых групп не принимается во внимание. Но в то же время, наряду с использованием охры ориентировка в восточный сектор является существенной чертой ямного погребального обряда.

Выделяются две основные обрядовые группы (ОГ) по данным более чем 160 исследованных курганов. I ОГ – положение скорченно на спине, головой на восток или северо-восток. II ОГ – положение скорченно на правом боку, с аналогичной ориентировкой. Численно преобладают комплексы II ОГ (более 75%). Небольшую группу составляют погребения с положением скелетов на спине, скорченно в левую сторону. Имеется несколько неординарных погребений (положение «сидя», захоронения черепов, кенотафы). В каждой ОГ по форме могильной ямы, кроме того, выделяются подгруппы: 1) погребения в простых ямах; 2) погребения в ямах с уступами или ступеньками. Установлено, что правобочные погребения присущи всем исследованным могильникам, в то время как погребения I ОГ присутствуют лишь в половине из них.

Не имея возможности в объеме данной статьи подробно охарактеризовать каждую ОГ, остановимся в связи с поставленными задачами на наиболее общих признаках, объединяющих все ОГ в единый ямный комплекс Приуралья, в то же время акцентируя внимание и на его специфике.

Курганные могильники ямной культуры насчитывают не более 10–12 насыпей, имеющих полусферическую форму. Они сооружались из грунта, который брали, как правило, из кольцевых рвов или канав. Размеры насыпей различны – от 15 до 30 м, иногда до 60–80 м. Для I ОГ чаще характерны насыпи небольших размеров, все большие насыпи сооружались над погребениями II ОГ. Как правило, курганы одномогильны, впускные погребения в более ранние насыпи крайне редки.

Для обеих групп типично наличие как простых, так и более сложных ям со ступенчатой конструкцией, но последние чаще сопоставляются с комплексами II ОГ и присущи большинству крупных насыпей. Подавляющее большинство составляют мужские погребения. Как правило, мужчины доминируют и в парных и коллективных могилах.

Данные биоморфного анализа позволили существенно дополнить характеристику оформления могильных ям (Моргунова, Гольева и др., 2003. С. 208–212). Дно ям, стены и ступеньки чаще всего покрывали плетеными из стеблей трав или камыша циновками. Растительные циновки использовались также в качестве покрывал или перекрытий. Под черепами выявлены следы «подушек», которые, видимо, шили из кожи и набивали травами. Подобные детали погребальной традиции подтверждаются на материалах Северного Прикаспия (Шишлина, 2007. С. 61–83). Следует отметить, что чем сложнее и крупнее могильная яма, тем больше в ее оформлении использовались циновки, перекрытия обильная окраска дна и стен охрой, а также деревянные перекрытия.

Как в I, так и во II ОГ выделяются парные и коллективные могилы, которые отличаются рядом особенностей в погребальном ритуале и сопровождающем инвентаре. Во многих из них зафиксированы признаки насильственной смерти сопутствующих погребенных, среди которых известны как взрослые, так и дети.

Погребальный инвентарь в большей степени присущ II ОГ. Он представлен керамикой, металлическими предметами, изделиями из костей животных, камня, раковин, частями колесных повозок. Характерно, что близкие по форме и назначению предметы встречаются в обеих ОГ, например, типичная круглодонная керамика с веревочной и гребенчатой техникой орнаментации, медные ножи, шилья и топоры, костяные булавки, деревянные колеса и др.

Керамика подразделяется на кругло- и плоскодонную. Бытование последней принято связывать с полтавкинским периодом. Изучение технологии гончарства по данным обеих групп показало, что в отличие от раннего (репинского) этапа ямное население Среднего Поволжья и особенно Приуралья было достаточно неоднородным за счет контактов или прямого проникновения каких-то групп, изначально связанных с земледельческими центрами. В то же время, фиксируется сосуществование в гончарстве привнесенных традиций и местных, находящихся истоки в энеолите Поволжья (Салугина, 2006. С. 76–80; 2007. С. 98–107). Сочетание двух компонентов среди представителей ямной культуры (северных и южных европеоидов) и их соответствие двум способам трупоположения в ямных курганах антропологи отмечают на материалах как Украины, так и Волго-Уралья (Хохлов, 2006. С. 102).

Обращают на себя внимание представительность в отдельных комплексах, многообразие и уникальность целого ряда предметов из меди. Более 70% металла найдено в погребениях II ОГ, однако

некоторые редкие типы изделий (проушные топоры утевского типа, топорики-клевы, биметаллические резчики, втульчатые долота, тесла, долота с четырехгранным насадом) встречаются в погребениях как I, так и II ОГ.

Металлографический анализ, проведенный А.Д. Дегтяревой, наглядно показал единство технологических приемов, использовавшихся для производства всех найденных в Приуралье металлических изделий (Моргунова и др., 2003. С. 368–376). Наличие предметов, по типологии близких поздне-неолитическим, а также майкопским, найденных в сочетании как с правобочными скелетами, так и с погребенными на спине, как в ямах со ступеньками, так и в простых ямах, указывает на одновременное существование этих обрядов и на их параллельное бытование на протяжении всего периода ямной культуры Приуралья.

Особенно четко эта параллельность зафиксирована на развитом (городцовском) этапе, хронологические рамки которого – в пределах от 3300–3400 до 2600–2500 л. BC (cal.) – устанавливаются серией радиоуглеродных дат как в Волго-Уралье, так и в западных вариантах (Моргунова, 2007. С. 210–215). Нет оснований для удревнения полтавкинского периода развития ямной культуры Приуралья и Поволжья (Кузнецов, 2007). Начало полтавкинского (или, по нашему мнению, – позднеямного) периода маркируется распространением плоскодонной керамики, что, видимо, связано с утверждением катакомбной культуры на территориях западнее Волги. Массовые радиоуглеродные датировки начала этого процесса определяют серединой III тыс. до н. э. (калиброванное значение) (Шишлина, 2007).

Таким образом, данные типологического анализа погребального обряда ямной культуры Приуралья, дополненные специальными исследованиями органических материалов, краниологических данных, а также технологий гончарства и металлообработки, позволяют более уверенно в рамках единой культуры и в динамике рассматривать разные подходы к устройству погребальных церемоний.

Выяснение причин многообразия и дифференцированности в устройстве погребальных церемоний в задачи данной статьи не входит. Они требуют специального изучения, однако некоторые шаги в этом направлении уже предпринимались (Моргунова, Кравцов, 1994).

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 07-06-00148.

Богданов С.В., 2004. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург.

- нецов П.Ф., 2007. Время новых культурных традиций в бронзовом веке Волго-Уралья // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.
- рперт Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы волжско-уральского междуречья. М.
- ргунова Н.Л., 2002. Проблемы изучения ямной культуры Приуралья // Проблемы археологии Евразии. М.
- ргунова Н.Л., 2006. Периодизация и хронология ямных памятников Приуралья по данным радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург.
- ргунова Н.Л., 2007. Об абсолютной хронологии развитого этапа ямной культуры (по данным Приуралья) // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.
- ргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С., 2003. Шумаевские курганы. Оренбург.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994. Древняя культура на Илеке. Екатеринбург.
- Салугина Н.П., 2006. Технология керамики населения раннего бронзового века Волго-Уралья // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург.
- Салугина Н.П., 2007. К проблеме формирования гончарства населения среднего бронзового века Волго-Уралья // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург. Вып. 8.
- Турецкий М.А., 1991. Ямная культура Волго-Уральского региона: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Турецкий М.А., 1999. Средневожско-приуральский вариант ямной культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург. Вып. 3.
- Шишлина Н.И., 2007. Северо-западный Прикаспий в эпоху бронзы. М.
- Хохлов А.А., 2006. Основные проблемы палеоантропологии ямной культуры // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург.

Я.В. Рафикова, В.К. Федоров

Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, Уфа

Бакшай: святилище эпохи палеометалла в Южном Зауралье?*

Экспедиция ВЭГУ в Учалинском р-не Республики Башкортостан с 2005 г. ведет исследования разновременного и разнофункционального памятника археологии, известного ранее как Ново-Байрамгуловская стоянка эпохи бронзы, открытая Н.А. Мажитовым в 1965 г. (АКБ, 1976. С. 210).

Результаты полевых исследований 2005 г., когда под слоем эпохи бронзы была исследована часть объекта, имеющего черты круглоплановых святилищ эпохи энеолита (Потемкина, 2001. С. 166–256), получили освещение в ряде работ (Рафикова, Федоров, 2006а; 2006б; 2007). Поскольку они опубликованы в малодоступных изданиях, вкратце напомним основные моменты. Памятник расположен на надпойменной мысообразной террасе левого берега р. Урал, которая ограничивает площадку памятника с севера и с запада. В Урал впадает ручей Бакшай, его долина служит северной и северо-восточной границей площадки. Раскоп 2005 г. (136 м²), заложенный в западной части площадки, неподалеку от края террасы, показал, что мощность культурного слоя достигает 0,8–1 м. Его особенностью являются обширные золистые прослойки, мощностью 0,4–0,5 м, содержащие большое количество фрагментов ке-

рамики и костей животных. Основная масса керамики относится к эпохе поздней и финальной бронзы (алакульская, черкаскульская, межовская, саргаринская культуры), наряду с ней выявлены и фрагменты сосудов эпохи энеолита – суртандинской (Матюшин, 1982), или суртандинско-кысыкульской (Мосин, 2000), культуры. Энеолитический материал немногочислен, но выразителен: имеются развал крупного сосуда (рис. 1), шлифованная серпентинитовая подвеска со сверленным отверстием, кремневые наконечники стрел лавролистной формы. Найдено также большое количество иных кремневых изделий.

В результате раскопок были выявлены остатки крупного сооружения, представленного: 1) двумя рвами; 2) выкидами из них, образующими вал; 3) столбовыми ямами; 4) обработанной каменной глыбой, имеющей совершенно определенное, неслучайное местоположение (рис. 2).

Рвы, которые тянутся по диагонали раскопа от юго-восточного угла к северо-западному, получили, соответственно, наименования «северного» и «южного». «Северный» ров имеет длину 8,4 м, ширину 0,7–0,9 м, глубину до 0,7 м. Истинная длина неизвестна – северный конец уходит в стенку раскопа.

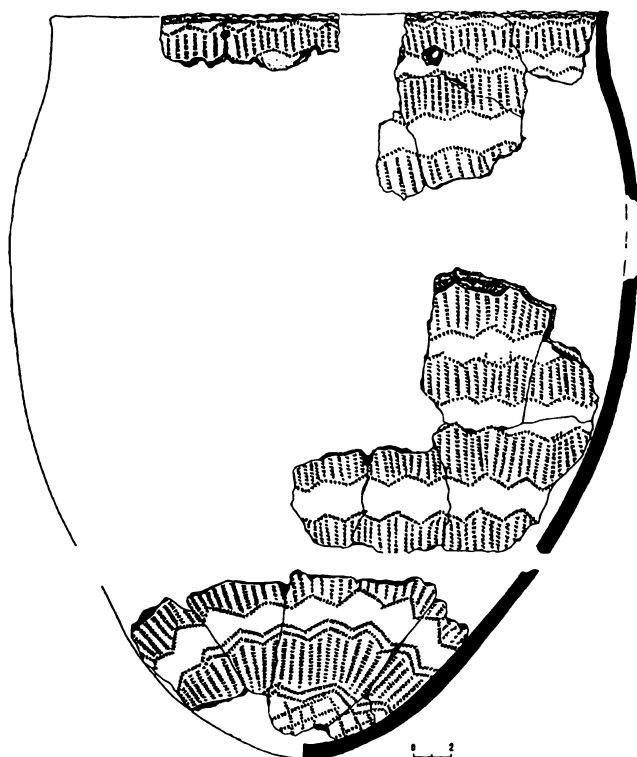

Рис. 1. Реконструкция сосуда

Ров практически прямой, точное направление по компасу – 330° (ССЗ). Заполнение рва – очень черный сырой гумус.

«Южный» ров имеет длину 7,8 м, ширину на всем протяжении 0,8 м, глубину 0,4 м. Южный конец также уходит в стенку раскопа. Ров прямой, направление по компасу 315° (СЗ). Является как бы продолжением «северного» после разрыва длиной 4,15 м между ними. Заполнение то же.

В заполнении обоих рвов найдены немногочисленные фрагменты керамики, относящиеся преимущественно к эпохе поздней бронзы, а также кости животных. Заполнение рвов пронизано норами роющих животных, впрочем, как и весь культурный слой памятника.

Рвы тянутся почти в одном и том же направлении, однако планиграфия показывает, что образуемая ими линия имеет заметную кривизну – она дугообразно выгнута к ЮЗ, что может указывать на округлую форму всего сооружения, при этом оно должно иметь значительные размеры.

Валы. Грунт, вынутый при рытье рвов, образовал, по крайней мере с внешней (западной) стороны «северного», невысокий, но выраженный вал, хорошо фиксирующийся стратиграфически на бровках и стенках. Высота его достигала 0,4–0,6 м. Выкид из «южного» рва располагался с внутренней (восточной) стороны, не образуя вала. Слабые следы его обнаружены в восточной стенке раскопа.

Столбовые ямы. В СВ части раскопа при зачистке материка выявлены 4 ямки диаметром 25, 32, 35 и 40 см и глубиной до 35 см – несомненные следы столбов. Расположение ям строго приурочено к концам рвов, и они отходят от них под прямым углом. «Аллея», образуемая столбовыми ямами, тянется от концов рвов в северо-восточном направлении (азимут 60°). Сочетание конструктивных элементов – разрыв между «северным» и «южным» рвами, «аллея» ям, тянущаяся от разрыва, – трудно трактовать иначе, нежели как вход в сооружение.

Каменная глыба. На линии, образуемой рвами, практически точно посередине разрыва между ними, обнаружена каменная глыба со следами обработки (подтесывания). Она имеет овальную форму, размеры 32 x 25 см, и уложена таким образом, чтобы длинной осью соответствовать линии рвов. Она была помещена в ямку, следы от которой сохранились в материковом гравии в виде темного пятна диаметром около 35–40 см, глубиной не более 2–3 см.

В 2007 г. была вскрыта площадь 132 м² южнее ранее исследованного участка. Особенность культурного слоя состояла практически в повсеместном отсутствии золистых прослоек. За исключением резкого сокращения материала энеолитического времени, состав находок практически не изменился.

При зачистке материка южнее описанной конструкции были выявлены более 10 столбовых ямок различного диаметра и глубины, не составлявших упорядоченной структуры, и большая яма диаметром 2,9 м, глубиной 2,5 м, функциональное назначение которой не совсем ясно. В заполнении ямы встречены фрагменты керамики эпохи поздней бронзы. Скорее всего, яма и столбовые конструкции связаны с функционированием бытового (?) комплекса эпохи поздней и финальной бронзы.

Ввиду культурной неоднородности памятника чрезвычайно важен вопрос о датировке и культурной принадлежности выявленного сооружения. Нами он на данном этапе решается в пользу энеолита, и аргументы при этом следующие:

1) Стратиграфия. Серый золистый слой, принадлежащий, без сомнения, эпохе поздней бронзы и являющийся, по всей вероятности, остатками мусорной свалки, во всех случаях перекрывает остатки сооружения, причем не только рвы, но и валы. Формирование этого слоя (функционирование свалки?) началось тогда, когда рвы были уже затянuty черноземом. Мощность серого золистого слоя возрастает в западном направлении, т. е. по мере приближения к краю террасы (удобному для свалки месту), в восточной же стенке раскопа и в южной части за пределами конструкции он почти не фиксируется.

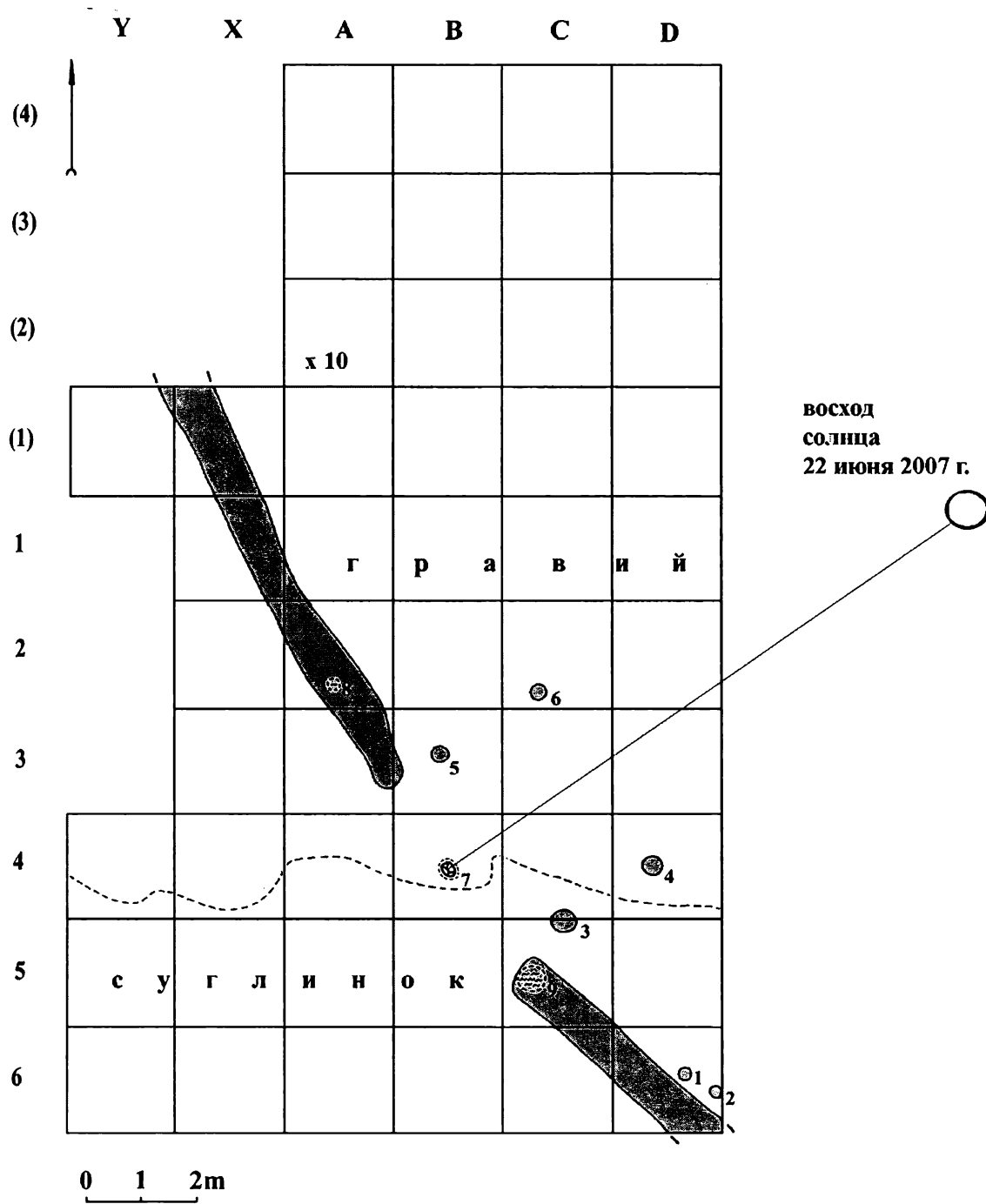

Рис. 2. План остатков святилища. 1-6 – столбовые ямы; 7 – каменная глыба; 8, 9 – остатки забутовки столбовых ям внутри траншей; 10 – развал энеолитического сосуда; ---- граница разных типов материкового грунта

2) Планиграфия находок. Планиграфические наблюдения показывают, что количество артефактов поздней бронзы возрастает от квадрата к квадрату в юго-западном направлении, к краю террасы, в то время как энеолитические находки, как фрагменты керамики, так и кремь, группируются преимущественно в северо-восточной части раскопов, т. е. внутри сооружения. В целом, планиграфия находок эпохи бронзы не показывает зависимости их от наличия сооружения, в то время как для энеолитических находок такая зависимость налицо.

3) Аналогии. Для эпохи поздней бронзы сооружения с рвами, валами, столбовыми конструкциями на Южном Урале и в регионах, территориально близких к нему, нам не известны. С другой стороны, в энеолитическое время такие сооружения имеются, это святилища Савин и Слободчики в Курганской обл., Велижаны – в Тюменской. Правда, масштабы их различны. Названные святилища относительно невелики, объект же, обнаруженный в Учалинском р-не, по всей вероятности, намного больше по размеру. Сопоставимые как по размерам, так и по конструктивным особенностям энеолитические святилища известны в западной и восточной Европе. Т.М. Потемкина любезно подсказала, что самую близкую аналогию данному объекту составляет археоастрономический памятник Тешетице-Коевице, расположенный в Южной Моравии. Особенно близко оформление входа в сооружение, с разрывом рвов и линией столбов, направленной внутрь.

Таким образом, энеолитическая датировка выявленного сооружения представляется наиболее вероятной, и выявленный объект, по-видимому, может быть включен в число так называемых «круглоплановых астроархеологических объектов» северной Евразии (Потемкина, 2001. С. 166–256). Это подтверждают и результаты первых астроархеологических наблюдений на памятнике. В оконечности рвов, в ямку, в которой находилась каменная глыба, и в столбовые ямки нами были вбиты деревянные столбы, что дало возможность 22 июня 2007 г. установить несомненную ориентировку входа в сооружение на точку восхода солнца в день летнего солнцестояния.

Неординарный характер данного сооружения, независимость его от ранее выявленного здесь памятника – стоянки эпохи поздней бронзы, дает нам право поставить вопрос о его особом наименовании. Предлагаемое название «Бакшай» – по имени ручья, ограничивающего площадку памятника с севера, представляется уместным и удачным. Оно позволит легко отличать два одновременных и разнофункциональных памятника, наложившихся друг на друга, является кратким и звучным, а также подходит выявленному памятнику по существу: «бакши», «баксы» во всех тюркских языках означает «шаман», что при вероятном культовом характере памятника очень уместно.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 08-01-84700 е/У).

АКБ – Археологическая карта Башкирии. М., 1976.

Матюшин Г.Н., 1982. Энеолит Южного Урала: Лесостепь и степь. М.

Мосин В.М., 2000. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск. Т. 1.

Потемкина Т.М., 2001. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии: Сб. статей. М.

Рафикова Я.В., Федоров В.К., 2006а. Энеолитическое святилище Бакшай в Южном Зауралье // Астрономическое и мировоззренческое содержание археологических памятников Южного Урала: Тез. докл. полевого семинара (19–25 июня 2006 г.). Челябинск.

Рафикова Я.В., Федоров В.К., 2006б. Энеолитическое святилище Бакшай в Южном Зауралье (предварительное сообщение) // Вестник ВЭГУ. Спец. вып. «Мир Востока». Ч. 2. Уфа.

Рафикова Я.В., Федоров В.К., 2007. Энеолитическое святилище Бакшай в Южном Зауралье (предварительное сообщение) // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография: Мат. междунар. конф. «Чтения памяти К.В. Сальникова». Уфа.

Н.В. Рындина*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова***И.Г. Равич***Государственный научно-исследовательский институт реставрации, Москва*

Естественнонаучные подходы к изучению проблемы происхождения и свойств мышьяково-никелевых бронз майкопской культуры Северного Кавказа*

Майкопская культура, датируемая ныне IV – началом III тыс. до н. э. (cal.), дает коллекции медно-бронзовых изделий, исчисляемых многими сотнями находок. Массовыми сериями представлены орудия, предметы вооружения, бытовые и культовые объекты. Ряд изделий отличается специфическими формами, типичными только для Северного Кавказа («псалии», двузубые вилки, крюки, котлы и пр.). Изучение состава майкопских бронз методами эмиссионного спектрального и микрорентгено-спектрального анализов позволило ныне получить химические характеристики 284 находок. По основным легирующим компонентам их металл подразделяется на две группы, обозначенные еще при первых анализах Е.Н. Черных (1966). Одну представляют мышьяковые бронзы (47% находок), вторую – мышьяково-никелевые (53%). На карте майкопских памятников и те, и другие распределены равномерно. В коллекции находок с никелем особую совокупность составляют изделия, в металле которых его содержание превышает 1%, а порою достигает 4–5 % (90 предметов). Замечено, что в таких сплавах и мышьяка всегда больше, даже если сделанные из них вещи типологически сходны с вещами из мышьяковой бронзы (Eaton, McKerrel, 1976; Tallon, 1987; Кореневский, 1984).

Очевидна разница в типологическом составе майкопских предметов обеих групп. Высоконикелевая включает предметы, уникальные по форме и технике изготовления. Среди них – известные изделия из основного погребения Майкопского кургана (мотыга, топор-мотыга, нож-бритва), из п. 5 к. 31 урочища Клады (топор-молоток с серебряной инкрустацией на обухе, два черенковых кинжальчика с выпуклыми нервюрами на клинке, ножи с ребрами на лезвии), нож с литой рукояткой из ст. Новосвободной, значительная часть кинжалов кишпекского типа (рис. 2: 3, 4). Остальные категории вещей находят место в обеих группах.

В Закавказье в синхронных коллекциях куро-аракской культуры мышьяково-никелевые бронзы отсутствуют (Геворкян, 1980). Зато широко известны

они в памятниках раннего бронзового века Ближнего Востока (периоды Урук – Джемдет Наср – эпоха ранних династий).

Взгляды исследователей на происхождение никеля в древних сплавах, в том числе и в сплавах майкопской культуры, резко расходятся. Можно обозначить два основных подхода к решению проблемы. Один связан с утверждением, что появление никеля в мышьяковых бронзах определялось их получением из комплексных руд сложного состава (Черных, 1966; Егорьков, 2002). Другой предполагает попадание никеля в бронзу с помощью добавления к меди минералов мышьяка и никеля (Кореневский, 1988; Галибин, 1991).

Проверить эти гипотезы можно только с помощью широкого привлечения естественнонаучных методов к исследованию майкопских изделий из мышьяково-никелевых бронз. Необходимо учесть данные геологии, минералогии, экспериментальной металлургии, электронной микроскопии, F-радиографии и других современных способов анализа древнего металла. В распоряжении лаборатории структурного анализа кафедры археологии МГУ находится уникальная коллекция из 200 образцов майкопских бронзовых изделий, собранных в музеях Северного Кавказа и Санкт-Петербурга. 40 образцов этой коллекции, связанных со сплавами медь-мышьяк-никель, были отобраны для исследования с помощью электронномикроскопического метода на установке «Сатебах». Анализ показал, что никель входит не только в матрицу сплавов, но также и в состав включений в виде окислов NiO и интерметаллических соединений Cu-Ni-As. В окислах никеля в ряде случаев удалось зафиксировать присутствие урана в тысячных – сотых долях процента. Проверочные исследования на уран с помощью F-радиографии подтвердили эти наблюдения. Кроме того, они показали, что ураном обогащены и приповерхностные зоны 25 майкопских изделий – 15 из погребений Прикубанья, 10 – из курганов Центрального Кавказа (рис. 1). Арсениды и арсенаты никеля в изобилии представлены на Северном Кавказе в

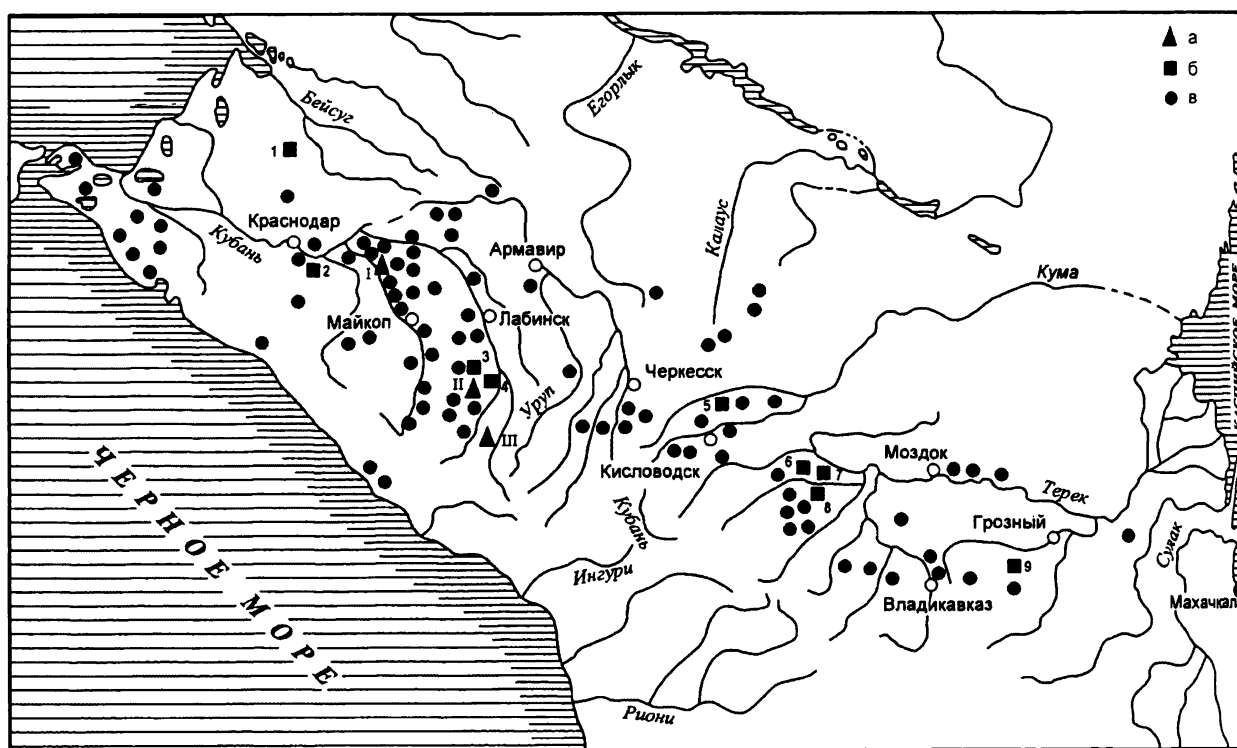

Рис. 1. Карта распространения майкопских памятников и месторождений мышьяково-никелевых руд Северного Кавказа. Обозначения: а – рудные месторождения: I – Белореченское; II – Даховское; III – Большелабинское; б – майкопские памятники; в – майкопские курганы, в которых найдены изделия из мышьяково-никелевых бронз, обогащенных ураном: 1 – курган у ст. Тимашевская; 2 – Псекупский могильник; 3 – курган у ст. Нововосободной (урочище Клады); 4 – курган у ст. Костромской; 5 – курган у пос. Иноземцево; 6 – курганы у сел. Чегем II; 7 – курганы у сел. Кишпек; 8 – курганы у сел. Чегем I; 9 – Бамутский могильник

верховьях рек Белой, Лабы и Зеленчука (Геология СССР. Т. IX). В их месторождениях особенно часто встречается никелин (NiAs), имеющий золотисто-бронзовый цвет. На Даховском и Белореченском рудопроявлениях в среднем течении р. Белой (рис. 1) никелин концентрируется в поверхностной их части вдоль разломов доломита. Поверхностные жилы с арсенидно-никелевым оруденением подстилаются залежами окислов урана (Казанцев, 1977). Местами они прорастают в никелин и присутствуют в нем в виде мелких фрагментов настурана (UO₂). Это не оставляет сомнений в том, что никель попадал в бронзы майкопской культуры в результате совместной плавки медных и мышьяково-никелевых минералов, связанных с Закубанскими рудопроявлениями Северного Кавказа, обогащенными ураном.

Чтобы оценить возможные результаты таких плавок, мы провели эксперименты по их воспроизведению. Для выплавки мы использовали смесь меди или малахита с никелином следующего состава: As – 56,1%; Ni – 44,9%. Расчет шихты производили таким образом, чтобы получить сплавы, близкие по составу к древним. Итоги экспериментов показали, что плавка малахита или меди с никелином позво-

ляет при нагреве до 1100–1200°C получить высококачественные бронзы без шлаков и дефектов, а главное, без потерь мышьяка. Анализ готовых сплавов установил, что между никелем и мышьяком возникает линейная зависимость, сходная с картиной корреляционной связи между основными компонентами майкопских бронз.

Использование древними металлургами тройных мышьяково-никелевых бронз ставит перед исследователями еще ряд вопросов. Во-первых, необходимо определить, оказывает ли присутствие никеля в двойных сплавах медь-мышьяк существенное влияние на их механические и технологические свойства, т. е. выяснить, чем обусловлено применение тройных мышьяково-никелевых бронз. Во-вторых, важно понять, какие изменения происходят в микроструктуре двойных сплавов при наличии никеля, т. к. показатели микроструктуры являются основой для расшифровки конкретных технологий изготовления изделий. Ответить на эти вопросы, обращаясь к современным металлургическим справочникам, невозможно, т. к. мышьяковые и мышьяково-никелевые бронзы не применяются в промышленности. Поэтому возникает необходимость создания собственных

модельных образцов, позволяющих изучить взаимосвязь между составом, режимом обработки и микроструктурой мышьяково-никелевых бронз.

Для изготовления модельных образцов мы использовали тройные мышьяково-никелевые бронзы различного состава, полученные в вышеописанных металлургических экспериментах. Методика их изготовления неоднократно описывалась в наших прошлых публикациях (Равич, Рындина, 1984; Ravich, Ryndina, 1995). Ниже приведены полученные нами основные выводы. Присутствие никеля в количествах 1,7–3,8% (вес.) в мышьяковых бронзах, содержащих 2,4–6,42% мышьяка, не приводит к заметному росту твердости сплавов после их холодной деформации. Эти показатели такие же, как в двойных сплавах, содержащих сходные количества мышьяка. Так, после холоднойковки с высокой степенью деформации значение микротвердости составляет 160–220 кг/мм². Изменения пластичности (ковкости) тройных мышьяково-никелевых сплавов подчиняется тем же закономерностям, что и в двойных бронзах с близким содержанием мышьяка. Добавление никеля к двойным мышьяковым бронзам приводит к повышению температуры их разупрочнения после холоднойковки до 600–700°C, в отличие от двойных сплавов, в которых наблюдается широкий температурный интервал разупрочнения в области температур 400–700°C, т. е. тройные сплавы менее технологичны. Отжиг после холодной деформации при 600°C приводит к формированию мелкозернистой структуры с диаметром зерна 0,01–0,03 мкм, повышение температуры до 700°C вызывает значительное укрупнение зерна – до 0,09–0,1 мм. Это позволяет определять температуру отжига после холодной деформации древних изделий, изготовленных из мышьяково-никелевых бронз.

В мышьяково-никелевых сплавах проявляется дисперсионное твердение, т. е. выделение мелких твердых частиц соединения Ni₅As₂ после нагрева бронзы до 700°C, ее охлаждения в воде или на воздухе, последующей холодной деформации и отжига в интервале температур 400–600°C. Максимум твердости (240 кг/мм²) достигается после отжига сплава при 400°C, но при этом падает пластичность бронзы; при 600°C происходит выделение частиц размером 0,5–1 микрон, твердость уменьшается до 110 кг/мм², но возрастает пластичность. Дисперсионное твердение наиболее выражено в сплавах, содержащих более 2% мышьяка и более 2% никеля.

Далее с помощью полученных наблюдений мы исследовали группу находок (43 предмета), которая включала кинжалы различных типов (рис. 2), тесла и топоры. Установлено, что они получены путем цикловковки литой заготовки (холодной с промежу-

точными отжигами или горячей), а в заключение их корпус и, в особенности, рабочая часть упрочнены холоднойковкой. Отжиг после холоднойковки осуществляли при температуре 600°C (тусклокрасное каление металла), что приводило к формированию структуры с мелкими полиэдрами. Такой тип структуры обеспечивает наилучшее сочетание прочности и пластичности. Это показывает, что древние мастера хорошо понимали свойства мышьяково-никелевых бронз и умели управлять режимом их термической обработки.

Особенности микроструктуры кинжалов показывают, что различные по типологии находки получали различными методами. Основной сложной по форме кинжалов с желобчатым лезвием или с уплощенной площадкой на лезвии (рис. 2: 5–11) являлась литая заготовка, близкая к ним по конфигурации. После литья черенок и лезвие формировали с помощью циклов холоднойковки и отжига и окончательно упрочняли их с помощью холоднойковки с высокой степенью деформации. Микротвердость лезвий достигала 180–220 кг/мм², но из-за значительной холодной деформации снижалась их пластичность. Простые по форме кинжалы (рис. 2: 1, 2) получали методом горячейковки, вероятно, из универсальной заготовки. В заключение их лезвия также упрочняли с помощью холоднойковки.

На двух кинжалах кишпекского типа (рис. 2: 11) выявлена особая обработка, которая позволила древним кузнецам упрочнить лезвия кинжалов, используя явление дисперсионного твердения тройных мышьяково-никелевых бронз. Литая заготовка кинжалов была прокована вхолдную в области черенка и лезвия и отожджена при 700°C. Далее конец клинка проковали с высокой степенью обжатия и отождгли при 600°C, что привело к появлению твердых дисперсных частиц и формированию структуры с очень мелкими полиэдрами. Окончательной обработкой этого участка былаковка с обжатием 20–40%, что повысило его твердость до 190–240 кг/мм². Вероятно, смысл подобной обработки состоял в том, чтобы получить высокую твердость острия кинжала в сочетании с достаточной пластичностью, обусловленной использованием отжига при 600°C и не слишком высокими степенями холодной деформации. При обычной обработке лезвий кишпекских кинжалов, описанной выше, такого сочетания достаточной твердости и пластичности не достигали.

По-видимому, в данном случае мы фиксируем первый пример закалки и отпуска (дисперсионного твердения) древнего сплава, с той оговоркой, что операция закалки, связанная с быстрым охлаждением изделия в воде, в случае мышьяково-никелевой

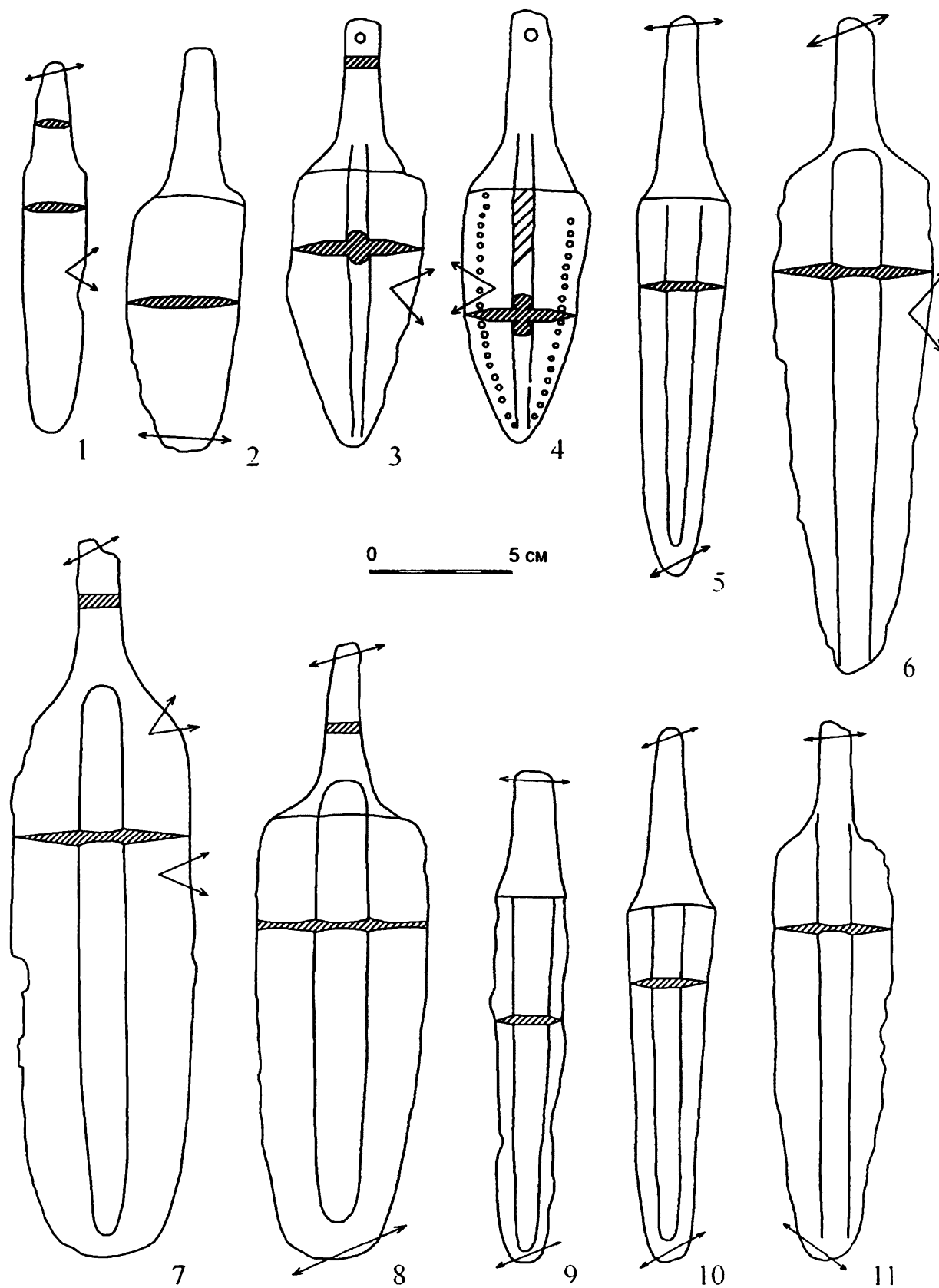

Рис. 2. Майкопские кинжалы, металл которых подвергнут микроструктурному анализу. Расположение шлифов отмечено секущей. 1, 5, 10 – Черем I; 2 – ст. Костромская; 3, 4 – урочище Клады, 31/5; 6 – ст. Тимашевская; 7 – Кишпек, 2/центральное погребение; 8 – Кишпек, 5/2; 9 – Черем II, 55/1; 11 – Черем II, 36/1

бронзы не являлась необходимой. Как показали наши опыты, закалка тройных бронз происходит и при их охлаждении на воздухе, т. е. древние мастера могли не фиксировать ее как особую операцию, используя охлаждение изделий на воздухе.

Проанализированные нами находки демонстрируют поразительное мастерство литейщиков и кузнецов майкопской культуры, которые хорошо пони-

мали природу мышьяково-никелевых бронз и умели получать сплавы необходимого состава с заданными свойствами.

* Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Металлургия меди и ее сплавов у майкопских племен Северного Кавказа (историко-культурный и технологический аспекты)» (проект 01-07-00066а).

Н.П. Салугина

Институт истории и археологии Поволжья, Самара

Керамика в погребальной обрядности населения раннего бронзового века Волго-Уралья*

1. Особенностью источниковой базы ямной культуры является тот факт, что она представлена в основном погребальными памятниками, по крайней мере на территории Среднего Поволжья и Приуралья стационарные поселения ямной культуры не обнаружены. Выявлена интересная особенность этих памятников: под курганами похоронены в основном мужчины и дети, и это вряд ли объясняется только тем фактом, что до недавнего времени антропологические определения проводились самими археологами – авторами раскопок. М.Д. Хлобыстина предположила, что женская часть коллектива хоронилась не в курганах, а на грунтовых кладбищах, «пока не изученных» (Хлобыстина, 1976. С. 31). Другой особенностью ямных погребальных памятников является то, что в погребения очень редко ставилась глиняная посуда. Этот факт отмечается многими авторами. При этом практически все исследователи, занимающиеся изучением культур всех хронологических этапов бронзового века, считают керамику культурообразующим признаком, выдвигают ее в качестве аргумента при решении многих спорных вопросов. Кроме того, этот факт малочисленности, иногда единичности, нахождения керамики в ямных памятниках интересен тем, что как в предшествующее время (хвалынская энеолитическая культура), так и в последующее (полтавкинская, затем срубная культура) керамика является почти обязательной частью погребального обряда.

2. Для анализа были отобраны опубликованные погребения с территории Волго-Уралья (Агапов и др., 1990; Богданов и др., 1992; Богданов, 2004; Васильев и др., 2000; Порохова, 1992). Была составлена корреляционная таблица, в которой учтены следующие признаки: место погребения в кургане (основ-

ное/впускное); организация могильной ямы: форма и конструктивные особенности, наличие подстилок и охры; возраст, пол, ориентировка, положение погребенного; наличие керамики и других вещей, разделенных по материалу изготовления.

Памятники, в которых зафиксирована керамика, составляют около 30% , при этом в Поволжье керамика встречается чаще, почти в 45% памятников, а в Приуралье – только в 24%. Следует особо сказать, что иногда керамика встречена в насыпи кургана, иногда происходит из грабительских вкопов и только предположительно может быть связана с тем или иным погребением.

В большинстве погребений, содержащих керамику, похоронены дети. Среди взрослых, в погребения которых была помещена глиняная посуда, преобладают пожилые мужчины. Причем, интересно, что керамику ставили в те погребения, где похоронен либо только один ребенок, либо только пожилой мужчина, либо пожилой мужчина и ребенок вместе. Другие погребения, содержащие керамику, нельзя назвать рядовыми. Это либо парные захоронения, где опять же один из погребенных – ребенок, либо неординарные, например, погребения двух черепов из Герасимовского II могильника. Единично зафиксированы случаи, когда керамику ставили в погребения молодых мужчин или молодых женщин. Вероятно, прослеженная зависимость, когда наличие керамики в погребении связано с захоронением ребенка и пожилого мужчины, отражает определенные закономерности погребального обряда.

Следует отметить еще одну интересную особенность. Часто в погребениях с керамикой встречаются и бронзовые предметы. Здесь зафиксирована несколько иная закономерность – бронзовые изделия

обнаружены в погребениях с керамикой в основном в следующих случаях: 1) когда в этих могилах похоронены мужчины зрелого и пожилого возраста; 2) пожилой мужчина и ребенок; 3) только дети. Таким образом, и по этой категории погребального инвентаря наблюдается некоторая зависимость между погребением детей и пожилых мужчин и наличием в их погребениях бронзового инвентаря, видимо достаточно дорогого и престижного.

В погребальном обряде средневожско-приуральского варианта ямной культуры, при наличии значительного сходства, наблюдаются и некоторые различия, обусловленные как территориальными, так и хронологическими особенностями. Если для памятников Самарского Поволжья больше характерно положение погребенных на спине с подогнутыми ногами, головой на восток, то для Приуралья массово выделяются положение погребенных на правом боку и северо-восточная ориентировка. Почти те же особенности демонстрируют и погребения, в которых встречена глиняная посуда. Сравнение ориентировки и позы погребенных пожилых мужчин и детей особых отличий не показали. И взрослые, и дети захоронены как на спине, так и на правом боку. Ориентировка преобладает северо-восточная в обеих возрастных группах.

3. Предварительный анализ погребений ямной культуры Нижнего Поволжья, в которых содержится керамика, показывает, что в большинстве их захоронены дети (Jones-Bley, 1999). Каких-либо отличий в хронологической позиции погребений с керамикой не наблюдается, т. е. на протяжении существования ямной культуры на Нижней Волге у данных племен существовал обычай ставить глиняную посуду в основном в детские погребения.

Сравнительный анализ погребальных комплексов с керамикой, относящихся к ямной и хвалынской культурам, позволяет отметить следующее: 1) в обоих случаях керамику ставили в основном в детские погребения; 2) среди взрослых погребений с керамикой преобладают мужские, причем мужчины по преимуществу – пожилого и старческого возраста; 3) среди совместных погребений нередки случаи погребения ребенка и мужчины; 4) часто в погребениях кроме керамики присутствует еще какой-то инвентарь, исключая оружие; нередко в погребения клали ножи, но эту категорию находок следует рассматривать скорее как бытовой предмет; 5) в хвалынских погребениях, при стабильности положения погребенного (спина), нестабильна ориентировка. В ямных же, напротив, при достаточно стабильной ориентировке наблюдаются колебания в позе погребенного (примерно равное количество положений на спине и на боку).

4. В результате рассмотрения погребального обряда средневожско-приуральского варианта ямной культуры и сравнения его с погребальным обрядом нижевожского варианта ямной культуры и I Хвалынского могильника эпохи энеолита выяснилось, что обычай сопровождать умерших керамикой распространялся в указанных племенных группах в основном на детей и, в несколько меньшей степени, на пожилых мужчин. Устройство могильных ям, положение погребенных детей во многом совпадает с обрядом захоронения взрослых.

Этому явлению можно дать следующие объяснения. И.Ф. Ковалева считает, что дети в ямном обществе рассматривались как наименее защищенная часть общества, поэтому им было необходимо дать с собой в другой мир все самое необходимое. В то же время, на детей как на часть общества распространялись все особенности погребального ритуала. Исследовательница предполагает наличие особых детских кладбищ. В то же время, она говорит в целом об общности основных элементов погребального обряда детей и взрослых, что является показателем средства межпоколенной передачи традиций, способом отнесения детей к определенной этнокультурной группе (Ковалева, 1998).

Отличие детских погребений от взрослых по наличию керамики может дать дополнительную информацию и о социальной структуре древнего общества. В социальной организации древних обществ существовали две модели, последовательно сменявшие друг друга: первая – система возрастных групп, критерием которой был реальный возраст; вторая – иерархия сословных групп, которая возникает с началом формирования права наследования (Агапов и др., 1990. С. 71). Авторы исследования по I Хвалынскому могильнику считают, что в хвалынском обществе существовали пережитки системы возрастных групп, но уже нарождались новые отношения. Одним из аргументов в пользу этого служит сближение статуса мужчин и детей, что проявляется в совместных их погребениях и наличии у них инвентаря, в частности глиняной посуды. Это свидетельствует уже о счете родства по мужской линии (Там же. С. 79–81).

Аналогичную картину мы наблюдаем и у «ямников», когда в обществе четко выделяются возрастные группы – дети, в основном, видимо, до возраста инициации, и пожилые мужчины, которые несут в обществе прежде всего «общественную нагрузку» передачи информации молодым членам общества. Отсюда сближение положения пожилых мужчин и детей, что проявляется, в частности, в наличии в этих погребениях глиняной посуды.

Кроме того, часть керамики находилась в насыпях курганов и служила для отправления каких-то

ядов, а в часть сосудов из погребений помеща-
охру, что также, видимо, связано с совершением
ытовых действий. Это также определяет неодно-
ичную и неординарную роль керамики в погреб-
ельной обрядности племен ямной культуры. В этих
учаях наличие керамики в погребениях маркиро-
по определенный социальный статус, возможно
еческий.

Таким образом, анализ наличия керамики в по-
ебениях дает исследователям еще один аргумент
обсуждению сложных вопросов социальной орга-
зации древних обществ.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
роект 07-01-26106а/В).

гапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.Н., 1990. Хва-
лынский энеолитический могильник. Саратов.
огданов С.В., 2004. Эпоха меди степного Приуралья.
Екатеринбург.

Богданов С.В., Кравцов А.Ю., Моргунова Н.Л., 1992. Кур-
ганы древнеямной культуры в левобережье р. Урал //
Древняя история населения Волго-Уральских степей.
Оренбург.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А., 2000. Ям-
ная и полтавкинская культуры // История Самарского
Поволжья с древнейших времен до наших дней. Са-
мара.

Ковалева И.Ф., 1998. Мир детства у ямных племен При-
днепровья // Проблемы археології Подніпров'я.
Дніпропетровськ.

Порохова О.И., 1992. II Герасимовский курганный мо-
гильник в Оренбургской области // Древняя история
населения Волго-Уральских степей. Оренбург.

Хлобыстина М.Д., 1976. Древнейшие могильники Ниж-
него Поволжья как палеосоциологические объекты //
Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куй-
бышев.

Jones-Bley K., 1999. Early and Middle Bronze Age Pottery
from the Volga- Don Steppe. Oxford.

**Ю.Б. Сериков¹, О.Н. Корочкова²,
С.В. Кузьминых³, В.И. Стефанов²**

¹ Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

² Уральский государственный университет, Екатеринбург

³ Институт археологии РАН

Бронзовый век Урала: новые перспективы*

Начало позднего бронзового века (ПБВ) в ле-
жостепной и таежной зонах к западу и востоку от
Урала ознаменовалось появлением археологиче-
ских культур, демонстрирующих высокий уровень
достижений в сфере металлургического и металлоо-
бработывающего производств. Одним из наиболее
ярких проявлений новых культурных образований
является характерный – по рецептуре сплавов и
морфологическим признакам – металлический ин-
вентарь сейминско-турбинского (СТ) типа, и пре-
жде всего орудия и оружие с тонкостенными втул-
ками. Бронзы СТ-типа в большинстве памятников
(преимущественно погребальных: Ростовка, Сатыга
XVI, Турбино, Сейма, Решное и др.) представле-
ны вместе с кремневыми и костяными изделиями
специфических форм, нефритовыми украшениями,
а в азиатском ареале еще и с керамической посудой.
В степной полосе Южного Урала в это же время рас-
пространяются памятники носителей абашевских
и синташтинских культурных традиций, чья ме-
таллообработка базировалась на иных морфолого-

технологических стандартах. Археологическая
картина ранней фазы позднего бронзового века (пе-
риод ПБВ 1) на Среднем Урале на этом фоне пред-
стает крайне невыразительной. Изделий сейминско-
турбинских, абашевских или синташтинских типов
здесь немного, да и те происходят в основном из
случайных сборов. Культурные образования нача-
ла ПБВ только-только намечены (карасьеозерский
тип), но их изучение не продолжено. До сих пор не-
ясно, когда начинается освоение многочисленных в
этом регионе меднорудных месторождений.

Отсутствие культурных и хронологических ре-
перов характерно и для постсейминского периода
(ПБВ 2), вплоть до формирования на Среднем Урале
андроноидной черкаскульской культуры. По сути,
единственным образованием, заполняющим здесь
постсейминскую лакуну, является коптяковская
культура, выделенная в 1960-е гг. К.В. Сальнико-
вым (1964). Долгое время она рассматривалась как
маломощное объединение местного горно-лесного
населения, испытавшего определенное воздействие

со стороны южных (петровская, алакульская и, возможно, абашевская культуры) соседей. Но в целом облик, хронологическая позиция и статус коптяковской культуры оставались невнятными. Определенный сдвиг в ее изучении наметился в связи с раскопками памятника Палкино 1 под Екатеринбургом, где были исследованы остатки жилища и несколько погребальных комплексов, содержащих помимо классической коптяковской керамики каменные и бронзовые изделия самусьско-кижировского облика (Викторова, 1999; 2001). В последние годы оживилось исследование коптяковских древностей Тюменского Притоболья.

Чрезвычайно интересные материалы, открывшие коптяковскую культуру с неожиданной стороны и в очередной раз показавшие, насколько мизерны существующие представления о бронзовом веке Урала, получены недавно Ю.Б. Сериковым при раскопках многослойной (от мезолита до средневековья) стоянки Шайтанское Озеро II на одноименном водоеме к северу от Екатеринбурга. Озеро небольшое (площадь зеркала – 1,48 км²), мелководное, проточное; берега низкие, большей частью заболоченные, лишь местами к воде подступают лесистые склоны невысоких гор. Памятник расположен на одном из мысов западного берега водоема, на высоте около 1,5–2 м от уреза воды. Приблизительная площадь стоянки более 3000 м².

На южной окраине памятника частично исследован археологический комплекс, который автором раскопок интерпретируется как культовый. Из двух заложённых здесь раскопов (около 100 м²) происходит более 130 бронзовых предметов. Среди них – орудия и оружие (6 целых и два фрагментированных кельта, 15 ножей и кинжалов, 5 ножей-скобелей, 2 втульчатых чекана, 2 ажурные рукояти, стамеска-долото, около десятка миниатюрных орудий типа шильев и острий, 13 обломков ножей и кельтов, модель наконечника копья и обломки двух копий), украшения (желобчатые браслеты, 2 целых височных кольца и фрагмент еще одного, сделанные из листовой меди), а также многочисленные отходы плавки и литья. Помимо изделий сейминско-турбинского (кельты и пластинчатые ножи) и евразийского (кинжалы с налитыми рукоятями, ножи с перекрестьем и перехватом) типов в коллекции есть серия явных петровско-алакульских импортов (целые и фрагменты желобчатых браслетов и колец). Как показали аналитические исследования, проведенные в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (88 образцов; ан. 49212–49299), основу коллекции составляют оловянные бронзы, невелика доля изделий из металлургически «чистой» меди и лишь одним образцом представлены мышьяковые

бронзы. Бронзовые изделия вместе с каменными орудиями и многочисленными наконечниками стрел сопровождалась керамикой коптяковского типа. Следует отметить, что артефакты бронзового века среди находок из раскопанной части культового памятника доминируют абсолютно – свыше 93%.

Все интересующие нас предметы залежали на небольшой – от 10 до 45 см – глубине, в толще легкого светло-коричневого суглинка мощностью 20–35 см, заполнявшего, в том числе, пространство между выходящими кое-где к поверхности гранитными валунами и глыбами. Однажды зафиксирована сложенная из гранитных отдельностей оградка размерами 0,8 x 0,4 м, вытянутая по оси запад – восток. В ней находились остатки костного тлена, мелкие обожженные косточки, вероятно от черепа младенца, и миниатюрный сосудик. Рядом с оградкой обнаружены два каменных наконечника стрелы, обломок браслета, кусочки охры и фрагменты 3–4 сосудов. Других погребений в раскопах не было.

Находки располагались иногда поодиночке, парно, но в основном образовывали более или менее компактные скопления (Ю.Б. Сериков полагает возможным рассматривать их как клады). Самое крупное из них (№ 2) достигало 7 м² и включало множество целых и сломанных бронзовых изделий (59 экз.), каменных наконечников и иных орудий, фрагментов керамики. Площадь остальных скоплений (1, 3–5) не превышала 2 м². В границах условных скоплений находки залежали вперемешку и на разных глубинных отметках; металлические предметы в них изредка попадались лежащими на ребре, в наклонном или даже вертикальном положениях (во втулку одного из забитых в землю кельтов был вставлен чекан, во втулку которого, в свою очередь, помещен бронзовый крючок). Скопления-клады формировались постепенно. Вряд ли вещи просто выкладывались на поверхности: скорее всего, их помещали в мелкие углубления, вырытые в рыхлом грунте, в том числе между камнями, и присыпали землей.

Наглядное, хотя и неполное, представление о богатстве и разнообразии металлического инвентаря можно получить из прилагаемых к тексту иллюстраций (рис. 1–3). Вещевой комплекс культовой площадки включает в себя также 195 каменных орудий, более сотни отщепов и 86 предметов случайного назначения. В коллекции преобладают наконечники стрел, дротиков и их заготовки – 121 ед. (основное сырье – разноокрашенные кремни и халцедон). По численности им значительно уступают скребки, изделия на пластинах, обломки шлифованных орудий. Небольшими сериями или единичными находками представлены отбойники, песты-терочники (среди них один – сапожковидный), точильные камни.

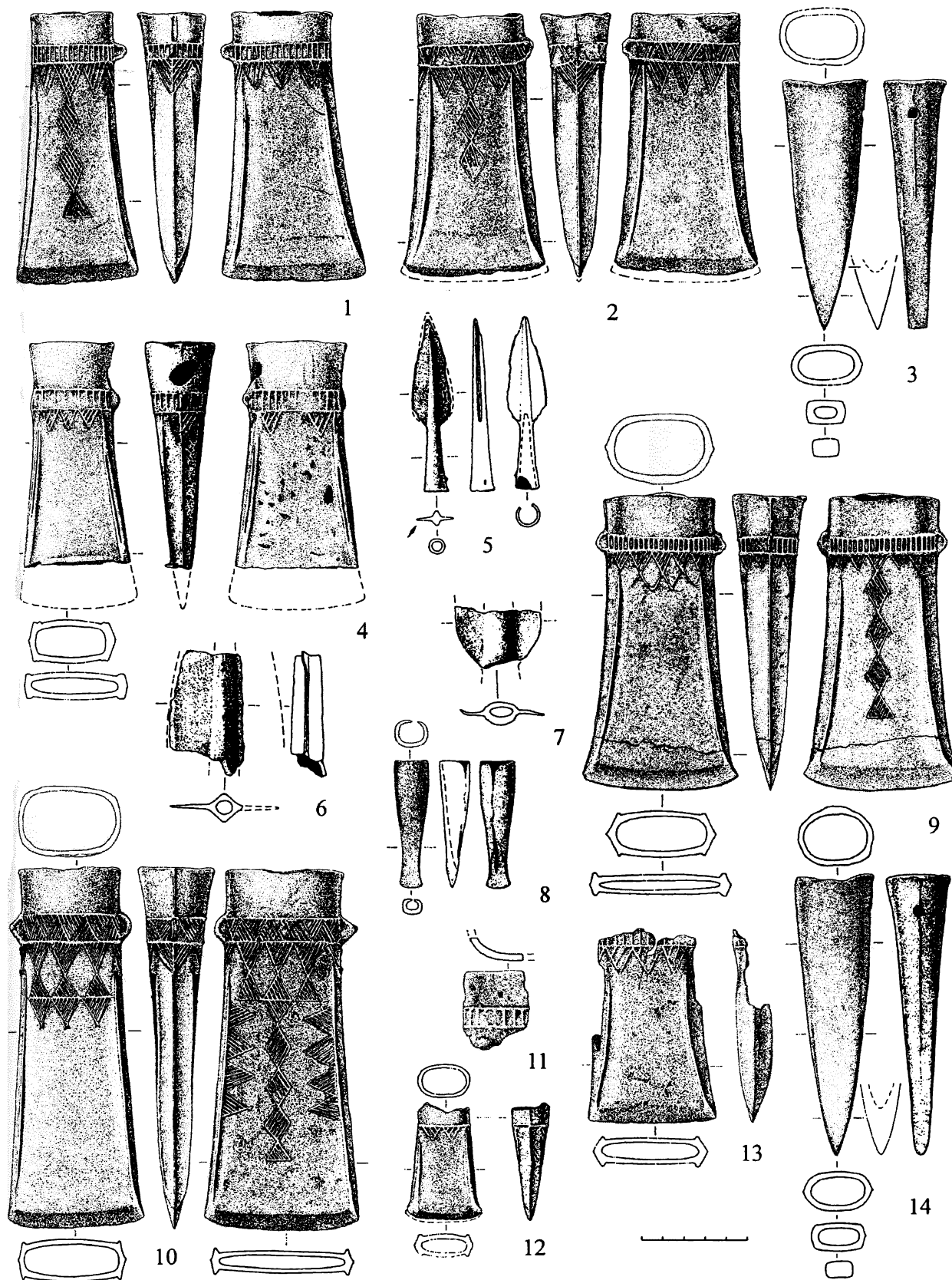

Рис. 1. Металлокомплекс памятника Шайтанское озеро II

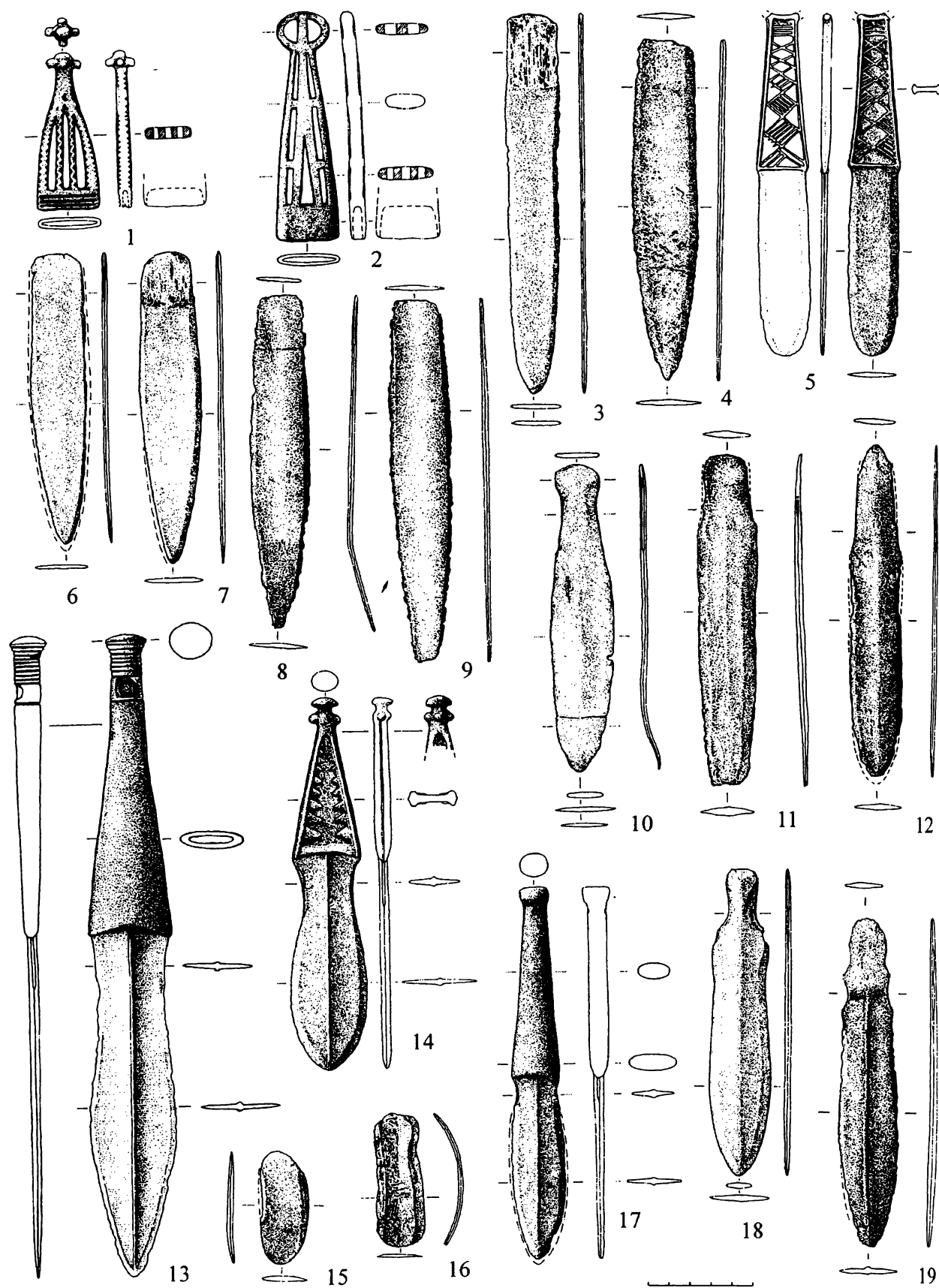

Рис. 2. Металлокомплекс памятника Шайтанское озеро II

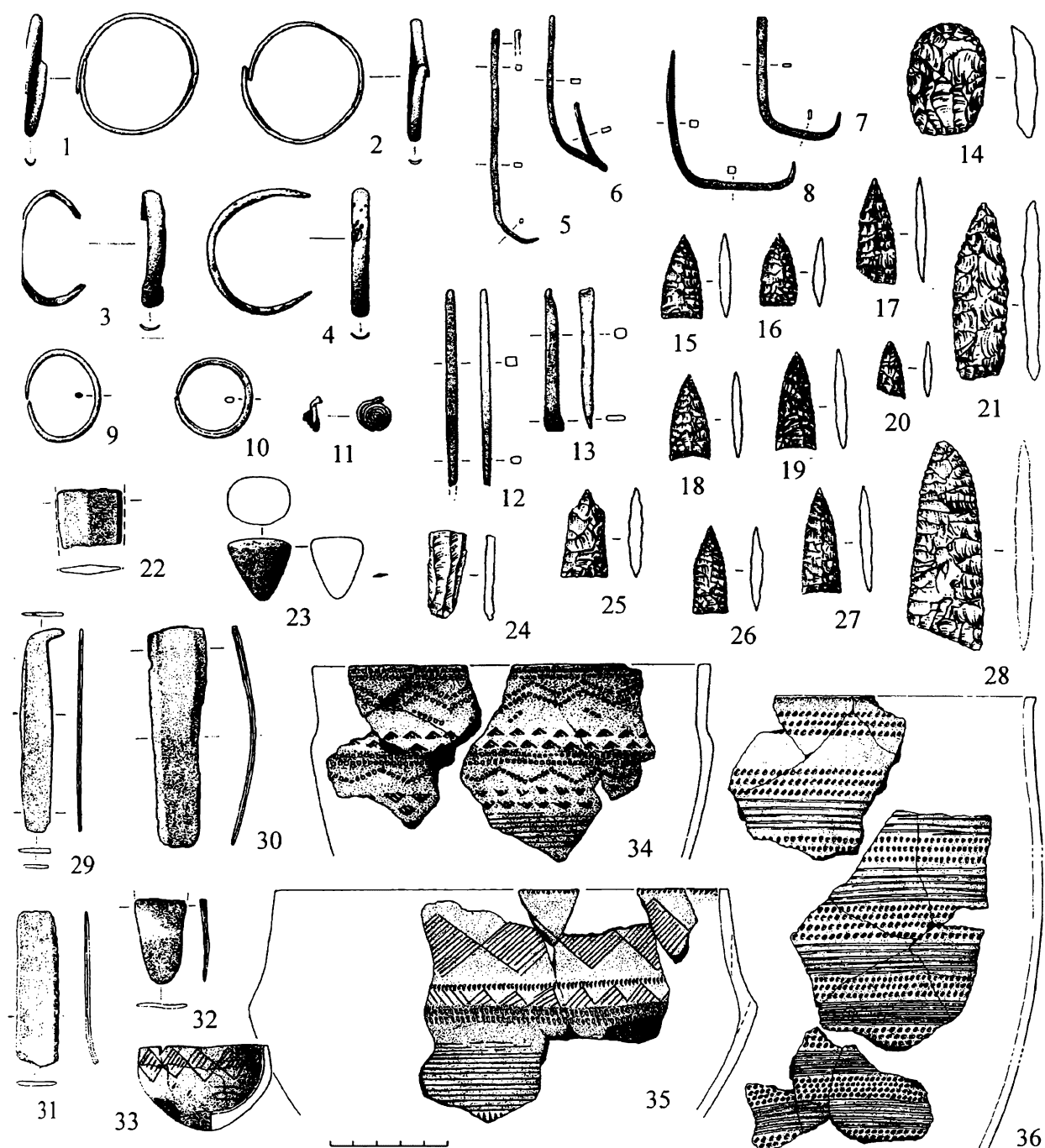

Рис. 3. Вещевой инвентарь памятника Шайтанское озеро II
(1-13, 22, 23, 29-32 – бронза; 14-21, 24, 28 – камень; 33-36 – керамика)

Наконечники стрел в большинстве своем треугольной формы, с прямым, слегка вогнутым или скошенным основанием; черешковых наконечников всего 2. На вскрытой площади не обнаружено следов изготовления орудий, но отмечены факты намеренного слома/фрагментирования некоторых каменных предметов. По целому ряду признаков шайтаноозерский кремневый инвентарь обнаруживает очевидное сходство с материалами известных памятников СТ-типа.

Керамическая коллекция содержит обломки (свыше 2100) примерно 30 сосудов. Вся посуда – с примесью тальковой дресвы в глине. Встречаются образцы оригинальных форм (например, с округлым дном, широко раскрытым устьем, ребристым и плавным профилем и др.) и декора, принципиально важные для решения вопросов генезиса и внешних связей коптыковской культуры.

Исследование культового комплекса Шайтанское

Озеро II только начато, но и полученных материалов уже достаточно для отнесения памятника к разряду в высшей степени уникальных, открывающих новые перспективы в изучении позднего бронзового века Северной Евразии, позволяющих предметно рассуждать о процессе сложения Евразийской металлургической провинции и вовлеченности в него населения горно-лесного Урала.

Материалы памятника раскрывают характер взаимодействия основных составляющих данного процесса – восточного (собственно сейминско-турбинского) и западного (евразийского) импульсов. Следует подчеркнуть, что металлокомплекс Шайтанского Озера II соответствует сейминско-турбинскому лишь отчасти. Из своеобразной триады бронзовых орудий и оружия СТ-могильников – кельты, вильчатые наконечники копий и пластинчатые ножи – здесь налицо лишь последние. Среди образцов наконечников копий нет ни одного с вильчатым стержнем пера. Кельты, сохраняя основные морфологические черты (пропорции, ребра жесткости) и характерный декор (поясок-лесенка и свисающие от него треугольники и ромбы) СТ-орудий, демонстрируют явное отступление от прежнего канона в оформлении ушек – все они «ложные». Последняя деталь, как известно, присуща кельтам кижировского типа, которые, наряду с безушковыми поясковыми кельтами самусьского типа, являются диагностирующими категориями инвентаря самусьско-кижировской металлообработки. Ареал последней охватывает таежные пространства Западной и Восточной Сибири от Урала до Прибайкалья в периоды ПБВ 2 и ПБВ 3. В целом материалы данного памятника в значительной мере подтверждают гипотезу Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых (1989) об определяющей роли СТ-традиций в формировании металлопроизводства позднебронзовых культур северной лесостепи и таежной зоны Урала и Западной Сибири. В свете новых открытий становятся более понятными механизмы формирования металлокомплексов алакульской и андронидных культур и степень влияния на них сейминско-турбинской и постсейминской металлообработки. С уверенностью можно говорить и о том, что начальная фаза сложения металлообработки самусьско-кижировского типа протекала на Среднем Урале и в прилегающих районах Западной Сибири.

Еще один важный аспект, связанный с изучением данного памятника, касается загадочного и необъяснимого отсутствия металла на поселениях бронзового века Урала при наличии многочисленных свидетельств самой металлообработки (тигли, льячки, литейные формы). Если учесть, что на культовые места типа Шайтанского Озера II в качестве

приношений сносили не только целые, но и бракованные предметы, лом, отходы плавки, литья иковки, то вряд ли отсутствие подобных артефактов в культурных слоях древних поселений должно нас теперь удивлять.

Разумеется, новые материалы ставят перед исследователями новые вопросы и актуализируют прежние. Дальнейшее археологическое изучение памятника потребует применения современных и оригинальных методик с целью извлечения максимально полной информации для ее дальнейшей интерпретации. Учитывая, что памятник располагается в зоне меднорудных месторождений, необходимо прояснить вопрос об освоении их в бронзовом веке и возможной связи с металлообработкой коптяковской культуры. С другой стороны, преобладание в коллекции, в том числе среди сырья (слитки, сплески и др.), оловянных бронз, возможно, свидетельствует о получении лигатуры и части металла из производящих центров андроновского мира. В числе первоочередных задач – установление источников поступления сырья для изготовления каменных орудий.

Особого внимания заслуживает разработка концепции коптяковской культуры, которая в свете новых открытий приобретает статус мощного культурного образования, сложившегося под влиянием двух основных импульсов ЕАМП. Остро стоит проблема абсолютного датирования памятника Шайтанское Озеро II и установления хронологической позиции коптяковской культуры в системе культур Евразийской провинции. Предварительная оценка керамики, химического состава металла и морфологии бронзовых и медных предметов Шайтанского Озера позволяет сделать вывод, что существование памятника относится к рубежу ПБВ 1 и ПБВ 2 или к началу последнего этапа, отмеченного сложением алакульской культуры и активизацией связей степного населения в северном направлении.

* Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ, проекты 06-01-00037а (О.Н. Корочкова, В.И. Стефанов), 08-01-00073а и 08-06-00136а (С.В. Кузьминых).

Викторова В.Д., 1999. Коптяковская культура в горно-лесном Зауралье // III Берсовские чтения: К 95-летию А.А. Берса и 90-летию Е.М. Берс. Екатеринбург.

Викторова В.Д., 2001. Погребальные комплексы на острове Каменные Палатки // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург. Вып. 4.

Сальников К.В., 1964. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // ВАУ. Вып. 6.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.

Л. А. Соколова

Институт истории материальной культуры РАН

Сосуществование окуневского и афанасьевского комплексов

В настоящее время в археологии ранней бронзы Минусинской котловины господствует теория последовательной смены афанасьевской и окуневской культур, предложенная Г.А. Максименковым (1965. С. 168–175) и впоследствии развитая им (Максименков, 1975).

Методика выделения окуневской культуры Г.А. Максименковым была выдержана в рамках традиционных типологических построений, основанных на жесткой вертикальной схеме расположения культур. По сути, выделением окуневской культуры дополнялась «периодизация древних металлических культур Минусинского края», предложенная С.А. Теплоуховым (1929). В схеме Г.А. Максименкова окуневская культура поместилась между афанасьевской и андроновской культурами (Максименков, 1975). Для этого у автора имелись серьезные основания, т. к. окуневские каменные ящики «типа Черновая VIII» зачастую оказывались впускными в афанасьевские курганы, что было воспринято как безусловное доказательство более поздней даты окуневской культуры в целом.

В решении этого вопроса основную роль сыграло то обстоятельство, что раскопанный Г.А. Максименковым могильник Черновая VIII был объявлен «эталонным памятником» окуневской культуры (Максименков, 1980). Однако этот могильник в целом оказался довольно поздним по времени, т. к. в его керамическом комплексе присутствуют поздние орнаментальные схемы с кольцевыми нарезками у венчика и дна. Такая керамика находилась во впускных могилах, перекрывавших афанасьевские могилы в афанасьевских курганах. По этой логике: раз «эталонный памятник» позднее афанасьевских курганов, то и сама культура более позднего времени.

Причем, по мнению автора, окуневские могилы появляются в афанасьевских комплексах только как впускные и более поздние по времени. Безусловно, целый ряд окуневских могил действительно перекрывает афанасьевские, но это далеко не единственный вариант их контакта. Часть памятников, рассматривавшихся в работе, имеет признаки как окуневской, так и афанасьевской культур, которые невозможно объяснить логикой впускного захоронения. Эти памятники рассматривались автором под особым критическим углом, поскольку они яв-

но противоречили его концепции. Так, курган Тас-Хаза (крупнейший в проблематике), раскопанный А.Н. Липским в 1957 г., в тексте диссертации был объявлен памятником, который нельзя «использовать для широких исторических выводов» (Максименков, 1975. С. 29). В этом кургане зафиксировано не только совместное положение окуневцев и афанасьевцев в одном погребении (могила 4), но и уникальный случай прямой стратиграфии, когда в ярусном захоронении погребение с афанасьевским инвентарем перекрывает погребение с окуневским (могила 2). В Тас-Хазе зафиксировано совместное нахождение окуневского и афанасьевского инвентаря в одном закрытом комплексе (рис. 1).

А.Н. Липским была подготовлена монография о раскопках в Тас-Хазе, которая и поныне не опубликована. Спустя почти 50 лет после открытия Тас-Хазы отчет о раскопках А.Н. Липского с критическими замечаниями Э.Б. Вадецкой был опубликован под двумя фамилиями (Липский, Вадецкая, 2006). В заключение Э.Б. Вадецкая пишет: «Эти окуневцы могли проживать в поселках афанасьевцев либо поблизости в качестве “администрации” или “миссионеров”, распространявших свое влияние на афанасьевцев» (Там же. С. 30).

Во второй главе диссертации «Отдельно найденные и впускные окуневские могилы из афанасьевских курганов» Г.А. Максименков рассматривает 19 памятников, в которых автор указывает наличие впускных могил. Действительно, практика сооружения впускных погребений характеризует всю окуневскую погребальную традицию. Однако 9 из указанных автором относятся к единственным погребениям, сооруженным в круглых оградах афанасьевского типа (Афанасьева Гора, к. VI; Уйбат-Хулган, к. 2; Моисеиха, к. 5, к.24, м. 2; Тесь II, к. 9; Верхний Аскиз, к. 2; Аскиз; Бельтыры, к. 6). В этих случаях Г.А. Максименков предполагает, что авторы просто не нашли основное (афанасьевское) погребение.

На эту ситуацию обратила внимание Э.Б. Вадецкая: «Наиболее сложно разобраться с могилами, содержащими смешанные материалы (Уйбат-Хулган, Афанасьева гора, огр. 6, Большое кольцо, Тас-Хаза, Карасук VIII). Они обнаружены не одним, а несколькими археологами, и поэтому объяснять смешанные

Тас-хаза

А.Н. Липский, 1957 г.

Рис. 1. Комплексы кургана Тас-Хаза

комплексы случайностью, результатом того, что авторы раскопок не разобрались в стратиграфии могил, как это делает Г.А. Максименков, видимо, нет основания» (Вадецкая, 1986. С. 28).

В отличие от Г.А. Максименкова, Э.Б. Вадецкая допускала этап сосуществования: «Очевидно, среди этих могил есть одновременные, и частое использование окуневцами афанасьевских кладбищ представляется неслучайным. Возможно, некоторые поселки состояли из представителей разнокультурных племен, хоронивших своих родственников каждый по-своему. Постепенно жившие в этих поселках афанасьевцы восприняли окуневскую культуру» (Вадецкая, 1986. С. 35).

Аналогичную точку зрения высказал и Я.А. Шер: «Если отказаться от идеи строго последовательной смены одних культур другими и допустить возможность их (окуневцев и афанасьевцев. – Л.С.) синхронного сосуществования в разных экологических нишах, все становится на свои места» (Шер, 1994).

Безусловной заслугой М.Д. Хлобыстиной является признание сосуществования окуневской и афанасьевской культур и выделение синкретических признаков в погребальной обрядности и в керамике: «Погребения тасхазинского типа в составе афанасьевских могильников, относящиеся ко времени функционирования последних» (Хлобыстина, 1973. С. 37).

Однако подтверждение сосуществования культур не ограничивается фиксацией разнокультурного инвентаря в погребениях; открыты и памятники, где признаки обеих культур образуют неразрывный гибридный комплекс.

На примере керамики это демонстрирует появление в смешанных комплексах сосудов типа «Г» 1–3 (Соколова, 2002. С. 233). При маленьком плоском дне эти сосуды сохраняют афанасьевскую профилировку с отогнутым венчиком и раздутым туловом. Поверхность сосудов, как правило, гладкая, цвет черепка красноватый. Орнаментация в большинстве случаев – афанасьевская или с элементами окуневского декора. Г.А. Максименков считал такие сосуды окуневскими «сосудами с изогнутым профилем» (Максименков, 1975. С. 9), хотя мне представляется очевидным глубокий синкретизм этой керамики.

Интересно, что сами представители смешанного окуневско-афанасьевского комплекса, по всей видимости, осознавали свою двойственную природу. Это можно заметить, в частности, по материалам могильника Пистах (Подольский, 1997). Здесь афанасьевский и окуневский курганы сооружены в непосредственной близости друг от друга, в обоих есть гибридные сосуды типа «Г», одна из курительниц

в окуневском кургане имеет афанасьевский облик (рис. 2: 1, 2). Но самое интересное то, что конструкция окуневского кургана явно отражает идею совместности двух традиций. Судя по чертежу и разрезу (Подольский, 1997. С. 114. Рис. 1), в квадратную ограду из врытых плит здесь вписано каменное кольцо, лежащее на насыпи внутри ограды.

Интересную картину можно наблюдать на примере ограды 4 могильника Карасук III (Грязнов, 1999. С. 34, 35. Рис 3, 35). Здесь вокруг двух больших могил располагались 8 детских могил. Керамика из последних представлена как яйцевидными формами, так и плоскодонными. Плоскодонные сосудики из могил 7 и 8 имеют отогнутый венчик и раздутое тулово, второй сосудик с ушками для подвешивания – баночной формы (рис. 2: 6).

Аналогичная ситуация отмечается и в могильнике Летник VI, раскопанном М.Н. Пшеницыной, но, к сожалению, не опубликованном. Здесь также в детских могилах появляются плоскодонные баночные сосудики, но изготовленные по правилам афанасьевского гончарства, с расчесами на поверхности.

Однако подобные плоскодонные сосуды нередко встречаются и в основных погребениях: Бельтыры, ограда 6 (рис. 2: 3); Моисеиха, к. 9 (рис. 2: 4); Моисеиха, к. 19 (рис. 2: 5); Афанасьева Гора, м. 26 (Грязнов, 1999. Рис. 11, 5).

Взаимодействие двух культур и процессы взаимной ассимиляции находят отражение в многочисленных памятниках, часть из которых, к сожалению, не опубликована по разным причинам до сих пор. Это обедняет фактологическую базу и создает ложное впечатление изолированности культурных традиций.

Анализ памятников демонстрирует тот факт, что афанасьевская культурная традиция находилась в развитии параллельно с окуневской и в процессе этого развития происходила их гибридизация. Однако, на мой взгляд, говорить о тотальном включении всего населения этих этносов в процессы ассимиляции не приходится. Речь, по всей видимости, может идти только о небольшой части соседнего населения, вступающего в дуально-фратриальные отношения друг с другом.

Анализируя признаки керамики, происходящей из могил, впущенных в афанасьевские ограды, можно сделать вывод, что самые ранние формы этой керамики (Карасук VIII, Афанасьева Гора) сформированы не раньше второго хронологического этапа окуневского культурного комплекса. Здесь нет ни одного круглодонного сосуда ранней группы «А». Самый поздний – Тас-Хаза – относится к началу третьей хронологической группы, т. к. здесь в орнаментальных схемах присутствуют поздние признаки –

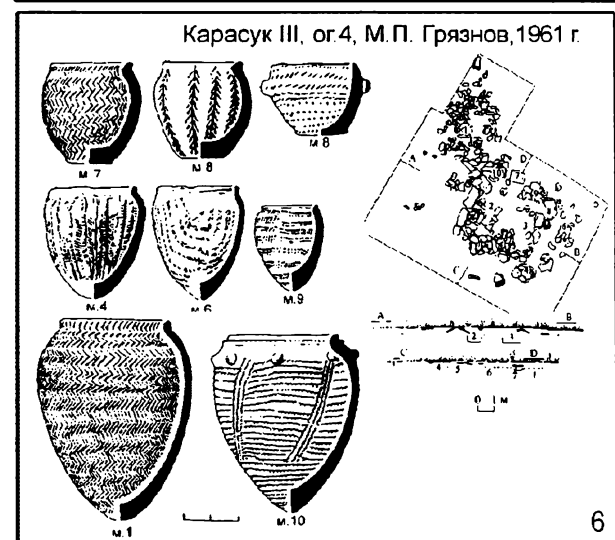
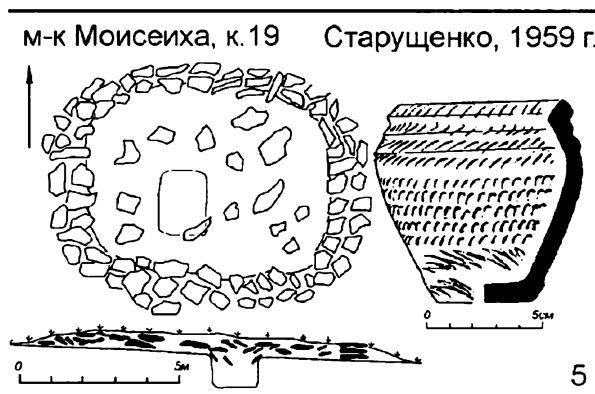
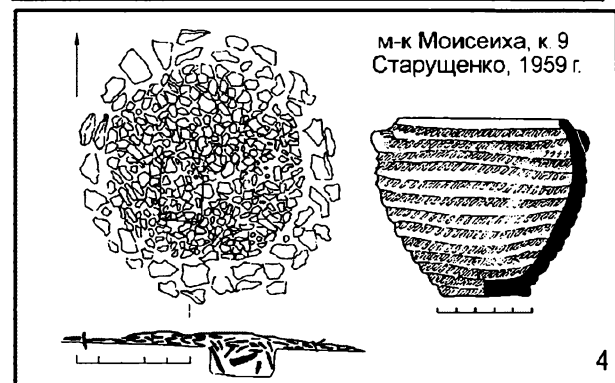
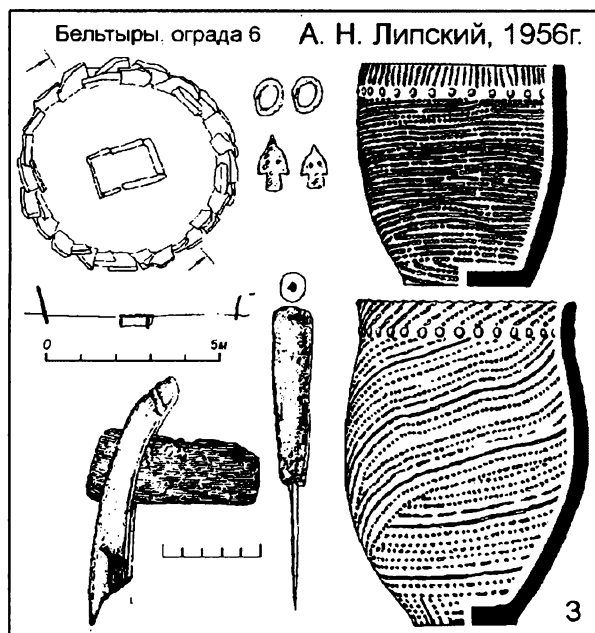
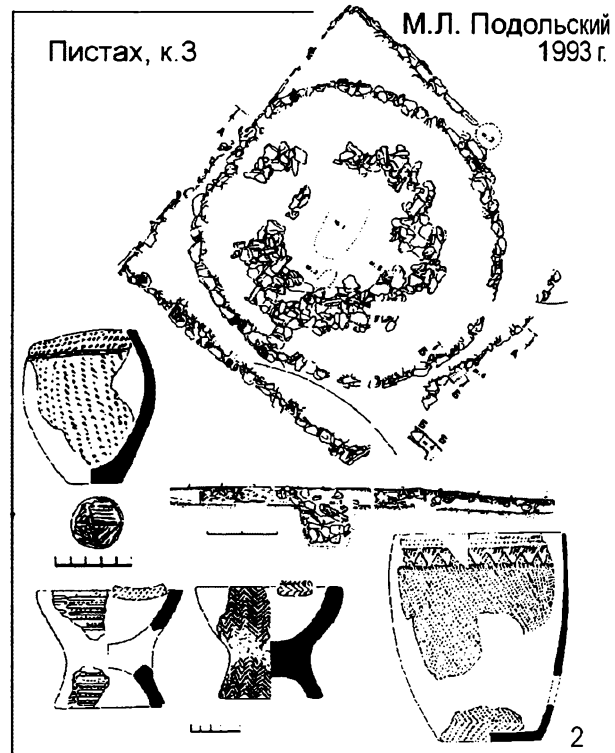
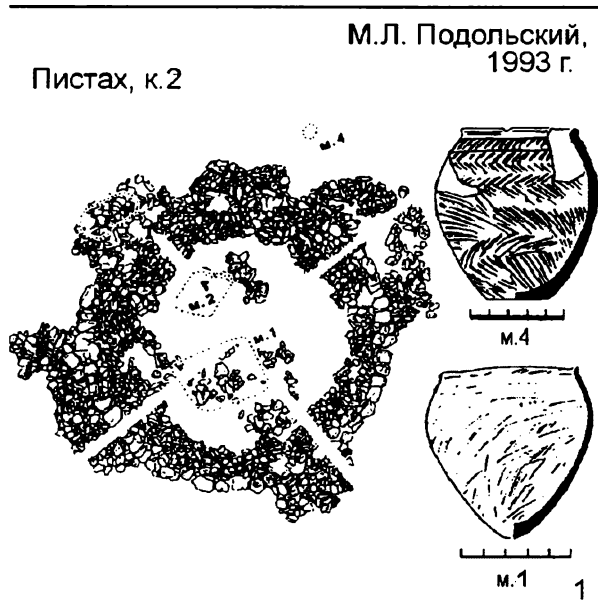

Рис. 2. Гибридные окуневско-афанасьевские комплексы

кольцевые нарезки под венчиком. Т. е. окуневско-афанасьевский контакт приурочен ко времени активного формирования традиций развитого окуневского гончарства. Окуневский социум находился на подъеме своего развития и смог противостоять вторжению чуждой культурной традиции, что можно наблюдать на примере гончарства, которое демонстрирует непрерывную линию эволюции. В то же время, можно зафиксировать влияние окуневской традиции на афанасьевскую керамику и погребальный обряд.

- Вадецкая Э.Б., 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.
- Грязнов М.П., 1999. Афанасьевская культура на Енисее. СПб.
- Максименков Г.А., 1965. Окуневская культура в Южной Сибири // МИА. № 130.
- Максименков Г.А., 1975. Окуневская культура: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. Новосибирск.

- Максименков Г.А., 1980. Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. Л.
- Подольский М.Л., 1997. Два окуневских памятника на ручье Узунжол // Окуневский сборник. СПб.
- Соколова Л.А., 2002. Характеристика и типология окуневского керамического комплекса // Степи Евразии в древности и средневековье: К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб.
- Теплоухов С.А., 1929. Опыт классификации древних металлургических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Т. IV. Л.
- Липский А.Н., Вадецкая Э.Б., 2006. Могильник Тас-Хазаа // Окуневский сборник. СПб. 2.
- Шер Я.А., 1994. Об одном из «великих переселений народов»? // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул.
- Хлобыстина М.Д., 1973. Происхождение и развитие культуры ранней бронзы Южной Сибири // СА. № 1.

Н.Ф. Степанова

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Барнаул

Афанасьевская культура и древнеямная КИО: сходство и различие

Вопрос о происхождении афанасьевской культуры по-прежнему не решен. Высказываются разные точки зрения, в том числе и гипотеза о происхождении афанасьевской культуры от древнеямной. В данной работе подводятся краткие итоги сравнения основных признаков погребального обряда афанасьевских и древнеямных памятников.

Памятники афанасьевской культуры известны в Горном Алтае, Красноярском крае (Минусинская котловина, Тува, Хакасия), Монголии. На Енисее раскопано 309 могил, в Горном Алтае – около 220, в Монголии – менее 10 погребений. Выделены локальные варианты афанасьевской культуры (Цыб, 1984; Вадецкая, 1986; Новгородова, 1989; Эпоха энеолита и бронзы... 2005. Табл. 1).

Памятники древнеямной КИО известны от Южного Приуралья до Днестра. Н.Я. Мерперт выделил 9 локальных вариантов КИО, в каждом из них обрядовые группы и хронологические этапы (Мерперт, 1974). После выхода монографии Н.Я. Мерперта накоплен огромный материал, выделены новые археологические культуры и локальные варианты древнеямной КИО. Часть памятников, которые считались

ранними древнеямными, теперь относят к другим археологическим культурам (Ковалева, 1984; Дергачев, 1986; Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986; Яровой, 1990; Дремов, Юдин, 1992; Кияшко, 1994; Турецкий, 1999; Проблемы изучения... 2006; и др.). Волжско-уральский вариант ближе всех находится к афанасьевской культуре, с нижнеднепровским отмечается наибольшее сходство (Абдулганеев, Плахин, 1982). Древнеямных погребений раскопано намного больше, чем афанасьевских, например, только в нижнеднепровском варианте около 500, в южнобугском – около 1400.

По основным признакам погребального обряда афанасьевские и древнеямные памятники различаются:

1) афанасьевские надмогильные конструкции сооружены из камня (рис. ...), древнеямные имеют земляные насыпи (использование камня зафиксировано в отдельных курганах и районах, например в Нижнем Поднепровье, Днестро-Пруто-Дунайском междуречье);

2) на всей территории ямной культуры отмечен обычай перекрывать могилы бревнами, досками,

плахами или жердями (Фисенко, 1970). У афанасьевцев Горного Алтая перекрытия из дерева составляют около 17%, из плит – более 30%.

3) для афанасьевской культуры Горного Алтая характерна ориентация погребенных головой на юго-запад и запад (более 70%); на восток, ВСВ и северо-восток ориентированы только 15% погребенных. На Енисее ориентация на восток и северо-восток не отмечена (Вадецкая, 1986; Степанова, 2005). Для древнеямных памятников характерны восточная и северо-восточная ориентировки. Например, в Нижне-Волжском районе на восток и северо-восток ориентирован 71% погребений (на запад и юго-запад – только 6%, и большинство из них впускные), в Волго-Донском междуречье и Предкавказье СВ – 70–90%. В южнобугском варианте ведущей ориентацией для основных захоронений является восточная и северо-восточная, преобладающая также и во впускных, но сравнительно большой процент составляет ориентация на северо-запад, юго-запад и запад (Фисенко, 1970; Мерперт, 1974; Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986);

4) в древнеямных захоронениях зафиксирована меловая подсыпка, в афанасьевских ее нет;

5) Инвентарь находят более чем в 70% афанасьевских могил. Для древнеямных памятников характерна бедность или полное отсутствие инвентаря, например, в Орельско-Самарском междуречье инвентарь встречен в 17,3% погребений, в Нижне-Волжском районе – в 30%, в Днестро-Пруто-Дунайском междуречье – в 37% (Фисенко, 1970; Ковалева, 1984; Мерперт, 1974; Дергачев, 1986; Яровой, 2006).

Общее для афанасьевских и древнеямных памятников – это грунтовые могилы, использование охры, положение погребенных на спине с согнутыми в коленях ногами. Отмечают сходство антропологи (Алексеев, 1961; Фирштейн, 1967; Солодовников, 2005).

Есть признаки, которые редко, но встречаются в афанасьевских и древнеямных памятниках, например захоронения на правом боку и курильницы. Захоронения на правом боку относятся к поздним (Фисенко, 1970; Мерперт, 1974; Ковалева, 1984; Цыб, 1984). В Горном Алтае обнаружено 9 курильниц в погребениях и несколько на поселениях. Не так много курильниц и на Енисее. В древнеямных курганах курильниц тоже мало и встречаются они в поздних могилах.

Первоначально сходство афанасьевских и древнеямных памятников усматривалось в наличии погребений, совершенных вытянуто на спине, ориентации на северо-восток и восток, остродонной керамике (Хлобыстина, 1974; Вадецкая, 1979).

Сейчас, когда исследовано более 500 афанасьевских могил, очевидно, что афанасьевцы не хоронили вытянуто на спине. Пять безынвентарных захоронений арагольского типа из Горного Алтая – не афанасьевские, их культурная принадлежность вызывает споры (Степанова, 2000; 2001; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2004; Абдулганеев, 2006).

Погребения, совершенные вытянуто на спине уже не относят и к древнеямным. Они оставлены представителями других культур, которые нередко предшествуют древнеямным (Ковалева, 1984) Ранний этап в развитии ямной культуры связывается теперь с распространением «классических», по Н.Я. Мерперту, ямных погребений со скорченными на спине, ориентированными на восток, окрашенными костяками (Турецкий, 1999; Тесленко, 2006 и др.).

Афанасьевские и древнеямные остродонные сосуды различаются между собой формой и пропорциями, орнаментом. Сходство форм отмечено только у некоторых изделий из Нижнего Поднепровья, Ингула и афанасьевских из Горного Алтая (рис. 1). Для эпохи энеолита в целом характерна остродонная посуда, поэтому наличие острого дна нельзя рассматривать как показатель сходства культур.

В целом между афанасьевскими и древнеямными памятниками наблюдаются существенные различия. Сходство прослежено в единичных случаях, и больше других – с южнобугским и нижнеднепровским вариантами. Погребальный обряд и инвентарь не позволяют сделать вывод, что происхождение афанасьевской культуры непосредственно связано с древнеямной. Такие признаки, как положение на спине с согнутыми в коленях ногами, окраска охрой, характерны и для других культур, в том числе более ранних. Наличие некоторых поздних признаков (положение на правом боку, курильницы), возможно, свидетельствует о контактах и синхронности развития культур. Вряд ли можно придавать особое значение тому, что у афанасьевцев известно несколько случаев ориентации погребенных на северо-восток и восток. Подобная ориентация характерна и для неолитических памятников многих территорий, а у афанасьевцев она совпадает, как правило, с другими необычными для этой культуры чертами. И.Н. Хлопин (1969) предположил, что ямную и афанасьевскую культуры следует рассматривать как происходящие из среднеазиатского междуречья, но разошедшиеся в противоположные стороны; их позднейшая специфика зависела от конкретных географических условий, в которые они попали, но исходная основа была общей. Точку зрения о едином центре поддержал Ю.Ф. Кирюшин (1991). С происхождением населения древнеямной

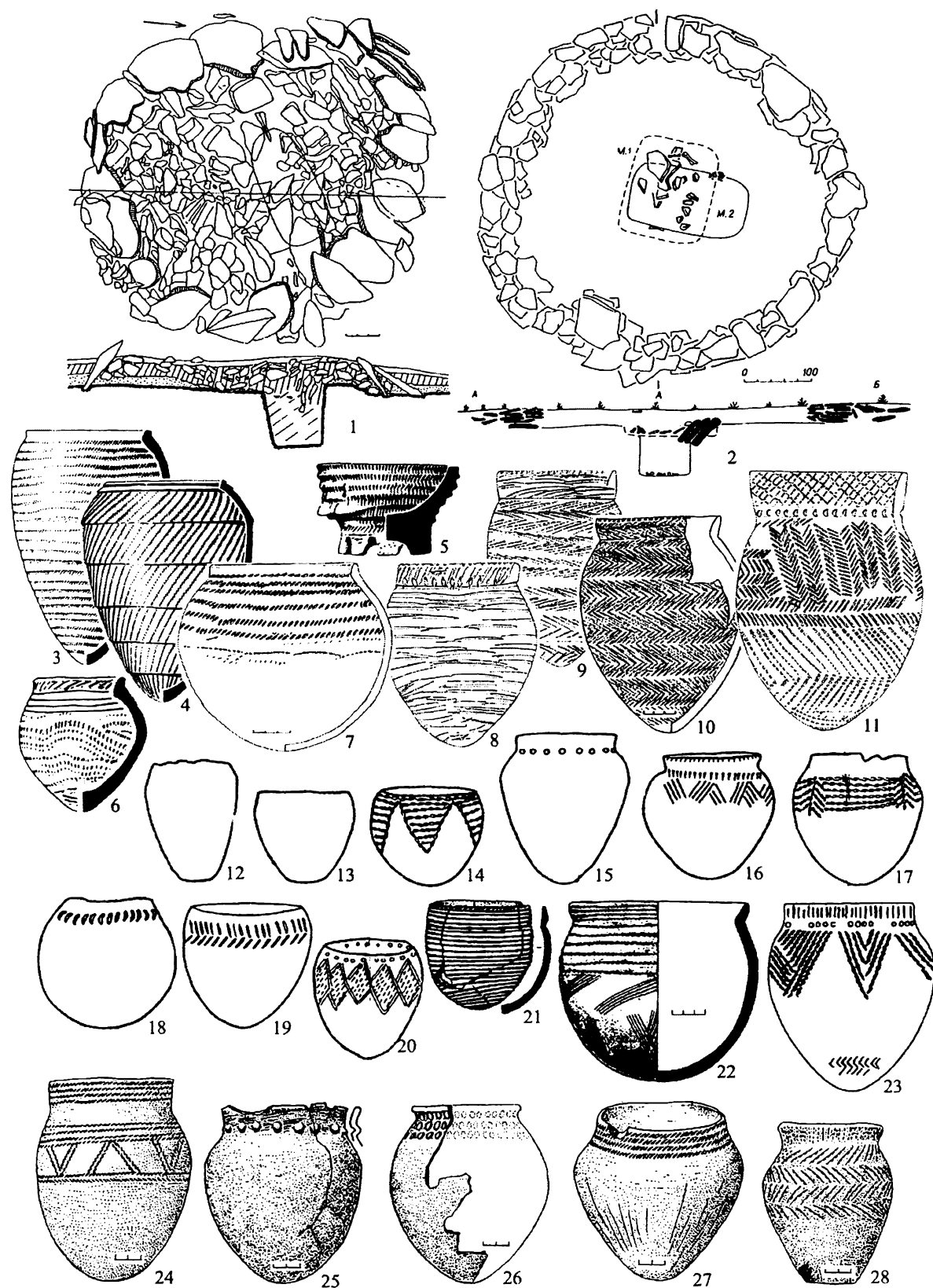

Рис. 1. Ограда афанасьевской культуры из Горного Алтая (1) и Енисея (2, по : Вадецкая, 1981), керамика афанасьевской культуры Енисея (3–6, по: Грязнов, 1999), Горного Алтая (7–11), керамика второй хронологической группы Нижне-Волжского района (12–21, по: Мерперт, 1974), керамика репинского типа (22–23, по: Салугина, 2005), керамика южнобугского варианта (24–28, по: Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986)

КИО также нет полной ясности, и предположение о единой исходной основе одного из компонентов, принявших участие в сложении культур, могло бы объяснить сходство и различие афанасьевского и древнеямного населения. К периоду функционирования самых ранних афанасьевских и древнеямных памятников прошло уже достаточно много времени с момента разделения племен, и в материальной культуре, традициях, образе жизни произошли заметные изменения.

- Абдулганеев М.Т., 2006. Афанасьевские некрополи Средней Катунь и Большого Улагана: локальные особенности погребальной обрядности // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул.
- Абдулганеев М.Т., Плахин В.Т., 1982. Об этнической принадлежности афанасьевской культуры // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока. Якутск.
- Алексеев В.П., 1961. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) эпохи энеолита и бронзы // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Вадецкая Э.Б., 1979. Гипотеза происхождения афанасьевской культуры // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск.
- Вадецкая Э.Б., 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.
- Грязнов М.П., 1999. Афанасьевская культура на Енисее. СПб.
- Дергачев В.А., 1986. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев.
- Кирюшин Ю.Ф., 1991. Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул.
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2004. К вопросу о культурной принадлежности памятников арагольского типа // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул.
- Кияшко В.Я., 1994. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н. э.) // Донские древности. Азов. Вып. 3.
- Ковалева И.Ф., 1984. Север Степного Поднепровья в энеолите – бронзовом веке. Днепропетровск.
- Мерперт Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.
- Новгородова Э.А., 1989. Древняя Монголия. М.
- Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006.
- Солодовников К.Н., 2005. Антропологические материалы из могильника Сальдьяр 1 в связи с вопросами происхождения афанасьевской культуры // Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр 1. Барнаул.
- Степанова Н.Ф., 2000. Памятники арагольского типа Горного Алтая // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск.
- Степанова Н.Ф., 2005. Некоторые итоги статистического анализа признаков погребального обряда афанасьевской культуры Горного Алтая // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул.
- Турецкий М.А., 1999. Средневолжско-приуральский вариант ямной культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.
- Фирштейн Б.В., 1967. Антропологическая характеристика Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев.
- Фисенко В.А., 1970. Племена ямной культуры Юго-Востока. Саратов.
- Хлобыстина М.Д., 1975. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. № 1.
- Хлопин И.Н., 1969. К происхождению андроновского субстрата сибирских народов // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск.
- Цыб С.В., 1984. Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис ... канд. ист. наук. Кемерово.
- Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д., 1986. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант) // САИ. В1-3. Киев.
- Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. Ч. 1.

А. А. Ткачёв

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

Формирование и развитие атасуской культуры Центрального Казахстана

Исследование атасуских древностей региона началось в 1933 г., когда в долинах рек Нуры, Шерубай-Нуры, Джаксы и Сарысу проводились первые широкомасштабные разведочные работы и стационарные раскопки памятников, открытых Нуринской археологической экспедицией ГАИМК под руководством П. С. Рыкова. Уже первые находки, соотнесенные с андроновскими древностями, позволили сделать вывод о том, что в центрально-казахстанских степях обитало население с самобытной культурой (Рыков, 1935).

Археологические изыскания во второй половине XX в. способствовали выделению атасуского этапа в истории развития древностей бронзового века региона и обоснованию вывода о том, что специфика «культуры племен эпохи бронзы Центрального Казахстана... не укладывается в схему южно-уральской периодизации» (Кадырбаев, 1974. С. 40). По мнению центрально-казахстанских исследователей, атасуские и нуринские культурные комплексы имеют свою хронологическую иерархию, позволяющую считать их самостоятельными культурными образованиями (Кадырбаев, 1983. С. 137–142; Кадырбаев, Курманкулов, 1992. С. 224–240).

Атасуские древности Центрального Казахстана рассматриваются нами как памятники особой археологической культуры, являющейся естественным продолжением культурных традиций местного населения, цельной системой, сформировавшейся в зоне алакульской культурной провинции (Ткачев, 2003. С. 18–26). Культурогенез атасуских коллективов осложнен участием носителей андроновско-канайских традиций. Сложившиеся в результате взаимодействия разнокультурного населения атасуские комплексы выглядят синкретическими, поэтому некоторые исследователи не связывают их с особой археологической культурой, а считают локальным вариантом алакульской линии развития (Кузьмина, 1994. С. 46–47).

Ареал памятников атасуской культуры занимает степные районы Сары-Арки, охватывая бассейн р. Нуры, верховья р. Ишим и южные склоны Казахского мелкосопочника. В регионе выявлено около 60 памятников, из которых стационарно исследовано 7 поселений и около 40 могильников. На юге расселение атасуских общин ограничивалось полупустынной зоной Северной Бетпак-Далы; на севере

естественная граница алакульской и атасуской культур проходила по степи и лесостепи, где исследован самый северный могильник, давший материалы атасуского облика – Шондынкорасы (Хабдулина, 2000). Несмотря на принципиальные различия алакульского и атасуского культурных типов, степная зона Центрального Казахстана включена в ареал алакульских памятников (Потемкина, 1983. Рис. 1).

Обобщение и систематизация атасуских древностей Центрального Казахстана показывает, что эти комплексы образуют единую и неделимую общность, все структуры которой динамично развивались на протяжении нескольких столетий. Специфика развития наиболее полно отразилась в совокупности керамических материалов, по которым можно выделить ряд этапов развития культуры.

Майтанский этап. Материалы этого периода отражают стадию формирования атасуской культуры, охватывающей всю территорию Казахского мелкосопочника – степные и полупустынные зоны Центрального Казахстана.

В северных районах Сары-Арки к этому периоду относятся поселения Энтузиаст I (Ткачев, 2002а), Ишимское (Кольцов, 1956), могильники Шондынкорасы (Хабдулина, 2000), Майтан и Шапат (Ткачев, 2002б). В южной зоне Центрального Казахстана к памятникам майтанского типа относятся материалы раннего строительного горизонта поселения Атасу I, представленные посудой группы I (Кадырбаев, 1983. С. 138), могильники Мыржик II и Мыржик III (Кадырбаев, Курманкулов, 1992).

В рассматриваемых комплексах, продолжающих местную линию развития, начинают преобладать сосуды со сглаженным уступом-ребром. В орнаментации продолжается развитие геометризма, по сравнению с нуртайским временем, узоры становятся более разнообразными и многокомпозиционными. Техника нанесения орнамента на посуду поселенческих и погребальных комплексов несколько различается. В поселенческих материалах, при общем преобладании резного орнамента (51,6%), значительная часть сосудов украшена гребенчатым штампом (41,7%). На керамике могильников господствует резная техника; среди геометрических фигур встречены многочисленные разнообразно скомпонованные треугольники, горизонтальные линии и зигзаги. Есть сложные композиции из сту-

пенчатых узоров, ромбов, простых меандров, «подвешенной елочке».

Керамика отражает контакты с носителями нурынских традиций. В атасуских комплексах встречаются отдельные сосуды, близкие нуринским по форме, технике и стилю орнаментации. В результате контактов широко распространяется использование фестонов из треугольников, «косых» треугольников, разнообразно заштрихованных и расположенных на сосуде. О контактах с северными алакульскими группами свидетельствуют находки сосудов с неорнаментированной полосой в нижней части шейки. Узор на эти сосуды нанесен мелкогребенчатым штампом, а композиционное построение орнамента не характерно для атасуских памятников Сары-Арки. Значительные серии подобной посуды встречены в Северном Казахстане в могильнике Семипалатное (Зданович, 1988. Рис. 42), в Притоболье в могильниках Раскатиха (Потемкина, 1985. Рис. 94), Камышное I (Там же. Рис. 98), Чистолембяжском (Матвеев, 1998), Хрипуновском (Там же), т. е. в алакульских комплексах, оставленных населением, вступившим в контакт с андроновско-канайскими мигрантами из Восточного Казахстана, положившими начало формированию федоровских и участвовавших в сложении синкретических алакульско-федоровских комплексов.

Материалы памятников майтанского этапа связаны со становлением атасуской эпохи в степях Центрального Казахстана, соотносятся с комплексами раннеалакульского – постпетровского этапов, по классификации Т.М. Потемкиной (1985. Рис. 106; 107), первой и второй хронологическими группами алакульских древностей Среднего Притоболья, по классификации А.В. Матвеева (1998. Рис. 82), и могут датироваться в пределах конца XVII – XVI в. до н. э.

Шетский этап. Представлен материалами, которые можно рассматривать как классические атасуские. На территории Центрального Казахстана поселения и могильники данного этапа открыты и изучены повсеместно.

Из памятников, исследованных в северной части Сары-Арки, к этому периоду относятся захоронения могильника Аяпперген (Ткачев, 2002б; Кукушкин, 2006), могильника Акимбек I (Кукушкин, 1989), материалы ограда 15 могильника Котанэмель I (Кадырбаев, 1972), погребения ограда 3 и 7 могильника Жиланды (Кадырбаев, 1974), материалы могильников Нуркен, Ащи-Озек, Копа (Чиндин, 1987). В южной зоне Сары-Арки памятники данного периода включают: средний горизонт поселения Ата-су I (Кадырбаев, 1983), нижний горизонт поселения Акмая, могильники Ак-Мустафа, Койшоки, Шет I и

II (Кадырбаев, Курманкулов, 1992). К этому же периоду относится и значительная часть памятников, открытых и изученных ранее в этой зоне (Маргулан и др., 1966. С. 91–154).

Среди гончарных изделий преобладают горшки с уступом-ребром и посуда, близкая к уступчатой профилировке, с большим количеством баночных форм, как в поселенческих, так и в погребальных комплексах. Появляются изящные вазовидные сосуды и единичные горшки с уступчиками, встречаются слабопрофилированные банки с несколько отогнутыми закраинами. В большинстве выборок представлены единичные острореберные сосуды. Среди разнообразных узоров продолжают господствовать зигзаги, заштрихованные равнобедренные и прямоугольные треугольники. Чаще встречаются разнообразные меандры. При общем преобладании резной техники широко практикуется гребенчатый штамп. Значительная часть посуды горшечных форм имеет в средней части шейки сформованный выступ-валик, т. е. шейка как бы состоит из двух дуг, что характерно и для алакульских комплексов (Зданович, 1973. С. 28). В результате контактов атасуского и нуринского населения появляются сосуды, у которых орнаментальный пояс шейки отделен от зоны орнаментации тулова желобком. Более широко стал практиковаться флажковый орнамент. Поселенческие и погребальные комплексы сближает особая группа слабопрофилированных сосудов, орнаментированных желобками, зигзагами, треугольниками. В погребальном обряде в это время господствуют пристроечные комплексы, что свидетельствует об укреплении малой индивидуальной семьи в рамках большесемейной общины, хотя намечается тенденция к их постепенному исчезновению.

Материалы шетского этапа отражают среднюю стадию в развитии атасуской культуры и соотносятся с материалами классического этапа алакульской культуры, по классификации Т.М. Потемкиной (1985. С. 107), или третьей хронологической группой алакульских древностей, по классификации А.В. Матвеева (1998. Рис. 82). Данную стадию можно датировать в пределах конца XVI – XV в. до н. э.

Тасырбайский этап. Материалы этого этапа отражают завершающую стадию развития атасуской культуры. Их сложение происходит в результате постепенного растворения поздненуринского населения в среде атасуских коллективов.

В северной части Сары-Арки к указанному периоду относятся поселения Майоровка, ранний комплекс многослойного селища Энтузиаст II, погребения могильников Ижевского I (Ткачев, 2002а; 2002б) и Тасырбай II (Кукушкин, 1989).

В южной зоне Сары-Арки аналогичные материалы получены при исследовании поселения Ак-Мустафа и могильника Атасу I (Кадырбаев, Курманкулов, 1992).

Морфологическая специфика тасырбайских комплексов Центрального Казахстана состоит в том, что в них отсутствуют острореберные сосуды, резко уменьшается количество посуды с уступчатым плечом и близкой к таковой профилировкой (12–19%), увеличивается доля плавнопрофилированной керамики (20–24%), резко возрастает удельный вес горшечно-баночных (19–32%) и баночных (36–50%) емкостей, среди которых появляются банки в виде «пиал». На посуде горшечных форм уступчик зачастую образуеться нанесением смещенных желобков. При общем обеднении узора несколько увеличивается доля гребенчатого штампа, сокращается доля резной техники. Самыми распространенными элементами остаются горизонтальные линии, зигзаги, желобки. Уменьшается количество геометрических фигур, среди которых преобладают треугольники; упрощается композиция, реже используются ромбы, меандровидные и ковровые узоры.

При общей близости поселенческой и погребальной посуды, в последней преобладает резная техника нанесения узора. Появляются смешанные группы: атасуские элементы наносятся мелкогребенчатым штампом на атасуские и нуринские по форме сосуды; атасуские резные композиции украшают нуринскую по форме посуду. В небольшом количестве продолжает бытовать классическая и по форме, и по орнаментации нуринская посуда. Смешение атасуской и нуринской технологических традиций приводит к появлению приземистых широкогорлых сосудов, послуживших прототипом для ранней алексеевско-саргаринской посуды.

Происходят изменения в погребальном обряде. Начинается исчезновение пристроенных комплексов и крупных оград. В отличие от традиционных надмогильных построек, характерных для шетского этапа, появляются и постепенно занимают господствующее положение небольшие оградки, содержащие одиночные захоронения в каменных ящиках, что особенно характерно для позднебронзовых памятников Центрального Казахстана.

Особенности вышеописанных комплексов позволяют рассматривать тасырбайский этап как заключительную стадию в развитии атасуской культуры и датировать его в пределах XIV – начала XIII в. до н. э. Материалы этой стадии сопоставимы с материалами позднего этапа алакульской культуры (Потемкина, 1985. Рис. 108) или четвертой хроноло-

гической группой алакульских древностей Среднего Притобоя (Матвеев, 1998. Рис. 82).

Зданович Г.Б., 1973. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // ВАУ. Вып.12.

Зданович Г.Б., 1988. Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск.

Кадырбаев М.К., 1972. Археологические раскопки в Северном Прибалхашье // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата.

Кадырбаев М.К., 1974. Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. Алма-Ата.

Кадырбаев М.К., 1983. Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алматы.

Кольцов С.В., 1956. Ишимская стоянка // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 1.

Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.

Кукушкин И.А., 1989. Андроновские могильники Кызыл-кентского ущелья // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда.

Кукушкин И.А., 2006. Могильник Аяпперген – раннеандоновский памятник Центрального Казахстана // Изучение памятников археологии павлодарского Прииртышья. Павлодар.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.

Матвеев А.В., 1998. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск.

Потемкина Т.М., 1983. Алакульская культура // СА. № 2. Потемкина Т.М., 1985. Бронзовый век лесостепного При-тобоя. М.

Рыков П.С., 1935. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // Изв. ГАИМК. Вып. 110.

Ткачѳв А.А., 2002а. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень. Ч. 1.

Ткачѳв А.А., 2002б. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень. Ч. 2.

Ткачѳв А.А., 2003. Бронзовый век Центрального Казахстана: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.

Хабдулина М.К., 2000. Алакульский курган на реке Аксу // Изв. МОН РК – НАН РК. Сер. обществ. наук. № 1.

Чиндин А.Ю., 1987. Относительная хронология могильников эпохи развитой бронзы // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда.

М.А. Турецкий

Самарский государственный педагогический университет

Абсолютная хронология ямной культуры Волго-Уральского региона и проблемы интерпретации комплексов эпохи раннего – среднего бронзового века*

Проблема абсолютной хронологии ямных памятников Волго-Уралья тесно связана с проблемой интерпретации погребальных комплексов второй половины ранней – первой половины средней бронзы. В зависимости от представлений того или иного автора о содержании понятия ямная культура определяются хронологические рамки данной культуры. В результате на основе достаточно немногочисленной (по сравнению с другими регионами) группы погребений Волго-Уральского междуречья (не более 400 комплексов) созданы схемы развития культуригенеза в эпоху раннего – начала среднего бронзового века с принципиально различными выводами. Одна группа исследователей (Моргунова, 2002; 2006; Турецкий, 2006; 2007; Богданов, 2004; 2006а) видит очевидные признаки культурного единства в рамках развивающейся ямной культуры. Время бытования культуры определяется последней третью IV – серединой III тыс. до н. э. Другая группа (Кузнецов, 2003а; 2007; Кияшко, 2002; 2006; Ткачев, 2000; 2001) представлена сторонниками отчленения памятников позднеямного периода от собственно ямной культуры как в хронологическом, так и в культурно-генетическом аспекте. Ямная культура Волго-Уралья датируется XXXIV–XXIX вв. до н. э. (Кузнецов, 2004. С. 26) или рубежом третьей – четвертой четвертей IV – первой четвертью III тыс. до н. э. (Кияшко, 2004. С. 89), что сужает рамки культуры до границ раннего репинского этапа. Между крайними полярными точками зрения на данную проблему находятся мнения таких исследователей, как М.Б. Рысин и Е.Н. Черных. М.Б. Рысин предлагает рассматривать комплексы переходной эпохи РБВ-СБВ Поволжья в рамках успенского (постмайкопского) этапа кавказской металлообработки (Рысин, 2007. С. 192), но «вписанные» в целом в ямную культуру (Там же. С. 213). Е.Н. Черных возвращается к использованию термина ямно-полтавкинская культура**, применяя его для характеристики нерасчленяемого массива подкурганых погребений Приуралья и Среднего Поволжья (Черных, 2007. С. 47, 48). Таким образом, принципиальной является проблема границы РБВ и СБВ в Волго-Уралье, поскольку за ней стоит традиционное представление РБВ как времени ям-

ной культуры, а СБВ – как времени полтавкинской и катакомбной культур.

Надо отметить, что граница между РБВ и СБВ достаточно расплывчата, и это признают все исследователи культур бронзового века Волго-Уралья, так или иначе сталкивающиеся с проблемой дифференциации материалов этих двух периодов (Черных и др., 2000. С. 18–21, 29; Черных, 2007. С. 37, 47, 48; Моргунова, 2002. С. 110–112; Кияшко, 2002. С. 16, 17; 2006. С. 51–53; Кузнецов, 2004. С. 25–30; 2007. С. 216–222; Богданов, 2004. С. 196–198, 246–250; Рысин, 2007. С. 186–202, 213; Турецкий, 2007. С. 117–126). Прежде всего, это относится к продукции металлургического производства, а именно к эволюции тех типов металлических изделий, которые позволили бы отделить последующий этап от предшествующего. Е.Н. Черных впервые ввел понятие ЦМП-стандарта для культур РБВ и СБВ, который включает в себя не более семи категорий предметов из бронзы или чистой меди (втульчатые топоры, тесла, ножи, долота, шилья, наконечники копий, крюки) (Черных, 1978. С. 53–82; Черных и др., 2000. С. 4). Набор орудий эпохи ранней – начала средней бронзы Средней Волги и Приуралья не ограничен только этими категориями, а включает в себя изделия своеобразных форм, в том числе и биметаллические орудия (Дегтярева, 2006. С. 34–37). М.Б. Рысин, впервые после А.А. Иессена, разработавшего схему эволюции типов металлических изделий, дополнил ее ранним (допривольненским) этапом металлообработки, названным им успенским (Рысин, 1996. С. 78–81). А.В. Кияшко попытался выделить наиболее ранний этап развития металлообработки, названный им андрюковским и синхронный позднеямному и раннекатакомбному периодам (Кияшко, 2002. С. 22–24). Однако эту попытку нельзя считать успешной, в чем сам автор был вынужден признаться (Там же. С. 19, 20). Это связано с тем, что материалы начала среднего бронзового века трудно поддаются четкому делению на позднеямные и раннекатакомбные. М.Б. Рысин справедливо указал на это обстоятельство, отметив, что в Поволжье памятники начала успенского этапа соответствуют позднеямным и раннеполтавкинским погребениям (Рысин, 2007. С. 186, 187). Это время, когда локальные катакомбные куль-

туры только начинают формироваться в Приазовье, на Нижнем Дону, Северском Донце и в Прикубанье (Санжаров, 2001. С. 129, 130; Братченко, 2001. С. 71–74; Смирнов, 1996. С. 10–28; Трифонов, 1991. С. 145–150), а раннекатакомбные традиции также распространяются в Волго-Донском междуречье (Кияшко, 2001. С. 93–101) и Северо-Западном Прикаспии (Шишлина, 2007. С. 149–196). В абсолютных датах этот период относится к 2700–2500 гг. до н. э. (Трифонов, 2001. С. 79, 80). Этот же временной интервал является рубежом РБВ и СБВ (Черных, 2007. С. 37). Следовательно, можно утверждать, что полтавкинская культура в ее классическом понимании (т. е. комплексы с новыми, не свойственными ямным памятникам признаками погребального обряда – прежде всего, керамических форм, – в процессе формирования которых значительную роль играли традиции катакомбной культуры) (Турецкий, 2007. С. 117) не могла еще существовать в Волго-Уралье. Тем более неправомерно, на наш взгляд, относить памятники периода 2900–2500 гг. до н. э. к полтавлинской культуре (Кузнецов, 2007. С. 220).

К настоящему времени имеется достаточно представительная серия радиоуглеродных определений по погребениям Волго-Уралья, которая ежегодно пополняется новыми данными (Кузнецов, 1996. С. 56–60; 2000. С. 98, 99; 2003б. С. 48; 2007. С. 217–220; Черных и др., 2000. С. 69; Крамарев и др., 2002. С. 108; Кузьмина и др., 2003. С. 202; Моргунова и др., 2003. С. 264–270; 2005. С. 96–104; Барынкин и др., 2006. С. 295, 298; Богданов, 2006б. С. 222; Сташенков и др., 2006. С. 10; Шишлина, 2007. С. 385; Турецкий, 2007. С. 119, 121). Ранние даты охватывают период 3500–3000/2900 гг. до н. э., поздние – 2900–2600/2500 гг. до н. э. В целом в эти рамки вписывается возможный диапазон бытования ямной культуры, а не конкретное календарное время ее существования. Приблизительно этот же временной период охватывают многие региональные периодизационные и хронологические схемы, разработанные на материалах различных вариантов ямной культурно-исторической области от Северо-Западного Причерноморья до Южного Приуралья, на что уже обращалось внимание (Турецкий, 2007. С. 119).

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект 06-01-9/100 а/У).

** Е.Н. Черных не случайно повышает статус этого термина, используя его применительно не к типу или группе памятников, как это делал И.Б. Васильев, который ввел это понятие (Васильев, 1979. С. 24, 36), а к культуре. Тем самым автор, по его определению, пытается избавиться от расплывчатости и размазанности границ между культурами (Черных, 2007. С. 35, 36).

- Барынкин П.П., Зудина В.Н., Крамарев А.И., Салугина Н.П., Цибин В.А., Хохлов А.А., 2006. Исследования курганов эпохи бронзы у пос. Подлесный на р. Самаре // ВАП. Вып. 4.
- Богданов С.В., 2004. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург. Богданов С.В., 2006а. Вопросы культурной детерминации древнеямных памятников Волго-Уральского степного субрегиона // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург.
- Богданов С.В., 2006б. Культурно-хронологические комплексы IV Ефимовского курганного могильника // ВАП. Вып. 4.
- Братченко С.Н., 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ.
- Васильев И.Б., 1979. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. Куйбышев.
- Дегтярева А.Д., 2006. Технология металлопроизводства ямной культуры // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург.
- Кияшко А.В., 2001. О восточных пределах распространения раннекатакомбного обряда на территории Волго-Донского междуречья // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград. Вып. 1.
- Кияшко А.В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград.
- Кияшко А.В., 2004. Вопросы абсолютной хронологии эпохи средней бронзы степей Юго-Восточной Европы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: Тез. докл. I междунар. Нижневолжск. археолог. конф. Волгоград.
- Кияшко А.В., 2006. Позднеямные древности Нижнего Поволжья и проблема вычленения материалов раннекатакомбного времени // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург.
- Крамарев А.И., Мышкин В.Н., Турецкий М.А., 2002. Курганый могильник Гвардейцы II // ВАП. Вып. 2.
- Кузнецов П.Ф., 1996. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. СПб. Вып. 1.
- Кузнецов П.Ф., 2000. О хронологической позиции погребений с заплечиками Южного Урала // АПО. Вып. IV.
- Кузнецов П.Ф., 2003а. К истокам происхождения полтавлинской культуры // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ: Тез. конф. М. Ч. I.
- Кузнецов П.Ф., 2003б. Особенности курганных обрядов населения Самарской долины в первой половине бронзового века // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара.
- Кузнецов П.Ф., 2004. Проблемы отражения параметров времени в культурах бронзовой поры степной зоны Восточной Европы // Проблемы археологии Нижнего

- Поволжья: Тез. докл. I междунар. Нижневолж. археолог. конф. Волгоград.
- Кузнецов П.Ф., 2007. Время новых культурных традиций в бронзовом веке Волго-Уралья // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.
- Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Фадеев В.Г., 2003. Уваровский курганный могильник (результаты раскопок 2002 года) // ВАП. Вып. 3.
- Моргунова Н.Л., 2002. Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // Проблемы археологии Евразии: К 80-летию Н.Я. Мерперта. М.
- Моргунова Н.Л., 2006. Периодизация и хронология ямных памятников Приуралья по данным радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С., 2003. Шумаевские курганы. Оренбург.
- Моргунова Н.Л., Хохлова О.С., Гольева А.А., Зайцева Г.И., Чичагова О.А., 2005. Результаты радиоуглеродного датирования курганного могильника Мустаево V // АПО. Вып. VII.
- Рысин М.Б., 1996. Начальный этап эпохи средней бронзы на Северном Кавказе // Между Азией и Европой: Кавказ в IV–I тыс. до н. э. СПб.
- Рысин М.Б., 2007. Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации) // АВ. Вып. 14.
- Санжаров С.Н., 2001. Катакомбные культуры Северо-Западного Приазовья. Луганск.
- Смирнов А.М., 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.
- Сташенков Д.А., Скарбовенко В.А., Васильева Д.И., Косинцев П.А., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Хохлов А.А., 2006. Калиновский I курганный могильник. Самара.
- Ткачев В.В., 2000. О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск.
- Ткачев В.В., 2001. Относительная хронология культурных образований среднего бронзового века в степном Приуралье // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. междунар. науч. конф. Оренбург.
- Трифонов В.А., 1991. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л.
- Трифонов В.А., 2001. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Мат. междунар. науч. конф. Самара.
- Турецкий М.А., 2006. Некоторые проблемы изучения ямной культуры Волго-Уральского региона // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург.
- Турецкий М.А., 2007. Проблемы культурогенеза в эпоху раннего – начала среднего бронзового века в степной зоне Волго-Уралья // АПО. Вып. VIII.
- Черных Е.Н., 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. № 4.
- Черных Е.Н., 2007. Каргалы. М. Т. V: Каргалы: феномен и парадоксы развития.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., 2000. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // РА. № 1.
- Шишлина Н.И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.) // Тр. ГИМ. М. Вып. 165.

А.Ю. Худавердян

Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения

Древнейшие общности Армянского нагорья, Кавказа, Европы, Передней и Средней Азии, Сибири: о диалоге миров (по данным одонтологии)

Мы попытаемся реконструировать некоторые «диалоговые позиции», происходящие в эпоху бронзы на территории Евразии. «Народы одного вмещающего ландшафта обречены на создание единого хозяйственного и идеологического пространства», которым в эпоху бронзы являлась европейская часть Евразийской степи (Кульпин, 1995. С. 15). Степь была не только проводником новых идей, распространяемых новыми людьми, она впитывала их, синтезируя и адаптируя к определенным условиям. В чем же заключается объединение? Именно европейская степь создавала условия для тесного общения отдельных групп населения, «быстрого и далекого распространения культурных достижений, производственных навыков, традиций, обрядов» (Мерперт, 1980. С. 74). Сходные природные условия способствовали нивелированию культуры различных этносов, обитавших в степи. Благодаря этому облегчались ассимиляционные процессы, обусловившие этническую пестроту населения этой территории, что нашло отражение в большом разнообразии антропологических типов (Худавердян, 2006. С. 18–23). Этническая история рассматриваемого региона складывалась под влиянием фактора взаимодействия различных групп, среди которых главную роль играли начиная с раннебронзовой эпохи индоевропейские племена, создавшие одну из самых высоких культур мира. Антропологические определения и их подробная систематизация позволили создать широкие «культурно-исторические полотна», на которых проступают многие неожиданные векторы далеких и близких взаимосвязей разнообразных археологических сообществ.

Статистическая обработка материалов с помощью программы «КОНОКЛАС» (разработанной В.Е. Дерябиным, версия 5.9), произведена автором данной работы. К рассматриваемым группам был применен канонический и кластерный анализы (Дерябин, 1983). Проведено четыре этапа анализа.

Анализ 1. Сравнение проводилось по 12 основным признакам (диастема I²-I¹, краудинг I², редукция I² (баллы 2+3), лопатообразные I¹, редукция hu на M², бугорок Карабелли на M¹, 4-бугорковые M¹, 6-бугорковые M¹, коленчатая складка med, 2 med II M¹, 2 med III M¹, дистальный гребень тригониды).

Что касается выбора групп, то нами были привлечены 18 серий. В I каноническом векторе наибольшие нагрузки несут вариант «3» второй борозды метаконида, коленчатая складка med, бугорок Карабелли на M¹, 2 med II на M¹; во II – вариант «2» второй борозды метаконида, бугорок Карабелли на M¹; в III – дистальный гребень тригониды, бугорок Карабелли на M¹, коленчатая складка med. На долю I канонического вектора приходится 58,6% всей изменчивости, а на долю II – 20,7%. Нагрузки на них распределены так, что I канонический вектор выделяет группы с очень высокой корреляцией вариантов «3» и «2» второй борозды метаконида (положительная) и коленчатой складки med, бугорок Карабелли на M¹ (отрицательная). Вторая каноническая переменная дифференцирует следующие комплексы признаков: с одной стороны – группы с большим процентом варианта «2» второй борозды метаконида (положительная) и бугорок Карабелли на M¹ (отрицательная). III канонический вектор (более 8% в общей доли дисперсии) выделяет южный грацильный комплекс (повышенные частоты дистального гребня тригониды, коленчатой складки med (положительная) и бугорка Карабелли на M¹ (отрицательная) (рис. 1).

При дискриминантном анализе представители Закавказья (Ланджик, Черная Крепость, Мцхети и Дигоск), Русской равнины (сборная серия черепов из могильников неолита), Прибалтики (Олений Остров, Звейниекы), Нижнего Поволжья (носители балановской культуры) объединились в довольно компактную группу. Другая линия сопоставлений выявляет сходство краниологических серий из Украины (носители днепро-донецкой и ямной культур, Васильевка III, Маяк), Латвии (сборная серия черепов из могильников V–III тыс. до н. э., Кивуткалнс) и Туркмении (носители культуры крашеной керамики). Представители локально-территориальных групп Русской равнины (Луговской), Молдовы (носители черняховской культуры) объединились с субъектами из Узбекистана (Сапаллитен).

Анализ 2. Для следующего этапа исследования сравнение 21 серии проводилось по 10 основным признакам. В I каноническом векторе наибольшие нагрузки несут дистальный гребень тригониды, бугорок Карабелли на M¹, коленчатая складка med,

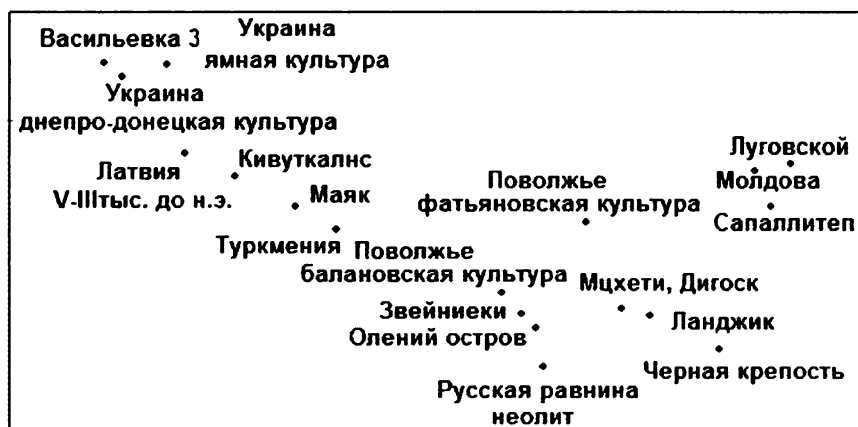

Рис. 1. Результаты канонического анализа по 12 признакам.
Положение территориальных групп на плоскости I и II векторов-дискриминаторов

2 мед II на M^1 ; во II – 6-бугорковые формы на M^1 , 4-бугорковые формы на M^1 , редукция I^2 (балл 1), лопатообразные формы на I^1 ; в III – бугорок Карабелли на M^1 , коленчатая складка мед и дистальный гребень тригонида. Со стороны первого вектора (55,1% в общей доле дисперсии) наибольшие нагрузки испытывают признаки, разделяющие анализируемые серии по основным характеристикам южного грацильного типа: дистальный гребень тригонида, коленчатая складка мед (положительная) и бугорок Карабелли на M^1 (отрицательная). Второй канонический вектор (20,6% в общей доле дисперсии) дифференцирует следующие комплексы признаков: с одной стороны – группы с большим процентом 4-бугорковых форм на M^1 , редукции I^2 (балл 1) (положительная) и 6-бугорковых форм на M^1 , лопатообразных форм на I^1 (отрицательная). III канонический вектор (10,4% в общей доле дисперсии) разделяет сопоставляемые группы, имеющие высокие частоты бугорка Карабелли на M^1 , коленчатой складки мед (положительная) и дистального гребня тригонида (отрицательная).

При дискриминантном анализе значительное обособление демонстрируют представители Прибалтики – Карелия (Олений Остров) и Латвия (V–III тыс. до н. э., Звейниеки), где фиксируется массивный, нередуцированный североευропейский реликтовый одонтологический комплекс. Самостоятельное, обособленное положение занимают субъекты из могильника Окуневская с максимальной выраженностью восточных черт. Другая линия сопоставлений выявляет сходство представителей Армянского нагорья (Черная Крепость), Нижнего Поволжья (носители фатьяновской культуры), Украины (Маяк), Латвии (Кивуткалнс, латгалы), Узбекистана (Сапаллитеп) и Молдовы (носители черняховской культуры). Почти в центре координат локализованы

характеристики серий из Армянского нагорья (Ланджик), Нижнего Поволжья (носители балановской культуры; Такталачук), Украины (Васильевка III, носители ямной культуры) и Туркмении (носители культуры крашеной керамики). Наконец, представители Грузии (Мцхети и Дигоск), Русской равнины (Луговской) и Украины (носители днепро-донецкой культуры) проявляют определенное сходство.

Анализ 3. При сокращении признаков пространства (до 8) и построении модели дискриминации исследованных нами 25 групп с территории Евразии была получена следующая картина взаиморасположения выборок в пространстве I и II векторов-дискриминаторов. При этом оказывается, что наибольший вклад в дискриминацию этих групп имеют коленчатая складка мед, бугорок Карабелли на M^1 , лопатообразные формы на I^1 , 6-бугорковые формы на M^1 и 4-бугорковые формы на M^1 (рис. 2).

Заметное единство продемонстрировали группы из Армянского нагорья (Ланджик, Черная Крепость), Грузии (Мцхети и Дигоск), Нижнего Поволжья (Такталачук), Русской равнины (Луговской), Прибалтики (Олений Остров, Звейниеки, Кивуткалнс) и Южной Сибири (носители тагарской и карасукской культур). Любопытно также отметить, с одной стороны, близость материалов из Латвии (Кивуткалнс) к южному грацильному одонтологическому комплексу, а с другой – то, что умеренно редуцированный комплекс связан с местным североευропейским населением этой территории (Звейниеки). Возможно, здесь сказывается эффект численности, но полностью исключать некий этногенетический смысл нельзя.

На рассматриваемом графике видно, что в нижней правой четверти крайнее местоположение занимают представители Нижнего Поволжья (носители фатьяновской культуры), Украины (Васильевка III,

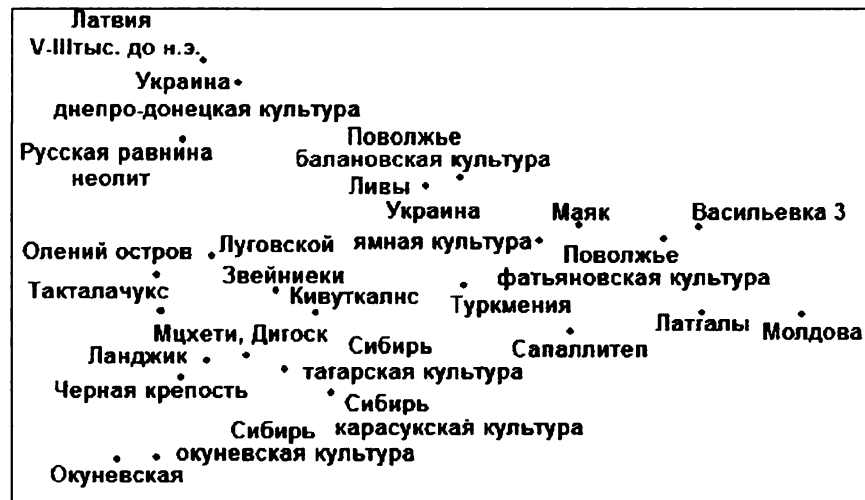

Рис. 2. Результаты канонического анализа по 8 признакам. Положение территориальных групп на плоскости I и II векторов-дискриминаторов

Маяк, носители ямной культуры), Средней Азии (Сапаллитеп, носители культуры крашеной керамики из Туркмении), Латвии (латгалы) и Молдовы (носители черняховской культуры). В верхней левой четверти графика расположились относительно компактно серии из Нижнего Поволжья (носители балановской культуры), Русской равнины (сборная серия черепов из могильников неолита), Украины (носители днепро-донецкой культуры) и Латвии (сборная серия черепов из могильников V–III тыс. до н. э., ливы).

Анализ 4. При максимальном сокращении признакового пространства (до 4) и построении модели дискриминации исследованных нами 27 групп с территории Евразии была получена следующая картина взаиморасположения выборок в пространстве I и II векторов-дискриминаторов. В первом каноническом векторе наибольшие нагрузки несут следующие признаки: 4-бугорковые формы на I^2 (положительная) и редукция h_u на M^2 (отрицательная), во втором – редукция h_u на M^2 (положительная), отчасти 4-бугорковые формы на M^2 (положительная) и 6-бугорковые формы на M^1 (отрицательная), в третьем – 4-бугорковые формы на M^1 (отрицательная) и 6-бугорковые формы на M^1 (положительная).

При дискриминантном анализе представители Армянского нагорья (Ланджик), Нижнего Поволжья (Такталачук), Украины (носители ямной культуры), Латвии (Кивуткалнс, ливы, латгалы) объединились в довольно компактную группу. Левая часть графика образует большой суперкластер, где сосредоточены представители локально-территориальных групп Нижнего Поволжья (носители фатьяновской и балановской культур), Армянского нагорья (Черная Крепость), Средней Азии (Сапаллитеп и носители

культуры крашеной керамики Туркмении). В этот кластер вошли представители андроновской культуры (Сухое Озеро I), Русской равнины (сборная серия черепов из могильников неолита), Чехословакии (носители унетичской культуры), Южной Сибири (Окуневская, носители тагарской, окуневской и карасукской культур) и Украины (Васильевка II). Так, в крайне левой части графика сосредоточены метисные группы – носители культур сибирского круга (тагарская и карасукская). У них выраженность западных черт немного слабее, усиление восточного компонента прослеживается у окуневцев. Последние ни с кем не обнаруживают близости и занимают изолированное положение. Присутствие в этом же кластере андроновцев (Сухое Озеро I), географически весьма удаленных от представителей Армянского нагорья и т. д., – яркое свидетельство того, что южные европеоиды (южный грацильный тип) широко расселялись по Северной Евразии. Целый ряд соответствий этим результатам можно найти в различных работах (Козинцев, 2000; и др.).

В результате исследований выявились как морфологические и типологические контрасты, так и сходство многих групп. Географическая локализация вариаций признаков в данном случае отражает не изначальную дифференциацию, а представляет собой вторичное явление и связана с расселением носителей определенных культур. Расположение групп в каноническом поле суммарных расодиагностических критериев показывает, что разделение по шкале градиента «запад – восток» очень условно. Отклонение частот признаков в ту или сторону не углубляет межгрупповую разницу до достоверного уровня, а приводит к трансгрессии данных одонтологических комплексов. Это свидетельствует, по-

видимому, об отсутствии резких этнических границ и контактах на большой территории. Итак, в ходе анализа морфологической специфики и закономерностей взаимодействия этнических групп Евразии маркируются не только локальные варианты, но и основные типобразующие факторы: дифференциация и интеграция, генерализующая все многообразие тенденций расогенетического процесса. В частности, сокращение полей трансгрессии свидетельствует о преобладании дифференцирующих воздействий, последние приводят к наиболее высокой степени обособления таксонов и формированию фенотипической уникальности. Такие неоднородности формируются за счет этнических групп с мозаичным сочетанием большинства таксономически значимых признаков, что существенно затрудняет типологизацию. В контактных ареалах, где велика степень межэтнического взаимодействия и метисации, фиксируется усиление типологической изменчивости и масштаба ее проявления. Изменение соотношения в сторону метисационных и миграционных процессов указывает на преобладание интегративных зависимостей, одним из эффектов проявления которых является смешение (мозаичная или промежуточная типология) одонтологических комплексов. В лесной зоне Северо-Восточной Европы были выявлены в основном два одонтологических типа – средневропейский и североевропейский реликтовый, – в комплексах которых весьма четко проявляются следы их взаимоотношений.

Известно, что в конце неолита и энеолита на юге или в южном поясе неолитических культур Восточной Европы появляются грацильные антропологические формы, о чем наглядно свидетельствует выявление восточно-средиземноморского компонента почти у всех представителей трипольской культуры и крашеной керамики Туркмении. В эпоху бронзы южный грацильный одонтологический комплекс был распространен на достаточно большой территории, охватывающей Армянское нагорье, Кавказ, Переднюю и Среднюю Азию, Европу и Сибирь. В на-

шем распоряжении не оказалось одонтологических данных по эпохе бронзы с территории Передней Азии, но имелись литературные сведения по двум сериям более ранних периодов (из Джармо с территории Северного Ирака, датируемая 6750±500 л. до н. э., и еще более ранняя серия мезолитической Палестины – натуфийская). Проведенное сравнение показало, что некоторые группы эпохи бронзы Закавказья, Восточной Европы, Средней Азии и Сибири сходны с более ранним населением Передней Азии. Видимо, выходцы из Передней Азии и Закавказья внесли существенный вклад в формирование одонтологических особенностей населения Восточной Европы, Средней Азии и Сибири. Одонтологические наблюдения в данном случае обнаруживают совпадение с линией генетических сопоставлений и направлением миграций древнего населения, реконструируемых с помощью краниологических, краниоскопических (Худавердян, 2002; 2006), археологических, историко-культурных данных.

- Дерябин В.Е., 1983. Многомерная биометрия для антропологов. М.
- Козинцев А.Г., 2000. Об антропологических связях и происхождении причерноморских скифов // АЭАЕ. 3 (3).
- Кульпин Э.С., 1995. Путь России. М.
- Мерперт Н.Я., 1980. Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века // Античная балканистика: Симпозиум. М.
- Худавердян А.Ю., 2002. Сравнительный анализ антропологических материалов эпохи ранней бронзы Армении и Евразийского региона // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (IV тыс. до н. э. – IV в. н. э.): III Междунар. археолог. конф.
- Худавердян А.Ю., 2006. Закономерности географической изменчивости краниологических признаков на территории Кавказа, Передней и Средней Азии, Европы, Индии и Северной Африки в эпоху ранней бронзы // Науч. тр. Ширакского центра арменоведческих исследований. Вып. 9.

В. П. Челябинов, Б. А. Фоломеев*Центр сохранения объектов культурного наследия Рязанской области*

Этнокультурная ситуация на Средней Оке в эпоху бронзы

Начало эпохи бронзы на Средней Оке относится к рубежу III–II тыс. до н.э. Именно в это время или в самом начале II тыс. до н.э. на территорию Среднего Поочья проникают племена фатьяновской культуры (Бадер, Халиков, 1976; Крайнов, 1972), но здесь еще существовали энеолитические племена шагарской и имеркской культур. В результате саморазвития и внешнего влияния происходила трансформация этих культур.

Так, на позднем этапе шагарская культура в значительной степени трансформируется и приобретает синкретический характер. Постепенно начинается изменение связей с широтных на преимущественно меридиональные. При наличии еще достаточно четких черт, связывающих ее со среднеднепровской культурой, отчетливо прослеживаются связи с такими южными культурами, как иванобугорская, воронежская, примокшанская; северными – фатьяновская и ранней текстильной керамики (Каверзнева, 1994).

В этот период на Средней Оке складывается сложная этнокультурная ситуация, вызванная прежде всего пребыванием на этой территории значительного количества представителей различных культур. Отмечается как инфильтрация, так и миграция на Среднюю Оку отдельных групп населения с севера (фатьяновская, ранней сетчатой керамики), с юга – поздняя репинская (находка керамики на поселении Перекаль I), иванобугорская, воронежская, абашевская), востока и юго-востока (балановская, примокшанская, сеймино-турбинская).

Однако, если рассмотреть этнокультурную ситуацию в разных районах бассейна Средней Оки, то можно прийти к выводу о неоднозначности этих процессов.

Так, в Озерной Мещере позиции шагарского населения вплоть до середины II тыс. до н.э. были достаточно прочны, и оно, по-видимому, составляло большинство населения. Однако и здесь, шагарская культура в значительной степени трансформировалась, вобрав многие черты пришлого населения. В долине Оки наблюдается иная ситуация, здесь нет таких ярких, монокультурных памятников, как в Озерной Мещере, а находки шагарской керамики более редки, сделаны на памятниках с маломощными культурными слоями и возможно свидетельствуют об относительной подвижности шагарского населения в долине Оки.

Сложность этнокультурной ситуации в долине Оки нашла яркое отражение в материалах Одоевского могильника (Климкова, 1996). В его керамике можно видеть следы воздействия шагарской, балановской, иванобугорской, примокшанской культур. Здесь обнаружены погребения с нарушенными костяками, захоронения без черепов и одних черепов без костяков, без костей рук и ног, коллективное захоронение с признаками насильственной смерти, стрелы в костях. Погребения в Одоевском кургане мы рассматриваем как относящиеся к довольно небольшому промежутку времени в пределах второй четверти II тыс. до н.э. Наличие таких памятников, как Одоевский курган, появление системы укреплений на шагарских памятниках позволяют включить бассейн Оки в зону резкого всплеска военной активности, протянувшейся от Дона до Зауралья.

Восточная граница распространения памятников шагарского типа расплывается. Весьма показательным в этом отношении являются материалы поселения Кокуй (Кадом 4) в Кадомском Примокшанье (Шитов, 1992). Керамика этой стоянки чрезвычайно близка поздней шагарской (XIX–XVII вв. до н.э.), но имеет и много черт, сближающей ее с примокшанской. В керамическом комплексе Кокуевской стоянки В.Н. Шитов выделяет группы, имеющие аналогии на памятниках эпохи бронзы Примокшанья и сопредельных территорий (чирковской и балановской, воронежской и примокшанской, поздняяковской).

В первой половине II тыс. до н.э. отмечается проникновение на Среднюю Оку отдельных групп населения фатьяновской и балановской культур (Крайнов, 1972; Челябинов, Иванов, 2000; Ставицкий, 2006). В Озерной Мещере фатьяновская керамика встречена только в совместном залегании с шагарской, причем на некоторых памятниках (Беломутово 3, Шагара 5, Воймежное) она образует достаточно значительные комплексы. На Шагара 5 фатьяновская керамика встречена в средней насыпи оборонительного вала, время возведения которого по ¹⁴C относится к XIX–XVIII вв. до н.э. (Каверзнева, Фоломеев, 1998). Несмотря на, по-видимому, кратковременный или эпизодический характер этого явления, в поздней шагарской керамике весьма ощутимы следы ее воздействия (Каверзнева, 1994). Достаточно многочисленны и в то же время крайне редко обнаруживаемые сколько-нибудь значительные комплексы

фатьяновско-балановской керамики и сверленных топоров в долине Оки, скорее свидетельствуют о контактах и кратковременных проникновениях на эту территорию отдельных групп фатьяновцев, а скорее всего даже балановцев (3-я четверть II тыс. до н.э.).

Во второй четверти II тыс. (XVII в. до н.э.) в Озерную Мещеру и в бассейн Оки начинается проникновение носителей ранней текстильной керамики (Шагара 5, Логинов Хутор). Интересно отметить, что характер орнаментации ранней текстильной керамики Мещеры имеет много общего в элементах, мотивах и системе орнаментации с керамикой фатьяновской и поздней шагарской керамикой (Каверзнева, 1994). Очевидно, что источник этих общих черт – северные территории, где в это время существуют фатьяновские и раннетекстильные племена, активно влияя друг на друга.

Отмечается проникновение групп населения, преимущественно из лесостепи. Следы таких проникновений чаще всего фиксируются инородными комплексами на памятниках Средней Оки или краткосрочными влияниями на облик местных окских культур.

Свидетельством одного из таких проникновений могут быть материалы стоянки Логинов Хутор (Попова). Керамический комплекс поселения имеет смешанный характер. Генетически он принадлежит к двум разнокультурным традициям: поздне-репинской и ранней текстильной керамики. Интересно, что текстильные отпечатки наблюдались и на сосудах репинского облика. По всей видимости, в данном случае мы наблюдаем переселение на Оку с Дона отдельной группы поздне-репинского населения, встретившего на Оке представителей культуры ранней сетчатой керамики, незадолго до этого продвинувшейся с юга на север. Это событие, исходя из логики исторической ситуации, могло произойти не ранее второй четверти II тыс. до н.э.

Однако это положение входит в противоречие с принятыми датировками репинской культуры на Дону, верхний рубеж которой разные исследователи относят к рубежу III–II тыс. до н.э. или к расцвету донской катакомбной культуры (первая четверть II тыс. до н.э.).

Отметим, что это не единственный пример несоответствия датировок лесостепных и окских культур. Так, в материалах Шагарского могильника в Озерной Мещере, имеющего серию радиоуглеродных дат в пределах конца XIX – XVII в., достаточно четко проявляются черты влияния иванобугорской культуры Подонья, верхний хронологический рубеж которой устанавливается на рубеже III–II тыс. до н.э. Возможно, и в этом случае вытесненная с Дона группа иванобугорцев попала в Озерную Ме-

щеру после длительных странствований, сохраняя в чужеродной среде свое культурное своеобразие и влилась в позднешагарское население.

Таким образом, если верна установленная хронология вышеперечисленных культур, то в данных случаях наблюдается некоторое запаздывание влияния лесостепных культур на окские, более длительное, чем на самом Дону, сохранение элементов, характерных для донских культур в культурах Окского бассейна.

1. На протяжении рассмотренного отрезка времени характер и направление связей среднеокского населения неоднократно менялись. Причем в одни периоды обнаруживается относительное культурное единство территории, в другие – полиэтничность, особенно ярко проявившаяся во второй четверти II тыс. до н.э.

2. Период ранней бронзы характеризуется ярко выраженной полиэтничностью и разнонаправленными связями: широтные связи (запад – средне-провская культура; восток и юго-восток – балановская, примокшанская, абашевская), меридиональные связи (север – фатьяновская, культура с ранней текстильной керамикой; юг – культуры Дона, репинская, иванобугорская). С особой силой полиэтничность региона проявилась в третьей четверти II тыс. до н.э., предвзявая формирование поздне-окской культуры. В восточной части Средней Оки и на Мокше основной культурой является примокшанская, влияние которой, однако, распространилось и далеко на запад. Некоторые памятники этого района несут на себе влияние как шагарских, так и примокшанских групп населения (Кокуй). В восточной и южной частях территории сильно влияние абашевцев и балановцев, фиксируются довольно значительные проникновения поздне-репинского (иванобугорского) населения (Логинов Хутор, Алканово) ошутимое влияние оказавшего и на шагарское население Озерной Мещеры. К югу от долины Оки в верховьях правобережных притоков Оки (Цна, Мокша, Проня). Прослеживается влияние катакомбной и воронежской культуры.

Все это говорит о том, что в долине Оки во второй четверти нет этнически единого, стабильного населения, которое бы сумело противостоять мощной срубной экспансии, в короткое время охватившей все Среднее Поочье и достаточно быстро ассимилировавшей все эти группы населения.

4. В период средней бронзы Средняя Ока на короткое время вновь становится монокультурной (XVI–XIV(XIII) вв. до н.э.), возобладали меридиональные связи, преимущественно южного направления, которые сохраняли свое значение вплоть до раннего железного века.

Отмеченные миграции, взаимосвязи не были одноразовым явлением. Последствия миграции и связей различны от небольших изменений в форме

синтеза культур до полной трансформации, как правило, приводящей к появлению новых культур и изменению этнокультурной карты.

А.А. Чижевский

Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Казань

Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника*

Могильник располагался на о. Милицейский, в 3–3,5 км к востоку от бывш. с. Мурзиха в Алексеевском р-не Республики Татарстан. После строительства мостового перехода Мурзиха – Сорочьи Горы через р. Кама данная территория оказалась под дамбой моста. До затопления Куйбышевским водохранилищем некрополь размещался на двух мысах второй надпойменной террасы левого берега р. Архаровка (левого притока Камы). Основная часть погребений Мурзихинского II могильника относится к финалу бронзового и раннему железному векам. Энеолитические погребения выявлены на южном мысу в центральной части некрополя, в 35–40 м от современной береговой полосы, по данным 1995 г.

Раскопками были изучены 18 погребений, располагавшихся тремя рядами по 3–6 захоронений, между которыми отмечены отдельные неорганизованные в ряды погребения. Ряды вытянуты с северо-востока на юго-запад.

Зафиксировано 12 захоронений с выявленными очертаниями могильной ямы, среди которых отмечено два варианта: круглые (рис. 1: 3) и подчетырехугольные (рис. 1: 1, 2). Глубина погребений от момента фиксации незначительна, колеблется в пределах 4–30 см, в среднем 11 см.

Обращает на себя внимание тот факт, что две трети погребений являются коллективными и содержат от двух до четырех костяков (рис. 1: 2–4). Все погребения были совершены по обряду ингумации, но иногда уже в могилах обжигались. Во многих могильных ямах отмечена охра – от нескольких кусочков до сплошной засыпки ею могилы. Все костяки располагались сидя или на спине, с подогнутыми ногами. Судя по наиболее полно сохранившимся костякам, умерших в момент погребения размещали сидя, с полусогнутыми ногами, руки предплечьями помещали на колени, голова свешивалась на грудь.

Ориентировка погребенных различна, но преобладает восточное направление. Костяки в могильных ямах коллективных погребений размещались двумя способами: 1) в погребениях с двумя и четырьмя погребенными костяки располагались в один ряд,

плечом к плечу, головой в одну сторону; 2) в погребениях с тремя умершими костяки ориентированы головами в разные стороны, а ногами обращены к центру могильной ямы.

Захоронения в положении сидя известны на памятниках эпохи энеолита Волго-Уралья. Это, прежде всего, погребение у с. Старое Кабаново в Башкирии (Васильев, 2004) и семь погребений на I Хвалынском энеолитическом могильнике (Агапов и др., 1990). В Зауралье пять таких погребений выявлены в энеолитической части могильника Верхняя Алабуга (Потемкина, 1985. С. 10–157) и одно погребение в могильнике Гладунино I (Шилов, и др., 2006). В степях Причерноморья подобные захоронения есть в могильниках среднестоговской культуры (9 погребений) (Телегин, 1976. С. 10). Во всех перечисленных случаях это либо одиночные погребения, либо индивидуальные захоронения на некрополях; Мурзихинский II могильник демонстрирует редкий случай почти стопроцентного погребения в позе сидя, сочетающего как индивидуальные, так и групповые погребения.

По определению А.А. Хохлова, в материалах могильника выявлены два морфологических типа черепов: первый тяготеет к лесным нео-энеолитическим черепам Приуралья и Среднего Поволжья, а второй ближе к европеоидным формам – мезокранному низколицевому типу, одним из путей проникновения которого в Волго-Камье были Волго-Уральские степи (Хохлов, 1999. С. 7).

Как правило, все погребения содержат инвентарь, а некоторые – кости животных – куницы, лисы, сурка и бобра, а в п. 128 найден фрагмент лопатки крупного рогатого скота (определение А.Г. Петренко). Обращает внимание наличие в двух погребениях костей ископаемых: в п. 90 это обломок зуба шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatis*), в п. 118 – зуб тура (*Bos primigenius*).

Деревообрабатывающие орудия выявлены в трех погребениях (5 экз.). Они представлены орудиями двух типов: 1) трапециевидной формы шлифованные и нешлифованные тесла (рис. 2: 12) и 2) длинные

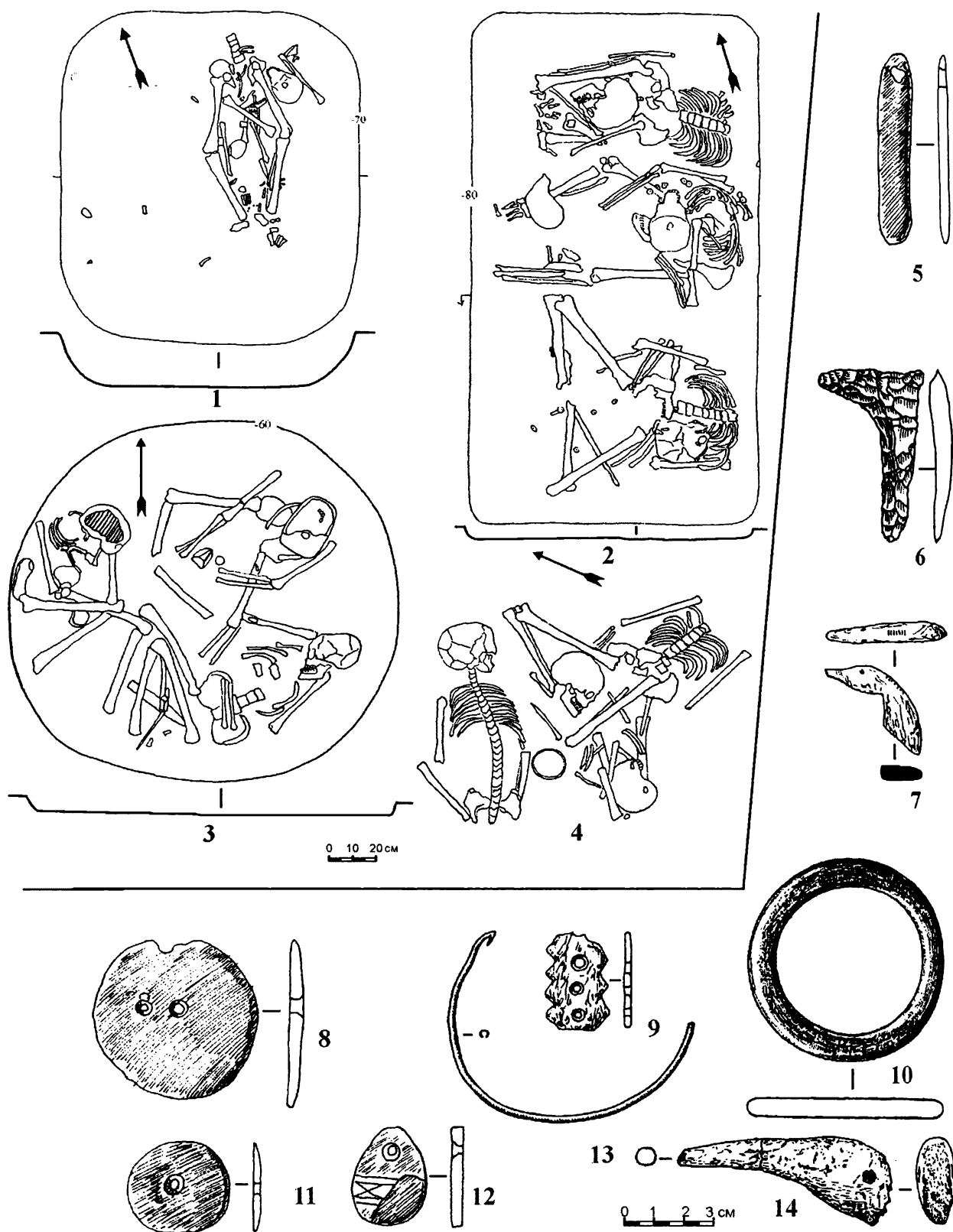

Рис. 1. Мурзинский II могильник. Погребения и инвентарь. 1 – погр. 156; 2 – погр. 102; 3 – погр. 118; 4 – погр. 103; 5 – погр. 102; 6 – подъемный материал; 7 – погр. 102; 8 – погр. 102; 9 – погр. 102; 10 – погр. 90; 11 – погр. 102; 12 – погр. 102; 13 – погр. 156, 14 – погр. 104. 5, 8, 10–12 – серпентин; 6 – кремль; 7, 9 – кость; 13 – медь; 14 – рог

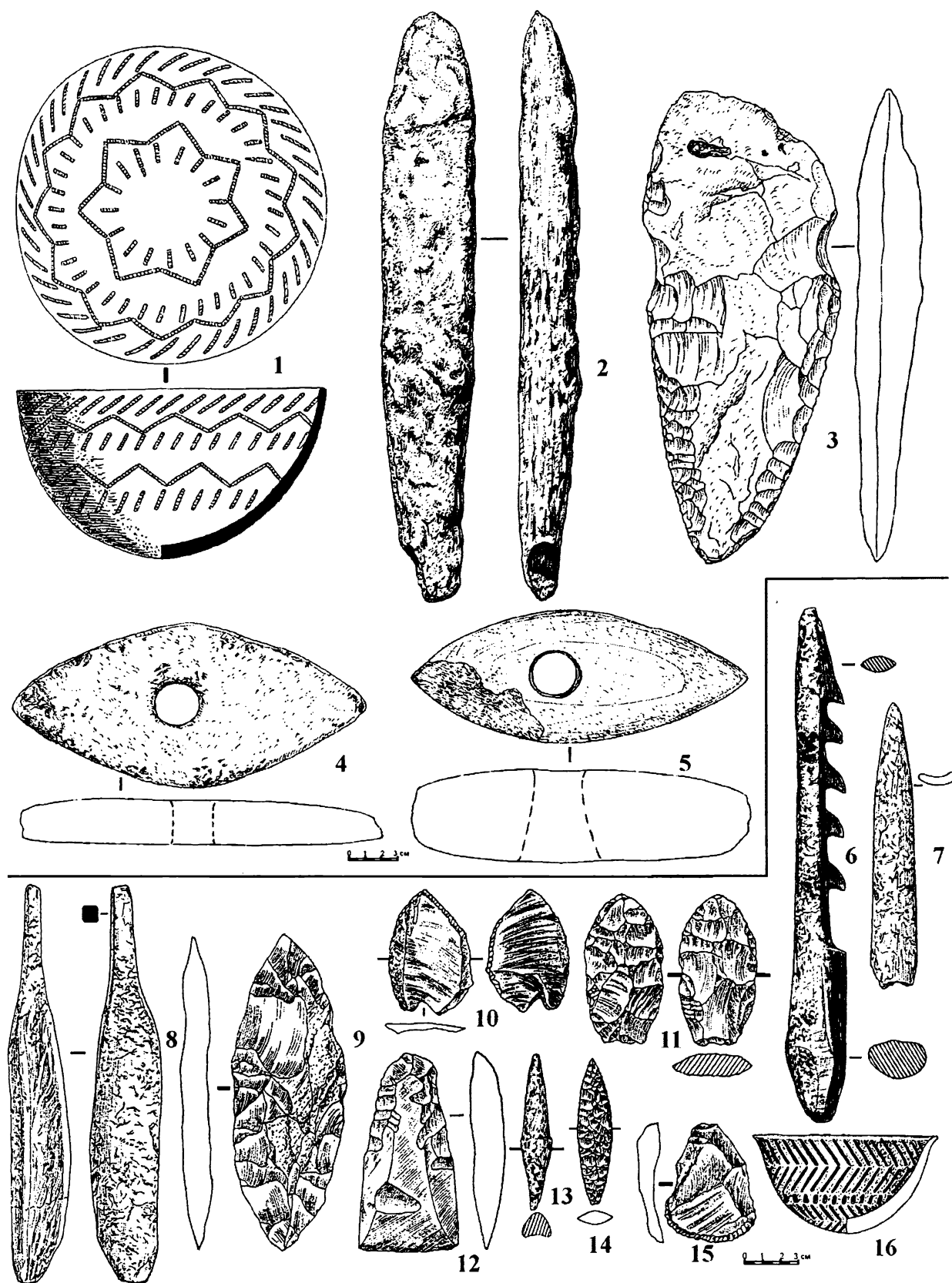

Рис. 2. Мурзихинский II могильник, инвентарь. 1 – погр. 103; 2 – погр. 118; 3–5 – погр. 128; 6 – погр. 104; 7 – погр. 156; 8–12 – погр. 90; 13 – погр. 131; 14 – погр. 156; 15 – погр. 90; 16 – погр. 124. 1, 16 – керамика; 2–5, 9–12, 14, 15 – кремь; 6, 13 – рог; 7, 8 – кость

тесла с желобком и выделенной рукоятью (стамески). Своими размерами выделяется тесло из п. 90, длина которого 24 см.

Наконечники стрел из кремня обнаружены в семи захоронениях (9 экз.). Восемь наконечников иволистной формы (рис. 2: 14), один (п. 90) выполнен на широкой пластине с выемкой у основания (рис. 2: 10).

Наконечник дротика (рис. 2: 11) выявлен в п. 90 вместе с кинжалом листовидной формы (рис. 2: 9), еще один кинжал (п. 128), изготовленный из плиточного кремня, по форме напоминает так называемые «ножи с бугорком», но более массивен (рис. 2: 3).

В п. 128 выявлены два топора с отверстием, выполненные из мягкого известняка: один ладьевидной формы с асимметричным проухом (рис. 2: 5), второй – ромбовидный, сделан из тонкой пластины (рис. 2: 4).

Наиболее многочисленны орудия режущего характера (скобели, скребки, резцы, ножи и остря), зафиксированные в 7 погребениях; большей частью они изготавливались на отщепах (рис. 2: 15). В двух погребениях (121, 123) выявлены массивные плиты из галечника.

В п. 118 между ног костяка I отмечена скульптурная модель фаллоса (рис. 2: 2), длиной 26,7 см, выполненная из окремнелого известняка; подобные модели, изготовленные из дерева, рога и кости, являются характерной чертой волосовской культуры (Уткин, 1998. С.111–114. Рис. 1–3).

Костяной инвентарь также весьма разнообразен. Интересны орудия из расколотой пополам трубчатой кости (3 экз.), с закругленной массивной ручкой и длинной рабочей частью, вероятно предназначенные для плетения сетей (рис. 2: 8).

Зафиксировано также 5 наконечников стрел из кости (п. 131) – 4 плоских, листовидных очертаний, 1 биконической формы, с длинной головкой, выступающим валиком в средней части и коротким черешком (рис. 2: 13). Острия из расколотой пополам кости (рис. 2: 7) обнаружены в 3 погребениях (4 экз.), тонкие стилетообразные орудия зафиксированы в 3 захоронениях. Все выявленные на могильнике гарпуны (3 экз.) происходят из п. 104 (рис. 2: 6).

Значительная часть погребального инвентаря представлена украшениями. Это, прежде всего, подвески из зеленоватого, серо-черного и белого серпентина (95 экз.; рис. 1: 8, 11, 12) овальной, круглой и подчетыреугольной формы, на некоторых из них отмечены рисунки в виде рядов параллельных линий и зигзага (рис. 1: 12). Размеры подвесок различны – от крупных (4,5 см) до мелких (1,5 см). Все подвески имеют двустороннее сверление, кроме того, в п. 90 обнаружено кольцо из серпентина диаметром 5 см (рис. 1: 10).

Встречаются также костяные подвески круглой и овальной формы, украшенные орнаментом, подобным орнаменту на подвесках из серпентина.

Наиболее интересны фигурные подвески из кости и рога (3 экз.). Одна из них выполнена в виде плоской головки гуся (рис. 1: 7), а другая – в виде объемной головки кулика (рис. 1: 14). Аналогии данным фигуркам отмечены в материалах волосовской культуры (Студзицкая, 1994. Рис. 4). К этому же миру тяготеет и кремневая фигурка головы травоядного животного (рис. 1: 6), найденная в размыве берега (Никитин, 1996. Рис. 64, 1–3). Третье костяное изделие изготовлено в виде фигурки из трех соединенных ромбов (рис. 1: 9), аналогии ей прослеживаются в материалах поселений раннетрипольского времени (Пассек, 1965. С. 77–84. Рис.1).

На могильнике выявлены и другие виды украшений: бисер из раковин, бусы из янтаря и круглых кремневых конкреций.

В п. 156 выявлено украшение, выполненное из узкого листа меди, согнутого в трубочку и загнутого в крючок на одном из концов (рис. 1: 13), второе завершение украшения не сохранилось. Изготовление трубчатых украшений известно по материалам могильников новоданиловского типа (Рындина, 2002. Рис. 27, 15), загнутые в кольцо височные кольца известны в раннетрипольских, новоданиловских (Рындина, 2002. Рис.20, 7; 27, 7), а также юртиковских древностях (Наговицын, 1987. Рис. 10, 22).

В п. 103 и 124 были обнаружены небольшие чашевидные сосуды с округлым дном (рис. 2: 1, 16). В глиняном тесте присутствуют примеси растительности. Сосуды украшены гребенчатым орнаментом, образующим зигзагообразные линии в различных сочетаниях. Орнамент сосуда из п. 103 при взгляде снизу, от дна, образует семилучевой знак, внутри которого по кругу располагается пояс, состоящий из отпечатков слабо наклоненного гребенчатого штампа. Аналогии данной керамике выявлены в керамических комплексах борской культуры, где наблюдается посуда сходных форм и пропорций (Бадер, 1961. Рис.14; 15, 2, 3; 55; 57; 74), присутствует здесь и небольшой отогнутый венчик (Там же. Рис.15, 3; 55, 1, 2), а также сходные элементы орнамента: наклонная гребенка и зигзаг (Там же; Бадер и др., 1959. Рис. 9). Кроме того, орнаментальные мотивы, подобные мурзихинским, присутствуют на керамике юртиковской культуры Прикамья (Наговицын, 1987. Рис. 10, 27).

По костным останкам из погребений энеолитического времени Мурзихинского II могильника получено 10 дат по С14 (ГИН): 1) п. 90 – 4000±200; 2) п.91 – 5610±60; 3) п. 94 – 5630±40; 4) п. 103, костяк

1) – 5570±50; 5) п. 102, костяк III – 5470±80; 6) п. 102, костяк I – 5660±40; 7) п. 103, костяк II – 5090±180; 8) п. 104 – 5640±40; 9) п. 128, костяк I – 5390±60; 10) п. 131 – 5630±60.

Судя по представленным датам, время существования могильника приходится на середину – вторую половину IV тыс. до н. э.

Подводя итоги краткому обзору Мурзихинского II могильника, необходимо отметить, что большая часть погребального инвентаря находит аналогии на памятниках Волго-Уральского энеолита; медное украшение, наличие костей крупного рогатого скота и европеоидность ряда черепов указывают на значительное южное влияние, в то же время, обряд погребения в положении сидя придает значительное своеобразие данному погребальному комплексу, указывая на большую распространенность данного обряда в энеолитическое время, чем считалось ранее.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 07-06-00169а).

Агапов С.В., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1990. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов.

Бадер О.Н., 1961. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. № 99.

Бадер О.Н., Кокорев А.В., 1959. Поселение у Малого Борового озера // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. М. Вып. 1.

Васильев И.Б. Погребение в «позе сидя» у с. Старое Кабаново в Башкирии // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2004.

Наговицын Л.А., 1987. Новоильинская, гарино-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР (Археология СССР). М.

Никитин В.В., 1996. Каменный век Марийского края // Тр. МарАЭ. Йошкар-Ола. Т. IV.

Пассек Т.С., 1965. Костяные амулеты из Флорешт // Новое в советской археологии. М.

Потемкина Т.М., 1985. Бронзовый век лесостепного При- тоболья. М.

Студзицкая С.В., 1994. Особенности духовной культуры волосовских племен // Древности Оки. М.

Телегин Д.В., 1976. Об основных позициях в положении погребенных первобытной эпохи Европейской части СССР // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.

Уткин А.В., Костылева Е.Л., 1998. Волосовские скульптурные модели фаллоса // ТАС. Вып. 3.

Хохлов А.А., 1998. Антропологические материалы грунтового могильника Мурзиха II (год раскопок – 1998) // Чижевский А.А. Отчет об археологических работах в Алексеевском районе Татарстана (раскопки Мурзихинского II могильника) в 1998 году. Казань.

Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н., 2006. Сидячие погребения эпохи энеолита на территории лесостепного При- тоболья // Вопросы археологии Поволжья. Самара. Вып. 4.

Н.И. Шишлина

Государственный исторический музей, Москва

Система питания населения Евразийских степей в бронзовом веке: результаты междисциплинарного подхода*

Экономический цикл древнего человека включал в себя организацию системы питания. Состав пищевого рациона соотносился с образом жизни, в его основе лежал набор и сочетание тех или иных продуктов, характер которых зависел от природных региональных особенностей, сезонного экономического цикла, освоенных пищевых ресурсов. Сложение и развитие пастушеского типа хозяйства в Евразийских степях отразилось на изменении основных компонентов системы питания степного населения.

Определить, что ели и пили древние жители Евразийских степей в эпоху бронзы, можно несколькими методами. Изучая грунты из особого ар-

хеологического контекста – содержимого желудков умерших, сосудов и блюд, состава микрогрунтов из межзубного пространства (фитолитным и спорово-пыльцевым методами) – можно понять, какие растения употребляли в пищу. Идентификация костей животных, птиц, рыб и яичной скорлупы позволяет определить компоненты мясных и молочных блюд.

Другой метод изучения системы питания – определение изотопного состава костей погребенного человека. Индикаторами системы питания являются значения ^{13}C и ^{15}N .

Объектами исследования стали погребения май- копской, ямной, ранней катакомбной, степной севе-

рокавказской, восточноманычской катакомбной и лолинской культур, носители которых проживали в Прикаспии и Нижнем Подонье в IV–III тыс. до н. э. Население каждой из групп заселяло исследуемую территорию в разное время, как показали исследования подкурганых почв, при разных климатических условиях. Вероятно, все они были подвижными пастухами. Полученные данные сравнивались между собой, проверялись и корректировались. Проанализируем результаты.

– Из более чем сотни просмотренных образцов грунтов из сосудов, межзубного пространства и района желудка умерших происходит большое количество растительных остатков (пыльца, фитолиты, редко – семена). Среди них нет ни одного растения, которое мы могли бы достоверно отнести к культурным злакам. Напротив, начиная со степных майкопцев вплоть до катакомбных культур все потребности в растительной пище степняки удовлетворяли за счет сбора диких злаков (овса, овсеца, дикорастущей ржи), шавеля, лука, бобовых, лебеды, молодых побегов рогоза. Большой популярностью пользовались ароматные степные травы – чабрец, зизифора, использовали и мягкие психотропные растения типа полыни или валерианы, и более жесткие типа эфедры или конопли. Часто содержимое желудка и состав растений межзубного пространства совпадали. В пробах также содержались как фитолиты, так и пыльца одних и тех же растений. На дне некоторых сосудов и в грунте из межзубного пространства представителей раннекатакомбной культуры было много пыльцы древесных растений (орешника, березы, лещины). Вероятно, такие люди ели мед, причем, скорее всего, кавказский. Промывка грунта из сосудов и другие материалы позволили дополнить растительную коллекцию орехом, семенами липы, воробейника, амаранта.

– Спорово-пыльцевой и фитолитный анализ выявил также большое количество остатков мясной пищи (особенно в межзубном пространстве): светло-коричневых тяжёлых бесклеточного строения и органики животного происхождения. Один из сосудов был наполнен варевом из мяса скота и печенки (встречены целые экземпляры микроскопических кровососущих). В нескольких сосудах и дважды в районе желудка умерших найдены микропластинки озерной и речной рыбы. Среди костей животных из погребений – кости домашних барана, коровы, реже – лошади, диких сайгака, кулана, кабана, зайца, гуся, фазана, утки, стрепета, пеганки. Встречены и кости рыб – сазановых, осетровых, судака, а также раковины съедобных моллюсков. Известна и яичная скорлупа фазанов, чаек и лебедей.

– Масс-спектрометрические данные (значения

^{13}C и ^{15}N) показали, что в системе питания практически всех проанализированных индивидуумов большое место занимали речные продукты. Для примера приводятся масс-спектрометрические исследования изотопного состава углерода и азота коллагена костей человека и животных по материалам раннекатакомбной культуры (рис. 1). Согласно этим результатам, представители всех культур, населявших Прикаспий и Подонье в бронзовом веке, должны были какую-то часть времени посвящать рыболовству, сбору моллюсков. Немногочисленная коллекция костей рыб и раковин подтверждает это.

– Анализ антропологической коллекции (раннекатакомбная, северокавказская, восточноманычская катакомбная культуры) показал, что представители пастушеских культур Прикаспия и Нижнего Подонья не испытывали пищевых стрессов, не голодали.

Заключение. Полученные результаты позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, несмотря на то, что в степях развивались культуры с подвижной пастушеской экономикой, их носители использовали все ресурсные возможности освоенных экологических ниш. Обилие растительных компонентов свидетельствует о комплексном собирательстве многочисленных растений и плодов. Полученные рецепты, основанные на изучении содержимого сосудов, указывают, что в кухню пастухов входили смешанные блюда из растительных и мясных компонентов. Отсутствие культурных растений, вероятно, не столько свидетельствует об отсутствии земледелия, которое и сегодня в этих регионах считается «рисковым земледелием», сколько об отсутствии обмена зерновыми (возможно, овощными) культурами с оседлым населением, проживавшим даже на пограничных территориях.

Дополнительные пищевые ресурсы предоставляли охота (но, вероятно, в ограниченном масштабе), сбор дикого меда, собирательство моллюсков.

Отдельно стоит рассмотреть вопрос о возможности рыболовства в среде подвижных пастушеских культур. Многие кочевые народы Нового времени, жившие уже в окружении иной культурной среды (оседлых, городских цивилизаций, государственности) и следовавшие иным религиозным нормам и запретам, действительно считали рыбу нечистым продуктом и не употребляли в пищу. Но можно ли переносить эти установки на среду первобытных пастушеских племен?

При практическом отсутствии поселений эпохи бронзы** в Прикаспии основным источником для реконструкций являются погребальные комплексы. Как было показано выше, в них содержится масса информации о том, что пили и ели люди. В могилах присутствует определенный стандартный набор

Ранняя катакомбная культура

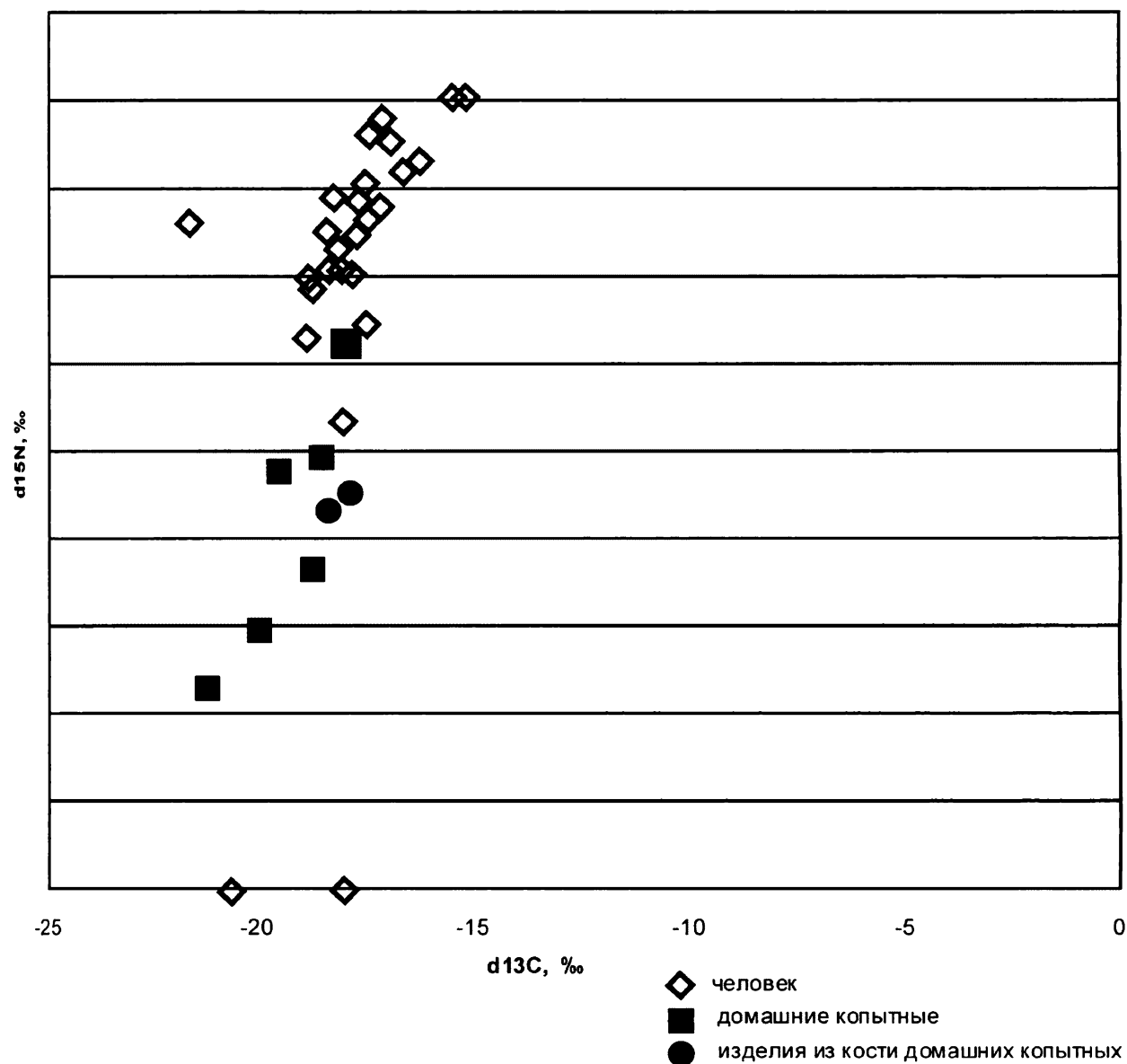

Рис. 1. Масс-спектрометрические исследования изотопного состава углерода и азота коллагена костей человека и животных по материалам раннекатакомбной культуры Прикаспий и Нижнего Подонья

инвентаря. Как было показано мною при анализе более чем тысячи погребений эпохи бронзы (Шишлина, 2007), орудия труда и оружие попадали в погребальные комплексы редко. Полагаю, что даже небольшая коллекция костей и чешуи рыб, раковин съедобных моллюсков является свидетельством того, что одним из занятий пастухов было рыболовство. Это подтверждается и значительными данными по изотопному составу костей погребенного человека и животных (43 животных, 81 человек, 2 раковины и 1 кость рыбы).

При повышенном уровне увлажнения, который

фиксируется в эпоху ямной культуры, и в небольших степных речках была рыба. Предположительно, ловили ее сетями: известны подстилки, выполненные в технике безузелковой сетки. Могли использоваться и рогожи, которых много в коллекции из погребений этого региона. Рыбу варили (микропластинки чешуи в сосудах), могли и солить (соль могли получать просто из соленых озер, как это делают в Калмыкии до сих пор).

Для представителей многих культур, проживавших в эпоху бронзы в Прикаспии и Нижнем Подонье, реконструируются сезонные передвижения, в

орбиту которых могли входить и более южные территории Северного Кавказа, где много полноводных рек, впадающих в моря. Близость многих артефактов, найденных в степи, к изделиям из этих регионов, уточняют маршруты перекочевок. Более детальный анализ микрофлоры (фитолиты полыни, произрастающей на Таманском п-ове, в желудке женщины, умершей и похороненной на Средних Ергенях в могильнике Темрта; кавказский спектр пыльцы меда) подтверждает, что степные жители могли часть времени проводить на юге, там, где речных и морских продуктов было вдоволь. Об этом свидетельствуют кости карпа, сазана, форели в северокавказских погребениях Прикубанья и Ставрополя.

Таким образом, полагаем, что именно умение освоить все природные ресурсы степных эколо-

гических ниш и позволило многим носителям культур эпохи бронзы Евразийской степи благополучно развивать пастушескую подвижную экономику.

* Работа поддержана грантами РФФИ, проекты 08-06-1001 и 08-06-00069.

** К сожалению, при раскопках немногочисленных поселений в Прикаспии и на Северном Кавказе не проводилась промывка грунта, благодаря которой в исследовательскую коллекцию могли попасть и обугленные семена и плоды, и мелкие кости рыб и чешуя.

Шишлина Н.И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.) // Тр. ГИМ. М. Вып. 165.

СЕКЦИЯ 5

ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЕВРАЗИИ

И.П. Алаева

Челябинский государственный педагогический университет

К вопросу о содержании и структуре срубно-алакульской контактной зоны в степях Южного Зауралья

Соотношение памятников срубной и алакульской культур в пределах Южного Зауралья – проблема довольно сложная и неоднозначная. По сей день фактически остается без внимания вопрос о понятии и содержании контактной зоны, механизме взаимопроникновения культур. Рассматриваемые культуры в своих признаках имеют много общего. Именно родственность срубной и алакульской культур, нахождение на одном уровне развития определяют тип и структуру их взаимодействия.

Этнографы выделяют разные типы взаимодействия – от простого сближения до полной ассимиляции. Нам в различии типов интересен тот факт, что взаимодействия, носящие ассимилятивный характер, наблюдаются в таких видах контактов, когда одна из сторон является носителем более высокого уровня хозяйствования, обладателем более совершенных технологий. Смещение народов с равными экономическими потенциалами проходит, как правило, с сохранением этнической самобытности (Арутюнов, 1989. С. 72). Кроме того, само восприятие внешних импульсов обществами в процессе взаимодействия во многом зависит от их стадийного соответствия друг другу, заимствование происходит полнее, легче и быстрее в типологически близких обществах (Куббель, 1988. С. 64; Рудне, 1985. С. 14).

Порядок и преимущества заимствований в одноуровневых, типологически близких обществах имеют свои особенности. В первую очередь в подобных контактных зонах происходит передача различных технологий, методов организации хозяйства, наиболее эффективных в данной экологической нише. Немаловажным является феномен моды, в этом случае заимствования могут иметь место на всех уровнях, как в материальной культуре, так и в духовной, но часто подобное соответствие моде выглядит чуже-

родным и в случае прямого переноса, и в местном копировании. Заимствования из сферы социальной организации и идеологии практически не приживаются. В лучшем случае перенос осуществляется в трансформированном виде и лишь отдельных элементов систем (Масон, 1994. С. 7; Кларк, 1977. С. 213). В целом, следует говорить о выборочности механизмов копирования и изменчивости эталонов в процессе приспособления, частой утере изначального смысла и приобретении нового содержания, другой внутренней логики.

Экстраполяция выводов, сделанных на основе этнографических данных, имеет ряд нюансов. Во-первых, это проблема соотношения понятий «археологическая культура» и «этнос». Другая сложность – в археологическом проявлении механизмов взаимодействий. Специфика археологического проявления в том, что в фокус исследования попадает только материальная культура, серия артефактов. И в этом случае мы не можем опираться на такие критерии, как состояние этнического самосознания, языка, изменения в социальной и политической сфере – т. е. признаки, не соотносимые или слабо соотносимые с археологическими реалиями.

В археологическом контексте теория контактных зон исследована в меньшей степени. В целом, для российских археологов характерно рассмотрение контактов на метауровне, в этом случае поднимаются такие вопросы как инновации и их роль в становлении и развитии культур, стадийные черты в культуре огромных культурно-исторических обществ (Дергачев, 1990). Работы, посвященные контактам культур-соседей, очень немногочисленны и часто не содержат теоретических построений (Березанская, 1967).

Основываясь на проведенном анализе материа-

лов пограничных зон культур бронзового века Евразийского пояса, мы можем предполагать, что в образовании смешанных зон при взаимодействии соседствующих культур решающую роль играют такие условия, как родственность культур, общность основы их происхождения, стадийное соответствие (общность хозяйственно-культурного типа, металлургического центра, знаковой культуры). Однако отнюдь не на всех пограничьях образуются так называемые смешанные зоны. Так, например, в синхронно существовавших на соседних территориях срубной и восточнотшинецкой культурах можно выделить определенные моменты взаимовлияния (обмен предметами материальной культуры), но контактную группу смешанных памятников эти культуры не образовали, вероятно, в силу различного происхождения.

Почти полным аналогом срубно-алакульской контактной зоны является территория пограничья восточнотшинецкой и комаровской культур. Для смешанных памятников этих родственных культур выделен особый – ровенский – вариант культуры (Березанская, 1982. С. 60, 61).

Область проявления контактов соседних народов в основном сконцентрирована в семейно-брачных отношениях, что в археологическом контексте проявляется преимущественно в керамическом производстве (традиционно женском) и в погребальном обряде, в силу своей консервативности долго сохраняющем этнические традиции.

Таким образом, контактная зона соседствующих культур – это зона смешения памятников двух или более культур, имеющих общее происхождение, каждая из которых обладает своей спецификой. Контактная зона характеризуется неоднородностью, в отличие от локальных вариантов культур, наличием как синкретичных, так и «чистых» памятников, множественностью свидетельств взаимовлияния. Кроме того, полное слияние подобных одноуровневых систем практически невозможно в силу указанных выше причин.

Территория и содержание срубно-алакульской контактной зоны. Над определением границ и содержания контактной зоны работали немногие, одно из заключений свидетельствовало о том, что основная область контактов локализовалась в степной зоне Приуралья и Зауралья, в лесостепи можно было отметить лишь спорадические влияния. Основная активность контактов была отмечена по линии Уфа – Оренбург (Сальников, 1967. С. 277). Последующие исследователи придерживались данной позиции, также отмечая концентрацию памятников со срубно-алакульским компонентом в пределах бассейна Урала. Картографирование срубно-

алакульских памятников Башкирии было выполнено Н.Г. Рутто (1987. С. 43–53. Рис. 1), главным критерием в выборе памятников выступали любые признаки наличия алакульского влияния, потому территория получилась достаточно обширной и неоднородной. С целью определения границы распространения срубного влияния на территории Южного Зауралья (прежде всего Челябинской обл.) было проведено картографирование памятников, содержащих срубный компонент.

Оказалось, что граница взаимопроникновения охватывает степную часть Южного Зауралья, на севере – до р. Уй, на западе – до левых притоков р. Тобол, до самого Тобола влияния доходили спорадически; на юге граница проходила по центральным районам Оренбуржья. Восточная граница упиралась в Уральские горы, но на юго-востоке делала отступление и доходила до Поволжья.

Характер памятников контактной зоны очень разнообразен, выделяются чисто срубные и алакульские комплексы, но доминируют памятники смешанного характера, в которых отмечены различные комбинации срубных и алакульских признаков. Чистыми срубными и алакульскими комплексами признаны памятники, в которых сохраняются традиционные черты этих культур: в подкурганной планировке, ориентировке могильных ям, конструкции могил, обряде захоронения, и только в керамическом комплексе может проявляться влияние другой культуры. Смешанными комплексами называются памятники, где сочетаются признаки обеих культур.

Анализируя содержание контактной зоны, мы выделили несколько вариантов возможных взаимодействий и определили территории с особенными видами контактов и степенью проникновения иновлияний: 1) периферийная зона спорадических контактов (междуречье р. Миасс и р. Уй, Притоболье, большая часть территории Башкирии); 2) зона смешанного проживания (южная часть Челябинской обл., центральная и западная часть Оренбургской обл.).

В периферийной зоне влияние срубной культуры отмечается спорадически и проявляется в отдельных комплексах, что свидетельствует о его локальном характере. Отчасти это влияние, возможно, опосредовано брачно-семейными отношениями, в результате чего наблюдается отсутствие «чистых» срубных сосудов, а фиксируются лишь некоторые из керамических традиций. Например, в могильнике Черняки 1 срубное влияние отмечено на сосудах из четырех погребений. Интересно, что на поселении, раскопанном близ могильника, в характеристике керамического комплекса срубные черты отсутствовали (Стоколос, 1972).

В зону смешанного (этнографически-культурного) проживания входит территория наиболее активных контактов. Памятники этой группы довольно неоднородны, здесь отмечено несколько типов взаимопроникновения культур.

1) Алакульские комплексы со срубным влиянием: могильник у с. Спасское 1–3, могильники Макан, Михайловский 2, к. 1, Селивановский 2, к. 1, Наровчатский 2. Для этой группы характерно преобладание алакульских обрядовых характеристик, сопровождение погребений алакульскими сосудами и сосудами синкретичными.

2) Погребальные комплексы, в которых доминирует срубный компонент, а алакульские элементы явля-

ются второстепенными. Для этой группы характерны преобладание срубного погребального обряда, срубные сосуды и сосуды срубного облика с преобразованными элементами алакульского влияния, в основном прослеживаемого в форме и орнаментальных схемах. Среди этих комплексов – могильники Первомайский, к. 1, Мало-Кизильский 1, Система 2, Система 6, Александровский, Утяганский курган и др.

3) Смешанные комплексы, где равномерно сочетаются черты обеих культур: могильники Агаповка 2, Акмулла 1, к. 2, 4, Песчанка 2, 3. К этой группе можно отнести и поселение «У Спасского моста», в керамике которого преобладают синкретичные материалы.

О.М. Аношко, М.А. Сомова

Институт гуманитарных исследований Тюменского государственного университета

Возможности анализа соответствий в археологических исследованиях (на примере алакульских погребальных комплексов Зауралья)

Статистические приемы обработки данных активно используются в археологических исследованиях. Одной из главных задач археологов является определение сходства и различия между комплексами, сравниваемыми по тем или иным наборам археологических материалов. Решение этой задачи осуществляется с помощью методов многомерной классификации, к наиболее известным среди них относятся кластерный и факторный анализы (Бородкин, 1986; Федоров-Давыдов, 1987). Первый позволяет объединить в отдельные группы схожие объекты в заданной системе признаков, второй – представить эти признаки в виде неких скрытых параметров – факторов, объясняющих их взаимосвязи, а следовательно, и поведение объектов в признаковом пространстве.

Кластерный и факторный методы имеют несколько способов классификации данных (например, *k*-средних, агломеративно-иерархический, главных компонент, центроидный, экстремальных группировок, *fuzzy*-анализ и др.), но они опираются в основном на параметрическую статистику, предполагающую применение статистических критериев, наиболее подходящих для анализа больших выборок и количественных переменных. Вместе с тем, в большинстве случаев археолог вынужден работать с таблицами сопряженности, отображающими частоту встречаемости качественных признаков, или дихотомическими

матрицами, где отсутствие и наличие того или иного признака закодированы соответствующими значениями «0» и «1». Однако, учитывая их специфику, весьма затруднительно судить, насколько велика вероятность того, что они подчиняются нормальному закону распределения. Поэтому для оценки зависимости объектов и признаков в таких таблицах лучше использовать непараметрические показатели связи (коэффициенты корреляции Спирмена, Кендалла, Фишера, хи-квадрат Пирсона и др.), которые также приемлемы для характеристики малых выборок. Они обладают меньшей мощностью, чем параметрические, но являются более осторожными, с различными поправками на точность.

К перспективным и корректным способам исследования структуры археологических данных относится, на наш взгляд, анализ соответствий. Он считается факторным анализом качественных признаков, и в его основе лежит непараметрический критерий хи-квадрат Пирсона, с помощью которого устанавливается зависимость между переменными в результате сравнения наблюдаемых в исходных таблицах частот с ожидаемыми (Боровиков, 2004). Суть этого метода заключается в том, чтобы в большом количестве данных найти пространство меньшей размерности через введение обобщенных характеристик или измерений, наиболее ярко выражающих различия и между объектами, и между

признаками. В этом пространстве объекты и признаки представлены в виде точек с определенными координатами, расстояния между которыми вычислены с помощью хи-квадрат. При этом сокращение размерности исходной матрицы не приводит к существенной потере информации, что позволяет достаточно точно воспроизвести ее структуру с сохранением связей между переменными. Особенность анализа соответствий состоит в том, что он дает возможность выявить закономерности расположения в пространстве не только объектов, но и признаков, дисперсию которых демонстрирует нормированное значение хи-квадрат Пирсона, образованное отклонениями реально наблюдаемых частот от ожидаемых и деленное на количество наблюдений. Если критерий хи-квадрат является высоким, а характерный для него уровень вероятности стремится к нулю, то гипотеза о независимости переменных отклоняется. С помощью данного показателя можно установить вклад конкретного объекта или признака в общую инерцию и определить долю, объясненную соответствующей размерностью – измерением. Чем выше эта доля, тем более значимой и существенной является данная размерность в исследовании структуры исходной матрицы. Поэтому целесообразно выбирать те измерения, которые дают наибольший вклад в статистику хи-квадрат. Как правило, в большинстве случаев с помощью двух или трех измерений можно объяснить более 60% инерции. При этом положение объектов и признаков на горизонтальной и вертикальной осях показывает соответственно их градиацию по первому и второму измерениям.

Графической визуализацией результатов анализа соответствий являются диаграммы с точками, указывающими расположение в пространстве объектов либо признаков, расстояния между которыми демонстрируют тесноту их связи. Очевидно, что чем меньше расстояние, тем больше сходства между ними, и наоборот, чем больше расстояние, тем слабее их связь. Однако для того, чтобы получить информацию о том, какие признаки определяют различия между объектами, необходимо одновременно отобразить и те, и другие на одном графике. Соединив две точки разного типа, т. е. объект и признак, отрезками прямых с центром тяжести (точка с координатами 0:0), можно оценить степень их зависимости. Если образовавшийся угол является острым, то объект и признак положительно коррелированы. Если угол тупой, то связь между ними отрицательная, а прямой свидетельствует об ее отсутствии (Боровиков, 2003).

Таким образом, анализ соответствий представляет собой надежное средство для классификации. Судить о его возможностях мы смогли при сравне-

нии погребальных комплексов алакульской культуры Зауралья по частоте встречаемости признаков, характеризующих размеры, форму, ориентировку могилы, особенности погребальной конструкции, вид захоронения, положение погребенного и сопроводительный инвентарь. К анализу привлечены 773 алакульские могилы, исследованные на Алакульском, Исаковском, Спасском I, Хрипуновском, Чистолебяжском могильниках, а также на некрополях Верхняя Алабуга, Кулевчи VI, Приплодный Лог I, Раскатиха, Субботино, Урефты I и Черняки I. Установленная по материалам этих памятников погребальная практика характеризовалась 75 признаками.

С целью выявления сходства и различий между погребальными комплексами на основе исходной матрицы установлено пространство небольшой размерности, представленное тремя измерениями, дающими вклад в общую дисперсию данных объектов не более 60%. При этом первое и второе измерения объясняют поведение большинства могильников в этом пространстве, расположение которых определялось координатами в зависимости от значений присущих им признаков.

Двумерный график пространственного распределения погребальных комплексов позволил выделить три наиболее тесных скопления. Первое образуют Чистолебяжский могильник, Урефты I и Верхняя Алабуга, второе – Приплодный Лог I, Черняки I, Раскатиха и Субботино, третье – Кулевчи VI и Алакульский могильник (рис. 1). На значительном расстоянии от вышеперечисленных групп оказались Хрипуновский, Спасский I и Исаковский некрополи. Тем не менее, отметим, что Хрипуновский могильник примыкает к первому скоплению памятников, а Исаковский – ко второму.

При отображении на графике признаков отчетливо видно, что для первой группы в основном характерны малые размеры могил (кроме Чистолебяжского могильника), их ориентировка по линии север – юг, наличие деревянной домовины, одиночные захоронения, положение костяка на правом боку, обнаружение в могиле костей животных и более 4 сосудов. Отклонение Хрипуновского некрополя связано с частым присутствием заплечиков в могильных ямах, преобладанием мужских захоронений, положением умершего на спине, наличием в могилах бронзовых ножей, колец, подвесок, бляшек, заклепок, бусин. Свообразие второй группы определяют средние и большие размеры погребальных камер, их подтрапециевидная и неправильная формы, ориентировка преимущественно по линии запад – восток, положение костяка с согнутыми ногами, головой на восток, инвентарь, состоящий из 3–4 сосудов и

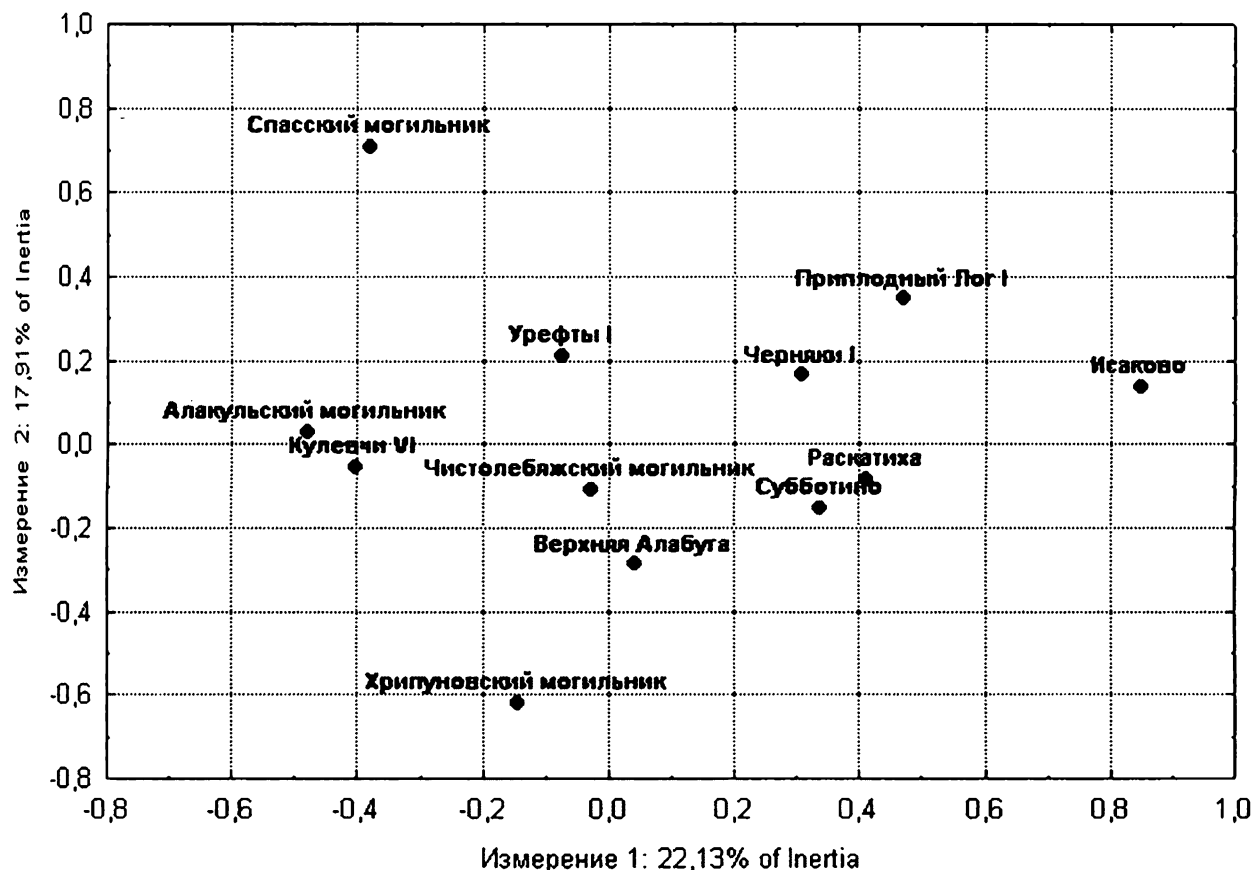

Рис. 1. Двухмерный график координат погребальных комплексов алакульской культуры Зауралья по результатам анализа соответствий

бронзовых наконечников стрел. На некотором расстоянии от этой группы отстоит Исаковский могильник, выделяющийся двумя показателями – наличием каменной облицовки погребальной камеры и трупопожжением умершего. Погребальные комплексы третьей группы демонстрируют высокую степень выраженности в них каменного перекрытия могил, парных и коллективных захоронений, погребений взрослых индивидов, в основном женского пола, а также подростков и детей, положением костяка вытянуто, иногда на спине, с руками перед лицом, головой на юг, юго-запад, юго-восток, северо-восток и северо-запад. Сопровождающий погребенного инвентарь преимущественно представлен кольцами из кости, подвесками из раковин и клыков животных, бронзовыми привесками, браслетами, височными кольцами, обоймами, пластинами, пастовыми бусинами, бронзовыми и медными пронизками. Отличительные черты Спасского могильника – погребение умершего на животе (встречено только при исследовании этого памятника) и положение костяка головой на север (23 случая из 25 установленных). Три признака (положение костяка скорченно на левом

боку и наличие в могиле бронзовых накладок) в равной степени характерны как для Спасского могильника, так и для третьей группы некрополей.

В результате проведения анализа соответствий нами получены аргументы в пользу концепции дифференциации зауральских алакульских древностей, которая может быть объяснена при дальнейшем изучении как их локальными, так и хронологическими различиями. Статистические расчеты в комплексе с территориальным анализом алакульских памятников, результатами их радиоуглеродного датирования, выявлением типологических особенностей керамических и иных материалов, а также с привлечением других методов, позволят подтвердить либо опровергнуть разработанные на данный момент исследователями модели развития алакульской культуры.

Боровиков В., 2003. STATISTICA. Искусство анализа данных на компьютере: Для профессионалов. СПб.

Бородкин Л.И., 1986. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1987. Статистические методы в археологии. М.

С.А. Асланян

Санкт-Петербургское отделение Международной общественной организации «Центр политических и стратегических исследований»

Ст. А. Васильев

Институт истории материальной культуры РАН

Элементы урбанизации в урартский период в Северной Армении (раскопки городища Куртан)

Северо-центральная Армения, и в частности Таширский регион, известный по раскопкам Лорибердского могильника (II–I тыс. до н. э.), до последнего времени исследовалась фрагментарно. Практически не были затронуты бытовые памятники – поселения. Раскопки городища Куртан (1250 м над уровнем моря) возле эпонимного села, в 23 км к ВЮВ от г. Степанована, произведенные в 2006–2007 гг., позволяют проследить значительную часть хронологической колонки, начиная с эпохи РБВ (куро-араксская культура) вплоть до середины I тыс. до н.э.

Куртан – памятник многослойный. Мощность культурных напластований превышает 2 м. Верхние горизонты относятся к VII–VI вв. до н. э. (позднеурартское время). К этому времени следует отнести функционирование небольшого городка (около 4 га) с четко выделяемой цитаделью и собственно городской территорией, окруженной циклопической стеной (рис. 1). Поселение городского типа расположено на треугольном мысу в месте слияния небольших речек Гергер и Сурб-Саркис. На нижних естественных базальтовых террасах мыса просле-

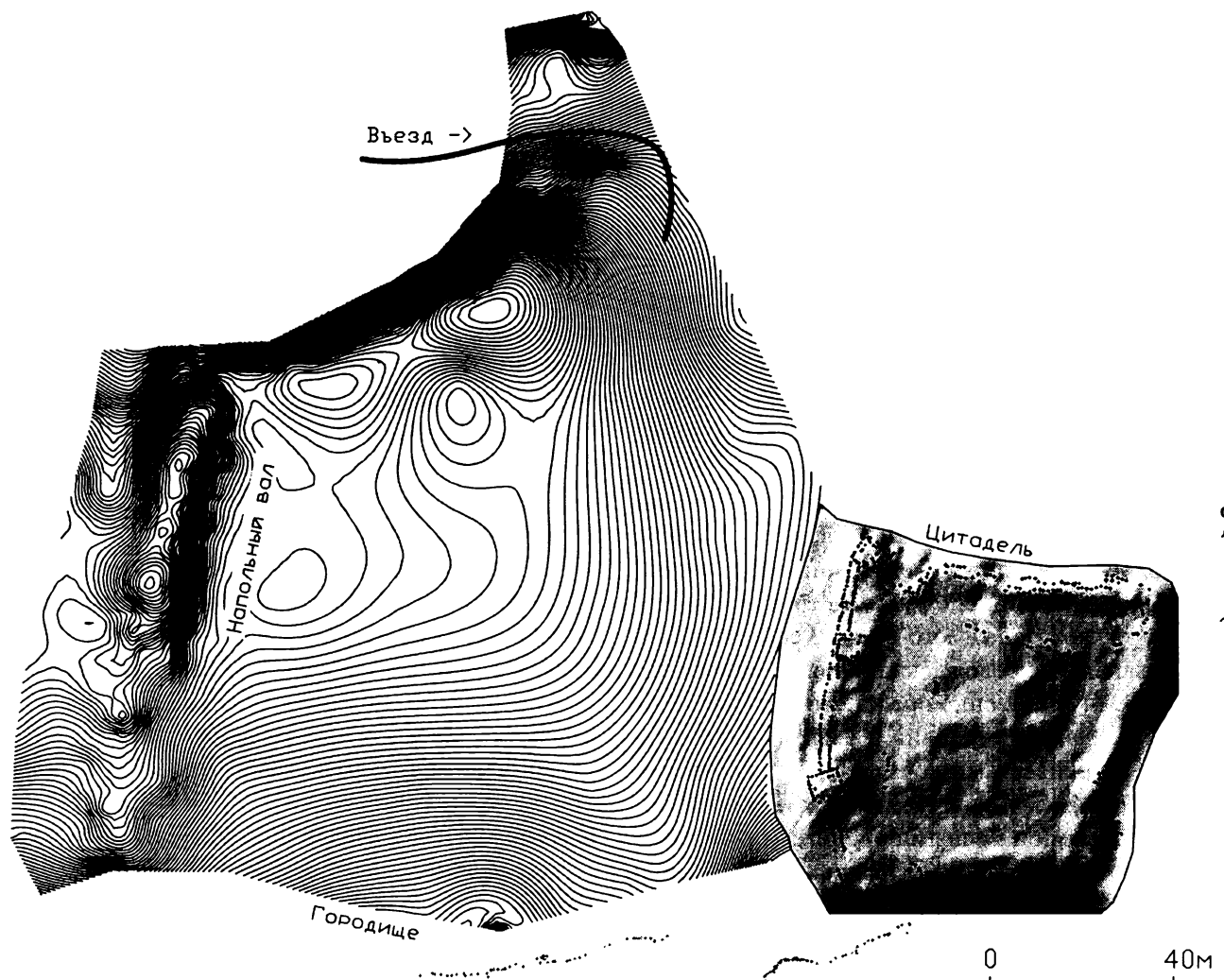

Рис. 1. План укрепленного поселения Куртан (городище и цитадель)

живаются фрагменты кладок подпорных (?) стен, сложенных из крупных и средних блоков, а также значительные сnivelированные «ремесленные» (?) участки, расположенные возле реки рядом с выходами глины.

Городище Куртан географически находится в узкой части Таширского плоскогорья и занимает стратегическую доминирующую позицию. Предварительные исследования позволяют выделить некоторые отличия Куртана от синхронных памятников северо-восточной Армении (исследования С.А.Есяна 1960–1970-х гг.). По крайней мере, для завершающего периода функционирования памятника (VII–VI вв. до н. э.) следует говорить о сложении чисто городской структуры, в отличие от синхронных крепостей-убежищ, во множестве существовавших как в Таширском р-не, так и вне его

пределов. Особенности фортификации, топографическое соотношение цитадели и собственно городка создают впечатление, что в рассматриваемое время Куртан играл некую административную роль.

Не имея прямых подтверждений присутствия урартов на территории Ташира, хотя в Лорибердском могильнике есть их прямые импорты, следует предполагать сильнейшее влияние урартских центров на приграничные территории. По крайней мере, на соседних территориях (Ширак) прослеживается прямое присутствие урартов. Важно отметить, что Куртан как городской и административный центр прекратил свое существование в конце VII – начале VI в. до н. э. Не исключена зависимость этого процесса от упадка урартской государственности в целом и ее колониальных центров на левом берегу Аракса в частности.

А.В. Варенов

Новосибирский государственный университет

О разных вариантах традиции изготовления козлиноголовых наверший ножей в Северном Китае*

Ножи с козлиноголовыми навершиями, встреченные на современной территории Китая, обнаружены только в комплексах иньского времени (XIII–XI вв. до н. э.). Они найдены в д. Хуаюань уезда Хами (Кумул) Синьцзян-Уйгурского автономного района (рис. 1: 1), в погребении M1311 из Хоуцзячжуан (рис. 1: 2) и в могиле Фу-хао (рис. 1: 5, 6) на иньском городище в Аньяне пров. Хэнань, в составе инвентаря разрушенного погребения из Яньтоуцунь уезда Суйдэ пров. Шэньси (рис. 1: 4), на стоянке Ваньлюцзе в уезде Факу пров. Ляонин (рис. 1: 3) и в кладе бронзовых изделий из Чаодаогуо в уезде Цинлун пров. Хэбэй (рис. 2: 6) (Варенов, 2006. С. 356–358).

На первый взгляд, все эти изделия единообразны. Наблюдающиеся различия – в оформлении перехода клинка в рукоять, орнаментации рукояти, степени стилизации козлиной головки навершия, наличии или отсутствии круглой петельки и/или длинной дуги под ней – не кажутся существенными при анализе столь малочисленной выборки. Однако при учете случайных находок с территории Китая, а также аналогичных образцов, хранящихся в частных коллекциях и музейных собраниях мира, ситуация начинает меняться. Ножи со схожим оформлением деталей головки навершия и близкими схемами орнаментации рукояти образуют компактные группы,

позволяющие проследить их эволюцию. Проиллюстрируем это положение на примере подбора аналогий ножу из хорошо известного клада в Чаодаогуо.

Бронзовый нож, хранящийся в Чаоянском городском краеведческом музее, найден близ местечка Эршицзяцзы, что на горе Чаояншань в уезде Цзяньпин провинции Ляонин (Цзинь Фэнъи, 1983. С. 689, 690). У него навершие в виде головки горного козла (козерога) с круглыми трубчатыми глазами, открытым ртом и рельефно выделенными челюстями (рис. 2: 3). Под шеей имеется кольцевая петелька. Уши и дугообразно изогнутые рога навершия обломаны. В районе стыка клинка и рукояти сохранились следы первоначально присутствовавших деталей из органических материалов – боковых накладок из дерева или кости (рога). Переход рукояти в клинок плавный, без шипа. Судя по наличию боковых накладок из дерева или рога (кости), нож с козлиноголовым навершием из Эршицзяцзы должен относиться к наиболее ранним изделиям данного типа. Такие же круглые трубчатые глаза, открытый рот с рельефно выделенными челюстями и кольцевая петелька под шеей имеются и у наверший всех более поздних ножей.

У навершия ножа из коллекции Лу Цзинчжая (С.Т. Loo) уши козерога обломаны в древности, а

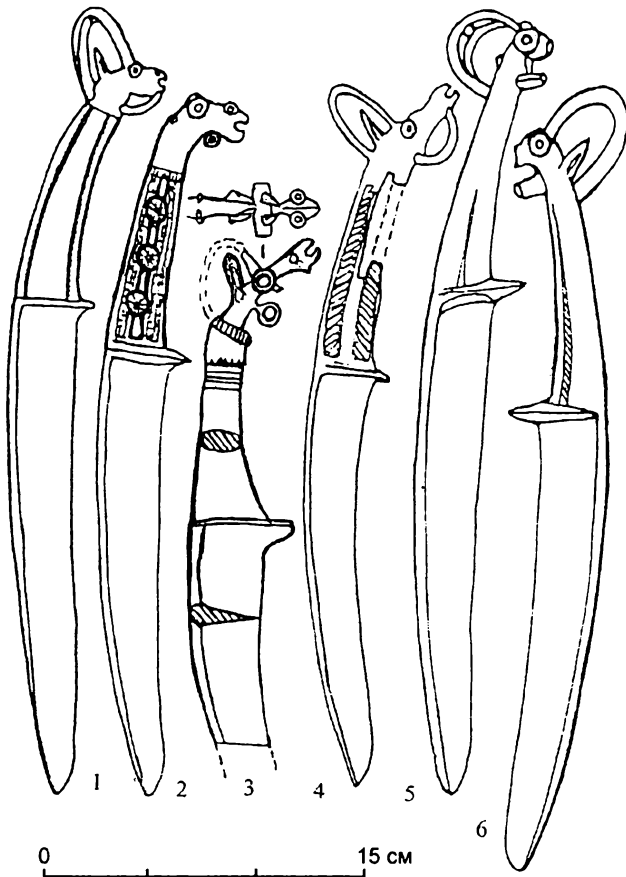

Рис. 1. Козлиноголовые ножи из северокитайских комплексов. 1 – из Хуаюань в уезде Хами (Кумул) Синьцзян-Уйгурского автономного района; 2 – из погребения M1311 могильника Хоуцзячжуан в Аньяне; 3 – со стоянки Ваньлюцзе в уезде Факу провинции Ляонин; 4 – из Яньтоуцунь в уезде Суйдэ провинции Шэньси; 5, 6 – из могилы Фу-хао (M5) в Аньяне провинции Хэнань. Все – бронза. 5, 6 – одно и то же изделие. 1, 2, 4–6 – прорисовки с фотографий. Все – один масштаб. Прорисовки и масштабирование выполнены автором

пара рогов в верхней точке их дуги соединена круглой выпуклой «бляшкой» с радиальными насечками (Salmony, 1933. P. 117. Pl. XXXVI, 5). Такими же «бляшками» с насечками украшены узкие стороны (ребра) рукояти ножа. По центру боковых сторон рукояти проходит вертикальный зигзаг, обрамленный с боков двумя полосками косых пунктирных насечек. Верхняя и нижняя части рукояти заканчиваются рельефно выпуклыми кольцевыми поясками с шашечным орнаментом (рис. 2: 5). Несомненно, что эти кольцевые пояски и бляшки-заклепки с радиальными насечками являются воспроизведением в металле деталей конструкции ножа, крепивших накладку из органических материалов на его рукоять. Переход клинка в рукоять у ножа из коллекции Лу Цзинчжая уступчатый, но без шипа.

Следующий этап эволюции представлен сломанным ножом из коллекции А.М. Саклера (Bunker, 1997.

P. 122). У козержей головки навершия этого ножа дуги рогов соединены уже не одной, а тремя «бляшками-заклепками», а в углу губ открытого рта появилось круглое отверстие, вероятно предназначенное, так же как и круглый трубчатый глаз, для бирюзовой вставки. По центру боковых сторон рукояти саклеровского ножа проходит выпуклый зигзаг, заключенный в прямоугольную рамку. По ее бокам располагаются полосы шашечного орнамента, занимающие (в отличие от узора на образце из коллекции Лу Цзинчжая) практически всю ширину поверхности рукояти. Снизу, близ основания клинка, эти полосы ограничены кольцевым пояском шашечного орнамента, однако, в отличие от аналогичных поясков на ноже из коллекции Лу, не выступающим высоко над поверхностью рукояти. Переход рукояти в клинок уступчатый, с небольшим «покрытым» шипом (рис. 2: 2).

Несколько более поздним представляется нож из коллекции Мемориального музея искусств Кубосо в Идзуми (Дайсо:гэнно, 1997. С. 15, 157). У козержей головки его навершия нижняя челюсть была обломана еще в древности, но пара рогов по-прежнему соединена круглой выпуклой «бляшкой» с радиальными насечками (рис. 2: 1), а середина рукояти гладкая и, возможно, представляет собой воспроизведение в металле полированной боковой накладки из кости или дерева. С «внешней» стороны, с обуха, она ограничена рельефным вертикальным зигзагом, а с «внутренней» стороны – двойным рядом шашечного орнамента. Переход рукояти в клинок все еще уступчатый, но шип крупнее, чем у ножа из коллекции А.М. Саклера.

Типологически еще более поздний нож найден в составе клада из Чаодаогуо в уезде Цинлун провинции Хэбэй (Чжэн Шаоцзун, 1962. С. 644, 645). У головки его навершия дуги рогов соединены круглой выпуклой бляшкой с радиальными насечками (рис. 2: 6). Однако челюсти открытого рта не выделены, а петелька под шейей не круглая, а полукруглая. Гладкая середина рукояти с боков окаймлена рядами шашечного орнамента, а сверху и снизу – кольцевыми поясками горизонтального зигзага. Уступ при переходе рукояти в клинок незначителен, но шип длинный.

Еще один нож из этой группы был приобретен в Пекине (в то время – Бэйпине) и хранился в коллекции Лу Маодэ (Эгами, Мицуно, 1935. Corpus III, 1). Однако у головки его навершия пара рогов соединена не круглой выпуклой бляшкой, а простой перемычкой (рис. 2: 4). Рукоять прорезная, в центре прорези расположена круглая выпуклая бляшка с радиальными насечками. Переход рукояти в клинок уступчатый, с хорошо выраженным шипом. Судя по всему, данный нож в целом синхронен изделиям из Чаодаогуо и из коллекции Мемориального музея искусств Ку-

босо в Идзуми, но стоит несколько в стороне от этой линии развития. Близок к нему и нож из погребения M'311 в Хоуцзячжуане (рис. 1: 2). Однако отсутствие обломанных еще в древности рогов и ушей у головки его навершия и слишком плохая иллюстрация, которой мы располагаем, не дают возможности точнее определить статус данного ножа из Аньяна.

Что касается абсолютной хронологии рассмотренных ножей с козлиноголовыми навершиями, то клад из Чаодаогу датирован нами серединой – третьей четвертью XI в. до н. э. (Варенов, 2004. С. 75). Предложенную дату Чаодаогу надо воспринимать как *terminus ante quem* для ножа с козлиноголовым навершием, поскольку это изделие могло попасть в состав клада и после достаточно продолжительного периода своего «активного» использования. Соответственно, нож из Чаодаогу относится к первой половине XI в. до н. э. и ранее. Ножи из Мемориального музея искусств Кубосо и из коллекции Лу Маодэ датируются второй половиной XII – рубежом XII–XI вв. до н. э. Нож из коллекции А.М. Саклера относится к середине XII в. до н. э., нож из коллекции Лу Цзинчжая – к его первой половине, а нож из Эршицзяцзы должен быть еще более ранним – не позже рубежа XIII–XII вв. до н. э.

Бронзовые ножи, демонстрирующие явную последовательность в эволюционной схеме орнамента рукояти и в оформлении перехода рукояти в клинок (от уступчатого перехода без шипа, через «покрытые» шипы, маленькие шипы с уступом и затем большие, длинные шипы почти без уступа) снабжены практически одинаковыми навершиями. То обстоятельство, что одинаковые навершия сочетаются с типологически разновременными клинками, перекрестьями и/или рукоятками, не позволяет считать степень стилизации и вообще особенности оформления козлиной головки навершия ножа хронологическим признаком. Скорее, она могла служить локально-групповым (возможно, этноразличительным) признаком. Поскольку декоративное навершие нефункционально, оно, вероятно, воспринималось (заимствовалось) данным древним коллективом только один раз, с той или иной степенью стилизации (искажения) оригинала (скорее всего, даже и без понимания его семантики). Затем навершие в течение длительного времени по традиции воспроизводилось без существенных изменений, с той же самой степенью стилизации, что и первоначально, несмотря на технический прогресс других, функциональных деталей ножа. Это дает нам возможность поставить вопрос о выделении локальных вариантов традиции изготовления козлиноголовых наверший ножей и кинжалов в Северном Китае и Центральной Азии.

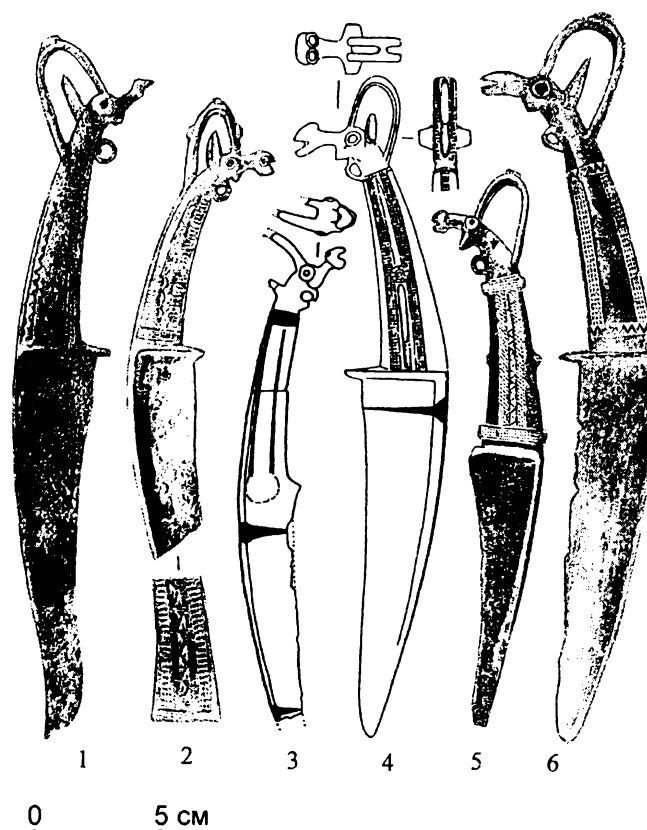

Рис. 2. Бронзовые ножи с козлиноголовым навершием. 1 – из Мемориального музея искусств Кубосо в Идзуми; 2 – из коллекции А.М. Саклера; 3 – из Эршицзяцзы уезда Цзяньпин провинции Ляонин, ныне хранится в коллекции Чаоянского музея; 4 – из коллекции Лу Маодэ в Бэйпине (Пекине); 5 – из коллекции Лу Цзинчжая (С.Т. Loo); 6 – из Чаодаогу уезда Цинлун провинции Хэбэй. 1, 2, 4, 5 – точное место находки неизвестно. Все – один масштаб. Масштабирование выполнено автором

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Рособразования, проект РНП 2.2.1.1.2183.

- Варенов А.В., 2004. Бронзовые боевые топоры из Северного Китая и датировка комплексов Чаодаогу и Янхэ с «карасукскими» ножами и кинжалами // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ. Вып. 2.
- Варенов А.В., 2006. Карасукские ножи и кинжалы в шанском Китае // Современные проблемы археологии России: Мат. Всероссийск. АС (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск. Т. I.
- Дайсо:гэнно киба миндзоку – Тю:гоку хокухо:но сэйдо:ки [Всадники Великой степи – Бронзовые изделия Северного Китая]. Токио, 1997. (На яп. яз.)
- Цзинь Фэнъи, 1983. Погребения эпохи бронзы из уезда Цзяньпин пров. Ляонин и связанные с ними находки // Каогу. № 8. (На кит. яз.)
- Чжэн Шаоцзун, 1962. Группа бронз, найденная в Чаодаогу уезда Цинлун провинции Хэбэй // Каогу. № 12. (На кит. яз.)

Эгами Намё, Мицуно Сэйити, 1935. Суйэн сэйдо:ки [Суйюаньские бронзы] // Наймо:ко то Тё:дзё: титай [Внутренняя Монголия и район Великой Китайской стены]. Токио. (На яп. яз.)

Bunker E.C., 1997. Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Sackler Collections. N.Y.

Salmony A., 1933. Sino-Siberian Art in the Collection of C.T. Loo. Paris.

К.В. Горбенко

Николаевский государственный университет имени В.А. Сухомлинского, Украина

Предварительные итоги археологических исследований укрепленного поселения эпохи поздней бронзы Дикий Сад

В историческом центре современного Николаева, при слиянии рек Ингул и Южный Буг, расположено укрепленное поселение (городище) эпохи поздней бронзы Дикий Сад. Во время своего существования (конец XIII – начало IX в. до Р.Х.) городище занимало мысообразный выступ края плато левого берега р. Ингул, которое ограждалось сильноэродированными обрывистыми склонами. Площадь городища приблизительно 3 га. В плане оно имеет форму овала, вытянутого по линии ЮВ–СЗ. Открытые архитектурные сооружения расположены вдоль р. Ингул в три-четыре ряда и практически примыкают друг к другу, создавая таким образом единый архитектурный комплекс (Горбенко, 2006. С. 87, 88). Культурный слой поселения однородный, находящиеся в нем артефакты относятся к эпохе существования белозерской археологической культуры. Его толщина и насыщенность неоднородна (0,3–0,75 м в помещениях и 1–1,5 м во рву). Практически все исследованные помещения и сооружения возникли одновременно и локализуются на сравнительно ровной площадке. Первооткрывателем городища Дикий Сад можно считать николаевского археолога и краеведа Феодосия Тимофеевича Каминского (1888–1978), который с 1923 по 1929 г. возглавлял Николаевский историко-археологический музей и в августе 1927 г. начал собирать первые материалы с территории Дикого Сада. Фрагментарную шурфовку на городище провел отдельный отряд Причерноморской археологической экспедиции Киевского государственного университета имени Т.Г. Шевченко под руководством Л.М. Славина. Его помощниками были доцент Н.Н. Бондарь и А.М. Малеваный. К удачам первых исследований на Диком Саде можно отнести находки бронзового ножа сабашиновского типа (Черняков, 1985. С. 114) и бронзового котла «киммерийского» типа (Otroscenko, 1998. S. 355) (рис. 1: 21, 24).

Регулярные исследования под руководством Ю.С. Гребенникова и К.В. Горбенко начались в на-

чале 1990-х гг. За это время стало возможным существенно изменить представление о городище и по-другому посмотреть не только на историческое развитие региона Степного Побужья, но и на характер и культурное наследие всей белозерской культуры (Горбенко, 2006. С. 87–92).

Цитадель располагалась в юго-восточной части городища и состояла из тринадцати помещений разной функциональной принадлежности – жилых, хозяйственных и культовых, – ритуального пандуса и оборонительного рва с остатками каменного фундамента моста (раскопки 1991–2006 гг.).

Большинство углубленных конструкций выполняло роль жилых помещений. Они имели форму прямоугольников с овальными углами, длинной осью вытянутых вдоль р. Ингул. В них сохранились каменные кладки (цокольные конструкции и облицовки). Размеры помещений от 4–6 до 7–8 м, глубина 0,8–1,1 м. Наземные конструкции использовались жителями городища как хозяйственные сооружения – загоны для скота, мастерские, хранилища. В некоторых из этих помещений сохранились остатки каменных основ стен (цокольные конструкции). Стены были сложены из местного известняка в один ряд, от двух до пяти слоев с элементами перевязки. Крыши одно- и двухскатные. Пол утрамбован, со следами глиняной промазки. На уровне пола этих помещений находились хозяйственные, ритуальные и столбовые ямы, а также открытые очаги. Ямы были заполнены керамикой, костями животных, а некоторые содержали захоронение человеческого черепа без нижней челюсти.

Культовые комплексы цитадели городища представляли собой полуземлянки с глинобитными стенами и каменными основаниями стен (облицовка и цоколи). Крыши двухскатные. Пол утрамбован, со следами глиняной промазки. На уровне пола этих сооружений находились ритуальные ямы, расположенные по ходу солнца. Заполнение ям состояло из

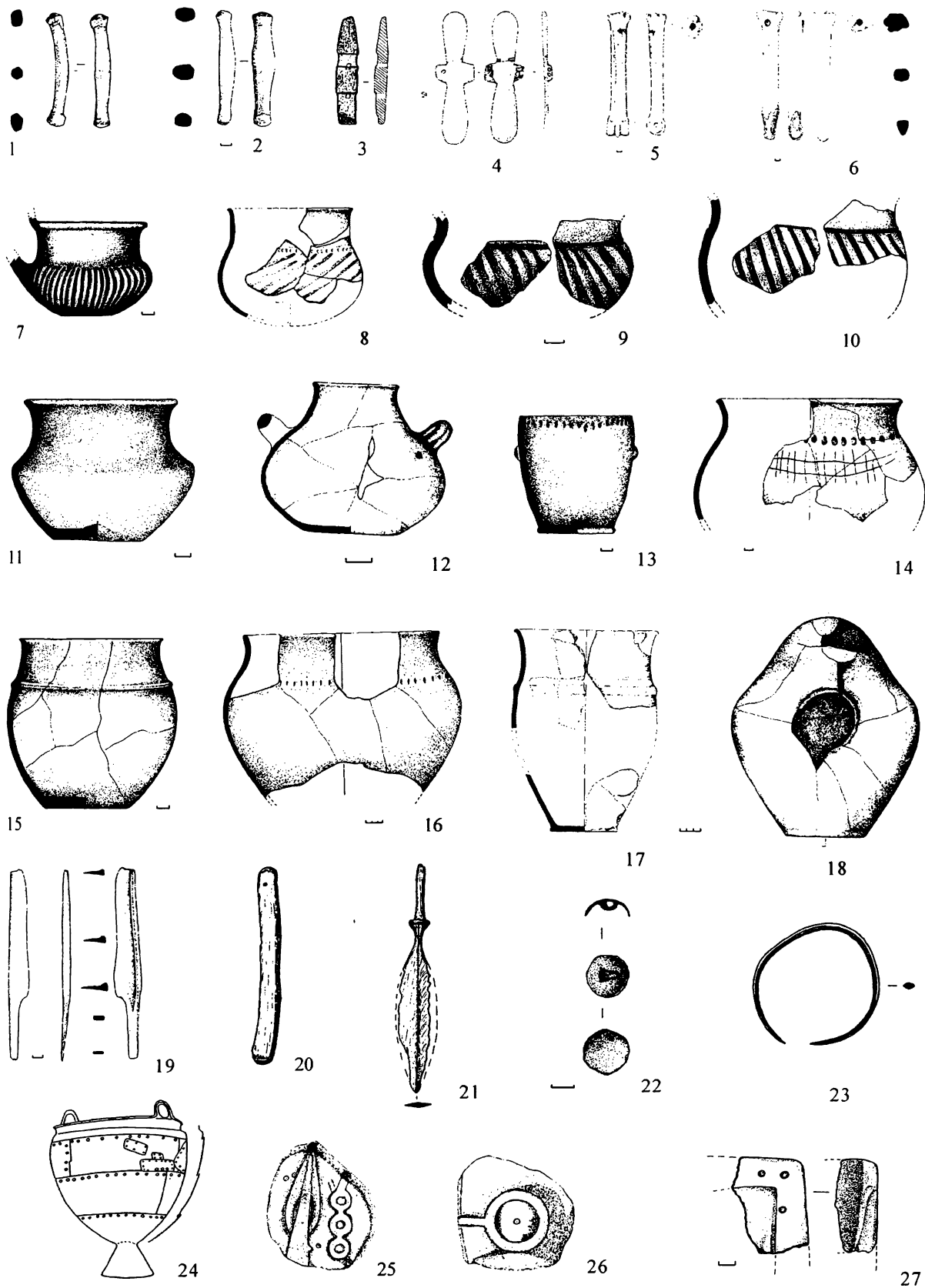

Рис. 1. Дикий Сад. Артефакты, обнаруженные в 1927–2007 гг.
 Рог (1–4); кость (5, 6); керамика (7–18); бронза (19–24); камень (25–27)

человеческих черепов, костей животных (в частности черепахи), разных керамических сосудов, камней. Некоторые ямы были перекрыты кострищами.

Особенный интерес представляет ритуально-культовый спуск-подъем (пандус) в один из храмов цитадели городища. Угол его наклона составлял около 30°, ширина – около 1 м, а длинная ось была направлена на летний восход солнца (наблюдение 21 июня). Анализ культовых помещений цитадели городища позволяет сделать вывод о том, что его жители отправляли разные ритуалы, связанные с поклонением солнцу, месяцу и огню (ритуальные ямы, культовый пандус), почитали духов предков и героев (захоронение черепов в специальных ямах), практиковали фаллический культ (Горбенко, 2001. С. 338–343).

Оборонные укрепления городища состояли из рва шириной 5 и глубиной более 2,5 м и вала или стены из глины, построенной на каменном фундаменте. Они защищали жителей городища от опасности с запада, юга и севера, а крутой склон берега р. Ингул – с востока. Ров преодолевали с помощью моста, фундамент которого почти в первозданном состоянии сохранился в южной части рва. Фундамент (ширина 2 м, длина 4 м, высота 1,7 м) в виде вогнутой дуги был сложен из больших плит известняка с элементами перевязки. Камни залегали постелисто или с наклоном. Это сооружение можно сопоставить с фортификацией, изученной на о. Малая Хортица (эпоха ранней бронзы) и на Биляусе (позднекифский период) (Пустовалов, 1998. С. 162–188).

Предместье городища находилось сразу за оборонными сооружениями и состояло из углубленных помещений, расположенных по кругу вдоль рва. Таких помещений было зафиксировано как минимум четыре, но на сегодня полностью раскопано только одно – помещение 13, которое по ряду признаков можно считать культовым (захоронение антропоморфных каменных стел в ямах, большая стела в центре помещения, следы тризны: в горелом слое на дне ямы были зафиксированы обломки керамической посуды и обуглившиеся зерна ячменя и культурного винограда).

«**Посад**» городища располагался на расстоянии до 50 м от цитадели. На исследованной площадке посада были обнаружены оборонительный ров с остатками каменной облицовки; 11 помещений – наземные, слегка углубленные и углубленные конструкции (помещения хозяйственного назначения – погреб, хранилища); жилища с глинобитными стенами и остатками каменных сооружений; 3 хозяйственные ямы (№ 1 и 2 с двух сторон примыкали к помещению 1, № 1-а располагалась за северным рвом); хозяйственная площадка с 21 ямой

(хозяйственные и ритуально-культовые). Ямы располагались на ровной площадке между жилищами, образуя своеобразную центральную хозяйственную площадку посада. В этих ямах были зафиксированы остатки керамической посуды, кости животных и рыбы, остатки обугленных зерен проса обычного, ячменя, пшеницы двузернянки, культурного винограда и древесного угля.

В материальной культуре жителей городища также сочетаются местные традиции – формы керамической посуды, каменные и костяные орудия труда – и весьма ощутимые влияния и заимствования из соседних культур окружающей ойкумены эпохи финальной бронзы, прежде всего западного и северного центра этой ойкумены, – бронзовые предметы, некоторые формы кубков и горшков. Присутствуют артефакты и из более восточных регионов.

Керамическая посуда (рис. 1: 7–18), зафиксированная во время раскопок городища, – сосуды разных форм и типов: корчаги, кубки, горшки, урны (?) (рис. 1: 18), чаши, вазы, черпаки, жаровни, миски, миски-сковороды, с орнаментами (валики, налепы, упоры, каннелюры, прочерченные линии, округлые и овальные вдавления), – с одной стороны, имеет генетические связи с сабашиновской керамикой, а с другой – испытывает сильное влияние культур раннего фракийского Гальштата Ha1 (Бабадаг I) и бедогородовско-чернолесской культуры северной лесостепной зоны Украины (Levitki, 1994. P. 187–239).

Изделия из кости и рога (рис. 1: 1–6) позволяют говорить о достаточно развитом ремесленном производстве на городище. В первую очередь это серийное производство конской узды – пластина (рис. 1: 4) и псалии из рога оленя (рис. 1: 1, 2); переработка продуктов скотоводства – производство тупиков из нижних челюстей коня, стругов из ребер коня и так называемых «коньков» (рис. 1: 5, 6); производство орудий для такелаж (рис. 1: 3).

Комплекс металлических изделий насчитывает 39 предметов (рис. 1: 19–24). Среди них 3 кинжала, 6 ножей, 2 ножа-пилки, 17 шильев, рыбацкий крючок, бронзовые булавка и небольшая бляшка, фрагмент небольшого долота, 2 булавки, 2 клепаных котла, 2 бронзовых браслета и фрагмент фибулы (или булавки). Бронзовый нож и бляшка (рис. 1: 19, 22) имеют прямые аналогии в материалах Ha1 (Levitki, 1994. P. 235).

Непосредственно с бронзолитейным производством связаны находки двух каменных литейных форм. Первая – двухсторонняя (для отливки бронзового наконечника дротика, трехдычатого псалия и кольца для конской узды). Вторая – односторонняя для отливки кельта (рис. 1: 25–27).

Каменные орудия труда (более 300 ед.) использовались для переработки продуктов земледелия, дерева, костей, бронзы. Среди них есть зернотерки, куранты, песты, наковальни и др. Петрографический анализ дал достаточно интересный результат. Часть каменных предметов с городища была сделана из местных пород, которые добывали из выходов в долинах Южного Буга и Ингула, другая же была привезена из регионов Южных Карпат, Малой Азии и отдельных регионов Средиземноморья. Подобная ситуация, возможно, объясняется многократным посещением территории Дикого Сада представителями разных этнических групп.

Обнаруженные материальные свидетельства позволяют выдвинуть тезис о том, что жители Дикого Сада успешно развивали промыслы, в частности рыболовство и охоту (находки большого количества костей диких животных и рыбы). Занимались скотоводством и земледелием (находки костей домашних животных, зернотерок, зерен злаков – пшеницы, ячменя, проса). Развивали ремесла, среди которых необходимо отметить керамическое (находки керамических сосудов), металлообработку (находки бронзовых вещей) и косторезное (орудия труда из кости и рога животных).

Таким образом, анализ основных археологических показателей городища позволяет говорить об уникальном характере памятника. Наличие оборонительных сооружений, оригинальные архитектурные конструкции цитадели, предместья и посада с необычным заполнением и сочетанием разнокультурных традиций, – все это прямо указывает на важную роль, которую играло городище в регионе Степного Побужья на рубеже II – I тыс. до Р.Х. (Горбенко, Гребенников, Панковський, 2005. С. 100–104)

Укрепленное поселение (городище) Дикий Сад можно охарактеризовать как наиболее яркое явление среди археологических памятников эпохи финальной бронзы степной полосы южной Украины. Вполне возможно, что городище Дикий Сад выполняло функцию культурно-религиозного и торгово-экономического центра южной части Восточноевропейского региона и имело большое значение для населения Северного Причерноморья.

Горбенко К.В., 2001. Ритуально-культурные сооружения поселения «Дикий Сад» в контексте этнокультурных связей поселений Степного Побужья эпохи финальной бронзы // Науч. тр. МГПУ. Сер.: Соц.-ист. науки. М.

Горбенко К.В., 2006. Основні результати п'ятнадцятирічних археологічних досліджень степового городища доби фінальної бронзи «Дикий Сад» // Наукові праці: Науково-методичний журнал. Миколаїв. Т. 52. Вип. 39: Історичні науки.

Горбенко К.В., Гребенников Ю.С., Панковський В.Б., 2005. Розкопки укріпленого поселення «Дикий Сад» у 2004 р. // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр.: Зб. наук. праць / За ред. Н.О. Гаврилюк. Київ; Запоріжжя. Вип. 7.

Пустовалов С. Ж., 1998. Многослойное городище на о. Малая Хортица (Байда) // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя. Вип. IV.

Черняков И.Т., 1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. Киев.

Levitki O., 1994. Cultura Hallstattului canelat la rasarit de Carpati. București.

Otroscenko V., 1998. Die Westbeziehungen der Belozerka-Kultur // Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe / Hrsg. V. Hänsel u J. Machnik. Rahden/Westf.

К.В. Горбенко, А.И. Смирнов

Николаевский государственный университет имени В.А. Сухомлинского, Украина

Посад городища эпохи поздней бронзы Дикий Сад

В 2006–2007 гг. исследования на территории укрепленного поселения (городища) Дикий Сад проводились на объекте, условно обозначенном как «посад» (Горбенко, 2007. С. 7–14). «Посад» располагался в северо-западной части городища, на расстоянии от 30 до 50 м от цитадели. На исследованной части посада (1700 м²) зафиксировано 16 археологических объектов:

– северо-западный оборонительный ров с остатками каменной облицовки;

– 11 помещений – наземные, слегка углубленные и углубленные конструкции (хозяйственного назначения – погреб, хранилища; жилища с глинобитными стенами и жилища с остатками каменных сооружений);

– 3 хозяйственные ямы, примыкающие к помещению 1;

– хозяйственная площадка с 21 ямой. Хозяйственные и ритуально-культурные ямы располага-

лись на ровной площадке между жилищами, образуя своеобразную центральную хозяйственную площадь посада.

Промоина-ров выполняла оборонительную функцию (северная система оборонительных сооружений городища); возможно, в нем находился углубленный фундамент ограды – оборонительной стены городища (?). На этот факт указывают каменная кладка с внутренней части рва, со стороны основной территории городища, и глубина объекта, которая сама по себе являлась достаточной преградой. Каменная кладка состояла из 3–4 слоев. Камни были уложены с применением постелисто-ложкового принципа, на глинисто-грязевом растворе. Исходя из расположения камней, можно предположить, что эта гряда была облицовкой южного борта рва. Длина исследованной части рва 54 м, ширина от 2 до 3 м, глубина 1,3–1,35 м от уровня древней поверхности. В заполнении зафиксированы фрагменты керамической посуды, каменные орудия труда, фрагмент каменной литейной формы (кельт) (см. статью К.В. Горбенко, рис. 1: 27), заготовка под «конек», кости животных, рог КРС.

Полуземлянки и наземные конструкции использовались обитателями городища как жилые помещения (№ 1, 2, 4, 5, 8–11). В них были зафиксированы хозяйственные и ритуально-культовые ямы, кострища, в половине из них – остатки каменных конструкций (облицовка, цоколи, углубленные фундаменты глинобитных стен). Камни были уложены плашмя, с применением постелисто-ложковой и смешанной постелисто-ложковой и орфостатной систем (помещение 11) и элементами перевязки. В центральной части помещений 2, 5, 8 были зафиксированы практически идентичные каменные конструкции, состоящие из небольших плит известняка, выложенных в форме подквадратного корыта (камни стояли на ребре). Аналогичная конструкция была зафиксирована на поселении Вороновка II в жилище 1 белозерского времени (Ванчугов, 1990. С. 28–30. Рис. 9). Эти каменные конструкции могли быть фундаментами для деревянного стола или какими-либо другими хозяйственными сооружениями. Однако можно также предположить, что это были ритуально-культовые сооружения для отправления домашних ритуалов, связанных с почитанием духов предков. В заполнении жилищ преобладают находки керамической посуды и костей животных, встречаются орудия труда из камня (рис. 1: 14), костей животных и бронзы (ножи, кинжалы, шилья) (рис. 1: 15–17).

Вблизи помещения 1 были зафиксированы две большие хозяйственные ямы, которые могли быть связаны с помещением. Яма 1 (1,25 x 0,6 м, глубина 0,8 м) – подпрямоугольная – располагалась к западу

от помещения. Заполнение: суглинок с гумусированными вкраплениями и фрагмент серолощенного кубка с зонным прочерченным орнаментом. Яма 1а, округлая, располагалась западнее ямы 1, за северным рвом (диаметр горловины 0,6 м, дна – 1,2 м, глубина 0,8 м), имела грушевидную в сечении форму. Заполнение: гумусированный суглинок с пеплом, золой, камнями и фрагментами керамики. Яма 2 (1,7 x 1,5 м, глубина 0,35 м) – округлая – располагалась за помещением к юго-востоку. Заполнение: суглинок с гумусированными вкраплениями, в верхнем уровне мелкий известняковый бут и скопление костей. На дне – невыразительные фрагменты керамики.

Хозяйственные помещения (хранилища, погреб) имели овальную форму и были углублены в материк на 0,3–2,1 м (№ 3, 6, 7). В их заполнении было зафиксировано большое количество костей животных и рыбы, каменные и костяные орудия труда, обломки керамической посуды. Помещения 3, 6, 7 и 4, исходя из их расположения и конструктивных особенностей, образовывали единый архитектурный комплекс. Помещение 4 (жилое) было центральным в комплексе, а помещения 3, 6, 7 (хозяйственные) примыкали к жилищу и использовались в качестве вспомогательных сооружений.

Между помещениями 3, 4, 7 и 5 были зафиксированы хозяйственные (№ 1–7, 9, 12–19, 21) и ритуально-культовые ямы (№ 8, 10, 11, 20). Ямы 7 и 16, возможно, были полифункционального характера. Ямы располагались на ровной площадке. Эта площадка, по всей видимости, была своеобразным хозяйственно-бытовым центром всего посада.

Ямы хозяйственного назначения имели диаметр 0,5–0,7 м и глубину 1–1,2 м. Часть ям облицовывалась известняковыми камнями. В этих ямах были зафиксированы остатки керамической посуды, кости животных и рыбы, остатки обугленных зерен проса обычного, ячменя, пшеницы двузернянки, культурного винограда и древесного угля.

Ритуально-культовые ямы размерами не уступали хозяйственным, но имели совсем другое заполнение: захоронение человеческих черепов, частей животных, вотивные предметы – фаллосы (рис. 1: 13).

Наиболее яркие культовые ямы – № 8, 10, 11, 16, 20. В яме 10 была зафиксирована каменная антропоморфная стела, которая стояла вертикально на каменном фундаменте по центру ямы. Ямы 10 и 6 соединял ровик с прокаленным дном. Возле ям ровик был забит керамикой и мелким бутлом. Возможно, ровик и две ямы образовывали ритуально-культовый комплекс, связанный с почитанием духов предков или героев. В яме 8 на дне располагались захоронение черепа человека без нижней челю-

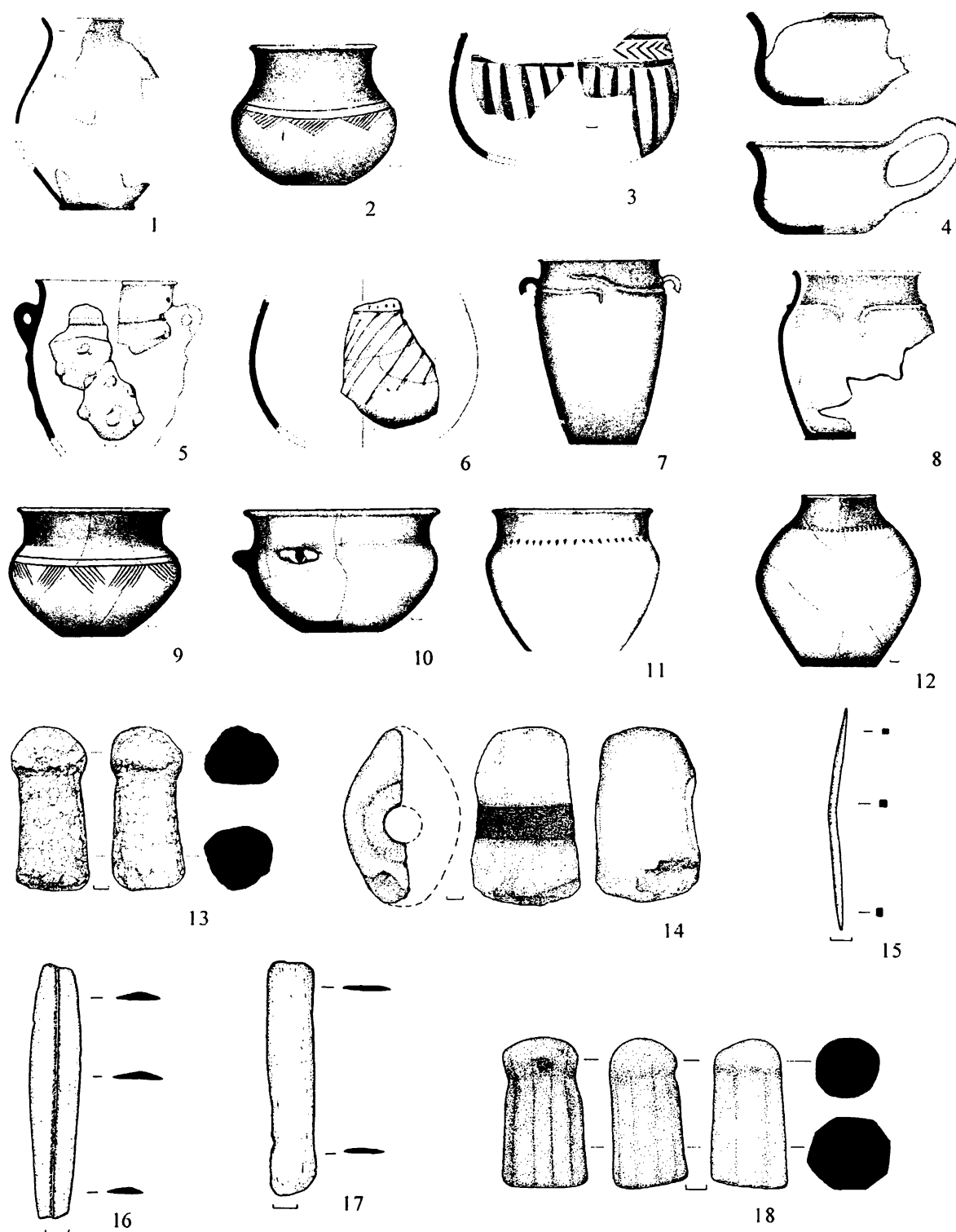

Рис. 1. Артефакты, обнаруженные при раскопках посада.
Керамика (1–12); камень (13, 14, 18), 23; бронза (15–17)

сти и керамический горшок (рис. 1: 10). В яме 20 под толстым слоем камней находились три черепа человека без нижней челюсти и керамический горшок биконической формы с отверстием по центру тулова (вероятно, погребальная урна?) (см. статью К.В. Горбенко, рис. 1: 18.). В яме 16 на дне был найден каменный фаллос, в яме 11 – захоронение части молодого теленка.

Материалы, полученные во время раскопок посада, подтвердили, что жители Дикого Сада успешно развивали промыслы, в частности рыболовство и охоту, занимались скотоводством и земледелием,

развивали ремесла – керамическое (находки керамических сосудов), металлообработку (находки бронзовых вещей) и косторезное (орудия труда из костей животных), и имели сложную систему ворований.

Ванчугов В.П., 1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблема формирования белозерской культуры. Киев.

Горбенко К.В., 2007. Городище «Дикий Сад» у XIII – IX ст. до н. е. // Емінак: Наук. щоквартальник. Миколаїв. №1 (1) (липень – вересень).

А.И. Готлиб

Хакасский государственный университет, Абакан

Жилые комплексы в горных сооружениях-«све» эпохи бронзы в Хакасии

Одним из слабо разработанных направлений в археологических исследованиях Минусинской котловины является изучение жилых комплексов эпохи бронзы. Несмотря на все старания археологов, крайне мало известно в этом регионе Южной Сибири древних поселений бронзового века. Еще меньше раскопано жилых комплексов на территории этих поселений. По существу, до открытия уникального поселения каменнолоожского времени Торгожак в Хакасии было изучено полностью только одно жилое сооружение, относимое к андроновской культуре (Максименков, 1978).

После введения в научный оборот интереснейших материалов раскопок поселения Торгожак, на котором исследована целая серия жилых комплексов, кардинально изменились научные представления о бытовой культуре, уровне социально-экономического и культурно-исторического развития древних скотоводческих племен Хакасии (Савинов, 1996). В настоящее время одним из новых и перспективных направлений в изучении памятников Минусинской котловины, имеющим отношение к поселенческим комплексам, являются горные архитектурно-фортификационные сооружения-«све». Археологически доказано, что многие из этих памятников строились и функционировали в эпоху средней и поздней бронзы. Неожиданным в ходе раскопок горных сооружений-«све» стало наличие на их территории жилых комплексов и построек

В настоящем сообщении дается краткая характе-

ристика жилых комплексов, изученных автором на территории горных сооружений-«све» эпохи бронзы Хакасии в последние десятилетия. Всего раскопано 6 таких объектов.

Све Чебаки. На территории этого интересного памятника, датируемого окуневской эпохой и каменнолоожским временем, исследованы 4 архитектурные конструкции, которые интерпретируются как жилые комплексы.

Одна из построек находилась внутри «све», на горном склоне, в непосредственной близости от каменных стен цитадели памятника. Сооружение представляло собой каменную конструкцию прямоугольной формы, размерами 8 x 10 м. Стены сложены в 5–9 рядов из плит песчаника без связующего раствора. Кладка стен хорошо сохранилась. Ширина стен 1,6–2,8 м, высота 0,5–0,9 м. С северной стороны постройки есть вход. В центральной части жилища обнаружено крупное золистое пятно. В зольнике встречены крупные фрагменты древесного угля. Многочисленные фрагменты сгоревшего дерева зафиксированы у стен сооружения. Предположительно конструкция имела сверху деревянное перекрытие. Кости животных и вещественные находки немногочисленны. Найдены невыразительные обломки керамики. Обращает на себя внимание местоположение постройки – на южном склоне горы, который меньше подвержен воздействию сезонных ветров, чем площадка вершины. Исследованный комплекс представляет собой жилое помещение для временного пребывания. Предположительная дати-

ровка постройки – эпоха поздней бронзы (каменно-ложское время).

Наибольший интерес среди конструкций, изученных на территории цитадели «све» Чебаки, представляет сложный единый комплекс, состоящий из 3 объектов. Вдоль массивной каменной стены цитадели, с внутренней ее стороны, в центральной части площадки «све» первоначально выкапывался котлован. Его длина вдоль борта каменной стены 14,5 м, ширина 4 м, глубина 0,7 м. В центральной части котлована прослежен зольный слой. Общая площадь слоя около 40 м², мощность 2–3 см.

По борту внутренней границы котлована местами выявлены остатки деревянных плах, лежащих наклонно. Отдельные плахи обуглены. Средние размеры плах: длина – 0,52 м, ширина – 0,05 м. Прослежены также фрагменты бревен в заполнении котлована.

Не исключено, что сверху котлован имел деревянное перекрытие. Одним концом бревна опирались на край борта котлована, другим концом укладывались на верхнюю часть каменной кладки стены цитадели. Предположительно котлован, углубленный в землю, использовался как жилое помещение «блиндаж». Наибольшая концентрация вещественного материала в цитадели отмечается в заполнении котлована вдоль каменной стены (более 10 тыс. костей животных, сотни фрагментов керамики окуневского времени, десятки различных артефактов: каменные наконечники стрел, топоры, украшения, скребловидные орудия и т. д.).

С южной стороны к котловану примыкает каменное сооружение 1, пристроенное вплотную к стене цитадели. Постройка эллипсоидной формы, 5,2 x 4,2 м. Одна из стен сооружения одновременно служит внешней стеной цитадели. Стенки постройки сложены из плит песчаника. Используется разная техника кладки. В северной стенке имеется вход в сооружение. Внутри комплекса найдено значительное количество фрагментов керамики, костей животных и вещественные находки окуневского времени.

В 2 м западнее находится сооружение 2, пристроенное к стене цитадели. Это каменная прямоугольная постройка размерами 4 x 5,9 м. С северной ее стороны – вход шириной 1,85 м. Характер кладки стенок постройки такой же, как в сооружении 1. Культурный слой сооружения содержал значительные остатки жизнедеятельности человека. Найдено 1330 обломков костей животных. Керамики мало. Инвентарь представлен 4 кремневыми наконечниками стрел, каменным топором, обломком костяного гарпуна и «иглой» для вязания сетей.

По архитектурным характеристикам оба сооружения типологически близки друг другу. Материа-

лы раскопок не позволяют однозначно интерпретировать их как исключительно бытовые жилые комплексы, используемые для постоянного обитания.

Све Устанах. Памятник разновременный: найдена афанасьевская, окуневская и каменноложская керамика. На территории «све», в северо-восточной части, рядом с монументальной каменной стеной, ограждающей подъем по склону к скалистому утесу горной вершины, исследована жилая постройка – каменное сооружение квадратной формы. Конструкция прослежена по скоплению камней, образующих нечетко выраженную постройку, размерами 4,1 x 4,2 м. Сохранился только каменный фундамент сооружения. Основание стен сложено из обломков камней в один слой. Внутренняя площадь объекта свободна от камней. Культурный слой содержит обломки керамики, костей и древесных угольков. Слой неоднороден и переотложен, его мощность 0,2–0,3 м. Одновременно встречается окуневская и каменноложская керамика. В юго-восточном углу каменной конструкции обнаружено скопление обугленных деревянных плах. С северо-восточной внешней стороны жилой постройки выявлена очажная яма (?) размерами 0,8 x 1 м, обложенная по периметру мелкими камнями. Определить время строительства каменной постройки сложно из-за переотложенности культурных слоев. Предположительно, жилой комплекс построен в каменноложское время. Остался невыясненным внешний облик сооружения, т. к. сохранилось только его каменное основание.

Све Чергатинская. Датируется окуневским и каменноложским временем. В западной части памятника на уплощенной площадке края отвесного скалистого обрыва, где каменная массивная стена перегородивает подходы к горной вершине, раскопано деревянное жилище квадратной формы, размерами 4 x 4 м. Жилище построено из бревен лиственницы и в древности полностью сгорело, превратившись в древесный уголь. Сверху постройка завалена плитами песчаника, упавшими со стены «све». На дне жилища прослежен мощный горелый слой.

При строительстве жилого комплекса выкапывался неглубокий котлован и выравнивалась поверхность пола. Восточная стенка жилища сохранилась плохо. В юго-восточном углу этой стенки обнаружены остатки вертикального деревянного столба диаметром 0,12 м, что позволяет сделать вывод о том, что жилище было каркасно-столбовой конструкции. Западная стенка вплотную примыкала к останцу скальника, оформленного по борту кладкой из камней песчаника в 10 рядов плит. Высота борта котлована у западной стенки – 1,9 м. Не исключено, что плахи потолочного перекрытия с этой стороны постройки могли укладываться поверх борта

котлована. Возможно, этим объясняется отсутствие столбовых конструкций на западной стене жилища. Остатки деревянной стены постройки прослежены по южному борту котлована. Северная стенка представляет собой каменную кладку, перегораживающую пространство между двумя скальными останцами. Каменная стена огораживала с внешней стороны деревянную стенку постройки. Возможно, потолочное перекрытие жилища было двухъярусным, а крыша постройки перекрывалась берестой, сгоревшие фрагменты которой были обнаружены.

На дне жилища выявлены развалы 4 каменноложских сосудов. Среди других находок 2 костяные стрелы, костяной игольник, бронзовый нож-бритва, 5 каменных галек-«грузил». В заполнение встречены многочисленные кости животных и большое количество фрагментов керамики. Удалось проследить, что каменноложское жилище построено на древнем культурном слое, сформированном еще в окуневское время. В заполнении на разных уровнях фиксируется окуневская керамика. О поздней перетолженности культурного слоя в комплексе свидетельствуют немногочисленные находки керамики тагаро-таштыкской эпохи.

Исследование горных сооружений-«све» Хакасии эпохи бронзы выявило целую серию синхронных архитектурных жилых комплексов. Материалы раскопок жилищ существенно расширяют пред-

ставления об уровне развития древних скотоводов Южной Сибири, которые, как оказывается, хорошо владели навыками строительного дела, обладали архитектурными знаниями, нашедшими свое воплощение в сооружение этих комплексов на горных вершинах. Все изученные конструкции, безусловно, бытовые объекты, но признать их долговременными постоянными жилищами вряд ли представляется возможным. Скорее всего, эти комплексы отражают специфический и сложный характер самих памятников-«све» и непосредственно связаны с функциональным использованием горных сооружений.

Готлиб А.И., 1997. Горные архитектурно-фортификационные сооружения окуневской эпохи в Хакасии // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. СПб.

Готлиб А.И., 2007. Горное сооружение-све Чергатинская эпохи бронзы на севере Хакасии (предварительные результаты исследований) // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий: Мат. междунар. науч.-практ. конф. (24–26 октября 2007 г.). Абакан. Вып. 3. Ч. II.

Максименков Г.А., 1978. Андроновская культура на Енисее. Л.

Савинов Д.Г., 1996. Древние поселения Хакасии: Торгожек. СПб.

С.П. Грушин

Алтайский государственный университет, Барнаул

Бронзовый век Алтая: генезис сейминско-турбинского комплекса*

Рассматривая проблему формирования сейминско-турбинских бронзолитейных традиций, исследователи неоднократно обращались к историографии вопроса, поэтому мы не будем отдельно останавливаться на нем. Отметим лишь, что наиболее обеспечена доказательной базой, на наш взгляд, точка зрения, в соответствии с которой территорией формирования сейминско-турбинских традиций является Алтай (Черных, Кузьминых, 1989).

Анализ металлических предметов Алтая, связанных с сейминско-турбинскими стереотипами металлообработки показывает, что они морфологически неоднородны. Можно предварительно выделить три группы изделий (рис. 1). Отличия предметов, входящих в разные группы, на наш взгляд, могут объяс-

няться хронологически и демонстрировать динамику развития сейминско-турбинских бронзолитейных традиций.

Первая группа характеризует «досейминско-турбинский» этап, который условно можно обозначить как «елунинский». Он представлен: бронзовыми кельтами-лопатками и формами для их отливки из археологических комплексов Ак-Чий I (рис. 1: 2; Алехин, 1999. С. 27; Алехин, Демин, Илюшин, 1992. С. 135), Озерное (рис. 1: 1; Погожева, Кадиков, 1979. С. 84; Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982. С. 80; Кубарев, 1988. Рис. 65, 2), Кормузций (Молодин, Алкин, 1997; Варенов, 1998); вильчатými наконечниками копий с эллипсоидной формой пера из Горного Алтая – Соузга (рис. 1: 14; Кочеев, 1997.

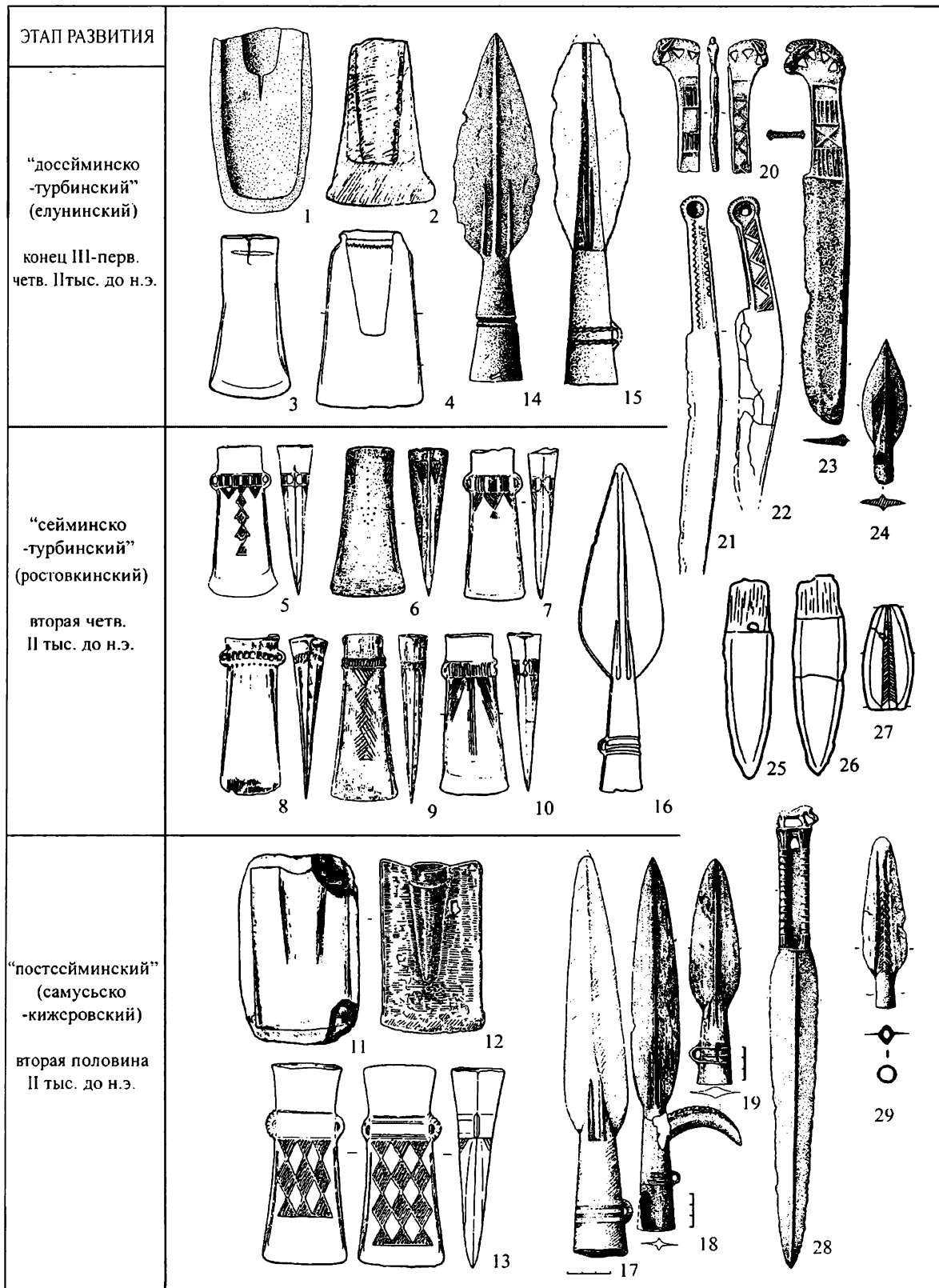

Рис. 1. Этапы развития сейминско-турбинского комплекса Алтая: 1 – Озерное; 2 – Ак-Чий-1; 3 – Иткуль; 4, 12 – Семипалатинский музей; 5 – Николаевка; 6 – Кананерка; 7 – Соколово; 8 – Курчум; 9 – Калбинский хребет; 10 – Смоленское; 11 – Анисимово; 13 – Косиха; 14 – Соузга; 15 – Григорьевка; 16, 25, 26 – Клепиково; 17 – Устьянка; 18, 28 – Чарыш; 19 – Парфеново; 20 – Усть-Мута; 21, 22 – Цыганкова Сопка-II; 23 – Елунино-1; 24 – Телеутский Взвоз-1; 27 – Ростовка; 29 – Павловский р-н

С. 171–173), и Восточного Казахстана – Григорьевка (рис. 1: 15; Грушин, Мерц, Папин, Пересветов, 2006. Рис. 1, 4); елуническими ножами, отлитыми вместе с навершием в двусторонней форме, – Елунино I, Староалейка II (рис. 1: 21–23; Кирюшин, 1987), Усть-Мута (рис. 1: 20; Киреев, Кудрявцев, 1988. С. 164–166); втульчатым наконечником стрелы с эллипсоидной формой пера – Телеутский Взвоз I (рис. 1: 24; Грушин, 2001. С. 32).

В культурном отношении елунический этап, кроме собственно елунической культуры, связан с памятниками «чемурчекского» типа юго-восточного Казахстана, Синьцзяна и Монголии, каракольской культуры Горного Алтая, прииртышским вариантом елунической культуры. Этот этап отражает процесс формирования сейминско-турбинских традиций, выработка которых происходила в культурной среде, связанной с вышеотмеченными образованиями. Ядром этих процессов был Рудно-Алтайский горно-металлургический центр, с богатыми полиметаллическими и оловянистыми месторождениями. На этом этапе были выработаны такие технологические приемы в обработке металла, как литье изделий с «глухой» втулкой (кельты, наконечники копий и стрел); с ребрами жесткости в виде «вилки» (наконечники копий); с «Т-образным» расширением обушка (ножи). Датировка елунического этапа определяется в рамках последней четверти III – первой четверти II тыс. до н. э.

«Классический» сейминско-турбинский этап, который можно обозначить как «ростовкинский», демонстрируют случайные находки двушковых кельтов, орнаментированных ромбами и треугольниками, – Николаевка (рис. 1: 5; Уманский, 1992. Рис. 4), Смоленское (рис. 1: 10; Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 19, 3), Иткульский Завод (рис. 1: 3; Грязнов, 1956. Рис. 5, 2), Калбинский Хребет (рис. 1: 9), Курчум (рис. 1: 8; Черников, 1960. Табл. XLI, 3, 4; LXVII, 9); пластинчатых черешковых двулезвийных ножей (рис. 1: 25, 26); вильчатого наконечника копья с максимальным расширением пера в нижней части – Клепиково (рис. 1: 16; Грязнов, 1956. Рис. 5, 2); литейной формы – Калантарь XI (Кирюшин, 2002. Рис. 154). Этот этап характеризуется металлокомплексом могильника Ростовка в Прииртышье (Матюшенко, Сеницына, 1988), погребением литейщика на могильнике Сопка II (Молодин, 1983). Технологические приемы в обработке металла, выработанные на предшествующем – елуническом – этапе, продолжали использоваться в это время, однако появляются новые способы. Вероятно, с этим периодом можно связать изобретение литья по восковой модели и некоторые особенности оформления отдельных элементов различных категорий ин-

вентаря, которыми характеризуются классические сейминско-турбинские предметы.

Хронологически ростовкинский этап, вероятно, относится ко второй четверти II тыс. до н. э. В этот период происходит значительное расширение первоначального ареала бытования сейминско-турбинских изделий: кроме Верхней Оби и Верхнего Иртыша, он охватывает Среднее Прииртышье, Барабинскую лесостепь, Минусинскую котловину и др. Вероятно, именно с этим этапом развития сейминско-турбинского культурного феномена связаны значительная миграция населения в Восточную Европу и первые контакты с ранними андроновскими племенами синташтинско-петровского типа.

Поздний, «постсейминский», этап в развитии «сейминско-турбинского» феномена характеризуется сложением «самусьско-кижеровских» традиций, поэтому его уместно обозначить как «самусьско-кижеровский». Основным фактором в сложении этого комплекса, вероятно, был андроновский, который вызвал серьезные перемещения населения и их культурные взаимодействия. Территориально такие предметы сопряжены с лесостепными и лесными ландшафтами, как бы окаймляя ареал андроновских древностей. Этот этап наиболее ярко иллюстрируют кельты самусьско-кижеровского типа – Косиха (рис. 1: 13; Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 78, 4) Новенькое II (Кирюшин, Клюкин, 1985. Рис. 17/17); кельты с приподнятыми плечиками – Семипалатинский историко-краеведческий музей (рис. 1: 12; Черников, 1960. Табл. LXV, 4), и формы для их отливки – Анисимово (рис. 1: 11; Уманский, 1986. С. 89, 90); вильчатые наконечники копий с узким пером – Устьянка (рис. 1: 17), Парфеново (рис. 1: 19), р. Чарыш (рис. 1: 18; Кирюшин, 2002. Рис. 151, 152); кинжалы «каракольского» типа – Чарыш (рис. 1: 28; Кирюшин, Шульга, Грушин, 2006. Рис. 1, 2). На этом этапе происходит дальнейшая трансформация классических сейминско-турбинских форм. В культурном отношении они связаны с различными «андроноидными» культурами Северной Евразии и охватывают вторую половину II – первую четверть I тыс. до н. э.

Представленная выше схема демонстрирует динамику развития сейминско-турбинских стандартов на примере изделий с территориями юга Западной Сибири, Восточного Казахстана и Горного Алтая. Она показывает развитие морфологии предметов, их основных признаков, однако сами вещи могли использоваться продолжительное время и сосуществовать.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект 07-06-00327, тема «Алтай в бронзовом веке (радиоуглеродная и археологическая датировка)».

- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул.
- Алехин Ю.П., 1999. Рудный Алтай в древности и средневековье // Серебряный венец России: Очерки истории Змеиногорска. Барнаул.
- Алехин Ю.П., Демин М.А., Илюшин А.М., 1992. Некоторые результаты исследований на Рудном Алтае // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул.
- Варенов А.В., 1998. Афанасьевские древности из Северного Сынцзяна и их алтайские аналогии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Мат. науч.-практ. конф. Барнаул. Вып. IX.
- Грушин С.П., 2001. Наконечник стрелы сейминско-турбинского типа с Верхней Оби // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории: Мат. XII Западносибирской археолого-этнограф. конф. Томск.
- Грушин С.П., Мерц В.К., Папин Д.В., Пересветов Г.Ю., 2006. Материалы эпохи бронзы из Павлодарского Прииртышья // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул.
- Грязнов М.П., 1956. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. № 48.
- Киреев С.М., Кудрявцев П.И., 1988. Новые находки эпохи бронзы из Горного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул.
- Кирюшин Ю.Ф., 1987. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул.
- Кирюшин Ю.Ф., 2002. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул.
- Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А., 1985. Памятники неолита и бронзы юго-западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул.
- Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Грушин С.П., 2006. Случайные находки бронзовых предметов в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул.
- Кочеев В.А., 1997. Новые находки эпохи развитой бронзы Горного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Мат. конф. Барнаул.
- Кубарев В.Д., 1988. Древние росписи Каракола. Новосибирск.
- Матюшенко В.И., Сеницына Г.В., 1988. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск.
- Молодин В.И., 1983. Погребение литейщика из могильника Сопка II // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул.
- Молодин В.И., Алкин С.В., 1997. Могильник Гумугоу (Сынцзян) в контексте афанасьевской проблемы // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Новосибирск.
- Погожева А.П., Кадиков Б.Х., 1979. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Уманский А.П., 1992. Находки эпохи бронзы из Верхнего Приобья // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири. Барнаул.
- Черников С.С., 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. № 88.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии. М.

А.А. Егорейченко

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Поздний бронзовый век лесной полосы Восточной Европы

Культуры I тыс. до н. э. лесной полосы Восточной Европы (штрихованной керамики, днепро-двинскую, дьяковскую и др.) исследователи традиционно относят к железному веку, отсчет которого начинают с VII в. до н. э. (Митрофанов, Смирнов, Шмидт). Однако фактически до рубежа н. э. они демонстрируют костяную и каменную индустрию, никоим образом не связанные с эпохой железа. Редки в них и изделия из бронзы из-за отсутствия собственных сырьевых ресурсов и дороговизны привозного металла. Судя по находкам литейных форм, собственное производство металлических вещей на подавляющем

большинстве поселений ограничивалось украшениями. И только на некоторых городищах был налажен выпуск таких крупных металлозатратных изделий, как кельты (Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. Pav. 49; Luchtanas, 1981. Pav. 5, 6; Grigalavičienė, 1986. Pav. 24: 1; Шмидт, 1992. С. 91). Исходя из этих факторов исследователи обычно выделяют ранний этап в развитии этих культур, длившийся до появления и широкого распространения у их носителей черной металлургии и металлообработки (Митрофанов, 1978. С. 9–42; 1980. С. 103; Васк, 1991. С. 123; Luchtanas, 1992. Р. 84; Медведев, 1996. С. 46; Ша-

дыро, 1985. С. 112; Смирнов, 1974. С. 78). Однако контраст между ранними и поздними памятниками настолько велик, что позволяет поставить вопрос о разграничении каждой из этих когда-то монолитных культур на две самостоятельные, соответствующие эпохе поздней бронзы и железного века.

Наиболее ярко это проявляется на примере культуры штрихованной керамики, выделенной в начале 1950-х гг. А.Г. Митрофановым. Различия в ареалах ранних и поздних памятников, типах городищ и домостроительстве, в керамическом комплексе, структуре хозяйства, военном деле и других признаках дают основание для выделения культуры ранней штрихованной керамики, характерной для эпохи поздней бронзы, и культуры поздней штрихованной керамики, соответствующей классическому железному веку (Егорейченко, 2006).

Культура ранней штрихованной керамики занимала сравнительно небольшую территорию, которая включала в себя Северо-Восточную Литву, Юго-Восточную Латвию и Северо-Западную Беларусь. Ее формирование в Прибалтике исследователи относят к последней четверти – концу II тыс. до н. э. (Grigalavičienė, 1995. P. 237, 238; Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. P. 47; Luchtanas, 1992. P. 59; Васкс, 1991. С. 91). На территории Беларуси памятники с такой ранней датировкой долгое время не были известны. Их выявили только в конце 1970-х – 1990-е гг. на крайнем северо-западе республики, на стыке с Литвой и Латвией (городища Зазоны и Ратюнки). Как показали раскопки, они отнюдь

не моложе, а возможно, даже старше поселений на территории прибалтийских республик. Об этом свидетельствуют как некоторые бронзовые изделия из городища Ратюнки, так и данные радиоуглеродного анализа. Одна из находок – игла (рис. 1: 1), аналогии которой можно найти в лужицкой культуре, где близкие экземпляры датируются в пределах фаз BB2–BC эпохи бронзы (1500–1300 гг. до н. э.) (Kłosińska, 1997. Рис. 12. Tabl. XIV: 6; XVIII: 2). Еще одно изделие представлено массивным кольцом с заходящими друг за друга концами (рис. 1: 2). На территории Польши подобные экземпляры имели длительное хождение от 1600 до 600 г. до н. э., хотя большая часть находок также имеет максимум распространения в фазах BB2–BD (Dąbrowski, 1972. Tabl. XXX: 9, 10; Blajer, 1990. Tabl. LXV: 7, 8; Blajer, 1999. Tabl. 200: 7). Ряд радиоуглеродных дат, полученных в ходе раскопок городища Ратюнки, также может свидетельствовать о более раннем, чем принято считать, формировании культуры ранней штрихованной керамики (вторая половина I тыс. до н. э.) (Егорейченко, 2006. Табл. VI). Время исчезновения этой культуры, вероятно, приходится на конец I тыс. до н. э., при возможном существовании отдельных поселений и в первые века н. э.

На всем протяжении своего существования она ярко демонстрирует прежде всего костяную индустрию. Кость служила сырьем для изготовления орудий труда, оружия, бытовых вещей и украшений. Совершенно аналогичная картина наблюдается и в более восточных областях лесной полосы: и в

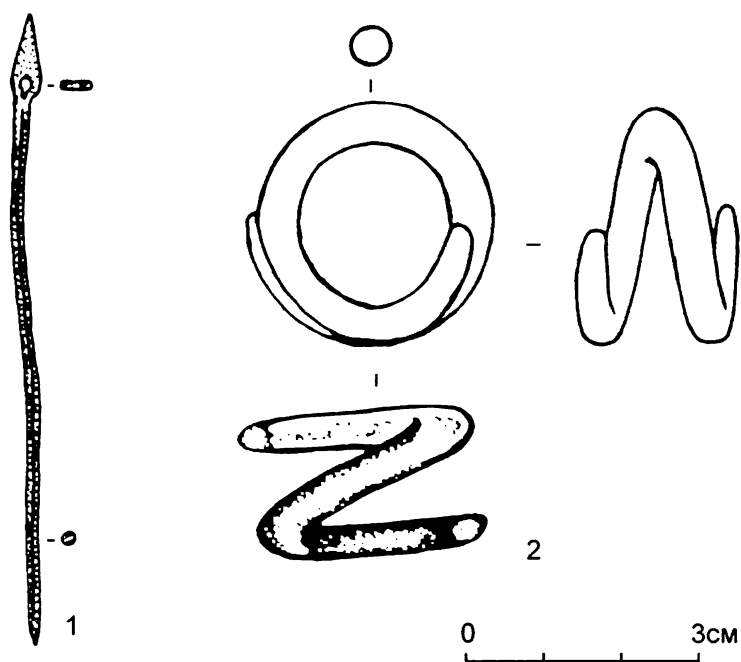

Рис. 1. Бронзовые изделия из городища Ратюнки: 1 – игла, 2 – кольцо

днепро-двинской культуре, и в дьяковской вплоть до конца I тыс. до н. э. костяные изделия преобладают. Особо следует отметить во всех перечисленных культурах разнообразие костяных наконечников стрел, свидетельствующих о доминировании оружия ближнего боя. Для дьяковской культуры костяные наконечники копий и дротиков, по-видимому, вообще не были характерны. В днепро-двинской культуре они известны только в Подвинье. Днепровский ареал этой культуры в этом плане стоит ближе к Верхнему Поволжью.

Сходную картину демонстрирует и каменная индустрия этих культур. Наиболее многочисленная и разнообразная группа каменных изделий наблюдается в культуре ранней штрихованной керамики: топоры (сверленные и клиновидные), долота, зернотерки. Восточнее, в ареале днепро-двинской и дьяковской культур, находки из камня более редки.

Переход к железному веку на рубеже эр в ареале штрихованной керамики ознаменовался резким изменением всего облика культуры. Наиболее ярко это проявилось в керамическом комплексе. На смену слабопрофилированным и баночным сосудам приходят ребристые горшки с иными системой штриховки и видами орнаментации. Появляются новые типы городищ (мысовые, на ровной местности, на коренных берегах рек с усиленной системой искусственных фортификационных сооружений), неизвестные ранее жилища (полуземлянки и наземные дома срубной конструкции, наземные столбовые постройки со сложной планировкой). Кардинальные перемены происходят в структуре хозяйства: на первый план выдвигается подсечное земледелие, а в составе стада ведущую роль вместо свиньи начинает играть крупный рогатый скот. Существенные отличия наблюдаются в военном деле – в культуре поздней штрихованной керамики совершенно отсутствуют наконечники стрел. Основу снаряжения воинов составляли копья и дротики.

Динамичные перемены происходят в это же время в днепро-двинской и дьяковской культурах; они также привели к значительной перестройке их облика. В керамическом комплексе они не так заметны, как в культуре поздней штрихованной керамики, однако достаточно показательны. Исследователи отмечают распространение на рубеже н. э. и в первые века н. э. сильнопрофилированной керамики вместо баночной и слабопрофилированной, которая орнаментирована пальцевыми защипами и ногтевыми насечками по краю венчика (Шмидт, 1992. С. 96; Исланова, 2001. С. 65. Рис. 5). Появляется лощеная посуда, в чем можно усмотреть постзарубинецкие традиции. Структурные изменения, как и в культуре поздней штрихованной керамики, наблюдаются в хозяйствен-

ной деятельности. Здесь также доминирующую роль начинает играть подсечное земледелие (Дубынин, 1974. С. 245; Шадыро, 1985. С. 94, 95).

Что касается железных изделий, то в этих культурах они, возможно, появляются ранее, нежели у носителей штрихованной керамики. По крайней мере, клиновидные проушные топоры, найденные на поселениях днепро-двинской культуры, обычно сравнивают со скифскими V–IV вв. до н. э. Однако массовое распространение черной металлургии и металлообработки в дьяковской и днепро-двинской культурах исследователи также относят к концу I тыс. до н. э. Этот революционный взрыв, повлекший за собой кардинальные изменения в различных сторонах жизни и деятельности племен лесной полосы, является реальной точкой отсчета начала железного века в бассейнах Западной Двины, верхних течений Днепра и Волги. В связи с этим мне представляется правомерным выделение самостоятельных культур эпохи поздней бронзы вместо ранних этапов культур штрихованной керамики, днепро-двинской, дьяковской и некоторых других, чей облик вплоть до рубежа н. э. сохраняет традиции, которые берут начало еще в каменном веке и сохраняются вплоть до массового распространения железа.

- Васк А.В., 1991. Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. Рига.
- Дубынин А.Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.
- Егорейченко А.А., 2006. Культуры штрихованной керамики. Минск.
- Исланова И.В., 2001. Опыт классификации керамики поселений дьякова типа // ТАС. Вып. 4. Т. II.
- Медведев А.М., 1996. Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Минск.
- Митрофанов А.Г., 1978. Железный век Средней Белоруссии. Минск.
- Митрофанов А.Г., 1980. Археологические памятники восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа (VIII в. до н. э. — IX в. н. э.) // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига.
- Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М.
- Шадыро В.И., 1985. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск.
- Шмидт Е.А., 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. М.
- Blajer W., 1990. Skarby z wczesnej epoki brązu na ziemiach Polskich. Wrocław.
- Blajer W., 1999. Skarby ze starszej i środkowej epoki brązu na ziemiach Polskich. Kraków.

- Dąbrowski J., 1972. Powiązania ziem Polskich z terenami wschodnimi w epoce brązu. Wrocław.
- Grigalavičienė E., 1986. Sokiškių piliakalnis // Lietuvos Archeologija. T. 5.
- Grigalavičienė E., 1995. Žalvario ir ankstyvasis geležias amžius Lietuvoje. Vilnius.
- Kłosińska E., 1997. Starszy okres epoki brązu w dorzeczu Warty. Wrocław.
- Luchtanas A., 1981. Žalvario apdirbimas ankstyvuosiuose rytų Lietuvos piliakalniuose // Lietuvos Archeologija. T. II
- Luchtanas A., 1992. Ritų Lietuva I tukst. pr. m. e.ą // Lietuvos Archeologija. T. 8.
- Volkaitė-Kulikauskienė R., 1986. Narkūnų didžiojo piliakalnio tyrinėjimų rezultatai // Lietuvos Archeologija. T. 5.

А.В. Епимахов

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск

Финал бронзового века в Южном Зауралье*

Южное Зауралье является пограничной территорией в географическом, климатическом и культурном аспектах. В ландшафтном отношении рассматриваемый участок (верхнее течение р. Урал и Среднее Притоболье) может быть формально разделен на степную и лесостепную зоны. В последней фазе суббореального периода (SB 3) в степи происходит переход от термического максимума к довольно длительному похолоданию, которое по одной версии сопровождалось в Зауралье повышенной увлажненностью (Лаврушин, Спиридонова, 1999), по другой – количество осадков было близко современному (Таиров, 2003). В Среднем Притоболье продолжалась относительно засушливая эпоха, хотя острота несколько снизилась. Это сопровождалось смещением к югу ландшафтов подтаежного типа и северной лесостепи, что стимулировало изменение хозяйственной деятельности и миграционную активность (Зах, Рябогина, 2005). Однако детальные реконструкции для предгорной части Зауралья отсутствуют.

После выделения К.В. Сальниковым (1967) замараевского этапа андроновской общности культурная принадлежность рассматриваемой группы неоднократно корректировалась: саргаринско-алексеевская культура (преимущественно в степной части), межовская и бархатовская (в лесостепной) (Стефанов, Корочкова, 1984; Потемкина, 1985; Обыденнов, 1998; Древняя история...; Аношко, 2007; и др.). Большинство либо относит эту группу памятников к периоду существования общности культур валиковой керамики (ОКВК) (Черных, 1983), либо включает в нее.

Источниковая база представлена поселениями, погребениями и случайными находками. Нами сделан акцент на погребения, рассеянные по неболь-

шим публикациям либо вовсе не увидевшие свет. Поселения в сравнении с погребальными памятниками к настоящему времени известны несколько лучше. Правда, исследованная площадь некоторых невелика. К тому же, во многих случаях материалы завершающих веков эпохи бронзы удается выделить только типологически, а заметная доля керамики данного периода не орнаментирована, что создает проблемы для ее диагностирования. Даже для поселений с достоверно «кратким» периодом существования исследователи часто выделяют ряд типов керамики разных археологических культур, а для части посуды приходится выделять самостоятельный культурный тип (Малютина и др., 2006).

Погребальные памятники крайне малочисленны. 30 могильных ям выявлены в 3 могильниках, 11 – в одиночных курганах; 5 впускных погребений. Над, могильные конструкции отличаются простотой и скромными параметрами. Параметры могилы обычно рассчитаны только на помещение покойного. В обряде захоронения преобладает ингумация, с вариациями в положении на правом (реже левом) боку и степени скорченности. Погребения, как правило индивидуальны. Среди похороненных примерно в равном количестве представлены женщины и мужчины (adultus и matus), единично дети. Преобладают ориентировка в южный сектор, сильная степень скорченности. Отклонения (меридиональная ориентировка и слабая скорченность) имеют хронологическое объяснение.

Для основной группы список признаков может быть пополнен традицией помещения единственного сосуда у головы покойного в сочетании с минимумом другого инвентаря. В поздних комплексах (Верблюжьих Горки, Макан 1) обнаружены железные ножи и костяные втульчатые наконечники стрел,

Керамический комплекс характеризуется небрежно изготовленной плоскодонной, плавно профилированной посудой горшечной формы. Примерно треть не орнаментирована, в остальных случаях представлены горизонтальная елочка; зигзаг; косые насечки; сетка. Рельефные элементы в виде валика встречены единожды.

Случайные находки металлических изделий представлены довольно обильно и включают ряд характерных типов как «западного» (кинжалы сосновомазинского типа), так и «восточного» генезиса (кинжалы карасукского облика).

Относительная хронология подтверждена суммой стратиграфических наблюдений и типологическими рядами некоторых категорий находок. Согласно схеме Е.Н. Черных, речь идет о третьей фазе Евразийской провинции позднего бронзового века, датируемой в соответствии с калиброванной радиоуглеродной шкалой 1500–900 гг. до н. э. (Черных и др., 2002. С. 21).

Для Южного Зауралья мы располагаем 9 результатами датирования (Епимахов и др., 2005). Сумма вероятностей Зауральской серии – 1380–1130 (1400–1050) гг. до н. э. Верблюжьих Горки, имеющие существенные отличия по ряду показателей, дали единственную дату 895–810 (910–800) гг. до н. э.

Сравнительные данные имеются для бархатовской культуры (Матвеев и др., 1991; Малютина и др., 2006 и др.), карасукских памятников Минусинской котловины (Gorsdorf et al., 2004) и Поволжья (Кузнецов, 1996). По бархатовским памятникам (16 дат) получен интервал 1210–770 (1450–550) гг. до н. э. Более поздняя позиция объясняется тем, что большая часть анализов связана городищами, относимым к поздней фазе существования культуры (Аношко, 2007. С. 120). Карасукский – 1440–1130 (1450–1050) гг. до н. э. – и еловский – 1500–1310 (1540–1130) гг. до н. э. – интервалы ближе ранней группе значений Южного Зауралья, а каменноложский – 1350–800 (1400–800) гг. до н. э. – бархатовской культуре и дате Верблюжьих Горок. К последним примыкает сумма двух дат Среднего Поволжья – 1130–910 (1260–830) гг. до н. э. Из изложенных фактов напрашивается вывод о разделении периода ПБВ III на две части, что подтверждает предположение о наличии двух фаз «горизонта КВК» (Черных, 1983. С. 95), которое обосновано для разных территорий (Потемкина, 1985. С. 266; Евдокимов, Варфоломеев, 2002. С. 59; и др.).

Аналогии основным обрядовым чертам обнаруживаются от Поднепровья до Западной Сибири, что заставляет рассматривать их как «эпохальные стереотипы». Следует, однако, признать, что это определение не раскрывает механизм возникновения и поддержания единства. Выбор любой из ранее

предлагавшихся версий (межовская, саргаринско-алексеевская, бархатовская) не кажется удовлетворительным ввиду дефицита сравнительных материалов либо явного несходства, например, с межовской обрядностью Приуралья (Обыденнов, 1998. С. 11–16). Не удивительно появление мнения о самостоятельности местных традиций (Костюков, Епимахов, 2005; Малютина и др., 2006). Это не отрицает синхронизации ранней группы зауральских памятников с ОКВК. Почти полное отсутствие рельефной орнаментации посуды в этом случае следует считать признаком локальным, а не хронологическим.

«Проницаемость» культурных границ понуждает к поиску дефиниций за пределами термина «археологическая культура», поскольку ситуация демонстрирует своего рода непрерывность (Корякова, 1991. С. 20–23; Черных, 2007. С. 36–37), при которой контакты с ближайшими соседями широко сочетались с дальними связями и миграциями. Следовательно, вопрос о принадлежности памятников Южного Зауралья к межовско-ирменско-карасукскому кругу либо к кругу КВК не имеет и не может иметь абсолютно однозначного ответа. Оптимальным решением кажется выделение для Южного Зауралья бероключевского археологического типа, который, оставаясь инструментом анализа, не обязательно имеет перспективу превращения в самостоятельную культуру. Длительность его существования еще предстоит установить, поскольку на отсутствие разрыва культурных традиций между выделяемыми ранней и поздней группами указывает лишь сходство посуды.

* Работа выполнена в рамках интеграционной программы УрО РАН и СО РАН, при финансовой поддержке РФФИ (проекты 06-06-96906-р_урал_a и 08-06-00380-а) и РГНФ (проект 08-01-85118а/У).

Аношко О.М., 2007. Общая характеристика бархатовской культуры позднего бронзового века Зауралья // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. Курган. Древняя история Южного Зауралья. Т. I: Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск, 2000.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В., 2002. Эпоха бронзы Центрального и Восточного Казахстана. Караганда.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Рэнфрю К., 2005. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. № 4.

Зах В.А., Рябогина Н.Е., 2005. Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-Ишимья // АЭАЕ. № 4 (24).

Корякова Л.Н., 1991. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Екатеринбург.

- Костюков В.П., Епимахов А.В., 2005. Хронология и культурная интерпретация памятников финальной бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Актюбинск. Вып. 2.
- Кузнецов П.Ф., 1996. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. СПб. Вып. 1.
- Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., 1999. Основные геолого-палеоэкологические события конца позднего плейстоцена и голоцена на восточном склоне Южного Урала // Природные системы Южного Урала. Челябинск.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б., Петрова Л.Ю., 2006. Поселение Берсуат XVIII // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культуругенеза). Челябинск.
- Матвеев А.В., Орищенко А.В., Зах В.А., Панфилов А.Н., Петренко Ю.В., 1991. Радиоуглеродный возраст и проблемы хронологии археологических памятников эпохи неолита и бронзового века на юге Тюменской области // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул.
- Обыденнов М.Ф., 1998. Межовская культура. Уфа.
- Потемкина Т.М., 1985. Бронзовый век лесостепного Приоболжья. М.
- Сальников К.В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н., 1984. Поселения заключительного этапа бронзового века на р. Тобол // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск.
- Таиров А.Д., 2003. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н. э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск.
- Черных Е.Н., 1983. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Черных Е.Н., 2007. Каргалы. М. Т. V.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В., 2002. Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. № 1.
- Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A., 2004. ¹⁴C dating of the Siberian steppe zone from Bronze Age to Scythian time // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. London.

В.В. Зайков, В.А. Котляров, Е.В. Зайкова

Институт минералогии УрО РАН, Миасс

Состав металлических включений в древних шлаках Южного Урала

При исследовании шлаков из уральских поселений бронзового века на Южном Урале установлены металлические включения различного состава. Шлаки получены из древних металлургических печей, выявленных работами Челябинского и Южно-Уральского государственных университетов, Центра Аркаим, Института истории и археологии УрО РАН. Металл получали из изложниц поперечником 10–15 см с использованием древесного угля. В отборе и подготовке проб участвовали Г.Б. Зданович, Т.С. Малютина, А.В. Епимахов. Изучение состава включений (табл. 1) проводилось в полированных шлифах (аншлифах) с помощью оптического микроскопа (OLYMPUS) и электронных микроскопов РЭММА 202М и JEOL-733 (операторы В.А. Котляров, Е.И. Чурин). Целью работы является характеристика состава металлических включений для определения вероятного источника минерального сырья.

Типизация включений. Оптическим методом исследовано 49 полировок; металлические включе-

ния выявлены только в 30 из них. Большинство металлических включений представлено однородными корольками меди и мышьяковой бронзы и дают мало информации об источнике сырья. В 9 полировках установлены включения сложного состава, в большинстве из них присутствуют зерна хромшпинелидов. Как правило, включения затронуты процессами окисления, что приводит к новообразованиям в виде оксидов и хлоридов металлов.

Размер включений 0,2–8 мм, форма округлая и вытянутая. По составу металла выделяются следующие типы включений (табл. 1): однофазные (чистая медь; мышьяковая бронза; сульфид меди), двухфазные (бронза мышьяковистая с каплями селенистых сульфидов), трехфазные (бронза никель-мышьяковая, сульфид меди, сплав Cu-Ni-As в интерстициях; бронза мышьяковая, сульфид меди, сплав Fe-Cu-As в интерстициях).

Описание включений сложного состава. Двухфазные включения выявлены в шлаках из поселений

Таблица 1. Состав включений в шлаках

Тип включений	Состав	Номера полировок	Содержания (масс. %)					
			Cu	Fe	S	Se	Ni	As
Однофазные	Медь	Арк 4279; Арк 6710	98-100 98-100					
	Бронза	Устье 845-2	93-95				3	3-5
Двухфазные	Бронза мышьяковая с никелем (домены)	Ал О_О; Арк. 4278;	91-92 95-96	0-0,2 0,6-0,9			1-3 1-2	6-7 1-2
		Устье 845-1	88-90	2-3			3-4	2-5
	Сплав Cu-As-Ni в интерстициях	845-1	18-23	25-29			7-18	43-44
	Сплав Cu-As-Ni	Ал. О_О	37-53	3-4			3-5	26-47
	Сельфиды селенистые	Арк. 4278	68-69	2-4	13-14	6-7		
Трехфазные	Бронза мышьяковая с никелем (домены)	Киз. 155-1	86-94	2-3	0.5-1		3-4	3-4
	Сплав Cu-Ni-As в интерстициях	Киз. 155-1	30-40	4-5	0-0,5		31-40	31-35
	Сульфиды Cu в интерстициях	Киз. 155-1	80-85	4-5	21-23		0,3-0,5	
	Сплав Fe-As-Cu-Ni (домены)	Куйсак 838	3-4	80-85			1-2	10-14
	Сплав Fe-Cu-As-Ni	Куйсак 838	25-30	30-40			5-7	25-30
	Капли сульфида меди в интерстициях	Куйсак 838	70-75	5-6	20-22		0.5-1	

Аландское (на северо-востоке Оренбургской обл.), Аркаим (в 50 км к востоку от райцентра Кизильское) и Устье (возле г. Карталы).

Полировка Аландское О_О (рис. 1: 1) взята из стекловатого шлака и представлена округлыми корольками бронзы мышьяковистой с никелем, содержащей сплав Cu-As-Ni. Размер корольков 0,2–1 мм. Наряду с ними присутствуют кавернозные включения неправильной формы (размер 0,1–0,3 мм), в которых сочетаются сплав Fe-Cu-As с хромом. В интерстициях сосредоточен сплав Fe-Cu-As.

Полировка Аркаим 4278 характеризует включение поперечником 6–8 мм сложного строения (рис. 1: 2). Периферия сложена хлоридами и оксидами меди, в центральной части располагается графически построенные выделения мышьяковистой бронзы с каплями селенистых сульфидов. Содержание селена достигает 6–7% при концентрации теллура около 1%. Данные элементы, особенно селен, характерны для нижних горизонтов зон окисления колчеданных месторождений.

Полировка Устье 845-1 (рис. 1: 3) взята из королька мышьяковой бронзы, испытавшей окисление. Размер королька 0,3–1 мм. Строение корольков ячеистое за счет доменов состава Cu-Ni-As, между ними заключены интерстиции, обогащенные мышьяком и никелем (до 43 и 18% соответственно).

Трехфазные включения установлены в шлаках из поселений Кизильское и Куйсак. Первое из них

расположено в районе одноименного райцентра, второе – возле п. Зингейского.

Полировка Кизильское 155-1 отобрана из шлака с включением королька размером 0,1–0,2 мм. Основная фаза представлена мышьяковой бронзой, содержащей около 3% мышьяка и никеля. Вторая фаза представлена интерстициями с высоким содержанием мышьяка и никеля (30–40%). В ней содержатся круглые и овальные выделения сульфида меди (величина их достигает 0,1 мм).

В полировке Куйсак 838 (рис. 1: 4) выявлен трехфазный полуокисленный корольек. Округлые домены, имеющие состав Fe-As-Cu-Ni, разделены интерстициями с примерно равными содержаниями Cu, Fe, As. В интерстициях содержатся округлые выделения сульфида меди размером 0,1–0,2 мм.

Выводы. 1. Результаты исследования металлических включений из древних шлаков Южного Урала свидетельствуют о том, что наряду с рудами из зон окисления медноколчеданных месторождений использовалось сырье из мышьяк- и никель-содержащих объектов. Таковыми могут быть кобальт-медноколчеданные залежи, содержащие в продуктах окисления повышенные содержания мышьяка и никеля. Это подтверждается ассоциацией мышьяковистых и никелистых корольков с включениями хромшпинелидов из рудовмещающих серпентинитов.

2. Судя по наличию в шлаках корольков с сульфидами, древними металлургами использовались как вторичные, так и первичные сульфидные руды.

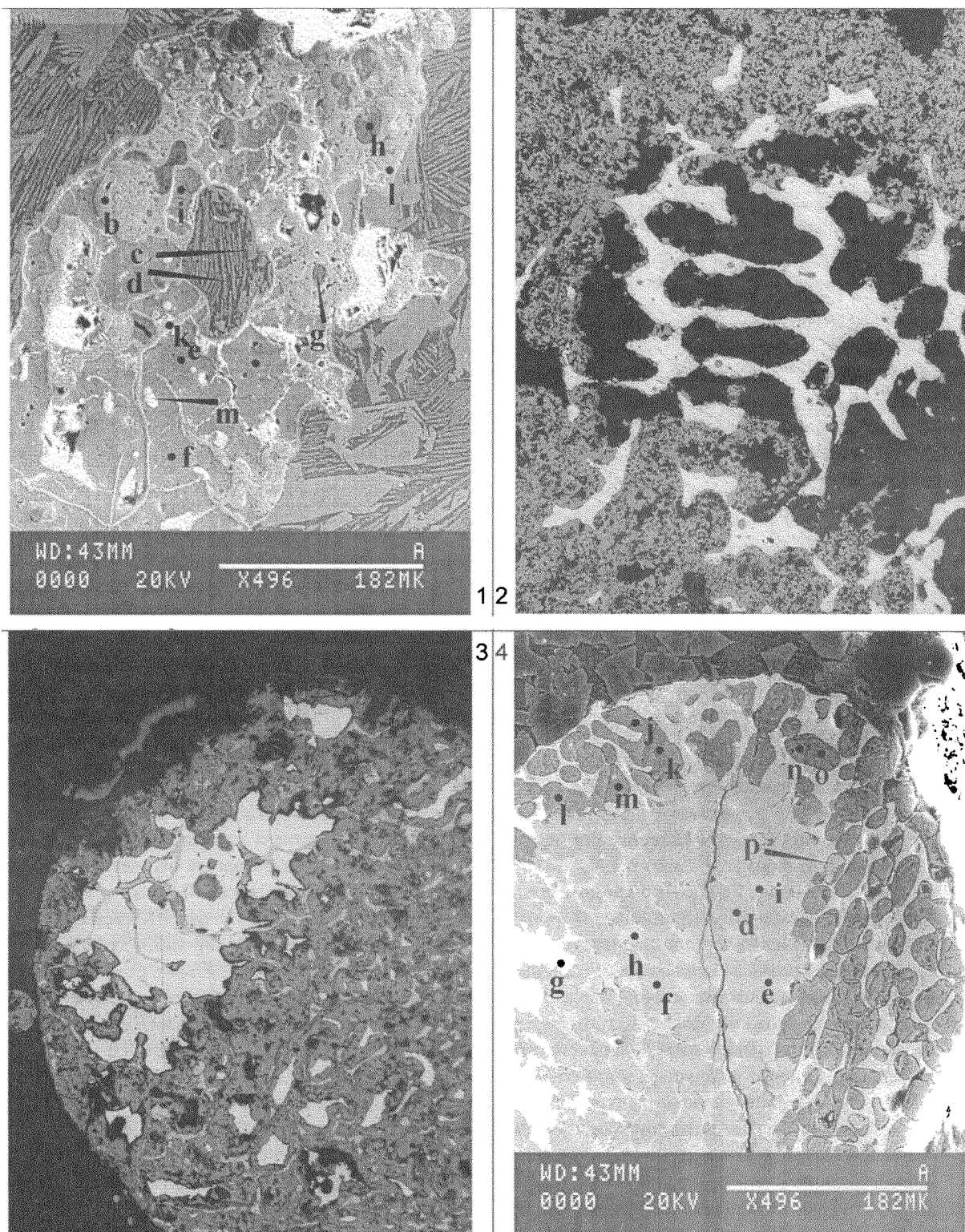

Рис. 1. Фото полированных шлифов образцов. 1. Двухфазное обособление (№ Алан-дО_О). Темно-серое гладкое – бронза мышьяковая; серое пористое – бронза мышьяковистая нике-листая. Изображение во вторичных электронах. 2. Центральная часть двухфазного королька (№ Арк4278). Белое – мышьяковая бронза, серое – капли селенистого сульфида меди, черное – хлорид меди. Отраженный свет, высота снимка 1,2 мм. 3. Окисленный двухфазный корольек (№ 845-1). Сохранились первичные фазы: белая – мышьяковистая бронза, серая в интерстициях – сплав Cu-As. Отраженный свет, высота снимка 1,2 мм. 4. Окисленный трехфазный корольек (№ Куйсак 838). Серое – домены из сплава Fe-As-Cu-Ni, светло-серое – интерстиции из сплава Fe-Cu-As-N (содержат капли сульфида меди). Изображение во вторичных электронах.

**В.В. Зайков¹, А.М. Юминов¹, В.А.Котляров¹,
А.Д. Таиров², А.В. Епимахов², Д.Г. Зданович³**

¹ Институт минералогии УрО РАН, Миасс

² Южно-Уральский государственный университет, Челябинск

³ Челябинский государственный университет

Микровключения минералов в металлах и шлаках как индикаторы минерально-сырьевой базы древних обществ

С середины XX в. появилось большое количество публикаций, посвященных выявлению связи древних металлургических поселений с конкретными источниками сырья. В подавляющем большинстве данные работы основывались на сравнении геохимического состава металлургических шлаков и металлических изделий с рудами, добывавшимися на древних рудниках. Однако из-за возможного вторичного переплавления металла результаты исследований были подвергнуты сомнению. Для определения источников минерального сырья авторы проекта предлагают использовать минералогические критерии.

Работы опираются на археологические исследования, проводимые в кооперации со специалистами Челябинского и Южно-Уральского государственных университетов, Центра Аркаим, Харьковского национального университета, Института истории и археологии УрО РАН. На Урале исследованы артефакты из поселений и курганов бронзового и раннего железного веков (Епимахов, 2005; Зданович, Батанина, 2007; Зайков, 2008; Таиров, 2007; Коруякова, Ермаков, 2007). Украинский материал представлен археологическими находками из раскопок на Бельском городище скифского времени (Косиков, 1994; Шрамко, 1994).

Из представленных изделий были подготовлены тонкие срезы и изготовлены полированные шлифы. Анализ каждого фрагмента проводился на микронзондовых анализаторах в нескольких точках, после чего рассчитывались средние значения содержаний основных элементов. Для некоторых изделий получены микрогеохимические карты распределения основных компонентов. Оптические исследования позволили выявить включения халькозина, свинца, теллуридов, селенидов и осмия, что важно для оценки минерально-сырьевой базы регионов. Сводная характеристика включений дана в табл. 1.

Микровключения хромитов в шлаках. Установлено широкое распространение хромшпинелидов в шлаках из металлургических центров бронзового века на Южном Урале (поселения Куйсак,

Каменный Амбар, Аркаим, Кизильское, Аландское). Включения располагаются или непосредственно в шлаке, или внутри оплавленных обломков серпентинитов. Последние предпочтительнее для сравнений, так как не испытали непосредственное воздействие расплава. Минералы эвгедрального и субгедрального облика, редко округлые, размер зерен 0,1–1 мм. Часто встречаются силикатные включения. Магнетитовая кайма устанавливается во многих зернах хромшпинелидов, ее толщина не превышает 75 мкм. В большинстве случаев кайма имеет простое строение, внутренние границы ровные. По периферии иногда присутствуют кристаллы хроммагнетита.

Микровключения никель-арсенидных и хром-ванадиевых штейнов в шлаках. В корольках мышьяковой бронзы из шлаков поселения Устье выявлены каплеобразные включения с высоким содержанием мышьяка (2–5%) и никеля (3–4%). В этих «каплях» присутствуют жилки с содержанием As 40–44% и Ni 6–17%. Несколько меньше примеси мышьяка и никеля установлено в каплях штейна на поселении Аркаим. В них присутствуют округлые обособления с селеном (6–7%) и теллуrom (0,6–1,1%). В шлаках установлено присутствие ванадий- и хромсодержащих фаз.

Микровключения халькозина и халькозинсодержащих фаз в шлаках. При исследовании шлаков из поселения Аркаим установлены включения дезинтегрированных зерен халькозина (Cu₂S). Скопление вытянутых индивидов имеет размер 2–3 мм. Кроме того, в шлаках поселения Каменный Амбар выявлены капли, сложенные смесью халькозиновой, ковеллиновой и пирротиновой фаз. Размер их 50–100 мкм.

Микровключения свинца в бронзовых изделиях. На поселении Каменный Амбар (Урал) исследована пластинчатая заготовка мышьяксодержащей бронзы (Cu 91–94%, Sn 3–6%, As 0,4–1,0%). В металле графической микроструктуры установлены червеобразные вrostки свинца. В 80 км западнее на поселении Куйсак выявлена свинцовая заготовка в виде стержня диаметром 4–6 мм.

Таблица 1. Характеристика микровключений в древних шлаках и металлах

Тип включений	Минералы в шлаках, изделиях и штейнах	Морфология, субстрат	Размеры	Особенности состава (вес. %)	Объекты
Минеральные	Хромшпинелиды	Кристаллы в шлаках и обломках серпентинитов в шлаках	0.1-1 мм	Cr ₂ O ₃ 52-44 MgO 9-14 Al ₂ O ₃ 9-14 MnO 0.5-0.9	Многие поселения Урала
	Халькозин	Оплавленные обломки в шлаке	0.1-3 мм	Cu 67 Fe 5 S 26	Аркаим, Урал
	Теллуриды	Обломки зерен в меди	1-3 мкм	Bi, Cu, Te, Ag Bi, Pb, Cu, Sb	Бельск, Украина
	Осьмий рутениево-иридиевый	Зерна овальные и пластинки во фрагментах золотой фольги, покрывающих браслет и подвеску	10×40 мкм; 40×400 мкм	Os 50; 41 Ir 35; 34 Ru 15; 25	Кичигино, Степное, Урал
	Графит	Зерна округлые в свинцовой заготовке	50-100 мкм	Mn 9.2 Ni 7.4	Бельск, Украина
Расплавленные	Cu-CuS	Корольки штейна с сульфидной графикой	5-20 мкм	Cu 80 S 20	Многие поселения Урала
	Cu-Fe-As	Корольки штейна	1-3 мм	Cu 36 Fe 34 As 24	Устье, Урал
	Cu-As-Ni	Жилки в корольках меди	2-5 мкм	Cu 40 As 32 Ni 2	Устье, Урал
	Cu-As-Se-Te-S	Включения в корольках меди	3-10 мкм	Cu 67 Fe 3 Se 6 Te 1 S 14	Аркаим, Урал
	Pb	Включения в медных заготовках	3-10 мкм	Pb 98	Каменный Амбар, Урал
	V-Cr	Включения в шлаках	10-50 мкм	V ₂ O ₅ 11 Cr ₂ O ₃ 5	Аркаим, Урал
	Sn-As-Bi-Co	Кристаллы в шлаках	50-200 мкм	SnO ₂ 44-97 As ₂ O ₅ 5-17 PbO ₂ 4-10 Bi ₂ O ₅ 1-2	Бельск, Украина

Микровключения рутениево-иридиевого осмия установлено в двух изделиях из золота. В золотой фольге, покрывающей браслет из Кичигинского кургана было выявлено включение округлого зерна осмия размером 10 x 36 мкм. В золотой фольге из коллекции Д.Г. Здановича (курган № 7 близ поселения Степное) присутствуют пластинчатые обособления рутениево-иридиевого осмия размером 40 x 400 мкм. Состав выделений (%): Os 50; 41; Ir 35; 34; Ru 15-25. Они сходны по соотношению осмия, иридия и рутения с аналогичным минералом из золотых россыпей Кочкарского района на Южном Урале (Кобяшев, Никандров, 2007).

Микровключения теллуридов и касситерита. На Украине из раскопов Бельского городища, датированного ранним железным веком, исследованы образцы меди, оловянной бронзы, свинца и шлаков.

В чистой меди установлены включения теллуридов висмута, а в свинце – примесь сурьмы и серебра. В шлаках оловянной бронзы присутствуют выделения касситерита и медно-свинцовых графических сростаний. Шлаки такого состава ранее не были описаны.

Микровключения графита в свинце. На Бельском городище проведено микрогеохимическое картирование свинца, которым установлено присутствие выделений графита (?) округлой формы размером 40–500 мкм. Их количество составляет 10–20% объема породы. В некоторых включениях определено присутствие повышенных содержаний марганца и никеля. Природа данных включений не ясна.

Выполненное исследование позволило определить вероятные источники минерального сырья, использованные древними металлургами.

На Урале отмечается большое количество включений хромшпинелидов в шлаках большинства исследованных поселений синташтинской культуры. По составу они соответствует хромитам из медных руд в серпентинитах офиолитовых зон Южного Урала. В этих структурах известны кобальт-медно-колчеданные месторождения с примесью никеля в ультрамафитах Главного Уральского разлома (Мелекесцева, 2007). Однако ареал хромит- и никельсодержащих шлаков охватывает и Восточно-Уральскую офиолитовую зону, где пока медное оруденение неизвестно. На этом слабо обнаженном отрезке предполагается выявление новых проявлений кобальт-медных руд.

По присутствию в медных корольках шлаков мышьяк- и никельсодержащих фаз на поселениях Устье и Аркаим сделан вывод, что в этих металлургических мастерских использовалась преимущественно медная руда из мышьяк- и никельсодержащих медно-арсенидных месторождений. Такие объекты также присутствуют в ультраосновных породах офиолитовых зон (Ишкининское, Ивановское, Дергамышское). В этих же шлаках установлены ванадий-, селен- и теллурсодержащие фазы, которые присутствуют в нижних горизонтах зон окисления некоторых медноколчеданных месторождений Урала (Куль-Юрт-Тау, Летнее, Гайское). Если это заключение справедливо, то следует признать в качестве одного из источников сырья ковеллинсодержащие сыпучки, под которыми залегают сульфидные руды.

О возможности использования сульфидных руд древними металлургами свидетельствуют частые графические срастания меди с халькозином. Пока не ясно, были ли это случайные примеси в рудах, или халькозиновые и халькопиритовые разности использовались сознательно.

Доказано использование древними металлургами свинцовых руд на Урале. Соответствующими объектами могли служить галенит-баритовые жилы среди карбоновых трахириолит-трахибазальтовых вулканов и посткладчатых зон разломов.

Выявление в золотой фольге включений рутениево-иридиевого осмия позволяет наметить источник сырья. Таковыми могут быть платиноносные россыпи, сформировавшимися при размыве ультрабазитов зоны Восточно-Уральского разлома, либо руды из золотоносных ультраосновных пород.

На Украине ситуация в металлогеническом отношении иная, так как предполагается, что использовались импортные источники сырья. Судя по присутствию в меди включений серебро- и висмутсодержащих теллуридов, руды могли добываться в Трансильвании. В этой провинции известны медьсодержащие золото-теллуридные месторождения (Косиков, 1994).

В дальнейшем целесообразно провести систематическое изучение археологических находок современными методами для выявления минеральных включений в шлаках и металлах и продолжить оценку их металлогенического значения. Необходимо провести изотопный анализ свинец- и осмийсодержащих металлов и шлаков для более точного определения возможных источников минерального сырья.

Авторы благодарны за помощь и предоставленные материалы Е.В. Белогуб, Г.Б. Здановичу, Т.С. Малютиной, Е.И. Чуриной, В.А. Попову. Работа выполнена при содействии РФФИ (07-05-00260-а; 08-06-00136), Министерства образования и науки РФ (РНП.2.1.1.1840).

- Епимахов А.В., 2005. Ранние комплексные общества Центральной Евразии. Челябинск.
- Зайков В.В., 2008. Значение геархеологических исследований для региональной минерагении // Рудогенез. Миасс.
- Зданович Г. Б., Батанина И.М., 2007. Аркаим – Страна городов. Челябинск.
- Кобяшев Ю.С., Никандров С.Н., 2002. Минералы Урала (минеральные виды и разновидности). Екатеринбург.
- Косиков В.А., 1994. Производство бронз и художественных изделий в Скифии в VII–V вв. до н.э. Донецк.
- Мелекесцева И.Ю., 2007. Гетерогенные кобальт-медно-колчеданные месторождения в ультрамафитах палеоостроводужных структур. М.
- Таиров А.Д., 2007. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск.
- Черных Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.
- Шрамко И.Б., 1994. Развитие кузнечного ремесла у племени бассейнов Ворсклы и Псла в скифскую эпоху // Древности-1994. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков.
- Koryakova L., Epimakhov A., 2007. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. Cambridge.

Ю.В. Костомарова, Е.П. Козлов

*Институт гуманитарных исследований Тюменского
государственного университета*

К вопросу о сырьевой базе каменных орудий труда населения позднего бронзового века Тоболо-Исетского междуречья

Данная работа представляет собой один из этапов комплексного исследования инвентаря памятников бронзового века лесостепного Тоболо-Исетья, направленного на реконструкцию хозяйственной и производственной деятельности населения, которое проживало на указанной территории во второй половине II тыс. до н. э. Наряду с использованием типологического, технологического и экспериментально-трассологического методов, важную информацию могут дать результаты петрографического изучения каменных изделий, использовавшихся древними группами в повседневной жизни. Цель работы, во-первых, проанализировать основные виды горных пород и минералов, которые шли на изготовление тех или иных предметов, во-вторых, рассмотреть, каким образом сырье могло поступать на территорию Тоболо-Исетского междуречья, где отсутствуют выходы каменного материала. Подобное исследование проводилось по материалам бархатовского поселения Щетково 2 (Матвеев и др., 2004. С. 160, 161).

Для анализа взято около ста предметов с поселений Ольховка, Имбиряй 3, Большой Имбиряй 10, Заводоуковское 11*. Селища Ольховка и Имбиряй 3 характеризуют черкаскульскую культуру Зауралья (Матвеев и др., 2003а. С. 28–32; Матвеев, 2007. С. 7–11). Поселение Заводоуковское 11 относится к кругу пахомовских древностей (Аношко, 2008). Материалы памятника Большой Имбиряй 10 отражают факт сосуществования и взаимодействия указанных групп населения (Матвеев и др., 2003б. С. 90, 91). Образцы были подвергнуты макроскопическому изучению. В производственной деятельности чаще всего использовали окатанные гальки, обломки пород разной формы и размеров, подбираемые в зависимости от назначения будущего орудия. Петрографический состав пород, из которых сделаны образцы, разнообразен.

Многочисленны орудия из алевролита (23 ед.). Это сырье использовалось на всех рассматриваемых селищах. Встречаются алевролиты двух типов. К первому отнесены алевролиты углистые, алевролиты с включениями талька, ко второму – алевролиты метаморфизованные (метаалевролиты). Первый

тип – осадочные обломочные плотно сцементированные породы. Наличие углистого материала свидетельствует о том, что вероятнее всего – учитывая возможные пути транспортировки, – это алевролиты из мезозойской угленосной толщи ближайшего Челябинского бурогоугольного бассейна (районы г. Коркино, Копейска). Алевролиты второго типа часто встречаются на Урале в составе палеозойских образований. В виде обломков они неоднократно перемещались, попадая в различные палеогеографические условия, и в конце концов нашли свое место в четвертичной аллювии рек Миасс и Исеть в виде хорошо окатанных галек разного размера. Степень литификации метаалевролитов определила их устойчивость к механическому воздействию. Метаалевролиты достаточно устойчивы механически и химически для длительного их перемещения в водной среде. Однако дальность перемещения качением для обломков уплощенной формы галечной размерности (10–100 мм) не так уж велика. И, вероятнее всего, дальше выхода речных систем Исети и Миасса из предгорий на равнину этот материал не перемещался. Транспортирование его далее по равнинным рекам не исключено, но в небольших количествах и только ледовым привносом. Так могут перемещаться и небольшие валуны. Механизм перемещения обломочного материала из других пород принципиально не отличается.

Есть находки предметов и из других уральских пород. Из аргиллитов изготовлены четыре предмета, найденные в поселениях Ольховка, Заводоуковское 11, Большой Имбиряй 10. Самым распространенным сырьем на всех памятниках был песчаник (33 ед.). Выделено несколько его типов. Они имеют разную зернистость, в одном образце отмечено повышенное содержание талька. Песчаники часто встречаются на Урале в составе как древних палеозойских, так и в относительно молодых мезозойских образованиях. Ближайшие выходы таких пород на дневную поверхность или приповерхностное их залегание – на восточном склоне Южного и Среднего Урала, в бассейне рек Миасс и Исеть. Порядка 10 предметов изготовлено из тальковых пород – талькового камня или талькового сланца. В коллекции

имеются алевролиты и песчаники с повышенным содержанием талька. Не исключено, что во всех этих породах не тальк, а пирофиллит, визуально это определить невозможно. Тальковые породы известны на уральских месторождениях Шабровском, Сыростановском. Пирофиллитовые образования в виде кристаллов известны между Березовским и Пышминским месторождениями близ Екатеринбурга, а как мелколистоватые и плотные массы – около г. Миасса (Бетехтин, 2008. С. 580–584). Тальковые породы по своим свойствам неустойчивы к физическому воздействию: они не могут транспортироваться далеко в водной среде, разрушаясь в непосредственной близости от коренных выходов на дневную поверхность. Этот фактор может служить свидетельством того, что подобное сырье было взято непосредственно из коренных его выходов или из элювия и делювия.

Остальные породы представлены в материалах памятников единично. Базальты и андезитобазальты, спилиты – весьма распространенные вулканические породы на всем Урале, в том числе и в верховьях Миасса и Исети (Заварицкий, 1961. С. 206). Механизм их перемещения в виде валунов и галек: многократное длительное переотложение обломочного материала различными агентами переноса, накопление в конечном итоге в аллювии, перемещение далее – ледовым привносом.

Из магматических пород в коллекции имеются граниты – грубозернистые глубинные породы, широко представленные на Урале. Граниты есть в Челябинской обл. (Заварицкий, 1961. С. 271, 283), в бассейне Миасса и Исети. Для одного изделия с поселения Большой Имбиряй 10 в качестве сырья использовано габбро. Редко использовались кварциты – метаморфические породы, состоящие в основном из кварца. Кремнистые или халцедоновые породы также немногочисленны, это яшмы, халцедонилиты, лидиты. Их много на Урале. Лидиты известны в силурийских образованиях на Южном Урале (Атлас ... 1973. С. 207). Эти породы очень устойчивы к выветриванию, выдерживает длительный перенос, несмотря на хрупкость. Один предмет изготовлен из мрамора. На Урале он встречается очень часто. Есть белые красивые мраморы и в Челябинской обл., в бассейне р. Миасс, где они добываются. Для двух изделий с поселения Заводоуковское 11 в качестве сырья использованы сланцы кристаллические мусковит-кварцевые и мусковит-полевошпат-кварцевые. Эти метаморфические породы широко распространены на Южном Урале.

В целом можно отметить разнообразие каменного сырья (22 породы с учетом их разновидностей), которое использовало в быту население Тоболо-Исетья

на заключительном этапе бронзового века. Подобная картина характерна и для более позднего бархатовского поселения Щетково 2 (Матвеев, Пономарев, Кияева, 2004. С. 160, 161). В условиях отсутствия выходов каменного сырья (ближайшие месторождения пород, использованных для всех образцов, располагаются на территории Среднего и Южного Урала), обитатели поселений Ольховка, Имбиряй 3, Заводоуковское 11, Большой Имбиряй 10 приспособивались к его дефициту. Для хозяйственных нужд они использовали небольшие гальки и обломки породы, которые можно обнаружить по берегам рек, куда они попадали естественным путем, в результате аллювиальной деятельности. Благоприятствовала этому процессу густая речная сеть, связывающая предгорные районы и равнину. Возможно, этим объясняется богатство петрофонда коллекций. Поселения расположены на невысоких мысах или останцах, прилегающих к водоемам. В целом реки на территории Притоболья типично равнинные, со спокойным течением, небольшими скоростями и сильной извилистостью русла, что затрудняет перенос крупного обломочного материала, например больших валунов. Следовательно, наряду с местным, найденным в аллювии, использовалось и привозное сырье.

В заключение следует отметить, что задача петрографического определения каменного материала, который использовался древним населением, всегда осложняется одним обстоятельством – невозможностью что-либо сделать с образцом для более детального исследования в связи с обязательной его сохранностью. Наверное, после завершения первого этапа работы по макроскопическому петрографическому определению есть смысл, сгруппировав находки по видам пород, отобрав наиболее представительные разновидности, в выборочном порядке провести более детальные исследования – минералогические, микроскопические и др. Кроме того, есть необходимость непосредственно в поле изучить долины рек Миасс и Исеть, коренные выходы пород вблизи русла, террасовые отложения, детально проработать фондовые геологические материалы и опубликованную литературу. Все это поможет в конечном итоге установить первичное залегание изучаемых пород, пути их естественной геологической и антропогенной миграции.

* Авторы выражают благодарность А.В. Матвееву и О.М. Аношко за возможность использовать материалы указанных памятников.

Аношко О.М., 2008. Отчет о раскопках поселения Заводоуковское 11 в Заводоуковском районе Тюменской области в 2007 г. Тюмень.

- Атлас текстур и структур осадочных горных пород. М., 1973. Ч. 3: Кремнистые породы.
- Бетехтин А.Г., 2008. Курс минералогии: Уч. пособие / Науч. ред. Б.И. Пирогов и Б.Б. Шкурский. М.
- Заварицкий А.Н., 1961. Изверженные породы. М.
- Матвеев А.В., Аношко О.М., Измер Т.С., 2003а. Исследование новых памятников бронзового века в Ингальской долине // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень.
- Матвеев А.В., Аношко О.М., Костомаров В.М., Рыжкова Ю.В., 2003б. Большой Имбиряй 10 – новый памятник пахомовской культуры в Ингальской долине // Словцовские чтения – 2003. Тюмень.
- Матвеев А.В. Пономарев Е.А., Кияева Л.С., 2004. О минералогическом составе коллекции каменных предметов с поселения Щетково 2 // Словцовские чтения – 2004. Тюмень Ч. 1.
- Матвеев А.В., 2007. Черкаскульская культура Зауралья // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень.

С.В. Красниенко

Институт истории материальной культуры РАН

Древние поселения на севере Минусинской котловины: проблемы выявления и интерпретации

1. Свита археологических культур Южной Сибири, относящихся к эпохе раннего металла – от энеолита до раннего железного века, – была выявлена и оформлена в современном виде на основании данных, полученных, прежде всего, в процессе изучения погребальных памятников, происходившем в период со второй половины XIX и на протяжении первой трети XX в. «Прежде всего» – поскольку существенное значение для открытия этих культур имели музейные коллекции Минусинска, Абакана, Красноярска и других городов, а также немусеефицированные археологические материалы, состоявшие в значительной степени из случайных находок (Теплоухов, 1929; Киселёв, 1949; 1951).

2. К последней трети XX в. соотношение исследованных погребальных памятников и поселений сложилось в пользу первых: из общего числа исследованных памятников на долю могильников приходится от 60% для таштыкской культуры до 80–98 % для остальных археологических культур. Эти данные основаны на информации, содержащейся в своде Э.Б. Вадецкой (1986). В начале 1990-х гг. (Степная полоса...) эта пропорция практически не изменилась. Можно с большой долей вероятности утверждать, что такое соотношение сохранилось и через 20 лет, т. е. в наши дни. В то же время, синхронные культуры Алтая и юга Западной Сибири сейчас практически в равной мере представлены материалами как погребальных, так и поселенческих памятников, тогда как еще 20 лет назад, например, на Алтае раскопкам подверглось лишь одно поселение (Грязнов, 1992).

3. Единственным исключением для рассматри-

ваемой территории стала самая северная часть из системы Минусинских котловин – Назаровская. Особенности Назаровской котловины как археологического микрорайона связаны с ее климатическими и ландшафтными особенностями, отличными от природных характеристик более южных степных пространств большой Минусинской котловины. Более ровный и благоприятный для разнообразных хозяйственных укладов климат, обилие водоемов, разветвленная речная сеть, характерное для лесостепи сочетание различных ландшафтов, способность быстрого восстановления истощенных угодий (Красниенко, Субботин, 1997. С. 3, 4), – все это, как показала уже информация, полученная в результате исследования погребальных памятников, способствовало в известной мере консервации культурных достижений (Вадецкая, 1999. С. 146, 147) и невысокой мобильности древнего населения.

4. Именно на этой территории удалось совершить своего рода прорыв в сложившейся системе археологических источников Южной Сибири. Несмотря на то, что к началу 1990-х гг. здесь, а также на соседних территориях (Кузнецко-Салаирская котловина, окрестности Красноярска), интенсивность поиска и результативность исследований поселений превосходила таковые в основной части Минусинской котловины, программа паспортизации, осуществленная в западной части Назаровской котловины, позволила по-новому взглянуть на проблему соотношения погребальных памятников и поселений (Красниенко, Субботин, 1997).

5. Процесс поиска поселенческих памятников на исследованной территории претерпел определен-

ную эволюцию. Еще до начала спасательных археологических работ в результате разведок выборочных территорий, в том числе и благодаря опросам местных жителей, были открыты отдельные памятники (поселения на берегах рек Урюп и Обьюл; Косоголь: Членова, 1957. С. 26, 27). С началом масштабных хоздоговорных работ назрела необходимость и появилась возможность проведения на отведенных под строительство участках перед началом и в процессе строительства глубоких разведок для максимального исследования всей возможной палитры памятников, или, согласно предложенной Л.С. Клейном (1995. С. 214) дефиниции, «местонахождений». В ходе этого этапа наряду с фиксацией значительного числа очевидных (т. е. таких, факт существования которых не подвергается сомнению и выявление которых не требует земляных работ) курганных могильников удалось значительно пополнить и список известных поселений. Тогда были открыты и исследованы памятники на оз. Инголь, Кадатском водохранилище (Кадат VI; Курочкин, 1983), оз. Ашпыл (Гультов, 1987), Береш (Усть-Парная: Абсалямов, 1976; Берешское III), Кошколь (Кошколь II и III), ручье Берёзовый (Березовый Ручей II: Поляков, 1991). При этом раскопки велись достаточно большими площадями: 610 м² (Ашпыл, 1985 г.), 150 м² (Инголь I, 1985 г.) и т. д. Кроме того, поселения открывались и в процессе раскопок курганных могильников (например, Балалык VI; Пшеницына, Поляков, 1987). Паспортизация и связанная с ней необходимость максимального учета, а следовательно, наиболее полного выявления памятников археологии, потребовали проведения разведок, охватывающих всю территорию. Для такого целенаправленного поиска были мобилизованы все способы выявления памятников. Кроме вышеперечисленных, использовались шурфовка перспективных с точки зрения заселения участков местности (речных террас, в том числе укрытых и защищенных естественным образом, с находящимися поблизости источниками питьевой воды – родниками и т. д.), опрос местного населения (часть памятников была выявлена в пределах современных населенных пунктов, в том числе во дворах, под постройками, на огородах), поиск и сборы подъемного материала на пашнях, полевых дорогах, осмотр естественных обнажений, мониторинг участков, отведенных под застройку, карьеров и т. д. Результаты не заставили себя ждать. В течение чуть более чем 10 лет (1993–2005 гг.) количество памятников значительно увеличилось: в целом более чем в 10 раз, а число известных поселений – почти в 15 раз. При этом 7 памятников подверглись раскопкам (общая площадь – около 1200 м²).

6. Среди результатов изучения древних поселе-

ний Назаровской котловины можно назвать то, что здесь в значительной степени наметился процесс исправления сложившегося дисбаланса в исследовании погребальных и поселенческих памятников, получены дополнительные сведения о хозяйственном укладе древнего населения. Уже в процессе изучения первых памятников этой категории стало понятно, что практически отсутствуют поселения, содержащие артефакты только одной из известных культур. Это обстоятельство способствовало тому, что появилась возможность в ряде случаев по-новому взглянуть на взаимосвязи культур эпох бронзы и железа. Кроме того, в процессе изучения поселений отчетливо проявилась роль Назаровской котловины как территории, служащей коридором и лимитрофом для древнего населения бассейнов Оби и Енисея: среди артефактов поселений были обнаружены характерные для культур Приобья и более западных территорий.

7. Дальнейшие работы в указанном направлении позволят приступить к решению проблем, которые в настоящее время только наметились. В их числе установление закономерностей заселения тех или иных участков местности в различные эпохи, установление синхронности поселений и погребальных памятников, выявление источников минерального сырья, работы в направлении определения различных типов поселений и т. д. Уже полученные результаты позволяют с оптимизмом смотреть и на перспективы поиска новых памятников на территориях, еще в недостаточной степени изученных. Это касается, в частности, восточной части Назаровской котловины, многочисленных небольших горных долин и т. д.

Абсалямов М.Б., 1976. Новые поселения скифо-сарматского времени в бассейне Чулыма // Археология Южной Сибири. Кемерово. (ИКА. Вып. 7.)

Бобров В.В., 1983. Работы в Красноярском крае и Кемеровской области // АО 1981 г.

Вадецкая Э.Б., 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.

Вадецкая Э.Б., 1992. Таштыкская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. (Археология СССР.)

Вадецкая Э.Б., 1999. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.

Грязнов М.П., 1992. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. (Археология СССР.)

Гультов С.Б., 1987. Раскопки поселения Ашпыл // АО 1985 г.

Киселёв С.В., 1949. Древняя история Южной Сибири // МИА. № 9.

Клейн Л.С., 1995. Археологические источники. СПб.

- Красниенко С.В., Субботин А.В., 1997. Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб. АИ-48.
- Курочкин Г.Н., 1983. Поселение эпохи ранней бронзы на Кадатском водохранилище // Древние культуры евразийских степей. Л.
- Поляков А.С., 1991. Стоянка Березовый Ручей II в зоне строительства КАТЭКа // Палеозтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск.
- Пшеницына М.Н., 1992. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. (Археология СССР).
- Пшеницына М.Н., Поляков А.С., 1984. Работы в зоне строительства Берёзовского угольного Разреза I КАТЭКа // АО 1982 г.
- Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). М., 1992.
- Теплоухов С.А., 1929. Опыт классификации древних металлургических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л. Т. 4. Вып. 2.
- Членова Н.Л., 1957. Отчет о работе Урюпского отряда Красноярской археологической экспедиции в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2197.
- Членова Н.Л., 1992. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). М.

Н.Ю. Кунгурова

Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края, Барнаул

О.И. Горюнова

Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ

А.В. Вебер

Отдел антропологии, Университет Альберты, Эдмонтон (Канада)

Каменные изделия из погребений могильника бронзового века Хужир-Нугэ XIV в Прибайкалье (по результатам трасологического анализа)*

В погребальной практике древнего населения особое значение придавалось сопроводительному инвентарю, одним из путей изучения которого является трасологический метод, определяющий функции предметов. В предлагаемой статье рассматриваются все каменные артефакты из погребений одного из крупнейших некрополей (79 могил) бронзового века Прибайкалья – Хужир-Нугэ XIV (Горюнова, Вебер, 2001; Новиков, 2007).

Изучение изделий из камня проводилось с помощью бинокулярного микроскопа (МБС-10) с возможностями увеличения от 28 до 98 крат. Анализ осуществлялся по методике, разработанной С.А. Семеновым и Петербургской трасологической школой ИИМК РАН (Семенов, 1963; Когобкова, 1999), с привлечением данных экспериментального моделирования, полученных в экспедициях школой ИИМК РАН и в процессе собственных экспериментов. При исследовании изделий из могильника Хужир-Нугэ XIV мы опирались на принципы выявления специфических признаков изнашивания и повреждений, образовавшихся на предметах в результате разных операций.

Одной из задач исследования является определение назначения изделий посредством выделения следов износа и повреждений, полученных в процессе трудовой деятельности и использования их в ритуальных целях.

Могильник находится в одноименной бухте северо-западного побережья Малого моря оз. Байкал (Ольхонский р-н Иркутской обл.), в 193 км к северо-востоку от г. Иркутска. Всего в погребениях зафиксировано 345 предметов из камня (без учета украшений), среди которых выделены типы орудий со следами изнашивания и без признаков использования. В ходе анализа выявлено 16 функциональных типов орудий, включая использование в операциях по обработке дерева, кости, кожи, камня, разделке мяса, а также охотничье оружие.

Инструменты для обработки дерева. Рубящие и тешущие инструменты (*топорики и тесла*). На них фиксируются признаки использования, связанные с операциями разрубания, затесывания и выдалбливания. На участках наиболее интенсивной нагрузки видны направления движения инструмента по об-

рабатываемой поверхности. Орудия, изготовленные из зеленого нефрита, полностью шлифованы. Их лезвия дополнительно пришлифованы. На двух изделиях с признаками утилизации полоса шлифовки перекрывала линейные следы на лезвии. После дополнительной обработки орудие более не использовалось. Пять мелких нефритовых топоришков из погребений 2, 4, 9, 85, 86 – без признаков износа. Они полностью изготовлены, но не применялись в быту.

Шлифованные ножи из нефрита (7 экз. из 7 погребений). Все ножи шлифованы полностью, и дополнительно – вдоль лезвия. На лезвии отмечаются тончайшие линейные следы, направленные вдоль его кромки. Один фрагмент ножа – без признаков изношенности. На двух ножах с одной из сторон нанесена шлифовка, снявшая следы износа, тогда как на другой они хорошо сохранились. Линейные следы на лезвиях позволяют идентифицировать орудия как раскрочные ножи по бересте (Кунгурова, 1993).

Скобели для обработки мягкого и твердого сырья (15 экз. из 11 погребений). Орудия, использованные для проскабливания мягкого, близкого к дереву, сырья выполнены из отщепов. По морфологическим признакам они расцениваются как отщепы с вогнутым лезвием, ретушированным по краю. Орудия использовались с разной степенью интенсивности. Из 6 изделий только у двух кромка сработана в течение продолжительного времени. На большей части орудий наблюдается микроретушь на коротких вогнутых участках краев или выступающих концах.

Признаки износа, характерные для обработки твердого сырья (кости – рога), выявлены на 9 отщепках, из них 4 орудия участвовали в работе короткое время. Шесть изделий имеют предварительно подготовленную форму с вогнутыми или прямыми краями. В одном случаях скобель совмещен с резчиком.

Сверла. У большинства орудий предварительно подготавливалось с помощью ретуши острие. Ретушь наносилась в целях стабилизации острия и предохранения его от поломки. Обломок острия сверла с фасетками, образовавшимися от сверления мягкого материала (дерева), найден в погребении 83. На заготовке сверла из погребения 86 признаков изнашивания не выявлено. Сверло-развертка (№ 38), применявшееся для сверления рога или мягкого камня, морфологически представляло собой правильное треугольное острие с ретушью по краям. В погребении 74 обнаружено рабочее острие от сверла по мягкому камню с интенсивно выраженными следами сработанности. По наблюдаемым линейным следам определен резец на угловом выступе отщепка (№ 25), использовавшийся для резьбы по мягкому камню.

Скорняжные инструменты. *Скребки для обработки кожи* (24 экз. из 17 погребений). В 15 случаях скребление кожи производилось концевым участком инструмента, в 8 – боковым краем, в одном – использовался весь периметр. Отмечено орудие с полярным расположением рабочих лезвий (№ 11). Из 24 скребок технико-морфологической категории «скребки» соответствуют 12 изделий, предварительно оформленных ретушью. Функции остальных скребок выявлены трасологически. Среди ретушированных скребок отмечены орудия со слабым кратковременным износом и без следов сработанности. К скребкам, не оформленным ретушью, но с признаками износа, относятся 2 изделия из погребения 14, на рабочих краях которых зафиксирована мелкая ретушь утилизации. Аналогичный износ выявлен на сколах из погребений 11 и 74. В погребении 10 найдено скребло с боковым рабочим краем из крупного отщепка.

Проколки. Три микропроколки – с коротким жалцем, выделенным мелкой ретушью. Две проколки совмещены на одном отщепе. Вероятно, они предназначались для работ по тонкой коже либо бересте. Выявлены только первичные признаки износа: замятость, выкрошенность, затупленность рабочего края, продольная мельчайшая резцовая фасетка, образовавшаяся на жалце одного из орудий.

Ножи для разделки мяса представлены двусторонне обработанными изделиями листовидной формы и вкладышами. В 11 погребениях выделены изделия с признаками использования в качестве мясных ножей (9 экз.) и без следов использования (4 экз.). Широко представлены листовидные ножи, у которых определяется черешковая часть, составляющая от 1/3 до 1/5 длины изделия. По техническим и трасологическим признакам, в разделке мяса участвовало одно лезвие, реже – оба.

Проникающее оружие – наконечники стрел и вкладыши клинков; обнаружены в 20 погребениях (78 экз.). На *вкладышах* из погребений 82 и 83 отсутствовали признаки износа, зато концевые треугольные вкладыши были повреждены. У одного изделия образовалась фасетка петельчатого скола. На его крае прослеживается кромочная выкрошенность, полученная вследствие прорезания волокнистого вещества. У серединного вкладыша из погребения 83 наискось расщеплен угол.

Наконечники стрел (68 экз. из 20 погребений). Трасологическое исследование показало отсутствие на них признаков использования и утилитарных повреждений.

Орудия для обработки камня: *абразивные бруски и плитки* (7 экз.), *ретушер, сверла* (2) и *резец*. Судя по принципам сработанности, сверлами и рез-

цом сверлили и прорезали мягкий камень, близкий по плотности к тальку. Абразивы, изготовленные из тонкозернистого сырья, достаточно полно сработаны, истончены. Их рабочая поверхность зашлифована и содержит характерные для оселков линейные следы – царапины и участки заполировки. Бруски могли использоваться для шлифовки как каменных, так и металлических изделий.

Проведенные трасологические исследования позволили получить принципиально важную информацию для определения назначения каменных изделий в быту и погребальной практике. По степени изношенности выделены три группы каменных изделий: 1) находившиеся в длительном использовании до их захоронения (скребки для обработки кожи, рубящие, тешущие инструменты, ножи по бересте, орудия для обработки кости и камня); 2) орудия, находившиеся в кратковременном, формальном использовании (связаны с операциями скобления сырья и разделкой мяса: часть скребков и скобели, ножи, вкладыши ножей и проникающего оружия); 3) изделия, никогда не использовавшиеся (наконечники стрел, заготовки орудий, проформы или вотивные формы, отщепы). Существенная роль отводилась орудиям повседневной деятельности – проникающему оружию и инструментам для обработки продуктов охоты, деревообработки и др. Широко использовались при

погребении: новые орудия (в том числе и вотивные), выполненные по типологическим стандартам изделий, используемых в быту; обновленные (подшлифовка лезвий) инструменты и отщепы без признаков утилизации.

* Работа выполнена при поддержке гранта Совета по Общественным наукам и гуманитарным исследованиям (Канада) № MCRI 412-2005-1004.

Горюнова О.И., Вебер А.В., 2001. Завершение раскопок Российско-Канадской экспедиции на могильнике Хужир-Нугэ XIV (оз. Байкал) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. 7.

Кунгурова Н.Ю., 1993. Шлифованные ножи Верхнего Приобья // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул.

Новиков А.Г., 2007. Погребальная практика населения глазковской культуры Прибайкалья: по материалам могильника Хужир-Нугэ XIV: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Семенов С.А., 1963. Изучение первобытной техники методом эксперимента // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л.

Korobkova G.F., 1999. Narzedzia w pradziejach: Podstawy badania funkcji metoda traseologiczna. Torun.

В.Г. Ломан

Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букедова, Казахстан

К вопросу об этнокультурной ситуации на территории Центрального Казахстана в конце эпохи бронзы

Могильник Каратугай расположен в 100 км к северу от г. Караганды, у северных отрогов гор Нияз (Казахстан), на небольшом холме, вытянутом в широтном направлении. Рядом с памятником находятся родники, вдоль русла которых растут небольшие рощи лиственных деревьев.

За три полевых сезона несколькими раскопами общей площадью около 766 м² было исследовано 12 объектов, один из которых относится к средневековью, а остальные – к финалу эпохи бронзы. Погребальные сооружения этого периода представляли собой круглые в плане ограды из крупных камней с внутренней забутовкой из камней меньшего размера (рис. 1: 1–3).

Неглубокие грунтовые могильные ямы распола-

гались в центре оград и были обставлены по краю камнями. Четыре погребения оказались неогрбленными. Костяки, находившиеся в них, были засыпаны золистым грунтом с древесными угольками и лежали головами на юг скорченно на правом боку (2 детских погребения: рис. 1: 5), на левом боку (1 погребение пожилого человека: рис. 1: 4), на спине с подогнутыми ногами (1 погребение взрослого мужчины: рис. 1: 6). В головах каждого погребенного стояло от 1 до 2 сосудов. В ограбленных могилах также были найдены керамические сосуды и антропологические материалы.

Всего получено 9 сосудов, в том числе один ирменского облика (рис. 2: 4). Остальные горшки относятся к саргаринско-алексеевской культуре (рис. 2: 1–3, 5).

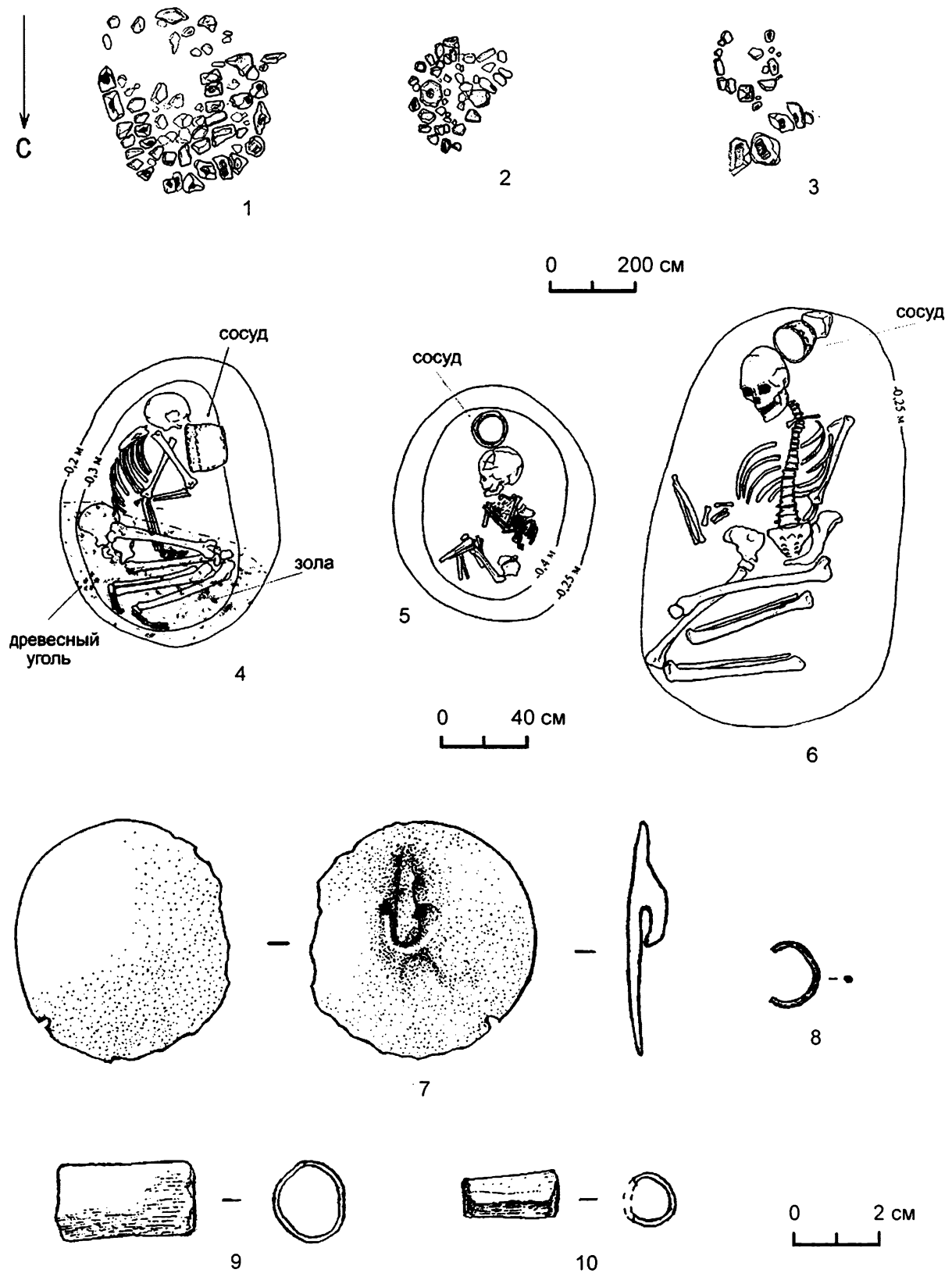

Рис. 1. Могильник Каратугай. Погребения и инвентарь. 1 – ограда 4; 2 – ограда 6; 3 – ограда 8; 4 – ограда 4, могила; 5 – ограда 6, могила; 6 – ограда 8, могила; 7 – ограда 5, бронзовая бляшка; 8 – ограда 6, бронзовая серьга; 9, 10 – ограда 5, костяные трубочки

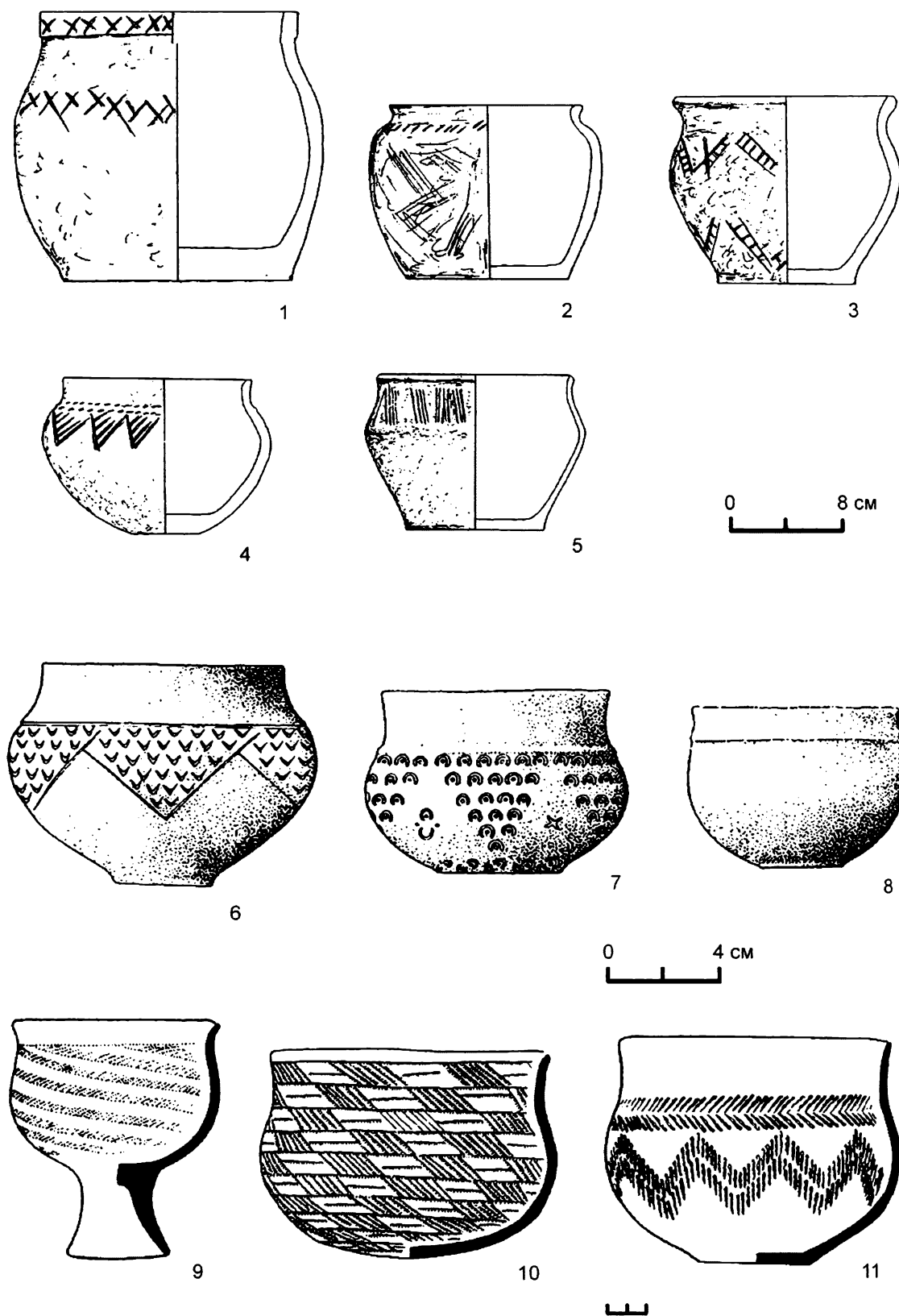

Рис. 2. Керамика могильника Каратугай (1-5) и бегазинская (6-11). 1 – могила 4; 2 – могила 6; 3 – могила 8; 4 – могила 7; 5 – могила 9; 6 – могильник Айбас-Дарасы, сосуд 12; 7 – могильник Айбас-Дарасы, сосуд 13; 8 – могильник Айбас-Дарасы, сосуд 10; 9-11 – могильник Дандыбай

Обнаружены также бронзовые украшения: прямоугольная обоймочка и колечковидная серьга (в детской могиле: рис. 1: 8), 2 треугольные обоймы, дисквидная бляшка с петелькой на обороте (рис. 1: 7). Такие бляшки встречаются в погребениях ирменской и тагарской культур и часто именуются «зеркалами». В нашем случае бляшка располагалась на спине костяка и являлась, возможно, частью наконечника, в состав которого входили также 7 полированных трубочек из костей крупной птицы (рис. 1: 9, 10). Подобные трубочки были найдены в мавзолеях 2 и 3 могильника Бегазы.

Все сооружения могильника Каратугай имеют полные аналогии с немногочисленными известными погребениями, отнесенными к саргаринско-алексеевской культуре, и, напротив, резко отличаются по своей конструкции от типичных для бегазы-дандыбаевской культуры каменных ящиков и мавзолеев.

По имеющимся на сегодняшний день данным, основная часть могильников саргаринско-алексеевского (саргаринского) типа располагается в северной части Казахстана и на Алтае, а бегазы-дандыбаевского (бегазинского) типа – в Центральном и Восточном Казахстане.

Этнокультурная ситуация конца эпохи бронзы представляется здесь следующим образом. Все указанные территории были заселены пред-

ставителями одной из культур валиковой керамики – саргаринской. На территории Центрального и Восточного Казахстана они контактировали с бегазинским населением, под влиянием которого изменились формы погребальных сооружений. Керамика бегазинцев стала престижной частью бытового и погребального инвентаря, наряду с еловской и ирменской посудой. Под собственно бегазинской керамикой (рис. 2: 6–11) следует понимать тонкостенные лошечные сосуды со сферическим туловом и прямой или слегка вогнутой шейкой, в большинстве случаев неорнаментированной. Зачастую между шейкой и туловом имеется тонкий валик. Орнамент выполнялся главным образом штампами различной формы, отпечатки которых или покрывали все тулово сплошную или образовывали различные геометрические фигуры: большие треугольники вершинами вниз, сочетания заштрихованных и решетчатых ромбов, зигзагообразные ленты и др. Некоторые сосуды могли иметь поддоны (могильник Дандыбай: рис. 2: 9).

Происхождение бегазинцев останется неясным до тех пор, пока не будут найдены их поселения. Поскольку на территории Северного, Центрального и Восточного Казахстана, а также Алтая, их пока не обнаружено, в качестве очередной гипотезы можно сделать предположение о локализации их на территории, прилегающей к Северному Тагискену.

В.А. Лопатин

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Смеловский могильник: фрагмент локального культурогенеза

Исследования Смеловского могильника (1995–2000 гг.) и дальнейшая систематизация материалов (Лопатин, 1997; 1999; 2000; 2001; Лопатин, Шамгуллина, 2000; Лопатин, Филимонова, 2001) показали высокую значимость этого самого крупного в Поволжье грунтового некрополя эпохи поздней бронзы. Он не богат, но информативен по характеру сакральной архитектуры, демографическим особенностям (антропологические определения выполнил А.И. Нечвалода) и культурному соотношению генетических компонентов, и эти данные весьма существенны в решении проблем волгоуральского культурогенеза. В общем массиве (131 погребение) выделяются три обрядовые группы (ОГ).

1 ОГ (9,92% погребений) отличается разнообразием погребальных сооружений и деталей их оснащения (овальные, округлые, прямоугольные, с подбоями, со ступенями), ориентировок (С, СВ, В, ЮВ, ЮЗ, З) и поз погребенных, в основном левобочных, с завалом на грудь или спину и неустойчивым положением рук. В погребениях только 2 сосуда, 3 бронзовые обоймы, есть кости МРС, КРС, лошади, следы огня. Скудный погребальный инвентарь характеризует указанные комплексы как «аскетичные», и это главный типобразующий признак для всей 1 ОГ (рис. 1).

По типам могил ее можно разделить на два основных стандарта: 1) ямы прямоугольных и овальных форм, с широкими ориентировками умерших (п.

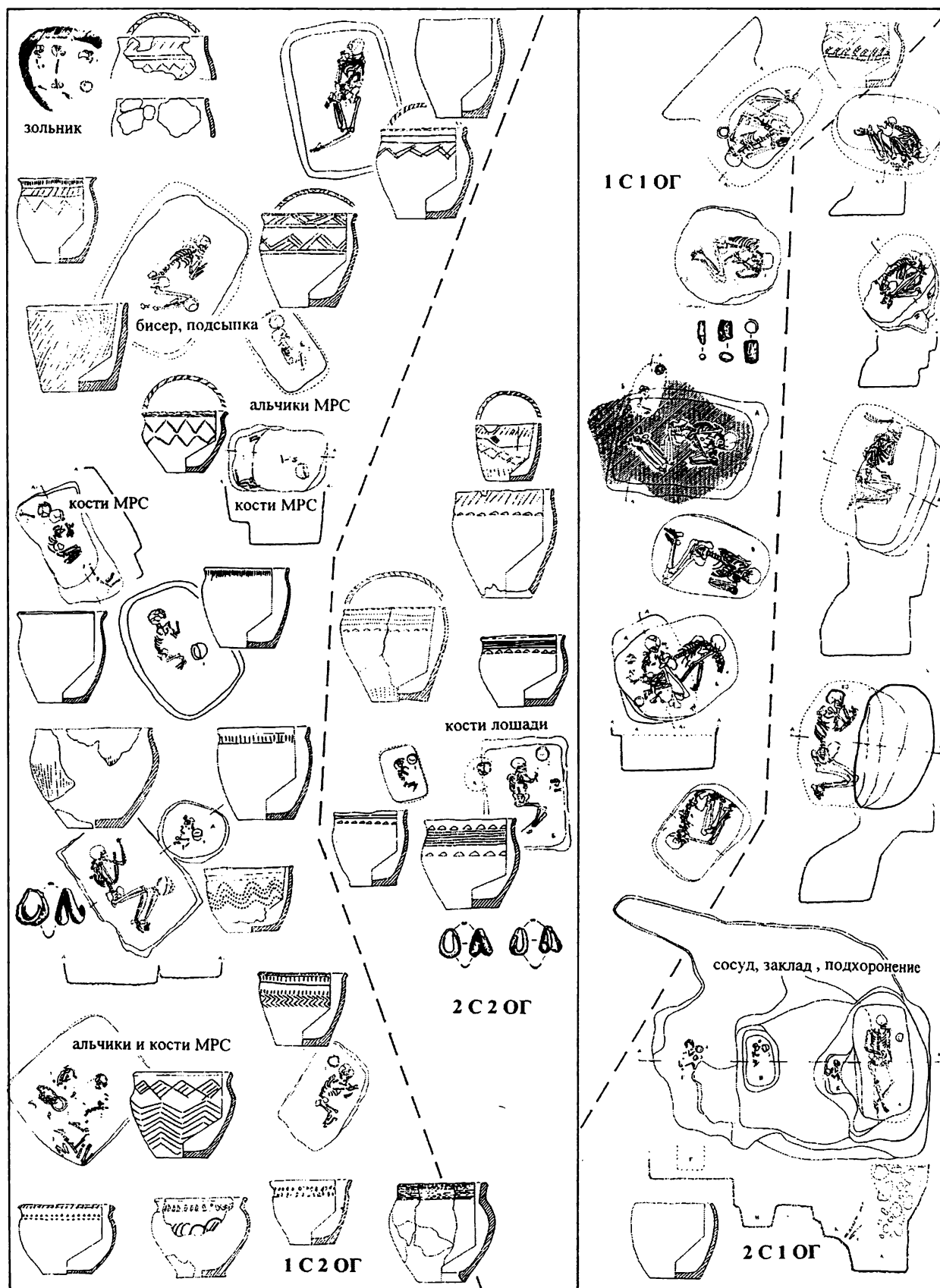

Рис. 1. Смеловский могильник. Динамика взаимодействующих 1-й (криволукской) и 2-й (покровской) обрядовых групп

24, 38, 67, 111, 112, 128); 2) подбойные (п. 6, 9, 12, 20, 33, 34, 70), ориентированные на С, СВ, реже В, З, ЮЗ. Некоторые из них (п. 6, 20, 33, 70) демонстрируют деградацию стандартов, или смешивание признаков. Хронологически синхронные, стандарты 1 ОГ отражают определенную этнокультурную мозаичность. Подчеркнутый аскетизм погребенных, центральные положения на площадках с ровиками, свиты сопроводительных могил, детские подхоронения из 2 и 3 ОГ, расцениваются как отражение особого прижизненного статуса представителей 1 ОГ (Лопатин, 2000. С. 100, 101). Культурно-хронологические позиции 1 ОГ наиболее близки комплексам *криволукского* культурного типа, выделенного в материалах посткатакомбных захоронений Нижнего Поволжья (Мимоход, 2004).

2 ОГ (18,32% погребений) представлена преимущественно детскими погребениями в простых прямоугольных ямах, планиграфически приуроченными к родовым участкам пращуров из 1 ОГ. Отмечены устойчивые позы адорации и ориентировки в меридиональные сектора, кости МРС, лошади, зольный валик, полукольцом окружающий парное погребение подростков, более представительный инвентарь, где заметны колоколовидные сосуды с абашевскими и синташтинскими признаками (рис. 1). На основании особенностей посуды здесь также выделены два условных стандарта, отчасти фиксирующие процессы развития и трансформации *покровского* культурного типа в степном Заволжье (Малов, 1989). Динамика первого стандарта (п. 1, 2, 4, 7, 11, 17, 26–28, 31, 32, 37, 41, 43, 54, 56, 65, 66) в рамках группы выглядит как постепенное стирание покровских признаков в керамике (деградация колоколовидности, сглаживание внутреннего ребра, сокращение высоты венчика, исчезновение расчесов на внешней поверхности сосудов и примеси раковины в тесте).

Компактная группа погребений, выделенная во второй стандарт (п. 63, 69, 78, 101, 108), вероятно, была оставлена представителями одного родового коллектива. Их отличают сосуды с однотипными орнаментами (горизонтальные линии и треугольные оттиски), генетические корни которых прослеживаются в оригинальной группе позднекатакомбных комплексов степного Приуралья (Болдырево, Медведка), принимавших участие в культурогенезе (Ткачев, 2006. С. 92. Рис. 1, 1, 2). На определенном этапе сосуды с подобной орнаментацией маркируют некоторые покровские памятники в степном Поволжье, а в дальнейшем треугольные оттиски как элемент декора закрепляются в арсенале срубной, алакульской, федоровской культур на широкой территории степной и лесостепной Евразии (Лопатин, 2000б).

3 ОГ (71,76%) – наиболее многочисленная и внешне однообразная – представляет собой собственно срубный пласт могильника (рис. 2), в котором также наблюдается определенная градация, позволяющая дифференцировать его в виде трех стандартов. Первый и второй ранние стандарты (РС) 3 ОГ демонстрируют наиболее явную преемственность с подстилающими их 1 и 2 ОГ, а общий поздний стандарт 3 ОГ представляется как результат окончательной нивелировки и культурной стабилизации.

1 РС 3 ОГ (п. 10, 14, 15, 35, 39, 42, 49, 55, 73, 79, 82–85, 89, 90–92, 97, 100, 106, 124, 130, 131) характерен устойчивостью форм могильных ям (прямоугольные, овальные, трапециевидные), ориентировок (СВ, С, СЗ), поз левобочной адорации, сравнительно яркими наборами инвентаря. В раннесрубной керамике еще заметны остаточные реликты «покровска». Общая тенденция развития здесь направлена на небрежное упрощение форм и орнаментации посуды, что окончательно воплотилось уже в комплексе общего позднего стандарта (асимметрия, преимущество банок, лаконичный декор или его отсутствие).

Сравнивая 2 РС 3 ОГ (п. 23, 34Б–Г, 44, 46, 52, 57, 60, 64, 68, 76, 77, 88, 93, 107, 115, 122, 127) с предыдущим, отметим два очевидных различия: 1) в устройстве могил 2 РС заметны реминисценции некогда сложных подбойных сооружений в виде подбитых стенок, имитаций обособленных погребальных камер (ступени, заплечики) и дромосов (декоративные тамбуры); 2) сосуды 2 РС по своей монотонности, простоте и слабой орнаментированности уже близки керамике общего позднего стандарта 3 ОГ.

Раннесрубный пласт Смеловки, представленный условными стандартами, явно демонстрирует две взаимодействующие линии формирования локального варианта срубной культуры. Один вектор вырастает из 2 *покровской* ОГ и слагает 1 РС 3 *срубной* ОГ, который характеризуется относительными пышностью ритуала и обилием инвентаря. Второй вектор продолжает традицию 1 *криволукской* ОГ, ставшую в рамках 2 РС 3 *срубной* ОГ уже менее аскетичной, но ощутило более скромную по сравнению с синхронным 1 РС. Межкультурная миксация, начавшаяся в ходе взаимодействия криволукской и покровской групп, на раннесрубной фазе еще не успела стереть генетические различия, проявляющиеся в отдельных деталях. Но уже устойчиво были зафиксированы ведущие культурные признаки: поза смиренного поклонения, обращенность лицом к восходу солнца и типы погребального инвентаря, которые постепенно канонизируются в стандартные

1 PC 3 OG

2 PC 3 OG

Рис. 2. Смеловский могильник. Динамика производной 3-й (срубной) обрядовой группы

наборы, тяготеющие к усредненно-скромным вариантам отправления ритуала.

В полной мере указанная тенденция отразилась в материалах общего позднего стандарта (ОПС) 3 ОГ (п. 8, 13, 29, 45, 47, 48, 50, 53, 58, 59, 61, 62, 72, 74, 80, 81, 86, 87, 95, 98, 99, 102–105, 109, 110, 113, 114, 116, 117, 119, 120, 121, 123, 125, 126, 129). В канонизированных признаках погребальной обрядности и инвентаря этой группы мы видим классические черты срубной культуры эпохи поздней бронзы, окончательно сложившейся в своих идеологических и материальных показателях.

Смеловский некрополь опосредованно отражает процесс становления срубной культуры в степном Заволжье. Своеобразие местного локального варианта наиболее рельефно выражается в генетических корнях формирования, где *криволукский* компонент представляется автохтонным, а *покровский* – пришлым, включившимся в динамику культурогенеза на рубеже эпох средней и поздней бронзы. По данным радиоуглеродного датирования, стык этих генетических компонентов мог произойти не позднее XVII в. до н. э. (по максимальным верхним датам криволукского комплекса Паницкое 6, 4/3) (Мимоход, 2007. С. 38). В этот же хроносрез (XVIII–XVII вв. до н. э.) ложится появление наиболее ранних покровских захоронений в непосредственной близости от Смеловки, в Терновском могильнике (Малов, 2003. С. 196). Характер этого контакта часто представлен в работах исследователей как враждебное противостояние, приведшее к вытеснению посткатакомбных образований из их вмещающего ареала так называемыми «колесничными» культурами (Федосов, 2007. С. 30; Шарфутдинова, 1995. С. 93), что совершенно не согласуется с данными Смеловки.

В планиграфических ситуациях заметно, что комплексы 1 (*криволукской*) ОГ разграничивают первичное сакральное пространство некрополя, занимают престижные центры родовых участков (ровики 1, 3, 4; мавзолей 1), и только им посвящены обряды трансферной коммуникации (детские подхоронения). Это аномально возрастная группа, где только один подросток, остальные взрослые, причем с высоким показателем дожития. Взаимодействующая с ней 2 (*покровская*) ОГ по демографическим показателям аномальна наоборот (4 взрослых, остальные дети), и эти погребения формируют родовые участки вокруг центральных комплексов «аскетов» из 1 ОГ. *Раннесрубные* погребения 1 и 2 РС 3 ОГ еще придерживаются порядка размещения в пространстве могильника, но традиции магических кругов и мавзолеев быстро трансформируются и деградируют. Захоронения ОПС 3 ОГ уже бессис-

темно заполняют межмогильные участки, в основном на восточной периферии.

Особенности сакральной архитектуры и погребальной обрядности некрополя характеризуют наш фрагмент культурогенеза как гармоничный симбиоз преимущественно двух культурных компонентов – криволукского и покровского, возможно, при участии других посткатакомбных групп Волго-Уралья и с некоторым влиянием синташтинской традиции. Результатом этого взаимодействия стало возникновение заволжского локального варианта срубной культуры, в котором, судя по канонизированным принципам погребальной обрядности, в большей степени возобладала тенденция рациональной простоты, близкие криволукской концепции аскезы.

Ковалюх Н.Н., Мимоход Р.А., 2007. Новые радиоуглеродные даты посткатакомбных погребений Нижнего Поволжья и степного Предкавказья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград.

Лопатин В.А., 1997. Смеловский грунтовый могильник (к проблеме формирования срубной культуры в степном Заволжье) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

Лопатин В.А., 1999а. Исследования Смеловского грунтового могильника // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов. Вып. 3.

Лопатин В.А., 1999б. Раннесрубный компонент в керамическом комплексе Смеловского грунтового могильника (опыт пространственно-временного анализа типобразующего признака) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Тез. докл. конф. М.

Лопатин В.А., 2000а. Культовые сооружения Смеловского могильника // Взаимодействие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов.

Лопатин В.А., 2000б. Об одном из компонентов формирования срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья // Тр. ГИМ. М. Вып. 2.

Лопатин В.А., 2001. Северо-восточная периферия Смеловского могильника // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2000 гг. Саратов. Вып. 4.

Лопатин В.А., Филимонова С.А., 2001. Классификация керамического комплекса Смеловского грунтового могильника эпохи поздней бронзы в Саратовском Заволжье // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань.

Лопатин В.А., Шамгуллина С.А., 2000. Классификация форм керамических сосудов из Смеловского грунтового могильника // Поволжский край. Саратов.

Малов Н.М., 1989. Погребальные памятники покровского

- типа в Нижнем Поволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов. Вып. 1.
- Малов Н.М., 2003. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов. Вып. 5.
- Мимоход Р.А., 2004. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград.
- Ткачев В.В., 2006. Культурная принадлежность памятников конца среднего бронзового века в степном Приуралье // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург.
- Федосов М.Ю., 2007. К проблеме соотношения среднедонской катакомбной культуры и криволукской группы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград.
- Шарафутдинова Э.С., 1995. Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье и на Северском Донце // Донские древности. Азов. Вып. 4.

Н.М. Малов

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Сосново-Мазинский клад: история обнаружения и комплектования коллекции

В 1901 г. близ с. Сосновая Маза Хвалынского уезда Саратовской губернии крестьянин Тимофей Михайлов Токарев нашел вместе с братом крупный клад медных предметов эпохи поздней бронзы (Спицын, 1909; Архив ИИМК. Ф. I. 1901. Д. 191. Л. 2, 12). Археологи не занимались сбором вещей и не обследовали место обнаружения клада в 1901 г. Эти процедуры, продолжавшиеся два-три месяца, выполнил уездный исправник, представивший «разное орудие старого образца и другие предметы из красной меди» губернатору. Последний направил их 13 августа 1901 г. в ИАК. В этом же году клад препроводили в Русский Исторический музей (ГИМ), где основная его часть находится и сейчас (Императорский Русский... С. 26, 27. Рис. 37, 38; Брюсов, 1934. С. 66, 67. Рис. 1–3).

В Отчете ИАК сообщалось: «3) Весьма ценный в научном отношении и редкий клад из 51 экз. медных кинжалов, ножей, кельтов и долот и 27 различных обломков, найд. при распашке поля между с. Сосновой Мазой и дер. Елховкой, Хвалынского уезда...» (Отчет ИАК, 1903. С. 140. Отд. II; С. 170. Отд. III. Д. 191). Следовательно, в ГИМ поступило не менее 78 предметов, включая обломки. ИАК прислала 25 октября 1902 г. в СУАК отношение и «три фотографических снимка различных медных предметов, найденных крестьянином Т. Токаревым близ с. Сосновой Мазы, Хвалынского уезда и относящихся к бронзовому веку» (КЗВ СУАК Т. I. Л. 161. № 301).

А.А. Спицын полагал, что это «запас мастера или торговца», содержащий 61 экземпляр медных вещей общим весом 1 пуд 8 фунтов, среди кото-

рых более всего ножей-серпов: «именно 50 целых и 5 сломанных» (Спицын, 1909). Однако суммарно получалось не 61, а 65 предметов (Черных, 1966. С. 124). По другим данным, в кладах 68 изделий: серпов-косарей – 58, кинжалов – 5, кельтов – 4, и один слиток бронзы (Мерперт, 1971. С. 354). К началу 1970-х гг. спектрально исследованная часть клада составила 63 предмета (Черных, 1970. С. 18, 134. Табл. II). Вместе с тем, в ГИМ хранятся 13 обломков от серпов-косарей (Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 47–58).

Спустя несколько лет после обнаружения клада некоторые его предметы передавались из частных собраний в музей СУАК. Кельт и кинжал поступили 9 марта 1909 г. от жертвователя Фомичева Георгия Прохоровича: «1) Бронзовый кельт 2 верш; шириною около 1 верш. С двумя ушками. 2) Бронзовый кинжал. Длина клинка 4 верш длина рукоятки 2 верш; наибольшая ширина клинка 1 верш. Найдены в Хвалынском уезде около села Сосновой Мазы в 1901 м году» (КЗВ СУАК. Т. I. Л. 338. № 929 (140)).

Кельт хранится в СОМК (СМК № 929/568) и неоднократно публиковался (Максимов, 1962. С. 283, 284. Рис. 2–4; Черных, 1966. С. 125. Рис. 47, 2; 1970. С. 57. Рис. 48, 19; 134. № 1679; Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 318. Табл. 108, 2). Вместе с тем, некоторые его детали остались незамеченными. С лицевой стороны на клине есть литейный дефект. Это маленькое отверстие, вокруг которого заметны шероховатости и трещинки, образовавшиеся при выходе газов (рис. 1: 3). Поэтому внутри клин полый. На противоположной стороне есть также шероховатости, от внутреннего давления при литье.

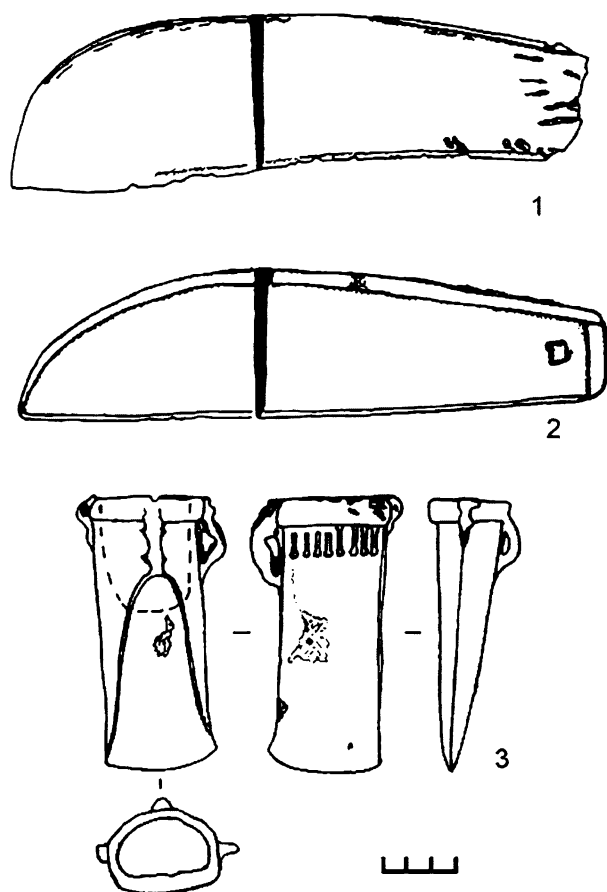

Рис. 1. Серпы-косари и кельт из Сосново-Мазинского клада

Сбоку у кельта по одному ушку (Максимов, 1962. С. 284). Второе малое боковое ушко не имеет отверстия и может восприниматься как «ложное». Скорее всего, отверстие в нем не получилось в результате некачественного литья. На лицевой стороне этого ушка есть углубление под планировавшееся отверстие, фиксируемое в плане и профиле. По своеобразному орнаментальному пояску из 8 параллельных вертикальных рельефных валиков с округлыми шишечками-шариками на концах данный сосново-мазинский кельт наиболее близок к дербеденовским и лобойковским группам Восточной Европы, и особенно к нижнему пояску одного из изделий с двумя боковыми ушками нижнехортицкого клада. Лобойковскую группу топоров-кельтов, где есть орнамент в виде рельефных валиков и шишечек, рассматривают в качестве локального варианта дербеденовской (Бочкарев, 2004. С. 399. Рис. 10, б).

Во время археологических разведок Б.В. Зайковского в июле 1912 г. «в с. Алексеевке земским учителем т. Исаевым передан в дар музею чудный экземпляр медного кинжала из сосново-мазинского клада скифских медных орудий» (Зайковский, 1913.

С. 213). Этот предмет записали 1 сентября 1912 г. в музее: «Бронзовый кинжал скифо-сарматской эпохи; длина клинка 21 ½ сант., шир. ½ – 4 ½ сант., длина ручки 10 сант. Найден близ села Сосновой Мазы, Хвалынского уезда, вместе с большим количеством разных бронзовых орудий, в 1901 году» (КЗВ СУАК. Т. II. Л. 74 об. № 2029 (484)).

Местом обнаружения клада и сбором предметов у крестьян целенаправленно занимался хвалынский археолог СУАК М.А. Радищев. В августе 1912 г. он сообщал С.А. Щеглову – хранителю музея СУАК: «Осенью мне можно будет съездить под Сосновую Мазу и осмотреть то место, где найден был лет 10 тому назад склад оружия бронзового века. На днях я говорил с тем самым крестьянином, который нашел этот клад, он с удовольствием покажет мне это место; там, по его словам, осталось нетронутыми какие-то бугорки, заросшие кустарником и травой... В этом месте много кладоискателей копались, но рыли только исключительно то место, где было найдено оружие» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 878. Л. 112–114).

До этого М.А. Радищев не знал, где находится место обнаружения клада, и его не обследовал. Через месяц, 24 сентября 1912 г., он передал один серп в музей СУАК (рис. 1: 2): «Медный бронзовый косырь, размером: длиною 23 сант., шириною 3–5 ½ сант.; представляет собою один клинок с утолщенным обухом в 7 миллиметров. Найден вместе с другими бронзовыми вещами лет 10 тому назад (в 1901 г.) близ села Сосновой Мазы, Хвалынского у.» (КЗВ СУАК. Т. II. Л. 83 об. № 2083 (513)). Он хранится в СОМК (Инв. № 571старый. Новый № СМК 38584) и сейчас включается в особый вариант А 1 Сосново-Мазинского типа (Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 53. № 175А).

Через полгода у М.А. Радищева появились кинжал и второй косарь (рис. 1: 1). Определенные сомнения вызывают условия и место обнаружения серпа. «Из слов находчиков» неясно, когда он найден, и в том ли месте, где и клад? М.А. Радищев сообщил С.А. Щеглову 27 февраля 1913 г.: «Сегодня мне доставили тот самый медный косарь из Сосновой Мазы, о котором я Вам писал; к сожалению, он уже побывал в руках кузнеца. Один конец его признаю целым, но остальная часть носит следы попытки расплавить» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 878ж. Л. 64). Затем, 15 марта 1913 г., указал: «К находке медного косыря на огородах с. Сосновой Мазы добавлю некоторые подробности, которые мне сообщил Черebaев: косырь найден в насыпи длиной 36 саж, шириной 15 с. И вышиной печатная сажень, которая проходит через огороды крестьян: Черebaева, Калыдина и еще какого-то третьего крестьянина. Насыпь сделана из камня, песку и груды наваленных,

ныне сгнивших, деревьев. Вместе с косырем найден рог (о котор. я писал) и куски истлевшей кожи. Насыпь уже несколько лет стараются уничтожить, так как она мешает распахке огородов» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 878. Л. 65–66).

Этот второй косарь М.А. Радищев также сдал 22 апреля 1913 г. музей СУАК. Об этом есть запись в инвентарной книге: «Медный косарь длиной 23. шириной 4 – 6 сант., ширина обуха 6 милл. Найден в окрестностях села Сосн. Мазы. Хв. у. Черобаевым» (КЗВ СУАК Т. II. Л. 115. № 2295). Он без отверстия, с многочисленными «свежими» вмятинами от ударов очень твердым орудием (СОМК Инв. № 572, новый СМК 38584). Серп активно использовался крестьянами в работе, вероятно, чаще всего при раскалывании дров и обработке древесины. По его обушковой части сильно ударяли, отчего дугообразный валик сверху плоский и в профиле Т-образен.

В архиве СУАК есть фотография кинжала с прорезной рукоятью (длина 34 $\frac{1}{4}$ см), хранившегося у М.А. Радищева, и его сопроводительное письмо от 5 декабря 1912 г. «Посылаю Вам маленький снимок – меч, кажется, больше Вашего; Ваш имеет длину, вероятно, 33 сантиметра. Сколько у Вас медных мечей из Сосновой Мазы?.. В 1890-х годах в окрестностях Сосновой Мазы был найден большой клад бронзовых орудий. Это место в сентябре 1913 г. осматривал член Ком. В.Ф. Орехов вместе с тем крестьянином, котор. нашел клад. Поблизости много древних ям» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 878ж. Л. 83, 111). Следом, 14 декабря 1913 г., он сообщает С.А. Щеглову: «Теперь у меня только следующее: ...один медный кинжал и один медный СЕРП из Сосновой Мазы» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 3. Д. 878ж. Л. 88–89). Фото данного кинжала с «кнопкой наверху» опубликовал В.А. Городцов (1916. С. 83, 106. Рис. 51). Из писем видно, что у М.А. Радищева к концу 1913 г. оставался этот кинжал и появился третий серп с отверстием.

П.С. Рыков, обследовавший место находки клада 23 июля 1922 г., на пологом спуске к промоине и у подъема вначале меж Токаревых, примыкающей к холмам, более ничего не нашел. По его мнению, местность неудобная даже для кратковременной стоянки. Со слов Алексея Тимофеевича Токарева: «Клад был найден братом моим в горах, в Кучугурах, верстах в 2–2,5 от села, во время вешнего посева, когда брат, поворачивая плуг, зацепил в канавке промоине от весенней воды за груды медных вещей. Их нашли больше, чем сдали начальству, т. к. соседи много вещей растащили. Позже приезжал М.А. Радищев и все кругом перерыл, но нашел только маленький кусочек меди» (Рыков, 1923. С. 14). Вероятно, кусочком меди был обломок от косаря. Все три предмета из коллекции М.А. Радищева сейчас

хранятся в ХКМ: кинжал (№ 3237), косарь (№ 3237) и обломок от косаря (№ 3238). Только их в 1920-е гг. и могли экспонировать в ХКМ (Рыков, 1936. С. 41).

Таким образом, всего через частных лиц и М.А. Радищева официально в СОМК и ХКМ поступило 8 вещей. До 1941 г. в СОМК числилось 5 предметов из Сосновой Мазы: два кинжала, кельт с двумя ушками и два серпа. Оба кинжала при сверке 1948 г. не обнаружили. Возможно, один из них опубликован, но без масштаба (Рыков, 1936. С. 41. Рис.). В ГИМ поступило 78 предметов, включая обломки. Суммарно получается, что всю коллекцию клада, собранную к 1917 г. в трех музеях, составляло 86 вещей. Можно полагать, что Сосново-Мазинский клад содержал еще больше предметов, но многие из них «разошлась по рукам», оставшись у крестьян, кладоискателей и коллекционеров.

- Бочкарев В.С., 2004. О функциональном назначении петьель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // Археолог: детектив и мыслитель: Сб. статей, посвящ. 77-летию Льва Самуиловича Клейна. СПб.
- Брюсов А.Я., 1934. Путеводитель по открытым залам государственного исторического музея. Первобытно-коммунистическое общество. М.
- Городцов В.А., 1915. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Исторического музея за 1914 год. М.
- Дергачев В.А., Бочкарев В.С., 2002. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев.
- Зайковский Б.В., 1913. Краткий отчет об археологических разведках в 1912 г. // Тр. СУАК. Вып. 30.
- Императорский Русский Исторический музей имени Императора Александра III в Москве: Краткий путеводитель по музею. М., 1914.
- Максимов Е.К., 1962. Материалы из Хвалынского музея // СА. № 3.
- Мерперт Н.Я., 1971. Сосново-Мазинский клад // Советская историческая энциклопедия. Т. 13.
- Отчет Императорской Археологической комиссии за 1901 год. СПб., 1903.
- Рыков П.С., 1923. Результаты археологических исследований в Петровском и Хвалынском уезд., Саратовской губ. в 1922 г. // Тр. Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском государственном университете. Вып. 34. Ч. 1.
- Рыков П.С., 1936. Очерки по истории Нижнего Поволжья: По археологическим материалам. Саратов.
- Спицын А.А., 1909. Некоторые находки медного века // Изв. ИАК. СПб. № 29.
- Черных Е.Н., 1966. О химическом составе металла клада из Сосновой Мазы // КСИА. Вып. 108.
- Черных Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. № 172.

*Н.П. Матвеева, В.М. Костомаров**Тюменский государственный университет*

Об особенностях погребальных традиций населения пахомовской культуры Западной Сибири

Пахомовская культура, выделенная О.Н. Корочковой, относится к числу «андроноидных», сложившихся в лесостепной зоне Западной Сибири на основе андроновского субстрата (Корочкова, 1987; 2003). Многие вопросы ее изучения остаются дискуссионными, например, хронологии, преемственности между федоровскими и пахомовскими древностями, соотношения последних и сузгунской культуры во времени и пространстве. Крайне скудны источники для реконструкции погребальной обрядности пахомовского населения. Так, известны лишь единичные захоронения Лихачевского и Черноозерского II могильников (Генинг, Стефанов, 1991. С. 52), а также погребения на площади поселков Пахомовская Пристань 1 (Евдокимов, Корочкова, 1991), Ново-Шадрино VII (Корочкова, 2007), Усть-Китерьма 1 и 4 (Полеводов, 2003).

В связи с этим важны материалы Усть-Терсюкского 2 могильника, находящегося в Шатровском р-не Курганской обл. на правом берегу Исети и состоящего из 7 курганов. Нами произведены раскопки двух насыпей диаметром 6–7 м, высотой 0,5–0,7 м. Анализ стратиграфии позволяет говорить о двух эпизодах использования места для погребений: в бронзовом веке и населением саргатской культуры.

В период поздней бронзы в кургане 2 совершены захоронения 1, 2, 4, 5.

Погребение 1 было расположено на погребенной почве и разрушено в поздний период, когда насыпь нарезали из кусков дерна; оно обнаружено по длинным костям ног, обломку кости черепа человека, лежащим под берестой, там же были черепок с отпечатками гребенчатого штампа и расчесов, угольки.

Погребение 2 – коллективное безынвентарное. Скелеты шести человек, уложенных скорченно на боку, головами на ЮЗ, находились фактически за пределами насыпи в погребенной почве под кусками коры и бересты. Поверх них найдены два миниатюрных сосудика эпохи бронзы, кости кабана. Индивид 1, ребенок, вероятно, 6–10 лет (антропологические определения О.Н. Пошехоновой, Лаборатория антропологии и этнографии ИПОС СО РАН), и индивид 3 (женщина в возрасте около 20 лет) были помещены на левом боку, один за спиной другого, в скорченном положении, головами на ЮЮЗ. Тазовые кости женщины лежат на расстоянии 0,5 м от середины позвоночника, из-за плохой сохранности

неясно, был человек разрублен пополам или кости сдвинулись по истлеванию скелета. Индивид 2 (мужчина, около 20 лет) лежал на правом боку, причем несколько поверх тела третьего, головой на ЮЗ. Индивиды 5 и 6 располагались поодаль, на расстоянии 70 см, также на правом боку, головами на ЮЮВ. Индивид 6 (ребенок, 10–11 лет) лежал с согнутой спиной, голова запрокинута назад, ноги согнуты под прямым углом, стопы и кисти не обнаружены. От индивида 4 остались обломки нижних конечностей, возможно, скелет был разрушен погребением 3. Поверх кости левой голени индивида 5 в засыпке могилы найден черепок с отпечатками шагающей гребенки. Захоронения относятся к позднему бронзовому веку, но совершены не одновременно. Судя по тому, что сосуды находились поверх бересты и скелетов, последние были помещены в берестяные короба, истлевшие впоследствии.

Погребение 3 находилось в овальной яме, слабо углубленной в материк, под центром раннего погребального комплекса. Могила ориентирована по оси СЗ–ЮВ. In situ лежали только берцовые кости одной ноги погребенного.

Погребение 4 прорезано поздней саргатской могилкой 5, костяк погребенного сдвинут. Имело прямоугольную форму, размеры 1,76 x 1,1 м, углублено в материк на 3–4 см. Ориентировано по оси СВ–ЮЗ. На дне располагались 4 ямки от столбов диаметром 20–25 см, глубина у них разная: от 15 до 23 см. Найдены обломки сосудов, кусок свернувшегося полотна бересты или сосуда, а также бронзовый кельт. Интересными представляются остатки конструкции дома мертвых, предположительно в виде каркаса на столбах. Не исключено, что с погребением 3 они составляли единое коллективное, подобно погребению 2, т. к. глубина у них близкая, а ямы сливаются, то ли от вкопов грабителей, то ли вследствие близкого расположения.

Вокруг могил кургана 2 отмечены остатки ям от десяти столбов диаметром 25–30 см, глубиной 7–10 см от материка, установленных по сторонам прямоугольника размером 4 x 4,5 м.

В кургане 3 было обнаружено одно захоронение эпохи бронзы в овальной яме, ориентированной по линии запад – восток, попорченное саргатской могилкой. У северной стенки найден крупный обломок сосуда, керамика была и в насыпи. Как и в кургане 2,

на материке фиксировались следы от 15 столбовых ямок диаметром 20–35 см и глубиной 15–20 см. Они были расположены двумя параллельными рядами (СЗ–ЮВ), расположенными на расстоянии 4 м друг от друга, длиной 9,3 м. Две ямки выступали за эту линию на 1,3 м к юго-западу. Предполагаем, что это было прямоугольное наземное строение, в которое помещали тела умерших.

Таким образом, открытие Усть-Терсюкского 2 некрополя малоизученной пахомовской культуры предоставило новые данные о погребальном обряде: бескурганые одиночные и коллективные ингумации, с ориентировкой скорченных на боку покойных головой на юг, юго-запад. Умерших, предположительно, укладывали в какие-то домики на столбах, тела их помещали в мелкое углубление в дерне защитными в бересту. Посуду ставили не в могилы, а около них.

Находки следов каких-либо конструкций, кроме могильных ям, на некрополях довольно редки. Так, в некоторых абашевских курганах в Прикамье отмечены следы оград; остатки бревенчатых конструкций, в которых проводились погребальные церемонии, включавшие поминальные жертвы и кремации тел, обнаружены в ананьинском Першинском могильнике, там же сохранились следы берестяных коробов (Голдина, 2004. С. 131, 175).

Керамика представлена шестью сосудами, два из них – миниатюрные неорнаментированные миски со слегка отогнутыми наружу венчиками. Горшки – диаметром от 27 до 40 см, плавно профилированные, тщательно заглажены, украшены прочерченными линиями, оттисками гребенчатого штампа, уголка лопаточки, горизонтальным штампованным зигзагом, сеткой или наклонными отрезками. В декоре используются скобовидные вдавления, меандровидные зигзаги с бахромой, насечки, образующие нисходящий ряд по косой сетке. Орнамент и формы находят самые близкие аналогии в материалах Пахомовской Пристанки 1 (Евдокимов, Корочкова, 1991), Оськина Болота (Ткачев, 2000), Большого Имбиря 10 (Матвеев и др., 2003). От сузгунской посуды их отличает насыщенный декор, более приземистые и малые формы, присутствие уголков вдавлений, в одном сосуде угадываются такие черты, как многорядный горизонтальный зигзаг, мелкие насечки по краю венчика, приостренный профиль шейки. Керамика Усть-Терсюкского 2 могильника является оригинальным комплексом, характерным для пахомовской культуры.

В литературе древности этой культуры датируют последней третью II тыс. до н. э. (Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991. С. 81–84; Полеводов, 2003; Матвеев, 2007. С. 34). Датировку уточня-

ет маленький бронзовый кельт из п. 4 кургана 2, одноушковый, прямоугольной формы, с овальной втулкой и утолщением вдоль ее края, отверстием для крепления рукояти. Декорирован рельефным валиковым орнаментом в виде крупного штрихованного свисающего треугольника, занимающего всю плоскость, не вполне четкого из-за литейного брака. Аскозинско-меларские одноушковые кельты, наиболее близкие по размерам, обычно характеризуются небольшим расширением к лезвию и декором в виде параллельных валиков вдоль втулки (Патрушев, Халиков, 1982). Как пишет Е.Н. Черных, ушковые кельты с пещеркой и суженным лезвием являются руководящей формой предананьинского горизонта XII–VIII вв. до н. э.; узор нашего изделия сходен с орнаментом случайной находки из с. Катайского в Зауралье (Черных, 1970. С. 103, 125. Рис. 48, 29), но наш кельт несколько крупнее и более уплощенный.

Близкими по типу являются находки с культового места Сузгун II, это две глиняные модели одноушковых кельтов, которые отнесены В.Т. Галкиным к VIII в. до н. э. (Галкин, 1988. С. 146). Получается, что рассматриваемый кельт имеет диапазон бытования, который определяет датировку некрополя XII–VIII вв. до н. э., что расходится с общепринятыми взглядами на пахомовские древности, и крайняя дата VIII в. до н. э. может быть взята за основу определения верхней границы существования пахомовских древностей; это подтверждается и присутствием бархатовских черт на двух сосудах могильника.

Отдельные элементы погребальной практики Усть-Терсюкского 2 могильника находят аналогии в могильниках Черноозерье II и Лихачевский. Эти памятники расположены в сходных ландшафтных условиях, на краю мысов надпойменных террас, на берегах крупных рек, погребенные в них захоронены по обряду ингумации в неглубоких могильных ямах, в плане овальной или подпрямоугольной формы и ориентированных по линии СЗ–ЮВ либо север – юг. Сопроводительный инвентарь представлен сосудами, расположенными рядом со скелетами, в изголовье или ногах. На Усть-Терсюкском 2 могильнике отмечены самобытные черты: ориентировка умерших головами на ЗЮЗ; наличие каркасных деревянных надмогильных конструкций, а также коллективный характер захоронений кургана 2.

В связи с этим обращают на себя внимание человеческие останки, обнаруженные при исследовании поселений пахомовской культуры: в зольниках Ново-Шадрино VII, Усть-Китерьмы 1 и 4, в жилище на поселении Пахомовская Пристань 1. При этом погребения в зольниках – коллективные, а в жилищах – оди-

ночные. Первые вряд ли можно расценивать как одномоментные, вероятнее всего, они совершались на всем протяжении использования зольника, что аналогично длительному формированию комплекса коллективного погребения 2 из наших материалов. Можно предполагать наличие нескольких вариантов обращения с телами умерших у пахомовских групп, обусловленных различиями во времени, причинах и обстоятельствах смерти, социальном статусе людей. Погребения в зольниках и жилищах встречаются во многих культурах западносибирской лесостепи, как в предшествующих, так и синхронных пахомовской. Так, кости людей обнаружены в колодцах поселения Черемуховый Куст (Зах, 1995. С. 63), на ирменском поселении Красный Яр 1 (Матвеев, 1993. С. 73). Парциальные остатки скелетов людей в жилищах в ранние периоды развития андроновской общности, вероятнее всего, отражают жертвоприношения или хранение святынь культа предков, а во времени распада андроновской семьи подобные действия могли стать постоянной практикой общин.

Рассматривая аналогии найденным предметам и анализируя погребальные памятники близких пахомовской культур, можно говорить, что наиболее сходными проявлениями погребального обряда отличается сузгунская. Данный вывод соответствует нашим представлениям об участии носителей первой в сложении второй на правах основного субстрата.

Галкин В.Т., 1988. К вопросу о хронологических рамках сузгунской культуры // Хронология и культурная принадлежность каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И., 1991. Могильники андронов-

идной культурной общности Ишимской лесостепи // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск.

Голдина Р.Д., 2004. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск.

Евдокимов В.В., Корочкова О.Н., 1991. Поселение Пахомовская Пристань 1 // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень.

Зах В.А., 1995. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск.

Корочкова О.Н., 1987. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Корочкова О.Н., 2007. О специфике Сибирских зольников бронзового века // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К., 1993. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья // ВАУ. Вып. 18.

Матвеев А.В., 1993. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск.

Матвеев А.В., 2007. Черкаскульская культура Зауралья // АВ ORIGINE. Тюмень. Вып. 1.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Костомаров В.М., Рыжкова Ю.В., 2003. Большой Имбиряй 10 – новый памятник пахомовской культуры в Ингальской долине // Словцовские чтения – 2003. Тюмень.

Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982. Волжские ананьинцы. М.

Полеводов А.В., 2003. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.

Ткачев А.А., 2000. Поселение Оськино Болото // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень. Вып. 2.

Черных Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.

**В.И. Молодин¹, Л.Н. Мыльникова¹,
И.А. Дураков², Л.С. Кобелева²**

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН

² Новосибирский государственный педагогический университет

Культурная принадлежность городища Чича-1 (по данным статистико-планиграфического изучения керамических комплексов)*

Городище Чича-1 расположено в Южной Барабе в Здвинском районе Новосибирской обл. на берегу оз. Малая Чича. Памятник открыт В.А. Захом (Троицкая, Молодин, Соболев, 1980. С. 36 – 37). Первые раскопки произведены в 1979 г. В.И. Молодиным, в

дальнейшем в течение 1999–2003 гг. работы производились Российско-германской экспедицией ИАЭТ СО РАН и DAI (г. Берлин). Руководители работ академик В.И. Молодин и проф. Г. Парцингер. В настоящее время на памятнике вскрыто 3875 м² (Молодин,

Парцингер, Гаркуша, Шнеевайс, Гришин, Новикова, Чемякина и др., 2004. С. 7).

Анализ керамического комплекса городища Чича-1 достаточно наглядно показал его многовариантность. Выделено две традиции составления формовочных масс посуды, определены ее основные морфологические типы (Молодин, Парцингер, Гаркуша, Шнеевайс, Беккер, и др., 2001; Молодин, Парцингер, Гаркуша, Шнеевайс, Гришин, Новикова, Чемякина, и др., 2004) и несколько основных групп керамики: ирменская, позднеирменская (Молодин, 1985), сузгунская (Полеводов, 2003), красноозерская (Абрамова, Стефанов, 1985. С. 103–130), атлымская (Глушков, Захожая, 2000), берликовская (Молодин, Парцингер, Гаркуша, Шнеевайс, Гришин, и др., 2001. С. 145–154, рис. 41–58; Молодин, Мыльникова, Парцингер, 2003. С. 147–151; Молодин, Мыльникова, Парцингер, 2004. С. 101–106; Молодин, Парцингер, Гаркуша, Шнеевайс, Гришин, Новикова, Чемякина и др., 2004. С. 266–275, рис. 49–54, табл. 1–12; Молодин, Мыльникова, Кобелева, 2008, и др.) (рис. 1, 2).

Доминирующая оценка памятника, обоснованная в ряде работ, сводится к его поэтапному заселению сначала носителями ирменской культуры (эпоха поздней бронзы) (рис. 1: 1–3), плавно эволюционирующей в позднеирменскую (рис. 1: 4–17). Затем, в переходное от бронзы к железу время, наблюдается приток и адаптация на поселении носителей иных культурных образований: сузгунской (рис. 1: 18–21), красноозерской (рис. 2: 7–18), атлымской (?) (рис. 2: 1–6) и берликовской (рис. 2: 19–24). Пришельцы по-разному адаптировались на городище, вступая с аборигенами в этнокультурные контакты (Молодин, Парцингер, 2006. С. 49–55). Процесс этот был явно длительным, и взаимовлияния – различными. Это был основной период функционирования памятника, укладывающийся в пределы IX (может быть конца X) – VIII и начала VII в. до н.э. Об этом свидетельствует как набор датирующих предметов, так и серия радиоуглеродных дат (Молодин, 2008). Что касается комплексов саргатской культуры, то она появляется на поселении уже по прошествии нескольких столетий после функционирования памятника в переходное от бронзы к железу время.

Более упрощенную схему демонстрирует в своей диссертации Й. Шнеевайс, считающий ирменскую и позднеирменскую культуры единым комплексом, бытующим в эпоху поздней бронзы. Инокультурные влияния, прослеженные на городище, исследователь связывает исключительно с красноозерской культурой (Schneeweiß, 2008).

Для того чтобы доказательно ответить на вопрос о динамике освоения памятника, нами проведено статистико-планиграфическое изучение керамиче-

ских материалов. За основу взяты коллекции венчиков из жилищных комплексов, исследованных на разных площадках городища (всего 1750 сосудов), где уже при полевых исследованиях наблюдалось сочетание различных, в культурном отношении, керамических комплексов.

Площадка II. «Цитадель». Раскоп 6. Жилища 3 и 3а. Исследованы венчики от 690 изделий, происходящие из заполнения котлованов жилищ 3 и 3а. Анализ распределения керамического материала позволяет сказать, что в камере 3 преобладает материал позднеирменской культуры (135 венчиков) – 90%. В двух нижних слоях – 3, 4 – он составляет 100%. Доля инокультурной керамики составляет 10%, в том числе берликовской – 5%, красноозерской – 2%, 1% принадлежит смешанному комплексу: красноозерско-берликовскому и 2% – красноозерско-сузгунскому. В камере 3а главенствует также позднеирменская керамика – (431 сосуд) – 81%. Однако отмечается и значительное количество инокультурного компонента (всего 19%), среди которого преобладает берликовский (7%). Красноозерская группа составляет 5%, столько же – керамика, напоминающая посуду большеберликовской культуры эпохи раннего железа. По 1% принадлежит смешанной группе посуды: красноозерско-берликовской и красноозерско-сузгунской. Замечена тенденция концентрации инокультурной керамики к центру жилища вокруг очага, а позднеирменской – к стенкам (западной и южной), где есть прокалы.

Площадка IIIа. Раскоп 3. Жилище 5. Из заполнения котлована сооружения 5 изучены венчики 523 сосудов. В керамическом материале, несомненно, преобладание позднеирменской группы – 445 венчиков плюс три развала сосудов (86%), что фиксируется на всех горизонтах раскопа. Берликовская группа составляет 11% (60 венчиков плюс 4 развала сосудов). Подчеркнем наибольшую ее концентрацию на уровне 3 горизонта заполнения котлована. Красноозерская группа составляла 2%, смешанная позднеирменско-сузгунская керамика – 1%. Перемещение фрагментов от одного сосуда (не зависимо от культурной группы) осуществлялось: 1) параллельно стенкам жилища вокруг очага; 2) от очага по линии северо-запад – юго-восток.

Одновременное существование в одном строении керамики с разными орнаментальными и гончарными традициями – признак разнокультурного состава обитателей строения № 5. Послойное распределение керамического материала показывает, что соотношение групп изменялось. Сначала это было позднеирменское население, в конце существования жилища (3 слой заполнения) – смешанное с преобладанием позднеирменского. При этом основ-

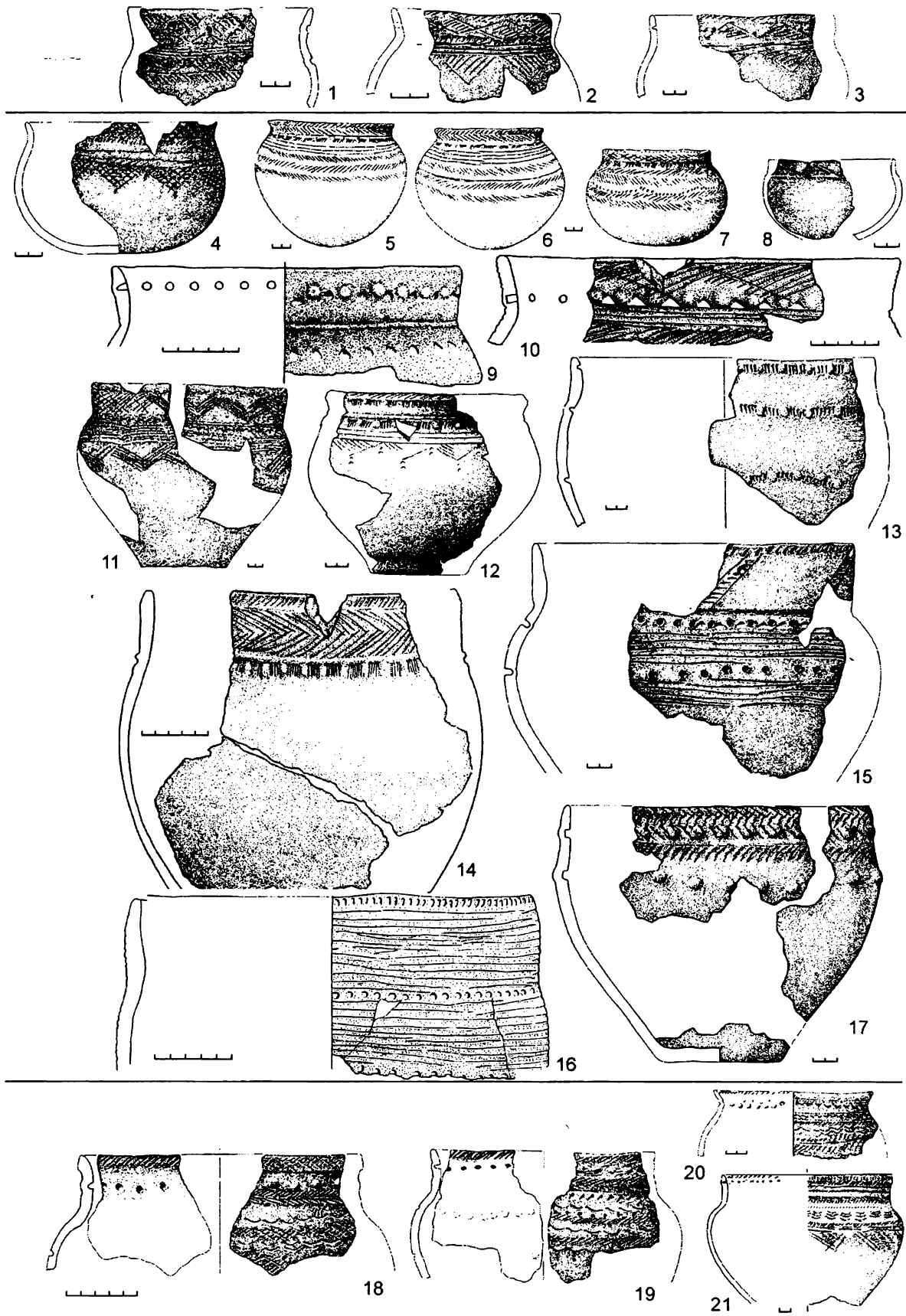

Рис. 1. Городище Чича-1. Группы керамики: 1-3 – ирменская; 4-17 – позднеирменская; 18-21 – сузгунская

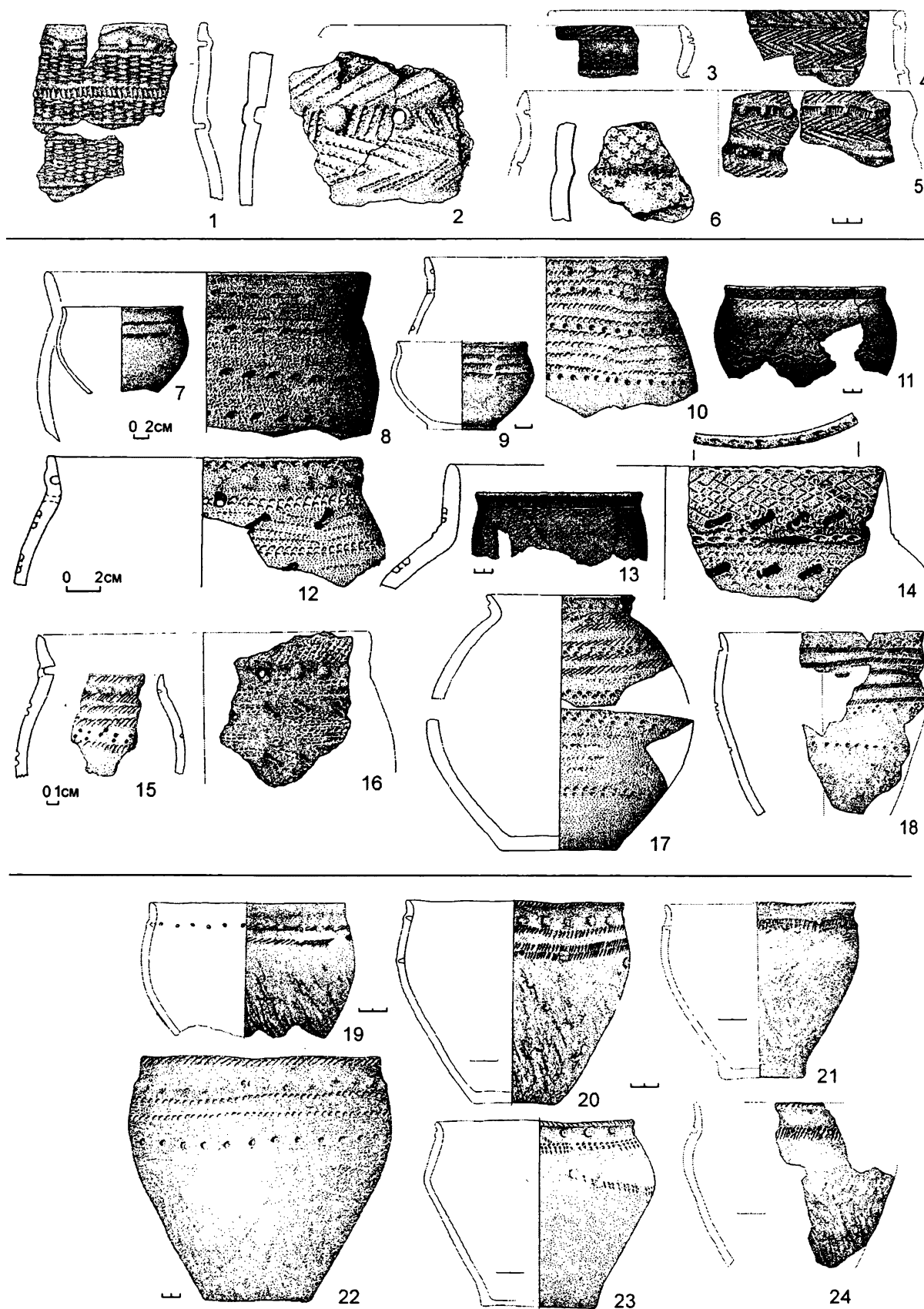

Рис. 2. Керамика городища Чича-1. 1-6 – атлымская группа; 7-18 – красноозерская группа; 19-24 – берликская группа

ную массу инокультурной керамики составляет берлисская группа. Подобная ситуация фиксируется и в слоях рва С. На момент, когда ров был открыт, отмечена только позднеирменская посуда, в т.ч. – два развала. Заполнение его в дальнейшем сопровождалось попаданием инокультурной керамики.

Площадка IIIb. Раскоп 5. Жилища 8 и 8а. Всего в заполнении котлованов камер 8 и 8а изучено 414 сосудов. При этом доля разных групп керамики составляет: красноозерская – 38%, позднеирменская – 33%, берлисская – 26%, атлымская – 2, красноозерско-берлисская – 1%. Вертикальное распределение керамических комплексов может свидетельствовать о различном соотношении культурных групп населения в разные периоды функционирования жилища: в верхних слоях заполнения (слои 1–2) отмечено преобладание керамики позднеирменской группы (54%); в нижних (слой 3 и 3б) – инокультурной красноозерской (47–53%) и берлиской (17–28% соответственно). Керамика берлиской и красноозерской групп достаточно четко связана с определенными камерами: первая – с 8а, вторая – с камерой 8. Доля разных групп керамики из заполнения котлованов по жилищам имеет следующее распределение. Котлован 8а – берлисская – 52%, позднеирменская – 24%, красноозерская – 17%, атлымская – 2%. Котлован 8 – красноозерская – 88%, позднеирменская – 24%, берлисская – 13%, атлымская – 7%. Привязка разных групп керамики к разным очагам может свидетельствовать о различном ведении хозяйства в рамках одного жилища, и видимо, об особой структуре семьи.

Площадка IVa. Раскоп 10. Жилище 10 и часть котлована 12. Из заполнения котлована 10 изучено всего 123 сосуда. Доля разных групп керамики составила: красноозерской – 84%, позднеирменской – 10%, берлиской – 3%, красноозерско-берлиской и красноозерско-ирменской – по 2%. То есть для котлована 10 отмечается преобладание керамики красноозерской группы, при этом ее фрагменты находились и в столбовых ямах конструкции; позднеирменская керамика присутствует во всех слоях заполнения и ямах. Между котлованами 10 и 12 фиксируется связь в виде перемещения керамики от одних и тех же сосудов на уровне пола и ям. Следует подчеркнуть особенность раскопа 10 – малое количество керамического материала. Это может объясняться назначением сооружения, которое было не столько жилым помещением, сколько литейной мастерской (в заполнении котлована 10 обнаружено 1216 обломков литейных форм).

Подводя итог исследованию статистико-планиграфического изучения выборки керамического материала, происходящей из раскопов с разных участ-

ков городища Чича-1, можно сделать следующие выводы.

1. Подтверждается одновременное существование на памятнике нескольких керамических групп, связанных с культурами переходного от бронзы к железу времени: позднеирменской (автохтонной) и инокультурных: берлиской, красноозерской, сузгунской, атлымской.

2. На разных участках памятника их соотношение различно. В заполнении жилищ 3 и 3а (цистель) доминирует позднеирменский комплекс (83%), но фиксируется присутствие берлиской (7%) и красноозерской (4%) посуды. В заполнении котлована 5 (жилая площадка IIIa) основу керамического комплекса составляет позднеирменская группа (86%), довольно большая доля принадлежит берлиской (11%), а красноозерская, сузгунская и атлымская – отмечены в незначительном количестве. В заполнении жилищ 8 и 8а (жилая площадка IIIb) значителен комплекс красноозерской (38%) и берлиской (26%) групп при стабильной фиксации присутствия позднеирменской (33%) группы. Котлован 10 (жилая площадка IVa) отличается преобладанием красноозерской группы (84%) при присутствии позднеирменской (10%) и берлиской (3%).

3. Отмечена определенная закономерность размещения керамических комплексов внутри жилых конструкций. В многокамерном жилище 3-3а (раскоп 6) керамика берлиского и красноозерского типов концентрируется в основном в камере 3а, а в камере 3, где преобладает позднеирменская, присутствует в единичных обломках, часть которых являются фрагментами сосудов из камеры 3а. Камеры 8 и 8а (раскоп 5) также характеризуются неоднородным распространением керамического материала. В первой – сконцентрирована посуда красноозерской группы, занимая предвходовую площадь и площадку вокруг прокала 1. Во второй камере преобладает керамика берлиской группы, сосредоточенная вокруг центрального очага. Данная тенденция может свидетельствовать о специфической структуре семейно-брачных отношений на городище.

4. Достаточно четко зафиксировано наличие синкретичных форм керамики, сочетающих на одном сосуде орнаментальные традиции основных выделяемых групп, что может быть дополнительным аргументом одновременного существования носителей этих традиций и их взаимодействия на памятнике.

5. Городище Чича-1 – памятник позднеирменской культуры переходного времени от бронзового к железному веку, демонстрирующий сложность этнокультурных процессов, происходящих в означенное время, направление культурных связей, как

автохтонного населения, так и пришельцев, а также своеобразную структуру социальных отношений его обитателей (Молодин, 2007). Полученные результаты показывают, что при атрибуции памятников переходных эпох следует крайне взвешенно подходить к вопросам их культурной диагностики. При некорректной выборке, малой исследованной площади памятника возможны искажения при интерпретации материала.

*Работа выполнена в рамках Программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», проекты «Лесостепное Обь-Иртышье: взаимодействие пришлых и аборигенных культур бронзового века – средневековья», «Технологии древних производств в системе адаптации населения лесостепной зоны Западной Сибири (по материалам поселенческих комплексов эпохи поздней бронзы – раннего железного века)».

Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1985. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск.

Глушков И.Г., Захожая Т.М., 2000. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья. Сургут.

Молодин В.И., 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск.

Молодин В.И., 2007. Дуальная модель организации историко-культурного пространства на памятнике Чича-1 (Барабинская лесостепь) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб.

Молодин В.И., Колонцов С.В., 1984. Туруновка-4 – памятник переходного от бронзы к железу времени // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., 2004. Керамика городища Чича-1 как источник по истории переходного времени от бронзового к железному веку // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве (к юбилею проф. Е.И. Соловьевой): Матер. Регион. науч.-практ. конф. Новосибирск.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., 2008 (в печати). Этапы заселения городища Чича (по результатам анализа керамического комплекса) // АЭАЕ.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Парцингер Г., Шнеевайс Й., 2003. Керамика городища Чича-1 (технологические аспекты) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. I. Барнаул.

Молодин В.И., Парцингер Г., 2006. Исследование памятника Чича в Барабинской лесостепи (итоги, перспективы, проблемы) // Современные проблемы археологии России: Мат. Всероссийск. АС. Т. 1. Новосибирск.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Беккер Х., Фассбиндер Й., Чемякина М.А., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Васильев С.К., Мыльникова Л.Н., Балков Е.В., 2001а. Археолого-геофизические исследования городища переходного от бронзы к железу времени Чича-1 в Барабинской лесостепи. Первые результаты Российско-Германской экспедиции // АЭАЕ. 2001а. № 3(7).

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., 2001б. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследования). Новосибирск, 2001б (Материалы по археологии Сибири. Вып. 1).

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А., 2004. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск. Т. 2. (Материалы по археологии Сибири. Вып. 4).

Полеводов А.В., 2003. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И., 1980. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск.

Schneeweiß J. Die Siedlung Čiča in der westsibirischen Waldsteppe. Untersuchungen zur spätbronze- bis früheisenzeitlichen Keramik, Chronologie und kulturellen Stellung. Mainz, 2008.

А.Г. Новиков

Иркутский государственный университет

О.И. Горюнова

Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ

А.В. Вебер

Университет Альберты, Эдмонтон (Канада)

Погребальные обряды населения бронзового века Приольхонья (по материалам могильника Курма XI)*

В изучении бронзового века Прибайкалья, и в частности Приольхонья, приоритет отдается погребальным комплексам. Накопленный фактический материал имеет большой научный потенциал для выявления особенностей погребальной практики населения региона в бронзовом веке. Одним из крупных, информативных объектов является могильник Курма XI, комплексно исследованный Российско-Канадской экспедицией в 2002–2003 гг. (Горюнова, Вебер, 2002; 2003).

Некрополь расположен в 210 км к ВСВ от г. Иркутска, на северо-западном побережье Малого моря оз. Байкал, в 0,5 км к северо-востоку от п. Курма (Ольхонский р-н Иркутской обл.). За все годы исследований вскрыто 26 погребений, из которых 20 относятся к бронзовому веку. По особенностям погребальной практики выделяются две группы захоронений.

Погребения первой группы – 17 могил (1–10, 12–18), находились вдоль юго-восточного подножья горы, на высоте от 6 до 16 м над уровнем оз. Байкал. Расположены цепочкой, ориентированной по линии ЮЗ–СВ, что обуславливает общую направленность некрополя. Протяженность могильного поля этой группы – 175 м. В его юго-западной части выделяется компактное скопление из 4 могил (№ 3–6).

Для погребальной практики этой группы характерны определенные «шаблонные» обрядовые действия. Над всеми могилами возводились каменные сооружения. Их форма – овальная или округлая; конструкция – сплошная (3), выложенная из плит в несколько слоев. В 14 случаях надмогильные сооружения имели вид кольцевых или полукольцевых кладок, однако все они были разрушены в древности и, вероятно, их первоначальная конструкция была также сплошной. Размеры целых кладок: 2–2,1 x 1,2–1,3 м; кольцевых сооружений: 3,3–6 x 2,4–5 м.

Умершего помещали в могильную яму овальной формы, глубиной от 0,5 до 0,8 м, исключение – погребение 15 (глубина 1,4 м). Все могильные ямы

заполнялись камнями, образующими внутримогильные перекрытия (от 1 до 5). В 6 погребениях (2, 3, 5, 7-1, 9, 15) в головах покойных располагались вертикальные плиты, ограничивающие могилу. В погребении 5 такая же плита установлена в ногах покойного.

Преобладающее положение – вытянутое на спине; в 2 случаях (№ 6, 18) – на спине с согнутыми в коленях ногами. Последние могилы планиграфически несамостоятельны. Как правило, все погребения индивидуальные.

Ориентировка погребенных – головой на ЮЗ; в двух могилах (12, 15) – на запад. Вероятно, различия объясняются временем года в момент захоронения.

Одежда погребенных обшивалась украшениями из зубов и клыков животных, дисками, кольцами и полукольцами из светлого нефрита, кальцита и мрамора, луновидной подвеской с волнистым краем из зеленого нефрита (п. 12) и кольцами из бронзы (п. 14).

Практически во всех погребениях отмечен сопроводительный инвентарь (исключение – п. 17), который размещался компактными скоплениями: в головах или слева от покойного. В погребении 12 сохранился берестяной чехол-сумка, в котором найдено 33 изделия. В наборе инвентаря: тесла, топоры и ножи из зеленого нефрита, наконечники стрел с вогнутой базой и симметричными шипами, с прямой и выпуклой базой (выделяются равносторонние, удлиненные и с перехватами), ножи-бифасы, концевые скребки (часто с ретушью по маргиналам), проколки с удлиненным лезвием и расширенным основанием, костяные игольники и иглы, ложки и остря, гарпуны с выступом в основании, стерженьки рыболовных крючков, игловидные наконечники стрел с расщепом и др. В 8 из 17 могил присутствуют изделия из металла (обломки ножей, иглы, остря составных рыболовных крючков, игольники, украшения).

В погребальной практике использовались кости животных. Преобладают челюсти и отдельные зубы (косули, нерпы, медведя, бобра); в 4 погребениях (3,

6, 12, 16) встречены в анатомическом порядке фаланги и метаподии зайца (лапка).

В числе «чрезвычайных» вариантов погребальной практики отмечаються: вторичное погребение, ритуальное проникновение в могилу, использование в обряде охры, двойное захоронение и размещение необычного сопроводительного инвентаря.

К вторичным относим погребение 14, которое интерпретируется как частично экскарнированное (погребение останков покойного, произведенное после его «выдерживания» на стороне, при частичном разложении трупа). Здесь отмечено нарушение анатомической целостности костяка при отсутствии признаков нарушения могилы (Новиков, 2007а). Кости погребенного, часть которых находилась в сочленении, располагались скоплением в центральной части могилы.

В погребении 17 отмечено носившее ритуальный характер проникновение в могилу, произведенное после захоронения умершего. Здесь, при полном сохранении анатомического порядка костяка, был целенаправленно изъят череп. Аналогичные случаи зафиксированы в погребениях 24 и 87 могильника бронзового века Хужир-Нугэ XIV. Вероятно, они свидетельствуют о существовании ритуала, связанного с манипуляциями с останками умершего, производимыми по прошествии определенного времени.

В четырех случаях в погребальном обряде использовалась охра: полная засыпка костяков (п. 14, 17) и частичная, в виде пятна в районе тазовых костей и верхней половины туловища (п. 15, 16). В двух из таких погребений найдены изделия из металла.

Отмечено двойное одноплоскостное погребение (7), принадлежащее взрослым. Судя по размещению покойных и ненарушенным контурам могильной ямы, оно одномоментное.

В 4 погребениях содержался необычный сопроводительный инвентарь: ажурная бронзовая бляха с антропоморфным изображением (п. 1); орнаментированная бедренная кость ребенка (п. 14); антропоморфные личины на стерженьках составных рыболовных крючков (п. 12); кольцевидная подвеска из серебра (п. 15). В Прибайкалье это первый случай находки изделия из драгоценного металла в погребальном комплексе бронзового века.

Погребения второй группы – 3 могилы (19, 25, 26), находились: две на восточном склоне горы, на высоте 28–30 м, и одна – в северо-восточном конце могильного поля первой группы погребений (в 25 м к ВСВ от крайней кладки).

Все погребения располагались под каменными надмогильными сооружениями, выложенными из плит в несколько слоев. В одном случае (п. 19) клад-

ка овальная, сплошная, размерами 4 x 3,4 м; в двух случаях – кольцевые (разрушены в древности), размерами 3–3,6 x 2,7–3,2 м. Могильные ямы округлые в плане и шахтообразные в разрезе. Их размеры: 0,9 x 0,8 м (п. 19, 25) и 0,5 x 0,5 м; глубина от 0,58 до 1,1 м. В двух погребениях могилы ограничены вертикальными плитами (п. 26 – в западном, п. 25 – в ЮЗ концах).

Положение погребенных – сидя, в скорченной позе. Ориентация лицевой частью на ЮЗ (п. 26) и ВСВ (п. 25). Сидячие погребения все индивидуальные. В погребении 19 дно могилы засыпано охрой.

Сопроводительный инвентарь располагался в области пояса и в ногах погребенного. В его числе: тесло из зеленого нефрита, боковые и дисковидные скребки, ножи из кварцита, призматические пластины, сколы и отщепы (некоторые – с ретушью), скребловидные орудия, обломок диска из светлого нефрита, орнаментированный игольник (п. 19), ложки из рога, обломок острия из кости. Изделия из металла не обнаружены.

В целом, особенности погребального обряда и сопроводительный инвентарь обеих групп захоронений типичны для погребений бронзового века Приольхонья и всего Прибайкалья (Окладников, 1955). Погребения первой группы относятся к позднеглазковским комплексам развитого бронзового века (Горюнова, Новиков и др., 2004. С. 74–76; Новиков, 2007б). Захоронения в положении сидя, в скорченной позе, соотносятся с погребениями шумилихинской группы, отнесенной к позднему бронзовому веку (Горюнова, Новиков и др., 2004. С. 77, 78). Серия радиоуглеродных определений, полученных по погребениям могильника Курма XI, позволяют предположить, что обе погребальные практики существовали в одном хронологическом срезе. Разброс C14 дат – 4360–3630 л. н., с пиком 4260–3960 л. н. (по второй группе – 4240–4010 л. н.), что по калиброванным датам соответствует середине III тыс. до н. э. (Вебер, Горюнова, 2005).

Новые материалы, полученные на могильнике Курма XI, значительно расширяют представления о погребальной практике и свидетельствуют о сложности мировоззрения населения бронзового века Приольхонья и в целом Прибайкалья.

* Работа выполнена при поддержке гранта Совета по Общественным наукам и гуманитарным исследованиям (Канада) № MCRI 412-2005-1004.

Вебер А.В., Горюнова О.И., 2005. Хронология могильника Курма XI (озеро Байкал) по археологическим и радиоуглеродным данным // Изв. лаборатории древних технологий. Иркутск.

- Горюнова О.И., Вебер А.В., 2002. Раскопки Российско-Канадской экспедиции на могильнике Курма XI (оз. Байкал) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. 8.
- Горюнова О.И., Вебер А.В., 2003. Работы Российско-Канадской экспедиции на могильниках бронзового века побережья оз. Байкал // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. 9.
- Горюнова О.И., Новиков А.Г., Зяблин Л.П., Смотрова В.И., 2004. Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит – палеометалл). Новосибирск.
- Новиков А.Г., 2007а. Погребальная практика населения глазковской культуры Прибайкалья: по материалам могильника Хужир-Нугэ XIV: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск.
- Новиков А.Г., 2007б. Погребения бронзового века Прибайкалья с нарушенной анатомической целостностью костей // Вестник НГУ. Сер.: Ист., филолог. Т. 6. Вып. 3.
- Окладников А.П., 1955. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 3: Глазковское время // МИА. № 43.

О.И. Новикова

Институт археологии и этнографии СО РАН

Ритуальные комплексы в жилищах эпохи поздней бронзы – переходного времени Западной Сибири

Древние культовые места (или святилища) как особая категория археологических объектов неизменно привлекают внимание исследователей. На разновременных археологических материалах были разработаны критерии идентификации святилищ (Тиваненко, 1989; 1994; Русанова, 1992; Косинцев, 1996), предложены различные варианты типологий (обзор см., напр.: Свириной, 2006).

Но, при существовании специальных мест, предназначенных для постоянной культовой практики, определенная часть ритуалов совершалась вне святилищ. В первую очередь, это ритуалы, направленные на освоение нового жилого пространства (выбор места поселения, строительные жертвоприношения), его дальнейшее успешное функционирование (очищение и охрана жилища и людей) и, наконец, ритуалы оставления жилища или поселения. Археологически следы этих ритуалов фиксируются в виде объектов, имеющих определенные признаки (критерии идентификации). К их числу можно отнести:

- 1) жертвенный состав находок (Русанова, 1992. С. 53) или характер наполнения культового комплекса (Мимоход, 2001. С. 95–97);
- 2) расположение объекта в определенных местах жилища (Мимоход, 2001. С. 98–100);
- 3) следы ритуальных действий (приемов), с помощью которых предметы приобретали особые функции: нарушение целостности (намеренная порча), зарывание/втыкание в землю, придание неестественного положения (переворачивание), помещение на высоту, использование огня (Косарев, 2001. С. 446).

Основываясь на этих критериях, можно выделить несколько основных вариантов ритуальных комплексов, обнаруженных в жилищах эпохи бронзы – переходного времени на территории Западной Сибири:

- 1) погребения людей в жилом пространстве;
- 2) погребения животных в жилом пространстве;
- 3) черепа животных или компактные скопления отдельных частей скелета, обладающих сакральной значимостью (черепа, нижние челюсти, дистальные отделы конечностей);
- 4) перевернутые сосуды, стоящие на полу, в углах жилища, в очаге, в ямах;
- 5) наборы предметов или отдельные вещи (сосуды, наконечники, votивные изделия, бронзовые ножи, шилья и др.), обнаруженные в ямах (столбовых и не хозяйственного назначения), очагах, скоплениях на уровне пола, особенно если в составе комплекса присутствуют новые или преднамеренно сломанные вещи.

Данный перечень не исчерпывающий, в нем представлены наиболее типичные и регулярно фиксируемые ритуальные комплексы. Каждый из названных вариантов при детальном рассмотрении распадается на ряд более частных, в зависимости от конкретного содержания и контекста местонахождения.

Большинство из перечисленных вариантов ритуальных комплексов зафиксировано в жилищах на поселениях переходного времени Чича 1 (Молодин, Парцингер и др., 2001; 2004), Линево 1 (Мыльникова, Дураков и др., 2004). Отдельные варианты

встречены на ирменских поселениях Милованово 3 (Сидоров, Новикова, 2004), Омь 1 (Мыльникова, Чемякина, 2002), Быстровка 4 (Матвеев, 1993), Ельцовское 2 (Новикова, 2000). Ритуальный характер данных комплексов подтверждается присутствием аналогичных объектов на синхронных культовых и погребальных памятниках (см., напр.: Ковалевский, 2004; Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995).

Несмотря на разный характер наполнения культовых комплексов и, видимо, разные условия их появления, все используемые в ритуалах предметы, животные, люди являлись не только центральной фигурой ритуального действия (а именно жертвой), но и выполняли схожую функцию – медиативную. И в этом смысле, вне зависимости от типа ритуала (освоение пространства, поддержание его функционирования или оставление), они маркировали внутренний и внешний миры и либо блокировали их, выступая в качестве оберега, либо соединяли (Элиаде, 1994; Байбурин, 1989; Топорков, 1989).

Подобный подход к интерпретации ритуальных объектов в жилищах успешно апробирован на более ранних археологических материалах (Усачева, 2005; 2007), а его обоснованность подтверждается многочисленными этнографическими данными. Широкий круг аналогий, имеющих в материалах различных археологических культур в широком временном и территориальном диапазоне, позволяет говорить об универсальности и устойчивости представлений и ритуалов, связанных с жилищем и сакрализацией жилого пространства.

- Байбурин А.К., 1989. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.
- Ковалевский С.А., 2004. Ритуально-жертвенные комплексы с черепами животных в эпоху поздней бронзы у населения ирменской культуры // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Мат. всероссийск. науч. конф. Омск.
- Косарев М.Ф., 2001. Пространство и время в сибирско-языческом понимании // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.
- Косинцев П.А., 1996. Археозоологические критерии святилищ Урала и Западной Сибири // Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии: Полевой симпозиум. Пермь.
- Матвеев А.В., 1993. Ирменская культура лесостепного Приобья. Новосибирск.
- Мимоход Р.А., 2001. Критерии выделения поселенческих культовых комплексов эпохи поздней бронзы // Про-

блемы археологии и архитектуры. Донецк; Макеевка. Т. 1: Археология.

- Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., 2001. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Первые результаты исследований. Новосибирск.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенекс Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А., 2004. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск; Берлин. Т. 2.
- Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.В., Кобелева Л.С., 2004. Археологическое изучение поселения Линево 1 (Новосибирская обл.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. X. Ч. I.
- Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А., 2002. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы. Новосибирск.
- Новикова О.И., 2000. Исследования жилища на ирменском поселении Ельцовское 2 // Исторический ежегодник. Спец. вып. Омск.
- Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1995. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М.
- Русанова И.П., 1992. Культовые места и языческие святилища славян VI–XIII вв. // РА. № 4.
- Свирин К.М., 2006. Языческие святилища лесной полосы Восточной Европы VI–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Сидоров Е.А., Новикова О.И., 2004. Неопубликованные материалы поселения Милованово 3 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул.
- Тиваненко А.В., 1989. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск.
- Тиваненко А.В., 1994. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего средневековья. Новосибирск.
- Топорков А.Л., 1989. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.
- Усачева И.В., 2007. Доместикация пространства // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут.
- Усачева И.В., 2005. К вопросу о существовании ритуалов жилого пространства и дома в энеолите Приобья // АВ ОВО: проблемы генезиса культуры. Тюмень.
- Элиаде М., 1994. Священное и мирское. М.

**Г.Т. Обыденнова¹, И.А. Шутелева¹, Н.Б. Щербаков¹,
О.С. Хохлова², Н.Н. Ковалюх³, В.В. Скрипкин³**

¹ Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа

² Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино

³ Институт геохимии окружающей среды НАН Украины, Киев

Некоторые результаты применения комплексного подхода при изучении памятника позднего бронзового века Башкирского Приуралья – Мурадымовского поселения

Мурадымовское поселение было открыто в 1990 г. экспедицией Башкирского научного центра УНЦ РАН под руководством А.Х. Пшеничнюка. За период 1999–2007 гг. памятник подвергся значительному разрушительному воздействию в связи с распашкой части его территории; в северо-западной части памятника вследствие постоянного выгона скота образовались очаги эрозии почвы (появление оврагов и кочкарника). Кроме того, р. Уршак, на берегу которой расположено поселение, из-за строительства в 3 км к югу от памятника фермы начала менять русло, что приводит к частичному размыванию поверхности памятника. Именно в той части, которая подвергалась значительному разрушению речными разливами и заболачиванием, был заложен раскоп 2000–2007 гг. На сегодняшний день на территории Башкирского Приуралья этот поселенческий памятник является одним из наиболее полно раскопанных и исследованных. Вместе с тем, за все время исследования поселенческих памятников бронзового века на территории Башкирии ни на одном из них не проводилось радиоуглеродного датирования. Поэтому целью возобновления работы на Мурадымовском поселении, помимо охраны, явилось комплексное изучение получаемых материалов с использованием методов естественных наук (почвоведения, радиоуглеродного датирования). Радиоуглеродное датирование проведено в лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины, г. Киев. Радиоуглеродные даты материалов Мурадымовского поселения являются не только первыми в своем роде, но и помогут выделить комплекс археологических памятников вокруг поселения, принадлежащих к одной хронологической группе.

Мурадымовское поселение расположено в 2,5 км севернее с. Мурадымово Аургазинского р-на республики Башкортостан, на первой надпойменной террасе правого берега р. Уршак, в 0,2 км к востоку от ее современного русла. С западной и северной сторон поселение ограничено оврагом. Поселение расположено на возвышенности (высота от подошвы около 1,5–2 м) и занимает площадь 6 га. Часть площадки

поселения хорошо задернована и используется для выпаса скота. На поверхности памятника зафиксированы 6 впадин площадью от 260 до 300 м², глубиной 0,25–0,4 м. Впадины можно разделить на две группы: впадины I, II находятся на западной оконечности мыса, впадины III, IV, V, VI – на восточной.

Поселение с северо-востока на юго-запад окружено валом шириной 1,7–3,2 м, высотой 1,4–1,5 м. Был заложен раскоп общей площадью 672 м², примыкавший к восточной стенке раскопа постройки III. В ходе работ выявлены контуры хозяйственной постройки, непосредственно примыкавшей к жилому котловану постройки III, размерами 12,53 x 16,13 м, общей площадью около 202,2 м², ориентированной, как и само жилище, по линии юго-запад – северо-восток и соединенной с жилой частью тамбурным переходом, который прослежен в юго-восточной части жилой постройки III. Борты хозяйственной постройки четко фиксировались и имели высоту 0,43–0,62 м от материковой поверхности. Таким образом, общая вскрытая за 2000 и 2003 гг. площадь поселения (включая три постройки и межжилищное пространство) составила 2232 м².

В ходе палеопочвенного изучения Р.Р. Сулеймановым (2006; 2007) было установлено, что памятник был сформирован на древней лугово-черноземной аллювиальной почве. Верхние культурные слои характеризуются более тяжелым гранулометрическим составом, при этом легкие и средние суглинки перемешаны с золой. Возможно, зольные горизонты были преднамеренно засыпаны суглинками для предотвращения развеивания и размыва золы, утепления и закрепления стенок жилища (об этом свидетельствует обсыпка жилищ только с южной стороны, по направлению преобладающих на Южном Урале ветров). Анализ культурного слоя жилищной впадины показал повышенное содержание фосфатов, что свидетельствует об антропогенном характере его формирования. Межжилищное пространство характеризуется тремя слоями, в них отмечено повышенное содержание валового фосфора по сравнению с его содержанием в фоновых почвах,

но меньшее, чем содержание в культурном слое жилища, что говорит о деятельности человека, хотя и менее значительной, чем в жилищах.

Для радиоуглеродного датирования с территории поселения было отобрано пять образцов: 2 образца керамики и 3 – погребенных почв (табл. 1). Методика анализа радиоактивного углерода по керамическому материалу, разработанная в радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины, г. Киев, представляла следующее. Изготовление ранней керамики было тесно связано с технологиями, в которых, кроме глинистой компоненты, для пластичности и прочности использовались примеси органического происхождения (трава, рубленая солома, речной и озерный ил и навоз). Содержание углерода в виде включений угля после отжига керамики составляет в большинстве случаев 0,6–2 % от общего ее веса. Этот углерод сравнительно хорошо защищен от окисления алюмосиликатной матрицей, составляющей основную массу керамического материала. При датировании археологических памятников по включениям растительного углерода в керамике особое внимание необходимо уделять первичной химической обработке исследуемых образцов. На этой стадии решается сложная задача: максимально полное удаление вредных примесей с одновременным сохранением максимально возможного количества исходного углерода. С осколков керамических изделий механически удаляется верхний слой на глубину 0,5–1 мм. Это делается при помощи металлических щеток, с одновременным улавливанием пылевидных продуктов в одноразовых сборниках. Затем образец дробится до фрагментов 5–10 мм и обрабатывается 0,5 н. фтористоводородной кислотой в тefлоновом стакане при комнатной температуре в течение 2–5 часов. В начале и в конце обработки стакан с реакционной смесью подвергается воздействию ультразвука в течение 10 мин. При этом происходит разрушение силикатно-

органической структуры и карбоната кальция. Исходная минеральная часть керамических образцов, состоящая из алюмосиликатов, при этом остается неразрушенной. Силикаты и абсорбированные на них гуминовые кислоты и продукты жизнедеятельности бактерий переходят в раствор и в дальнейшем не влияют на радиоуглеродный возраст.

Как показал опыт датирования керамики, влияние битуминозного вещества проявляется при общем удельном содержании углерода в исследуемых образцах менее 0,2%. Битуминозное вещество – это продукт разложения древних органических соединений без доступа кислорода. Это вещество может присутствовать в глине с момента ее образования в виде осадка, и возраст этого вещества может достигать сотен тысяч лет, т. е. радиоуглерода (изотопа ^{14}C) там ничтожно мало. Установить наличие и степень искажения возраста за счет углерода недатирующей фракции можно, применив статистический метод. При датировании нескольких образцов керамики из одного культурного слоя логично предположить, что как удельное содержание, так и радиоуглеродный возраст битуминозного вещества, изначально содержавшегося в используемой глине, должен быть примерно одинаков. В то же время, количество вносимой человеком органики при подготовке глинистой массы, режим отжига готовых изделий и их толщина, а также относительная масса пригаров или нагаров, неизбежно ведут к варьированию суммарного удельного содержания углерода в исследуемых образцах в широких пределах. Образцы с низким содержанием суммарного углерода должны быть заметно древнее (за счет древнего битуминозного вещества) образцов с высоким содержанием суммарного углерода. Таким образом, проведя датирование 3–7 керамических образцов из одного культурного слоя и сопоставив полученные результаты с удельным содержанием углерода в каждом из образцов, можно определить наличие искажающего фактора

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования образцов из Мурадымово

№ образца	Привязка, описание образца для датирования	Лабораторный номер	Возраст ^{14}C	
			BP	BC/AD
1М	Раскоп IX, керамика из ямы 15, кв. 61	Ki-14476	3350±90	1σ 1740–1520BC 2σ 1880–1430BC
2М	Кв.88-96, борт жилища, постройка 4, развал сосуда 6, керамика	Ki-14477	3270±70	1σ 1630–1490BC 2σ 1690–1400BC
3М	Раскоп IX, кв. 103, почва (гумус)	Ki-14478	1870±60	1σ 70–220AD 2σ 280–330AD
4М	Кв. 86, бровка VI ₁ -VI ₂ , пол жилища, почва (гумус)	Ki-14479	5030 ±90	1σ 3950–3710BC 2σ 3980–3640BC
5М	Кв.88-96, борт жилища, постройка 4, почва (гумус) под развалом сосуда 6	Ki-14480	4170 ±100	1σ 2890–2620BC 2σ 3050–2450BC

и примерно оценить его величину. Применение статистического подхода позволяет решить ряд других важных вопросов, таких как степень сохранности культурного слоя исследуемого памятника, особенности его структуры и продолжительности периода существования.

Кроме этого, необходимо учитывать, что керамика может быть древнее, но не может быть моложе, чем предполагаемый археологический возраст. Если она моложе, стоит задуматься, та ли это керамика, принадлежит ли она датируемому культурному слою. Древнее она может быть, если велик процент органических примесей с собственным древним возрастом, о чем говорилось выше.

Итак, даты по керамике дают результаты 3270 ± 70 и 3350 ± 90 по некалиброванным значениям или располагаются в интервале 1880–1400 cal. BC, усредненное – 1640 cal. BC. Это позволяет говорить о дате жилища в интервале XVI–XVII вв. до н. э. Необходимо отметить, что полученные нами результаты датирования являются предварительными и еще достаточно малочисленными, чтобы по ним делать окончательные выводы. В то же время, сложившимся представлениям о времени функционирования памятника на основе анализа археологического материала наиболее соответствуют даты, полученные по керамическому материалу (образцы 1М и 2М), на основании которых представляется возможным отнести изучаемый памятник к периоду позднебронзового века – к середине или финалу II тыс. до н. э. (Каргалы, 2004. С. 293). Причем, дата образца 1М находится в тех же хронологических рамках, что и даты, полученные для материалов могильника Кривое Озеро и памятников, хронологически и культурно близких к нему (всего более 40 дат). Это может говорить, по мнению Н.Б. Виноградова, о хронологической преемственности между памятниками синташтинского и петровского времени в начале II тыс. до н. э. (Виноградов, 2007. С. 38).

Важным является тот факт, что для Южного Приуралья и Зауралья, к которым мы можем отнести территории Башкирии, Челябинской, Оренбургской, частично Свердловской и Курганской областей, не характерны памятники чистой культурной атрибуции. Этнические группы приходили на данные территории в уже сложившемся «миксовом» комплексе, выделить из которого артефакты исключительно той или иной культуры представляется весьма трудным. Для исследуемого нами памятника характерно активное взаимодействие срубного и алакульского компонентов в их поздней стадии. В то же время, для территории Башкирского Приуралья затруднительно выделение внутри срубной историко-культурной общности хронологических

этапов, как это сделано для памятников на территориях соседних Самарской, Челябинской и Оренбургской областей. Часть керамического материала поселения чрезвычайно близка к материалам черкаскульской культуры. Е.Н. Черных для Горновского селища, в аналогичной ситуации с радиоуглеродными датами, принял за точку отсчета интервал в одну сигму, говоря о функционировании памятника в период с XVII по XIV в. до н. э. (Каргалы, 2002. С. 125). В этот же хронологический промежуток ложатся даты образцов РУЛ-611 из могильника Ново-Бурино, РУЛ-216 из могильника Большая Карabolка и ЛЕ-633 с поселения Липовая Курья, относимых Н.А. Аванесовой, Е.Е. Кузьминой, М.Ф. Обыденновым, А.Ф. Шориным и Л.П. Хлобыстиным к кругу черкаскульских памятников Зауралья. Однако, как отмечает А.В. Матвеев, столь раннее появление и длительное функционирование черкаскульской культуры весьма сомнительно, и скорее всего, часть материала должна относиться не к черкаскульской культуре, а к алакульской (Матвеев, 2007. С. 34, 35). Это предположение, наверное, более оправданно, т. к. Мурадымовское поселение, как уже отмечалось выше, дает в подавляющем большинстве срубный материал, который, в свою очередь, демонстрирует наличие срубно-андроновских или срубно-алакульских контактов.

Даты, полученные по гумусу погребенных почв, дали существенный разброс, что неудивительно в силу ряда причин. Поскольку консервация погребенных почв в жилище была неудовлетворительной, получена омоложенная дата для почвы образца 3М. Для анализа могли быть отобраны не поверхностные, а более глубокие горизонты почвы, и, как следствие, получена удревненная дата для образца 4М. Лишь в одном случае можно признать дату по гумусу близкой дате по керамике – когда почва была отобрана непосредственно под развалом сосуда 6 (образец 5М). С учетом того, что верхние 10 см гумусовых горизонтов черноземных почв имеют «собственный возраст» порядка 1000 радиоуглеродных лет (Чичагова, 1985), вычитая эту величину из даты для образца 5М (4170 ± 100), мы получаем дату, близкую к «керамическим»: 3170 ± 100 некалиброванных радиоуглеродных лет.

В целом, первый опыт радиоуглеродного датирования материалов поселенческого памятника в Башкирском Предуралье показал удовлетворительность результатов, полученных по керамике, и необходимость тщательного отбора почв культурных слоев для датирования, либо их отбора лишь в самую последнюю очередь и только при отсутствии каких-либо других углеродсодержащих материалов, пригодных для датирования.

Виноградов Н.Б., 2007. Культурно-исторические процессы в степях Южного Урала и Казахстана в начале II тыс. до н. э. (памятники синташтинского и петровского типов): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.

Матвеев А.В., 2007. Черкаскульская культура Зауралья //

АВ ORIGINE. Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень.

Черных Е.Н., 2002. Курганы. М. Т. II.

Черных Е.Н., 2004. Курганы. М. Т. III.

Чичагова О.А., 1985. Радиоуглеродное датирование гумуса почв. М.

Л.Ю. Петрова, С.А. Григорьев

Фонд «Остров Веры», Институт истории и археологии УрО РАН, Челябинск

Особенности стратиграфии поселений эпохи поздней бронзы Южного Зауралья*

Культуры андроновской историко-культурной общности являются одним из наиболее крупных в территориальном отношении образований эпохи поздней бронзы. Для обширных ареалов лесостепной и степной зоны азиатской части нашего континента проблематика, связанная с культурами этой общности, является сутью исследования бронзовой эпохи. Наряду с «классической» проблемой андроноведения – соотношением федоровских и алакульских комплексов – активно обсуждается и ряд других дискуссионных вопросов: роль синташтинских и петровских древностей в андроновском культурогенезе; происхождение алакульской культуры, характер комплексов финальной бронзы и их связь с предшествующими культурами и др. В ряде работ предприняты попытки переосмысления самого термина «андроновская историко-культурная общность». Однако очень часто предполагается определенная универсальность процессов, происходивших в этом огромном ареале, что приводит лишь к запутыванию ситуации. Продвижение в решении этих проблем невозможно без всестороннего анализа источников с разных территорий, при осуществлении которого одним из базовых методов должен быть стратиграфический. Однако специфика археологических памятников степной и лесостепной зоны такова, что массовый стратиграфический материал может быть получен лишь на многослойных поселениях. В связи с этим исключительно важным является введение в научный оборот как материалов широкомасштабных раскопок последних лет, так и повторное обращение к данным старых раскопок.

В 2004 г. Челябинским археологическим научным центром проводились спасательные раскопки многослойного поселения эпохи поздней бронзы Мочище I, расположенного в Еткульском р-не Челябинской обл., в лесостепной зоне (Григорьев и др.,

2007). В итоге полевого сезона было вскрыто более 4356 м², что составило всю сохранившуюся площадь поселения, включая жилища и межжилищное пространство. При раскопках применялась индивидуальная фиксация фрагментов керамики, позволяющая дать тому или иному слою четкую культурную привязку. Зафиксированная стратиграфическая ситуация, как нам представляется, наглядно отражает процессы, происходившие в зауральской лесостепи на протяжении длительного периода от начального до завершающего этапа бронзового века.

На поселении было выделено 4 стратиграфических горизонта.

1) Самый ранний горизонт представлен поздне-синташтинским, петровским и раннеалакульским материалом, который стратиграфически не разделяется. Этот горизонт можно условно назвать раннеалакульским. Материалы раннеалакульского горизонта были обнаружены на всей территории поселения и залежали непосредственно на древнем гумусном слое или на материке.

2) Алакульско-федоровский горизонт. В последующее за раннеалакульским время площадка продолжала совместно осваиваться алакульским и федоровским населением, но федоровская керамика на поселении появляется непосредственно за раннеалакульской.

Планиграфически алакульская керамика распространена на территории поселения повсеместно. Ареал распространения федоровской керамики несколько уже, чем алакульской.

Наряду с федоровской на территории распространения «классической» федоровской посуды встречается керамика с федоровско-черкаскульскими чертами. При этом хотелось бы подчеркнуть, что специфика этого типа вовсе не в смешивании федоровских и черкаскульских черт, а в формировании

черкакульских черт из федоровских. Определенную сложность здесь представляет присутствие поселенческой федоровской посуды, имеющей черты межовской керамики.

3. Черкакульский или черкакульско-межовский горизонт. Керамика черкакульского облика зачастую имеет примесь федоровских черт, образуя единый синкретический тип, поэтому типологически в ряде случаев разделить комплексы федоровского и черкакульского горизонтов достаточно сложно. Мы в состоянии говорить об отдельных сосудах как о поселенческих федоровских, а о других – как о межовских, но провести четкую границу между этими типами пока не представляется возможным. Тем не менее, можно утверждать, что область распространения керамики федоровско-черкакульского, черкакульского и межовского облика была относительно невелика и занимала центральную часть поселения.

4. Выше всех описанных слоев залегал слой с керамикой финальной бронзы, представленный керамикой степного облика.

Таким образом, мы можем говорить, что для данного района южной лесостепи характерна ситуация, когда на смену раннеалакульским (включая поздне-синташтинские и петровские) керамическим типам приходит так называемый «классический алакуль», синхронный федоровской культуре. Не исключено, что само формирование «классического алакуля» связано именно с федоровским влиянием. Мы можем также предполагать, что были периоды одновременного существования посуды федоровского, черкакульского и межовского типов и продолжение здесь именно этой линии развития. Парадоксом являются зафиксированные случаи, позволяющие частично синхронизировать позднеалакульскую и финальную посуду, что может объясняться продвижением населения из степной зоны. Население, оставившее эти комплексы, обитало в рамках завершающего этапа функционирования поселения Мочище I.

Данная стратиграфическая ситуация вызывает особый интерес при сопоставлении с материалами многослойных поселений степной зоны, где мы можем наблюдать, видимо, иную линию развития культур, чем в лесостепи. В последнее время обращение к комплексам таких опорных памятников, как Атамановка V (раскопки Т.С. Малютиной и А.И. Гуткова), Ильяска I (раскопки Т.С. Малютиной), Берсуат XVIII (раскопки М.К. Хабдулиной), позволило говорить о своеобразии культурных взаимодействий и последовательности смены культур на степной территории в эпоху бронзы (Малютина и др., 2006; Малютина, Петрова, 2007). Синташ-

тинские комплексы, наиболее ярко и широко представленные именно в зауральской степи, почти повсеместно сменяются материалами, носящими смешанный срубно-алакульский облик. В керамических коллекциях начального этапа этого времени усматриваются петровские, раннесрубные и синташтинские черты. Срубно-алакульское население становится основным на бывшей территории распространения укрепленных центров, образуя мощный пласт.

Следующий культурно-хронологический горизонт – черкакульский или федоровско-черкакульский, поскольку это не классическая черкакульская керамика, а скорее тот же керамический тип, который зафиксирован на Мочище. Собственно федоровские материалы здесь отсутствуют. В керамическом комплексе преобладают черкакульские черты с присутствием федоровских. Материалы этого времени не так многочисленны, хотя встречаются почти повсеместно как в виде отдельных слоев на поселениях, так и в виде незначительной примеси. При этом однозначно говорить о сохранении или исчезновении алакульского пласта у нас нет возможности.

На заключительном этапе бронзового века формируются разнообразные комплексы, в которых встречается как традиционная валиковая посуда (Кизильское, Мирный II; Стоколос, 2004; Стефанов, 1996), так и совершенно иная, лишенная валиков, культурная атрибуция которой окончательно неясна (Малютина, Зданович, Петрова, 2006).

Таким образом, сопоставление материалов степной и лесостепной зон свидетельствует о том, что даже на территории Южного Зауралья мы имеем различные по характеру процессы. И эти процессы в настоящее время почти не ясны. Выше мы привели лишь некоторые парадоксы, которые не будем здесь суммировать, но из них логически легко выводится серия новых. И при отказе от стереотипов подобную несложную процедуру можно проделать, вероятно, для любого ареала андроновской КИО.

* Работа осуществляется в рамках проекта, поддержанного грантом РГНФ 07-01-85103 а/У.

Григорьев С.А., Тидеман Е.В., Петрова Л.Ю., 2007. Стратиграфическая ситуация на поселении эпохи поздней бронзы Мочище I в Южном Зауралье // Изв. Челябинского научного центра. Челябинск. Вып. 2 (36).

Малютина Т.С., Петрова Л.Ю., 2007. Закономерности формирования культурного слоя на поселениях эпохи бронзы степной зоны Южного Зауралья: На примере поселения Атамановка V // Гуманитарные науки в Башкортостане: История и современность: Мат. меж-

- дунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию ИИЯЛ Уфимского ИЦ РАН. Уфа.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б., Петрова Л.Ю., 2006. Поселение Берсуат XVIII // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск.
- Стефанов В.И., 1996. Поселения алакульской культуры Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Тр. музея-заповедника Аркаим. Челябинск.
- Стоколос В.С., 2004. Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. 1: Ист. науки. № 2.

А.В. Поляков

Институт истории материальной культуры РАН

Об особенностях северной границы распространения карасукских памятников «классического» этапа

Ареал могильников и поселений «классического» этапа карасукской культуры имеет четко выраженные границы (Членова, 1968. С. 84; Вадецкая, 1986. С. 51–76; Лазаретов, 2001. С. 104). Все они локализируются исключительно в пределах Хакасско-Минусинских котловин. Основная особенность заключается в том, что памятники этой группы занимают три южные котловины, но до сих пор не обнаружены в самой северной, Назаровской. Это наблюдение особенно важно, учитывая то, что между Чулымо-Енисейской и Назаровской котловинами никакой серьезной географической преграды нет. Именно по этому степному коридору несколько ранее на Средний Енисей проникло население, оставившее памятники андроновской (федоровской) культуры (Максименков, 1978. С. 75–86; Вадецкая, 1986. С. 46). Закономерно возникает вопрос: если нет географического препятствия, то по какой причине ареал памятников «классического» этапа имеет столь четко очерченную северную границу. Ответить на него поможет детальное изучение двух наиболее северных комплексов – могильников Орак у Болота (Комарова, 1975. С. 85–94) и Ужур (Членова, 1966. С. 212–228). От других карасукских памятников их отличает одна общая черта. Практически во всех погребениях, имеющих достаточную степень сохранности, наблюдается механическое смешение черт погребального обряда андроновской и карасукской культур.

В частности, в могилах 4 и 6 могильника Орак у Болота (III) есть основания подозревать захоронения по обряду трупосожжения – традиции, совершенно неизвестной для карасукских памятников, но составляющей заметный процент в андроновских (федоровских) погребениях региона (Максименков, 1978. С. 60, 61). М.Н. Комарова на основании дневников

Г.П. Сосновского отмечает по поводу могилы 4: «В западной части ограды, под дерном, обнаружены 2 скопления обломков обожженных костей человека, угли и береста, возможно от одного погребения. Обнаружены 2 сосуда и между ними бронзовый нож». (Комарова, 1975. С. 89). Несмотря на андроновский по своей сути обряд, упомянутая керамика имеет карасукский облик (Там же. Рис. 4, 4, 5). Аналогичная ситуация в могиле 6. Снова андроновская традиция трупосожжения сочетается с характерной карасукской керамикой.

На чертежах могильника можно отметить еще две важные особенности. Во-первых, в двух случаях у погребенных наблюдается сильно подогнутое положение ног, что совсем не характерно для карасукского обряда, но вполне естественно для андроновского (Там же. Рис. 1, 5, 9). Во-вторых, при сооружении могил часто используется дерево (грунтовые ямы вместо ящиков и деревянные перекрытия из жердей). Это крайне редкое явление для карасукских памятников «классического» этапа. Обычно подобные случаи устойчиво связаны с формированием каменоложского этапа (например, могильник Сабинка II). Но погребения могильника Орак у Болота на основании керамики должны быть отнесены к ранним хронологическим горизонтам карасукской культуры. Возможно, в этом случае традиция использования дерева была перенята у андроновского населения, для которого срубы и деревянные перекрытия являются неотъемлемой частью обряда (Максименков, 1978. С. 57–60).

Не менее интересная ситуация прослежена при раскопках могильника Ужур, расположенного всего в 20 км к востоку (Членова, 1966. С. 212–228). В его материалах тоже фиксируется большой спектр андроновских признаков. Особо следует остановить

ся на четырех не потревоженных погребениях, что является большой редкостью для карасукской культуры (т. к. материалы могильника опубликованы только частично, приводятся данные отчетов: ИА. Р-1. Д. 1169, 3808). В могиле 1 кургана 2 могильная конструкция представлена трапециевидным по форме каменным ящиком – признак явно карасукский. Но положение погребенного в могиле скорее относится к андроновской традиции: ноги сильно подогнуты, тело ориентировано головой на запад, положение рук, к сожалению, не зафиксировано. Более того, два сосуда расположены один «перед лицом», а другой «за затылком» – случай, для карасукской культуры уникальный. Аналогичное размещение посуды не раз отмечалось исследователями в андроновских погребениях (Максименков, 1978. Табл. VI, 4; VII, 5; XXII, 7). Сами сосуды относятся к кругу карасукских материалов ранней части «классического» этапа. В могиле 3 ограды 5 кургана 1 этого же могильника зафиксирован не менее характерный случай. В трапециевидном каменном ящике с карасукским по описанию сосудом обнаружен костяк, находящийся в традиционном для андроновской культуры положении: скорченно на левом боку, ноги сильно подогнуты, руки кистями перед лицом. Однако ориентирован погребенный головой в восточном направлении, а в могиле обнаружена сопроводительная пища, что скорее свидетельствует в пользу карасукской принадлежности этого захоронения.

Еще две не ограбленные могилы (6 и 7) обнаружены бок о бок в ограде 8 того же кургана 1. Они настолько однотипны, что могут быть описаны совместно. В могилах похоронены подростки на левом боку, головой в восточном направлении, ноги сильно согнуты. В обоих случаях зафиксировано чрезвычайно редкое положение рук – левая вытянута вдоль тела, правая кистью перед лицом. Можно сказать, что это промежуточный вариант между андроновской и карасукской традициями размещения рук (Максименков, 1978. С. 60; Поляков, 2006. С. 12). Кроме того, в этих погребениях сосуды расположены за затылком, а сопроводительная пища отсутствует. К сожалению, о типах сосудов можно судить только на основании мнения автора отчета. В одном случае указано «карасукский сосуд» (п. 7), в другом – «сосуд баночной формы» (возможно андроновский). Остальные погребения этого кургана, судя по описанию и отдельным фотографиям, демонстрируют посуду исключительно карасукских типов. Они сильно потревожены и не позволяют установить деталей обряда.

Все вышеперечисленные случаи, объединяющие два рядом расположенных могильника, можно считать в полной мере отражающими процесс взаимо-

действия андроновского и карасукского населения. Признаки обеих культур представлены примерно в одинаковой пропорции. Если бы подобные погребения равномерно встречались по всему ареалу андроновской и карасукской культур на Среднем Енисее, то сомнения в их преемственности даже не возникало бы. Это заметно укрепило бы позиции сторонников автохтонного развития культур региона в эпоху поздней бронзы (Зиеп Динь Хоа, 1966; Комарова, 1975. С. 92–94; Максименков, 1978. С. 110–121). Однако все эти случаи сконцентрированы только в двух самых северных могильниках, где раскопаны очень скромные, по карасукским меркам, серии погребений (9 и 35 могил). Южнее, несмотря на гораздо более значительные объемы работ, не отмечено ничего похожего. Зато в памятниках Ужур и Орак III практически любое карасукское погребение, имеющее достаточную степень сохранности, демонстрирует сразу целый спектр характерных андроновских признаков. Опираясь на их особое географическое положение, можно прийти к вполне определенному выводу. Вероятно, именно по границе между Назаровской и Чулымо-Енисейской котловинами, в зоне довольно узкого степного коридора, располагалась контактная зона двух групп населения: андроновской и карасукской. Причем фиксируются признаки механического смешения двух обрядов, а не взаимного перетекания (например, отсутствуют переходные формы сосудов). Все это позволяет допускать некоторый период сосуществования двух культур в различных районах, что полностью подтверждает мысль, высказанную С.А. Теплоуховым почти 80 лет назад. Он предполагал продолжение проживания в Западной Сибири андроновского населения на протяжении, по крайней мере, части карасукского времени (Теплоухов, 1929. С. 44, 45).

Это наблюдение имеет серьезное значение для решения сложного вопроса происхождения карасукской культуры. Существование четко выраженной границы ставит под большое сомнение возможность постепенного формирования карасукской традиции на основе местной андроновской. Гораздо более обоснованной в этом свете выглядит миграционная гипотеза, предполагающая значительно большее участие новых культурных элементов, сформировавшихся в ином регионе. При этом нельзя исключать, что они тоже имеют андроновское происхождение.

Вадецкая Э.Б., 1986. Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л.

Зиеп Динь Хоа, 1966. Местная основа карасукской культуры (в связи с новыми работами Красноярской экспедиции АН СССР): Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л.

- Комарова М.Н., 1975. Карасукский могильник близ улуса Орак // Первобытная археология Сибири. Л.
- Лазаретов И.П., 2001. Локализация и проблемы взаимодействия культур Южной Сибири // Евразия сквозь века. СПб.
- Максименков Г.А., 1978. Андроновская культура на Енисее. Л.
- Поляков А.В., 2006. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Теплоухов С.А., 1929. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л. Т. IV. Вып. 2.
- Членова Н.Л., 1966. Взаимоотношения степных и лесных культур эпохи бронзы на границах Минусинской котловины (по материалам Ужурского могильника) // Древняя Сибирь. Новосибирск. Вып. 2.
- Членова Н.Л., 1968. Карасукские находки в первой излучине Чулыма // КСИА. Вып. 114.

Г.Г. Пятых

Институт археологии РАН

К проблеме выделения культур эпохи бронзы

*Исследователи занимаются поисками
центров происхождения культур ...и ...
не находят их.*

П.Н. Третьяков, 1962. С. 13

Поскольку процессы этногенеза бесписьменных обществ изучаются археологией в виде процессов сложения разноуровневых культурных образований, постольку первичной задачей этногенетических исследований методами археологии является выделение культур (и их дефиниция), которые бы относительно реально отражали конкретные этнокультурные образования. Однако главной причиной, «преграждающей... путь к успеху в этногенетических розысканиях... является слабость теоретической базы... не разработанность общих теоретических положений, освещающих пути этногенетического процесса в далеком прошлом» (Третьяков, 1962. С. 4). Ситуация, характерная для середины прошлого века, во многом сохраняется и сейчас. Таким образом, задача сводится: а) к выявлению закономерностей сложения этнокультурных ассоциаций как таковых; б) к выяснению, как эти закономерности могут отражаться в археологических материалах; в) к приращению их в анализе.

В отношении современных этнокультурных ассоциаций этнографами выведена следующая закономерность формирования: «для большинства этносов характерен бикультуризм (а нередко и поликультуризм)... Это означает, что современные... этнические общности людей складываются, как правило, в процессе сплочения, слияния и трансформации существовавших до их возникновения других популяций и этносов, как бы претерпевших “переплавку” в котле новой социально-экономической обстановки» (Козлов и др., 1982. С. 116, 117).

Однако, поскольку данные выводы были сделаны в рамках изучения современных человеческих популяций, а главное, в расогенетическом и этногенетическом аспектах, рассмотрим два вопроса: во-первых, действовали ли такие закономерности в период предклассовых обществ, и если да, то, во-вторых, отражены ли они в материалах культур эпохи бронзы.

Этническая пестрота отмечается уже для культурных провинций эпохи раннего железа (Третьяков, 1962. С. 7, сл.). Что касается эпохи бронзы, то фундаментальное основание для вывода о том, что новые этнические общности этого периода также складывались в процессе слияния и трансформации различных популяций и этносов, содержится в исследовании Е.Н. Черных. Автор констатирует, что на грани СБВ и ПБВ степи и лесостепи были охвачены процессами колоссальных миграций, что в это время складываются предпосылки для гигантского расширения территории металлоносных культур, которые «за весьма короткий отрезок времени... охватывают пространства в несколько десятков миллионов квадратных километров: Казахстан, Западную Сибирь, север Средней Азии, Монголию, Китай, и т. д.» (Черных, 1989. Рис. 1. Табл. 8).

Из этих фактов логично вытекает, что в столь колоссальных процессах приняло участие такое количество этнически и культурно неоднородных обществ, что все относительно крупные культуры поздней бронзы есть заведомый результат сложения новых этнокультурных ассоциаций из частей старых, т. е. строятся на поликультурной основе.

На уровне конкретных фактов данное заключение подтверждается результатами обработки керамических коллекций переходного периода от средней бронзы к поздней с территории Заволжья и Зауралья. Установлено, что в ряде случаев уровень внутренних связей между как зауральскими, так и поволжскими памятниками оказался даже ниже, чем уровень их связей с комплексами других территорий. «И это при том, что сравниваемые типы форм и орнаментальных композиций керамики максимально детализированными не являются. Следовательно, при дальнейшем, совершенно необходимом, углублении типологии различие комплексов увеличится» (Кузнецов и др., 2001. С. 269). Авторы исследования констатировали, что все памятники были оставлены не единым взаимосвязанным обществом, а различными ассоциациями, материальная культура которых и нашла отражение в том или ином конкретном памятнике (Там же. С. 271, 272).

Об этнической неоднородности основы сложения новых обществ эпохи бронзы свидетельствует и неоднородность физического типа носителей культур этого периода, характерная например, для носителей срубной культуры даже в ограниченных районах ее распространения (Дебец, 1948, С. 86; 1954. С. 487; Гинзбург, 1959. С. 534, 540).

То обстоятельство, что общества носителей археологических культур предклассовой эпохи формировались на разнокомпонентной этнокультурной основе, позволяет предполагать существование объективного закона, который можно сформулировать как «закон разнокомпонентности основ археологических культур», или более кратко: **закон разнокомпонентности**. Без учета этой теоретической основы мы неизбежно будем оказываться в ситуации, вынесенной в эпиграф.

Еще одной существенной проблемой при выделении археологических культур является проблема включения – не включения в них тех или иных материалов. При изучении древних процессов культурогенеза (следовательно – и этногенеза) от решения этого вопроса зависят два вывода: а) о конкретных основах формирующейся культуры; б) о ее пространственной и хронологической (последний вопрос встает чаще) протяженности. Классические примеры такого случая – дискуссии в рамках тематики срубной и алакульской культур.

В срубной проблеме существовала дискуссия по «бережновскому горизонту»; продолжается спор, должны ли так называемые «срубно-абашевские» («покровские») памятники включаться в срубную культуру или образовывать отдельную, более раннюю, культуру. Аналогичная проблема выделения памятников круга Синташты в «синташтинскую

культуру» дискутируется и в поздней бронзе Южного Урала и Зауралья (см., напр.: Отрошенко, 1998. С. 48; Пятых, 2004. С. 291). Рассмотрим проблему на этих примерах.

Мотивация выделения «срубно-абашевских» (или «покровского типа») комплексов в особый этап (или даже культуру), сводится к двум позициям: а) к более значительным размерам трудозатрат, воплощенных в погребальных сооружениях и инвентаре «срубно-абашевских» («покровских») погребальных комплексов по сравнению с «чисто срубными»; б) к наличию в таких комплексах инокультурных («абашевских») элементов (Пятых, 2000. С. 16). Повышенные размеры воплощенных в погребальных сооружениях трудозатрат использовались и при попытке выделения «бережновского горизонта». Практически те же характеристики – повышенные размеры трудозатрат и наличие инокультурных элементов – присущи и комплексам типа Синташты, на основе которых и предпринимаются усилия по выделению «синташтинской культуры». При этом практически не обсуждается вопрос о том, что указанные характеристики погребальных комплексов позволяют с определенностью отнести их к категории захоронений элиты.

Однако логичен вопрос: можно ли археологическую культуру, как отражение конкретного общества, выделять на материалах, характеризующих только или преимущественно аристократический слой этого общества?

В.А. Коренько по аналогичному поводу уже давно отметил, что согласно большому числу исторических и этнографических фактов в обществах периода разложения родовых отношений система погребальной обрядности приобретает большое разнообразие. Следовательно, поскольку существование «в таких обществах лишь элиты, без массы рядовых общинников, – нонсенс, постольку в археологических остатках этих социальных организмов должны содержаться не только погребения с повышенной материало- и трудоемкостью конструкций... но и более многочисленные могилы с более простыми конструкциями, с бедным инвентарем или вовсе без сопровождающих вещей» (Коренько, 1990. С. 34, 35). Иными словами, любое древнее общество, стоящее за археологической культурой, в принципе не может быть представлено только памятниками, оставленными элитарным слоем данного общества. Это полностью подтверждается массовыми фактами.

Так, анализ фактов, суммированных О.В. Кузьминой (1983. С. 7, 13), В.А. Лопатиным (1995. С. 7) и Н.М. Маловым (1992. С. 15), показал, что и памятники «покровского типа», и «срубные» оставлены единым обществом, в которое входила как «покров-

ская аристократия», так и «срубный плебс», но при этом культура знати и рядовых общинников имела выраженные отличия (Пятых, 2000. С. 17).

Следовательно, поскольку за любой археологической культурой стоит конкретное общество, мы должны заведомо предполагать, что для эпохи разложения родовых отношений археологические культуры, как отражение того или иного общества, должны быть представлены двумя субкультурами – знати и рядовых общинников.

Это правило особенно актуально при изучении периодов сложения археологических культур, что в эпоху доклассовых обществ обычно происходило в ходе масштабных завоеваний, в результате которых во вновь возникавших обществах аристократический слой логично формировался из представителей общества-завоевателя. Естественно, культура этого слоя, к тому же нередко принадлежавшего к другим этнокультурным образованиям, на начальном этапе оформления новых обществ (а к такому этапу и относятся ранние «срубно-абашевские», или «покровские», комплексы и Синташтинский могильник) существенно отличалась от культуры основной массы общинников.

Таким образом, различия, на протяжении тысячелетий существующие в культуре аристократии и широких слоев общества, позволяют говорить о существовании второго объективного закона. В отличие от этнического выражения бикультуризма и поликультуризма (Козлов и др., 1982. С. 98, сл.), которые характеризуют «горизонтальную» суммарность культурных элементов двух или более этносов и потому имеют этнокультурный характер, закон, отражающий различия в культуре аристократии и общественных низов, действует «вертикально», следовательно, имеет социокультурный характер, поэтому может быть сформулирован, как «закон социальной бикультурности» (Пятых, 2003. С. 139; 2004. С. 292), в социально стратифицированных обществах имеющий абсолютный характер.

Однако для крупных этнокультурных общностей, археологически отражающихся в пространственно больших культурах (или даже культурных системах), заведомо имеющих многокомпонентную основу сложения, закономерность поликультуризма необходимо рассматривать в двух аспектах – в «горизонтальном», по отдельным этнокультурным ассоциациям, и в «вертикальном» – по социальным слоям внутри этих ассоциаций, причем также могущим иметь разнокомпонентный этнический состав. Следовательно, данную закономерность можно сформулировать, как «закон этносоциальной поликультурности».

Наиболее ярко закон этносоциальной поликультурности проявляется в периоды сложения новых этносоциальных организмов, причины чего следую-

щие. Во-первых, это отчетливое проявление закона поликультурности в «горизонтальном» аспекте благодаря включению в процессы культуругенеза значительного количества этнически и культурно неоднородных ассоциаций, вовлеченных в великие переселения народов.

Вторая причина, резко усиливающая действие этого закона в «вертикальном» аспекте, в том, что, с одной стороны, периоды военно-миграционных событий в наибольшей степени обеспечивали количественный рост и повышение социального статуса военной аристократии; с другой – формирование аристократического слоя новых обществ происходило либо из иноэтничных представителей общества-завоевателя, либо при доминировании таких элементов в среде знати.

Поскольку относительная унификация и нивелировка культуры формирующихся обществ требует достаточно протяженного периода, на начальном этапе культуругенеза закон этносоциальной поликультурности в археологических материалах выражен особенно ярко.

Таким образом, можно заключить, что начиная по меньшей мере с эпохи бронзы (а вероятно, и с более раннего периода) для процессов культуругенеза характерно действие триады законов: «закона разнокомпонентности», «закона социальной бикультурности» и «закона этносоциальной поликультурности».

Применение этих трех законов в практической археологии, во-первых, исключит выделение двух и более культур (следовательно, и отдельных обществ) на материалах, оставленных единым обществом, и тем самым ограничит безудержное культуротворчество, искусственно запутывающее и без того чрезвычайно сложную картину процессов культуругенеза древних эпох; во-вторых, поможет выводу из тупика в поисках прототипов характеристик изучаемой культуры.

Гинзбург В.В., 1959. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья // МИА. № 60. Т. I.
Дебец Г.Ф., 1948. Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии СССР. Л. Т. IV.

Дебец Г.Ф., 1954. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья // МИА. № 42.

Козлов В.И., Чебоксаров Н.Н., 1982. Расы и этносы // Расы и общество. М.

Коренько В.А., 1990. О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения дандыбайбегазинского типа) // СА. № 2.

Кузьмина О.В., 1983. Взаимоотношения абашевских и срубных племен в лесостепном Поволжье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

- Лопатин В.А., 1995. Поселения срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья: Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб.
- Малов Н.М., 1992. «Абашевские племена» Нижнего Поволжья (памятники покровского типа): Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб.
- Отрошенко В.В., 1998. О культурно-типологических группах погребений Потаповского могильника // РА. № 1.
- Пятых Г.Г., 2000. К проблеме основ, механизмов и факторов сложения срубной культуры // РА. № 4.
- Пятых Г.Г., 2003. К проблеме принадлежности Потаповского могильника к «синташтинской культуре» // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары.
- Пятых Г.Г., 2004. К проблеме происхождения и культурной принадлежности памятников потаповского типа // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Памяти В.В. Волкова. М.
- Третьяков П.Н., 1962. Этногенетический процесс и археология // СА. №
- Черных Е.Н., 1989. Металл и древние культуры: Узловые проблемы исследования // Естественнонаучные методы в археологии. М.

Е.В. Сидоренко

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Хронология культур эпохи палеометалла и этнокультурная ситуация на побережье Японского моря*

Восточное и северо-восточное Приморье представляет собой очень своеобразный в географическом отношении регион. Горный массив Сихотэ-Алинь как меридиан делит Приморский край на две области, из которых восточная является узкой полосой суши между хребтами Сихотэ-Алиня и Японским морем, где пригодными для обитания землями выступают долины впадающих в море рек, в первую очередь их приустьевые участки. Кроме того, горный хребет и море надежно защищают и изолируют эту территорию, что в свою очередь способствует консервации археологической культуры. Такая ситуация характерна для всех этапов освоения региона – от глубокой древности до современности. Эпоха палеометалла не является исключением. В этот период в бассейнах 16 рек – от р. Зеркальной (Тадуши) на юге до р. Самарги на севере – обитало население, оставившее после себя памятники, представленные поселениями, городищами, сторожевыми пунктами, ритуальными комплексами, которые по ряду признаков можно выделить в пхусунскую, тетюхинскую, ахобинскую (Дьяков, 1999) и куналейскую (Сидоренко, 2005) группы. Основанием для подобной группировки служит классификация материалов раскопанных памятников, которая позволяет разграничить группообразующие, культурно-значимые, эпохальные признаки и признаки, документирующие межкультурные контакты. Концептуально такой подход в дальневосточном регионе разработан О.В. Дьяковой при харак-

теристике средневековых культур (Дьякова, 1993) и применен автором (Сидоренко, 2004, 2005; 2007) при характеристике культур эпохи палеометалла в северо-восточном Приморье.

Расположение датированных памятников на хронологической шкале дает следующую картину:

– наиболее ранние даты принадлежат пхусунской группе (памятники Монастырка 3, Водораздельная). Полученные даты комплекса Монастырка 3 показывают, что жилище сгорело в XV–XIV вв. до н. э. (3420±40 л. н. ГИН-10218; 3340±40 л. н. ГИН-10219; 3400±40 л. н. ГИН-10220). Датировки по ¹⁴C не противоречат типологическому анализу керамики данного памятника, свидетельствующему об его архаичности на фоне других памятников этого периода;

– далее по времени существования (XI–IV вв. до н. э. – I–IV вв. н. э.) следует тетюхинская группа (памятники Рудная Пристань, Водораздельная, Суворово 6, 8, Ветроуд). Нижняя граница тетюхинской группы определяется по радиоуглеродным датам поселения Суворово 6. Из 4 радиоуглеродных дат этого памятника две относятся к XI–X вв. до н. э. (2960±90 л. н. ГИН-7234, 2935±50 л. н. СОАН-3023), третья – к VII–VI вв. до н. э. (2540±40 л. н. АА-36623), и четвертая – к V–IV вв. до н. э. (2320±55 л. н. СОАН-3022). Верхняя граница существования тетюхинской группы памятников фиксируется по сгоревшему жилищу поселения Ветроуд – I–IV вв. н. э. (1860±40 л. н. ГИН-10217; 1780±40 л. н. ГИН-

10216; 1605±30 л. н. СОАН-4413). Таким образом, радиоуглеродные даты свидетельствуют, что тетюхинская группа памятников функционировала в регионе с XI в. до н. э. по I–IV вв. н. э.;

– хронология ахобинской группы определяется VII–II вв. до н. э., что следует из датировки по ¹⁴C поселения Лидовка I (2570±60 л. н. СОАН-1388; 2450±50 л. н. СОАН-1389; 2610±45 л. н. СОАН-1390; 2535±40 л. н. СОАН-1424) и городища Мыс Страшный (2575±45 л. н. СОАН-4414; 2200±90 л. н. ГИН-10215);

– время существования куналейской группы определяется V в. до н. э. – I в. н. э. Пять дат для четырех комплексов Куналейского городища показывают существование поселка в течение нескольких веков (2425±90 л. н. СОАН-4410; 2150±95 л. н. СОАН-4187; 2300±65 л. н. СОАН-4186; 1900±50 л. н. СОАН-4185; 1870±50 л. н. СОАН-4184);

– хронология самаргинской культуры основывается на типологическом анализе материала и носит предварительный характер. Выделивший эту культуру В.И. Дьяков датирует ее последними веками I тыс. до н. э. – первыми веками I тыс. н. э. (Дьяков, 1984. С. 70).

Выявленная хронология тетюхинской, ахобинской, куналейской групп памятников позволяет говорить об их сосуществовании в определенное время на одной территории. Это особенно проявляется на памятниках бассейнов рек Джигитовки и Серебрянки, где зафиксированы тетюхинская (Ветроуд), ахобинская (Мыс Страшный) и куналейская (Куналейское городище) группы, существовавшие одновременно на рубеже эр. Расстояние между памятниками было небольшим и не превышало 20 км. Концентрация названных групп отмечена и в бассейне р. Зеркальной (тетюхинская – Суворово 6, Суворово 8; ахобинская – Усть-Зеркальная 4, Устиновка 4; куналейская – Зеркальная-Карьер, укрепление Усть-Зеркальное), но пока без хронологического соотношения друг с другом.

Совместное существование различных групп памятников подразумевает и этнокультурные контакты между их населением (Сидоренко, 2006. С. 255–257). Формы контактов могли быть различными: вооруженный конфликт, полная или частичная ассимиляция, мирное сосуществование и сложение новых этнических групп. Строительство городищ, например, свидетельствует о напряженной ситуации и возможном вооруженном конфликте (Дьякова, 2005. С. 86–91). Сложение новых этнических групп документируется появлением синкретичных комплексов, примером чему являются лидовско-янковские комплексы куналейской группы. Мирное сосуществование прослеживается по появлению в традицион-

ных ансамблях импортных вещей или изделий, выполненных по новым образцам – чаша с овальным дном на поселении Благодатное 3, орнамент в виде налипной шишечки в материалах Круглой Долины, Мыса Страшного, Ветроуды. Полной или частичной ассимиляцией лидовцев исследователи объясняли своеобразие некоторых янковских памятников восточного и юго-восточного Приморья (Дьяков, 1984). Перфорированная орнаментика венчиков, зафиксированная на двух поселениях – Каменка и Ветроуд – позволяет говорить о достаточно близком контакте между носителями лидовской и самаргинской культур, что привело к заимствованию данного декора.

Изменение этнокультурной ситуации стимулировалось появлением нового населения. Для данного региона прослеживаются две последовательные волны миграций, связанные с янковской и кроуновской культурами. Базовой территорией янковской культуры в Приморье является юго-западная часть края, где расположены наиболее ранние и классические памятники. Эту территорию янковцы удерживали за собой вплоть до рубежа эр и, возможно, долее. Именно они явились той преградой, которая заставила кроуновцев двигаться в восточном направлении. Часть янковцев мигрировала в свое время в восточное Приморье, где оформилась в «валентиновскую группу» памятников. Этот процесс сопровождался вытеснением лидовцев и частичной или полной их ассимиляцией. Тем не менее, лидовцы долгое время препятствовали массовому появлению янковцев в северо-восточных районах края. Барьер был сломлен после прихода на побережье кроуновского населения, вытеснившего янковцев и заставившего их интенсивно двигаться на северо-восток. Стратиграфия и радиоуглеродное датирование памятников о. Петрова и Киевка документируют этот процесс и свидетельствуют, что в конце I тыс. до н. э. и на рубеже эр эту территорию еще занимали янковцы, а в первых веках н. э. она уже принадлежала кроуновцам. Влиянием и контактами объясняется появление в регионе янковско-кроуновских комплексов. К ним можно отнести верхний слой памятника Пьяный Ключ (Дьяков, 1984. С. 58–61) и гончарную мастерскую памятника Синие Скалы (раскоп 2, 1963 г.) (Сидоренко, 2003. С. 93–96). Причем контакт носил, вероятно, мирный характер, поскольку позволял янковцам перенимать традиционные гончарные приемы кроуновцев. В северо-восточном Приморье продвижение янковцев сопровождалось тесным контактом с населением, ранее прочно обосновавшимся на этой территории (тетюхинская, ахобинская группы). Одним из результатов контактов стали памятники куналейской группы. И главным итогом происхо-

дивших в регионе процессов стало совместное существование различных групп на одной территории на рубеже эр.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 07-01-00257-а.

Дьяков В.И., 1984. Железный век на западном побережье Японского моря // Бродянский Д.Л., Дьяков В.И. Приморье у рубежа эр. Владивосток.

Дьяков В.И., 1999. Периодизация древних культур Приморья (палеолит – эпоха бронзы): Дис. в виде науч. докл. ... докт. ист. наук. М.

Дьякова О.В., 1993. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока (по материалам керамического производства). Владивосток. Ч. 1.

Дьякова О.В., 2005. Городища и крепости Дальнего Востока (Северо-Восточное Приморье). Владивосток.

Сидоренко Е.В., 2003. Кроуновские компоненты в янковской культуре // Забайкалье в геополитике России:

Тез. докл. междунар. симпозиума «Древние культуры Азии и Америки» (26 августа – 1 сентября 2003 г., Чита). Улан-Удэ.

Сидоренко Е.В., 2004. Поселок палеометалла Куналейского городища // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX в.): Мат. междунар. науч. конф. (Благовещенск, 17–18 мая 2004 г.). Благовещенск.

Сидоренко Е.В., 2005. Эпоха палеометалла в северо-восточном Приморье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток.

Сидоренко Е.В., 2006. Взаимодействие культур палеометалла в северо-восточном Приморье // Современные проблемы археологии России: Мат. Всероссийск. АС (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск. Т. 1.

Сидоренко Е.В., 2007. Материальная культура населения северо-восточного Приморья в эпоху палеометалла // Культура Тихоокеанского побережья: Мат. междунар. науч.-практ. конф. (19–22 октября 2007 г.). Владивосток.

А.И. Симухин

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ

Медно-бронзовые изделия из местонахождения Хубоо

Местонахождение Хубоо находится на правобережье р. Худан, недалеко от с. Усть-Орот Кижингинского р-на Республики Бурятия. Материалы происходят из категории случайных находок и были переданы местным населением сотрудникам Бурятского института общественных наук П.Б. Коновалову и др. в 1987 г. во время командировки в Кижингинский р-н. Позже находки были переданы в Музей Бурятского научного центра СО РАН, где и хранятся в настоящее время.

1. Вогнутообушковый нож (рис. 1: 1), инв. № 239. Длина – 10,6 см, макс. ширина – 1,4 см, макс. толщина – 0,3 см. Двухкольный нож (диаметр колец около 0,5 см) с желобчатой рукоятью, плавно переходящей в узкий сужающийся короткий клинок, который для жесткости подработан ковкой. Следыковки также заметны на ребрах желобка. Ближе к середине ножа зона перехода от слегка вогнутой рукояти к лезвию обозначена плавным уступом. Обратная сторона гладкая, качество литья хорошее, дефектов литья нет. По оси рукояти, начиная от колец, проходит слабовыраженный рельефный орнамент в виде нити с завязанными на ней узелками, повторяющимися через 4–5 мм. Пatina светло-зеленая, коричневая.

2. Рукоять ножа (рис. 1: 2), инв. № 240. Длина – 9 см, ширина – 1,6 см, макс. толщина по спинке – 0,8 см. Желобчатая рукоять однокольчатого дугообразнообушкового бронзового ножа, часть кольца отломана еще в древности, сейчас приклеена на клей БФ. Кольцо овальной формы, ромбовидного сечения, внешний диаметр около 2 см, во внутренней части гребневидный фрагмент литейного шва, расположенный посередине. Фрагменты литейного шва также заметны в области перехода от кольца к рукояти. По оси рукояти параллельно ребрам желобка проходит выпуклый орнамент: ближе к обушковой части – в форме зигзагообразной линии, каждый угол которой венчает круглое утолщение (узелок); в нижней части – в виде рельефной нити со свисающими от нее отростками через каждые 0,7 см. Места соединения отростков и нити отмечены также узелками, и располагается каждый, соответственно, напротив верхнего узелка зигзага. В 3 см от конца рукояти имеется дефект в виде не полностью пролитой части нижнего ребра. Обратная сторона рукояти – в форме менее выразительного желобка. Растрескивание слоя патины на участке слома говорит о том, что слом был произведен после времени

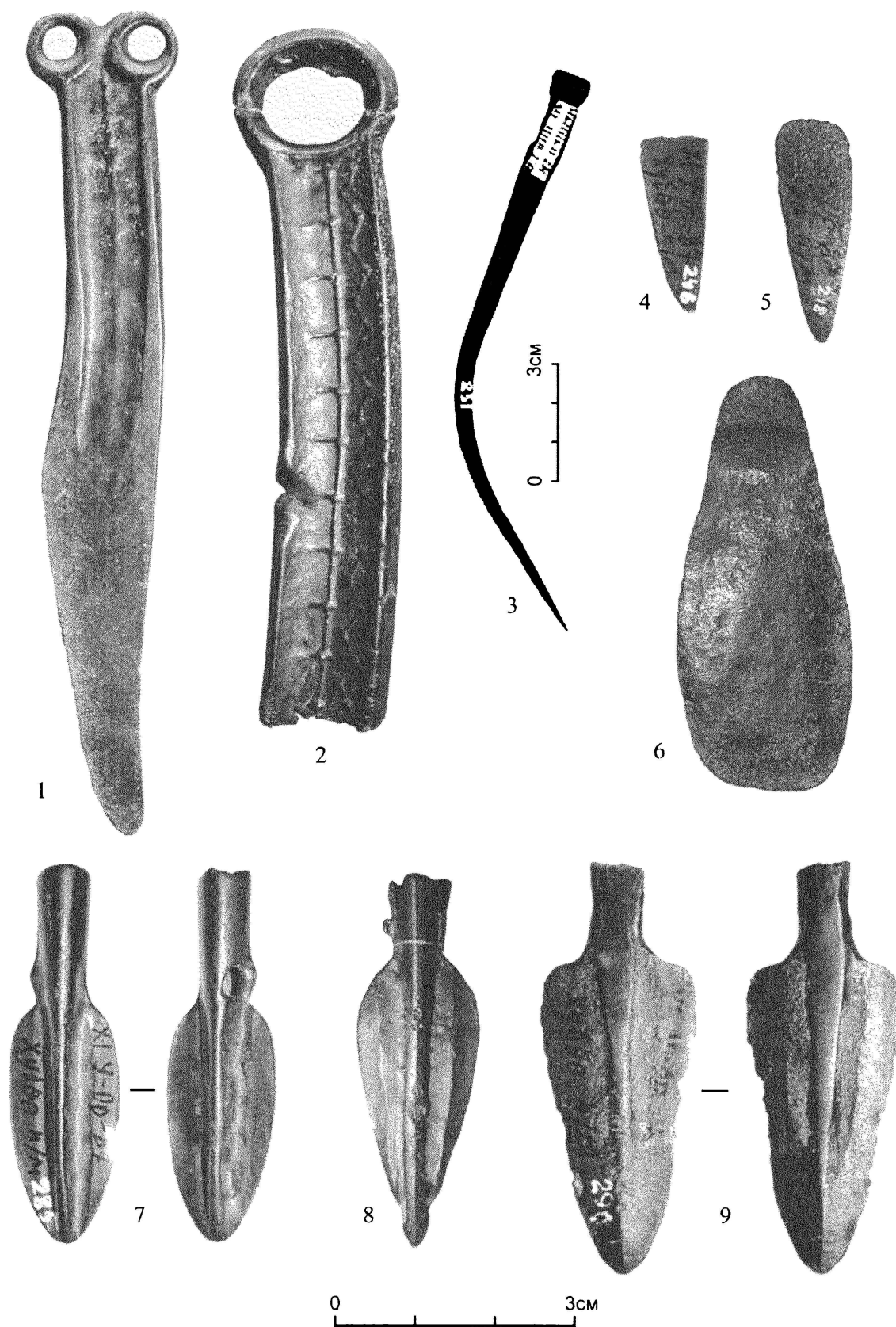

Рис. 1. Медно-бронзовые изделия из местонахождения Хубоо (с. Усть-Орот, Бурятия).
 1 – двукольчатый нож; 2 – рукоять ножа; 3 – шило; 4 – концевой фрагмент ножа; 5, 6 – вкладышевые ножи;
 7, 8 – втульчатые листовидные наконечники стрел; 9 – черешковый наконечник стрелы

бытования данного ножа, т. е. когда окислы меди уже образовали естественную благородную патины, механически стойкую.

3. Бронзовое четырехгранное шило с петлей в навершии (рис. 1: 3), инв. № 231. Длина – 13,5 см, макс. ширина – 0,9 см. Четырехгранный стержень венчает петля, образованная проковкой конца шириной около 0,9 см до толщины 0,2–0,3 см. Ковка проводилась со стороны одной грани, затем на круглой оправе в противоположную сторону была загнута концевая часть шила. Петля могла использоваться для подвешивания шила на шнурке. На расстоянии около 2 см от петли по трем граням имеются наплывы металла, образованные, видимо, в результате заполнения трещин в литейной форме. Ближе к срединной части шило изогнуто под тупым углом.

4. Концевой фрагмент бронзового ножа (рис. 1: 4), инв. № 246. Длина – 2,3 см, ширина – 0,8 см, толщина – 0,05 см. Фрагмент ножа удлиненно-треугольной формы клиновидного сечения. Спинка ножа прямая, закругленная. Патины серовато-зеленая. Подобные концевые фрагменты с хорошим состоянием металлического ядра имеются в коллекции Музея БНЦ СО РАН (инв. № 242, 245) и происходят из подъемных сборов на территории Бурятии. Намеренно сломанные ножи говорят о древних религиозных представлениях.

5. Медный вкладышевый ножичек (рис. 1: 5), инв. № 248. Длина – 2,9 см, ширина – 1 см, толщина 0,05 см. Тонкая медная пластина вытянутой треугольной формы с закругленными углами и слегка скошенным основанием. Поверхность шероховатая. Изделие оформлено ковкой. Лезвие проходит по всему периметру. Патины светло-зеленая, механически не стойкая, местами проявляется краснота меди.

6. Тонкая вкладышевая пластина (рис. 1: 6), инв. № 249. Длина – 5,3 см, ширина – 2,2 см, толщина 0,03–0,04 см. Откованная пластина неправильной грушевидной формы с лезвием по всему периметру. В 0,7 см от кромки узкой части ножа имеется поперечная деформация в профиле в виде волны, полученная, вероятно, при использовании изделия в качестве вкладыша. Патины темно-зеленая. Подобный изгиб в основании зафиксирован на тонком медном ножичке из 1 культурного слоя Кибалинской стоянки (Иволгинский р-н Бурятии), датируемого бронзовым веком. Раскопки производились Л.Г. Ивашиной в 1977 г., материал хранится в фондах ИМБТ СО РАН.

7. Наконечник втульчатый листовидной формы (рис. 1: 7), инв. № 285. Длина – 4,8 см, ширина – 1,4 см, толщина 0,8 см. Двухлопастной наконечник, посередине пера проходит гребень шириной 0,5 см, переходящий во втулку подромбовидного сечения

длиной 1,7 см, у основания пера небольшое отверстие, рядом с которым имеется слабовыраженный шип. Края пера после отливки не подвергались заточке, о чем говорит небольшой бортик от литейного шва. Патины темно-зеленая.

8. Наконечник втульчатый листовидной формы (рис. 1: 8), инв. № 286. Длина – 4,7 см, ширина – 1,5 см, макс. диаметр – 0,8 см. Бронзовый двухлопастной наконечник стрелы, посередине пера проходит полый выступ-гребень, переходящий к концу в заостренный стержень, выступающий за край лопастей на 0,3 см. Втулка округлого ромбического сечения, постепенно сужающаяся, длина внутренней полости – около 2 см. На втулке имеется отверстие вытянутой овальной формы, с другой стороны имеется небольшой шип, расположенный в одной плоскости с лопастями. Края лопастей прокованы по всей длине, образуя, таким образом, неправильные грани. На поверхности, ближе к гребню, хорошо заметны продольные царапины, прокованная же часть гладкая. Длина лопасти – 3,8 см, втулки – 0,9 см. Патины темно-серая, местами ярко-зеленая.

9. Плоский черешковый наконечник стрелы (рис. 1: 9), инв. № 290. Длина – 5,1 см, ширина – 1,9 см, макс. толщина – 0,3 см. Плоский двухлопастной наконечник вытянутой подтреугольной формы с плоским обломанным насадом, посередине пера проходит уплощенный посредствомковки гребень. Края лопастей также откованы по всей длине, образуя ромбовидное сечение острия. По лезвию лопастей имеются зазубрины, трещины. Лопастей длиной 4 см, сохранившаяся часть черешка составляет около 1,1 см. Патины темно-серая.

Кроме того, коллекцию дополняют несколько медно-бронзовых украшений: прямоугольная подвеска с литейным браком (инв. № 269); подвеска дугообразной формы (инв. № 270) и коническая подвеска (инв. № 279).

В Забайкалье в бронзовом веке были распространены ножи с двумя колечками на конце желобчатой рукояти, такая форма, редко встречающаяся в Минусинской карасукской культуре, была более распространена в то время на территории Монголии, в Суйюане и Ордосе (Диков, 1958). В монографии Н.Н. Дикова представлены восемь таких забайкальских ножей. Самой близкой аналогией по форме и размерам усть-оротскому (местонахождение Хубоо) ножу является нож из долины р. Хилок, также из коллекции случайных сборов, опубликованный разными исследователями (Махалов, 1929. С. 21; Диков, 1958. Табл. XXVI, 30; Гришин, 1981. Рис. 65, 4).

По классификации карасукских бронзовых ножей, предложенной М.Д. Хлобыстиной, ножи с дву-

мя колечками сведены в группу IX и обозначены как ножи с очевидным навершием (Хлобыстина, 1963. С. 7). Нож из Усть-Орота соответствует этой группе лишь формой собственно навершия и совершенно отличен по ряду других признаков, что в какой-то мере подтверждает тезис Н.Н. Дикова о своеобразии бронзовых ножей Забайкалья в среднем бронзовом веке. По форме рукояти этот нож относится, вероятно, к группе вогнутообушковых ножей и находит широкие аналогии на забайкальских ножах из случайных сборов. Оригинальность и в то же время схожесть ножа и рукояти заключается в орнаменте в виде прямой и зигзагообразной линии-веревки с узелками. В случае с рукоятью орнамент более выраженный, четкий и пропорционально хорошо рассчитан.

Шилья в Забайкалье представлены в основном в виде четырехгранных стержней с грибовидными головками, которые Ю.С. Гришин относит к скифо-тагарскому времени. Пока аналогий усть-оротскому шилу автором не зафиксировано. Втульчатые наконечники стрел с двухлопастным листовидным пером и шипом (рис. 1: 7, 8), по аналогии с наконечниками из Монголии, также относятся к скифо-тагарскому времени; двухлопастной наконечник с подтреугольным пером и черешком (рис. 1: 9), продолжающимся на пере, близок ранним наконечникам стрел XIII–V вв. до н. э. (Гришин, 1981).

В последние десятилетия некоторые специалисты в области изучения карасукской культуры пришли к выводу, что многие существующие хронологические схемы карасукских памятников основаны на типологии карасукских бронзовых ножей, как правило относящихся к случайным находкам (Хаврин, 1994. С. 104–113).

Поддерживает это замечание и А.В. Варенов, говоря о том, что «ножи как бронзовые орудия изме-

няются значительно быстрее, чем керамика и украшения», и, в силу своего широкого географического распространения зачастую являясь случайными находками, продолжают привлекаться для датирования других археологических культур эпохи бронзы в соседних регионах (Варенов, 2005. С. 34, 35).

Целью настоящей работы являлось введение в научный оборот забайкальских случайных находок, часть которых по ряду морфологических характеристик тяготеет к материалам карасукского облика Хакасско-Минусинской котловины. Вопрос о более точной культурно-хронологической интерпретации бронзовых изделий остается открытым по причине отсутствия в Западном Забайкалье археологических комплексов карасукского, скифо-тагарского времени, содержащих аналогичный материал. Объект Хубоо представляется перспективным для поиска памятников обозначенного времени, учитывая относительно высокую для Бурятии концентрацию случайных бронзовых находок, происходящих из одного местонахождения.

Варенов А.В., 2005. Карасукские ножи и кинжалы в Китае: идеи, методы изучения, открытия // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск.

Гришин Ю.С., 1981. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков в лесостепном Забайкалье. М.

Диков Н.Н., 1958. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ.

Махалов А.И., 1929. Формы для отливок и бронзовые ножи из Забайкалья // Материалы Читинского краеведческого музея им. А.К. Кузнецова. Иркутск; Чита. Вып. 1.

Хаврин С.В., 1994. Карасукская проблема? // ПАВ. Вып. 8.

Хлобыстина М.Д., 1963. Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

С.В. Сотникова

Тобольский государственный педагогический институт

К вопросу о роли сосудов с бронзовыми скрепками в андроновском ритуале

В андроновских (алакульских, синташтинских, петровских) погребальных комплексах была распространена традиция помещения в могилы сосудов со следами починки бронзовыми скрепками. В синташтинско-петровском могильнике Каменный Амбар 5 около 20% сосудов имели следы ремонта

бронзовыми скрепками, причем на многих из них скрепками стянуты несколько трещин (Костюков и др., 1995. С. 174). Много таких сосудов и в Синташтинском могильнике (Генинг и др., 1992. Рис. 55, 5; 60, 2; 63, 1; 68, 4; 76, 2; 115, 3), а также в могильниках Алакуль (Сальников, 1952. Рис. 14), Раскатиха

(Потемкина, 1985. Рис. 87, 10; 94, 5; 95, 2; 96, 10), Чистослебяжском (Матвеев, 1998. Рис. 7, 1; 10, 1; 17, 3; 22, 7) и др.

Глиняные сосуды являются наиболее массовой находкой в погребениях (не говоря уже о поселенческих комплексах), изделия из бронзы встречаются намного реже, т. е. металл ценился, как правило, гораздо выше. В то же время, ценное сырье шло на починку сосудов, когда проще и, вероятно, дешевле было изготовить новый сосуд. Более того, металл тратился весьма щедро: треснувший сосуд скреплялся неоднократно, нередко один крупный отколовшийся фрагмент прикреплялся несколькими скрепками (Потемкина, 1985. Рис. 87, 10; Матвеев, 1998. Рис. 10, 1; Костюков и др., 1995. С. 174). Так, на сосуде из Чистослебяжского могильника (жертвенный комплекс кургана 4) один, сравнительно небольшой, фрагмент венчика крепился тремя бронзовыми скрепками (Матвеев, 1998. Рис. 10, 1). В Новокумакском могильнике (курган 25) сосуд из погребения 8 был тщательно отремонтирован девятью бронзовыми скрепками, а у треснувшего сосуда из погребения 3 под венчиком было просверлено семь отверстий для починки (Смирнов, Кузьмина, 1977. С. 14, 17). Один из сосудов могильника Каменный Амбар 5 был починен скрепкой длиной 14 см (Костюков и др., 1995. С. 174). Сосуд из могильника Камышное I на месте скола по венчику был отремонтирован бронзовой пластиной размерами 2,5 x 2,2 см (Потемкина, 1985. С. 229).

К этому следует добавить, что ремонт глиняных сосудов бронзовыми скрепками требовал определенных навыков. Необходимо было просверлить противолежащие отверстия на отколовшемся фрагменте и прилегающих частях стенки сосуда. Кроме того, отремонтированные сосуды переставали выполнять свое основное предназначение – удерживать влагу, возможности их применения становились теперь ограниченными.

Исследователи по-разному объясняют использование в андроновском погребальном обряде посуды, отремонтированной бронзовыми скрепками. Помещение в погребения отремонтированных сосудов рассматривается как проявление рациональности и экономности погребального обряда (Костюков и др., 1995. С. 177). А.И. Гутков считает, что наличие таких сосудов в могильниках может быть объяснено условностью вещевого инвентаря в погребениях, куда наряду с обычными предметами могли класть миниатюры реальных вещей или отремонтированные изделия (Гутков, 2000. С. 171). Д.Г. Зданович и Е.В. Куприянова предлагают несколько вариантов объяснения. Технологический: исчерпание удобных, доступных и качественных залежей сы-

рья («глинищ») в условиях известного пристрастия традиционных мастеров к глине определенной пластичности, цветности и т. д. Психологический: возникновение «психологической усталости» в условиях особенно высокой частотности воспроизведения керамических форм при низких значениях «use life» сосудов. Религиозный: ремонт мог быть связан с религиозной символикой и эстетикой («украшение вещи») (Зданович, Куприянова, 2002. С. 130).

А.И. Гутков в работе, специально посвященной изучению традиции ремонта глиняной посуды в среде андроновского, синташтинского и петровского населения, обратил внимание на следующие закономерности. Керамика со следами ремонта преобладает на погребальных памятниках. Процент таких сосудов в могильниках колеблется от 8 до 20, на поселениях – от 6 до 12. Более того, сосуды, отремонтированные бронзовыми скрепками, представлены, как правило, в погребениях, тогда как на поселениях встречается керамика со сквозными отверстиями для ремонта, но без металлических скрепок (Гутков, 2000. С. 171).

Активное использование сосудов с бронзовыми скрепками в погребальном обряде свидетельствует о том, что неутилитарный момент был главным в данной ситуации. Вероятно, с точки зрения ритуала значимыми были три аспекта. Во-первых, разбивание сосуда. Во-вторых, починка, в результате которой сосуд вновь обретал целостность. В-третьих, то, что эта целостность возникала благодаря использованию металла – бронзы.

Сосуд, треснувший или даже намеренно разбитый, а затем подвергшийся починке, мог рассматриваться как прошедший через этапы жизни, смерти и последующего возрождения. Образ разбиваемого сосуда, как правило, выступает знаком уничтожения, гибели. На древнем Востоке получили распространение магические обряды, направленные на уничтожение противника, в ходе которых происходило разбивание сосуда. В Египте в период Среднего царства для того, чтобы навлечь болезнь и смерть на врагов страны, специальные заклинания писались на глиняных сосудах, затем эти горшки предавались проклятию и разбивались (Коростовцев, 1976. С. 36). В одном из шумерских текстов говорится, что тело правителя Ур-Намму было оставлено на поле битвы, «как разбитый сосуд» (Антонова, 1984. Прим. 1. С. 220).

Тесная связь сосуда с судьбой человека прослеживается по данным индийской традиции, что представляет особый интерес, учитывая признаваемую большинством исследователей индоиранскую принадлежность алакульцев. В древней Индии при исключении человека из общества дваждырожденных

главным моментом церемонии было опрокидывание сосуда, причем дефектного. Это символизировало понижение статуса, «смерть» дваждырожденного. Но эта смерть не была окончательной, ибо другая процедура возвращала исправившемуся человеку его высокое положение. При этом ему дарили новый сосуд (Балакин, 1998. С. 207). В данном случае ритуальная смерть человека дублировалась не разбиением, а опрокидыванием сосуда, но немаловажно и то, что выбирался сосуд с дефектом. Возрождение человека было связано с дарением нового сосуда.

Однако в рассматриваемых андроновских комплексах предпочтение отдано отремонтированному сосуду, что свидетельствует о том, что андроновцы придавали особое значение воссозданию целого из разрозненных частей. Рассмотренный ритуал перекликается с сюжетом ведийской мифологии о жертвоприношении первочеловека Пуруши, содержащимся в Ригведе (РВ. X, 90). Важнейшей ритуальной операцией при жертвоприношении Пуруши было его расчленение на определенные части и создание из них упорядоченной Вселенной. Данный сюжет свидетельствует о том, что одинаково важным было как разделение на части, так и создание новой целостности. Мотив разделения на части нельзя считать однозначно связанным со смертью, т. к. только из отдельных частей могло быть составлено новое мироздание (Хабарова, 2001. С. 242–245).

В андроновской традиции определенную роль играл еще один элемент – металл, который щедро использовался для починки сосуда. Для понимания смысла ритуала представляют интерес данные нартского эпоса, наиболее древние пласты которого восходят к скифо-сарматской эпохе (Калоев, 1997. С. 265). В осетинской мифологии божественный покровитель кузнецов Курдалагон не только изготавливает боевые доспехи, но и чинит поврежденные черепа героев, ставя на них медные заплаты (Иванов, 1997. С. 21; Калоев, 1997. С. 29). Адыгский бог-кузнец Тлепш и абхазский Айнар занимаются «ремонтом» различных частей тела богатырей. Они заменяют поврежденные в бою части тела новыми, изготовленными из металла. Согласно некоторым адыгским сказаниям, Тлепш «приделал себе железные ноги вместо отсеченных мечом его же изготовления». По мнению В.Г. Ардзинбы, эта функция кузнеца в нартском эпосе, по-видимому, восходит к мотиву изготовления кузнецом частей человека и самого человека, представленному в других мифологических традициях, в частности хеттской (Ардзинба, 1988. С. 278, 287). В хеттских текстах имеется описание

ритуала «обновления», «второго рождения» царя. Такое обновление связывалось с изготовлением нового «тела» (статуи) царя, причем «голова» делалась из железа (Там же. С. 265, 266).

Вероятно, в андроновской традиции разбитые или треснувшие сосуды, отремонтированные бронзовыми скрепками, рассматривались как прошедшие через этапы смерти и возрождения. Они могли быть связаны с представлением о воссоздании целостности тела умершего с целью его последующего возрождения.

Антонова Е.В., 1984. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.

Ардзинба В.Г., 1988. К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток: этнокультурные связи. М.

Балакин Ю.В., 1998. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск.

Гутков А.И., 2000. О традиции ремонта глиняной посуды // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск.

Зданович Д.Г., Куприянова Е.В., 2002. «Use life» глиняной посуды и динамика стилевых изменений (по поводу публикации материалов кургана 25 Большекараганского могильника) // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск. Кн. 1.

Иванов В.В., 1997. Кузнец // Мифы народов мира. М. Т. 2.

Калоев Б.А., 1997. Курдалагон // Там же.

Калоев Б.А., 1997. Осетинская мифология // Там же.

Коростовцев М.А., 1976. Религия древнего Египта. М.

Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В., 1995. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара.

Матвеев А.В., 1998. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск.

Потемкина Т.М., 1985. Бронзовый век лесостепного Приобья. М.

Сальников К.В., 1952. Курганы на озере Алакуль // МИА. № 24.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.

Хабарова С.В., 2001. О семантике андроновских жертвенных комплексов // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск.

О. С. Шерстобитова

*Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
ГУ «Дирекция Национального археологического и природного
парка «Батаково», Омск*

К вопросу об особенностях и итогах сузгунско-ирменского взаимодействия на территории Среднего Прииртышья*

Обращение к вопросам, так или иначе связанным с изучением взаимодействия культур, требует особой тщательности в культурной атрибуции и анализе каждого элемента, принимающего участие в этом процессе. Подчас, бывает достаточно хорошо изучен итог взаимодействия, но абсолютно не ясны культурные элементы, участвующие в процессе его формирования, либо наоборот. В вопросе относительно сузгунско-ирменского взаимодействия нам известно и то, и другое, поэтому основной задачей данной работы является изучение самого процесса взаимодействия на основе поиска и анализа смешанных сузгунско-ирменских культурных форм. Исходя из специфики материала позднебронзовых поселений Среднего Прииртышья, основным источником для наших выводов будет являться весьма представительный керамический комплекс.

Перед непосредственным обращением к характеристике смешанных форм следует напомнить о ряде специфических черт, характеризующих собственно ирменскую традицию на Среднем Иртыше, выделенную в особый среднеиртышский (розановский) вариант культуры (Косарев, 1976. С. 27). В области орнаментации ирменской посуды Прииртышья показательно:

– большее, в сравнении с барабинским и приобским вариантами культуры, присутствие ямок и «елочных» мотивов на сосудах, объясняемое сузгунским влиянием (Стефанов, Труфанов, 1988. С. 82);

– на сосудах с геометрическими орнаментами ямки часто расположены в местах пересечения линий, образующих геометрические узоры (Там же. С. 80);

– практически полное отсутствие на посуде орнаментов, сочетающих чередование «жемчуга» с ямками, прямо поставленными оттисками штампа, или с угловыми вдавлениями;

– обрамление нижней части шейки исключительно «жемчужником» либо исключительно рядами ямочных вдавлений. Видимо, оба орнамента являлись взаимозаменяемыми и выполняли сходную функцию на орнаментальном поле сосуда;

– присутствие на сосудах, наравне с гладким, большой доли штрихованного ромба. Подтверждением тому, что немалый удельный вес штрихованно-

го ромба на посуде может являться одной из характерных черт ирменской культуры на Иртыше, служит почти полное отсутствие такого типа орнамента в Центральной Барабе и в лесостепном Приобье, где преобладает именно гладкий ромб (Молодин, 1985. Рис. 61, 62; Матвеев, 1993. С. 115–117. Табл. X).

Своим появлением на Среднем Иртыше, по всей видимости, ирменская культура обязана продвижению носителей этой традиции из Новосибирского Приобья на ирменском этапе ее существования (Труфанов, 1990. С. 151, 152), а своей прииртышской спецификой – носителям сузгунской традиции, в непосредственном соседстве с которыми оказались приобские группы.

Но из одного только факта сосуществования на определенной территории различных культурных образований, а priori, невозможен вывод об обязательном наличии взаимодействия между ними. Культуры могут населять одну территорию и при этом являться относительно замкнутыми образованиями, не проявляющими каких-либо признаков смешения. В нашем случае свидетельством взаимодействия культур является не только определенное количество сузгунских элементов, органично вошедших в каноны среднеиртышской ирменской традиции, но и представительные серии смешанной сузгунско-ирменской керамики**. К смешанному типу мы относим такие сосуды, в орнаментальной схеме которых представлен хотя бы один элемент, являющийся *индикаторным* для культурной атрибуции сузгунской либо ирменской посуды, в сочетании с элементами, характерными для противоположной культурной традиции. К таким элементам, несомненно, относятся узоры, придающие «геометризм» ирменской (гладкие и штрихованные ромбы, равнобедренные треугольники, зигзаги), и «нарядность» сузгунской посуде (разновидности ленточных узоров, «скоба», угловые вдавления).

Серии сузгунско-ирменской керамики обнаруживаются как в «геометрических», так и в «монотонных» группах. В обоих случаях доля собственно сузгунских и собственно ирменских элементов на сосуде может быть различной, в силу чего смешанная керамика не обладает устойчивыми орнаментальными схемами. Именно по этой причине многие

сузгунско-ирменские сосуды выглядят уникально в причудливом сочетании разнокультурных черт.

Геометрические узоры на шейках таких сосудов, как правило, тяготеют к ирменской орнаментальной схеме, к ирменским чертам относятся также сетчатые узоры. В то же время, ирменские геометрические узоры сочетаются с типично сузгунскими «скобой» и прямо поставленными оттисками штампа (рис. 1: 9), ленточными орнаментами (рис. 1: 2, 6) и уголковыми вдавлениями (рис. 1: 10), с характерными для сузгунской орнаментальной схемы желобками с насечками (рис. 1: 3), с «елочкой» (рис. 1: 4) и горизонтальными рядами лунок. «Монотонные» орнаменты на сузгунско-ирменской керамике чаще представлены наклонными оттисками и «елочными» композициями, исполненными как гребенчатой, так и гладкоштампованной техникой. Практически во всех случаях на посуде имеется ряд «жемчужин» в основании шейки и воротничок – ирменские элементы, сочетающиеся с уголковыми вдавлениями (рис. 1: 5, 8), диагонально ниспадающими оттисками и лунками – элементами, происхождение которых принято относить еще к раннесузгунскому этапу. Именно в смешанной сузгунско-ирменской группе ломаются орнаментальные схемы, являющиеся культурообразующими индикаторами. На смену строгой последовательности узоров на сосуде, где локализация каждого элемента подчинялась определенному культурному канону, приходит весьма шаткая орнаментальная схема, не отличающаяся закономерностями в чередовании и местоположении орнамента.

Исходя из вышеизложенного, становится возможным проследить «миграцию» ряда орнаментальных моделей между культурами. В первую очередь, к ирменскому компоненту в среде сузгунской керамики относится наличие рядов жемчуга в основании шейки сосуда. Причем, чаще жемчугом украшались сосуды с монотонной и разреженной орнаментальной схемой, – характерными признаками позднесузгунской группы керамики, что, по всей видимости, указывает на определенное хронологическое соотношение обеих культур. К ирменскому компоненту на сузгунских сосудах следует отнести наличие воротничка, формованного специально, без помощи желобков. В ряде случаев ирменское влияние сказалось и на форме сосудов (рис. 1: 7). Ирменскую принадлежность перечисленных элементов декора на сузгунской посуде могут подтвердить материалы поселений с минимальными включениями ирменской керамики. В частности, на Красноозерском поселении (где «чистая» ирменская керамика, как будто, не прослеживается) сузгунская посуда практически никогда не украшалась жемчугом, а воротничок

формировался, главным образом, с помощью широкого желобка в основании шейки (Полеводов, Шерстобитова, 2007). Сузгунским по происхождению элементом в ирменском орнаментальном комплексе следует признать наличие большого количества ямочных вдавлений. Кроме того, типично ирменские сосуды содержат в своей орнаментации такой сузгунский элемент, как горизонтальную «елочку», в некоторых случаях – валик с насечками.

Несмотря на то что сама ирменская традиция на Иртыше, находясь довольно продолжительное время в непосредственном контакте с сузгунскими древностями, претерпела некоторую трансформацию (наиболее явно фиксирующуюся на основании анализа керамического комплекса), ей в большей степени, чем сузгунской, удалось сохранить известную *каноничность* основных типов посуды. По всей видимости, ирменское давление в лесостепи Прииртышья преобладало над сузгунским. Это проявилось не только в экспансии множества ирменских орнаментальных и морфологических характеристик посуды, но также в явном заимствовании у ирменского населения типов украшений, орудий и оружия, погребальной и отчасти домостроительной традиции. Тем не менее, обозначенное влияние не было односторонним. Сузгунские традиции, как было отмечено выше, *изначально* внесли свой вклад в формирование облика ирменской культуры на Иртыше, ирменские – в значительной степени определили облик позднесузгунской и – далее – красноозерской культуры на инберенском этапе ее существования.

Но эти выводы справедливы, главным образом, для территории лесостепного и предтаежного Прииртышья, в то время как в таежной зоне наблюдается иная ситуация. На сегодняшний день данные исследованных памятников свидетельствуют о том, что, за исключением единичных вкраплений, северная граница ареала собственно ирменской традиции не выходила за пределы предтаежной зоны. Соответственно, ее влияние ограничивалось этой территорией, тогда как в таежной зоне мы наблюдаем практически безраздельное господство сузгунской культуры со всеми чертами, присущими ее «лесному» облику***. Косвенно о господстве сузгунской культуры в лесу на завершающем этапе бронзового века свидетельствует множество ее реминисценций на посуде журавлевского типа (VI–IV вв. до н. э.), в то время как элементы, восходящие к ирменской и красноозерской керамическим традициям, представлены на ней гораздо скромнее.

Таким образом, ареал сузгунско-ирменского взаимодействия ограничивается лесостепной и предтаежной зоной Среднего Прииртышья, исключая Ишимо-Иртышское междуречье, где следы ирмен-

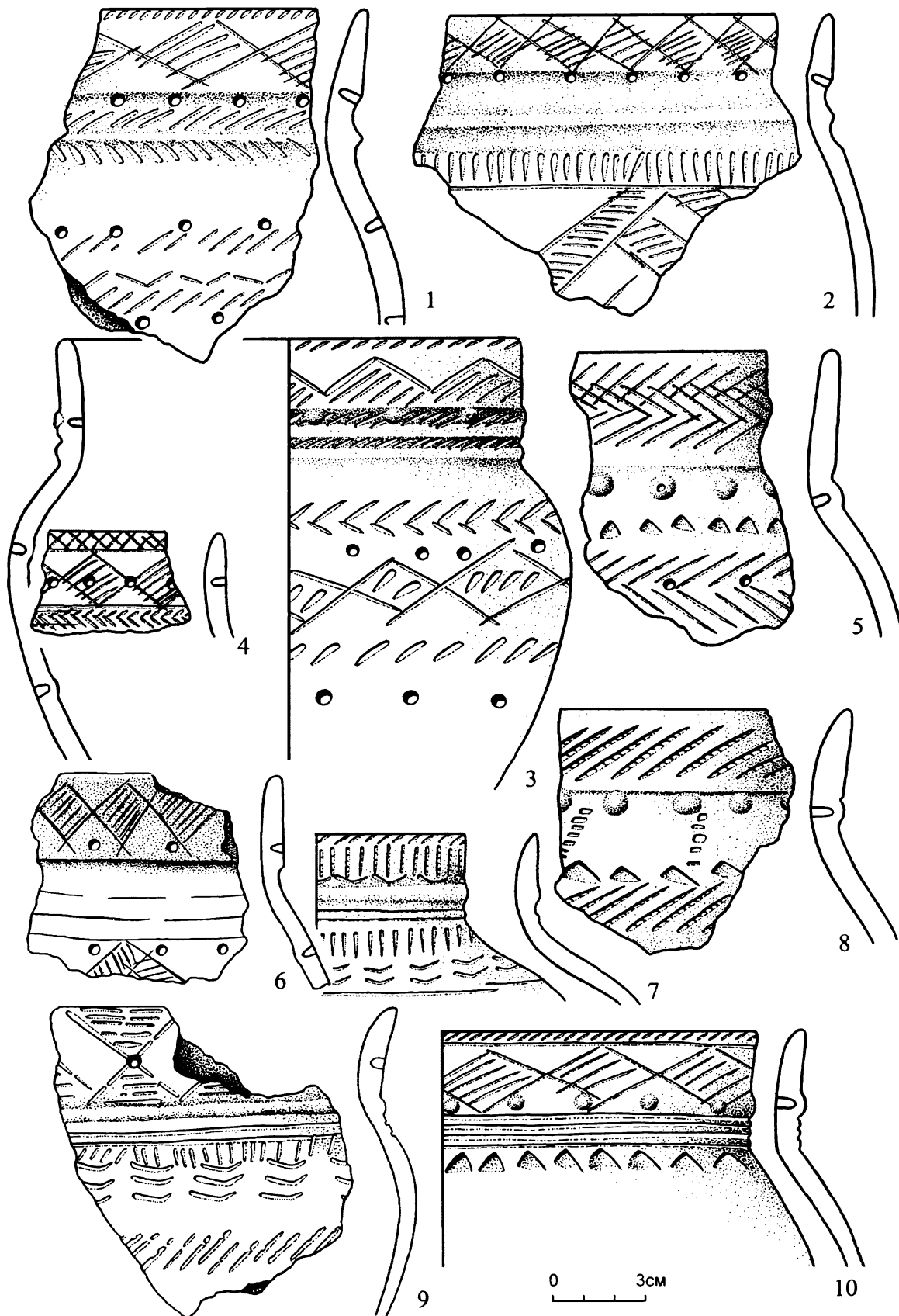

Рис. 1. Посуда со смешанными сузгунско-ирменскими чертами на территории Среднего Прииртышья:
1, 2 – Красноозерское поселение; 3–10 – поселенческий комплекс Надежинка IV/V

ского пребывания отсутствуют. Этот ареал практически полностью совпадает с распространением красноозерских памятников инберенского этапа, что очередной раз подтверждает выводы А.Я. Труфанова о непосредственном участии сузгунско-ирменских традиций в формировании основных черт собственно красноозерской культуры (Труфанов, 1984. С. 66, 72), в то время как в лесной зоне судьбы позднебронзовых культур развивались по иной – журавлевской – линии, но этот сюжет требует отдельного рассмотрения.

* Работа выполнена при поддержке Фонда действия отечественной науке.

** За последнее десятилетие количество исследованных памятников позднего бронзового века значительно возросло. В частности, по итогам изучения поселенческих комплексов Алексеевка I и Надеждинка IV/V (раскопки С.С. Тихонова и С.Ф. Татаурова) в Муромцевском р-не Омской обл. появились новые и весьма яркие свидетельства интенсивных сузгунско-ирменских контактов в предтаежной зоне Среднего Прииртышья.

*** К этим чертам относятся: увеличение – в сравнении с лесостепными материалами – удельного веса ямочных вдавлений на сосуде, сохранение насыщенной орнаментации, орнаментация днищ, присутствие «елочных» и богатых ленточных узоров, отсутствие ирменских элементов в виде жемчуга, воротничка, сетчатых и геометрических орнаментов. Перечисленные варианты орнаментации обычно располагаются по нижнему краю шейки на ирменских сосудах Новосибирского (Матвеев, 1993. С. 115–117. Табл. X), Томского и Барнаульского Приобья

(Папин, Шамшин, 2005. Рис. 36, 5; 48, 1 и др.) и в целом довольно широко известны за пределами Среднего Прииртышья.

Косарев М.Ф., 1976. Бронзовый век Западной Сибири: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.

Матвеев А.В., 1993. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск.

Молодин В.И., 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск.

Полеводов А.В., Шерстобитова О.С., 2007. Красноозерское поселение на Иртыше – забытый памятник сузгунской культуры // Археологические материалы и исследования Северной Азии, Древности и Средневековья. Томск.

Стефанов В.И., Труфанов А.Я., 1988. К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Среднем Прииртышье (по материалам поселения Сибирская Саргатка I) // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск.

Труфанов А.Я., 1983. Жертвенное место Хутор-Бор I (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск.

Труфанов А.Я., 1984. Материалы к происхождению и развитию красноозерской культуры // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск.

Труфанов А.Я., 1990. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово. (Рукопись.)

О.В. Яншина

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Новое в изучение эпохи палеометалла на юге Дальнего Востока (по материалам Приморья)

К моменту появления на Российском Дальнем Востоке археологов советской школы степень изученности древнейшего прошлого этой весьма отдаленной окраины нашей страны была очень низкой, особенно по сравнению с центральными регионами. Конечно, южные районы были исследованы с большей полнотой, чем северные, но в целом исследователям пришлось начинать здесь практически с нуля: ежегодные разведки, раскопки, первые классификации материалов, первые археологические культуры и первые наметки к археологической периодизации.

Проблем было очень много, но одна из них, связанная с выделением эпохи освоения металла, оказалась особенно трудной. Дореволюционная историография полагала, что на территории Дальнего Востока каменный век сразу сменился эпохой средневековых государств.

Работы исследователей советских лет полностью разрушили эти стереотипы. Первые же годы раскопок позволили сначала выделить здесь железный век, а затем и обособить группу памятников, которая стала рассматриваться в рамках эпохи брон-

зы (Окладников, 1956; 1959; 1964). Эти памятники в стратиграфическом отношении занимали промежуточное положение между неолитом и ранним железным веком, а комплексы найденных на них артефактов явно выделялись своим постнеолитическим обликом. Но была и специфика. Прямых и непосредственных доказательств использования собственно металла – меди или бронзы – в этих комплексах практически не было. Единственным свидетельством знакомства людей, оставивших эти памятники, с металлом были редкие находки так называемых реплик, каменных копий бронзовых изделий. Лишь в начале 1970-х гг. было открыто поселение, в культурном слое которого были найдены изделия из бронзы (Бродянский, 1972). Однако после этого открытия подобных находок не было вплоть до 1990-х гг. (Бродянский, 1987). У исследователей оставалось очень много вопросов, но бронзовый век, хотя и в признаваемом всеми специфическом облике, отличным от более западных регионов страны, все-таки был включен в археологическую периодизацию южной части Дальнего Востока России (Окладников, Деревянко, 1973; Андреева, Студзицкая, 1987; Бродянский, 1987; Конькова, 1989; Дьяков, 1989).

В настоящем сообщении вниманию исследователей будет предложен краткий обзор новых открытий и связанных с ними новых представлений в области изучения эпохи первоначального освоения металла на юге Дальнего Востока и, прежде всего, в Приморье. Последние пятнадцать лет в этом отношении оказались очень плодотворными. Было открыто много новых археологических памятников: Бого-

любовки, Новоселища-4, Реттиховки, Анучино-4, 14, Глазовки-городища, Чернятино-2, Рисового, Монастырки-3, Зари, Ветродуя, Суворово-6, 8, Куналейки, Бельцово-2, Дальнего Кута-15 и др. На всех этих памятниках были собраны полноценные археологические коллекции, позволившие провести системный анализ источников, для некоторых были получены радиоуглеродные даты. Все вместе это позволило в совершенно новом свете увидеть эпоху первоначального освоения металла на юге Дальнего Востока России (Жушиховская, 1996; Яншина, 2001; 2004; Яншина, Ключев, 2005).

Как свидетельствуют факты, начало этой эпохи было связано в Приморье с двумя совершенно различными культурными контекстами: анучинско-суворовско-лидовским (или синегайско-лидовским), представленным традицией отощения керамики дробленным моллюском, и янковским, представленным собственно янковской археологической культурой и близкими к ней континентальными памятниками. Первые традиционно сопоставляли в литературе с эпохой бронзы, вторые – с ранним железным веком.

Памятники анучинско-суворовско-лидовского круга появляются и широким фронтом распространяются по всей территории континентального и северо-восточного Приморья на рубеже II и I тыс. до н.э. (табл. 1). Вместе с ними в Приморье впервые проникает металл – бронза. В культурном отношении они представлены несколькими родственными группами – *лидовско-типевайской* и *суворовской* в восточном Приморье, *анучинско-синегайской* и памятниками типа *Чернятино-2* в континентальной

Таблица 1. Результаты абсолютного датирования памятников эпохи раннего палеометалла в Приморье

СИНЕГАЙСКО-ЛИДОВСКИЕ («эпоха бронзы»)				ЯНКОВСКИЕ И КОНТИНЕНТАЛЬНЫЕ («ранний железный век»)			
Восточные	Суворово-6	2960±90	ГИН-7234	Янковские	Славянка-1	2830±40	ЛЕ-2496
		2935±50	СОАН-3023		Олений Г	2710±25	СОАН-1538
		2540±40	АА-36623		Зайсановка-2	2600±50	OS-2675
		2320±55	СОАН-3022			2480±50	Beta-124173
	Суворово-8	2335±60	СОАН-4307	Континентальные	М.Подушечка	2450±50	МГУ-499
		2345±50	СОАН-4308		Лидовка (в/сл)	2610±45	СОАН-1390
		2350±35	СОАН-4310			2570±60	СОАН-1338
		2400±55	СОАН-4306			2530±40	СОАН-1434
		2465±60	СОАН-4309			2450±50	СОАН-1389
	2560±90	СОАН-4305	Д.Кут-15	2570±115	СОАН-4492		
	Ветродуя	1860±40	ГИН-10217	Горбатка-3	2590±85		
		1780±40	ГИН-10216	Куналейка	2425±90	СОАН-4410	
1605±30		СОАН-4413	2150±95		СОАН-4187		
Западные	Анучино-14	2640±55	СОАН-4491		М.Страшный	2300±65	СОАН-4186
	Новоселище-4	2980±50	ГИН-6951	1900±50		СОАН-4185	
		3015±50	ТКа-13487	1870±50		СОАН-4184	
	Синий Гай А	2875±45	СОАН-1540	2575±45	СОАН-4414		
2820±55		СОАН-1541	2200±90	ГИН-10215			

части Приморья. Объединяющим признаком является использование в керамическом производстве формовочных масс, изготовленных по рецепту «глина + пресноводный моллюск», а также некоторые особенности морфологии (хорошо профилированные сосуды приземистых очертаний) и декора (бедность декора, приуроченность его к венчику, арки и горизонтальные линии как основные элементы узора) керамических емкостей. В топографии памятников прослеживается тенденция к использованию для поселений укромных и труднодоступных мест. На некоторых памятниках зафиксированы укрепления в виде валов и рвов (Анучино-4, Чернятино-2). Практически на каждом памятнике выявлены жилища – наземные или слегка углубленные в землю. Недавние открытия показали, что, по крайней мере, население западных памятников анучинско-синегайско-лидовского круга (Новоселище-4, Анучино-14) занималось земледелием и выращивало просо обыкновенное (Сергушева, 2007).

Общее число предметов из бронзы, найденных в памятниках анучинско-суворовско-лидовского круга, 28 (рис. 1: 1–6). Они происходят с четырех поселений – Синий Гай А, Суворово-6, Анучино-14 и Глазовка-городище. Специальные анализы находок с первых трех памятников показали, что все они изготовлены из оловянистых бронз или из сплава медь–мышьяк–олово, что в целом отражает ситуацию позднего бронзового века (Конькова, 1989; Крупянко, Яншина, 2002; Ключев, Яншина, 2002). Анализ категорий и типов бронзовых изделий показал, что они тяготеют к карасукским бронзам и имеют широкие аналогии в различных районах Восточной Сибири, в том числе в Забайкалье, Внутренней Монголии и Манчжурии. Показательны в этом отношении вогнутообушковые ножи, двух- и трехчленные бляшки, круглые бляхи с радиальными насечками по периметру окружности.

Очень важны находки реплик бронзовых изделий. В последние годы подобные артефакты были обнаружены на поселениях Анучино-14, Анучино-4 и Суворово-8. Почти все изделия (всего их 10) представляют собой обломки каменных клинков с ромбовидным сечением или с намечающейся нервюрой. Любопытно, что найдены только острия клинков, поэтому общая форма изделий не восстанавливается и их отнесение к категории реплик на данном этапе исследований весьма условно (рис. 1: 12). Уникальна находка на поселении Анучино-14 глиняной бляшки-пуговицы (рис. 1: 9). Она, безусловно, копирует, хотя и очень схематично, бронзовые бляшки с радиальными насечками по периметру окружности, широко распространенные в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в карасук-тагарское время и

позднее. Очень важно, что есть бляшки такого типа и среди бронзовых изделий, найденных в памятниках анучинско-суворовско-лидовского круга – на поселении Синий Гай А (рис. 1: 10) (Бродянский 1987: 139).

Памятники янковской культуры и ее континентального варианта появляются и распространяются по территории Приморья, судя по радиоуглеродным датировкам, на несколько веков позже анучинско-суворовско-лидовских – в начале I тыс. до н.э. (табл. 1). Вместе с ними в Приморье впервые появляется железо. В историографии активно обсуждаются проблемы культурной атрибуции континентальной группы памятников. Специалисты либо считают ее самостоятельной и независимой в культурном отношении (Андреева и др., 1986; Бродянский, 1996), либо рассматривают как локальный (Жушиховская, 1994) или локально-хронологический (Бродянский, Дьяков, 1984) вариант янковской культуры. Исследования последних лет существенно расширили круг памятников континентальной группы, в том числе и за счет памятников, ранее рассматривавшихся в рамках лидовской (Лидовка-1, в/сл, Благодатное-3, Монастырка-2, Усть-Зеркальная-4) и синегайской культур (Харинская, Кировское) эпохи бронзы. Янковская культура занимала южное побережье Приморья и была ориентирована на ресурсы моря, континентальные памятники – были рассредоточены по всей остальной территории Приморья, на юго-восточном побережье Приморья происходило смешивание населения, результатом чего стало появление синкретичных комплексов (Валентин, Судзухе-3 и др.).

Находки бронзовых изделий как в янковских, так и в континентальных памятниках крайне малочисленны. В этом отношении они уступают даже памятникам эпохи бронзы. В культурном слое обнаружено лишь два невыразительных обломка бронзовых пластинок на янковских поселениях Олений-1 и Малая Подушечка (Конькова, 1989: 41–43) и двухчленная бляшка на поселении у Екатерининского завода (Окладников, 1959). Находки железных изделий встречаются намного чаще, причем в янковских памятниках они представлены большими сериями, тогда как в континентальных – единичными находками. Известно как минимум 39 предметов. В основном это кельты или насады – всего 18 штук (Песчаный-1, Малая Подушечка, Олений-1, Анучино-1, Новогордеевское городище, Мустанг) (рис. 2: 1), есть два наконечника стрел (Чапаево, Анучино-1), остальные находки – обломки изделий непонятного назначения (Андреева и др. 1986).

Каменный инвентарь янковских и континентальных памятников обнаруживает явную тенденцию

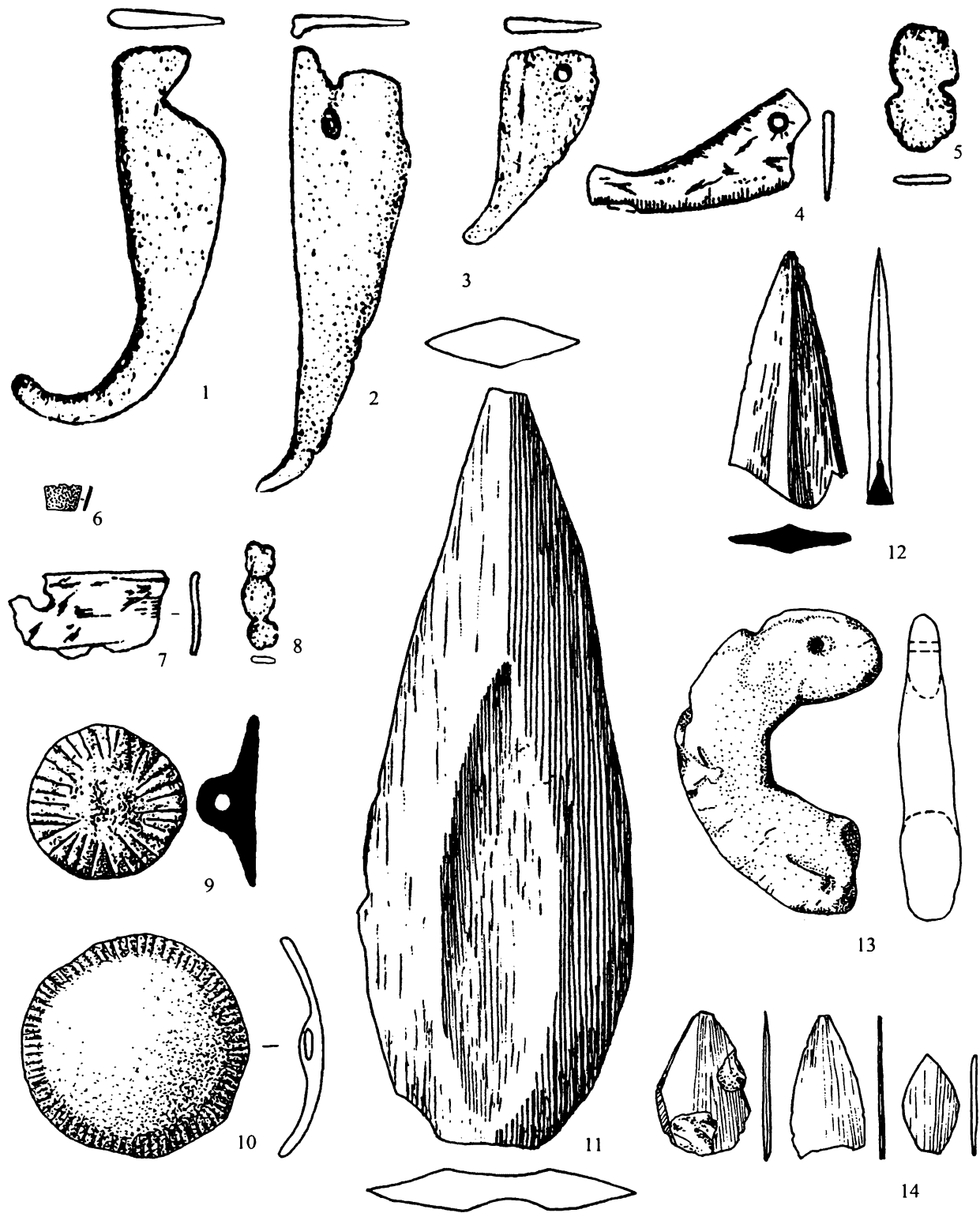

Рис. 1. Инвентарь памятников синегайско-лидовского круга. Примерно в натуральную величину.
 1-4 – бронзовые ножи; 5, 6, 8, 10 – бронзовые бляшки-нашивки; 7 – фрагмент бронзовой пластины (нож?);
 9 – керамическая реплика-бляшка; 11-12 – каменные клинки; 13 – керамическое украшение;
 14 – каменные наконечники стрел (1-3, 5, 8, 10, 11 – Синий Гай А; 4, 7 – Глазовка-городище;
 6 – Суворово-6; 9, 12-14 – Анучино-14)

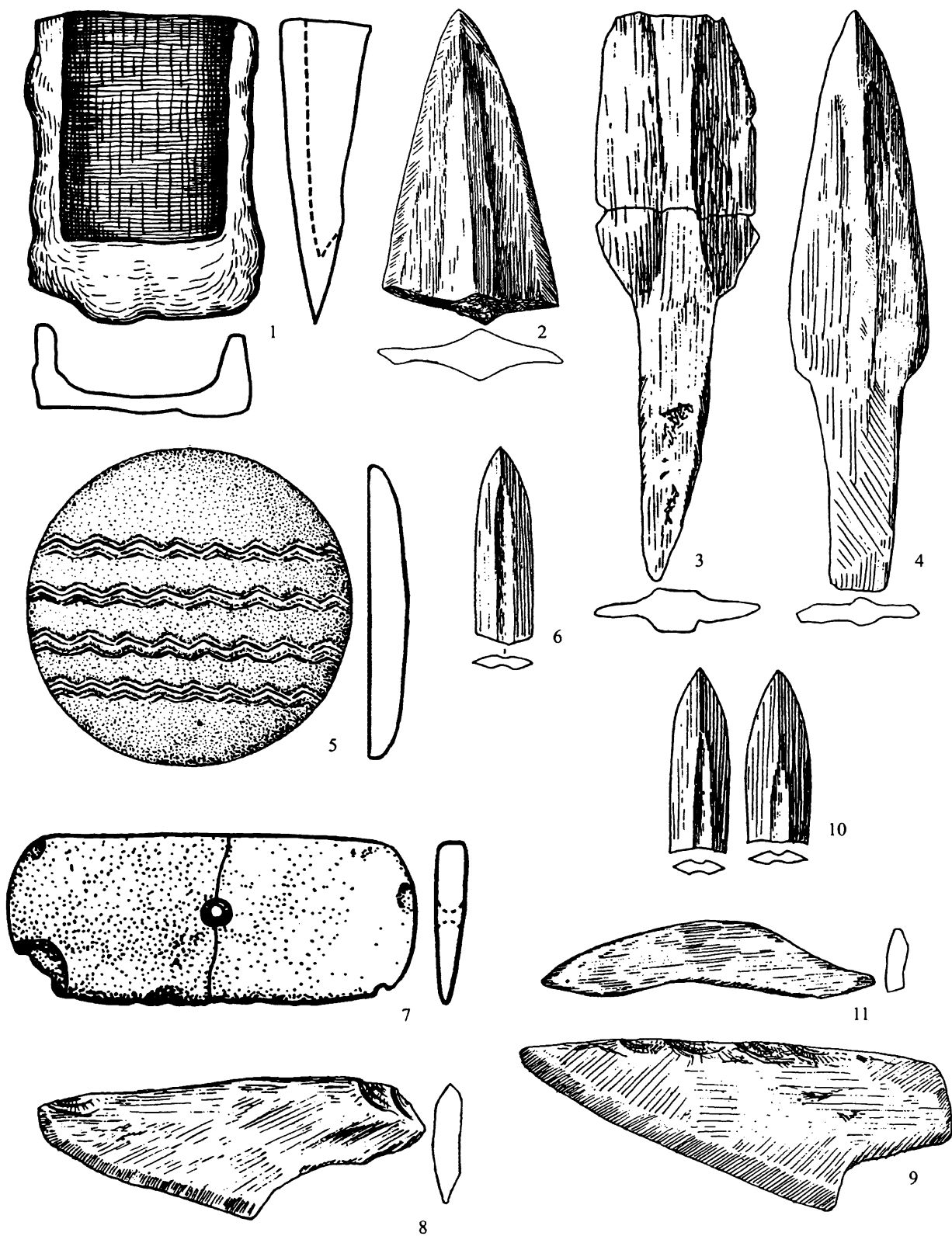

Рис. 2. Инвентарь памятников янковской культуры и ее континентального варианта. Уменьшено на одну треть.
 1 – железный кельт; 2–4 – каменные клинки (реплики с нервюрой); 5 – глиняное зеркало; 6, 10 – каменные наконечники стрел с желобком; 7–9, 11 – каменные ножи. 1, 7 – Малая Подушечка; 2, 5, 6 – Лидовка-1; 3, 8, 11 – Харинская; 4, 9 – Монастырка-2

к деградации технологии ретуширования орудий и, напротив, расцвет сланцевой индустрии (рис. 2). Так, для янковских и континентальных памятников характерно наличие в комплексах большого числа шлифованных инструментов – наконечников стрел, дротиков, деревообрабатывающих орудий, абразивов и т.п., ретушированный камень же представлен здесь единичными экземплярами. Важно подчеркнуть, что с рассматриваемыми памятниками связана основная масса всех известных в Приморье находок реплик бронзовых изделий. В памятниках янковской археологической культуры реплики – часто встречающаяся находка. Это кинжалы с ромбическим в поперечном сечении клинком и Т-образным навершием (Малая Подушечка, Песчаный-1, Славянка-1), плоские или шестигранные в сечении двулезвийные наконечники копий и дротиков (найлены практически во всех памятниках), в одном случае найден наконечник копья (или кинжал) с нервюрой (Судзухе-3). В континентальных памятниках реплики встречаются реже. Здесь обычны находки наконечников копий (или кинжалов) с нервюрой – округлым в сечении стержнем, идущим вдоль средней части клинка (Усть-Зеркальная-4, Лидовка-1, Монастырка-2, Харинская, Куналейское городище) (рис. 2: 2–4), плоские двулезвийные наконечники копий (Благодатное-3, Лидовка-1, Монастырка-2), в единственном экземпляре известна полушаровидная каменная бляха с радиальными насечками по внешнему периметру окружности (Харинская) и глиняное зеркало с орнаментом (Лидовка-1) (рис. 1: 5).

Из представленного обзора видно, что набор реплик в янковских и континентальных памятниках был различен. Для первых были характерны кинжалы с ромбическим сечением клинка и Т-образным навершием, которые, по мнению специалистов, копировали скифо-тагарские образцы оружия. Для вторых – наконечники копий или кинжалы с нервюрой вдоль клинка, имитирующие, как считается, бронзовые изделия иньско-карасукского круга. Отмеченные различия долгие годы служили основанием для выделения двух последовательных этапов в бытовании реплик на территории Приморья. Ранний – иньско-карасукский – связывали с памятниками бронзового века, поздний – скифо-тагарский – с памятниками раннего железного века (см., например, Конькова, 1989; Дьяков, 1989; Андреева, 1994). Однако исследования последних лет показывают, что наконечники копий с нервюрой и кинжалы с Т-образным навершием существовали в Приморье в одном хронологическом диапазоне – в I тыс. до н.э., но в различных культурных контекстах (Яншина, 2004; 2005).

Керамическая посуда янковских и континентальных памятников специфична и резко выделяется на фоне всех предыдущих и последующих эпох. Особенно ярко это проступает при анализе ее орнаментации. Сосуды обычно украшались в основании горловины и/или по плечикам поясками из одного или нескольких горизонтальных наlepных валиков или прочерченных линий. Эти узоры могли дополняться наlepными шишечками или горизонтальными линиями ямочных вдавлений. На плечиках тулова могли также располагаться геометрические композиции. Хотелось бы подчеркнуть, что использование в декоре наlepных валиков, как и отмеченная его зональность – главные отличительные особенности янковских и континентальных памятников, и главное, они не встречаются в рассмотренных выше памятниках анучинско-синегайско-лидовского круга. Последнее обстоятельство особенно интересно, т.к. население, представляющее и ту, и другую группы памятников, существовало в Приморье примерно в одно и то же время и на одной и той же территории, а синкретичных комплексов пока нет. В этой связи можно предположить, что население этих двух различных миров враждовало между собой, на что в том числе указывают и остатки оборонительных сооружений на некоторых из них (Клюев, Никитин, 1998).

Общий анализ стратиграфии, хронологии и инвентарных комплексов памятников анучинско-синегайско-лидовского и янковского круга определенно свидетельствуют о том, что и те, и другие составляют единый этап в древней истории Приморья, а не два последовательных (эпохи бронзы и раннего железного века), как предполагалось ранее. Этот единый этап маркируют первые, как правило единичные, находки бронзовых и железных изделий определенных типов (в бронзе – вогнутообушковыи ножи, двух- и трехчленные бляшки, круглые бляшки с радиальными насечками по периметру, в железе – четырехугольные кельты или насады), появление и широкое распространение реплик бронзовых изделий, резкая деградация техники ретуширования камня и расцвет сланцевой индустрии. В керамике основу комплексов начинают составлять, прежде всего, хорошо развитые профилированные формы сосудов с горловиной. Резко меняются по сравнению с неолитом орнаментальные традиции. Декор либо полностью исчезает со стенок сосудов, либо смещается в строго определенные зоны – в область венчика для памятников анучинско-суворовско-лидовского круга или в область шейки и плечиков для памятников янковского и континентального облика.

Возвращаясь в свете этих исследований к во-

просу о существовании бронзового века на Дальнем Востоке, приходится констатировать, что бронзовый век, как самостоятельная эпоха, связанная с освоением бронзы, оказался действительно пропущенным в Приморье, а неолитические культуры здесь сменились культурами, которые практически синхронно осваивали на этой территории и бронзу, и железо. Предварительно этот этап развития можно

назвать эпохой раннего палеометалла. Начинается он на рубеже II и I тыс. до н.э. и заканчивается появлением в Приморье в середине – второй половине I тыс. до н.э. кроуновской и польцевской (ольгинской) культур, более насыщенных железными и бронзовыми изделиями, имеющих прямые доказательства собственного металлургического производства и в целом более развитых.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. Санкт-Петербург.
- АО – Археологические открытия. Москва.
- АПО – Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.
- АС – Археологический съезд.
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград – Санкт-Петербург.
- АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
- ВДИ – Вестник древней истории. Москва.
- ВАП – Вопросы археологии Поволжья. Самара.
- ВАУ – Вопросы археологии Урала. Свердловск.
- ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград – Санкт-Петербург.
- ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.
- ГИМ – Государственный исторический музей.
- ГЭ – Государственный Эрмитаж.
- ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН.
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург.
- ИА РАН – Институт археологии РАН.
- ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
- ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН.
- ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН.
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН.
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН). Москва.
- КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Москва.
- МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского северо-востока. Сыктывкар.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
- НАНУ – Национальная академия наук Украины.
- НЦ – Научный центр (РАН).
- ПАВ – Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
- РА – Российская археология. Москва.
- РАИМК – Российская академия истории материальной культуры.
- РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
- РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд.
- РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.
- СА – Советская археология. Москва.
- САИ – Свод археологических источников. Москва.
- СО РАН – Сибирское отделение РАН.
- СЭ – Советская этнография. Москва.
- ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь.
- УрО РАН – Уральское отделение РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

Организаторы II (XVIII) Всероссийского археологического съезда	3
Оргкомитет II (XVIII) Всероссийского археологического съезда	3
Структура издания «Трудов II (XVIII) Всероссийского археологического съезда»	4
<i>Деревянко А.П., Макаров Н.А.</i> Археология в изменяющейся России	5

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б.</i> Антропологические исследования в контексте современной российской археологии.	7
<i>Деревянко А.П., Зенин В.Н.</i> Древнейшие индустрии юго-восточного Дагестана	10
<i>Ивакин Г.Ю., Иоаннисян О.М.</i> О новых раскопках Десятинной церкви (2005–2007 гг.)	12
<i>Макаров Н.А.</i> Суздальские древности и проблемы становления Северо-Восточной Руси.	19
<i>Молодин В.И.</i> Академик А.П. Окладников и археология Западной Сибири	27
<i>Носов Е.Н., Гайдуков П.Г.</i> Академик Б.А. Рыбаков и его вклад в становление и развитие славяно-русской археологии	30

СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ

Секция 1. Культурно-исторические процессы в палеолите и мезолите Евразии: расселение человека, культурогенез, материальная культура и природная среда

<i>Аношкин А.А., Славинский В.С.</i> Палеолит предгорной зоны западного побережья Каспия	34
<i>Беляева В.И., Моисеев В.Г.</i> Проблемы типологических определений кремневых орудий верхнего палеолита	36
<i>Бужилова А.П.</i> Анализ антропологических материалов из совместных захоронений верхнего палеолита	38
<i>Бухтоярова И.М.</i> Советские археологи о проблеме распространения палеолитических поселений на территории Верхнего и Среднего Подонья	41
<i>Васильев С.В.</i> Гейдельбергский человек: кто, где, когда	42
<i>Виноградова Е.А.</i> Особенности орудийного набора жилых площадок Каменной Балки II	45
<i>Вишняцкий Л.Б.</i> О возможности культурной преемственности между неандертальцами и <i>Homo sapiens</i>	50
<i>Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е.</i> Природные и культурные феномены Прибайкалья на рубеже плейстоцена и голоцена.	53
<i>Гаврилов К.Н.</i> Культурные связи населения центральных районов Восточно-Европейской равнины и Северного Причерноморья в верхнем палеолите.	55
<i>Дикова М.А.</i> Символика в погребальной обрядности и искусстве ушковского палеолита (Камчатка)	57
<i>Долуханов П.М.</i> Первоначальное расселение <i>Homo sapiens</i> в Северной Евразии. Геохронологические аспекты.	61
<i>Лаухин С.А., Дроздов Н.И.</i> Докловисское заселение западной части Малой Берингии	62
<i>Лбова Л.В.</i> Признаки знакового поведения в комплексах начальной поры верхнего палеолита в Забайкалье.	64
<i>Леонова Е.В.</i> Исследования верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного Кавказа.	67
<i>Любин В.П.</i> История исследования палеолита в Армении и роль Б.Б. Пиотровского.	71
<i>Маркин С.В.</i> Заключительная стадия верхнего палеолита на Алтае.	72
<i>Павлов П.Ю.</i> Начало верхнего палеолита на северо-востоке Европы	74
<i>Попов В.В.</i> Замятинская археологическая культура. Жилища и поселения.	79

<i>Рыбин Е.П.</i> К вопросу об эволюции и вариабельности среднего палеолита Алтая	81
<i>Синицын А.А.</i> Культурная и геологическая периодизация верхнего палеолита Восточной Европы: соотношение и проблема корреляции	84
<i>Синицына Г.В.</i> Формирование и развитие культур на рубеже плейстоцена – голоцена на северо-западе Русской равнины	86
<i>Сорокин А.Н.</i> Мезолитоведение Поочья в вопросах и ответах	88
<i>Степанчук В.Н.</i> Динамика культурных трансформаций в палеолите Украины	90
<i>Хамакава М.</i> Специализация хозяйственной деятельности на стоянке Каменная Балка 2 на основе анализа распределения микродебитажа	94
<i>Шуныков М.В.</i> Распространение ранних верхнепалеолитических традиций в Северной Азии	97

Секция 2. Новейшие открытия и исследования памятников палеолита и мезолита

<i>Аникевич М.В., Анисюткин Н.К.</i> Человек и мамонт в палеолите Восточной Европы	100
<i>Ахметгалеева Н.Б.</i> Смена типов верхнепалеолитических поселений на заключительных этапах последнего оледенения (по материалам стоянок Посеймья Быки)	102
<i>Беляева Е.В.</i> Ашельские бифасы Армянского нагорья	105
<i>Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш., Хисьяметдинова А.А., Чурбанов А.А.</i> Верхнепалеолитическая стоянка-мастерская Шолма I в Чувашии: палеогеография, промысловая фауна и жизнеобеспечение	108
<i>Васильева Н.Б., Андрианова Л.С., Косорукова Н.В.</i> Орудийная деятельность мезолитического населения Молого-Шекснинского междуречья и Сухонско-Кубенского бассейна	110
<i>Воскресенская Е.В., Гаврилов К.Н., Новенко Е.Ю.</i> Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво 2: структура поселения, материальная культура и условия осадконакопления	113
<i>Гиря Е.Ю.</i> Исследования каменной индустрии стоянки Костёнки I (слой 1)	117
<i>Дроздов Н.И., Артемьев Е.В., Макулов В.И., Чеха В.П.</i> Куртаковский георхеологический район. Некоторые итоги комплексных исследований (к 20-летию со времени открытия)	120
<i>Дружинина О.А., Сходнов И.Н.</i> Новые памятники эпохи финального палеолита на территории Калининградской области	125
<i>Козай С.А., Липнина Е.А., Медведев Г.И., Новосельцева В.М., Роговской Е.О.</i> Проблемы позднего палеолита Байкальской Сибири	127
<i>Колпаков Е.М.</i> Новые ашельские памятники Армении	128
<i>Константинов М.В., Константинов А.М.</i> Георхеология Забайкалья: проблемы и решения	131
<i>Кузьмин Я.В.</i> Динамика памятников позднего палеолита Сибири и Дальнего Востока России: количественный подход	133
<i>Леонова Н.Б.</i> Организация жилого пространства на стоянках каменнобалковской культуры	135
<i>Лозовская О.В., Клементе И., Лозовский В.М.</i> Орудия из челюстей бобра стоянки Замостье 2: экспериментально-трасологический подход	139
<i>Любин В.П.</i> Новый этап в изучении ранней преистории Кавказа	141
<i>Манько В.А.</i> Проблемы развития шан-кобинской индустрии в Крыму	143
<i>Мащенко Е.Н.</i> Охота на мамонта в верхнем палеолите в аспекте биологии вида <i>Mammuthus primigenius</i>	148
<i>Межерин М.Н.</i> Средняя пора верхнего палеолита Забайкалья: проблемы археологической идентификации и геохронологии	150
<i>Нехорошев П.Е.</i> Новые памятники начала верхнего палеолита в Западной Сибири	152
<i>Сериков Ю.Б.</i> Клады эпохи мезолита на Среднем Урале	157
<i>Стасюк И.В., Акимова Е.В.</i> Ранние комплексы позднего палеолита Дербинского археологического района (Средняя Сибирь, Красноярское водохранилище)	161
<i>Тарасов А.Ю.</i> Новые данные по позднему и финальному мезолиту Северо-Западного Прибеломорья	165
<i>Халдеева Н.И.</i> Сравнительное одонтологическое исследование мезолитических черепов Мурзак-Коба и Фатьма-Коба	167
<i>Чубур А.А.</i> Новые следы палеолита в с. Хотылёво на верхней Десне	172
<i>Щелинский В.Е., Кулаков С.А.</i> Ранний палеолит Приазовья: новые открытия	176

Секция 3. Неолит Евразии: анализ источников, хронология, периодизация, культурная география

<i>Базалийский В.И., Вебер А.В.</i> Могильник Шаманка II в контексте погребальных ритуалов раннего неолита Байкальской Сибири	182
<i>Вискалин А.В.</i> К вопросу о преемственности позднемезолитического и ранненеолитического населения волго-уральской лесостепи	186
<i>Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.</i> О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия	191
<i>Гарковик А.В.</i> Устиновка 3 – памятник переходного от палеолита к неолиту периода	194
<i>Герасимова М.М., Боруцкая С.Б., Васильев С.В.</i> Палеоантропологические материалы из Фофановского могильника (Забайкалье) эпохи неолита – энеолита	198
<i>Герман К.Э.</i> Культуры раннего неолита на территории Карелии и Финляндии	202
<i>Григорьев С.А., Васина Ю.В., Ивасько Л.В., Котов В.Г.</i> Мегалитические комплексы Урала: проблема датировки.	204
<i>Грищенко В.А.</i> Ранний неолит острова Сахалин (к истории вопроса)	206
<i>Долуханов П.М., Дэвисон К., Сарсон Г., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.</i> Неолитизация Восточной Европы. Радиоуглеродная хронология и моделирование	209
<i>Жамбалтарова Е.Д.</i> Фофановский могильник: перспективы исследований.	212
<i>Загоруйко А.В.</i> Специфика жилых комплексов старокитобойной культуры.	215
<i>Зайцева Г.И., Скрипкин В.В., Ковалюх Н.Н., Выборнов А.А., Долуханов П.М., Поснерт Г.</i> Радиоуглеродное датирование керамики памятников неолита Евразии: проблемы и перспективы.	217
<i>Иванищев А.М.</i> Памятники раннего неолита Южного Прионежья.	220
<i>Иванищева М.В.</i> Ранний неолит нижнего Посухонья	222
<i>Ким Ддже Юн.</i> Меандровый орнамент поздненеолитической керамики российского Приморья и сопредельных территорий КНДР и КНР.	224
<i>Корниенко Т.В.</i> Новые археологические данные «революции символов» в контексте изучения вопросов «неолитической революции»	228
<i>Костыльёва Е.Л., Уткин А.В.</i> Хронология погребального обряда волосовской культуры территории Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья	230
<i>Кунгурова Н.Ю., Базалийский В.И., Вебер А.В.</i> Костяной инвентарь из погребений могильника Шаманка II (функции и техника изготовления)	234
<i>Лозовский В.М.</i> Технологический аспект изучения каменных индустрий периода перехода от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье	236
<i>Манько В.А., Ковалюх Н.Н.</i> Вопросы абсолютной хронологии неолита Украины.	238
<i>Мартынов А.Я.</i> Острова Белого моря в эпохи неолита – железа: памятники материальной культуры.	240
<i>Медведев В.Е.</i> Мариинская культура и ее место в неолите Дальнего Востока	244
<i>Мельников И.В.</i> Памятники позднего неолита южного Заонежья (Карелия).	248
<i>Мосин В.С.</i> Стоянки Шатанов 3 как вариант адаптации нео-энеолитического населения Южного Урала	250
<i>Недомолкина Н.Г.</i> Бассейн Верхней Сухоны в период неолита	252
<i>Никитин В.В.</i> Ранний неолит лесной полосы Среднего Поволжья (по материалам Марийской археологической экспедиции)	255
<i>Петрова Н.Ю.</i> Природная адаптация гончарного производства древних волосовцев	259
<i>Пономаренко А.К.</i> Некоторые итоги исследования неолита Камчатки	261
<i>Сергушева Е.А.</i> Археоботанические данные о земледелии и собирательстве дикорастущих растений на юге Дальнего Востока в позднем неолите.	266
<i>Усачева И.В.</i> Декоративные традиции оформления «утюжков» и особенности их распространения в Евразии в первой половине – середине голоцена.	268
<i>Хорошун Т.А.</i> Комплексы ромбоямочной керамики эталонных памятников на западном побережье Онежского озера (к вопросу культурной принадлежности)	271
<i>Цетлин Ю.Б.</i> Орнаментация керамики и периодизация неолитических культур	273
<i>Шмидт А.В.</i> К проблеме развития неолита Кулундинской степи.	277
<i>Шорин А.Ф.</i> Маркеры сакрального пространства среднеуральского святилища Кокшаровский Холм	279
<i>Юдин А.И.</i> Хронология неолита степного Поволжья в свете новых данных.	282

Секция 4. Эпоха ранней и средней бронзы Евразии

<i>Авилова Л.И.</i> Сравнительный анализ древнего металлопроизводства в Анатолии и на Балканах (энеолит – средний бронзовый век)	285
<i>Бобров В.В.</i> Периодизация эпохи бронзы Кузнецко-Салаирской горной области	288
<i>Волкова Е.В.</i> Фатьяновская керамика как исторический источник (по материалам Новинковских могильников)	291
<i>Гей А.Н.</i> Исследования дольменных памятников Западного Кавказа в 2005–2007 гг.	294
<i>Дегтярева А.Д.</i> Основные черты синташтинского металлопроизводства	299
<i>Добровольская М.В., Медникова М.Б.</i> Новые данные о населении Северной Месопотамии в раннем бронзовом веке (по антропологическим материалам из раскопок на Телль-Хазне)	301
<i>Жемков А.И.</i> Особый тип костяных подвесок эпохи ранней бронзы	304
<i>Зубова А.В.</i> К вопросу о реконструкции социальной структуры древних обществ по археологическим и антропологическим данным (эпоха бронзы Западной Сибири)	307
<i>Ильюков Л.С., Магомедов Р.Г.</i> Вытянутые захоронения эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа	310
<i>Килейников В.В.</i> Трасологический анализ орудий рыболовства с памятников бронзового века лесостепного Подонья	311
<i>Кореневский С.Н.</i> Начальные страницы военизации эпохи бронзы – кинжалы с треугольной рукояткой раннемайкопского типа на Кавказе и их синхронные реплики в Европе	315
<i>Кузнецов П.Ф.</i> Ямная культура Волго-Уралья: периодизация, хронология, межрегиональный контекст	317
<i>Кузьмина Е.Е.</i> Этапы развития колесного транспорта Средней Азии	319
<i>Медникова М.Б., Добровольская М.В.</i> «Медные люди» из курганов эпохи бронзы: к реконструкции профессиональной активности	321
<i>Моисеев А.В.</i> Западный ареал древностей абашевской общности: история и современное состояние изучения	323
<i>Молодин В.И., Парцингер Г., Марченко Ж.В., Пиецонка Х., Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Гришин А.Е.</i> Первые радиоуглеродные даты погребений эпохи бронзы могильника Тартас-1 (попытка осмысления)	325
<i>Моргунова Н.Л.</i> Генезис и хронологические рамки ямного погребального обряда в Приуралье	329
<i>Рафикова Я.В., Федоров В.К.</i> Бакшай: святилище эпохи палеометалла в Южном Зауралье?	331
<i>Рындина Н.В., Равич И.Г.</i> Естественнонаучные подходы к изучению проблемы происхождения и свойств мышьяково-никелевых бронз майкопской культуры Северного Кавказа	335
<i>Салугина Н.П.</i> Керамика в погребальной обрядности населения раннего бронзового века Волго-Уралья	339
<i>Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И.</i> Бронзовый век Урала: новые перспективы	341
<i>Соколова Л.А.</i> Сосуществование окуневского и афанасьевского комплексов	347
<i>Степанова Н.Ф.</i> Афанасьевская культура и древнеямная КИО: сходство и различие	351
<i>Ткачев А.А.</i> Формирование и развитие атасуской культуры Центрального Казахстана	355
<i>Турецкий М.А.</i> Абсолютная хронология ямной культуры Волго-Уральского региона и проблемы интерпретации комплексов эпохи раннего - среднего бронзового века	358
<i>Худавердян А.Ю.</i> Древнейшие общности Армянского нагорья, Кавказа, Европы, Передней и Средней Азии, Сибири: о диалоге миров (по данным одонтологии)	361
<i>Челяпов В.П., Фоломеев Б.А.</i> Этнокультурная ситуация на Средней Оке в эпоху бронзы	365
<i>Чижевский А.А.</i> Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника	367
<i>Шишлина Н.И.</i> Система питания населения Евразийских степей в бронзовом веке: результаты междисциплинарного подхода	371

Секция 5. Эпоха поздней бронзы Евразии

<i>Алаева И.П.</i> К вопросу о содержании и структуре срубно-алакульской контактной зоны в степях Южного Зауралья	375
<i>Аношко О.М., Сомова М.А.</i> Возможности анализа соответствий в археологических исследованиях (на примере алакульских погребальных комплексов Зауралья)	377
<i>Асланян С.А., Васильев С.А.</i> Элементы урбанизации в урартский период в Северной Армении (раскопки городища Курган)	380
<i>Варенов А.В.</i> О разных вариантах традиции изготовления козлиноголовых наверший ножей в Северном Китае	381

<i>Горбенко К.В.</i> Предварительные итоги археологических исследований укрепленного поселения эпохи поздней бронзы Дикий Сад.	384
<i>Горбенко К.В., Смирнов А.И.</i> Посад городища эпохи поздней бронзы Дикий Сад.	387
<i>Готлиб А.И.</i> Жилые комплексы в горных сооружениях-«све» эпохи бронзы в Хакасии	390
<i>Грушин С.П.</i> Бронзовый век Алтая: генезис сейминско-турбинского комплекса	392
<i>Егорейченко А.А.</i> Поздний бронзовый век лесной полосы Восточной Европы.	395
<i>Епимахов А.В.</i> Финал бронзового века в Южном Зауралье.	398
<i>Зайков В.В., Котляров В.А., Зайкова Е.В.</i> Состав металлических включений в древних шлаках южного Урала.	400
<i>Зайков В.В., Юминов А.М., Котляров В.А., Таиров А.Д., Епимахов А.В., Зданович Д.Г.</i> Микровключения минералов в металлах и шлаках как индикаторы минерально-сырьевой базы древних обществ.	403
<i>Костомарова Ю.В., Козлов Е.П.</i> К вопросу о сырьевой базе каменных орудий труда населения позднего бронзового века Тоболо-Исетского междуречья	406
<i>Красниенко С.В.</i> Древние поселения на севере Минусинской котловины: проблемы выявления и интерпретации	408
<i>Кунгурова Н.Ю., Горюнова О.И., Вебер А.В.</i> Каменные изделия из погребений могильника бронзового века Хужир-Нугэ XIV в Прибайкалье (по результатам трасологического анализа)	410
<i>Ломан В.Г.</i> К вопросу об этнокультурной ситуации на территории Центрального Казахстана в конце эпохи бронзы	412
<i>Лопатин В.А.</i> Смеловский могильник: фрагмент локального культурогенеза	415
<i>Малов Н.М.</i> Сосново-Мазинский клад: история обнаружения и комплектования коллекции	420
<i>Матвеева Н.П., Костомаров В.М.</i> Об особенностях погребальных традиций населения пахомовской культуры Западной Сибири	423
<i>Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С.</i> Культурная принадлежность городища Чича-1 (по данным статистико-планиграфического изучения керамических комплексов)	425
<i>Новиков А.Г., Горюнова О.И., Вебер А.В.</i> Погребальные обряды населения бронзового века Приольхонья (по материалам могильника Курма XI)	431
<i>Новикова О.И.</i> Ритуальные комплексы в жилищах эпохи поздней бронзы – переходного времени Западной Сибири.	433
<i>Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б., Хохлова О.С., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.</i> Некоторые результаты применения комплексного подхода при изучении памятника позднего бронзового века Башкирского Приуралья – Мурадымовского поселения.	435
<i>Петрова Л.Ю., Григорьев С.А.</i> Особенности стратиграфии поселений эпохи поздней бронзы Южного Зауралья	438
<i>Поляков А.В.</i> Об особенностях северной границы распространения карасукских памятников “классического” этапа	440
<i>Пятых Г.Г.</i> К проблеме выделения культур эпохи бронзы	442
<i>Сидоренко Е.В.</i> Хронология культур эпохи палеометалла и этнокультурная ситуация на побережье Японского моря	445
<i>Симухин А.И.</i> Медно-бронзовые изделия из местонахождения Хубоо.	447
<i>Сотникова С.В.</i> К вопросу о роли сосудов с бронзовыми скрепками в андроновском ритуале	450
<i>Шерстобитова О.С.</i> К вопросу об особенностях и итогах сузгунско-ирменского взаимодействия на территории Среднего Прииртышья.	453
<i>Яншина О.В.</i> Новое в изучении эпохи палеометалла на юге Дальнего Востока (по материалам Приморья)	456
Список сокращений	463

Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале

Том I

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии РАН

Редактор *Е.Е. Сырнева*

Художественные редакторы *Н.С. Сафронова, И.С. Торопов*

Редакционная группа: *К.Е. Агеева, И.В. Рукавишникова, А.В. Ковальчук,
В.Н. Чхаидзе, О.И. Александрова*

Компьютерная верстка *В.А. Хохловой*

Обложка *Н.С. Сафроновой*

Подписано к печати 08.09.2008.

Формат 60 x 84 1/8. Усл.печ.л. 59,0. Уч.-изд.л. 61,8.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Заказ № 588. Тираж 900 экз.

Институт археологии РАН, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отп. в ЗАО «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, д. 81-а.